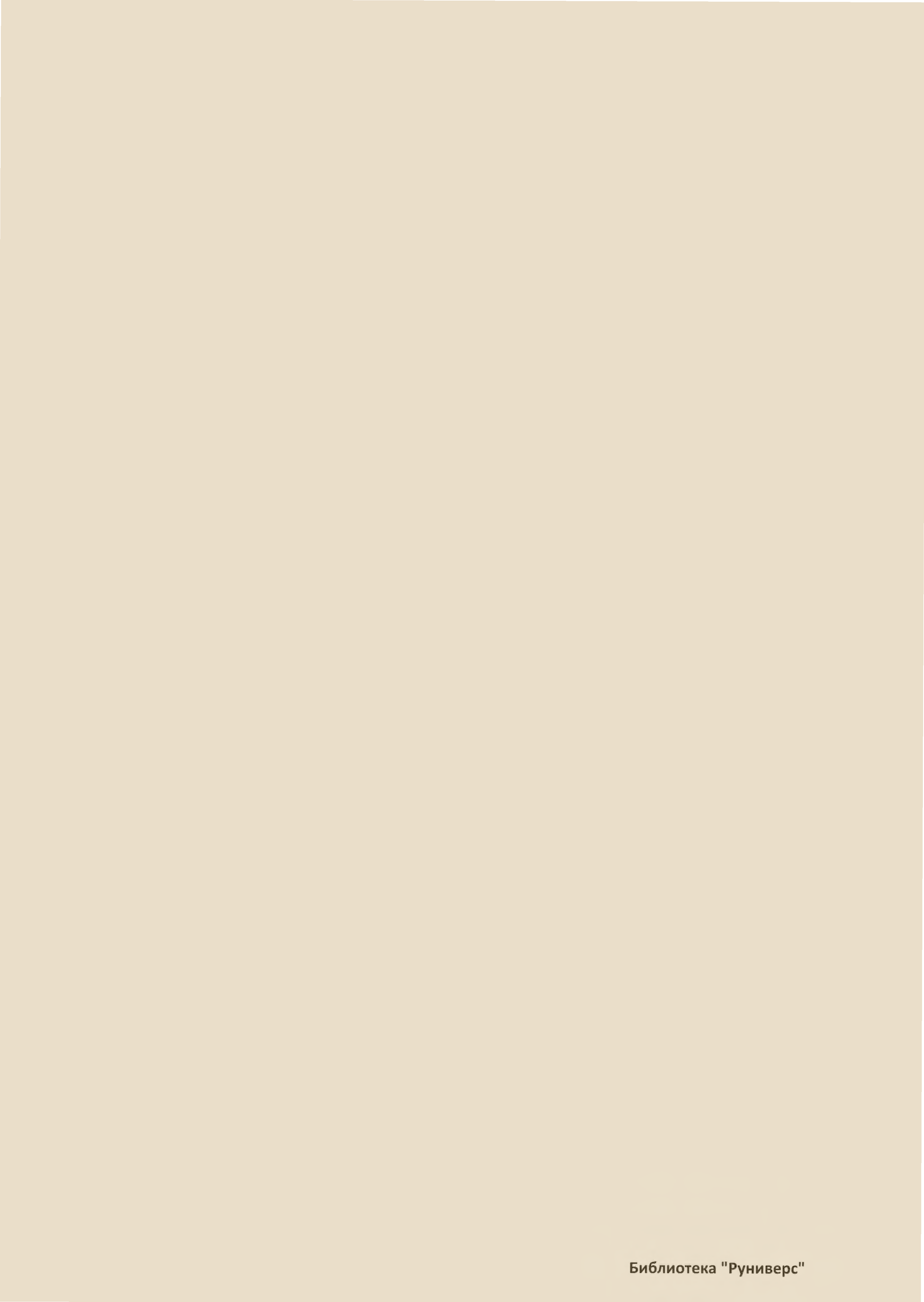
Цѣна 4 руб. сер.


Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе „НИВЫ" за 1872 годъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 22 ноября 1872 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп., д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 3 января 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

I.

Заря новаго дня.

Петербургъ въ первые 59 лѣтъ своей жизни, какъ дитя-богатырь, росъ не по днямъ, а по часамъ. Трясины исчезли, болота подсохли, рытвины заровнялись; по бывшей пашнѣ проходили слободы и улицы, остатокъ лѣса стоялъ еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ за Фонтанкой. Адмиралтейскій же островъ сталъ принимать уже видъ цѣльнаго города, съ небольшими только пустырями. Каменный дворецъ основателя, въ которомъ провелъ онъ послѣдніе дни свои, оказался неподходящимъ даже его племянницѣ; для нея геніальный Растрелли, явясь на русскую службу, проэктировалъ то монументальное зданіе, которое, называясь Зимнимъ дворцомъ, составляетъ теперь красу и гордость Невской столицы. Императрица Анна, начавшая жить на широкую ногу, дѣлила свои куртаги уже въ настоящемъ Зимнемъ дворцѣ, по крайнѣй мѣрѣ въ той части, которая выходитъ на уголъ отъ Невы къ Адмиралтейству. Елисавета Петровна, на половинѣ своего царствованія, рѣшилась застроить весь главный четвероугольникъ зданія Зимняго дворца, какъ оно есть; созванные съ цѣлаго государства работники напомнили въ послѣдній разъ московскіе порядки, проявивъ ту неистощимость средствъ, которыхъ въ Россіи какъ бы не подозрѣвается, но которыя, словно по манію волшебнаго жезла, являются къ услугамъ монарха, когда онъ кликнетъ къ своей Руси. На время, пока пущены были въ ходъ эти громадныя средства, управиться съ которыми всетаки нельзя было иначе какъ года въ четыре, для житья дочери Петра Великаго выросъ въ одно лѣто деревянный дворецъ.

Если бы потребовали точно обозначить его фигуру словами, то это было бы въ высшей степени затруднительно. Представьте себѣ такъ-называемый *покой* изъ славянской азбуки, къ которому съ боковъ прилѣпились съ лица по два неправильныхъ придатка — одинъ шире, другой уже; — и если вы загнете эти приростки угломъ съ внѣшнихъ сторонъ, то планъ послѣдняго жилища Елисаветы Петровны выйдетъ вполнѣ. Что касается фасадовъ, то съ ними описателю представится не менѣе затрудненій чѣмъ съ планомъ. Средина дворца съ Прешпективой отличалось особенной изысканностью. Тутъ соединились для произведенія праздничнаго эффекта — и скульптура, и позолота, и яркія краски. Въ цѣломъ это представляло одну изъ тѣхъ дорого стоющихъ игрушекъ, въ изобрѣтеніи которыхъ

съ полнымъ блескомъ проявлялась неистощимость фантазіи геніальнаго графа Разстрелли. Боковыя крылья были уже попроще — и жилье въ нихъ назначалось для прислуги. На второй годъ по постройкѣ, надобность потребовала прибавить въ срединѣ къ сторонѣ Дворцоваго Луга обширную танцовальную залу. Мы должны прибавить, что отъ Зимняго дворца настоящаго до временнаго деревяннаго, нами описываемаго, проходилъ обширный лугъ, называемый Дворцовымъ и огражденный рѣшотками, съ проѣздомъ подлѣ самаго Адмиралтейства, отъ главныхъ воротъ, по линіи Большой Прешпективой и потомъ подлѣ домовъ Нѣмецкой слободы, начинавшейся отъ Прешпективой по берегу Мойки-рѣки до Луговой (нынѣшней Миліонной) улицы.

Раннее утро 28 іюня 1762 года обѣщало Петербургу самый пріятный день; блѣдно-голубое небо было безоблачно, въ воздухѣ тишь, на улицахъ полное спокойствіе. Солнце пекло уже порядочно, было девятаго половина, какъ вдругъ съ колокольни Рождественской церкви (близь нынѣшняго Казанскаго собора) звонко прогудѣлъ ударъ колокола, за нимъ другой еще звонче и напряженнѣе, третій, четвертый, чаще и чаще, словно съ лихорадочною поспѣшностью, колокола большіе и малые звонили, перекрещивая и сливая свои мѣдные голоса... Слышались и до этого гдѣ-то звоны, и должно-быть въ двухъ церквахъ, но трудно было догадаться гдѣ именно,—а по трезвону во всѣ колокола Рождественской, обыватели стали понемногу высыпать со всѣхъ сторонъ, и скоро отдѣльныя кучки сплотились въ одну громадную.

Люди, тѣснясь, заняли не только внутренность церкви съ папертью, но и всю необширную ограду. Между тѣмъ съ конца Прешпективой отъ Фонтанной рѣчки надвигалась другая сила народа, полускрытая въ облакахъ пыли.

Когда эта лава докатилась до Гостинаго двора, все ростя и прибывая, пыль разсѣялась настолько, что можно было замѣтить порядокъ чинно и стройно выступавшихъ двухъ гвардейскихъ полковъ, Измайловскаго и Семеновскаго, окружавшихъ дорожную карету. Въ нестройномъ говорѣ, покрываемомъ барабаннымъ боемъ, трудно было что-нибудь услышать или разобрать; но шумъ почти мгновенно смѣнился мертвою тишью, когда карета остановилась передъ оградою, и изъ дверецъ экипажа, опираясь на плеча фельдмаршала Разумовскаго и одного рослаго офицера,—впослѣдствіи столь знаменитаго князя Орлова,—вышла молодая женщина въ придворномъ траурѣ. Весьма немногіе узнали въ ней Государыню Екатерину Алексѣевну, пока она спѣшно всходила по ступенямъ паперти.

Здѣсь уже ожидало ее духовенство, имѣя во главѣ преосвященнѣйшаго Димитрія, архіепископа Новгородскаго, въ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ. Подойдя подъ благословеніе и приложившись ко кресту, Государыня вступила въ храмъ.

Тотчасъ начался молебенъ, всѣ затихли — и среди общей тишины рѣзко отразились въ ушахъ присутствующихъ слова возглашенія: «помолимся о благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ нашей Екатеринѣ Алексѣевнѣ и о наслѣдникѣ ея, благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ...», но голосъ діакова внезапно заглушили извнѣ, за стѣнами церкви, громовые раскаты нѣсколькихъ тысячь голосовъ: «ура! да здравствуетъ Императрица Екатерина!»

— Православные христіане, сынове государства россійскаго! началъ едва внятно архіепископъ, постепенно возвышая голосъ, — Ея Величество, благовѣрная Государыня наша, снизойдя на моленія вѣрныхъ своихъ подданныхъ, успокоенія ради церкви и отечества, грядетъ воспріяти скиптръ россійскаго царствованія. Помолимся, братія, да ниспошлетъ ей Всевышній силу и крѣпость на сей подвигъ!

Ораторъ указалъ глазами въ ту сторону, гдѣ, окруженная немногими прибывшими съ ней, горячо молилась Государыня. При видѣ этого, взрывъ «ура» и радостные клики уже со стороны бывшихъ въ церкви грянули подъ своды храма и не дали продолжать архипастырю, — такъ что самое молебствіе возобновилось лишь по успокоеніи порывовъ народнаго чувства. Съ окончаніемъ молитвословія, Монархиня вышла изъ собора, и, сѣвъ въ карету, продолжала шествіе къ только-что отстроенному, Зимнему Дворцу, самые фасады котораго не всѣ еще были оштукатурены. Молва о томъ, что было въ церкви, облетала окрестныя улицы — и народъ, всякаго званія, пола и возраста, стремительно бѣжалъ къ царскому жилищу, не давая себѣ отчета: зачѣмъ. У всѣхъ было одно инстинктивное желаніе—видѣть новую Самодержицу.

Жара становилась нестерпимою; зелень палисадниковъ, листва липовыхъ аллей, передъ домами по бокамъ Прешпективой, сверкала на солнцѣ; деревянные мостки, замѣнявшіе тротуаръ, накалились; — но толпа безъ устали слѣдовала за каретой, въ которой виднѣлась Государыня, медленно раскланивавшаяся на обѣ стороны, изрѣдка съ очаровательной улыбкой кивая знакомымъ лицамъ.

Вотъ она показалась въ фонарикѣ дворца, держа на рукахъ осьмилѣтняго сына и ласково кланяясь народу. При появленіи ея, толпа забушевала какъ море, и волны народныя, сплотясь еще тѣснѣе, подступили къ самымъ стѣнамъ царскаго жилища, покрывъ почти весь травяной коверъ Дворцоваго Луга. Сердца бились усиленно; никто не спускалъ глазъ съ средняго этажа дворца, гдѣ всѣ окна были настежь отворены; смѣльчаки даже по лѣсамъ, поставленнымъ для штукатурки фасада, взбирались до самыхъ оконъ и лѣзли въ нихъ. Но Государыня болѣе не показывалась.

Между тѣмъ, всторонѣ, на Луговой улицѣ (нынѣшней Миліонной) и подлѣ Дворцовой гавани, противъ Адмиралтейства, полковые священники, разставивъ аналои, приводили народъ къ присягѣ.

Въ толпѣ у дворца кто-то крикнулъ, что Государынѣ подanъ экипажъ и она уѣзжаетъ. Народъ сплошною стѣной хлынулъ за Государыней по Невскому и окружилъ со всѣхъ сторонъ временный деревянный дворецъ у Полицейскаго моста, куда стали уже собираться сановники, съ трудомъ продираясь въ тѣснотѣ.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ настолько счастливъ, что еще въ соборѣ успѣлъ перемолвить нѣсколько словъ съ Государыней.

Посматривая по сторонамъ, идя близь кареты къ деревянному дворцу, онъ вдругъ замѣтилъ въ толпѣ у самаго дворца Михайлу Илларіоновича Воронцова, оттѣсняемаго народомъ, раздавшимся предъ каретой Государыни.

Шуваловъ съ Воронцовымъ успѣли во-время уйти въ подъѣздъ. Конечно, ходы и выходы были имъ всѣ знакомы. По внутреннимъ корридорамъ оба пріятеля, задерживаемые на пути разными лицами, подоспѣли въ

столовую, гдѣ Корфъ удостоенъ былъ милостиваго слова Государыни, въ эту минуту затронувшей самую чувствительную струну добряка генералъ-полицмейстера.

— Вы, какъ видно, не хотѣли меня видѣть, а я васъ желала... и вотъ зачѣмъ...

Съ этими словами Государыня сняла съ себя и надѣла на просіявшаго Корфа орденскую ленту.

Народныя толпы между тѣмъ переполнили все пространство вокругъ временнаго дворца, изъ оконъ котораго виднѣлись, словно громадный муравейникъ, тысячи головъ, гомозившихся на одномъ мѣстѣ.

Когда государыня подходила къ окну, привѣтственные клики неумолкаемымъ рокотомъ гремѣли ей на встрѣчу, шапки летѣли вверхъ, женщины махали платками, — толпа сплачивалась еще тѣснѣе, такъ что пробраться въ ней не стало почти никакой возможности.

Торжествующій Корфъ, выйдя на улицу, не чуялъ ногъ подъ собою, гордо выступая и свысока глядя на на всѣхъ, какъ вдругъ на него прямехонько наткнулся Николай Александровичъ Головинъ, своимъ разсѣяннымъ взглядомъ ни на кого собственно не смотрѣвшій, едвали что видѣвшій и занятый какими-то пріятными воспоминаніями, которыя, разгладивъ раннія морщины, сообщали мертвенно блѣдному лицу этого самаго ранняго русскаго мистика торжественное выраженіе, не лишенное надменности...

— Ишь-ты сычи да совы тудажь распорхались, да солнышко-то знать не свой братъ — очи заслѣпило! сострилъ съ неприличнымъ хохотомъ молодой купецъ, въ синей тонкой сибиркѣ, въ которомъ ни одинъ изъ обывателей Невской столицы того времени не затруднился бы признать извѣстнаго между купеческимъ людомъ весельчака, Ивана Меркулыча Щукина. Подлѣ мостковъ, замѣнявшихъ тротуаръ, стоялъ щегольской бархатной фаэтонъ — и на немъ возсѣдала Нимфодора Харитоновна Щукина, разодѣтая въ пухъ и въ прахъ, словно она завѣдомо собралась показать себя и заявить всѣмъ кому вѣдать надлежитъ, пользуясь настоящимъ торжественнымъ случаемъ, что она, Нимфодора, знакома со всѣми гвардейскими офицерами, что у нея, по милости мужа, денегъ куры не клюютъ, и что золотистая сытенькая вятка, запряженная въ ея фаэтонъ, снабжена сбруей чистаго серебра. Сожитель-весельчакъ такихъ продѣлокъ супруги добродушно не замѣчалъ, ласково отвѣшивая поклоны офицерамъ, какъ людямъ знакомымъ. Почти всѣхъ называлъ онъ по именамъ, прибавляя шуточки и прибаутки и собирая вокругъ себя порядочную толпу...

Меркулычъ, польщенный этимъ вниманіемъ, чувствовалъ себя что называется въ ударѣ, и готовъ былъ цѣлый день потѣшать честной народъ неистощимымъ остроуміемъ; но въ то время, какъ онъ самъ таялъ, наслаждаясь своей находчивостью и мѣткостью своихъ словечекъ, чья-то тяжелая рука, сзади опустясь на его плечо, точно однимъ вѣсомъ своимъ повернула его налѣво кругомъ, и голосъ, хриплый, грубый, хотя и старающійся смягчить эту грубость, проговорилъ: «ты что это здѣсь дѣлаешь?» Меркулычъ, уступая повороту, взглянулъ въ лицо говорившаго, да такъ и замеръ на полусловѣ, съ разинутымъ ртомъ, въ крайнемъ изумленіи, смѣшанномъ со страхомъ, словно предсталъ ему выходецъ съ того свѣта. Предъ нимъ стоялъ рослый, богатырски-сложенный, но блѣдный и худой мужчина, силачъ, какъ видно еще не старый, а уже во вьющихся волосахъ и кудрявой бородѣ не оставалось ни одного темнаго волоса: они были совсѣмъ бѣлы и на солнцѣ казались даже серебристыми. Крупныя черты мужественнаго лица его поражали странною смѣсью живости съ какимъ-то неподвижнымъ упорствомъ. Нависшая гущина бровей скрывала въ глубокой тѣни большіе темные глаза; огонь ихъ казался потухшимъ, хотя по временамъ они метали едва уловимый холодный стальной блескъ. Въ одеждѣ силача также замѣтно было что-то странное. Бархатная поддевка нараспашь рѣзко выдѣляла ветхую холстинную рубаху съ ремённымъ пояскомъ и крашенинные шаровары, запущенные въ высокіе лакированные сапоги. Въ свободной рукѣ держалъ онъ легкую шапочку, татарскаго покроя, отороченную бархатомъ, съ прокладною узкаго гасика по всѣмъ швамъ осьми полочекъ и съ пуговицей пряденаго золота въ точкѣ схожденія швовъ. Косой воротъ его неказистой рубахи тоже заканчивался запонкой чистаго серебра.

— Да это взаправду ты, Василей Никитичъ, аль тѣнь твоя? выговорилъ наконецъ Щукинъ въ видимомъ смущеніи, совсѣмъ не своимъ голосомъ.

— Я самый и есть, коли ты подлинно Иванъ Меркулычъ, а не какая-нибудь прелесть бѣсовская, какъ вы тамъ называете! неловко стараясь улыбнуться, отвѣтилъ пришедшій.

— Жена, а жена! кликнулъ Меркулычъ, пожавъ ему руку: — полно тебѣ зѣвать-то по сторонамъ! Право слово: галки въ ротъ влетятъ! входя въ прежнюю роль беззаботнаго говоруна, продолжалъ Меркулычъ: — Вотъ онъ нашъ явленный-то! Смотри, говоритъ, живъ живехонекъ! Рано, говоритъ, слышь, мы его въ поминаніе записали! Гдѣ пропадалъ — говори!

При этихъ словахъ онъ облапилъ силача и чмокнулъ отъ чистаго сердца. Нимфодора Харитоновна, съ высоты своего величія, дружелюбно раскачивалась, что съ ея стороны было знакомъ величайшаго благоволенія. Но знакомецъ, холодно отвѣчая на привѣтствія мужа и жены, былъ нѣмъ какъ рыба — и только на усиленные разспросы Меркулыча бормоталъ: «здѣсь не время... не мѣсто... успѣешь... узнаешь все...»

— А ты, братъ, измѣнился, совсѣмъ измѣнился! постарѣлъ, хрычомъ такимъ смотришь — только молодецкимъ станомъ сдаешься на прежняго Василья Коржавина! Видно, братъ, уходили бурку крутыя горки. Вѣдь ты къ намъ? — Такъ ступай, мы сейчасъ съ бабой будемъ. Кажется, все уже видѣли... Харитоновна, пустимся-ка домой...

— Побудемъ еще, Иванъ Меркулычъ, отвѣтила супруга, — вонъ, гляди-ко: что это?.. Эна, глянь-ка! какого коня ведутъ...

Толпа, разступаясь, давала мѣсто двумъ придворнымъ конюхамъ, которые вели подъ устцы кровную бѣлую лошадь, покрытую богатымъ чепракомъ. Вскорѣ затѣмъ отъ дворца тронулся блестящій отрядъ кавалеровъ и дамъ верхами, въ сопровожденіи солдатъ; сотни штыковъ заблестѣли на солнцѣ; — и все это двинулось по Большой Морской...

Иванъ Меркулычъ сѣлъ на свой фаэтонъ, взялъ возжи и, пользуясь свободнымъ проѣздомъ послѣ отхлынувшей толпы, пустилъ свою вятку обратно по Прешпективой къ Зеленому мосту и далѣе къ мѣсту своего обиталища. Сытый конёкъ бѣжалъ усердно; только мелькала между липками бѣлая турецкая шаль, покрывавшая голову Нимфодоры Харитоновны. Они уже были чуть видны, когда Василій Никитичъ Коржавинъ,

ступивъ на Зеленый мостъ, услыхалъ дружескій голосъ, называвшій его по имени. Голосъ и приглашеніе сѣсть послѣдовали съ изукрашенной линеи, на которой сидѣлъ, окруженный пятью или шестью нѣмцами-музыкантами въ новыхъ шляпахъ съ перьями и лентами, Никита Акинѳіевичъ Демидовъ, тотъ самый чьи шутки, нестолько устроумныя, сколько ѣдкія и даже дерзкія, переходили изъ изъ въ уста почти повсемѣстно въ царствованіе великой Монархини, теперь начинавшееся.

Демидовъ нарядился совсѣмъ по праздничному, въ бархатъ, кружева и золото, и представлялся радующимся нараспашку. Махая обѣими руками Коржавину, издали еще завидѣвъ его, онъ указывалъ ему мѣсто подлѣ себя на линеѣ, — и по знаку его, музыканты, потѣснившись въ обѣ стороны, дали возможность присѣсть Василію Никитичу, еще болѣе озадаченному праздничною картиною Демидова съ музыкантами. Когда приглашенный помѣстился какъ можно удобнѣе подлѣ хозяина, чья-то рука передала два серебряные бокала на такомъ-же подносѣ и бутылку съ золотистою сладкою шипучкою шампанеи, какъ тогда называли. Коржавинъ невольно принялъ налитой ему бокалъ и поцѣлуй развеселившагося хозяина, который, чокаясь, скороговоркой повторялъ: «Святой день! святой день! Заря нашего счастія!»

— Счастья?... протяжно и грустно, вполголоса, словно забывшись отозвался Коржавинъ.

— И ты не вѣришь? Ахъ ты Ѳома непутный! Да я тебя! Только смѣй у меня не вѣрить! Да знаешь ли, что ты богохульствуешь! Вотъ-те Христосъ!

И Демидовъ крестился обѣими руками.

— Ты мнѣ повѣрь, а я очевидецъ; моими мужицкими лапами взялъ ея ручку, самъ какъ есть, — и не осердилась — узнала и по имени назвала. «Я говоритъ тебя, Никита Акинѳіевичъ, пожалую. Какой, говоритъ, чинъ хочешь? Такъ вотъ, говоритъ, что: будешь ты у меня штатскій совѣтникъ — довольно ли съ тебя за твою за прежнюю добродѣтель?» Вотъ у насъ какъ! А ты, дурашка, такой хмурый еще! Говорятъ тебѣ — это ангелъ во плоти...

— Оно такъ, конечно, — и ангелъ — почему не быть ангеломъ! Да только одно, братецъ, пугаетъ: и ангеловъ земныхъ демоны смущаютъ. Вѣдь блаженныя памяти... ангельская душа....

— Ты мнѣ этого не говори — я знаю! кричалъ во все горло расходившійся Демидовъ, — ты меня слушай — и не бойсь, ничего не бойсь! Коли я говорю, значитъ знаю, а ты не перечь — радуйся и веселись!

— Да оно такъ, конечно. А какъ въ нашей шкурѣ просидишь гдѣ-нибудь въ недобромъ мѣстѣ годика три-четыре — такъ радость, знаешь, и не скоро на умъ пойдетъ при новой перемѣнѣ...

— Да что ты мнѣ разсказываешь, я вѣдь про тебя всю подноготную зналъ, перебилъ Демидовъ.

— А зналъ — такъ чего-жь не подсобилъ? Небойсь пальцемъ не пошевельнулъ чтобъ выручить! съ холоднымъ укоромъ проговорилъ Коржавинъ.

— Да нельзя было — ничего не подѣлать бы, развелъ руками Демидовъ: — за то ужь теперь наше дѣло только Господа Бога молить, чтобы благополучіе россійскому государствію даровалъ... Музыканты! играй живѣе, братцы! Хочу веселиться и радоваться въ теперешніе часы... Наша значитъ взяла!.. Святой день! Святой день! А ты, хмурый, пей! — знаешь, вино веселитъ сердце человѣческое! А вино доброе!

И снова бокалы очутились въ рукахъ Демидова съ Коржавинымъ — и они выпили ихъ подъ веселые звуки духовой музыки, лившейся въ воздухѣ чистой струей при дружномъ усердіи тоже нѣсколько подгулявшихъ музыкантовъ. Струя шампанеи мало по малу разглаживала и пасмурное чело недовѣрчиваго Коржавина, — какъ вдругъ на всѣхъ перекресткахъ словно изъ земли выросли военные патрули и принудили веселившихся прекратить катанье.

Когда линея остановилась въ Хамовой улицѣ за Симіономъ передъ домомъ Демидова, проворные слуги, вынимая изъ экипажа гостя съ хозяиномъ и бережно поддерживая ихъ при подъемѣ на лѣстницу, не могли замѣтить существенной разницы въ выраженіи лица хозяина и гостя. Подъ гостепріимной сѣнью Демидова, въ отведенномъ для него покоѣ, Коржавина осѣнило полное забвеніе того что съ нимъ было. Напрасно ждали его къ горячимъ штямъ Меркулычъ съ Нимфодорой. Мало того, громкая барабанная дробь подъ самыми окнами проходившихъ полковъ и даже прослѣдованіе артиллеріи, въ то время несравненно болѣе дававшей гулу чѣмъ теперь — не производили никакого впечатлѣнія на уснувшаго. Даже не разъ посылаемые ретивые слуги Никиты Акинѳіевича не въ состояніи были растолкать страннаго гостя въ такомъ чудномъ нарядѣ и между тѣмъ такъ запросто-расположившагося у надменнаго богача, предъ которымъ пресмыкались и очень родовитые люди.

(Продолженіе будетъ).

Смущеніе.

(Разсказъ).

— Не моги говорить, паря, что самъ себя упранишь, куда хочется!.. Бываетъ и на старуху проруха. Не закаявайся дурить, когда за сорокъ стукнетъ... Случается и стариковъ древнихъ прорывала нелегкая! говорилъ внушительнымъ голосомъ и изъ-за чего то сильно волнуясь, размахивая руками, рабой рыжій молодецъ въ синей чуйкѣ, сидя на заваленкѣ передъ деревяннымъ домомъ. Это было въ улицѣ Большіе Садовники въ Москвѣ, недалеко отъ церкви и отъ Москворѣки. Разсказчикъ былъ не то писецъ, не то счетчикъ въ конторѣ купца Гартнера. Окружали его пятеро другихъ молодцовъ, расположившихся кто сидя, кто лежа на травѣ послѣ ужина. Старый Гартнеръ не любилъ, чтобы у него молодежь шлялась придя изъ лавки. Выходки же на его счетъ недовольныхъ не обращали на себя его вниманія; а если кто и ругнетъ его иной разъ, Гартнеръ дѣлалъ видъ, что не слышитъ. Вообще же въ дѣлахъ онъ былъ взыскателенъ и не любилъ даромъ тратить лишнихъ словъ, повторяя разъ данное приказаніе. Сказалъ дома будь — и ужь всё молчи да поступай въ точности.

Была пора лѣтняя, спать никому не хотѣлось, подъ

Смущеніе.

Композиція и рисунокъ И. Панова, гравировалъ И. Матюшинъ.

кровлей душно. Пѣсенъ пѣть нельзя — не любитъ ихъ *старый-отъ песъ*, какъ иной разъ взадъ ему честили его молодцы. Немудрено, что словоохотливаго парня всѣ готовы были слушать; хотя всѣ знали, что при случаѣ, для потѣхи, онъ готовъ и приврать, да никто не перечилъ, потому что складно сказываетъ.

Мы забыли упомянуть, что разсказъ ведется при блаженной памяти Елисаветѣ Петровнѣ.

— Вотъ же вѣрное вамъ мое слово, правду теперь буду сказывать! началъ парень, оглядывая слушателей и замѣтивъ у Мирохи съ Алексѣемъ двусмысленную улыбку, — дѣло было съ отцомъ нашево-отъ Каина. Дядя его, царство ему небесное, крѣпко зашибался хмѣльнымъ да подъ пьяную руку иное и булькнетъ, а мы на усъ намотаемъ да потомъ и выспросимъ. Простоватъ былъ сердечный, не возьметъ въ разсчетъ ничего, а какъ станешь допытывать — что робенокъ, все прямо и выскажетъ.

И еще разъ обозрѣлъ Семенъ своихъ товарищей, приготовившихся слушать съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Такъ вотъ, братцы мои, нашъ-отъ — Іоганъ Ѳефиличъ, а батько-то звали Ѳефилой, должно быть... Да имя куда ни шло! Мало ли какъ нѣмцовъ прозываютъ. Былъ уже онъ въ лѣтахъ, дѣла велъ большія, деньгу копилъ; ѣсть-пить не особенно сладко любилъ, только бы много было — такая, братцы, утроба была ненасытная. Вина не пилъ, и другаго чего тожь не любилъ баловаться. А жилъ въ тѣ поры онъ въ славномъ Ярославлѣ-городѣ. Кто, паря, бывалъ тамъ? Я проѣзжалъ неоднажды... ты, Кирюха, никакъ изъ подъ самаго яво?

— Мы любимски... Нехотя отвѣтилъ лѣнивый Кирило, закрывъ заплывшіе глаза свои, будто заснувъ и въ просонкахъ.

— Такъ вотъ въ Ярославлѣ-то живучи, Ѳефилъ-отъ, въ праздничный день, единственну прогулку имѣлъ за городъ. Ни съ кѣмъ онъ со скупости не знакомился, окромѣ одного Тимофея Яблочкина. Тотъ былъ ловокъ и къ этому нелюдиму подбился, а другіе вниманія на яво не обращали. Коли Тимофея въ городѣ нѣтъ, Гартнеръ одинъ и шляется, гдѣ Богъ приведетъ. Разъ этакъ, въ праздничный день, и пришлось Ѳефилу мотаться одному съ обѣда до заката; а день былъ длинный, весенній. Гдѣ ужь онъ ни ходилъ: и въ лѣсу, и въ полѣ, и по пашнямъ, и по сѣнокосу... инда умаялся. Изъ деревень слышится пѣнье дѣвичье; солнышко припекаетъ почку на липахъ; какъ пахнетъ вѣтеркомъ съ лѣсу, такое благовонье пойдетъ, истинно хоть бы всю жизнь съ мѣста бы не сошелъ — знай-слушай себѣ какъ птички поютъ, а въ муравкѣ что стонъ стоитъ всякая разная насѣкомая... И-ихъ, какъ славно!

И разсказчикъ вдохнулъ полной грудью вечерній воздухъ, словно самъ съ Ѳефиломъ бродилъ по лугамъ и лѣсамъ.

— Ходилъ это онъ ходилъ, да и забрелъ въ околицу, должно быть на зады Норской слободы. Дома стоятъ богатые, свѣтлицы росписныя, въ огородахъ ракитовы кусты да крыжовникъ съ малиною. Глядитъ, посторонь роща кажись на косогорѣ, а за нею погостъ видѣнъ. Сталъ было пробираться Ѳефилъ къ рощѣ, да вдругъ словно къ землѣ приковалъ кто его ноженьки. Шагахъ въ десяти отъ него сидитъ на травкѣ красавица. Вѣтерокъ играетъ ея фатой, то захлеснетъ покрываломъ ея бѣлую шею, то подниметъ и дастъ красному солнышку обдать золотыми лучами ея плечики нѣжныя.

Станъ красотки словно выточенъ. Грудь молодая колышется, на волю просится, стараясь выбиться изъ-подъ проймъ объяриннаго сарафанца. Дѣвушка сидитъ задомъ къ нашему Ѳефилу и тихонько вздыхаетъ, поджидая должно-быть зазнобу. Вотъ проходитъ полчаса, часъ, другой — Ѳефилъ стоитъ да такъ и ѣстъ ее глазами, наконецъ подходитъ къ ней... Трава зашуршала, дѣвка испугалась, вскочила, оглянулась и пропала въ рощѣ.

Ѳефилъ сталъ крѣпко задумываться. Часто бродитъ бывало на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ дѣвушку, а та словно скрозь землю провалилась. Худѣтъ сталъ бѣдняга, пожелтѣлъ весь что красный воскъ, еще нелюдимѣе сдѣлался... Наступила осень, заиграли свадьбы. Пришелъ въ городъ и другъ закадычный, Яблочкинъ, и приглашаетъ его на свою свадьбу. Долго отнѣкивался Ѳефилъ, наконецъ-таки уломалъ его Тимофей. «Буду, говоритъ, на домъ къ тебѣ». Вотъ разрядился въ бархатъ — въ сундукахъ всего было напасено вдоволь и по весь вѣкъ хватило, — сѣлъ въ саночки и къ Яблочкину. Въ терему суета: столы накрываютъ, наряжаются, гости стали съѣзжаться. Вотъ кричатъ: «молодые пріѣхали!» Вышли посаженые, благословили, осыпаломъ осыпали, бубны забили... вводятъ. Гартнеръ къ другу. «Вотъ, говоритъ, Тимофей, пришелъ тебя поздравить — живи счастливо». Чмокнулъ его, да какъ глянетъ на молодую — и языкъ отнялся. Она самая, что въ лѣсу на травкѣ сидѣла! Только и видѣли Гартнера.

На святкахъ, слышимъ-послышимъ, Гартнеръ-отъ женился самъ — нашелъ невѣсту: точь въ точь Яблочкина Настасья Федоровна. Попалась ему разъ дѣвчонка, ведра несетъ, у просвирни у Спаса жила. Какъ призналъ въ ней сходство со своей сокрушительницей, такъ прямо къ матери. «Такъ-молъ и такъ, отдай за меня дочку». Той что перечить — ударили по рукамъ. А похожа была какъ двѣ капли воды, такъ-что Яблочкинъ иной разъ въ жену Гартнера вклепывался. И какъ же зажилъ нашъ старина, совсѣмъ перемѣнился: обѣды да банкеты круглый годъ, а жену балуетъ какъ малаго ребенка — что захочетъ, птичьяго молока и то достанетъ. «Что тебя стараго пса на пятомъ десяткѣ сунуло взять несмысленочка-то?» скажетъ ему иной разъ Яблочкинъ смѣючись. «А тебѣ небось одному сокровищемъ владать?» отвѣтитъ Гартнеръ, а у самого слезы заблестятъ...

— А что, братцы, недурно и нашему посватать молоденькую — авось еще тароватѣе будетъ чѣмъ батька! выговорилъ простосердечный Митюха. Взрывъ громкаго смѣха покрылъ этотъ выводъ недалекаго парня.

Московскій пожаръ 24 Іюля 1547 года.

Древняя столица выгорала много разъ, но лѣтописцы оставили наиболѣе подробностей о страшномъ бѣдствіи, постигшемъ Москву въ Ивановъ день, въ первый годъ брака юнаго еще царя Іоанна IV съ *доброю Анастасіей Романовной Юрьевой*.

Представленіе общаго горя, постигшаго столицу Ка-

литы въ этотъ памятный годъ, въ памяти народа слило разомъ три эпизода горѣнія: грозные дни Апрѣля 12 и 20, да 24 Іюля.

Въ первый изъ этихъ дней — начавшій собою время ужасовъ — выгорѣлъ до тла Китай-городъ, отъ Ильинскихъ воротъ до Москвы-рѣки, съ Богоявленскимъ монастыремъ и *рядами* купеческихъ лавокъ, приходившихся, какъ оказывается по извѣстію о пожарѣ, на тѣхъ же мѣстахъ почти, гдѣ и теперь стоитъ гостиный дворъ со своими линіями рядовъ разныхъ названій. Потеря торговаго люда, ничего почти неуспѣвшаго спасти, сопровождалась взрывомъ угловой башни на Москву-рѣку (къ сторонѣ Воспитательнаго Дома), гдѣ хранился вспыхнувшій отъ искры — порохъ. Пороховой магазинъ взрывомъ своимъ башню эту уничтожилъ совсѣмъ, кирпичами ея загрузивъ теченіе Москвы-рѣки.

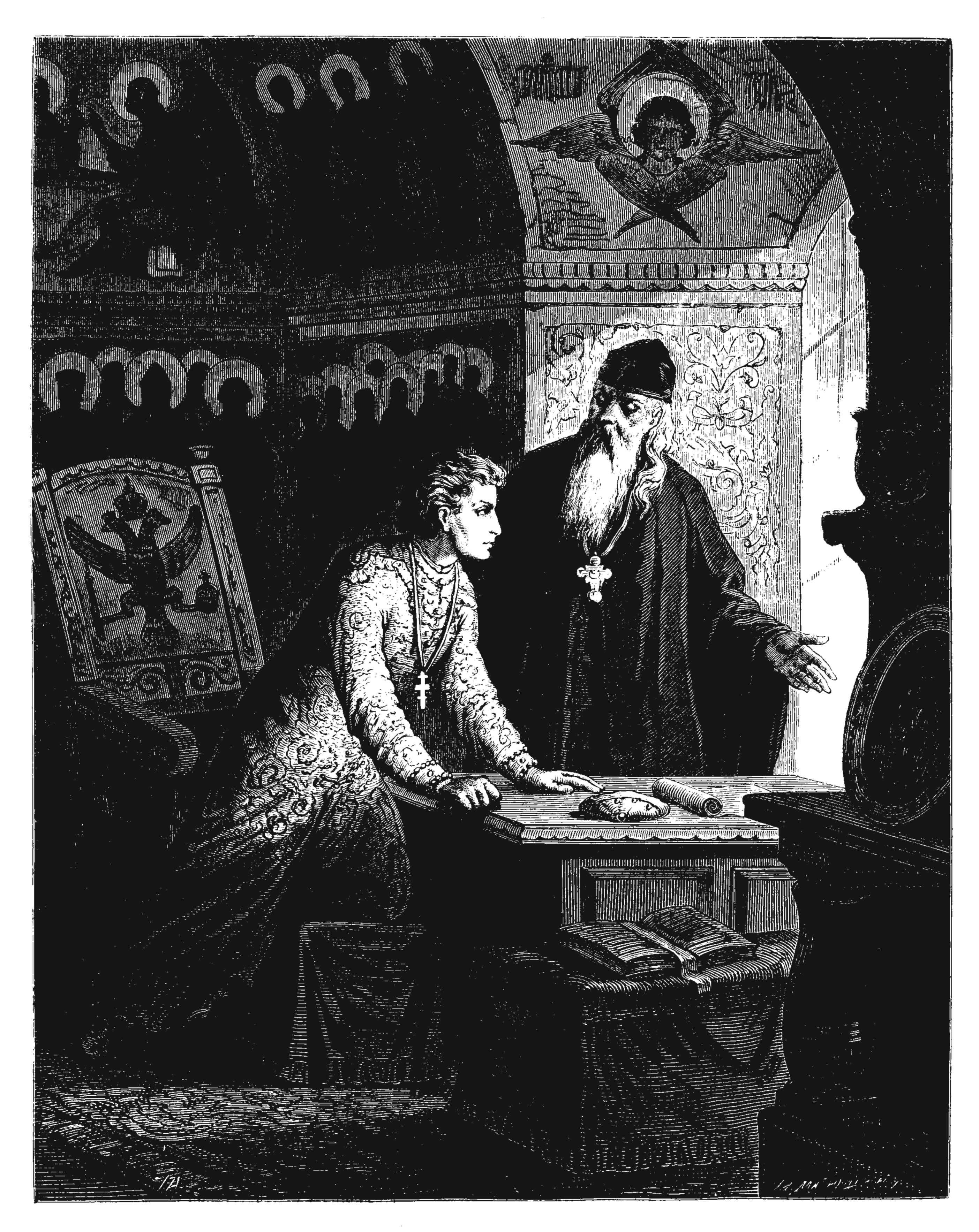
Черезъ недѣлю послѣ перваго несчастія, за рѣкою Яузою, на востокъ, выгорѣли обширныя слободы *гончаровъ* и *кожевниковъ*, занимавшихъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ отдѣлѣ производствъ столицы, снабжавшей этими издѣліями и другіе города. Прошло два мѣсяца, не успѣвшихъ еще поправить опустошенія весенней ярости огня, какъ разразилась, въ день Іоанна Предтечи, страшная буря, — и неосторожность сторожей церкви Воздвиженья оставившихъ свѣчи непогашенными послѣ службы — когда однимъ изъ величайшихъ порывовъ вѣтра вырвало раму — произвела пожаръ на Арбатѣ. Подхваченное сѣвернымъ вѣтромъ, пламя быстро залило всѣ улицы Бѣлаго города, а отъ него близясь къ центру, занялись зданія Китая и Кремля. День самъ по себѣ былъ пасмурный, а съ начатіемъ пожара совсѣмъ потемнѣло небо отъ дыма, изъ подъ тучъ котораго, по землѣ, бѣгалъ яркій огонь, представляя изъ обширнаго города громадный костеръ. Бѣдствіе началось въ обѣдню. Митрополитъ Макарій, окончивъ служеніе въ Успенскомъ соборѣ, не могъ безъ опасности выйти уже изъ храма — и противъ воли увлеченный къ Тайницкимъ воротамъ, на переходѣ до нихъ потерялъ двухъ спутниковъ, сгорѣвшихъ въ глазахъ его. Самого владыку спустили съ высоты Тайника на Москву-рѣку по стѣнѣ но такъ не удачно, что старецъ упалъ и разшибся — и его уже безъ чувствъ привезли въ Новоспасскій монастырь. Буря и огонь, дружно соединившись на гибель несчастныхъ жителей, продолжали свое истребленіе до трехъ часовъ ночи, хотя нѣсколько дней спустя все еще курились развалины обширнаго пожарища, начинавшагося отъ Арбата, по конецъ Тверской, Дмитровки, Мясницкой и Покровки, до Неглинной и Варварки. Отъ страшнаго жара высушенная растительность вся обратилась въ золу, въ садахъ и огородахъ, мѣсто которыхъ обозначали между развалинами одни борозды грядъ, да кое-гдѣ торчавшіе черные обгорѣвшіе стволы вѣковыхъ деревьевъ, еще болѣе усиливая своимъ унылымъ видомъ ужасъ картины истребленія. Все потерявъ, что дорого: и ближнихъ и имущество — уцѣлѣвшія въ живыхъ, несчастныя жертвы бѣдствія бродили какъ тѣни, не находя слезъ для облегченія боли сердца — и томимыя голодомъ, напрасно отыскивали глазами сострадательную помощь въ видѣ подачи хлѣба — для продолженія тягостнаго существованія. Войти въ положеніе бѣдствующихъ было некому. Царь съ вельможами, при началѣ еще опасности, удалился изъ Кремля въ село Воробьево, о которомъ не разъ упоминалось на страницахъ «Нивы», при описаніи московскихъ окрестностей.

Здѣсь окружившіе юнаго монарха спѣшили оклеветать редъ нимъ родственниковъ его по матери — Глинскихъ. На этихъ несчастныхъ злодѣи хотѣли распространить въ народѣ нелѣпое обвиненіе въ поджогѣ столицы посредствомъ *колдовства*. Услышавъ эту сказку при посѣщеніи — на утро послѣ пожара — Митрополита въ Новоспасской обители, Царь Іоаннъ послалъ бояръ розыскать причину такого слуха. Сваливая на Глинскихъ вину поджога, наученные заговорщиками москвичи повторяли одно: «Глинская, Анна Глинская — бабка Государя — вынимала сердце изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила тою водою всѣ улицы, ѣздя по городу — и стало горѣть!» Князь Юрій Глинскій съ боярами былъ тутъ же на площади, враги указали его черни — и на невиннаго, котораго умышленно не хотѣли защищать товарищи-бояре, народъ напалъ безъ удержки. Глинскій думалъ спастись въ Успенскомъ соборѣ, но вломившаяся чернь умертвила его здѣсь — и истерзанные остатки жертвы своей притащила на лобное мѣсто. Разъ возбужденное буйство не унималось. Имѣніе Глинскихъ разграблено, слуги и дѣти боярскіе побиты. Бунтъ розыгрался сильнѣе и шире.

Въ своемъ дворцѣ на горахъ Воробьевыхъ, Іоаннъ трепеталъ отъ ужаса при вѣсти о смерти дяди; царица Анастасія — молилась. Воспитанный дурно, съ дѣтства имѣя передъ собою примѣры жестокости и насилія, Іоаннъ юноша былъ жестокъ, въ первой вспышкѣ налагалъ опалы — и, на оборотъ, приближалъ не испытанныхъ людей, давая возможность имъ дѣлать безнаказанно зло, чаще чѣмъ добро. Глинскіе, дяди Монарха, были нелучше другихъ временщиковъ, и дурное правленіе ихъ выводило народъ изъ терпѣнія. Пробовали донесть Государю всю истину, но обращеніе его съ депутатами псковичей, встрѣченныхъ гнѣвомъ и невинно потерпѣвшихъ (вмѣсто полученія законнаго удовлетворенія) непріятности и истязанія — останавливали недовольныхъ. Бунтъ напомнилъ Іоанну теперь всѣ его несправедливости и пороки, а въ мысляхъ своихъ не находилъ онъ себѣ никакого оправданія. Вдругъ явился передъ юнымъ государемъ неизвѣстный до того, смѣлый обличитель, священникъ изъ Новагорода.

Подойдя къ оставленному всѣми Государю-юношѣ, Сильвестръ заговорилъ голосомъ полнымъ горечи, укора и убѣжденія, что гнѣвъ Божій на людей налагаетъ Создатель за ошибки его, властителя, и судъ Божій надъ нимъ уже произнесенъ — этимъ возбужденіемъ бунта. Разкрывъ св. Писаніе и указывая на то мѣсто въ немъ, гдѣ говорится о явленіи пророка Гада — Давиду, смѣлый пришелецъ тронулъ порочное, но еще не огрубѣлое сердце молодаго Іоанна, и изъ очей царственнаго кающагося полились слезы сокрушенія. Нетолько не разгнѣвался на непрошеннаго укорителя юный монархъ, но подалъ ему руку и просилъ быть своимъ руководителемъ на пути добра и заглаживанія прежнихъ промаховъ — и сталъ другимъ человѣкомъ. Въ 13 слѣдующихъ лѣтъ правленія Іоанна III, онъ былъ поистинѣ мужемъ правды.

Такъ совершилась эта чудная перемѣна въ Іоаннѣ Грозномъ, которая приходитъ на память при видѣ явленія къ нему іерея Сильвестра, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ. Въ открытомъ окнѣ видно зарево пожара, на которое указываетъ суровый обличитель; юный монархъ въ ужасѣ внимаетъ его рѣчамъ — и на лицѣ юноши уже виденъ залогъ лучшаго будущаго.



Іоаннъ Грозный и Сильвестръ.

Композиція и рисунокъ И. Панова, гравировалъ И. Матюшинъ.

Парижскіе скицы.

Бѣдные и несчастные.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. Мы сидѣли передъ однимъ изъ кафе-ресторановъ «итальянскаго бульвара», смотря на пестрыя народныя волны. Мой знакомый былъ въ первый разъ въ Парижѣ. Мы цѣлый день бѣгали по городу, обозрѣвая произведенныя въ немъ опустошенія и наслаждались теперь нашей *«demi-tasse»* съ сознаніемъ, что это подкрѣпленіе вполнѣ заслужено нами.

Пробило девять часовъ... Тутъ къ нашему столу подошелъ какой-то старикъ. Все его тѣло дрожало, какъ бы отъ нервнаго потрясенія. Онъ попросилъ у насъ милостыни; мой знакомый подалъ ему два су. Полминуты спустя, молодой парень положилъ подлѣ нашихъ чашекъ листъ бумаги, на которомъ было напечатано нѣсколько анекдотовъ и т. п., а на оборотѣ стояла надпись: «Милостивые государи и государыни! Сдѣлайте одолженіе, купите это сочиненіе у бѣднаго глухонѣмаго. Это стоитъ всего двадцать сантимовъ. Вашъ покорнѣйшій слуга». Вслѣдъ за этимъ подошла какая-то женщина въ лохмотьяхъ, которая несла ребенка, а другаго, постарше, вела за руку. «Бѣдная вдова!» бормотала она жалобнымъ тономъ. «Сжальтесь, милостивые государи!.. Мои дѣти два дня ничего не ѣли». И она взглянула на небо съ видомъ христіанской мученицы. Мой знакомый подалъ и ей какую-то бездѣлицу.

— Какая, однакоже, должна быть страшная бѣдность въ этомъ громадномъ городѣ! говорилъ онъ въ раздумьѣ, качая своею кудрявою головою.—Тутъ паріи общества проходятъ передъ нами сотнями...

— Такъ кажется, но наружность обманчива.

— Какъ это?

— Истинно-бѣдныхъ и несчастныхъ ты долженъ искать не здѣсь, при свѣтѣ сверкающихъ канделябровъ.

— Что ты говоришь!

— Любезный другъ, я знаю Парижъ какъ свои пять пальцевъ. Вѣрь мнѣ, твои нынѣшнія благодѣянія совершенно неумѣстны.

— Бѣдный дрожащій старикъ...

— Ходитъ днемъ такъ же бодро и такими же твердыми шагами, какъ гренадеръ. Я часто встрѣчаю его, когда гуляю утромъ. Искусство, съ какимъ онъ прикидывается дрожащимъ старикомъ, доставляетъ ему отъ пяти до шести тысячъ франковъ ежегоднаго дохода.

— Невозможно! Но глухонѣмой...

— Превосходно играетъ свою роль. Это одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ посѣтителей бульвара.

— А несчастная вдова?..

— Такая же вдова, какъ ты да я. Оба ребенка взяты на прокатъ. Она «заработываетъ» такъ много, что можетъ платить родителямъ этихъ бѣдныхъ крошекъ по четыре франка за день. Нѣтъ, другъ мой, истинное несчастіе прячется робко и боязливо, какъ будто бы бѣдность—преступленіе.

— Гдѣ же можно найти этихъ истинныхъ страдальцевъ? Кто они? Работники предмѣстій или солдаты коммуны?

— Положеніе *«ouvriers»*, работниковъ, конечно требуетъ нѣкоторыхъ улучшеній, но все-таки на десять случаевъ приходится девять такихъ, что работникъ можетъ прокормить честнымъ образомъ себя и свое семейство. Здоровыя прилежныя руки заработываютъ даже при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ столько, что о нуждѣ собственно не можетъ быть и рѣчи. Положеніе парижскаго работника было бы даже очень хорошо, если бы онъ умѣлъ такъ же ограничивать свои потребности, какъ напр. нѣмецкій работникъ. Но тѣмъ-то и губятъ роскошные города, что утонченные нравы распространяются тамъ повсемѣстно, вслѣдствіе чего и образуется мало-по-малу разладъ между желаніемъ и возможностью. Французскій *ouvrier* хочетъ, чтобъ у него за обѣдомъ всегда подавался дессертъ, точь въ точь также, какъ и любой *petit crevé*; ему нравятся дорогія любовныя связи, какъ будто бы онъ знатный баринъ. При такихъ условіяхъ, его плата конечно должна казаться ему скудной. Совсѣмъ не то трудолюбивый и бережливый отецъ семейства, который имѣетъ въ виду одни истинныя нужды. Въ качествѣ работника ему нечего хлопотать о представительности; онъ носитъ по буднямъ чрезвычайно дешевую блузу;

Дворникъ.
Рисовалъ И. Пановъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

живетъ гдѣ и какъ ему угодно; его жена и его дѣти помогаютъ ему своими заработками, потому-что и они тоже могутъ работать и дѣлать, что̀ имъ угодно. Словомъ, *ouvrier* вовсе не принадлежитъ къ настоящимъ «misérables». Нѣтъ, я назову тебѣ настоящихъ парій современнаго Парижа, это незамужнія работницы и мелкіе чиновники! О бѣдствіяхъ, терзающихъ эти два разряда несчастливцевъ, нашъ легкомысленный свѣтъ, судящій только по наружности, не имѣетъ и понятія.

Мой знакомый выразилъ желаніе узнать что-нибудь объ образѣ жизни этихъ современныхъ рабовъ. Я разсказалъ ему что̀ зналъ—и предлагаю теперь эти разсказы нашимъ читателямъ, въ надеждѣ что они прочтутся ими не безъ интереса.

Года два тому назадъ, я ѣхалъ въ одно прекрасное утро на верху омнибуса изъ Батиньоль-Клиши въ Вейнъгалленъ. Мой сосѣдъ по правую руку былъ прилично одѣтый господинъ лѣтъ тридцати пяти. Его выразительное блѣдное лицо было обрамлено прекрасными темными бакенбардами, отъ которыхъ блеклый цвѣтъ его щекъ казался еще поразительнѣе. Все его существо носило на себѣ слѣды невыразимаго духовнаго гнета, оно говорило о безразсвѣтномъ душевномъ мракѣ, о безотрадной покорности судьбѣ.

Этотъ человѣкъ заинтересовалъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ я завязалъ съ нимъ разговоръ. Онъ оказался сообщительнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Я узналъ, что онъ былъ чиновникомъ (*employé*) въ *Hôtel de Ville*; что онъ только за полгода передъ этимъ оставилъ свою родину—онъ назвалъ одинъ маленькій нормандскій городокъ—для того чтобъ поселиться въ Парижѣ. Его голосъ поразилъ меня еще больше, чѣмъ его наружность. Въ его странно-дрожащихъ звукахъ лежало такъ много тайнаго горя, такъ много невысказываемой заботы, что я сразу ощутилъ истинное состраданіе къ этому серіозному блѣдному человѣку, еще не разъяснивъ себѣ, въ какой степени онъ заслуживалъ подобное чувство.

Послѣ поѣздки, длившейся около двадцати минутъ, онъ раскланялся со мной самымъ вѣжливымъ образомъ и исчезъ вблизи башни Св. Жака. Недѣли четыре спустя, я встрѣтился съ нимъ въ сѣняхъ того дома, гдѣ была моя квартира. Я въ одну минуту узналъ его.

— Какъ поживаете, *monsieur*? спросилъ я.

— Ахъ, это вы, *monsieur*! возразилъ онъ съ живостію.—Мнѣ кажется, мы съ вами теперь сосѣди.

— Вы живете въ этомъ домѣ?

— Тамъ, на заднемъ дворѣ, въ пятомъ этажѣ.

— О, этотъ Парижъ. Еслибъ это было въ какомъ нибудь другомъ городѣ, мы давно бы уже обмѣнялись визитами.

Онъ покраснѣлъ.

— Мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ принимать у себя, отвѣчалъ онъ съ видимымъ затрудненіемъ,—иначе я...

— Э, полноте! возразилъ я улыбаясь. — Я очень легко могу представить себѣ, что тамъ подъ крышею вы не могли устроить у себя аристократическаго салона... Что за бѣда? У меня тоже вы не найдете особенной роскоши.

— Я женатъ, продолжалъ онъ,—и у меня пять человѣкъ дѣтей.... Моя квартира очень, очень не велика—я позволяю себѣ принимать въ ней только самыхъ близкихъ друзей.

— О, если такъ, то сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь, я навѣщу васъ только тогда, когда вы сами пригласите меня. Но вы, конечно, не откажетесь навѣстить меня. Мы такъ пріятно провели тогда время на верху омнибуса, что вы сдѣлаете мнѣ особенное удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Этотъ визитъ не обязываетъ васъ ни въ какомъ отношеніи. Если вамъ не понравится бывать у меня, вы имѣете полное право...

— О, вы слишкомъ добры... Я постараюсь быть у васъ.

И вѣжливо поклонившись мнѣ, онъ поспѣшно ушелъ; но мнѣ нѣсколько разъ въ день приходило на умъ, каково-то ему тамъ, на пятомъ этажѣ.... Мнѣ довольно скоро пришлось узнать это.

Monsienr Эдуардъ, такъ назывался чиновникъ, пришелъ ко мнѣ въ слѣдующее воскресенье. Я приглашалъ его отъужинать со мною, но онъ рѣшительно отказался. Впрочемъ ему, по видимому, было очень хорошо у меня. Симпатія, которую я ощущалъ къ нему, конечно, придала моему обращенію съ нимъ что-то особенно сердечное и искреннее. Словомъ, мы скоро сдѣлались друзьями—и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ его прежняя сдержанность уступила мѣсто совершенно противуположному чувству. Онъ познакомилъ меня съ своимъ семействомъ; онъ раскрылъ передо мною свои обстоятельства съ откровенностью ребенка, горе котораго облегчается, когда онъ можетъ безпрепятственно изливать его. А горя тутъ было вдоволь, горя, нужды и несчастія, которыя отравляли почти каждую минуту жизни этого несчастнаго семейства и напослѣдокъ довели его до окончательной гибели.

Эдуардъ получалъ тысячу двѣсти франковъ годоваго оклада. Онъ жилъ такъ скромно, какъ только могъ; но изъ этой суммы надо было вычесть по крайней мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ франковъ для найма квартиры. Въ качествѣ чиновника *Hôtel de Ville*, онъ долженъ былъ быть всегда прилично одѣтъ; точно такъ же и жена его не должна была нарушать въ этомъ отношеніи требованій приличія. Не смотря на всевозможныя предосторожности, не смотря на весь разсчетъ, эти важныя статьи не могли обойтись меньше ста восьмидесяти франковъ. Вмѣстѣ съ платою за квартиру это составляетъ четыреста тридцать франковъ. Прибавимъ къ этому по примѣрному вычисленію шестьдесятъ франковъ за стирку бѣлья, восемьдесятъ для отопленія, двадцать для освѣщенія, восемьдесятъ на одежду и башмаки дѣтямъ, сорокъ за ученье въ школѣ, да девяносто франковъ на непредвидѣнныя издержки, которыхъ нельзя опредѣлить съ точностію (все это въ крайне меньшихъ, почти невозможныхъ размѣрахъ), то собственно на пропитаніе семи человѣкъ остается всего четыреста франковъ! Очевидно, что на эту жалкую сумму семейство, при всей экономіи, можетъ существовать много-что три мѣсяца, а между тѣмъ Эдуардъ, его жена и дѣти должны были жить на нее впродолженіи цѣлаго года. Не спрашивайте меня, какимъ образомъ. Сердце поворачивается при одномъ воспоминаніи объ этой страшной, вопіющей къ небу нищетѣ!

Одинъ франкъ и десять сантимовъ въ день, и въ такомъ городѣ, какъ Парижъ! Да вѣдь это все равно, что медленная смерть, смерть отъ голоду! И дѣйствительно, одно изъ этихъ несчастныхъ дѣтей умерло въ ту же осень—отъ мокротной лихорадки, какъ думала мать, въ сущности же отъ истощенія.

Надобно отдать справедливость госпожѣ Эдуардъ, она умѣла отдалять этотъ видъ смерти отъ своего се-

мейства. Она успѣвала, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, удовлетворять ропщущіе желудки. Конечно, обѣды, которыми она угощала, были престраннаго свойства. Иногда она брала два фунта пшеничной муки и прибавивъ немного соли, варила ее въ водѣ до тѣхъ поръ, пока изъ этого выходило что-то въ родѣ кашицы или киселя,—лакомое блюдо, поглощавшее три четверти ихъ ежедневнаго бюджета. Отдѣливъ отъ него часть для завтрака на слѣдующій день, его подавали за обѣдомъ. Къ этому прибавлялись микроскопическія порціи хлѣба, но ни одной капли вина, какъ ни доступенъ этотъ недорогой напитокъ даже при самыхъ ограниченныхъ средствахъ. Иногда она покупала на рынкѣ испорченную рыбу, стараясь умѣрить несъѣдобность этого отвратительнаго товара приправой изъ лука. А не то она бросала немного капусты въ большой котелъ и приготовляла изъ этого «супъ», т. е. удовлетворяла голодъ своего семейства водою. Словомъ, даже въ самомъ лучшемъ случаѣ, это все-таки былъ обманъ въ отношеніи повелительныхъ требованій природы—и для меня еще и теперь непонятно, какимъ образомъ удавалось этимъ несчастнымъ противиться такъ долго опустошительнымъ дѣйствіямъ голода. Двое изъ маленькихъ дѣтей ходили отъ времени до времени безъ вѣдома родителей—просить милостыни.... Парижъ великъ, а голодъ мучителенъ.... Всѣ материнскія проповѣди, всѣ внушенія гордости изчезали передъ мучительнымъ чувствомъ пустоты, которая вдвое тяжелѣе для молодаго организма, желающаго рости.

Жилище эдуардова семейства состояло изъ двухъ помѣщеній: комнаты и кухни, которая впрочемъ была похожа больше на чуланъ, чѣмъ на кухню. Эта комната была меблирована самымъ жалкимъ образомъ: три постели, столъ, шесть стульевъ, дубовый шкапъ,— и только. Здѣсь-то хлопотала съ утра и до поздней ночи госпожа Эдуардъ: шила, вязала, штопала, гладила и чистила до такой степени, что у ней не сходили съ рукъ мозоли. Только этимъ способомъ можно было одѣваться на упомянутыя выше деньги. При такихъ обстоятельствахъ о заработкахъ со стороны жены не могло быть и рѣчи.

Но — спросятъ меня — развѣ господинъ Эдуардъ не могъ въ свободное время:..?. Остановись, жестокосердый читатель! Господинъ Эдуардъ былъ занятъ съ шести часовъ утра до двѣнадцати часовъ дня и отъ часа по полудни до шести часовъ вечера; а пообѣдавши, онъ опять шелъ работать въ свою канцелярію. Иногда онъ возвращался оттуда въ половинѣ одинадцатаго, а иногда и въ одинадцать. Только по субботамъ отпускали его въ полденъ на волю, но эту отсрочку онъ долженъ былъ посвящать своему отдыху, если не желалъ заболѣть.

Однажды Эдуардъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и сталъ просить меня дрожащимъ голосомъ дать ему въ займы нѣсколько денегъ... Его жена уже три дня лежала въ постели... Она нуждалась въ уходѣ, въ лекарствахъ, въ медицинскомъ пособіи, а между тѣмъ у нихъ нѣтъ и ста су въ запасѣ...

Никогда еще подобная просьба не трогала меня такъ глубоко, какъ эта. Она была сдѣлана съ такою скромностію, съ такою деликатностью, что я желалъ бы въ эту минуту распоряжаться доходами Ротшильда, — для того только чтобъ быть въ состояніи положить къ ногамъ этого несчастнаго человѣка одинъ или два билета въ тысячу франковъ. Я очень хорошо зналъ, что Эдуардъ едва ли будетъ когда въ состояніи заплатить мнѣ свой долгъ; но еслибъ я былъ Гарпагономъ, то и тогда, мнѣ кажется, я не отказалъ бы этому несчастному. Болѣе краснорѣчиваго воззванія, какъ грустный взоръ Эдуарда, не могъ бы сдѣлать самъ Томасъ Гудъ, авторъ потрясающей душу «Song of the Shirt» (Пѣсня о рубашкѣ).

Это случилось въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 г. Два дня спустя я уѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ страшныя іюльскія событія застали меня такъ же мало приготовленнымъ, какъ и всѣхъ вообще. Мнѣ не пришлось свидѣться съ Эдуардомъ. По возвращеніи въ Парижъ я нашелъ его вдову въ самомъ бѣдственномъ положеніи... Вь мое отсутствіе случилось слѣдующее:

Въ первые мѣсяцы войны жизнь несчастнаго семейства шла такъ же грустно какъ и прежде. Даже осада въ сущности не ухудшила ихъ положенія. Эти несчастные страдальцы давно уже привыкли ко всевозможнымъ лишеніямъ, а тутъ имъ давали даромъ тѣ скудныя средства для жизни, которыхъ они не могли заработывать сами. Но въ мартѣ мѣсяцѣ, когда версальское правительство, испугавшись мятежа, который однакожь такъ легко было подавить вначалѣ, отдало Парижъ на произволъ черни, прежніе порядки до такой степени измѣнились, что Эдуардъ потерялъ свое мѣсто и въ буквальномъ смыслѣ слова остался безъ хлѣба Еслибъ не добродушные сосѣди по квартирѣ, которые помогали ему чѣмъ могли, то онъ и его семейство конечно умерли бы съ голоду. Онъ принималъ эту дружески предлагаемую помощь съ благодарностію, но сознаніе, что онъ живетъ милостью постороннихъ людей, свинцомъ лежало у него на душѣ...

Коммуна образовалась. Она нуждалась въ чиновникахъ. Господину Эдуарду дали знать подъ рукою, что онъ можетъ просить мѣста. Онъ медлилъ, но голодъ взялъ верхъ. Онъ поступилъ въ одну городскую канцелярію на сто пятьдесятъ франковъ мѣсячнаго жалованья. Семейство отдышало. Оно никогда еще не устроивалось такимъ блестящимъ образомъ.

Но эта мечта не долго продолжалась. Послѣ пустой болтовни, продолжавшейся цѣлые недѣли, регулярныя войска приступили наконецъ къ дѣйствительнымъ мѣрамъ. Несостоятельность коммуны дѣлалась виднѣе со дня на день. Уже громъ версальскихъ пушекъ предсказывалъ ослѣпленнымъ властелинамъ Думы скорый и страшный конецъ...

Въ Маѣ мѣсяцѣ эти пророчества сбылись. Пылавшія улицы Парижа покрылись трупами. Батальоны Макъ Магона, раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ союзниковъ, совершали вопіющія жестокости. Беззащитныхъ женщинъ и дѣтей разстрѣливали тысячами безо всякаго суда. Точно такъ же и Эдуарду пришлось поплатиться жизнію за его «государственную измѣну». Какой-то мошенникъ донесъ на него какъ на чиновника и помощника Піата, Асси, и т. д. Ватага пьяныхъ мушкетеровъ вломилась въ его жилище, вырвала его изъ объятій трепещущаго семейства и поволокла его къ ближайшей стѣнѣ, гдѣ онъ и испустилъ духъ, пронзенный пятью пулями.

Сколько такихъ несчастныхъ, какъ Эдуардъ, гибнетъ и безъ убійственнаго свинца, жертвою нищеты и отчаянія! Право, работники въ рудникахъ едва ли больше подвергаются опасности тѣлеснаго и духовнаго уничтоженія, чѣмъ парижскіе мелкіе чиновники. А Эдуардъ принадлежалъ еще къ такимъ, которые гораздо меньше

подчиняются требованіямъ касательно внѣшней формы, чѣмъ, въ сущности, разсчитываетъ высшее начальство. Многіе изъ его товарищей стоятъ за то, чтобъ имѣть, по крайней мѣрѣ, приличную пріемную и вслѣдствіе этого урѣзываютъ еще на шестьдесятъ или семьдесятъ франковъ въ годъ ту сумму, которая должна бы идти на столъ.

Возможно ли было, при такихъ обстоятельствахъ, ожидать, чтобъ на вновь-открывшуюся вакансію въ одной изъ общественныхъ канцелярій явилось триста шестьдесятъ девять искателей? Жалованья при этомъ мѣстѣ полагалось всего девятьсотъ пятьдесятъ франковъ въ годъ — а кандидатовъ явилось триста шестьдесятъ девять. Вотъ нищета-то!

Описаніе страданій молодой работницы (petite ouvrière, какъ называютъ не замужнихъ работницъ) мы отлагаемъ до другаго раза.

Литературный Альбомъ.

I. „Переселенцы“ Григоровича

Подъ общимъ названіемъ «Литературнаго Альбома» редакція предполагаетъ помѣщать, отъ времени до времени, иллюстраціи къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ современныхъ русскихъ писателей. Насколько осуществимо это предположеніе, читатель можетъ судить по прилагаемому рисунку.

Если вамъ знакомъ романъ даровитаго бытописца русскихъ крестьянъ «Переселенцы», то при одномъ взглядѣ на эту картинку, вы безошибочно опредѣлите моментъ дѣйствія. Да, это та самая ветхая пустая рига, гдѣ нашли себѣ ночлегъ и убѣжище отъ дождя, послѣ ярморки, трое скитальцевъ, которые, притворяясь слѣпыми и руководимые выкраденными или закабаленными парнишками, ходили изъ конца въ конецъ нашего обширнаго отечества, выпрашивая подаяніе Христовымъ именемъ. Одинъ изъ нихъ, настоящій слѣпецъ, считая товарищей спящими, ощупью пересчитываетъ накопленныя деньги, между тѣмъ, какъ другой — великанъ-старикъ Жиганъ — подкравшись сзади и впервые открывъ никѣмъ неподозрѣваемое богатство, замышляетъ уже въ этотъ мигъ убійство, которымъ разрѣшается судьба стараго нищаго въ послѣдней части романа. Совершенно безучастно наблюдаютъ эту сцену вожаки-ребятенки, а третій товарищъ покоится сладкимъ сномъ на теплой травкѣ.

Что касается технической стороны рисунка, то не говоря уже о типичности фигуръ, взгляните, какой правдой дышетъ каждая подробность сельскаго вида, служащаго фономъ картинкѣ нашего молодаго жанриста, художника Коверзнева. Какими ломаными чертами и пятнами ложатся просвѣты солнышка сквозь листву на жерди старой изгороди! Какъ мягко уходитъ въ даль на второмъ планѣ волнистая поверхность нагорнаго берега рѣки съ разсѣянными по ней избами! Какъ оживляютъ воздушную перспективу эти три дикія утки съ вытянутыми стрѣлкой шеями! Каждая травинка, каждый кустикъ съ его мелкой листвой выдѣляется на рисункѣ, нисколько не дробя общаго впечатлѣнія картины, отъ которой вѣетъ привольною жизнью нашихъ луговыхъ деревень.

Фельетонъ.

Старый годъ. — Воспоминанія, имъ оставляемыя. — Нѣчто о Петербургѣ и губерніяхъ. — Ихъ достоинства и недостатки по отношенію къ святочнымъ удовольствіямъ. — Какъ у насъ веселятся. — Надежды на новый годъ.

Вчера мы простились съ старымъ годомъ. Много жалѣть объ этомъ, конечно, не стóитъ: напротивъ того, надо постараться поскорѣе забыть о немъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ годовъ во многихъ отношеніяхъ. Страшная война между двумя первостепенными державами Европы, представившая міру новое доказательство того, до какихъ успѣховъ дошли мы въ дѣлѣ самоистребленія; революціонное потрясеніе во Франціи, вызванное отчаянною попыткой спасти свою честь; жестокое возмездіе за эту попытку со стороны большинства, которому наконецъ надоѣло это постоянное напряженіе силъ всей страны; борьба новыхъ идей съ устарѣлымъ католицизмомъ; борьба національностей съ папскими преданіями; борьба съ министерствомъ въ Бельгіи и Испаніи; борьба централистовъ съ федералистами въ Австріи; борьба либеральнаго министерства и народа съ палатой лордовъ въ Англіи и т. д. и т. д. Всюду, куда ни посмотришь, борьба, борьба и борьба! Наши внутреннія дѣла безъ нея также не обошлись: новые проекты гимназій вызвали у насъ борьбу реалистовъ съ классиками; одновременно съ этимъ велась на югѣ борьба православныхъ противъ евреевъ; вслѣдъ затѣмъ, санитарные комитеты вступили въ открытую борьбу съ холерой; не успѣла окончиться эта борьба, какъ объявлено было *«осадное»* положеніе дровяникамъ и домовладѣльцамъ; если ко всему это прибавить, что многіе журналы и до сихъ поръ еще ведутъ борьбу съ равнодушіемъ публики, то картина выйдетъ полная. Итакъ, о старомъ годѣ жалѣть нечего. Въ крайнемъ случаѣ, если уже безъ этого чувства обойтись нельзя, то лучше жалѣть о томъ, что въ самомъ дѣлѣ достойно сожалѣнія: о людяхъ, положившихъ свои головы въ борьбѣ за родину, о безплодно утраченныхъ силахъ и чувствахъ, о земствахъ, отказывающихся просвѣщать народъ, объ убитыхъ и искалѣченныхъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и проч. и проч. Вотъ тѣ «преданія», которые старый годъ завѣщаетъ новому. Впрочемъ, кромѣ этихъ, общихъ для всѣхъ, воспоминаній, у каждаго россіянина найдутся еще свои собственныя, болѣе или менѣе существенныя и интересныя. Нѣкіе биржевые тузы напримѣръ *«прогорѣли»* на нѣкихъ бумагахъ; купцы жалуются на случаи *самовозгаранія* матерій, окрашенныхъ въ чорный цвѣтъ; отцы и матери на дѣтей, *угорѣвшихъ* отъ наслажденій каскаднаго міра, въ изобиліи предоставленныхъ имъ прошедшимъ годомъ; жены *сгорали* отъ стыда за своихъ мужей, которыхъ они встрѣтили въ маскарадѣ съ личностями предосудительнаго поведенія, мужья — отъ стыда передъ кредиторами, которымъ обязались уплатить къ новому году, но, по волѣ рока и своей дрожайшей половины, не могли сдержать своего обѣщанія. Многіе, разумѣется, какъ нельзя лучше воспользовались этимъ всеобщимъ горѣніемъ; биржевые спекуляторы погрѣли свои руки у кармановъ азартныхъ игроковъ, иноземныя представительницы петербургскаго полу-свѣта около своихъ поклонниковъ, кредиторы около злополучныхъ мужей.

Переселенцы.
Композиція и рисунокъ Коверзнева, гравировалъ И. Матюшинъ.

Обращая взоры наши къ провинціи, видимъ, что и тамъ тоже самое, и тамъ «плоти нашея мудрованіе» беретъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ. Признаюсь, я всегда былъ того мнѣнія, въ послѣдніе годы, что наша провинція стала несравненно интереснѣе обѣихъ нашихъ столицъ; мнѣ всегда казалось, что, при всей первобытности своихъ интересовъ и стремленій, въ ней есть нѣчто живое, нѣчто такое, что привязываетъ человѣка къ извѣстному мѣсту, заставляетъ его радѣть о немъ, его любить и съ нимъ сживаться. Ничего подобнато не встрѣчаешь въ Петербургѣ, гдѣ каждый уходитъ въ себя, смотритъ бирюкомъ, живетъ покудова живется, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и пользуясь минутой. Кто-то сказалъ, что въ нашей сѣверной столицѣ всѣ «торопятся жить», — и это совершенно справедливо. Въ провинціи, удовольствія напримѣръ устраиваются обыкновенно тѣми, кто желаетъ въ нихъ участвовать; въ столицахъ — они обращаются въ извѣстное ремесло, которымъ существуетъ цѣлый классъ людей, у всѣхъ подъ рукою и всегда готовы къ вашимъ услугамъ. Я согласенъ, что это обстоятельство имѣетъ для столичныхъ жителей свои выгоды, но нельзя отрицать, что этимъ отнимается отъ общественныхъ удовольствій ихъ живая сторона, вслѣдствіе чего они обращаются въ простое сборище людей, случайно сошедшихся въ одно мѣсто и не имѣющихъ между собой ничего общаго, кромѣ желанія какъ-нибудь провести время. Въ провинціи, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ и гдѣ есть общее дѣло, люди сходятся въ кружки болѣе тѣсные и связываются отношеніями болѣе естественными. Въ этомъ смыслѣ, меня не особенно завлекаетъ даже мысль о томъ, что наши общественныя удовольствія когда нибудь получатъ то значеніе, какое они имѣютъ въ настоящее время на западѣ. Въ Петербургѣ всѣ люди космополиты до мозга костей и глубоко индифферентны ко всему не петербургскому; между тѣмъ, на Петербургъ смотрятъ, какъ на временное мѣстопребываніе, не имѣя духу съ нимъ разстаться. Напротивъ того, въ провинціи, человѣкъ безъ осѣдлости немыслимъ. Въ Петербургѣ рѣдко кто интересуется дѣлами общественными, потому что очень немногіе изъ жителей принимаютъ въ нихъ непосредственное участіе; въ провинціи о дѣлахъ общественныхъ говорятъ много и долго, въ рѣшеніи ихъ принимаютъ участіе различныя партіи, ведется агитація, иногда весьма живая и дѣятельная, пускаютъ входъ всевозможныя средства, интриги, подкупы и проч. Но у провинціи есть одинъ порокъ: это стремленіе рабски подражать всему столичному. Въ этомъ порокѣ все ея несчастіе, и не будь его — она имѣла бы всѣ преимущества передъ столицами.

Проводя такую параллель между столицами и провинціею, можно сказать рѣшительно, что по крайней мѣрѣ въ нашихъ губернскихъ городахъ все идетъ на столичный ладъ: неизмѣнныя елки, неизмѣнные пикники на тройкахъ, представленія «Прекрасной Елены» на мѣстномъ театрѣ, балъ въ дворянскомъ собраніи, новогодній маскарадъ, концертъ любителей и танцовальные вечера въ клубѣ, общее веселье, общіе скандалы. Результатомъ всего этого выходитъ то, что наши праздники, вмѣсто желаемаго отдохновенія, приносятъ усталость, являются днями самыми тяжелыми для насъ и доводятъ до пресыщенія. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, удовольствія не могутъ повторяться часто и становятся лишь рѣдкими исключеніями изъ обыденной жизни, тогда-какъ, въ интересѣ даже этой трудовой жизни, они должны были бы почаще разнообразить ее и тѣмъ освѣжать человѣка. Съ другой стороны, обычай и желаніе не отставать отъ другихъ набрасываютъ на святочныя удовольствія характеръ чего-то искусственнаго, вынужденнаго, оффиціальнаго, внося въ нихъ извѣстную долю однообразія и скуки. День же новаго года, обыкновенно не внося ничего новаго, подаетъ, однако, надежды на него каждому смертному. Съ этой мыслію и я заканчиваю свой фельетонъ, желая вамъ, читатель, всего хорошаго въ наступившемъ году.

Политическое обозрѣніе.

Съ возобновленіемъ засѣданій Національнаго Собранія, возобновились для Франціи и прежнія препятствія и затрудненія: страна по прежнему не знаетъ, что случится съ нею завтра, какой переворотъ и въ какую сторону послѣдуетъ въ ея политическомъ тѣлѣ, какой партіи она попадетъ въ руки и, наконецъ, чѣмъ все это кончится. Съ одной стороны, происки орлеанистовъ и легитимистовъ, добивающихся возстановленія конституціонной монархіи съ однимъ изъ принцевъ во главѣ; съ другой — недремлющія надежды бонапартистовъ; если прибавить ко всему этому неурядицы внутри страны, новыя столкновенія съ Германіей по поводу убійства нѣмецкихъ солдатъ во Франціи и грозную ноту князя Бисмарка, который объявляетъ, что германское правительство принуждено будетъ за каждаго невыданнаго убійцу брать заложниковъ, — то картина выдетъ крайне не веселая.

Положеніе партій остается до сихъ поръ прежнее: ни одна изъ нихъ не достигла преобладанія надъ другими и каждая вѣритъ въ свою звѣзду. Надо припомнить, что оба принца были избраны депутатами въ это собраніе, но обѣщали не воспользоваться своимъ правомъ, чтобы не внушить странѣ опасеній насчетъ своихъ видовъ и плановъ. Такъ объ этомъ заявлено было и въ посланіи Тьера, читанномъ имъ при открытіи собранія. Теперь принцы разсчитали, что настала удобная минута явиться въ собраніе, и они воспользовались этой минутой. При этомъ разумѣется, не обошлось безъ шуму, толковъ и споровъ. Столкновеніе съ Германіей произошло по поводу оправданія французскими судами двухъ лицъ, покусившихся на убійство двухъ нѣмецкихъ солдатъ, и вызвало вышеозначенную рѣзкую ноту кн. Бисмарка. Въ этой нотѣ германское правительство въ сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ нынѣшнее настроеніе французовъ по отношенію къ Германіи; не обвиняя въ этомъ французскаго правительства, которое безсильно въ настоящемъ случаѣ, кн. Бисмаркъ, въ оправдательныхъ приговорахъ двухъ французскихъ судовъ по такому важному преступленію какъ предъумышленное убійство, въ раздавшихся послѣ того рукоплесканіяхъ публики, въ молчаніи журналистики и всего общественнаго мнѣнія Франціи, — видитъ, что въ этой странѣ исчезло чувство порядка и законности, что ожесточеніе противъ нѣмцевъ побудитъ ихъ на будущее время, въ случаѣ невыдачи преступниковъ, брать заложниковъ изъ французскаго народа, усилить оборонительныя силы и даже принять еще болѣе дѣйствительныя мѣры.... Французская печать сильно раздражена противъ депеши кн. Бисмарка и почти въ одинъ голосъ говоритъ, что содержаніе ея есть не что иное какъ «торжество грубой силы», которой еще мало нанесенныхъ Франціи оскорбленій, и она ищетъ только повода для новыхъ оскорбленій. Неодобрительно отзывается о депешѣ Бисмарка и англійская печать.

16 декабря открылись засѣданія австрійскаго Рейхсрата. Въ тронной рѣчи, прочитанной по этому случаю императоромъ Францомъ-Іосифомъ, говорится о желаніи привлечь всѣ племена имперіи къ участію въ управленіи страною для поддержанія конституціи и подъ условіемъ сохраненія государственнаго единства; но что, къ сожалѣнію, этимъ желаніемъ не всѣ области захотѣли воспользоваться; тѣмъ не менѣе, правительство намѣрено держаться своей программы и на будущее время. Затѣмъ, упоминается о проектахъ различныхъ законовъ, которые выработаны правительствомъ и будутъ представлены на обсужденіе обѣихъ палатъ Рейхсрата; а именно: законъ объ отношеніяхъ судебной власти

къ административной, объ усиленіи ландвера, преобразованіи университетовъ, объ отношеніяхъ церкви къ государству, проектъ закона объ увеличеніи жалованья чиновникамъ и объ улучшеніи матеріальнаго положенія низшаго духовенства, а главное — проектъ закона, имѣющій цѣлію устранить злоупотребленія депутатскими полномочіями. Относительно королевства Галиціи сказано, что требованіямъ поляковъ будутъ сдѣланы такія уступки, которыя не идутъ въ разладъ съ стремленіемъ къ государственному единству. Чешскіе и моравскіе депутаты отказались участвовать въ засѣданіяхъ Рейхсрата, такъ-какъ обѣщанія, данныя имъ правительствомъ, сдержаны не были. Поляки-же, а за ними тирольскіе и форальбергскіе депутаты, послѣ частныхъ совѣщаній своихъ, рѣшились вступить въ собраніе, съ тѣмъ, однако, что если и ихъ требованія не будутъ уважены, то они, подобно чехамъ, откажутся отъ участія въ засѣданіяхъ Рейхсрата.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки идетъ ожесточенная борьба партій по поводу предстоящихъ выборовъ президента. Одни стоятъ за вторичный выборъ нынѣшняго президента Гранта, другіе противъ него. Партія такъ-называемыхъ демократовъ (преимущественно гражданъ южныхъ штатовъ, которые въ прошлую междоусобную войну защищали рабовладѣніе) по обыкновенію хочетъ провести своего кандидата; противная партія (такъ назыв. республиканская) держится Гранта, который проектируетъ не возвышеніе налоговъ, какъ это дѣлается повсюду, а ихъ сокращеніе. Такой фактъ, само собою разумѣется, указываетъ на блестящее состояніе финансовъ великой республики. Президентъ установляетъ за правило — уничтожить всѣ внутренніе налоги, кромѣ косвенныхъ, а именно: акциза на водку и проч., акциза на табакъ и гербовой пошлины. — Судя по газетнымъ корреспонденціямъ и по офиціальнымъ сообщеніямъ, великому князю Алексѣю Александровичу былъ сдѣланъ въ Америкѣ весьма радушный пріемъ.

Смѣсь.

Поэтическая дуэль гренландцевъ. Хотя эскимосы или жители Гренландіи и стоятъ на очень низкой ступени образованія, тѣмъ не менѣе они чрезвычайно склонны къ насмѣшкѣ и очень щекотливы насчетъ чести. Но вмѣсто того чтобы, согласно съ обычаемъ высшихъ сословій нашей высокоцивилизованной Европы, улаживать личныя оскорбленія помощію кулака, они вызываютъ другъ друга на дуэль, въ которой роль оружія исполняется насмѣшками. Затѣмъ оба противника становятся передъ собравшимися племенами—и каждый начинаетъ воспѣвать гнусливымъ голосомъ, съ присовокупленіемъ всевозможныхъ гримасъ, слабости, недостатки и дѣла противника въ искаженномъ видѣ. Тотъ изъ нихъ, кого больше одобрятъ слушатели, считается побѣдителемъ, послѣ чего побѣжденный, въ качествѣ «дурака», уходитъ потихоньку и теряетъ всякое уваженіе въ глазахъ старыхъ и малыхъ, до тѣхъ поръ пока не подниметъ себя въ ихъ мнѣніи другою—болѣе удачною для него—дуэлью.

Дворникъ.

(См. стр. 9).

Если вы, читатель, принадлежите къ болѣе или менѣе счастливымъ обитателямъ Петербурга, то при взглядѣ на прилагаемый рисунокъ вы едва ли потребуете какихъ либо комментарій. «Къ вашей чести-съ!» слышится вамъ въ каждой чертѣ примелькавшагося лица: «сегодня 1-ое число. Прикажете получить?»

Для иногородныхъ читателей мы должны пояснить, что это factotum петербуржца, имѣющаго хоть какую-нибудь временную или постоянную осѣдлость. Нужно ли вамъ найдти квартиру вашего знакомаго, вы звоните у воротъ указаннаго вамъ дома—и на звонокъ вамъ является эта личность, съ бородкой или безъ оной, въ красной рубахѣ съ бѣлымъ передникомъ, въ высокихъ сапогахъ, не рѣдко съ тою-же разсчетной книжкой въ рукахъ и чаще съ метлой или вязанкою дровъ. Нужно ли вамъ записать вашъ паспортъ на выѣздъ за городъ или съ квартиры на квартиру—вы обращаетесь къ дворнику. Пересякъ ли источникъ воды въ вашей квартирѣ—опять дворника за бска. Нужно ли вамъ сложить дрова, перенести вашу мебель и т. п.—все онъ — неизбѣжный — необходимый. За то и на его улицѣ праздникъ, когда наступаютъ праздники Святой, Рождества и Масляницы. Тутъ онъ оправляется по квартирамъ обывателей *его* дома и сбираетъ съ нихъ обычную дань, зная что на праздникахъ его встрѣтятъ привѣтнѣе, чѣмъ въ обычное 1-ое число, когда онъ является къ вашей чести за квартирною платою.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Отпечатались **новыя книги** и поступили въ продажу:

СТО
ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ
КРУГОСВѢТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ
подъ
ВОДОЮ ЛЬДОМЪ
и среди исчезнувшей Атлантиды

соч. **ЖЮЛЯ ВЕРНА.**

Роскошное изданіе въ 2-хъ част. 350 стр. убористой печати 1872 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПОЛНЫЙ
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
иностранныхъ словъ вошедшій въ русскій языкъ съуказаніемъ корн. Сост. **Н. Дубровскій.**

2-е изданіе исправленное и дополненное. Словарь напечатанъ самымъ убористымъ и четкимъ шрифтомъ, въ 2 столбца, который можетъ служить настольною и справочною книгою, при чтеніи книгъ журналовъ и газетъ. М. 1871 г. Ц. 1 р. въ переплетѣ, съ перес. 1 руб. 50 коп.

2-е издане. САМОУЧИТЕЛЬ **2-е изданіе.**
СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУСТВА
СПЕЦІАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО:

для архитекторовъ, техниковъ, столяровъ, плотниковъ, печниковъ, каменщиковъ, мельниковъ, землевладѣльцевъ.

въ трехъ книгахъ.

съ присовокупленіемъ нужнѣйшихъ статей изъ **Высочайшаго Урочнаго положенія** для строительныхъ работъ. Съ **277** политипажныки рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ **Атласа** на **38** листахъ архитектурныхъ, строительныхъ и мельничныхъ рисунковъ.
Сост. подъ редакціею техника СКРЯБИНСКАГО.
2-е изданіе исправилъ и дополнилъ бывшій архитекторъ при Императорскомъ ораніенбаумскомъ дворцѣ **П. Кащенцовъ.**
1871 г. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р. въ отличн. коленк. пер. 5 р.

Изданіе для разсказовъ на театральн. сценѣ и семейныхъ вечерахъ.

СЦЕНЫ
ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА
Соч. Горбунова въ 2 част. 2-е изданіе дополн. 1872 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 30 к.

СЦЕНЫ
ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА
Соч. актера А. М. Красовскаго. 1872 г. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ
юмористическія сцены изъ еврейскаго и нѣмецкаго быта. Соч. Мойша Геймъ и барона Шперлинга съ картинами. 1872 г. Ц. 1 р. съ пересылкой 1 р. 20 к.

ПРАКТИЧЕСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ
БАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ
ДЛЯ ОБОЕГО ПОЛА,

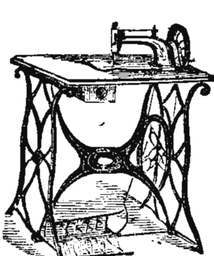
легкій способъ выучиться въ **7** уроковъ безъ помощи учителя всѣмъ бальн. танцамъ. Съ **23** отличными рисунками. **3** е изданіе, исправленное съ дополненіемъ характерныхъ танцевъ, **РУССКИХЪ ПЛЯСОКЪ**, венгерки и Мотлета. Соч. Де-Коленьяра. 1871 года. Цѣна 1 рубль, съ пересылкой 1 руб. 30 коп.

НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ
РИСОВАНІЯ
ЧЕРЧЕНІЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Легкій способъ въ **30** уроковъ безъ помощи учителя научиться правильно рисовать, чертить, тушевать, покрывать акварельными красками рисунки, съ присовокупленіемъ изложенія теоріи перспективы и рисованія. Состоитъ изъ **28** листовъ больш. формата и съ приложеніемъ текста на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Составленъ подъ редакціей **МИКЕЛЬ САНЦІО** превосходно рисованныя на камнѣ художниками братьями **Михайловыми.** Изданіе для рисованія дома и въ школѣ. 1872 г. Ц. 2 руб. Учебныя заведенія выписывающіе **десять** экземпляровъ получаютъ оныя за **13** рублей.

☞ Гг. Иногородныхъ чрезъ почту за вышеозначенными книгами прошу адресовать въ *Москву*, въ складъ «**Толковаго Словаря**» И. Д. Ступина (адресъ почтамту извѣстенъ).

Бонбоньерки и украшенія для **ЁЛКИ** получены въ огромномъ выборѣ, и **ЁЛКИ** съ сюрпризами въ каррикатурномъ видѣ, отъ **5 коп. сер.** за штуку, цвѣтныя парафиновыя **Свѣчи** и самый разнообразный выборъ **полезныхъ вещей** для подарковъ, **въ магазинѣ бумагъ Константина ЧЕРНОХВОСТОВА, въ Гостинномъ Дворѣ, № 35.** (10)—6



АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
СИСТЕМЫ КАЛЬБО
Л. КАСТИЛЬОНЪ
Коммисіонеръ Военнаго Министерства.
Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабжонныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр. отъ **20** р
Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—36

Вышла и поступила въ продажу только-что отпечатанная новая книга изданія **А. Ф. Маркса,** подъ заглавіемъ:

МОСКВА И ТВЕРЬ.
Цѣна **1** руб. **50** коп.

Авторъ этой повѣсти получилъ 1,000 р. преміи, предложенной Редакціей журнала «Нива» въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей «Нивы», и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками и представляя собою первый опытъ изданія отдѣльной повѣсти изъ русской исторіи съ гравюрами, новая книга является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной. *Цѣна* для подписчиковъ «Нивы» 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Подписчики «Нивы», желающіе пріобрѣсть «Москву и Тверь» ничего не платятъ за пересылку, буде обратятся съ требованіями прямо въ контору редакціи **и до истеченія 1871 года,** такъ какъ въ будущемъ году цѣны за пересылку возрастутъ втрое.

ПРОДАЮТСЯ двѣ превосходныя, почти не бывшія въ употребленіи, енотовыя шубы, одна за **155 руб.,** другая за **85 руб.** Буде кто изъ иногородныхъ пожелаетъ пріобрѣсти ихъ, просятъ обращаться къ нижеподписавшемуся. Пересылку принимаетъ на себя продавецъ

ДАВИДЪ ЭЙЛНЕРЪ,
Малая Мѣщанская, домъ Стефаницъ, № 5.

За скорую и аккуратную высылку ручается Контора Редакціи «Нивы», которой извѣстенъ г. Эйлнеръ. (3)—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ГАЗЕТУ
„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ"
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
Съ 1-го января 1872 по 1-й января 1873 года.

Выходитъ ежедневно, на листѣ большаго формата, безъ предварительной цензуры.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки; на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяцъ 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ: на годъ 9 р. на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяцъ 75 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи на углу Невскаго и Малой Конюшенной ул., въ домѣ Гансина; а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой Редакціи *)

Новые подписчики, желающіе начать полученіе «Дѣятельности» въ истекающемъ году, приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ текущаго года по 50 к. съ пересылкою.

*) Платежи по частямъ и даже полученіе газеты безъ присылки впередъ денегъ, допускаются съ увѣренностію *своевременнаго* удовлетворенія, чтобы не могло повториться т го что случалось въ текущемъ 1871 г., когда Редакція, имѣя на долгахъ до 5000 р., стѣснялась въ теченіи двухъ мѣсяцевъ даже почтовою пересылкою и другими платежами, недопускающими кредита.

Дозволено цензурою 1 Января 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля: Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 10 января 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ЗА ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »

ЗА ПОЛГОДА.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*)

II.

Узникъ.

Паралельно съ Невской Прешпективой, только позади ея, линія, отдѣлявшая Лабиринтъ отъ городской земли, была гранью образовавшейся уже Итальянской улицы, въ первое время еще очень пустынной, на которой кое-гдѣ выглядывали маленькіе домики. Рукавъ Глухаго протока, еще незакрытый гатью, въ теченіи двухъ третей года перерѣзывалъ эту такъ-называемую Итальянскую улицу, обыватели конца которой сообщались съ Невскою Прешпективою только по тропинкамъ позади дворцовыхъ садовъ. Впрочемъ съ приближеніемъ къ Каравайной улицѣ, новенькія строенія можно было назвать даже красивыми. Ихъ конечно было немного. Между этимъ оазисомъ въ пустынѣ и самой уединенной частью Итальянской, на углу оканчивавшейся здѣсь Садовой улицы, высилось одно мрачное зданіе съ рѣдкими окнами наружу и съ крѣпкими желѣзными воротами съ двухъ сторонъ, съ Италіанской и съ Садовой. Ставни рѣдкихъ оконницъ въ первомъ этажѣ были наглухо закрыты; во второмъ же—изъ окошечекъ за желѣзными рѣшотками, въ зимнюю пору проглядывало кое-гдѣ блѣдное мерцаніе огоньковъ, но и то не всегда и на короткое время. Мостки подлѣ этого загадочнаго зданія были совершенно новы и чисты, какъ будто бы пѣшеходы боялись своими ногами осквернить ихъ. Можетъ быть и проходящихъ бывало немного. Можно было однако замѣтить, что сами обыватели Итальянской улицы, пробираясь въ грязную пору и утопая въ вязкомъ илѣ немощеннаго полотна, обходили новые мостки, держась поодаль отъ этой вѣчно-запертой твердыни. Сосѣди вообще не любили распространяться или пускаться въ объясненія того, что это было за зданіе, — хотя всѣ конечно знали, что это было присутственное мѣсто, въ которомъ заправлялъ дѣлами секретарь и при немъ находилось около десятка подъячихъ. Большая часть ихъ тутъ и жили, но инымъ приходилось и прихаживать. Часто водили сюда арестантовъ съ приличнымъ конвоемъ, большею частью только по одиначкѣ.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней 1756 года, часу въ 8 утра, къ воротамъ съ Садовой подкатила тѣлежка, на которой сидѣли четверо.

Судя по плащамъ извѣстнаго покроя и плоскимъ шляпамъ, видно было, что трое изъ пріѣхавшихъ гренадеры. Остановивъ лошадь, одинъ изъ нихъ, съ сумкой черезъ

плечо, сталъ стучаться въ ворота, — между тѣмъ какъ двое другихъ помогали сойдти съ тѣлеги закованному, въ ручные и ножные кандалы рослому мужчинѣ богатырскаго сложенія.

Закованный былъ въ какомъ-то нарядѣ, словно не русскомъ — не то въ рясѣ, не то въ узкомъ полукафтанѣ, обрисовывающемъ станъ. Изъ-подъ чорной овечьей шапочки выбивались длинные кудрявые волосы; онъ былъ съ бородой, оказывавшейся гораздо темнѣе волосъ. Очутившись на землѣ, онъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ бы расправляя свои закоченѣлые члены; но и это естественное движеніе заставило спутниковъ взять его подъ руки и поскорѣе ввести въ ворота. Это былъ Василій Никитичъ Коржавинъ.

Черезъ дворъ, въ самую даль, по узенькой лѣсенкѣ Коржавинъ и его провожатые поднялись на какую-то площадку, гдѣ довольно низко отъ полу начинались пяты тяжелаго свода. Сержантъ отворилъ маленькую дверь, въ которую высокій Коржавинъ, сгорбившись съ трудомъ прошелъ, — а пока онъ выпрямлялся, замокъ щелкнулъ вслѣдъ за глухимъ стукомъ захлопнувшейся двери.

Внезапный мракъ, охвативъ его со всѣхъ сторонъ, стѣснилъ ему сердце смутнымъ сознаніемъ, что все живущее осталось теперь тамъ, позади этихъ стѣнъ, быть можетъ навсегда.

По мѣрѣ того, какъ онъ различалъ въ этомъ полумракѣ углы своего неприютнаго помѣщенія, — въ душѣ водворялся покой, если можно назвать покоемъ такое состояніе, при которомъ уничтожается всякое ощущеніе самосознанія.

Съ теченіемъ времени онъ сжился съ своимъ грустнымъ положеніемъ.

Въ первые мѣсяцы онъ конечно не считалъ времени, но впослѣдствіи сталъ считать и изловчился даже проводить на закопченной стѣнѣ черепкомъ отъ какой-то кружки видную ему черту въ привычныхъ полупотемкахъ.

Такъ насчиталъ онъ годъ, и другой, и третій, все еще не теряя надежды на освобожденіе.

По разсчету узника, протекло уже пять лѣтъ его лѣтосчисленія, была глубокая зима, когда приведенный для допроса въ канцелярію, Коржавинъ видѣлъ въ первый и послѣдній разъ особу въ лентахъ, обратившуюся къ нему съ внушеніемъ не дозволять себѣ впередъ такихъ поступковъ. «Нынѣ великій государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, по монаршему своему милосердію, выпустить тебя велѣлъ на волю и жить тебѣ гдѣ пожелаешь. И на это вотъ тебѣ абшидъ».

Съ пятилѣтнимъ узникомъ при этой вѣсти сдѣлалось дурно. Онъ на минуту потерялъ чувства; но стражи вспрыснули водицей, и дружески поддерживая помогли выйдти изъ воротъ.

Квартирмейстеръ же, отсчитавъ пятьдесятъ рублевиковъ, положилъ ихъ въ кошелекъ, отобранный на первомъ привалѣ гренадерами, везшими изъ Москвы Коржавина. Сидя на улицѣ на столбикѣ, бывшій узникъ жмурился отъ непривычнаго ему солнечнаго свѣта и вяло раздумывалъ о томъ, куда преклонить голову. Родина, родня, знакомые — все казалось ему чѣмъ-то далекимъ, невѣроятнымъ, какъ сонъ, какъ сказка. Богъ вѣсть, уцѣлѣло ли что изъ прошлой жизни да и гдѣ, въ какихъ мѣстахъ его искать... Не вѣрнѣе ли будетъ вернуться въ тюрьму? Въ тюрьму опять? Коржавинъ, невольно вздрогнувъ отъ этой мысли, сжалъ кулаки — сжалъ и почувствовалъ въ рукѣ скомканную бумагу, развернулъ ее... Читать онъ еще умѣлъ хорошо, письмо было четкое — онъ могъ безъ труда прочесть свое имя и разрѣшеніе получить за указные прогоны отъ ямской канцеляріи лошадей и подорожную. Тутъ, словно повязка спала съ глазъ его, въ головѣ просвѣтлѣло, Коржавина обуяла внезапная безсознательная радость — и онъ пустился даже бѣжать куда стоялъ лицомъ, прямо въ лѣвую сторону. На поворотѣ открылся обширный, деревянный гостиный дворъ и вправо блеснула адмиралтейская игла. Василій Никитичъ совсѣмъ понялъ гдѣ онъ и какъ и чтó — и съ увѣренностью пошелъ шагать по большой Прешпективой въ лѣвую сторону къ Ямской.

Знакомый постоялый дворъ призналъ онъ безъ труда — и тамъ съ жадностью поѣлъ давно невиданныхъ штей, говядины, каши, — не откладывая уже добылъ подорожную и до вечера еще выѣхалъ въ Москву. Въ Невской столицѣ вновь явился онъ въ день торжествованія мира съ Пруссіей, но уже по своимъ коммерческимъ дѣламъ, которыя во время его заключенія, какъ легко можно себѣ представить, крѣпко запутались.

Хлопоты въ теченіи недѣли не дали ему дохнуть — нетолько подумать о посѣщеніи старыхъ знакомыхъ, считавшихъ его уже мертвымъ. Погруженному по горло въ занятія, Коржавину впрочемъ и въ голову еще не приходили условія общежитія, какова напримѣръ необходимость поддержки знакомствъ. Утромъ 28 іюня онъ рано отправился въ военную коллегію, но никого тамъ не нашелъ — и возвращаясь попалъ въ самый кипетъ народнаго движенія. Случай привелъ его къ группѣ, гдѣ стояли Щукины, а потомъ кинулъ его къ Демидову. Къ вечеру, выспавшись, Коржавинъ имѣлъ бесѣду съ хозяиномъ, и тотъ, исполняя обѣщаніе, разсказалъ ему о безплодныхъ попыткахъ облегчить его судьбу, дѣланныхъ при покойной императрицѣ даже такими вліятельными людьми, какъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ и Иванъ Александровичъ Головинъ.

— Иванъ-то Александрычу ты, братецъ мой, можетъ обязанъ и освобожденіемъ, говорилъ Демидовъ, — слыхали мы, кажись доподлинно, что Александра-то Иваныча Шувалова онъ не разъ о тебѣ прашивалъ, да тотъ все отнѣкивался; — ну а при Петрѣ-то Ѳедоровичѣ, извѣстно, можетъ и струсилъ; — да и то сказать, чтожь ему тебя — не на солонину же посолить, когда тайную-то уничтожили, чтобъ и духу не было.

Коржавинъ, ничего не говоря, перекрестился.

Настало молчаніе. Думы, занявшія каждаго изъ собесѣдниковъ безъ сомнѣнія были различныя, какъ можно было заключить по выраженію лицъ. Рѣзкія черты Демидова какъ-то смягчились и округлились подъ впечатлѣніемъ блистательной будущности, тогда какъ его товарищемъ овладѣвало тоскливое чувство, отъ котораго онъ не въ силахъ былъ освободиться.

Хозяинъ это замѣтилъ, и желая развлечь его, или лучше сказать, затронуть его живую струну, родственное чувство къ брату и сестрѣ, — спросилъ: «а Марфуто Никитичну давно видѣлъ?»

— Да какъ тебѣ сказать? — на волѣ не до того еще было — и не знаю гдѣ она. Жена говоритъ, будто переселилась къ вамъ поближе, въ вашу сиверную сторону; слышь, игуменьей стала у старовѣровъ, скитомъ заправляетъ...

— Что же я-то не слыхалъ ничего!? отвѣтилъ Демидовъ, — и гдѣ бы это было въ нашей-то сторонѣ? Близко не можетъ быть — ярославскихъ недавно ви-

дѣлъ — ничего не знаютъ; въ новгородской сторонѣ и быть не можетъ; со Пскова вѣсти есть.... да тамъ ея нѣтъ, — пересчитывалъ онъ въ раздумьѣ.

— Ужь извѣстно не тамъ, вставъ и прохаживаясь неровными шагами отвѣтилъ Коржавинъ, — коли не перепуталъ, такъ на Вытегрѣ гдѣ-то, въ лѣсахъ...

— Ужь вѣдомо не въ городѣ! Чтó старицамъ — какое спасенье души въ суетѣ мірской!..

— Ну да вѣдь не тó въ разсчетѣ... Жилось бы — гдѣ лучше, тамъ и слава Богу. Сестра моя, самъ знаешь, — штука! Не опростоволосится. Должно быть, золотое дно нашла, коли рѣшилась въ такую даль.

— Да развѣ она такая? съ улыбкой протянулъ Демидовъ.

— Ужь тамъ какъ знаешь смѣкай, а задаромъ не пустится какъ зря. Вѣдь не худо было и на Вѣткѣ, а коли пустилась въ лѣса, такъ было бы за что!..

— Да просто надоѣло съ людьми жить — захотѣла въ чувствіе прійдти...

— Держи карманъ, такая дѣвка! Пожалуй при людяхъ она тебѣ турусы подпуститъ, коли увидитъ простаковъ; пожалуй и канунъ прочтетъ нараспѣвъ, какъ кому требуется, коли бородачи или старухи какія съ тугой мошной, — нужно же разлакомить чѣмъ ни на есть... Ну, а коли поддадутся — это ужь ихъ дѣло.

— Гмъ! какъ бы соображая отозвался Демидовъ, — чтожь, скопидомкой сдѣлалась, али тамъ суета женская обладаетъ и роскошества любитъ? продолжалъ онъ тономъ допросчика.

— Всяко бываетъ, да она вѣдь не перестарокъ какой — всего тридцать съ хвостикомъ и изъ себя, самъ знаешь, не образина. Такъ бархату, атласу иль парчицѣ мѣсто найдетъ — приладитъ куда слѣдуетъ; вѣдь только званіе что старица — а извѣстно въ кельѣ-то своей сердце не камень. Живой человѣкъ, можетъ и блажь взбредетъ... Да и какъ не взбрести, братецъ ты мой, ѣстъ пьетъ хорошее, а какъ понаѣдутъ мѣховщики изъ Сибири, такъ и разливанное море!..

— Ой ли? осклабившись и прищелкнувъ пальцами невытерпѣлъ Демидовъ: — э, братъ, да вѣдь и мы молоды бывали — смѣкаемъ... А я бы ее желалъ повидать...

— Зачѣмъ же дѣло стало! Меркулычъ, я думаю, знаетъ. Пошлютъ къ ней. Посули лишь: на общину молъ даю столько-то — сама къ тебѣ явится...

— Эхъ, ты, забулдыжная голова! о сестрѣ какъ отзывается!..

— Да мнѣ что! Правда дороже всего...

Въ это время вошедшій молодецъ почтительно доложилъ, что Иванъ Меркулычъ съ сожительницей прислали освѣдомиться, не здѣсь ли Василій Никитичъ Коржавинъ — и коли здѣсь, такъ къ себѣ прошаютъ. Тутъ и человѣкъ ихній съ лошадью.

— Ну, а ты чтожь сказалъ? спросилъ Демидовъ голосомъ, въ которомъ слышалось обычное высокомѣріе.

— Я вашей милости докладываю, а мы сами ничего не могимъ.

— Такъ чегожь ты? Развѣ не знаешь — самого человѣка подавай.

Молодецъ вышелъ, и вслѣдъ за нимъ у дверей показался, въ новой поддевкѣ, сытый кучеръ съ окладистой бородой, и сталъ молча отвѣшивать поклоны въ поясъ богачу, какъ извѣстно любившему почетъ.

— Зачѣмъ, бишь, тебя Меркулычъ-то прислалъ? ласково спросилъ его Демидовъ.

— За Коржавинымъ Василіемъ Никитичемъ, отвѣтилъ тотъ, еще ниже кланяясь.

— А почемъ хозяинъ твой знаетъ, что у меня онъ?

— Да наши парни видали, какъ ваша милость изволила кататься съ нимъ.

— Такъ я поѣду, отозвался Коржавинъ.

— Какъ хочешь... Да гдѣжь тебя искать-то будетъ?

— Гдѣ!? Коли не у Щукиныхъ, такъ къ тебѣ ворочусь.

— Смотри же, молодецъ, поди-ка сюда! запустивъ руку въ карманъ широкихъ шароваровъ и гремя серебромъ, заботливо наказывалъ Демидовъ: — вотъ тебѣ крестовикъ на гулянку, а коли доставишь его опять ко мнѣ цѣла и невредима — еще столько же получишь...

— Не извольте сумнѣваться, еще разъ откланиваясь и пятясь къ дверямъ говорилъ награжденный кучеръ; а за нимъ, обнявшись по братски и чмокнувшись съ хозяиномъ на прощанье, послѣдовалъ и нашъ знакомецъ.

Демидовъ смотрѣлъ въ открытое окно, какъ усадили Коржавина въ извѣстный намъ фаэтонъ Щукиныхъ, и усердный кучеръ погналъ свою сытую лошадку въ лѣвую сторону.

Переѣздъ былъ недологъ. Ѣхать впрочемъ приходилось тихо, потому что народъ на улицахъ кишма кишилъ, а на Аничковомъ мосту стоялъ патруль. Слѣдуя по Преш-пективой отъ оранжерей Аничковскихъ, лошадка своротила влѣво на нынѣшнюю Садовую, гдѣ, за строеніемъ Разумовскаго, возвышалось новое зданіе, домъ канцлера Воронцова, несовсѣмъ впрочемъ оконченный. Между палатами пышнаго вельможи и Чернышевскимъ переулкомъ стоялъ пустырь, поросшій мхомъ и кустарникомъ. Завернувъ въ переулокъ, лицомъ къ пустырю, красовались небольшіе новенькіе еще хоромы въ одно жилье съ зелеными ставнями. Ворота, покрашенныя красной краской, носили на себѣ еще свѣжіе слѣды яркаго малеванья въ современномъ вкусѣ, отличавшемся какъ извѣстно пестрымъ узоромъ раскрашиванья чистыми колерами, чтó было верхомъ роскоши. Каждая калёвка обведена была особою кра..ой, а все въ цѣломъ представляло довольно нарядный видъ. Открытыя окна завѣшены были кисейными занавѣсками; за ними въ полусвѣтѣ бѣлой іюньской ночи можно было замѣтить огни на столѣ въ главной горницѣ, изъ которой неслись звуки оживленнаго разговора.

Прибытія Коржавина кажется не замѣтили — и онъ, никѣмъ не опрошенный, какъ бы въ расплохъ очутился посреди компаніи. Первая увидала его хозяйка, а на возгласъ ея: «Вотъ и Василій Никитичъ!» кто-то сидѣвшій къ нему задомъ — быстро обернулся и бросился ему на шею.

Нѣсколько мгновеній прошли въ этихъ нѣмыхъ изліяніяхъ чувства. Василій Никитичъ первый пришелъ въ себя — и какъ бы утомившись или просто подъ вѣяніемъ какого-то холодка, опустилъ лежавшаго у него въ объятіяхъ на стулъ, проговоривъ: «Фу, чуть не задушилъ, прости Господи! насилу узналъ тебя!..

Это былъ младшій братъ, который дѣйствительно настолько перемѣнился за двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ отъ ихъ послѣдняго свиданія, что положительно сталъ на себя не похожъ. Ему было съ небольшимъ тридцать лѣтъ, но не только высокій лобъ его былъ совершенно обнаженъ, а и на всей головѣ оставалось лишь нѣсколько жиденькихъ прядокъ за ушами вродѣ косичекъ. Исхудавшее морщинистое лицо его подерну-

лось старческой мертвенностью. Глаза, совсѣмъ впалые, глядѣли нѣсколько принужденно, точно ихъ безпокоилъ огонь отъ свѣчей. Одѣтъ былъ Ерофей Никитичъ чрезвычайно бѣдно, хотя опрятно. Истертый французскій кафтанъ, давно потерявъ свой первоначальный цвѣтъ, теперь представлялъ даже знатоку въ матеріяхъ загадку — изъ чего онъ сшитъ. На исхудалой шеѣ мотались остатки кружевнаго шейнаго платка, сквозь прорванные узоры котораго виднѣлось изношенное бѣлье, которое впрочемъ нельзя было упрекнуть въ нечистотѣ. Ростомъ Ерофей былъ невысокъ, сложенъ вообще недурно, но такъ исхудалъ, что кафтанъ съ плечь спускался въ безчисленныхъ складкахъ, какъ бы вздернутый на вѣшалку.

Этотъ оставъ человѣческій, предъ появленіемъ брата такъ растрогавшимъ его, повѣствовалъ пронзительнымъ надорваннымъ голосомъ что-то повидимому сильно его интересовавшее. Судя по усиленной быстротѣ размашистыхъ движеній которыми разсказчикъ сопровождалъ свою рѣчь, онъ уже вошелъ въ паѳосъ, а объятія и выказанная братомъ холодность до того его ошеломили, что онъ уже болѣе не произносилъ ни слова, видимо недовольный и собою и едвали не всей компаніей. Онъ былъ страшно самолюбивъ. Начавъ учиться уже взрослымъ и пріобрѣтя по времени довольно обширныя знанія, онъ вообще былъ раздраженъ неудачами при устройствѣ блестящей карьеры, которая видимо ускользала отъ него. Неуспѣвъ прицѣпиться къ колесу фортуны заграницею, онъ мечталъ, что любезные соотечественники, при первомъ появленіи его, должны пасть во прахъ предъ такой знаменитостью; но, благодаря добротѣ Бехтѣева, пріѣхавъ съ этимъ дипломатомъ въ Петербургъ, еще разъ жестоко разочаровался. Ему, какъ оказывалось, не представилось даже возможности получить мѣсто секретаря въ какой либо коллегіи, когда случалось выписывали на такія должности ничѣмъ не заявившихъ себя иностранцевъ.

Отказъ слѣдовалъ за отказомъ. Болѣзненное самолюбіе при каждомъ такомъ случаѣ естественно порождало въ Ерофеѣ новыя терзанія. Онъ едва не обезумѣлъ послѣ мѣсяца, проведеннаго въ безплодномъ исканіи должности, рѣшившись даже снизойдти къ скромнымъ кондиціямъ домашняго наставника, что въ барскихъ домахъ составляло среднее между дядькою и учителемъ. Ученость и знаніе языковъ давали ему надежду быть принятымъ въ лучшій домъ тотчасъ же какъ только бы онъ заикнулся объ этомъ. Но опять не тутъ-то было — его довольно неучтиво выпроводили, когда онъ заявилъ, что не хочетъ чесать головы своимъ воспитанникамъ, говоря, что это лакейское дѣло. А одна барыня даже обругала, назвавъ ученаго мужа неучтивцемъ, за то что смѣлъ онъ съ ней спорить и ей перечить въ такомъ дѣлѣ, которое безъ слова принимаютъ на себя французы — да еще какіе мастера фризуру модную строить, да и одѣты-то какъ — одинъ кафтанъ чего стоитъ, да и съ рекомендаціями отъ хорошихъ людей. Притопнувъ ногой, гнѣвная особа приказала впередъ ни подъ какимъ видомъ не пускать къ себѣ на глаза учителишку, что вздумалъ такъ умничать. Идя отъ нея, онъ даже про себя смѣялся такому невѣжеству. «Не вѣдаютъ что творятъ — прости ихъ Господи — нѣсть пророка во отечествѣ» и успокоенный глаголомъ вѣчной истины, онъ даже нашелъ въ себѣ силы разсказать все добросердечнымъ хозяевамъ и гостямъ ихъ, къ немалой потѣхѣ присутствующихъ, въ звонкомъ смѣхѣ которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, что рѣчи его ихъ забавляютъ. Пріемъ же брата окончательно лишилъ его и той малой доли самоувѣренности, которая послѣ всѣхъ неудачъ въ немъ еще оставалась. Почему-то ему показалось особенно обидно заявленіе брата, что насилу узналъ его.

«Видно кровь тебѣ нисколько не говоритъ!» прошепталъ онъ, собравъ послѣднія силы, неслышными почти шипящими звуками: кровь душила его.

(Продолженіе будетъ).

Литературный Альбомъ.

II. „Бирюкъ" Тургенева.

«Записки охотника» — это зеркало, отразившее бытъ нѣкогда крѣпостнаго сословія и типы тогдашнихъ помѣщиковъ какъ стараго такъ и молодаго поколѣнія. Книга эта слишкомъ извѣстна и слишкомъ долго еще останется любимымъ чтеніемъ русской публики, для того чтобы намъ нужно было входить въ подробное описаніе прилагаемаго рисунка.

Каждому мало-мальски образованному русскому припомнится и осенній вечеръ въ избѣ лѣсника, прозваннаго въ народѣ бирюкомъ за его мнимое нелюдимство, и отдаленные удары топора, доносящіеся сквозь немолчно сѣкущій дождь въ окна временнаго охотничьяго пріюта, наконецъ выслѣживаніе и поимку вора, изображенную на картинѣ художника Коверзнева. Вотъ и дерево, которое «повалилъ» обнищалый мужичонка, «съ голодухи» рѣшившійся преступить заповѣдь и попавшійся въ лапы неподкупнаго бирюка; — вамъ какъ будто слышится жалобный «точно заячій крикъ бѣдняги, побѣдоносно ведомаго лѣсникомъ. А сзади, пожимаясь отъ дождя, а пожалуй и отъ болѣе непріятнаго ощущенія, выступаетъ самъ охотникъ-наблюдатель нравовъ той приснопамятной поры, въ которомъ не одинъ изъ нашихъ читателей вѣроятно признаетъ стараго и добраго знакомаго.

Нужно-ли напоминать читателямъ, что личность бирюка—который послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, наконецъ таки отпускаетъ своего плѣнника, — удалась автору едва-ли не лучше всѣхъ тѣхъ симпатичныхъ образовъ, которыми наполнены остальныя части «Записокъ охотника».

То была утренняя заря таланта, нынѣ свѣтозарнаго и могучаго, не взирая ни на какую близорукость его критиковъ и куриную слѣпоту зоиловъ.

Пока мы набрасываемъ эти немногія строки, новое произведеніе изящнѣйшаго изъ русскихъ писателей читается нарасхватъ всею Россіей и возбуждаетъ привычный восторгъ его поклонниковъ.

Бирюкъ.
Композиція и рисунокъ П. Коверзнева, гравировалъ К. Вейерманъ.

Петербургскіе ледоколы.

Ни одна столица въ Европѣ не имѣетъ такого чуднаго природнаго украшенія, какъ нашъ Петербургъ. Величественная Нева обрамленная гранитной набережной, съ ея островами, лѣтнимъ пріютомъ петербургскихъ жителей, безспорно можетъ служить украшеніемъ второй столицы Россіи.

Принося большую пользу какъ водяное сообщеніе, она кормитъ тысячи народа, заработывающаго кусокъ хлѣба на ея обильныхъ водахъ. Но нетолько лѣтомъ, когда воды Невы прорѣзываютъ по всѣмъ направленіямъ сотни пароходовъ, барокъ и мелкихъ судовъ, она можетъ назваться кормилицей тысячъ народа; — даже зимой, когда навигаціи уже нѣтъ, когда воды ея покрыты толстымъ слоемъ льда, когда у биржи уже не видно безчисленнаго количества мачтъ и рей съ иноземными флагами, — тысячи рукъ, заработывая деньгу на ея зимнемъ одѣяніи, платятъ подати и кормятъ себя съ семьями.

Уже съ начала ноября по Невѣ изъ Ладожскаго озера плывутъ глыбы еще не толстаго льда, по милости которыхъ приходится, разводя и наводя мосты, прерывать сношенія съ зарѣчными гостями города. Около 13 ноября Нева становится иногда чисто, иногда же очень не гладко, причемъ льдины, массами столкнувшись другъ съ дружкой, перпендикулярно выдающимися пирамидами покрываютъ скованную рѣку.

По прошествіи пяти-шести дней при сильныхъ морозахъ кладуться черезъ Неву мостки, для сокращенія пути пѣшеходамъ, въ скоромъ времени уже и легковымъ извощикамъ позволяютъ переѣзжать по Невѣ, а когда ледъ окрѣпнетъ, потянутся съ утра до вечера по рѣкѣ тысячи подводъ съ дровами, дичью и съ другими деревенскими товарами, которыми окрестные жители, за весьма высокія цѣны, дѣлятся съ горожанами. Къ тому времени по всѣмъ трактамъ можно видѣть мужиковъ, которые, покончивъ полевыя работы, тащутся, кто съ кляченкой на саняхъ, кто на дровняхъ, а кто и на своихъ на двоихъ въ Петербургъ—заработать кусокъ хлѣба и лишній грошъ на покрытіе недоимки.

Придетъ мужичекъ другой съ сынишкой, съ лошадкой откуда-нибудь изъ далека и наймется къ какому-нибудь подрядчику въ ледоколы, а ледъ тѣмъ временемъ крѣпнетъ да толстѣетъ.

Откупитъ подрядчикъ у Думы мѣсто, нагонитъ народу, и станутъ они съ разсвѣта до вечера ломами рубить и колоть зимнюю одежду красавицы Невы.

Много вырубятъ они кабановъ, много повывезутъ, и не одинъ разъ придется сынишкѣ Сенькѣ подвозить кабановъ съ Невы куда-нибудь въ средину города. И не мудрено, что, взваливъ съ помощью отца кабанъ на сани, Сенька прикурнетъ на немъ и задумается о своей деревушкѣ, о родной семьѣ и сестренкѣ Машкѣ... И трудно ему въ Питерѣ, да что дѣлать, надо батькѣ помочь...

Встряхнетъ Сеня своей кудрявой головенкой, надвинетъ на глаза шапку, хлыснетъ свою Пѣгашку и поѣдетъ шажкомъ сваливать кабанъ у ледника.

Вырубка льда и снабженіе имъ Петербурга играетъ во многихъ отношеніяхъ довольно важную роль. Въ Петербургѣ считается по послѣдней переписи около 20 тысячъ домовъ, именно 19,432 д.; кладя круглымъ числомъ столько же ледниковъ, на наполненіе ихъ потребуется 484,800 кабановъ, т. е. около полумильона, считая по 25 кабановъ на каждый. Если считать кабанъ по 20 копѣекъ (такъ какъ они, смотря по времени и дорогѣ, продаются отъ 10 до 30 коп.), то это составитъ 96,900 руб. т. е. почти сто тысячъ.

Но исключая вырубки и колонья льда, Нева доставляетъ еще много другихъ выгодъ и удовольствій. Какую выгоду напримѣръ приносятъ хозяевамъ, несмотря на плату за мѣсто въ Думу, несмотря на содержаніе людей, такъ-называемые катки, на которыхъ съ утра до вечера можно видѣть сотни конькобѣжцевъ. Или возьмемъ теперь мѣста, на которыхъ устроиваются рысистыя бѣги и т. п. Но вотъ пришли праздники, святки, масляница—и съ сѣвера по Ладожскому озеру и по Невѣ пріѣхали къ намъ Самоѣды съ семействами, юртами и оленями, пользуясь плотнымъ льдомъ, покатать нашу публику на быстрыхъ оленяхъ.

И кажется какъ-то страннымъ, что на югѣ въ Крыму, чтобы свертѣть мороженое, надо посылать татарина за большія деньги на горы въ ущелья за мѣшкомъ снѣга, а ледъ производить искуственно, платя за машины по 25 тысячъ франковъ. И все это происходитъ у насъ же въ Россіи, гдѣ на сѣверѣ болѣе полугода моря и рѣки окованы льдомъ. И странно слышать и знать, что цѣлые корабли, нагруженные льдомъ, переплываютъ Атлантическій океанъ изъ Америки въ Италію и ведутъ торговлю на милліоны долларовъ, когда одна Нева уноситъ льду на цѣлые мильярды.

На стр. 29 изображены ледоколы за работой на Невѣ.

Соборъ Пресв. Богородицы въ селѣ Измайловѣ.

Воспоминанія объ историческихъ событіяхъ переносятъ насъ къ временамъ давно минувшимъ, Москва и окрестности ея представляютъ намъ богатую и наглядную лѣтопись достопамятныхъ происшествій въ быту нашихъ царей. Село *Измайлово*, какъ и Коломенское, было пріютомъ ихъ въ лѣтнее время. Это *дворцовое* помѣстье есть старинная отчина бояръ Романовыхъ, оно почти граничитъ съ селомъ Черкизовымъ и находится между дорогами: Владимірскою и Остромынкою, въ двухъ верстахъ отъ заставъ Преображенской и Семеновской.

Измайлово состоитъ изъ дворцовыхъ зданій, изъ двухъ каменныхъ церквей и изъ остатковъ звѣринца съ бывшими садами; при тамошнихъ слободахъ находится церковь во имя *Рождества Христова*, сооруженная въ XVII в., а дворецъ (нынѣ перестроенный въ богадѣльню) примыкалъ къ двухъ - этажной церкви, сооруженной во имя *св. Іосафа*, царевича индѣйскаго, и *Всѣхъ Святыхъ*; въ верхнемъ этажѣ ея видны хоры, на которыхъ царицы и царевны стояли во время богослуженія. Двѣ мѣдныя доски, найденныя подъ престолами храма, свидѣтельствуютъ о времени

сооруженія ея; на первой доскѣ начертано, что эта церковь основана въ честь и память препод. отца, царя Іоасафа Индѣйскаго, при державѣ царя Ѳеодора Алексѣевича и при патріархѣ Іоакимѣ, и въ ней положены мощи св. мученика Мины и Гавріила Египтянина, въ лѣто 7137 (1679) г.

На второй доскѣ начертано: «Основася сія церковь въ честь и память Всѣхъ Святыхъ, при державѣ Вел. Гос. Царя Ѳеод. Алекс. и при свят. патріархѣ моск. Іоакимѣ, и въ ней положены мощи св. мученикъ въ то же лѣто».

Около половины XVII ст. въ Измайловѣ была уже церковь *Покрова Божіей Матери* (что видно изъ дѣлъ Патріаршаго Приказа), тогда еще деревянная; въ настоящее же время предъ восточными воротами бывшаго дворцоваго зданія, величественно возвышается массивный каменный *соборъ* въ честь *Покрова Пр. Богородицы*, о пяти главахъ, покрытыхъ чешуйчатымъ гонтомъ, въ него вели три входа съ высокими крыльцами (теперь два входа уничтожены). Наружныя стѣны храма со всѣхъ сторонъ сведены полукружіями, мишени въ которыхъ красиво испещрены разноцвѣтными кафелями; своды храма поддерживаются четырмя четырегранными столбами, между которыми для пѣвчихъ устроены хоры съ винтообразною лѣстницею. Алтарь въ полукружіяхъ раздѣленъ на три части: съ востока освѣщается онъ тремя длинными окнами, а по бокамъ двумя съ дугообразными перемычками и слюдяными оконницами. Прекрасный пятипоясной алтарный иконостасъ украшенъ иконами въ греческомъ стилѣ; величественный алтарь обширностію своею показываетъ, что онъ предназначенъ былъ для соборнаго служенія. За правымъ клиросомъ, у столба, находилось царское мѣсто, по обыкновенію обитое алымъ сукномъ.

Архитектура Измайловскаго собора подобна Успенскому, въ Московскомъ Кремлѣ; его началъ созидать царь Алексѣй Михайловичъ, а докончилъ сынъ его, Ѳеодоръ. Этотъ величественный храмъ принадлежитъ къ византійско-русскому зодчеству, онъ освященъ патріархомъ Іоакимомъ въ праздникъ Покрова Божіей Матери, октября 1-го 1679 года Въ немъ отслуженъ былъ первый благодарственный молебенъ по случаю рожденія царевича Петра Алексѣевича.

Вмѣсто соборной колокольни высится тамъ, на юго-востокъ, шатровая башня съ широкими подъѣздными воротами. Въ нижнемъ ярусѣ ея помѣщался весь церковный причетъ; въ среднемъ, называемомъ *сенатскимъ*, во время пребыванія тамъ царей, собиралась *дума* (впослѣдствіи *сенатъ*); а въ верхнемъ была *звонница*, тамъ и до сихъ поръ висятъ сохранившіеся колокола. Между соборомъ и дворцомъ устроенъ былъ каменный мостъ съ парапетами. Въ настоящее время пристроены къ сѣверной и южной сторонамъ собора два большіе каменные корпуса, почему и сломаны два крыльца, которыя придавали стройность и сановитость соборному храму; на восточной сторонѣ его высится третій новый корпусъ.

1837 г. ноября 2-го Измайлово посѣтилъ и тщательно осматривалъ священные остатки маститой старины нынѣ-царствующій Императоръ Александръ II-й (тогда еще Наслѣдникъ русскаго престола); державный родитель его, Николай I-й, того же года, ноября 19-го, рескриптомъ своимъ, даннымъ на имя тогдашняго военнаго генералъ-губернатора Москвы, кн. Дм. Вл. Голицына, предназначилъ въ Измайловѣ военную богадѣльню для призрѣнія ветерановъ Измайловскаго и другихъ русскихъ полковъ. Эта богадѣльня, освященная воспоминаніями о родовомъ помѣстьѣ дома Романовыхъ— названа *Николаевскою*.

Про Измайлово одобрительно отзывались и иностранные послы, какъ напримѣръ польскаго короля Вишневецкаго въ XVII ст.; въ донесеніи своемъ они говорятъ, что видѣли въ немъ многія хозяйственныя заведенія и церковь съ дворцомъ о трехъ кровляхъ, а противъ него большое каменное гумно и разный хлѣбъ въ скирдахъ. Кромѣ пребыванія тамъ царской фамиліи въ лѣтнее время, въ храмовые праздники пріѣзжалъ туда и Петръ I-й къ обѣднѣ, а царица Евдокія съ царевнами праздновала тамъ дни рожденія и имянины своего супруга; въ то время угощали тамъ и поселянъ измайловскихъ. Въ дворцовыхъ теремахъ царевны занимались разными женскими рукодѣліями: они пряли ленъ и сами ткали новину, шили изъ нея рубашки, ширинки и убрусы, вышивали золотомъ, бисеромъ и разноцвѣтными шелками пелены и облаченія церковныя, списывали киноварью псалтыри и ежедневно хаживали къ церковной службѣ изъ своихъ укромныхъ теремовъ, черезъ крытые переходы въ дворцовую церковь. Въ праздничные дни около царскихъ хоромъ сельскія дѣвицы водили хороводы, за то имъ дѣлали разные подарки и угощали пряниками и другими незатѣйливыми сластями. На масляницѣ тамъ бывало веселое катанье съ горъ, въ которомъ участвовала и царская фамилія.

Вспомнимъ, что Петръ увидалъ въ Измайловѣ, въ сараѣ подъ навѣсомъ, ботикъ, который принадлежалъ Ник. Ив. Романову и который, по приказанію царя Ал. Мих. былъ перестроенъ; въ немъ плавалъ государь по измайловскимъ прудамъ, потомъ спущенъ онъ былъ на Яузу, тогда еще глубокую и ярую,—и прозванъ *дѣдушкою русскаго флота*.

Императрица Анна Ивановна, вскорѣ послѣ своей коронаціи, съ большимъ церемоніаломъ отправилась въ Измайлово, гдѣ пробыла цѣлое лѣто; въ память этого мѣста она наименовала вновь-сформированный ею гвардейскій полкъ *Измайловскимъ*, себя объявила она полковникомъ его, а Бирона подполковникомъ. Имп. Елизавета, посѣщавшая также часто Измайлово, приказала сдѣлать изъ него просѣку въ село Перово.

Когда на берегахъ Невы образовалась новая столица и дворъ переселился въ нее—Измайлово стало клониться къ упадку... Импер. Николай придалъ ему новую жизнь основаніемъ въ немъ помянутой богадѣльни.

Въ заключеніе скажемъ, что близъ Измайлова и неоглядная звѣринца въ недавнее время устроенъ прекрасный пчельникъ, съ красивыми зданіями.

С. Любецкій.

Николай I Петровичъ князь Черногорскій.

Еще съ войнъ Петра I съ турками—черногорцы стали смотрѣть на Россію какъ на единовѣрную покровительницу ихъ маленькаго храбраго народа, умѣвшаго отстаивать цѣлые три вѣка свою независимость, оставаясь со всѣхъ сторонъ окруженными турками. Владѣтели Черногоріи предпринимали поѣздки въ отдаленную Рос-

сію, засвидѣтельствовать свое уваженіе владыкамъ нашимъ.

Пріѣздъ Князя Николая въ Петербургъ въ 1869 г. возбудилъ много толковъ въ кружкахъ подозрительныхъ западныхъ дипломатовъ; но появленіе владѣтеля страны постоянно питавшей братскую преданность Россіи и такъ обязанной ея дружеской поддержкѣ — такъ на самомъ дѣлѣ естественно, что, прямо относясь къ дѣлу, могли бы его пропустить, безъ всякихъ толкованій и предположеній, наши недоброжелатели. «Нива» на страницахъ своихъ помѣстила изображенія многихъ уже замѣчательныхъ современниковъ — и князя Николая Черногорскаго нельзя не включать въ семью ихъ, тѣмъ болѣе еще какъ представителя одного изъ славянскихъ племенъ, лично проявившаго способности и административныя и воинскія, и взглядъ на настоящее положеніе вещей, болѣе простаго признанія совершившихся фактовъ.

Князь Николай I Петровичъ родился 25 сентября 1841 года, въ палунской нахіи (округъ черногоріи), въ селѣ Хераковичахъ, составляющемъ принадлежность племени Негошей, изъ котораго происходитъ онъ. Отецъ его былъ извѣстный предводитель войскъ черногорскихъ, великій воевода на Бердѣ и предсѣдатель, мѣстнаго собранія представителей — Марко Петровичъ, родный братъ князя Данила, а мать Станислава дочь Станислава Мартиновича изъ храбраго братства Мартиновичей. До пятнадцати лѣтъ Николая учили въ школѣ, въ Цетиньѣ и потомъ въ Тріестѣ, а съ 1856 по 1860 г. провелъ онъ въ Парижѣ, въ лицеѣ Людовика Великаго, — до самаго избранія (13 августа 1860 г.) въ правители черногорскаго народа, за смертью дяди — князя Данила. На первыхъ же порахъ (8 ноября 1860 г.), юный правитель сочетался бракомъ съ дочерью воеводы и сенатора Петра Вукотича Миленою Петровною (родилась 22 апрѣля 1847 г.), подарившею ему 30 іюня нынѣшняго года и наслѣдника престола — продолжателя рода, до того рожая дочерей (Зорку, Милицу, Стану). Рожденіе сына владѣтеля Черногоріи—для его народа должно дѣйствительно считаться событіемъ важнымъ, но значеніе его еще усилилъ знакъ милостиваго вниманія нашего Императора, соизволившаго быть его воспріемникомъ и пославшаго флигель - адъютанта Толстаго.

Соборъ Пресвятой Богородицы въ селѣ Измайловѣ.
Рисовалъ Александръ де Баръ, гравировалъ Паннемакеръ.

Правленіе своимъ маленькимъ княжествомъ князь Николай принялъ въ самое трудное время, когда стать заодно съ возставшей Сербіей обязывалъ Черногорію долгъ братства и единство цѣли — борьба противъ притѣснителей, а силъ противупоставить врагамъ общимъ было недостаточно. Средняя же дорога поддержки, моральной и матеріальной, вовлекла Черногорію, противъ воли и желаній ея правителя, въ открытую войну съ турками, ими объявленную. Врагамъ исконнымъ черногорцевъ впрочемъ не пришлось много порадоваться и пожинать лавры, по ихъ ожиданіямъ дешевые. Въ Криницѣ, на Медунѣ, Пивѣ, въ ущельяхъ Дужскихъ на Китѣ, при Ништицахъ, Пресѣкѣ, Матиничахъ— герои черной горы доказали, что они достойные дѣти отцовъ своихъ и мужество уравниваетъ силы до того, что самое численное превосходство не спасаетъ оттомановъ отъ пораженій. Князь Николай лично участвовалъ въ бояхъ: въ Шоранцахъ, на Тарѣ, на Рудвинѣ Полѣ, Гробу, Пржникѣ, Плану, на Раслиной Головицѣ, въ Коловозѣ и проч. Турки унизились до подсыланія убійцы наемнаго, успѣвшаго ранить лошадь храбраго предводителя черногорцевъ, въ свою очередь склонившагося на миръ съ ними, уже послѣ договора Сербовъ, оставившихъ одного его. Тогда дипломатическое содѣйствіе Рос-

сіи явилось поддержкою требованій князя Николая Петровича—и турки, снявъ укрѣпленный лагерь близь Спужа, на Раселинной Главицѣ, срыли еще свои крѣпости на Кокошевинѣ и Высочицѣ.

Успокоенный отъ внѣшнихъ враговъ, князь Николай занялся преобразованіемъ своей военной силы—и успѣвъ довести ее до 24,000, вооружилъ армію эту оружіемъ новаго устройства, основавъ въ Рѣкѣ арсеналъ и усиливъ 4-мя баттареями нарѣзныхъ орудій свою артиллерію. Давая новую конституцію Черногоріи своей, въ 1868 году, князь Николай Петровичъ, въ видахъ уменьшенія податей жителей — хотя лѣтъ за семьдесятъ платили они вдвое противъ настоящаго — ограничилъ свое содержаніе 6,000 дукатовъ, вмѣсто отпускаемыхъ до того 10,000 дукатовъ.

Народы Россіи.

V. Самоѣды.

Въ непроглядную даль легли необозримыя тундры Мезенскія; неровныя, топкія и болотистыя, тянутся онѣ отъ рѣки Мезени вплоть до каменныхъ отроговъ Уральскаго хребта и вновь ложатся за нимъ до устьевъ Сибирской Лены, пугая воображеніе своимъ однообразно - суровымъ простором. Низко ходятъ сѣрыя тучи надъ этою степью отдаленнаго Сѣвера. Большую часть года могильнымъ саваномъ кроетъ ее пелена бѣлаго окрѣпшаго снѣга. Тишь, вѣчная, подавляющая тишь. Только иногда въ безграничномъ пространствѣ поднимется пурга - грозовая; неудержимо подъ низко - нависшимъ небомъ стелется сѣверо-восточный вѣтеръ, словно дикій звѣрь, разгулявшійся на безлѣсныхъ гладяхъ. Горы пушистаго, бѣлаго снѣга наметываются и разметываются, покрывая высокими сугробами и случайнаго путника и промысловую избушку и убогіе берестяные чумы дикарей. Крутитъ и реветъ гроза, цѣлые дни тѣшится она своею несокрушимою мощью, пока не истощатъ ее могучіе порывы... И снова тишь, и снова мертвая пустыня лежитъ неподвижная подъ цѣлымъ океаномъ сѣрыхъ, словно свинецъ тяжело-надвигающихся тучъ.

Зимою въ яркіе солнечные дни снѣжная бѣлизна тундры такъ и слѣпитъ одинокаго спутника. Опухаютъ его вѣки, покроютъ ихъ нарывы и наконецъ самое зрѣніе его ослабѣетъ до такой степени, что послѣ заката онъ ничего не видитъ. Одно спасеніе—просидѣть нѣсколько дней въ темной комнатѣ, съ затворенными ставнями. Дикари—и тѣ, не смотря на свои узкіе, словно изъ глубокихъ щелей выглядывающіе глаза, страдаютъ здѣсь зимою—офтальміей. Снѣгъ лучится, распадается на миріады блестокъ, горитъ передъ вами ослѣпительно-яркими, точно изъ кремня высѣченными искрами. Вы не знаете куда дѣваться. Закроете глаза — и возбужденный нервъ рисуетъ вамъ огненныя спирали, огненныя линіи; откроете—и снова цѣлое море растопленнаго серебра сверкаетъ передъ вами. И такъ цѣлыя недѣли. Порою мелькнутъ мимо васъ олени, пригнувъ вѣтвистыя рога къ спинѣ и оставляя за собою узкій слѣдъ; ваши сани мчатся впередъ и впередъ —и все одна и та же ослѣпительно - яркая гладь и впереди и позади васъ. Но вотъ набѣгаетъ тучка, шире и шире расползается по небу; за ней, словно грозная рать, надвигается темно-сѣрая масса— и въ нѣсколько минутъ все небо заволакивается ею. Пустыня разомъ помертвѣла. Ни блеску, ни жизни. Завернитесь въ вашъ совокъ и спите, пока олени не довезутъ васъ до промысловой избушки или одинокаго чума.

Князь Николай I Петровичъ Черногорскій.

Лѣтомъ на два мѣсяца пробуждается эта тундра неисходная—и роскошно развертываются ея артистическіе пейзажи. Громадными безчисленными стаями, словно на званый пиръ, слетаются со всѣхъ сторонъ гуси, гагары, утки. Въ воздухѣ стоитъ отъ нихъ немолчный гамъ и стрекотъ. Кое-гдѣ на свѣтло голубомъ фонѣ чистаго горизонта тонко рисуются мягкіе, куполообраз-

ныя линіи далекихъ горъ, множество свѣтловодныхъ озеръ отражаютъ лазурь въ недосягаемую высь уходящихъ небесъ, посреди разноцвѣтныхъ, мшистыхъ, тундряныхъ пространствъ. Изобилующія рыбою рѣки и ручьи текутъ на сѣверъ. На ихъ моховыхъ пажитяхъ виднѣются домашніе олени. А тамъ дальше залегли травяныя болота съ круглыми, мягкими кочками. Узкіе луга съ листовыми порослями прорѣзали тундру, гдѣ она посуше. Повсюду цѣлыми тучами подымаются несносные комары—и еслибы не холодныя ночи да не глубокія впадины, гдѣ во все лѣто не таетъ снѣгъ и куда укрываются стада, то олени погибали бы отъ этихъ страшныхъ враговъ всего живого. Необозримый просторъ пестрѣетъ разнообразными цвѣтами, кустами а иногда и мелкимъ приземистымъ лѣскомъ.

Лиственница, ель, сосна и береза здѣсь мелкорослы, искривлены и часто стелятся по землѣ, вмѣсто того чтобы гордо подыматься къ синему небу. Топливо сѣвера—береговой ивнякъ выстилаетъ влажныя низменности. Рѣдко рѣдко багульникъ и можжевельникъ разнообразятъ растительное царство этого края. Болотныя травы смѣшиваются въ лугахъ съ кислицей, золототысячникомъ, мать и мачихой, волчьимъ корнемъ, щавелемъ, чернобыльникомъ, тысячелистникомъ, керчей и ложною ромашкой. Тутъ же подымаются зеленыя головки дикаго лука, колосья дикой ржи и свѣтло-фіолетовые вѣнчики дикаго гороха, пріятно разнообразящіе песчаныя пролежи близь морскаго берега. Изъ ягодъ здѣсь болѣе всего морошки, составляющей для самоѣда одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ продовольствія. Тутъ же брусника подъ темно зелеными листьями прячетъ свои пурпуровыя кисти, серебристо-синяя голубика выстилаетъ иногда сплошь безграничныя пространства. Тутъ же попадается и вороница.

Олений мохъ (ягель)—бѣложелтый, черный, синій, бурый, фіолетовый и бѣлый превращаетъ тундру въ мягкій, пушистый разноцвѣтный коверъ. Это пажити самоѣдовъ, это ихъ поля и угодья. Здѣсь цѣлый день гогочутъ и шумятъ гуси, утки, гагары, лебеди и перепелки, цѣлыми тучами подымающіяся при приближеньи оленьихъ стадъ.

Мертвая пустыня зимою—лѣтомъ тундра пропитываетъ стаи разнаго звѣря. Медвѣди пролагаютъ свои тропы отъ молчаливыхъ рѣчныхъ береговъ до ягодныхъ полей, дикіе олени смѣло пробираются къ моховымъ пажитямъ, отбиваясь отъ лакомыхъ до ихъ крови волковъ; лисицы, песцы, горностаи и зайцы снуютъ во всевозможныхъ направленіяхъ, снабжая самоѣдовъ и пустозеровъ своими теплыми шкурками, которыя отсюда отправляются или на югъ въ богатую Ижму, или въ Архангельскъ для окончательной выдѣлки.

Вечерней зарей особенно хорошъ этотъ оригинальный пейзажъ. Извѣстный Латкинъ, проѣзжавшій тундру и углублявшійся въ отдаленнѣйшій сѣверо-востокъ, видѣлъ горы самыхъ разнообразныхъ формъ, на которыхъ заходящее солнце играло всѣми отливами радуги. Передъ нимъ издали тянулись волнистыя линіи снѣжныхъ сугробовъ. Мѣстами казалось, что цѣлыя скалы были покрыты свѣтлорозовою, темною и синею эмалью. Ярко сіяли въ огненныхъ вѣнцахъ вершины нѣкоторыхъ горъ, таинственно мерцая нѣсколько времени спустя, когда солнце уже заходило за безлѣсною линіей тундряной окраины. Колокольчики, купальница, бѣлорозовыя ночи, незабудки пестрѣли передъ нимъ заманчиво-влекущими коврами.

Архимандритъ Веніаминъ, миссіонеръ этого заброшеннаго края, видѣлъ болѣе суровыя картины. Передъ нимъ тянулись то длинныя, упирающіяся въ небо громады, то высокіе полукруглые холмы, то возвышенности, доступныя человѣку. На вершинахъ первыхъ торчали ряды голыхъ темносѣрыхъ, утесистыхъ скалъ, или острыхъ, или тупыхъ. Облака часто скрываютъ эти громады отъ любопытныхъ взоровъ; зато когда солнце разсѣевало окружающую ихъ мглу и освѣщало ихъ грозныя вершины, онѣ представлялись изумленному путешественнику въ необыкновенномъ, потрясающимъ душу величіи.

Обитатели этого полярнаго края главнымъ образомъ распадаются на три племени: потомки смѣлыхъ новгородскихъ ушкуйниковъ, грабившихъ и воевавшихъ чудь бѣлоглазую, поселились на заманчивыхъ берегахъ Печоры и при ея устьяхъ, въ привольи промысловыхъ угодій, образовавъ Пустоз[illegible]скую и Усть-Цилемскую волости. Выселившіеся изъ Вологодской губерніи—зыряне, торговый элементъ юговостока Архангельской губерніи, основались по бассейну рѣки Ижмы. Наконецъ инородцы—самоѣды, исконные владѣльцы края, бродятъ въ сѣверной полосѣ Мезенскаго уѣзда отъ рѣки Мезени до рѣки Кары и Уральскаго хребета, вдоль безлюдныхъ и суровыхъ береговъ Ледовитаго Океана.

Вотъ передъ вами этотъ дикарь, малорослый, коренастый, коротконогій, съ уродливымъ, словно застывшимъ въ выраженіи тупаго равнодушія, лицомъ. Выдавшіяся скулы, широкій и плоскій носъ, узкіе вкось-прорѣзанные глаза, волоса почти всегда черные, жесткіе и рѣдкіе—хорошо обрисовываетъ расу, къ которой принадлежитъ это племя. Самоѣды впрочемъ не аборигены края. Не смотря на мнѣнія Левальда и Кастрена, въ настоящее время положительно доказано, что запечорье было занято ими впослѣдствіи, когда вытѣсненные изъ Азіи самоѣды въ свою очередь потѣснили изъ Европейскаго Сѣверо Востока народъ печору или пещору, жившій въ береговыхъ и горныхъ пещерахъ или въ подземныхъ жилищахъ, которыя и до настоящаго времени сохранились по берегамъ рѣки Коротаихи, близь внутреннихъ озеръ и въ каменистыхъ предгоріяхъ Уральскаго хребта. Въ этихъ древнихъ убѣжищахъ нынѣ-изчезнувшаго племени встрѣчаются обломки мѣдной, желѣзной и глиняной посуды, грубо отдѣланной повидимому самими троглодитами. Тутъ же находятъ и человѣческія остовы. Лепехинъ полагаетъ, что печенѣги были обломками народа пещеры. Мнѣніе ученаго Лерберга, что народъ пещора и самоѣды—одно и то же племя, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Во первыхъ, строеніе череповъ тѣхъ и другихъ весьма различно, а во вторыхъ, мѣдныя и желѣзныя издѣлія никогда не производились настоящими владѣльцами тундръ. Предполагать, что раса печорская выродилась въ кочующихъ номадовъ сѣвера—нѣтъ никакихъ основаній и слѣдуетъ предположить, что самоѣды тѣснимые изъ своего отечества, вступили въ борьбу съ пещорой—и въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени или истребили или выжили изъ края эту расу. По всей вѣроятности, далекое прошлое здѣсь было богато кровопролитными битвами, варварствомъ и истребительными опустошеніями, всегда ознаменовывающими борьбу за существованіе между двумя племенами, сталкивающимися на одной аренѣ. Вооруженные луками и дубинами, самоѣды спустились съ уральскихъ горъ въ страну мирную, гдѣ звѣриная и рыбная ловля кормила убогихъ

жителей пещеръ. Свирѣпые и воинственные (таковы были самоѣды и прежде, таковы и теперь кочующіе въ Сибири самоѣды карачайскіе), они кинулись на аборигеновъ края, устрашенныхъ уже и вашимъ видомъ уродливыхъ пришельцевъ. Обливъ кровью завоеванный край, самоѣды стали его единственными владѣтелями, до тѣхъ пора пока сюда не явились смѣлые новгородскіе ушкуйники.

Позднѣйшее названіе Печоры, которое придавалось самоѣдамъ и барономъ Герберштейномъ и новгородцами, по всей вѣроятности было лишь именемъ края а не его обитателей. Принадлежность самоѣдовъ къ расѣ сибирскихъ инородцевъ доказывается какъ общностію языка, вѣры и обычаевъ, такъ и почтенными изслѣдованіями Фишера, въ его исторіи Сибири. По мнѣнію его, Красноярскіе остяки и Томскіе камаши — тѣ же самоѣды. Названіе самоѣдовъ одни производятъ отъ финскихъ словъ: *соома* (болото) и *ово* (единъ) — одно болото, т. е. тундра; но гораздо болѣе заслуживаетъ уваженія объясненіе: что употребленное еще Несторомъ имя *Самоядь*, и позднѣйшими лѣтописцами *Самоѣдь*, *Самоѣдцы*, *Самоѣды* произошло отъ распространеннаго нѣкогда предразсудка, что самоѣды, пожирая сырое мясо, будучи *сыроядцами*, не отказываются и отъ болѣе утонченной кухни, поѣдая своихъ враговъ и самихъ себя.

Сами себя самоѣды называютъ хозово, хасово, хассово; что значитъ—*хозъ* (самъ) а *ово* (одинъ)—самъ одинъ или самоединъ. какъ объясняетъ Бѣлявскій въ своей «поѣздкѣ къ Ледовитому морю». Извѣстный ученый Кастренъ въ языкѣ самоѣдовъ нашелъ болѣе сотни словъ схожихъ съ финскими нарѣчіями.

Самоѣды Мезенскіе раздѣляются на шесть именъ: лаггей (локей, лохей), тыссей, хатанзей, выучей, ванюйта (ванюта) и валлей. Самоѣды сибирскіе принадлежатъ къ отдѣльному роду Карачеевъ, или Карачаевъ. Первые шесть родовъ кротки и смирны, убійства между ними рѣдки, ссоры и драки начались вмѣстѣ съ воровствомъ со временъ подвоза къ нимъ пустозерами и ижемскими зырянами водки. Женщины самоѣдки — стыдливы и трудолюбивы, рѣдко можно увидать ихъ праздными.

Племя это отличается весьма положительными достоинствами. Самоѣды, по свидѣтельству лицъ, близко знающихъ ихъ, помогаютъ другъ другу, охотно дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба. «Бываютъ, говоритъ архимандритъ Веніаминъ,—случаи, что самоѣды кормятъ цѣлыя семейства бѣдныхъ своихъ земляковъ и даютъ имъ безо всякой платы своихъ оленей для ѣзды по тундрѣ, часто на весьма долгое время».

Самоѣды иногда женятся на русскихъ, но русскіе на самоѣдкахъ—никогда. Браки между зырянами и самоѣдами весьма часты. Самоѣды употребляютъ въ лѣсахъ и пустыняхъ Сѣвера компасъ, называемый ими по примѣру зырянъ и пустозеровъ—*маткой*. Они далеко не лишены умственныхъ способностей. Нѣкоторыхъ изъ нихъ свободно владѣютъ пятью языками: остяцкимъ, русскимъ, зырянскимъ и такъ называемымъ языкомъ манчей. Одинъ изъ этихъ дикарей, служившій на шкунѣ богатаго Мезенца и не разъ побывавшій за границей, хорошо знакомъ былъ съ англійскимъ, нѣмецкимъ, норвежскимъ, русскимъ, французскимъ, зырянскимъ и остяцкимъ языками. Всѣ самоѣды, кромѣ того, превосходные моряки, почему пустозеры весьма охотно нанимаютъ ихъ на свои суда.

— Отчего вы не поете никакихъ пѣсенъ? спросилъ я разъ у встрѣтившагося мнѣ самоѣда.

— Нѣкогда, лаконически отвѣтилъ тотъ.

— Есть же у васъ какія нибудь пѣсни?

— Нѣту у насъ пѣсенъ. Русскія поемъ, кто знаетъ.

— А сказки разсказываете?

— Нѣтъ.

— Такъ у васъ и сказокъ вовсе нѣтъ?

— Есть, да пустыя.

Дѣйствительно, ихъ легенды и преданія крайне однообразны и безжизненны, какъ самыя тундры, обитаемыя ими. Воображенія, широкаго смѣлаго полета мысли—нечего ждать отъ расы, вся жизнь и исторія которой заключается въ тяжелой борьбѣ съ суровой природой, въ вѣчномъ труженичествѣ и кабалѣ у богатыхъ сосѣдей зырянъ и русскихъ. Сѣрое, низко-нависшее небо сковало ихъ думы, мертвенное молчаніе непроглядныхъ гладей убило въ ихъ натурѣ всѣ потребности духовныхъ наслажденій. У самоѣдовъ и самыя промышленныя способности въ зародышѣ, потому что ихъ разрозненность и бѣдность естественныхъ произведеній страны не даютъ возможности развиться между ними ассоціаціи труда, которая однако давно уже извѣстна другимъ инородцамъ, хотя бы тѣмъ же зырянамъ и манчамъ. Дикари всѣхъ другихъ странъ соединяются въ правильныя общины; какъ только отъ охоты они начинаютъ переходить къ скотоводству, необходимость общей обороны и охраненія стадъ понуждаютъ ихъ къ этому. Самоѣдъ и теперь, какъ прежде, въ одиночку пасетъ своихъ оленей. Длинныя зимы погружаютъ въ спячку, бездѣятельность и вялость это племя; короткое лѣто не возстановляетъ ихъ умственныхъ силъ. Вслѣдствіе этого самоѣдъ повидимому живетъ чисто-внѣшнею жизнью, непосредственными ощущеніями. Самоѣдъ во многомъ еще ребенокъ, ему нравятся исключительно яркіе цвѣта, онъ не способенъ вглядываться въ природу, подмѣчать взаимныя соотношенія между ея явленіями. Немногія теоретическія представленія онъ выражаетъ словами, почерпнутыми изъ чисто внѣшней природы. Низшіе органы чувствъ у него въ значительной степени преобладаютъ надъ высшими. Самоѣдъ не понимаетъ ничего, что не имѣетъ формы и тѣла; отсюда смутныя, неясныя представленія его о будущей жизни, да и то большая часть расы не создаетъ о ней никакого представленія. У самоѣда нѣтъ миѳовъ, въ точномъ значеніи этого слова, потому что нѣтъ обобщенныхъ представленій о природѣ.

«Однажды, разсказывалъ одинъ самоѣдъ русскому путешественнику Латкину, — ижемцы проходили ночью между горъ и вдругъ слышатъ шумъ, крики и пѣнье. Пошли на голоса — думаютъ тамъ наши чумы, а нашли нѣсколько срубовъ съ покойниками, и кругомъ все тихо. Ижемцы въ испугѣ ушли отъ такого страшнаго мѣста, но долго гналось за ними пѣнье мертвыхъ и слышна была снова ихъ пляска».

Въ такомъ родѣ и всѣ ихъ легенды—краткія, доказывающія блѣдность вымысла, скудость воображенія и младенчество мысли. Нѣкоторыя изъ нихъ вѣрятъ, что покойники бродятъ по свѣту, другіе же и вовсе не могутъ представить, что дѣлаетъ человѣкъ послѣ смерти. Возьмите дикарей—поставленныхъ въ лучшіе этнографическія условія, какія чудныя, поэтическія пѣсни поютъ они, какою дѣвственно-свѣжей природой дышатъ ихъ легенды! Отъ преданія о Гайяватѣ—вѣетъ на васъ и мечтательнымъ шумомъ зеленаго лѣса, и прохладою утонувшаго въ пурпурномъ сіяньи заката, вечера, и радостною пѣснею и грохотомъ весеннихъ потоковъ, ве-

село смывающихъ гранитныя скалы. Сравните съ этими перлами поэзіи преданія самоѣда.

— Разъ пришелъ къ намъ манча, разсказывалъ мнѣ одинъ изъ нихъ исторію любви, въ которой обыкновенно концентрируются поэтическія силы народа.—Пришелъ манча и увидѣлъ иньку (самоѣдку). Хорошая была инька. Знала водиться съ оленемъ, шила хорошія малицы. Выпилъ онъ съ нею водки, много пилъ водку, пока не напились оба. Приходитъ мужъ и застаетъ ихъ вмѣстѣ—что́ дѣлать? Убилъ манча мужа и взялъ иньку съ собою. Идутъ они по тундрѣ... Идутъ день и другой. На третій за ними показались олени. «Стой, манча, это мужъ ѣдетъ за мною!» говоритъ инька. «Не мужъ твой это, а сосѣди должно быть. Хорошо я убилъ твоего мужа, ножъ глубоко вонзилъ ему въ сердце». «А повернулъ-ли ты ножъ?» спрашиваетъ инька: «повернулъ-ли ты ножъ въ сердцѣ моего мужа?» «Забылъ я повернуть въ сердцѣ твоего мужа мой острый ножъ» отвѣчаетъ манча. «Значитъ это онъ ѣдетъ за мною!».. Вернулся манча и увидѣлъ убитаго имъ человѣка. Опять всадилъ онъ ему ножъ въ сердце, и упалъ мужъ украденой имъ иньки. Повернулъ манча въ сердцѣ его свой острый ножъ. «Владѣй моей инькой, бери моихъ оленей, говоритъ ему убитый,—а для меня сдѣлай одно: поди на высокую гору, позови Тадибея и принеси Тявуй-Нуму въ жертву бѣлаго оленя, бѣлаго лучшаго оленя, па высокой, па самой высокой горѣ».

Вотъ вамъ и народная поэзія, болѣе этого не ждите отъ самоѣда.

Отношенія самоѣда къ дѣтямъ не особенно хороши. Случается, что отецъ или мать отдаютъ своего ребенка за горсть табаку, за оленя, или за бутылку водки. Впрочемъ, дѣти обращаются съ своими родителями почтительно и кормятъ ихъ до старости.

Самоѣды карачаи, живущіе въ Сибири, чрезвычайно хищны, злы и бѣдны. Они пробавляются грабежемъ—и часто убивая мезенскихъ самоѣдовъ, уводятъ съ собою ихъ стада. Вооружены они луками съ длинными стрѣлами и весьма ловко владѣютъ этимъ оружіемъ. Нѣкоторые изъ нашихъ самоѣдовъ вѣрятъ въ сверхъестественную способность карачаевъ заговаривать ножи и пули. «Пули отскакиваютъ отъ нихъ какъ отъ камня, ножи упираются въ нихъ словно въ дерево». Зная это, самоѣды добровольно отдаютъ имъ десятую часть стадъ своихъ. «За карачаями, говорятъ они,—живутъ еще чудные люди; ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь—они скроются, куда—никто не знаетъ: видно въ землю уходятъ!»

Карачаи прежде ставили въ довольно затруднительное положеніе наше правительство. Обитая между рѣкою Обью и Енисеемъ по Океанскому прибрежью, они въ 1730, 1732, 1746 годахъ дѣлали смѣлыя набѣги на русскія села, на *самоядь пустозерскую* и даже осмѣлились осадить острогъ Пустозерскій; а въ 1799 году, это хищное племя добралось до пермскихъ селеній и разграбило ихъ, почему правительство нѣсколько разъ посылало войска для ихъ усмиренія. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что самоѣды карачаи совершенно походятъ на мезенскихъ самоѣдовъ, если исключить ихъ воинственность и свирѣпость.

Наши мезенскіе самоѣды по занимаемымъ ими тундрамъ дѣлятся на канинскихъ, тиманскихъ или малоземельскихъ, и на большеземельскихъ.

Первые кочуютъ на Качинскомъ полуостровѣ, далеко врѣзывающимся въ Сѣверный океанъ и покрытомъ по окраинамъ своимъ каменистыми горами. Лѣса здѣсь рѣдки. Климатъ чрезвычайно суровъ, холодный сѣверный вѣтеръ часто среди лѣта навѣваетъ почти зимнюю стужу, ясные дни не часты, вечеромъ и ночью густые туманы покрываютъ вершины горъ и плоскія возвышенности страны; осенью и зимою на необозримомъ просторѣ стелются страшныя мятели, иногда по цѣлымъ недѣлямъ гуляя по Тундрѣ.

Не привлекательный край. Здѣшніе самоѣды отличаются особенно угрюмымъ складомъ характера и несообщительнымъ нравомъ.

Тиманскіе или малоземельскіе самоѣды кочуютъ между рѣками Пешею и Печорой, вплоть до рѣки Цильмы къ югу. Большеземельскіе самоѣды занимаютъ громадную площадь отъ Печоры до Уральскихъ горъ и отъ береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана на югъ до волостей зырянскихъ. Они въ свою очередь подраздѣляются на пустозерскихъ, ижемскихъ и усть-цилемскихъ. Въ тундрахъ, принадлежащихъ первымъ, прорѣзываются значительные каменные хребты—и въ одномъ изъ нихъ находится проломъ, чрезъ который ижемцы и пустозерцы отправляются въ Сибирь за пушными мѣхами. Это торговый нервъ нашего Сѣвера. Это единственный путь между двумя одинаково-малолюдными, одинаково эксплуатируемыми и одинаково богатыми краями.

Близь рѣкъ Талаты и Великой тянутся величавыя самоѣдскія горы, возносящіяся при сліяніи Югорскаго Шара съ Краснымъ моремъ въ недосягаемую высь Грознымъ, свѣтложелтымъ утесомъ, къ которому дикари питаютъ религіозный ужасъ. Тундры остальныхъ самоѣдовъ не особенно замѣчательны.

Стихотвореніе.

Nos desirs sont pareils aux longues caravanes...
Henri Cantel.

О, грезы и мечты! Вы словно караваны,
Что ищутъ оазисъ затерянный въ пескахъ,
Гдѣ свѣтится ручей въ цвѣтущихъ берегахъ
И тихо зыблются высокіе платаны;
Гдѣ воздухъ, освѣжась дыханьемъ южныхъ грозъ,
Такъ щедро напоенъ благоуханьемъ розъ,
И слышны въ сумеркахъ надъ спящею долиной
Мелодіи ручья и пѣсни соловьиной;
Гдѣ пальма стройная легко и величаво
Въ прозрачномъ воздухѣ рисуется вдали,
Гдѣ надъ руинами столѣтія прошли
И вѣетъ ихъ таинственная слава.
Раскинувъ свой шатеръ, тамъ путникъ и теперь
Не можетъ разгадать забытыхъ начертаній
На мраморѣ руинъ—слѣдовъ былыхъ дѣяній—
Къ загадкамъ прошлаго заложенную дверь
За нею — свѣтлый міръ высокихъ вдохновеній,
Развѣнчанныхъ боговъ, заманчивыхъ видѣній,..
Откуда слышится то шорохъ то отзывъ,
Какъ вѣтра тихаго полуденный порывъ,
Когда сходя отъ горъ къ таинственнымъ долинамъ,
Онъ дремотно скользитъ по вѣтвямъ и вершинамъ
Высокихъ тополей, смѣняя жгучій зной
Подъ рѣдкой тѣнью ихъ прохладою живой.

В. Н. Д.

Фельетонъ.

Старый вопросъ о пьянствѣ. — Старыя мѣры къ искорененію зла. — Мы, наконецъ, беремся за умъ.—Примѣръ для подражанія нашимъ провинціямъ.—Г. Монаховъ въ роли Чацкаго.—Прощаніе публики съ г-жей Лавровской.

«Народъ грубъ! народъ пьянствуетъ! народъ пропиваетъ послѣднюю рубашку»! слышится обыкновенно, когда рѣчь зайдетъ о нашемъ меньшомъ братѣ. «Посмотрите, къ чему все это приводитъ!» добавляютъ при этомъ другіе: «воровство и вообще всякія преступленія противъ собственности увеличиваются, прежнія здоровыя начала разлагаются, семья теряетъ свое значеніе, община — свою власть, мірской судъ является однимъ пустымъ звукомъ, имущественные классы — какой-то жертвой искупленія» и т. далѣе, и т. далѣе. — «Необходимо положить этому конецъ, необходимо пресѣчь зло въ началѣ, когда оно еще не составляетъ на-

Петербургскіе ледоколы.

Рисовалъ Фреманъ, гравировалъ Паннемакеръ.

шего органическаго порока», глубокомысленно замѣчаютъ третьи и начинаютъ измышлять разныя «мѣры для искорененія зла». Но дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что, благодаря такимъ измышленіямъ, два-три селенія въ уѣздѣ даютъ зарокъ не пить водки въ кабакахъ, а угощаться ею у себя дома,—или же такою мѣрою, какую выдумали казанцы, намѣревающіеся просить дозволенія о томъ, чтобы кабаки и трактирныя заведенія отстояли отъ фабрики или завода не ближе какъ на 100 саженъ, а въ деревняхъ — одной версты. Наивнѣе подобныхъ сужденій трудно себѣ представить! Если и справедливо мнѣніе, что пьянство въ нашемъ народѣ усиливается, то неужели подобныя мѣры какъ отодвиганіе кабака на нѣсколько саженъ отъ какого-нибудь заведенія могутъ помѣшать ему? Нашъ народъ все еще третируютъ какъ неосмысленнаго ребенка, воображая что если взять у него изъ рукъ занимающій его предметъ и скрыть его такъ, чтобы онъ уже не попадался ему на глаза,—то народъ-ребенокъ объ этомъ предметѣ и забудетъ... Насколько въ самомъ дѣлѣ важно для запивающихъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ привѣтливаго кабачка, видно изъ того, что многіе изъ нихъ, какъ намъ неоднократно приходилось видѣть и слышать, дѣлаютъ нѣсколько верстъ кругу, чтобы только завернуть въ кабакъ, гдѣ водка одной—только одной копѣйкой дешевле чѣмъ у нихъ въ родной деревнѣ... Судите послѣ этого, можно ли ожидать отъ предлагаемой казанцами мѣры хоть какихъ-нибудь благотворныхъ результатовъ? И эта мѣра, если только она будетъ введена, въ сотый разъ докажетъ россійскимъ «дѣятелямъ и сѣятелямъ» всю ничтожность подобныхъ начинаній и все безсиліе подобныхъ прожектеровъ. Но укажетъ-ли она на болѣе дѣйствительныя и разумныя средства—это неизвѣстно.

Въ послѣднее время мысль о томъ, что для народа необходимо развлеченіе болѣе полезное чѣмъ тѣ, какими онъ до сихъ поръ могъ пользоваться, которое наполняло бы немногіе часы его досуга и, кромѣ пользы, доставляло бы ему и удовольствіе — мысль эта пріобрѣла значительное число сторонниковъ и, наконецъ, перешла въ дѣло. На дняхъ, мы были свидѣтелями этого небывалаго у насъ явленія. 28 декабря, въ Петербургѣ, въ зданіи Солянаго городка, въ которомъ помѣщалась мануфактурная выставка, открылись чтенія для рабочихъ классовъ столицы. Предположенъ цѣлый рядъ такихъ чтеній. Въ нихъ примутъ участіе профессора и преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній Петербурга. Для чтенія избраны наиболѣе живые пред-

меты, болѣе или менѣе интересные для каждаго. Чтенія открылись разсказомъ о Палестинѣ, составленномъ священникомъ Пѣвцовымъ. Живости разсказа способствовали туманныя картины, изображавшія виды Палестины. Слушателей въ этотъ разъ собралось не очень много, хотя цѣна за входъ назначена самая ничтожная—5 копѣекъ. На чтеніе профессора Брандта, бывшее въ воскресенье 2-го января, собралось гораздо болѣе слушателей, такъ-что наконецъ въ залѣ не хватило мѣстъ—и часть публики должна была слушать чтеніе стоя, а другая и вовсе не попала въ залу. Предметомъ чтенія лекторъ избралъ разсказъ о полезныхъ и вредныхъ животныхъ. Чтобы яснѣе были видны изображенія показываемыхъ публикѣ животныхъ, зала освѣщалась одной только лампочкой у лектора; во всей же остальной ея части было совершенно темно. Для перваго раза профессоръ познакомилъ слушателей съ разными видами глистовъ, живущихъ въ тѣлѣ животныхъ, откуда они переходятъ и въ тѣло человѣка. Изложеніе показалось намъ довольно популярнымъ, и если бы не торопливость, съ какою ведено было чтеніе, то его можно было бы назвать совершенно удовлетворительнымъ. Не мѣшало бы также избирать для чтенія въ одинъ разъ поменьше предметовъ однородныхъ, которые легко могутъ быть смѣшаны малоприготовленнымъ слушателемъ. Меня лично въ особенности интересовала собравшаяся публика: большинство ея состояло изъ лицъ привиллегированныхъ сословій; не мало впрочемъ было купцовъ, мелкихъ лавочниковъ и даже отставныхъ солдатъ; элементъ рабочій, простонародный—отсутствовалъ. Несмотря на это послѣднее обстоятельство, которое можетъ быть объяснено новостью дѣла, прекрасная мысль объ устройствѣ чтеній для народа не можетъ быть встрѣчена иначе какъ съ полнымъ сочувствіемъ. Остается пожелать, чтобы эта н о в а я мѣра нашла себѣ подражателей въ Москвѣ и нашихъ большихъ губернскихъ городахъ, гдѣ подобныя чтенія могутъ быть устраиваемы безъ особеннаго труда и издержекъ. Люди-же, готовые принести посильную пользу народу, смѣемъ надѣяться, вездѣ найдутся.

Вѣдь находятся же люди, готовые на всякія жертвы для разныхъ чужеземныхъ знаменитостей, готовые бросить нѣсколько десятковъ рублей за кресло на представленіе г-жи Шнейдеръ; почему-же не найтись и такимъ, которые кромѣ г-жи Шнейдеръ позаботятся еще и о тѣхъ, кто упомянутой знаменитости никогда не увидитъ? Я увѣренъ даже, что найдутся и такіе, что согласятся промѣнять вышеупомянутую пѣвицу на г. Монахова, когда онъ является въ роли Чацкаго, — не потому только, что этого артиста можно видѣть легче чѣмъ упомянутую г-жу Шнейдеръ, но и по многимъ другимъ побужденіямъ. Кстати о г. Монаховѣ. Роль Чацкаго въ безсмертной комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума» игралась многими съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Многіе изъ любителей также пробовали на ней свои силы. Какъ роль въ высшей степени благодарная, она доставляла дешевые успѣхи всѣмъ ея исполнителямъ; но, вообще, игралась неудовлетворительно. Вмѣсто живаго лица, выработаннаго жизнію, представлялся громкій декламаторъ, громящій пороки и всю жизнь изъ любви къ искусству, а не по внутреннему своему разладу съ этой жизнію и съ людьми его окружающими; вмѣсто живыхъ чертъ того времени—какое-то фразерство и фальшь. Г. Монаховъ, какъ намъ показалось, не послѣдовалъ примѣру прежнихъ исполнителей и внесъ въ своего Чацкаго совершенно человѣческую и реальную—внутреннюю скорбь за людей, которые идутъ съ нимъ разной дорогой и не только не понимаютъ его, но его ненавидятъ, гонятъ, клянутъ. Кромѣ того, видя свой разладъ съ жизнію, Чацкій долженъ былъ сожалѣть и о себѣ, который порвалъ съ нею всякія связи и сдѣлался полнѣйшимъ отщепенцемъ, потому что человѣку невозможно быть всегда о д н о м у,—какъ бы онъ ни отличался отъ остальныхъ людей, — ибо чувство одиночества и сознаніе своего безсилія страшнѣе общественныхъ золъ насъ окружающихъ. И вотъ разгадка того, почему Чацкій стремился къ Софьѣ, въ которой онъ надѣялся найти себѣ сочувствіе и поддержку. Какъ знать,—можетъ быть сойдясь съ этой Софьей, онъ примирился бы и съ нѣкоторыми недостатками самой жизни, и съ своею ролью въ ней?.. Роль Чацкаго и многія другія роли исполняются у насъ теперь удовлетворительно. Наша драматическая сцена несетъ ежегодныя и притомъ весьма чувствительныя утраты: не такъ давно потеряли мы двухъ первостепенныхъ актрисъ: Брашель и Линскую; вслѣдъ за ними послѣдовалъ старѣйшій и талантливѣйшій изъ русскихъ актеровъ И. И. Сосницкій. Русская опера лишилась самаго крупнаго своего перла—г-жи Лавровской, которая оставила нашу сцену. Прощаніе съ нею публики было въ высшей степени трогательно; артистка пѣла въ послѣдній разъ наканунѣ новаго года въ оп. «Жизнь за Царя,» гдѣ такъ прекрасно исполняетъ она роль Вани. Безконечные вызовы утомили артистку, а крики: «останьтесь! не покидайте насъ! не уѣзжайте!» тронули ее до такой степени, что она прослезилась и не могла пѣть. Носится слухъ, что въ слѣдующій сезонъ г-жа Лавровская приметъ участіе въ 20 представленіяхъ.

П. С.

Политическое обозрѣніе.

Недавно во Франціи происходили дополнительные выборы депутатовъ въ Національное Собраніе. Хотя выборы эти не представляютъ особенно важнаго интереса въ виду весьма серіознаго положенія дѣлъ въ странѣ, однако всѣ партіи воспользовались ими для возбужденія избирателей въ пользу своихъ кандидатовъ. Побѣда осталась на сторонѣ республиканцевъ—и тѣмъ еще разъ подкрѣпила надежды ихъ на упроченіе во Франціи этой формы правленія. Республиканцевъ умѣренныхъ вмѣстѣ съ радикалами избрано 12, а приверженцевъ стараго порядка только 5, въ томъ числѣ одинъ бонапартистъ. Такой результатъ не можетъ не быть пріятенъ и Тьеру, который главнымъ образомъ опирается на умѣренныхъ республиканцевъ. Такъ-называемые радикалы (республиканцы крайнихъ мнѣній) употребляли усилія, чтобы подкрѣпить свою партію въ Національномъ Собраніи: извѣстный политическій дѣятель послѣдняго времени, Гамбетта ѣздилъ на югъ, въ Марсель, Тулонъ и другіе города Франціи, гдѣ агитировалъ въ пользу своихъ друзей, выставленныхъ кандидатами. Поѣздка эта замѣчательна еще тѣмъ, что проливаетъ свѣтъ на политическую дѣятельность Гамбетты, противники котораго продолжаютъ взводить на него разныя небылицы. Сдѣланная ему повсюду встрѣча показываетъ, какою популярностію пользуется этотъ человѣкъ на югѣ Франціи. Замѣчательнѣе прочихъ оказались рѣчи, произнесенныя имъ въ Тулонѣ; въ одной изъ нихъ Гамбетта, обращаясь къ избирателямъ, приглашаетъ ихъ къ осторожности въ выборѣ, къ благоразумію и умѣренности, чтобы выбранныя при такихъ условіяхъ лица отличались твердостью убѣжденій и въ то-же время «вносили въ республику новую долю свѣта, науки и серіозной подготовки». Вообще, изъ дѣйствій и словъ крайней республиканской партіи во Франціи видно, что не проповѣдуя никакихъ зажигательныхъ началъ, она на первыхъ порахъ желаетъ ограничиться лишь слѣдующимъ: во 1-хъ, чтобы даровано было прощеніе лицамъ, содержащимся еще подъ стражею, но не уличеннымъ ни въ какихъ уголовныхъ преступленіяхъ; во 2-хъ, чтобы введено было обязательное и притомъ даровое обученіе; въ 3-хъ, чтобы упрочена была во Франціи республика. Что касается до перваго пункта, то само правительство не прочь его исполнить и уже заявило объ этомъ въ

своемъ органѣ; обязательному же обученію, вѣроятно, не посчастливится, такъ-какъ собраніе, больше чѣмъ на половину состоящее изъ противниковъ этого начала, рѣшительно не расположено принимать его. Наконецъ, дѣло упроченія республики въ послѣднія двѣ недѣли также почти не подвинулись впередъ, если не считать нѣсколькихъ успокоительныхъ словъ, сказанныхъ президентомъ при пріемѣ имъ, въ день новаго года, республиканскихъ депутатовъ.

1-й заемъ 1864 года. 14-й 3 января 1872 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 3-го января 1872 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ сер.	№№ бил.	СУММА выигрыш.
6	38	1,000	3,640	47	500	7,869	2	500
32	25	8,000	656	24	500	879	41	500
61	47	5,000	675	19	500	922	28	500
98	5	500	773	48	500	981	22	500
186	40	500	732	19	500	934	48	8,000
303	44	500	763	7	500	8,058	13	500
341	11	200,000	812	3	500	117	47	500
461	40	500	839	13	500	154	17	500
557	10	500	863	39	500	194	42	10,000
564	11	500	969	37	500	310	49	500
603	42	500	974	29	500	451	49	500
653	49	1,000	4,044	13	500	565	21	500
750	11	500	086	44	500	577	46	500
809	23	500	164	8	500	602	54	500
858	7	1,000	206	50	500	645	7	500
886	48	500	222	6	1,000	718	19	1,000
962	21	500	397	37	500	741	19	500
1,021	30	1,000	417	15	500	779	37	500
040	6	500	430	7	40,000	915	11	500
073	20	500	459	13	500	918	39	500
084	22	500	483	43	500	934	22	500
158	28	500	502	16	500	942	30	500
373	15	500	502	25	500	9,065	44	500
388	1	500	506	11	500	216	26	500
393	25	500	592	38	500	320	24	500
402	41	500	808	6	500	325	38	500
417	7	500	828	2	500	327	25	500
417	47	500	894	32	500	364	45	500
418	1	500	912	11	500	362	42	500
430	37	500	950	38	500	483	29	500
488	2	500	971	22	1,000	512	17	500
498	12	500	994	44	500	571	5	500
523	24	500	5,009	47	500	608	13	500
605	35	500	049	42	500	663	14	500
736	37	500	112	26	10,000	695	41	5,000
764	8	500	312	39	500	702	18	500
779	35	500	383	9	500	879	14	5,000
990	4	500	385	6	500	884	21	75,000
997	11	500	410	7	500	899	40	500
986	34	500	428	17	500	943	1	500
2,011	1	500	577	22	500	951	83	500
148	2	500	720	47	1,000	10,058	14	500
213	48	500	892	7	500	279	12	500
248	21	1,000	6,043	43	500	295	17	500
246	31	500	072	26	500	421	30	500
387	32	500	246	25	500	537	25	1,000
394	24	1,000	352	19	500	660	26	500
559	24	500	382	10	500	963	28	500
561	8	500	414	42	500	11,029	7	500
673	49	8,000	421	22	500	042	1	500
678	37	500	491	12	500	058	9	5,000
740	39	500	493	12	500	171	23	500
820	18	500	648	13	500	233	18	500
847	43	8,000	864	3	500	403	27	500
859	5	500	7,001	5	500	447	28	500
922	31	500	049	45	500	478	27	25,000
929	38	500	156	48	500	483	46	500
956	40	5,000	207	32	500	605	50	500
3,048	50	500	265	26	500	687	16	500
173	20	500	310	9	500	828	5	500
213	42	500	468	28	500	12,078	36	8,000
274	7	500	491	28	1,000	121	5	500
276	3	500	603	32	5,000	164	45	500
323	30	500	619	10	500	319	40	500
448	29	500	769	48	500	342	42	500
618	18	500	849	47	1,000	353	34	500

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.
12,376	12	1,000	14,743	15	500	17,683	48	500
459	44	500	863	9	5,000	779	28	500
501	29	500	932	9	500	881	27	500
530	19	500	934	18	500	935	32	500
564	27	500	15,094	50	500	997	10	500
580	7	500	095	24	500	18,021	4	500
607	45	500	166	5	500	035	35	500
630	26	500	187	1	500	098	20	500
666	1	500	217	27	500	148	49	500
670	29	500	293	39	500	207	41	500
715	20	1,000	504	2	500	521	35	500
719	30	500	621	47	500	611	3	500
764	30	500	762	2	1,000	664	45	500
760	47	500	872	48	500	731	25	500
777	36	500	939	39	5,000	736	29	500
950	31	500	16,075	29	500	784	28	500
13,204	48	500	101	36	500	849	2	500
384	17	500	191	5	500	19,047	13	500
533	24	500	288	14	500	060	15	500
625	13	500	455	41	500	139	35	500
736	3	500	454	26	500	208	26	500
900	50	500	407	25	500	235	18	500
909	37	500	662	30	500	251	37	500
913	13	500	632	3	500	374	20	500
948	17	1,000	601	39	500	404	8	500
966	46	500	774	22	500	430	31	500
14,064	24	1,000	939	7	500	467	18	500
107	11	500	17,006	4	500	577	26	500
176	50	1,000	025	45	500	703	35	500
232	3	500	105	48	500	704	4	500
282	2	500	[illegible]	49	500	719	45	500
353	50	500	182	37	500	812	46	10.000
421	39	500	309	31	500	908	17	500
723	42	500	484	13	500	941	39	500

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, С.-Петербургѣ, съ 1 Апрѣля 1875 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-го сентября 1871 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

377, 521, 849, 1.193, 1.489, 1.548, 1,553, 1.798, 2.786, 2.893, 3.024, 3.233, 4.883, 4.921, 5.665, 6.336, 7.130 8.103, 8.372, 8.552, 8.870, 9.590, 10.226, 10.310, 10.691, 10.725, 11,543, 11.960, 12.426, 12.665, 12.773, 13,349, 14.039, 14.079, 14.945, 14.972, 15.145, 17.165, 17.478, 17.581, 17.742, 17.816, 18.618, 18.984, 19.017, 19.039, 19.331, 19.634.

Всего 48 серій, составляющія 2,400 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшій въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го Апрѣля 1872 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 января 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

III.

Пустынька.

Въ лѣтнюю пору, неоглядная глушь лѣсовъ олонецкихъ можетъ возбудить восторгъ самаго равнодушнаго зрителя. Широко, по всему кругозору хватило зеленое море лиственицы и елей; тамъ и сямъ пролегаютъ поросшія тростникомъ болота и лужайки травы чуть не въ ростъ человѣка, да неподвижныя воды громадныхъ озеръ съ пустынными островками. Сѣрый, угрюмый гранитъ горныхъ кряжей; извилистыя, быстробѣгущія рѣки съ утесистыми берегами, отмели, множество пороговъ, пѣнистыя стремнины, мѣстами водопады; скалы, покрытыя мохомъ и лѣсомъ; мертвая тишь кругомъ и блистательная лазурь холоднаго неба, — все это могущественно дѣйствуетъ на душу, въ особенности наклонную къ созерцанію.

Съ незапамятныхъ временъ, такія картинныя мѣста, сильно поражающія воображеніе съ перваго взгляда, избирались пустынножителями для поселенія. И нетолько старинные пустынники одарены были такимъ ясновидѣніемъ при выборѣ мѣстъ, но и въ описываемую пору окрестность Каменозерской киновіи, какъ ее величали старовѣры, или Марѳиной пустыни, извѣстной тутошнымъ олончанамъ, славилась живописными видами. Въ лощинѣ, межь двухъ чуть не отвѣсныхъ кряжей, залегло продольное свѣтлое озерко, по ту сторону кончающееся далекимъ плесомъ, за которымъ неширокой полосой идутъ луга и сѣнокосы на необозримое пространство вдаль — и этотъ оазисъ съ обоихъ боковъ какъ бы врѣзанъ въ рамку вѣковаго дремучаго лѣса. Отъ самаго плеса тянется поемный лугъ, на которомъ начался сѣнокосъ. Вечернее солнышко косыми лучами отбрасываетъ длинныя тѣни ольховыхъ кустарниковъ, ослѣпительно сверкая по лезвіямъ косъ. Тамъ и сямъ сгребаютъ накошенную траву не то крестьянки, не то горожанки въ какомъ то хмуромъ одѣяніи. Холстъ ихъ долгорукавокъ не дерюга, только странно, что цвѣта-то онѣ не бѣлаго, а словно сѣраго. Да и на головахъ цвѣтнаго платочка не увидишь, всѣ косынки и повязки темныя. Это черницы. Марѳина пустынь десятковъ пять-шесть ихъ прокармливаетъ — и все одна другой краше. Завелась эта община не такъ давно—усердіемъ какихъ-то гостей богатыхъ. Нераскольники поговаривали, что такая мнимая пустынька для купеческихъ ночлеговъ здѣсь въ глуши заведена. Самое ближнее жилье

верстъ сорокъ, а весной да осенью въ водополь и совсѣмъ проѣзду нѣтъ стороной. Поневолѣ завернешь въ пустыньку, гдѣ для своихъ староверовъ готово всякое удовольствіе, а православнымъ и воротъ не отворятъ, хоть кричи раскричись—ужь знаютъ.

Снаружи эта прозываемая киновія бревенчатыми стѣнами обнесена—и стѣны высоты порядочной, а ворота здоровые. Ходила молва, будто стѣны въ два ряда рублены и середина землей забросана. Снаружи пустынька эта точь въ точь, какъ старые остроги. Коли взять бы ее кто задумалъ, пришлось бы осаду вести правильную; да и пересѣчь сообщенія трудно, потому что съ одной стороны она плотно прислонилась къ дремучему лѣсу. На густомъ зеленомъ фонѣ его, изъ за высокихъ стѣнъ торчитъ верхъ колокольницы да одноглавая молельня. Урядъ заведенъ здѣсь монастырскій, и какой-то бѣглый попъ состоитъ отцомъ и учителемъ у этихъ *невѣстъ христовыхъ*, какъ называютъ ихъ раскольники; а начальствуетъ мать Марѳа премудрая—книжная, богомольная, смиренная, благодати исполнена, по медоточивымъ разсказамъ мѣстныхъ книжниковъ съ выбритыми гуменцами. И урядлива и приглядна, и на все урокъ дастъ; «да и о дѣлахъ съ ей—хоша и съ бабой—а толковать препользительно», отзываются купцы, пользовавшіеся гостепріимствомъ киновіи, и оставлявшіе въ каждый проѣздъ на Марѳино разумное строительство малую толику серебреца чистаго и отъ мѣховъ лисьихъ и куньихъ сороковъ нѣсколько. Благодаря щедрымъ снабженіямъ доброхотныхъ дателей, новосозданная обителька, для кого слѣдуетъ гостепріимная, не нуждалась въ средствахъ существованія. Очи завистливыя да злые языки невоздержные, на чужое добро привыкшіе невѣсть какъ зариться и въ чужомъ карманѣ разсчитывать, въ крѣпкихъ кладовыхъ премудрой матери Марѳы представляли серебро мѣшками, а всякаго жита на лѣта многа,—но не доводя до такихъ можетъ-быть и черезъ чуръ хватавшихъ размѣровъ, безъ малѣйшаго нарушенія строгой правды можно было поручиться, что хозяйство Каменозерское велось блистательно и пріумножалось примѣтно глазу, ростя не по днямъ, а по часамъ, если принять во вниманіе недавность существованія здѣсь общины. Никакъ всего пятая зима миновала съ заведенія въ здѣшнихъ палестинахъ пустынножительства гостепріимныхъ сестрицъ, а обитель ихъ, вся еще новенькая какъ съ иголочки, была словно полная чаша. Какія бы выгоды мѣстныя не представляло тонко-угаданное перепутье, но устроить въ короткое время все съ такимъ порядкомъ, чинностью, подобрать такіе прекрасные голоса у крылошанокъ, благообразныхъ на подборъ, одѣть ихъ, упитать, завести всему свое мѣсто и время, такъ чтобы всѣ посѣщавшіе могли только ахать да благословлять щедрое небо,—все это было дѣломъ очень тонкаго изворотливаго и предпріимчиваго ума. Есть русская пословица: спрашивай не у стараго, а у бывалаго—и это изреченіе могло быть примѣнено во всей силѣ къ матери Марѳѣ, сѣдинами не убѣленной и даже нетолько не утратившей дѣвичье благообразіе, но еще умѣвшей возвышать его сановитостью, поступью, обращеніемъ и голосомъ. На любаго, самаго предубѣжденнаго противъ нея, Марѳа производила съ перваго взгляда впечатлѣніе, положительно выгодное. Келейницы называли ее подъ секретомъ боярыней, возлюбившей житіе пустынное, отрекшися отъ соблазновъ и треволненій суетнаго міра. Такъ важна она была и такое величіе умѣла сообщить своему вполнѣ-милому личику. Умѣла сдвигать бровки—и маніемъ бѣлой руки побуждать къ безусловному исполненію самыхъ непокорныхъ, никогда не возвышая своего серебрянаго голоса, даже не отдавая прямаго рѣзкаго приказанія. Дружескія слова: «изволь, любовь твоя или сердце мое, сдѣлать такъ и такъ» исключали всякую возможность уклониться и требовали немедленнаго повиновенія. Незнакомаго человѣка мать Марѳа всегда бывало окинетъ однимъ взглядомъ—и если удастся ей заглянуть прямо въ лицо и въ очи осматриваемаго—она уже понимала: кто это и какъ съ нимъ дѣлаться. Начиналась бесѣда и ведена была съ неподражаемымъ искусствомъ, съ такой заманчивостью для собесѣдника, что въ концѣ концовъ онъ оказывался вполнѣ готовымъ сдѣлать для матери Марѳы все, чего она желала. Да и могло-ли быть иначе, когда особа настолько одаренная наружными прелестями, въ полномъ цвѣтѣ развитія, пускаетъ входъ самыя надежныя нити къ сердцу нужнаго человѣка, между тѣмъ какъ ея собственные планы и цѣли рѣшительно замаскированы и не подозрѣваются личностью, на которую она дѣйствуетъ.

Одѣвалась она великолѣпно, поражая прежде всего своею внѣшностью. Никому и въ голову не приходило, что это загадочное существо было дочерью ямщика Никиты Коржавина впослѣдствіи, мелкаго кулака-торговца,—что росла она среди грубаго и тупаго невѣжества, гдѣ слова *книга* и *книжное* возбуждали нелѣпый, чуть не суевѣрный ужасъ и стояли въ понятіи въ уровень съ Антихристомъ и его кабалою, влекущею въ геенну.

Казалось бы, что́ могла вынести изъ такой обстановки настоятельница дѣвичьей раскольничей общины, кромѣ страсти къ преобладанію, къ усладѣ своимъ властвованіемъ; казалось бы, за удовлетвореніемъ тупаго честолюбія, могли ли ей быть доступны требованія другой, настолько враждебной духу силы какъ наше тѣло съ его прихотями; — и однако же она была скорѣе и прежде всего женщина, для которой имѣло цѣну все, чѣмъ можетъ быть красна жизнь въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья, когда довольство даетъ просторъ разъигрываться прихотямъ. Марѳа не отказывала себѣ ни въ мясѣ, ни въ сластяхъ, ни во всякомъ другомъ баловствѣ, хотя бы оно могло привести къ непріятнымъ слѣдствіямъ. При такомъ образѣ жизни, она легко могла попасть въ просакъ—и попадалась не разъ, но горькій опытъ научалъ ее лишь быть осторожнѣе, а никакъ не отводилъ отъ повторенія прежнихъ паденій. Ни веселья, ни шутокъ, ни трапезы сладкой она сама не презирала и другимъ не запрещала, признавая, что если живетъ она, то слѣдуетъ давать жить и другимъ, — что человѣкъ всегда человѣкъ и женщина въ извѣстную пору должна быть женщиной. Только бы эти влеченія держались въ уздѣ приличій и разъ установленнаго обихода, не могли бы никому колоть глазъ или возбуждать ропотъ неудовольствія, если не горечь обвиненій и осужденій. Сама же она, бывая нерѣдко въ столицахъ, разрѣшала себѣ пользоваться всѣми благами и приманками міра сего, упивалась ими съ услажденіемъ, но только все это оставалось шито да крыто. У ней составилось бездна довольно-странныхъ знакомствъ, гдѣ выказывалось ей всевозможное угожденіе, хотя люди эти, дружески относившіеся къ ней, нетолько не знали навѣрное кто она, но даже готовы были голову прозакладывать, что предметъ ихъ сочувствія — особа высшаго круга и отнюдь не раскольница, не самозванка-черница, а тѣмъ болѣе не глава цѣлой семьи настолько

же загадочныхъ личностей женскаго пола, какъ безусловно ей подчиненныя сестры кто съ борка, кто съ сосенки. Очень естественно, что не разрывая связей съ міромъ, а напротивъ стараясь играть въ немъ посильную роль, окунаясь во всевозможные омуты треволненій, двойственная личность матери Маrѳы, ведя несовсѣмъ чистую игру, нуждалась въ полученіи изъ первыхъ рукъ всякаго рода новостей, тѣмъ паче политическихъ. Какъ дѣятельницѣ въ интересахъ своихъ довѣрителей, столповъ и поддержекъ раскола во всевозможныхъ его видахъ, какіе только удобны были для ея цѣлей, — Марѳѣ нужно было получать срочныя донесенія о томъ, что творится на семъ свѣтѣ *иже во злѣ лежитъ* и идѣже *скимны рыкаютъ*, ища ежечасъ поглотити чадъ древняго православія, т. е. раскольниковъ вообще и каждый толкъ въ особенности, посредствомъ слугъ антихриста, администраторовъ, покровительства которыхъ на самомъ дѣлѣ расколъ во всѣ вѣка и времена старательно искалъ и усиленно добивался.

Обыкновенно, въ глушь Олонецкую пѣшеходная почта доносила вѣсти изъ столицы Невской по субботамъ; но прошелъ даже вторникъ, а ни одного письмеца еще не прибыло; о братѣ Аврааміи тоже не было ни слуху, ни духу. Этотъ братъ прикидывался слѣпымъ, хотя былъ зѣло доброзрячій, и калѣкой, хотя обладалъ мощными руками и могъ на медвѣдя ходить. Уже вторую ночь сестра Пелагея, келейница не сходила съ Вратарницы, какъ называли надворотную башню съ теремкомъ каменоозерскія пустынницы. Она все караулила, не явится ли авось хоть въ ночи, если какая бѣда неминучая мѣшаетъ придти днемъ, давно желанный посыльщикъ, чтобы по первому знаку отверзти ей одной извѣстную, а для всѣхъ сокровенную лазейку. Еще въ понедѣльникъ посылали сестеръ Матрену и Ѳедосью, перерядивъ ихъ сельскими бабами, на Гноеходный Торжокъ къ кружалу, поразвѣдать, откуда ждать грозы и что бы была за причина — не слыхали ли наряда какого на мирную обитель Марѳину. Матрена такъ никого въ кружалѣ и не видала, а Ѳедосья божилась, будто бы даромъ споила три крючка прохожимъ кавалерамъ, что шли изъ подъ самаго изъ подъ Питера въ чистую, а все не могла ничего добыть: стоятъ проклятые на одномъ, что нигдѣ на всемъ пути, ни запинки ни притина не видывали и не слыхивали. Мудрая мать Марѳа терялась въ догадкахъ.

Была уже среда. Вечеръ. Сестры, придя съ сѣнокоса и собравшись въ бревенчатой трапезной, готовились отойдти ко сну; лампада теплилась передъ иконами стариннаго письма, освѣщая ручную курильницу подъ кіотою на таблѣ, святую воду въ бутыли и псалтырь стариннаго изданія. Сама настоятельница слушала гнусавое чтеніе келейнаго правила, какъ вдругъ его заглушилъ спѣшный кликъ вбѣжавшей Пелагеи: «идутъ, идутъ, Матерь богоданая!

— Кто тамъ идетъ? протяжно, нѣсколько взволнованно и тихо спросила встревоженная Марѳа, даже вздрогнувъ при первомъ звукѣ голоса своей посланницы.

— Цѣлыхъ трое, мати честная.

— Да кто? допрашивала игуменья.

— Да все наши же посыльные. Двое провожатыхъ— одинъ съ сумкой.

— Сумку-то ты возьми, мать Пелагея, коли дастъ; я ужь сама посмотрю. А любовь твоя, мать Анфиса, обезпокоится пусть угощеніемъ братіи, распорядилась Марѳа, уходя изъ трапезной къ себѣ.

Сумка какъ видно бывала не въ первый разъ въ рукахъ нашей пустынницы; хотя запиралась она особымъ механизмомъ, довольно хитро-придуманнымъ, Марѳа нетолько вынула все содержащееся, но съ испытанною ловкостью обыскала и самыя стѣнки сумки—и въ самомъ дѣлѣ нашла тонкую голландскую бумажку, исписанную съ двухъ сторонъ и извѣщавшую въ довольно-темныхъ выраженіяхъ, что «царство антихриста близко, зане хранительная десница оскудѣла и ни во что вмѣнися». Прочитавъ эту загадку, Марѳа принялась за переборъ бумагъ лежавшихъ въ самой сумкѣ,—и двѣ изъ нихъ да письмо въ кувертѣ съ иноземнымъ прозваніемъ мѣста посылки оказались слѣдовавшими въ ея руки. Одна грамотка извѣщала настоятельницу, что «солнышко красное, взошло надъ Петроградомъ наканунѣ Петрова дни, и скиптродержицею состоитъ отнынѣ Екатерина II именемъ». Другая грамотка заключала только краткій совѣтъ: «о чемъ пожелаете — вся повѣсть вамъ, братъ Спиридонъ».

Марѳа велѣла позвать Спиридона. На призывъ явилась коржавая, сѣденькая, приземистая фигурка, съ перваго взгляда поселявшая не то чтобы ужасъ и не то чтобы отвращеніе, а простую осторожность на всякій случай. Искаженные оспой глаза его, безъ бровей, какъ-то плутовски подмигивали, а блѣдныя узкія губы, силясь осклабиться улыбкой, кривились на одну сторону, причемъ подбородокъ, обросшій рѣдкими клочьями бородки мочальнаго цвѣта, автоматической подвижностью возбуждалъ непріятное ощущеніе, переходившее въ смѣшливое, когда странникъ начиналъ прикидываться злымъ.

Марѳѣ, привыкшей къ этому гостю и его оригинальной наружности, тѣмъ болѣе въ настоящую пору, было не до выводовъ на его счетъ. Ее пожирало любопытство — и весьма законное. У Марѳы былъ умъ ловкій и изворотливый, но для того чтобы привести въ дѣйство пружины этого ума—нужно было хорошо знать statu quo. Насчетъ тонкой хитрости и способности подмѣчать то, что никому и въ голову не приходитъ, отецъ Спиридонъ былъ золотой человѣкъ. Онъ какимъ-то чуть не сверхъестественнымъ ясновидѣніемъ угадывалъ, откуда долженъ подуть вѣтеръ и гдѣ можетъ таиться гроза, хотя бы грянуть ей предстояло и очень не скоро. Не со своими онъ бывалъ вообще немногорѣчивъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда косноязычныя уста его получали большее оживленіе, можно было поручиться, что дѣло касалось людей, которыхъ онъ цѣнилъ и отъ которыхъ ожидалъ великія и богатыя милости. Марѳа принадлежала къ этому послѣднему разряду. Съ ней не нужно было и торговаться, а положись прямо на ея щедрость, если извѣстіе само по себѣ важно и нужно. Поэтому, прежде чѣмъ сестра Пелагея, для развязанія устъ отцу Спиридону, поднесла двѣ серебряныя чарочки съ наливкой, онъ уже залепеталъ своимъ шепелявымъ гнусливымъ голоскомъ, даже безъ обычнаго вытягиванія.

— Голицынъ Петръ въ силѣ, Констянтиновъ, Волконскій Михайло и Елагина, говорятъ, привезутъ — заподлинно слышали, а Тепловъ Григорій Николаичъ нашихъ обнадеживатъ — ничево, говоритъ, ребята, небойсь... Грядутъ дніе мирны и блази, безпечальны, несмутны...

Онъ много еще лепеталъ скороговоркой. Марѳа, погруженная въ думу, не перебивала и не останавливала его. Думы ея носились далеко. Ей представлялись люди знакомые, недавно еще не мечтавшіе о возвышеніи и потому доступные, даже одолжавшіеся порою; ихъ

житье-бытье, влеченія, интересы, знакомства, характеры, взгляды на вещи, или лучше смотрѣніе на предметъ извѣстными глазами знала она хорошо, точно и положительно. Мысль подсказывала какую у кого затронуть струну и какую ноту взять, и съ чего начать, какъ вести дѣло — и что изъ этого можетъ выйдти.

По мѣрѣ хода мыслей, лицо слушательницы принимало большее и большее спокойствіе и выраженіе его подъ конецъ доклада Спиридона, просвѣтлѣло совсѣмъ; улыбающаяся, довольная, она достала изъ сумки послѣднее письмо, которое повидимому съ намѣреніемъ было отложено, чтобы сначала сообразить важныя дѣла, тогда какъ это представлялось ей чѣмъ-то вродѣ лакомства или отдохновенія отъ трудовъ.

— Добро, батюшка, поди успокойся, сестры тебя ублаготворятъ, ласково кивнула головой Марѳа, давая знать этимъ, чтобъ Спиридонъ ее оставилъ.

Вотъ что гласило послѣднее посланіе, кувертъ котораго она сорвала съ особенною живостью.

«Парижъ, 1/12 апрѣля 1762 года.

Милостивая государыня тетушка!

Пишетъ къ тебѣ блудный сынъ изъ онаго гальскаго Вавилона, гдѣ измышленія врага на прельщеніе рода человѣческаго, зовомыя рублями, талерами, ливрами и прочею ихъ братьею, зѣло скоро изъ кармановъ утекаютъ, понеже утѣхи и соблазны ежемгновенно духъ уловляютъ; а родъ человѣчъ искони во злѣ лежитъ — такъ кажется въ книгахъ вашихъ пишется. Сея вины ради, хотя и въ первый день апрѣля, когда всѣ обманываютъ, ей же ей повѣрь, щедродательница, истинно говорю, не лгу, что ни единаго шелега имѣю. Враги же мои лютые, въ просторѣчіи рѣкомые перюкіеры, портные, мастера башмаки дѣлающіе, съ лаяніемъ великимъ на всѣхъ стезяхъ меня окружаютъ—и грозятъ, о пречестивые! въ оный зѣлоскучный и всякія тѣсноты исполненъ монастырь, что Сенъ-Лазаромъ прозывается, мою персону упечь,—и спасенія ни единаго чаю, аще твоя щедрость, превышающая всякую доброту, отъ злыя участи извлещи меня не похочетъ. А я, *мадамъ ма тантъ*, *монъ амъ*, *ма деэсъ* (не погнѣвись, тетушка, такъ здѣшніе петиметры дражайшихъ своихъ матресовъ называютъ, и это здѣсь въ большой модѣ), зная, что твоя пречестность самоновѣйшіе способы изъясненія вѣдати желаешь, тебѣ чистѣйшимъ бонтономъ крайность свою описую. Сжалься, сжалься, сжалься, *тре шеръ деэсъ э тантъ*, и простерши руку помощи, извлеки твоего вѣчно признательнаго Ѳедьку — прошибся—*тонъ пети Теодоръ*—изъ *абимы* всякихъ мерзостей, да благорастворенное небо бреговъ сенскихъ узритъ мя шествующимъ, возсылая къ нему мольбы за мою *адорабль* спасительницу. *Миль безэ.* Коли не прогнѣваешься, вѣчно почитающій и до гроба пребывающій въ таковомъ же уваженіи

Племянникъ вашъ, мадамъ,

Ѳедоръ Васильевъ сынъ Коржавинъ.

P.S. Идя въ постовую контору, видѣлъ я на окошкѣ у мошенника торговца, въ лавкѣ всякихъ сладостей, восхитительную *шапо де пайль*. Прельстившись оною вещицею, я непремѣнно хотѣлъ ее послать къ вамъ, но опустивъ руку въ *ма пошь*, обрѣтохъ кошелекъ тощь, якоже николи. Поэтому съ сокрушеніемъ сердца пишу вамъ сіе, увѣряя благороднымъ словомъ, что оная *шапо де пайль* отправлена будетъ къ вамъ въ тотъ день, какъ пойду домой отъ банкира по полученіи отъ васъ нѣкоего билье де шанжъ, которые здѣсь съ промѣномъ на вашъ Питеръ теряютъ меньше чѣмъ въ прошломъ году. Примите впередъ *миль ремерсиманъ. А пропо*, я живу у нѣкой *бланшисёзъ*—и какія же она мнѣ приготовляетъ плойныя манишки — заглядѣніе! А кстати, не имѣете-ли извѣстій о дядѣ Ерофеѣ, да гдѣ находится виновникъ дней моихъ? Прогляжу всѣ глаза до полученія милостиваго отвѣта. Amen.»

Нескладное письмо повѣсы принято было совершенно такъ, какъ онъ ожидалъ. Честная мать Марѳа, читая эти каракули, смѣялась надъ ихъ безсвязностью, — но въ душѣ находила, что молодость должна имѣть свои наслажденія, и что для поддержки племянника слѣдуетъ послать посильную лепту.

«Ну, какъ плутишку оставить — онъ такой забавный! Знаю, что онъ замотался — да вѣдь на то говорятъ и Парижъ. А кстати»...

Тутъ глаза ея остановились на послѣднихъ словахъ письма—и невольный вздохъ приподнялъ красивую грудь; при напоминаніи объ отцѣ ея баловня, нѣсколько лѣтъ неподававшемъ о себѣ вѣсти.

— Живъ-ли онъ, голубчикъ? невольно вырвалось у нея вслухъ.

На утро, когда отецъ Спиридонъ возсталъ отъ сна, ему сказали, что мать Марфа успѣла въ ночь собраться и уѣхать въ Ярославль, забравъ съ собой обычную свиту и конечно достаточно рессурсовъ на далекій путь.

(Продолженіе будетъ).

Былина о сильномъ и славномъ русскомъ витязѣ Ильѣ Муромцѣ. *)

Много на синемъ морѣ бѣлыхъ лебедей сѣрыхъ уточекъ,
Много на свѣтѣ всякихъ сказокъ и прибауточекъ;
Не перестрѣляешь всѣхъ утокъ въ три осени,
Не перескажешь всѣхъ сказокъ въ три зимушки.
Не плыветъ корабль безъ вѣтрушки,
Не сказывается сказка безъ присказки.

Ой ты, Русь православная, много на твоей землѣ было мудрыхъ царей, сильныхъ богатырей и могучихъ витязей. Нѣтъ краше земли Русской, нѣтъ складнѣе сказокъ и былинъ нашихъ.

Близь Мурома, въ селѣ Карачаровѣ, родился великій богатырь Илья Муромецъ. Уродился Илья и станомъ хорошъ и лицомъ пригожъ; да та бѣда — въ ногахъ силы нѣтъ. Прошло тридцать лѣтъ и три года, а нашъ Илья сидитъ не трогаясь съ мѣста.

*) Какъ преданіе былина эта разсказывается съ разными измѣненіями; такъ напримѣръ, въ олонецкой губерніи разсказываютъ, что вмѣсто трехъ калѣкъ перехожихъ былъ только одинъ старикъ, который вылечилъ Илью Муромца, давъ ему, въ благодарность за ковшъ воды, выпить изъ скляночки водицы животворныя. Прилагаемый же здѣсь разсказъ съ этой фабулой взятъ изъ разсказовъ уроженца муромскаго, изъ села Карачарова, гдѣ до сихъ поръ между жителями еще жива легенда о Ильѣ Муромцѣ, и гдѣ, откапывая въ ручьяхъ кости допотопныхъ животныхъ, приписываютъ ихъ дѣяніямъ меча Ильи Муромца.

Илья Муромецъ.
Композиція и рисунокъ Н. Панова, гравировалъ И. Матюшинъ.

Постучались разъ подъ-окошкомъ три спасеные калѣки перехожiе.

Какъ одинъ-то былъ самъ Спаситель младъ,
Какъ другой-то былъ Богословъ Иванъ,
А какъ третiй былъ Златоустъ Иванъ,
Взговорятъ они таково слово:
«Ужъ ты гой еси Илья Муромецъ,
Ужъ ты гой еси чадо безногое,
Ты возстань привстань подымися ты,
Вcподыми свои ноги рѣзвыя,
Ужъ подай ты намъ бѣднымъ странникамъ,
Намъ ведро воды съ полведеркою.

И всталъ тутъ Илья Муромецъ и окрѣпли его ноги и принесъ онъ имъ ведро воды, напились странники и говорятъ ему, чтобы выпилъ онъ ковшъ.

Выпилъ ковшъ Илья Муромецъ и почувствовалъ въ себѣ силу великую, и спрашиваютъ тутъ его калѣки перехожiе.

Какова теперь твоя силушка?
«Моя силушка теперь крѣпкая—
Кто ни встрѣтится поперечится,
Всѣхъ я съ ногъ собью, всѣхъ въ полонъ возьму.

Выпилъ Илья второй ковшъ, и спрашиваютъ его опять странники:

Какова теперь твоя силушка?
«Такова теперь моя силушка,
Отвѣчаетъ имъ Илья Муромецъ:
Съ всякимъ воинствомъ я управлюся,
Съ богатырскою силой справлюся.

Выпилъ Илья третiй ковшъ и почувствовалъ въ себѣ силу непомѣрную и говоритъ онъ странникамъ:

Моя силушка такова теперь,
Что ввинтить кольцо во сыру землю.
Своротилъ бы я землю съ мѣстица;
Кабъ поставить столбъ до синя неба,
Своротилъ бы я и сине небо.

И попросили его выпить четвертый ковшъ гости его честные и спрашивали о его силѣ:

А тутъ глядь поглядь его силушка,
Его силушка поубавилась.

Найдя по себѣ коня и мечъ, взялъ онъ копье булатное, попросилъ благословенье родительское, навѣки нерушимое и отправился онъ въ Кiевъ погулять—людей посмотрѣть, себя показать, въ Кiевѣ святымъ угодникамъ помолиться и князю Кiевскому поклониться.

Проѣхавъ поле чистое, въѣхалъ Илья въ дремучiй лѣсъ, въ дубраву темную, гдѣ ни проѣзда нѣтъ конному, ни прохода нѣтъ пѣшему. Наѣхалъ онъ на шайку разбойниковъ; разгорѣлись глаза разбойниковъ на коня богатырскаго, на доспѣхи ратные, и стали они перешептываться. Остановилъ Илья своего коня, вынулъ онъ калѣну стрѣлу, наложилъ на тугой лукъ и пустилъ стрѣлу въ землю.

Загудѣла стрѣла, стала громко выть,
Стала мать землю въ косу сажень рыть,
Очумѣли тутъ всѣ разбойники,
Такой силушки въ жизнь невидамши.

Стали они молить Илью о прощенiи, предлагая ему и серебра и золота и разнаго добра награбленнаго. Но не взялъ ничего Илья и поѣхалъ дальше. Выбрался онъ изъ лѣсу и поѣхалъ на Черниговъ, а городъ этотъ былъ обложенъ силой басурманской, Илья Муромецъ подумалъ-погадалъ—и сказавъ «ой, то не ясенъ соколъ напускается на гусей на лебедей, а напускается Илья Муромецъ на басурманскую силу», сталъ рубить и колоть, и тамъ гдѣ конь его промчится—сто татаръ валится, а тамъ гдѣ свиснетъ его мечъ — сто головъ съ плечь. Перебилъ Илья всѣхъ татаръ, взялъ самаго царевича и поѣхалъ въ княжескiе хоромы.

Отпраздновавъ въ Черниговѣ побѣду надъ силой басурманской, Илья съ честью и славой отправился къ Кiеву.

Подъѣзжаетъ Илья къ Брянскимъ лѣсамъ, къ болотамъ топкимъ, къ мостамъ калиновымъ; а въ тѣхъ мѣстахъ, на двѣнадцати дубахъ, засѣлъ Соловей разбойникъ.

Не пропускалъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго: убивалъ всѣхъ наповалъ — не оружiемъ, но разбойническимъ посвистомъ.

Увидалъ Соловей разбойникъ со своего мѣста Илью Муромца, почуялъ онъ свою бѣду неминучую—и за двадцать верстъ Илью не допускаючи, сталъ свистать.

Ужъ какъ тутъ конь Ильи осержается,
Осержается окарачивается,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Вьскаки мечетъ по сѣнной копнѣ.

Подпустилъ Соловей разбойникъ Илью на десять верстъ, и засвисталъ еще громче. Взвилась пыль столбомъ, посыпались листья съ деревьевъ, конь Ильинъ спотыкнулся. Подпустивъ къ самому гнѣзду, Соловей разбойникъ началъ свистать что́ было мочи. Конь Ильинъ, зажмуривъ очи, бѣжитъ, ржетъ и пышетъ, земли подъ собой не слышетъ—и подбѣжавъ ко гнѣзду, сталъ какъ вкопаный.

Снимаетъ съ плеча Илья тугой лукъ, накладываетъ калену стрѣлу, пускаетъ — и какъ разъ попадаетъ Соловью разбойнику въ правый глазъ. Разбойникъ съ гнѣзда свалился какъ овсяный снопъ. Илья завязалъ его въ торока и поѣхалъ съ нимъ своею дорогою. Въѣзжаютъ они въ лѣса темные, въ дубравы зеленыя, а въ тѣхъ лѣсахъ были палаты соловья разбойника — и жили въ нихъ его три дочери, со своими мужьями, тремя богатырями. Младшая дочь увидя Илью и кричитъ радостно: «посмотрите, мои сестрицы, ѣдетъ нашъ батюшка съ гостинцемъ, а за сѣдломъ привязанъ какой-то человѣкъ». Старшая дочь посмотрѣла, горько заплакала; стала Бога молить, слезно зятей просить: «сѣдлайте коней, выѣзжайте скорѣй; — ѣдетъ какой-то человѣкъ, въ торокахъ везетъ онъ батюшку». Зятья богатыри коней своихъ осѣдлали, въ лѣсъ выѣзжали; копья у нихъ длинныя, мечи острые.

Увидалъ Соловей-разбойникъ своихъ зятей и закричалъ имъ громко: «зятья мои милые, не дразните богатыря Илью Муромца, а слѣзайте съ коней да просите скорѣй заѣхать къ намъ въ палаты.

Старшая дочь влѣзла на ворота, подняла верхнiй засовъ и дожидалась, пока Илья Муромецъ подъѣдетъ подъ ворота, чтобъ желѣзный засовъ опустить и Илью Муромца убить.

Илья Муромецъ на ворота посмотрѣлъ и отъ гнѣва не утерпѣлъ, прокололъ копьемъ [1]) старшую дочь Соловья-разбойника и поворотилъ на кiевскую дорогу.

Прiѣхалъ Илья въ Кiевъ, въѣхалъ на княжескiй дворъ, пришелъ въ палаты, крестъ положилъ по писаному, поклонъ положилъ по ученому и поклонился великому князю.

— Гой еси, добрый молодецъ, сказалъ великiй князь,—какъ тебя зовутъ по имени, по отечеству, какого города уроженецъ, какими землями ѣхалъ и куда путь держишь?

[1]) Такъ какъ по всѣмъ былинамъ, гдѣ проходитъ Илья Муромецъ, ясно видно, что онъ одинъ только не дрался и не убивалъ бабъ, какъ бы считая это ниже своего достоинства, то можно заключить, что убiенiе старшей дочери Соловья разбойника уже есть болѣе позднее прибавленiе и искаженiе геройскаго характера величайшаго русскаго богатыря.

— Зовутъ меня Ильей, а по отечеству Ивановымъ; ѣду изъ города изъ Мурома изъ села Карачарова въ твой городъ Кіевъ, святымъ угодникамъ помолиться, тебѣ великому князю поклониться. И началъ онъ разсказывать всѣ свои дѣла великія и побѣды свои славныя. Были у князя въ хоромахъ храбрые витязи, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, и многіе другіе могучіе богатыри, и не вѣрили они, чтобъ онъ Соловья разбойника полонить могъ.

Привелъ Илья разбойника и заставилъ его просвистать въ полсвиста. Засвисталъ Соловей разбойникъ, да такъ крѣпко, что богатыри окорачь поползли. Разсердился тутъ Илья Муромецъ и прихлопнулъ онъ Соловья разбойника.

И признали его тутъ Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ и всѣ другіе славные витязи своимъ старшимъ братомъ и просили его въ лугахъ погулять, себѣ единоборца поискать.

На возвратномъ пути встрѣтили они калѣку перехожую, именемъ Гуню, шляпа у него была пять пудъ, костыль длиною въ сажень, вѣсомъ девять пудъ; какъ взвидѣлъ его Илья Муромецъ, такъ и пустился на него.

— Ой ты Муромецъ Илья, говоритъ ему Гуня,—худо ты дѣлаешь, что старыхъ товарищей забываешь, на меня ты наѣзжаешь, а того не знаешь, что въ Кіевѣ бѣда;—пріѣхалъ туто сильный басурманскій богатырь Идолище; голова у него съ пивной котелъ, въ плечахъ сажень, аршинъ межь бровей [2]).

Пріѣхалъ Илья въ Кіевъ взошелъ онъ въ княжескіе хоромы, переодѣвшись въ платье калѣки перехожаго Гуни и сталъ онъ надсмѣхаться надъ басурманскимъ богатыремъ; разсердился тутъ большой Идолище и говоритъ Ильѣ.

— Не смѣйся, добрый молодецъ: я тебѣ не сватъ, а ты мнѣ не братъ, разомъ хвачу, какъ яйцо проглачу. Взялъ тутъ Илья пятипудовую шляпу и хватилъ онъ ей богатыря басурманскаго и убилъ онъ ей злаго Идолища.

Князь на радости большой пиръ задалъ. Мы тамъ были, медъ пили, по усамъ текло да въ ротъ не попало.

Народы Россіи.

(*Продолженіе*) *).

V. Самоѣды.

Всѣ вообще самоѣды занимаются оленеводствомъ. Когда-то они владѣли громадными стадами, но путемъ торговаго обмана и систематическаго грабежа ижмапскіе зыряне присвоили себѣ сначала моховыя пажити, а потомъ завладѣли и оленями.

— Нѣтъ у хасовы олешка нонче, разсказывалъ мнѣ одинъ большеземелецъ, — нищій сталъ самоѣдъ. Скоро неча ѣсть будетъ. Коли Ижма не возметъ въ работу— хошь помирай совсѣмъ.

— Отчего же вы не отстояли своихъ стадъ?

— Хитра Ижма. Зырянинъ въ тундру съ водкой ѣздитъ. Нашъ хасова дуракъ, сначала напьется, а послѣ дѣла ладитъ. Глядишь и нѣтъ олешка, и ѣсть не порато много приходится.

Богачи самоѣды въ настоящее время ничто иное, какъ пастухи собственныхъ стадъ своихъ, служащіе по найму у зырянъ. Водка сгубила ихъ, отняла у нихъ единственное достояніе—и если правительство не обуздаетъ мошенничества ловкихъ ижемцовъ, то окончательное истребленіе самоѣдовъ весьма не далеко. Уродливость этихъ дикарей препятствуетъ слiянію ихъ съ русскими путемъ брачныхъ союзовъ, а водка, ижемцы, оспа и тифъ низвели нѣкогда 70,000 племя до 6000 наличныхъ его членовъ въ настоящее время.

Впрочемъ и администрація безсильна въ этихъ безконечныхъ пустыняхъ Сѣвера, гдѣ произволъ и сила парализуютъ законъ, а полицейскій надзоръ невозможенъ. Здѣсь могли бы принести должную пользу лишь разумныя экономическія мѣры, какъ-то устройство хлѣбныхъ магазиновъ для самоѣдовъ въ самой тундрѣ, обложеніе высокимъ налогомъ права на пользованіе ижемцемъ моховыми пажитями, признаніе за самоѣдами исключительнаго владѣнія искони-принадлежащими имъ тундрами.

Система захватовъ, усвоенная зырянами, рѣзко характеризуется нижеслѣдующимъ. Сначала богатыми владѣльцами стадъ, а слѣдовательно и конкурентами ижемцевъ были какъ многіе самоѣды, такъ и наши русскіе пустозеры;—желая быть единственными хозяевами оленей и тундръ, зыряне ухитрились вытоптать и истребить моховые пастбища, какъ тѣхъ такъ и другихъ. Вытоптанный или вообще истребленный мохъ подымается вновъ не ранѣе 30 лѣтъ, почему стада пустозерскія погибли съ голоду—и пираты сѣверныхъ пустынь ижемцы тѣмъ самымъ уничтожили возможность какой-бы то ни было конкуренціи съ ними.

Кромѣ оленеводства самоѣды ловятъ рыбу: семгу, нелядей, чиховъ, нельму въ своихъ рѣкахъ и озерахъ, причемъ ихъ сильно обижаютъ русскіе, отнимая лучшія мѣста промысла, бьютъ пушнаго звѣря, гусей, гагаръ, утокъ, куропатокъ, стрѣляютъ откуевъ (бѣлыхъ мѣдведей), добываютъ на островѣ Колгуевѣ тюленей и моржей, но все это въ одиначку, много-много что партіями въ пять или шесть человѣкъ.

Самоѣды семгу ловятъ заколами, какъ и пустозерцы; они запасаются ею на зиму и легко обходятся безъ хлѣба, если подъ руками имѣются иные запасы. Рыбу они сушатъ развѣшивая на жердяхъ, въ этомъ видѣ она можетъ быть сохраняема весьма долгое время. Пища ихъ разнообразится оленьимъ мясомъ, преимущественно сырымъ. Убивъ оленя, они прежде всего отрѣзываютъ отъ него мясо длинными лентами и опуская его въ кровь, весьма искусно собранную во внутренность животнаго, пожираютъ съ удивительною жадностью. Оленью кровь они пьютъ и отдѣльно, считая ее особеннымъ лакомствомъ. Благодаря этому обычаю, цынга между ними весьма рѣдка. Языки, сало и окорока оленей они запродаютъ купцамъ для доставки въ Архангельскъ, населеніе котораго такимъ образомъ довольно дешево пріобрѣтаетъ эту вкусную, питательную и здоровую пищу.

---

[2]) Тутъ идетъ другая былина, которую мы за недостаткомъ мѣста помѣстить не можемъ, въ ней описывается, какъ Алэша Поповичъ уговариваетъ Илью Муромца не ходить въ Кіевъ для его защиты. Былина эта пѣта въ концѣ прошлаго года въ Географическомъ обществѣ извѣстнымъ сказателемъ Рябининымъ

*) См. «Нива» 1871 г. №№ 20, 33, 50 и 52.

Оленьи кожи скупаются зырянами, которые вырабатывают изъ нихъ въ Ижмѣ, Мохчѣ и др. своихъ селеніяхъ превосходную замшу тонкую и нѣжную, неуступающую Шведской.

А. Михайловъ, посѣщавшій тундру, довольно подробно описываетъ гастрономическое торжество самоѣдовъ:

«Двѣ отвратительныя старухи самоѣдки, говоритъ онъ, копошились около дымившихся еще внутренностей только что зарѣзаннаго оленя, разбирая ихъ окровавленными руками. Нѣкоторые изъ стоявшихъ кругомъ самоѣдовъ подходили одинъ за другимъ съ ножемъ въ рукахъ и ѣли сырое, неостывшее мясо, омакивая отрѣзываемые куски въ горячую кровь, наполнявшую внутренность животнаго. Путешественникъ видѣлъ потомъ, какъ другіе глодали кости, обдирая зубами мясо и запивали его теплою кровью».

Во время этого гастрономическаго наслажденія, самоѣды сосутъ водку въ видѣ ледяныхъ кусковъ, считая это величайшимъ лакомствомъ. За водку они готовы отдать все: добычу пушнаго и рыбнаго промысла, будущій уловъ, свои стада, своихъ инекъ. Водка и табакъ — послѣдній предѣлъ ихъ блаженства. Жители Архангельска зимою видятъ самоѣдовъ валяющимися, подъ заборомъ у кабаковъ. Пропивъ деньги, заработанныя перевозкою архангелогородцевъ по ставшей рѣкѣ на оленяхъ, самоѣдъ ложится гдѣ попало и съ выраженіемъ неизъяснимаго удовольствія на лицѣ, засыпаетъ до радостнаго утра.

Чадолюбивыя матери самоѣдки водятъ своихъ дѣтей въ питейные дома, точно такъ же какъ добрыя наши маменьки водятъ своихъ чадъ въ театры. Самоѣды пріучаются пить чуть-ли не съ младенчества. Въ тундрѣ нерѣдко можно видѣть драки пьяныхъ дикарей. Они рвутъ другъ друга за волосы, наклоняя головы до земли, царапаются, визжатъ какъ кошки, и падаютъ къ ногамъ торжествующаго врага. Въ этомъ состояніи женщины-иньки, благоговѣющія въ обыкновенное время передъ своими мужьями, дуютъ ихъ чѣмъ ни попало и ревутъ до изступленія.

Самоѣды живутъ въ берестяныхъ коническихъ чумахъ или юртахъ, называемыхъ ими *мяканъ*. Они укрываютъ его двойными оленьими мѣхами и внутри выстилаютъ цыновками или тѣми же шкурами. Такое жилье немного похуже кибитки киргиза. Посрединѣ чума разводится огонь и дымъ низко стелется, затрудняя дыханіе и разъѣдая глаза непривычнымъ посѣтителямъ. Здѣсь чрезвычайно тепло. Въ глухія зимы, когда вокругъ чума трещитъ морозъ или полярная вьюга злится, наметая цѣлыя горы снѣгу, и дуетъ пронзительный, словно льдомъ оковывающій вѣтеръ—внутри чума неприхотливая семья привольно раскидывается, нѣжась и расползаясь отъ жару. Въ чумахъ иногда помѣщаются семейства отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ съ собаками, лохматыми, цвѣтомъ шерсти и длиною мордой похожими на лисицъ. Снять и вновь поставить такой чумъ весьма не затруднительно. Поѣдятъ олени окрестный мохъ кочевье переходитъ на другое мѣсто, пересѣкая такимъ образомъ громадныя пространства тундры.

Одѣваются самоѣды исключительно въ оленьи мѣха. Вмѣсто рубахи—на голое тѣло они накидываютъ *малицу*, родъ мѣшка, съ отверстіемъ для головы и двумя рукавами. Малица шьется изъ шкуръ полугодовыхъ оленей шерстью внутрь. Оленьи мѣха черные и бѣлые, шерстью наружу украшаютъ тонкой каймой подолъ. У рукавовъ и на шейномъ отверстіи нашиваются отвороты изъ пыжиковъ (самый молодой олень, этимъ же словомъ обозначается и его шерстка). Чѣмъ чернѣе эти пыжики; тѣмъ дороже малица. Сверхъ малицы надѣвается *совикъ*. Совикъ—та же малица, сшитая шерстью вверхъ съ такимъ же мѣховымъ капюшономъ. На ноги натягиваются *пимы*, родъ мѣховой обуви изъ шкуръ оленьихъ ногъ. Кромѣ того носятъ *люпты*, чулки изъ пыжиковъ шерстью внутрь. Шапка и рукавицы изъ пыжиковъ довершаютъ остальной костюмъ. Мужчины и женщины одѣваются безразлично. Только малица самоѣдокъ украшается лоскутьями яркаго, преимущественно желтаго и краснаго сукна. Самоѣдки иногда впрочемъ подъ малицу надѣваютъ *янды*.

Платье это некрасиво и неуклюже, но по климатическимъ условіямъ страны оно весьма удобно. Вмѣсто нитокъ оно прочно сшивается крѣпкими и неизносными оленьими жилами. Русскіе и зыряне здѣсь усвоили себѣ эту одежду, да и чиновничество, проѣзжая зимою тайболы и тундры, одѣвается въ тѣ же малицы, совики и пимы. Хорошая малица стоитъ отъ 9 до 12 руб. совикъ отъ 6 до 8 и пимы отъ 2 до 3 руб. Въ этомъ костюмѣ нечувствительны ужаснѣйшіе полярные морозы.

Лѣтомъ самоѣды носятъ только малицы сшитыя изъ самыхъ тонкихъ пыжичьихъ шкурокъ. Богатые номады сверхъ того накидываютъ ситцевыя рубахи, сшитыя въ видѣ чехла на малицу.

Замѣчательна привычка самоѣдовъ къ холоду. Нѣкоторымъ архангельцамъ случалось нанимать ихъ къ себѣ дворниками и кучерами. И что же, днемъ они еще кой какъ бываютъ дома, ночью же несмотря на морозъ спятъ во дворахъ. Отъ долговременнаго пребыванія въ городахъ они начинаютъ страдать грудью и скоро умираютъ отъ чахотки.

Прежде это былъ сильный физически народъ; но вмѣстѣ съ цивилизаціей въ среду его проникли сифилисъ, оспа и тифъ, которые изъ тундръ уносятъ ежегодно сотни жертвъ. Особенно широко распространяется здѣсь сифилисъ. Это истинный бичь несчастныхъ сѣверныхъ дикарей. Благодаря ему, дѣти рождаются слабыми, больными, золотушными и быстро вымираютъ. Водка довершаетъ остальное. Не далеко то время, когда эта несчастная раса изчезнетъ съ лица земли, не оставивъ слѣда ни въ языкѣ, ни въ нравахъ, ни въ типѣ, ея сосѣдей.

Предоставленные сами себѣ — самоѣды были бы весьма счастливы, еслибы не вопіющее мошенничество ихъ сосѣдей—зырянъ. Зимою самоѣды кочуютъ въ лѣсахъ или близь горныхъ отроговъ, лѣтомъ перебираются на Сѣверъ. Рѣдко болѣе четырехъ или пяти дней они живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Выѣдятъ олени бѣлый мохъ или листву керча—и кочевье перебирается дальше. Лѣтомъ самоѣды посѣщаютъ другъ друга, родныхъ и знакомыхъ, переѣзжая отъ чума до чума, богатые на кладеныхъ, а бѣдные на простыхъ оленяхъ. Семейства ихъ въ это время заготовляютъ новые чумы, одежду, готовятъ пищу. Въ промысловое время самоѣды запасаются рыбой, птицей и саломъ (ворванью). Оленьи стада отъѣдаются на просторѣ. Толстѣютъ и собаки, охраняющія ихъ и дорого цѣнимыя въ тундрѣ. Вообще, нужно замѣтить, что безъ оленя и собаки самоѣду нельзя сдѣлать и шагу. Посмотрите на кочевье вечеромъ; какъ хороши эти животныя! «Собаки съ лаемъ сгоняютъ ихъ въ густую толпу, а между тѣмъ

матки съ отягощенными сосцами весело прыгаютъ; спугнутые собаками, самцы величаво подымаютъ свои красивые рога. Согнанные въ кучу, они бодаются между собою». Осенью шкура оленя густѣетъ, онъ пріобрѣтаетъ болѣе силы и легкости. Въ теченіи десяти часовъ ему удается сдѣлать до ста миль. Извѣстно, что во дворцѣ шведскаго короля находится чучело сѣвернаго оленя, сдѣлавшаго въ двое сутокъ — 800 англійскихъ миль. Охота на сѣвернаго оленя весьма оживляетъ однообразіе полярной жизни. Въ первыхъ числахъ іюня дикія стада ихъ посѣщаютъ тундры — и отъѣдаются чрезвычайно быстро. Въ это время ихъ бьютъ и ловятъ самоѣды, остяки и другія племена нашихъ отдаленныхъ окраинъ.

(Окончаніе будетъ).

Александръ Невскій и Дмитрій Донской.
Рисовалъ де ла Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

Александръ Невскій и Дмитрій Донской

Передъ нами портреты, хотя и вымышленные, двухъ величайшихъ русскихъ государей: Александра Ярославича Невскаго и Дмитрія Ивановича Донскаго. Съ первымъ началось, со вторымъ кончилось притворное подчиненіе Татарамъ. Когда родился святый благовѣрный Александръ Ярославичъ Невскій—неизвѣстно. Въ 1237 году получилъ онъ въ удѣлъ княженіе Новгородское—и когда Новгородъ стали тѣснить Шведы, онъ пошелъ имъ на встрѣчу, разбилъ ихъ и своими руками всадилъ копье въ ихъ полководца Бюргера. Затѣмъ Чудь, Литва и Нѣмцы вторгнулись въ Русь, предполагая что, вслѣдствіе татарскаго нашествія, съ нами можно расправляться какъ душѣ угодно. — То были невѣроятные подвиги по такому тяжелому времени—и они ясно показываютъ, что Александръ Ярославичъ былъ не только храбръ, но и, выражаясь по нынѣшнему, весьма не дурной генералъ.—

Смерть отца сдѣлала его Великимъ Княземъ Всея Руси,— а тогдашній татарскій ханъ Батый заявилъ ему, что если хочетъ княжить спокойно, то чтобы явился въ Орду съ поклономъ. Александръ въ Орду отправился, сблизился съ преслѣдователями Руси Татарами. Въ Ордѣ требовалось, прежде всего, поклоненіе кумирамъ. Великій Князь отъ этого отказался.—Батый призналъ его достоинство и отправилъ его въ Великую Орду, т. е. куда-то въ Монголію, къ Великому Хану,— Александръ Невскій такъ ловко обдѣлалъ свои дѣла, что Татары признали его Великимъ Княземъ Всея Руси, но на условіи, чтобы онъ имъ платилъ дань; Александръ согласился на это условіе;—легче было платить дань самимъ, чѣмъ собирать ее при помощи татарскихъ наѣздниковъ.

Только-что Александръ Ярославичъ возвратился изъ Орды, какъ явились къ нему послы отъ папы Иннокентія IV (то были два кардинала: Галька и Гемонта) съ цѣлью склонить его къ принятію католичества. Само собою разумѣется, Александръ Невскій отвергнулъ подобное позорное предложеніе,—позорное тѣмъ, что къ нему Римъ примѣшалъ условія освободить насъ отъ Татаръ, при помощи западныхъ рыцарей.

Отклоненіе римскаго предложенія тѣмъ еще особенно важно, что если бы мы приняли латинство, то приняли бы и государственное устройство Европы; т. е. у насъ явились бы владѣтельные бароны, мелкая шляхта—и вся русская исторія невольно пошла бы совершенно другимъ путемъ. Европа хотѣла помочь намъ только на условіи нашего вѣроотступничества. Св. Александръ Невскій счелъ за лучшее добровольно покориться Татарамъ и выжидать, что будетъ. Онъ заключилъ съ ними договоръ такого содержанія, что Русь соглашается платить имъ дань, постольку-то съ души,—но съ тѣмъ условіемъ, что эта дань будетъ доставляться въ Орду самими русскими, что безъ согласія Орды нельзя сдѣлаться Великимъ Княземъ Всея Руси. Татары согласились и послали своихъ людей описывать русскія земли т. е. считать народонаселеніе. Понятно, какъ производилась эта народная перепись, сколько при ней происходило насилій, грабежа, несправедливостей и сколько народу отъ нея укрывалось, прячась по лѣсамъ или убѣгая дальше къ востоку, къ Уральскимъ горамъ, на сѣверъ, къ Бѣлому морю. Новгородцы, непокоренные Татарами, хотѣли отъ нея отдѣлаться; но Александръ Невскій съумѣлъ ихъ заставить подчиниться участи всей остальной восточной Руси и участвовать въ ея судьбѣ. Не сдѣлай онъ этого—Новгородъ такъ же бы отсталъ отъ общаго хода русской исторіи, какъ отстали отъ нея впослѣдствіи западныя губерніи.

Святый Великій и Благовѣрный Князь Александръ Ярославичъ, по прозвищу Невскій, почилъ въ 1263 г., благословляемый народомъ по сіе время за то, что сдѣлалъ первый шагъ къ освобожденію Руси отъ татарщины. Онъ указалъ путь избавиться отъ Татаръ. «Пусть берутъ наше золото, серебро, пусть принимаютъ отъ насъ всякіе поклоны и мелкія услуги, но пусть не мѣшаются въ наши домашнія дѣла». Разсчетъ былъ изумительно вѣренъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти Русь была уже свободна.

Внукъ Александра Невскаго отъ сына его Даніила, Иванъ Даниловичъ Калита Великій Князь Московскій крѣпко дружилъ съ Татарами и подчинялъ ихъ власти Рязанское и Тверское великое княжество. Онъ платилъ имъ щедро, они въ него вѣрили, а онъ подъ рукой, при помощи митрополита Св. Петра, расширялъ маленькое Московское княжество и какъ представитель—передъ Ордою—всей Руси заставилъ и другихъ мелкихъ князей слушаться себя.

Сверхъ того имъ же начато сливаніе всѣхъ русскихъ сословій и всѣхъ мѣстныхъ законодательствъ въ одно.

«Что городъ то норовъ, что деревня то обычай». Никакъ нельзя было управиться съ этими вѣчами—и мѣстными правами справляться въ такое тяжелое время было болѣе чѣмъ затруднительно. Вѣча губили государство безъ толку—постоянными раздорами, мелкими счетами, постоянно опираясь на свои права. Сами удѣльные князья вели себя крайне неблаговидно, они то и дѣло ѣздили въ Орду жаловаться другъ на друга и заставляли Татаръ мѣшаться въ дѣла земли Русской. Не лучше ихъ вели себя города и волости: они вѣчно противились князьямъ, опираясь на свои льготы, у нихъ были свои тысяцкіе (предводители народнаго ополченія и въ то время головы); мѣстами, какъ въ Новгородѣ, даже посадники, нѣчто въ родѣ президентовъ республикъ; были мужи, т. е. военное дворянство, нѣчто въ родѣ польской шляхты; была простая чадь; были гостиные люди;—однимъ словомъ: было такое множество сословій и мѣстныхъ правъ, что великорусскіе князья (начиная съ геніальнаго Андрея Боголюбскаго, павшаго подъ ножами приверженцевъ стараго порядка) приняли слѣдующую систему слiянія Русской земли во едино.—Пустопорожнихъ земель было пропасть; на эти земли они стали скликать поселыциковъ съ тѣмъ, чтобы они жили не по старымъ правамъ, а по мѣрѣ возможности просто и безъ затѣй, при возможно большемъ, въ тѣ времена, равенствѣ.

Дремучіе непроходимые лѣса ихъ владѣній, этой европейской Канады, застонали подъ топорами всякаго пришлаго люда—и вотъ среди старинныхъ родовитыхъ поселковъ, подлѣ, тогда еще желтокожей, дикой мордвы, мери и всякой другой чуди, явилось населеніе съ принципами нѣкотораго равенства и смотрѣвшее на Великаго Князя даже какъ на господаря (баринъ, хозяинъ). Старые порядки зашатались, а новые монархическіе стали возникать—и ими то мы спасены.

Ровно черезъ сто лѣтъ по смерти Александра Невскаго, великокняжескій санъ достался внуку Калиты, Дмитрію Іоанновичу Орлу Высокопарному, какъ называли его современники, или Донскому, какъ его прозвали потомки. «Бяше же крѣпокъ зѣло, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ вельми и тяжекъ; брадою-жъ и власы чернъ; взоромъ же дивенъ зѣло». Такъ отзывается объ немъ Никоновская лѣтопись. Это былъ человѣкъ, котораго современники такъ же любили и уважали какъ Александра Невскаго. Онъ, какъ и весь ихъ родъ, особенно личной храбростью и задорчивостью не отличался, лишнихъ военныхъ предпріятій, какъ и Александръ Невскій, не предпринималъ—и гдѣ можно шелъ на войну не самъ, а довѣрялъ ее другимъ. Но и Александръ Невскій и весь родъ его (хоть были преимущественно дипломаты и недолюбливали ратнаго дѣла) въ случаѣ нужды умѣли съ честью встрѣтиться на ратномъ полѣ нетолько съ татариномъ, но даже со шведомъ и съ головы до ногъ закованнымъ въ желѣзо божьимъ дворяниномъ т. е. съ ливонскимъ рыцаремъ.

Княженіе Орла Высокопарнаго началось при довольно благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ Ордѣ происходилъ расколъ. Въ ней явилось нѣсколько хановъ и

всѣ они требовали дани, и всѣ они давали ярлыки на великое княженіе. Димитрій вполнѣ наслѣдовавшій дипломатическія наклонности своего семейства, пользуясь этими смутами въ Ордѣ, продолжалъ постепенно уничтожать удѣлы или ставить ихъ въ полную безусловную отъ себя зависимость, такъ что сталъ чисто по царски требовать къ себѣ на судъ ссорящихся князей. Язва моровая пронеслась надъ Россіею, Москва погорѣла, но на мѣсто деревяннаго Кремля, при Орлѣ Высокопарномъ, выросъ каменный.

Между тѣмъ усмиренные Иваномъ Калитою, тверскіе князья не унимались, имъ хотѣлось возстановить прежнее значеніе, и опять-таки они обратились за помощью къ Литвѣ. Родственникъ ихъ, Олгердъ, сдѣлалъ набѣгъ подъ Москву, награбилъ, набралъ плѣнныхъ и ушелъ назадъ. Какъ ни было это тяжело, но Димитрій тутъ же взялъ подъ свое покровительство Новгородъ и Псковъ, тогда еще не подвластные Москвѣ, и защитилъ ихъ отъ божьихъ дворянъ.

Неудачи Тверскихъ заставили ихъ обратиться къ Татарамъ. Михаилъ Тверской выхлопоталъ себѣ у усиливавшагося тогда Мамая грамоту на Великое Княженіе и поѣхалъ было во Владиміръ вѣнчаться; но Димитрій разставилъ засады, чтобы его перенять на пути—и Михаилъ спасся только бѣгствомъ въ Вильну, къ зятю своему Олгерду, и сталъ опять молить его о помощи. Олгердъ приступилъ было къ Волоко-Ламску, три дня побился съ Димитріевой ратью и отступилъ отъ этой ничтожной деревянной крѣпости. Крѣпость эту отстаивалъ Князь Березуйскій, который вслѣдъ затѣмъ въ благодарность Господу Богу постригся.

Михаилъ Тверской выхлопоталъ себѣ новый ярлыкъ на званіе Великаго Князя, Дмитрій собралъ войско и Владимірцы объявили, что у нихъ есть и кромѣ Михаила законный государь, а иного они не вѣдаютъ. Ханскій посолъ требовалъ отъ Дмитрія, чтобъ онъ явился во Владиміръ выслушать ханскую грамоту. Дмитрій отказался. Изъ этого отказа могла выйдти немедленная война съ Татарами, къ которой Русскіе были еще не готовы. Надо было выиграть время и рискнуть личной безопасностью. Дмитрій съ благословеніемъ митрополита Алексѣя отправился въ Орду, а на небѣ явились знаменія: на солнцѣ показались черныя мѣста, будто гвозди; отъ долгой засухи пошли такіе туманы, что днемъ въ двухъ саженяхъ лица человѣческаго нельзя было разглядѣть; насталъ голодъ, потому что луга и поля повысохли, и скотъ попадалъ. А Михаилъ Тверской, пользуясь этими несчастіями, сжегъ Угличъ, Бѣжецкъ и взялъ Мологу.

Къ общему удивленію, Дмитрій воротился изъ Орды цѣлымъ и невредимымъ. Онъ такъ ловко обдѣлалъ тамъ свои дѣла, что Татары утвердили его на Великомъ Княженіи, вполнѣ отрекшись отъ Михаила Тверскаго, и позволили Димитрію выкупить бывшаго у нихъ заложника за десять тысячь рублей Михаилова сына Іоанна.

Такимъ образомъ, съ Тверью было все покончено; оставалось другое русское государство, сильно недовольное возвышеніемъ Москвы. Олегъ Рязанскій хотя помогалъ Димитрію противъ литовцевъ, но, опасаясь московской гегемоніи, рѣшился напасть на московскую землю. Рязанцы шли смѣло, хвастливо, въ полной увѣренности, что разобьютъ москвичей, но москвичи отразили рязанцевъ.

Долго перечислять долгій списокъ всѣхъ войнъ, которыя пришлось выдержать Димитрію Іоанновичу съ прочими русскими княжествами, съ такъ-называемою Литвою, съ Тверью и съ Рязанью. Время было тяжелое, Татары дѣлали по прежнему набѣги на Русь, они выжгли Рязань, захватили Нижній Новгородъ и предполагали отъ чистаго сердца, что будутъ вѣки-вѣчные точно такъ же обладать Русью, какъ прежде. Но они при этомъ одного не поняли: они не поняли характера потомковъ Александра Невскаго, которые умѣли кланяться врагу и въ то же время мечъ на него обтачивать. Мечъ былъ отличный, занесся, рубнулъ со всего размаху и отразилъ ударъ, нашествія Тохтамыша.

В. Кельсіевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Экспедиція на Эмбу въ 1871 году.

(Изъ походныхъ записокъ интендантскаго чиновника).

I. Городъ Илецкая-Защита, первая дневка.

10-го Марта.—Среда.

Морозное и ясное утро. Я выѣхалъ изъ Оренбурга въ восемь часовъ, переѣхалъ Уралъ—и по ухабистой почтовой дорогѣ догналъ къ вечеру отрядъ въ Илецкой-Защитѣ.

Мнѣ было отведено помѣщеніе возлѣ собора въ деревянномъ домѣ одной казачки, должно быть раскольницы, судя по развѣшаннымъ въ комнатѣ лѣстовкамъ. Хозяйка была предусмотрительна, заботилась обо всемъ; но денегъ ни за что не взяла.

На другой день отряду была назначена дневка—и я, окончивъ свои служебныя обязанности, нашелъ довольно времени осмотрѣть городъ.

Прежде всего обратила мое вниманіе высокая гора въ видѣ сахарной головы, выросшая изъ земли среди ровной и безконечной степи и стоящая одиноко возлѣ самаго города. На вершинѣ этой горы построена башня въ видѣ крѣпости, и хотя снаружи она еще поддерживается, но внутри уже вся обвалилась. Къ ней ведетъ уступами высокая лѣсница.

Городъ Илецкая-Защита, по татарски Тзъ-Тюбе (соляной холмъ), основанъ до начала нынѣшняго столѣтія, онъ принадлежитъ къ Илецкому уѣзду и находится въ 68 верстахъ отъ Оренбурга. Въ немъ неисчерпаемый источникъ богатства: соляныя копи. Городъ этотъ очень не великъ, частныя постройки всѣ деревянныя, только казенныя каменныя, по серединѣ круглый и довольно богатый соборъ, противу него высокій памятникъ, въ воспоминаніе посѣщенія города Государемъ Императоромъ. Обширный садъ съ разрушенными оранжереями и разными старинными затѣями, въ настоящее время совершенно запущенный. Здѣсь когда-то царили соляные управляющіе и жили на широкую ногу.

Городъ этотъ постоянно уже нѣсколько лѣтъ подвергается пожарамъ: въ прошедшемъ году сгорѣло сорокъ домовъ и въ нынѣшнемъ около тридцати. Жите-

лей въ немъ считается двѣ тысячи, церквей двѣ, кабаковъ болѣе двадцати. Ряды съ множествомъ небольшихъ лавокъ, въ которыхъ торгуютъ бойко; чрезъ городъ—путь на линію, да и киргизы изъ ближайшихъ ауловъ закупаютъ все необходимое, въ особенности же пшено и муку, и пригоняютъ много скота на продажу.

Въ Илецкой-Защитѣ имѣютъ пребываніе: соляное и акцизное управленія, три начальника: городской, уѣздный и эмбенскій. Новое городское управленіе вводится съ прошлаго года; но что-то туго. Приготовляются казармы для формируемаго гарнизона вмѣстѣ съ помѣщеніемъ для четырехсотъ человѣкъ ссыльно-каторжныхъ ожидаемыхъ къ осени.

На содержаніе четырехъ сотъ человѣкъ ссыльно-каторжныхъ, назначено въ годъ 20 т. рублей, кромѣ администраціи. Слѣдовательно, каждый преступникъ обойдется казнѣ 50 рублей въ годъ; за назначеніемъ же ихъ на работы въ соляныя копи, содержаніе ихъ вернется, еще съ излишкомъ.

Необыкновенную панораму представляютъ соляныя копи: высокое отгороженное пространство, въ которое ведутъ ворота, на немъ выстроена красивая круглая бесѣдка, отъ нея—спускъ по широкой лѣстницѣ внизъ, гдѣ на довольно большой площади помѣщены бунты изъ сложенныхъ камней соли (каждый камень въ два пуда), сарай съ мелкою солью и вѣсы. Площадь эта со всѣхъ сторонъ окружена высокими стѣнами—солянаго и свѣтлаго какъ кристаллъ камня, точно мраморными, прямо на 9 сажень, на лѣво и на право по 6 сажень. Спустившись еще по сходамъ внизъ, видишь опять на лѣвой сторонѣ новую площадку, на ней-то въ настоящее время и производится ломка соли. Тутъ сыро и соляной растворъ сочится по всѣмъ направленіямъ — образуя маленькіе ручейки и сосульки. Въ землѣ соль такъ глубока, что не найдешь ей конца. Чтобы снять стѣны, окружающія верхнюю площадь, при существующихъ нынѣ порядкахъ на это потребуется minimum двѣсти лѣтъ,—а что еще останется въ землѣ!

Все отдано въ аренду купцу Первушину на десять лѣтъ съ разными льготами и платежемъ въ годъ 360 т. рублей, съ дозволеніемъ выбирать соли милліонъ пудовъ и болѣе, если арендаторъ найдетъ возможнымъ; кромѣ того онъ платитъ: акцизныхъ 23 коп. съ пуда и пудовыхъ $1^1/_2$ копѣйки. Впрочемъ съ 1-го января 1872 г. срокъ контракта кончается—и вѣроятно сдѣлано будетъ что нибудь выгодное для казны; тѣмъ болѣе, что работы будутъ производиться ссыльно-каторжными.

Въ настоящее время арендаторъ платитъ рабочимъ отъ 50 до 60 коп. въ сутки по урокамъ—и въ 1870 году добылъ соли 1.380.000 пудовъ, изъ копей: высшаго сорта комовой на половину, а остальную втораго сорта щебневой и низшаго, бороздовой. Соль продается на мѣстѣ, смотря по сортамъ, отъ 40 до 70 коп. за пудъ и дороже, имѣетъ то преимущество противъ Пермской и Елтонской, что ея идетъ въ половину менѣе и все таки экстрактъ ее солонѣе. Главная причина нераспространенія ея—отдаленность края, неимѣніе хорошихъ путей, чрезъ что плата за провозъ обходится дороже и увеличиваетъ цѣнность на самый продуктъ.

Съ устройствомъ желѣзной дороги до Оренбурга, вѣроятно будетъ обращено вниманіе на проведеніе вѣтви до Илецкой-Защиты—и тогда городъ этотъ ожидаетъ блестящая будущность, а соль какъ самая лучшая въ Россіи будетъ по цѣнѣ доступна для всѣхъ и доставитъ правительству каждый годъ десятки лишнихъ милліоновъ.

Кромѣ этого источника богатства, можно еще присоединить и цѣлебныя соляныя озера, окружающія городъ. Въ одномъ изъ нихъ устроена хорошая купальня, тутъ же для больныхъ приготовляются и теплыя ванны. Купанья въ этой водѣ полезны, какъ я слышалъ, отъ ломоты и ревматизмовъ. Нынѣшнее лѣто прибыло для леченія изъ разныхъ мѣстъ девяносто человѣкъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, на обратномъ слѣдованіи изъ степи, я купался въ этомъ озерѣ и весь пропитался солью на цѣлую недѣлю; вода въ немъ—чистый соляной сиропъ, грязноватаго цвѣта, и густота его не даетъ тонуть. Послѣ купанья я получилъ необыкновенную бодрость и крѣпкій продолжительный сонъ.

Осмотрѣвъ все замѣчательное въ городѣ и запасшись отъ уѣздныхъ начальниковъ открытыми листами на татарскомъ языкѣ, я 10 марта вмѣстѣ съ отрядомъ и своимъ транспортомъ двинулся по глубокому снѣгу прямо въ безконечную степь.

Солдаты шли бодро и весело распѣвали пѣсни, погонщики чабары кутались въ свои разорванные халатишки, и нахлобучивая малахи, оглядывались назадъ; я же сидѣлъ въ своей кибиткѣ и думалъ: что-то я увижу дальше.

II.

Привалъ Джюсалы.

15-го Марта.—Понедѣльникъ.

Сегодня идемъ что-то очень долго. Погода прескверная, рѣзкій холодный вѣтеръ такъ и рѣжетъ глаза. Стало заметать. Солдаты поговариваютъ, что будетъ буранъ. Зная по опыту, какая это непріятная исторія, я закрылъ кибитку, закутался и задремалъ.

Очнулся только тогда, когда остановились. Слышу: говоръ, шумъ, споры киргизъ съ солдатами, развьючиваютъ верблюдовъ. Буранъ дѣйствительно разыгрался не на шутку. Ставятъ юламейки. [1]) Мой слуга татаринъ хлопочетъ около моей вмѣстѣ съ отрядными солдатами, чего прежде не бывало.

Поставили. Поблагодарилъ солдатъ и переселился въ свое холодное убѣжище. Устроилъ съ Поповичемъ [2]) желѣзную печь и кровать. Надо отогрѣваться: огня!.. огня!.. За кизякомъ посылать далеко. Моя команда говоритъ, что у одного киргиза пала лошадь, и онъ продаетъ сани. Послалъ купить, купили; но покуда ихъ привезли, раскололи и затопили, я очень продрогъ, буранъ же такъ и рвалъ юламейку. Скверно! дѣлать нечего: зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ.

Черезъ полъ-часа растопилась печь, поставили походный самоваръ, я согрѣлся и успокоился.

Долго поддерживали огонь; но какъ труба въ юламейкѣ поставлена была прямо, то тепло болѣе тянуло кверху. Я закутался и улегся на свою кровать. — Команда (которую я помѣстилъ къ себѣ, желая, чтобы она обогрѣлась и обсушилась), радуясь теплому пріюту, размѣстилась на кошмахъ у печки.

Пора, бьетъ барабанъ, надо собираться.

Я вышелъ изъ юламейки осмотрѣть свой транспортъ и узнать, прислалъ ли старшина лошадей,—гляжу: совсѣмъ свѣтло, весь транспортъ въ движеніи; но у моей кибитки ни лошадей, ни киргиза нѣтъ.

---

[1]) Войлочныя кибитки.
[2]) Писарь, сынъ священника.

Надо сказать, что я наканунѣ послалъ нарочнаго въ аулъ съ открытымъ листомъ—и старшина, бывъ у меня, обѣщалъ прислать лошадей чуть свѣтъ, денегъ впередъ не взялъ, а между тѣмъ смотрю на часы, половина шестаго, а лошадей нѣтъ. Меня безпокоило, что онъ не взялъ денегъ; на другихъ привалахъ старшины всегда просили впередъ.

Послалъ за караванъ-башей, зная, что освободилось отъ транспорта нѣсколько подводъ, чтобы хотя вдвое дороже нанять у него верблюда или лошадей. Приходитъ караванъ-баша, усѣлся по обыкновенію у входа на корточкахъ и объявилъ, что маіоръ забралъ всѣ подводы, нѣкоторыя подъ свои вещи, а остальныя

Вахтера и команду я прежде отправилъ наблюдать за спиртомъ — и потому остался одинъ съ Поповичемъ.

Когда всѣ ушли, сдѣлалась тишина безмятежная. День былъ морозный, ясный—и воздухъ до того прозраченъ, что далеко можно было различить удалявшійся арьергардъ. Степь зимою величественна, грандіозна; но до того однообразна и уныла, что наводитъ страшную тоску—въ особенности въ моемъ положеніи, да еще при 18-ти градусахъ морозу въ дорожной кибиткѣ.

Я сидѣлъ закутавшись, руки закоченѣли; Поповичъ согрѣвался, похаживая кругомъ. Мы стали придумывать, что намъ дѣлать.

Внутренность киргизской кибитки.

для больныхъ, и что если бы не это, то онъ конечно не смѣлъ бы мнѣ отказать.

Юламейку мою сняли, стали убирать печь и кровать. Я не мѣшалъ, чтобы хотя это успѣть отправить на своей подводѣ съ транспортомъ. За подводу я точно такъ же какъ и за юламейку заплатилъ только до Уильскаго укрѣпленія по 65 копѣекъ съ пуда.

Авангардъ пошелъ, за нимъ потянулся транспортъ; стало пустѣть болѣе и болѣе. Наконецъ разобрали юламейку у маіора. Я вижу: плохо... дѣло дрянь. Подхожу къ нему и говорю (онъ уже приготовлялся садиться на лошадь).

— Чтоже, Василій Степановичъ? неужели мнѣ оставаться въ степи?

Онъ мнѣ въ отвѣтъ: «это ваше дѣло, а не мое, оставайтесь когда хотите». Сѣлъ на лошадь, крикнулъ арьергарду: пошелъ!—и былъ таковъ.

Я говорю ему: «ты останься въ кибиткѣ беречь чемоданы, а я пойду въ аулъ,—возьму тамъ, за какія бы ни было деньги, лошадь или верблюда и поѣду къ старшинѣ.

Но только-что я сталъ запрятывать подальше въ сѣно свою сумку и выходить изъ кибитки, какъ онъ мнѣ закричалъ:

— Не выходите, ваше высокоблагородіе!... не выходите!... волки! и вслѣдъ затѣмъ вскочилъ самъ въ кибитку.

Я выглянулъ изъ кибитки, вижу — дѣйствительно: бѣгутъ по направленію къ мѣсту нашего лагеря сѣрыя собаки съ узкими мордами и весьма похожи на волковъ. Приготовленный послѣ всего случившагося утромъ къ разнымъ неожиданностямъ, я преравнодушно разсматривалъ, какъ они бросились на кости. Зналъ я и прежде, что когда въ степи лагерь снимается, то волки и аул-

пыя собаки, чуя добычу, кидаются на брошенные остатки и вылитую кашицу съ саломъ.

Говорю Поповичу: «спусти верхъ у кибитки, будемъ смотрѣть, къ намъ не залѣзутъ; они нахватаютъ костей и убѣгутъ, тогда мы вдвоемъ пойдемъ въ аулъ, бросимъ кибитку и чемоданы,—что дѣлать!».

Закрылись... сидимъ... прошло довольно много времени, мнѣ не хотѣлось ни курить, ни смотрѣть на часы; да и къ чему? надо еще разстегиваться, а сдѣлался вѣтеръ такой упорный, рѣзкій, бьющій мѣрно о задокъ кибитки, и безъ того холодно.

Не прошло и пяти минутъ послѣ этого, какъ мой Поповичъ сталъ кричать:

— Ваше высокоблагородіе, посмотрите, кажется кто-то ѣдетъ верхомъ; не изъ отряда-ли?

Я выглянулъ изъ кибитки—точно, какъ будто по дорогѣ, куда скрылся арьергардъ, скачутъ двое верховыхъ; далѣе чуть-чуть блестятъ отъ солнца ружья и двигаются солдаты.

— Ну... говорю Поповичу, — маіоръ опомнился и посылаетъ намъ лошадей. Въ то же время подошедшіе къ намъ близко волки, заслышавъ шумъ, бросились въ сторону и скрылись изъ глазъ.

Мы уже окончательно повеселѣли. Вотъ ближе и ближе—и я уже хорошо разглядѣлъ моего храбраго поручика, за нимъ его переводчика.

Поручикъ, подъѣзжая къ кибиткѣ, крикнулъ: «полковникъ! я къ вамъ на помощь (полковникомъ меня, какъ и въ Привислянскомъ краѣ, величали по погонамъ), поѣду въ аулъ, найду вамъ лошадей или верблюдовъ, а при васъ оставлю трехъ солдатъ. Я уѣхалъ съ авангардомъ и ничего не зналъ, что васъ бросили; жаль, что вы не обратились лучше ко мнѣ».

Я поблагодарилъ его, и онъ помчался съ проводникомъ въ аулъ. Солдаты остались подлѣ кибитки, набрали разныхъ обгорѣлыхъ головешекъ и разведя огонь, стали грѣться съ Поповичемъ.

Черезъ часъ прискакалъ поручикъ и привезъ съ собой киргиза съ парою лошадей; но безъ всякой упряжи.

Поручикъ очень прозябъ. Я досталъ изъ погребца коньяку, предложилъ ему — и усадивъ его въ кибитку, окуталъ своимъ пледомъ, давъ коньяку и солдатамъ. Кибитку кое-какъ заложили, Поповичъ усѣлся съ киргизомъ; солдаты, одинъ сѣлъ на лошадь поручика, а двое ухватились за кибитку по бокамъ—и мы поѣхали довольно скоро.

Проѣхавши верстъ пять, встрѣтили сани поручика, посадили на нихъ всѣхъ солдатъ и догнали отрядъ.

(Продолженіе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Слѣдуя установившемуся журнальному обычаю, мы намѣрены посвятить настоящее обозрѣніе воспоминанію того, что оставилъ за собой прошедшій годъ, какія реформы принесъ онъ намъ и чѣмъ было занято въ это время наше общественное мнѣніе.

Четыре событія сильно занимали общественное мнѣніе въ прошедшемъ году. Первымъ изъ нихъ, какъ по важности, такъ и по живому своему интересу, долженъ быть поставленъ вопросъ о преобразованіи воинской повинности, объявленной еще въ декабрѣ 1870 года. Въ началѣ прошедшаго года была образована коммиссія для разработки началъ, положенныхъ въ основаніе этой реформы; коммиссія эта обсудила вопросы о срокахъ службы, о возрастѣ лицъ подлежащихъ призыву, о льготахъ, объ организаціи войска и проч. Въ свое время мы сообщали читателямъ, къ какимъ рѣшеніямъ пришла означенная коммиссія и какой характеръ получитъ эта реформа въ будущемъ. Наиболѣе спорнымъ, какъ читатели, вѣроятно, не забыли, оказался вопросъ о срокахъ службы, возбудившій сильное разногласіе въ членахъ коммиссіи, разрѣшившееся, однако, назначеніемъ 6-ти лѣтъ для дѣйствительной службы. Относительно возраста принятъ 21-й годъ, — при условіи, если люди этого возраста достигнутъ достаточно крѣпкаго сложенія.

Не менѣе важной является другая реформа—преобразованіе подушной подати въ болѣе равномѣрную и раціональную. Починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежитъ министерству финансовъ, которое обратилось къ земству за содѣйствіемъ въ разрѣшеніи поднятаго вопроса и, сообщивъ ему главныя основанія задуманной реформы, просило высказать свое о ней мнѣніе. Земскія собранія воспользовались предложеніемъ министерства; съ замѣчательною откровенностью и единодушіемъ высказали они свои взгляды на подушную подать, признавъ ее несоотвѣтствующею требованіямъ справедливости. Взамѣнъ ея, одни земства предлагали установить всеобщій подоходный налогъ, другія—такъ называемую классную подать, распредѣляя ее на лица, но болѣе равномѣрно. Но какъ тѣ, такъ и другія сходились въ одномъ, — что подушной налогъ несправедливъ и что наша податная система требуетъ кореннаго преобразованія. Такое единодушное заявленіе всероссійскаго земства, какъ людей стоящихъ у самаго дѣла, не можетъ не быть принято во вниманіе при окончательномъ разрѣшеніи вопроса о замѣнѣ подушнаго налога болѣе равномѣрнымъ и справедливымъ.

Преобразованіе нашихъ гимназій, задуманное министерствомъ народнаго просвѣщенія, служило поводомъ къ самымъ горячимъ спорамъ въ обществѣ и журналистикѣ. Болѣе полугода общество находилось въ томительномъ ожиданіи того, какимъ образомъ разрѣшится это преобразованіе: отдадуть-ли предпочтеніе классическому образованію или реальному, уравняютъ-ли права реальныхъ гимназій съ классическими, или только этимъ послѣднимъ придадутъ значеніе общеобразовательныхъ заведеній. Дѣло, какъ извѣстно, кончилось тѣмъ, что всѣ гимназіи обращены въ классическія и за ними одними признано право выпускать молодыхъ людей въ университеты; уставъ же о реальныхъ училищахъ еще не разсматривался и, слѣдовательно, объ этихъ заведеніяхъ пока еще ничего неизвѣстно. Съ какой-бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на учебную реформу, но по крайней мѣрѣ утѣшительно то, что наше общество, обыкновенно мало-интересующееся вопросами обученія, выказало въ настоящемъ случаѣ участіе, которому нельзя не порадоваться.

Другое дѣло—гласное разбирательство перваго политическаго процесса въ Россіи. Тутъ интересъ возбуждается уже самою новизною предмета, о которомъ ходили чудовищные слухи; тутъ дѣло шло о судьбѣ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей, сдѣлавшихся жертвою обмана или собственныхъ увлеченій и уже потерпѣвшихъ за это. Понятно, съ какимъ интересомъ общество должно было слѣдить за такъ называемымъ «Нечаевскимъ дѣломъ», за всѣми пружинами этого заговора, за всѣми подробностями, открытыми слѣдствіемъ, и за рѣшеніемъ гласнаго суда по этому политическому дѣлу. Понятно также, какой выводъ благомыслящая часть населенія должна была сдѣлать изъ всего этого дѣла, запятнавшаго себя политическимъ убійствомъ.

Изъ числа другихъ мѣръ, заслуживающихъ вниманія въ томъ или другомъ отношеніи, остановимся на слѣдующихъ. Въ прошедшемъ году судебная реформа коснулась и нашихъ

окраинъ: такъ, въ іюнѣ послѣдовалъ указъ о введеніи мировыхъ судебныхъ установленій въ 9 западныхъ губерніяхъ, съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что мировые судьи въ этомъ краѣ назначаются правительствомъ, а не посредствомъ выборовъ; введены новые суды въ Кубанской и Терской областяхъ, въ Черноморьѣ и на Дону. Введено новое городовое положеніе въ 170 городахъ. Затронутъ вопросъ о постепенномъ упраздненіи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Объ этой важной мѣрѣ мы сообщали читателямъ въ то время, когда она была еще однимъ только слухомъ; теперь сообщаемъ о немъ какъ о дѣлѣ уже рѣшеномъ. Нашъ взглядъ на эту мѣру высказанъ былъ въ свое время.

Въ прошедшемъ году было нѣсколько процессовъ по дѣламъ печати, изъ которыхъ въ особенности замѣчателенъ процессъ типографщика Демакова, обвинявшагося въ напечатаніи извѣстной книги Дарвина съ рисунками и не представившаго ее въ цензуру. Судъ оправдалъ его, признавъ, что рисунки эти не представляютъ ничего отдѣльнаго, а служатъ необходимѣйшимъ объясненіемъ къ тексту. Открылось 9 повременныхъ изданій; предостереженій, какъ сообщаетъ «Правит. Вѣстникъ», дано было 13; временно воспрещенъ выходъ 6-ти изданіямъ; розничная продажа воспрещена 5 изданіямъ. — Изданы новыя правила по почтовой части.

Дѣятельность правительства и земства по народному образованію продолжала расширяться. Правительствомъ издано распоряженіе объ открытіи 5 учительскихъ семинарій, по одной на каждый учебный округъ. Земство, кромѣ существующихъ уже 8 семинарій, открыло и намѣревается открыть еще 4, въ томъ числѣ двѣ школы для приготовленія сельскихъ учительницъ — въ Самарской и Казанской губерніяхъ. Частныя лица также оказывали содѣйствіе народному образованію. Кромѣ извѣстнаго пожертвованія Э. Нарышкина, ассигновавшаго весьма значительный капиталъ на устройство въ гор. Тамбовѣ учительской семинаріи, упомянемъ о пожертвованіи купца Головинскаго на народныя школы Тверскаго и Череповскаго уѣздовъ. Въ числѣ правительственныхъ мѣропріятій по начальному образованію нельзя пройти молчаніемъ недавно изданной инструкціи инспекторамъ народныхъ школъ, опредѣляющей предѣлы власти и кругъ дѣятельности этихъ чиновниковъ. Ходитъ слухъ объ увеличеніи числа ихъ на каждую губернію. — Въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ поднимался вопросъ объ установленіи обязательности обученія; этотъ вопросъ обсуждался и въ печати, которая пришла къ заключенію, что обязательное посѣщеніе школъ можетъ быть введено въ тѣхъ только мѣстностяхъ, гдѣ найдутся условія для его исполненія, т. е. согласіе населенія и необходимый запасъ учителей.

По финансовому вѣдомству самою пріятною новостью должно признать отсутствіе въ нашемъ государственномъ бюджетѣ дефицита, обѣщанное на 1872 годъ, такъ что доходы превышаютъ расходъ, чего давно уже не было у насъ. Рѣшено продать казенные Уральскіе горные заводы; изданъ нормальный уставъ земскихъ банковъ; изданы мѣры по взысканію недоимокъ. Кредитныя учрежденія быстро возникаютъ одно за другимъ: однихъ городскихъ банковъ открылось въ прош. году 17; дѣло народнаго кредита, благодаря усиліямъ земства, подвигается впередъ, — въ 1871 году въ разныхъ губерніяхъ открыто болѣе 40 новыхъ ссудныхъ товариществъ, такъ-что учрежденій этого рода насчитываются у насъ теперь 60. Кромѣ того, многія земства признали необходимымъ всѣми мѣрами способствовать развитію народныхъ банковъ и на будущее время.

Желѣзно-дорожное дѣло также подвигается впередъ: въ 1871 году открыто для движенія 2283 версты обыкнов. жел. дорогъ и 124 в. узкоколейныхъ. собирался желѣзнодорожный съѣздъ. Къ сожалѣнію, несчастія на нашихъ жел. дорогахъ стали повторяться чаще прежняго.

Общественное вниманіе останавливали съ одной стороны весьма интересные процессы, какъ напр. Скопческое дѣло (бр. Кудрины), дѣло бывшаго владимірскаго предводителя дворянства Огарева (растрата дворянскихъ денегъ), дѣло Пихлера (похищеніе книгъ изъ Публичной Библіотеки) и другія; съ другой — обиліе разныхъ необыкновенныхъ приключеній, вродѣ самоубійствъ, столкновенія поѣздовъ, ловкихъ кражъ и мошенничествъ. Наконецъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ прошедшаго года вниманіе общества обратилось на совершенно новое явленіе — открытіе чтеній для народа въ зданіи такъ-назыв.аемаго Солянаго городка, въ Петербургѣ.

П. С.

Политическое обозрѣніе.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ готовится весьма важное преобразованіе. Дѣло касается постановленій о государственной службѣ. По проекту особой коммиссіи, общественныя должности въ Штатахъ могутъ быть занимаемы только гражданами республики, умѣющими читать, писать и говорить по-англійски; повышеніе должностью производится не иначе какъ по экзамену, который дается тремъ кандидатамъ на искомую должность. Лучшій изъ нихъ исправляетъ новую должность въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ — и утверждается въ ней только по истеченіи этого срока, когда его способности и знанія окажутся соотвѣтствующими требованіямъ. Экзамену не подлежатъ: начальники департаментовъ и помощники ихъ, министръ финансовъ и высшіе чины министерства юстиціи, посланники, губернаторы штатовъ, почтмейстеры и должностныя лица, не получающія жалованья. Президентъ удерживаетъ за собою право отрѣшать чиновниковъ. Проектъ этотъ представленъ былъ Конгрессу вмѣстѣ съ посланіемъ президента, который становится на его сторону и предлагаетъ Собранію утвердить его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ Коммиссіею. По предложенію же правительства, въ Соединенныхъ Штатахъ намѣреваются, какъ мы уже сообщали, уничтожить почти всѣ внутреннія пошлины, такъ-какъ однихъ таможенныхъ пошлинъ и нѣкоторыхъ другихъ сборовъ становится достаточно для покрытія всѣхъ расходовъ великой республики. До сихъ поръ, около $^2/_3$ всего государственнаго бюджета составлялъ таможенный доходъ, а внутренній налогъ равнялся одной трети. Изъ расходовъ же, около половины идетъ на уплату процентовъ и на погашеніе долговъ, сдѣланныхъ въ послѣднюю войну. Такимъ образомъ финансовая система республики состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, постоянно увеличивающимся доходомъ произвести уменьшеніе внутреннихъ налоговъ, а съ другой, посредствомъ ежегоднаго погашенія долговъ достигнуть уменьшенія расходовъ. Система эта проводится послѣдовательно и приведетъ къ результатамъ, которымъ подивится весь свѣтъ.

Совсѣмъ обратное видимъ во вновь зарождающейся республикѣ — во Франціи. Отвергнувъ предложеніе ввести подоходный налогъ, она не соглашается и съ предложеніемъ президента Тьера на обложеніе налогомъ сырыхъ продуктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на сколько не популяренъ налогъ на доходы — между капиталистами и крупными собственниками, на столько-же, если не больше, непопуляренъ налогъ на сырье — между французскими фабрикантами и промышленниками. Рѣчь Тьера въ Націон. Собраніи въ защиту налога на сырье произвела сильное впечатлѣніе на всю страну. На югѣ Франціи, во многихъ городахъ, произведены были манифестаціи противъ задуманнаго правительствомъ налога; но президентъ оставался непоколебимъ, объявивъ, что въ случаѣ неутвержденія собраніемъ правительственнаго проекта, онъ отказывается отъ президентства и все министерство

выходитъ въ отставку. Такое рѣшительное заявленіе произвело переполохъ во всей странѣ, и Націон. Собраніе, рѣшило послать къ Тьеру депутацію чтобы убѣдить его отказаться отъ своего намѣренія. Президентъ уступилъ просьбамъ депутаціи и взялъ назадъ свое заявленіе объ отставкѣ. Объ исходѣ этого столкновенія мы не замедлимъ сообщить читателямъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 14 Января 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 4. 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 21 января 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.

Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

IV.

Братья,

Іюль зашелъ за половину. Василій Никитичъ Коржавинъ устроилъ уже дѣла свои — и, по мѣрѣ освобожденія отъ заботъ, чаще и чаще подумывая о братѣ, началъ тосковать, что его не видитъ. Мѣстожительства онъ не могъ узнать, потому-что, разобиженный холодностью, Ерофей почти незамѣтно исчезъ изъ веселой компаніи Щукиныхъ. Въ первую минуту думали, что онъ ушолъ на другую половину дома или въ садикъ, но когда дѣло дошло до ужина, отсутствіе Ерофея всѣ замѣтили по пустому прибору.

Много было толковъ по этому случаю, но никто изъ присутствующихъ не заподозривалъ теплоты братскаго чувства въ Василіи, а всѣ рѣшили, что исчезновеніе Ерофея было однимъ изъ проявленій его болѣзненнаго настроенія; хозяйка же говорила, что онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя нездоровымъ. Но куда онъ ушелъ? далеко ли?—эти вопросы оставались открытыми, такъ какъ никому не было извѣстно, гдѣ онъ пристроился.

Большинство думало, что онъ перебивается съ ночлега на ночлегъ въ копѣечныхъ пріютахъ гдѣ-нибудь по закраинамъ Петрова города. Одинъ острякъ даже по этому поводу высказалъ мысль, что для людей занятыхъ небомъ какъ Ерофей Никитичъ — самый лучшій способъ витанія на землѣ — птичій; носится себѣ изъ края въ край — здѣсь посидѣлъ, прикурнулъ, тамъ встряхнулся, водицы испилъ — и опять на ходу. Такая издѣвка надъ безпріютностью брата тронула Василья за живое—и взглядъ его на пустослова, будучи подмѣченъ, каждому далъ бы почувствовать какую тяжелую рану тупымъ орудіемъ нанесъ вѣтреный острякъ въ сердце этому суровому человѣку, какимъ представлялся по наружности богатырь Коржавинъ. Тутъ же за ужиномъ слышались медоточивыя соболѣзнованія двухъ-трехъ добряковъ, по словамъ ихъ, страждущихъ за меньшую братію. Подъ грубой оболочкой старшаго Коржавина обитала напротивъ искренность, у которой не хватало ни красокъ для описанія, ни блеска въ изложеніи тамъ, гдѣ онъ предавался порыву естественнаго чувства — а порывъ этотъ былъ чистъ и святъ, какъ все что выходитъ изъ сердца не по наитію какихъ либо побужденій и разсчетовъ для достиженія своекорыстной цѣли.

Мысль, что братъ страдаетъ, а онъ не въ состоя-

ніи уничтожить этихъ страданій, потому что самъ находится чуть не въ крайности, щемила Василію сердце — и не разъ впослѣдствіи онъ пускался на поиски брата, но поиски эти оказывались безплодными. Куда направиться и гдѣ искать — этотъ вопросъ сильно мучилъ Василья; у всѣхъ знакомыхъ онъ перебывалъ, выспрашивалъ окольными дорогами, подозрѣвая даже возможность умышленнаго сокрытія настоящаго мѣстожительства брата. Зналъ онъ, что Ерофей гнѣвенъ былъ въ послѣдній вечеръ, только онъ никакъ не отгадывалъ, да и не могъ вообразить себѣ истинную причину его гнѣва. Не подвернись счастливый случай — Василій могъ бы находиться цѣлые мѣсяцы въ такомъ тяжеломъ положеніи, не имѣя силъ оставить Невскую столицу не узнавъ ничего о братѣ, хотя дѣла въ Москвѣ требовали его скорѣйшаго прибытія.

Было послѣ вечерень. Василій Никитичъ Коржавинъ сталъ переходить отъ Канцлерскаго дома (нынѣшняго Сената) къ мосткамъ деревянной Невской набережной, направляясь къ Исакіевскому мосту, когда отъ поповскихъ домовъ увидѣлъ всходящаго на мостъ брата Ерофея, погруженнаго въ свою обычную мечтательность.

Пуститься бѣгомъ за нимъ вслѣдъ, несмотря ни на лошадей, ни на пѣшеходовъ, догнать и схватить за руку — было дѣломъ двухъ-трехъ мгновеній.

— Наконецъ-то я тебя нашелъ!.. едва выговорилъ онъ, запыхавшись.

При звукахъ знакомаго голоса мечтатель поднимаетъ глаза и какъ бы не довѣряетъ себѣ, что видитъ брата.

— Что тебѣ отъ меня надобно? спросилъ онъ словно у посторонняго.

— Куда идешь? переспросилъ Василій.

— Къ себѣ.

— Куда къ себѣ?

— Ну, къ намъ, если хочешь. Извѣстно, на-островъ, гдѣ я живу.

— Да у кого живешь-то?

— Такъ, кой у кого; тутъ недалеко.

И онъ хотѣлъ уже прибавить шагу, чтобъ уйти отъ брата.

— Чтожь, ты? постой! куда бѣжишь?

— Оставь пожалуйста, я только-что сталъ немного приходить въ себя отъ той закуски, которой ты меня, не видавшись столько лѣтъ, попотчивалъ...

И съ тяжелымъ вздохомъ, махнувъ рукой, Ерофей пошелъ быстрыми шагами. Василій за нимъ.

— Да ты, Ерофей, никакъ совсѣмъ съ ума сошелъ? куда бѣжишь, сумасшедшій?

— Радъ бы сойдти, только бы сердце не страдало, какимъ-то дѣланно-внушительнымъ и вмѣстѣ равнодушнымъ голосомъ отвѣчалъ Ерофей.

— Съ чего страдать-то? что ты сердишься что ли?

— Мнѣ сердиться? — за это, братецъ мой, не сердятся. Приходится терпѣть, а сердиться что же!.. тѣмъ же тономъ повторилъ Ерофей.

— Да говори пожалуйста по человѣчески. Тебя кто обидѣлъ, чтоль?

— Сердцу нанесена обида, а не мнѣ.

— Кѣмъ?

— Отъ кого бѣгу я.

— Да ты бѣжишь отъ меня.

— Ну должно быть тобой.

— Ты, я вижу, въ какія-то загадки играешь — ребячешься — это ужь наконецъ тягостно.

— Я знаю, что я тебѣ давно въ тягость, много твоихъ денегъ перетратилъ...

— Экъ тебя куда метнуло! Да развѣ я про то говорю?..

— Ты-то не говоришь, да я знаю, что я тебѣ много задолжалъ; чтожь дѣлать — потерпи!

— Опять ты свое занесъ — какой тебѣ тамъ долгъ мстится?

— Извѣстно какой. Коштъ твой, что ты истратилъ на мое образованіе въ землѣ нѣмецкой.

Такъ перекоряясь и то останавливаясь, то бѣгая другъ отъ друга, братья, идя по набережной Невы, очутились на углу 3-й линіи. Ерофей остановился. Василій тоже.

— Я тебя не понимаю, сказалъ онъ,—коли гнѣвенъ, такъ и скажи — разойдемся.

— Нѣтъ, ужь тутъ я тебя не отпущу, мы пришли; здѣсь наша лачуга; проходи, коли подлинно не шутишь, что мы съ тобой по старому...

Василій, желая уничтожить въ немъ предубѣжденіе, не прекословилъ, а напротивъ вошелъ охотно въ пріютъ, предложенный Ерофею Коржавину, до того малознакомымъ имъ обоимъ, бывшимъ купеческимъ сыномъ, теперь придворнымъ артистомъ, славой о которомъ полна была столица и знакомствомъ съ которымъ дорожили люди высокопоставленные.

Глядя на высокія хоромы, застроенные бывшимъ государственнымъ канцлеромъ Головкинымъ (сыномъ, конечно, нашедшимъ грустный конецъ своей коловратной жизни въ ледяныхъ пустыняхъ сѣвера), — Василій Коржавинъ ломалъ себѣ голову, надъ вопросомъ: какъ же пристроился здѣсь его братъ. А дѣло было такъ просто, что не стоило и трудиться.

Въ одинъ изъ первыхъ дней новаго царствованія, вечеромъ, въ ту пору когда спектакль кончился и посѣтители зрѣлища почти всѣ разошлись, — сторожъ сталъ гнать какую-то личность, прислонившуюся къ стѣнѣ подъ навѣсомъ у входа въ бревенчатый театръ итальянца Локателли, гдѣ на этотъ разъ было русское представленіе труппы Волкова и онъ самъ выполнялъ свою лучшую роль — Владисана.

— Поди ты, ради Господа Бога, проваливай, говорятъ тебѣ толкомъ! ворчалъ сторожъ, нѣкогда старый служивый.

— Оставь ты меня... и безъ того тошнехонько! жаловалась подозрительная личность,—говорю, оставь!.. дай вотъ тутъ постою...

— Да чего стоять, ступай, братецъ! ступай и больше ничего къ себѣ!.. взявъ уже за руку и оттягивая упиравшагося неизвѣстнаго человѣка, говорилъ сторожъ.

— А куда я пойду? отчаянно простоналъ тотъ, — оставь!

— Да домой, говорятъ же тебѣ.

Въ это время на заднемъ крылечкѣ показался изящно-сложенный молодой человѣкъ въ плащѣ и широкополой шляпѣ. Весело напѣвая, онъ сбѣжалъ по ступенькамъ, жадно вдохнулъ теплынь лѣтней ночи, точно вырвавшись изъ какой-то духоты, снялъ шляпу и помахалъ ею себѣ въ лицо — поравнялся со спорившими и хотѣлъ пройдти мимо, какъ вдругъ до него долетѣли слѣдующія слова:

— Некуда мнѣ домой, нѣтъ у меня дома... Вѣдь я тебѣ не мѣшаю тутъ...

— У кого это дома нѣтъ? У тебя, дружокъ? спросилъ онъ, остановясь.

— Да, у меня! съ бѣшенствомъ отчаянія отвѣтилъ Ерофей Коржавинъ:—это, кажется, не порокъ—сколько можетъ голышей есть въ городѣ! не я первый, не я послѣдній.

— То-есть какъ? — нигдѣ и переночевать? продолжалъ тотъ, подходя ближе, причемъ сторожъ, разглядѣвъ его привлекательное, чисто-русское лицо, обложенное короткими, разсыпчатыми кудрями, почтительно поклонился.

— Негдѣ и переночевать! ѣдко передразнилъ Ерофей.

— А у меня есть гдѣ... Коли хотите, пойдемте ко мнѣ. Я — Волковъ, актеръ... У меня не Богъ знаетъ какія палаты, да все лучше чѣмъ на улицѣ — авось вы не осудите... Въ этомъ предложеніи было столько искренности, теплоты чувства, дружескаго участія; большіе чорные глаза Волкова сіяли такою кротостью и вмѣстѣ благородствомъ, когда онъ за словомъ протянулъ руку Коржавину, что Ерофей тутъ же раскаялся въ невольной вспышкѣ и раскланявшись съ ловкостью француза, безотчетно послѣдовалъ за новымъ знакомцемъ.

Вотъ они сравнялись, заговорили, взялись подъ руку и пошли. Черезъ полчаса Волковъ узналъ всѣ несчастія и неудачи Ерофея, и дружески пожимая ему руку, предложилъ «не разставаться вѣкъ».

Художникъ по призванію, Федоръ Григорьевичъ Волковъ, независимо другихъ его качествъ, сдѣлавшихъ неожиданную потерю его предметомъ сожалѣній его друзей и всѣхъ его знавшихъ, отличался какъ извѣстно добротою и безпритязательностью. Кто только имѣлъ случай сдѣлаться ему извѣстнымъ, тотъ могъ располагать его жилищемъ и его кошелькомъ совершенно какъ своимъ—даже не дѣлая различія и въ самомъ носильномъ платьѣ, пока это не надоѣдало слугѣ, безъ чиновъ отнимавшему барскій кафтанъ или иную часть костюма у беззастѣнчиваго постояльца. О нашемъ Ерофеѣ конечно нельзя было сдѣлать такого заключенія. Онъ былъ, какъ говорила прислуга Волкова, бѣденъ да честенъ — и своему новому знакомцу-хозяину не былъ нисколько въ тягость по своей образцовой истинно-французской деликатности. Онъ былъ всѣмъ доволенъ— и съ того самаго дня, какъ гостепріимный хозяинъ привелъ его отъ театра Локателли, всѣ настолько сжились съ нимъ, что безъ него самая обстановка была неполна. Самъ хозяинъ и братъ его Григорій привязались всею душой къ новому знакомцу.

Ерофей привелъ старшаго брата въ небольшую гостиную Волкова, еще издали пріятно поразившую слухъ Василія Никитича сочетаніемъ оживленныхъ голосовъ съ веселымъ смѣхомъ.

Это была очень небольшая комната съ чисто-выструганнымъ поломъ, со стѣнами обитыми холстомъ также какъ и потолокъ; по загрунтованному холсту, замѣнявшему нынѣшнія обои, межь узорнымъ орнаментомъ прямо написаны были пейзажи въ рамкахъ, созданныхъ какъ и все прочее привычною кистью комнатныхъ мастеровъ канцеляріи строеній. Мѣстами эти художники умѣли гдѣ слѣдовало прикрыть и золотомъ, такъ что на разстояніи рамки производили надлежащій эффектъ. Мебели, обитой красной бараканомъ въ этой комнаткѣ наставлено пропасть, даже было тѣсно. У печки стояли клавикорды, съ живописью и вставками слоновой кости съ чорнымъ деревомъ, и по тому времени, превосходнаго тона. Надъ ними висѣли три скрипки и очень старыя — одна Амати. Въ уголкѣ у оконъ между листьями плюща выглядывалъ бронзовый бюстъ Буало Депрео, а въ другомъ углу гипсовый Мольера.

Хозяинъ съ братомъ Григорьемъ и его женою да человѣкъ пять гостей, сидя вразсыпную у диваннаго стола, вели самую безпритязательную бесѣду. Василій Никитичъ сразу хорошо себя почувствовалъ, глядя на привѣтливыя лица и глаза устремленные къ нему на встрѣчу. Самъ онъ былъ одѣтъ на этотъ разъ хоть куда: плисовое полукафтанье не казалось много-ношеннымъ, сапоги скрипѣли безукоризненно, не издавая обычнаго у тогдашнихъ купцовъ запаха дегтя. Не видно было при немъ и прежней шапочки, рѣзавшей глаза. Онъ держалъ въ рукахъ любимый большинствомъ людей положительныхъ неуклюжій картузъ съ околышемъ. Одно обличало въ немъ особу не высшаго круга—это отсутствіе парика — и еслибы не эта маленькая особенность, Василія Никитича можно было бы выдавать за какого угодно иностраннаго негоціанта. Это не укрылось при первомъ взглядѣ отъ тонкой наблюдательности жены Григорья Григорьевича Волкова, въ то время когда Ерофей знакомилъ Василія съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ.

— Благодарствую за посѣщеніе, садитесь, говорилъ Волковъ,—заранѣе вѣрю, что вы человѣкъ хорошій, когда называетесь братцемъ Ерофея Никитича. Мы сами—мужики простые: рады и иноземцамъ—тѣмъ паче своимъ роднымъ

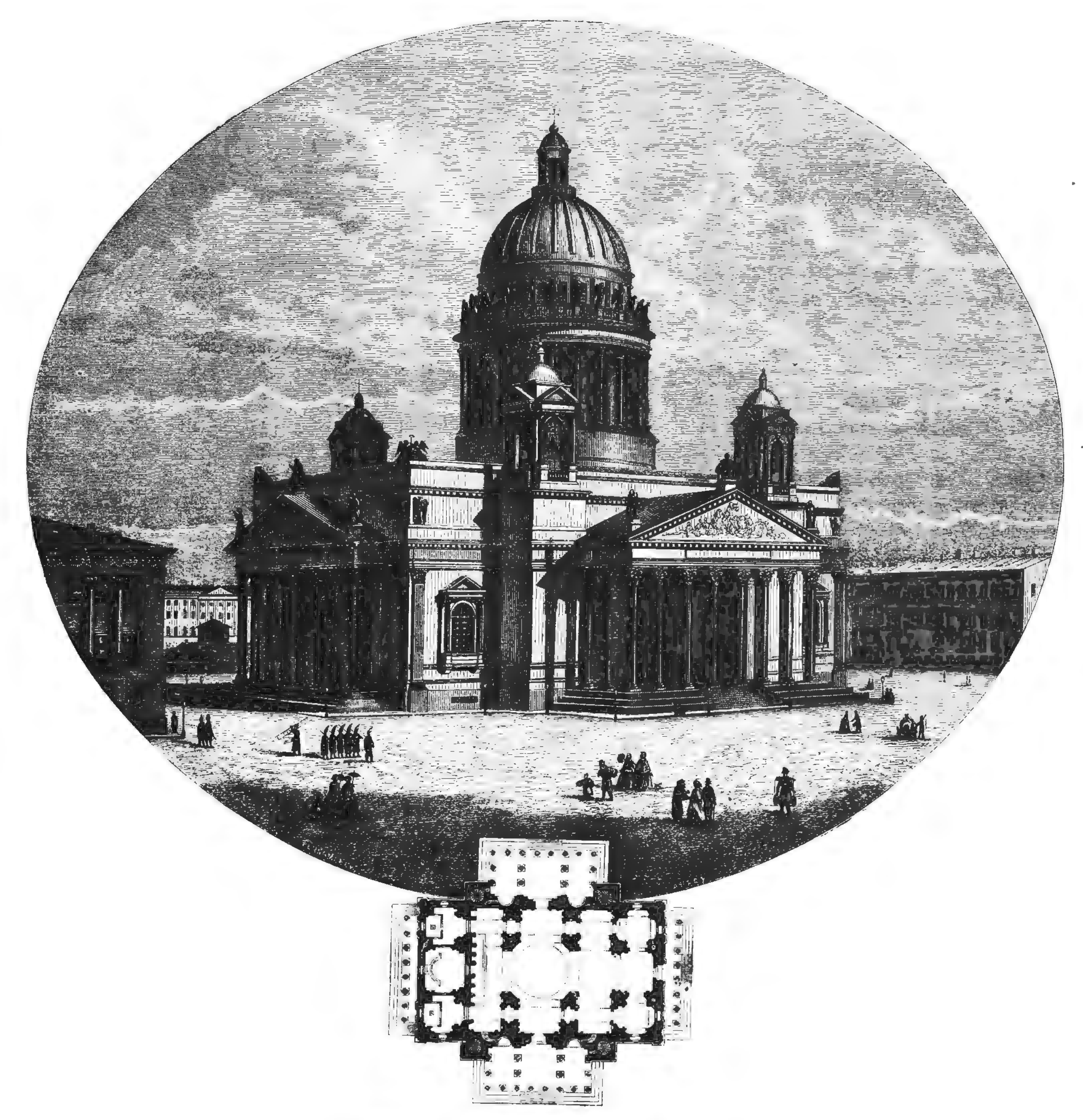
Такой пріемъ естественно помогъ Василью принять участіе въ бесѣдѣ по душѣ, тѣмъ болѣе что рѣчь велась о предметахъ ему знакомыхъ. Недавно прибывшій изъ-за границы курьеръ иностранной коллегіи описывалъ житье въ Кенигсбергѣ, плаванье моремъ до Англіи, особенности Лондона поразившія русскую примѣчательность, очеркъ житья-бытья парижскаго, норовъ Голландцевъ, скучные разъѣзды по нѣмецкой сторонѣ — и братья Коржавины, перебывавшіе чуть не во всѣхъ этихъ мѣстахъ какъ нельзя болѣе способны были держать реплику. Трудно было узнать Ерофея, увлеченнаго разговоромъ — казалось онъ, вступивъ въ этотъ кружокъ, сталъ совсѣмъ другой человѣкъ. Глаза его загорались необычнымъ огнемъ, мѣткія замѣчанія, порой остроты такъ и сыпались у него. Самому Василью, сперва помалчивавшему, въ этой бесѣдѣ чувствовалось такъ отрадно, что онъ готовъ бы слушать и сидѣть, говорить и глядѣть на всѣхъ цѣлые часы, дни, не замѣчая полета времени.

Мало-по-малу, въ уютную гостиную набралось обычныхъ посѣтителей съ десятокъ и больше — и всѣ входили тихонько, присаживались къ боку сосѣда, погружаясь въ слухъ, завлеченные интересомъ разсказомъ двухъ бывалыхъ въ Европѣ Коржавиныхъ.

Еслибы Василій, на минуту отвлекшись отъ нити разговора, съ своей обычной проницательностью оглядѣлся кругомъ, ему представился бы любопытный подборъ личностей весьма даровитыхъ, и впослѣдствіи украсившихъ своею славою царствованіе молодой монархини, теперь начатое.

На диванѣ, положивъ руку на высокую спинку стула хозяина, и кутаясь въ клѣтчатой шали, сидѣла жена Нарыкова, года за три боярышня, дочь воеводы изъ Ярославля, а теперь такая же лицедѣйка какъ и мужъ, еще не пожалованный Императрицею—по сходству съ польскимъ графомъ—въ Дмитревскіе. По ту сторону стола, танцорка Аксинья Ивановна играла въ свои козыри съ повѣсой Тузовымъ.

Два-три еще неопредѣлившихся амплуа о чемъ-то шушукали, сидя на окошкѣ. Умное лицо Шумскаго казалось проникнуто было серіознымъ вниманіемъ къ разсказамъ о бытѣ нашихъ образованныхъ сосѣдей, гдѣ уже на актера не указываютъ пальцами, какъ чернь въ Петровомъ городѣ, и гдѣ актрисы, впрочемъ пѣвицы скорѣе, бываютъ даже въ высшемъ обществѣ.



Фасадъ и планъ Исаакіевскаго собора.
Гравировалъ Паннемакеръ.

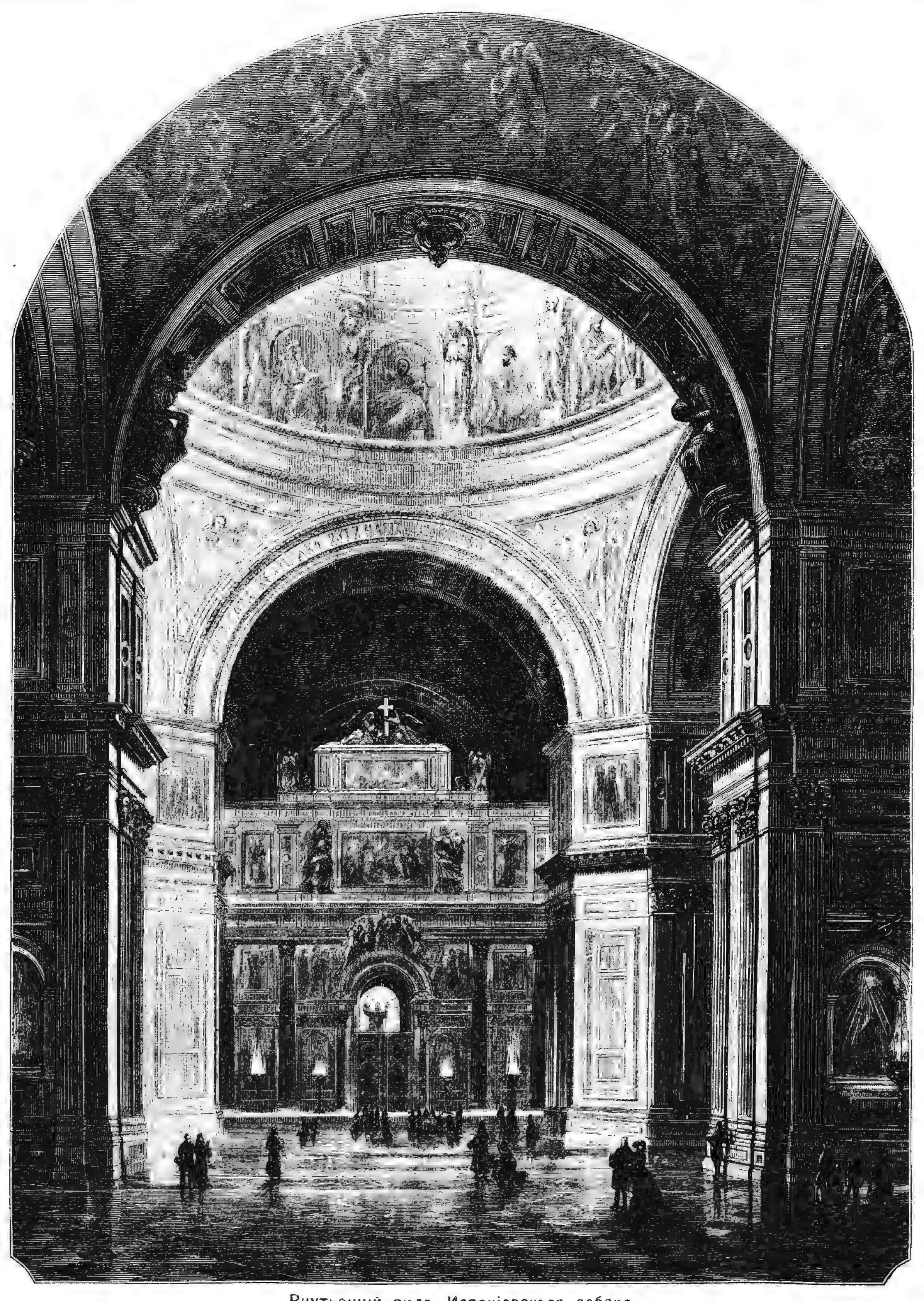
— То-есть какъ высшемъ?. перебилъ господинъ куріеръ иностранной коллегіи, говоря съ убѣжденіемъ и судя по опыту а не по слухамъ, — въ Парижѣ напримѣръ, извѣстно, въ высшемъ обществѣ, коли аббатовъ да маркизиковъ считать будешь — да вѣдь это кутилы. По моему мнѣнію вѣтреные французы не дошли еще до истиннаго уваженія къ артисту... Въ Англіи оно конечно — тамъ людей цѣнятъ по достоинству.

— Да и у насъ тоже будетъ, погодите немного!.. не желая давать развитіе щекотливому вопросу, добродушно помирилъ различіе взглядовъ сановитый хозяинъ, — станутъ больше писать для театра люди порядочные — и русскій народъ полюбитъ театръ; а нашъ братъ конечно готовъ себя превзойдти—давайте только піэсу хорошую...

— А развѣ у васъ Александръ Петровичъ не въ хорошіе ужь попалъ? вмѣшался въ разговоръ скромно-сидѣвшій въ уголкѣ человѣкъ среднихъ лѣтъ, какъ видно слѣпой почитатель Сумарокова — и несмотря на природную кротость, ярый врагъ его порицателей; это былъ Ѳедоръ Степанычъ Рокотовъ, по профессіи портретный живописецъ, бывавшій при дворѣ и считавшій себя за знатока приличій высшаго свѣта. Замѣчательно, что этотъ самый Рокотовъ, бывая часто у Ломоносова, къ великому лирику, по странному противорѣчію характера, не проявлялъ особеннаго сочувствія, хотя былъ убѣжденъ

въ его высокомъ умѣ и глубокой учености. Это можно объяснить тѣмъ, что Ломоносовъ велъ себя очень просто и естественно, не становясь на ходули, не крича о своемъ геніи и не скрывая своихъ слабостей.

пѣнія гнѣвнаго художника. Разъ подмѣтивъ слабость во впечатлительномъ живописцѣ, отъ природы одаренная живымъ остроуміемъ и большая охотница посмѣяться, она никогда не упускала случая поставить отца рус-



Внутренній видъ Исаакіевскаго собора.
Гравировалъ Паннемакеръ.

Съ Рокотовымъ никто не хотѣлъ вступать въ споръ, зная, что малѣйшее неосторожное слово можетъ взорвать эту добрую душу.

Дмитревская впрочемъ любила выводить изъ терпѣнія... ской драматургіи въ комическое положеніе — не пропустила и теперь.

— А слыхалъ ли ты, Өедоръ Степанычъ, очень сдержанно и серіозно спросила она нашего артиста,—

что твой Александръ Петровичъ недавно потерпѣлъ сильный афронтъ? Онъ всѣмъ уши прожужжалъ, что Вольтеръ ему пріятель, а тотъ возьми да и напечатай, что Александра Сумарокова и въ глаза не знаетъ и велитъ схватить какъ самозванца, если только онъ станетъ еще разъ нахально хвалиться своимъ сношеніемъ съ онымъ великимъ философомъ!

— Плюньте, сударыня, тому въ рожу, кто вамъ оную пасквилю осмѣлился изрыгнуть! загремѣло въ дверяхъ, такъ что стекла зазвенѣли — и вслѣдъ затѣмъ какая-то растрепаная фигура въ развѣвающейся хламидѣ, нѣкогда голубой, подскочила къ гостямъ и хватила по столу кулакомъ,—никогда сего быть не могло—ты подай мнѣ его сюда моего обидчика... такой человѣчишко не стоитъ облѣзлаго поросенка! Самъ богатырь Коржавинъ нѣсколько привсталъ даже, при этомъ неожиданномъ выходѣ; ему показалось, что передъ глазами его началось какое-то представленіе, только никакъ ужь не прологъ. Всѣ же прочіе просто повскакали съ мѣстъ; одна половина присутствующихъ впрочемъ хохотала, какъ видно пріученная къ такимъ выходкамъ со стороны пришедшаго.

Побагровѣвшее лицо его проявляло на этотъ разъ сильнѣйшее возбужденіе.

Жрица Мельпомены, первая причина этой вспышки, напротивъ не измѣняя ни тона голоса, ни спокойной осанки, холодно отрѣзала: «а если это не обидчикъ, а обидчица — тогда что?

— И ее подавай! не отступая и передъ этимъ препятствіемъ, рыкнулъ тотъ, задыхаясь отъ бѣшенства и протягивая передъ собой костлявыя руки, какъ бы желая задушить въ нихъ неоказавшійся на лицо предметъ его негодованія.

— А если это не живое существо, а газета, аугсбургская вѣдомость? думая поправиться перебила Дмитревская.

— Давай мнѣ этотъ поганый листокъ! Я знаю что съ нимъ сдѣлать, — да скажи ты мнѣ, кто его принесъ!

— Ни листка не дамъ и ничего не скажу, съ прежнимъ хладнокровіемъ отвѣчала артистка, даже къ вящему усиленію гнѣва особы засмѣявшись.

— Какъ ты смѣешь! захлебывался уже не владѣя собою драматургъ,—въ решпектъ передъ директоромъ твоимъ, коли забылась! Я научу тебя почтительному обхожденію. Будешь ты у меня знать, какъ издѣваться надъ почтенными людьми!

И онъ рвался ударить тростью шутницу, на этотъ разъ зашедшую гораздо дальше чѣмъ она сама думала. Всѣмъ стало тягостно и неловко. Встревоженный хозяинъ бросился въ объятія гнѣвнаго поэта, стараясь заглушить ожидаемый потокъ крѣпкихъ словъ, на которыя бывалъ щедръ, приходя въ запальчивость, легко раздражавшійся директоръ. «Ваше высокородіе, Александро Петровичъ, кричалъ Волковъ своимъ густымъ баритономъ:—помилуй, умилосердись, переложи гнѣвъ на милость...

Артистку между тѣмъ куда-то спрятали—и только съ величайшимъ трудомъ, усадивъ въ почетныя кресла и поднеся на серебряномъ подносикѣ стопу прохладительнаго, могли усмирить клокотавшій въ груди поэта, праведный гнѣвъ на забывшуюся «шваль», какъ повторялъ онъ постепенно-утихавшимъ голосомъ, съ начинавшимся уже обычнымъ глухимъ хрипѣніемъ.

— Да это что за божокъ такой непутный? у кого-то едва слышно спросилъ Василій Коржавинъ, все еще не придя въ себя отъ неожиданности.

— Сумароковъ, послышался отвѣтъ тонкой фистулой, настолько прорѣзавшей неугомонившійся еще воздухъ, что поэтъ услыхалъ свое имя, обернулся—и поймавъ устремленный на него взглядъ Коржавина, яростно крикнулъ:

— Ну да, Сумароковъ! Что кому до меня?... Я самый и есть Александро Сумароковъ, добавилъ онъ, стуча себѣ въ грудь кулакомъ,—что филиномъ-то глаза пялишь?

— Такъ вотъ это гусь какой! пробурчалъ Коржавинъ казалось вполголоса, но и это не укрылось отъ остраго слуха все еще неуспокоившагося писателя.

— Это кто такой у тебя? обратился онъ къ Волкову, — ты научи этого невѣжу соображать, что онъ говорить—я ему вовсе не гусь, а россійскій дворянинъ и бригадиръ...

— А я тебѣ развѣ филинъ достался? вставъ, выпрямился въ весь свой ростъ Коржавинъ — и какъ видно произведъ до того сильное впечатлѣніе на поэта, что тотъ, мгновенно сообразивъ невыгоду начинать распрю съ такимъ силачемъ, поспѣшилъ обратить въ шутку сказанное, и засмѣявшись нѣсколько принужденно, примолвилъ: «люблю молодца за находчивость — это по нашему».

Волковъ радъ былъ такому обороту и велѣлъ подать вина.

Съ подносомъ, на которомъ красовались высокія кубоватыя рюмки, подошла къ успокоившемуся директору сама виновница всей этой кутерьмы—и заливаясь звонкимъ смѣхомъ, проговорила въ родѣ заученой тирады, ловко сдѣлавъ реверансъ, какъ бы опускаясь на колѣни передъ поэтомъ громовержцемъ: — «великій, не погнушайся принять достодолжную дань уваженія отъ послѣдней рабы.

— Только смотри у меня! величественно протягивая руку за рюмкой и жестикулируя другой рукой, напыщенно произнесъ драматургъ:—не шутить такъ—въ послѣдній разъ спускаю! А затѣмъ, согнувъ указательный перстъ и заводя его въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Коржавинъ, отнесся къ нему въ поощрительномъ тонѣ: «ну бери и ты—выпьемъ! Я люблю находчивыхъ людей».

— Мнѣ что, на всякій чохъ не наздравствуешься! отвѣтилъ тотъ, и не глядя на Сумарокова, выпилъ рюмку.

Сумароковъ проглотилъ пилюлю, но не смѣлъ показать, что онъ понимаетъ эти слова, выражавшія антипатію, если только не холодное презрѣніе къ особѣ пользовавшейся такою громкою извѣстностью у любезныхъ соотчичей. Затѣмъ уже на эту комету сдержанный Коржавинъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія—и вскорѣ затѣмъ, мигнувъ Ерофею, вышелъ съ нимъ, не многими замѣченный изъ подъ гостепріимнаго крова артиста, гдѣ не задолго передъ этимъ съ такимъ наслажденіемъ упивался сладостью дружеской бесѣды.

— Вотъ нелегкая-то принесла! Не дай Богъ еще разъ гдѣ-нибудь встрѣтиться — тогда уже не стерплю, вырвалось у него.—А дрянной, я тебѣ скажу, человѣчишко! Видно, что хвастунъ и трусишка! Небось, прикусилъ бы языкъ, какъ бы усудобили посидѣть гдѣ мнѣ пришлось на размышленіи, хоть бы мѣсяцъ какой — научился бы тогда полагать храненіе устамъ своимъ!

— Гм! проворчалъ про себя Ерофей: — ты такъ думаешь? Нѣтъ, братъ, ты этого человѣка не разумѣешь...

Онъ схватилъ брата за руку, глаза его засверкали тѣмъ огнемъ, который поразилъ Василія Коржавина во время бесѣды у Волкова.

— Возьми ты одно только, что увеселять народъ православный велятъ, а грошей попадаетъ не беремя какое. Посмотрѣть посмотрятъ, да не очень-то раскошеливаются. А онъ и піэсу поставь, напиши ее, и смотри чтобъ ее разучили. Только-что наладитъ, назначитъ представленіе, анъ глядишь актеръ подрался аль надебоширилъ, и его надо выручать, а тутъ прижимаютъ... Кому сгоряча согрубилъ, тотъ тебѣ врагъ на всю жизнь и язвитъ изподтишка... А свои-то помѣстьишка не Богъ знаетъ какія, да и тѣ давно заложены да перезаложены — и росты въ пору выплачивать... А кабы не то, онъ бы душа человѣкъ — простой препростой — зато и любимъ его... Да и не трусъ онъ: такъ, братецъ, всякаго отпечатаетъ, кого слѣдуетъ, что хватайся за бока да почесывайся; что твой Кантеміръ — вѣдь ты читалъ?

— Ну, да это ихъ дѣла, отвѣтилъ Василій, — пущай путаются какъ хотятъ, а ты-то въ этой компаніи можетъ и лишній. Поѣдемъ лучше домой. Приходи завтра къ Меркулычу, да и съ Богомъ.

Братья разстались, обнявшись.

(Продолженіе будетъ).

Соборъ Преподобнаго Исаакія Далматскаго

въ С.-Петербургѣ.

(См. стр. 52 и 53).

Еслибы наши позднѣйшіе потомки забыли день рожденія для Россіи Великаго Петра, то гигантъ Исаакій, высясь надъ зданіями Петербурга, видный за десятки верстъ, подскажетъ, что день этотъ былъ—тридцатое число мая, когда церковь совершаетъ память священномученика, преподобнаго Исаакія Далматскаго.

Петръ, въ своемъ Петербургѣ, во имя святаго Исаакія построилъ деревянную церковь близъ адмиралтейства ранѣе 1710 г. (можно гадательно впрочемъ опредѣлить время сооруженія этого храма въ 1707 году); покрайней мѣрѣ, въ году, слѣдующемъ за полтавскою побѣдою, говорится о священникахъ исаакіевскихъ какъ не о вновь назначенныхъ. Петровскій 1-й храмъ, деревянный, очень миніатюрныхъ размѣровъ, разобранъ былъ (лѣтъ двадцать простоявъ) уже въ 1727 г., когда рядомъ съ нимъ высился, снабженный колокольнею съ высокимъ шпицемъ, другой храмъ, каменный, ближе къ Невскому берегу, заложенный 1717 г. (6-го августа). Второй храмъ, непоспѣвшій однако при жизни Петра I, погорѣлъ отъ молніи 21 апрѣля 1735 г. и отъ этого нѣсколько времени стоялъ запертымъ; потомъ, наскоро поправленный, хотя и получилъ возможность для отправленія въ немъ богослуженія, но состояніе стѣнъ церкви грозившихъ упасть требовало перестройки за-ново. Споры и представленія объясненій да соображеній —затянули между тѣмъ дѣло на десятки лѣтъ, такъ что уже Екатерина II, спустя 33 года послѣ пожара, повелѣла архитектору Ринальди построить по его проэкту новый храмъ Исаакія, длиною 29 саж. шир. 18 сажень съ шестью фигурными куполами и колокольнею напоминающею теперешнюю Вознесенскую. Исчисленную сумму на сооруженіе, по смѣтѣ 254.684 р. 74 к., разсрочено отпускать въ теченіе шести лѣтъ—и работы, начатыя на мѣстѣ, ближайшемъ къ настоящему собору, продолжались во все царствованіе Екатерины и Павла I повелѣвшаго достроить зданіе изъ кирпича, хотя до карниза было оно готово изъ мрамора. Вмѣсто шести изящныхъ куполовъ, архитекторъ Брена взялся сдѣлать одинъ всего и отличной отъ прочихъ формы. Въ этомъ видѣ искаженія первоначальной идеи, въ 1802 году храмъ Исаакія освященъ 30 мая—и на слѣдующій годъ, въ день 16 мая въ немъ отправлялось священнодѣйствіе по случаю совершенія столѣтія С.-Петербурга. Спустя 14 лѣтъ, на другой день Пасхи (10 апр.) 1816 г. упала во время богослуженія часть штукатурки со сводовъ, на правый клиросъ—и это обстоятельство, доведенное до Высочайшаго свѣдѣнія, имѣло послѣдствіемъ пріостановленіе богослуженій въ храмѣ на время предполагавшейся перестройки, которая однакоже обратилась, на самомъ дѣлѣ, въ новое сооруженіе съ фундамента. Первые шесть лѣтъ отъ закрытія собора для прихожанъ—богослуженіе исаакіевскимъ притомъ отправлялось въ верхней церкви Никольскаго морскаго собора, а въ 1821 году готова была церковь въ зданіи главнаго адмиралтейства, гдѣ соборный персоналъ духовенства и отправлялъ богослуженіе до освященія настоящаго зданія, составляющаго одну изъ самыхъ главныхъ замѣчательностей Петербурга.

Въ 1817 году объявленъ конкурсъ между архитекторами, для состязанія въ композиціяхъ проэктовъ Исаакіевскаго собора. Изъ числа представленныхъ на соисканіе преміи лучшимъ признавала коммиссія сочиненіе профессора А. И. Мельникова, строителя Никольской церкви въ Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ,—и всѣ думали, что этому искусному строителю и вмѣстѣ художнику съ неотмѣннымъ талантомъ выпадетъ жребій строить зданіе, на которое какъ заранѣе объявлялось, средства употребятъ громадныя, чтобы показать въ лучшемъ свѣтѣ русское творчество и богатство нашей имперіи, желавшей состязаться новымъ соборомъ съ державами Европы. Вышло однако того чего никакъ бы не отгадали люди дѣла и науки. Завѣдывавшій тогда государственными сооруженіями въ Россіи французъ Бетанкуръ своему земляку рисовальщику Монферрану, незадолго до того пріѣхавшему въ Петербургъ—далъ возможность (послѣ неодобренія уже его конкурснаго проэкта коммиссіею) составить новый скицъ. И этотъ скицъ, Бетанкуръ представилъ Государю, какъ лучшій, удовлетворившій всѣмъ, сдѣланнымъ при разборѣ, заявленіямъ членовъ, а главное, убѣдилъ Его Величество мнимою выгодою проекта Монферрана, сберегавшаго якобы большую часть старыхъ стѣнъ зданія. Получивъ одобреніе государя и коммиссіи представилъ уже Высочайшее повелѣніе 20 фев. 1818 г.,—какъ дѣло, котораго разборъ до нея не относится уже, а ея дѣло—приводить проэктъ въ исполненіе. Съ утвержденіемъ проэкта Монферрана разрѣшено приступить къ работамъ и на открытіе ихъ выдано изъ казны 506.300 р. А іюля 26 1819 г. произведена — по сдѣланіи фундамента — и закладка со-

бора. Мы не будемъ входить въ техническія подробности сооруженія, или указывать ошибки вкравшіяся въ проэктъ Монферрана,—противъ которыхъ горячо ратовалъ извѣстный Модюи и добился только образованія комитета изъ техниковъ, снявшаго всю строительную обузу съ неопытнаго строителя;—наше дѣло, перейти прямо къ зданію уже поднятому, украшенному и совершенному, съ затратою не одного десятка милліоновъ. Мы не держимся и мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ Исаакіевскомъ соборѣ массу будто бы лишенную изящества. Напротивъ, признавая наружность зданія конечно во многомъ уступающею отдѣлкѣ внутренности,—представляющей гармоническое собраніе высокихъ красотъ, во всѣхъ родахъ,—съ своей стороны мы и фасады собора считаемъ, если не поражающими новостью впечатлѣнія и оригинальностью, за то имѣющими своего рода благообразіе. Прибавимъ, что общій стиль постройки хотя и монотоненъ, но причину этого слѣдуетъ искать частію въ самой колоссальности размѣровъ храма. Мелкость же угловыхъ колоколень усиливаетъ еще тяжесть главнаго купола, при большей пропорціональности малыхъ башень казавшагося бы изящнымъ.

Не касаясь болѣе наружнаго вида Исаакіевскаго собора, при сужденіи о которомъ, какъ мы уже замѣтили, сходятся противоположныя другъ другу воззрѣнія—и сторона, обвиняющая композитора, простираетъ горечь осужденія далѣе чѣмъ бы слѣдовало, позволимъ себѣ высказать и то, что для Монферрана соборъ служилъ школою вкуса на практикѣ—и что строитель могъ высказать движеніе впередъ въ дѣлѣ вкуса только на внутренней отдѣлкѣ.

Вступая въ храмъ, зритель поражается правда царствующимъ въ немъ полумракомъ, но какъ только глазъ привыкнетъ къ этому и начинаетъ различать предметы, самый пристрастный судья ощущаетъ удовольствіе. Такому рѣшенію, у входящихъ, конечно, ничѣмъ не подготовленному, помогаетъ мастерскій подборъ облицовки, вкусъ орнаментацій входныхъ вратъ и сводовъ, роскошь дорогихъ матеріаловъ, наконецъ живопись, употребленная именно тамъ, гдѣ ее ожидаещь найдти. Во всемъ этомъ проглядываетъ вкусъ художественнаго творчества, настолько высокій, насколько мало-привлекательнымъ казался храмъ снаружи, конечно, исключая портиковъ, гдѣ каждая часть и въ ней каждая подробность придуманы и выполнены художественно. Сорока-саженная почти длина храма (отъ западныхъ дверей до алтаря) при общемъ полумракѣ, положимъ, скрываетъ за дальностью и уменьшаетъ красоту средины главнаго иконостаса—но эффектъ ея возрастаетъ съ каждымъ шагомъ впередъ—и на срединѣ, подъ куполомъ, представляетъ уже столько изящества, что недовольство, какъ бы кто не старался его удерживать въ себѣ, замѣняется противоположнымъ чувствомъ полнаго удовлетворенія духовныхъ стремленій, насколько это возможно совокупнымъ усиліямъ архитектора, скульптора и живописца. Но если настолько счастливо общее впечатлѣніе, то при разсматриваніи по частямъ мастерской мозаики, цвѣтной орнаментаціи портика и фриза его, раздѣляющаго ряды иконъ,—оно безъ сомнѣнія усиливается. Свѣтлые пролеты по сторонамъ главнаго иконостаса, на амвонѣ, гдѣ рисуются бѣлые съ позолотою иконостасы придѣловъ, увѣнчанныхъ позлащенными группами «Воскресенія» и «Преображенія» — chef d'oeuvre'омъ Пименова,—настолько же (если не болѣе) оставляютъ пріятное впечатлѣніе въ памяти людей, видѣвшихъ въ первый разъ ихъ. Главный куполъ, съ брюловскими апостолами въ барабанѣ и его же композиціею (написанною къ сожалѣнію Басинымъ) въ плафонѣ, способенъ потрясти душу всякаго человѣка, у котораго есть инстинктъ изящнаго. Между тѣмъ на эту часть внутренности собора слышатся большіе нападки, простирающіеся даже до отрицанія красоты въ композиціяхъ творца Помпеи Съ такими судьями и противъ такихъ рѣшеній, конечно не зачѣмъ и искать апелляціи: вкусъ, качество нами осязаемое, безспорно,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и личное, воспитанное обстоятельствами каждаго субъекта, его возрѣніемъ на вещи, даже (у поддающихся чужимъ идеямъ) теряющее порою логичность своихъ выводовъ. Можно ли и нужно ли послѣ этого стараться о достиженіи согласія съ чѣмъ-нибудь въ вопросахъ изъ его исключительной области, безспорно имѣющей за собою право, въ формѣ эстетики: но какъ втолковать кому-бы то ни было эти законы эстетики, въ данный моментъ спора? Мы въ него не вдаемся, набрасывая личныя впечатлѣнія, хотя бы и основанныя на извѣстныхъ правилахъ и провѣренныя на мѣстѣ, когда и подъ вѣяніемъ разныхъ ощущеній, главное выходитъ одно и то же.

Послѣ купола и иконостасовъ,—гдѣ талантъ десятковъ художниковъ, нашихъ: Брюлловыхъ, Бруни, Басина, Шебуева, Живаго, Неффа, Майкова, Бейдемана, Дузи, и др. проявился съ хорошей стороны,—обозрѣватели художественныхъ богатствъ внутренности Исаакіевскаго Собора, найдутъ обильную пищу своей наблюдательности и любви къ искусству, обходя колонны (столбища). Немного найдется такихъ превосходныхъ произведеній современной кисти, даже и не у насъ въ Петербургѣ, какъ: «С. Марія», «Снятіе со креста» и «Вошествіе въ Іерусалимъ»—Штейбена (въ проходѣ сѣверо-западныхъ колоннъ) или его же образъ Св. праотецъ «Іоакима и Анны». Хороши по простотѣ и достоинству основной идеи и нѣкторые образа Мунина. На стѣнахъ внутренняго аттика—работы Брюллова и Басина также заслуживаютъ полнаго вниманія обозрѣвателей. Сырость этой части храма привела оригинальную живопись въ состояніе разрушенія, но теперь, по картинамъ самихъ композиторовъ, воспроизводятся творенія, безъ того бы совсѣмъ утраченныя, искусными художниками исполнителями, для мозаики. Это искусство — дающее вѣчность живописи, въ наши дни и у насъ въ Петербургѣ, можетъ быть названо достигшимъ высокаго совершенства. Оконченные образа главнаго иконостаса представляютъ въ этомъ родѣ chef-d'oeuvre'ы, которыми удивлялась Европа на выставкахъ всемірныхъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Художники Императорскаго Мозаическаго Заведенія, — существующаго при Императорской Академіи Художествъ и имѣющаго задачею выполненіе изъ мозаики всѣхъ произведеній кисти, покрывающихъ внутри стѣны и своды Исаакіевскаго Собора,—теперь приступить должны къ картинамъ аттики и именно къ композиціямъ К. Брюллова. П. П. Чистяковъ исполнилъ по картону геніальнаго художника нашего «Омовеніе рукъ Пилатомъ», когда Христа осужденнаго выводятъ передъ толпою, возбужденною врагами его. Трудъ Чистякова обѣщаетъ въ мозаикѣ картину капитальную по силѣ общаго впечатлѣнія. Черезъ десятокъ лѣтъ этотъ аттикъ, на столько гибельный для оригиналовъ живописи, застрахованъ будетъ отъ времени и температуры, а до того остается ждать и видѣть какъ кисть тускнѣетъ и меркнетъ отъ

сырости. А живопись въ соборѣ составляетъ главное его украшеніе послѣ мраморовъ. Такую массу замѣчательнаго, набросавъ самыя существенныя черты, мы отказываемся перечислять въ узкихъ статейкахъ «Нивы», давъ совсѣмъ общіе отзывы и предоставляя любознательности читателей, понемногу и почаще разсматривать Исакіевскій Соборъ съ его неисчерпаемыми сокровищами въ спеціальной книгѣ.

Народы Россіи.

V. Самоѣды.

(Окончаніе).

Лѣто, какъ мы выше замѣтили,—краткій праздникъ самоѣда. Даже и животныя радуются наступленію теплыхъ дней, медвѣди любезничаютъ съ своими самками, лисицы и песцы нѣжатся на солнцѣ, въ озерахъ и рѣкахъ стоитъ неумолкаемый гулъ и стрекотъ отъ разной птицы собирающейся сюда для вывода дѣтенышей.

Хороши эти свѣтловодныя озера въ изумрудныхъ и коралловыхъ берегахъ моховыхъ пажитей. «Мы, разсказывалъ одинъ самоѣдъ г. Латкину, впускали въ одномъ озерѣ камень на веревкѣ во 100 сажень въ длину и не достали дна, а вода такъ свѣтла, что на двѣ сажени отчетливо видѣнъ песокъ берегового ската. Въ одномъ мѣстѣ на большомъ озерѣ есть островъ, онъ весь изъ мѣдной руды разныхъ цвѣтовъ — зеленой, черной и мѣдянистой».

Обильны эти тихіе, кристальныя воды вкусною рыбой, которую ловятъ самоѣды неводами. Песцовъ и другихъ мелкихъ животныхъ они добываютъ кулемами. «Хороша наша веселая тундра. Привольно житье наше лѣтомъ, говорятъ дикари, избѣгая ту же тундру зимою, когда крутятся въ ней бѣшеныя метели, заметая и разметая снѣговыя горы.

Самоѣды.
Рисовалъ и гравировалъ И. Матюшинъ.

Впрочемъ и тундра не вездѣ хороша лѣтомъ. Тамъ, хотя и рѣдко, встрѣчаются ручьи теплой, мутной и вонючей воды. Олени, пьющіе ее, околѣваютъ почти всегда. Губитъ ихъ и *чума* (сибирская язва) истребляющая стада въ тысячу головъ и болѣе, раззоряя богатыхъ самоѣдовъ. Но за то встрѣчаются превосходныя пастбища, гдѣ оленямъ—водъ; таковы окрестности рѣки Хурмора и другихъ, вытекающихъ изъ отраслей большеземельскаго хребта.

Громадно пространство тундръ гдѣ кочуютъ самоѣды! На нѣсколько тысячъ верстъ въ длину и на пятьсотъ верстъ въ ширину раскидываются ихъ необозримыя глади. Низшій размѣръ ихъ площади доходитъ до пятисотъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Зимою, рѣдко выходя изъ мрака, это царство полярной ночи замираетъ въ долгой летаргіи, но съ половины мая до половины іюля солнце не заходитъ за горизонтъ, теплые южные вѣтры располагаютъ самоѣда къ нѣгѣ, а прохладныя ночи возстановляютъ его силы, которыя безъ того бы упали подъ вліяніемъ дневнаго жара.

— Что вы дѣлаете зимою? спрашиваете у самоѣда.

— Спимъ.

— Неужели все и спите?

— Спать здорово самоѣдъ. Очень спать, мѣдвѣдь спитъ и самоѣдъ спитъ—время такая.

Этимъ почти исчерпываются всѣ занятія въ теченіи большой половины года. Зимняя спячка — явленіе свойственное полярному поясу. Норвежскіе лопари или лапландцы тоже отличаются удивительною сонливостію зимою.

Самоѣды весьма не сообщительны, не смотря на удивленіе возбуждаемое въ нихъ европейскою жизнью и предметами, которые не встрѣчаются въ его скудномъ обиходѣ.

Войдите къ нему въ чумъ. Тупо оглядитъ онъ васъ съ головы до ногъ и отодвинется отъ огня, давая вамъ мѣсто присѣсть. Голые дѣти, выскочивъ изъ подъ оленьихъ шкуръ, гдѣ они копошились до вашего прихода, уставятся на васъ разинувъ рты и почесывая животы, безобразно отвисшіе надъ ихъ короткими ногами. Развѣ инька, любопытная, какъ и всѣ красивыя и уродливыя дщери общей праматери нашей Евы, начнетъ васъ выспрашивать обо всемъ и то кратко, сонно. Несловоохотливость самоѣдовъ нельзя приписать бѣдности ихъ языка; напротивъ, онъ весьма богатъ для этого дикаго племени. Онъ даже отличается правиль-

ностію и выработанностію, какъ и всѣ нарѣчія сибирскихъ инородцевъ.

Къ чиновникамъ и вообще людямъ оффиціознаго міра самоѣды относятся съ крайнимъ подобострастіемъ и униженіемъ. Къ этому пріучили ихъ запугиванія властныхъ людей славнаго, стараго времени, когда несчастные самоѣды цѣлыми кочевьями удирали въ неизвѣданную глубь своихъ безконечныхъ тундръ, при первой вѣсти о приближеніи великаго или малаго чиновника. Даже священники и тѣ большею частію занимались разведеніемъ оленьихъ стадъ насчетъ своихъ простодушныхъ прихожанъ, чѣмъ утвержденіемъ между ними христіанства. Однимъ изъ рѣдкихъ но блестящихъ исключеній былъ въ этомъ отношеніи о. Иннокентій, нынѣ живущій въ Архангельскѣ, котораго добросовѣстную дѣятельность среди мезенскихъ инородцевъ оцѣнилъ еще путешественникъ сороковыхъ годовъ Латкинъ. О. Иннокентій въ совершенствѣ изучилъ языкъ, нравы, обычаи и характеръ самоѣдовъ и былъ между ними дѣйствительнымъ представителемъ цивилизованнаго начала Священникъ для самоѣдовъ имѣетъ весьма важное значеніе. Это не только пастырь духовной, но и мировой судья между ними и посредникъ ихъ съ начальствомъ, и заступникъ въ ссорахъ и распряхъ съ ижемцами и русскими.

Какъ безцеремонно относились къ самоѣдамъ люди, призванные къ защитѣ ихъ интересовъ и къ охраненію общественной безопасности,—видно изъ нижеслѣдующихъ строкъ А. Михайлова, посѣщавшаго Малоземельскую тундру нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Вспоминая о старинѣ, самоѣдъ, говоритъ онъ, горько жаловался на притѣсненія отъ властей и со стороны русскаго населенія края. Чиновники ихъ, а мезенцы стрѣляли у нихъ оленей, теперь оленей у нихъ не бьютъ и чиновники ихъ не обижаютъ, но за то чума опустошаетъ ихъ стада».

Интересно знать, что было страшнѣе для самоѣда: мелкотравчатое чиновничество, подвизавшееся нѣкогда на широкомъ поприщѣ благопріобрѣтеній или сибирская язва со всѣми ея ужасами.

Обращеніе самоѣдовъ въ христіанство началось давно. Еще въ 1780 году въ Архангельскую семинарію было принято нѣсколько мальчиковъ изъ этого племени, оказавшихъ затѣмъ весьма быстрые успѣхи въ наукахъ и достигшихъ до класса реторики и философіи, но къ несчастію сыны полярныхъ пустынь не вынесли вліяній душнаго города. Неугодная пища и комнатный воздухъ убили ихъ жизнь. Въ 1822 году священникъ Федоръ Истоминъ, отправленный въ тундру, обратилъ нѣсколькихъ самоѣдовъ въ христіанство; но самый важный шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ Сійскимъ архимандритомъ Веніаминомъ, личность котораго можетъ послужить примѣромъ апостольской дѣятельности для всякаго миссіонера. Съ 1825 по 1830 года, онъ съ назначенной въ помощь ему коммиссій крестилъ 3,303 самоѣда. Для лучшаго вразумлѣнія незнавшихъ русскаго языка дикарей, Веніаминъ составилъ грамматику и лексиконъ самоѣдскаго языка, перевелъ на него Евангеліе и нѣкоторыя другіе книги. «Глубокія истины Слова Божія, говоритъ онъ, восхищали самоѣдовъ, когда они слышали ихъ въ звукахъ понятныхъ, на своемъ собственномъ языкѣ.

Хорошіе миссіонеры будутъ имѣть громадное значеніе въ средѣ этого податливаго племени. Съ 1830 года крещеніе между самоѣдами повторялось уже не столь часто и никогда больше не случалось обращеній въ христіанство цѣлыми массами, но это необходимо приписать отсутствію хорошихъ проповѣдниковъ слова Божія. Большая часть самоѣдовъ осталось идолопоклонниками. Даже и крестившіеся сохранили суевѣріе. Прадѣдовскій культъ цѣпко держится среди дикарей, предоставленныхъ самимъ себѣ, лицомъ къ лицу съ грозной и безпощадной природой Сѣвера. Не смотря на это самоѣды — крещеные и некрещеные одинаково питаютъ вѣру въ святит. и чудотв. Николая, какъ тѣ такъ и другіе передъ охотою и промыслами даютъ ему обѣты, и въ случаѣ удачи приносятъ ему въ даръ часть добычи. Идолопоклонники называютъ его Святымъ Николой и чтутъ наравнѣ съ своими богами, считая его также Богомъ. Обѣщанія данныя ему исполняются свято, въ противномъ случаѣ, по убѣжденію самоѣдовъ, ихъ ожидаетъ страшная кара. Одинъ самоѣдъ объяснилъ мнѣ:

— Святой Микола—большой Богъ. Онъ все можетъ сдѣлать, что хочетъ. Онъ за наши грѣхи отдалъ стада и тундру ижемцамъ. Святой Николо—все видитъ. Хорошаго чаловѣка наградитъ онъ обильною ловлею—дурному не дастъ ничего. Я всегда, какъ идти на охоту или на промыселъ, колю святому Николѣ—оленя. Разъ я передъ ловомъ рыбы—не далъ ему ничего, и онъ мнѣ тоже не послалъ ни одной рыбы, такъ я съ пустыми руками и ушелъ. Кого на морѣ буря застанетъ — молись святому Николѣ. Кто съ медвѣдемъ въ тайболѣ встрѣтится, призови св. Николу. Коли метелица-пурга занесетъ тебя въ тундрѣ зимою — проси св. Николу, онъ тебя отъ всего спасетъ.

Въ тундрахъ самоѣдовъ находятся два храма. Одинъ при рѣкѣ Нѣсь въ Канинской тундрѣ, другой близь рѣки Колвы—въ Большеземельской—среди дремучихъ лѣсовъ и неисходныхъ пустынь. Послѣдній покрытъ тесомъ и выкрашенъ; два священника, дьяконъ и два причетника изъ самоѣдовъ составляютъ ея клиръ. Колвинскій погостъ мало посѣщается лѣтомъ, за то зимою къ нему, какъ къ общему центру, стекаются крещеные и некрещеные самоѣды. Наплывъ прихожанъ особенно усиливается кѣ празднику Крещенія (6 Января). Вокругъ церкви образуется громадное и веселое кочевье. Дикари въ легкихъ саняхъ снуютъ во всевозможныхъ направленіяхъ, вездѣ колятъ оленей, раздаются звуки торжества и крики опьянѣвшихъ инекъ. Дымъ высоко подымается въ ярко синее небо изъ многочисленныхъ чумовъ, набросанныхъ по тундрѣ, то поставленныхъ красивыми уступами, то растягивающихся волнистыми линіями. Пустыня оживляется и кишитъ словно муравейникъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ праздника, мертвая глушь вновь охватываетъ обезлюдѣвшій погостъ. Тихо, тихо кругомъ него. Осыпанныя снѣгомъ, словно молодымъ легкимъ пухомъ, недвижно стоятъ мелкорослыя ели. Ослѣпительно сверкая подъ солнцемъ, ложится дальше необъятная, бѣлая пустыня. Порой мелькнетъ по ней дичь, олень—и снова безконечныя глади мертвѣютъ до вечера, когда надъ ними низко, низко падаютъ и стелятся синіе туманы...

Некрещеные самоѣды исповѣдуютъ шаманство. Вотъ общій очеркъ ихъ вѣрованій:

Высоко въ синемъ небѣ, за яркими звѣздами, за *матушкой* луною, за сѣрыми тучами живетъ верховное существо, творецъ всего сущаго—богъ *Нумъ*. Онъ вѣченъ и всемогущъ. Онъ — *Тявуй-Нумъ* — вышній

богъ. Онъ—*Илевбирте нумъ*—жизнедавецъ богъ. Отъ него—все что живетъ и дышетъ: и олени, и люди, и духи, и ошкуй въ льдахъ далекаго моря, и семга въ рѣкѣ, и птица въ воздухѣ. Отъ него все, что растетъ и кроется подъ землею. Отъ него все, что было и будетъ... Онъ добръ—и потому не можетъ жить на землѣ, гдѣ творится всякое зло. Онъ никогда не вредитъ людямъ. Имя его—не произноси всуе. Отъ Нума произошелъ *А* — діаволъ, духъ зла, котораго необходимо умилостивлять частыми жертвами. Отъ Нума произошли и *тадебцыи*—духи нечистые, бѣсы хотя, и подчиненные Нуму, но помимо его воли творящіе всевозможное зло. Бѣлые тадебцыи—бѣсы воздуха, зеленые и черные тадебцыи — злые геніи земли. Ихъ всѣхъ тьмы темъ. Имъ нѣсть числа, ихъ столько на землѣ сколько снѣжинокъ въ тундрѣ, ихъ столько въ воздухѣ сколько звѣздъ на небѣ.

Нумъ не имѣетъ идоловъ. Онъ неизобразимъ. Человѣкъ не можетъ представить его себѣ ни въ какомъ видимомъ образѣ. Это безплотное вѣяніе добра и жизни, безформенное, великое.

Тадебцыи изображаются въ видѣ *хеговъ* (идоловъ)—деревянныхъ или каменныхъ. *Хегъ*, или *Хеге*—конусообразный пень, кверху завостренный, снизу съ аляповато-выдолбленными глазами и ртомъ. Каменные хеги лишены и послѣдняго украшенія. Хеги или ставятся въ мѣстахъ общественнаго служенія и въ такомъ случаѣ они принадлежатъ всему племени, или же находятся въ урочищахъ посѣщаемыхъ какимъ-нибудь однимъ семействомъ и принадлежатъ ему исключительно. Небольшіе домашніе хеги хранятся въ опредѣленныхъ для этого санкахъ, противу чумовъ, но непремѣнно внѣ ихъ. Ихъ одѣваютъ въ малицы и суконные кафтаны, мажутъ имъ губы жиромъ и кровью оленей. Хегъ пользуется этими почестями въ томъ случаѣ, если его поклонникъ пользуется удачею въ своихъ предпріятіяхъ, въ противномъ случаѣ несчастнаго бога немилосердно сѣкутъ оленьими ремнями и съ презрѣніемъ выбрасываютъ вонъ. На опредѣленныхъ для того мѣстахъ, при рожденіи или смерти самоѣда, выставляются особые идолы.

Кромѣ всѣхъ этихъ идоловъ, дикари ставятъ хеговъ на вершинахъ горъ или при песцовыхъ и лисьихъ норахъ. Участь этихъ боговъ весьма плачевна. Если звѣрку удастся избѣжать ловушки—хегу достается жестоко отъ взбѣшеннаго самоѣда. Онъ его бьетъ, издѣвается надъ нимъ, и въ заключеніе какъ самозванца и ложнаго бога свергаетъ внизъ съ горы или просто бросаетъ.

Иностранные мореходы, посѣщавшіе отдаленнѣйшія побережья Канинской и Большеземельской тундръ, изумлялись встрѣчая на безлюдныхъ повидимому мѣстахъ уединенныхъ бухтъ или на каменистыхъ плоскостяхъ береговыхъ окраинъ группы каменныхъ и деревянныхъ безобразно-изсѣченныхъ хеговъ весьма значительныхъ размѣровъ. Съ окровавленными отъ жертвенной оленьей крови устами, эти идолы производили потрясающее впечатлѣніе на экипажи судовъ, мало знакомыхъ съ краемъ. Поэтому два или три путешественника считали культъ самоѣдовъ въ числѣ тѣхъ мрачныхъ религій, которыя требуютъ человѣческихъ жертвъ. Мы знаемъ, какъ ошибочны въ этомъ случаѣ были выводы наивныхъ мореплавателей. Мѣста, на которыя попадали путешественники, служили ареною общественныхъ богослуженій въ близи значительнѣйшихъ промысловыхъ урочищъ. Передъ началомъ охоты или рыбной ловни цѣлыя племена суевѣрныхъ дикарей собирались сюда, для умилостивленія грозныхъ идоловъ зла.

Шаманы или жрецы самоѣдовъ называются *тадибеями*. Званіе это наслѣдственно и преемственно, не только въ мужескомъ, но и въ женскомъ полѣ. Тадибей избирается *тадебцыемъ* — духомъ зла. Человѣкъ предназначенный быть тадибеемъ—прежде всего духовидецъ. Еще во младенчествѣ ему являются бѣлые, зеленые и черные духи. Будущихъ жрецовъ еще съ дѣтства пріучаютъ обращаться съ священнымъ *пензеромъ*, (барабаномъ или бубномъ), имѣющимъ сверхъ-естественную силу. Кудесничанье тадибеевъ во время болѣзни какого-либо самоѣда, или при общихъ моленіяхъ называется *Самбадава*. Тадибеи совершаютъ жертвоприношеніе, изгоняютъ злыхъ духовъ, призываютъ помощь того или другаго тадебцыя при началѣ промысла.

Обрядъ Самоѣдовъ имѣетъ таинственное значеніе. Онъ начинается съ вечера.

Тадибей при захожденіи солнца громко бьетъ въ въ священный пензеръ, идоломъ сдѣланнымъ въ видѣ колотушки и обтянутой тонкой оленьей шкуркой. По этимъ звукамъ во всѣхъ сосѣднихъ, иногда на цѣлую милю разбросанныхъ чумахъ, самоѣды знаютъ, что на другой день готовится Самбадава. Къ утру они всѣ въ сборѣ у чума больнаго или приносящаго жертву сосѣда. Является шаманъ. За нимъ всѣ входятъ въ чумъ. Жители садятся благоговѣйнымъ кружкомъ: мущины направо, женщины налѣво. Тадибей одѣтъ въ характеристическій балахонъ, сшитый изъ замши и украшенный множествомъ бляхъ, бубенчиковъ, пуговокъ и кистей. Голова его покрыта священной шляпой, одна изъ лопастей которой покрываетъ лицо тадибея. Послѣ краткаго воззванія тадебцыю, во время котораго тадибей лежитъ ничкомъ къ землѣ, онъ начинаетъ собственно Самбадаву. Удары въ пензеръ постепенно усиливаются Онъ выкрикиваетъ тадебцыя, зоветъ его—и на каждое слово своего жреца самоѣды, сочувственно воздыхая, восклицаютъ: гой! гой! гой!.. Наконецъ, видимый одному шаману, тадебцый является въ чумъ. Тадибей *приказываетъ* ему исцѣлить больнаго, или избавить стада отъ чумы, волковъ и голода, проситъ объ удачѣ предполагаемой охоты, рыбнаго промысла и проч.

Мало по малу тадибей оживляется. Движенія его становятся быстры и неровны; онъ приходитъ въ изступленіе, колетъ себя ножами, пронзаетъ ими тѣло, проситъ присутствующихъ наносить ему раны. продергиваетъ сквозь мускулы ремни, кривляется и бѣснуется, какъ одержимый пляскою Святаго Витта. Если тадебцый долго не отвѣчаетъ ему—онъ начинаетъ убѣждать и грозить, называя его товарищемъ, сулитъ ему обильныя жертвоприношенія и наконецъ падаетъ отъ изнеможенія.

По отрывочнымъ, безсвязнымъ восклицаніямъ бѣснующагося тадибея — самоѣды узнаютъ волю боговъ.

Варварскій обрядъ этотъ производитъ на посторонняго зрителя потрясающее впечатлѣніе. Извѣстный г. Максимовъ, чрезвычайно живо очертилъ поразительную сцену Самбадавы. Понятно громадное вліяніе, которое при помощи всѣхъ этихъ кудесничествъ имѣютъ надъ дикарями ихъ тадибеи. Даже принимая христіанство, самоѣды относятся къ своимъ шаманамъ съ самымъ безграничнымъ уваженіемъ. Больной самоѣдъ христіанинъ, да и не больной тоже, повторяя христіанскія молит-

вы, совершаетъ затѣмъ самбадаву — и успокоивается только при благополучномъ исходѣ послѣдней. Не смотря на крестъ блестящій у него на шеѣ, онъ за пазухой таскаетъ непремѣнно нѣсколько уродливыхъ хеговъ.

Нуму самоѣды поклоняются на вершинахъ величавыхъ горъ. Тамъ они въ жертву ему *давятъ* непремѣнно бѣлаго оленя. От. Веніаминъ подробно говоритъ объ этой сценѣ. «Оленя давятъ веревкою за шею, ставя его головою на востокъ. Тадибей держитъ его за заднюю лѣвую ногу—громогласно взывая:

— Нумей (звательный падежъ отъ *Нумъ*) ти тюакръ темя пяндъ това хападъ!

Что значитъ:

— Богъ, мы приносимъ тебѣ оленя. Вотъ это твой — уведи!

Затѣмъ мясо его съѣдается сырьемъ, а голову вмѣстѣ съ костями кладутъ на возвышенномъ срубѣ. Дьяволу, тадебціямъ и хегамъ приносятся въ жертву олени и собаки. Нѣкоторымъ хегамъ женскаго пола — коты и жеребцы.

Кромѣ того самоѣды поклоняются звѣздамъ, солнцу, мѣсяцу, землѣ, горамъ и морю.

Въ религіи и вѣрованіяхъ этого племени нельзя не видѣть преобладанія злаго и разрушительнаго начала. Тьмы темъ тадебцыевъ—нечистыхъ духовъ—и въ противувѣсъ имъ нѣтъ ни одного добраго генія. Въ этой чертѣ нельзя не видѣть суроваго вліянія Сѣверной природы, оковывающей душу дикаря непреодолимымъ ужасомъ. Впрочемъ тотъ же культъ заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ нравственныхъ основаній, которыя могли бы цѣликомъ войти и въ болѣе выработанныя религіи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ заповѣдей самоѣдскаго шаманства:

Вѣруй въ Бога и почитай Его.

Почитай Николу великаго.

Почитай отца, мать и старшихъ себя.

Не лги на другихъ.

Не убивай, не дерись, не воруй, люби свою жену и не желай чужой.

Храни своихъ оленей.

Не щеголяй, не пустословь, не пьянствуй, не гордись, не лакомься.

Что видишь—молчи.

Не реви и не шути поздно вечеромъ, дабы не заболѣть, и т. д.

Такова страна, нравы и вѣрованія самоѣдовъ.

Богъ добра у нихъ властвуетъ надъ міромъ, но множество злыхъ духовъ парализуетъ его силу. Здѣсь — зло, царящее повсюду и въ ледяной тундрѣ, и въ страшныхъ вьюгахъ, и въ непонятныхъ болѣзняхъ.

Да, неприглядна суровая природа Сѣвера.

Не привлекутъ избалованнаго иными картинами взгляда, его безпредѣльныя глади, низко нависшее сѣрое небо, цѣлые океаны густаго синяго тумана.

Но и тутъ есть своя прелесть, своя дикая — потрясающая красота!

Станьте на одномъ изъ дикихъ выступовъ береговыхъ скалъ, вглядитесь въ это безграничное море, валы котораго порою колеблются передъ вами, сквозь разорвавшуюся пелену тумана...

Взберитесь на вершины этихъ горъ, окиньте оттуда разстилающіяся внизу, въ безконечную даль уходящія глади...

Проѣзжайте эти тундры въ легкихъ саняхъ самоѣда, когда ночь окутаетъ землю своимъ лазуревымъ покровомъ, когда грозный сполохъ лучезарными столбами заходитъ на краю невѣдомаго міра, когда то ярко-пурпурное, то бѣло-матовое пламя повиснетъ надъ вами таинственно мерцающей короной...

Пройдите эти дѣвственные лѣса, на сотни и тысячи верстъ уходящія въ неизвѣстную глушь,—лѣса, гдѣ стоитъ величавый гулъ торжественно колышащихся великановъ или царитъ подавляющая, мертвая тишь.—

И вы благословите и познаете Бога, безконечность котораго понятнѣе здѣсь — въ этомъ суровомъ мірѣ безжизненныхъ пустынь, залегающихъ въ никому-невѣдомыя дали.

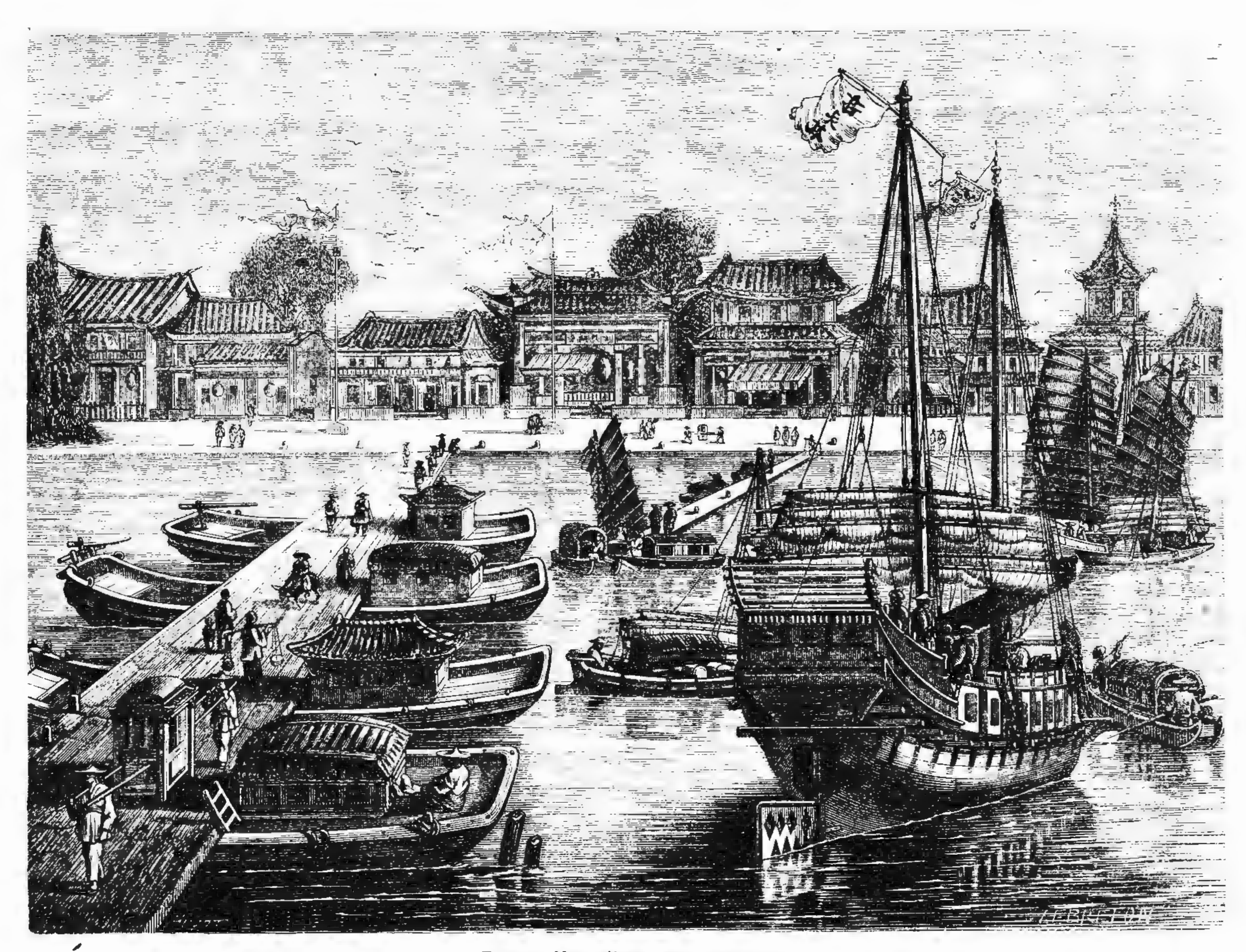
Картина Китайскаго города.

Съ каждымъ годомъ увеличиваются сношенія между Европою и Китаемъ, и притомъ не только торговыя, но и частныя. Ближайшая гавань, куда пристаютъ путешественники, составляющая вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ главное прибѣжище — это Шанхай.

Тысячи мачтъ и флаговъ даютъ знать еще издали о приближеніи къ Шанхаю, торговое значеніе котораго открывается вамъ съ разу посредствомъ цѣлаго сонма джонокъ, покрывающихъ въ этомъ мѣстѣ рѣку. Не безъ труда проложило себѣ дорогу нанятое нами китайское судно между тѣсными рядами торговаго флота, для того чтобъ пристать къ тому мѣсту, гдѣ бросаютъ якорь большіе корабли. Европейская квартира лежитъ вблизи рѣки, тогда какъ длинное китайское предмѣстье Ликіатшангъ тянется дальше. Шанхай — главный городъ кантона или городъ третьяго ранга въ провинціи Кіангъ-зу и обязанъ своею извѣстностью, главнымъ образомъ, гавани, которая съ 1842 года открыта для европейцевъ. Это-то мѣсто и составитъ предметъ нашихъ наблюденій. Такъ какъ жизнь всѣхъ вообще китайскихъ приморскихъ городовъ болѣе или менѣе одинакова, то картина одного города можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніемъ и всякаго другаго.

Городъ Шанхай лежитъ миляхъ въ десяти отъ устья той рѣки, которая несетъ въ море волны многоводнаго озера Тату Улицы города узки и грязны, дома низки, но лавки богато украшены пурпуромъ и золотомъ. Мы останавливаемся передъ одной благоухающей фруктовой лавкой—и видимъ, какъ одинъ бѣдный китаецъ покупаетъ себѣ за маленькую круглую монетку съ четвероугольной дырой въ серединѣ (стоющую едва ли не меньше нашей копѣйки) кружокъ прохлаждающаго ананасу. Вотъ свѣчная лавка. Пестрыя свѣчи, приготовленныя изъ продукта китайскаго сальнаго дерева (croton sebiferum), съ разноцвѣтною восковою оболочкою поражаютъ насъ своею странностью. Не меньше этого оригинальна и надпись надъ дверями лавки, гдѣ съ свойственной китайскому языку напыщенностью говорится слѣдующее: «Поздно ночью сидимъ мы въ бѣлоснѣжныхъ покояхъ и читаемъ книги». И какъ бы нарочно для объясненія этой надписи попадается намъ на глаза человѣкъ, который, пробиваясь сквозь толпу пе-

стро-одѣтыхъ китайцевъ съ доскою, полною книгъ, переходитъ изъ дома въ домъ. Онъ ссужаетъ ими бѣдныхъ и прислугу. Вслѣдъ за этимъ мы читаемъ слѣдующее объявленіе: «Мы тутъ продаемъ гонгътшайскій табакъ, имя и слава котораго проникли до Кешо на сѣверѣ, а благоуханіе до Кейангънана на югѣ». Не далеко отъ сюда мы читаемъ: «Знаменитые сорты чая изъ всѣхъ провинцій», а для того чтобъ покупщикъ могъ испробовать доброту товара, во всѣхъ лавкахъ держится на готовѣ кипятокъ. По ту сторону тріумфальныхъ воротъ мы усматриваемъ обвѣшенные фонарями ворота, ведущіе въ маленькій рай съ золотыми рыбками, иностранными растеніями, рѣшетками, виноградными лозами и пѣвчими птицами, — это передняя къ лавкѣ торговца шелковыми товарами; пройдя, ее мы входимъ въ великолѣпную комнату, обвѣшанную лампами, гдѣ блистающія золотомъ объявленія говорятъ намъ о собранныхъ здѣсь изъ различныхъ странъ имперіи запасахъ шелковыхъ матерій. Опытный китаецъ раскладываетъ для привлеченія покупщика богатыя, тяжелыя шелковыя матеріи, которыми славится его отечество, различные сорта бархата и атласа — и съумѣетъ надуть надлежащимъ образомъ покупщика. Оставивъ его лавку, мы сталкиваемся съ цирюльникомъ, несущимъ на головѣ сосудъ съ огнемъ, надъ которымъ стоитъ другой съ постоянно кипящею водою. Всѣ другіе снаряды: тазъ, бритвы, полотенца и запасъ воды качаются на шестѣ, который онъ несетъ на плечѣ. Если вамъ нужны его услуги, онъ уходитъ съ вами подъ первыя ворота, гдѣ не предвидится особенной помѣхи, и тутъ же принимается за дѣло. Черезъ нѣсколько минутъ ваша голова гладко обрита, уши вычищены, рѣсницы вырваны, а суставы выправлены. Остриженные волосы тщательно собираются и продаются для удобренія, потому-что въ Китаѣ пользуются всѣмъ, что только можетъ служить для оплодотворенія земли. Одно только изъ головныхъ украшеній и щадитъ бритва цирюльника: длинную косу, служащую у китайца знакомъ мужества. Такъ какъ природа дала имъ вмѣсто бороды только отдѣльно торчащіе волоса, то коса, жирное тѣло и длинныя уши внушаютъ китайцамъ уваженіе. Особенно же хлопочутъ они о длинѣ косы, вслѣдствіе чего къ ней приплетаютъ еще фальшивые волосы. Конецъ ея обыкновенно состоитъ изъ шелку. И какую же пользу доставляетъ эта коса китайцу! Мы видѣли одного человѣка, который гналъ ею свою свинью, и одного слугу, который вытиралъ ею столъ. Нечего и говорить о томъ, что въ схваткахъ на улицахъ главную роль играетъ коса.



Видъ Китайскаго города.

Идя дальше, мы встрѣчаемся съ краніологомъ, который проповѣдуетъ свое ученіе, указывая на различныя части головы, нарисованной на большой доскѣ, побуждая такимъ образомъ присутствующихъ подвергнуть на его разсмотрѣніе ихъ собственныя, порядочно-таки смахивающія на тыкву, головы. Какъ разъ подлѣ него стоитъ зубной врачъ, показывая публикѣ свои зубы. Тутъже по близости слышатся звуки гонга. Идемъ туда и видимъ изображеніе идола, освященныя свѣчи, горящія передъ алтаремъ и молящуюся женщину, лежащую лицомъ внизъ. Нѣсколько минутъ молится она, какъ бы

со страхомъ, потомъ останавливается и бросаетъ вверхъ закругленную съ одного конца палочку, чтобы видѣть услышана ли ея молитва. Брошенная палочка противъ нея. Опять ползаетъ она на колѣняхъ и молится еще усерднѣе и съ еще большимъ страхомъ. Опять палочка говоритъ не въ ея пользу, но она продолжаетъ настаивать. Должно же когда нибудь смягчиться божество, а знакъ, возвѣщающій его волю, упасть надлежащимъ образомъ. Торжественными шагами подходитъ къ алтарю человѣкъ, молится полминуты и вынимаетъ изъ наполненной лоскутками бумаги урны билетъ. Прочтя его, онъ беретъ одну изъ висящихъ на стѣнѣ книжечекъ и удаляется съ веселымъ лицомъ. Онъ вынулъ жребій, чтобы видѣть удастся ли затѣянное имъ предпріятіе.

Продолжая свой путь, мы сталкиваемся съ человѣкомъ, который несетъ у себя на головѣ цѣлую кухню, изъ бамбуковаго тростника, девяти футовъ въ длину и шести футовъ въ ширину, заключающую въ себѣ всевозможныя сорты кушанья, которые онъ и предлагаетъ съ крикомъ. Упомянутый выше свинопасъ останавливается подлѣ него, чтобы пообѣдать на улицѣ. О, да и умѣетъ же этотъ поваръ приправлять свои кушанья различными кореньями и перцомъ! и какое чудесное жаркое поставилъ онъ передъ свинопасомъ! — Но что это за мѣсто, изъ котораго дымъ выходитъ, какъ изъ котла? Это изъ общественныхъ бань, гдѣ къ услугамъ свинопаса, когда онъ пообѣдаетъ, предлагается за пять ли теплая ванна вмѣстѣ съ уборной и полотенцами. Тутъ же за нѣсколько ли можетъ женщина закупить потребное для нее на цѣлый день количество горячаго чая. Варить его самимъ не всегда позволяютъ средства. Каминовъ и печей въ китайскихъ комнатахъ нѣтъ. А между тѣмъ, какъ жарко лѣто, такъ сурова зима, такъ что иногда снѣгъ выпадаетъ даже въ Кантонѣ. Поэтому-то китаецъ и одѣвается смотря по погодѣ; если на дворѣ холодно—онъ надѣваетъ нѣсколько платьевъ, одно сверхъ другаго, которыя онъ и сбрасываетъ постепенно, по мѣрѣ того какъ увеличивается тепло. Вотъ это зданіе—храмъ весны, куда ходятъ на богомолье дамы, чтобы украсить свои головы цвѣтами, когда начнутъ распускаться первыя почки. Это прекрасное строеніе — храмъ Конфуція, а это домъ общественной благотворительности, заключающій въ себѣ пріюты для бѣдныхъ и найденышей и другія благотворительныя заведенія. Онъ пользуется особенной поддержкой, потому что китайцы очень сострадательны и щедры въ отношеніи своихъ бѣдныхъ. Надъ дверьми башмачникой лавки виситъ огромный сапогъ, а подъ нимъ находится надпись, которая едва ли понравилась бы европейскому щеголю: «Здѣсь для всѣхъ одна мѣрка». Проходя мимо слѣдующей за тѣмъ лавки, мы видимъ, что въ нее ворвался какой-то парень, чрезвычайно дикаго вида, страшно бьющій въ гонгъ и натершійся дурно пахнущей дрянью, для того чтобъ сдѣлать свое присутствіе еще несноснѣе. Этимъ способомъ понуждаютъ здѣсь къ благотворительности. Владѣлецъ этой лавки не заключилъ съ главою нищихъ никакой сдѣлки—и поэтому-то рѣдкій день не вынуждаютъ его отдѣлаться посредствомъ какой нибудь подачки отъ какого нибудь наглеца, который вслѣдъ за этимъ отправляется въ другую лавку. — Вотъ здѣсь даются подъ залогъ деньги, а тутъ чайное заведеніе, окруженное большими резервуарами для дождевой воды, которой даютъ нѣсколько времени постоять, прежде чѣмъ употребить ее для чая, находя, что чай въ такомъ случаѣ бываетъ вкуснѣе. Вонъ въ этомъ домѣ есть печка для вывода изъ яицъ цыплятъ, а на каждомъ концѣ улицы устроиваются ворота, которые по ночамъ запираются для предохраненія отъ воровъ.

(Окончаніе будетъ).

Фельетонъ.

Новая повѣсть г. Тургенева.—Два вида любви, выводимые авторомъ. —Далеко-ли ушли мы отъ людей сороковыхъ годовъ. — Новое знаменіе времени.—Нѣчто о сатирѣ вообще и по отношенію къ Оффенбаху въ особенности.—Г-жа Шнейдеръ.

Наша читающая публика до такой степени избалована тенденціозностью литературныхъ произведеній послѣдняго времени, что всякое новое твореніе не можетъ представить себѣ иначе какъ съ предвзятой мыслію, затрогивающею жгучіе вопросы дня, обнажающею наши общественныя язвы и указывающею средства для ихъ исцѣленія. Спора нѣтъ, тенденція въ литературномъ произведеніи вещь не послѣдняя—и отвергать ея значеніе было бы въ настоящее время, по меньшей мѣрѣ, неумѣстно; но необходимо помнить, что всякая тенденція можетъ оставить впечатлѣніе лишь тогда, когда она создается извѣстными требованіями жизни, а не привязывается къ нимъ собственными измышленіями автора. Если сама жизнь не ушла впередъ и продолжаетъ возиться съ своими нерѣшенными вопросами, то долженъ-ли художникъ, уважающій свое искусство, бросить эти вопросы на произволъ судьбы, какъ вещь всѣмъ и каждому извѣстную, чтобы только угодить вкусу публики, требующей новаго во что бы-то ни стало? Поступить такъ—значило бы оставить за собою непріятеля, который въ удобную для него минуту ударитъ на насъ съ тылу. Необходимо, поэтому, какъ можно чаще напоминать публикѣ объ этихъ нерѣшенныхъ вопросахъ, чтобы они безпокоили ее такъ, какъ безпокоятъ чуткую душу художника, который, при всемъ своемъ желаніи, все-таки не можетъ отъ нихъ отдѣлаться.

Новая повѣсть г. Тургенева «Вешнія воды» (Вѣстникъ Европы», кн. 1, 1872 г.) указываетъ намъ именно на одинъ изъ такихъ вопросовъ. Вопросъ этотъ такъ же старъ какъ само человѣчество, которое съ давнихъ поръ старается разрѣшить его. Молодой русскій туристъ Санинъ, слоняющійся безъ цѣли заграницей, случайно знакомится съ молоденькой дѣвушкой, итальянкой по происхожденію, влюбляется въ нее со всѣмъ жаромъ первой молодости и наконецъ рѣшается на ней жениться. Дѣло слаживается въ какихъ-нибудь 5 дней, и Санину, чтобы достигнуть обѣтованнаго блаженства остается только продать свое тульское имѣніе. Но тутъ-то и начинается для него вся бѣда. Случайно же встрѣчаетъ онъ во Франкфуртѣ своего стараго знакомаго, русскаго барина Полозова, который объявляетъ, что можетъ-быть имѣніе Санина купитъ жена его, Полозова, находящаяся въ Висбаденѣ. Санинъ въ восторгѣ, и пріятели отправляются туда вмѣстѣ Но вмѣсто имѣнія, Санинъ отдаетъ M-me Полозовой самого себя, свою честь, свое счастье. Отуманенный молодостью, чарующею красотой и бѣшеной страстностью этой женщины, Санинъ запутывается въ разставленномъ для него силкѣ... Франкфуртъ, продажа имѣнія, невѣста Джемма, чистая надежды и чистая любовь—все забыто. Несчастный молодой человѣкъ записывается въ рабы къ г-жѣ Полозовой и, довольствуясь мѣстомъ на передней скамейкѣ ея дорожной кареты, ѣдетъ съ нею въ Парижъ! Затѣмъ слѣдуетъ его возвращеніе оттуда «униженнымъ и оскорбленнымъ», годы скучной и безцѣльной жизни, отрадой которой служатъ одни только воспоминанія, путе-

шествія заграницей и т. д., и т. д. Вотъ такъ-сказать два типа любви, выведенные даровитымъ нашимъ беллетристомъ, двѣ ея стороны: чистая, платоническая и та, которую Декартъ объясняетъ вліяніемъ «животныхъ газовъ». Обѣ онѣ борются, и вторая побѣждаетъ первую. Продолжительна-ли эта побѣда? Вызывается-ли она условіями темпераментовъ и представляетъ нѣчто неотразимое, противъ котораго человѣкъ не въ силахъ бороться, или же есть продуктъ первоначальныхъ склонностей, развитыхъ воспитаніемъ? Г. Тургеневъ даетъ понять, что въ данномъ случаѣ могущественнымъ двигателемъ было обаяніе красоты обоихъ субъектовъ.... Но вѣдь то же самое было съ Санинымъ и по отношенію къ Джеммѣ, которая была красивѣйшею изъ итальянокъ, имъ когда-либо видѣнныхъ! Вопросъ, слѣдовательно, этимъ еще не разрѣшается. Выступаетъ предположеніе другаго рода, что Санина завлекла ненасытимая страстность женщины, съ которою онъ встрѣчается въ первый разъ, несовсѣмъ обыкновенная ея натура и совершенно необыкновенная обстановка ея жизни... Чтобы сильнѣе подѣйствовать на читателя, авторъ проводитъ рѣзкую черту между двумя этими видами любви. Въ действительности же бываетъ обыкновенно такъ, что оба эти вида смѣшиваются, составляя такимъ образомъ только разныя стороны одного и того же чувства. Если мы видимъ и до сихъ поръ, что низшая изъ нихъ беретъ верхъ надъ высшею, то этимъ мы обязаны обстановкѣ, въ которой выростаютъ наши поколѣнія, положительному недостатку хорошихъ склонностей и—какъ слѣдствіе этого—тѣмъ ничтожнымъ и жалкимъ требованіямъ, какъ у насъ обыкновенно предъявляются къ человѣку вообще, а къ женщинамъ въ особенности. На этомъ пути мы не только не ушли впередъ отъ людей сороковыхъ годовъ, къ числу которыхъ относится и Санинъ, но даже какъ будто еще подвинулись назадъ.

За доказательствохъ ходить недалеко: вотъ хоть-бы такъ называемая оффенбаховщина.

Единственное ея достоинство заключается въ томъ, что она есть знаменіе времени, что она показываетъ намъ вкусы и стремленія довольно значительной части нашей публики и даетъ возможность видѣть эту публику въ настоящемъ ея свѣтѣ. О музыкѣ и пьесахъ Оффенбаха и ему подобныхъ—принято говорить, что онѣ даютъ намъ пародію на дѣйствительность, представляя ѣдкую сатиру на все то, что не соотвѣтствуетъ уже требованіямъ времени и осмѣивается массою. Говорятъ также, что здѣсь-то именно и заключается разбирающая сторона подобнаго рода представленій. Если все это сколько нибудь и справедливо, то ужь, конечно, не по отношенію къ намъ. У насъ сатира подобнаго рода приводитъ къ совершенно-противоположнымъ результатамъ. Вслушайтесь въ отзывы нашихъ каскадныхъ любителей, всмотритесь въ лица зрителей во время представленія оперетокъ Оффенбаха, обратите вниманіе на то, чему эта масса сочувствуетъ и хлопаетъ, а къ чему относится совершенно равнодушно,—а вы увидите, какое значеніе имѣетъ у насъ сатира подобнаго рода. Вѣдь чтобы понимать какую угодно сатиру, надо быть къ этому приготовленнымъ, надо имѣть извѣстную степень политической и гражданской зрѣлости. Ну и выходитъ, что, не имѣя возможности понять всю мѣткость, всю соль нѣкоторыхъ, дѣйствительно талантливыхъ, куплетовъ и сценъ, мы поневолѣ обращаемъ вниманіе на карикатурную внѣшность, въ простотѣ души своей полагая, что въ этомъ то и заключается политическая сатира; или же захлебываемся отъ такихъ мѣстъ, которыя понятны уже безъ всякихъ комментарій. Или же сами исполнители чувствуютъ неловкость своего положенія и, очень хорошо зная вкусы публики, съ особеннымъ усердіемъ подчеркиваютъ то, что ей нравится т. е. что щекочетъ ея вожделѣнія. Впрочемъ, и они суть также дѣти своего вѣка, а потому ничто человѣческое имъ не чуждо.

Чтобы провѣрить свои впечатлѣнія и потомъ отдать о нихъ отчетъ читателямъ, я отправился посмотрѣть пресловутую г-жу Шнейдеръ въ наиболѣе удачной ея роли—въ опереткѣ «Le sabre de mon pére», дающейся въ театрѣ г. Егарева въ значительно-сокращенномъ видѣ. Остроумная пьеска эта, вмѣстѣ съ игривой Оффенбаховской музыкой, можетъ нравиться многимъ. Извѣстные куплеты: «Ah, que j'aime les militaires!» и «Voici le sabre de mon père» — спѣты были г-жею Шнейдеръ съ такимъ шикомъ, съ какимъ не исполнялись они никѣмъ,—таковъ общій голосъ. Въ аріи «Dites lui que je perd la tête» цинизмъ доведенъ былъ артисткою до граціи,—и тутъ ея не малая заслуга. Въ этомъ мѣстѣ у нея высказался такой талантъ, которому позавидовала бы даже г-жа Филиппо, и я рѣшительно не знаю, кто изъ нихъ кому подражаетъ: г-жа Шнейдеръ г-жѣ Филиппо или, г-жа Филиппо г-жѣ Шнейдеръ. По всей вѣроятности обѣ онѣ другъ другу подражаютъ. Это послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ мнѣ, однако, признать за г-жей Шнейдеръ большую привычку къ сценѣ и весьма симпатичный голосъ, силѣ котораго не малымъ препятствіемъ служатъ полнота артистки и выбранный ею жанръ. Не могу умолчать также о томъ, что я ожидалъ отъ исполненія большей шаржировки, большей рѣзкости и свободы, а потому былъ пріятно изумленъ сдержанностью царицы каскаднаго репертуара. Впрочемъ, герцогиня Герольштейнская, какъ лицо, выдающееся изъ простыхъ смертныхъ, можетъ обнажаться не до пояса, а до той черты, которая, по выраженію Гоголя, заставляетъ предполагать, что за ней-то и есть настоящая погибель; давать волю не непосредственно рукамъ своимъ, а хлыстику, изрядно поколачивающему кругленькое брюшко почтеннаго генерала Бумъ-бумъ. Несмотря на такую мѣру строгости генералъ до самаго конца пьесы не исправился и продолжалъ ломаться въ своей роли безбожнымъ образомъ. Изъ этого заключаю, что даже французскіе актеры, чтобы быть забавными, стараются быть каррикатурой. Но имъ не мѣшаетъ знать, что каррикатура на дѣйствительность можетъ быть еще весьма далека отъ самой дѣйствительности....

П. С.

Политическое обозрѣніе.

Въ то время какъ на материкѣ Европы чувствуется напряженное состояніе, когда повсюду только и рѣчи, что объ упроченіи мира, хотя въ то же время всѣ государства считаютъ болѣе безопаснымъ не вѣрить этимъ заявленіямъ и укрѣпляются себѣ, да вооружаются,—въ Англіи, этой удивительной во многихъ отношеніяхъ странѣ, отъ словъ переходятъ къ дѣлу, разсчитывая найти болѣе прочное обезпеченіе для мира. Англичане давно уже разлюбили войну. Много разъ имъ представлялась возможность пожать военные лавры въ разныхъ частяхъ свѣта; но, какъ народъ практическій, не мало на своемъ вѣку испытавшій и пережившій, они чуждались военнаго вмѣшательства даже въ дѣла державъ, интересы которыхъ сталкивались съ ихъ собственными. Для примѣра укажемъ на междоусобную войну въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв.-Америки и на послѣднія завоеванія въ Средней Азіи. Что Англія и не думаетъ вооружаться, подобно остальнымъ державамъ Европы, видно хотя бы изъ того, что введеніе въ этой странѣ всеобщей военной повинности, проектированное министерствомъ, встрѣтило въ палатахъ не сочувствіе, а противодѣйствіе. Мысль объ устраненіи столкновеній между державами посредствомъ международной конференціи—принадлежитъ Англичанамъ, образовавшимъ даже у себя «Общество мира». Не боится Англія и за спокойствіе внутри государства, съ какой бы стороны нарушители его не являлись. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, существуютъ и уживаются вмѣстѣ двѣ политическія

партіи—консерваторовъ (сторонниковъ настоящаго порядка) и прогрессистовъ (сторонниковъ республики и разныхъ преобразованій въ ея духѣ) Пользуясь свободой сходокъ и свободой рѣчи, обѣ партіи безвозбранно собираются на совѣщанія и обсуждаютъ вопросы, поднимаемые на этихъ собраніяхъ. Администрація не стѣсняетъ обсужденія ихъ, оставаясь простой охранительницей порядка. Республиканцы, подъ предводительствомъ баронета Дильке, недавно вошли въ столкновеніе съ своими политическими противниками и силою разогнали митингъ (собраніе) роялистовъ, т. е. сторонниковъ нынѣшняго порядка; при этомъ, какъ сообщаетъ телеграмма, пѣлась марсельеза. Нельзя не замѣтить здѣсь, что сочувствіе соціальной революціи замѣтно въ особенности между англійскими рабочими. Недаромъ-же такъ-называемое «Международное Общество» рабочихъ получило свое начало и пустило глубокіе корни въ Англіи, а оттуда уже распространилось по материку. Странѣ не опасны и консерваторы, не смотря на то, что, кромѣ политической, они обладаютъ еще и денежной силой. Программа консерваторовъ, высказанная въ рѣчи лорда Дерби, которую онъ произнесъ недавно на митингѣ въ Ливерпулѣ, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы, не гоняясь за властью, держаться дружно за свои преданія и такимъ образомъ имѣть вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ. Впрочемъ, противодѣйствіе лордовъ либеральнымъ начинаніямъ министерства, какъ извѣстно, не всегда увѣнчивается успѣхомъ. Примѣромъ тому служитъ прошлогодняя исторія съ отмѣной закона о продажѣ чиновъ въ арміи, когда министерство, въ виду упорнаго сопротивленія Верхней Палаты, принуждено было прибѣгнуть къ декрету королевы, что, какъ читатели вѣроятно не забыли, произвело непріятное впечатлѣніе на всю націю, не исключая и лордовъ. Говоря вообще, англійскіе консерваторы во многомъ либеральнѣе хоть бы напр. нѣмецкихъ прогрессистовъ, отуманенныхъ военными побѣдами послѣднихъ пяти лѣтъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 21 Января 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. в Влад., д. № 45—1

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 31 января 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(**Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.**).

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

V.

Въ Москвѣ.

За вѣкъ назадъ Сущевская часть съ хранилищами запасовъ была пустыннѣе прочихъ мѣстностей Москвы; неказистые дома и обширные крѣпкіе амбары тянулись по сторонамъ длинныхъ недоступныхъ дворовъ ихъ; лай цѣпныхъ собакъ и постукиванье въ доску сторожей производили впечатлѣніе какого-то безлюдья, особенно ночью. Тѣмъ не менѣе тамошніе, домовладѣльцы были чуть ли не самыми состоятельными обывателями столицы. Зато съ виду они казались нелюдимами; даже и со своей братіей — торговцами—не любили они тратить даромъ слова; что же касается людей не ихъ десятка, то съ этими и подавно не вступали они ни въ какія сношенія. Если попадался человѣкъ сильный, они отходили молча, выказывая знаки наружнаго почтенія. Встрѣчаясь же или сталкиваясь съ особями, которыхъ нечего было бояться, надменные скопидомы относились къ нимъ съ презрѣніемъ, нисколько не скрывая его. Одѣвались они чисто, но замѣтное однообразіе костюма сразу давало понять, что дѣло не спроста. Эти счетомъ положенныя сборы на спинѣ, смазные сапоги съ заворачивающимся острымъ носкомъ, оторочка косыхъ воротовъ одного цвѣта и формы, или порой высовывающаяся изъ-за рукава лѣстовка, да подъ шапкой носимая тафейка на подбритомъ гуменцѣ— тотчасъ обличали раскольника всякому видѣвшему этихъ степенныхъ людей, хотя бы и въ первый разъ отъ роду. Однимъ изъ главныхъ покровителей сущевскаго старообрядчества считался—Сидоръ Дементьичъ Молчановъ-Хмуровъ. Къ нему-то на широкій дворъ какъ въ надежное убѣжище пріѣхала изъ Ярославля мать Марѳа съ своими пташками; въ его помѣстительныхъ хоромахъ могла бы совсѣмъ непримѣтно укрыться цѣлая киновія такихъ пустынножительницъ, не возбуждая ни чьего подозрѣнія. Пробираться къ его двору приходилось какъ-то съ чужаго переулка между огородами; съ трехъ сторонъ—пустыри, а съ четвертой—густой запущенный садъ, да все заборы и заборы. Издали обиталище Молчанова походило на богатую усадьбу; такъ было много всего настроено: и клѣтей и амбаровъ. По мѣрѣ приближенія, все это скрывалось изъ виду, а передъ самыми воротами путникъ видѣлъ одну только высокую стѣну съ желѣзными шпильками, вбитыми остріемъ вверхъ и не въ одинъ рядъ, а въ нѣсколько.

Гвозди эти торчали безъ всякой правильности, по видимому какъ попало, а на самомъ дѣлѣ былъ расчетъ громадный: перелѣзавшій и днемъ засѣлъ бы на этихъ остріяхъ, нетолько ночью. За этой первой твердыней, нѣсколько отступя и параллельно, тянулись ряды амбаровъ, изъ-за которыхъ опять не было ничего видно. А пройдя за нихъ, путникъ попадалъ въ цѣлый лабиринтъ избенокъ, связей, хоромъ и всякаго рода и вида построекъ какъ-будто скученныхъ и лѣпившихся одни къ другимъ;—но что̀ это такое—за множествомъ всего построеннаго трудно было понять. Какой нибудь правильности, планировки, симметріи, однимъ словомъ: разумнаго отношенія частей къ цѣлому не было и въ поминѣ. Но если бы это показать художнику—онъ бы пришелъ въ восторгъ; до того эта кутерьма и безобразіе были картинны. Отъ амбара напр. начинались двухъ-этажныя хоромы; сбоку къ нимъ лѣпилась какая-то разваленная лѣстница во второе жилье; къ лѣстницѣ этой, какъ бы удерживая покосившійся всходъ на нее отъ паденія, приросла напогребица, съ двухъ сторонъ обсыпанная землею — и насыпь заросла не только травой, а даже и порядочными кустиками, очень живописно пестрившими вершину. Прямо передъ дверью въ этотъ уютный надежно-устроенный погребъ торчалъ высокій очѣпъ колодца; за нимъ стояла баня, прислоненная къ стѣнѣ хозяйскаго жилья, изъ котораго надъ крышей этой мовницы прорублены были окошки. А дальше хозяйское жилье снабжено было третьимъ этажемъ въ видѣ поперечныхъ теремковъ или нѣсколькихъ нынѣ такъ-называемыхъ мезониновъ, съ окошками на обѣ противоположныя стороны. Подъ крайнимъ изъ этихъ теремковъ было парадное крыльцо, а за нимъ опять тянулись нѣсколько избъ одноэтажныхъ и двухэтажныхъ, упиравшихся въ каменный амбаръ. Передъ окнами устлана была тесомъ дорога или лучше сказать эстрада, такъ какъ она была нѣсколько выше уровня почвы, сажени четыре шириной и снабжена надолбами, прикрытыми широкой доской, въ родѣ грубой рѣшетки какой или балюстрада.

На всемъ пространствѣ между амбарами и постройкой росъ одинъ старый развѣсистый кленъ; густыя вѣтви его покрывали широкой лапчатой тѣнью передъ закатомъ солнца нетолько названное эстрадой, но и большую часть фасада хозяйскаго жилья, выходившаго на этотъ дворъ. Въ такую пору дня на открытую повѣть выходилъ обыкновенно хозяинъ съ гостями, а проживало у него всегда до десятка гостей обоего пола такого же состоянія, какъ мать Марѳа. Вечерни давно уже отзвонили въ ближнемъ приходѣ. Молодцы вынесли столъ, покрытый узорной скатертью, приладили лавку къ нему, уставили на столъ разнаго рода лакомства въ расcольникахъ и на тарелочкахъ. Чай какъ зелье, змѣинымъ жиромъ кропленое, отъ нечистыхъ китайцевъ занесенное, не допускался; а до сластей, разрѣшаемыхъ древнимъ благочестіемъ, Молчановъ былъ большой охотникъ. Съ нимъ вышла и мать Марѳа, а за нею пичужки олонежской пустыньки, вышедшія подышать свѣжимъ воздухомъ.

Это былъ одинъ изъ первыхъ теплыхъ дней наступившей осени, которая своей суровостью не давала возможности развернуться празднествамъ коронаціи. Благодаря этому теплому дню, въ тотъ вечеръ назначался въ Головинскомъ домѣ маскарадъ не для одного дворянства.

Указавъ, чтобъ поднесли почетной гостьѣ по ряду лакомства, хозяинъ началъ ее выспрашивать о положеніи дѣлъ, какъ видно сильно чѣмъ-то заинтересованный или изъ словъ ея желавшій повѣрить кое-что ему извѣстное.

— Хозяйство-то ты ведешь, мать преподобная? А старшинъ у васъ нѣтъ? какъ бы случайно задалъ онъ ей вопросъ.

Марѳа не вдругъ поняла, на что онъ намѣренъ пріударить и съ видомъ наивности отозвалась: «Какіе старшины въ женской обители! Не зазорно ли мужику мѣшаться въ наше дѣло? Сподоблялъ Господь—справлялась нашими бѣдными доходишками. Пятый годъ пошелъ — скудости не видали сестры—и обстроиваемся хорошохонько по маленьку.

— Оно такъ, а старшина все нужна! всякъ человѣкъ есть! продолжалъ Молчановъ, упорно отстаивая высказанное.

— Да какая-жь еще старшина, отецъ мой, кромѣ меня? уже обидчиво перебила Марѳа,—на то я и заправляю общиной. Чтобъ ничего не передать—сама смотрю, никому не дамся въ обманъ.

— Да ино и за тобой надо присмотрѣть: человѣкъ ты молодой, все бы больше побаивалась.

— Чего же, отецъ, мнѣ бояться! сдвигая брови опять перебила настоятельница: — развѣ лиходѣйка я моей обители? — стараюсь какъ лучше бы было: себѣ наровлю, чтобы въ грязь не ударить.

— Да то-то что себѣ-то бы не слѣдовало! Всякъ человѣкъ—ложь. Ты жена благочестіемъ преотмѣнная, а все значитъ жена — сосудъ скудельный. Чѣмъ бы Богу угождать, а ты вонъ о чемъ: на прельщеніе оксамитомъ грѣшную плоть прикрываешь. А тако смиренію не довлѣетъ. До насъ дошло, что и грамотки посылаешь да и мошной трясешь, говорятъ, кому-то тамъ— за рубежъ. Еще бы на Вѣтку—Господь благословилъ, а то во французскую землю. Кто тамъ у тебя—вѣтрогонъ какой-то? Да Пелагея, вонъ, молвитъ, что и по часту.

— Ну, любовь твоя, какъ изволишь, а въ наши дѣла мѣшаться также бы не довлѣло — тѣмъ паче мірянину тебѣ, зналъ бы свои счеты купецкіе. Мало ли что Пелагея выбрехаетъ тебѣ, благо сплетень охочь слушать. И стыденія нѣтъ—духовныя дѣла зазрить! Воспомни Апостола: не будите судіями брата, говоритъ; а ты еще и вину-то не узналъ, а судить ужь принялся. И за что такая напасть — что твоимъ гостепріимствомъ пользуемся, такъ ты думаешь, что все воленъ!.. коли такъ-то думаешь, да съ такимъ норовомъ насъ къ себѣ заманилъ, такъ можно тебя успокоить. Городъ не клиномъ сошелся. Держатся нашего благочестія не малые люди. А ты сиди да учитывай про себя своихъ прикащиковъ—какъ ни учитывай, все прахомъ пойдетъ безъ благословенія Божія.

— Ну вотъ ужь и поѣхала. Я такъ сказалъ отъ простоты.

— И я не укоръ молвила, а такъ только замѣчаю, что совсѣмъ осуетился — такъ-те и чудится, что все уворовали—а по что? Братская любовь изсякла. Лицемѣре! исправи пути твои. Врачу, очистися самъ!

— Ну, мать Марѳа, ужь перестань — будетъ. Прошибся, а ты никакъ меня подъ анаѳему тянешь.

— Анаѳемѣ и подлежитъ мірянинъ, что суется въ духовное. Ты какъ же думалъ — самъ себѣ осужденіе произнесъ! Вотъ какъ, любовь твоя, тяжко ближняго осуждать! — и кто тя поставилъ судію?..

— Да не сужу я, а такъ только къ слову!.. хотѣлъ на твою пустынь пожертвовать, да сомнѣніе беретъ...

— Съ сомнѣніемъ не давай—и во вредъ душѣ твоей, и обители не въ пользу, — а кто хочетъ, давай рукой чистой, десницей правой, чтобы шуйца не вѣдала, да не считай, а то лютую гибель Ананія и Сапфиры вспомни...

— Ну, ужь и не радъ что молвишь... Ей-ей отъ чистаго сердца хотѣлъ, чтобы береглась значитъ. Развѣ я ворогъ тебѣ? Ино кабы что́ и было — самъ бы постарался укрыть, а не то что выводить...

— И впрямь ты раскаяваешься, и льсти твоей неосталось и крошки? А какъ испытаю, да окажется, что вся твоя злоба въ тебѣ и сидитъ,—тогда какъ съ тобой поступать?

— Никакой злобы во мнѣ нѣтъ... Ну, каюсь, прости что осудилъ.

— Да этого мало—твоего покаянія; долженъ принести плодъ достойный—тогда только будетъ отпущеніе. А то палъ, совсѣмъ палъ...

— Искренно говорю.

— Увидимъ. Да вѣдь соблазнишься, чуть помстится тебѣ не съ той стороны—опять заберется въ тебя всякая чернота въ помыслы. Вочію зрѣться будетъ, что братъ или сестра согрѣшаетъ. А ты коли хочешь совершенъ быти, понимай, что это прелесть.

Хмуровъ былъ сбитъ съ толку и не зналъ какъ начать вновь. Пользуясь тѣмъ, что онъ былъ озадаченъ, Марѳа наступила еще энергичнѣй.

— Не обольщаешься?

— Нѣтъ, знаю себя.

— И на искусъ пойдешь?

— Готовъ.

Лицо Марѳы приняло мгновенно какое-то довольно загадочное выраженіе—и она, оправляя свой черный платокъ одной рукой, другую положила на плечо совсѣмъ опѣшеннаго хозяина и что-то сказала ему на ухо.

Они проговорили неслышно нѣсколько словъ, изъ которыхъ послѣднія были: «съ Григоріемъ Николаевичемъ я сама должна переговорить...»

— Да, и я думаю, что такъ будетъ лучше, подтвердилъ Молчановъ.

— Такъ я буду готова къ девяти часамъ...

И мать Марѳа отправилась къ себѣ.

Маскерады, вошедшіе въ моду при Елизаветѣ, начинались, какъ извѣстно, гораздо раньше нынѣшняго. Такъ-какъ рѣдкіе изъ обывателей не ложились спать вмѣстѣ съ закатомъ солнца, то для тѣхъ сословій, которыя впервые приглашались ко двору, провести большую часть ночи безъ сна приходилось не подъ силу.

Въ десять часовъ вечера, во всѣхъ окнахъ яркоосвѣщеннаго Головинскаго дома уже мелькали тѣни маскированныхъ въ богатыхъ костюмахъ всевозможныхъ націй. Большинство конечно составляла молодежь, но кое-гдѣ проглядывали (судя по полнотѣ тѣла и медленности движеній) особы и почтенныхъ лѣтъ, только ихъ конечно сравнительно было немного. Женщинъ было меньше мужчинъ. Боярыни, неохотою введенныя Петромъ въ общество, на маскерады смотрѣли не безъ примѣси страха. Въ пестрой толпѣ гуляющихъ весьма многіе вовсе не щеголяли ловкостью маперъ, сплошь и рядомъ выдавая свою непривычность къ костюмировкѣ и большому свѣту. Между этими новыми посѣтителями, попадались и такіе, что могли бы сдѣлать честь и не московскому маскераду. Капуциновъ, столь любимыхъ въ прежнія времена, почти не было совсѣмъ видно; вмѣсто ихъ встрѣчались чуть не на каждомъ шагу простые кафтаны нѣмецкихъ городскихъ сановниковъ, щеголявшихъ алмазными пуговицами и пряжками на башмакахъ, да богатою вышивкою камзоловъ. Къ числу украшеній этого вечера принадлежала между прочимъ одна пара, составлявшая рѣзкую противоположность иноземнымъ нарядамъ. Это былъ старый бояринъ, въ вишневомъ парчевомъ кафтанѣ и высокой горлаткѣ, объ руку съ статной красавицей, одѣтой молдаванкою, тоже въ бархатѣ и соболяхъ; ея голубая фата съ серебряными звѣздочками, приколотая къ распущеннымъ волосамъ драгоцѣннымъ эсклаважемъ въ видѣ полумѣсяца — привлекала на себя общее вниманіе. Публикѣ, слѣдившей за красавицею, конечно не было извѣстно, что это Молчановъ съ матерью Марѳой. Зналъ это одинъ только пожилой худощавый, довольно невзрачный, хотя и съ умнымъ лицомъ, господинъ, въ парикѣ и бархатномъ кафтанѣ гамбургскаго бургомистра, долго ихъ поджидавшій, прислонясь у колонны при входѣ въ большую залу. Маска его надежно скрывала черты всѣмъ извѣстнаго Григорія Николаевича Теплова, на благосклонность котораго московскіе старообрядцы полагали твердую надежду,—да и онъ былъ казалось не прочь войдти въ ихъ виды, когда назначилъ переговоры во время маскерада.

Неловко выступавшій и видимо робѣвшій бояринъ въ парчѣ замѣтилъ милостивца издали и тотчасъ шепнулъ своей спутницѣ, которая, оставивъ его руку, сама подошла къ мнимому бургомистру со словами: «торговля у васъ, нѣмчиновъ, идетъ хорошо.»

Это былъ условленный пароль, удостовѣрявшій личность особы, съ которой слѣдовало Григорію Николаевичу войдти въ объясненіе.

Смѣрявъ ее съ ногъ до головы взглядомъ, вмѣстѣ покровительственнымъ и высокомѣрнымъ, Тепловъ отвѣтилъ, протягивая руку: «Въ Молдавію къ вамъ дошедшіе слухи справедливы.»

Затѣмъ, предложивъ руку, онъ повелъ молдаванку въ укромный уголокъ и посадилъ тамъ въ тѣнь густоразставленныхъ растеній.

— А ваша коммерція какова? какъ идутъ ваши дѣлишки... въ Олонцѣ, кажется, коли не ошибаюсь? обратился Тепловъ въ свою очередь къ дамѣ, когда уединенность не требовала шепота.

— Если вы поможете, то худы быть не могутъ, улыбнулась Марѳа искательно и мягко.

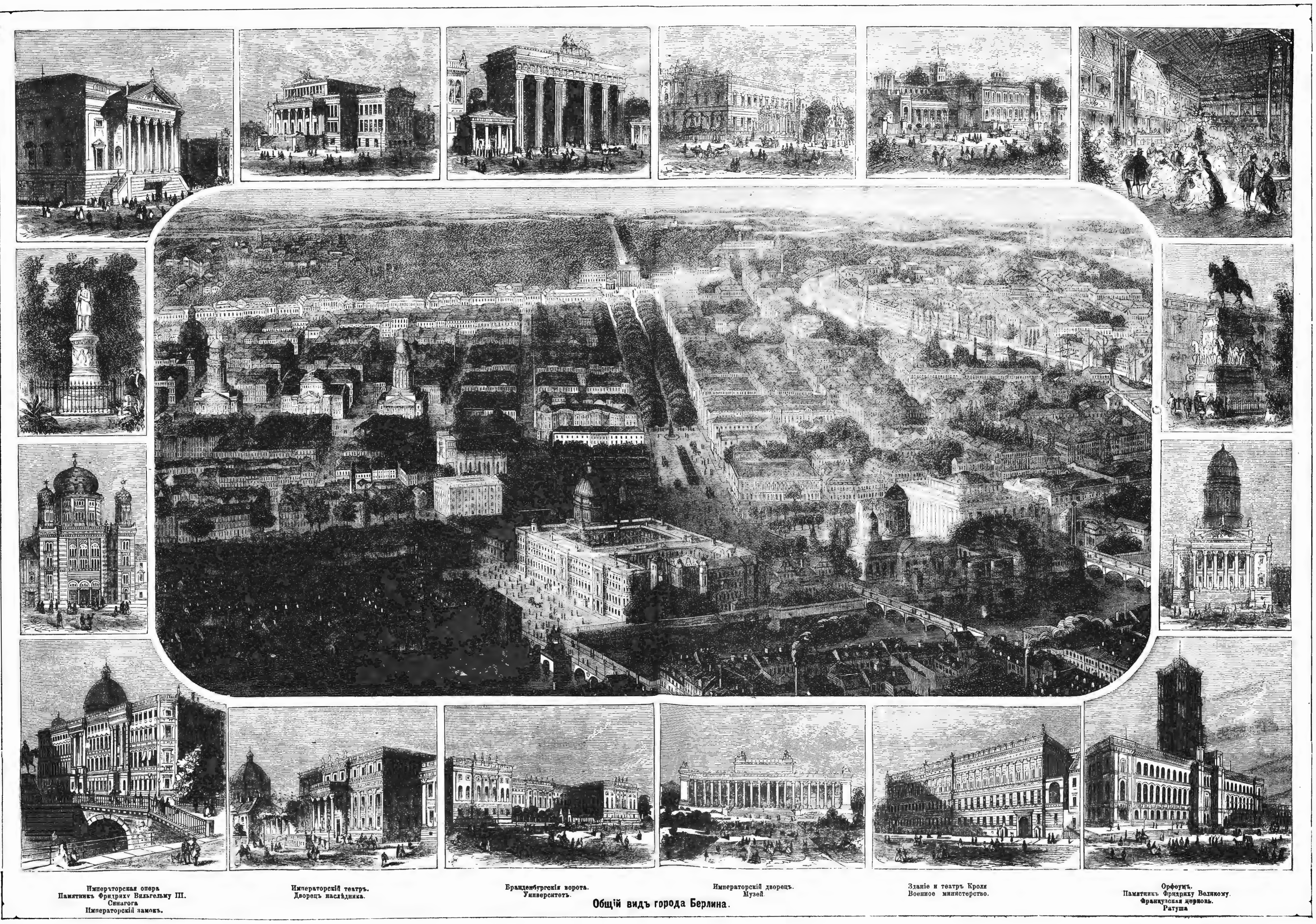
— Да не во мнѣ вся сила, склоняя голову сказалъ Тепловъ, — я могу быть полезенъ развѣ совѣтомъ. Не убѣдившись, насколько намъ довѣряютъ, играть прямо было бы неразумно... Говоря такъ, онъ хитрилъ; въ душѣ онъ думалъ, что мимо его рукъ ни что не пройдетъ и что ему въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ играть первую роль.

— Но вѣдь вамъ-то извѣстно—отъ кого что̀ и какъ, продолжала Марѳа, заигрывая съ его честолюбіемъ.

— Покуда ничего особеннаго; ломки стараго еще нѣтъ, а что будетъ дальше—посмотримъ. Нужно дѣйствовать на тѣхъ кто поближе, да имъ внушать что слѣдуетъ — конечно не даромъ...

— А по скольку кому?

— Опять таки соразмѣрно изліяннымъ щедротамъ— та же пропорція. Примѣрно, кто тридцать получилъ— тому слѣдуетъ прислать вдвое противъ пятнадцати. Ну, такъ и прочимъ... Елагина, знаете? Онъ будетъ далеко



Императорская опера
Памятникъ Фридриху Вильгельму III.
Синагога
Императорскій замокъ.

Императорскій театръ.
Дворецъ наслѣдника.

Бранденбургскія ворота.
Университетъ.

Императорскій дворецъ.
Музей.

Зданіе и театръ Кроля
Военное министерство.

Орфеумъ.
Памятникъ Фридриху Великому.
Французская церковь.
Ратуша

Общій видъ города Берлина.

шагать. Орламъ свой почетъ — а вѣдать надлежитъ, что ихъ цѣлая тройка, коли не четверка...

— А къ нимъ-то, говорятъ, и приступу нѣтъ, сказала молдаванка, медленно разводя руками подъ фатой.

— То есть, какъ это нѣтъ? усмѣхнулся Тепловъ:— конечно, съ какой стати сыпать въ карманъ тѣмъ, у кого свое золото завелось! Да вѣдь можно и не деньгами. Одному кони любы хорошіе, другой франтить охочъ, а инаго придется прельстить чѣмъ-нибудь и живенькимъ...

И подмигнувъ собесѣдницѣ, онъ засмѣялся непріятнымъ смѣхомъ, въ которомъ звучала крайняя безцеремонность.

— Ну, объ этой статьѣ послѣ, довольно сухо отозвалась молдаванка, — да и совсѣмъ не слѣдъ упоминать...

— Тамъ какъ знаете, а нельзя и этого выбросить изъ виду, настойчиво подтвердилъ Тепловъ:—а то есть еще любители промахнуть всѣми четырьмя мастями — тѣхъ извѣстно чѣмъ ублаготворить; особенно имѣйте въ виду вашего-то прокурора — онъ и не богомоленъ, и карты крѣпко любитъ. Тепловъ помолчалъ, какъ бы соображая и доставъ табакерку, съ разстановкой понюхалъ щепоть...

— Есть еще птичка, пока не велика, а будетъ ширять высоко въ небѣ, продолжалъ онъ, — можетъ и орловъ перелетитъ; хоть и отъ потемокъ прозывается, а чего добраго будетъ свѣтиломъ лучезарнымъ—и ловокъ, и молодъ, и голова отмѣнная... Вахмистръ былъ—и чинъ схватилъ, и благостыня своимъ чередомъ...

— Ну, а Глѣбовъ какъ... останется? спросила Марѳа, устремивъ на Теплова особенно внимательный взглядъ.

— Виляетъ, но кажись не свихнется. И паны наши лѣзутъ теперь въ честь—особенно Никита... Что дальше будетъ...

— Ну и то хорошо, хоть есть надежда на покой, задумчиво произнесла Марѳа, опуская густыя рѣсницы и потупившись.

— Да сильнаго-то безпокойства напрасно ждать будете, коли сами не затѣете какой дури, внушительно произнесъ Тепловъ, потягиваясь возлѣ нея на софѣ и запустивъ руки въ широкіе карманы своего кафтана.

— Ужь куда намъ! съ улыбкой заговорила Марѳа, взмахивая на него своимъ свѣтлымъ взоромъ изъ-подъ соболиныхъ бровей,—мы только присматриваемся какъ что, да боимся — ширококафтанники чтобы верхъ не взяли...

— Ну это, матушка, если они что и задумываютъ— могутъ отложить попеченіе...

— Да... а экономію-то небойсь уничтожили? съ невольною рѣзкостью перебила Марѳа — и глаза ея заблистали ненавистью при воспоминаніи объ этой льготѣ противникамъ раскола.

— Уничтожили да не совсѣмъ, посмѣиваясь произнесъ Тепловъ,—погодите вотъ, пройдетъ коронація, все поуляжется. Коллегія-то можетъ и выплыветъ, да захватитъ пошире.

— Ихъ-то захватитъ — а какъ они въ свою очередь до насъ доберутся? недовѣрчиво отозвалась Марѳа.

— Не до того будетъ, каждому до себя. Только и вы не плошайте. Надо будетъ вамъ пріискать себѣ человѣчка, чтобы въ свѣтѣ рыскалъ, подозрѣнія-бъ не подавалъ, а все замѣчалъ бы... Чай у васъ есть такой на примѣтѣ?

Внезапная мысль блеснула въ умныхъ глазахъ матери Марѳы.

— Есть-то есть, пожалуй, заговорила она,—только нужно будетъ пристроить его... ужь вы похлопочите...

— Былъ бы человѣкъ знающій... разумѣлъ бы иностранные языки, они теперь въ модѣ будутъ... да писать былъ бы гораздъ...

Марѳа утвердительно кивала головой, при каждомъ исчисляемомъ качествѣ.

Толпа масокъ, въ блистательныхъ, разшитыхъ золотомъ костюмахъ, при звукахъ польскаго, высыпавъ въ залу, прервала бесѣду. Тепловъ поспѣшилъ выйдти позадь растеній, а на оставленное имъ мѣсто къ молдаванкѣ подсѣли двое молодыхъ людей, повидимому гвардейцы, въ алонжевыхъ парикахъ, безъ масокъ, въ новыхъ, яркаго цвѣта, шелковыхъ кафтанахъ; золотое шитье такъ и горѣло по бортамъ ихъ и во весь камзолъ.

— Кого-нибудь дожидаешься, али потеряла, боярышня? спросилъ одинъ изъ нихъ, небрежно развалясь возлѣ Марѳы на софѣ.

— Я не здѣшняя — ждать некого, а пріѣхала поглядѣть на свѣтъ, на людей... возразила Марѳа, окинувъ ихъ быстрымъ взглядомъ.

— Коли такъ, въ компаніи веселѣе, мы охотно покажемъ тебѣ этотъ свѣтъ...

— А сами-то дрóгу знаете? Нисколько не теряясь и съ ловкостью первостепенной модницы спросила Марѳа, жеманясь и усиливаясь придать выговору не русскій характеръ.

— Какъ же не знать, когда сами кружимся по бѣлу свѣту? подхватилъ другой, черноглазый румяный красавецъ, — теперь и въ Москвѣ всего насмотришься— дальше Кіева не бывалъ, а Молдавія — вотъ она!

— Изъ бывавшихъ въ Кіевѣ я многихъ знаю, а мосць вашу что-то не помню, отвѣчала Марѳа, взглядываясь ласкающими глазами въ красиваго юношу, — какъ звать пана — княземъ чтоль?

— Княземъ, княземъ! вступился товарищъ, — да еще изъ князей то какихъ первостатейныхъ!

— А дай руку, поворожу, погадаю, въ правду ли ты князь?

Черноглазый медленно протянулъ ей маленькую аристократическую руку въ кружевной маншетѣ. Молдаванка разгладила ему ладонь своей бѣлой, изящной ручкой и на минуту погрузилась не то въ размышленіе, не то въ соображеніе, разсѣянно перебирая его тонкіе пальцы.

— А! да ты князь Голицынъ! вдругъ проговорила Марѳа, рѣшительно поднимая глаза въ упоръ на своего собесѣдника.

— А ты княжна, аль графиня скорѣй? конечно ужь не молдаванка?

— Угадай!

— Мы отгадывать не мастера, прервалъ товарищъ князя Петра, Пассекъ, — только вотъ пригоженькихъ и подъ маской чутьемъ распознаемъ...

— Ну, такъ вы не далеко и въ этомъ ушли, смѣялась Марѳа, — коли я, по вашему, только графиня и пригоженькая...

Послѣднія два слова она произнесла съ особенно-ѣдкой насмѣшкой.

— Куда графиня — и княжны мало! подхватилъ Пассекъ, — я тебя въ царевны пожалую...

— Мудрено будетъ! отрѣзала Мароа, — по мнѣ ты самъ не выше капитана.

— Чортъ меня возьми! хлопнувъ себя по колѣну, воскликнулъ Пассекъ, — вотъ такъ колдунья!

Голицынъ уже не сводилъ глазъ съ красавицы.

— Ты, пожалуй, знаешь и о бо мнѣ всю подноготную? заговорилъ онъ, взявъ ее за руку, — знаешь, что́ я теперь намѣренъ дѣлать и что́ меня ожидаетъ?.. Ну, говори, что́ со мной будетъ сегодня?..

— Коли крѣпко чего желаешь — будетъ, увернулась Мароа, — а не крѣпко — на себя пѣняй!

— Крѣпко, крѣпко, да еще какъ крѣпко-то! съ хохотомъ повторяли молодые повѣсы.

— А, такъ вы вотъ какъ! зубы скалить!.. мнѣ это надоѣстъ скоро.

— Je t'adore!.. шепнулъ Голицынъ, наклоняясь къ Мароѣ и цѣлуя ея руку.

— Монъ амъ, ма деэсъ?! насмѣшливо подхватила Мароа.

— Что за умница! привскочилъ удивленный Голицынъ, — ну, веселиться такъ веселиться — перестанемъ бить шабалу...

Прежде чѣмъ Пассекъ успѣлъ сказать хоть слово, молодой сорванецъ, подставивъ руку, увлекъ маску изъ трельяжа и примкнулъ къ хвосту польскаго. Но не долго торжествовалъ и Голицынъ. Увертливая какъ угорь, выспросивъ что́ слѣдовало и распаливъ голову волокиты, Мароа исчезла изъ танца, скользнувъ между паръ въ противоположную сторону, когда красавецъ-князь заглядѣлся на приближавшуюся въ группѣ замаскированныхъ императрицу.

Молчановъ начиналъ уже сильно скучать, когда надъ ухомъ его прозвучалъ знакомый шопотъ: «уловъ хорошъ!»

— Ой-ли! сказалъ онъ, внезапно оживляясь, — а хорошъ, такъ можно и по домамъ.

— Еще не всѣ, только трое, двухъ не досчитываюсь, многозначительно замѣтила мать Мароа, взявъ его подъ руку и направляясь въ другую залу, гдѣ въ уголкѣ за ломбернымъ столомъ игралъ въ трикъ-тракъ возвращенный изъ деревни Елагинъ съ пріятелями.

— Ну, вотъ видишь, вполголоса говорила Мароа своему спутнику, передавъ ему разговоръ съ Тепловымъ,— осуждалъ ты меня—а мой заморскій молодецъ-то и пригодился... Вотъ какъ я выпишу Өедюшку, такъ посмотри какой хватъ на всѣ руки будетъ — одно слово: соглядатай.

Голицынъ и Пассекъ терялись въ догадкахъ насчетъ новой знакомой, отъискивая ее по всѣмъ заламъ, какъ вдругъ увидали ее сидящую рядомъ съ Александрой Өедотовной Каменскою и занятую разговоромъ повидимому чрезвычайно серіознымъ. Умное лицо Каменской было проникнуто живымъ вниманіемъ и удивленіемъ; казалось она, славившаяся своей ученостью, слушала стараясь не проронить сло́ва своей собесѣдницы, между тѣмъ какъ Мароа говорила безъ умолку, расточая улыбки и ласкающіе взгляды.

Молодые повѣсы не рѣшились подойдти въ эту минуту, а дали другъ другу слово слѣдить за незнакомкой и не терять ее изъ виду. Она скоро удалилась подъ руку съ пожилымъ бояриномъ—и пара эта сойдя къ подъѣзду, сама разъискала свою карету, не окликая кучера. У подъѣзда стоялъ кружокъ конюховъ съ верховыми лошадьми, приготовленными для свитскихъ офицеровъ. Два всадника, въ однихъ кафтанахъ и шляпахъ, отдѣлились въ темнотѣ изъ этого кружка вслѣдъ за каретой.

— Птичка хороша да залетная, не изъ здѣшнихъ, замѣтилъ Пассекъ, пуская своего коня вскачь.

— И не Питерская, подхватилъ Голицынъ, пришпоривая свою лошадь,—а вотъ узнаемъ все—лишь бы неускользнули... Ну, пріятель, не отставай—впередъ!

— А что, князь Петръ, ты хорошо Москву знаешь? смѣясь проговорилъ Пассекъ.

— Небойсь, не потеряемся. Смотри-жъ, не зѣвай... Чуть выберемся гдѣ попустыннѣй, кричи кучеру: «стой!», а тамъ ужь кому какое счастье выпадетъ, кому съ бояриномъ вѣдаться, кому съ боярышней...

— Стой, да гдѣ-жъ они? выскакавъ на перекрестокъ, осадивъ лошадь и въ темнотѣ не видя удалявшейся кареты, озирался Пассекъ.

— Что-жь стоять! время терять неча! Я направо—ты налѣво! крикнулъ Голицынъ, приподнимая шляпу:—одинъ на одинъ значитъ. Salut! Dieu vous garde! и кони, круто повернувъ, понеслись въ разныя стороны со всѣхъ четырехъ ногъ. Свѣтлый сумракъ осенной ночи, чистый воздухъ, бѣшеная скачка въ погоню, образъ прелестной женщины, уносившійся въ неизвѣстную даль — и все это разомъ, очертя голову послѣ маскарада, почти безъ уговора, безъ цѣли,—теперь окончательно взволновало пылкаго Голицына.

Онъ безъ милосердія шпорилъ взмыленные бока храпѣвшей лошади и скоро съ крикомъ восторга нагналъ знакомую карету. Но и кучеръ, чуя погоню, усердно хлесталъ свою пару — и при переѣздѣ на Мясницкой снова чуть не ускользнулъ. За Чистымъ Прудомъ Голицынъ совсѣмъ было настигъ бѣглецовъ, но чрезъ нѣсколько минутъ, въ узкомъ переулкѣ, гдѣ изъ за забора высоко поднималась чорная чаща запущеннаго сада, мракъ до того сгустился, что споткнувшаяся лошадь князя, косясь на бѣлый стволъ березы, остановилась видимо робѣя, и храпя стала пятиться,—а между тѣмъ карета словно провалилась куда-то.

Голицынъ, ободривъ лошадь, проскакалъ и обогнулъ нѣсколько заборовъ, но кромѣ торчащихъ гвоздей да густолиственныхъ вѣтокъ, ничего не нашелъ, ни воротъ, ни калитки. Всякій слѣдъ былъ потерянъ. Князь поѣздилъ еще по сосѣднимъ переулкамъ и вернулся домой на разсвѣтѣ, проклиная судьбу и предметъ своей погони—и даже недовольный встрѣчею, которая, поманивъ его, бросила въ омутъ безплодныхъ волненій.

Не лучше было и Пассеку — тотъ заѣхалъ наконецъ въ такую глушь, что еслибъ не запоздавшій вѣстовой—не найдти бы молодому капитану гвардіи его пріюта въ Бѣлокаменной, совсѣмъ ему незвѣстной.

(Продолженіе будетъ).

Берлинъ.

Берлинъ, главный городъ Пруссіи, лежитъ по обоимъ берегамъ *Шпрее*, въ ровной и песчаной странѣ. Въ немъ считалось въ 1867 г. 631,286 жителей (въ томъ числѣ 2000 студентовъ и 22,6626 человѣкъ войска), а занимаемая имъ площадь заключаетъ въ себѣ 24,510 моргеновъ или $1^1/_4$ кв. миль. До царствованія

короля Фридриха I (1688—1713 г.) Берлинъ былъ незначителенъ и ограничивался правымъ берегомъ Шпрее и островами, гдѣ стоятъ теперь королевскій замокъ и музеумъ. Здѣсь лежали во времена Вендовъ двѣ рыбачьи деревни *Берлинъ* и *Кельнъ*, объ которыхъ впервые упоминается — о первой въ 1237, а о послѣдней въ 1244 г. Медленно, но безостановочно распространился городъ. Въ 1700 г. въ Берлинѣ считалось 28,500 жителей, въ 1740 г. (при вступленіи на престолъ Фридриха Великаго) 148,000, въ 1800 г. 172,000, а въ 1840 г. 330,000. Цѣлыя части города: Фридрихъ-Вильгельмъштадъ, Кепеникское поле, Ангальтское предмѣстье, Потстдамская улица, Моабитъ, и др. возникли въ послѣдніе 25 лѣтъ; окрестности станцій на желѣзныхъ дорогахъ все болѣе и болѣе оживляются и образуютъ собою предмѣстья. Городъ раздѣляется на 152 округа, 43 квартала и 23 церковныхъ прихода. Торговля и промышленность Берлина принимаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обширные размѣры, какъ напр. знаменитая фабрика Барзига, доставившая уже до 2000 локомотивовъ.

Блестящій пунктъ Берлина—это обширная полоса, идущая отъ Брандербургскихъ воротъ до королевскаго замка. Трудно найдти гдѣ-либо на такомъ узкомъ пространствѣ столько великолѣпныхъ зданій: величественное зданіе замка, оба музеума, налѣво (къ сѣверу) цейхъгаузъ, университетъ, академія; направо дворецъ кронъ-принца, зданіе оперы, церковь св. Гедвиги, библіотека, королевскій дворецъ, — всѣ эти зданія можно видѣть заразъ съ одного пункта, тогда какъ жандармскій рынокъ съ обѣими увѣнчанными куполомъ церквями («Новой церковью» и «французской церковью») и величественнымъ зданіемъ театра находятся всего на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Улица «*Unter der Linden*», т. е. подъ липами, и площадь оперы — фокусъ, гдѣ сосредоточиваются весь блескъ и вся жизнь Берлина; затѣмъ слѣдуютъ Лейпцигская и большая Фридрихсштрасе (въ $^1/_3$ м. длины). Торговое движеніе въ особенности сильно въ старомъ городѣ съ *Кенигсштрасе* (королевскою улицею).

Бранденбургскія ворота, сооруженные въ 1779—1792 г. въ царствованіе Фридриха-Вильгельма II—ведутъ въ Берлинъ съ запада, съ шоссе къ Шарлотенбургу въ «улицу подъ липами». Это одно изъ самыхъ величественныхъ зданій этого рода. Устроенные по образцу *Пропилеевъ*, они состоятъ изъ двойнаго портика съ 12 дорическими каннелированными колоннами, образующими 5 проходовъ; средній проходъ, назначенный только для экипажей и двора, имѣетъ 18 футовъ ширины, а прочіе — для всадниковъ и пѣшихъ — 12 футовъ. Аттика съ выступомъ, 26 футовъ длины при 18 футахъ вышины, украшеннымъ рельефами, несетъ стоящую въ колесницѣ богиню побѣды, 20 футовъ вышины, отлитую изъ мѣди по модели Шадова; эта богиня была увезена въ 1807 г. французами для украшенія тріумфальной арки *de l'Etoile*, но не достигла этого назначенія и была привезена изъ Парижа въ 1814 г. Съ тѣхъ поръ она правитъ четырьмя конями (иначе чѣмъ до 1807 г.) по направленіи къ городу и держитъ въ рукѣ жезлъ, оканчивающійся желѣзнымъ крестомъ. Эти ворота граничатъ съ *Парижскою площадью*, получившей это имя послѣ побѣдъ 1814 г. За этой площадью начинается длинная великолѣпная улица «подъ липами», въ 1275 шаговъ длины при 90 шагахъ ширины. Середина ея занята четырмя рядами липъ и променадомъ, по бокамъ сдѣланы дороги для всадниковъ, затѣмъ вымощенныя дороги и тротуары для экипажей и пѣшеходовъ. Вся дорога отъ бранденбургскихъ воротъ до портала замка заключаетъ въ себѣ 2162 шага или около 21 минуты.

На восточномъ концѣ улицы «подъ липами» возвышается *бронзовая конная статуя Фридриха Великаго*, одно изъ лучшихъ произведеній искусства. Основаніе этому памятнику положено королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, за нѣсколько дней до его смерти (7 іюня) 31 мая 1840 г., въ годовщину вступленія на престолъ великаго государя, но открытъ онъ былъ только въ 1851 г. Цѣлое имѣетъ 42 фута вышины и 21 футъ $11^1/_2$ дюймовъ ширины. На гранитномъ цоколѣ, 5 футовъ 9 дюймовъ вышины, поднимается бронзовое подножіе; между выступающими консолями на передней (восточной) сторонѣ сдѣлана надпись: «*Фридриху Великому Фридрихъ Вильгельмъ III, 1840 г. оконченъ въ правленіе Фридриха Вильгельма IV, 1851 г.;* на трехъ другихъ сторонахъ начертаны имена знаменитыхъ мужей войны и мира временъ Фридриха II. Углы волютъ украшены—на одной изъ боковыхъ сторонъ ранеными и умирающими воинами, а на другой бодрыми юношами, изъ которыхъ одинъ сражается съ чудовищами холоднымъ, а другой огнестрѣльнымъ оружіемъ; на передней сторонѣ изображенъ геній свѣта съ сіяющимъ факеломъ, геній славы съ пальмой и вѣнкомъ, а на противуположной—геніи мира, несущіе роскошные цвѣты и плоды. На этомъ бронзовомъ цоколѣ покоится главное основаніе памятника съ многочисленными статуями и лѣпными изображеніями героевъ и другихъ представителей интеллигенціи. На углахъ выступаютъ конныя фигуры герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, принца Генриха прусскаго, Цитена и Зейдлитца. Между ними группируются знаменитѣйшіе изъ старшихъ военныхъ чиновъ того времени, а на цоколѣ тянутся длинными рядами имена воиновъ. Подъ защитой этого сонма героевъ, стоятъ на короткой сторонѣ, обращенной къ улицѣ «подъ липами», насупротивъ богини побѣды на Бранденбургскихъ воротахъ представители духовной жизни, въ томъ числѣ Лессингъ, Кантъ, философъ Христіанъ Вольфъ, Рамлеръ, Глеймъ, Гарве, поэтъ Клейстъ, Геллертъ, Вилькельманъ, и др. Надъ этими группами и именами паритъ геній мира и благосостоянія, ведомый побѣдой. Въ верхнемъ отдѣленіи, составляющемъ какъ бы заключеніе подножія, выступаетъ личность самого короля: по угламъ, надъ конными фигурами 4 добродѣтели, которыми онъ отличался: сила и правосудіе, мудрость и умѣренность; между ними 8 рельефовъ, относящихся ко времени дѣтства и молодости короля и представляющихъ его съ различныхъ сторонъ: при чемъ не забыта даже его любовь къ музыкѣ. Это величественное основаніе заканчивается колоссальной конной статуей, изображающей короля въ мундирѣ, въ шляпѣ, плащѣ и съ костылемъ въ правой рукѣ.

Направо отъ памятника находится *императорскій дворецъ*, построенный въ 1834 — 1836 Лангансомъ (развѣвающееся знамя означаетъ присутствіе короля въ дворцѣ).

Насупротивъ памятника *академія наукъ и искусствъ*, основанная въ 1700 г. по плану Лейбница Фридрихомъ I. Оба эти заведенія помѣщаются въ одномъ и томъ же зданіи; первое владѣетъ значительной библіотекой и собственной типографіей, а второе собра-

ніемъ гипсовыхъ снимковъ и гравюръ. Надъ порталомъ зданія помѣщаются нормальные часы Берлина. Здѣсь происходятъ ежегодно въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцѣ большія художественныя выставки. Въ Академіи находится *Національная галлерея* новѣйшихъ картинъ, заключающая въ себѣ 262 картины новѣйшихъ, большею частію, дюссельдорфскихъ и мюнхенскихъ художниковъ, завѣщанная государству консуломъ Вагенеромъ († 1861 г.). Многія изъ этихъ картинъ извѣстны по литографіямъ и гравюрамъ.

Зданіе университета, прежде бывшій дворецъ принца Генриха, брата Фридриха II, построенное 1754—1764, подарено Фридрихомъ Вильгельмомъ III вновь основанному въ 1809 г. университету. *Зоологическій кабинетъ* университета — одинъ изъ самыхъ богатыхъ, полныхъ и наилучше-устроенныхъ кабинетовъ Европы, въ особенности же въ отношеніи птицъ. Между рѣдкостями *минералогической коллекціи*, составляющей самую богатую коллекцію во всей Европѣ, находится кусокъ янтаря, вѣсомъ въ 13 фунтовъ, найденный въ 20 миляхъ отъ Балтійскаго моря. Лучшее украшеніе этихъ коллекцій составляютъ предметы, собранные Гумбольтомъ въ южной и средней Америкѣ. Точно такъ же и *анатомическій кабинетъ* чрезвычайно богатъ препаратами. *Христіанскій музеумъ* заключаетъ въ себѣ изображенія и гипсовые слѣпки съ характеристическихъ памятниковъ христіанскаго искусства. *Университетская библіотека* помѣщается въ особомъ зданіи въ Таубеньшрассе и открыта для обозрѣнія съ 2 — 4 часовъ по полудни.

Аделина Патти.

Королевская библіотека, въ которую входятъ съ площади оперы, построенная въ 1775—1780 г., обязана своей оригинальной архитектурой прихоти Фридриха II, который приказалъ построить ее по образцу коммода съ выдвижными ящиками. Она заключаетъ въ себѣ 600,000 томовъ и 14,000 рукописей, въ томъ числѣ разныя рѣдкости.

Находящаяся на заднемъ планѣ церковь св. Гедвиги, совершенно круглая съ куполомъ, построена въ 1747—1775 г., «*Friderici regis clementiae monumentum*», какъ гласитъ надпись.

Зданіе оперы, тоже построенное Фридрихомъ II, совершенно сгорѣло въ 1843 г., но въ слѣдующемъ же году было построено еще великолѣпнѣе прежняго— и съ сохраненіемъ того же наружнаго вида. Послѣ мюнхенскаго придворнаго театра, оно величайшее зданіе этого рода во всей Германіи, въ которомъ помѣщается до 2000 зрителей.

Тутъ же не подалеку помѣщается *пять статуй* работы Рауха: статуя *Блюхера*, направо отъ нея статуя *Гнейзенау*, а на лѣво *Іорка*, всѣ три изъ бронзы; передъ гауптвахтой статуя *Бюлова* и *Шарнгорста*, обѣ изъ мрамора;—всѣ въ натуральную величину, на пьедесталахъ съ лѣпными изображеніями, напоминающими событія 1813, 1814 и 1815 годовъ.

По другую сторону улицы находится *королевская вахта*. Подлѣ нея 3 чрезвычайно большія пушки, завоеванныя въ 1814 г. Между 11 и 12 часами, когда офицеры сбираются сюда для пароля, играетъ военная музыка.

За королевской вахтой лежитъ *Академія пѣнія*, члены которой сбираются сюда по вторникамъ отъ 5 до 7 часовъ для упражненія въ пѣніи. Влѣво отъ нея за университетомъ лежитъ каштановый лѣсокъ.

Подлѣ зданія оперы находится дворецъ кронпринца *Фридриха Вильгельма*, построенный въ 1687 г. Въ немъ жилъ много лѣтъ король Фридрихъ Вильгельмъ III, когда онъ былъ еще кронпринцемъ, а за 100 лѣтъ до этого Фридрихъ II, тоже въ качествѣ кронпринца. При возобновленіи этого дворца въ 1857 г. онъ былъ увеличенъ еще однимъ этажемъ. Посредствомъ арки онъ соединяется съ такъ-называемымъ дворцомъ принцессы.

Цейхгаузъ, находящійся подлѣ королевской вахты, построенъ Шлютеромъ въ 1695—1706 г. въ царствованіе Фридриха II. Это четвероугольникъ, каждая сторона котораго заключаетъ въ себѣ 280 футовъ длины. Во дворѣ угловые камни оконъ, въ числѣ 21, обра-

зуютъ головы умирающихъ героевъ (*«Шлютеровскія маски»)*, отличающіяся выраженіемъ предсмертной борьбы. Помѣщенія нижняго этажа наполнены пушками всякаго рода, новыми и старыми,—въ томъ числѣ двумя шведскими пушками, употреблявшимися во время 30-лѣтней войны, и нѣсколькими турецкими, завоеванными русскими подъ Варною. Въ бельэтажѣ находятся большая оружейная зала съ 100,000 ружей, съ завоеванными знаменами и другими трофеями, большею частью французскими и австрійскими, новымъ и старымъ оружіемъ, и т. п. Въ среднемъ помѣщеніи находится чрезвычайно замѣчательное собраніе моделей по инженерной и артиллерійской части. *18 моделей французскихъ крѣпостей*, привезенныхъ въ 1815 г. изъ Парижа, выставлены въ особомъ зданіи у Силезкихъ воротъ, въ Кепеникской улицѣ.

Академія архитектуры, воздвигнутая Шинкелемъ изъ кирпича, лежитъ къ югу отъ дворцоваго моста *(Shlossbrücke)*. Она представляетъ собою четвероугольникъ въ четыре этажа. Нижній этажъ занятъ изящными магазинами, а въ одномъ изъ верхнихъ этажей находится *Шинкелевскій музеумъ*, собраніе архитектурныхъ рисунковъ, ландштафтовъ, плановъ, и т. п. На площади передъ Академіей стоятъ бронзовыя статуи *Таэру* († 1828 г.), съ надписью «Основателю научнаго земледѣлія благодарное отечество», и *Бетау* († 1853 г.).

Дворцовый мостъ (*Slossbrücke*), построенный въ 1824 г., 156′ длиною и 104′ шириною, украшенъ 8 мраморными группами, представляющими въ увеличенныхъ размѣрахъ богиню побѣды (Викторію): во 1-хъ преподающую мальчику исторію героевъ, во 2-хъ обучающую юношу искусству владѣть оружіемъ, и т. п.; Палладу (Минерву) 1) подающую воину оружіе, 2) вѣнчающую побѣдителя, и т. д. и Ириду вводящую въ Олимпъ побѣдоносно-павшаго въ бою.

Такъ-называемый *замокъ*, играющій главную роль между всѣми зданіями Берлина, представляетъ собою живое изображеніе развитія и возрастанія прусскаго государства. Будучи заложенъ еще курфирстомъ Фридрихомъ II, подъ именемъ «укрѣпленнаго мѣста» *(eine feste Burg)*, онъ оконченъ только въ 1699—1716 въ царствованіе королей Фридриха I и Фридриха Вильгельма I. Своимъ настоящимъ видомъ онъ обязанъ, отчасти *Шлютеру*, отчасти *Эозандеру фонъ Гэте (Goethe)*. Это продолговатый четвероугольникъ, имѣющій въ окружности 1437 футовъ, съ 4 дворами, изъ которыхъ 2, со стороны воды, недоступны для публики. Заключая въ себѣ четыре этажа, онъ имѣетъ 102 фута вышины. Находящаяся передъ Замкомъ терраса устроена въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV; въ углахъ ея поставлены колонны съ позолоченными орлами. Надъ этой стороной Замка выступаетъ капелла, заключающая въ себѣ снизу до верхушки креста 228′ вышины, построенная въ то же самое царствованіе. Крыша дворца плоская, изъ мѣди, украшена балюстрадой въ 4 фута вышины и величественнымъ куполомъ, возвигнутымъ въ новѣйшее время. Изъ 5 порталовъ, тотъ, который обращенъ на западъ, представляетъ подражаніе тріумфальной аркѣ Септимія Севера, а входъ со стороны увеселительнаго сада украшенъ двумя большими бронзовыми группами, работы барона Клодта, подаренными императоромъ Николаемъ I. Замокъ заключаетъ въ себѣ около 600 комнатъ, залъ, и т. п., между которыми особенно замѣчательны: рыцарская зала, тронная зала, капелла, бѣлая зала, столовая зала и кабинеты художественныхъ произведеній. Въ этомъ замкѣ живетъ теперь принцъ Фридрихъ Карлъ и останавливаются ближайшіе родственники нынѣ царствующаго дома, тогда какъ парадныя комнаты назначены для торжественныхъ случаевъ. Что касается до императора, онъ живетъ въ упомянутомъ выше дворцѣ, гдѣ находится прекрасная пріемная зала, въ 220 футовъ длины.

Передъ замкомъ стелется *увеселительный садъ*, окруженный старымъ музеумомъ, соборомъ и рукавомъ Шпрее; а за нимъ лежитъ площадь, обсаженная деревьями, съ великолѣпнымъ фонтаномъ посерединѣ и недавно открытою конною статуею Фридриха Вильгельма III.

Старый музеумъ, соединенный съ новымъ музеумомъ посредствомъ галлереи на сводахъ, построенъ въ 1824—28 г. архитекторомъ Штюлеромъ, и образуетъ продолговатый четырехъугольникъ въ 276 футовъ длины, 179 ширины и 61 вышины, а съ куполомъ, посредствомъ котораго онъ освѣщается, 83. Обширное крыльцо въ 91 футъ ширины, ведетъ, посредствомъ 21 ступени, въ портикъ, образуемый 18 колоннами іоническаго ордена.

По обѣимъ сторонамъ крыльца стоятъ большія бронзовыя группы, одна изображающая амазонку на лошади, отражающую нападеніе тигра, работы Кисса, другая—юношу на конѣ, бросающаго копье въ льва, работы Вольфа.

По ту сторону Шпрее находится *новая биржа*, оконченная Гитцигомъ въ 1862 г. Главный фасадъ украшенъ статуями Боруссіи, земледѣлія и торговли, а флигеля статуями различныхъ земель и городовъ. Главная зала (220′ длины при 85′ ширины) распадается на двѣ половины (денежную и хлѣбную биржу) съ соотвѣтственными фресками, работы Клебера.

Недалеко отсюда, въ оживленной Кенигсштрасе, находится *новая ратуша*, которую мы уже описывали въ одномъ изъ прошлогоднихъ № «Нивы».

Королевская улица выходитъ на Александровскую площадь, а потомъ по длинному Курфирстову мосту на площадь замка. На мосту находится *бронзовая конная статуя великаго курфирста* съ 4 рабами по угламъ, вся группа работы Шлютера и поставлена въ 1703 г.

Театръ на жандармскомъ рынкѣ, имѣющій 245′ длины при 160′ ширины и 120′ вышины, построенъ въ 1819—21 г. Шинкелемъ на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1817 г. театра. Обширное крыльцо, 25 футовъ ширины, ведетъ въ портикъ, поддерживаемый 6-ю колоннами іоническаго ордена. По бокамъ крыльца геніи съ пантерою и львомъ, работы Тика. На фронтонѣ Ніобея; надъ нею Мельпомена, Полигимнія и Талія, работы того же художника. Внутренность зданія заключаетъ въ себѣ театръ, много залъ, между которыми находится одна концертная зала, гдѣ помѣщается 1200 человѣкъ, и многія другія помѣщенія. Передъ зданіемъ театра положено 10 ноября 1859 года основаніе памятнику Шиллера. Куполообразныя церкви на жандармскомъ рынкѣ, а именно *новая* и *французская*, построены по приказанію Фридриха II.

Въ новой части города, лежащей на южной сторонѣ Берлина, поднимается величественное зданіе, съ виду похожее на замокъ, надъ которымъ поднимаются двѣ башни, извѣстное подъ именемъ *Bethanien* или дома дьякониссъ. Это заведеніе, гдѣ помѣщается до 250 больныхъ, учреждено Фридрихомъ Вильгельмомъ IV и управляется евангелическими діакониссами. Вообще относи-

тельно благотворительныхъ заведеній—Берлинъ не уступаетъ другимъ столицамъ Европы, а скорѣе превосходитъ многія изъ нихъ.

Оставляя всторонѣ, за недостаткомъ мѣста, описаніе другихъ замѣчательностей, находящихся внутри города, скажемъ только, что въ Берлинѣ считается до 50 площадей, а берлинскія улицы (въ особенности тѣ, которыя принадлежатъ новѣйшему времени) отличаются шириною и прекрасными тротуарами. Между лежащими вокругъ Берлина парками, первое мѣсто принадлежитъ такъ-называемому *Thiergarten*. Онъ обнимаетъ пространство въ 280 моргеновъ и управляется особой коммиссіей. Въ началѣ это былъ лѣсъ, врѣзывавшійся въ нынѣшнюю область города,—но впослѣдствіи, будучи обнесенъ деревяннымъ заборомъ, онъ дѣйствительно сдѣлался звѣринцемъ для оленей и чорной дичи. Король Фридрихъ I началъ его постепенное превращеніе въ паркъ, первыя аллеи были проложены въ началѣ прошедшаго столѣтія; въ него выходятъ съ различныхъ сторонъ новыя и великолѣпныя улицы, а съ 1861 года одна часть его вошла въ составъ собственно города. Великолѣпныя аллеи изъ старыхъ деревьевъ перемежаются другими, не столь древними, водоемами, полянами, цвѣтниками. Здѣсь находится статуя Фридриха Вильгельма III, работы Драке, изображенная на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ. Многочисленныя виллы, трактиры, и т. п. окружаютъ паркъ. Замѣчательнѣйшія мѣста въ паркѣ слѣдующія: увеселительный замокъ *Bellevue*, съ особливымъ паркомъ, такъ-называемый шатеръ (*die Zelte*),—обширное полукружіе съ палатками, гдѣ продаются разныя лакомства, и другими увеселительными заведеніями,—островъ Руссо, львиный мостъ, бассейнъ, фазаній дворъ, и проч. Между дальнѣйшими окрестностями Берлина, въ особенности замѣчательны: Шарлотенбургъ, Бельведеръ, Пихельсдорфъ съ прекрасными водоемами, охотничій замокъ Груневальдъ, построенный Іоахимомъ II въ 1542 году; Штеглицъ съ лѣтнимъ театромъ, Шенбергъ, Крейцбергъ съ національнымъ памятникомъ, Тиволи, Темпельгофъ, и др. Недалеко отъ Берлина лежитъ деревня Тельтофъ, славящаяся своей рѣпой. Другія болѣе или менѣе посѣщаемыя мѣста суть слѣдующія: Риксдорфъ, Трептовъ, Штралау, Румельсбергъ, Фридрихсфельде съ паркомъ и замкомъ; потомъ Вейсензее, Гогенъ-Шенгаузенъ съ увеселительнымъ королевскимъ дворцомъ, паркомъ и публичнымъ садомъ. Но самымъ живописнымъ мѣстоположеніемъ пользуется Тегель, на разстояніи 1½ часа пути къ сѣверу отъ Берлина, при озерѣ того же имени, составляющій собственность фамиліи Гумбольдтъ. Обратный путь изъ Тегеля въ городъ ведетъ въ Моабитъ—это эльдорадо берлинской прислуги. Но всѣ эти загородныя мѣста должны уступить прелестнымъ окрестностямъ Потсдама, съ тѣхъ поръ какъ желѣзная дорога придвинула ихъ къ Берлину.

Монастырь св. Антонія Марткобскаго въ Грузіи.

Въ двадцати-пяти верстахъ отъ Тифлиса, по дорогѣ въ Сигнахъ, между селеніями Нори и Марткоби, на высокой горѣ, величаво красуется, въ зелени буковыхъ деревьевъ и грецкихъ орѣховъ, одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Грузіи—св. Антонія Марткобскаго, возобновленный бывшимъ намѣстникомъ Кавказа свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ.

Монастырь этотъ основанъ въ VI вѣкѣ однимъ изъ тринадцати проповѣдниковъ Грузіи, избравшимъ мѣсто на горѣ въ лѣсу, гдѣ по преданію совершено было чудо св. Антоніемъ.

Еще въ IV столѣтіи христіанство проникло въ Кавказскія страны; но оно распространялось медленно, потому что живущіе вокругъ язычники презирали и преслѣдовали христіанъ. Въ началѣ VI вѣка посланы были туда изъ Константинополя тринадцать св. мужей, большею частью изъ Сиріи, апостолами христіанства. Проводникомъ ихъ былъ св. Антоній. Въ это время языческій князь Кахетіи былъ въ войнѣ съ Грузіею и осаждалъ городъ Греми. Во время этой войны христіане подвергались особеннымъ гоненіямъ—и св. Антоній долженъ былъ скрываться въ лѣсу Марткоби. Однажды на охотѣ любимый соколъ князя, преслѣдуя дикаго голубя, потерялся. Искавшіе ловчіе возвратились черезъ нѣкоторое время и донесли князю, что въ лѣсу застали человѣка, на колѣняхъ котораго спокойно сидѣли съ правой стороны голубь, а съ лѣвой соколъ. Тогда, чтобъ убѣдиться въ чудѣ, князь отправился самъ и нашелъ все такъ, какъ ему разсказывали ловчіе. Видя власть святаго надъ природою, князь просилъ его вылечить сына (который страдалъ съ дѣтства и не могъ ходить), обѣщая св. Антонію, что если увидитъ такое чудо, то станетъ хвалить Бога и сдѣлается христіаниномъ. Святой обѣщалъ исцѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ князя отказаться отъ осады Греми, предупреждая его, что онъ встрѣтитъ неудачу. Но князь настоялъ на своемъ и былъ разбитъ; когда же прибылъ домой, то нашелъ своего сына совершенно здоровымъ,—тотъ встрѣтилъ его на дорогѣ съ веселымъ лицомъ. Тогда князь со всѣмъ своимъ народомъ отправился къ святому на гору и просилъ принять его въ число христіанъ, гдѣ и окрестился вмѣстѣ съ своими подданными.

Грузинская церковь, послѣ миссіи тринадцати святыхъ, сначала подчинялась патріарху константинопольскому, потомъ Антіохійскому и наконецъ съ назначеніемъ митрополита патріаршимъ намѣстникомъ, сдѣлалась независимою.

Между 1610 и 1750 годами, монастырь этотъ былъ совершенно разграбленъ и разрушенъ лезгинами; почти всѣ монахи были ими перерѣзаны и оба селенія Нори и Марткоби истреблены до основанія, а жители, которые не успѣли скрыться въ лѣсу, перебиты. По преданію и разсказамъ грузинъ, лезгины были наказаны за это святотатство; на возвратномъ пути они проходили у подножія горы, какъ вдругъ гора обрушилась и придавила ихъ всѣхъ, числомъ до пяти-сотъ человѣкъ.

Въ монастырѣ—большая церковь во имя Успенія Богоматери, а другая св. Антонія Марткобскаго. Празднество—15 августа и повтореніе праздника (по грузинскому обычаю) на восьмой день 23 августа. Церковь Успенія по желанію князя Воронцова возобновлена во всей ея древности съ сохраненіемъ на стѣнахъ фресковъ исчезавшихъ отъ времени. Въ монастырѣ только шесть человѣкъ монаховъ, нѣсколько послушниковъ и настоятель. При монастырѣ выстроено два довольно-большихъ каменныхъ зданія для пріѣзда богомольцевъ. Камень, изъ

котораго выстроенъ монастырь, находится въ большомъ изобиліи подъ самой горой. Нѣкоторые богомольцы, отправляясь по обѣту пѣшкомъ босыми ногами, носили камни на гору для постройки.

До пятидесятыхъ годовъ отправляться въ монастырь было не совсѣмъ безопасно—и потому только два раза въ годъ (въ престольный праздникъ) былъ большой приливъ богомольцевъ; но въ настоящее время, когда Кавказскій край замиренъ окончательно, каждое воскресеніе, въ особенности лѣтомъ, многіе усердно посѣщаютъ монастырь и остаются тамъ на нѣсколько дней. Большихъ доходовъ у монастыря нѣтъ, напротивъ онъ по своей отдаленности отъ Тифлиса очень бѣденъ, какъ почти всѣ грузинскіе монастыри.

У грузинъ есть обычай посѣщать монастыри въ престольные праздники, всегда наканунѣ въ вечеру, не столько для богомолья, сколько для веселья и развлеченія. Отправляясь туда цѣлой семьей въ закрытыхъ арбахъ и верхами, они берутъ съ собой палатки, зурны, зажигаютъ большіе которы и устраиваютъ даже иллюминацію. Много ѣдятъ, но болѣе пьютъ, конечно одно кахетинское,—и вездѣ, даже около самыхъ церквей, выплясываютъ лезгинку; не мудрено, что большихъ приношеній въ монастыри не бываетъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Изъ опубликованнаго недавно всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ узнаемъ, что въ 1872 году предполагается получить *доходовъ* 497.197,802 рубля, а *израсходовать* 496.813,581 р.; слѣдовательно, излишекъ доходовъ надъ расходами оказывается въ 384,221 р. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, доходы увеличились на 76 слишкомъ мильоновъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась и общая сумма расходовъ, именно болѣе чѣмъ на 12 мильоновъ. *Увеличеніе доходовъ* главнымъ образомъ замѣтно по слѣдующимъ статьямъ: по акцизу съ питей (на 12 слишкомъ мильоновъ), по таможенному налогу (на 4 мильона), по налогу на табакъ, соль, на торговыя свидѣтельства, по гербовому сбору, по продажѣ лѣсовъ и проч. *Уменьшеніе доходовъ* ожидаютъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе продажи Московско-Курской желѣзной дороги, уменьшенія суммъ, поступающихъ въ казну отъ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за проданную Николаевскую линію, уменьшенія дохода ливенской узко-колейной желѣзной дороги и проч.; отъ горныхъ заводовъ и промысловъ, отъ монетнаго дѣла и т. д. Расходы *увеличились* по слѣдующимъ статьямъ: по министерству военному — на 6 мильоновъ; по министерству финансовъ — на 1.200,000 р.; по министерству государственныхъ имуществъ на 500 слишкомъ тысячъ; по министерству внутреннихъ дѣлъ на 400,000; по министерству юстиціи на столько-же, по морскому—на 314,060; по министерству иностранныхъ дѣлъ на 171,000; по уплатѣ государственныхъ долговъ на 1.196,000 р. и т. д. *Уменьшеніе* расходовъ предполагается только по двумъ статьямъ: по высшимъ государственнымъ учрежденіямъ (всего на 12,000) и по министерству путей сообщенія на 4.324,000 рублей.

Сравнивая роспись настоящаго года съ государственной росписью 1867 года, когда началась публикація полныхъ отчетовъ, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) что за эти 5 лѣтъ наши государственные доходы возросли на 77 мильоновъ (болѣе чѣмъ на 18 процентовъ); б) что самое большое прирощеніе дали сборы за право торговли, питейный, таможенный и съ казенныхъ имуществъ; в) что уменьшеніе доходовъ послѣдовало по шоссейному сбору, по государственнымъ регаліямъ и по различнымъ другимъ поступленіямъ, всего на сумму 7.400,000 р.; слѣдовательно, дѣйствительное увеличеніе доходовъ равняется 70 мильонамъ. Расходы за это время возрастали такимъ образомъ, что оказывался ежегодный дефицитъ (недочетъ доходовъ) отъ 30 до 50 и болѣе мильоновъ въ годъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи замѣтно въ послѣдніе годы улучшеніе, такъ-какъ недочеты, среднимъ числомъ, составляли только 28 мильоновъ р. въ годъ, вмѣсто прежнихъ 46 мильоновъ, а въ 1872 году, какъ уже было выше замѣчено, дефицита и вовсе не предвидится.

Въ частности, государственные доходы въ 1872 году распредѣляются такъ: прямые налоги (подати и за право торговли) дадутъ 105 мильоновъ рублей; косвенные налоги (питейный, соляной и прочіе сборы и акцизы) 231 мильонъ; поступленія разнаго рода 49 мил.; сборъ отъ казенныхъ имуществъ 31 мил. и проч.

Что касается государственныхъ расходовъ, то значительная часть ихъ (около $1/3$) принадлежитъ, по прежнему, военному министерству, именно 156 мильоновъ; затѣмъ слѣдуетъ уплата государственнаго долга, поглащающая 86 мил.; расходы по министерству финансовъ 77 мил.; по министерству внутреннихъ дѣлъ 42 мил., по министерству путей сообщенія 22 мил.; по морскому вѣдомству 20 мил.; по министерству народнаго просвѣщенія 11 мил.; по министерству юстиціи 10 мил.; по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ $9^1/_2$ мил.; по вѣдомству святѣйшаго синода 9 мил., по министерству императорскаго двора 9 мил. и т. д.

Въ наступившемъ году послѣдовало нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ узаконеній и распоряженій правительства, съ содержаніемъ которыхъ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей.

1-го января опубликовано Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи окладовъ столовыхъ денегъ всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ полевыхъ и мѣстныхъ войскъ. Кромѣ того: увеличено единовременное пособіе, выдаваемое такъ-называемымъ портупей-юнкерамъ при производствѣ ихъ въ офицеры, со 100 рублей на 150 р.; назначено особое добавочное содержаніе для высшихъ начальствующихъ лицъ и особое же добавочное содержаніе (въ видѣ порціоновъ) субалтернъ-офицерамъ. Мѣра эта, вступая въ силу съ 1-го января 1872 года, потребовала прибавки къ бюджету военнаго министерства на $3^1/_2$ мильона рублей. При обсужденіи этого вопроса, представлялось, по словамъ «Русскаго Инвалида», избрать одинъ изъ двухъ способовъ улучшенія матеріальнаго быта нашихъ офицеровъ: или увеличить жалованье всѣмъ чинамъ безъ исключенія, или же увеличить только столовыя деньги всѣмъ лицамъ, которые, по закону, имѣютъ право получать ихъ.

Второй способъ предпочли, по словамъ названной газеты, основываясь на заявленіи главныхъ начальниковъ, которые отозвались, что прежде всего необходимо увеличить содержаніе главныхъ дѣятелей въ войскахъ, какъ лицъ болѣе отвѣтственныхъ, тѣмъ болѣе, что съ новаго года, вслѣдствіе введенія новаго управленія хозяйственною частію, командиры отдѣльныхъ частей должны лишится добавочнаго содержанія, которое они получили до сихъ поръ изъ войсковой экономіи. Проектируется производство содержанія офицерамъ помѣсячно. При этомъ слѣдуетъ упомянуть еще о задуманномъ правительствомъ обезпеченіи квартирнаго довольствія офицеровъ на совершенно-новыхъ основаніяхъ, заключающихся въ томъ, что во всѣхъ городахъ предполагается, вмѣсто отвода квартиръ натурою, выдавать офицерамъ деньги, съ тѣмъ, чтобы потребныя на этотъ предметъ суммы выдавались не отъ земства или отъ городскихъ думъ, а прямо отъ военнаго начальства. Мѣра эта, надо полагать,

Монастырь св. Антонія Марткобскаго въ 25-ти верстахъ отъ Тифлиса.
Рисовалъ съ натуры И. В. Волковскій, гравировалъ А. Шлиперъ.

устранить тѣ неизбѣжныя столкновенія, которыя не рѣдко возникаютъ между мѣстными учрежденіями и военнымъ начальствомъ — вслѣдствіе несвоевременной или неакуратной выдачи квартирныхъ денегъ.

Нельзя не отдать справедливости тѣмъ благимъ побужденіямъ, которыми вызваны всѣ эти улучшенія. Увеличеніе содержанія военнымъ чинамъ, выдача его помѣсячно, устраненіе лишнихъ поводовъ къ столкновенію воинскаго начальства съ мѣстными жителями,—выдачею квартирныхъ денегъ,—все это, кромѣ улучшенія матеріальнаго положенія нашего служиваго военнаго сословія, отзовется благопріятно и на самой службѣ въ строю, сдѣлавъ ее болѣе привлекательною для многочисленныхъ чиновниковъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ и возвысивъ ее въ глазахъ населенія вообще.

8-го января послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи формы у всѣхъ военныхъ чиновъ. Вмѣсто нынѣшнихъ двубортныхъ мундировъ вводятся однобортные, о 8 пуговицахъ по борту и съ выпушкой по лѣвой сторонѣ. На прямыхъ обшлагахъ нашиваются по двѣ пуговицы. Такимъ образомъ нашимъ военнымъ присвоивается форма на манеръ прусской. Исключеніе сдѣлано только для галунныхъ вицъ-мундировъ: обще-генеральскаго, генералъ-адъютанскаго, для свитскихъ генералъ-маіоровъ, для гражданскихъ чиновъ первыхъ 4-хъ классовъ, для мундировъ тѣхъ частей войскъ, которымъ присвоены лацкана, для кирасирскихъ полковъ и для мундировъ госпитальныхъ командъ.

По недостатку мѣста, мы не могли въ свое время сообщить читателямъ о праздновании столѣтняго юбилея одного изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей русскихъ — покойнаго графа Сперанскаго. Великія заслуги этого государственнаго человѣка долгое время подвергались сомнѣнію, и только въ послѣдніе 10 лѣтъ имъ стали придавать надлежащее значеніе. Личность покойнаго графа замѣчательна и сама по себѣ, и по той эпохѣ, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Сынъ небогатаго сельскаго священника Владимірской губерніи, онъ первоначально былъ отданъ отцомъ въ мѣстную духовную семинарію, откуда, потомъ, какъ лучшій изъ воспитанниковъ, отправленъ былъ въ Петербургскую духовную семинарію. По окончаніи семинарскаго курса, онъ былъ тамъ же учителемъ математики, философіи, физики и словесности, за что получалъ не болѣе 23 рублей въ мѣсяцъ жалованья. Несмотря на предложеніе сдѣлаться монахомъ, что могло бы привести его къ самымъ высокимъ степенямъ духовной іерархіи,—Сперанскій предпочелъ поступить въ гражданскую службу. Пріобрѣтенію извѣстности Сперанскаго много способствовали графъ Куракинъ, у котораго онъ былъ домашнимъ секретаремъ, и въ особенности графъ Кочубей, чрезъ котораго Сперанскій сдѣлался лично извѣстнымъ Государю Александру I. Послѣ смерти Кочубея, Сперанскій сталъ правою рукою молодаго Императора, и съ этихъ поръ начинается сильное вліяніе его на государственныя дѣла. Въ 1809 году имъ представленъ былъ на усмотрѣніе Государя обширный планъ государственныхъ преобразованій,—но, благодаря разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, а Сперанскій впалъ въ немилость; сначала его сослали въ Нижній Новгородъ, потомъ въ Пермь. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ этого непріятнаго положенія, Сперанскій обратился къ покровительству извѣстнаго Аракчеева, чрезъ котораго получилъ мѣсто губернатора въ Пензѣ, а потомъ генералъ-губернатора въ Сибири. Въ 1821 году, онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ и сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, но уже не пользовался прежнимъ вліяніемъ. Умеръ въ 1839 году, 77-ми лѣтъ отъ роду. Главнѣйшими заслугами гр. Сперанскаго были сдѣланныя по его мысли важныя государственныя преобразованія: учрежденіе Государственнаго Совѣта, преобразованіе министерствъ, изданіе указовъ о придворныхъ чинахъ и объ университетскихъ экзаменахъ для извѣстныхъ чиновъ и наконецъ изданіе Свода Законовъ, надъ которымъ онъ трудился 4 года. Гр. Сперанскій замѣчателенъ—и какъ государственный дѣятель, вышедшій изъ народа, достигшій высокаго положенія въ отечествѣ,—и какъ человѣкъ, жизнь котораго богата различными превратностями судьбы.

31 декабря, въ Александро-Невской Лаврѣ, въ присутствіи Государя Императора, представителей законодательнаго судебнаго міра, а также многихъ изъ публики, совершена была соборная панихида по гр. Сперанскомъ. По поводу столѣтняго юбилея его, при II Отдѣленіи Собствен. Его Величества Канцеляріи собирается подписка на учрежденіе при университетахъ преміи за лучшія юридическія сочиненія—въ память гр. Сперанскаго. Нѣкоторыми нашими университетами, Академіею Наукъ и другими учрежденіями также совершена была память по замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ нашемъ.

П. С.

Политическое обозрѣніе

Провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости и пріемъ, оказанный ему правительствами главнѣйшихъ западныхъ государствъ Европы, служили сигналомъ къ началу той борьбы, которая ведется нынѣ между духовенствомъ и правительствами этихъ странъ. Послѣ такого недружелюбнаго пріема, духовенству, казалось бы, болѣе ничего не остается какъ отступать шагъ за шагомъ, оставивъ за собою лишь то поле дѣятельности, для котораго оно собственно и предназначено. Вышло однако иначе. Во всѣхъ почти государствахъ Запада ведется глухая но дѣятельная агитація духовенства противъ стремленій правительствъ выйти изъ подъ всякаго съ его стороны вліянія,—и замѣчательно, что наиболѣе дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи оказывается духовенство тѣхъ странъ, гдѣ оно пользуется сравнительно меньшимъ вліяніемъ. Въ католической Ирландіи духовенство подстрекаетъ народъ требовать у правительства признанія католической религіи господствующею; въ Италіи оно довольствуется подпольными интригами и уличными скандалами; въ Австріи находится на-сторожѣ; въ Германіи предаетъ отлученію отъ церкви заблудшихъ членовъ; во Франціи возстаетъ противъ новаго проекта о народныхъ школахъ, предлагающаго освободить ихъ отъ вліянія церкви, подчинить надзору государства; въ Бельгіи оно потерпѣло неудачу въ министерствѣ; наконецъ, то-же самое, не въ гораздо большихъ размѣрахъ, встрѣчаемъ въ Пруссіи. До послѣдняго времени министромъ народнаго просвѣщенія тамъ былъ нѣкто фонъ-Мюлеръ, пріятель клерикаловъ, постоянно имъ угождавшій. Общественное мнѣніе Германіи было сильно недовольно управленіемъ этого министра и его одностороннимъ взглядомъ, состоящимъ въ томъ, чтобы настойчиво поддерживать вліяніе церкви на государство. Разумѣется, такой образъ дѣйствія Мюлера не могъ нравиться князю Бисмарку,—и если этотъ послѣдній до настоящаго времени терпѣлъ существованіе такого министра народнаго просвѣщенія, то благодаря только тому, что фонъ Мюлеру покровительствовалъ самъ императоръ. Но мѣра терпѣнія наконецъ переполнилась: на Мюлера возстало и общественное мнѣніе, и кн. Бисмаркъ, и императоръ, и даже бывшіе его друзья—клерикалы. Первое было недовольно имъ и прежде, за его пристрастіе къ клерикаламъ; кн. Бисмаркъ долженъ былъ настоять на отставкѣ министра вслѣдствіе поощренія, оказаннаго имъ католическимъ священникамъ Эльзаса и Лотарингіи, желавшимъ удержать въ своихъ рукахъ народныя школы и сдѣлать, вопреки постановленіямъ правительства, преподаваніе въ нихъ Закона

Божія обязательнымъ; императоръ былъ недоволенъ Мюлеромъ за невниманіе, съ какимъ тотъ отнесся къ наслѣдному принцу; наконецъ клерикалы—за послѣдній его проектъ, клонящійся не въ ихъ пользу. Этимъ проектомъ Мюлеръ думалъ загладить свою вину передъ общественнымъ мнѣніемъ; но, вмѣсто того, потерпѣлъ окончательное пораженіе. По поводу отставки Мюлера въ нѣмецкой печати зашла рѣчь объ отдѣленіи духовныхъ дѣлъ отъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы первыя переданы были простой коммиссіи при министерствѣ юстиціи. На мѣсто Мюллера назначенъ тайный совѣтникъ Фалькъ. До назначенія своего министромъ, д-ръ Фалькъ состоялъ уполномоченнымъ при Союзномъ Совѣтѣ и не разъ имѣлъ случай показать предъ Рейхстагомъ свои юридическія знанія и свое краснорѣчіе. Онъ считается умѣреннымъ либераломъ и отъявленнымъ противникомъ клерикальнаго господства. Несомнѣнно также, что онъ,—гдѣ и когда нужно,—будетъ поддерживать политику кн. Бисмарка, которому обязанъ своимъ возвышеніемъ. Этимъ выборомъ и вообще всей исторіей съ Мюлеромъ сдѣлана большая уступка требованіямъ общественнаго мнѣнія Германіи и нанесенъ чувствительный ударъ клерикализму.

Смѣсь.

Бисмаркъ и Тьеръ Замѣчательное присутствіе духа, остроуміе и находчивость князя Бисмарка можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота. Во время происходившихъ передъ заключеніемъ мира переговоровъ, которые государственный канцлеръ велъ, изъ вѣжливости къ своему гостю, на французскомъ языкѣ, г. Тьеръ до такой степени увлекся разговоромъ, что отчасти даже перешелъ за предѣлы вѣжливости, такъ что еслибъ у князя Бисмарка было сколько-нибудь больше обидчивости, эти переговоры остались бы безъ всякаго результата. Но государственный канцлеръ, у котораго было въ виду только дѣло, а не форма и не своя собственная личность, измѣнилъ все это однимъ спокойно произнесеннымъ словомъ: «теперь, если вамъ угодно, мы станемъ говорить по нѣмецки». А такъ-какъ при употребленіи нѣмецкаго языка (на которомъ г. Тьеръ хотя и говоритъ довольно бѣгло, но который для него все-таки не то что родной языкъ) французскому уполномоченному пришлось обдумывать выраженія, выбирать слова, выражаться изысканнымъ образомъ, какъ это обыкновенно бываетъ при разговорѣ на чуждомъ языкѣ, слѣдовательно говорить спокойнѣе, то разговоръ принялъ опять спокойный оборотъ и все кончилось благополучнымъ образомъ, благодаря этому простому, но остроумному средству.

Самая знатная щука. Одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ въ исторіи средневѣковыхъ нравовъ состоитъ въ томъ, что тогдашніе князья, вмѣстѣ съ наслажденіями хорошимъ столомъ, къ которымъ почти всѣ они были чрезвычайно падки, любили тѣшить себя охотой, рыбной ловлей и птицеловствомъ. По поводу этого тогдашніе лѣтописцы разсказываютъ много забавныхъ анекдотовъ, да и между реликвіями, которыя показываются въ уцѣлѣвшихъ крѣпостяхъ и замкахъ, находится не мало древнихъ медалей, напоминающихъ намъ о пристрастіи «великихъ и сильныхъ» тогдашняго времени къ упомянутымъ выше занятіямъ. Такъ напр. императоръ Фридрихъ I, приказалъ выстроить по близости Кайзерслаутерна замокъ, отдѣлявшійся въ прежнее время отъ города крѣпостными укрѣпленіями, въ окружности котораго онъ устроилъ большую сажалку для рыбы. Въ этотъ прудъ его преемникъ Фридрихъ II, согласно съ единодушными показаніями современныхъ писателей, посадилъ въ 1230 году, собственными руками щуку, на которую онъ надѣлъ золотой обручикъ, устроенный такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ ростомъ рыбы раздавался и онъ. На этомъ обручѣ, была сдѣлана греческими буквами слѣдующая надпись: «Я самая знатная рыба, потому-что посажена въ этотъ прудъ руками императора Фридриха втораго 5 октября 1230 года». Щука была уже давно забыта, когда въ 1497 г. въ царствованіе курфюрста Филиппа эту щуку случайно поймали и отвезли въ Гейдельбергъ. Тѣмъ временемъ она дѣйствительно сдѣлалась самою знатною и полновѣсною рыбою своего вида и своего столѣтія, потому что достигла девятнадцати футовъ величины и трехъ сотъ пятидесяти фунтовъ вѣсу. Въ память замѣчательнаго улова курфюрстъ приказалъ срисовать этого Нестора щукъ и повѣсить его изображеніе въ гейдельбергскомъ замкѣ вмѣстѣ съ слѣдующею надписью: «Это величайшая щука; императоръ Фридрихъ, второй этого имени, посадилъ ее собственными руками въ лаутернскій прудъ и отмѣтилъ ее обручемъ, въ 1230 г.; въ Гейдельбергъ она привезена 6 ноября 1497 года, пробывъ тамъ 267 лѣтъ».

Безчувственность абиссинцевъ. Народъ, надъ которымъ господствовалъ когда-то знаменитый императоръ Ѳеодоръ (до тѣхъ поръ, пока англичане не положили, помощію 100 милліоновъ талеровъ, конца его владычеству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его жизни) и который, основываясь на его вѣроисповѣданіи и соблюдаемыхъ имъ церковныхъ обрядахъ, считается христіанскимъ народомъ, въ сущности чрезвычайно испорченная нація, управляемая одними только священниками; почти третья часть ея принадлежитъ священнической кастѣ. Жестокосердые къ людямъ, абиссинцы или амгары также безжалостны и къ животнымъ. Такъ напр. они не видятъ никакого худа въ томъ, чтобъ вырѣзать у живаго быка кусокъ мяса фунта въ два, а потомъ отпустить его. Съ этой цѣлью они ловятъ хорошо откормленое животное, повергаютъ его на-земь, надрѣзываютъ ему на ляшкѣ съ трехъ сторонъ кожу, отдираютъ ее отъ мяса, вырѣзываютъ сколько нужно мяса, пополняютъ происшедшее отъ этого отверстіе навозомъ, затягиваютъ его висячимъ кускомъ кожи, не обращая никакого вниманія на ревъ несчастнаго животнаго, которое уходитъ отъ нихъ, хромая.

Аделина Патти.

Прилагая при этомъ нумерѣ портретъ знаменитой пѣвицы, мы воспользуемся первымъ удобнымъ случаемъ для помѣщенія ея біографіи, которая, какъ мы надѣемся не безъинтересна будетъ для большинства нашихъ иногородныхъ читателей.

Заявленіе нашимъ подписчикамъ.

Мы получили отъ одного изъ нашихъ подписчиковъ, В. А. Шемякина въ Москвѣ, открытое письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ намъ, что въ одномъ изъ №№ «Нивы» присланъ былъ ему пробный № журнала «Сіяніе» на 1872 г. Спѣшимъ увѣдомить какъ г. Шемякина, такъ и прочихъ нашихъ подписчиковъ, что мы никогда не прилагали къ «Нивѣ» нумеровъ «Сіянія», отнюдь не рекомендовали этого изданія— и съ своей стороны примемъ всѣ мѣры для разъясненія этого страннаго случая.

Редакторъ В. Клюшниковъ

Дозволено цензурою 28 Января 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Моркс. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 7 февраля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

VI.

Новый Вавилонъ.

При внукѣ Людовика XIV столица Франціи была почти также неопрятна какъ при Людовикѣ XIII. Во сто лѣтъ немного улучшилась наружность Парижа—тѣ же узкія, извилистыя улицы, освѣщенія больше, а грязь все та же. Фонари не отличались изящностью. Желѣзный каркасъ ихъ поддерживавшій вбивался зря въ старые стѣны домовъ. Тротуары были изломаны, избиты, да и то не какія-либо тесаныя плиты, а въ узоръ кирпичъ, довольно узкими полосками. Rez de chaussée не блистали великолѣпіемъ. Магазины еще не успѣли развернуть блеска своей обстановки и больше походили на кладовыя или на лавки. Зеркальныя стекла были роскошью даже въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Окрестности же Лувра, гдѣ пріютились первые русскіе пансіонеры, вовсе ужь не отличались чистотою. То правда, что и плата за квартиры и вообще содержаніе на пансіонѣ стоило довольно недорого, конечно сравнительно съ нашими цѣнами. Впрочемъ, если принять въ разсчетъ русскій курсъ, русскія деньги и русскіе оклады, отпускавшіеся молодежи при посылкѣ за границу, то соотечественники наши, для образованія въ искусствѣ посланные за границу, никакъ уже не могли роскошествовать на свои 600 франковъ или потомъ на 800. Золотая молодость вынослива. Чета первыхъ нашихъ художниковъ, отвѣдавшихъ парижскаго житья-бытья, отличалась и оригинальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ высокой даровитостью; но богатство духовныхъ даровъ, дѣлавшее для нихъ сноснѣе примиреніе съ лишеніями, на самомъ дѣлѣ не могло окончательно истребить въ нихъ горькаго сознанія непріятностей, которымъ они подвергались. Неустанно работая, любя съ первымъ пыломъ страсти свою профессію, наши артисты были все-таки юноши. Потребность пожить предъявляла имъ свои права на удовольствія въ возмездіе за неустанный трудъ и каждодневныя лишенія. Порой, при самой рьяной работѣ, ледяное раздумье невольно останавливало кипучую мысль.

Если одинъ изъ нихъ, Лосенко, по мѣсту рожденія чадо Малороссіи, былъ отъ природы неразговорчивъ, частію скрытенъ и не заявлялъ жалобъ, повременамъ развѣ вздыхая какъ бы ненарокомъ,—зато товарищъ его, архитекторъ, красавецъ собой, статный, рослый, пылкій, съ головой полной обширныхъ плановъ, широкихъ предпріятій, крѣпко сѣтовалъ на недостатокъ средствъ.

Впрочемъ особенно нуждался онъ въ первое время, а къ концу втораго года, горячо стараясь выйдти изъ затруднительнаго положенія, онъ уже справился съ своей несовсѣмъ привлекательной участью. Свѣтлая голова и искусная рука выручили его. Теперь его же учителя заваливали его работой, щедро платя за рисунки. Юноша этотъ, освоившійся съ своимъ положеніемъ, Василій Ивановичъ Баженовъ, землякъ Коржавиныхъ, москвичъ, лѣтъ двадцати перенесенный на берега Невы, а черезъ два года въ Парижъ,—теперь уже былъ правой рукой профессора Дюваля, вставалъ съ разсвѣтомъ дня и уходилъ на работы, а дома не выпускалъ изъ рукъ циркуля. Онъ былъ искусникъ и не на одно черченіе. Въ началѣ, съ помощью перочиннаго ножика, онъ изъ лучиночекъ начиналъ дѣлать модели классическихъ зданій съ рисунка—и такъ отчетливо, съ такой математической точностью пропорцій, что первая сдѣланная имъ модель римскаго храмика Весты (по Витрувію, котораго онъ во французскомъ переводѣ Леруа зналъ наизусть) изумила наставника. Тотъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы это было дѣломъ рукъ de son etudiant russe. «Sieur Basile изволитъ шутить?» говорилъ Дюваль, повертывая въ рукахъ модельку. При второмъ же и третьемъ опытѣ профессоръ только разсыпался въ похвалахъ, убѣдившись въ богатствѣ знаній и способностей своего молодаго помощника;— можно бы сказать и друга, еслибы въ обычаѣ французскихъ художниковъ минувшаго вѣка не существовала какая-то искуственная сановитость, недопускавшая короткости между наставникомъ и наставляемымъ. Первый всегда считался патрономъ — и эти отношенія во все время курса оставались во всей своей силѣ.

Была пора обѣденная. Баженовъ, отправляясь въ ресторанъ, забѣжалъ на минутку домой.

Наши артисты занимали неслишкомъ-то богатый аппартаментъ въ третьемъ этажѣ одного изъ старыхъ домовъ, глядѣвшаго на улицу довольно угрюмо; со двора же казался онъ еще менѣе привлекательнымъ. Не одна сотня постояльцевъ, проходя по его лѣстницѣ, топтала ея истертыя плиты. Штукатурка едва-ли когда поновлялась, и охра получила до того бурый цвѣтъ, что ее можно было скорѣе всего назвать муміей. Входы въ жилище съ этой лѣстницы, были еще менѣе комфортабельны. Двери, особенно въ углахъ, были крѣпко расщеплены, пропуская сквозь себя холодъ и сырость. Была впрочемъ пора еще не холодная — и въ первой комнатѣ, служившей и кабинетомъ, и мастерскою, и даже салономъ, работать было сносно, потому что день былъ свѣтлый и окна выходили на солнопекъ. Въ минувшую зиму и терпѣливому Лосенкѣ работать здѣсь было не въ терпежъ. Но какъ ни непривлекателенъ былъ самъ по себѣ этотъ аппартаментъ, онъ отличался однимъ драгоцѣннымъ качествомъ въ глазахъ художниковъ — громадными окнами. Дурно оштукатуренныя стѣны этой залы пріукрасились и гипсиками и этюдами. На полочкахъ виднѣлись книги. Прежде чѣмъ сдѣлаться живописцемъ, Лосенко, какъ извѣстно, былъ пѣвецъ придворной капеллы — и эта минувшая профессія напоминалась скрипкою, спутницею досуговъ нашего артиста, уже въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Но и за развѣшаньемъ тамъ и сямъ художественныхъ аппаратовъ, стѣны обиталища жрецовъ музъ все бы удержали свою неуклюжесть, еслибы во всю ширину комнаты пополамъ не дѣлила ее перегородка, надъ которою въ родѣ балкона возвышались антресоли; лѣстница на нихъ, ничѣмъ не замаскированная, проходила по одной изъ стѣнъ. Благодаря подспорью этихъ антресоль и этой перегородки, перспектива комнаты много выигрывала и на первый взглядъ давала ей возможность произвести даже впечатлѣніе — правда не обыкновеннаго жилища, а скорѣе декораціи для комической оперы съ переодѣваньемъ.

Наши артисты жили у художницъ въ своемъ родѣ — прачекъ, живописно развѣшивавшихъ бѣлье по балюстраду антресоль.

Лосенко, смуглый брюнетъ. съ прямыми чорными волосами, съ небольшимъ тонко-обрисованнымъ носомъ, пухлыми щеками и нѣсколько отвислыми губами, одѣтый въ тиковомъ халатикѣ, съ бумажнымъ колпакомъ на головѣ, сидѣлъ у окна за мольбертомъ и старательно работалъ надъ своей картиной «чудесный ловъ рыбы», когда вошелъ Баженовъ.

— Да полно, Антоша, опять бульонъ будетъ жидкій! — послѣднимъ приходить невыгодно. Madame Guillou какъ отпуститъ порцій 70, такъ для насъ съ тобой, братецъ, останется такая гвага, пожалуй похуже академической.

— Еще минутучку, Василій Иванычъ, ты не можешь себѣ представить! Я поймалъ наконецъ ту экспрессію, которая должна быть у Петра... И онъ судорожно схвативъ кисти, задыхаясь отъ волненія, съ жаромъ продолжалъ переписывать голову Апостола.

— Ну, этакъ мы никогда не пообѣдаемъ; вѣдь ты знаешь, мнѣ надо на работу. Патронъ очень строгъ — если послѣ него придешь, онъ такимъ волкомъ посмотритъ, да еще подумаетъ, что деньги получилъ, такъ и загулялъ.

— Ну, полно, Вася! Ну что значитъ—минуточку!..

А самъ себѣ пишетъ да пишетъ, вытягивая губы и отдуваясь — что̀ было характеристической чертой Антона Павловича Лосенки, рѣдко входившаго въ пассію, но зато, когда накатитъ на него вдохновеніе — хоть колъ на головѣ теши, не оторвется.

— Э, да ты еще братъ не одѣвался! Ну! пойдешь, али нѣтъ? расхаживая большими шагами, съ нескрываемымъ безпокойствомъ настаивалъ Баженовъ.

— Я почти готовъ... ну совсѣмъ готовъ... отзывается Антонъ Павловичъ, а самъ съ муштабелемъ въ рукѣ отходитъ на надлежащую дистанцію и вглядывается...

— Совсѣмъ... Совсѣмъ почти такъ... только бличекъ дать...

Баженовъ улыбнулся.

— Такъ какъ же — готовъ? повторилъ онъ, взявшись за бока, — а бличекъ-то ты въ карманъ положи... Да скорѣй поворачивайся!.. взглянувъ на свою увѣсистую семилоровую луковицу на бисерномъ снуркѣ, говорилъ Баженовъ: — э! да три съ четвертью... и обѣдать не успѣешь... 20 минутъ на все... Постой, чу! это что такое? оборвалъ онъ, прислушиваясь.

На лѣстницѣ мягкимъ и сочнымъ альтомъ раздавался веселый напѣвъ: tralarira-rira! din-don faridondaine!..

— Кажись — нашъ enfant prodigue... Да что-то веселъ — должно быть деньги получилъ!

— Это очень кстати—бѣднягѣ не хватало ужь на табакъ, объ одной пряжкѣ пошелъ, отозвался Лосенко, снявъ бумажный колпачокъ, бережно повѣсивъ тиковый халатикъ на гвоздь и засучивая рукава передъ тазомъ съ водой; но онъ не успѣлъ приступить къ омовенію. Шумно отворенная дверь стукнула его въ затылокъ — художникъ сунулся впередъ и вытянутыми руками ударилъ

въ непросохшее мѣсто на картинѣ... Мольбертъ пошатнулся и рухнулъ на полъ.

— Аааахъ!.. погибло все!!!.. въ ужасѣ завопилъ несчастный, а виноватый, какъ отворилъ дверь ногою, такъ и остался съ приподнятымъ носкомъ, держа двумя пальцами надъ головой превосходную, миніатюрную художественной работы *шапо де пайль* изъ траганта; на лицѣ застыло выраженіе внезапнаго испуга, не успѣвшаго согнать сіяющей улыбки. Баженовъ, схватившись за бока катался по маленькой софѣ, недавно пріобрѣтенной.

— Ой! ой! не могу!.. вырывалось у него въ хохотѣ:— до колотья!.. ой, умру!..

Впрочемъ это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній. Лосенко успѣлъ поднять холстъ и сдувалъ прилипшій къ свѣжей краскѣ соръ, а Ѳедоръ Коржавинъ, придя въ себя, какъ-то тихо опустилъ руку съ своей покупкой и прижавшись къ притолкѣ, затаивъ дыханіе, глядѣлъ на Лосенку ошалѣлымъ взглядомъ.

— Слава Богу!.. вздохнувъ облегченной грудью, произнесъ наконецъ художникъ, успокоиваясь.

Коржавинъ бросился передъ нимъ на колѣна.

— Прости, душа! крикнулъ онъ: — ненарокомъ!.. убей меня Богъ, ненарокомъ!

— Ну ладно! что за счеты! хорошо что смазалъ небо, а то бѣда бы...

— А это тебѣ за то, что проморилъ меня безъ обѣда, вставая сказалъ Баженовъ: — идемъ же скорѣе — тури его, Ѳедя!

— Нѣтъ ужь теперь со мной! перебилъ Коржавинъ, обнимая пострадавшаго, — въ самую лучшую ресторацію поведу... и... зонтикъ тебѣ красный подарю!..

— Ну, на что мнѣ! отдѣлываясь отъ него говорилъ Лосенко, — идти такъ идти скорѣе...

Лицо и вся осанка Коржавина, правду сказать очень счастливыя, выражали полное умиленіе. Сознаніе вины своей у него наступало вслѣдъ за совершеніемъ промаха или проступка—и покуда не слѣдовало успокоительной развязки въ подобныхъ случаяхъ, онъ бывалъ къ себѣ неумолимъ и неутѣшенъ, считая законнымъ принесеніе всякой жертвы съ своей стороны, которая могла бы уравновѣсить вину или загладить ущербъ. Пока онъ стоялъ у притолки, у него смутно вертѣлась мысль отдать Лосенкѣ все что получилъ отъ банкира, но теперь онъ только вытащилъ изъ кармана туго-набитый вязаный кошелекъ, между петлями котораго просвѣчивало золото.

— Протремъ глазки тетушкинымъ луидорчикамъ! Вѣдь ты, Вася, съ нами? Vive la bonne chère! Такое патэ съѣдимъ, что пальчики оближешь—сочнѣе чѣмъ у тебя написано смараное мѣсто!...

Слово «патэ», «bonne chere» и проч. привлекли вниманіе еще одного лица; съ антресоль перегнулась черезъ балюстрадъ миловидная бѣлокурая головка, въ кокетливомъ чепчикѣ, изъ подъ котораго выбивались пряди пепельно-золотистыхъ волосъ.

— Отъ патэ и я не прочь! крикнула дѣвушка чистой парижской частоговоркой; конецъ фразы она докончила, уже сбѣжавъ по лѣстницѣ и стоя среди трехъ пріятелей.

— Какъ же иначе, Эмили! подхватилъ Коржавинъ, взявъ дѣвицу Эмилію за обѣ руки, — берите же вашу шляпу, шаль, и vogue la galere!

Ручки дѣвицы Ларше были еще влажны, не успѣвъ просохнуть послѣ упражненія ея въ крахмаленьи маншетъ постояльцевъ, съ которыми достойная mademoiselle любила дѣлить свои досуги, дружески завѣдуя ихъ гардеробомъ и чаще всего въ кредитъ.

— Bah! воскликнула она, вдругъ замѣтивъ новость на столѣ, которой ни Баженовъ, ни Лосенко даже не видали,—Qu'est qu' c'est que ça? какая миленькая шапо! Это вы мнѣ?

По лицу Коржавина скользнуло что-то въ родѣ совѣстливой нерѣшимости, но въ тотъ мигъ онъ уже отвѣчалъ съ самой любезной улыбкой:—безъ сомнѣнія, mon amour!

— Vous etes vraiment bon garçon, cher Theodore! и заслуживаете примѣрной награды!..

Нѣсколько минутъ спустя, она уже шла съ нимъ подъ руку, принаряженая, въ панье и съ мушками, счастливая какъ рыбка въ водѣ и щебечущая какъ птичка весной.

Въ ресторанъ M-me Guillou вела стеклянная дверь съ заплатами по стекламъ, пропускавшимъ гораздо менѣе свѣта, чѣмъ бы можно ожидать по величинѣ ихъ,—такъ какъ толстые слои замазки расходились по стеклу въ формѣ всевозможныхъ фигуръ.

Этотъ непышный входъ запирался съ громомъ по блоку — и въ ту минуту когда грянулъ стремительно упавшій камень, грузило двери, привычнымъ глазамъ товарищей открылась вся необширная зала, пышно-величаемая ресторономъ «Золотаго каплуна.» Впрочемъ, кромѣ облѣзлаго изображенія на вывѣскѣ, въ этой тавернѣ ни что не напоминало о благородномъ металлѣ; стѣны неизвѣстнаго цвѣта испещрены были мѣловыми цифрами и разными изображеніями, которыхъ созерцатели не называли. За прилавкомъ стояла женщина довольно полная, блѣдная, крѣпко пристрастившаяся къ рюмочкѣ — и эта привязанность дѣлала ее нечувствительной къ непривлекательности окружающаго. Грубыя двѣ прислужницы относились къ содержательницѣ заведенія безъ всякаго решпекта. Впрочемъ, по достоинству кухни, гдѣ дѣйствовалъ супругъ конторщицы, ресторанъ пользовался славой по всему небогатому сосѣдству, тѣмъ болѣе что можно было здѣсь имѣть обѣдъ въ кредитъ цѣлые мѣсяцы; за то уже посѣтители «Каплуна» не жаловались на грязное столовое бѣлье, нечистоту пола, кружево паутинъ по угламъ и закопченую лампу, мерцающій свѣтъ которой не позволялъ въ двухъ шагахъ узнавать знакомыхъ. Клавикорды съ лопнувшей крышкой были перевязаны веревкой—и стояли въ углу на почетномъ отдыхѣ. Противъ этого инструмента лѣпились четыре столика, да три по угламъ. Къ одному изъ нихъ, ближайшему къ эстрадѣ конторщицы, присѣли наши знакомцы.

Хозяйка лѣниво подала засаленную карту, прибавивъ, что майонеза сегодня нѣтъ, а все прочее къ услугамъ господъ. Коржавинъ съ живостью схватилъ карту и потребовалъ за шесть ливровъ лучшій патэ съ фаршемъ. Лицо хозяйки получило при этомъ заказѣ самое любезное выраженіе. Она даже сдѣлала реверансъ, сказавъ, что все будетъ готово dans un moment, но однакожь моментъ M-me Guillou былъ не изъ обыкновенныхъ—въ ожиданіи патэ наши друзья успѣли многое переговорить и M-lle Эмили почувствовала даже родъ унынія. Самъ же угощатель нашелъ всего приличнѣе прочесть письмо тетеньки, за здоровье которой собирались они позавтракать.

Грамотка олонецкой пустынницы была не очень сложна. Листокъ заключалъ въ себѣ всего строкъ 16,

довольно крупнаго письма, четкимъ, смахивающимъ на печатное, почеркомъ.

«Дорогой Ѳедюша!

Будь здоровъ на множество лѣтъ. Для Бога, другъ мой, употреби во благо триста рубликовъ, расплатися кому задолжалъ—и когда очистишь себя, то поспѣши въ Питербургъ. Тамо найдешь въ Чернышевскомъ переулкѣ нашего истаго благодѣтеля, Ивана Меркулыча Щукина. Онъ тебя друга моего отправитъ къ намъ въ Москву не мѣшкотно. А ты намъ нуженъ. Послужи намъ роднымъ твоимъ и всѣмъ нашимъ благопріятелямъ. Зѣло время благопотребно и тебѣ другу моему будетъ сіе въ великую пользу, понеже одна особа зѣло почтенная надежду подаетъ, что тебе друга моего устроитъ преотмѣнно на службу, куда ты самъ пожелаешь. Для Бога, Ѳедя, послушай и не мѣшкавъ къ намъ будь. Истинно утѣшишь всѣхъ родныхъ, а паче меня, твою тетку, которая самъ знаешь всякаго добра тебѣ желаетъ. Ей, не мѣшкай. Бѣги сего града. Не мало уже кошту въ немъ потратилъ. Прочее не поминаю.

Тетка твоя Марѳа».

— Нѣтъ, тетенька, дудки, чтобы бѣжать сего града!.. Сего никакъ не можно быть. Ноги мои отъ Сенскихъ береговъ оторваться не въ силахъ, сказалъ Коржавинъ,—вы какъ думаете, братцы?

— Ну это ты говоришь напрасно! Слава Богу — что слоняться зря! сказалъ степенный Лосенко.

— Ну да ты-то я знаю готовъ меня и въ монастырь упечь, только самъ-то охочь здѣсь жить, поспѣшилъ ему отвѣтить Ѳедоръ Коржавинъ. — Вотъ мнѣ Эмилія дастъ добрый совѣтъ. Chere Emilie, какъ скажете? Слушаться родныхъ и бѣжать отъ васъ или послушать звону тетушкиныхъ рубликовъ? сказалъ онъ, откупоривая бутылку и замѣтивъ по суетѣ, что несутъ блюдо.

— Вы насъ хотите оставить? Вы насъ разлюбили? Вы безъ содраганія хотите ѣхать въ варварскую страну и обратиться въ бѣлаго медвѣдя — но я вамъ за это отомщу—вы не успѣете пріѣхать, какъ ваши товарищи вамъ напишутъ, что я уже M-me Peluchez. M-r Peluchez, почтенный человѣкъ, предлагаетъ мнѣ свое ветхое сердце и руку съ кошелькомъ, но я неблагодарная отвергаю его... какъ вы думаете: изъ за чего, мосье Теодоръ?

— Да вѣроятно изъ за того, что этотъ Peluchez кошелекъ-то показываетъ, да не развязываетъ, сказалъ Баженовъ.

Коржавинъ, наполнивъ стаканы и звонко чокаясь съ товарищами, запѣлъ въ упоръ Эмиліи:

Si vous épousez un grand père,
Savez vous ce que vous ferez?
Tout le jour vous ferez grande chère,
Toute la nuit vous dormirez.

Эмилія, нисколько не смутясь, чокнулась съ нимъ— и запѣла въ отвѣтъ.

A ce beau jour qu'on doit fêter
Je vous presente ma personne.
C'est le bouquet que je vous donne,
Le voudriez vous bien porter?

— Bravo!—пью въ честь Эмили!.. закричалъ Коржавинъ, увлекая всѣхъ своей веселостью. Тосты пошли за тостами.

Подъ конецъ обѣда все было забыто — и письмо тетушки Марѳы, и Peluchez, и Дюваль съ его работой, и чудесный ловъ рыбы, покрайней мѣрѣ на этотъ день.

(Продолженіе будетъ).

Убіеніе высокопреосвященнаго Амвросія

во время московской чумы.

Вотъ какъ описано это событіе у современника и почти очевидца, Болотова:

«Какъ скоро язва въ Москвѣ такъ сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее въ предѣлахъ, какія предосторожности и старанія къ тому употребляемы ни были, и чума взяла верхъ надъ всѣми полагаемыми ей препонами; то сіе такъ всѣхъ живущихъ въ ней устрашило, что всякій, кто только могъ, сталъ помышлять о спасеніи себя бѣгствомъ и дѣйствительно уѣзжалъ и уходилъ изъ сего несчастнаго города, а особливо, узнавъ, что не было къ тому и дальнаго препятствія. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ строгія заставы, невыпускавшія никого изъ Москвы; но сіе продолжалось только до того времени, покуда имѣлъ самъ главнокомандующій тогда Москвою, старичокъ фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ въ ней свое пребываніе, и находились также и всѣ военныя команды въ городѣ.

Но, какъ для увеличивающейся съ каждымъ днемъ опасности принуждены были и всѣ почти послѣднія вывесть изъ города въ лагерь, да и самъ главнокомандующій уѣхалъ въ свою подмосковную деревню; — то ослабѣла сама по себѣ какъ полиція, такъ и прочія власти, и Москва поверглась въ такое состояніе, которое походило почти на безначаліе, и очумленная общимъ и повсемѣстнымъ несчастіемъ, глупая чернь дѣлала что хотѣла, ибо ни смотрѣть за нею, ни дѣйствія ея наблюдать было некому, а всякому нужно было только о самомъ себѣ помышлять.

Надобно было нѣкоторымъ изъ бездѣльниковъ распустить по всей Москвѣ слухъ, что не вся надежда еще потеряна, а есть еще способъ избавиться отъ чумы чрезъ поклоненіе одной иконѣ.

Орудіемъ къ тому были двое: одинъ гвардейскаго Семеновскаго полка солдатъ, Савелій Бяковъ, а другой фабричный Илья Аѳанасьевъ.

Бездѣльники сіи, при вспоможеніи одного попа отъ церкви Всѣхъ Святыхъ что на Кулишкѣ, выдумали чудо, которое, хотя ни съ величествомъ Божіимъ, ни съ вѣрою здравою, ниже съ разумомъ было согласно, но которому однако, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, глупая, безразсудная и легковѣрная чернь въ состояніи была повѣрить. А именно, на Варварскихъ воротахъ, въ Китаѣ-городѣ, стоялъ издревле большой образъ Богоматери, называемой «Боголюбской»; и помянутый попъ разгласилъ вездѣ, будто бы оный фабричный пересказывалъ ему, что онъ видѣлъ во снѣ сію Богоматерь, вѣщающую ему такъ:

Убіеніе высокопреосвященнаго Амвросія во время московской чумы.
Композиція и рисунокъ П. Коверзнева, гравировалъ И. Матюшинъ.

«Тридцать лѣтъ прошло, какъ у ея образа, на Варварскихъ воротахъ, нетолько никто и никогда не пѣлъ молебна, но ниже предъ образомъ поставлена была свѣча; то за сіе хотѣлъ Христосъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упросила, чтобъ вмѣсто онаго быть только трехмѣсячному мору».

Какъ ни груба и ни глупа была сія баснь, и какъ ни легко можно было всякому усмотрѣть, что выдумана она самымъ невѣждою и глупцомъ; однако не только чернь, но и купцы тому повѣрили, а особливо женщины по извѣстному и отмѣнному ихъ усердію къ Богоматери и приверженности ко всѣмъ суевѣріямъ, слушали съ отмѣннымъ благоговѣніемъ разсказы фабричнаго, сидящаго у Варварскихъ воротъ и обирающаго деньги съ провозглашеніемъ: «Порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу»! — и взапуски другъ передъ другомъ старались изъявить свою набожность служеніемъ сему образу молебновъ и всеночныхъ; и сіе дѣлала не только чернь, но и самое купечество.

А священники съ причтомъ, оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались туда съ налоями и производили сущее торжище, а не богомоліе; ибо всякой, для спасенія живота своего, не жалѣлъ ничего, а давалъ все что могъ, добиваясь только службы, или подавалъ подаяніе. Отсего, натурально, долженствовало произойти то слѣдствіе, что во всѣ часы дня и ночи подлѣ воротъ сихъ находилась превеликая толпа народа; а денежныхъ приношеній накидано было отъ него цѣлый сундукъ, тутъ же подлѣ образа стоявшій.

А какъ ничто тогда не было такъ вредно и опасно, какъ таковыя скопища народныя, поелику чрезъ самое то и отъ прикосновенія людей другъ къ другу чума наиболѣе и размножалась; то полиція московская, какъ ни слаба была уже тогда въ своемъ дѣйствіи, и какъ много ни занималась единымъ только выволакиваніемъ крючьями изъ домовъ зачумѣлыхъ и погибшихъ отъ заразы, вываживаніемъ ихъ за городъ и зарываніемъ въ большія ямы, но не упустила и помянутаго стеченія народнаго у Варварскихъ воротъ изъ вида, но сначала всячески старалась разгонять народъ. Но какъ мало въ томъ успѣвала по чрезмѣрной и даже слѣпой приверженности народа къ образу и возлаганію имъ на него всей надежды, то разсудила дать о томъ знать бывшему тогда въ Москвѣ архіерею и предложить ему, чтобъ онъ поспѣшествовалъ къ тому съ своей стороны снятіемъ съ воротъ и удаленіемъ куда-нибудь помянутаго образа.

Первенствующимъ архіереемъ былъ тогда въ Москвѣ *Амвросій*, мужъ отличныхъ достоинствъ, обширныхъ знаній и житія добродѣтельнаго. Сей, по причинѣ оказавшейся въ Чудовѣ монастырѣ (гдѣ онъ имѣлъ обыкновенное свое пребываніе) заразы, высылая больныхъ вонъ, сидѣлъ самъ тогда изъ предосторожности въ заперти; но, узнавъ о помянутомъ вредномъ стеченіи народа у Варварскихъ воротъ, долгомъ своимъ почелъ пресѣчь сіе позорище.

Итакъ, 15 сентября, въ 5 часовъ пополудни, пришла въ Чудовъ монастырь воинская команда, состоящая въ шести солдатахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ. И какъ наступилъ вечеръ, то, въ надѣяніи, что народъ разошелся уже по домамъ, — и отправилась оная команда съ двумя консисторскими подъячими и консисторскою печатью, взявъ съ собою и того самаго попа, разглашателя о чудѣ и который въ тотъ день допрашиванъ былъ по сему предмету въ консисторіи.

Но прежде, нежели команда сія пришла къ воротамъ Варварскимъ, городской плацъ-маіоръ былъ о томъ уже, и какъ видно отъ самаго сего попа, съ которымъ онъ дѣлился сборами денежными, предувѣдомленъ. И сей бездѣльникъ, зараженный корыстолюбіемъ, жалѣя собранныя деньги, поспѣшилъ, до прихода еще ихъ, приложить самъ печать свою къ сундуку съ деньгами, а народу разгласилъ, что ввечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону и захватитъ себѣ всѣ собранныя деньги.

Симъ произвелъ онъ во всѣхъ тутъ бывшихъ для богомолія многихъ людяхъ великій ропотъ и негодованіе, и, видя ихъ наклонность къ недопущенію до того, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ у Варварскихъ воротъ, въ ихъ кузняхъ находившихся, и ожидалъ съ ними и другими людьми уже въ готовности вступить съ посильными въ самый бой.

Итакъ, когда пришла команда консисторская, то нашла она тутъ уже превеликую толпу вооруженнаго всякою всячиною народа, и консисторскій подъячій едва только хотѣлъ приложить печать къ сундукамъ, какъ вдругъ нѣкто закричалъ: «бейте ихъ»! и вмѣстѣ съ этимъ словомъ бросились на команду множество людей и начали бить и солдатъ, и подъячихъ. И какъ сіи, натурально, стали обороняться, то и произошла отъ сего въ одинъ мигъ страшная драка, соединенная съ воплемъ и крикомъ превеликимъ: что «грабятъ икону Богоматери и бьютъ защищающихъ ее»; а сіе и воспламенило въ одинъ мигъ все пламя мятежа и народнаго возмущенія.

Вопль и крикъ разливался по всѣмъ улицамъ, какъ вода; во всѣхъ ближнихъ приходскихъ церквахъ ударили въ колокола въ набатъ, а потомъ на Спасскихъ воротахъ, и, наконецъ, и по всѣмъ приходскимъ церквамъ и во всемъ городѣ; а сіе и произвело всеобщую тревогу и возмущеніе всего народа, которой со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, кольями, топорами и другими орудіями.

Такое смятеніе, натурально, нагнало на всѣхъ людей, составляющихъ лучшую и умнѣйшую часть народа, страхъ и ужасъ; но никто такъ тѣмъ перетревоженъ не былъ, какъ помянутый архіерей. Сей, какъ бы предчувствуя приближающуюся къ нему его страдальческую кончину, толико пораженъ былъ извѣстіемъ, полученнымъ о семъ мятежѣ, что отъ смущенія не зналъ что дѣлать.

Нѣкто изъ консисторскихъ чиновниковъ, бывшій тогда съ нимъ вмѣстѣ и все несчастное произшествіе съ нимъ видѣвшій, и самъ въ ономъ нѣкоторое участіе имѣвшій, описываетъ оное въ письмѣ къ пріятелю своему слѣдующими словами:

«О таковомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыко немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ, къ Михайлу Григорьевичу Собакину, въ надеждѣ тамъ переночевать, яко у холостого человѣка. Мы застали его больного въ постелѣ и отъ набатовъ въ великой страхъ пришедшаго.

«Мы принуждены были его оставить. Совѣтомъ положили оттуда ѣхать къ господину Еропкину; но какъ только выѣхали мы со двора отъ господина Собакина, то приказалъ онъ мнѣ везти себя въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то есть въ Донской монастырь, не ѣхать.

«Ѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣ-

лище! Народъ бѣжалъ повсюду толпами и кричалъ только: «грабятъ Боголюбскую Богоматерь!» — всѣ, даже до ребенка, были вооружены! Всѣ, какъ сумасшедшіе, въ чемъ стояли, въ томъ и бѣжали, куда стремленіе къ убивству и грабительству влекло ихъ.

«Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь. Въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію, я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе. На владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ; нравъ народа былъ ему извѣстенъ.

«Въ тотъ же вечеръ, обратившаяся отъ Варварскихъ воротъ, чернь устремилась ночью на Чудовъ монастырь и, разломавъ ворота, искала вездѣ архіерея, грозя убить его.

«Владыко приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ, письменно, господину Еропкину.

«Окончаніе письма состояло въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободнаго изъ города выпуску; чтобы Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшею братіею принялъ онъ въ свое призрѣніе, и чтобъ о таковомъ плачевномъ состояніи благоволилъ въ Санктпетербургъ представить.

«Вмѣсто билета присланъ былъ отъ господина Еропкина конной гвардіи офицеръ съ приказаніемъ, чтобъ владыко поскорѣй выѣхалъ изъ Донского монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали.

«Сказавъ сіе, офицеръ побѣжалъ отъ насъ давъ знать, что онъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкого и оттуда велитъ проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыко уѣхать.

«Между тѣмъ, какъ владыко переодѣвался и покуда сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленія, услышали мы шумъ, крикъ и пальбу около Донского монастыря. Чернь, отбивъ карантины и Даниловъ монастырь и другіе карантинные дома, спѣшила къ Донскому монастырю.

«Какимъ образомъ свѣдала она о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, о томъ неизвѣстно и по сіе время. Ни то посланный поутру въ Чудовъ монастырь, для развѣдыванія, служитель разгласилъ неосторожно; ни то монастырскіе слуги донскіе разсказали; послѣднее вѣроятнѣе.

«Уже была подвезена кибитка, въ которую лишь только владыко, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и поѣхать съ монастыря (успѣлъ), какъ вдругъ начали убійцы ломать монастырскія, со всѣхъ сторонъ, вороты. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигло.

«Наконецъ свѣдали они, что архіерей въ церкви, а я скрылся въ банѣ, ибо мой малый, посадя меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворамъ въ руки; а при мнѣ въ то время сидѣли въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили баню.

«Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни. Страдалецъ изъ олтаря увидѣлъ, что народъ съ оружіемъ и дреколми вошелъ въ церковь, и узнавъ, что его ищутъ, исповѣдался у служившаго священника и приобщился св. тайнъ, а потомъ пошелъ на хоры, позади иконостаса.

«Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія вороты, гдѣ колокольня, и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мученическимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа.

«Спустя четверть часа и скончался новой московской мученикъ, и тѣло, избитое и обагренное кровію, лежало на распутіи день и ночь цѣлую, пока синодальной конторы члены, чрезъ полицейскую команду, заблагоразсудили поднять.

Чернь провела весь тотъ день въ сихъ безчиніяхъ мерзкихъ и безчеловѣчныхъ. Самая наступившая потомъ ночь не могла укротить ихъ бѣшенства и звѣрства; но злодѣйскія скопища ихъ умыслили звѣрство свое и буянство простирать на утріе далѣе: перебить всѣхъ докторовъ и лекарей и всѣхъ, какіе были еще, начальниковъ, а потомъ разграбить Кремль и все въ немъ находящееся; а особливо расхитить сокровища, которыя они въ Успенскомъ и другихъ соборахъ найтить надѣялись.

Соблазняло и поджигало къ тому ихъ наиболѣе то извѣстное имъ обязательство, что Москва находилась тогда въ совершенномъ почти безначаліи. Главные командиры всѣ разъѣхались по подмосковнымъ своимъ деревнямъ; а самыхъ воинскихъ командъ было очень мало, ибо всѣ прочія выведены были за городъ въ лагерь для безопасности.

Сыскался въ нѣдрахъ Москвы одинъ усердный россіянинъ и истинный сынъ отечества своего, восхотѣвшій жертвовать всѣми силами и самою даже жизнію своею для спасенія великаго города сего отъ бѣдствія величайшаго.

Былъ то отставной и никакой уже должности на себѣ не имѣвшій, престарѣлый и мало до того народу извѣстный, а того менѣе славный генералъ, по фамиліи Еропкинъ, а по имени, достойнаго вѣчнаго незабвенія, Петръ Дмитріевичъ.

Сей не успѣлъ услышать о происшедшемъ мятежѣ подлѣ Варварскихъ воротъ и потомъ о убіеніи архіерея, какъ, вѣдая, что нѣтъ никого изъ начальниковъ московскихъ, кому-бъ о усмиреніи мятежа стараніе приложить было можно, и предусматривая, что остервенившійся народъ при одномъ томъ не останется, а прострѣтъ наглости свои далѣе, рѣшился вступить самопроизвольно, хотя совсѣмъ не въ свое, но крайне нужное тогда дѣло, и принять главное начальство надъ всѣми находившимися въ Москвѣ немногими военными командами, и неусыпно трудился во всю ночь не только собраніемъ всѣхъ ихъ, колико ему то учинить было возможно, въ Кремль, но желая хотя сей спасти отъ наглости и расхищенія народнаго, успѣлъ сдѣлать и всѣ нужныя распоряженія къ недопущенію народа ворваться въ оный.

По учиненіи сего, престарѣлый генералъ, увидѣвъ страшное множество скопившагося на торговой площади народа, и слыша крикъ и вопль ихъ, чтобъ итти на проломъ въ Кремль для расхищенія онаго, отважился выѣхать верхомъ къ нимъ, и разъѣзжая между ними, усовѣщивать и всячески уговаривать народъ, чтобъ онъ успокоился и не простиралъ безчинія своего далѣе.

«Полно, полно, друзья мои! говорилъ онъ имъ: что это вы затѣяли? Опомнитесь, пожалуйста, и подумайте, такое ли время теперь, чтобъ помышлять о такихъ наглостяхъ и безчиніяхъ. Смерть и безъ того у насъ у всѣхъ передъ глазами, и гнѣвъ Господень и безъ того насъ поражаетъ и надобно ли гнѣвить его еще болѣе злодѣяніями такими.»

Но всѣ сіи и множество другихъ убѣжденій, кото-

рыми онъ бунтующую чернь уговорить и укратить старался, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Множайшіе не хотѣли нимало внимать убѣжденіямъ и словамъ его, и злѣйшіе изъ мятежниковъ кричали только ему:

«Убирайся-ка, убирайся, старикъ, самъ скорѣе прочь отсюда, а то и самаго тебя стащимъ съ лошади. Слышишь! не твое дѣло, и ты ступай прочь отсюда.»

Нечего было тогда дѣлать сему престарѣлому мужу, какъ дѣйствительно удалиться опять въ Кремль къ своимъ командамъ; но, по достиженіи до оныхъ, не оставилъ онъ еще кричать и убѣждать ихъ всячески, говоря, чтобъ они отходили прочь и не отваживались никакъ ломиться къ воротамъ, сказывая имъ прямо, что буде не послушаются, то онъ по дуракамъ велитъ стрѣлять.

Но они не хотѣли тому никакъ вѣрить. И какъ по приближавшимся къ Спасскимъ воротамъ велѣлъ онъ выстрѣлить, для единаго устрашенія, одними пыжами и направивъ выше головъ и они увидѣли, что никто изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ, то возмечтавъ себѣ, что не беретъ ихъ никакая пуля и пушка и что сама Богоматерь защищаетъ и охраняетъ ихъ, съ великимъ воплемъ бросились и повалили прямо къ воротамъ.

Но несчастные того не знали, что тутъ готовы были иныя пушки, заряженныя ядрами и картечами; и какъ изъ сихъ посыпались на нихъ сіи послѣдніе; а первыя цѣлыя улицы между ними дѣлать начали, перехватывая кого надвое, кого поперегъ, и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая, то увидѣли, но уже поздно, что съ ними никакъ шутить были не намѣрены.

И какъ таковая неожидаемая встрѣча была имъ весьма непріятна и всѣ злѣйшіе заводчики, бѣжавшіе впереди, почти наповалъ были побиты и ядры, попадая въ стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, однимъ выстрѣломъ по нѣскольку десятковъ умерщвляли; то сіе бывшихъ назади такъ устрашило, что всѣ бросились назадъ и разбѣжались въ разныя стороны, кто куда скорѣе успѣть могъ.

А сіе самое по особливому счастію и положило конецъ всей этой трагической сценѣ; ибо, не успѣли всѣ находившіеся предъ прочими воротами толпы услышать пальбу и вопли раненыхъ и увидѣть бѣгущій прочь народъ, какъ и сами начали разбѣгаться врознь, и въ короткое время не видно было нигдѣ во всей Москвѣ ни малѣйшей кучки и скопища народнаго, и полиціи оставалось только ловить и вытаскивать изъ винныхъ погребовъ тѣхъ, кои въ нихъ пьющіе были заперты.

Охота на бѣлаго медвѣдя.

Бѣлый или полярный медвѣдь (Thalassarctos polaris) представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ столько своеобразнаго, что стоитъ совершенно особнякомъ, между своими собратьями. Отъ нихъ онъ отличается вытянутымъ въ длину туловищемъ, съ длинной шеей и крѣпкими, толстыми ногами; кромѣ того лапы у него гораздо больше и пальцы соединены между собой (почти до половины длины) широкой плавательной перепонкой. Но самое рѣзкое отличіе, отъ всѣмъ извѣстнаго «Мишки», «Михайло Ивановича» или «Таптыгина» и собратій, заключается въ родѣ жизни, основанномъ конечно на всемъ строеніи организма животнаго. Уже по одному росту бѣлый медвѣдь долженъ быть принятъ за морское животное. Онъ больше самого гризли (сѣрый медвѣдь, Ursus ferox) этого страшилища Америки, про котораго опытные охотники говорятъ, что ягуаръ передъ нимъ безобидное существо. Средняя длина самца равняется обыкновенно 8 футамъ. Вѣсъ же по словамъ Россе, который вѣсилъ самца имѣвшаго 7 фут. 8. дюймамъ въ длину и 4 фута въ вышину,—несмотря на то, что звѣрь потерялъ до 30 фунт. крови, былъ $1131^1/_2$ фунтовъ.

Мѣхъ бѣлаго медвѣдя роскошенъ и длиненъ и состоитъ изъ короткаго подшерстка и гладкихъ, тонкихъ блестящихъ и мягкихъ, почти пушистыхъ волосъ. За исключеніемъ темнаго кольца вокругъ глазъ, голаго кончика носа, краевъ губъ и когтей, бѣлый медвѣдь весь покрытъ бѣлой какъ снѣгъ одеждой. У молодыхъ животныхъ мѣхъ чистаго серебристаго цвѣта, но у старыхъ, вслѣдствіе рыбной пищи, онъ получаетъ желтоватый оттѣнокъ.

Бѣлый медвѣдь живетъ на крайнемъ сѣверѣ, въ настоящемъ ледяномъ полюсѣ и встрѣчается только тамъ, гдѣ вода или весь годъ или большую часть года отчасти покрыта льдомъ. Нетревожимый никѣмъ, застрахованный отъ всякихъ нападеній, онъ идетъ ни встрѣчу леденящему холоду и страшнымъ, почти невообразимымъ мятелямъ и бурямъ. Онъ переходитъ страны моря или по ледяному покрову воды, или плыветъ по открытымъ волнамъ, на хрустальныхъ корабляхъ, создаваемыхъ для него самимъ моремъ, — на льдинахъ.

Пища бѣлаго медвѣдя состоитъ изъ животныхъ, которыхъ онъ находитъ въ морѣ или на бѣдныхъ берегахъ своей родины. Пропитаніе не стоитъ ему большаго труда; благодаря силѣ, онъ крѣпкими когтями пробиваетъ во льду большія отверстія и проникая черезъ нихъ въ глубь ловитъ морскихъ животныхъ.

Рыба и киты составляютъ его преимущественную пищу, кромѣ того онъ охотится за тюленями и имѣетъ достаточно ловкости и ума справиться съ этими хитрыми и проворными животными.

Весьма рѣдко нападаетъ бѣлый медвѣдь на домашнихъ животныхъ, развѣ только въ сильную голодуху; но на человѣка, безъ вызова со стороны послѣдняго, нападать не отваживается, а обыкновенно уступаетъ ему дорогу. Но если разъ его уже вынудили къ борьбѣ, онъ не уступитъ, и до послѣдней минуты стоитъ лицомъ къ врагу.

Тутъ онъ безусловно самый страшный изъ всѣхъ звѣрей, съ которыми человѣкъ можетъ имѣть дѣло—и кто осмѣлиться задѣть его, избѣгаетъ опасности только въ случаѣ, если ему удастся смертельно ранить противника.

Опишемъ здѣсь встрѣчу съ бѣлымъ медвѣдемъ и охоту на него путешественниковъ къ сѣверному полюсу.

Проѣзжая на эскимоскихъ саняхъ недалеко отъ мыса Гатертона, путешественники напали на слѣдъ большаго полярнаго медвѣдя. Ни люди ни собаки не могли воздержаться отъ искушенія выслѣдить звѣря.

Самка бѣлаго медвѣдя съ дѣтенышемъ спали на верху небольшой возвышенности; проснувшись отъ собачьяго лая, они немедленно бросились къ открытому морю, которое виднѣлось какъ темное пятно верстахъ въ семи

Охота на бѣлаго медвѣдя.

Гравировалъ Паннемакеръ.

разстоянія. Безъ всякаго понуканія со стороны путешественниковъ, собаки бросились преслѣдовать бѣглецовъ. Достигнуть воды было бы спасеніемъ для медвѣдей, это они понимали весьма хорошо и потому бѣжали со всѣхъ ногъ, прилагая всѣ свои силы. Собаки, такъ же какъ и охотники, взбѣшенныя возможностью упустить добычу, летѣли какъ вихрь. Сани неслись по окрѣпшему снѣгу, подпрыгивая при толчкахъ объ острыя льдины, торчавшія въ наружу изъ-подъ снѣжнаго покрывала.

Менѣе чѣмъ въ четверть часа, разстоянія оставалось не болѣе нѣсколькихъ сотъ саженей. Море, надежда бѣглецовъ и гибель для преслѣдователей, также приближалось, но медвѣдицѣ мѣшалъ бѣжать медвѣженокъ, котораго ей нельзя было оставить; испуганный, онъ тяжело бѣжалъ подлѣ нея—и даже жалость брала слышать раздирающіе крики бѣдной матери и видѣть ея глубокое горе; она хорошо понимала опасность, но не могла рѣшиться на побѣгъ безъ своего дѣтеныша. Страхъ и материнская любовь видимо боролись въ ней; она бросалась къ морю и вслѣдъ затѣмъ возвращалась назадъ и подталкивала мордой маленькаго сына, выбившагося изъ силъ; она бѣжала подлѣ, точно хотѣла ободрить его.

Врагъ все близился; собаки забыли усталость и натягивали постромки, какъ струну, мчась съ санями; критическій моментъ былъ недалекъ и предсмертное томленіе несчастной семьи могло тронуть самыя недоступныя состраданію сердца, медвѣженокъ не могъ далѣе бѣжать.

Подойдя шаговъ на пятьдесятъ, путешественники схватили ремень соединяющій всѣ постромки, и вынули его изъ петли: сани остановились—и собаки, почувствовавъ себя на свободѣ, бросились на добычу, испуская яростный вой. Слыша подлѣ себя шумъ стаи, жаждущей ея крови, бѣдная мать поняла, что дальнѣйшее бѣгство невозможно, полуобернулась, и, крѣпко упершись на снѣгу, приготовилась къ бою съ мужествомъ отчаянія, между тѣмъ какъ медвѣженокъ, обезумѣвшій отъ страха, бѣгалъ вокругъ нея и наконецъ забился ей подъ ноги.

Путешественники вынули изъ саней карабины и поспѣшно подбѣжали, но стая столпилась съ своими противниками въ одну кучу и стрѣлять было затруднительно. Воспользовавшись минутой, когда медвѣдица полуобернулась, два охотника выстрѣлили, но раны были не смертельны—и медвѣдица, страшно рыча, еще съ большимъ остервененіемъ стала отбиваться отъ осаждающихъ ее собакъ. Кровь текла изъ ранъ, обагряя ея бѣлый мѣхъ и снѣгъ... Медвѣженокъ былъ растерзанъ и издыхалъ; безжизненно лежала одна собака, а другая сильно визжа валялась, какъ и противникъ обагряя кровью снѣгъ.

Хотя и изнуренная потерею крови, медвѣдица собрала свои силы, принудила собакъ къ поспѣшному бѣгству и подкатила къ себѣ тѣло дѣтеныша, за котораго она отдавала свою жизнь... Увидя его израненнымъ, окровавленнымъ и безъ движенія, мать забыла все,— свои раны, опасность, бѣшеную стаю, рвавшую ее безъ устали, — и начала его облизывать съ страстною нѣжностью; она не вѣрила, что онъ мертвъ, старалась его поднять, ласкала, чтобы ободрить и заставить защищаться; потомъ, какъ бы вдругъ понявъ, что онъ не нуждался въ ея защитѣ, она съ удвоенною яростью обернулась къ своимъ палачамъ—и въ первый разъ замѣтила, что кромѣ лающей стаи, у нея есть и другіе непріятели. Одинъ изъ охотниковъ подходилъ къ ней съ рогатиной; она стряхнула съ себя собакъ и бросилась къ нему на встрѣчу. При видѣ такого чудовища въ пяти-шести шагахъ отъ себя охотникъ струсилъ и хотѣлъ пуститься въ бѣгство, но два вѣрные выстрѣла его товарищей положили на мѣстѣ колосса полярныхъ странъ.

Картина китайскаго города.

(Окончаніе).

Мы проходимъ чрезъ одни такія ворота, намъ на встрѣчу несется, изъ перваго дома по ту сторону воротъ, крикъ дѣвочки, по всему вѣроятію страдающей отъ того истязанія, которому подвергаются ноги китайскихъ женщинъ. Маленькія ноги, не больше трехъ дюймовъ длиною, составляютъ у китайскихъ женщинъ необходимую потребность, такъ какъ безъ этого никакая дѣвушка не найдетъ себѣ мужа. Въ качествѣ жены она покорная и преданная служанка своего мужа, но въ качествѣ дочери она нуждается въ попеченіяхъ своихъ родителей. Ножная операція предпринимается на седьмомъ или восьмомъ году возраста. Одинъ молодой врачъ услыхалъ въ какомъ-то домѣ крикъ и вошелъ туда. Тамъ лежала на постели маленькая дѣвочка съ крѣпко-обвитыми ногами. Онъ снялъ бандажи и нашелъ что ноги загнуты и воспалены. Перевязавъ раны, онъ сдѣлалъ предостереженіе матери. Это было напрасно; на слѣдующій день дитя страдало еще сильнѣе и лежало въ изнурительной лихорадкѣ. Онъ еще разъ снялъ перевязи, представляя матери, что дальнѣйшее продолженіе этой операціи повлечетъ за собою смерть ея дочери. Вскорѣ послѣ этого онъ возвращался домой мимо того же самаго дома, — передъ дверями стоялъ маленькій гробикъ.

Сады, гдѣ продается готовый чай, лежатъ въ центрѣ города. Тамъ собирается веселая толпа, которая прихлебываетъ чай, куритъ, грызетъ дынныя сѣмечки, прогуливается или смотритъ на фигляровъ. Мы подымаемся въ чудный бамбуковый домъ, построенный надъ водою; внутри его такія маленькія комнаты, какія только можно представить себѣ. Здѣсь посѣтители ложатся и пьютъ чай изъ чашекъ, которыя не моются, а только вытираются, потому-что вымытая чашка теряетъ, какъ полагаютъ, способность сосредоточивать благоуханіе дорогаго гайсанскаго чая. Отпивъ чай, посѣтитель приказываетъ подать себѣ трубку для опіума. Ему приносятъ камышевую трость, пустую внутри; съ одного конца она закрыта, а на другомъ надѣтъ мундштукъ съ головкою, которая хотя и велика, но снабжена на серединѣ такимъ углубленіемъ, куда могла бы помѣститься только булавочная головка. Курильщикъ откидывается назадъ, бросивъ еще одинъ взоръ на пеструю толпу посѣтителей, потомъ открываетъ баночку изъ слоновой кости, беретъ оттуда щипчиками маленькую пилюлю опіума, осторожно обжигаетъ ее на пламени спирта и всаживаетъ въ маленькое отверстіе головки. Три затяжки и она выкурена. Кто только еще начинаетъ курить, тотъ теряетъ наполо-

вину созпаніе уже отъ одной пилюли, тогда какъ опытный курильщикъ можетъ курить впродолженіи цѣлыхъ часовъ. Но вотъ еще одна пилюля—и онъ бросаетъ томный взглядъ на пагоды и цвѣты, на воду и гуляющихъ китайцевъ. Еще одна — и остатокъ его сознанія исчезаетъ вмѣстѣ съ ея дымомъ.

Уже въ глубокой древности земледѣліе занимало въ Китаѣ болѣе высокое мѣсто, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Даже императоръ отправляется ежегодно въ назначенный день, въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ поле, проводитъ тамъ плугомъ нѣсколько бороздъ и засѣваетъ ихъ рисовыми зернами, послѣ чего присутствующіе при этомъ работники оканчиваютъ въ его присутствіи обработку всего поля. Выручка съ этого поля, поручаемаго надзору особыхъ чиновниковъ, назначается для жертвоприношеній, а цѣль этой церемоніи состоитъ въ томъ, чтобы указать высокое значеніе земледѣлія и такъ-сказать возвеличить его. Это тѣмъ болѣе разумная мѣра, что нѣтъ ни одной страны, которая нуждалась бы въ этомъ больше Китая, такъ какъ народонаселеніе этого государства необыкновенно густо, потребность на хлѣбъ значительна, а почва земли очень часто мало удобна для земледѣлія. Гористыя страны въ южномъ Китаѣ имѣютъ, большею частію, очень бѣдную почву; вы видите тутъ одни только гранитныя скалы, голыя вершины которыхъ поднимаются надъ очень тощею растительностью. Неплодородіе выжженной солнцемъ и перемѣшанной съ разложившимся гранитомъ почвы поддерживается, къ сожалѣнію, еще тѣмъ, что какъ растущая на ней трава, такъ и кустарники употребляются, за недостаткомъ дерева, для топлива; а если покрывающая горы трава временами и сжигается на мѣстѣ, то получаемое вслѣдствіе этого удобреніе слишкомъ незначительно для почвы. Но это относится только къ болѣе высокимъ уступамъ горъ. Что касается до нисшихъ, они, напротивъ того, представляютъ собою прекрасныя поля съ рисомъ, бататами и картофелемъ, въ особенности съ первымъ, богато орошаемымъ бѣгущими съ горъ ручьями,—орошеніе, необходимое для успѣшнаго роста этой благородной породы жита. Тѣмъ не менѣе южныя гористыя страны далеко не такъ плодородны, какъ сѣверныя. Въ этихъ послѣднихъ встрѣчаются часто горы до 3000 футовъ высоты, которыя обработываются до самой вершины. Вотъ здѣсь-то китайскій земледѣлецъ трудится безъ устали, и его тяжелая работа вознаграждается, большею частію, обильною жатвою.

Такъ какъ главное средство для пропитанія народа состоитъ, большею частію, въ рисѣ, то этотъ послѣдній и составляетъ главный продуктъ страны. На югѣ онъ даетъ по двѣ жатвы въ годъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще собираніе овощей, происходящее зимою. Съ наступленіемъ весны, когда зимнія овощи уже убраны, приступаютъ къ приготовленію почвы для первой рисовой жатвы. Порядочно грубый, но легкій плугъ, запряженный однимъ буйволомъ, бороздитъ затопленную до тѣхъ поръ почву и опрокидываетъ пласты ила, толщиною въ 6 и 8 дюймовъ, которые очень часто лежатъ на твердомъ слоѣ глины. Какъ буйволы такъ и пахари бредутъ при этомъ по глубокой грязи, какъ ни утомительно и ни вредно это для послѣднихъ, Затѣмъ начинаютъ работать бороною съ чрезвычайно короткими зубьями, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобъ растереть землю и сдѣлать изъ нея что-то въ родѣ кашицы — главное условіе для успѣшнаго роста молодыхъ всходовъ риса. Что же касается до посѣва риса, то онъ дѣлается еще до этого въ сильно-унавоженномъ полѣ и пересаживается теперь въ приготовленное для его принятія поле. Это происходитъ обыкновенно съ удивительною быстротою. Обозначенныя уже линіи, находящіяся на разстояніи десяти или двѣнадцати футовъ другъ отъ друга, должны принять растенія, которыя работникъ раскладываетъ сначала по линіи на одинаковомъ разстояніи, а потомъ уже на обратномъ пути вдавливается рукою въ влажную почву. За тѣмъ поле затопляется водою на нѣсколько дюймовъ вверхъ, что продолжается до самой жатвы, которая въ южныхъ провинціяхъ наступаетъ въ началѣ іюля.

Еще прежде чѣмъ рисъ совсѣмъ поспѣетъ, въ одномъ углу поля держатъ уже на готовѣ молодые всходы риса, для того чтобъ вспахавъ и заборонивъ землю и сдѣлавши всѣ остальныя приготовленія, пересадить ихъ на мѣсто прежнихъ. Эта вторая жатва поспѣваетъ въ ноябрѣ.

Но такъ какъ подъ широтою Нингпо (30 градусовъ с. ш.) лѣто слишкомъ холодно для того, чтобъ можно было приготовить одно и то же поле для всѣхъ жатвъ, то жители этихъ странъ употребляютъ для этого другой, болѣе скорый способъ. Молодые всходы первой жатвы пересаживаются въ серединѣ мая, а въ оставшіеся на занятыхъ ими линіяхъ промежутки сажаютъ, черезъ двѣ или три недѣли, всходы для второй жатвы, ростъ которыхъ идетъ необыкновенно медленно —до тѣхъ поръ пока растутъ первые всходы. Первые всходы созрѣваютъ къ августу и ихъ сейчасъ же жнутъ, между тѣмъ какъ вторые бываютъ въ это время не болѣе одного фута вышины. Послѣ этого землю вскапываютъ какъ можно осторожнѣе, сыплютъ на нее свѣжаго навозу и, благодаря этимъ мѣрамъ, вторые всходы созрѣваютъ не позже ноября. Конечно, еще сѣвернѣе, жители пользуются только одной жатвой. Въ такомъ случаѣ посѣвъ происходитъ въ концѣ мая, а жатва въ началѣ октября.

Въ то время какъ рисъ ростетъ, земля находится безпрерывно подъ водою. Террасы наводняются многочисленными ручьями, бѣгущими съ горъ, а тѣ поля, которыя лежатъ выше рѣкъ и каналовъ, затопляются посредствомъ водоподъемныхъ колесъ, употребляющихся здѣсь повсемѣстно. Эти снаряды приводятся въ движеніе различнымъ образомъ: человѣческими руками или ногами, или же животными, въ особенности буйволами. Это затопленіе полей дѣлаетъ работу земледѣльца необыкновенно тяжелою и опасною, потому-что, какъ при неоднократно повторяемой расчисткѣ линій граблями, такъ и при жатвѣ риса, которая производится посредствомъ серпа, ему приходится очень часто работать по колѣно въ водѣ и въ илѣ. Рисъ разводится на нисшихъ уступахъ горъ, и маленькій ручей открытый въ какомъ нибудь горномъ оврагѣ, проводится оттуда внизъ до назначеннаго мѣста. Плотина удерживаетъ воду, которая поднявшись до высоты 3 или четырехъ дюймовъ и затопивъ такимъ образомъ весь уступъ, проводится къ слѣдующему—и такъ отъ уступа до уступа въ долину.

Видъ этихъ уступовъ или террасъ часто необыкновенно хорошъ, такъ какъ они поднимаются иногда до 6—700 футовъ надъ уровнемъ моря, покрыты нѣжною зеленью и придаютъ всему ландшафту видъ многочисленныхъ садовъ.

Тѣ же самыя поля засѣваются зимою овощами, и здѣсь же встрѣчаемъ мы, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, наши отечественные злаки, какъ напр. въ сѣверныхъ провинціяхъ: пшеницу, ячмень и другія растенія.

Смольный монастырь.

Первое женское учебное заведеніе въ Россіи было основано Екатериною Великою въ 1765 г.; это заведеніе, получившее названіе *Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ*, было помѣщено, по примѣру французскаго Сенъ Сирскаго института, въ стѣнахъ монастыря, который со смертью послѣдней инокини потерялъ свое существованіе и передалъ обществу свои владѣнія — подъ именемъ *Смольнаго монастыря*.

Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ съ мѣщанскимъ (нынѣ Александровскимъ) училищемъ извѣстно каждому; поэтому-то, оставляя въ сторонѣ его настоящее состояніе, мы займемся исторіей Смольнаго монастыря вообще, къ которой прибавимъ только нѣсколько подробностей для поясненія прилагаемаго при этомъ рисунка.

На берегу Невы, напротивъ Охты, находилась деревня *Смольная*, въ которой былъ устроенъ дегтярный заводъ, снабжавшій смолою сперва Ніеншанцы, а потомъ С.-Петербургское Адмиралтейство. Близъ этого мѣста Петръ Великій построилъ, въ 1720 г., загородный дворецъ, наименованный отъ того *Смольнымъ* и назначенный для пребыванія Великой Княжны Елизаветы Петровны въ лѣтнее время.

По вступленіи ея на престолъ, Смольный дворецъ опустѣлъ. Императрица жила обыкновенно въ Зимнемъ дворцѣ и лишь изрѣдка посѣщала прежнее жилище, гдѣ провела лѣта молодости. Вскорѣ она вознамѣрилась превратить его въ пріютъ бѣднымъ сиротамъ дѣвицамъ—и съ этою цѣлью положила, 30 декабря 1748 г., основаніе новому дѣвичьему монастырю, названному по соборному храму *Воскресенскимъ*. Думаютъ также, что сама Императрица намѣревалась провести въ этомъ монастырѣ послѣдніе годы своей жизни, сдавъ правленіе Петру III, но это, какъ извѣстно, не исполнилось.

Строителемъ новаго монастыря былъ назначенъ бригадиръ Мордвиновъ, къ которому въ завѣдываніе поступили и пожалованныя Государынею, въ 1749 г., монастырю земли. Вмѣстѣ съ нимъ заложены были Императрицею Елизаветою церкви: Св. Великомученицы Екатерины, Св. Елизаветы и Захарія и Св. Князя Александра Невскаго, освященныя уже послѣ ея смерти. А для возведенія соборнаго храма и прочихъ монастырскихъ зданій, архитекторъ графъ Растрелли, начерталъ планъ, изъ котораго при Елизаветѣ Петровнѣ были окончательно выполнены однѣ только кельи; соборная же церковь *Воскресенія*, по случаю возгорѣвшейся тогда Семилѣтней войны, была оставлена отдѣланною только вчернѣ и оставалась въ этомъ положеніи больше семидесяти лѣтъ.

Между тѣмъ новая обитель наполнялась понемногу монахинями и становилась значительнымъ монастыремъ. Въ 1764 г., Екатерина Великая велѣла составить новый штатъ для Воскресенскаго монастыря, при чемъ число монахинь было ограничено 13 (считая въ томъ числѣ и игуменью), а въ 1765 г. учредила при монастырѣ, въ особливо отдѣланномъ строеніи, училище для малолѣтнихъ дѣвицъ благороднаго и мѣщанскаго происхожденія.

Планъ возникающаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ былъ начертанъ И. И. Бецкимъ, по мысли котораго были основаны воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ, и утвержденъ Императрицею 5 мая 1764 г. Всѣхъ воспитанницъ было назначено сперва двѣсти—и въ первый годъ помѣщено было ихъ сюда только 50. При этомъ училищѣ, открытомъ 31 января 1765 г., Императрица учредила, въ томъ же самомъ году, еще училище для 60 дѣвицъ низшихъ сословій. Въ 1766 г. она пожаловала для воспитывающихся дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣвицъ 2,500,000 рублей съ тѣмъ, чтобъ получаемые проценты съ этого капитала тратились на воспитаніе ихъ, а въ 1773 г. были Высочайше утверждены правила, по которымъ разрѣшалось родителямъ отдавать дочерей въ заведеніе пансіонерками, причемъ, сверхъ положеннаго прежнимъ штатомъ числа, прибавлено еще 40 воспитанницъ.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, Воспитательное Общество поступило подъ покровительство Им. Маріи Ѳеодоровны, которая в семъ же году даровала ему новый уставъ и увеличила его средства. Подъ ея благодѣтельнымъ управленіемъ Воспитательное Общество достигло высшей степени совершенства. Нынѣ какъ извѣстно, это Общество, заключающее въ себѣ до 750 воспитанницъ, раздѣляется на два отдѣленія: *Общество благородныхъ дѣвицъ*, куда принимаются на казенный счетъ только дочери лицъ имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, а пансіонерками, съ платою 350 р. въ годъ, и дочери потомственныхъ дворянъ, имѣющихъ чины и ниже поименованныхъ, если только они записаны въ 5 или 6 части родословной книги,—и *Александровское училище*, куда могутъ поступать на казенный счетъ дочери лицъ, отъ чина полковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника включительно, равно протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, а пансіонерками, съ платою 200 р. въ годъ, и дочери дворянъ, внесенныхъ въ 1, 2, 3 и 4 части дворянской книги, не выше однакоже чина подполковника и коллежскаго совѣтника.

Наружный видъ Смольнаго монастыря, состоящаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданій, среди которыхъ высится величественное зданіе Воскресенскаго собора,— одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ видовъ. Колоссальный куполъ собора окруженъ другими четырмя меньшими главами, древней формы, покрытыми золотыми эмблемами и звѣздами. По четыремъ сторонамъ собора — башни, также съ куполами. Вся эта группа, имѣющая въ объемѣ 19 саженъ, представляетъ въ воздухѣ пышное вѣнчаніе зданія. На главномъ куполѣ повѣшены, съ двухъ боковыхъ башенокъ, болѣе 20 колоколовъ отлитыхъ въ городѣ Валдаѣ; самый большой изъ нихъ вѣситъ 607 пудъ.

Широкій красивый въѣздъ ведетъ къ собору и оканчивается полукруглою чугунною рѣшеткою, съ фило-

грамовыми столбами и воротами, вполнѣ соотвѣтствующими общей идеѣ. Впереди въѣзда стелется обширная площадь во 100 сажень длины и 80 ширины, обсаженная деревьями въ видѣ аллей. Другая площадь, вокругъ самаго собора, отдѣлена отъ площади Смольнаго монастыря также рѣшеткою изъ деревьевъ.

Воскресенскій соборъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній искусства. Будучи построенъ вчернѣ, какъ было говорено выше, еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, онъ былъ отдѣланъ вполнѣ только въ царствованіе Императора Николая Павловича, который учредилъ для этой цѣли особую коммиссію подъ именемъ *Коммисіи докончанія собора Воскресенія Спасителя всѣхъ учебныхъ заведеній*. Въ 1833 г. водовъ. Въ алтарѣ, на стѣнѣ, по правую сторону престольнаго образа, начертаны золотыми буквами названія семнадцати учебныхъ заведеній, находившихся подъ покровительствомъ Маріи Ѳеодоровны; по лѣвую сторону надпись: «*Сей храмъ начатъ Императрицею Елизаветою Петровною, въ 1748 году; доконченъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1835 году*».

Напротивъ иконостаса находится подъ балдахиномъ императорское мѣсто, а съ другой стороны каѳедра, которыя кажутся сдѣланными изъ одной массы, а не составленными изъ кусковъ: всѣ они, большею частію, съ прозрачною рѣзьбою изъ различныхъ арабесковъ и вѣтвей, съ листьями и цвѣтами, священными изображеніями и покрыты позолотой. Въ параллель съ импе-

Смольный монастырь.
Рисовалъ Александръ де Баръ, гравировалъ Барентъ.

зданіе это, подъ руководствомъ архитектора Стасова, опять начало воздвигаться, а 22 іюля 1835 г., въ присутствіи Государя и Высочайшей Фамиліи, воспитанницъ всѣхъ находящихся въ Петербургѣ заведеній, въ Воскресенскомъ соборѣ была совершена панихида по Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Главный алтарь Воскресенія, съ двумя предѣлами во имя: 1. Св. Маріи Магдалины и 2. Св. Праведной Елизаветы, находится на возвышеніи, въ нѣсколько ступеней, отдѣленномъ превосходною балюстрадою изъ граненаго хрусталя, приготовленнаго на заводѣ Мальцова, въ Орловской губерніи. Ступени и площадки, ведущія къ алтарю, сдѣланы изъ уральскаго мрамора, желтаго цвѣта, а полы предъ иконостасами и въ алтаряхъ въ шахматъ съ темнодымчатыми квадратами. Весь этотъ мраморъ доставленъ изъ Екатеринбургскихъ заraторскимъ мѣстомъ, утверждена за балюстрадою мраморная доска, на которой надпись золотыми буквами: «*Сей храмъ наименованъ Соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, въ память Императрицы Маріи Ѳеодоровны, благотворительницы юношества. Родилась 1759 года, октября 14. Скончалась 1828 года, октября 24.*

Изъ образовъ примѣчательны: 1. *Воскресеніе Христово*, по своей огромности и по тому величественному виду, какой производитъ издали, при входѣ въ храмъ, когда откроютъ царскія врата, на которыхъ стоятъ изображенія двухъ ангеловъ, вышиною въ четыре аршина; этотъ образъ имѣетъ 2½ сажени въ вышину, находится на необыкновенномъ возвышеніи алтаря и оканчиваетъ тридцатисаженную перспективу собора; 2. *Предстательство Богородицы*, работы Венеціанова,

по своей идеѣ. Святая Дѣва стоитъ на холмѣ, у подножія котораго, на первомъ планѣ група воспитанницъ Смольнаго монастыря, трехъ возрастовъ, въ платьяхъ кофейнаго, голубаго и бѣлаго цвѣтовъ, а вдали видѣнъ величественный фасадъ собора всѣхъ учебныхъ заведеній; 3. *Копія съ Нерукотвореннаго чудотворнаго образа*, находящагося въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ; 4. *Божіей Матери Скорбящихъ радости* въ серебряной, позолоченой ризѣ, украшенной жемчугомъ.

Между церковною утварью, примѣчательны потиры изъ золота, серебряные канделябры, лампады и дарохранительница, сдѣланная изъ пяти пудъ серебра, въ видѣ продолженной арки, длинною 5, шириною 4 аршина, въ барельефахъ, съ украшеніями на субасментѣ, поддерживаемомъ 24 яшмовыми колоннами, работы мастера Кайбеля. Книги церковнаго круга, Евангеліе и поучительныя, печатанныя всѣ въ царствованіе Елизаветы Петровны. На престолѣ хранится золотая большая медаль, выбитая по случаю освященія собора. Замѣчательны также подсвѣчники, выносимые, напрестольныя лампады, водосвятная чаша и окладъ большаго Евангелія, серебряные, вѣсомъ около 16 пудъ. Шесть ризъ и столько же стихарей, тканые золотомъ по серебряному грунту, на особомъ станѣ, такъ что каждая риза и стихарь цѣлые, почему и называются *нешвеными*.

Къ числу изящныхъ украшеній храма принадлежитъ рѣзная работа мастера Захарова, на запрестольныхъ рамахъ: виноградныя листья и рдѣющіе грозды винограда. Внутреннія стѣны и колонны отдѣланы подъ бѣлый мраморъ и мѣстами покрыты лѣпными изображеніями, которыя кажутся болѣе вырѣзанными, нежели придѣланными.

Кромѣ Воскресенскаго собора, въ Смольномъ монастырѣ находится еще нѣсколько другихъ церквей. Празднества совершаются: въ день Воскресенія Спасителя, 30 августа и 22 іюля; въ послѣднемъ бываетъ собраніе малолѣтныхъ обоего пола воспитанниковъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, по особому Высочайшему назначенію.

Судебная хроника.

I. Два поединка. Въ прошедшемъ январѣ, с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ разбирались два дѣла о поединкахъ, бывшихъ въ концѣ прошлаго года между офицерами нашихъ гвардейскихъ полковъ *). Обстоятельства перваго изъ этихъ дѣлъ заключаются въ слѣдующемъ: въ началѣ ноября прошлаго года, у поручика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Булычева, были въ гостяхъ корнеты лейбъ гвардіи коннаго полка, Кобелевъ и Инсарскій; между прочимъ, въ разговорѣ Булычевъ сообщилъ Кобелеву, что до него дошелъ слухъ о неблаговидной картежной игрѣ, бывшей въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ, въ которой, будто бы, принимали участіе и нѣкоторые изъ офицеровъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, причемъ назвалъ нѣсколько фамилій. На другой день Кобелевъ сообщилъ объ этомъ разговорѣ своимъ товарищамъ, вслѣдствіе чего тѣ обратились къ Булычеву съ требованіемъ, чтобы онъ письменно извинился предъ каждымъ изъ нихъ. Это требованіе было исполнено, и затѣмъ все дѣло казалось поконченнымъ. Между тѣмъ, слухъ о написаніи извинительныхъ писемъ поручикомъ Булычевымъ дошелъ до офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, которые на своемъ судѣ положили исключить его изъ полка, о чемъ объявили г. Булычеву. Подавъ просьбу объ отставкѣ, Булычевъ обратился письменно къ Кобелеву, прося его возвратить извинительное письмо, какъ это было обѣщано Кобелевымъ. Выраженія, употребленныя Булычевымъ въ этомъ второмъ письмѣ, показались Кобелеву оскорбительными, а потому онъ обратился къ Булычеву съ требованіемъ или извиниться, или принять его вызовъ на дуэль. Булычевъ выбралъ послѣднее. По выборѣ секундантовъ той и другой стороною и по взаимномъ ихъ между собою совѣщаніи, рѣшено было драться 10-го ноября, въ 7 часовъ утра, у фермы Леде, близъ Николаевской желѣзной дороги. Къ назначенному часу, противники, вмѣстѣ съ своими секундантами, пріѣхали на избранное мѣсто. Поединокъ происходилъ на пистолетахъ; по счету „разъ“, „два“, „три“, противники должны были стрѣлять одновременно, на разстояніи 15 шаговъ. На предложеніе помириться—Булычевъ не согласился, и затѣмъ, по командѣ, послѣдовали выстрѣлы. Кобелевъ упалъ, смертельно раненый въ брюшную полость, и черезъ 2 дня послѣ того скончался. Вслѣдствіе этого, суду военно-окружнаго суда были преданы какъ поручикъ Булычевъ, такъ равно и 4 секунданта изъ офицеровъ обоихъ полковъ. Военный прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи доказывалъ виновность какъ Булычева, такъ и секундантовъ, въ особенности же того изъ нихъ, черезъ котораго былъ переданъ Кобелевымъ вызовъ; убѣждалъ судей отнестись къ настоящему дѣлу безпристрастно, принявъ во вниманіе,—съ одной стороны, назначеніе суда искоренять общественные предразсудки, къ числу которыхъ принадлежитъ и обычай поединковъ, а съ другой—затруднительное положеніе подсудимаго Булычева, которому предстояло одно изъ двухъ: или оставить полкъ, имъ любимый, или принять вызовъ отъ покойнаго Кобелева. Послѣ двухчасоваго совѣщанія, судъ вынесъ приговоръ, которымъ поручикъ Булычевъ присуждался къ заключенію въ крѣпость на два года; 3 секунданта—на 4 мѣсяца, а четвертый, передавшій вызовъ,—на четыре съ половиной мѣсяца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая смягчающія вину подсудимыхъ обстоятельства, судъ постановилъ ходатайствовать у Его Императорскаго Величества о смягченіи наказанія всѣмъ подсудимымъ.

Второй поединокъ произошелъ спустя девять дней послѣ перваго, при слѣдующихъ обстоятельствехъ. 16 ноября, въ лавкѣ купца Одинцова, сошлись штабсъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, Мосоловъ, и знакомый его, колл. секретарь Толстой, находившіеся между собой въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Во время закуски, между Мосоловымъ и Толстымъ завязался колкій разговоръ, причемъ Толстой сказалъ какую-то рѣзкость, а Мосоловъ бросилъ въ него рыбой, которая пролетѣла, не задѣвъ Толстаго. Толстой, заявивъ, что не можетъ оставить этого поступка безъ послѣдствій, обратился къ бывшему въ лавкѣ корнету лейбъ-гвардіи казачьяго полка Иловайскому съ просьбой быть его секундантомъ, на что послѣдній и согласился. При всей этой сценѣ присутствовали и нѣсколько постороннихъ лицъ. Черезъ часъ послѣ того, Иловайскій былъ уже у Мосолова, который предложилъ ему переговорить объ условіяхъ дуэли съ его секундантомъ, поручикомъ того же гусарскаго полка, Бенкендорфомъ. По свидѣтельству секундантовъ, оба они принимали всевозможныя мѣры, чтобы примирить противниковъ и тѣмъ помѣшать дуэли; но такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ просить первый извиненія у другаго, то примиреніе и не состоялось. 19 ноября, въ 8 часовъ утра, къ назначенному близъ дер. Лахты мѣсту съѣхались противники съ своими секундантами и съ младшимъ докторомъ гусарскаго полка. Здѣсь противникамъ снова предложено было помириться, на что Толстой отвѣ-

*) Оба эти процесса заимствуются въ сокращенномъ видѣ изъ «Русск. Инвал.» *Ред.*

чалъ: „теперь не время". Затѣмъ, отошедъ другъ отъ друга на разстояніе 15 шаговъ, слѣдуя командѣ „разъ, два, три", они выстрѣлили другъ въ друга. Толстой, упавъ на снѣгъ, протянулъ руку противнику и проговорилъ: „извини меня". Послѣ того, его тотчасъ же отнесли на дачу Стенбокъ-Фермора, а одинъ изъ секундантовъ отправился за хирургомъ, чтобы поскорѣе вынуть пулю, засѣвшую въ правомъ бедрѣ раненнаго. Спустя 8 часовъ послѣ дуэли, пуля была вынута пріѣхавшимъ изъ города докторомъ Гламою. Тѣмъ не менѣе, на другой день въ ранѣ появилось гнойное зараженіе и черезъ два дня раненый скончался. На судѣ не выяснилось, что̀ именно служило поводомъ къ дуэли; но всѣ свидѣтели показали, что покойный Толстой былъ человѣкъ хотя и добрый, но вспыльчивый и рѣшительный, что отговорить его отъ принятаго имъ рѣшенія было не легко. Съ своей стороны, секунданты старались какъ можно дольше протянуть время, чтобы дать противникамъ возможность одуматься, старались свести ихъ въ ресторанѣ Бореля, но безуспѣшно, и проч. Судъ приговорилъ подсудимаго Мосолова заключить въ крѣпость на четыре съ половиною года, а о корнетѣ Иловайскомъ, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, о замѣнѣ слѣдуемаго ему по закону наказанія, т. е. содержанія въ крѣпости на 4 мѣсяца, содержаніемъ его на гауптвахтѣ на 4 недѣли. Поручикъ же Бенкендорфъ судомъ оправданъ.

II. „Бурѣевское дѣло". Изъ дѣлъ, бывшихъ въ послѣднее время въ провинціальныхъ судахъ, особенно замѣчально слѣдующее, разбиравшееся 14 декабря 1871 года въ гор. Чистополѣ Казанскимъ окружнымъ судомъ. „Въ одну изъ темныхъ февральскихъ ночей 1870 года, въ полночь, проснулась крестьянка деревни Бурѣевки Одолинцева: она была разбуждена стукомъ воротъ, растворившихся отъ непогоды. Припомнивъ, что на улицѣ, передъ окнами избы, у нея остался возъ съ рожью,—припомнивъ, что въ деревнѣ Бурѣевкѣ зауряда случаются кражи,—Одолинцева сперва разбудила своего сына Ивана, потомъ пожалѣла его и сама вышла затворить ворота. Затворяя, она замѣтила бѣгущими по улицѣ въ переулокъ (въ то мѣсто, откуда у нея незадолго скрали жеребца) троихъ неизвѣстныхъ ей людей въ татарскихъ шапкахъ. Одолинцева вернулась въ избу и сообщила о видѣнномъ сыну Ивану; Иванъ разомъ сообразилъ, что недобрые люди скрылись въ переулокъ, наскоро одѣлся, перелѣзъ черезъ заборъ къ своему сосѣду дядѣ, на зовъ ихъ явились другіе бурѣевцы... Вѣсть, что въ Бурѣевкѣ воры, разомъ облетѣла деревню; старый и малый явились на поимку воровъ, захвативъ предварительно все, что попалось подъ руку: палки, цѣпы, вилы, веревки, ноперешники... Тревога была не напрасна: у сосѣда Ивана совершена была кража хомутовъ и прочей упряжи, черезъ взломъ калитки съ гумна на дворъ; и поиски бурѣевцевъ были тоже не напрасны: при выѣздѣ изъ деревни, на мосту, поймали одного татарина, караулившаго лошадей, а въ самой деревнѣ—еще двоихъ, да двое убѣжали; покраденное имущество отыскалось тутъ же у калитки. Шумъ помѣшалъ ворамъ докончить начатое дѣло. Пойманныхъ привели къ старостѣ, осмотрѣли; у одного оказалось на головѣ рана, вслѣдствіе которой возникъ вопросъ: что дѣлать съ пойманными? Сельскія власти предлагали отправить татаръ въ волостное правленіе; міръ—старики разсуждали, что раненаго отправлять не слѣдъ, что можетъ достаться, что за кражу слѣдуетъ татаръ поучить и отпустить. Рѣшеніе міра стариковъ взяло перевѣсъ, ученіе началось.... а результатомъ ученія было то, что татаръ, переведенныхъ впослѣдствіи въ съѣзжую избу, вытащили замертво и всѣхъ троихъ положили въ приготовленныя сани. Чтобы скрыть слѣды преступленія, нарядили пятерыхъ молодыхъ бурѣевцевъ отвезти татаръ въ поле, за грань бурѣевской земли. Наряженные буквально исполнили приказаніе міра, вывезли татаръ, нахлестали лошадь и вернулись въ деревню. На основаніи всего этого, суду преданы были какъ тѣ пять человѣкъ, которые вывезли убитыхъ татаръ за деревню, такъ равно и сельскія власти дер. Бурѣевки за бездѣйствіе по должности и за сокрытіе слѣдовъ преступленія, заключавшееся въ уничтоженіи кровяныхъ пятенъ на мосту, гдѣ былъ пойманъ татаринъ, и въ избѣ. Оставшійся же въ живыхъ татаринъ и соучастникъ преступленія преданъ суду за кражу. Обвинитель находилъ подсудимыхъ виновными главнымъ образомъ въ самоуправствѣ. А защитникъ, исходя изъ той мысли, что бурѣевцы слишкомъ много терпѣли отъ воровства татаръ; что чаша горечи, наконецъ, переполнилась, и немудрено, что въ сильномъ раздраженіи они рѣшились на такое самоуправство; что, наконецъ, если уже обвинять, то обвинять всю деревню, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, татаръ били всѣ, старъ и младъ, восьмерымъ же отвѣчать за всѣхъ было бы крайне несправедливо,—просилъ судъ оправдать подсудимыхъ, которыхъ вина заключается только въ томъ, что они не въ силахъ были сопротивляться рѣшенію міра и вывезли татаръ за околицу. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ для бурѣевцевъ и обвинительный—для татаръ.

III. Дѣло о похищеніи ребенка. 5-го іюля прошлаго года, проживающая въ Петербургѣ вдова штабсъ-капитана Золотковская дала знать полиціи, что того же числа, въ 4 часа пополудни, неизвѣстная ей женщина похитила ея трехлѣтняго сына Александра. Мѣсяцъ спустя, мальчикъ былъ отысканъ полиціею въ квартирѣ писаря главнаго штаба Ткаченко. Дознаніемъ обнаружено, что ребенка похитила мѣщанка Разамасцева, которая объяснила, что, находясь въ связи съ писаремъ главнаго штаба Гутманомъ, она въ 1868 г. прижила съ нимъ ребенка, отданнаго ею въ воспитательный домъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Разсчитывая вступить съ Гутманомъ въ законный бракъ, она должна была скрывать отъ него смерть ихъ сына; но такъ какъ Гутманъ настоятельно требовалъ, что мальчика привезли къ нему, то она принуждена была достать гдѣ нибудь подходящаго, намѣреваясь потомъ возвратить его по принадлежности. Взяла же она мальчика обманомъ, упросивъ мать (г-жу Золотковскую) отпустить его съ нею, говоря, что у нея есть садикъ, гдѣ ребенокъ можетъ погулять, и что мужъ ея очень любитъ дѣтей. За это мѣщанка Разамасцева предана была суду с.-петербургскаго окружнаго суда, который, по признанію ея присяжными засѣдателями виновною, приговорилъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 2 года съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Политическое обозрѣніе

Человѣчеству грозитъ новое кровопролитіе. На этотъ разъ ссорятся уже не французы съ нѣмцами, а двѣ родственныя между собою державы — Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Ссорятся же онѣ не за то, кому быть первой въ политическомъ мірѣ, и не изъ-за династическихъ какихъ-нибудь интересовъ, а просто за деньги, что̀ и подобаетъ такимъ практическимъ націямъ какъ англичане и сѣверо-американцы. Поводомъ къ ссорѣ служитъ разное толкованіе нѣкоторыхъ пунктовъ договора, заключеннаго между двумя этими державами по окончаніи междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ извѣстно, въ ту войну англичане признали южные штаты воюющей стороною, чѣмъ не мало таки повредили сѣверо-американскому народу, которому отъ этого пришлось обороняться и съ суши, и съ моря, такъ-какъ суда южанъ, въ особенности же знаменитый «Алабама», безпрепятственно разрушали

суда сѣверянъ и ихъ береговыя укрѣпленія. Не мало убытковъ потерпѣла отъ этого и торговля республики. Теперь американцы требуютъ отъ Англіи возмѣщенія не только прямыхъ убытковъ, причиненныхъ «Алабамой» и другими крейсерами, но и «косвенныхъ», понесенныхъ торговлею; исчисленные американцами убытки, возрасли до такой громадной суммы, что англичане пришли въ ужасъ. Американцы, не желая доводить дѣла до столкновенія на полѣ брани, положили передать споръ на рѣшеніе третейскаго суда, который соберется въ Женевѣ и будетъ состоять изъ представителей Швейцаріи, Бразильской имперіи и Итальянскаго королевства. Англичане сначала-было согласились на такой способъ рѣшенія дѣла, но въ послѣднее время вся англійская печать, равно какъ и парламентъ, протестуютъ противъ выставленныхъ американцами косвенныхъ убытковъ и соглашаются на третейскій судъ подъ условіемъ, если это послѣднее требованіе будетъ взято американцами назадъ. Въ отвѣтъ на это американцы объясняютъ, что если ихъ требованія окажутся несправедливыми, то ничто не помѣшаетъ третейскому суду отвергнуть ихъ,—и тогда имъ останется только подчиниться этому рѣшенію, несмотря на относительную его невыгоду. Депеша за депешей передается изъ Англіи въ Новый Совѣтъ; англійская печать бьетъ тревогу; американская же, напротивъ того, довольно спокойно но рѣшительно заявляетъ, что необходимо сохранить условія договора во всей ихъ неприкосновенности. Только газеты, сочувствующія ирландцамъ, стараются раздражить общественное мнѣніе въ Штатахъ, но онѣ имѣютъ здѣсь свой интересъ, чтобы можно было въ мутной водѣ ловить рыбу.

Наряду съ этимъ, возникаетъ другое столкновеніе — между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Испаніей, по поводу ужасныхъ происшествій на островѣ Кубѣ. Надо знать, что испанцамъ принадлежитъ лишь небольшая часть острова, да и въ ней владычество ихъ поддерживается только штыками такъ-называемыхъ волонтеровъ — грубой, безшабашной солдатчины. Населеніе съ давнихъ поръ враждуетъ съ испанцами, которые, однако, во что бы то ни стало хотятъ удержать за собою островъ со всѣми своими средневѣковыми учрежденіями: господствомъ католическаго фанатизма, грубымъ произволомъ волонтеровъ и рабствомъ. Въ послѣднее время эта вражда обратилась въ хроническую болѣзнь и грозитъ постоянными возстаніями. Сѣверо-Американское правительство, строго соблюдающее интересы и спокойствіе своихъ гражданъ, понятно, не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ всѣхъ безчинствъ, производившихся на Кубѣ. Съ этою цѣлью, оно неоднократно обращалось къ испанскому правительству съ предложеніями отмѣнить на островѣ рабство и улучшить отношенія между туземнымъ населеніемъ и испанцами. Но правительство Испаніи оставляло всѣ эти совѣты безъ исполненія. Такъ дѣло шло до послѣдняго происшествія въ Гаваннѣ (главномъ городѣ острова Кубы),—происшествія, встревожившаго американцевъ не на шутку. Дѣло было такъ. Студенты младшаго класса находящейся въ этомъ городѣ медицинской академіи, воспользовавшись неприходомъ на лекцію профессора, отправились на близь лежащее кладбище Сенъ-Лазаръ и тамъ предались разнымъ штукамъ и играмъ: бѣгали по дорогамъ и между могилъ, смѣялись, катались въ телѣжкахъ, на которыхъ обыкновенно развозятъ мертвыхъ, и проч. Слухъ объ этой невинной и во всякомъ случаѣ несеріозной шалости быстро разнесся по городу. Молва о ней росла и выросла наконецъ въ нелѣпѣйшую сказку, что будто бы молодежь (все мальчики 14—16 лѣтъ) глумилась надъ могилами и памятниками, отваливала плиты и даже вынимала покойниковъ! Особенное впечатлѣніе произвело это событіе на волонтеровъ: около 3 тысячъ ихъ отправились толпою на кладбище, схватили студентовъ, потребовали надъ ними военнаго суда безъ всякаго слѣдствія, — и когда военный судъ оправдалъ молодыхъ людей, то буйные солдаты составили свой судъ, который приговорилъ 8 студентовъ къ смертной казни, 31 къ каторжной работѣ, 4 къ заключенію въ тюрьмѣ и только 2 были оправданы. Чрезъ нѣсколько часовъ, несчастные юноши были разстрѣляны; между ними одинъ даже вовсе не былъ на кладбищѣ! Обвиненнымъ не дозволили даже выбрать себѣ защитниковъ! Въ виду всѣхъ этихъ событій, грозившихъ имуществу и личной свободѣ американскихъ гражданъ, правительство великой сѣверной республики рѣшилось послать къ берегамъ Кубы нѣсколько кораблей, чтобы имѣть возможность во всякое время подать руку помощи угнетаемымъ. Испанцамъ это конечно не понравилось — и они не допустили американскіе корабли до исполненія ихъ намѣренія. Президентъ Грантъ справедливо обращаетъ на это дѣло серіозное вниманіе, о чемъ и заявилъ въ своей рѣчи при открытіи Конгресса.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 4 Февраля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. К. Траншеля, Невск. и Влад. № 45—1

№ 7. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 14 февраля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

VII.

Крушеніе надеждъ.

Первый маскерадъ, въ которомъ Маров принимала такое дѣятельное участіе, вскружилъ голову московскимъ красавицамъ — и сила этого впечатлѣнія, на первыхъ порахъ несознаннаго, росла въ нихъ въ геометрической прогрессіи по мѣрѣ того, какъ время, сглаживая подробности, выдвигало въ воображеніи общее обаяніе впервые изведанныхъ наслажденій. Если на другой день маскерада мало о немъ говорили, то чрезъ мѣсяцъ толки шли повсюду, а черезъ два мѣсяца, спали и видѣли какъ бы попасть на маскерадъ. Повтореніе такого же праздника къ новому году поддало пару на каменку. Цѣлые дни проходили въ шитьѣ костюмовъ. Справки приходящихъ подругъ, разспросы маменекъ, посылки всей прислуги по знакомымъ — и все это спѣшно, съ лихорадочнымъ рвеніемъ, съ цѣлью узнать: какіе наряды имѣютъ на своей сторонѣ шансы по части новости и вкуса, какихъ больше будетъ, какъ устроится наконецъ эта «торжествующая Минерва», приготовляя которую, разъѣзжаетъ днемъ и ночью по старой столицѣ штукарь-ахтеръ, пожалованный во дворяне.

Не одни суетныя горожанки волновались съ приближеніемъ этой маскерадной карусели. И въ мирныхъ обиталищахъ людей древняго благочестія слышались толки объ этой невидальщинѣ.

— Что это за штука кодрель? спрашивалъ одинъ изъ приказчиковъ Молчанова-Хмурова, стоя на дворѣ у амбаровъ.

— Одинъ изъ нашихъ, что въ нѣмецкихъ земляхъ бывалъ, говоритъ, что это плясовыя, отозвался ключникъ.

— Ну, какія жъ плясовыя, коли на улицахъ! это безпремѣнно что-нибудь по части штукарства. Какой-нибудь обоёмъ можетъ изъ звѣря въ птицу обернется, али тамъ въ рыбу чтоль...

— Н-нѣтъ, совсѣмъ не такъ! перебивая бесѣдующихъ, подскочилъ малый, стоявшій за вѣсами: — мы доподлинно слышали. Тутъ значитъ рыцари будутъ и цѣлой арміей стихи будутъ пѣть... и всѣ будутъ слушать...

— Доподлинно стихи будутъ, вспомнилъ приказчикъ, — мнѣ говорилъ служка изъ Заиконоспаскаго — они люди книжные, знаютъ вѣрно... Онъ мнѣ даже сказывалъ, какъ такія представленія чинятся — да вѣдь всего не вмѣстишь...

— Поди ты съ своимъ служкой! ворчалъ ключникъ, — онъ те наскажетъ — зналъ бы продавалъ свои свѣчи...

— Съ колокольнымъ звономъ, слышь, поѣдутъ... Со всѣхъ сорока сороковъ, продолжалъ малый, поглядывая то на того, то на другого.

— Ну, не врешь ты?! накинулся на него ключникъ, — статочное ли дѣло чтобъ на дьявольское игрище — да колокольный звонъ!.. Хоть и совсѣмъ во тьмѣ ходятъ, ну одначе все жь не рѣшатся!.. заключилъ онъ, махнувъ рукой.

Наверху въ хоромахъ шли другіе разговоры.

— При прежнихъ царяхъ лучше было, говорилъ Хмуровъ матери Марѳѣ, сообщавшей свѣжую новость, слышанную ею въ одномъ дворянскомъ домѣ у знакомки, — встарину-то по граду хаживали только крестные ходы, а въ недѣлю Вайй въ крестномъ - то ходу самъ царь да патріархъ благочестивый — еще не пошатнулась вѣра-то!.. Самъ царь не что̀ а за поводь держалъ коня патріаршаго, да такъ по городу и шествовали... А эти тамъ рыцари чтоль — это все заморская погань; одно слово: сатанино воинство. Начто намъ—они хороши въ своей землѣ! Или тамъ, примѣрно личина самоѣда или иная образина — и во снѣ не желалъ бы видѣть: натерпишься страху и въ смертный часъ, когда къ одру твоему ангелъ одинъ, а эфіоповъ тьма-тьмущая привалитъ — и отступитъ ангелъ-отъ: не въ моготу, говоритъ, мнѣ бороться, коли всю жизнь человѣче препровождалъ ты въ сладостяхъ грѣховныхъ.

— А должно быть послѣ торжествующей-то Минервы, государыня въ Питеръ укатитъ. Тамъ и Григорію Николаевичу будетъ повольнѣе, а тутъ его и не видишь... говорила мать Марѳа.

— Принеси побольше — и увидишь. Теперь и не ему одному хлопотъ по горло. Суетятся сердечные — а паче всего говорятъ этотъ ахтеръ, лицедѣй, что каманду имѣетъ: «то, говоритъ, скверно, другое не ладно... Вотъ вы такъ и такъ...» иначнетъ лицедѣйствовать. Какъ его бишь: Медвѣдевъ, али Лисицынъ... Собакинъ, прахъ его побери.

— Ни такъ ни сякъ, перебила Марѳа,—это Волковъ.

— Та́къ его ворога на погубленіе - то человѣческое и подмываетъ... Горячій вишь такой — морозъ позавчера былъ отмѣнный, а онъ себѣ въ одной хламидѣ-то своей разъѣзжаетъ какъ ни въ чемъ ни бывало; видно и холодъ его не беретъ.

— Да вотъ кончатъ эту Минерву, такъ опять міръ и спокой водворится по слободкамъ въ Москвѣ. А то чего добраго и черницъ-то всѣхъ помутятъ!.. Пройдутъ эти дни, минуются и древнее благочестіе просіяетъ по старинѣ да по чести.

— А ты вотъ что, Марѳа Никитична, обдѣлай-ка мнѣ... какъ бы вдругъ вспомнивъ, заговорилъ Молчановъ:—ино нуженъ намъ человѣкъ вѣрный—зарубежной братіи отъ нашихъ достатковъ посильную жертву переправить. Они душеньки блаженныя за наши грѣхи молитвы творятъ нелѣностно, поклоны и начала частые кладутъ... Поговори-ка ты брату; онъ человѣкъ толковый, въ купецкихъ дѣлахъ извыченъ. Пусть-ка онъ намъ бы эту службу сослужилъ, будто этакъ товары въ караванѣ везетъ. Да чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше: ино бы до весны хорошо. Порадовать бы ихъ на праздникъ не мѣшало.

— Почему не такъ — поговорить поговорю: онъ у насъ вѣдь на добрыя дѣла гораздъ и скоръ.

— Такъ сговори — ему можно довѣриться. Пущай съѣздитъ—въ накладѣ, сама знаешь, не останется...

Въ тотъ же вечеръ мать Марѳа сидѣла въ пріютной свѣтелкѣ братнина дома, Замоскворѣчьемъ въ переулкѣ у св. Климента,—и посвящала Василія во всѣ тайны предстоящей поѣздки, отъ которой тотъ все отговаривался необходимостью своего присутствія въ столицѣ, пока здѣсь находится дворъ. Василій Никитичъ не терялъ надежды получить за казенныя поставки во время Семилѣтней войны; прямо ему и не отказывали, а пока Государыня проживала въ Москвѣ, онъ думалъ пасть къ ногамъ ея съ челобитной.

— Не возьму я въ толкъ, что̀ за крайность! говорилъ онъ сестрѣ, сидя въ большихъ креслахъ, съ книгой на колѣняхъ, — подождутъ, — пропить и проѣсть хватитъ время,—и будто наконецъ кромѣ меня некого? Вонъ ѣздятъ въ извозѣ хорошіе люди—вонъ Коробовъ Илья. Да и Косцовы молодые изъ Питера здѣсь — тѣ ваши же, проходимцы извѣстные. Имъ складнѣе. А я отъ Вѣтковцевъ отвыкъ — да и они разъ ужь подвели меня—такъ въ другорядь носа совать не приходится— душа не лежитъ къ этимъ слово-что старцамъ.

— Какъ это у тебя языкъ-то повертывается чествить? — люди божествомъ живутъ...

— Ну да вѣдь не пустили тогда къ себѣ; зачѣмъ же я теперь-то поѣду?

— Теперь-то поѣдешь съ письмами отъ Молчанова.

— Да и тогда письма-то были. Письма-то взяли, а ворота-то заперли. Закричали, что осуетился. Привередники, лицемѣры!

— Пожалуйста поѣзжай, ужь я слово дала за теби, что ты поѣдешь...

— Напрасно, ты бы спросила прежде. Какое тутъ слово! Не близкая дорога, да еще къ завѣдомымъ ворогамъ...

— Опять же говорю тебѣ. Что нибудь да не такъ! Они не вѣдая сотворили пакость.

— Какъ не вѣдая: по имени называли — значитъ знали кто ѣдетъ.

— Ну, такъ видно на тебя кто нибудь налгалъ.

— Можетъ быть; конечно, это Гаврило смутьянъ есть одинъ у нихъ; а я ему не поддамся — не мальчика нашли. Что̀ ему за дѣло, какой я тамъ лжеумствователь!.. благо до нихъ былъ бы хорошъ. А какое мое кощунство? Что я плута вижу насквозь?

— Ну да коли подлинно узнали, что осуетился, какъ же бы принять — благочестіе бы пошатнулось.

— Ахъ, сестра, досадливо сказалъ Коржавинъ, — хоть бы со мной-то ты этихъ комедій не ломала! Знаю я ваше благочестіе. Гдѣ ни проходи мимо келій — все «ува!» кричатъ.

Марѳа засмѣялась и замахала на него обѣими руками.

— А ты прямо говори: ѣдешь, да?

— Не поѣду...

— Ну да нельзя же.

— Чего нельзя? — тамъ соври, скажи, что боленъ молъ, рукой не двигается. Да и впрямь вѣдь не владѣю. Упирай на Косцовыхъ — скажи: парни славные и древняго благочестія держатся, и никакой сикеры не пьютъ, табачнаго духа не терпятъ, а Василій молъ и это бѣсовское зелье ѣстъ—потому ему къ святымъ вашимъ и не достоитъ.

— Какъ поѣдешь — и я бы тебѣ свой наказъ дала...

И она стала ему что-то шептать.

Шопотъ этотъ прерванъ былъ голосомъ жены Коржавина, раздавшимся въ сѣняхъ.

— Милости просимъ! Милости просимъ! говорила Анна Исаевна,—да гдѣ же пропадалъ до сихъ поръ?

Марѳа и Василій невольно вздрогнули. Настоятельница отпрыгнула отъ брата и стала смотрѣть въ окошко, обернувшись задомъ къ двери. Василій Никитичъ раскрылъ книгу. Онъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому, чувствуя себя совсѣмъ нездоровымъ. Съ наступленіемъ холодовъ ему сказалось пятилѣтнее житье на раздумьи.

Дверь отворилась — вошелъ Ерофей, съ письмомъ въ рукѣ. Но хозяинъ не могъ встать навстрѣчу и только сдѣлалъ усиліе, заставившее его поморщиться отъ боли.

— Ждали ли вѣстей?—прямо изъ Парижа!.. закричалъ Ерофей: — отъ нашего блуднаго сына выходитъ...

При этихъ словахъ на лицѣ оборотившейся Марѳы выразился родъ испуга.

— Какъ же ты получилъ? спросила она.

— Да тутъ его товарищъ пріѣхалъ, живописецъ Лосенко, къ Государынѣ потребовали, у Волкова присталъ, говорилъ Ерофей, подсаживаясь къ брату, — поразсказалъ таки онъ мнѣ про Ѳедюшу...

Лицо Марѳы насупилось; она проворно схватила письмо.

— А самъ-то онъ гдѣ-же? спросила она, распечатывая, и не дождавшись отвѣта стала читать. Пробѣжавъ письмо, Марѳа сверкнула глазами на Ерофея, на Василья, щоки ея вспыхивали яркимъ румянцемъ и въ голосѣ зазвенѣло раздраженіе...

— Безпутная онъ голова!.. Неблагодаренъ и больше чѣмъ, глупъ — скотъ — человѣческаго понятія не имѣетъ... Писала кажется толкомъ... Нечего кукольную комедію разводить! Вретъ, да глупо вретъ-то какъ! проговорила она, бросая письмо на столъ.

Лицо ея, всегда прекрасное, въ эту минуту приняло очень непріятное выраженіе злобы. Ноздри раздулись и губы нѣсколько дрожали.

— Вотъ тебѣ за все доброе! Выводи изъ бѣды любезныхъ племянничковъ! Всякій дурой назоветъ, а въ дурахъ-то быть отъ такого щенка не хотѣлось бы!

— Такъ это у тебя значитъ можно справиться о Ѳедькѣ? сказалъ Василій Коржавинъ, тоже пробѣжавъ письмо — такъ ты, значитъ, знаешь его шашни? То-то я ломалъ себѣ голову, на какіе алтыны онъ живетъ за моремъ...

— Не умирать же парню! съ неудовольствіемъ отозвалась Марѳа, — ты вспомни-ка, какъ тебя засадили — не дать же ему сгинуть было! Помочь слѣдовало, не о томъ я жалѣю.

— Ну, а кабы не баловала такъ, да зналъ бы онъ, что хоть тресни, алтына лишняго не получитъ, такъ больше бы въ дѣло вникалъ, а то маленько и пошаливалъ, вступился Ерофей.

— То есть и не маленько, перебилъ Василій, — а совсѣмъ науку то отложилъ—книгу продалъ да карты купилъ. Молви-ка, братецъ, по совѣсти, — вѣдь разнегодяй сталъ мой Ѳедька? Какъ тебѣ передавалъ твой живописецъ-то?

— Ну, да онъ можетъ что и прикрываетъ, а впрочемъ негодяемъ его не ставилъ. Голова, говоритъ преотмѣнная. Переводы ему съ французскаго, слышь, при посольствѣ поручаютъ — исполняетъ на стать; только лѣнивъ, говоритъ, балуется крѣпко...

Если у Ерофея при этихъ словахъ лицо по обыкновенію ничего не выражало, то братъ его Василій былъ даже какъ-будто доволенъ. Въ голосѣ его слышалось скорѣе добродушіе, нежели горячее негодованіе, ожидавшее случая разразиться. Кипѣло сердце у одной Марѳы. Ей представлялся поступокъ племянника верхомъ черной неблагодарности и даже умышленнымъ желаніемъ досадить ей, которая такъ много для него дѣлала. Она сбиралась убить двухъ бобровъ разомъ: и племяннику открыть путь къ возвышенію и средства, и себя выгородить—и все это теперь уничтожила безхарактерность Ѳедора, звучавшая въ каждомъ словѣ письма его, еще болѣе безалабернаго, чѣмъ пришедшее лѣтомъ въ Каменозерскую пустынь.

Гнѣвному человѣку бываетъ обидно даже недостаточное сочувствіе со стороны тѣхъ, кому онъ открывается. Въ женщинѣ это еще болѣе замѣтно и дѣйствуетъ гораздо быстрѣе. Хладнокровіе Василья задѣло Марѳу за живое.

— Вотъ какіе родные! — видно сынъ-то по отцу! Хорошъ ты, Василій Никитичъ, видно прекрасныя дѣянія сынка достойнаго пріятны тебѣ...

— Пріятности тутъ мало, да и бѣды не вижу, чтобъ изъ себя выходить. Балуется малый на чужой сторонѣ по твоей милости—чтожъ бы по твоему я долженъ былъ дѣлать-то? съ нѣкоторой ироніей въ голосѣ обратился Василій къ Марѳѣ:—не по пересылкѣ ли требовать Ѳедьку изъ Парижа, не палками ли бить?.. или въ солдаты не записать ли, какъ дѣлаютъ иные дворянскіе отцы, не разсуждая: почему все это и для чего все это? Что обязанность отца дѣтище свое выростить, научить и на ноги поставить—это я понимаю. А заставить трепетать своего взгляда, топотать ногами — и все это чтобъ доказать, что я надъ нимъ властенъ что хочу — человѣческое ли это дѣло?.. да и звѣри - то этого не дѣлаютъ...

— Однакожь надо что нибудь, чтобъ страхъ имѣлъ, вмѣшалась Марѳа.

— Да на тебя, сестра, видно столбнякъ нашелъ,—совсѣмъ противъ себя говоришь! Страхъ-отъ что?—собственное остерегательство, заботливость не провиниться передъ кѣмъ, сознаніе что должно дѣлать такъ и такъ — ну это куда ни шло! Добро, когда у самого есть и уздой служитъ. А когда нѣтъ, этого палкой вѣдь не вколотишь, ни крикомъ, ни бранью не возбудишь—коли человѣкъ сознанія мало имѣетъ, такъ и послѣднее потеряетъ. А оно можетъ еще придетъ и само собой. Поставь ты человѣка одинъ на одинъ съ этимъ свѣтомъ, чтобъ самъ о себѣ промышлялъ... Поставь его въ крайность—придетъ сперва къ необходимости работать, а тамъ и въ чувствіе...

— Да вѣдь пропадетъ пожалуй...

— Небойсь, не пропадетъ — найдетъ какую лазейку... Онъ такой же Коржавинъ какъ и мы съ тобой! Вѣдь мы же не пропали?.. а еще мнѣ было 15 лѣтъ, какъ отца не стало, да Ерофей по пятому году остался, а ты годовалая чтоль была... И мать прокормилъ, и вы всѣ выросли, а и не билъ я васъ, и власти не показывалъ... Такъ съ чего же мнѣ звѣремъ быть до Ѳедьки-то? Если же вы ко мнѣ близки, такъ онъ еще ближе. А кто жь не свихивался? Про себя скажу. Самъ затягивалъ себѣ такую петлю, что кабы опять не самъ—никому бы не вытянуть! Да вѣдь и ты, пречестная мать

Мареа, поройся-ко на своей памяти, вѣдь не я же тебя выручалъ изъ твоихъ-то бѣдъ...

— Но кабы ты зналъ, сколько мнѣ-то зла дѣлаетъ онъ этимъ своимъ непослушаніемъ!... воскликнула Мареа, накидываясь на другую сторону дѣла.

— Вотъ оно что!—тебѣ зла? Ты бы давно такъ и сказала, а я бы тебѣ отвѣтилъ, что взыскивать за то, что̀ дѣлается не такъ какъ намъ хочется — ужъ самое малое не кстати людямъ сознающимъ, что они человѣки...

— Да онъ и себѣ вредитъ...

— Ну и брось! — вредитъ, будетъ наказанъ; а самъ себя наказуя, образумится...

— Но вредя себѣ, онъ портитъ мое дѣло, горячо перебила Мареа.

— И опять брось — стало быть дѣло само по себѣ пропащее, коли зависитъ отъ такого вѣтрогона какъ Ѳедька...

— Не пропащее оно, когда бы онъ пріѣхалъ...

— А ты молебенъ отслужи, что не пріѣхалъ; коли ужъ на первомъ шагу онъ тебѣ свѣтрогонничалъ, что же было бы, когда бъ понадѣявшись отдала въ его руки? Благодари Бога, что онъ тебя еще не подвелъ... или не хотѣлъ подвести... Да можетъ быть онъ еще не способенъ? Ты вѣдь не писала ему путно: на какое дѣло ты его наровила?.. А какъ ты испытаешь, да станешь на себѣ волосы рвать? Чего ты хотѣла-то отъ него?

— Нуженъ намъ человѣкъ знающій по иностранному и писать чтобы горазд быль...

— Да вотъ тебѣ человѣкъ, на что̀ тебѣ лучше, сказалъ Коржавинъ, указывая на брата, — не правда ли Ерофей? Эхъ ты, Мареа, печешься о множемъ, изъ-за тридевять земель выписываешь—а вонъ у тебя подъ носомъ человѣкъ — да и лучше еще: это пиво перебродило, прочнѣе будетъ!..

Какъ бы повязка спала съ глазъ Мареы.

— А ты-то Ерофей пойдешь? готовъ? спросила она.—Коли такъ, надо будетъ кое-кому тебя представить... А ты, голубчикъ Ерофей, покажи ужь себя, порадѣй!.. тебя сунутъ въ этотъ свѣтъ большой, будешь съ барами водиться.

— Что же, консуломъ что ли гдѣ быть, или при посольствѣ состоять? оживился Ерофей.

Василій, улыбаясь, припомнилъ тотъ случай петербургскаго житья-бытья, что̀ такъ потѣшно разыгрался въ гостиной Волкова.

— Вишь онъ какой, откуда прыть взялась! — просто значитъ: камень его же небрегоша зиждущіе; а его можетъ нетолько подъ одинъ уголъ, а даже и подъ два угла подкатить можно! смѣялся Василій.

На томъ и порѣшили. Мареа повеселѣла и принялась хлопотать изо всѣхъ силъ. Скромный, степенный Ерофей произвелъ на Молчанова самое выгодное впечатлѣніе. Не прошло недѣли, какъ дружныя усилія дѣятелей раскола и представленіе Ерофея Григорію Николаевичу Теплову возъимѣли свое дѣйствіе. Ерофей, преображенный въ чиновника-дипломата, по службѣ правда исполнялъ весьма скромную должность переводчика при коллегіи, а между тѣмъ тайно слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій, будучи обязанъ извѣщать своихъ милостивцевъ о каждомъ шагѣ, неблагопріятномъ для цѣлей общества. Для этого въ урочные дни онъ видался съ Молчановымъ и другими старостами и получалъ отъ нихъ наставленія, о чемъ слѣдовало разузнавать. Раскольникамъ онъ очень полюбился ради своей безотвѣтности, такъ что они задумывали даже покрѣпче привязать его къ общинѣ, женивъ на богатой изъ своихъ же, чтобы при помощи достатка создать изъ своего раба вліятельное орудіе. Но Ерофей не слишкомъ-то цѣнилъ эту закулисную сторону своей службы, а всего ждалъ отъ самой службы — и дѣйствительно его скоро полюбили начальники, какъ и вездѣ это бывало съ нимъ на первыхъ порахъ. Съ жаромъ принявшись за новыя обязанности, Ерофей по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, принужденный даже съѣхать отъ Волкова; да и тому было не до Коржавина. Хлопоты по маскераду не давали дохнуть отцу россійскаго театра; онъ дѣйствительно не щадилъ ни силъ, ни здоровья.

И вотъ состоялось наконецъ это великолѣпное шествіе «торжествующей Минервы» по стогнамъ древней столицы. Изъ нѣмецкой слободы потянулись вереницею маски, наглядно-осмѣивавшія людскіе пороки. Тутъ были и мздоимные судьи, и моты, и пьяницы; ѣхали разныя раззолоченыя колесницы, повозки, сани со множествомъ ряженыхъ, которые пѣли приличныя случаю и нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни. Передъ ними шли хоры музыкантовъ, великаны, карлики. Народъ толпился по улицамъ, въ окнахъ домовъ, на подмосткахъ нарочно-устроенныхъ. Пассекъ и Голицынъ, въ блестящихъ латахъ и шлемахъ съ опущеннымъ забраломъ, держа въ рукѣ карусельныя копья, проѣзжая въ процессіи, вдругъ увидали на подмосткахъ въ числѣ зрителей и Мареу, богато разряженную. Оба они вскрикнули и переглянулись въ глазныя отверстія шлема; но о томъ чтобы выѣхать изъ рядовъ не могло быть и рѣчи, да кромѣ того впечатлѣніе, произведенное Мареой на вѣтренаго князя, значительно изгладилось со времени перваго маскерада. Онъ только послалъ ей воздушный поцѣлуй своей желѣзной перчаткой.

Не такъ благополучно прошелъ маскерадъ для творца его.

Съ окончаніемъ торжества и наступленіемъ поста, тяжкій недугъ, развивавшійся съ ужасающей быстротой, скоро сломилъ желѣзный организмъ Волкова. Въ одинъ свободный вечеръ Ерофей, придя случайно къ нему, нашелъ уже его въ постели. Много безсонныхъ ночей провелъ признательный Коржавинъ у болѣзненнаго одра съ жившимъ въ древней столицѣ ближайшимъ другомъ Волкова, живописцемъ Лосенко, кисть котораго оставила потомству и симпатическія черты артиста, такъ рано и неожиданно похищеннаго смертью. Волковъ скончался на праздникахъ Пасхи. Съ потерей его, Ерофей какъ бы совсѣмъ осиротѣлъ въ Москвѣ, несмотря на то, что она была его родиной и здѣсь же проживала вся его родня.

По странному противорѣчію его характера, онъ даже обрадовался, получивъ приказъ о возвращеніи на берега Невы, куда дворъ переселялся на постоянное жительство.

Конечно, въ то время еще никому и въ голову не приходило, каково будетъ это царствованіе и какой громкой славой запечатлѣна будетъ эпоха Екатерины и ея орловъ.

(Продолженіе будетъ).

Андрей Бульба и дочь воеводы.

Композиція и рисунокъ П. Коверзнева, гравировалъ И. Матшюинъ.

Литературный альбомъ.

IV. „Тарасъ Бульба“ Гоголя.

Кто не помнитъ этого поэтичнѣйшаго изъ созданій Гоголя?

Ночь... Ясная украинская ночь съ звѣзднымъ небомъ, вѣчно-синѣющая даль... Станъ запорожцевъ, и всѣ эти добродушные и въ то же время неумолимые казаки, объятые сномъ, спятъ послѣ добраго ужина изъ сала и галушекъ. Одинъ только бодрствуетъ Андрей; ему не спится—въ этой тиши украинской ночи является передъ нимъ татарка-служанка панночки воеводиной дочки; онъ сначала не признаетъ ее, но признавъ, онъ почувствовалъ какъ съ электрическою скоростью прилила къ его сердцу забытая страсть. Передъ нимъ ясно возстала его любовь, панночка воеводина дочка; «она два дня не ѣла, она безъ хлѣба», вотъ тѣ магическія слова, которыя заставили Андрея забыть долгъ, честь, отца, семью и свою Украину... Онъ идетъ на воровство, его окликаетъ отецъ, но Андрей не чувствуетъ укоровъ совѣсти; страсть наполнила все его существо, онъ дрожитъ не передъ взглядомъ отца, а боится за исходъ своего предпріятія... Пробравшись по темному подземному переходу, онъ въ городѣ; еще нѣсколько минутъ—и онъ передъ ней, передъ своимъ кумиромъ, идеаломъ; онъ готовъ былъ на все, на все невозможное, лишь бы она приказала—и все будетъ исполнено.

Нельзя въ короткихъ словахъ описать ихъ пламенные разговоры, съ его стороны эту сильную могучую богатырскую страсть казацкаго сердца, и эти порывы любви чистой, пренебрегающей всѣми богатыми рыцарями своего стечества и привязавшейся къ казаку-врагу. Панна признается ему въ любви, сознавая, что любовь ея безнадежна... но видя, что онъ жертвуетъ ради нея всѣмъ чѣмъ можетъ жертвовать человѣкъ, своимъ дѣломъ, отцомъ, семьей, отечествомъ,—она предается всѣмъ сердцемъ своей любви и... они счастливы, ничего не видятъ, не слышатъ, въ блаженствѣ. «Спасены, спасены! кричитъ татарка, — наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, пшена, муки и связанныхъ запорожцевъ!» Но они не слышатъ, они вмѣстѣ и никакая сила не можетъ разъединить ихъ...

Но какой конецъ готовится Андрею?

Битва — ляховъ сломили — побѣда на сторонѣ запорожцевъ, уже слышны крики радости, какъ вдругъ отворились ворота и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ. Подъ всѣми всадниками были, всѣ какъ одинъ, бурые аргамаки, впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойче, всѣхъ красивѣе: такъ и летѣли черные волосы изъ-подъ мѣдной его шапки; вился на рукѣ дорогой шарфъ, шитый руками первой красавицы. Онъ рубитъ на право и налѣво, ничего не видя, не различая,—только кудри, кудри онъ видѣлъ, длинныя, длинныя кудри, и подобную рѣчному лебедю грудь, и снѣжную шею, и плечи, и все что создано для безумныхъ поцѣлуевъ.

Но вотъ передъ нимъ Тарасъ, — все опьяненіе пропало—и онъ видитъ передъ собою одного только страшнаго отца.

Выстрѣлъ изъ пищали—и какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, поникъ онъ головою и повалился на траву, не сказавъ ни одного слова.

Остановился сыноубійца и глядѣлъ долго на бездыханный трупъ. Андрей былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, все еще хранило чудную красоту: черныя брови оттѣняли его поблѣднѣвшія черты. «Чѣмъ бы не казакъ? сказалъ Тарасъ: — и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака!»..

Экспедиція на Эмбу въ 1871 году.

(Продолженіе).

III.

Переправа черезъ рѣку Кіилъ.

20 Марта. — Суббота.

Погода послѣ большихъ морозовъ сдала, въ воздухѣ потеплѣло, совсѣмъ пахнуло весной. Солнце такъ ярко свѣтило, что больно было смотрѣть на снѣгъ. Довольно поздно я уже напился чаю и собрался. Вчерашнія баррикады показались мнѣ еще выше. Такія мѣста для стоянки неудобны. Сколько трудовъ нужно уставшимъ солдатамъ, чтобы разрыть такой глубокій снѣгъ!

Я поѣхалъ впередъ и усадилъ подлѣ себя въ кибитку вахтера, которому отъ моего лекарства сдѣлалось лучше; но все еще онъ былъ съ завязанными глазами. Дорога узка, снѣгу пропасть; отъ вчерашняго дождя онъ до того сталъ рыхлымъ, что лошади проваливались по брюхо. Моя тройка была плоха, изнурена отъ дурнаго корму. Киргизскія лошади вообще и зимой прокармливаются по степи и никогда не видятъ овса. Киргизъ курьеръ, кочевавшій въ юламейкѣ у команды, по словамъ моего татарина былъ очень доволенъ, что лошадямъ его давали сѣна, а его самаго накормили и напоили чаемъ,—говорилъ, что я долженъ быть «бульшой» начальникъ.

Транспортъ выступилъ чуть свѣтъ; торопясь, чтобы снѣгъ не распустился, я долженъ былъ самъ спѣшить догнать его. Обернулся на лагерь, всѣ офицерскія юламейки стоятъ на своихъ мѣстахъ, а оставшіеся солдаты, скучившись, ожидали приказаній своего начальника.

Догнавъ транспортъ я долженъ былъ объѣзжать его, что мнѣ досталось съ большимъ трудомъ. Нужно было добраться до спирту. Я боялся, что бочки опрокинутся, такъ-какъ изъ моей кибитки видно было какъ ихъ бросало изъ стороны въ сторону. Хорошо, что онѣ были крѣпко привязаны, держались, и потому я нашелъ все въ порядкѣ.

Подъѣзжая къ рѣкѣ, я увидѣлъ, что болѣе половины транспорта вмѣстѣ съ солдатами расположились на берегу бивуаками, между тѣмъ сзади тянулся и остальной. Подъѣзжать трудно, совсѣмъ голая земля,

солдаты кое-какъ подтащили мою кибитку къ берегу.

Берегъ крутой. Очень близко аулъ. Онъ разстилался по равнинѣ и издали казался кучей мазанокъ; почти изъ каждой вился синій дымокъ. Зимой въ нихъ всегда есть низкая печь съ вмазаннымъ въ нее котломъ, въ которомъ постоянно грѣется вода. Много киргизъ толпилось около транспорта. Маленькіе черные киргизята, мальчики съ бритыми головами, а дѣвочки съ всклокоченными волосами, выглядывали съ видомъ изумленія; нѣкоторые изъ нихъ смѣло подбѣгали ко мнѣ и просили денегъ. Я роздалъ имъ всѣ бывшія при мнѣ мѣдныя деньги.

Спрашиваю: «зачѣмъ остановился транспортъ», мнѣ говорятъ, что вода въ рѣкѣ выступила болѣе аршина и транспортъ уже два часа ожидаетъ начальника отряда или офицера, чтобы распорядиться переправой.

Видя, что при авангардѣ только одинъ унтеръ-офицеръ, что кромѣ авангарда много солдатъ, вѣроятно ушедшихъ впередъ безъ утренней кашицы, и что дѣйствительно нѣтъ никого изъ офицеровъ, я рѣшился и самъ ждать.

Между тѣмъ какъ необходимо было дорожить каждымъ часомъ, снѣгъ видимо пропадалъ, а до Уильскаго укрѣпленія оставалось еще верстъ сорокъ. Я сѣлъ верхомъ на свою лошадь, велѣлъ Поповичу сѣсть на другую—и мы пустились на рѣку выбирать, гдѣ удобнѣе начать переправу.

Нѣсколько разъ пробовали, то въ одну, то въ другую сторону; мѣстами было такъ глубоко, что лошади уходили по шею въ воду. Я порядочно промокъ; хорошо еще, что походные сапоги защищали. Наконецъ выбрали мѣсто, гдѣ ледъ держался крѣпко и не проваливался; тутъ уже я велѣлъ ставить подводы одна на другую, оставляя съ нижнихъ на время тяжести на берегу, чтобы верхнія держались выше,—и такимъ образомъ началъ благополучную перевозку.

Распоряженіе мое оказалось вполнѣ достаточнымъ, чтобы сохранить отъ подмочки припасы—и дѣло пошло на ладъ.

Авангардный унтеръ-офицеръ, видя, что мои припасы быстро перевозятся въ трехъ мѣстахъ на другую сторону, сталъ просить у меня позволенія перевозить ротный обозъ; я не могъ ему отказать, только приказалъ впередъ переправить верхомъ авангардъ.

Когда уже весь транспортъ перебрался на другую сторону и я повѣрилъ чабаровъ, — показался на горѣ начальникъ отряда, велѣлъ дѣлать привалъ и приготовлять солдатамъ обѣдъ, а меня просилъ приказать отпустить два ведра спирту.

Распорядившиеь спиртомъ и повѣривъ весь транспортъ, я поручилъ вахтеру наблюдать за нимъ, а самъ взявъ съ собою Поповича поѣхалъ впередъ. Намъ предстояли еще до Уильскаго укрѣпленія двѣ переправы черезъ рѣку Уилъ: въ двадцати верстахъ и подъ самымъ укрѣпленіемъ. Рѣка эта глубокая, далеко шире Кіила и тянется на нѣсколько сотъ верстъ. Если она тронулась, то не было никакой возможности добраться до укрѣпленія — и тогда плохо бы намъ было; надо было самому удостовѣриться, какъ велика предстоящая опасность.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ менѣе было снѣгу; лошади окончательно выбились изъ силъ и наконецъ совершенно остановились, наступила ночь, пришлось посылать въ аулъ, который виднѣлся вдали.

Поповичъ съ киргизомъ отправились и довольно скоро привели вола и корову; ни лошадей, ни верблюдовъ въ аулѣ не оказалось. Заложили одну лошадь (которая была крѣпче) въ корень, вола и корову по бокамъ въ пристяжку, сзади привязали остальныхъ двухъ лошадей, и поѣхали.

Цѣлую ночь до разсвѣта тянулись кое-какъ—и добравшись до рѣки, остановились, потому что ни волъ, ни корова уже не двигались съ мѣста.

Въ сторонѣ опять былъ аулъ. Я послалъ киргиза нанять двухъ верблюдовъ, затѣмъ досталъ изъ кибитки деревянную чашку и велѣлъ Поповичу попробовать, нельзя ли подоить корову, авось найдется молоко. Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть; вчера цѣлый день, кромѣ чаю, ничего во рту не было.

Поповичъ отлично исполнилъ мое порученіе, надоивъ полную чашку парнаго теплаго молока; у меня была сухая булка—и я преапетитно подкрѣпилъ свои силы. Корова кстати пригодилась. Поповичъ также надоилъ и себѣ и съ солдатскими сухарями уплелъ свою порцію.

Явилось нѣсколько киргизъ, привели двухъ одногорбыхъ верблюдовъ, только менѣе пяти рублей до укрѣпленія не отдавали; нечего дѣлать, надо было согласиться.

Разсчитавшись за корову, вола и лошадей и заложивъ гусемъ двухъ верблюдовъ, мы переѣхали рѣку хорошо; ледъ былъ крѣпокъ; потомъ поѣхали довольно скоро. Мѣстами былъ еще снѣгъ, утренній морозъ держался и сковалъ землю. Скоро показалось вдали укрѣпленіе; я былъ покоенъ, что транспортъ можетъ еще добраться до мѣста.

Уже подъ самымъ Уильскимъ укрѣпленіемъ намъ попались два киргиза верхомъ, я спросилъ ихъ: крѣпка-ли рѣка? Они сказали: ничего крѣпка, не бойтесь, — и мы спустились; но только что выѣхали на середину, какъ раздался трескъ и передній верблюдъ мигомъ совсѣмъ провалился, за нимъ потянулся другой, кибитка покачнулась на бокъ. Я едва успѣлъ выскочить и кое-какъ добѣжалъ до берега.

Киргизъ нашелся, быстро отпрегъ верблюдовъ, кибитка и мои чемоданы уцѣлѣли; но бѣдные верблюды стонали и барахтались въ водѣ, а киргизъ плакалъ и кричалъ.

Надо было придумать что нибудь. Мы съ Поповичемъ немного подтянули веревками кибитку отъ воды къ берегу, чтобы ее не затопило,—и Поповичъ взялся искать удобное мѣсто чтобы перейти рѣку, и дать знать въ укрѣпленіе. Я остался ждать на берегу, весь мокрый и дрожа отъ холоду.

Довольно скоро показались на той сторонѣ Уральскіе казаки, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, человѣкъ тридцать,—стороной добрались до кибитки и, выбравъ удобное мѣсто, подвезли ее ко мнѣ, усадили меня и мигомъ на рукахъ перетащили кибитку до самаго укрѣпленія.

Начальникъ укрѣпленія встрѣтилъ меня очень любезно, просилъ къ себѣ обсушиться и обогрѣться; но мое первое дѣло было просить его: послать въ отрядъ казака, дать знать, чтобы спѣшили скорѣй поставить на другой сторонѣ пикетъ, чтобы еще кто нибудь изъ отряда не провалился, и приказать отыскать удобное мѣсто для переправы транспорта.

Когда начальникъ укрѣпленія сдѣлалъ распоряженіе, я тогда только успокоился. Мнѣ отвели казаматъ, натопили его камышомъ, накормили меня и уложили въ постель; у меня сдѣлалась сильная лихорадка.

Къ вечеру сталъ прибывать транспортъ; его переправляли за двѣ версты, но все-таки много подмочили, а нѣкоторыя тяжести совсѣмъ пороняли въ воду.

На другой день, едва кончили переправу, какъ рѣка выступила изъ береговъ и тронулась во всѣхъ мѣстахъ; уже не было никакой возможности перебраться на другую сторону.

IV.

Уильское укрѣпленіе, торговля съ киргизами, уильскія ярмарки.

16-е апрѣля. – Пятница.

Уильское укрѣпленіе заложено въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 года, окончено въ сентябрѣ 1870 года. Мѣстность, на которой возведено укрѣпленіе, возвышенная, почти на горѣ, но ровная и открытая со всѣхъ сторонъ. Вѣтры и бураны постоянно безпокоятъ гарнизонъ, въ особенности зимой; отъ большихъ заносовъ снѣгомъ укрѣпленіе бѣдствуетъ, да и лѣтомъ восточные вѣтры всегда бываютъ продолжительны и такъ сухи, что совершенно пожигаютъ всю растительность.

Подъ горой течетъ, искрится отъ солнца и змѣей извивается Уилъ. Одинъ конецъ этой рѣки влѣво упирается въ утесъ — и дѣлая острый уголъ, совершенно скрывается изъ глазъ, точно отрѣзанъ или скала поглотила его. Правый же конецъ напротивъ теряется гдѣто очень далеко въ степи. За рѣкой опять все степь, лѣтомъ обширная желтая равнина.

Мѣсто выбрано довольно удачно: есть хорошіе луга для сѣнокоса, по берегамъ рѣки много камыша для топлива, подъ горой версты на двѣ довольно сносная земля. Стараніями начальника укрѣпленія разведены большіе огороды, бахчи съ арбузами и дынями, пашни. Въ нынѣшнемъ году для пробы посѣяно: овса 35-ть десятинъ, ржи 25 десятинъ и проса 20 десятинъ; но какихъ гигантскихъ трудовъ стоило, чтобы привести все это въ настоящее положеніе! Со временемъ можетъ быть выйдетъ что-нибудь и больше. За то ни гдѣ, ни деревца, ни кусточка. Прошлую осень комендантъ насадилъ привезенныя изъ Илецкой-Защиты акаціи; но онѣ не принялись и всѣ почти посохли.

Рыбы въ Уилѣ ловится много: сазаны, судаки, лещи, караси, сомы; изрѣдка попадаются и небольшіе осетры. Уральскіе казаки большіе охотники до рыбы; мнѣ кажется, что они предпочитаютъ ее мясу. Рыба для уральскаго казака все; надо видѣть, какъ они благоговѣютъ предъ своимъ Ураломъ!.. это ихъ кормилецъ, — да и правду сказать; иногда въ удачной ловлѣ уральца все его достояніе.

Постройка въ 1869 году Уильскаго укрѣпленія шла очень туго, надо было прежде изготовлять кирпичъ. Этимъ преимущественно занимались киргизы изъ ближайшихъ ауловъ. Ихъ переселилось къ заложенному укрѣпленію до двухъ сотъ кибитокъ; они (какъ женщины, такъ и мужчины) нанимались и по урокамъ и поденно, отъ 60 копѣекъ до 1 рубля 20 въ сутки, — и очень сожалѣли, когда прекратилась работа.

Расположено укрѣпленіе какъ-то неправильно, небольшіе одноэтажные флигеля то скучены вмѣстѣ, то отдалены другъ отъ друга безъ всякой симметріи. Въ сторонѣ невысокая насыпь, на которой поставлены четыре орудія; кругомъ два барака, нѣтъ будки для часоваго, и все это окопано небольшимъ рвомъ безъ воды, безъ воротъ, и какъ-то смотритъ мирно. Укрѣпленіе это не можетъ напугать киргиза, хотя и трусливаго отъ природы какъ барана, а между тѣмъ безопасно и упрочиваетъ наше вліяніе въ степи.

Для интендантскаго склада устроенъ тоже небольшой баранъ и подвалъ для спирту. Подвалъ сдѣланъ хорошо и удобно; но баракъ малъ и не вмѣщаетъ въ себя ничего болѣе какъ муку и крупу; все же прочее находится въ бунтахъ.

Въ 1869 году новое это укрѣпленіе много пострадало зимой. Были возведены только два или три флигеля, гарнизонъ помѣщался въ землянкахъ. Продовольствовали солдатъ какъ могли, не было ни овощей, ни капусты, крупа да кашица. Случалось такъ, что даже не явилось у солдатъ ни теплой одежды, ни полушубковъ, а между тѣмъ морозы были жестокіе. Конечно, отъ дурнаго, тѣснаго и холоднаго помѣщенія, развился сначала кровавый поносъ, а потомъ злокачественный тифъ.

Мы прибыли на мѣсто въ маѣ, инженеровъ и матеріалы стали подвозить только въ іюлѣ, вѣроятно опять гарнизону придется зимовать въ землянкахъ. Хотя постройка Нижне-Эмбенскаго, или (какъ его хотятъ назвать) Маслинскаго укрѣпленія, предполагается деревянная; но едва-ли возможно выстроить что-нибудь да еще зимою въ такое короткое время, кромѣ самаго необходимаго, — какъ-то: кухонь, лазарета и бани. Къ счастію еще, что при раннемъ выступленіи въ походъ, солдаты имѣютъ теплую одежду, а то не миновать бы новой бѣды. Огородныя овощи на озерѣ Масше, хотя съ большимъ трудомъ, посѣяны. Я для своей команды купилъ разныхъ сѣмянъ въ Оренбургѣ; но какъ земля все солонецъ, притомъ огороды разведены поздно — то я и не думаю, чтобы посѣянное вышло хорошо. Къ моему отъѣзду кое-гдѣ показались всходы, только одни огурцы принялись порядочно.

Гарнизонъ Уильскаго укрѣпленія въ настоящее время состоитъ изъ начальника укрѣпленія, онъ же и комендантъ, плацъ-адъютанта, доктора и смотрителя интендантскаго склада; четыре орудія при 15-ти артиллеристахъ, мѣстной команды изъ Оренбургскаго линейнаго баталіона 230 человѣкъ, нестроевой 20, уральская сборная сотня изъ 156 человѣкъ, и кромѣ того часто находится какая-нибудь проходящая команда, потому что въ укрѣпленіи довольно большой складъ: спирту, провіанта и фуража, заготовляемаго и перевозимаго изъ Оренбурга, собственно для степи.

Въ укрѣпленіи три кабака, трактиръ съ билліардомъ и нѣсколько маленькихъ лавочекъ. Во время ярмарокъ: весенней отъ 15 мая до 15 іюня и осенней съ 15-го сентября по 15-е октября, пропорція кабаковъ увеличивается, лавокъ бываетъ большихъ до 50, а мелочныхъ до 38.

Торговля во время ярмарокъ очень оживлена. Самое лучше и удобное время для торговли съ киргизами весна. На лѣто большая часть изъ нихъ откочевываетъ въ отдаленныя степи — и потому имъ на все время кочевки необходимо запастись: одеждой, вещами домашняго обихода и вообще всѣмъ, что только нужно киргизу въ лѣтнее время. Хотя торговцы изъ Уральска и Оренбурга и ѣздятъ по всей степи и киргизъ едва-ли не вездѣ можетъ найти: юфть, китайку, нанку, серпянку и другія нужныя ему вещи; но за все это тамъ на мѣстѣ онъ долженъ заплатить непомѣрную цѣну. Киргизъ-же до тонкости разсчетливъ.

Напротивъ на Уильскихъ ярмаркахъ — сильная конкуренція между съѣзжающимися торговцами изъ Уральска,

Замбезскій водопадъ.

Оренбурга, Самары, Казани, Нижняго и даже говорятъ изъ Москвы, — и благодаря этому киргизъ можетъ по сходной цѣнѣ купить здѣсь все, что ему нужно.

Судя по этому Уильскія ярмарки, въ особенности весеннія, ожидаетъ блестящая будущность; онѣ постепенно развиваются и усиливаются. Постепенность эта всего лучше видна изъ цифры сбыта разнаго рода товаровъ и сбора пошлины за право торговли.

Такъ, на первой ярмаркѣ 1869 года осенью, не смотря на волненіе въ степи, товару привезено было на 13,000, продано на 5195 рублей, пошлины собрано 37 рублей; въ 1870 году въ весеннюю ярмарку привезено было товару на 68,000, продано на 32,410 рублей, пошлины собрано 213 рублей 40 копѣекъ; осенью привезено было на 93,000, продано на 27,717 рублей, пошлины собрано на 136 рублей и наконецъ въ нынѣшнемъ 1871 году, въ весеннюю ярмарку, которая началась ранѣе, т. е. 9 мая, привезено было товару уже на 200,000, оборотъ былъ на 105,000, а сборъ пошлины за право торговли простирался до 484 рублей.

Иногородніе купцы въ весеннія ярмарки торгуютъ болѣе ситцами, серпянкой, чаемъ, сахаромъ, юфтью, желѣзными и металлическими издѣліями; а въ осеннія: плохими сукнами, пшеномъ, мукою, тоже юфтью и чаемъ и сахаромъ. Вообще осеннія цѣны на всѣ предметы всегда гораздо выше.

Источникъ благосостоянія киргизъ, какъ извѣстно, составляетъ скотоводство, преимущественно бараны—и потому въ нынѣшнюю майскую ярмарку, по случаю повсемѣстныхъ въ степи падежей скота, развившихся отъ слишкомъ продолжительной и суровой зимы и неимѣнія корма, цѣны не только что на барановъ, но и на весь скотъ значительно поднялись. Такъ бараны продавались отъ 3 до 7 рублей штука, верблюды отъ 30 до 80, лошади отъ 15 до 70, быки отъ 17 до 40 и коровы отъ 10 до 30 рублей, всего было пригнано скота до 200,000 головъ; между тѣмъ, въ прошломъ году въ весеннюю ярмарку, хотя цѣны были ниже, но скота пригнано было только до 100,000 головъ, а въ осеннюю сентябрскую до 65,000 головъ.

Кромѣ скота киргизы въ большомъ количествѣ привозятъ на Уильскія ярмарки: кошмы войлочныя, это главное рукодѣліе киргизъ, отличающееся большою прочностью [1]); необработанныя кожи; верблюжью шерсть, также выдѣлываемыя изъ нее широкія тесемки для кибитокъ, овечій пухъ, называемый джибага и употребляемый вмѣсто ваты на разные потребности; войлочныя готовыя кибитки и не въ большомъ количествѣ солодковый корень.

Бараны и кожи на расхватъ раскупаются иногородными и уральскими торговцами. Адаевскіе бараны считаются лучшими. Разность въ цѣнахъ зависитъ не отъ породъ, а отъ большей или меньшей питательности кормовъ. Въ весеннія ярмарки киргизы продаютъ барановъ большими партіями, болѣе на наличныя деньги, а въ осеннія по мелочамъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ промѣниваютъ на муку и просо.

Бараны зимой въ степи болѣе укрываются и ищутъ корма въ камышевыхъ заростяхъ; тамъ они спасаются отъ холоду и бурановъ и находятъ не взыскательную пищу. Съ открытіемъ весны киргизы со всѣхъ зимовокъ торопятся прежде всего гнать барановъ, верблюдовъ и прочій скотъ на майскую Уильскую ярмарку и затѣмъ уже въ Калмыково и Уральскъ.

Скупщики барановъ, иногородные купцы, или оставляютъ свои гурты, сбираемые отъ 100 до 500 головъ, для нагула,—или отправляютъ ихъ въ Самару, нагуливая въ Бузулукскомъ уѣздѣ на наемныхъ пастбищахъ, болѣе питательныхъ чѣмъ скудная степь, и за тѣмъ уже отправляютъ во внутреннія губерніи.

Кожи съ убитыхъ коровъ, быковъ и коневьи покупаются на ярмаркахъ прасолами, которые нарочно пріѣзжаютъ для этого весною. Кожи эти назначаются для выдѣлки юфти и сыромяти. На нынѣшней весенней Уильской ярмаркѣ, цѣны на кожи были очень высоки. Часть кожъ, по обработкѣ на кожевенныхъ заводахъ, возвращается обратно въ степь на тѣ же ярмарки, гдѣ всѣ киргизы волей неволей, не имѣя другой обуви какъ изъ кожи, покупаютъ ее по необходимости.

Степная киргизская баранина не имѣетъ хорошаго вкуса, слишкомъ жирна и даже по моему не совсѣмъ здорова. Какое сравненіе съ кавказскою горною бараниною!.. молоденькіе барашки на Кавказѣ далеко превосходятъ вкусомъ лучшую телятину.

Въ окрестности Уильскаго укрѣпленія по степи очень много дикихъ утокъ, гусей и лебедей. Киргизы являются съ этою степною дичью въ укрѣпленіе для продажи и обыкновенно запрашиваютъ непомѣрную цѣну, считая деньги на ассигнаціи. Ежели кто хочетъ что нибудь выторговать у киргиза, то всегда надо платить серебромъ; они охотно берутъ наше серебро и за него все отдаютъ за полъ-цѣны. Утки и лебеди пахнутъ травой, жестки, невкусны и даже противны; но гуси довольно хороши.

Мнѣ пришлось быть однажды у главнаго старшины, который состоитъ у насъ на службѣ хорунжимъ-за урядъ, хотя и ничего не понимаетъ по русски. Зимой онъ живетъ подъ самымъ укрѣпленіемъ, а весной откочевываетъ за пять и десять верстъ. Онъ смотрѣлъ и хотѣлъ купить у меня кибитку—и потому я поѣхалъ къ нему верхомъ, взявъ съ собой переводчика.

Я бы могъ послать за нимъ; но мнѣ хотѣлось посмотрѣть и имѣть понятіе, какъ живутъ зажиточные киргизы. Онъ встрѣтилъ меня довольно любезно, проговорилъ обыкновенное киргизское привѣтствіе «аманъ» и пожалъ руку. Это былъ плотный старикъ, средняго роста, съ лицомъ чрезвычайно подвижнымъ. По его приглашенію я вошелъ въ кибитку, у него ихъ поставлено было двѣ большихъ и нѣсколько малыхъ.

Кибитки въ степи приготовляются очень просто: берутъ жерди въ палецъ толщины, длиною въ сажень, и дѣлаютъ изъ нихъ рѣшетчатыя стѣны, которыя всегда можно раздвинуть или снять, окрашиваютъ ихъ красной краской и связываютъ другъ съ другомъ ремнями. Потомъ на нихъ сверху навѣшиваютъ большой обручъ и съ одной стороны рѣшетки оставляютъ пустое пространство, въ него вставляютъ деревянную раму, на которую или навѣшиваютъ двери или прикрываютъ особымъ войлокомъ. Вся такая кибитка плотно окутывается толстымъ войлокомъ; для свѣту же войлокъ откидываютъ сверху. Это первобытные шатры. Точно также приготовляются и юламейки, только безъ обруча и рамы.

Та кибитка, въ которую я вошелъ, показалась мнѣ очень красивою: изъ бѣлаго войлока, довольно удобная и большая, она внутри кругомъ была обведена какъ ширмами пестроразкрашеннымъ камышомъ. Бухарскіе

[1]) На одну кошму сажень до 3-хъ длины и 2½ аршина ширины идетъ шерсти, осенней стрижки съ 25 до 30 барановъ.

ковры и кошмы сильно подержанные лежали на землѣ. По стѣнкѣ на перекладинахъ висѣли: уздечки, нагайки, ружья и разныя туалетныя принадлежности. Съ правой стороны изъ пуховиковъ и подушекъ, набитыхъ верблюжью шерстью, сдѣлано было что-то вродѣ дивана, прикрытаго темно-шелковымъ одѣяломъ; кругомъ стояло нѣсколько сундуковъ и у входа красовался большой самоваръ, а между сундуками ярковычищенный мѣдный тазъ съ высокимъ кумчаломъ въ родѣ узкогорлаго рукомойника; было даже въ кибиткѣ два табурета и столъ.

Домашній костюмъ хорунжаго-за-урядъ былъ такой какъ у всѣхъ порядочныхъ киргизъ: халатъ на халатѣ, счетомъ пять, верхній только былъ чорнаго сукна на мѣху, а нижніе изъ разной матеріи хивинской, бумажные и шелковые; нижніе халаты были подвязаны каждый особымъ кушакомъ. Воротъ рубашки былъ застегнутъ бирюзовою пуговкою, а длинные концы выпущены поверхъ суконнаго халата; на головѣ засаленная шитая золотомъ тюбетейка и черная суконная шапка какъ ведро; на ногахъ красныя туфли. Для верховой ѣзды онъноситъ сапоги изъ свѣтлозеленой кожи съ подошвами подбитыми мѣдными гвоздями, загнутыми къ верху носками и большими мѣдными же каблуками.

Этотъ хорунжій-заурядъ, очень богатый человѣкъ (ему подвластны всѣ окружные аулы Калмыковскаго уѣзда, верстъ на двѣсти и болѣе), имѣетъ большіе табуны лошадей и барановъ и во время Уильскихъ ярмарокъ ведетъ торговлю скотомъ minimum на десять тысячъ. По его вліянію на киргизъ, онъ въ большемъ почетѣ въ Оренбургѣ.

Киргизы такъ стали привыкать къ хлѣбу, что въ нѣкоторыхъ аулахъ на удобныхъ земляхъ (а ихъ къ несчастію очень мало) заводятъ пашни, гдѣ засѣваютъ просо. Многіе стали косить на зиму сѣно.

По моему мнѣнію, постройка въ степи укрѣпленій въ стратегическомъ отношеніи, съ цѣлію умиротворенія хищничества и сближенія съ киргизами, не на столько благотворна, на сколько заводимая съ ними торговля и ярмарки. Это болѣе смягчаетъ нравы, дѣлаетъ ихъ осѣдлыми и за доставленіемъ имъ очевидной выгоды, пріучаетъ ихъ къ порядку и повиновенію.

(Окончаніе будетъ).

Два африканскіе ландшафта.

«Страна чудесъ и новостей» Африка, — Африка, отдѣленная отъ Европы только узкимъ проливомъ въ 30, даже въ 10 сажень ширины, а между тѣмъ менѣе извѣстная европейцамъ, чѣмъ Америка, которая отдѣляется отъ насъ цѣлымъ океаномъ, да и открыта не болѣе какъ около четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ,— все еще остается для насъ тою же «страною чудесъ и новостей», какою она была во времена Аристотеля, давшаго ей это названіе.

Нужно ли говорить о причинахъ такой малоизвѣстности?.. онѣ изложены въ любомъ учебникѣ географіи. Поэтому-то, вмѣсто того чтобъ вдаваться въ подробное описаніе африканскаго материка, окружающихъ его морей, и т. д., и т. д.,—мы попросимъ васъ взглянуть на два прилагаемые при этомъ рисунка, изъ которыхъ одинъ изображаетъ знаменитый Замбезскій водопадъ, открытый Ливингстономъ въ 1855 году, а другой — пляску негритянокъ. Что можетъ быть величественнѣе перваго и оригинальнѣе послѣдняго изъ этихъ ландшафтовъ?

Вотъ какъ разсказываетъ Ливингстонъ объ открытіи имъ знаменитаго водопада этого, говоря его словами, великаго чуда природы.

«Показавъ жителямъ южной Африки путь къ европейскимъ государствамъ на Атлантическихъ берегахъ,— путь, который, какъ мнѣ извѣстно, они не разъ предпринимали послѣ меня, мнѣ оставалось показать имъ дорогу къ восточному берегу ихъ континента. Два пути представилось мнѣ — Занзибаръ и Замбезе. Первый путь былъ легчайшій, принимая въ соображеніе миролюбивый и доброжелательный духъ народовъ его населяющихъ, между тѣмъ какъ племена по берегамъ Замбезе отличались своею воинственностью и, кромѣ того, нѣкоторыя изъ нихъ были совершенно враждебны Макололо [1]). Но такъ какъ Замбезе представляетъ лучшій способъ сообщенія, могущій, со временемъ, связать центральныя провинціи съ восточнымъ берегомъ, то я и рѣшился слѣдовать по лѣвой его сторонѣ.

Итакъ, согласно этому плану, я оставилъ, 3 ноября 1855 года, Линіанти [2]), въ сопровожденіи Секелету и слѣдовавшихъ за нимъ около двухъ сотъ человѣкъ. Всѣ вліятельныя лица этого колѣна находились въ нашемъ конвоѣ; продовольствіе намъ доставлялось на счетъ начальника, который, въ силу этого, запасался быками въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ мы останавливались. Съ самаго моего возвращенія Секелету не переставалъ щедро снабжать меня всѣмъ, что мнѣ было нужно, и, до самой минуты нашего разставанья, не переставалъ быть одинаково великодушнымъ.

Такъ какъ на пути въ Сешеке лежало мѣсто, обитаемое цеце, то мы съ цѣлью спасти нашихъ лошадей отъ укушенія ядовитыхъ насѣкомыхъ, должны были пройдти это мѣсто ночью. Въ десять часовъ сдѣлался такой глубокій мракъ, что въ двухъ шагахъ разстоянія ничего не было видно. Ослѣпительно-яркая молнія, разстилавшаяся по небу восемью или десятью вѣтвями, совершенно походившими на вѣтви дерева, отъ времени до времени освѣщала нашъ путь; но тѣмъ ужаснѣе были промежутки отъ одной молніи до другой. Лошади дрожали, поднимали ржаніе и оборачивались, какъ бы отыскивая одна другую; люди безпрестанно сбивались съ дороги и натыкались другъ на друга. Удары грома приводили всѣхъ въ ужасъ; по увѣренію нѣкоторыхъ людей, бывшихъ въ Индіи, громъ въ тропическихъ странахъ нигдѣ не бываетъ такъ страшенъ, какъ въ Африкѣ. Къ довершенію всего, вдругъ пошелъ проливной дождь. Мы промокли до костей, и съ радостью встрѣтили огонь, разведенный для насъ отрядомъ. Я легъ на сырую землю и ужь со страхомъ помышлялъ о томъ, какъ проведу холодную ночь; но Секелету, безъ всякой съ моей стороны просьбы, снялъ съ себя одѣяло и покрылъ имъ меня. Это доказательство его привязанности ко мнѣ тронуло меня чрезвычайно...

Слѣдуя впродолженіи десяти дней по берегамъ Замбезе то водою, то сухимъ путемъ, мы должны были удалиться отъ нея и сдѣлать поворотъ къ сѣверо-восто-

[1]) Племя, у котораго Ливингстонъ прожилъ цѣлыхъ восемь мѣсяцовъ передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь.

[2]) Главный городъ племени Макололо.

ку, по причинѣ непроходимыхъ горъ, которыя, по всей вѣроятности, долгое время задерживали воды рѣки, заставляя ихъ разливаться въ обширное озеро, до тѣхъ поръ пока землетрясеніе не открыло имъ узкаго и труднаго прохода къ востоку. Мнѣ хотѣлось, прежде чѣмъ идти далѣе, увидѣть собственными глазами это «великое чудо природы».

Макололо дали ему названіе «Мозіоатуніи». Я часто слышалъ разсказы о немъ, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ въ страну, и первый вопросъ, заданный мнѣ Себитуане, былъ слѣдующій: «Есть ли въ вашей странѣ такой дымъ, который производитъ шумъ, подобный грому?» Никогда туземцы не приближались къ каскаду; они смотрѣли на него только издали, и пораженные туманными столбами, поднимавшимися надъ нимъ съ грознымъ шумомъ, говорили: «дымъ гремитъ тамъ!»

Отплывши отъ Калаи минутъ на двадцать разстоянія, мы замѣтили туманные столбы, весьма справедливо называемые дымными, потому-что на такомъ разстояніи, какъ мы были, около пяти или шести миль,—ихъ можно было принять за дымъ отъ пожара, которые часто случаются на обширныхъ пастбищахъ въ Африкѣ. Такихъ столбовъ пять; они уступаютъ дуновенію вѣтра, и какъ будто опираются на невысокій рифъ, вершина котораго покрыта лѣсомъ. Съ того мѣста, гдѣ мы стоимъ, верхъ этихъ столбовъ теряется въ облакахъ; снизу они совершенно бѣлы и темнѣютъ кверху, что увеличиваетъ ихъ сходство съ дымомъ, поднимающимся въ пространство. Весь пейзажъ неизъяснимой красоты; огромныя деревья всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ украшаютъ берега рѣки и островковъ, которыми онъ усѣянъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенную физіономію, и многіе совершенно покрыты цвѣтами. Одинъ громадный баобабъ, каждая вѣтвь котораго могла бы составить стволъ огромнаго дерева, разстилается вокругъ группы пальмъ, — а нѣжная зелень ихъ, рисуясь на небѣ, какъ будто чертитъ на немъ вѣчно одни и тѣ же іероглифы. Серебристый могононо, по формѣ напоминающій въ этой странѣ ливанскій кедръ, производитъ счастливый контрастъ съ мрачнымъ мотзури, напоминающимъ кипарисъ, темный оттѣнокъ котораго возвышается еще болѣе отъ пурпуроваго цвѣта его плодовъ. Нѣкоторыя изъ деревьевъ напоминаютъ наши высокіе дубы, другія походятъ на столѣтніе вязы или на старыя каштановыя деревья, но никогда никто не можетъ составить себѣ понятія о красотѣ этой картины по тѣмъ блѣднымъ образцамъ растительности, которые мы видимъ въ Англіи. Никогда взоръ европейца не созерцалъ подобной картины. Холмы отъ трехъ-сотъ-футовъ вышиною, покрытые деревьями, сквозь которыя сквозитъ красноватый цвѣтъ почвы, ограничиваютъ видъ съ трехъ сторонъ, и въ дополненіе недостаетъ только снѣжныхъ вершинъ, сливающихся съ горизонтомъ.

Въ разстояніи восьмисотъ шаговъ отъ каскада, я перемѣнилъ свою лодку на болѣе легкую, съ отличными гребцами; — минуя водовороты и подводные камни, они доставили меня прямо на островъ, расположенный на берегу обрыва, съ котораго воды свергаются внизъ. Воды рѣки низки—и позволяютъ намъ достигнуть такого мѣста, которое недоступно во время разлива. И хотя мы находимся только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пучины, однако я увѣренъ, что никто еще не видалъ того мѣста, въ которое низвергается вся масса воды, несмотря на то, что противуположный край расщелины, въ которой она исчезаетъ, отстоитъ отъ насъ только въ 20 футахъ. Съ волненіемъ взбираюсь я на край пропасти, откуда смотрю въ глубину разрыва, прорѣзывающаго Замбезе съ одного берега до другаго, и вижу рѣку около версты шириною, стремглавъ летящую въ ужасную глубину, гдѣ она сразу сдавливается въ узкое пространство отъ 45 до 60 футовъ ширины. Сама же пропасть есть ничто иное какъ глубокая трещина въ толщѣ базальта, перерѣзывающая всю рѣку и простирающаяся еще далѣе, сквозь горный кряжъ, миль на тридцать или сорокъ отъ Замбезе.

Туманные столбы, выходящіе изъ бездны, происходятъ, очевидно, отъ сжатія воды, тяжесть которой увеличивается еще силой паденія, и встрѣчаетъ задержку, противящуюся движенію этой громадной массы. Изъ пяти столбовъ, три обозначены рѣзче другихъ, и потокъ, образующій столбы съ лѣвой стороны, хотя и сдавленный между берегвмъ рѣки и островомъ, превосходитъ величиною Клейдъ въ Стенбюри, когда та находится въ полномъ разливѣ.

Если судить по тѣмъ небольшимъ поврежденіямъ, которымъ подвергся хребетъ базальтовой скалы, то (говоря геологически) эпоха разрыва не должна быть слишкомъ отдалена; я сожалѣю, что не могъ положительнымъ образомъ опредѣлить ея ширину у водопада, потому-что это дало бы средства узнать впослѣдствіи, измѣняется ли она, или остается неизмѣнною. Ширина отверстія повидимому не превосходитъ длину одного пальмоваго дерева; еслибъ это отверстіе увеличивалось постепенно, то это служило бы доказательствомъ существованія подземнаго дренажа въ африканскихъ равнинахъ,—и тогда можно бы было ожидать, что со временемъ климатъ страны сдѣлается болѣе здоровымъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ африканскихъ озерахъ произошли въ недавнее время весьма значительныя измѣненія.

Островъ, на которомъ я нахожусь, и два другія мѣста по сосѣдству водопада—избраны тремя батокасскими вождями для ихъ молитвъ и жертвоприношеній баримосамъ. Для молитвъ, они обращаются лицомъ къ облакамъ, поднимающимся надъ безднюю, и сливаютъ свои заклинанья съ ревомъ водопада. По всей вѣроятности, эта потрясающая картина приводитъ ихъ въ состояніе глубокаго возбужденія—и, быть можетъ, выборъ мѣста обусловливается тѣмъ религіознымъ страхомъ, который внушаетъ имъ это величественное зрѣлище, потому-что самая рѣка имѣетъ нѣчто таинственное для обитателей этой страны.

«Никто не знаетъ, откуда она и куда идетъ», говорится въ пѣсняхъ гребцовъ о Замбезе.

Рисунокъ, изображающій пляску негритянокъ, едва ли нуждается въ поясненіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи дѣйствующихъ лицъ. Остается развѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ мѣстѣ дѣйствія. Передъ вами довольно обширный дворъ, почва котораго отлично утрамбована глиной съ коровьимъ навозомъ. Кругомъ палисадъ, скрѣпленный молочайными растеніями. Посрединѣ большое дерево, дорогое по тѣни, которую оно бросаетъ вокругъ себя. Хижины съ соломенными крышами, чрезвычайно живописно поросшими ползучими и вьющимися стеблями тыквенныхъ растеній, у которыхъ самые плоды розоваго цвѣта — и надъ всѣмъ этимъ африканское солнце.

Пляска негритянокъ.

Внутреннее обозрѣніе.

25-го января произошло торжественное открытіе Финляндскаго Сейма. Къ 11 часамъ въ церковь св. Николая, гдѣ должно было происходить богослуженіе, собрались депутаты всѣхъ сословій, пріѣхалъ генералъ-губернаторъ съ своей свитой и множество постороннихъ лицъ. Богослуженіе совершалось на шведскомъ и финскомъ языкахъ. Великолѣпный органъ, громадный хоръ пѣвчихъ изъ дѣвицъ и женщинъ (около 300 человѣкъ), хоръ музыкантовъ —придавали богослуженію особенную торжественность, вполнѣ отвѣчающую такому знаменитому дню. Изъ церкви генералъ-губернаторъ со свитой и депутаты отправились во дворецъ, въ тронную залу, гдѣ произошла самая церемонія открытія Сейма. Остановившись у подножія трона, генералъ-губернаторъ прочиталъ на русскомъ языкѣ слѣдующую Высочайшую рѣчь къ сеймовымъ депутатамъ, которая потомъ была прочитана въ шведскомъ и финскомъ переводахъ [1]).

„Представители Великаго Княжества Финляндскаго.

„Мнѣ отрадно привѣтствовать ваше собраніе на урочный Сеймъ при настоящихъ обстоятельствахъ, столь утѣшительныхъ въ сравненіи съ лишеніями, тяготѣвшими надъ краемъ вскорѣ послѣ закрытія предъидущаго вашего засѣданія, когда Финляндія, постигнутая повсемѣстнымъ неурожаемъ, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, потерпѣла небывалый съ незапамятныхъ временъ голодъ.

„Въ столь тяжкое время испытаній частная благотворительность, для утоленія вопіющихъ нуждъ съ теплымъ христіанскимъ человѣколюбіемъ выказала самое трогательное и примѣрное для всего рода человѣческаго содѣйствіе; но, несмотря на всѣ частныя пожертвованія какъ извнѣ, такъ и въ особенности въ самомъ краѣ собранныя, несмотря на ассигнованіе изъ статнаго фонда чрезвычайныхъ вспомоществованій деньгами и продуктами, истощеніе всѣхъ средствъ вынудило правительство заключить за границей заемъ въ пять съ половиной милліоновъ марокъ, для пріобрѣтенія зерна на прокормленіе сотень тысячъ бѣдствующихъ и для весенняго посѣва; но, къ несчастію, ни эти мѣры, ни учрежденіе значительныхъ общественныхъ работъ, не отвратили гибельныхъ послѣдствій голода; заразительныя тяжкія болѣзни не замедлили распростаниться почти повсемѣстно, и къ душевному Моему прискорбію жестоко испытанное страданіями народонаселеніе въ значительной мѣрѣ уменьшилось.

„Коснувшись этого горестнаго для Моего сердца воспоминанія, Я съ тѣмъ вящею признательностію къ милости Провидѣнія и съ радостнымъ чувствомъ любви къ вѣрноподданному финскому народу Моему, возношу съ вами усердное благодареніе Всевышнему, благословившему въ послѣднее время край достаточными урожаями, которые утолили проникнувшія въ сердце народа страданія. Земледѣліе, торговля, промышленность и личная дѣятельность вновь оживились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическое состояніе статнаго вѣдомства настолько улучшилось, что доходы его не только удовлетворяли смѣтнымъ расходамъ и потребности уплаты помянутаго займа, но и дозволили полезныя для края работы и предпріятія; въ томъ числѣ первое мѣсто занимаетъ желѣзная дорога, соединившая столицу Имперіи съ главнымъ городомъ Великаго Княжества на очевидную пользу взаимныхъ интересовъ торговли и промышленности, дѣятельностью коихъ сближаются жители различныхъ мѣстностей. Таковое сближеніе, способствуя вообще всестороннему развитію, непремѣнно послужитъ и постепенному разсѣянію мѣстныхъ предубѣжденій и тѣмъ самымъ упрочитъ чувства пріязни и единства, которыя Я такъ искренно желаю видѣть непринужденно и дружно вселенными между народами, соединенными подъ Моимъ скипетромъ.

„По предложенному Мною преобразованію высшихъ правительственныхъ учрежденій, Я, въ видѣ опыта, повелѣлъ измѣнить порядокъ засѣданія въ Сенатѣ, для ускоренія дѣлопроизводства, вызваннаго увеличивающимся числомъ подлежащихъ обсужденію Сената дѣлъ.

„Принявъ во вниманіе безуспѣшность изученія русскаго языка въ училищахъ, между тѣмъ какъ необходимость въ основательномъ знаніи его обнаруживается не только на служебномъ поприщѣ, но и въ практической части жизни, Я призналъ за благо нынѣ повелѣть, въ связи съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній, вновь ввести въ училищахъ края русскій языкъ въ число обязательныхъ предметовъ.

„Вопросъ по объявленному Мною въ минувшемъ году рескриптомъ, на имя генералъ-губернатора, предположенію о введеніи въ Великомъ Княжествѣ общей воинской повинности не можетъ быть нынѣ предложенъ на ваше обсужденіе, такъ какъ мѣра эта еще не введена въ Имперіи.

„Новый Сеймовый Уставъ и Уставъ Рыцарскаго Дома подробно опредѣляютъ кругъ вашей дѣятельности, а пріобрѣтенная вами опытность даетъ Мнѣ поводъ надѣяться, что вы съ успѣхомъ въ установленный срокъ окончите предстоящія занятія.

„Да послужитъ ваша добросовѣстная и усердная дѣятельность къ истинному благу края и къ вящему упроченію взаимнаго довѣрія между правительствомъ и народомъ, на что да благословитъ васъ Всемогущій Богъ!

„Объявляю засѣданія Сейма открытыми."

Затѣмъ сказаны были рѣчи: ландмаршаломъ (представителемъ дворянства) и архіепископомъ (отъ духовнаго и ученаго сословій) на французскомъ языкѣ; представителями горожанъ и крестьянства — на шведскомъ; прочитаны 34 предложенія и проекта правительства, передаваемыя на обсужденіе Сейма. На другой день, по словамъ корреспондента «Петерб. Вѣд.», въ гельсингфоргскомъ дворцѣ данъ былъ балъ, на который, говорятъ, было ассигновано 40,000 марокъ (10 т. руб. сер.).

— 26-го января, въ Москвѣ скончался знаменитый нашъ государственный дѣятель и патріотъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, родной братъ нынѣшняго военнаго министра. Съ именемъ покойнаго связываются главнѣйшія преобразованія послѣднихъ 20 лѣтъ; онъ былъ душою и самымъ горячимъ сторонникомъ перемѣнъ, въ гражданскомъ и политическомъ строѣ нашего отечества.

Въ немъ было рѣдкое сочетаніе свѣтлаго ума съ обширными познаніями и горячею любовью къ отечеству. Воспитаніе свое онъ получилъ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, оттуда 17-ти лѣтъ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ простымъ чиновникомъ. Здѣсь онъ достигъ мѣста директора департамента и въ 1858 году призванъ былъ отправлять обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, статсъ-секретаремъ и членомъ государственнаго совѣта. Дѣятельность Милютина началась еще въ прошедшее царствованіе, когда ему привелось принимать самое широкое участіе въ состояніи городоваго положенія для обѣихъ столицъ. Но самая блестящая пора его государственной дѣятельности относится къ настоящему царствованію; такъ, онъ участвовалъ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права, въ составленіи земскаго «Положенія», въ преобразованіи кредитной части, въ коренномъ преобразованіи Царства Польскаго, въ поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ и проч. Зимою, 1866 года, возвратясь съ засѣданія, происходившаго въ домѣ государственнаго канцлера, по вопросу о конкордатѣ съ Римомъ, Николай Алексѣевичъ почувствовалъ себя дурно: съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, и съ этихъ поръ онъ оставилъ свою государственную дѣятельность. Послѣ того онъ прожилъ три года за границей и два въ Москвѣ, но уже вдали отъ государственныхъ дѣлъ. Скончался 53 лѣтъ отъ роду. Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти, въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, въ при-

[1]) Мы приводимъ ее по оффиціальному тексту. *Ред.*

сутствіи Великаго Князя Константина Николаевича, была отслужена по Николаѣ Алексѣевичѣ торжественная панихида. Отпѣваніе тѣла Н. А. Милютина происходило въ церкви московскаго университета, однимъ изъ знаменитѣйшихъ почетныхъ членовъ котораго состоялъ покойный. Погребеніе совершено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

— Недѣли двѣ тому назадъ, въ иностранной печати появились краткія свѣденія объ опасности, угрожавшей Государю Императору на охотѣ, бывшей 4-го января настоящаго года. Наши газеты воспользовались этимъ сообщеніемъ и передали своимъ читателямъ подробности этого случая. Съ своей стороны, «Правительственный Вѣстникъ», для прекращенія невѣрныхъ свѣденій, сообщенныхъ какъ русскою, такъ и иностранною печатью, разсказываетъ, что дѣло было такъ:

«4-го января настоящаго года, на охотѣ, производимой облавою, медвѣдь вышелъ, густою чащею лѣса, на стрѣлковую линію. Увидавъ Государя Императора, медвѣдь съ такою быстротою бросился на Его Величество, что только два выстрѣла послѣдовательно могли быть сдѣланы Государемъ Императоромъ; одинъ выстрѣлъ Его Величества попалъ въ лѣвое плечо, на вылетъ въ правый бокъ между осьмымъ и девятымъ ребрами. Хотя медвѣдь послѣ выстрѣла повалился, но, мгновенно вскочивъ, продолжалъ бросаться прямо впередъ. Его Величество, не имѣя болѣе времени взять другое ружье, подвинулся хладнокровно на шагъ влѣво. Рогатчикъ Никоновъ, при этомъ движеніи Его Величества влѣво, имѣлъ удобный случай принять медвѣдя на рогатину, которую онъ ему всадилъ прямо въ грудь. Въ это самое время, унтеръ-егермейстеръ Ивановъ стоявшій вправо, рядомъ съ Государемъ, выстрѣломъ раздробилъ черепъ медвѣдя. Выстрѣлъ Иванова и ударъ рогатиною были произведены совершенно одновременно и положили медвѣдя мертвымъ къ ногамъ Его Величества».

— Въ послѣднее время, многочисленные потребители сахара были озабочены значительнымъ повышеніемъ цѣнъ на этотъ важный продуктъ. Повышеніе явилось внезапно и достигло до того, что фунтъ сахару въ мелкой продажѣ сталъ продаваться по 25—26 копѣекъ, а въ пудахъ по 10 р. Сахарный песокъ стоилъ еще недавно 5 р. 50 к. за пудъ, а теперь за него требуютъ 8 руб. Общій голосъ объяснялъ это повышеніе слухами о предстоящемъ пониженіи ввозной пошлины на иностранный сахаръ, а это будто бы заставило нашихъ сахарозаводчиковъ искуственно поднять цѣны на свой сахаръ и тѣмъ показать, что наша сахарная промышленность до сихъ поръ еще нуждается въ покровительствѣ со стороны высокой пошлины на иностранный сахаръ. Но на прошлой недѣли появилось объясненіе инаго рода, кажется, довольно близкое къ истинѣ. Извѣстный кіевскій профессоръ Н. Х. Бунге объясняетъ повышеніе цѣнъ на сахаръ не стачкою сахарныхъ заводовъ, а спекуляціею мелкихъ торговцевъ, которые, по случаю открывшагося для нихъ довольно дешеваго кредита въ разныхъ кредитныхъ обществахъ и конторахъ и ввиду нѣкотораго возвышенія цѣнъ на рафинадъ и сахарный песокъ, намѣреваются гнать цѣны вверхъ, чтобы потомъ сбыть свой товаръ какъ можно выгоднѣе. Сахарные же заводчики тутъ ни при чемъ, такъ-какъ партіи сахара ими проданы по цѣнѣ обыкновенной, т. е. по 4 р. 50 — 5 р. 40 коп за пудъ, еще въ октябрѣ прошлаго года. Впрочемъ, это возвышеніе цѣнъ на сахаръ будетъ продолжаться не долго, такъ-какъ оно достигло уже суммы, при которой становится возможнымъ привозъ къ намъ за-граничнаго сахара, что неминуемо понизитъ цѣны и на отечественный. Ожидаютъ пониженія еще до открытія навигаціи, копейки на 2—3 на фунтъ, или около 90 к. на пудъ, но не болѣе. Съ весны же цѣны падутъ еще ниже, чему, конечно, потребители не могутъ не радоваться.

— На дняхъ послѣдовало довольно важное узаконеніе, предоставляющее право государственной службы какъ директорамъ, такъ и преподавателямъ земскихъ учительскихъ семинарій. Вопросъ объ этомъ возбужденъ ходатайствомъ новгородскаго земства, открывшаго, какъ извѣстно, первую у насъ учительскую семинарію на средства земства. Земствамъ тѣхъ губерній, которыя имѣютъ уже уже у себя учительскія школы, и тѣхъ, которыя еще намѣреваются ихъ открыть, предоставляется просить о распространеніи правъ государственной службы на директоровъ и преподавателей этихъ школъ. Должность директора новой семинаріи полагается въ V классѣ, а преподавателей въ VIII. Затѣмъ, воспитанники семинарій, во все время ихъ обученія въ этихъ заведеніяхъ, освобождаются отъ рекрутской повинности и отъ тѣлеснаго наказанія. Понятно, что эта мѣра будетъ встрѣчена всѣми съ полнымъ сочувствіемъ.

Политическое обозрѣніе

Новый министръ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи оказывается въ самомъ дѣлѣ рѣшительнымъ противникомъ преобладанія церкви надъ государствомъ: всѣ проекты, составленные его предшественникомъ, извѣстнымъ г. Мюллеромъ, — новымъ министромъ отвергнуты, за исключеніемъ впрочемъ одного, который предлагаетъ, вмѣсто церковнаго надзора за школами, установить надзоръ правительственный. Проектъ этотъ обсуждался въ прусской палатѣ цѣлыхъ три засѣданія и вызвалъ весьма страстныя пренія. Клерикалы (сторонники и представители духовенства) всѣхъ оттѣнковъ, соединясь съ поляками и съ ганноверскими депутатами, образовали сильную партію противъ новаго закона; либеральные же депутаты примкнули къ правительству и поддерживали министерскій проектъ. Противники закона доказывали, что образованіе, выведенное изъ-подъ вліянія церкви, приведетъ къ невѣрію и нравственной порчѣ; что новый законъ потворствуетъ либерализму, который стремится создать школы безъ всякаго религіознаго направленія, — подчиняя же ихъ надзору государства, стѣсняетъ свободу преподаванія, и т. далѣе. Въ отвѣтъ на это, представители правительства и либеральные депутаты объясняли, что вліяніе церкви на школы никогда и нигдѣ не приносило хорошихъ плодовъ; тѣмъ болѣе невозможно этого допустить теперь, когда требованія вѣка ушли далеко впередъ, и правительства оказываются предусмотрительнѣе духовенства; что свобода преподаванія, о которой такъ хлопочутъ клерикалы, есть не что иное, какъ (по счастливому выраженію депутата Вирхова) «свобода невѣжества», для учащихся — свобода ничего не знать, а для учителей — свобода ничему не обучать; что, наконецъ, новый законъ на самомъ дѣлѣ ничего не вноситъ новаго, такъ-какъ онъ нисколько не противорѣчитъ конституціи страны. Князь Бисмаркъ, съ свойственными ему мѣткостью и смѣлостью, разобралъ составъ противной проекту партіи, выразивъ при этомъ ту мысль, что кромѣ внутренняго значенія своего для Пруссіи, поднятый вопросъ имѣетъ еще и значеніе политическое, такъ-какъ къ нему примѣшиваются дурно-скрываемые интересы поляковъ и ганноверцовъ, которые, очевидно, преслѣдуютъ здѣсь еще и другія цѣли. Первые, противясь введенію въ обученіе нѣмецкаго языка, не оставляютъ мечты о возстановленіи Польши и дѣйствуютъ въ этомъ направленіи вмѣстѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ; вторые же не оставляютъ мечты о возстановленіи самостоятельности Ганновера. Послѣ трехдневныхъ жаркихъ преній, законъ пущенъ былъ на баллотировку и принятъ большинствомъ 197 голосовъ противъ 172. По этому закону, общинные и окружные инспектора назначаются правительствомъ и дѣйствуютъ отъ имени государственной власти.

Лица эти не могутъ быть смѣняемы. Общины и ихъ учрежденія пользуются, по прежнему, нѣкоторымъ правомъ на на участіе въ этомъ надзорѣ. Такъ прошелъ этотъ законъ, несмотря на самое упорное отстаиваніе настоящихъ порядковъ, несмотря на многочисленныя просьбы (около 2000) отъ духовенства и деревенскихъ жителей оставить все по прежнему. Значительное число противныхъ голосовъ показываетъ однако, что побѣда не можетъ быть названа блистательною и что составъ прусскаго сейма не особенно богатъ либеральными представителями.

„Сіяніе" и издатель его Турба.

Издатель «Нивы» получилъ слѣдующее письмо отъ г. В. Генкеля.

«Милостивый Государь
Адольфъ Федоровичъ!

На дняхъ, въ № 5 «Сіянія», я прочелъ статью, въ которой стараются набросить неблаговидную тѣнь на васъ какъ издателя «Нивы» и на ваши отношенія ко мнѣ, по поводу судебнаго разбирательства о нарушеніи между нами контракта. Такъ-какъ интимная сторона этого процесса, до которой суду понятнымъ образомъ не было никакого дѣла, осталась неизвѣстною публикѣ, — я спѣшу заявить этимъ письмомъ, что вышеупомянутое судебное разбирательство было возбуждено нами преимущественно ради выясненія вопроса: нарушается ли контрактъ письменнымъ предложеніемъ объ отказѣ отъ исполненія его съ одной стороны и принятіемъ этого предложенія объ отказѣ—съ другой. Какъ только со стороны суда послѣдовало разрѣшеніе этого вопроса, мы кончили дѣло дружелюбнымъ образомъ.

Не могу не выразить при этомъ крайняго моего удивленія относительно поступка г. Турбы, издателя «Сіянія»: — выкапывать, изъ старыхъ газетъ, давно поконченныя миролюбиво обѣими заинтересованными сторонами дѣла — и при этомъ даже не справиться, каковы отношенія этихъ сторонъ между собою. Объяснить это можно только желаніемъ «насолить» конкуренту и такимъ способомъ отбивать подписчиковъ. Всѣ ваши подписчики, я надѣюсь, поймутъ этотъ неблаговидный маневръ и оцѣнятъ его по достоинству.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенной моей преданности.

В. Генкель.

Не желая докучать уважаемымъ читателямъ «Нивы» личными нашими дѣлами, не имѣющими никакого интереса для публики, мы прошли молчаніемъ нашъ процессъ съ г. Генкелемъ, бывшимъ издателемъ «Живописнаго Сборника.» Нынѣ же, вынужденные столь же жалкой, сколько и злонамѣренной выходкой противъ насъ издателя «Сіянія», мы пользуемся случаемъ покончить счеты съ этимъ послѣднимъ.

Такъ-какъ всѣ *наши* подписчики, заваленные объявленіями о «Сіяніи», этомъ слабомъ подражаніи «Нивѣ», не знали побудительныхъ причинъ къ выходкѣ противъ насъ редактора-издателя Турбы, бывшаго нашего прикащика въ конторѣ «Нивы» съ 15 декабря 1870 года по 23 февраля 1871 г., — то мы помѣщаемъ письмо г. Генкеля, полагая, что оно достаточно говоритъ само за себя. Намъ остается лишь прибавить, что всѣ наши обязательства предъ г. Генкелемъ были добросовѣстно выполнены и отношенія наши остаются наилучшими.

Сдерживая въ теченіи двухъ лѣтъ слишкомъ наше обѣщаніе, не помѣщать на страницахъ «Нивы» личныхъ нашихъ счетовъ, — мы просимъ извиненія у нашихъ читателей въ томъ, что на этотъ разъ докучали имъ этими немногими строками.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 4 Февраля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. в Влад. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 21 февраля 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 15 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья Вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

VIII.

Возвращеніе блуднаго сына.

Система исправительныхъ мѣръ, предложенныхъ Василіемъ Никитичемъ Коржавинымъ, пошла въ ходъ. Посылка благостынь отъ тетки прекратилась; отецъ тоже не подавалъ о себѣ ни вѣсточки. Чрезъ полгода, Өедоръ Васильевичъ попробовалъ писать. Письмо достигло назначенія, но отвѣтъ послѣдовалъ вовсе не утѣшительный—онъ заключался всего въ двухъ строкахъ: «одно чадо, да и то чало; живи какъ знаешь». Возвратившійся Лосенко, на всѣ разспросы, стоялъ на одномъ, что дядя совѣтуетъ молодому человѣку поспѣшнѣе ѣхать домой, и что самъ онъ, Антонъ Павловичъ, обязывался посадить Өедора въ почтовую карету, уговорившись съ компаніей дилижансовъ чтобы довести его до Кенигсберга, гдѣ отъ довѣреннаго отца онъ могъ получить возможность добраться до Москвы или Петербурга. Въ руки же ему положено не давать ни копѣйки.

Өедоръ впалъ въ раздумье. Баженову нужно было ѣхать въ Римъ; пришлось потерять, въ лицѣ его, послѣднюю надежду на помощь и ссуды. Кремень-Лосенко держать-держалъ, должно быть получивъ на это полномочіе, а кредита не открывалъ. Переводныя работы, перепадавшія чрезъ посольство, и роль чичероне при обозрѣніи Парижа съ пріѣзжавшими русскими путешественниками—давали время отъ времени небольшую поживу и составили множество знакомствъ; но все это были крошки: о патэ съ ренскимъ и прочихъ сладостяхъ не могло быть и рѣчи. Эмилія становилась холодно-вѣжливою, да и самъ Өедоръ какъ-то поутратилъ прежнюю шаловливость. Платье его окончательно обносилось; онъ сталъ небреженъ въ отношеніи своей внѣшности, жилъ день за день. Но и при такихъ обстоятельствахъ къ послѣдней мѣрѣ онъ прибѣгнулъ только въ крайности,-съ отъѣздомъ Лосенки и по письму Баженова уже изъ Петербурга, откуда старый пріятель звалъ пріѣзжать прямо, не боясь непріятностей отъ родныхъ; Баженовъ завѣрялъ, да и Өедоръ зналъ, что они были незлопамятны и охотно дали бы денегъ, еслибъ надѣялись на возвращеніе заблудшаго дѣтища.

Къ этому времени, ровно черезъ два года послѣ первой поѣздки Лосенки въ Россію, присланъ былъ въ столицу Франціи курьеръ иностранной коллегіи, а чрезъ недѣлю долженъ былъ возвращаться назадъ. Лосенко пустилъ въ ходъ всѣ свои усилія и уговорилъ кого слѣ-

дуетъ въ посольствѣ—употребить даже маленькое принужденіе для возвращенія роднинѣ заблудшей овцы; самъ же долго не рѣшался сказать прямо. Но, противъ ожиданій, при первыхъ же словахъ его предложенія Ѳедоръ выразилъ полную готовность подчиниться. На радостяхъ Лосенко даже угостилъ его въ Палеройялѣ. Къ счастію, сборы были недолги — и на утро, Ѳедоръ Васильичъ покинулъ сенскіе берега. Крѣпко защемило у него сердце, когда неуклюжій рыдванъ-дилижансъ, шестерикомъ дюжихъ норманокъ въ шорахъ, выбрался на дорогу въ Лилль — и возвышенность, поросшая деревьями, скрыла послѣдніе признаки оставленной столицы, куда Федоръ прибылъ почти ребенкомъ и гдѣ провелъ лучшіе годы молости. Ровно черезъ десять дней, курьеръ и его спутникъ въѣхали въ Нарвскую заставу столицы Петра, гдѣ нашъ русскій парижанинъ отъ роду не бывалъ. Не скрывая удивленія, поглядывалъ онъ на эти дома, улицы, мосты и прешпективы, пробираясь къ Васильевскому острову, гдѣ жилъ Баженовъ въ самомъ зданіи Академіи.

Съ послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы, подъ Шуваловскую Академію отдали всѣ три дома на Неву, между 3-й и 4-й линіей, застроенные при Петрѣ, при Аннѣ конфискованные у Долгорукихъ и при Елисаветѣ еще разъ перемѣнившіе владѣльцевъ. На уголъ 4-й линіи помѣщалась аптека; ее можно было издали отличить по громадному золоченому орлу, между 3-мъ и 4-мъ этажемъ, посрединѣ фасада. Непосредственно надъ этимъ орломъ, во 2-й этажъ вели громадныя двери съ открытаго крыльца о двухъ сходахъ съ противуположныхъ сторонъ. Пять оконъ въ этомъ этажѣ и по 6 въ слѣдующихъ были подъ стать громаднымъ дверямъ и рѣзко отличали аптеку отъ сосѣдняго фасада, гдѣ строитель какъ будто бы скупился на просторъ, прорубая частыя окна и узкія и недлинныя; крылечко настолько же скромныхъ размѣровъ служило входомъ—самымъ бѣднымъ сравнительно съ сосѣдними, особенно съ выходившимъ на 3-ю линію, гдѣ — рѣдкость въ тогдашнемъ Петербургѣ — выступавшая впередъ колоннада поддерживала фронтонъ съ несбитымъ еще гербомъ Головкиныхъ, повторявшимся на всѣхъ замкахъ оконныхъ наличниковъ надъ всѣми дверями тоже со входнаго крыльца. Отъ каждаго крылечка къ Невѣ вели отдѣльные на сваяхъ высокіе мостки, далеко уходившіе въ Неву, такъ что къ мосткамъ этимъ могли приставать прямо большія суда. Скуплено было еще нѣсколько сосѣднихъ домовъ по обѣимъ линіямъ — и составился уже проектъ созданія цѣлаго дворца искусствъ на мѣстѣ этихъ разнокалиберныхъ построекъ. Долго отсрочиваемая закладка громадныя зданія должна была послѣдовать на этихъ дняхъ. Утвержденъ былъ церемоніалъ торжества. Работа кипѣла надъ орнаментаціей фасадовъ. Невскій берегъ передъ всѣми тремя фасадами былъ и не широкъ и очень низменный. Поэтому при устройствѣ пышнаго торжества при закладкѣ новаго зданія, предположено было вровень съ высотой мостковъ настлать сплошную эстраду, снявъ отдѣльныя загородки, и устроить пристань съ тріумфальнымъ входомъ. Сверхъ лежней и по перекладамъ мостили уже эстраду. Мѣсто работъ заборомъ обнесено не было, а только закинуто рогатками. Подходя къ нимъ, Коржавинъ еще издали призналъ высокорослаго производителя работъ. Баженовъ кинулся къ нему — и подъ впечатлѣніемъ неожиданной радостной встрѣчи, соскочилъ съ помоста прямо въ объятія стариннаго друга.

— Что это ты дѣлаешь? спрашивалъ Ѳедоръ, сіяя взглядами во всѣ стороны.

— Строю павильонъ, нужно сегодня поставить. Къ будущей недѣлѣ надо совсѣмъ покрасить и позолотить. Да что тутъ разсуждать, пойдемъ ко мнѣ...

— Да дай посмотрѣть, что́ у васъ тутъ строится— штука важная, хоть бы и не по Питеру, говорилъ Ѳедоръ, проходя по настланному тесовому полу. — А какая жь это лѣстница къ Невѣ?

— Государыня должна тутъ подъѣхать...

— На чемъ?

— На шлюбкѣ.

— Да вонъ и ѣдетъ какая-то.

— Гдѣ? э, нѣтъ... это нашъ президентъ... Да ты его долженъ знать — онъ въ Парижѣ долго жилъ. Слыхалъ конечно про принцессу Ангальтъ-Цербтскую?

— Что умерла-то? У нея еще былъ маркизъ Фолень управляющимъ...

— Она самая. Такъ вотъ и онъ тоже ея знакомецъ — Иванъ Иванычъ Бецкій.

— Высокій, изъ себя худощавъ? говорилъ Коржавинъ, всматриваясь въ подходившую шлюпку, — да я его, братецъ, знаю: у князя Голицына видалъ...

— А знаешь, такъ представляйся скорѣй — онъ теперь въ силѣ.

Друзья подбѣжали къ шлюбкѣ. Сильныя руки молодыхъ людей приняли, приподнявъ, бодраго еще, но уже сильно пожилаго кавалера.

— Votre excellence, permettez moi de vous presenter mes hommages, началъ Коржавинъ, расшаркиваясь, — j'ai eu le bonheur suprême de faire votre connaissance à Paris...

— Soyez le bienvenu! подхватилъ Бецкій съ просіявшимъ лицомъ, предвкушая встрѣчу съ французомъ pur sang и судя по всему хорошаго тона. — Вы конечно интересуетесь нашимъ разсадникомъ искусствъ, продолжалъ онъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ, — allons voir. Взявъ ласково Ѳедора подъ руку, президентъ повелъ его въ Академію, разсказывая и показывая какъ что́ будетъ. Ѳедоръ поддакивалъ, сыпалъ цитаты изъ энциклопедистовъ, изъ «Эмиля», и дѣлалъ видъ, что изумленъ до чрезвычайности глубокими соображеніями Бецкаго.

Баженовъ слѣдовалъ въ почтительномъ отдаленіи, думая про себя: «Экій молодецъ этотъ Ѳедька! куда его ни сунь — вездѣ найдется. Что-бъ это было, кабы не такой вертопрахъ!

Бѣглой французской скороговоркой, не лишенной блеска, котораго никогда не имѣла русская рѣчь Ивана Иваныча, Бецкій началъ прежде всего декларацiей, что ему по неизрѣченной благосклонности судьбы удалось привести въ исполненіе хоть малую часть великихъ предначертаній Даламберта и особенно Руссо—относительно образованія новой породы людей, свободныхъ отъ преступленій, позорящихъ человѣчество.

— Благодарю Высочайшее существо, говорилъ президентъ, воспламенившись,—за то что оно сдѣлало меня слабымъ орудіемъ своихъ велѣній, дабы показать, какъ удобно, съ неразумнаго младенчества вдохнуть въ этихъ юныхъ питомцевъ зачатки всѣхъ добродѣтелей, скрывъ отъ нихъ, такъ что они и представить себѣ не могутъ, гибельные пороки, которыми заражены грубые необразованные люди, къ несчастію ихъ родителей. Мало того, мой юный другъ, схвативъ и потрясая руку Коржавина, въ патетическомъ волненіи изъяснялъ востор-

женный президентъ, — вдохнуть добро и предохранить отъ порока — это самое меньшее изъ благъ, ожидаемыхъ нами отъ разумнаго воспитанія, которому я посвятилъ всю свою жизнь. Мы можемъ сдѣлать изъ этихъ юныхъ существъ кого угодно. Художниковъ? прекрасно! Мы младенцевъ окружимъ, съ самаго вступленія въ разсадникъ нашего образованія, изящными предметами, которые невольно внѣдряются въ память, и въ смыслъ, и въ сердце ихъ — а привыкнувъ дышать этой атмосферой, нѣжныя существа, получа въ свои руки орудіе необходимыя для того или другаго искусства, проявляютъ уже счастливую наклонность къ нимъ, такъ что воспитателямъ остается только не мѣшать имъ, а они выростая будутъ уже тѣмъ, чѣмъ судьба имъ быть опредѣлила...

Этотъ монологъ продолжался во все время перехода изъ помѣщеній Академіи-собственно къ домамъ, гдѣ помѣщено было воспитательное училище, совсѣмъ закрытое—по видамъ президента-учредителя. 21 апрѣля истекшаго года, по публикаціямъ въ Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ, стали принимать сюда дѣтей отъ трехъ до пяти лѣтъ включительно. Пер ступивъ за порогъ этого разсадника будущихъ *великихъ людей*, дѣти передавались на руки француженкамъ-нянькамъ, все достоинство которыхъ заключалось въ томъ, что онѣ родились въ деревняхъ сосѣднихъ съ Парижемъ—и согласились, взамѣнъ занятій портнихъ и прачекъ, розыграть на берегахъ Невы роль наставницъ, конечно за хорошее жалованье. Ихъ одѣвали на казенный счетъ нетолько чисто, но даже съ претензіями на моды, чтобы не сказать вычурно.

Все это былъ народъ разбитной и веселый, у котораго на умѣ были далеко не философскія теоріи преобразованія людей настолько-дешевымъ способомъ.

Сѣдовласый служака, со скромнымъ выраженіемъ плутовскаго лица, почтительно растворилъ двери святилища передъ президентомъ и любопытнымъ спутникомъ — и глазамъ Ѳедора представилась обширная зала; у маленькихъ столиковъ, разставленныхъ безъ всякаго порядка, гдѣ въ рядъ, гдѣ въ два, dans un desordre artistique, щебетали десятка два или три молодыхъ француженокъ, заливаясь своимъ громкимъ смѣхомъ — и еслибы не дѣти, блуждающіе тамъ и сямъ, трудно бы было сказать, что это соборъ воспитательницъ.

Съ рѣзвостью свойственной дѣтямъ шаловливой Лютеціи, молодыя особы бросились-было къ президенту, но присутствіе посторонняго задержало ихъ на мигъ. Бецкій сообщилъ, что это пріѣзжій изъ Парижа—и это водворило сразу полную безцеремонность. Конечно, послѣ первыхъ фразъ, Ѳедоръ началъ разспросы о мелочахъ воспитанія, чѣмъ привелъ въ полнѣйшій восторгъ восхищеннаго Бецкаго. Любезный сановникъ, вмѣсто воспитательницъ, самъ поспѣшилъ удовлетворить распросы парижанина изъ русскихъ, какъ ему показалось достойнаго состязаться съ великими философами, посѣдѣвшими надъ рѣшеніемъ великихъ задачъ жизни.

— Гдѣ нашъ несравненный мсье Кювилье?—я васъ представлю этому достойному шевалье, отнесся президентъ къ Коржавину, простирая свою любезность до короткости, — пожалуйста, попросите мсье Кювилье.

Но Кювилье не оказалось дома. Взамѣнъ его явилась M-me Кювилье, въ отсутствіи супруга разъигрывавшая роль инспектора, по формальному ордеру Бецкаго.

Это была довольно плотная, румяная дама, лѣтъ тридцати, отъ которой пышало здоровьемъ. Вышла она къ президенту совсѣмъ по домашнему.

Съ инспекторомъ-дамой Бецкій поспѣшилъ познакомить Коржавина, заявивъ ей, что такъ какъ мсье Thèodore («Коржавинъ» онъ забылъ) имѣлъ обязательность заявить свое сочувствіе великому учрежденію, то онъ, президентъ, полагаетъ совершенно-необходимымъ для обоюдной пользы дѣла и учрежденія, чтобы mr. пользовался полнымъ расположеніемъ мѣстной администраціи и при посѣщеніяхъ своихъ совершенно безпрепятственно могъ бы изучать ходъ дѣла. Другими словами Ѳедоръ получилъ carte blanche для посѣщенія цѣлаго роя француженокъ, свѣженькихъ, молодыхъ и скучающихъ.

На прощанье ему протянуто было дюжины двѣ рукъ, всевозможныхъ формъ и величины.

Нечего прибавлять, что этимъ посѣщеніемъ были довольны всѣ — но едва ли не болѣе всѣхъ самъ Иванъ Иванычъ.

«Какъ неожиданно судьба расточаетъ свои благосклонности тамъ гдѣ всего менѣе ожидаешь!» записалъ онъ себѣ въ книжкѣ въ тотъ вечеръ послѣ некраткаго искуса или испытанія, потому что изъ академіи Бецкій привезъ молодаго друга къ себѣ на домъ и показалъ ему таинства домашняго обихода: цыплятокъ, выведенныхъ въ искуственной фарфоровой печкѣ, собачку пріученную лизать руку, ручныхъ канареекъ, летавшихъ свободно по комнатамъ и садившихся на плечи гостей. Бесѣда о всѣхъ системахъ улучшенія человѣческой расы, какія только были пущены въ ходъ французскими умниками, затянулась такъ долго, что надъ Невою уже разлилась прозрачная полутьма Петербургской ночи, когда довольный собою Ѳедоръ вышелъ изъ президентскаго дома, теперь ему всегда открытаго.

— И неужли все это я не во снѣ видѣлъ? думалъ онъ, переправляясь чрезъ Исакіевскій мостъ, къ Академіи, чтобы ночевать у Баженова. Онъ полагалъ, что найдти друга будетъ не трудно — и дѣйствительно, подходя къ эстрадѣ, онъ увидѣлъ архитектора почти въ томъ же положеніи какъ и въ первый разъ. Павильонъ уже торчалъ силуэтомъ, прорѣзывая безтѣнную атмосферу. Работа топоровъ смолкла. Зато струги при пѣсняхъ двигались въ десяткахъ искусныхъ рукъ. Стали уже собирать столярныя части балюстрада.

— Ну, братъ, Ѳедя, кабы ты зналъ, какой тревоги ты у насъ кое-кому задалъ!.. да я тебѣ все разскажу.

Черезъ нѣсколько мгновеній, нашъ пріѣзжій, уже сбросивъ кафтанъ, сидѣлъ за обильной трапезой и чокался съ другомъ, сохранившимъ для него всю прелесть прежнихъ отношеній. Вино, поданное на радостяхъ, сдѣлало передачу ощущеній еще живѣе, хотя болѣе искренней она уже не могла быть.

— Такъ разсказывай же, что̀ у васъ было? пересказавъ по порядку всѣ подробности, началъ Коржавинъ.

— Да вотъ что̀, братецъ ты мой, ты не видалъ какъ за вами слѣдовалъ нѣкто въ новомъ мундирѣ застегнутомъ на всѣ крючки. Это видишь ты прозывается Александръ Михайловичъ Салтыковъ — теперь онъ пристроился въ секретари въ Академіи, а недавно былъ коммисаромъ по пріему кирпича до бревенъ. Такое преобразованіе совершилось благодаря знанію французскаго языка съ грѣхомъ пополамъ, да марацью бу-

ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.
По эскизу В. А. Беера.

маги на переводы съ того же языка печатные—онъ и перелагатель.

— То-есть ты можетъ хотѣлъ сказать перелыгатель? сострилъ Ѳедоръ.

— Прилыгатель, скорѣе. Онъ, видишь ли ты, при нашемъ президентѣ играетъ роль соглядатая, передавая всѣ свои выдумки, а тотъ и вѣритъ всему и набрасывается на кого придется, какъ тамъ его эта птичка настроитъ. А птичка-то эта начинаетъ ужь крѣпко умничать; но все же понимаетъ, что такія подслуги шатки, и конечно пугается всякой неожиданности Такой неожиданностью для него было твое появленіе съ президентомъ. Со мной-то, какъ вынимали изъ шлюпки, онъ тебя не видалъ. А видѣлъ какъ съ тобой баринъ-то нашъ по французски разсыпался и какъ ты ему рѣзалъ. У страха глаза велики. Ему показалось, что ты заправскій маркизъ, прямо изъ Парижа выписанъ и стало-быть у Ивана Иваныча будешь ближе чѣмъ онъ. Какъ вы уѣхали, приходитъ нашъ директоръ, Александръ Филипповичъ Кокориновъ, — вотъ ужь душа, я тебѣ скажу. Непростительно ему только, что онъ эту гадину ввелъ. Чувствую я, что онъ ему отплатитъ за добро скверностью — теперь конечно еще далеко. Вотъ идетъ Кокориновъ, а Салтыковъ къ нему: «такъ и такъ говоритъ — какого-то привезъ француза и должно-быть новаго инспектора. Его высокопревосходительство приказалъ Кювильершѣ самой, чтобы этому французу все разсказывали. Вотъ что у насъ готовится. Мнѣ наказывали распорядиться доставкой этому французу приглешенія на инавгурацію; а какъ его титуловать, говоритъ, спроси у Баженова». Кокориновъ ко мнѣ: «кого это говоритъ, привозилъ Иванъ Иванычъ?» Я смѣюсь: «это, говорю Коржавинъ, мой добрый пріятель». «Какъ, какъ! совсѣмъ посоловѣлъ Салтыковъ: — и русскій и такъ прекрасно объясняется, и его высокопревосходительство такъ благосклонны!», а самъ-то Салтыковъ при этомъ такую скорчилъ рожу, что мы съ Кокориновымъ не удержались — въ закаты!

— У васъ, братцы, просто, чудеса тутъ въ Петербургѣ!..

(Продолженіе будетъ).

Охота на медвѣдя.

Было ясное морозное утро, когда наша команда, состоящая болѣе чѣмъ изъ 50 человѣкъ, жителей двухъ деревень, собралась, чтобы сдѣлать облаву на Михаила Ивановича, слѣды котораго нашли въ ближайшемъ лѣсу. Мужички, вооруженные кто ржавой одностволкой перешедшей ему отъ дѣдушки, или просто солдатскимъ ружьемъ отнятымъ еще его отцомъ у французовъ, кто съ топоромъ, а кто и просто съ дубинкой—шли тихо разговаривая къ лѣсу, мѣсту жительства г. Тантыгина.

Лукашъ [1]) распоряжавшійся охотой разставилъ загонщиковъ, назначилъ мѣста стрѣлкамъ, подалъ сигналъ. Мужики грянули, заорали и двинулись со всѣхъ сторонъ, все ближе и ближе, къ спокойно лежавшему отцу Михаилу. Но Мишка, по темпераменту родственникъ Обломову, считалъ ниже своего достоинства: встать и выдти изъ своей зимней квартиры. Онъ лежалъ не двигаясь съ мѣста, презирая загонщиковъ... Снѣгъ былъ глубокой и довольно слабый; его мягкіе сугробы кутали кусты и повивали пни бѣлыми шапками; а исполины сосны и ели, точно плача о своихъ срубленныхъ братьяхъ, стояли съ поникшими вѣтвями, которыя какъ плачущіе іудеи были посыпаны вмѣсто пепла снѣгомъ. Гулко раздавались удары топоровъ и дубинокъ, громче и громче слышались крики загонщиковъ, а Михаилъ Ивановичъ совершенно спокойно лежалъ на самой природой приготовленной ему постели, въ своемъ невозмутимомъ величіи.

Стрѣлки соскучились, стоя на одномъ мѣстѣ болѣе часа, ихъ сталъ пробирать холодъ.

— Вотъ скука-то, говорилъ молодой помѣщикъ своему рогатчику,—стой тутъ и мерзни да въ концѣ концовъ жди, что медвѣдь или выйдетъ на кого нибудь другаго, или даже совсѣмъ не подымется.

— Эхъ баринъ, ждали долго, еще подождемъ, да кажется мнѣ, что ничего хорошаго не выдетъ...

— Да этотъ Селифонтычъ, лукашъ-то, кажется ничего въ охотѣ не смыслитъ?

— Что, баринъ! объ Селифонтычѣ говорить нечего, чистый мазурикъ, какъ есть всѣхъ за носъ водитъ; вѣдь не бельмѣса самъ не знаетъ, да вотъ Гаврилу Романыча въ свои руки забралъ, ему больно полюбился; а кто Романычу пондравится—тотъ и барину любъ.

— Кто же этотъ Романычъ? спросилъ молодой помѣщикъ.

— Романычъ-то, да дворецкій Лемина, онъ-то все к устроилъ, доложилъ барину, что медвѣдь есть, а баринъ вотъ всѣхъ и созвалъ васъ господъ помѣщиковъ, а Романычу и лафа: все рублишекъ съ десятокъ въ карманъ перепадетъ; кто рубь дастъ за услугу, кто полтинникъ, да такъ и собираетъ.

— Ну, а Селифонтъ ничего не понимаетъ?

— Въ охотѣ то ничего не смыслитъ. Вотъ какой случай былъ...

Молодой помѣщикъ вынулъ папироску.

— Нѣтъ, баринъ, спрячь папироску—не дозволено: у Михаило Иваныча носъ хорошій; увидитъ Селифонтычъ, скажетъ: ты виноватъ.

— А ну его къ лѣшему!.. и помѣщикъ спряталъ папироску.—Что же было съ Селифонтычемъ?

— А вотъ что было. Шелъ разъ казенный объѣзчикъ Ѳедоръ Григорьевъ, изволите знать, по Полижаеву полю и видитъ—два слѣда рыси, да огромнѣйшіе; онъ обходъ сдѣлалъ, видитъ—слѣдъ изъ лѣса вышелъ и опять въ поле повелъ. А онъ давно на Селифонтыча зубы точилъ,—онъ по слѣду, который изъ лѣсу шелъ, лыжами и проѣхалъ; подождалъ дня два и пришелъ къ Селифонтычу и говоритъ: «вотъ, другъ, двѣ рыси шли, собирай охоту». Селифонтычъ одѣлся, взялъ лыжи и пошелъ съ Ѳедоромъ. Ѳедоръ ему показалъ и спрашиваетъ, когда звѣри шли; а Лукашъ-то хвастался, что можетъ узнать, въ какой часъ звѣрь шелъ. Селифонтычъ всталъ на колѣни, подулъ на слѣдъ, поплевалъ

---

[1]) *Лукашемъ* называется уроженецъ Лужскаго уѣзда, который славится своими охотниками. Лукаши эти распространены по всей Россіи и почти вездѣ забираютъ бразды правленія на охотѣ въ свои руки. De facto они шарлатаны, конечно не безъ исключеній.

на палецъ, потрогалъ имъ снѣгъ и говоритъ: «вотъ самка, сегодня въ ночь, часу въ двѣнадцатомъ шла; а этотъ самецъ часа два спустя шелъ». Ѳедоръ-то улыбается, а молчитъ. Созвалъ Селифонтычъ охоту, а Ѳедоръ пошелъ да своему лѣсничему и разсказалъ все, какъ было; посмѣялись они, а Лемпнъ гостей назвалъ и лѣсничему записку написалъ, что молъ пожалуйте на охоту, двухъ дескать рысей обошли. Ну, собрались всѣ, Селифонтычъ разставилъ, погнали они пустой лѣсъ, гнали-гнали загонщики и вышли на линію къ стрѣлкамъ—и нѣтъ ничего, Ѳедоръ смѣется и лѣсничій съ нимъ вмѣстѣ. Упала было вѣра въ Селифонтыча, да благодаря Гаврилѣ Романычу опять въ силу взошелъ, протобестія... И разсказчикъ съ омерзеніемъ плюнулъ въ сторону.

— А медвѣдя все нѣтъ, видно то же самое будетъ.

— Медвѣдь-то тутъ, баринъ, но неловко загонщики поставлены—не выгнать имъ.

Такъ и случилось, загонщики вышли не потревоживъ Таптыгина.

Что было дѣлать, собрались стрѣлки вмѣстѣ, говорили-говорили и рѣшили, чтобы трое охотниковъ изобразили изъ себя Гончаровскую Ольгу и постарались-бы вывести изъ Обломовщины лѣсного помѣщика Михаилу Ивановича Таптыгина.

Два помѣщика—извѣстные медвѣжьи охотники—и лѣсникъ отправились по слѣду во внутренній покой мѣстнаго философа, который, á la Обломовъ, сося свою лапу, трудился надъ разрѣшеніемъ задачи: подняться ли ему съ своего ложа, или нѣтъ? Пробираясь между густыми деревьями, продѣлывая себѣ дорогу топоромъ, трое охотниковъ шагъ за шагомъ подвигались впередъ.

Вотъ большое дерево, сломанное бурею, лежитъ какъ убитый великанъ среди своихъ братьевъ. По немъ лучше идти, да и слѣды ведутъ прямо по немъ. Охотники пошли по мертвому колоссу, но вотъ и ему конецъ, опять надо пробираться, на каждомъ шагу проваливаясь выше колѣнъ. Что это впереди?—кажется, его берлога. Громадная сосна, наклоненная бурею, подняла свои корни вверхъ, образуя большую яму. Въ этой-то ямѣ лежалъ Михаило Иванычъ—и слыша голоса, совсѣмъ близко, такъ разсердился на дерзкихъ непрошеныхъ гостей, что разомъ рѣшилъ задачу, надъ которой такое долгое время трудился, сося свою лапу,—вскочилъ и съ самыми радушными объятіями пошелъ, съ достоинствомъ, переваливаясь, на встрѣчу своимъ гостямъ.

Какъ видно тепелъ и радушенъ ни былъ пріемъ оказанный г. Таптыгинымъ, гостямъ все-таки сдѣлалось холодно и морозъ элекрической искрою пробѣжалъ по ихъ тѣлу. Передній охотникъ, приложился, выстрѣлилъ, но выстрѣлъ былъ не совсѣмъ удаченъ: звѣрь съ большимъ отервенѣніемъ бросился на охотниковъ, яростно рыча отъ боли, причемъ кровь, струившаяся изъ его раны, обагряла снѣгъ...

Послѣдовали еще два выстрѣла—и лѣсной великанъ или, какъ называютъ, нечесаный парикмахеръ свалился, своимъ тяжелымъ тѣломъ ломая сучья и молодыя заросли.

Цыфирная счетная мудрость.

Въ наше время счеты сводятся коротко и быстро, благо мы владѣемъ десятью счетными знаками, такъ называемыми *арабскими* цыфрами.

Эти цыфры—въ сущности вовсе не арабскія, а индѣйскія; арабы только внесли ихъ въ Европу, а до нихъ вся Европа пробавлялась тяжелыми, неуклюжими римскими цыфрами, которыя построены на слѣдующихъ семи фигурахъ:

I	V	X	L	C	D	M
1	5	10	50	100	500	1000

Очевидно, что цыфры эти слѣдуютъ не десятеричной системѣ, а пятиричной, что, прежде всего, неудобно.

1 — I	6 — VI
2 — II	7 — VII
3 — III	8 — VIII
4 — IV	9 — IX
5 — V	10 — X

То-есть, каждая фигура можетъ повторяться только три раза, четвертая означаетъ, что изъ пятой отнято единицей число слѣдующаго передъ вычитаемымъ порядка:

X — XX — XXX — XL —
10 — 20 — 30 — 40
L — LX — LXX — LXXX — XC
50 — 60 — 70 — 80 — 90
C — CC — CCC — CD
100 — 200 — 300 — 400
D — DC — DCC — DCCC — CM
500 — 600 — 700 — 800 — 900
M
1000

Понятно, что при такой неловкой системѣ, даже четыре первыхъ дѣйствія ариѳметики были крайне затруднительны, не говоря уже о дробяхъ.

Римляне, въ дѣйствительности, никогда не были хорошими математиками. Хорошими математиками были греки и ихъ сосѣди финикіяне, которымъ даже честь изобрѣтенія ариѳметики приписывается. У грековъ и у финикіянъ, какъ впослѣдствіи у насъ, цыфры означались буквами; но такъ, что для изображенія числъ 10, 20, 90, 100, 200, 300, 900, были особенные знаки. Такая же система господствуетъ и понынѣ у китайцевъ, хотя у китайцевъ для каждаго десятка, есть особенный знакъ; то есть, для 10, для 100, для 1000, 10,000, 100,000, 1,000,000, 10,000,000 и т. д., до ста биліоновъ.

Еврейско-финикійскія.		Греческія.	Славянскія.
1	א	α	а
2	ב	β	в
3	ג	γ	г
4	ד	δ	д
5	ה	ε	є
6	ו	ς	з
7	ז	ζ	ѕ
8	ח	η	и
9	ט	ϑ	ѳ
10	י	ι	ї
20	כ	κ	і
30	ל	λ	л
40	מ	μ	м

50	נ	ν	н
60	ס	ξ	ѯ
70	ע	ο	ѻ
80	פ	π	п
90	צ	ϟ	ч
100	ק	ρ	ѱ
200	ר	σ	с
300	ש	τ	т
400	ת	υ	ѵ
500	ת"ק	φ	ф
600	ת"ר	χ	х

Греки считали своими цыфрами довольно ловко; вотъ примѣръ ихъ ариѳметическихъ дѣйствій, заимствованный изъ древнихъ писателей:

Сложеніе:

ωμζ.γϡκα	8474921
ξ.ηυ	608400
— то есть —	
πη.βτκα	9082321

Вычитаніе:

θ.γχλς	93636
β.γυθ	23409
— то есть —	
ζ.σκζ	70227

Дѣйствія эти вполнѣ ясны, но, тѣмъ не менѣе, хотя дѣлать выкладки греческими цифрами легче чѣмъ римскими, все-таки отсутствіе цыфры нуля сильно осложняетъ вычисленіе. У насъ долго бились съ *цыфирною счетною мудростью*, пока не переняли арабскихъ цыфръ; но, за то, предки наши умудрялись писать счеты свои такимъ способомъ, что теперь не каждому удается прочесть ихъ записи. Вотъ, для образчика, два:

«Лѣта 7163 (1665), октября, въ 19 день, совершена бысть сія пелена къ образу св. Благовѣрнаго царевича великаго князя Димитрія Московскаго и Всея Русіи чудотворца, что стоитъ у Сольвычегодской въ соборной церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, по обѣщанію именитаго человѣка Димитрія Андреевича Строганова, а труды и тщаніе сія пелена, жемчугомъ, жена его Димитрія Андреевича, Анна Ивановна, а въ лицахъ и въ ризахъ и во всякой утвари труды иноки Маѳы, по реклу Веселки. Въ сей пеленѣ утвари золота и серебра є҃ литръ, і҃ цеквицей

к		
м	в	

Жемчугу, сн҃д [з] цѣна

фг҃	з	

Шелку всякаго, рн҃ [з] цѣна

	є	

А всей утвари пошло на

л			
хл	д		

рублей.

Это значитъ, 5 литръ, 10 цеквицей, сорокъ два р. и 20 алтынъ; жемчугу 254 золотника; 587 р.; шелку всякаго 150 золотниковъ, цѣна 5 р. А всей утвари пошло на 634 р. 20 алтынъ.

Съ погосту оброку.

і	є	є
і	д	

— половины .

з	є	а
з		

— трети . . .

к	з	г
	д	

— полтрети .

і	г	а	а
	б		

— полполтрети. .

	в	л
	а	

— полчетверти. .

к	з	а
	а	

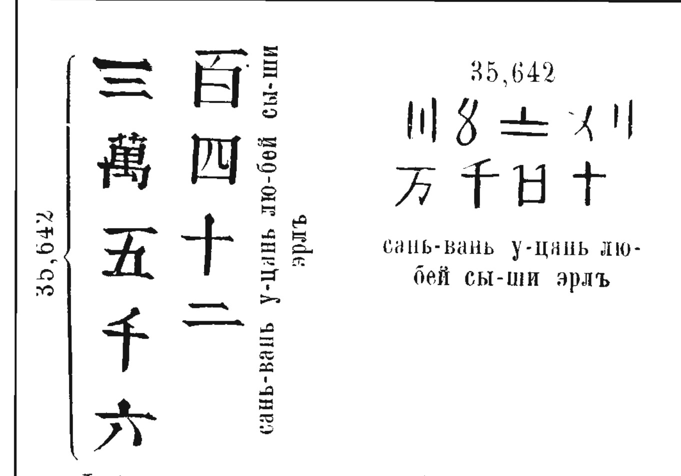
— осьмой жеребій.

к.		а	а

Это значитъ, съ погоста оброку 14 р., 15 алтынъ, 5 денегъ; съ половины 7 р., 7 алт., 5 денегъ и 1 полуденьги; съ трети, 4 р., 27 алт. и 3 деньги; съ полтрети 2 р., 13 алт., 1 деньга и 1 полуденьга; съ полполтрети 1 р., 6 алт. и 4 деньги; съ полчетверти 1 р., 27 алт. и 1 деньга; осьмой жеребій 30 алт., 1 деньга и 1 полуденьга.

Китайцы изображаютъ цыфры иными знаками. Въ первомъ ряду мы приводимъ ихъ обыкновенный счетъ, которымъ они помѣчаютъ страницы въ книгахъ, года, разстоянія; однимъ словомъ: все что не требуетъ особенной бдительности, и гдѣ ошибка писца или типографа, не можетъ причинить большаго несчастія. Эти цыфры, по крайней мѣрѣ до тысячи, очень простыя и пишутся скоро. Но, къ этимъ цыфрамъ, есть другія, очень запутанныя,—и употребляются онѣ, въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, когда мы означаемъ числа не цыфрами, а прописью, то-есть, когда есть возможность подделки или недоразумѣній; во второмъ ряду мы приводимъ китайскій торговый счетъ, сложившійся очевидно подъ вліяніемъ индѣйскаго, потому что въ немъ употребляется нуль и ведется онъ, противъ китайскаго обычая писать отъ правой руки къ лѣвой—отъ лѣвой къ правой.

Обыкновенныя:			*Торговыя:*		
1	一	и	1	〡	и
2	二	эрлъ	2	〢	эрлъ
3	三	сань	3	〣	сань
4	四	сы	4	〤	сы
5	五	у	5	〥	у
6	六	лю	6	〦	лю
7	七	ци	7	〧	ци
8	八	па	8	〨	па
9	九	гю	9	〩	гю
10	十	ши	10	十	ши
100	百	бей	100	百	бей
1,000	千	цянь	1,000	千	цянь
10,000	萬	вань	1,000	万	вань
			0	〇	линь



Любопытенъ счетъ употреблявшійся у древнихъ мексиканцевъ и у древнихъ египтянъ. У древнихъ египтянъ былъ счетъ весьма не замысловатый: единица, обозначалася точкой; десять—чѣмъ-то похожимъ на ворота или на подкову; сотня—завитушкой въ родѣ цифры 9; тысяча—знакомъ, будто молодой мѣсяцъ воткнутъ на мечъ. Затѣмъ, другихъ знаковъ не было, и счетоводство было крайне затруднительно; въ примѣръ напишемъ число 3,549:

1 10 100 1000

3,549

Самая сложная система цифръ была у мексиканцевъ. Они, какъ многіе другіе народы, считали не на десятки, а на двадцатки. Кружокъ обозначалъ у нихъ единицу, отдѣльнаго знака для 10 не было, но для 20 былъ значекъ въ родѣ флюгера или знамени; квадратъ 20 составляетъ 400 и онъ означался перомъ, потому, что перо, набитое золотымъ пескомъ, ходило вмѣсто монеты. Затѣмъ по порядку идетъ кубъ 20, то есть 8,000, изображается кошелькомъ; и, затѣмъ счетъ выходилъ пренеудобный, что и показываетъ прилагаемый рисунокъ:

1 20 400 8,000;

годъ 1835 будетъ по мексикански:

т. е. $(4 \times 400) + (20 \times 11) + 15 = 1600 + 220 + 15 = 1835$.

Этотъ странный способъ считать по двадцаткамъ, встрѣчается у многихъ народовъ, въ томъ числѣ у французовъ и у англичанъ. Французъ досчитывается свободно всего до 60; 70 для него ужъ soixant-dix, 75 soixant-quinze, то есть, шестдесятъ-десять, шестдесятъ-пятьнадцать; 80 для него quatre-vingt, то есть четыре-двадцать; 90 quatre-vingt-dix; а 99 quatre-vingt-dix-neuf, то есть четыре-двадцать-десять-девять. Англичане въ старину считали тоже двадцатками: two score = 40: three score = 60; four score = 80. Счетъ десятками происходитъ оттого, что у насъ на рукахъ десять пальцевъ. Счетъ двадцатками—оттого что съ пальцами ногъ у человѣка бываетъ всего двадцать пальцевъ. Счетъ пятками—оттого, что на каждой рукѣ или на каждой ногѣ по пяти. Вотъ образецъ такого счета, на одномъ изъ камчатскихъ нарѣчій:

1 Оннень.	6 Оннень-Милленга.
2 Гиттеке.	7 Нджетень-Милленга.
3 Игрока.	8 Игрокъ-Милленга.
4 Играка.	9 Игракъ-Милленга.
5 Милленга	10 Нинджиткенъ.

Счетъ на пятки существуетъ только у самыхъ дикихъ народовъ; отъ слова *пять* по русски и по персидски происходитъ даже названіе цѣлой кисти руки: *пять-пятерня; пенджъ-пенга.* Дикари, сплошь и рядомъ, считаютъ такъ: *рука одинъ = 6*; *руки одинъ =11; рука окончена = 5; двѣ руки окончено = 10*; *ноги окончены = 20*; *два человѣка рука и три = 48*; то есть человѣкъ равняется двадцати пальцамъ, стало быть, два человѣка будетъ сорокъ пальцевъ, да рука — 5 = 45; да еще три — и выйдетъ ровно *сорокъ восемь*.

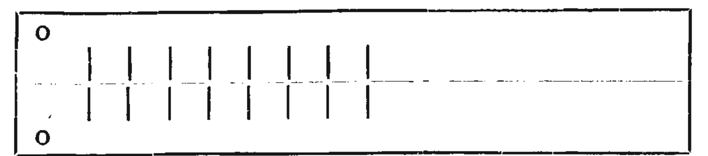
До какой степени вѣрно это замѣчаніе, что первый счетъ производится по пальцамъ, доказываютъ дѣти. Въ школѣ, на урокѣ изъ ариѳметики, они подсказываютъ другъ другу пальцами; и есть поговорка: «Эхъ ты, ворона, ворона, дальше четырехъ считать не умѣешь». Это обидная для вороны поговорка, основывается на опытѣ, который очень легко провѣрить. Весною, человѣкъ пять или шесть ставятъ подъ воронье гнѣздо какой-нибудь шатеръ, простыню, и уходятъ, чтобы ворона успокоилась. Покуда она не успокоится, она не вылетитъ изъ гнѣзда. Затѣмъ, подъ этотъ наметъ прячутся наблюдатели. Ворона начинаетъ безпокоиться, подозрѣвая, что у нихъ злой умыселъ на ея потомство. Она сидитъ на суку и внимательно разглядываетъ, что такое творится подъ наметомъ. Черезъ минуту выходитъ одинъ, и еще черезъ минуту другой, затѣмъ третій, наконецъ четвертый. Ворона подождетъ еще минутъ пять, успокоится и займется своимъ дѣломъ. Она сосчитала до четырехъ по числу пальцевъ на своей лапѣ и растерялась въ счетѣ,—такъ, какъ мы, люди, теряемся въ счетѣ секстильоновъ и октиліоновъ.

Есть средства простыя, но очень практичныя провѣрять числа. Къ таковымъ принадлежатъ счеты и бирка, къ сожалѣнію, выводящіяся изъ употребленія.

Съ которыхъ поръ существуетъ въ Россіи *бирка*, положительно не извѣстно, какъ неизвѣстно и то, что значитъ это слово. Его производятъ отъ скандинавскаго слова birk (англійское birch), *береза*, отъ старинпаго германскаго beira, beiran, *брать*, и т. п. Намъ кажется, просто, что слово *бирка* чисто русское, какъ *набирка*, *прибирка*, *убирка*, *разбирка;* потому что на *биркѣ* отмѣчается, сколько было *брано*, такъ какъ на *счетахъ* отмѣчается, какіе *счеты* происходятъ. Бирка — это та же записная книжка, только для безграмотныхъ. Вырѣзывается дощечка пальца въ три ширины, въ четверть аршина длины. На одномъ концѣ просверливается два ушка, и она раскалывается вдоль, какъ пойдетъ дерево; а дерево, во избѣжаніе всякихъ пререканій, не должно быть особенно гладко выстругано. Бирка дѣлается такъ, чтобъ когда ее сложатъ, приходилась жилка въ жилку.

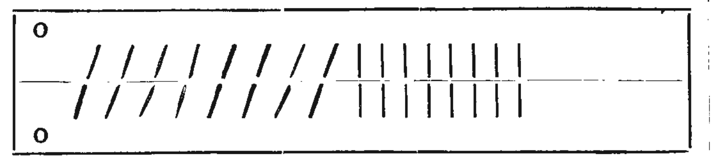
Къ заказчику подрядчикъ возитъ, положимъ, рогожи. Сдаетъ ихъ по счету и, сдавая, представляетъ бирку. Заказчикъ беретъ его бирку; раскалываетъ ее, какъ мы выше объяснили, вдоль, и намѣчаетъ ножемъ, прямыми линіями, что рогожъ получено имъ восемь. Одну поло-

вину бирки онъ отдаетъ поставщику, а другую оставляетъ у себя; и, обыкновенно, нанизываетъ ее на одну веревочку, вмѣстѣ съ бирками другихъ поставщиковъ.



Въ случаѣ спора, можно сложить обѣ половинки и немедленно уличить поставщика, что онъ прирѣзалъ лишнюю черточку,—или заказчика, что онъ лишнюю черточку срѣзалъ, потому что тогда жилка на жилку не придется. Разумѣется, бирки всегда нарѣзываются при свидѣтеляхъ, и каждый поставщикъ дѣлаетъ на своей какую нибудь мѣтку, чтобы не смѣшалась съ другими.

На другой день, тотъ-же поставщикъ привозитъ уже не восемь, а восемьдесятъ рогожъ. На биркѣ его нѣтъ мѣста начертить столько единицъ; поэтому старая бирка ломается, при свидѣтеляхъ, и тутъ-же выкалывается новая. На ней уже счетъ пойдетъ на десятки, а десятки отмѣчаются косыми черточками:



значитъ всего доставлено въ складъ восемьдесятъ восемь рогожъ.

Въ третій пріѣздъ, поставщикъ навезъ 445 рогожъ. Старая бирка опять не годится. Пріемщикъ отмѣчаетъ сотни крестами (88+445=533).

Затѣмъ, разсчетъ между ними становится совершенно ясенъ.

По извѣстіямъ арабскихъ и русскихъ лѣтописцевъ, бирки эти употреблялись у насъ еще во времена глубокой древности. Арабскій лѣтописецъ Абульфараджъ Эль-Недимъ, самъ видѣвшій Русовъ, видѣлъ ихъ бирки. Одинъ мой знакомецъ, говоритъ онъ, котораго словамъ я имѣю полное право вѣрить, сказывалъ мнѣ, что онъ посланъ былъ къ королю Русскихъ однимъ изъ Кавказскихъ владѣтелей. Онъ сказывалъ мнѣ также, что у Русовъ есть свои письмена, которыя вырѣзываются на деревѣ; тутъ онъ вынулъ и показалъ мнѣ кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были какія-то нарѣзныя фигуры, изображающія, не знаю, цѣлыя ли слова или отдѣльныя буквы, только вотъ какого вида:

Что это значитъ, намъ не извѣстно, по милости переписчиковъ сочиненія Абульфараджа, которое дошло до насъ только въ перепискѣ, и древнія русскія начертанія искажены въ немъ.

Есть еще способъ счисленія, употреблявшійся дикими, на островѣ Мадагаскарѣ.—Чтобы сосчитать, сколько войска набрано, начальникъ пропускалъ мимо себя воиновъ и, при проходѣ каждаго откидывалъ по камушку. Камушки скидывались въ груду и потомъ раскладывались по десяткамъ. Изъ каждаго десятка вынималось по одному камушку, остальные девять сметались въ сторону. Изъ оставшихся камушковъ, представителей десятковъ, по девяти десятковъ камушковъ выкидывалось въ сторону, и стало быть получались сотни. Способъ чрезвычайно простой, но за то и чрезвычайно легкій.

В. Кельсіевъ.

Аделина Патти.

Въ исторіи музыкальнаго искусства весьма нерѣдко встрѣчаются цѣлыя семьи даровитыхъ артистовъ и даже въ двухъ-трехъ поколѣніяхъ, какъ будто бы таланты предковъ переходили потомкамъ по наслѣдству. Къ числу такихъ талантливыхъ семействъ принадлежитъ и фамилія Патти, въ началѣ сороковыхъ годовъ состоявшая изъ новобрачной четы оперныхъ пѣвцовъ, разъѣзжавшихъ по Италіи и дававшихъ представленія на провинціальныхъ сценахъ. Синьоръ Патти былъ кровный италіанецъ; жена его, пріобрѣтшая извѣстность подъ именемъ Барилли, была испанка. Отъ этого брака произошли сынъ Карлъ и три дочери: Амалія, вышедшая замужъ за музыканта Мориса Стракоша; Карлотта, извѣстная концертная пѣвица, — и наконецъ современная всемірная извѣстность: Аделина Патти, родившаяся 19 фев. 1843 г. Средства странствующихъ пѣвцовъ были чрезвычайно ограничены, а появленіе на свѣтъ четвертаго ребенка, при чемъ его мать поплатилась потерею голоса, окончательно повергло ихъ въ затруднительное положеніе. Патти отправились искать счастья въ Америкѣ вмѣстѣ съ Морицомъ Стракошомъ, женившимся передъ самымъ отъѣздомъ. Какъ музыкантъ, Стракошъ понялъ все богатство вокальныхъ средствъ, которыми одарена была маленькая Аделина; онъ принялся за ея музыкальное образованіе, посѣщалъ вмѣстѣ съ нею Нью-Іоркскіе театры, развивалъ ея вкусъ, а по достиженіи ею пятилѣтняго возраста сталъ разработывать и голосъ ея. Ребенкомъ шести лѣтъ отъ роду, вернувшись однажды съ представленія «Нормы», Аделина закуталась въ одѣяло на подобіе мантіи, и ставъ передъ зеркаломъ, исполнила знаменитую «Casta diva» съ такимъ успѣхомъ, что восхищенная мать обняла и зацѣловала ее. Четыре года спустя, чудо-ребенокъ, давалъ уже въ Нью Іоркѣ первый свой концертъ — и восторженные слушатели устроили Аделинѣ овацію, во время которой крошку-пѣвицу поставили на столъ, чтобы вся публика могла ее видѣть. Затѣмъ Стракошъ объѣхалъ съ нею Соединенные Штаты и всю Америку, причемъ Аделина дала болѣе трехсотъ концертовъ, бывшихъ цѣлымъ рядомъ такихъ же тріумфовъ. Упрочивъ благосостояніе семейства Патти, Стракошъ сталъ готовить Аделину въ оперныя пѣвицы и въ продолженіи трехъ лѣтъ развивалъ ея голосъ на итальянскомъ репертуарѣ. За это время, несмотря на своенравіе и капризный характеръ, Аделина выучила 18 оперныхъ партій, составляющихъ основаніе ея репертуара.

24 ноября 1859 года Аделина дебютировала въ «Лючіи» на ньюіоркской сценѣ съ блестящимъ успѣхомъ и приняла весьма выгодный ангажементъ на 2 года. Въ 1861 году, по возвращеніи въ Европу со всѣмъ своимъ семействомъ, она дебютировала 14 мая въ «Сомнамбулѣ» на сценѣ Ковентгарденскаго театра, но не смотря на полнѣйшій успѣхъ, ей не понравилось въ Англіи; 17 ноября 1862 она пожинала уже новые лавры въ залѣ парижской итальянской оперы. Съ тѣхъ поръ Патти оставалась въ Парижѣ до послѣдняго пятилѣтія, которое она подарила Петербургу.

Голосъ Аделины Патти — сопрано sfogato съ обширнымъ діапазономъ, простирающимся отъ нижняго si до верхняго fa. Нѣжности, свѣжести, мелодичности, блеска и обработки этого голоса представить себѣ нѣтъ никакой возможности; надо слышать ихъ. Смѣлость, съ которою эта пѣвица исполняетъ самые трудные пассажи, переполненные staccato, двойными хроматическими гаммами и трелями — изумительна. Но это же самое совершенство составляетъ и недостатокъ Патти: она поражаетъ, но не трогаетъ слушателей—чувства, души, выразительности почти совсѣмъ нѣтъ въ ея пѣніи. Какъ мѣтко выразился покойный А. Н. Сѣровъ, это «голосъ человѣческій униженный до инструмента», но надо прибавить — инструмента дивнаго и единственнаго въ своемъ родѣ. Въ оперѣ Патти остается только пѣвицею — актрисы нѣтъ и въ поминѣ. При такихъ условіяхъ, понятно, что лучшія роли ея въ комическомъ репертуарѣ итальянской школы: это Розина (Севильскій цирюльникъ), Норина (Донъ Паскуале) и т. п. Также хороша она въ «Любовномъ напиткѣ» и «Мартѣ». «Сомнамбула», «дочь Полка», «Линда ди Шамуни» удаются ей уже менѣе; а серіозныя оперы, въ родѣ «Гугенотовъ», «Семирамиды», «Риголетто», положительно выходятъ за предѣлы владычества этой все таки царицы и звѣзды первой величины въ плеядѣ современныхъ пѣвицъ.

Исповѣдь художника,

работающаго для иллюстрированныхъ изданій.

День... Ну, чай, обѣдъ, разсказы
Въ свой чередъ идутъ;
А редакторы заказа
Ждутъ себѣ да ждутъ.

*
* *

Только вечера дождешься —
Глядь, друзья, идутъ:
Въ карты дуешься, напьешься,
А работы ждутъ.

*
* *

Не читать — тогда серіозно
Дуракомъ сочтутъ,
И читаешь ночью, поздно,
А работы ждутъ.

*
* *

Поздно ляжешь, поздно встанешь, —
Какъ работать тутъ?
Ну, работу и затянешь,
Хоть ее и ждутъ.

П..овъ.

Мальчики-пращники.

(Туркестанскіе типы).

Въ долинахъ центральной Азіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ съ первыхъ чиселъ мая и до послѣднихъ октября, а случается, что и до ноября мѣсяца, на раскаленномъ, знойномъ небѣ не промелькнетъ ни одного дождеваго облачка,—гдѣ, подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца, менѣе чѣмъ въ недѣлю, выгораетъ вся степная растительность, вызванная зимнею и весеннею влажностью,— гдѣ ничто не можетъ зеленѣть, до чего не достигаетъ хотя капля воды, — какъ дорожатъ этими каплями, какъ высоко цѣнятъ тѣ небольшія полоски земли по берегамъ горныхъ рѣкъ и тѣ низменныя мѣстности, куда можно, съ помощью самой хитрой цѣпи арыковъ

(канавъ), провести эти немногія капли!.. Но зато, колоссальный ирригаціонный трудъ человѣка щедро вознаграждается не менѣе колоссальными урожаями.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ лучей солнца, которые все губятъ въ безводныхъ мѣстахъ, здѣсь развивается чудовищная, почти тропическая растительность.

Колосальные стебли кукурузы и джюгарры, родъ китайскаго проса, скрываютъ за собою мимо-ѣдущаго всадника, — между-расположенныхъ причудливымъ узоромъ грядъ табаку скрываются отъ глазъ наблюдателя сотни дѣтей и женщинъ, занятыхъ полотьемъ этого растенія, популярнѣйшаго изо всѣхъ своихъ собратій. Разстрескавшіяся, бѣлыя, пушистыя чашечки хлопчатника, словно снѣжными хлопьями покрываютъ темнозеленую листву этого кустарника. А тамъ, гдѣ пріютились около глиняныхъ, извилистыхъ стѣнъ, ряды фруктовыхъ деревьевъ,—тамъ, еще издали, путешественникъ слышитъ пряный ароматъ поспѣвающихъ персиковъ, и, отягченныя сочными плодами, вѣтви лѣниво клонятся къ землѣ, словно и ихъ осилила та могучая, сладкая дремота, которая къ полудню валитъ на землю, гдѣ попало, все живое, усталое послѣ тяжкой, утренней работы.

Поразительные контрасты встрѣчаются на каждомъ шагу: едва только мѣстность начинаетъ подниматься настолько, что никакими хитростями нельзя провести туда хотя немножко воды, — картина мѣняется внезапно: живая, кипучая природа угасаетъ мгновенно — все покрыто сѣрой пылью, словно золою послѣ пожарища,— ни шелеста, ни движенія... Развѣ красноватая, словно раскаленная ящерица скользнетъ въ пыли, оставивъ послѣ себя узенькую бороздку, да степная эхидна, которая до сихъ поръ лежала неподвижнымъ обручикомъ, вдругъ подыметъ свою маленькую, злую головку и, прислушиваясь къ неопредѣленному звуку, пошевелитъ своимъ ядовитымъ жаломъ.

Всѣ люди бѣгутъ изъ мертвыхъ, голодныхъ степей и тѣснятся на узкихъ, оживленныхъ водою полосахъ. Ни одного вершка плодородной земли не пропадаетъ; все размѣрено, все раздѣлено на самые гомеопатическіе участки; и какъ ухаживаетъ человѣкъ за тѣмъ, что досталось на его долю!.. ему хорошо извѣстенъ каждый корешокъ, каждый листикъ, выросшій на его участкѣ; зорко оберегаетъ онъ свое достояніе,—и горе хищнику, которому придется посягнуть на его собственность! Незатѣйливая фантазія азіата изощряется надъ изыскиваніемъ всевозможныхъ способовъ охранить свои поля и огороды; даже самымъ, повидимому, неуловимымъ крылатымъ разбойникамъ — рѣдко удастся поживиться на даровщинку; развѣ какая-нибудь, уже черезчуръ вороватая пташка утащитъ себѣ зернышко, изъ-подъ присмотра зоркаго сторожа.

Вдали, ясно очерчиваются на горизонтѣ снѣжныя вершины горъ. Пирамидальныя колонны тополей высятся надъ кудреватыми, округленными группами фруктовыхъ деревьевъ; сквозь зелень мелькаетъ куполъ мечети. Длинноногіе аисты свили себѣ гнѣздо на самой вершинѣ зданія, и довѣрчиво смотрятъ съ высоты на полуобнаженныхъ правовѣрныхъ, отдыхающихъ въ тѣни разукрашеннаго навѣса, или развѣсистаго карагача. Цѣлая стая скворцовъ носится низко надъ полемъ, засѣяннымъ джюгаррою: просо дозрѣваетъ и птицъ манятъ спѣлыя метелки съ сѣменами, колеблющіеся надъ цѣлыми полчищами яркозеленыхъ, мечевидныхъ листьевъ. Вотъ птицы спускаются все ниже и ниже: они почти задѣваютъ растенія своими крылышками. Еще минута и... со свистомъ разсѣкаетъ горячій воздухъ мѣтко пущенный камень, съ глухимъ шумомъ взлетаетъ испуганная стая, преслѣдуемая новыми и новыми камешками; высоко улепетнули бандиты и черными крестиками замелькали на голубомъ небѣ.

Надъ массою зелени звонко хохочетъ смуглая черноглазая головка бѣлая рубашка, вьется по вѣтру; на головкѣ ярко-красная шапочка; дѣтскія ручонки раскачиваютъ мѣткую пращу, приготовляясь пустить новый снарядъ. Вонъ, невдалекѣ, мелькнулъ еще такой же неугомонный сторожъ... Еще и еще... по всему полю, словно яркіе цвѣтки мака, краснѣются шапочки... и вдругъ, какъ по волшебному жезлу, все скрылось и ничего не видно кромѣ волнующейся зелени, до новаго нападенія, успокоившихся грабителей.

Всюду на поляхъ, на разстояніи полета камня одинъ отъ другаго, стоятъ невысокіе, глиняные столбики. На верхней площадкѣ этихъ наблюдательныхъ постовъ удобно можетъ помѣститься мальчикъ; даже другой можетъ къ нему присоединиться, если имъ захочется потѣсниться,—и отсюда дѣти наблюдаютъ за ввѣреннымъ имъ участкомъ, пуская въ дѣло свою пращу при каждомъ удобномъ случаѣ. Отъ постоянной практики они до того ловко владѣютъ своимъ оружіемъ, что мнѣ случалось видѣть стрѣлковъ—безъ промаха бьющихъ маленькихъ птичекъ даже на ихъ полетѣ. Праща эта состоитъ изъ нетолстой веревки, на концѣ которой придѣлана кожаная петля, въ которую кладется камень; другая тоненькая, часто волосяная веревочка прихватываетъ камень, и освобождается изъ руки въ тотъ моментъ, когда снарядъ долженъ летѣть въ пространство. Я думаю, я даже увѣренъ въ томъ, что камень, пробившій голову Галіафа, вылетѣлъ изъ пращи совершенно подобнаго же устройства.

Съ самаго ранняго утра, едва только загорится на востокѣ золотая лента и проснутся хоры пернатыхъ, мальчики съ пращами уже на своихъ мѣстахъ и уходятъ домой только съ вечерней прохладой, когда денныя птицы усаживаются группами на покой. А противъ новыхъ, ночныхъ воровъ опытный человѣкъ принимаетъ и новыя, испытанныя мѣры.

Н. Каразинъ

Внутреннее обозрѣніе.

Таинственное самоубійство въ Петербургѣ. — Убійство въ Спасской улицѣ. — Необыкновенное убійство въ Казани. — Кулачный бой въ Тамбовѣ. — Продѣлка донскихъ старообрядцевъ. — Курьозный случай въ Кіевской губерніи.

Въ нашей жизни встрѣчаются событія, надъ которыми задумается даже самый легкомысленный человѣкъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ Петербургъ семейство богатаго саратовскаго помѣщика С—ва, состоящее изъ жены и двухъ взрослыхъ дочерей, изъ которыхъ одна невѣста,—занимаетъ три смежныхъ нумера въ одной изъ большихъ гостинницъ и пользуется удовольствіями столичной жизни. Такъ проходитъ около трехъ недѣль; мать съ дочерью-невѣстою

разъѣзжаетъ по магазинамъ и дѣлаетъ заказы для приданаго, младшая дочь беретъ уроки англійскаго языка, для чего къ нимъ въ гостинницу ежедневно приходитъ англичанка. 1-го февраля, утромъ, младшая дочь отправилась въ государственный банкъ, гдѣ и вложила выданную ей отцомъ сумму въ 30 тыс. рублей; потомъ, по возвращеніи домой, вечеромъ пила чай вмѣстѣ съ сестрой и матерью въ своемъ нумерѣ, угощала ихъ конфектами, и затѣмъ всѣ, по обыкновенію, разошлись по разнымъ комнатамъ. На другой день утромъ является англичанка, чтобы дать обычный урокъ своей ученицѣ. Къ общему удивленію, дверь ея оказывается запертою извнутри и на зовъ никто изъ комнаты не откликается. Призванная полиція разламываетъ дверь и глазамъ всѣхъ представляется страшная картина: молодая дѣвушка (ей было всего только 18 лѣтъ) сидитъ на диванѣ съ револьверомъ въ рукѣ, изъ котораго она прострѣлила себѣ виски на вылетъ. Тутъ же найдена записка, писанная покойною въ 3 часа ночи, въ которой она проситъ никого не подозрѣвать въ своей смерти, кромѣ ея самой; деньги поручила отдать: 1,000 р. нянѣ, 500 р. горничной, а остальныя сестрѣ къ свадьбѣ. При этомъ стояли слова: «черезъ 20 дней мнѣ нужно было обратно ѣхать въ деревню».

Мальчики-пращники.
Композиція и рисунокъ Н. Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

Рождаются, конечно, вопросы: что послужило причиной самоубійства? Каковы были отношенія покойной къ ея близкимъ? Какое значеніе имѣютъ слова: «черезъ 20 дней мнѣ нужно было ѣхать въ деревню»? Каково было вообще душевное состояніе дѣвушки, такъ рано и такъ рѣшительно покончившей съ жизнію? и т. д., и т. далѣе. Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно только одно, что здѣсь разыгралась одна изъ тѣхъ житейскихъ драмъ, которыя подлежатъ уже суду науки, а не окружному суду. Жизнь нашей души, со всѣми ея нормальными и болѣзненными особенностями, до такой степени мало изслѣдована, что всякое новое событіе въ ней порождаетъ и новое для себя объясненіе; только въ рѣдкихъ случаяхъ оно можетъ быть подведено подъ готовые, выработанные наукой законы. Вообще, о дѣятельности души мы знаемъ гораздо менѣе нежели о томъ, что дѣлается внѣ насъ; и это служитъ лучшимъ доказательствомъ трудности изслѣдованія психической дѣятельности человѣка. Въ данномъ случаѣ героиней драмы является существо слабѣйшаго пола; но это не помѣшало ей выказать рѣшимость, которой могъ бы позавидовать иной представитель сильнѣйшей половины рода человѣческаго. Современныя женщины, какъ можно было бы думать, не могутъ похвалиться ни силою, ни глубиною страстей. И то, и другое перешло теперь въ исторію и можетъ встрѣтиться только въ романахъ, да во французскихъ мелодрамахъ тридцатыхъ годовъ. Но тѣмъ поразительнѣе для насъ исключенія изъ общаго правила, которыя все еще встрѣчаются, хотя и не особенно часто. Гораздо чаще встрѣчаются случаи самоотверженія, когда приходится подвергать опасности не только здоровье, но и самую жизнь. Недавнее убійство въ Спасской улицѣ поручикомъ Шляхтинымъ статскаго совѣтника Рожнова—представляетъ намъ примѣръ самоотверженія со стороны женщины, жены убитаго, которая бросилась къ мужу и своимъ тѣломъ хотѣла защитить его отъ направленнаго на него выстрѣла. Эта печальная исторія также возбудила не мало толковъ въ городѣ. Послѣ убитаго остались жена и четверо дѣтей. Причиной убійства

выставляются близкія отношенія пор. Шляхтина, шурина покойнаго Рожнова къ жившей у сего послѣдняго въ услуженіи дѣвушкѣ, противъ которыхъ возставалъ покойникъ. По полученіи болѣе вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ, мы подѣлимся ими съ читателями.

Наша провинція не отстаетъ отъ столицъ и въ этомъ отношеніи. Въ Казани напримѣръ случилось убійство, выходящее изъ ряду вонъ. Лицо, совершившее его,— начальникъ отдѣленія правленія 4-го округа путей сообщенія, колл. ассес. Б., 35 лѣтъ, получавшій 1,500 р. въ годъ жалованья. Потерпѣвшее лицо — тетка его, одинокая и богатая женщина, пріютившая его вмѣстѣ съ семействомъ въ своемъ домѣ. Старуха должна была оставить въ наслѣдство своему племяннику все свое имущество; будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, она, конечно, не заставила бы племянника долго дожидаться. Но ему захотѣлось получить наслѣдство тотчасъ же—и вотъ онъ затѣваетъ убійство, подговариваетъ къ нему своего работника-татарина, забираются они вмѣстѣ къ старухѣ, пытаютъ ее огнемъ, потомъ убиваютъ топоромъ, грабятъ, и поджигаютъ сложеные подъ кровать дрова, разсчитывая скрыть всякіе слѣды преступленія. Пожаръ, однако, скоро потушили и дѣло обнаружилось. Подсудимый Б., какъ слышно, прикинулся помѣшаннымъ.

Въ приводимомъ случаѣ насиліе вызвано корыстною цѣлью — какъ можно скорѣе получить богатое наслѣдство. Но есть на Руси мѣстности, гдѣ насиліе возводится въ обычай, которому обязательно слѣдуютъ, гдѣ на него рѣшаются изъ одной любви къ искусству. Чтобъ не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ хоть городъ Тамбовъ. Тамъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества, сохранился обычай кулачныхъ боевъ. Корреспондентъ «Русск. Вѣд.» разсказываетъ, что нынѣшней зимой, «въ день Богоявленія, въ то самое время, когда крестный ходъ приближался къ Іордани, устроенной на рѣкѣ Цнѣ, происходилъ ожесточенный кулачный бой, въ которомъ участвовало до 500 человѣкъ; изъ нихъ многіе были изуродованы такъ, что валялись окровавленными на снѣгу, не имѣя силъ подняться на ноги; передъ началомъ водосвятія, подъ бойцами обрушился ледъ и человѣкъ до 40 упали въ воду, глубина которой, къ счастью, была незначительна, и потому никто изъ нихъ не потонулъ. Явленіе это никого особенно не поразило, такъ какъ кулачные бои у насъ— дѣло обыкновенное».

Вообще, невѣжеству представляется въ такихъ мѣстахъ полный просторъ; и не мудрено, что всякая небылица,— всякая, даже самая чудовищная, нелѣпость встрѣчаютъ тамъ не только сочувствующихъ, но и горячихъ защитниковъ: легковѣріе, какъ извѣстно, есть низшая ступень невѣжества и живетъ съ нимъ неразлучно. Вотъ напр. какой случай былъ въ Новочеркаскѣ. У братьевъ Р—хъ померла мать, старуха лѣтъ около 90; покойная была очень набожная женщина и принадлежала къ семейству старообрядцевъ. На другой день, когда покойница была уже на столѣ, въ городѣ распространился слухъ, что у ней на груди появилось изображеніе осьмиконечнаго креста,—а это, по понятію старообрядцевъ, служитъ свидѣтельствомъ, что человѣкъ угодилъ Богу. Быстро распространившаяся молва привела къ покойницѣ много посторонняго народа, преимущественно изъ старообрядцевъ. Корреспондентъ «Совр. Извѣст.», посѣтивъ умершую, пожелалъ лично удостовѣриться въ справедливости слуховъ. «Дѣйствительно, говоритъ онъ, я увидѣлъ на груди покойной сине-багровое изображеніе осьмиконечнаго креста, похожее на знакъ, какой обыкновенно бываетъ отъ ушиба или сильнаго давленія какимъ либо твердымъ тѣломъ. Я усомнился въ справедливости чудодѣйственнаго изображенія и заподозрилъ обманъ. Предположеніе мое сейчасъ же и подтвердилось: я увидѣлъ точно такой же, стоявшій въ переднемъ углу, небольшой мѣдный крестъ, особенно почитаемый старообрядцами. Послѣ этого мнѣ не трудно было догадаться, что крестъ на груди изображенъ усиленнымъ давленіемъ мѣднаго креста, отъ чего конечно и остался синій отпечатокъ. Но это сдѣлано тайно кѣмъ либо изъ окружающихъ, и сдѣлано для доказательства своимъ единовѣрцамъ справедливости своихъ вѣрованій. Я было и сказалъ нѣкоторымъ свое мнѣніе о причинѣ явленія, но меня сейчасъ же назвали безбожникомъ и кресторугателемъ. Какъ бы то ни было, не смотря на явный обманъ, фокусъ удался какъ нельзя лучше: многіе, пріемлющіе Амвросіевское священство, увидѣвши такое по ихъ мнѣнію чудодѣйственное знаменіе, присоединились къ непріемлющимъ упомянутаго священства. Впрочемъ, не обошлось и безъ разочарованія. Всѣ окружающіе считали покойную святою и предполагали, что она должна быть нетлѣнна, но на третій день отъ трупа повѣяло такое благоуханіе, что поспѣшили поскорѣе предать новую святыню землѣ. Но это все-таки не разубѣдило вѣрующихъ въ святость покойной; гробъ покойной несли на рукахъ вплоть до кладбища, до котораго будетъ версты три, а этого здѣсь, т. е., чтобы носили гробъ на рукахъ, почти никогда не бываетъ».

Въ заключеніе, чтобы не оставить въ читателѣ слишкомъ тяжелаго впечатлѣнія, приведемъ слѣдующій куріозный случай, бывшій въ одномъ изъ уѣздовъ Кіевской губерніи. «Въ праздникъ Троицына дня зашелъ одинъ крестьянинъ изъ села Л. въ шинокъ; захотѣлось ему выпить, а денегъ не было. Вотъ онъ предложилъ жиду-корчмарю, чтобъ тотъ далъ ему водки, а вмѣсто вознагражденія мужикъ позволилъ высѣчь себя. Жидъ согласился; компанія въ шинкѣ была навеселѣ, выпороли тутъ же, а жидъ, согласно условію, отпустилъ ему водки. Узналъ о такомъ событіи мѣстный священникъ, призналъ въ немъ фактъ оскорбленія святости праздничнаго дня и сообщилъ становому приставу; этотъ послѣдній нашелъ, что такимъ поступкомъ оскорблено все крестьянское общество, надъ которымъ издѣвался жидъ, и предложилъ всѣмъ «участвовавшимъ въ дѣлѣ» лицамъ разобраться по совѣсти волостнымъ судомъ; всѣ согласились. Рѣшеніе суда состоялось въ такомъ смыслѣ: хотя дѣло и имѣетъ видъ шутки, но шутка эта однако нелѣпая, унизительная для всего крестьянства, а потому жидъ корчмарь долженъ заплатить въ пользу той церкви, къ приходу который принадлежалъ высѣченный — 15 рублей, потомъ въ пользу церкви того села, гдѣ совершилось «происшествіе»—10 рублей, а также и въ пользу мѣстной еврейской школы—тоже 10 рублей, а всего 35 рублей. Того, который позволилъ высѣчь себя въ поруганіе—высѣчь уже не въ шутку 20 розгами, а тѣхъ, которые совершали сѣченіе на утѣху корчмаря, также высѣчь, давъ каждому по 10 розогъ. Рѣшеніе приведено въ исполненіе, и жалобы на него не принесено ни одною изъ присужденныхъ ко взысканію сторонъ. Всѣ признали себя болѣе или менѣе удовлетворенными такимъ рѣшеніемъ».

Политическое обозрѣніе.

Намъ очень рѣдко приходится говорить о положеніи дѣлъ въ Испаніи, а между тѣмъ эта страна во многихъ отношеніяхъ любопытна. Въ послѣдніе 5—6 лѣтъ она пережила цѣлый рядъ политическихъ смутъ и измѣненій: революціонное движеніе противъ правительства королевы Изабеллы, изгнаніе его изъ Испаніи, временное правительство, борьба партій, стремившихся выставить каждая своего кандидата на испанскій престолъ, выборъ короля Амедея, неудачныя попытки его сблизиться съ народомъ, безпрестанныя смѣны министерства, распущеніе палатъ и т. д., и т. д.

Къ чему все это приведетъ — угадать трудно; несомнѣнно только, что такая неустойчивость дѣлъ въ странѣ не можетъ внушить довѣрія ни къ правительству, ни къ тѣмъ лицамъ, которыя руководятъ имъ. Послѣ смерти генерала Прима, этого энергическаго и мужественнаго человѣка, произошолъ разладъ въ партіи либераловъ, въ числѣ которыхъ особенно выдающимися личностями являются гг. Зорилья и Сагаста. Либерализмъ перваго изъ нихъ оказался гораздо искреннѣе либерализма втораго. Большинство палаты стояло за Зорилью, и ему поручено было составленіе министерства, другими словами — выборъ лицъ, сочувствующихъ ему и той системѣ управленія, которую онъ взялся поддерживать. Въ новое министерство Сагаста не попал ; не попалъ же онъ потому, что либерализмъ его казался многимъ сторонникамъ Зорильи — поддѣльнымъ. И вотъ, изъ друзей либерализма Сагаста дѣлается его противникомъ, — начинаетъ подкапываться подъ Зорилью и успѣваетъ въ этомъ. Его назначаютъ первымъ министромъ, которому обыкновенно поручается составленіе министерства, ввѣряютъ ему управленіе страною — и тѣмъ подаютъ новый поводъ къ несогласіямъ между королемъ и кортесами (палатами депутатовъ). Борьба усилилась въ особенности съ тѣхъ поръ, когда министерство не согласилось распустить волонтеровъ на островѣ Кубѣ, тѣхъ самыхъ которые безчинствуютъ въ этой злополучной испанской колоніи (см. № 6 „Нивы"). Видя со стороны палаты противодѣйствіе своимъ планамъ, министръ Сагаста выпросилъ у короля повелѣніе распустить кортесы. что и было сдѣлано среди страшнаго шума и волненія. Выборомъ новыхъ депутатовъ въ кортесы правительство надѣется достигнуть своей цѣли и поставить на своемъ, вопреки требованіямъ общественнаго мнѣнія. Нельзя не признать, что это путь довольно рискованный для правительства короля Амедея. Уже и теперь различныя партіи въ полномъ броженіи, — съ одной стороны шевелятся карлисты, съ другой республиканцы.

Утверждаютъ, что сторону республиканцевъ будутъ держать и другіе противники правительства, въ томъ числѣ и духовенство, обманувшееся въ своихъ ожиданіяхъ. Если ко всему этому прибавить непріятное столкновеніе съ Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами, то перспектива для испанцевъ выйдетъ неблистательная. Впрочемъ, поживемъ — увидимъ.

Общественное мнѣніе во Франціи въ послѣднее время было занято успѣхомъ подписки, предпринятой для освобожденія страны отъ нѣмцевъ, которые только дожидаются полученія остальныхъ трехъ мильярдовъ контрибуціи (военная дань), чтобы сейчасъ-же очистить Францію. Однако, собрать такую сумму — дѣло не легкое даже для французовъ, несмотря на великодушную щедрость многихъ изъ нихъ. Другое событіе, взволновавшее общество, было избраніе извѣстнаго бонапартиста Руэра членомъ Національнаго Собранія отъ острова Корсики. Хотя такой успѣхъ бывшаго наполеоновскаго министра не можетъ имѣть для спокойствія страны серіозныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе французы всполошились и забили тревогу, которая поддерживается еще множествомъ различныхъ брошюръ и манифестовъ, распространяемыхъ бонапартистами между провинціальными жителями вообще и между солдатами — въ особенности. Другое дѣло — партія графа Шамбора (однаго изъ претендентовъ на французскій престолъ): хотя она и собирается дѣйствовать, но опасаться ея нечего, особенно ввиду послѣднихъ событій въ Антверпенѣ, куда собрались всѣ друзья и сторонники графа Шамбора. Бельгійцы устроили имъ такую встрѣчу, которой они, вѣроятно, долго не забудутъ. Дѣло дошло до того, что бургомистръ Антверпена принужденъ былъ вывѣсить въ городѣ объявленіе, призывающее жителей къ благоразумію и обѣщающее прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, если скандалы передъ гостинницей, въ которой остановился гр. Шамборъ, будутъ еще повторяться. Толпа однако не угомонилась и продолжала свои дѣйствія въ другихъ кварталахъ города. Во Франціи какіе-то шутники распространяютъ слухъ, что будто-бы бывшій императоръ Наполеонъ III частенько переплываетъ проливъ и навѣдывается въ свое отечество; но большинство относится къ этому съ недовѣріемъ. Впрочемъ, при нынѣшнемъ положеніи страны, тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Въ Индіи происходитъ нѣчто въ родѣ народнаго возстанія противъ владычества англичанъ. По извѣстіямъ оттуда, для усмиренія возстанія приняты самыя энергическія мѣры и было уже нѣсколько кровопролитныхъ сраженій, причемъ побѣда осталась за англичанами. О дальнѣйшихъ событіяхъ сообщимъ.

Смѣсь.

1. **Изъ жизни животныхъ.** Журналъ «Ausland» сообщаетъ слѣдующіе два интересные случая изъ жизни животныхъ: Одна деревенская экономка пріучила лягавую собаку носить за собою, когда она шла въ молочную снимать сливки, ключъ, прикрѣпленный къ кусочку дерева, за что экономка, кончивъ свое дѣло, всегда давала собакѣ, тутъ же на мѣстѣ, нѣкоторую часть изъ оставшагося молока. Запирая молочную, экономка опять отдавала ключъ собакѣ, которая несла его за нею въ домъ, гдѣ его у ней отбирали. Это длилось около полугода, но тутъ подарили экономкѣ кошку, которая скоро привыкла ходить за нею въ молочную, въ то время какъ собака несла за ними ключъ. Экономка полюбила кошку больше собаки — и вмѣсто того чтобъ отдавать молоко собакѣ, стала награждать имъ кошку, а собака уходила ни съ чѣмъ. Раза два эта послѣдняя спокойно выносила эту несправедливость, брала по прежнему ключъ и относила его въ домъ; когда же она увидала, что экономка продолжаетъ обижать ее такимъ образомъ, она, хотя и взяла ключъ чтобъ отнести его назадъ, но, дойдя до одной навозной кучи остановилась, вырыла въ ней дыру, положила туда ключъ и прикрыла его навозомъ. Затѣмъ, оставивъ на этомъ мѣстѣ лужу, она не пошла за экономкою, а удалилась въ противоположную сторону. Съ этихъ поръ она никогда не носила за нею ключа и не ласкалась къ ней какъ прежде, а держалась поодаль и перестала являться къ экономкѣ въ назначенное для посѣщенія молочной время. Оказанное кошкѣ преимущество, а также, вѣроятно, и лишеніе молока, повидимому, чрезвычайно оскорбили ее. — Второй случай: Двѣ собаки, лягавая и дворовая, жившія въ одной и той же усадьбѣ, ощенились въ одно и то же время. Когда дворовая собака отлучилась отъ своего ложа, то ея потомство бросили въ находившійся въ усадьбѣ прудъ. Не находя своихъ щенятъ, она бѣгала и искала до тѣхъ поръ, пока не открыла ихъ въ пруду. Съ этихъ поръ она стала спокойнѣе, лежала часто по цѣлымъ часамъ около пруда, но потомъ расположилась подлѣ логовища лягавой собаки и стала наблюдать за нею. Если эта послѣдняя оставляла свое ложе, она, улучивъ минуту, когда никто не могъ этого замѣтить, уносила одного щенка, относила къ тому пруду, гдѣ утопили ея потомство и въ свою очередь топила его. Она продолжала мстить такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не перетаскала и не перетопила всѣхъ щенятъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

Двухлѣтнее существованіе и успѣхъ нашего журнала даютъ намъ право ограничиться лишь немногими словами относительно дальнѣйшаго изданія „Нивы“. За два первые года (1870 и 1871 г.) направленіе и составъ „Нивы“ достаточно уже выяснились читающей публикѣ. Вступая въ третій годъ издательства и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“ въ 1872 году, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ поспѣшить высылкою своихъ требованій вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера, съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ „Парижскихъ модъ“ на отдѣльныхъ полулистахъ. Вышедшіе №№ 1—7 содержатъ въ себѣ слѣдующіе статьи и рисунки.

Семья вольнодумцевъ (историческій романъ Екатерининскаго времени) *П. П—ва* и *В. Клюшникова*.— Смущеніе (разсказъ) (съ рисункомъ).—Московскій пожаръ 24 іюля 1547 г. (съ рисункомъ).—Парижскіе скицы. Бѣдные и несчастные.—Дворникъ (съ рисункомъ).—«Переселенцы» Григоровича (съ рисункомъ).— «Бирюкъ» Тургенева (съ рисункомъ).—Петербургскіе ледоколы (съ рисункомъ).—Церковь Пресвятой Богородицы въ Измайловѣ (съ рисункомъ).—Князь Николай I Петровичъ Черногорскій (съ портретомъ).—Народы Россіи. Самоѣды (съ рисункомъ).—Былина объ Ильѣ Муромцѣ (съ рисункомъ).—Александръ Невскій и Дмитрій Донской (съ рисункомъ).—Соборъ св. Исаакія Далматскаго въ Петербургѣ (съ двумя рисунками и планомъ).—Картина Китайскаго города (съ рисункомъ).—Берлинъ (съ общимъ видомъ города и 16-ю отдѣльными изображеніями замѣчательныхъ зданій).— Аделина Патти (съ портретомъ).—Монастырь св. Антонія Марткобскаго въ Грузіи (съ рисункомъ).—Убіеніе высокопреосвященнаго Амвросія во время московской чумы (съ рисункомъ).—Охота на бѣлаго медвѣдя (съ рисункомъ).—Смольный монастырь (съ рисункомъ).— «Тарасъ Бульба» Гоголя (съ рисункомъ).—Экспедиція на Эмбу въ 1871 году (съ рисункомъ).—Фельетонъ.— Внутреннее обозрѣніе.—Политическое обозрѣніе.—Судебная хроника.—Смѣсь.—14-й тиражъ выигрышей Государственнаго банка.—Парижскія моды на отдѣльныхъ полулистахъ (со многими рисунками).

Подписная цѣна на 1872 г. за годовое изданіе въ 52 №№ или 104 печатныхъ листа съ 200—250 художественно-выполненными рисунками.

Безъ доставки въ Петербургъ . **4** р.
Безъ доставки въ Москву. . . **4** » **50** к.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . **5** р.
Для иногородныхъ съ перес. и упак. **5** »

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ при семъ нумерѣ прилагается объявленіе отъ центральнаго депо фотографическихъ картинъ фотографа Карла I. Г. Беренсъ

Дозволено цензурою 18 Февраля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Моркс. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад. № 45—1.

№ 9. 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 28 февраля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

IX.

Самъ себѣ врагъ.

Для того, кто большую часть жизни одиноко проскитался по чужимъ угламъ, перспектива семейной жизни, съ первыхъ шаговъ, имѣетъ невыразимое обаяніе. Человѣкъ въ собственныхъ глазахъ своихъ перерождается. Недовѣрчивость, робость, несообщительность, застѣнчивость и пожалуй дикость его, обыкновенное слѣдствіе замкнутости, въ новомъ положеніи какъ-то незамѣтно проходятъ. Скупой на слова — дѣлается вдругъ острякомъ; терявшій вѣру во всѣхъ, а въ себя прежде всего, обращается въ энтузіаста. Самая наружность при такой ломкѣ утрачиваетъ почти все существенное въ своей характеристикѣ. Въ первое время конечно самому кажется все это страннымъ. Усмѣхается человѣкъ своему новому задору или отвагѣ, но скоро начинаетъ считать эти качества себѣ присущими — и обидѣлся бы, еслибы кто усомнился въ этой его вѣрѣ. Обаяніе переходитъ скоро въ существенность, особенно если безоблачное затишье новаго положенія ничѣмъ не нарушается извнѣ Таково точно было положеніе Ерофея Коржавина.

Какъ бы за всѣ прежнія лишенія, проказница судьба начала валить на него всякія блага, почти безъ разбора, Создалось служебное положеніе, за нимъ явился достатокъ и значительность, а потомъ въ довершеніе всего и подруга жизни, существо доброе, неспособное огорчать кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе *мужа*; съ этимъ понятіемъ въ умѣ суженой Ерофея Никитича всегда слагалось представленіе суроваго повелителя, которому грѣхъ не только перечить, но даже и думать, что онъ можетъ быть въ чемъ-нибудь не правъ. Существо съ такимъ пониманіемъ вещей было однакоже отнюдь не лишено привлекательности, а по милости родителей могло обезпечить себѣ и достатокъ и независимое существованіе. Сонічка по крайней мѣрѣ 15-ю годами оказывалась моложе Ерофея, сосватаннаго при помощи Хмурова. Соединясь неразрывными узами, супруги не вдругъ могли наладить, какъ вести себя относительно противуположной стороны. Сонічка въ первые дни новой жизни пристально взглядывалась въ безхитростное лицо своего повелителя, все ожидая что вотъ-вотъ грянетъ буря, такъ какъ по словамъ тетушекъ гроза въ сожителѣ необходима. А Ерофей Никитичъ про себя соображалъ, что коли такую благостыню разомъ ему отвалили, то это не-

спроста: какой-нибудь тутъ изъянъ да скрывается; недаромъ она на него такъ пристально смотритъ, вѣроятно подмѣчаетъ пятнышки на его нравственной природѣ, а какъ узнаетъ ихъ, тогда неубраться упрековъ — или можетъ она причудлива сильно: какъ тутъ узнать, что̀ она любитъ. Въ этихъ взаимныхъ наблюденіяхъ пролетѣли недѣли, мѣсяцъ, другой,—и каждая недѣля ослабляла силу тяжелыхъ ожиданій. Всѣ грозы уже были забыты въ то время, когда понаѣхала родня и женина и Коржавина къ новымъ хозяевамъ въ домикѣ на Хамовой улицѣ.

Θедоръ, явясь къ дядѣ по родственному въ обѣденное время, засталъ у него Марθу и Щукиныхъ и еще человѣкъ пять гостей. Ерофей Никитичъ искренно ему обрадовался, и тотчасъ познакомилъ съ женой и съ прочими. Ловкій, разговорчивый, красивый, одѣтый по французской модѣ, Θедоръ сразу всѣмъ понравился, особенно Нимфодорѣ Харитоновнѣ, которая такъ и засыпала его вопросами о парижскомъ житьѣ-бытьѣ. Одна Марθа на первыхъ порахъ выказывала нѣкоторое недовольство и намекнула-было ему, что онъ поступилъ съ ней совсѣмъ не по родственному; но шутница Щукина зажала ей ротъ, жеманно говоря: «перестань, перестань, неравно Θедоръ Васильевичъ подумаетъ, что мы здѣсь злые-презлые»... и засмѣялась, выставляя свои ямочки на румяныхъ щекахъ, какъ бы наглядно доказывая молодому человѣку, что онъ воленъ ожидать чего угодно, только отнюдь ужь не злости. Сама Марθа поддалась ея заразительной веселости. «Ну, ужь Богъ съ тобой — что старое поминать!» проговорила она, махнувъ рукой. Θедоръ перехватилъ эту руку на-лету и поцѣловалъ ее съ такой почтительной нѣжностью, что мать Марθа окончательно смягчилась и сама стала распрашивать племянника.

Θедоръ окончательно почувствовалъ себя дома — и даже когда мать Марθа, для соблюденія предобѣденнаго порядка, потребовала, чтобы хозяева стали парой передъ столомъ и произнесли обычное приглашеніе гостямъ сдѣлать честь трапезѣ, онъ засмѣялся.

— Какъ это можно? воскликнулъ онъ, — начто̀ это похоже? Ужь тебѣ-то дядя непростительно; въ Германіи бывалъ, насмотрѣлся порядковъ европейскихъ.

Молодые покраснѣли отъ этой неожиданной выходки. На лицахъ присутствующихъ тоже выразилось смятеніе—и могло бы принять оттѣнокъ недовольства, еслибъ замѣчаніе послѣдовало не отъ Θедора, которому въ качествѣ парижанина и желаннаго гостя нетолько все сходило съ рукъ, но еще и принималось съ особенной благосклонностью Пока усаживались за столъ, въ комнату вошелъ новый гость, въ форменномъ академическомъ бѣломъ кафтанѣ, при шпагѣ, съ распущенной шляпой въ рукѣ и съ пакетомъ на днѣ тульи. Окинувъ взглядомъ присутствующихъ, онъ прямо подошелъ къ Θедору и съ поклонами заговорилъ гнусавя на французскій ладъ: «его высокопревосходительство, господинъ президентъ Императорской Академіи трехъ знатнѣйшихъ искусствъ, поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ, милостивый государь, какъ лучшему украшенію просвѣщавшагося въ иностранныхъ земляхъ россійскаго юношества, свое высокопочитаніе, и вручить ваш... ваше... ству... сіе приглашеніе на инавгурацію... Его высокопревосходительство льститъ себя надеждою зрѣть васъ въ оный высокоторжественный день въ стѣнахъ нашей Академіи... Господинъ Баженовъ указалъ мнѣ найдти васъ здѣсь... такъ вотъ я и отправился»... Произнеся это, онъ съ поклономъ передалъ пакетъ, прибавивъ скороговоркой: «къ услуженію вашему готовый, майоръ и оной Академіи конференцъ-секретарь Александръ Салтыковъ.

— А, да! Иванъ Иванычъ взялъ уже съ меня слово, чтобы я былъ — напрасно изволилъ онъ безпокоиться, отвѣтилъ Θедоръ.

Впечатлѣніе этой рѣчи на присутствующихъ было ошеломляющее. Всѣ глядѣли разинувъ ротъ и переводя глаза то на Салтыкова, то на Θедора. Самъ Ерофей Никитичъ привсталъ, упрашивая гостя откушать хлѣба соли.

— Мнѣ право недосужно, повторялъ Салтыковъ, откладывая шляпу, будто нехотя присаживаясь, и разсыпаясь въ увѣреніяхъ, что у него заботъ-заботъ необерешься, всюду онъ одинъ, и надо бы спѣшить, но желаніе принести дань своего уваженія молодому другу его высокопревосходительства, заставляетъ его пожертвовать нѣсколькими изъ ограниченнаго числа минутъ...

Но и на этотъ вызовъ, самъ виновникъ всего впечатлѣнія, Θедоръ не выказалъ даже приличнаго случаю вниманія; сухо поблагодаривъ Салтыкова и замѣтивъ только, что ему очень совѣстно личное выполненіе этой коммиссіи г-номъ секретаремъ, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, онъ занимался весьма усердно пирогомъ и Нимфодорой Харитоновной, которая теперь окончательно развѣсила уши на его любезности. Въ жару перекрестнаго разговора онъ даже не замѣтилъ, какъ удалился Салтыковъ, хотя господинъ секретарь долго натягивалъ перчатки и покашливалъ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Всѣ присутствующіе, кромѣ Θедора привстали съ мѣстъ, и когда онъ вышелъ, Ерофей Никитичъ замѣтилъ Θедору неприличіе такъ относиться къ почтенной особѣ съ шитьемъ и при шпагѣ.

— А зачѣмъ чортъ его принесъ? небрежно отозвался Θедоръ, — я и видѣть-то его не желалъ бы, а не только съ нимъ лясы точить! кабы вы знали, что это за язва! И Θедоръ съ прикрасами разсказалъ свое вчерашнее приключеніе. Это окончательно упрочило успѣхъ Θедора. Всѣ болѣе или менѣе почувствовали то, что̀ ощущалъ самъ Салтыковъ, выходя изъ дома. Значитъ, чувствуетъ себя въ силѣ человѣкъ, коли и говорить не хочетъ съ чиновными особами средней руки, — значитъ, подымай выше — далеко пойдетъ.

Нимфодора Харитоновна всячески заигрывала съ Θедоромъ во время стола, бросала въ него мякишемъ хлѣба, смѣялась и приговаривала: «ишь какой неуязвимый, въ сорочкѣ родился, какъ ни брошу—все мимо».

— Зато стрѣлы вашихъ глазъ вѣрнѣе бьютъ — прямо въ цѣль! сказалъ Θедоръ, склоняя голову.

— Эй ты, балагуръ, ты смотри у меня, въ нашъ огородъ камней-то не бросай, нельзяль помимо? подшутилъ Щукинъ, давно уже на нихъ косившійся, — а то жену отобьешь — самъ плакаться будешь.

— Ахъ, Иванъ Меркулычъ, какъ это ты не понимаешь!.. знакомы мы съ тобой съ хорошими господами, а ты все не присмотрѣлся, какъ теперича гдѣ ни послышь: все махаются да махаются — и никому не въ укоръ... Это ты только у меня такой, что все въ заправь берешь... Поговорятъ да на томъ и съѣдутъ.

— То-то поговорятъ, сказалъ Щукинъ, принимаясь за гуся съ капустой.

Разъѣзжаясь послѣ обѣда, гости всѣ любезно прощались съ Θедоромъ, звали къ себѣ, поздравляли, предрекая, что онъ далеко пойдетъ съ такимъ покровите-

лемъ какъ Бецкій. Но Ѳедоръ, какъ-то разсѣянно слушалъ ихъ: изъ вѣтреной головы его изчезли безслѣдно и Салтыковъ, и Бецкій, и французженки въ разсадникѣ великихъ людей, и Баженовъ, и самая инавгурація. Взамѣнъ всего этого тамъ носился привлекательный образъ Нимфодоры Щукиной, ея привѣтливость и намекъ на удобство видѣться въ модной лавкѣ.

Деревянный гостиный дворъ въ тѣ времена служилъ обычнымъ rendez-vous тогдашнихъ щеголихъ — и прозваніе щеголиха принималось однозначущимъ съ понятіемъ о дамѣ имѣющей поклонника, болванчика, какъ тогда называли, съ которымъ, заходя въ модную лавку, дамы просиживали съ утра до вечера въ разговорахъ. Подобныхъ паръ набиралось десятками—и купцы вообще не жаловались, получая выгодные барыши, успѣвая сбывать и залежалый и никуда негодный товаръ модницамъ, поставленнымъ въ невозможность торговаться.

— Въ которой же вы будете? шопотомъ спрашивалъ Ѳедоръ, провожая на крыльцо Нимфодору и украдкой пожимая ей руку.

Наутро, гораздо раньше условленнаго часа, Ѳедоръ, принарядившись, раздушеный, похаживалъ уже по линіи, заглядывая то въ ту, то въ другую модную лавку. Четверо не то пятеро молодыхъ людей также готовились къ свиданіямъ и вошли въ лавку.

Ихъ примѣру послѣдовалъ и Ѳедоръ.

Купцы, выметя лавку, раскладывали узорныя кисеи на видныя мѣста, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вошедшихъ. Тѣ также совершенно свободно усаживались на поставленныя лавки.

Недолго заставила себя ждать и Нимфодора. Она оказалась одѣтою пышнѣе всѣхъ собравшихся въ лавку, запросто разцѣловалась съ Коржавинымъ и усѣлась возлѣ него. Бесѣда эта затянулась чуть не до самаго до обѣда. Нифодора что-то подробно и шопотомъ наказывала Ѳедору.

— Насчетъ этого ты, душа моя, не безпокойся... Иди смѣло и никого не спрашивай... сказала она ему на прощанье, выходя изъ лавки.

— Вели только — готовъ всюду, куда прикажешь! говорилъ восторженно Ѳедоръ, наклоняясь къ рукѣ ея.

Оставалось дня два до инавгураціи, а Ѳедоръ и думать забылъ объ этомъ торжествѣ и тѣхъ выгодахъ, которыя могъ извлечь изъ знакомства съ Бецкимъ. Родня по цѣлымъ днямъ не видала его.

Иванъ Меркулычъ Щукинъ былъ не послѣдній сибаритъ въ своемъ родѣ. Въ теплыя лѣтнія ночи, прохлады ради, онъ предавался сладкому сну въ бесѣдкѣ, удаленной отъ дома всею глушью тѣнистаго сада, такъ что ни малѣйшій звукъ со двора даже не могъ доноситься къ нему и прерывать его грезы, подъ часъ очень причудливыя, которыя онъ былъ великій мастеръ разсказывать. Однажды, воротясь порядкомъ нагруженный съ имянинъ брата и по обыкновенію, прямо пройдя въ свою, какъ онъ называлъ, берлогу, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ; окна были настежь отворены, но Меркулычъ не чувствовалъ на своихъ пуховикахъ свѣжаго холодка петербургской ночи. Ему грезился теплый солнечный денекъ въ родной деревнѣ, идетъ онъ Меркулычъ лѣсной чащей, съ кузовкомъ, и думаетъ: гдѣжь это грибы запропастились? — Глядь, а передъ самымъ его носомъ матерой боровикъ сидитъ и словно глядитъ на него. А, тебя-то мнѣ и надо! нагнулся было Меркулычъ, протягиваетъ руку, а грибъ вдругъ начинаетъ раздуваться, рости выше да выше, такъ что ужь и въ руку захватить нельзя, и тоненькимъ такимъ голоскомъ говоритъ: «Не трогь меня, Иванъ Меркулычъ!..» Врешь, полѣзай въ кузовъ... А куда въ кузовъ, ужь и рука-то не можетъ досягнуть... Грибъ смѣется и опять тоненькимъ голоскомъ кричитъ ему: «Что взялъ, Иванъ Меркулычъ?..», а самъ все ростетъ, до чудовищной высоты и оттуда зоветъ: «Иванъ Меркулычъ, а Иванъ Меркулычъ! Сюда! Сюда!..»

— Иванъ Меркулычъ! отдалось подъ самымъ ухомъ, такъ что Щукинъ разомъ вскочилъ, испуганно глядя передъ собою. Стоя въ саду, теребилъ его за руку, черезъ окно, полуюродивый Сенька дворниковъ сынъ.

— Что такое стряслось? Чего горланишь? крикнулъ Щукинъ, протирая глаза.

— Слышь, у насъ не такъ здорово, торопливо говорилъ Сенька, — словно бы воръ къ намъ черезъ заборъ перелѣзъ, да въ окошко шмыгъ...

— А ты чего-жь ему давалъ лѣзть?

— Да я, дядюшка, видѣлъ, какъ онъ ставню отворилъ, а никого изъ нашихъ не случилось...

— Одинъ онъ? говорилъ Меркулычъ, — да постой-ка... на всякій случай ..

Онъ пошарилъ рукой на полкѣ, и захвативъ охотничій ножъ, вышелъ изъ бесѣдки.

— Бѣги-жъ къ тому окну, а самъ я въ избу...

Затаивъ дыханіе, онъ пустился бѣгомъ по двору. Тихонько взобравшись на крылечко, Меркулычъ осторожно отворилъ дверь, но едва онъ успѣлъ переступить порогъ, какъ порывъ сквознаго вѣтра быстро захлопнулъ ее со стукомъ на весь домъ.

— Кто тамъ? послышался встревоженный голосъ Нимфодоры.

— Небойсь, это я! отвѣтилъ Меркулычъ, подаваясь впередъ, и вытянувъ передъ собой руку съ ножомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался быстрый бѣгъ чьихъ-то ногъ, и за тѣмъ снадворья грубый голосъ Сеньки: «вотъ я-те, назадъ!». Кто-то шарахнулся отъ окна и въ потемкахъ съ разбѣга прямо на Меркулыча...

— Ой, что это! застоналъ знакомый голосъ и бѣжавшій тяжело рухнулся на полъ...

— Что за диковина! вскрикнулъ Щукинъ, наступивъ было на него колѣномъ и охватя руками, но тутъ же признавъ по голосу: — Ѳедоръ Васильевичъ, это ты что ли? Окровянилъ никакъ я тебя? Чтобъ-те пусто было!.. И Щукинъ потеръ рука объ руку, чувствуя, что-то липкое и теплое на ладони.

Ѳедоръ живо рванулся изъ-подъ него, кинулся къ двери, съ крыльца, дворомъ—и опомнился только по ту сторону забора у Садовой улицы...

— Плохо дѣло, торопливо говорилъ онъ вслухъ съ дрожью зубовъ, — глубоко задѣлъ... А шляпа-то тамъ осталась... догадается... Эхъ, не ладно!..

Вынувъ кружевной платокъ и перетягивая имъ лѣвую руку по рукаву кафтана, который взмокъ отъ крови, Ѳедоръ зубами и правой рукой затянулъ узелъ перевязки—и собравъ всѣ свои силы, пустился бѣжать черезъ Каравайную къ Семіоновскому мосту.

До мосту онъ бѣжалъ быстро, но въ Хамовой улицѣ силы стали его оставлять; онъ шатаясь взошелъ на крыльцо и забарабанилъ слабѣющей рукой по стекламъ, призывая на помощь.

Въ домѣ поднялся переполохъ, засвѣтились огни, въ сѣни выбѣжали Ерофей, жена его, Марѳа и прислуга—и отворивъ дверь, отступили съ крикомъ ужаса.

Вмѣстѣ со скрипомъ двери, черезъ порогъ перевалился навзничь Өедоръ, блѣдный какъ полотно, съ закрытыми глазами, въ лужѣ крови...

— Эка, бѣдняга! захлопоталъ Ерофей, — а еще сегодня... сегодня же говорилъ ему: «не запоздывай, Өедя!.. шалятъ по ночамъ!»

Общими усиліями, раненаго перенесли въ домъ, уложили въ постель. Өедоръ не приходилъ въ себя.

Настала и прошла инавгурація; объ Өедорѣ ни вѣсточки; Бецкій забылъ объ немъ.

(Продолженіе будетъ).

Экспедиція на Эмбу въ 1871 году.

(Окончаніе).

V.

Новый двухъ-недѣльный походъ.

12-го мая.—Среда.

Ровно мѣсяцъ и пять дней отрядъ долженъ былъ оставаться въ Уильскомъ укрѣпленіи. Разлитіе рѣкъ и прекращеніе сообщеній мѣшали дальнѣйшему нашему выступленію.

По маршруту, выданному штабомъ, къ намъ должны были присоединиться въ укрѣпленіи: взводъ оренбургской казачей батареи при восьми орудіяхъ и сотня уральскихъ казаковъ. Артиллерію мы нашли на мѣстѣ, а сотня прибыла къ намъ 27-го марта наканунѣ Пасхи.

Я оставался совершенно безъ дѣла, потому что согласно данной мнѣ инструкціи долженъ былъ всѣ свои припасы сдать въ Уильскій складъ; при выступленіи же на Эмбу, въ мое распоряженіе даны были какъ Уильскій, такъ Калмыковскій и Гурьевскій магазины, откуда я могъ забирать все необходимое для отряда.

Отрядъ во избѣжаніе тѣсноты расположился лагеремъ подъ самымъ укрѣпленіемъ; я же, какъ все еще было довольно холодно и чувствуя себя послѣ провалу въ рѣкѣ Кіилѣ не совсѣмъ хорошо, оставался въ своемъ казаматѣ.

Казаматъ этотъ состоялъ изъ двухъ комнатъ безъ потолка, только на балкахъ лежалъ туго-наложенный камышъ; было сыро, грязно—и мнѣ кажется, что въ немъ никогда не были мыты полы, а потому не мудрено, что всевозможныя насѣкомыя наполняли это помѣщеніе. Въ первой комнатѣ находилась вся моя команда, остававшаяся какъ и я безъ дѣла, а во второй помѣщался я.

25 апрѣля получено давно ожидаемое предписаніе немедленно выступить отряду изъ укрѣпленія. Начались сборы, расчеты, суматоха страшная, надо было все окончить въ одинъ день. Для моего транспорта назначено 370 верблюдовъ и 72 пароконныя подводы. Громадныя деньги издержаны на перевозочныя средства для нашей и аральской экспедицій.

Цѣль нашей экспедиціи была заложить новое укрѣпленіе между Эмбой и озеромъ Масше. Мѣсто выбрано еще въ 1870 году. Были слухи, что киргизы въ особенности Адаевцы, имѣютъ намѣреніе намъ препятствовать. Въ укрѣпленіи поговаривали, что насъ ожидаетъ тамъ цѣлое скопище, а потому всѣ мѣры предосторожности были приняты; но въ послѣдствіи оказалось, что это было не болѣе какъ слухи. Киргизы въ этой мѣстности—народъ тихой, мирной и трусливый, ни оружія ни пороху не имѣютъ. Если ихъ не трогать, не разорять безъ причины ихъ аулы, не отбивать стада и не отнимать пастбищъ; то они всегда готовы исполнять волю Правительства и безпрекословно платить положенную на нихъ дань,—и потому не мудрено, что по мѣрѣ нашего движенія всѣ бывшіе на лѣтней кочевкѣ аулы удалялись отъ насъ почти на сто верстъ, бросая удобныя пастбища, только бы не сталкиваться съ отрядомъ; такъ что насъ самихъ приводила въ затрудненіе невозможность находить для себя скотъ.

Кончились сборы, двинулась колонна, пошли прощанія съ укрѣпленіемъ, и проводы не обошлись конечно безъ обычныхъ возліяній. Отправивши транспортъ, я остался для окончательныхъ расчетовъ и долженъ былъ къ вечеру догнать отрядъ.

Исполнивъ все что было нужно и распростившись съ гостепріимнымъ и радушнымъ начальникомъ укрѣпленія, я усѣлся въ свой тарантасъ. На этотъ разъ лошади были хорошія, нанятыя отъ хорунжаго-за-урядъ до самаго озера Масше.

Несмотря на вчерашнюю грозу, была страшная жара. Около полудня солнце пекло немилосердно, на ясномъ небѣ ни тучки, ни облачка. Бѣловатый туманъ разстилался въ воздухѣ и стушевывалъ всѣ окружавшіе предметы. Красные цвѣточки въ видѣ тюльпановъ, которыми я такъ любовался и собиралъ въ укрѣпленіи, всѣ исчезли, сгорѣли. Одна только полынь своимъ сильнымъ, непріятнымъ запахомъ раздражала нервы. Подулъ урывками чуть замѣтный вѣтерокъ, душно... чувствуется разслабленіе и апатія. Вспотѣвшія лошади подвигаются медленно и слегка похрапываютъ.

Долго мы ѣхали такимъ образомъ, уже совсѣмъ стемнѣло, наконецъ въ воздухѣ повѣяло сыростью. Издалека послышался лай собакъ, вѣроятно изъ лагеря, замелькали огоньки среди пустыни. Слава Богу, живое мѣсто.

Было поздно, когда я добрался до стоянки, на озерѣ Танды-Куль; отыскавъ приготовленную мнѣ юламейку, я бросился на свою кровать и заснулъ богатырскимъ сномъ.

На другой день намъ по маршруту назначена была дневка потому, что вода въ озерѣ Танды-Куль была хоть немного и солоновата, но довольно сносная на вкусъ. Козаки—одни раннимъ утромъ принялись рыбачить и наловили сазановъ и судаковъ, а другіе отправились стрѣлять курапатокъ и дикихъ гусей; солдаты приготовлялись къ завтраку. Они выкопали въ землѣ ямки, развели въ нихъ изъ набросаннаго навоза огонь. Поперегъ каждой ямки положили палки; на этихъ палкахъ висѣлъ гдѣ кипучій котелокъ, гдѣ мѣдный чайникъ съ засыпаннымъ чаемъ.

Надо сказать, что на довольствіе солдатъ было обращено высшимъ начальствомъ большое вниманіе: увеличены приварочныя деньги до 5 копѣекъ въ сутки, назначенъ чай и сахаръ, который выдавался на недѣлю для каждыхъ десяти человѣкъ особо, въ назначенной пропорціи.

Похоронный обрядъ у киргизовъ.

Лагерь расположился довольно живописно: на одной сторонѣ разставлены были юламейки, офицерскія впереди; на противоположной помѣстились чабары съ своими верблюдами, которые бродили кругомъ, отыскивая корму.

Тамъ и сямъ по степи чернѣли большія выгорѣлыя пятна, обозначавшія мѣста, на которыхъ былъ прежде разведенъ огонь.

Чабары ночью зарѣзали себѣ барана и размѣстились полукругомъ у жарко пылавшаго изъ камышу съ кизякомъ костра. Баранъ былъ разрѣзанъ на куски и жарился на нѣсколькихъ вертелахъ, тутъ же приготовленныхъ изъ жердей кибитокъ. Сало отъ баранины, падая на огонь, производило трескъ — и запахъ его разносился по степи.

Чрезъ нѣсколько часовъ картина перемѣнилась, всѣ были заняты: солдаты стирали на озерѣ бѣлье, казаки солили наловленную ими рыбу, а чабары занялись починкою своихъ костюмовъ.

Мнѣ было много дѣла—и я не замѣтилъ какъ наступилъ вечеръ. Тѣнь отъ юламеекъ захватила большую часть поляны, косвенные лучи солнца покрывали все красноватымъ цвѣтомъ. Вода въ озерѣ приняла розовый отливъ и какъ будто покрылась пеленой. Потомъ подулъ прохладный вѣтерокъ, на небѣ кое гдѣ появились прозрачныя тучки, стало темнѣть болѣе и болѣе, заблистали звѣзды. Наступила ночь.

Рано всѣ улеглись спать, чтобы съ разсвѣтомъ выступить дальше. Сдѣлалось тихо... не слышно ни одного звука, только одно озеро Танды-Куль шумѣло какъ будто отъ колесъ водяной мельницы, да часовые разставленные по цѣпи изрѣдка окликали: кто идетъ?

Мнѣ очень хотѣлось обойти кругомъ всего лагеря, но я вспомнилъ, что не знаю пароля; приказа ко мнѣ сегодня не приносили, и потому я вернулся въ свою юламейку.

Когда занялась заря—и степь, погруженная въ мертвенность, начала пробуждаться, отрядъ опять потянулся обычнымъ порядкомъ по извилистой и ровной дорогѣ; утренній свѣжій вѣтерокъ поднималъ пыль, мракъ разсѣялся, защебетали жаворонки, и вся даль облилась лучезарнымъ потокомъ свѣта. Тощія киргизскія лошаденки почти безъ шерсти облѣзшей отъ соленой воды — двигались потихоньку. Верблюды, смирное и кроткое животное, на половину лысые съ шаршавыми клочками на груди, растянули колонну на безконечное пространство; ихъ долгія шеи съ глупо надменными и продолговатыми мордами повертывались изъ стороны въ сторону, какъ бы гордясь мохнатымъ хохолкомъ торчавшимъ на головѣ въ видѣ дамскаго шиньона; ихъ хвосты были привязаны, а на горбатыхъ туловищахъ наложено тяжести по 17 пудовъ. Они упрямились, ревѣли; плачъ ихъ вмѣстѣ съ ржаніемъ лошадей, скрипомъ колесъ и говоромъ солдатъ, оглашалъ степь дикою гармоніею. Киргизы чабары, грязные, оборванные, шли какъ-то лѣниво и боязливо оглядывали солдатъ. — Казаки тряслись на своихъ лошадяхъ, поправляя безпрестанно ружье, колотившее ихъ въ спину, и для развлеченія постегивали нагайками верблюдовъ.

Дальше и дальше, все одно и то же, иногда отрядъ прокладывалъ путь цѣликомъ по степи, по кочковатымъ и солонцоватымъ плѣшникамъ, мѣстами зеленѣла пахучая полынь и торчалъ жесткій ковыль. Колеса тяжело скользили по травѣ и часто вязли въ пескѣ. Изрѣдка разнообразили путь—или оврагъ, или высохшее соленое озеро. Чаще всего попадались обширныя киргизскія кладбища, называемыя «мулла», на которыхъ узкіе камни съ чалмами и фесками, исписанные стихами корана, торчали въ разныя стороны какъ разшатавшійся частоколъ; нѣкоторые изъ нихъ вросли уже въ землю, другіе разсыпались. Ничего маломальски привлекательнаго не бросалось въ глаза. По моему, рѣдко что можетъ быть безотраднѣе степи, особенно въ разгарѣ лѣта, когда она желтою и сухою могильною скатертью разстилается на безконечное пространство, обезлюденная, заброшенная и часто верстъ на сто безъ воды.

Меня удивляло, что не смотря на то, что до Уильскаго укрѣпленія было много ауловъ, я нигдѣ не встрѣчалъ ни одной мечети. Тамъ муллы совершаютъ свои обряды подъ открытымъ небомъ, на ближайшихъ бугоркахъ; обращаясь лицомъ на западъ *) и проведя по лицу руками, они затыкаютъ себѣ пальцами уши и звонкимъ дребезжащимъ гнусливымъ голосомъ призываютъ къ намазу.—Женщины, какъ я слышалъ, не допускаются къ общимъ съ мущинами моленіямъ.

Я нашелъ, что киргизы по своей бѣдности народъ очень жалкій, — и хотя они сильны и проворны; но какъ все занятіе ихъ состоитъ только въ скотоводствѣ, то при частыхъ падежахъ скота, они лишаются послѣдняго достоянія и остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Кибитки, въ которыхъ они живутъ, тѣсны, грязны; въ нихъ холодно и какъ-то сиротливо. Хотя и постоянно поддерживаютъ въ нихъ огонь, но ѣдкій дымъ отъ кизяка и сдѣланное въ верху отверстіе не можетъ доставить удобства и большаго тепла.

Лица киргизъ—татарско-монгольскаго типа, ростъ средній и ниже средняго, сложеніе слабое, умственное развитіе тупо. Не смотря на это, если оказывается случай, они охотно учатся. — Мнѣ кажется, что они доступны цивилизаціи, только надо умѣть съ ними обращаться. — Въ укрѣпленіи ходили ко мнѣ два киргиза съ дичью и часто просили бумаги; они оба учились писать по русски—и хотя у нихъ еще выходили каракули, которыя я поправлялъ, но они понимали все ими написанное.

Одежда ихъ, какъ у мужчинъ, такъ и женщинъ, не затѣйлива. У первыхъ два стеганыхъ халата, чембары или панталоны изъ кожи, рубашка изъ грубой бязи, все это носится до разрушенія; на головѣ зимой малахай изъ верблюжьяго сукна, лѣтомъ завязанный платокъ, сапоги изъ толстой кожи съ высокими желѣзными или мѣдными каблуками. У женщинъ костюмъ мало разнится отъ мужчинъ; тѣ же сапоги и халаты иногда полушелковые, ситцевые штаны, голова окутана двумя большими кусками бумажнаго полотна; одинъ закрываетъ плечи, грудь и спину, а другой навертывается на головѣ въ видѣ ведра. — Надо къ этому прибавить, что всѣ вообще киргизы ужасно нечистоплотны; имъ не слѣдуетъ позволять подходить близко, отъ нихъ такъ и сыплятся разныя насѣкомыя.

Передвиженіе на кочевки совершается у нихъ очень просто: впереди ѣдутъ мущины верхами, женщины идутъ пѣшкомъ возлѣ вьючныхъ лошадей съ перекинутыми черезъ сѣдло плетенками, въ которыхъ торчатъ маленькіе дѣти; сзади слѣдуютъ вьюки съ домаш-

*) по нашему.

нимъ скарбомъ и разобранными кибитками, положенными на верблюдахъ. Табуны и стада гонятъ поодаль, вокругъ нихъ движется конная цѣпь, сопровождаемая стаей злыхъ волкообразныхъ собакъ.

Къ тремъ часамъ мы добрались до рѣки Сагизъ, переправа была довольно затруднительна, рѣка еще послѣ разлива мало усохла, мы перебрались благополучно и расположились на другой сторонѣ обыкновеннымъ порядкомъ.

День за день тянулся нашъ отрядъ; мы подвигались все далѣе и далѣе, останавливаясь на назначенныхъ по маршруту мѣстахъ для ночлеговъ и дневокъ и ни гдѣ не встрѣчая ни души; хотя бы для разнообразія поймали какихъ нибудь лазутчиковъ; но и тѣхъ не оказывалось—и такимъ образомъ мы прошли болѣе двухъ сотъ верстъ.

Все время жара была невыносимая, комары и мошки стали кусать безъ милосердія, а на лошадей и верблюдовъ напали мухи и слѣпни. — По дорогѣ сновали изъ стороны въ сторону зеленыя ящерицы, прямо подъ копыта лошадей.—Страшная скука... пить нечего, вода вездѣ отвратительная; мяса достать негдѣ, я его не пробовалъ уже нѣсколько дней. Всѣ забранные съ собой припасы вышли; одинъ только чай, который я пилъ нѣсколько разъ въ день съ солдатскими сухарями, поддерживалъ мое существованіе; еслибы не онъ, то не знаю чтобы со мной было, чай благодѣяніе для степи. Солдатамъ варили кашицу съ соленой бараниной на обѣдъ и на ужинъ, они уже привыкли.

Мы дѣлали привалъ на Тасъ Кійчу, гдѣ къ намъ долженъ былъ присоединиться Главный Начальникъ Экспедиціи съ сотнею казаковъ; но потомъ, за измѣненіемъ маршрута, онъ отправился прямо на Эмбу и ожидалъ нашего прибытія. — Вотъ миновали горько-соленое озеро Ромбоякты, гдѣ оставались совсѣмъ безъ воды, добрались до озера Бартадаклы (тоже соленаго) и остались дневать Николинъ день. Тутъ мы нашли еще невысохшіе колодцы съ прѣсною водою и хотя грязною, но и той были чрезвычайно рады.

Солдаты чистились, приготовляясь на смотръ главнаго начальника; киргизы чабары весело болтали, радуясь окончанію пути; казаки пѣли пѣсни по случаю имянинъ сотеннаго командира; только я одинъ хандрилъ, потому что отъ жары и непривычныхъ лишеній разхворался не на шутку.

Еще двадцать верстъ—и конецъ нашему странствованію.

VI.

Два мѣсяца на Эмбѣ.

18-е мая.—27-е іюня.

Мы оставили озеро Бартадаклы рано, чтобы до полудня быть на мѣстѣ; солдаты, отдохнувши полтора дня, шли бодро, лошади и верблюды были сыты—и потому мы довольно скоро увидѣли ожидаемое озеро Масше близь Эмбы. Оно казалось близко, какъ бы подъ рукою, между тѣмъ какъ до него оставалось еще верстъ десять по прямой линіи.

Болѣе двухъ часовъ пробирались до озера по болотистой мѣстности, миновали большое кладбище въ видѣ какихъ-то разрушенныхъ мечетей, казавшихся издали громадными зданіями. Я сначала предполагалъ, что это и есть ново-заложенное укрѣпленіе, но потомъ, когда подъѣхалъ ближе, замѣтилъ свою ошибку: никакого укрѣпленія не было, да и быть не могло, потому что инженеры и матеріалы явились чрезъ два мѣсяца послѣ нашего прибытія—и только 11-го іюля была назначена закладка.

Все чтó представилось моему взору, это было небольшое пространство заросшее сорною травою, на которомъ разставлено было въ линію до двадцати юламеекъ; около нихъ суетились казаки въ бѣлыхъ фуражкахъ. Направо большое озеро, на лѣво невысокіе обрывистые берега мутной Эмбы, уже довольно повысохшей. Съ боку на очищенной площадкѣ стоялъ маленькій деревянный домикъ, привезенный изъ Гурьева городка; къ нему вела протоптанная дорожка. Это было жилище главнаго начальника. За тѣмъ болѣе ничего неоказывалось. Я разочаровался; столько ожиданій найдти что-нибудь необыкновенное — и вдругъ увы!.. то же самое, что нѣсколько разъ встрѣчалось во время похода.

Начальникъ нижне-эмбенскаго отряда, онъ же и начальникъ Гурьевскаго уѣзда, былъ морякъ, съ теплымъ сердцемъ и стремленіемъ ко всему хорошему, настоящій джентльменъ. Киргизы его любятъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боятся; съ прибытіемъ его на Эмбу, явилось съ кочевки два аула. При немъ состояли двѣ личности чрезвычайно симпатичныя; со стороны всѣхъ ихъ, я нашелъ содѣйствіе въ моихъ начинаніяхъ и участіе во время моей болѣзни. У меня появился хлѣбъ, мясо, а потомъ кумысъ.

Мѣсто, выбранное между Эмбой и озеромъ Масше, для новаго укрѣпленія находится въ Гурьевскомъ уѣздѣ, отъ города Гурьева въ 260 верстахъ, Уильскаго укрѣпленія 242 и Оренбурга 575. Земля очень дурна, все солонецъ, кругомъ болото; сѣнокосы въ двадцати верстахъ плохіе, камышу очень мало. Вода въ Эмбѣ до іюня мѣсяца прѣсная, немного мутна, но пить можно. На дальнѣйшее время солдаты начали рыть колодцы—и несмотря на то, что перерыли много, все-таки добились того, что нашлись два колодца съ хорошею прѣсною водою. Терпѣніе солдата все преодолѣваетъ. Въ озерѣ Масше вода совсѣмъ соленая, есть въ немъ и рыба, только ее нельзя употреблять въ пищу. Въ Эмбѣ казаки сначала ловили судаковъ и карасей; но въ іюнѣ мѣсяцѣ и тамъ вся рыба пропала, а въ водѣ показались какіе-то преотвратительныя инфузоріи. Дичи въ этомъ мѣстѣ мало; но далѣе много, болѣе всего куропатокъ и дикихъ гусей.

Съ прибытіемъ нашимъ оживился пустынный уголокъ, явились маркитанты, кабаки—сначала одинъ, потомъ другой, а во время моего отъѣзда ихъ было четыре.

Для каждой отдѣльной части назначено было мѣсто и поставлены знаки. Я принялся за дѣло и увлекъ другихъ; закипѣла работа, каждый старался превзойдти другаго, сгладились неровности... и хотя ни у кого, кромѣ четырехъ лопатъ и топоровъ, никакихъ инструментовъ не было, но мы все-таки перебивались кое-какъ. Недостатокъ чувствовался во всемъ, начиная съ гвоздя до полочки; ничего что было нужно и что мы надѣялись найдти на мѣстѣ вмѣстѣ съ инженерами — не было; а между тѣмъ я для интендантскаго склада успѣлъ вырыть для спирту подвалъ, поставилъ громадные бунты, устроилъ будку для часоваго, сдѣлалъ вѣсы на столбахъ изъ кулей овса, обвелъ все валомъ съ рѣшеткой изъ камыша и выкинулъ красный флагъ.

Чтобы лучше и скорѣе устроить все это, я нанималъ солдатъ на работы на собственный свой счетъ, болѣе по праздникамъ, и платилъ имъ табакомъ, мыломъ и сушками.

Мое намѣреніе было читать солдатамъ по воскрес-

нымъ днямъ Евангеліе, но на заведенную мною объ этомъ переписку, до отъѣзда не получилъ отвѣта.

По неимѣнію овощей, а также погребовъ для храненія мяса, пища у солдатъ и здѣсь была незавидная: кашица съ безчисленнымъ множествомъ перцу, два раза въ недѣлю каша съ бараньимъ саломъ—вотъ и все, что было при мнѣ безъ перемѣны въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; спирту по случаю жаровъ не полагалось, а вмѣсто него увеличена была порція чаю. Отъ такой однообразной и не совсѣмъ питательной пищи больныхъ было не мало.

Присланная изъ Оренбурга гороховая колбаса отъ жару начала портиться—и никому изъ насъ не понравилась; бульонная каша не дурна, только надо бы поменьше чесноку и болѣе толочь сушеное мясо; лучше всего оказались консервы изъ сушеной капусты, которые я и передалъ въ лазаретъ.—Всего этого было прислано на первый разъ такъ мало, что если раздѣлить на всѣхъ, то не хватило бы и на одинъ день; да и не мудрено, одинъ провозъ отъ Оренбурга чего стоитъ.

Все время, что я пробылъ на Эмбѣ до послѣдняго дня, не было дождя, жара доходила до 45-ти градусовъ; нѣкоторые изъ насъ вырыли землянки и прятались въ нихъ днемъ отъ солнца. Купаться было трудно, въ Эмбѣ воды мало, высохла; въ озерѣ опасно. Ночью особенно подъ пологомъ, хотя и кисейнымъ, душно; только къ разсвѣту дѣлалось немного свѣжѣе.

Главный бичъ нашъ были: мошки, комары, слѣпни и всевозможныя летучія гадины, въ особенности подъ вечеръ. У меня шея, ноги и руки были искусаны до крови, въ струпьяхъ.

Я поселился около озера подлѣ склада, расширилъ свою юламейку, сдѣлалъ кругомъ балконъ изъ купленнаго у солдатъ холста, разставилъ походную мебель, повѣсилъ образъ, зажегъ лампаду—и хотя въ моемъ гнѣздышкѣ было уютно и весело, но за то такъ жарко и душно какъ въ банѣ, даже стоявшіе на столѣ спармацетовыя свѣчи гнулись и падали.—Впослѣдствіи еще стали являться ко мнѣ изъ озера большія змѣи—и одна уже залѣзла подъ кровать, къ счастію я скоро замѣтилъ и велѣлъ убить ее; ящерицы же постоянно такъ и шмыгали у меня подъ ногами.

Самыя многочисленныя и вредныя животныя—это фаланги, змѣи и зеленые пауки каракурты. Укушеніе фаланги очень опасно, да и рана отъ паука не скоро заживаетъ.

Не смотря на невыносимый жаръ и всѣ описываемыя мною неудобства и лишенія, къ намъ на Эмбу явились барыни, провести лѣто съ мужьями. Не знаю на сколько имъ было пріятно и полезно пребываніе въ такой трущобѣ; но какъ онѣ уроженки степи, то для нихъ всѣ лишенія ни почемъ.

Впрочемъ это доказываетъ, какъ спокойны и мирны киргизы, если барыни рѣшаются безъ страха отправляться на то мѣсто, куда мы веземъ для безопасности орудія и tutti quanti.

VII.
Отъѣздъ.

12 Іюля.

Съ 10-го Мая по 10-е Іюля, ровно два мѣсяца я былъ мученикомъ на Эмбѣ; мнѣ казалось, что должно быть я совершилъ какое нибудь уголовное преступленіе и меня послали за наказаніе.

Когда я окончилъ возложенное на меня порученіе, то спѣшилъ скорѣе покинуть и Эмбу и озеро Масше. Мигомъ собрался, распрощался со всѣмъ отрядомъ и 10-го Іюля чуть свѣтъ выѣхалъ обратно, благословляя судьбу, что вырвался изъ изгнанія и остался цѣлъ и невредимъ; къ тому же ночью шелъ дождь, освѣжило воздухъ, пыли не было—и я усѣлся въ свой тарантасъ, счастливый и довольный.

Подъѣзжая къ Большой-Хабдѣ, я задумался о томъ, какъ киргизы прокладываютъ дорогу цѣликомъ по степи и никогда не ошибаются въ направленіи; видно ихъ зоркіе глаза узнаютъ путь по теченію рѣки, вѣтру, оврагамъ, или по тѣни солнца и расположенію звѣздъ. Думы мои были прерваны издалека раздававшимся по степи непонятнымъ шумомъ; шумъ этотъ часъ отъ часу дѣлался слышнѣе, какъ будто что нибудь съ грохотомъ катилось къ моему тарантасу. Скоро все загудѣло, рвануль страшный вѣтеръ, обдало холодомъ, вся степь завыла, застонала, закрутился песокъ и съ необыкновенной быстротой заметался и сталъ забираться повсюду. Наконецъ блеснула ослѣпительная молнія, грянулъ громъ и дождь полился сначала большими каплями, а потомъ стремительными потоками. Какъ я ни закрывался кошмой, все таки мнѣ порядочно досталось; но я уже обтерпѣлся въ пять мѣсяцевъ, привыкъ ко всему—и ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ скорѣе добраться до Оренбурга.

Мачулинъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

И. С. Тургеневъ родился 28 ноября 1818 года, въ Орлѣ. Отца его звали Сергѣй Николаевичъ, мать Варвара Петровна, урожденная Лутовинова. И. С. былъ среднимъ изъ трехъ сыновей. Младшій братъ умеръ въ первой молодости, а старшій живетъ въ Москвѣ. На семнадцатомъ году возраста Тургеневъ потерялъ отца; но мать жила до семидесяти лѣтъ и умерла въ 1850 году. Въ 1822 году семейство Тургеневыхъ отправилось за границу и посѣтило, между прочимъ, Швейцарію. При осмотрѣ одной медвѣжьей берлоги, четырехъ-лѣтній мальчикъ едва не провалился туда и дорого поплатился бы за свою неосторожность, если бы отцу не удалось вытащить его оттуда, въ туже минуту, за ногу. По возвращеніи въ отечество семейство надолго поселилось въ родовомъ имѣніи, въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Тутъ же началъ Тургеневъ учиться у учителей различныхъ націй, за исключеніемъ русской. Одной изъ первыхъ русскихъ книгъ, прочтенныхъ Тургеневымъ, была «Россіада» Хераскова. Онъ обязанъ знакомству съ этой книгой крѣпостному человѣку своей матери, страстному поклоннику поэзіи, а также и этой старинной поэмы. Въ 1828 году И. С. переселился съ своими родителями въ Москву; въ 1834 поступилъ въ московскій университетъ, а въ 1835 перешелъ въ петербургскій, гдѣ и окончилъ курсъ. Въ 1838 году онъ отправился за границу, при чемъ чуть не погибъ во время пожара парохода «Николай I», близъ Травемюнде. Въ Берлинѣ Тургеневъ слушалъ лекціи исторіи и гегелевской философіи.

Черезъ два года Тургеневъ вернулся въ Петербургъ и состоялъ около года при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ это время онъ очень часто видѣлся съ Бѣлинскимъ. Хотя Тургеневъ писалъ стихи еще мальчикомъ, но его первая поэма «Параша» появилась только въ 1843 году. Въ слѣдъ за этимъ онъ написалъ еще нѣсколько другихъ произведеній, которыя однакоже не имѣли особенно сильнаго успѣха.

Сомнѣваясь въ своемъ поэтическомъ талантѣ, онъ рѣшился покончить съ литературою и выѣхалъ въ 1844 году изъ Петербурга; но, уступая просьбамъ Бѣлинскаго, далъ ему, еще прежде этого, для «Современника» небольшой разказъ, именно: «Хорь и Калинычь» Это прелестное произведеніе, вошедшее потомъ въ составъ «Записокъ охотника», произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на публику и убѣдило самого автора въ его талантѣ. Посвятивъ себя отнынѣ литературѣ, Тургеневъ отправился въ Парижъ и написалъ тамъ большую часть «Записокъ охотника», которыя сразу поставили его во главѣ русскихъ художниковъ-белетристовъ. Въ 1852 году Тургеневъ за напечатаніе статьи о Гоголѣ (въ сущности же за «Записки Охотника») былъ отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ пробылъ два года. Съ тѣхъ поръ Тургеневъ жилъ то въ Россіи, то за границей до 1863 г., когда поселился въ Баденъ-Баденѣ, откуда только наѣзжаетъ въ отечество.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Немного найдется у насъ писателей, которые пользовались бы такой симпатіей, такимъ восторженнымъ поклоненіемъ со стороны русскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ были бы такъ извѣстны въ Европѣ, какъ И. С. Тургеневъ Изданія его сочиненій расходятся у насъ одно за другимъ; вы не найдете ни одной самой маленькой частной библіотеки, гдѣ бы не было Тургенева, и его произведенія переводятся на иностранные языки немедленно по ихъ появленіи и чрезвычайно интересуютъ иностранцевъ. Что причиною этому—неподражаемая ли художественность формы, или та способность жить сострастно жизни русскаго образованнаго общества и съ истинно-геніальною чуткостію воспринимать и передавать ея явленія? Конечно, и то и другое вмѣстѣ. Какъ бы ни былъ великъ талантъ художника, но красота формы не замѣняетъ содержанія, и наоборотъ: въ художественномъ произведеніи и мысль должна быть выражена художественнымъ образомъ, иначе она теряетъ свою силу, а произведеніе свой интересъ. Въ произведеніяхъ Тургенева, главное вниманіе автора обращено не на художественность изображенія; онъ стремился въ нихъ къ другой цѣли, пользовался своими очерками только какъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ способствовать интересамъ, лежащимъ внѣ области искуства,—самымъ дѣйствительнымъ, потому-что это было тогда почти единственно дозволенное, единственно возможное средство. Всѣмъ извѣстна строгость тогдашней цензуры, но Тургеневъ рѣшился *говорить истину* такъ, чтобъ она подѣйствовала сама собою, насколько это было возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Изображаемые имъ люди, судьба которыхъ должна была возбудить участіе, состраданіе, ужасъ, или же негодованіе, ненависть и отвращеніе, являются среди его великолѣпныхъ описаній природы, какъ будто-бы что-то второстепенное, въ родѣ человѣческихъ фигуръ на ландшафтахъ; но онъ очень хорошо зналъ, что человѣкъ прежде всего интересуется человѣкомъ же, и поэтому раньше или позже обратитъ на него, главнымъ образомъ, вниманіе. Такимъ образомъ удалось Тургеневу провести, подъ видомъ сельскихъ очерковъ, свои тенденціи и распространить ихъ повсемѣстно, покрайней мѣрѣ вначалѣ. Въ «Запискахъ Охотника» наши степи и бытъ ихъ обитателей, на которые Тургеневъ смотрѣлъ

съ чувствомъ дѣтской любви, глазами живописца и передалъ перомъ поэта, стоятъ передъ нами какъ живые. Вы встрѣчаете тутъ цѣлый рядъ тонко прочувствованныхъ картинъ, а отъ цѣлой книги такъ и вѣетъ деревней; но все это спасительный слой земли, назначенный для того только, чтобъ служить посѣяннымъ сѣменамъ защитою отъ вредныхъ вліяній погоды и суровости климата, до тѣхъ пока они не взойдутъ и станутъ развиваться...

Человѣческія фигуры, рисующіяся на заднемъ планѣ, принадлежатъ, большею частію, мелкому дворянству, чиновничеству или крестьянскому сословію; другіе элементы примѣшиваются къ нимъ лишь изрѣдка. Извѣстно, что Гаварни давалъ обыкновенно полную свободу своему карандашу, рисуя то по одной, то по двѣ или по три фигуры, смотря потому больше или меньше у него было мѣста,—и только впослѣдствіи соединялъ отдѣльные листы въ тетради, такъ что въ сущности ни одна изъ нихъ не могла считаться полной или неполной. А потомъ, когда онъ видѣлъ изображенныя имъ лица на бумагѣ, онъ задавалъ себѣ вопросъ какъ тѣ или другія изъ нихъ могли бы разговаривать между собою въ данную минуту, и тутъ же чертилъ собственноручно отвѣтъ. Подобнымъ же образомъ должны были возникнуть и созданія тургеневской фантазіи. Сердце, полное не пустой національной гордости, а истинной любви къ отечеству; умъ, воспитанный не на салонной литературѣ, а развитый цивилизующими идеями, лежащими въ основѣ лучшихъ произведеній европейскихъ мыслителей, навели его на мысль способствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, уничтоженію крѣпостнаго права. Разъяснивъ надлежащимъ образомъ бѣдственное положеніе двадцати двухъ милліоновъ нашихъ братьевъ по человѣчеству, онъ могъ съ полной увѣренностью ожидать, что громадное большинство склонится въ пользу уничтоженія всеунижающаго и всеподавляющаго рабства и что общественное мнѣніе подѣйствуетъ непреодолимымъ образомъ и на вліятельные кружки. Большія книги философскаго и политическаго содержанія не принесли бы никакой особенной пользы этой задачѣ, потому-что не нашли бы себѣ читателей, а брошюры въ томъ же родѣ встрѣтили бы препятствія.

Отмѣна крѣпостнаго права — какое торжество для друга народа и для писателя! А между тѣмъ это обстоятельство оказалось для него, покрайней мѣрѣ какъ для писателя и невыгоднымъ, въ родѣ того какъ было невыгодно для Генриха Гейне прекращеніе цензуры, противъ которой онъ воевалъ такъ часто и съ такимъ умомъ. Не то чтобъ съ этимъ славнымъ дѣломъ настоящаго царствованія прекратились всѣ тѣ злоупотребленія, противъ которыхъ привыкъ возставать Тургеневъ; но цѣль, въ которую онъ долженъ былъ отнынѣ направлять свои выстрѣлы, представляла собою уже не одно громадное дерево, а безконечное множество разбросанныхъ на далекое пространство кустарниковъ, разчистка которыхъ болѣе или менѣе незамѣтна, если даже порою и удается истреблять кой какіе изъ нихъ. Вмѣсто борьбы съ однимъ учрежденіемъ Тургеневу, пришлось начать походъ противъ сотень тысячъ отдѣльныхъ личностей. Въ романѣ «Дворянское гнѣздо», написанномъ еще прежде, мастерски изображена жизнь прежняго барства, лишенная того ореола, который дѣлаетъ ее такъ завидною въ глазахъ народа. Точно также и романъ «Отцы и Дѣти», въ которомъ Тургеневъ съ свойственною ему чуткостію схватилъ въ лицѣ Базарова одинъ изъ нарождавшихся тогда типовъ,—вѣрная картина дѣйствительности. Уже самая горячность, съ какой извѣстные литературные органы накинулись тогда на автора, доказывала, что Базаровъ далеко не чужой для насъ человѣкъ: къ чужимъ такъ горячо не относятся. Въ романѣ «Дымъ», дѣйствіе котораго происходитъ въ Баденъ-Баденѣ, Тургеневъ съ свойственнымъ ему искусствомъ изображаетъ всю ничтожность и пустоту той части нашей аристократіи, которая задаетъ, какъ говорится, тону, потому только, что ей удалось перенять за границею тонъ и манеры французскаго полусвѣта. Точно также замѣчательны въ этомъ романѣ и изображенія тѣхъ жалкихъ типовъ, съ которыми всѣмъ намъ, болѣе или менѣе, приходилось встрѣчаться въ дѣйствительности.

Мы не станемъ говорить о послѣднихъ, точно также какъ не упоминаемъ и о другихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ нашего знаменитаго писателя, потому-что имѣемъ въ виду не подробный разборъ всего, что́ было написано имъ въ теченіи почти тридцати лѣтъ, а только краткій очеркъ его блестящей и въ высшей степени полезной литературной дѣятельности.

Храмъ св. Николая въ Прагѣ.

Читателямъ «Нивы» извѣстно политическое движеніе въ Чехіи, развившееся преимущественно съ 1870 г., послѣ письма Ригра и Палацкаго, своевременно помѣщеннаго на страницахъ нашего журнала. Это стремленіе къ объединенію и автономіи народа и земель чешской короны ростетъ и крѣпнетъ постоянно. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительная часть населенія стала склоняться къ православію, но движеніе это не имѣло прочной точки опоры, пока столица Чехіи лишена была православной церкви. Радостное событіе освященія ея, какъ вѣроятно не забыли читатели, произошло въ томъ же 1870 году, съ большимъ торжествомъ, какъ со стороны чеховъ и тамошнихъ русскихъ, такъ и при заявленіяхъ сочувствія со стороны русской печати. Въ прошломъ году москвичи еще дѣятельнѣе заявили свое участіе къ дѣлу православія въ Чехіи, пославъ нашимъ братьямъ-славянамъ громадный колоколъ, для украшенія новаго храма.

Этотъ бывшій монастырскій храмъ на Николаевской площади (бывшемъ Курномъ торгу) построенъ въ минувшемъ столѣтіи знаменитѣйшемъ архитекторомъ Пражскимъ Яномъ Киліаномъ Диценгоферомъ, въ италіанскомъ стилѣ. Первое упоминовеніе о древнемъ храмѣ на мѣстѣ нынѣшняго относится къ 1273 году; это была древнѣйшая соборная церковь на такъ-называемимъ Старомъ мѣстѣ. Въ 1628 году она перешла Премонстратамъ Страховскимъ, которые уступили ее въ 1634 году бенедиктинцамъ Эммаусскаго монастыря. Они-то, по иниціативѣ Фердинанда Зубка изъ Биленберка, своего архіепископа, къ концу XVII столѣтія и въ XVIII столѣтіи воздвигли монастырское зданіе и нынѣшній великолѣпный храмъ на мѣстѣ старой церкви.

Императоръ Іосифъ II въ 1785 году упразднилъ монастырь и церковь; монастырь поступилъ въ казенное управленіе, а церковь купилъ пражскій магистратъ. По временамъ она служила кладовою, а въ 1865 году утверждена за бургомистромъ, докторомъ Вацлавомъ Бѣльскимъ. Въ 1870 году она была нанята русскими для православнаго Богослуженія и отдѣлана заново. Высокій куполъ ея съ восемью окнами и одной люцерной. Внутри храмъ отличается богатыми украшеніями и фресками Лиски и Ассама, которыя много потерпѣли отъ времени и небреженія.

Очерки сѣвера.

I.

Пустыня... глушь... кругомъ снѣга.
Повисло небо сѣрой тучей,
Порою стелется вьюга —
И злится словно звѣрь могучій
Въ желѣзной клѣткѣ на цѣпи...
Пройдетъ гроза — въ нѣмой степи
До новой бури тишина,
Нѣмаго ужаса полна.
А ночь настанетъ — издалека
Полнеба разомъ озаритъ —
Во тьмѣ не дремлющее око —
Полохъ загадочный горитъ.
То кинетъ полымя высоко,
То ляжетъ яркою дугой,
То вдругъ короной огневой,
Пустыни мертвыя вѣнчая,
Виситъ — таинственно мерцая...
Нѣмаго полюса сосѣдъ,
Дикарь унылый молчаливый,
Порою мчится самоѣдъ
Съ своей подругою сонливой.
Къ спинѣ прижавъ свои рога,
Его полярные олени
Мелькнутъ, не бросивъ даже тѣни
На озаренные снѣга...

II.

Съ гранитныхъ скалъ ползутъ туманы,
Сквозь ихъ разорванный покровъ
Порою видны караваны
Вдаль уносящихся валовъ...
Колоссъ пустыни каменистой,
Маякъ воскреснувшаго дня, —
Утесъ, въ лучахъ зари огнистой,
Сіяетъ, путника маня...

Надъ моремъ вѣчнаго тумана,
Въ недосягаемой чертѣ,
У колыбели океана,
Я здѣсь одинъ на высотѣ.
Одинъ... кругомъ въ тиши туманной
Я слышу волнъ далекихъ стонъ...
И мнится — въ хаосъ первозданный
Я незамѣтно унесенъ...

III.

Какъ хорошо! Повсюду, безъ границы —
Сверкающая гладь разлившейся рѣки,
Какъ лучъ мелькнетъ крыло полярной птицы
Да въ отдаленіи бѣлѣютъ челноки...

Ни облачка!.. Сіяетъ солнце ярко.
Разносится кругомъ какой-то смутный гулъ.
У берега скрипитъ оставленная барка,
На ней лохматый песъ свернулся и заснулъ.

Тамъ пѣсня тянется и тонетъ замирая...
Двина родимая, ты чудно хороша!
Какъ ты, могучая, оковы льда ломая —
На берегахъ твоихъ окрѣпнетъ мысль живая —
Ростетъ и ширится свободная душа...

IV.

Голубое небо... золотыя нивы...
А по нимъ, текучимъ серебромъ сверкая,
Говорливыхъ рѣчекъ яркіе извивы
И за синей далью — сторона лѣсная...
Весело!.. А въ сердцѣ лютою змѣею
Шевелится что-то... И сосетъ и мучитъ...
Эхъ, бойца, какъ видно, съ вьюгой да грозою
Голубое небо на-вѣкъ не разлучитъ...

V.

Бросили длинную тѣнь
Дикихъ утесовъ громады...
Мраченъ и пасмуренъ день,
Тучи... Ни искры отрады!..

Грезы о счастьи прошли.
Бродятъ суровыя мысли.
Стройныя ели вдали.
Въ сѣромъ туманѣ повисли.

Тишь... Непроглядная мгла...
Только и слышенъ порою —
Трепетный шелестъ крыла
Въ листьяхъ овѣянныхъ мглою.

Мохъ подъ ногами хруститъ...
Внизъ потянулось болото.
Стонъ надъ болотомъ стоитъ,
Словно тамъ мучится кто-то.

Стонъ въ чернолѣсьи. Кругомъ
Дикіе, скорбные звуки! —
Ахъ, это въ сердцѣ моемъ
Стоны печали и муки!..

VI.

Тихо сходитъ сумракъ синій...
Тихо гаснетъ день...
И ложится надъ пустыней
Невидимкой тѣнь.
Спятъ лѣсистыя долины —
И въ туманѣ ихъ
Словно плаваютъ вершины
Елей вѣковыхъ.
Тяжело и трудно дышешь.
Блекнетъ мысль твоя.
Человѣка не услышишь,
Не найдешь житья...
Путь ползетъ горой кремнистой,
И на встрѣчу мнѣ
Вѣетъ чащею смолистой...
Я тону во мглѣ...
Какъ подъ сводами темницы
Тишь въ лѣсахъ стоитъ.
Даже клекотъ хищной птицы
Ихъ не оживитъ...
Радъ бы пѣть — да не поется.
Каждый окликъ твой

И замретъ и оборвется
Въ тишинѣ лѣсной...
Тутъ зимою — словно море
Бѣлыя снѣга...
И гуляетъ на просторѣ
Вольная вьюга...

Фельетонъ.

Масляница. — Общій характеръ ея. — Клубы и публика ихъ. — Клубъ художниковъ и «Благородное» собраніе. — Гдѣ лучше? — Г-жи Паска и Делапортъ. — Купецъ Угорѣловъ, ежедневно путешествующій въ адъ.

Масляница въ полномъ разгарѣ. Въ воздухѣ пахнетъ не то ранней весной, не то поздней осенью. Дорога почернѣла и размѣсилась. Цѣлые потоки воды льютъ съ крышъ, увлекая въ своемъ теченіи груды полурастаявшаго льда и снѣга, которыя съ шумомъ проваливаются черезъ водосточныя трубы на тротуаръ и тѣмъ невольно заставляютъ вздрогнуть мирнаго прохожаго. На улицахъ нашей прекрасной столицы людно и шумно; кареты, перегоняя одна другую, съ замѣтнымъ трескомъ летятъ по проспекту; со всѣхъ сторонъ слышится пріятное позвякиванье бубенчиковъ на маленькихъ чухонскихъ лошадкахъ, развозящихъ катающуюся публику по стогнамъ Петербурга. Сыны угрюмой Финляндіи пріѣхали сюда изъ дальнихъ мѣстъ, верстъ за полтораста и болѣе, чтобы выручить десятокъ-другой рублей своимъ обыкновеннымъ масляничнымъ промысломъ. Они не дорожатся, разсчитывая зато выгадать на скорой ѣздѣ, да на щедрости катающихся, и дѣйствительно выигрываютъ, такъ-какъ, по обычаю, на масляницѣ чухонцамъ отдаютъ преимущество передъ городскими извощиками. Масса самыхъ разнообразныхъ удовольствій, начиная отъ бенефиса г-жи Аделины Патти и кончая катаньемъ на деревянныхъ лошадкахъ Адмиралтейской площади, ждутъ петербургскихъ жителей всякаго возраста и пола, званія и состоянія. Я, конечно, не могу поручиться, чтобы здѣсь не нашлось сотни-другой людей (а можетъ и болѣе), которые не только не воспользуются этими удовольствіями, но даже не возмечтаютъ о нихъ,—тѣмъ не менѣе эти удовольствія ждутъ и такихъ смертныхъ, открывая свои гостепріимныя объятія для всѣхъ кошельковъ безъ различія.

Наша публика веселится,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Очень многіе изъ петербургскихъ жителей пригоняютъ свои удовольствія къ масляницѣ, полагая для себя непремѣннымъ долгомъ побывать на этой недѣлѣ въ театрахъ и на адмиралтейской площади. Какая-то лихорадочная дѣятельность охватываетъ ихъ въ это время: съ самаго ранняго утра, цѣлыя толпы народа стоятъ у театровъ, ожидая открытія кассы; ни холодные утренники, ни дождь не дѣйствуютъ на нихъ. Молча, съ стоическимъ терпѣніемъ, выстаиваютъ онѣ свои три-четыре часа, продираются потомъ къ кассѣ и получаютъ желаемое. Барышники, перепродающіе билеты, пожинаютъ обильные сборы; извозщикамъ-троечникамъ также предстоитъ богатая пожива; комедіанты, танцоры, танцорки, всякіе пантомимные и говорящіе актеры, наѣздники и наѣздницы, промышляющіе своимъ искусствомъ, ждутъ масляницы съ нетерпѣніемъ: она приноситъ для нихъ и порядочный заработокъ, и шумное веселье. Залы клубовъ наполняются публикой до невозможности; утренніе и вечерніе спектакли нагрѣваютъ театральную температуру до 25 и болѣе градусовъ, не давая ей времени остыть; выѣхавъ въ 9 часовъ утра, петербуржецъ можетъ цѣлыя сутки не возвращаться домой, переѣзжая отъ одного удовольствія къ другому. День начинается для него блинами у Палкина; затѣмъ слѣдуетъ утренній балетный спектакль въ Большомъ театрѣ; затѣмъ обѣдъ; послѣ лицезрѣніе г-жи Шнейдеръ въ „Прекрасной Еленѣ", затѣмъ танцы въ одномъ изъ клубовъ или въ Орфеумѣ — смотря по вкусу и расположенію духа; наконецъ, partie de plaisir на тройкахъ къ Дороту. Чувствую я, о мой провинціальный читатель, что вы заподозриваете меня въ натяжкѣ, не предполагая, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ многіе изъ петербуржцевъ, такимъ образомъ наполняли свое время. Увы! еслибы вы только знали, какъ я правъ въ настоящемъ случаѣ! ибо я не только не преувеличиваю дѣйствительности, но напротивъ того, значительно смягчаю ея рѣзкіе штрихи и яркія краски. Я смягчу ихъ еще болѣе, указавъ на другую сторону медали, на болѣе разумное препровожденіе времени, представляемое тѣмъ-же Петербургомъ и на той-же масляной недѣлѣ. Для этого, мнѣ стóитъ только указать на нѣкоторые изъ нашихъ клубовъ, извѣстныхъ разнообразіемъ доставляемыхъ ими удовольствій, на французскіе спектакли съ г-жами Паскá и Делапортъ, да на лекціи въ Соляномъ Городкѣ. Изъ клубовъ лучшимъ и любимѣйшимъ, по прежнему, считается артистическій; это—сборище художниковъ, докторовъ, литераторовъ, адвокатовъ, инженеровъ и актеровъ. Не отличаясь ни хорошимъ помѣщеніемъ, ни расторопностью прислуги, ни чистымъ буфетомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, доставляетъ истинное удовольствіе для громаднаго числа своихъ посѣтителей. Въ извѣстные дни недѣли въ клубѣ бываютъ драматическія представленія, художественно-музыкальные вечера, съ пѣніемъ, игрою и живыми картинами, балы, маскарады, публичныя лекціи и проч. Въ музыкальной части принимаютъ участіе артисты и артистки русской и итальянской оперъ, извѣстные композиторы и знатоки музыки; въ постановкѣ картинъ—наши извѣстные художники; лекціи читаются по различнымъ предметамъ: по драматическому искусству, физикѣ, по исторіи и теоріи музыки. Но особенно блистательно и съ большою оригинальностью устраиваются тамъ маскарады въ костюмахъ разныхъ націй. Такъ-называемое «благородное собраніе» хотя пользуется гораздо лучшимъ помѣщеніемъ, но въ остальныхъ отношеніяхъ далеко уступаетъ клубу художниковъ; усердно посѣщается оно отставными военными, служащими чиновниками и офицерами различныхъ полковъ. Карты здѣсь въ большомъ почетѣ, тогда-какъ артистическимъ клубомъ онѣ почти изгнаны. Въ «благородномъ» собраніи играютъ не одни только мужчины, которые, какъ извѣстно, безъ картъ обойтись не могутъ, но и дамы.

Французскіе спектакли съ г-жами Паскá и Делапортъ доставляютъ рѣдкое наслажденіе для посѣтителей Михайловскаго театра. Давно на немъ не было такой осмысленной, тонкой и прочувствованной игры! Трудно отдать преимущество которой нибудь изъ нихъ! Болѣе безпристрастные изъ театральныхъ рецензентовъ воздаютъ должное каждой изъ этихъ актрисъ, воздерживаясь въ то же время отъ всякаго между ними сравненія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ та, такъ и другая имѣютъ свои лучшія и свои слабѣйшія стороны. Характеръ игры Паскá—нервный, выразительный до послѣдней мелочи, увлекающій до самозабвенія; у нея необыкновенно выразительное лицо, но слабость голосовыхъ средствъ. Г-жа Делапортъ отличается очень пріятною дикціею, тонкою игрой и граціозностью; ей болѣе удаются мѣста спокойныя, но трудныя по душевнымъ движеніямъ дѣйствующаго лица. Вообще, французская труппа въ нынѣшній сезонъ перещеголяла всѣ остальныя, и не мудрено, что сборы нынѣшняго года въ Михайловскомъ театрѣ превышаютъ сборы предшествующихъ лѣтъ.

Даже г. Бергъ мало по малу совершенствуетъ свой маленькій театръ. По обыкновенію, онъ воздвигнулъ на адмиралтейской площади балаганъ и въ немъ даетъ представленія, ежечасно повторяющіяся. Меня, лично, привлекло туда собственно только путешествіе купца Угорѣлова въ адъ, огромными литерами объявленное въ афишахъ.

Купецъ дѣйствительно отправляется въ картонный адъ, наполненный чертями и освѣщенный бенгальскимъ огнемъ; отправляется же онъ не самъ собою, а по волѣ наперстника сатаны, который подстерегаетъ каждый шагъ злополучнаго купца, чтобы тотчасъ-же увлечь его въ преисподнюю. Такое несчастіе постигло Угорѣлова за безпутную жизнь его на землѣ, за плутовство и всяческіе обманы. Оставленный друзьями и дамами своего несовсѣмъ нѣжнаго сердца, онъ однако и въ аду не теряется, хитростью выманиваетъ себѣ позволеніе отправиться на этотъ свѣтъ, и такимъ образомъ проводитъ даже «сыновъ злобы». Мораль сей басни та, что хотя картонный адъ и страшенъ, но Угорѣловымъ можно и отъ него избавиться. Изъ этого же само собою вытекаетъ заключеніе, что мѣсто ада по-настоящему, не въ преисподней нашей планеты, а на ея поверхности. Въ балаганѣ было много дѣтей, даже самыхъ маленькихъ.

Политическое обозрѣніе.

На прошедшей недѣлѣ телеграфъ принесъ извѣстія о покушеніи на жизнь князя Бисмарка и англійской королевы Викторіи. Въ обоихъ случаяхъ, дѣло не имѣло никакихъ серіозныхъ послѣдствій, такъ какъ преступники были схвачены, не успѣвъ еще сдѣлать ни одного выстрѣла. На жизнь кн. Бисмарка имѣлъ намѣреніе покуситься полякъ, уроженецъ Познани, по занятію аптекарскій помощникъ. Еще задолго до пріѣзда въ Берлинъ, онъ хвалился своимъ знакомымъ, что намѣренъ привести въ исполненіе задуманную имъ мысль, для чего пріобрѣлъ пистолетъ со всѣми необходимыми принадлежностями. Этотъ молодой человѣкъ служилъ долгое время въ папскихъ зуавахъ, а впослѣднее время проживалъ у одного польскаго ксендза въ Познани. Дружба его съ католическими священниками, а также религіозный фанатизмъ, которымъ онъ отличается, заставляютъ предполагать, что онъ служитъ орудіемъ католической партіи, сильно озлобленной противъ Бисмарка за его послѣднія дѣйствія въ вопросахъ церкви и школы. Берлинская полиція накрыла преступника у пономаря церкви св. Гедвиги, гдѣ онъ остановился по пріѣздѣ въ Берлинъ. Оружіе найдено при немъ. По поводу этого покушенія, произведены въ Познани у нѣкоторыхъ лицъ и въ іезуитскомъ монастырѣ обыски, причемъ найдены весьма важныя бумаги, но ничего относящагося къ дѣлу арестованнаго аптекаря не найдено. Молодой полякъ былъ подвергнутъ уже двумъ допросамъ. Для удобнѣйшаго выспрашиванія, къ нему въ казематъ, подъ видомъ преступника, помѣщенъ полицейскій агентъ. Дѣло, впрочемъ, еще нисколько не раскрыто, и берлинцы, наученные опытомъ, относятся къ нему съ недовѣріемъ.

Православная церковь св. Николая въ Прагѣ.
Рисовалъ В. Шпакъ.

Покушеніе на жизнь королевы Викторіи сдѣлано было ирландцемъ, также молодымъ человѣкомъ, выступившимъ противъ нея съ пистолетомъ въ рукѣ, въ то время, когда она проѣзжала въ экипажѣ по одной изъ улицъ Лондона. Полицейскіе успѣли во-время схватить преступника и тотчасъ же арестовали его. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, въ особенности замѣчательно то, что покушеніе совершено людьми враждебныхъ государству національностей, извѣстныхъ своею нетерпимостью въ религіозныхъ и всякихъ другихъ вопросахъ. Какъ ирландцы, такъ и поляки не могутъ удовольствоваться отношеніями, существующими между ими и правительствомъ, а потому всячески стараются напоминать о намѣреніи когда нибудь измѣнить эти отношенія въ свою пользу. Для этого, какъ у тѣхъ, такъ и другихъ, имѣются повсюду свои агенты, свои покровители и доброжелатели, поддерживающіе и распространяющіе сочувствіе къ этимъ двумъ націямъ. Стремленія феніевъ (ирландцевъ, стоящихъ за перерожденіе своей націи) находятъ для себя пріютъ въ Америкѣ, стремленія поляковъ—во Франціи и Швейцаріи.

Французское правительство до того встревожено происками бонапартистовъ и слухами о подготовляемомъ ими заговорѣ, что, не удовольствовавшись запрещеніемъ нѣсколькихъ газетъ, враждебныхъ республикѣ, рѣшилось внести въ Національное Собраніе проектъ закона, ограждающій правительство и палату отъ нападокъ со стороны печати и об-

щества. Этотъ проектъ былъ составленъ такъ ловко, что депутаты сначала не поняли въ чемъ дѣло и чуть было не наложили сами на себя рукъ. Но по мѣрѣ того какъ проектъ читался въ Собраніи и разъяснялся министромъ внутреннихъ дѣлъ, депутаты рѣзко раздѣлились на двѣ враждебныя другъ другу партіи. Одна изъ нихъ—республиканская—поняла проектъ такъ, что преслѣдованіе будетъ возбуждаться противъ однихъ только противниковъ республики, т. е. противъ монархистовъ, и что этой участи не подвергнутся крайніе республиканцы (радикалы), которые не теряютъ надежды посадить на мѣсто президента республики человѣка болѣе рѣшительнаго и либеральнаго. Другая партія—монархическая—возстала противъ проекта за то, что онъ берется преслѣдовать собственные ея интересы, а провозглашеніемъ преслѣдованій за нападки на правительство какъ бы утверждаетъ нынѣшнюю форму правленія навсегда. Допустить же этого она не хочетъ, не желая потерять почву подъ своими ногами. Голоса въ собраніи раздѣлились такимъ образомъ, что за проектъ, оказалось 267 человѣкъ, а противъ него 327; въ коммиссію же, назначенную для разсмотрѣнія этого проекта, выбрано противниковъ проекта 9, а сочувствующихъ ему только 6. Впрочемъ, при окончательномъ голосованіи, по всей вѣроятности, возьмутъ перевѣсъ сторонники проекта, такъ какъ число сочувствующихъ Тьеру и его политикѣ составляетъ въ Національномъ Собраніи единственную партію, которая можетъ разсчитывать на успѣхъ. Конечно, въ немъ найдется немало и противниковъ нынѣшняго правительства, но всѣ они разъединены различными интересами и дробятся на нѣсколько мелкихъ группъ, не могущихъ образовать большой и сильной партіи противниковъ правительства. Тьеру болѣе чѣмъ кому нибудь другому извѣстно такое состояніе палаты, и онъ дѣйствуетъ тутъ навѣрняка.

Не менѣе вѣроятенъ успѣхъ и другаго проекта, приготовленнаго правительствомъ. Дѣло идетъ о принятіи мѣръ противъ такъ называемаго «Международнаго Общества рабочихъ». (Association internationale des ouvriers). Правительство, вмѣстѣ съ парламентской коммиссіей, обсуждавшей этотъ проектъ, предлагаетъ подвергнуть преслѣдованію лицъ, состоящихъ членами этого общества, и такимъ образомъ не дать ему возможность распространиться во Франціи. По проекту, всякій французъ, который, послѣ обнародованія этого закона, сдѣлается членомъ Междунар. Общества или останется имъ, наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ 3 мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ и подвергается штрафу отъ 50—1,000 франковъ, съ лишеніемъ всѣхъ политическихъ, гражданскихъ и семейныхъ правъ. Наказанію подвергаются даже тѣ, которые дадутъ или наймутъ помѣщеніе для собраній Общества; на нихъ распространяется та же кара закона, но только въ меньшей мѣрѣ.

На Международное Общество воздвигнуто преслѣдованіе и со стороны испанскаго правительства, которое, не довольствуясь принятіемъ мѣръ внутри страны, предприняло противъ него еще дипломатическіе переговоры. При помощи своихъ представителей въ различныхъ странахъ, оно надѣется согласить правительства всѣхъ государствъ Европы—къ совмѣстному противодѣйствію распространенію Международнаго Общества, которое стремится къ общественнымъ и политическимъ переворотамъ, а потому не можетъ быть терпимо нигдѣ, не исключая и республикъ.

Смѣсь.

Гренландскіе метеорные камни.—Профессоръ стокгольмскаго университета Норденскьельдъ, находящійся теперь въ качествѣ путешественника въ Гетеборгѣ, на увѣренія, что открытые имъ въ прошломъ году въ Гренландіи и привезенные въ томъ же году въ Европу большіе метеоролиты не космическаго, но скорѣе теллурическаго происхожденія, или что они выдвинуты выступившимъ изъ внутренности земли базальтомъ, даетъ слѣдующій отвѣтъ, изъ котораго мы извлекаемъ главные результаты. «Привезенное изъ Гренландіи желѣзо заключаетъ въ себѣ смѣсь металлическаго угольнаго желѣза, фосфорно-никельнаго-желѣза, угле-водородныхъ соединеній и маленькихъ, рѣзко ограниченныхъ зернышекъ сѣрнистаго желѣза. Слѣдовательно, по своему составу оно совершенно одинаково съ тѣмъ желѣзомъ, которое найдено въ бѣлыхъ метеорныхъ камняхъ, но до такой степени отличается отъ всѣхъ признанныхъ теллурическими минераловъ, что за найденный въ твердыхъ скалахъ богатаго желѣзомъ Скандинавскаго полуострова одинъ кубическій дюймъ такого вещества, какъ описанный выше метеорный камень, я—говоритъ стокгольмскій профессоръ — безъ малѣйшей опасности могу обязаться и обязуюсь заплатить тысячу талеровъ. — Гренландское желѣзо образуетъ какъ бы аггрегатъ желѣзныхъ частичекъ, вполнѣ сходныхъ по своему строенію съ изслѣдованнымъ метеорнымъ желѣзомъ, но совершенно отличныхъ отъ желѣзной массы, получаемой посредствомъ плавленія. Также присутствіе зернистаго желѣза въ видѣ рѣзко ограниченныхъ зеренъ, втиснутыхъ въ остальную массу желѣза, и разрушающіяся уже при слабомъ нагрѣваніи органическія вещества, присущія гренландскому желѣзу, говорятъ противъ того, чтобы эти глыбы когда нибудь были подвержены температурѣ плавленія. Каково бы ни было происхожденіе этого желѣза, во всякомъ случаѣ оно произошло не посредствомъ изверженія. Интересно также было бы знать, какимъ образомъ объясняютъ появленіе желѣза изъ-подъ болѣе легкой базальтовой массы — процессъ требующій, по моему мнѣнію, такихъ законовъ тяготѣнія, по которымъ камни со дна морскаго могли бы вдругъ всплыть на поверхность воды. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что главная масса гренландскаго базальта состоитъ изъ затвердѣлыхъ слоевъ вулканической золы, но не изъ застывшихъ потоковъ лавы, и что въ такъ называемомъ «проходѣ», гдѣ встрѣчаются метеорные камни, найдены настоящіе «*pebbels*» (голыши) изъ базальта, доказывающіе, что этотъ проходъ образуетъ ущелье въ скалѣ, засыпанное сверху. Эти и многія другія данныя кажется довольно ясно доказываютъ: 1) что гренландское желѣзо, подобно всякому другому желѣзу, найденному до него на земной поверхности, метеорнаго происхожденія и что эта новая находка нисколько не опровергаетъ научныхъ теорій, выработанныхъ стоящими цѣлыхъ жизней изслѣдованіями ученыхъ, изъ числа которыхъ мы приведемъ напр. имена Хладни, Шрейбера, Брота, Гайдингера, Араго, Гумбольдта, Берцеліуса; 2) что это желѣзо упало сюда сверху, такъ какъ гренландскія базальтовыя горы образовались черезъ накопленіе громадныхъ массъ вулканической золы, впослѣдствіи окрѣпшей; 3) что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ метеоролиты, всаженные въ асфальтъ осколки желѣза обыкновенно образуютъ вновь затвердѣлые остатки желѣзныхъ глыбъ, подвергающіеся вывѣтриванію, подобно тому, какъ и теперь еще подвергаются ему эти желѣзныя глыбы, къ большому отчаянію собирателей.» (Привезенные Норденскьельдомъ въ прошломъ году маленькіе метеоролиты, хранящіеся въ минералогическомъ музеѣ Академіи Наукъ подъ стеклянными колпаками, начали уже вывѣтриваться).

Новое изобрѣтеніе.—Въ одной нѣмецкой газетѣ помѣщена корреспонденція изъ Геттингена объ изобрѣтеніи профессоромъ Кликерфусомъ, директоромъ тамошней обсерваторіи, гидрогалваническаго газо-зажигателя; изобрѣтеніе это получило патенты почти отъ всѣхъ государствъ. Съ помощію этого замѣчательнаго изобрѣтенія можно зажечь всѣ газовые рожки города, напр. Берлина, изъ одного пункта въ теченіи нѣсколькихъ секундъ и посредствомъ одного удара и съ такою же быстротою загасить. Уже много было дѣлано попытокъ къ достиженію этой цѣли, именно на подобнаго рода изобрѣтенія существуетъ нѣсколько американскихъ патентовъ, но всѣ они требуютъ элек-

трическаго привода и по дороговизнѣ и сложности исполненія оказывались непримѣнимыми. Профессоръ Клинкерфусъ избѣгаетъ особеннаго привода, и въ этомъ-то обстоятельствѣ заключается важность и достоинство этого изобрѣтенія. Маленькій, очень дешевый аппаратъ, который вставляется въ фонарь и находится въ сообщеніи съ газопроводной трубой и посредствомъ давленія газа приводится въ дѣйствіе или бездѣйствіе, есть единственный посредникъ для достиженія данной цѣли.

Эти аппараты, — съ тѣхъ поръ какъ манчестерская биржа рѣшилась ввести у себя изобрѣтеніе Клинкерфуса, — приготовляются тысячами въ механической мастерской Ламбрехта въ Геттингенѣ. Тамъ же находится заведеніе, гдѣ изобрѣтеніе профессора Клинкерфуса можетъ быть показываемо каждому, кто этимъ интересуется, посредствомъ большаго числа газовыхъ рожковъ внутри и снаружи зданія. Первый большой городъ, который воспользуется этимъ изобрѣтеніемъ и убѣдится въ достигаемомъ имъ значительномъ сокращеніи расходовъ по заработной платѣ и тратѣ газа, будетъ вѣроятно Брюссель; ходятъ слухи, что онъ уже вошелъ въ предварительныя соглашенія по этому поводу.

Нѣсколько словъ къ исторіи фортепіано. — Фортепіано по всей вѣроятности было изобрѣтено посредствомъ соединенія клавикордовъ и спинста Бартоломеемъ Христофоро въ 1711 году, но свое настоящее названіе оно получило только нѣсколько лѣтъ спустя, отъ одного нѣмецкаго инструментальнаго мастера Христофора Штретера; названіе это говоритъ, что на этомъ инструментѣ можно играть и громко (*forte*) и тихо (*piano*). Тоже самое названіе встрѣчается въ одномъ англійскомъ патентѣ, выданномъ въ 1730 г. нѣкоему Джону Гаррису, на новоизобрѣтенную гарпсихорду (арфу), на которой, такъ какъ она имѣла двойной наборъ струнъ, можно было брать то простые или двойные аккорды, то двойные аккорды, то *forte*, то *piano*, или на оборотъ, мгновенно переходя отъ одного къ другому, точно также какъ двойные басы, причемъ слѣдовало только прижимать клавиши. Первое употребленное въ Англіи фортепіано было вывезено изъ Германіи въ 1757 г., и десять лѣтъ спустя, въ Лондонѣ въ Ковентгардскомъ театрѣ о такомъ же фортепіано было объявлено какъ о новомъ инструментѣ. Первый относящійся къ фортепіано патентъ получилъ въ Англіи Стодартъ въ 1777 г., а слѣдующій—Бродвудъ въ 1783 г. Позднѣе число патентовъ стало очень значительно. Первое проданное фортепіано записано въ книгахъ Бродвуда въ 1771 г. Въ это время гарпсихорда — арфа, на которой играли посредствомъ маленькихъ деревянныхъ палочекъ — быстро была вытѣснена изъ моды фортепіаномъ, и скоро только и стали дѣлать, что этотъ новый, сначала далеко не популярный инструментъ. Первый патентъ на фортепіано, стоящее вертикально (пьянино), былъ данъ В. Стодарту въ 1795 г.; въ 1827 г. Соутуаль нѣсколько усовершенствовалъ его и назвалъ «*Cabinet*», — названіе, которое съ тѣхъ поръ и осталось за нимъ въ Англіи. Съ 1831 до 1851 г. фабрика Колларда продала около 32,000 фортепіанъ, фабрика Бродвуда 45,863. Въ 1853 году въ Англіи изготовлялось около 1,500 фортепіанъ въ недѣлю.

Въ самое новѣйшее время изъ Америки сообщали, что тамъ сдѣлано фортепіано безъ струнъ, представляющее значительное усовершенствованіе въ тонѣ, такъ какъ оно уничтожаетъ непріятное гуденіе струнъ. Струны замѣнены стальными шинами, объ которыя ударяются молоточки. Американскіе журналы очень хвалятъ этотъ инструментъ и особенно восхищаются его необыкновенно пріятнымъ тономъ. Это стальное фортепіано получило въ іюлѣ нынѣшняго года патентъ для Америки. Безъ сомнѣнія не замедлятъ появиться дальнѣйшія свѣденія объ этомъ интересномъ изобрѣтеніи.

2. **Мертвое море.** Какъ несправедливо дано Мертвому морю его названіе! восклицаетъ англійскій путешественникъ Тристрамъ въ описаніи своего путешествія. Въ нынѣшнемъ году я пробылъ нѣсколько недѣль на берегахъ этого моря. Я обошелъ одну часть его и изслѣдовалъ каждую трещину, каждую царапину на окружающихъ его скалахъ. Климатъ истинно великолѣпный. Нѣтъ ни одного мѣста въ цѣломъ свѣтѣ, которое сулило бы такъ много успѣха лечебному заведенію, какъ Аинъ Гидри. Теплыя и холодныя, соленыя и минеральныя воды, чудеснѣйшая зелень, водопады и журчащіе ручьи — все это тамъ на лицо, только для жизни и имущества нѣтъ тамъ безопасности. Есть много мѣстъ вблизи моря, гдѣ рѣки и ручьи свѣжей воды текутъ круглый годъ, а прѣсная вода бьетъ изъ земли не дальше какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моря. Тамъ гдѣ встрѣчается это явленіе, растенія и животныя водятся во множествѣ. Я собралъ 118 видовъ птицъ, изъ которыхъ многіе еще совершенно неизвѣстны. Окружающіе озеро тростникъ и оазы даютъ пріютъ млекпитающимъ 40 видовъ, а безчисленные виды тропическихъ и полутропическихъ растеній наполняютъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Богатая равнина Сафье покрыта почти до самаго берега индигомъ, маисомъ и ячменемъ, а финиковая пальма все еще развѣвается надъ устьемъ Арнона и Церки. Единственная причина горечи соленой воды—это большая соляная гора Уздумъ и сѣрные ключи, находящіеся на южномъ концѣ моря. Эта примѣсь соли и сѣры къ водѣ сразу убиваетъ рыбу, водящуюся въ прѣсной водѣ, которая идетъ въ море во множествѣ, а безчисленныя чайки, утки и гагары, летающія здѣсь повсемѣстно, могутъ быть пищею. Поэтому-то путешественнику нечего бояться относительно дальнѣйшаго изслѣдованія береговъ Мертваго моря. Онъ найдетъ избытокъ жизни, множество живописныхъ сценъ и ланшафтовъ и можетъ каждый вечеръ разбивать свою палатку у какого-нибудь ключа прѣсной воды.

Откровенный журналистъ. Газета «Демократъ», выходящая въ Пало-Альто въ штатѣ Джова, въ Америкѣ, стала давать съ нѣкотораго времени очень мало матеріала для чтенія, вслѣдствіе чего ея издатель и редакторъ извиняется передъ публикою слѣдующимъ образомъ: «Мы живемъ въ шести миляхъ отъ нашей конторы и должны ходить туда и оттуда во всякую погоду, въ солнце и въ дождь. Дома у насъ жена и четверо «беби» (дѣтей), а также разный рогатый скотъ, лошади, жеребята, свиньи, собаки и кошки, и за всѣми этими созданіями нужно смотрѣть надлежащимъ образомъ. Мы казначей графства, помощникъ актуаріуса, мировой судья, президентъ школьнаго совѣта, городской повѣренный, агентъ компаніи желѣзной дороги въ Мк. и Мо. и партнеръ В. I. Ши по адвокатскимъ дѣламъ. А тутъ еще недавно наша дорогая жена отняла отъ груди «беби», вслѣдствіе чего нашъ нашъ ночной покой былъ нѣкоторымъ образомъ нарушенъ. Однажды мы ходили въ церковь, что помѣшало нашей работѣ въ то воскресенье. А потомъ мы должны были хлопотать объ уплатѣ налоговъ и въ тоже самое время у насъ былъ такой насморкъ и зудъ, что мы чуть съума не сошли. Въ довершеніе всего этого вокругъ нашей конторы шатается всегда столько разнаго интереснаго народу, что о работѣ нечего и думать. Такъ вотъ, если какой-нибудь рачительный молодой человѣкъ или таковая же молодая дама — полъ не составляетъ для насъ никакого различія — подумаетъ, что она или онъ въ состояніи изготовлять при такихъ условіяхъ хорошую гатету, намъ остается только сказать, что мѣсто для него или нея открыто».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

О подпискѣ на журналъ «НИВА» въ 1872 году.

За два первые года (1870 и 1871 года) направленіе и составъ „Нивы" достаточно уже выяснились читающей публикѣ. Вступая въ третій годъ издательства и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы" въ 1872 году, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ поспѣшить высылкою своихъ требованій вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы". Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера, съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ „Парижскихъ модъ" на отдѣльныхъ полулистахъ.

Безъ доставки въ Петербургъ	**4** р.	Съ доставкою въ Петербургъ	**5** р.
Безъ доставки въ Москву	**4** » **50** к.	Для иногородныхъ съ перес. и упак.	**5** »

№ 10. 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 6 марта 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

О подпискѣ на журналъ «ПИВА» въ 1872 году.

За два первые года (1870 и 1871 года) направленіе и составъ „Нивы“ достаточно уже выяснились читающей публикѣ. Вступая въ третій годъ издательства и желая обезпечить нашимъ читателямъ своевременное полученіе нумеровъ „Нивы“ въ 1872 году, мы покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ поспѣшить высылкою своихъ требованій вмѣстѣ съ подписными деньгами прямо въ контору редакціи „Нивы“. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера, съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ „Парижскихъ модъ“ на отдѣльныхъ полулистахъ.

Безъ доставки въ Петербургъ	4 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	5 р.
Безъ доставки въ Москву	4 » 50 к.	Для иногородныхъ съ перес. и упак.	5 »

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

X.

Сиротка.

Хотя Московская губернія, вокругъ столицы и отличается картинностью видовъ, но живописное далеко не всегда бываетъ благодатнымъ. Перевалившись за Оку, переносишься какъ бы въ другую полосу. Тутъ и колосъ наливается полнѣе и зерно даетъ обильнѣе, ровнѣе стужа и жарче лѣто. Тамъ гдѣ плоше родится хлѣбъ, народъ издавна занимался разнымъ досужествомъ; по залежамъ желѣзной руды выработались толковые кузнецы изъ туляковъ; москвичи и ярославцы пошли по фа-

брикамъ, а въ самой что ни на есть хлѣбной сторонѣ народъ уродился черезъ-чуръ ужь простоватый. Смиренные да богомольные домосѣды составляли себѣ самое смутное понятіе объ столицѣ. Москва съ золотыми своими маковками въ ихъ розсказняхъ является чѣмъ-то вродѣ посада или села богатаго. Всякій мѣритъ на свой аршинъ, а эти люди едва-ли одинъ изъ сотни читали съ трудомъ церковную печать, письменное же художество для нихъ и совсѣмъ было диво. Помѣщики немногимъ чѣмъ стояли повыше крестьянъ. Любой властитель нѣсколькихъ сотъ жизней крестьянскихъ, мучась приливомъ крови отъ несваренія желудка, приписывалъ это посѣщеніямъ домоваго, который будто бы наваливаясь всей тяжестью мохнатой спины душилъ потѣхи ради. Насчетъ вѣдьмъ и оборотней, барчатамъ съ дѣтства набивали въ голову бездну разсказовъ одинъ другаго страшнѣе. Воеводы подъ пыткой домогались у мнимыхъ колдуновъ и колдуній сознанія во всѣхъ подробностяхъ дьявольской науки; хаживали съ ватагами настолько же суевѣрныхъ крестьянъ заколачивать клины въ трупы волшебниковъ, вырывая мертвыя тѣла изъ могилъ. Нетолько порчу на свадьбѣ, но и обращеніе жениха съ невѣстой въ волковъ или медвѣдей—цѣлыя провинціи считали достовѣрнѣй евангелія. Но преслѣдуя и истязая мнимыхъ колдуновъ, не давали спуску и не колдунамъ, били крѣпостныхъ чуть не до полусмерти за любой ничтожный проступокъ, сажали на цѣпь, въ колодку, рѣзали косы нетолько дворовымъ дѣвкамъ, а даже и сельскимъ по первому подозрѣнію въ шалостяхъ. Доставалось и домашнимъ. Самъ чуть не звѣрь, помѣщикъ, глава семейства, одинаково неразборчивый въ средствахъ, творилъ судъ и правду и надъ крѣпостными и надъ домашними. Привыкнувъ обращаться къ пособію кнута, этимъ орудіемъ исправленія, на конюшнѣ, глава семьи не стѣснялся подчивать и сожительницу съ дочерьми, не только сыновей.

Немудрено что жена не смѣла пикнуть при жизни супруга,—но, ставъ вдовой, тотчасъ же вступала въ роль усопшаго сожителя, вымещая на спинахъ его слугъ прежнія свои невзгоды. Бывали и такіе случаи, что утѣсненная при жизни супруга, вдовица дѣлалась грозой мужскаго населенія, покровительствуя изподтишка въ грабежѣ своимъ крестьянамъ и чужимъ бѣглымъ и дѣлая изъ этого укрывательства родъ промысла. Въ средѣ же мужскаго населенія вооруженный разбой былъ дѣломъ за урядъ.

Помѣщики нерѣдко наводили ужасъ на цѣлый уѣздъ подобными подвигами, для усмиренія которыхъ правительство отправляло цѣлыя воинскія команды съ артиллеріей. Что же касается перепахиванія межь и оттягиванія чужихъ пустошей, то это были такія мелочи, о которыхъ не стоило и говорить, да и трудно было найдти управу. Потрава луговъ сосѣдскихъ нетолько во время охоты, но во всякое время, чаще всего ограничивалась отмѣсткою, если потерпѣвшій считалъ себя въ силахъ сквитаться. Слабые только ругались да сѣкли немилосердно своихъ же крестьянъ, отводя на нихъ свое сердце и предпочитая удерживаться отъ тяжбы, тянувшейся десятки лѣтъ и высасывавшей достатки и у истца и у отвѣтчика. Полное безправіе, произволъ человѣка надъ человѣкомъ, и торжество грубой силы достигли крайняго предѣла въ дни кроткой Елисаветы.

Екатеринѣ II, съ ея гуманными идеями, приходилось этихъ звѣрей обратить къ сознанію, что они — люди. Странно, ошеломляя, зазвучали въ ушахъ дворянства слова манифеста 15 декабря 1766 года о созваніи депутатовъ въ коммиссію уложенія. Среди полнаго затишья или полнаго забвенія со стороны зарвавшихся самоуправцевъ, вдругъ будто громъ съ яснаго неба раздались призывныя слова монархини ко всѣмъ сословіямъ о добровольномъ выборѣ изъ среды своей достойныхъ представителей, которые были бы въ состояніи обсуждать пользу и вредъ государственные, выяснять отягощеніе сословій и причины его, могли бы предложить мѣры къ облегченію своихъ довѣрителей, не возлагая бремени на другихъ.

Задача была не легкая вообще; по новости же подобнаго запроса, ее и вовсе не понимали. Какъ выбирать? Кого выбирать? Для чего выбирать? На эти вопросы почти никто не могъ отвѣчать, не выключая и воеводъ по уѣздамъ, которыхъ губернаторы поспѣшили вызвать въ свои резиденціи, чтобы настроить ихъ хотя для открытія дѣйствій.

Пуще всего и грознѣе всего оказывалась невозможность отложить въ долгій ящикъ. Строго-на-строго приказано было неотложно произвести эти загадочные выборы. Передъ самымъ рождествомъ воеводы разослали посыльныхъ за всѣми *испомѣщенными* въ ихъ уѣздахъ, чтобы явились непремѣнно на праздники въ городъ всѣ огуломъ.

Надъ рѣчкой Апраней, по обоимъ скатамъ косогора расползлось большое село Глазово, съ сотней слишкомъ дворовъ и потемнѣлой старинной церковью. За погостомъ кряду начинались обширные луга и пашни, по всхолмленной мѣстности, между серебряными изгибами рѣчки, мѣстами глубокой съ отвѣсными тѣнистыми обрывами, поросшими дубнякомъ да липой, то мелкой въ чуть-примѣтныхъ берегахъ, дававшихъ возможность въ половодь весною далеко выступать водѣ и заливать поемныя луга. Лѣтомъ, въ ту пору когда рожь начинаетъ колоситься, съ горы отъ барской усадьбы, видъ Глазова съ окрестностями, былъ очарователенъ; но въ описываемую пору, матовый пологъ снѣга, скрадывая неровности, сокращалъ планы панорамы—и грустно - унылый зимній видъ изъ оконъ барскаго дома какъ нельзя болѣе подходилъ къ положенію помѣщицы, которую ни-вѣсть откуда и какъ назначенный опекунъ забралъ въ свои руки, не обращая вниманія на ея жалобы. Сила Силычъ Галдилинъ былъ тертый калачъ, знавшій кого и чѣмъ ублаготворить, чтобы затѣмъ никого уже не бояться и не встрѣчать препоны своимъ видамъ и распоряженіямъ; а эти виды и распоряженія клонились къ тому, чтобы обратить достатокъ опекаемыхъ въ собственность приставленнаго опекуна. Законной наслѣдницей была Аграфена Александровна Красухина, единственная дочь каширскаго дворянина, рано умершаго въ чинѣ сержанта. Вдова мать не имѣла близкихъ родныхъ въ этой губерніи, да и покойный мужъ ея оказывался послѣднимъ въ родѣ. Имѣньице было хоть куда и, при старинномъ безденежьи и недостаткѣ случаевъ тратиться въ деревнѣ, могло съ избыткомъ покрывать всѣ житейскія требованія владѣльцевъ. Но при образцовомъ управленіи опекуна, оно заставляло владѣлицу съ матерью нуждаться и крѣпко нуждаться. Видя безполезность жалобъ, оставляемыхъ безъ движенія мѣстными властями, мать покорилась судьбѣ, затаивъ на своемъ сердцѣ обиду и относясь къ Галдилину совершенно равнодушно, чтобы не сказать презрительно. Наслѣдница приближалась уже къ совершеннолѣтію, тѣмъ не менѣе она, какъ и всѣ въ домѣ трепетала передъ

своимъ опекуномъ, не позволявшимъ ей шагу сдѣлать безъ его приказа. Онъ думалъ, что, дѣйствуя такъ, обезпечиваетъ себя вполнѣ отъ всякихъ попытокъ свергнуть его тяжелое иго.

Но пришелъ часъ призадуматься и этому самоуправцу. Галдилинъ, съ трудомъ подписывая свою фамилію, былъ одержимъ суевѣрнымъ страхомъ ко всему писанному, въ особенности же исходящему отъ предержащей власти. И вотъ, какъ нарочно, передъ самыми праздниками, пришло разомъ двѣ бумаги; впрочемъ и всякій другой на его мѣстѣ призадумался бы, такъ какъ предстояло явиться лично и одновременно въ два разные города, по строжайшему вызову воеводъ Веневскаго и Каширскаго.

— Чтобы это значило? Что за напасть? ломалъ себѣ голову помѣщикъ, перебирая въ умѣ всѣ неблаговидные поступки, за которые ожидалъ онъ возможности быть призваннымъ къ суду.

Ближайшимъ совѣтникомъ и единственнымъ авторитетомъ, рѣшенія котораго проливали надлежащій свѣтъ въ затруднительныхъ случаяхъ, у Галдилина былъ попъ Матвѣй. Безъ призыва его не обошлось и на этотъ разъ.

— Разбери-ка, отецъ, вотъ эту грамотку, говорилъ Сила Силычъ, сидя противъ священника, за столомъ, уставленнымъ наливками, грибками, рыбой и прочими постными закусками, — какъ ты думаешь: что бы это значило? для какой потребы?

— Ровно бы по требованіямъ высшей власти, пробѣжавъ глазами и складывая повѣстку, рѣшилъ священникъ.

— Ну, а это — отъ Каширскаго-то?

Отецъ Матвѣй не долго думалъ, прямо замѣтивъ, что это слово въ слово одно и то же.

— Да ты, Сила Силычъ, не опасайся, прибавилъ онъ, проглатывая рюмку терновки и шаря вилкой въ рыжикахъ, — по всѣмъ вотчинамъ такія грамотки разосланы.

— А ко мнѣ-то зачѣмъ двѣ?

— Да вѣдь у тебя свое-то въ веневскомъ уѣздѣ— ты туда и поѣзжай; а въ Каширу-то Красухины съѣздятъ?..

— Да ты, батюшка, отъ себя это говоришь, али научилъ кто? внезапно побагровѣвъ, закричалъ Галдилинъ, — какъ можно ихъ пускать? Со всѣхъ вотчинъ съѣдутся — мало ли какіе озорники. Бабамъ-то въ уши нашепчутъ, что послѣ и не расхлебаешь...

Попъ Матвѣй, хотя и хорошо зналъ Галдилина, всякій разъ вздрагивалъ и терялся при раскатахъ его голоса.

— А коли въ два мѣста ѣхать и разомъ быть нельзя, ты въ одномъ-то хоть запишись что былъ... заговорилъ онъ, усиленно мигая и опустивъ руку, потянувшуюся-было еще за рюмкой: — это конечно не резонъ ихъ пущать, можетъ и по опекѣ что всплыветъ...

— Ну, то-то! а я про что? захохоталъ Сила Силычъ, у котораго переходы изъ одного настроенія въ другое дѣлались грубо и рѣзко, точно прыжками.

— А только сумнѣнія не имѣй, успокоительно проговорилъ отецъ Матвѣй, крякнувъ и смѣло наливая себѣ: — слышалъ я позавчера въ городѣ — тутъ что-то особенное, баяли что на службу станутъ выбирать дворяне другъ друга... Ополченіе надо быть-..

— Ну такъ какъ же не самому ѣхать! ужь извѣстно, коли нашъ уѣздъ выбирать станетъ — когожь какъ не меня?

— Оно конечно, поддакнулъ попъ, — окромя тебя кого же, — ты у насъ первый человѣкъ.

Сила Силычъ порѣшилъ ѣхать въ Каширу. Въ Веневѣ подъячіе знакомые, вслучаѣ чего не выдадутъ; а въ Каширу впервый разъ требуютъ — воевода новый. Галдилинъ тотчасъ же велѣлъ закладать лошадей, чтобы до обѣда поспѣть.

Пока въ домѣ шли сборы, на покатомъ берегу Апрани хлопотали двѣ молодыя дѣвушки. Одна — покрытая темнымъ вязанымъ платочкомъ, въ суконной шубейкѣ на заячьемъ мѣху, въ теплыхъ котахъ и варешкахъ, маленькая, стройная даже въ неуклюжемъ зимнемъ нарядѣ, раскраснѣвшаяся на холодѣ; другая—въ нагольномъ тулупчикѣ и крестьянскихъ валенкахъ. Утро было ясное, морозное, рѣзкій холодъ покусывалъ носъ и щеки, захватывая дыханіе. Не смотря на то, обѣ дѣвушки съ коромыслами на плечахъ, дружно схватясь за руки, сбѣгали на рѣку къ синеватой проруби, зачерпывали ведра, медленно взбирались назадъ въ гору и остановясь на вершинѣ берега, съ звонкимъ смѣхомъ обдавали водою расчищенную обледенѣлую полоску ската.

— Нѣтъ, ужь воля ваша, Аграфена Александровна, это дѣло надо бросить!.. говорила дворовая, въ послѣдній разъ окативъ гору и дуя себѣ въ красныя руки, — шутка ли ведеръ сорокъ опростали нынче, а толку все нѣтъ... Это и до втораго пришествія не поспѣетъ...

— Погоди, Маша, степенно отвѣчала молодая помѣщица,—знаешь: курочка по зернышку клюетъ, сыта бываетъ... А на сѣнокосѣ-то вонъ траву по грядкѣ сгребаютъ, глядишь какой стожище выростятъ... Такъ-то и наша гора — помаленьку, помаленьку — а на праздникахъ бери салазки да и катайся на здоровье...

Она остановилась, оправляя выбившіеся изъ-подъ платочка русые волосы на вискахъ, и глядя на Машу такимъ важнымъ, даже строгимъ взглядомъ, между тѣмъ какъ маленькій ротъ ея чуть примѣтно улыбался, что Маша не выдержала...

— Ой, пусто вамъ, и смѣхъ и грѣхъ съ вами! засмѣялась она, хлопнувъ обѣими руками объ полы тулупа, — гляди, нашъ-то пронюхаетъ, накроетъ насъ тута, — достанется и мнѣ съ вами...

— Ну, небойсь! Богъ не выдастъ... съ тою же сдержанностью начала была Груня и вдругъ осѣклась, посмѣиваясь мысленному окончанію рѣчи.

Маша такъ и покатилась со смѣху; обѣ подруги, снова взявшись за руки, побѣжали подъ гору, весело переговариваясь въ ладъ качающимся ведрамъ.

— Стой, Маша!.. держи меня! вдругъ вскрикнула барышня, прислушиваясь на бѣгу и крѣпче уцѣпясь за руку подруги,—садись милая на земь!.. хоронись... отъ мосту лицомъ-то! отвернись отъ мосту, говорятъ!.. и Маша, невольно подчиняясь барышнѣ, присѣла рядомъ съ ней на корточки, тихонько хихикая и пряча голову. По-надъ берегомъ бренчали бубенчики—и скоро на мостъ выкатила знакомая обѣимъ рогожная кибитка тройкой саврасокъ, съ Титомъ на облучкѣ. Посвистывая, да помахивая кнутомъ, кучеръ Титъ скоро управилъ коней въ гору на тотъ берегъ—и кибитка, нырнувъ раза два въ ухабахъ, исчезла на поворотѣ...

— Слава-те Господи! слава-те, Господи!.. быстро крестясь бормотала Маша, — вотъ было за словомъ-то!.. словно накликали!.. Слава Богу, пронесло стороной!..

— Эка ты!.. укоризненно качая головой, произнесла барышня:—и труслива-жь ты, какъ я погляжу... Ну, теперь къ дому!.. Теперь вольные казаки... Живо!.. Матушка чай заждалась...

И обѣ, сильно и часто дыша, стали взбираться въ гору, проваливаясь по насту, спотыкаясь кое-гдѣ въ рыхломъ снѣгу и тяжело ступая въ сугробахъ.

Груня бросила ведра на крыльцѣ и прямо не раздѣваясь прошла къ матери. Вдова сидѣла на лежанкѣ, съ начатымъ чулкомъ въ рукахъ, и медленно перебирала спицами, понуривъ голову. Во всей ея осанкѣ, въ раннихъ морщинахъ еще не стараго лица сквозила забитость и тупая покорность судьбѣ. Она ласково глядѣла на дочь, пока та раскутывалась.

— Ну, что, матушка, отлегло немножко на сердцѣ? обратилась къ ней Груня, сбрасывая платокъ и давая волю длиннымъ русымъ косамъ, которыя словно двѣ чешуйчатыя змѣи прилегли къ спинѣ молодой дѣвушки.—Унесло грозу-то? Пояснила она, ласкаясь къ матери, — сама видѣла, какъ уѣхалъ...

— Ой, ужь полно тебѣ, дѣвонька! отозвалась та, робко улыбаясь, — что за жизнь!.. кабы не ты — давно бы руки на себя наложила .. что за жизнь!..

— И, что ты что, милая, золотая!.. произнесла Груня, нѣжно прикасаясь обѣими руками къ вискамъ вдовы и цѣлуя ее въ лобъ, — потерпимъ, все перемелется!.. Не вѣкъ же ему вѣковать — придетъ и наше времячко... Дождемся; ты гляди на меня — живу не тужу!..

Вдова пугливо посмотрѣла на нее и покачала головой.

— И въ кого ты у меня такая уродилась! вдумчиво проговорила она, — погляжу я на тебя и не разберу: умна ты ужь не вмѣру или это простота у тебя... Всего осмнадцатый годокъ пошолъ съ Покрова, а иногда то скажетъ... то скажетъ, что и старому впору...

— Состаришься въ четырехъ стѣнахъ да на тебя глядючи, шутливо сказала Груня, прижимаясь къ матери.

— Кажется, посватайся за тебя кто, продолжала мать, не слушая ея, — за перваго встрѣчнаго отдала бы — только спаси ты ее отъ этого коршуна, прости Господи!..

— Я за перваго-то встрѣчнаго не пойду, матушка, все также просто и сдержанно говорила Груня,—а отъ коршуна, Богъ дастъ, и сами отсидимся... Что радости за незнамаго-то идти? — Коршуна на коршуна мѣнять — только и всего... Постой ка, сейчасъ прибѣгу къ тебѣ, потолкуемъ ладкомъ...

И засмѣявшись громкимъ дѣвичьимъ смѣхомъ, Груня пробѣжала къ маленькой коморкѣ возлѣ людской; по хорошенькому личику ея скользнуло какое-то болѣзненное содраганіе, когда она отворяла маленькую дверь этой темной, сырой коморки. Тамъ на полу, на соломѣ, въ рубищѣ, въ кандалахъ, сидѣла блѣдная изможденная женщина, склонясь и дремля надъ какой-то заказной работой. Она такъ и вздрогнула при входѣ Груни, и торопливо засновала иголкой.

— Уѣхалъ, Дарьюшка, давай мнѣ шитье-то, а сама ложись-ко спи!.. радостно говорила Груня.—Ну, ну не отговаривайся — знаю, третьи сутки маешься... Давай, давай!

Женщина протянула ей исхудалыя руки съ шитьемъ, и прошептавъ что-то непонятное, въ совершенномъ безсиліи опустилась на солому. Дарья была подъ наказаніемъ у Силы Силыча, за побѣгъ и попытку къ самоубійству.

Забравъ шитье и вернувшись къ матери, Груня сѣла у ногъ ея, разложила работу на колѣнахъ и принялась усердно тачать грубую ткань.

— Скоро праздники, матушка, говорила она, улыбаясь по обыкновенію одними губами, — вотъ и я съ обновкой; провела коршуна-то нашего. Такая гора будетъ на святкахъ, что просто загляденье. Чуть смеркнется, я тебя сейчасъ въ охапку, въ саночки да и на рѣку...

Мать молча любовалась единственнымъ своимъ дѣтищемъ, единственнымъ утѣшеніемъ. Маленькая, тоненькая, бѣлолицая съ нѣжнымъ румянцемъ, мелкими и вмѣстѣ характерными чертами лица, — съ большими не по лѣтамъ серіозными, свѣтлыми сѣрыми глазами, подъ троекратнымъ изломомъ тонкихъ бровей, Груня, сама того не зная, была очаровательнымъ взрослымъ ребенкомъ. Въ хорошенькомъ личикѣ ея попеременно просвѣчивали то дитя, то женщина...

Долго бесѣдовала еще Груня съ матерью о томъ, какъ будутъ они коротать время на праздникахъ; но предположеніямъ ихъ не суждено было сбыться.

Черезъ нѣсколько дней торжествующій Галдилинъ возвратился домой и отдалъ приказъ Грунѣ съ матерью собираться къ новому году въ Москву.

Вмѣсто прежнихъ, въ головахъ ихъ заронились новые, неожиданные планы и соображенія.

Вся дорога до Серпухова, а въ особенности отъ Серпухова кишила рядами обозовъ — и все это тянулось въ Москву. Изъ каждой усадьбы, кромѣ барской повозки и возовъ со съѣстнымъ, на нѣсколькихъ дровняхъ плелась прислуга. На постоялыхъ дворахъ не было мѣста для ночлеговъ даже помѣщикамъ. Принуждены были спать въ повозкахъ. Спасибо, что шубъ, да мѣховыхъ одѣялъ, всѣ набрали достаточное количество, а то бы пропадать на дорогѣ, особенно мелкомѣстнымъ или безчиновнымъ, которые при встрѣчѣ съ чиновными людьми по неимѣнію мундира должны были играть роль почти такую какъ челядинцы; а челядь, всякаго лица чувствовавшаго свою силу, была дерзка и нахальна, такъ что хотя бы мѣсто въ избѣ и было, но неслужившему не приходилось и переступать черезъ порогъ, а не то что равняться съ облеченными въ форменный кафтанъ при шпагѣ. Неукротимый Галдилинъ изъ опыта вынесъ это горькое убѣжденіе на первомъ же ночлегѣ, а ихъ пришлось сдѣлать до Москвы три.

Добрались наконецъ до Бѣлокаменной — и тутъ-то дорожныя неудобства представились цвѣточками передъ тяжелымъ испытаніемъ, какимъ оказалось отыскиваніе квартиръ въ столицѣ. Пора зимняя, а домовъ для найма и въ обыкновенное время не отыскивалось десятками.

Наконецъ ужь староста глазовскій надоумилъ барина ѣхать къ хлѣбному торговцу Молчалину - Хмурову, который издавна скупалъ у нихъ рожь, овесъ и прочія произведенія села Глазова. Но Хмуровъ не пустилъ къ себѣ на дворъ суетныхъ мірянъ, а переговоривъ съ матерью Марфой, отправилъ ихъ въ глушь Замоскворѣчья къ Коржавинымъ — и только тамъ, уже къ вечеру, нашли себѣ пріютъ пріѣзжіе степняки.

(Продолженіе будетъ).

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Настоящій военный министръ, десять послѣднихъ лѣтъ ведущій свою часть по пути благодѣтельныхъ реформъ къ лучшему, во всѣ времена заслужилъ бы лестную репутацію мастера своего дѣла, дѣльца въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Онъ вполнѣ подходитъ подъ типъ государственнаго человѣка современныхъ понятій, когда дальновидною политикою считается не образъ дѣйствій, построенный на обманѣ и полнѣйшемъ разладѣ слова съ дѣломъ — какъ было въ XVIII вѣкѣ, а разумное слѣдованіе принятой системѣ, безъ скачковъ и уклоненій.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ родился въ Москвѣ въ 1816 году, и въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ получилъ воспитаніе, вступивъ на поприще спеціальнаго авторства еще до окончанія курса ученія. Въ 1871 году онъ составилъ и издалъ извлеченіе изъ классныхъ записокъ по геодезіи подъ заглавіемъ «руководство къ съемкѣ плановъ». По этому образчику его пониманія предмета еще въ лѣта юности, можно судить о серіозномъ настроеніи его мыслей и спокойной обдуманности дѣйствій, — что составляетъ замѣтную черту въ сложившемся съ лѣтами характерѣ.

По окончаніи курса наукъ въ пансіонѣ, Дмитрій Алексѣевичъ посвятилъ себя военной службѣ, и поступивъ въ 1833 году юнкеромъ въ гвардейскую артиллерію, былъ произведенъ въ офицеры въ ноябрѣ того же года. Не довольствуясь своими познаніями, онъ хотѣлъ получить спеціальное образованіе, и въ 1836 году сталъ слушать курсъ практическаго отдѣленія военной (нынѣ Николаевской генеральнаго штаба) академіи. Окончивъ его въ 1839 году съ успѣхомъ, онъ тотчасъ же отпросился въ дѣйствующую армію, и былъ прикомандированъ къ войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Съ этого года начинается боевая служба Милютина и знакомство его съ Кавказомъ.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.
Военный министръ.
Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ О. Ротъ.

Будучи подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба, онъ присоединился для пріобрѣтенія военной опытности къ отряду генералъ-адъютанта Граббе и участвовалъ во всѣхъ его дѣлахъ, между прочимъ при взятіи 23 августа неприступнаго Ахульго, резиденціи Шамиля, и въ дѣлѣ при Ахметъ-Тала 10 мая того же года, гдѣ и былъ раненъ пулей въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости.

Въ 1843 году Дмитрій Алексѣевичъ снова отправился на Кавказъ для занятія трудной должности оберъ-квартирмейстера войскъ Кавказской линіи и оставался въ этой должности до конца 1844 года, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ чеченскаго отряда, въ званіи оберъ-квартирмейстера.

По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ получилъ каѳедру военной географіи въ военной академіи.

Съ этого времени до 1856 г. продолжается періодъ военно-ученой и литературной дѣятельности Дмитрія Алексѣевича, оставившей по себѣ не менѣе замѣчательные слѣды, какъ и административная дѣятельность. Многосторонне и научно-образованный, онъ усердно занялся преподаваемымъ предметомъ—и изъ этой довольно неопредѣленной отрасли науки создалъ науку новую, самостоятельную — военную статистику.

По этому предмету издалъ онъ въ 1847 году сочиненіе «Опыты военной статистики», содержавшіе въ себѣ вступленіе въ эту науку и военно-статистическій обзоръ Пруссіи; но намъ приходится жалѣть, что до сихъ поръ не появились въ печати полное собраніе записокъ, по которымъ Дмитрій Алексѣевичъ читалъ этотъ предметъ въ Академіи. Смерть извѣстнаго военно-историческаго писателя нашего, Михайловскаго-Данилевскаго, вызвала Милютина на трудъ еще важнѣйшій — «Описаніе похода Суворова въ 1899 году». Получивъ послѣ покойнаго Данилевскаго заготовленные имъ для этого

матеріалы, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ тщательно разсмотрѣлъ ихъ, критически оцѣнилъ, и на основаніи болѣе достовѣрныхъ изъ нихъ составилъ описаніе похода, считающееся одною изъ самыхъ полныхъ и серіозныхъ военно-историческихъ монографій во всей европейской военной литературѣ.

Кромѣ этого капитальнаго труда Дмитрій Алексѣевичъ написалъ цѣлый рядъ военно-ученыхъ статей: «Объ аттакѣ и оборонѣ мѣстныхъ предметовъ», «Описаніе военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ въ 1839 году» и проч.

Въ 1848 году Д. А. Милютинъ былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при военномъ министрѣ и членомъ ученаго комитета главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Въ 1854 году произведенный въ генералъ-маіоры, онъ на слѣдующій годъ былъ назначенъ въ Свиту Его Императорскаго Величества, а вслѣдъ за тѣмъ по просьбѣ кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго войсками на Кавказѣ, князя Александра Ивановича Барятинскаго, былъ взятъ имъ въ помощники и назначенъ начальникомъ штаба кавказской арміи. Послѣдующія обстоятельства показали, что онъ не ошибся въ выборѣ, такъ какъ дѣятельность г. Милютина на этомъ постѣ была въ высшей степени полезна и благотворна.

Въ продолженіи всей этой блестящей эпохи кавказской войны, Дмитрій Алексѣевичъ, какъ начальникъ главнаго штаба кавказской арміи, былъ ближайшимъ помощникомъ главнокомандующаго. Онъ слѣдилъ за дѣйствіями отдѣльныхъ отрядовъ, онъ составлялъ общій планъ кампаніи, который былъ составленъ такъ искусно, а результаты его были такъ блестящи, что имена князя А. И. Барятинскаго и Д. А. Милютина должны стоять нераздѣльно, какъ имена главныхъ виновниковъ завоеванія и умиротворенія Кавказа. Въ 1859 г. Дмитрій Алексѣевичъ находился при войскахъ чеченскаго отряда, когда происходило движеніе на нагорный Дагестанъ, окончившееся взятіемъ Гуниба и плѣномъ Шамиля; а въ слѣдующемъ 1860 г., обозрѣвая отряды, дѣйствовавшіе въ Кубанской области, онъ участвовалъ въ дѣлахъ шапсугскаго отряда.

Въ томъ же году Государю Императору угодно было назначить Дмитрія Алексѣевича товарищемъ военнаго министра — и это назначеніе было справедливымъ вознагражденіемъ всѣхъ оказанныхъ имъ заслугъ. Въ слѣдующемъ году, во время отъѣзда министра, генералъ адъютанта Сухазанета, заграницу, онъ временно управлялъ министерствомъ, а 9-го ноября того же года самъ назначенъ военнымъ министромъ.

Съ этого времени, для административной дѣятельности генерала Милютина открывается болѣе обширный кругъ. Со вступленіемъ его въ управленіе, военное министерство быстро двинулось впередъ, потому что Дмитрій Алексѣевичъ, какъ вездѣ, такъ и здѣсь вполнѣ оправдалъ довѣренность Монарха и надежды возлагавшіяся на него всею Россіею. Время его управленія ознаменовалось цѣлымъ рядомъ реформъ, потребность которыхъ уже чувствовалась давно, и введеніе ихъ навсегда обезпечило правильное развитіе и организацію нашихъ военныхъ силъ. Усовершенствованіе снаряженія и вооруженія русской арміи; улучшеніе матеріальнаго быта нижнихъ чиновъ; измѣненіе правилъ рекрутскихъ наборовъ и ожидаемая теперь общая повинность; упрощеніе обученія рекрутъ; реформа военно-учебныхъ заведеній; реформы по коммисаріатскимъ провіантскимъ частямъ; наконецъ, новая организація арміи и военнаго управленія, съ цѣлію устранить излишнюю централизацію, и пр.,—вотъ цѣлый рядъ реформъ, которыми мы обязаны управленію военнымъ министерствомъ генерала Милютина. Какъ самыя реформы такъ и слѣдствія ихъ достаточно свидѣтельствуютъ о способностяхъ человѣка поставленнаго во главѣ военнаго министерства и о заслугахъ его передъ Государемъ и Отечествомъ.

Біографію Дмитрія Алексѣевича мы закончимъ послѣднимъ Высочайшимъ рескриптомъ.

«Дмитрій Алексѣевичъ. Сегодня, въ день празднованія 50 лѣтняго юбилея Корпуса Военныхъ топографовъ и Военно Топографическаго Училища, Я съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаю вниманіе свое на полезной дѣятельности этихъ учрежденій, которыя, стремясь неизмѣнно къ цѣли, указанной Высокимъ учредителемъ, въ послѣднее десятилѣтіе, подъ руководствомъ вашимъ, достигли желаемыхъ успѣховъ, въ чемъ Я неоднократно имѣлъ случай лично убѣдиться, при ежегодныхъ осмотрахъ произведенныхъ работъ и новыхъ усовершенствованій по частямъ топографической и картографической. Настоящій юбилейный праздникъ одного изъ учрежденій, входящихъ въ составъ ввѣреннаго вамъ вѣдомства, совпадаетъ съ истеченіемъ десятилѣтней дѣятельности вашей, по управленію Военнымъ Министерствомъ, — и даетъ Мнѣ случай вспомнить о полезныхъ государственныхъ трудахъ вашихъ и оказанныхъ вами заслугахъ.

«Назначивъ васъ въ 1861 г. Военнымъ Министромъ, Я возложилъ на васъ трудную и многосложную обязанность исполненія обширныхъ преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ, которыя, согласно Моимъ предначертаніямъ, являлись необходимымъ послѣдствіемъ быстраго развитія общаго строя государственной жизни Россіи и современныхъ успѣховъ военнаго дѣла. При осуществленіи этой важной государственной задачи, Я встрѣтилъ въ васъ исполнителя столь же преданнаго, сколько просвѣщеннаго и неутомимаго, вполнѣ достойнаго того высокаго довѣрія, которымъ Вы облечены мною.

«Настоящее состояніе всѣхъ отраслей обширнаго управленія вамъ ввѣреннаго—совершенно отвѣчаетъ Моимъ ожиданіямъ и не оставляетъ сомнѣнія, что управленіе это во всѣхъ случаяхъ будетъ соотвѣтствовать общимъ государственнымъ цѣлямъ и потребностямъ правильнаго устройства нашихъ вооруженныхъ силъ.

Мнѣ весьма пріятно выразить вамъ особенное благоволеніе Мое и искренюю признательность за ваши неусыпные труды и за ту пользу, которую вы несомнѣнно приносите на всякомъ поприщѣ государственнаго служителя.

«Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано

Искренно васъ любящій

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ 29-го января 1872 г.

Что будетъ въ 2072 году.

Одинъ изъ знаменитыхъ современныхъ ученыхъ, профессоръ утрехтскаго университета, основываясь на фактахъ и воззрѣніяхъ точныхъ наукъ, представляетъ намъ слѣдующую картину будущности, ожидающей цивилизованный міръ при непрестанномъ накопленіи новыхъ открытій и изобрѣтеній, которыми ознаменовано наше практическое XIX столѣтіе. Полагая, что статья эта говоритъ сама за себя, мы предлагаемъ ее читателямъ въ переводѣ in extenso.

Когда мы дѣлаемъ сравненіе между прошедшими вѣками и настоящимъ столѣтіемъ жизни человѣческаго общества, то вмѣстѣ съ этимъ, почти сама собою представляется намъ и оборотная сторона вопроса: какимъ образомъ состояніе человѣческаго общества отразится въ зеркалѣ дальнѣйшихъ столѣтій? Будетъ ли продолжаться прогрессъ, принявшій въ особенности въ наше время такія громадные и многосторонніе размѣры?

Отвѣтивъ на этотъ вопросъ утвердительно, — ибо съ тѣхъ поръ какъ, благодаря искусству книгопечатанія, никакой слѣдъ двигающагося впередъ человѣческаго духа не можетъ уже быть изглаженъ вполнѣ, обратное движеніе сдѣлалось немыслимо, — мы приходимъ къ вопросу о томъ, на какую степень безостановочнаго прогресса поднимутся наши потомки и какимъ образомъ разовьются тѣ безчисленные всходы, которые сѣетъ настоящее поколѣніе и созрѣвшими плодами которыхъ воспользуются только эпигоны.

Занятый этими вопросами, такъ же какъ и многими другими, которые сами собою слѣдовали за ними, сидѣлъ я, однажды послѣ полудня, въ покойномъ креслѣ; освобожденныя отъ всякаго стѣсненія мысли, унеслись вдаль и сразу остановились на тѣняхъ давно-усопшихъ. Какъ были бы удивлены какой нибудь *Мушэнброекъ*, *Гравезандъ*, *Гюйгенсъ* или *Стевенъ*, если бы, возвратясь къ жизни, они могли увидать удивительныя дѣйствія нынѣшнихъ машинъ,—или же какой нибудь *Ньютонъ*, *Галилей* и многіе другіе, положившіе основной камень тѣмъ зданіямъ, величину которыхъ едва ли могли обнять тогда ихъ взоры! Паровыя машины и электрическіе телеграфы, желѣзныя дороги и пароходы, прорѣзывающіе горы туннели, висячіе и подземные мосты, фотографія и газовое освѣщеніе, съ удивительными успѣхами въ области химіи, телескопами и микроскопами, водолазными аппаратами и воздушными шарами и многимъ другимъ, пронеслись въ пестрой смѣси передъ моимъ воображеніемъ — и у всего этого общее было то, что все свидѣтельствовало самымъ убѣдительнымъ образомъ о громадномъ различіи между настоящимъ и и прошедшимъ. Это различіе выступило еще рѣзче, когда мои мысли перенеслись еще въ дальнѣйшее прошедшее, къ *Рожеру Бекону*, жившему въ XIII столѣтіи, который далеко опередилъ своихъ современниковъ, какъ въ знаніи природы, такъ и въ ясности сужденія. Конечно и онъ не избѣжалъ той судьбы, которая обыкновенно во времена мрака постигала того, кто, сіяя, выдавался изъ-за окружающей его обстановки: онъ былъ обвиненъ въ колдовствѣ и брошенъ въ темницу, гдѣ томился въ продолженіи 10 лѣтъ, а кто говоритъ и до самой смерти. Въ моемъ воспоминаніи воскресли одно или два мѣста изъ сочиненій *Бекона*, гдѣ онъ за шесть столѣтій передъ этимъ, пророчески описываетъ то, что въ настоящее время перешло въ дѣйствительность:

«Изготовляются зрительныя трубы, которыя приближаютъ самые отдаленные предметы, такъ что человѣкъ въ состояніи прочитывать самое мелкое письмо, удаленное отъ него на невѣроятное разстояніе, отличать вообще самые мелкіе предметы и разсматривать звѣзды».

«Сооружаются машины для судоходства, при употребленіи которыхъ самыя большія суда управляются однимъ только человѣкомъ, при чемъ они двигаются быстрѣе, чѣмъ при помощи многочисленнаго экипажа.»

«Устроиваются экипажи, которые двигаются чрезвычайно быстро безъ помощи лошадей».

«Воздвигаются еще многія другія соединенія въ томъ же родѣ, наприм. мосты безъ столбовъ и другихъ подпоръ». *)

Углубляясь въ эти замѣчательныя предсказанія Бекона, я все болѣе и болѣе погружался въ мечтательность, при чемъ чувственныя впечатлѣнія все болѣе и болѣе становились недѣйствительными. Такимъ образомъ я перешелъ въ то состояніе, когда все матеріальное въ нашемъ организмѣ успокоивается, а чувственныя ощущенія молчатъ, вслѣдствіе чего духъ отличается необыкновенною живостію и энергіей, что обнаруживается тѣми образами, которые встаютъ мало по малу передъ нашими умственными взорами.

Тутъ я сразу очутился среди большаго, незнакомаго мнѣ города. Я стоялъ на обширной равнинѣ, по одну сторону которой поднималось великолѣпное зданіе съ высокой башней, на которой было написано:

2072 годъ 1 Января.

Не вѣря своимъ глазамъ, я подошелъ къ башнѣ. Вѣроятно лицо мое выражало любопытство и удивленіе, потому что какой-то почтенный господинъ, сопровождаемый дамой, подошелъ ко мнѣ съ словами: «Я вижу, вы здѣсь въ Лондиціи пріѣзжій; не могу ли я служить вамъ путеводителемъ и истолкователемъ?» При этихъ привѣтливыхъ словахъ я остановился и пристально взглянулъ на этого человѣка, умная и почтенная наружность котораго произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я сейчасъ же узналъ его: это былъ тотъ самый человѣкъ, на которомъ только-что остановились мои мысли. «Я вижу предъ собою *Рожера Бекона?*», «Да, конечно я *Рожеръ Беконъ*», отвѣчалъ онъ: «позвольте мнѣ представить вамъ мою пріятельницу *Фантазію*».

Я очутился въ томъ состояніи, къ которому вполнѣ подходитъ гораціевское *Nil Admirari*. Ничто, видимое мною, не удивляло меня,—даже и то, что передо мною стоялъ *Беконъ*, умершій пять сотъ лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ я, не задумываясь, принялъ его предложеніе и сейчасъ же спросилъ его:

— Что бы такое значила та надпись?

— Эта, что на башнѣ, надъ циферблатомъ? Ничего больше какъ то, что у насъ теперь 1 января 2072 года.

— А который теперь часъ? На краю циферблата

---

*) Эта цитата взята нами изъ знаменитаго письма *Бекона: de mirabili potestate artis et naturae, etc.* напечатаннаго въ первый разъ у Клодіуса Целестинуса (*De his quae mundo mirabileter eveniunt. Lutetiae Parisiorum. 1542*). Но философскія мечты *Бекона* переходятъ, конечно, иногда и за границы возможнаго, напр. въ описаніи летательнаго аппарата.

столько разныхъ знаковъ и цифръ, что я совсѣмъ растерялся.

— Который часъ? Да какое вамъ нужно знать время? истинное, среднее или алеутское? Каждое изъ этихъ трехъ опредѣленій времени имѣетъ свои особенныя цифры и стрѣлки.

— Истинное и среднее время—этотъ терминъ мнѣ извѣстенъ; но что разумѣете вы подъ именемъ *алеутскаго времени?*

На этотъ вопросъ я получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ вся земля обвита телеграфными линіями и телеграммы облетаютъ земной шаръ въ одно мгновеніе ока, какъ въ восточномъ, такъ и въ западномъ направленіи, были принуждены ввести въ употребленіе такое опредѣленіе времени, которое было равнозначительно для всей земли, во избѣжаніе безпорядка въ дѣлахъ, въ особенности же въ торговлѣ, гдѣ часто требуется самое точное опредѣленіе времени. По состоявшемуся между различными націями соглашенію, нейтральной областью, для этой цѣли, выбрали самый большой изъ *Алеутскихъ острововъ. Земной день* начинается, когда солнце всходитъ надъ восточнымъ берегомъ этого острова.

— Послѣдуйте за нами, продолжалъ Беконъ,—мы можемъ показать вамъ еще другія достопримѣчательности Лондиніи.

— Лондиніи? Не то же ли это самое, что и Лондонъ?

— Не совсѣмъ. Прежній Лондонъ составлялъ только небольшую часть теперешней Лондиніи, занимающей значительную часть юговосточной Англіи и заключающей въ себѣ до 12 милліоновъ жителей.

Мы пошли дальше, и я позволилъ себѣ сдѣлать довольно пошлое замѣчаніе, что для настоящаго времени года сегодня порядочно душно.

— Вы ошибаетесь, возразилъ Беконъ, — сегодня, напротивъ того, довольно холодно; вы не обращаете вниманія на то, что мы находимся въ срединѣ города. Потрудитесь только изслѣдовать теплый токъ воздуха, поднимающійся у васъ передъ ногами изъ пробуравленныхъ наподобіе сита плитъ, для того чтобъ убѣдиться, что *Общество для распредѣленія согрѣтаго воздуха* исполняетъ въ совершенствѣ принятыя имъ на себя обязанности. При этомъ, взгляните также и наверхъ. Если бы у насъ не было надлежащей теплоты, то мы могли бы еще видѣть на стеклянной крышѣ выпавшій сегодня утромъ снѣгъ.

Взглянувъ вверхъ, я дѣйствителльно замѣтилъ, что улица была накрыта стеклянными плитами значительной длины и ширины. Эти плиты были соединены посредствомъ тонкой рѣшетки, а въ промежуткахъ были устроены отверстія для поддержанія вентиляціи.

— Мы вѣрно въ такъ - называемомъ *Passage vitré?*

— Да, если только вы распространите это названіе на бо́льшую часть города. То, что въ XIX столѣтіи можно было встрѣтить только въ нѣсколькихъ незначительныхъ пунктахъ большихъ столицъ, то самое въ XXI столѣтіи получило всеобщее распространеніе, съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтено *безконечное стекло*, которое можно имѣть очень дешево.

— Конечно, это очень пріятное улучшеніе для городовъ, пока стоитъ зима. Но лѣтомъ, подъ этой стеклянной крышей должно быть страшно душно!

— Вовсе нѣтъ. То же самое общество, которое доставляетъ зимою согрѣтый воздухъ, заботится въ лѣтнее время о прохладномъ токѣ воздуха. Это дѣлается очень просто. Уже нѣсколько столѣтій тому назадъ стали выдѣлывать ледъ въ самое жаркое лѣтнее время. Если воздухъ пронесется надъ льдомъ, предъ тѣмъ какъ достигнетъ пробуравленныхъ наподобіе сита плитъ, а смотрители за теплотою добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, то температура воздуха цѣлаго года бываетъ почти одна и та же.

— Если это такъ, то конечно и домà отопляются тѣмъ же самымъ способомъ, такъ что не нужно уже топить ни печей, ни каминовъ?

Эти полувопросительныя замѣчанія вѣроятно показались моему спутнику слишкомъ отсталыми, потому-что онъ не могъ удержаться отъ улыбки. Впрочемъ, *Беконъ* кивнулъ мнѣ, въ знакъ согласія, головою и отвѣчалъ:

— Какъ вы измѣняете, на сколько вамъ угодно, температуру холодной ванны, отвертывая кранъ съ теплою водою, точно также можно согрѣть и воздухъ въ комнатахъ, открывая кранъ съ теплымъ воздухомъ. Вмѣстѣ съ этимъ происходитъ также и чрезвычайно пріятное возобновленіе воздуха, не производя однако же вѣтра.

— Я вообще не могу понять, вмѣшалась Фантазія,— какимъ образомъ могли выносить это въ тѣ полуварварскія времена, когда отъ разводившагося въ печахъ огня, въ комнатахъ, какъ разсказываютъ, носились дымъ, пепелъ и пыль.

— И когда также, прибавилъ въ видѣ дополненія *Беконъ*,—дымовыя трубы загорались, чего теперь не можетъ быть. Поэтому-то страховыя общества и берутъ теперь только четвертую часть прежнихъ премій.

— Еще одинъ вопросъ прежде, чѣмъ мы уйдемъ отсюда. Изъ какого это металла сдѣланы хорошенькія тоненькія рѣшетки, соединяющія и поддерживающія стеклянную крышу? Это вовсе не похоже на желѣзо, употреблявшееся въ прежнее время для этой цѣли.

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Беконъ,—тяжелое желѣзо гораздо менѣе годилось бы для этой цѣли, чѣмъ алюминій, удѣльный вѣсъ котораго совпадаетъ съ удѣльнымъ вѣсомъ стекла. Вмѣстѣ съ этимъ алюминій гораздо лучше противудѣйствуетъ и дѣйствію воздуха. Вы очень скоро замѣтите, что для многихъ вещей, которыя дѣлались прежде только изъ желѣза, употребляется теперь алюминій. Поэтому-то на недавно происходившемъ съѣздѣ антикваріевъ и рѣшили прибавить къ каменному, бронзовому и желѣзному періодамъ, составляющимъ настоящій предметъ науки о древностяхъ, еще *алюминіевъ періодъ*. Этотъ четвертый періодъ начинается въ 1950 году, съ открытіемъ новаго способа производить въ большихъ массахъ алюминій изъ обыкновеннаго суглинка, старыхъ кирпичей, изъ обломковъ глиняной посуды и фаянса.

— Такъ стало быть изобрѣтенный *Велеромъ* металлъ, принадлежавшій такъ долго къ числу рѣдкостей и сохранявшійся въ химическихъ коллекціяхъ въ видѣ крошечныхъ кусочковъ, сдѣлался теперь общимъ достояніемъ и благодѣяніемъ для человѣческаго рода, въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ все царство металловъ ограничивается суглинкомъ, то есть алюминіевой рудой! Новое доказательство неоднократно - дознанной на опытѣ старой истины, что чисто научныя открытія, отъ которыхъ сначала ожидали только распространенія

нашихъ познаній, находили очень часто, впослѣдствіи, обширное практическое примѣненіе.

Возьмемъ напр. хоть фосфоръ, открытый *Брандтомъ* и *Кюнкелемъ* еще въ 1669 году, который только двумя столѣтіями позже нашелъ себѣ въ зажигательныхъ спичкахъ самое обширное практичное примѣненіе, — или хоть добытый впервые ученымъ *Дюма* хлороформъ, отъ котораго ждали только, что онъ будетъ нѣкогда употребляться при опасныхъ операціяхъ для утишенія болей, и который считается теперь однимъ изъ благодѣтелей страждущаго человѣчества; — возьмемъ замѣчательные опыты *Деви Гумфри* касательно охлаждающаго свойства металлической сѣти, которые повели его къ открытію предохранительной лампы, вслѣдствіе чего были сохранены тысячи человѣческихъ жизней, тогда какъ то же самое свойство привело впослѣдствіи еще къ изготовленію аппаратовъ, приводимыхъ въ движеніе теплымъ воздухомъ, въ родѣ напр. того аппарата, при помощи котораго можно приготовлять ледъ въ какое вамъ угодно время. Изобрѣтенію фотографіи предшествовалъ цѣлый рядъ научныхъ открытій: изобрѣтенная въ XVI столѣтіи *camera obscura Порты;* сдѣланное двумя столѣтіями позже открытіе *Шеле,* что серебряныя соли измѣняются въ цвѣтѣ отъ дѣйствія воздуха; открытіе іода, сдѣланное *Куртуа* въ 1811 г.; открытіе *Шенбейномъ* огнестрѣльной хлопчатой бумаги и приготовляющагося изъ нея коллодіума, — не говоря уже о нѣкоторыхъ другихъ веществахъ, которыя, будучи произведены химическимъ образомъ, были употреблены для воспроизведенія и сохраненія изображеній.

— Но самое ясное доказательство тому, что наиболѣе значительныя изобрѣтенія, имѣвшія могущественное вліяніе на состояніе человѣческаго общества, обязаны своимъ происхожденіемъ часто научнымъ открытіемъ представляетъ собою телеграфическое искусство. Могъ ли *Ѳалесъ* ожидать чего нибудь подобнаго, когда онъ, 25 столѣтій тому назадъ, замѣтилъ впервые, что натертый кусочекъ янтаря притягивалъ къ себѣ легкія тѣла, — и открылъ такимъ образомъ одно изъ тѣхъ явленій, причина которыхъ скрывается въ таинственной силѣ электричества. Могъ ли думать о чемъ нибудь подобномъ *Гальвани*, когда онъ замѣтилъ впервые у лягушки сокращеніе мускуловъ подъ вліяніемъ электричества, или *Вольта*, когда онъ, доискиваясь причины этого дѣйствія, произвелъ рядъ изслѣдованій и устроилъ названный по его имени столбъ, — прототипъ употребляющихся въ настоящее время баттарей, дѣйствіе которыхъ распространяется съ быстротою мысли посредствомъ металлическихъ проволокъ,

Іисусъ Христосъ и прелюбодѣйная жена.
Съ картины Тиціана.
(См. стр. 159).

служащихъ проводниками. Могъ ли *Эрштедъ*, когда онъ замѣтилъ впервые уклоненіе магнитной стрѣлки отъ дѣйствія электричества, мечтать о томъ, что его открытіе будетъ имѣть такое важное значеніе для телеграфическаго искусства? Могъ ли мечтать о чемъ-либо подобномъ *Араго*, когда онъ дѣлалъ наблюденіе, что желѣзо магнетизируется, будучи окружено электрическимъ токомъ въ видѣ металлической проволоки?

Конечно, никто изъ этихъ людей не могъ предвидѣть, куда поведутъ открытыя ими истины, обогащающія область человѣческаго знанія. Точно также мало могъ предполагать и *Кондаминъ*, путешествовавшій для измѣренія градусовъ вблизи экватора въ Америкѣ,— что вывезенныя имъ оттуда каучуковыя бутылочки, обошедшія членовъ парижской академіи въ качествѣ куріоза,—что это вещество найдетъ себѣ черезъ сто лѣтъ обширное примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ промышленности, что безъ него подводные телеграфы были бы невозможны.

— Это совершенная правда, продолжалъ *Беконъ*.— Я могъ бы привести изъ двухъ послѣднихъ столѣтій еще множество примѣровъ, взятыхъ изъ области промышленности, которые служатъ доказательствомъ, что многія открытія XIX столѣтія, имѣвшія, долгое время лишь чисто-научное значеніе, сдѣлались источникомъ общественнаго благосостоянія только въ наше время. Да и никто не ставитъ уже теперь этого въ вину наукѣ, а напротивъ того каждое правительство считаетъ своимъ первымъ долгомъ способствовать, всѣми силами, наукѣ, не справляясь о томъ: принесетъ ли она непосредственные плоды, которые могли бы способствовать благосостоянію общества. Всѣ люди со смысломъ считаютъ малодушіемъ и низостью, когда главной цѣлью человѣческихъ стремленій ставится матеріальное благосостояніе. Вѣдь существуетъ же наконецъ другое, несравненно высшее счастье, проистекающее отъ совокупности тѣхъ свѣденій, которыя объясняютъ намъ причинную связь въ явленіяхъ природы, исторію человѣчества и всего существующаго. Пока человѣкъ стремится къ одному только матеріальному благосостоянію, онъ занимаетъ ту же самую ступень, что и любое животное; стремленіе къ облагороженію духа характеризуетъ человѣка, и истинное образованіе узнается именно по получаемому при этомъ удовольствію. Эта истина проникла теперь всюду — и ни одно правительство не упускаетъ того, что способствуетъ наукѣ, что можетъ умножить познанія, а опредѣленіе—какимъ образомъ и въ какомъ именно направленіи должно происходить распредѣленіе познаній — предоставляется ученымъ.

Когда Беконъ кончилъ свою рѣчь, мы молча пошли дальше, какъ вдругъ *Фантазія* вскричала: «А вотъ и выставка геліохромій! посмотримъ, правду ли говорятъ эти объявленія, напечатанныя аршинными буквами, и дѣйствительно ли выставленныя здѣсь произведенія достигли послѣдней степени совершенства!»

На мой вопросъ, что такое геліохроміи, *Фантазія* отвѣчала: «это фотографіи, которыя рисуетъ солнце съ тѣми же самыми красками, какія были угодно дать предмету моей пріятельницѣ *Реаліи*».

— Такъ стало быть цѣль, къ которой *Niepce de Saint-Victor* стремился въ теченіи всей своей жизни, наконецъ достигнута—и премія *Trémont*, присужденная ему французской академіей, принесла свои плоды.

Беконъ взглянулъ на меня съ улыбкой, въ которой выражалось, по видимому, сожалѣніе къ моему невѣдѣнію. Но онъ ограничился только слѣдующими словами: «Я попрошу только васъ войти сюда; вы увидите тутъ нѣчто совершенно отличное отъ грубыхъ, невыносимыхъ опытовъ, сдѣланныхъ *Niepce*'омъ, который, если не ошибаюсь, жилъ за два столѣтія передъ этимъ.»

Мы вошли, и я не зналъ вѣрить ли своимъ глазамъ. На стѣнахъ залы висѣли необозримые ряды картинъ, ландшафты, портреты, такъ называемые *pièces de genre*, отчасти въ натуральную величину,—и все это было ничто иное какъ фотографіи, только онѣ отличались отъ тѣхъ, которыя были извѣстны мнѣ, такимъ же образомъ, какъ картина писанная масляными красками отъ рисунка карандашомъ.

— Бѣдные живописцы! Бѣдное искуство! Плохо же, должно быть, вамъ теперь!

Фантазія взглянула на меня съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и сказала: «Бѣдные живописцы! это относится къ тѣмъ, кто хлопочетъ только о томъ, чтобы какъ можно ближе подражать дѣйствительности, но искусство никогда не можетъ быть названо бѣднымъ. Еще существуютъ художники, подобные *Рафаэлю*, *Корреджіо*, *Рубенсу*, *Рембрандту*, которые не подражали природѣ, но идеализировали ее, а это-то и составляетъ настоящую задачу искусства. Еще существуютъ и ваятели, истинные художники и творцы идеаловъ, тогда какъ статуи живыхъ людей дѣлаются совершенно механическимъ образомъ, по фотографіямъ, подъ руководствомъ простаго работника, который объ искуствѣ собственно не имѣетъ и понятія.

Я принялъ это наставленіе съ чувствомъ смиренія, радуясь въ душѣ, что художественныя произведенія, которыми гордилось наше время, не потеряли своей цѣны. При этомъ я былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что посредственные таланты, которые не въ состояніи подняться надъ дѣйствительностью, должны отнынѣ употреблять для своихъ картинъ не кисть, а *camera-obscur*'у, тѣмъ болѣе что при этомъ ихъ картины не только ничего не теряютъ, а скорѣе выигрываютъ относительно вѣрности.

Выйдя изъ зданія выставки, я увидалъ приближающійся экипажъ, двигавшійся безъ помощи лошадей, подъ управленіемъ одного только человѣка и притомъ съ удивительною легкостію и избѣгая, гдѣ это было нужно, другихъ экипажей. Онъ былъ нагруженъ цилиндрами различной величины, которые были окрашены чорной краской и имѣли сходство съ нашими бочками.

Тутъ мнѣ сказали, что въ Англіи и въ другихъ странахъ были сдѣланы чрезвычайно удовлетворительные опыты относительно паровыхъ экипажей, которые ѣздятъ не по шинамъ, а по обыкновеннымъ дорогамъ,— и я очень обрадовался, узнавъ какъ далеко зашли въ этомъ отношеніи люди. Но что больше всего меня поразило такъ это то, что эти экипажи имѣли совершенно другой видъ, чѣмъ наши локомотивы и локомобили, и что ничто не заставляло предполагать при этомъ о передвиженіи посредствомъ пара.

Поэтому я опять обратился къ моему спутнику, отъ котораго я могъ ожидать подробнаго объясненія на счетъ этого. Онъ исполнилъ мое желаніе; но, говорю откровенно, я не совсѣмъ его понялъ. Это произошло отчасти отъ того, что, объясняя мнѣ это дѣло, Беконъ употреблялъ названія такихъ аппаратовъ и веществъ, которые совершенно мнѣ неизвѣстны. Все что удалось мнѣ понять изъ его рѣчей—заключается въ слѣдующемъ.

Пока каменный уголь находился еще въ изобиліи,

люди довольствовались тѣмъ, что употребляли его въ формѣ пара или разгоряченнаго воздуха, и приводили такимъ образомъ въ движеніе самые разнообразные машины, экипажи, водоходныя суда. Но съ началомъ 21 столѣтія обнаружилось въ различныхъ странахъ значительное истощеніе этого продукта; каменный уголь до такой степени поднялся въ цѣнѣ, что о выгодномъ употребленіи этого матеріала нечего уже было и думать. Правда, запасы каменнаго угля въ сѣверной Америкѣ были еще не истощены, но вслѣдствіе увеличившагося сбыта онъ и тамъ также поднялся въ цѣнѣ. Этотъ недостатокъ сказался также и при употребленіи тѣхъ машинъ, дѣйствіе которыхъ основывается на постоянно возобновляемыхъ взрывахъ смѣси свѣтильнаго газа съ обыкновеннымъ атмосфернымъ воздухомъ; свѣтильный газъ поднялся въ цѣнѣ нисколько не меньше каменнаго угля, изъ котораго онъ, впрочемъ, главнымъ образомъ и приготовляется.

Вотъ тутъ-то люди и прибѣгли къ электро-магнетическимъ аппаратамъ, о выгодномъ употребленіи которыхъ нельзя было думать, пока каменный уголь былъ еще дешевъ. Теперь эти аппараты могли выдержать соперничество съ паровыми и другими, тому подобными, машинами и даже превосходили ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи,—именно въ томъ, что употреблявшіе ихъ были совершенно безопасны отъ взрыва котла.

Но, хотя для практическаго примѣненія электро-магнетизма и придуманы различныя улучшенія, тѣмъ не менѣе, онъ какъ движущая сила стоилъ гораздо дороже той, которая добывалась изъ каменнаго угля, когда его было еще много. Слѣдствіемъ этого было уменьшеніе производства такихъ предметовъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись нынѣшнее общество, и которые могутъ даже считаться необходимымъ условіемъ все болѣе и болѣе развивающейся цивилизаціи.

Такимъ образомъ, нужда заставила подумать объ открытіи какой нибудь новой движущей силы, и послѣ многихъ тщетныхъ опытовъ открыли наконецъ такую, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, не говоря уже о томъ, что источники этой силы, неистощимы.

Еще въ глубокой древности люди пользовались стремящейся водой, стремящимся воздухомъ или вѣтромъ, какъ движущей силой. Когда же вошли въ употребленіе паровыя машины, они отдали мало по-малу преимущество этимъ послѣднимъ. Быстро стремящаяся или падающая вода не вездѣ встрѣчается, а количество и сила этихъ водъ подвержены перемѣнѣ, смотря по большему или меньшему количеству дождей въ гористыхъ странахъ: но это послѣднее неудобство, именно измѣняемость силы, является при употребленіи вѣтра, еще въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Состояніе полнаго покоя смѣняется въ воздухѣ сильнѣйшими бурями, которые заставляютъ мореходца убрать всѣ паруса, а мельника остановить мельницу. Но остановленная мельница — снарядъ безполезный; а вмѣстѣ съ этимъ и работники, которымъ приходится въ такомъ случаѣ сидѣть сложа руки, не только не приносятъ пользы производителю, а скорѣе причиняютъ ему убытокъ, продолжая получать отъ него поденную плату. Много времени теряется такимъ образомъ безъ всякой пользы, а время — деньги. Съ паровою же машиною можно работать безъ перерыва, и поэтому то фабрикантъ можетъ вѣрно разсчитывать при этомъ на то, что взятый имъ подрядъ будетъ исполненъ къ назначенному сроку. Точно также сила пара превосходитъ падающую воду или стремящійся вѣтеръ и относительно правильности и безпрерывности дѣйствія, а поэтому-то вода и вѣтеръ и должны были уступить силѣ пара.

(Продолженіе будетъ).

Первый русскій царь, Иванъ III Васильевичъ.

Первый русскій царь поступилъ на престолъ въ 1462 году и скончался 1505. Иностранцы назвали его *Великимъ*, а русскіе — *Грознымъ*. Слово *Грозный* имѣетъ тотъ смыслъ, что онъ грозенъ былъ на удѣльныхъ князей и на всякіе удѣлы, сопротивлявшіеся его самодержавной власти и желавшіе стряхнуть съ плечь его Московское самодержавіе. Онъ былъ грозенъ на все, что мѣшало развитію его московскихъ интересовъ. Вскорѣ по втупленіи на престолъ, Иванъ Васильевичъ Великій овдовѣлъ и сталъ пріискивать себѣ новую супругу; но новую супругу приходилось ему искать уже не въ ряду какихъ-нибудь боярынь, а кого-нибудь изъ царскаго рода. Но царскихъ родовъ, исповѣдующихъ вѣру Православную, тогда почти не водилось—и единственною достойною для него супругою оказалась проживавшая во Флоренціи Софія Ѳоминишна Палеологъ, послѣдняя отрасль греческихъ императоровъ византійскихъ.

Когда палъ второй Римъ, Цареградъ, подъ гибкой саблею турецкой, когда на престолъ царя греческаго сѣлъ поклонникъ Магомета, тогда пропалъ второй Римъ, и пропалъ въ такое время, когда не осталось ни одного независимаго христіанскаго государства, исповѣдующаго православную вѣру. Сербія, Болгарія, Боснія, и другія православныя христіанскія государства были уже покорены, а между тѣмъ у всѣхъ православныхъ звучало на устахъ предсказаніе Святителей и Отцевъ Церкви, что міръ дотолѣ продержится, покуда не пропадетъ Римское царство. Между тѣмъ Римское царство пропало—и единственное православное государство была Москва. Стало быть Москва оказалась третьимъ Римомъ. Первый Римъ отступилъ; второй Римъ (Цареградъ) поколебался въ вѣрѣ — третьимъ Римомъ была Москва. Стало-быть единственнымъ царемъ и охранителемъ православія являлся ни кто иной, какъ Иванъ Васильевичъ III, и для того, чтобы передать ему царственное достоинство византійскихъ императоровъ, нобходимо нужно было, что-бы онъ вошелъ въ родство съ ними.

Въ Римѣ на это дѣло смотрѣли тоже серіозно и сдѣлали разсчетъ такой: буде Великій Князь московскій бракосочетается съ прямою наслѣдницею греческаго престола, то для римской церкви будетъ предстоять большая выгода. Софья Ѳоминишна, живучи во Флоренціи, крѣпко поддалась такъ называемой уніи и отправилась невѣстою къ будущему русскому царю въ сопровожденіи католическаго духовенства. Во главѣ этаго духовенства находился папскій легатъ Антоній, облаченный въ червленную одежду, въ перчатки и передъ нимъ несли серебряное, литое распятіе. Входя въ церкви наши, онъ не кланялся святымъ иконамъ и настаивалъ на томъ, чтобы въѣхать въ Москву съ крестомъ.

Легату Антонію чрезвычайно хотѣлось въѣхать въ престольный городъ съ этимъ крестомъ.

Иванъ Васильевичъ поколебался, Греческая царевна была всего въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы; но онъ самъ съ собой непосмѣлъ рѣшить этаго дѣла. Онъ созвалъ соборъ бояръ и духовенства, и они ему единогласно объявили, что они римскаго легата, ѣдущаго съ крестомъ, встрѣчать не пойдутъ. Митрополитъ Филиппъ заявилъ: «Буде ты позволишь въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ передъ Латинскимъ Епископомъ, то онъ внидетъ въ единыя врата, а я, отецъ твой, изъиду другими вонъ изъ града. Чтить Вѣру чужую есть унижать собственную». Антонія впустили въ Москву безъ малѣйшихъ церемоній. Иванъ Васильевичъ обвѣнчался съ Софьей Ѳоминишной, объявилъ себя царемъ, потому что породнился съ греческими императорами и оказался наслѣдникомъ ихъ власти надо всѣми православными, кои и по сіе время признаютъ надъ собою власть русскихъ государей.

Царь Иванъ III вырѣзалъ на печати своей двуглаваго орла, т. е. призналъ себя императоромъ, или кесаремъ, (kaiser). До него единственнымъ императоромъ въ Европѣ считался Римскій кѣсарь *) (Römischer Kaiser), и вдругъ явился, неожиданно, Царь русскій, наслѣдникъ престола восточныхъ императоровъ, ихъ своякъ и государь, устроивающій государство на необозримыхъ равнинахъ безконечной Россіи, гдѣ нѣтъ ни горъ ни пригорковъ, гдѣ «отъ колоса до колоса не слыхать дѣвичьяго голоса».

Другое великое дѣяніе царствованія Ивана III Васильевича состояло въ окончательномъ сверженіи татарскаго ига. Отъ хана Ахмата, явились къ нему послы съ требованіемъ обычной дани. Онъ объявилъ имъ, что ни чьимъ подданнымъ себя не признаетъ, въ глазахъ ихъ разорвалъ ханскую грамоту и заявилъ, что онъ болѣе не Великій Князь а самостоятельный *Царь*.

Ему же принадлежитъ честь окончательнаго соединенія Руси въ одно государство. Онъ первый покорилъ безтолковый Новгородъ, и такимъ образомъ собралъ всю землю русскую, къ которой только Императрица Екатерина сумѣла присоединить сѣверо-западный и юго-западный край, и къ собранію которой недостаетъ покуда Галичины, Угорщины и Буковины.

Прилагаемый портретъ перваго русскаго царя украшенъ впервые пріобрѣтенными имъ регаліями.

Первый русскій царь Иванъ Васильевичъ.
Гравировалъ Паннемакеръ.

Судебная хроника.

I. Второй политическій процессъ. 16-го февраля, въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты разсматривалось второе у насъ политическое дѣло, участникомъ въ которомъ является бывшій студентъ технологическаго института Гончаровъ, молодой человѣкъ, 23 лѣтъ. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: Въ маѣ

*) Наше слово *царь*, происходитъ отъ латинскаго *caesar*, которое, по всѣмъ правиламъ славянской орѳографіи является у насъ, по Остромірову, по Реймскому Евангелію, по славянски цѣсарь и кѣсарь.

мѣсяцѣ 1871 года, появилось въ Петербургѣ нѣсколько печатныхъ воззваній, подъ заглавіемъ «Висѣлица». Нѣкоторые изъ этихъ листковъ были найдены на лѣстницахъ домовъ, другіе въ замочныхъ скважинахъ наружныхъ дверей, третьи въ почтовыхъ ящикахъ, съ адресами лицъ, которымъ они предназначались. Независимо отъ этого, воззванія были разсылаемы и въ другіе города: такъ, нѣсколько экземпляровъ ихъ получены были въ землѣ Войска Донскаго и въ Нижнемъ Новгородѣ. На всѣхъ означенныхъ листкахъ находилось одно общее заглавіе «Висѣлица, періодическій листокъ»; но подписи на нихъ разныя; помѣчены они разными числами отъ 13 апрѣля до 14 мая прошлаго года. Подозрѣніе въ составленіи, напечатаніи и распространеніи этихъ воззваній пало на Гончарова, который, оставивъ Технологическій институтъ, проживалъ близъ Петербурга, на клеенчатой фабрикѣ Шерера, занимаясь на ней въ качествѣ техника. Не смотря на бѣгство свое оттуда, 6 іюля онъ былъ задержанъ и въ означенномъ преступленіи чистосердечно сознался, объяснивъ, что рѣшился на него вслѣдствіе тяжелыхъ нравственныхъ обстоятельствъ, послѣдовавшихъ за его женитьбой, и при этомъ разсказалъ, какимъ образомъ производилось имъ печатаніе составленныхъ прокламацій. По его словамъ, 22 мая, онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильно, гдѣ прописался подъ именемъ студента медико-хирургической академіи Мирона Іудновскаго, ему неизвѣстнаго, но билетъ коего найденъ имъ въ Петербургѣ, на улицѣ, и представленъ имъ вмѣсто своего, потеряннаго имъ, вида къ пропискѣ въ виленскую полицію. Дѣйствіе это совершено Гончаровымъ, какъ онъ самъ объяснилъ, съ тѣмъ, чтобы увеличить свою вину. Спрошенные на судѣ свидѣтели показали, что Гончаровъ всегда относился къ прокламаціямъ съ насмѣшкою, что онъ считался у всѣхъ, его знавшихъ, человѣкомъ тихимъ, серіознымъ и несчастнымъ отъ своей женитьбы, которая его измѣнила къ худшему. Прокуроръ, доказывая виновность подсудимаго въ государственномъ преступленіи, полагалъ назначить ему наказаніе въ высшей мѣрѣ; но принимая во вниманіе молодость подсудимаго, его чистосердечное признаніе и другія уменьшающія вину обстоятельства, находилъ возможнымъ смягчить наказаніе на-половину. Защитникъ, напротивъ того, находилъ, что содержаніе воззваній не заключаетъ государственнаго преступленія, дѣйствія же подсудимаго показываютъ его ненормальное состояніе, которое, конечно, не можетъ быть вмѣнено ему въ вину; что если въ чемъ можно обвинить подсудимаго, то въ нарушеніи законовъ о печати. Палата признала Гончарова виновнымъ какъ въ напечатаніи и распространеніи сочиненій, съ цѣлію возбудить неуваженіе къ верховной власти и возбудить населеніе къ бунту, такъ равно и въ проживаніи по чужому паспорту, который онъ выдавалъ за свой; а потому опредѣлила: лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда.

Доброе товарищество.

(См. стр. 159).

II. Дѣло Мясниковыхъ. Дѣло это началось еще при старомъ порядкѣ судопроизводства и тянулось цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ. Въ продолженіе этого времени нѣсколько весьма важныхъ свидѣтелей умерли, по большей части скоропостижно—отъ холеры и другихъ болѣзней; другихъ свидѣтелей не могли отыскать; наконецъ, третьи, за давностью времени, не въ состояніи были припомнить всѣхъ обстоятельствъ дѣла и отозвались запамятованіемъ. Общественное мнѣніе было сильно заинтересовано какъ громадностью этого

дѣла, привлекшаго болѣе 100 человѣкъ къ суду и слѣдствію, такъ еще болѣе его запутанностью, серіозностью и значеніемъ для общества. Разбирательству его въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ предшествовали самые противоположные и невѣроятные толки въ средѣ публики и юристовъ. Сущность этого дѣла, по обвинительному акту и по многочисленнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Петербургѣ, на углу Знаменской и Спасской улицъ, красуется большой трехъэтажный домъ, рѣзко отдѣляющійся отъ сосѣднихъ своей архитектурой.

Домъ этотъ когда-то принадлежалъ фридрихсгамскому первостатейному купцу Козьмѣ Васильевичу Бѣляеву, человѣку богатому, предпріимчивому и коммерческому. О состояніи его можно судить изъ того, что въ 1858 году, въ компаніи съ двумя другими купцами, онъ намѣревался купить извѣстные бердовскіе заводы и Гутуевскій островъ, причемъ на долю Бѣляева приходилось уплатить болѣе $1^1/_2$ мильона руб. сер. Кромѣ того, по разнымъ другимъ предпріятіямъ онъ обязывался внести отъ 200 до 400 рублей залогу. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1858 года къ Бѣляеву былъ приглашенъ докторъ Тильманъ, который, найдя у него ракъ въ мочевомъ пузырѣ, пользовалъ Бѣляева отъ этой болѣзни до самой его смерти, послѣдовавшей 24 сентября того же года. По показанію свидѣтелей, смерть его послѣдовала скоропостижно, такъ какъ покойный, не смотря на болѣзнь, продолжалъ заниматься дѣлами и наканунѣ, по обыкновенію, работалъ въ своемъ кабинетѣ. Спустя нѣсколько часовъ послѣ смерти Бѣляева, въ домъ прибылъ племянникъ его жены, капитанъ Александръ Мясниковъ, служившій въ то время адъютантомъ при главномъ начальникѣ III-го Отдѣленія Собств. Его Величества канцеляріи; этотъ племянникъ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Иваномъ, бывшимъ почетнымъ смотрителемъ Вознесенскаго уѣзднаго училища въ С.-Петербургѣ, состояли въ компаніи съ покойнымъ Бѣляевымъ по разнымъ коммерческимъ предпріятіямъ и имѣли съ нимъ свои особые счеты. Вскорѣ прибыла и полиція для описи и охраненія имущества, оставшагося послѣ смерти бездѣтнаго Козьмы Бѣляева; но означенный Александръ Мясниковъ, войдя къ прибывшимъ чинамъ полиціи, просилъ отложить опись имущества, такъ какъ г-жа Бѣляева и безъ того уже сильно разстроена. Уступая этой просьбѣ, полицейская власть явилась въ домъ Бѣляева лишь на другой день, т. е. 25 сентября, но и въ этотъ разъ ограничилась только составленіемъ акта осмотра имущества покойнаго, не сдѣлавъ при этомъ описи его и не опечатавъ, какъ слѣдовало бы. Изъ составленнаго акта видно, что послѣ Бѣляева нашлось наличными деньгами только 350 рублей, старой серебряной монеты 25 штукъ и разнаго рода бумаги, которыя, впредь до составленія описи, были опечатаны полицейскою печатью. Между тѣмъ, Александръ Мясниковъ, съ позволенія, какъ онъ говоритъ, самой вдовы Бѣляева и пользуясь ея безграничнымъ довѣріемъ, распорядился вынести изъ кабинета покойнаго бумаги, деньги и драгоцѣнныя вещи и въ нѣсколькихъ каретахъ перевезти ихъ въ собственный домъ свой, что на Надеждинской улицѣ. Въ этомъ ему помогали: жившій въ домѣ Бѣляевыхъ отставной чиновникъ Матѳеевъ и нѣкоторые изъ служившихъ въ конторѣ покойнаго. Во время похоронъ и потомъ на поминальномъ обѣдѣ, Мясниковы и вдова покойнаго Бѣляева, на распросы присутствовавшихъ, говорили, что никакого завѣщанія послѣ покойнаго не осталось. Спустя три недѣли послѣ смерти Бѣляева, оказывается вдругъ, что духовное завѣщаніе нашлось. Дѣйствительно, вдова Бѣляева представила въ 1-й департаментъ петербургской гражданской палаты бумагу, писанную по формѣ коллежскимъ ассесоромъ Целебровскимъ, за подписью завѣщателя, состоявшею изъ двухъ только словъ: «Козьма Бѣляевъ». Завѣщаніе было помѣчено 10-мъ мая 1858 года и засвидѣтельствовано протоіереемъ Василіемъ Сицилинскимъ и медикомъ, колл. ассес. Ѳедоромъ Иван. Отто. По этому завѣщанію, покойный Бѣляевъ все свое движимое и недвижимое имущество, весь свой денежный капиталъ и всѣ коммерческія предпріятія съ казною и частными лицами предоставилъ въ неприкосновенную собственность своей жены Екатерины Васильевны Бѣляевой, обязавъ ее сдѣлать незначительныя выдачи родной сестрѣ своей, вдовѣ Аннѣ Ремянниковой, вдовѣ Аннѣ Арефьевой, да конторщику Шмелеву. По засвидѣтельствованіи этого завѣщанія гражданскою палатою, Екатерина Бѣляева заключаетъ съ своими племянниками условіе, которымъ все доставшееся ей по наслѣдству отъ покойнаго мужа имущество она уступаетъ братьямъ Мясниковымъ за 392,653 рубля 30 коп., съ тѣмъ, что въ уплату этой суммы она приметъ сохранную росписку, выданную ея мужемъ 21 мая 1858 г. Александру и Ивану Мясниковымъ на 272,653 руб. 30 коп., и затѣмъ Мясниковы обязываются доплатить ей остальную сумму въ 10 лѣтъ, по 12 т. рублей ежегодно. Сумму, означенную въ сохранной роспискѣ, Бѣляевъ, по словамъ Мясниковыхъ, долженъ былъ уплатить имъ какъ доходъ отъ ихъ собственныхъ предпріятій, веденіе которыхъ съ ихъ общаго согласія было поручено покойному. Дѣло казалось поконченнымъ и, вѣроятно, никогда бы не возобновилось, еслибы въ городѣ не стали распространяться слухи о томъ, что духовное завѣщаніе Козьмы Бѣляева было составлено не имъ, а братьями Мясниковыми, при помощи преданныхъ имъ людей,—что подпись на завѣщаніи поддѣлана подъ руку покойнаго служившимъ у него конторщикомъ Амфилогіемъ Карагановымъ,—что, наконецъ, самая сохранная росписка, выданная Бѣляевымъ братьямъ Мясниковымъ, сфабрикована ими же, чтобы завладѣть потомъ имуществомъ покойнаго. Слухи эти дошли до родной сестры Бѣляева, Надежды Васильевны Мартьяновой, проживавшей въ Казани. Она отправляетъ своего сына въ Петербургъ узнать въ чемъ дѣло и, въ случаѣ надобности, повести его судомъ. По прибытіи въ Петербургъ, Мартьяновъ подаетъ генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ прямо утверждаетъ, что какъ духовное завѣщаніе, такъ и сохранная росписка Бѣляева подложны. Но пока шло дѣло, Мартьяновъ, внезапно заболѣвъ, 18 декабря 1859 года поступаетъ въ больницу, гдѣ въ тотъ же день и умираетъ отъ холеры. Не желая такъ оставить этого дѣла, за него берется сама Мартьянова; но по предъявленіи спора умираетъ и она, оставивъ послѣ себя духовное завѣщаніе, по которому право иска къ наслѣдству Бѣляева передала купцу Ивану Ижболдину, его женѣ и купчихѣ Зоѣ Пѣшехоновой. Эти, взявшись за дѣло, доводятъ его до конца, — подаютъ въ 1878 г. прокурору петерб. окружнаго суда жалобу о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ Мясниковыхъ и Караганова, обвиняя ихъ въ составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Козьмы Бѣляева; просятъ назначить по этому дѣлу строжайшее слѣдствіе и проч. Въ подтвержденіе своей жалобы Ижболдины сослались на управлявшаго дѣлами Мясниковыхъ Ѳедора Кемпе, на купца Красильникова, очень хорошо знавшаго покойнаго Бѣляева, его дѣла, жизнь, привычки и почеркъ, на управлявшаго дѣлами Мясниковыхъ отставнаго чиновника Матѳеева, на камердинера Бѣляева и на другихъ. Всѣ эти лица, равно какъ и прислуга Бѣляевыхъ, показали, что дѣйствительно Ал. Мясниковъ въ день смерти К. Бѣляева, увезъ разныя книги и бумаги покойнаго къ себѣ на квартиру, а также въ квартиру своей любовницы, которую выдалъ замужъ за Караганова, съ приданымъ въ 10 т. руб. Нѣкоторые изъ свидѣтелей разсказали, что Карагановъ сознавался имъ въ поддѣлкѣ подписи на духовномъ завѣщаніи, что за это ему обѣщано было отъ Мясниковыхъ много денегъ, но все дѣло однимъ только обѣщаніемъ и ограничилось. Другіе — что они видѣли, какъ Амф. Карагановъ на листѣ бумаги пробовалъ какъ можно вѣрнѣе поддѣлаться подъ руку Бѣляева и затѣмъ спрашивалъ, какая изъ подписей болѣе всего похожа. Изъ свидѣтельскихъ же показаній открылось, что Бѣляевъ постоянно самъ велъ дѣла, сочиняя бумаги и даже самъ переписывая ихъ; что подписывался онъ всегда своимъ полнымъ именемъ — «фридрихсгамскій первостатейный купецъ Козьма Васильевъ Бѣ-

ляевъ» и писалъ такъ своеобразно, что трудно было подписаться подъ его руку; что Бѣляевъ былъ человѣкъ аккуратный и распорядился бы завѣщаніемъ какъ слѣдуетъ. Открылось также, что Карагановъ нѣсколько разъ хвалился услугою, сдѣланной имъ его хозяину, Ал. Мясникову; при многихъ свидѣтеляхъ говорилъ, что доставилъ Мясниковымъ мильонное наслѣдство, что они его обидѣли, подаривъ ему за это только 2000 р., тогда-какъ, еслибы онъ захотѣлъ, то за ихъ продѣлку пришлось-бы имъ идти въ Сибирь и проч. Нѣкоторые изъ свидѣтелей удостовѣрили, что Ал. Мясниковъ, чтобы потушить дѣло, предлагалъ Ижболдинымъ помириться и сулилъ имъ за это нѣсколько тысячъ; что съ этою цѣлью имъ подсылались даже разныя лица для переговоровъ, которые однако не привели къ примиренію, такъ-какъ, по мнѣнію Ал. Мясникова, Ижболдины просили слишкомъ много. — Спрошенные сначала на слѣдствіи, а потомъ и на судѣ: Екатерина Бѣляева, Александръ и Иванъ Мясняковы и Амфилогій Карагановъ показали: первая — что за нѣсколько времени до кончины мужа получила отъ него какую-то бумагу, которая впослѣдствіи оказалась духовнымъ завѣщаніемъ; эту бумагу она передала Александру Мясникову съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее въ гражданскую палату для засвидѣтельствованія. Что же касается до сохранной росписки въ 272 т. рублей, то она ее подписала какъ поручительница за мужа, который, какъ ей было очень хорошо извѣстно, остался должнымъ Мясниковымъ. Ал. Мясниковъ, не признавая себя виновнымъ въ составленіи духовнаго завѣщанія, высказалъ, что Мясниковы еще не дошли до того, чтобы дѣлать подлоги для полученія 272 тысячъ. По его словамъ, Бѣляевъ былъ не болѣе какъ управляющій ихъ дѣлами и опекуномъ надъ малолѣтнимъ ихъ племянникомъ; что бумаги имъ, Ал. Мясниковымъ, дѣйствительно были вынесены изъ кабинета покойнаго, но то были бумаги о его собственныхъ дѣлахъ; что къ Караганову съ просьбой подписаться за Бѣляева онъ не обращался; перевозилъ ли деньги къ Карагановой (бывшей своей любовницѣ) — не помнитъ и проч. Иванъ Мясниковъ въ общихъ чертахъ показалъ то-же что и братъ его. С.-Петербургскій мѣщанинъ Амф. Карагановъ подтвердилъ показанія свидѣтелей, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи, присовокупивъ, что Ал. Мясниковъ, въ самый день смерти Бѣляева, обращался къ нему, Караганову, съ просьбою подписаться за Бѣляева на чистомъ листѣ бумаги; не находя въ этомъ ничего предосудительнаго, онъ исполнилъ просьбу А. Мясникова, не получивъ, однако, за это ничего. О сохранной роспискѣ, выданной Бѣляевымъ братьямъ Мясниковымъ, въ первый разъ слышитъ и никогда и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы Бѣляевъ бралъ деньги у Мясниковыхъ на храненіе. — Вызванные въ судъ эксперты — учители чистописанія — числомъ 14 человѣкъ — нашли, что подпись, сдѣланная на духовномъ завѣщаніи, очень мало похожа на дѣйствительныя подписи покойнаго Бѣляева; точно такъ же въ дѣйствительности завѣщанія заставляетъ сомнѣваться и расположеніе строкъ, показывающее, что писавшій бумагу, очевидно, пригонялъ ихъ къ сдѣланной уже заранѣе подписи, чего не могло бы быть, еслибы завѣщаніе писалось по желанію Бѣляева и подписано имъ самимъ. Затѣмъ, на судѣ, свидѣтель Шевелевъ, русскій эмигрантъ, судившійся за участіе въ парижской коммунѣ и потомъ привезенный въ Россію, показалъ, что средства для бѣгства за-границу были даны ему Ижболдинымъ за то, что онъ письменно удостовѣрилъ, что духовное завѣщаніе составлено было послѣ смерти Бѣляева. На судѣ свидѣтель сознался, что показалъ на Мясниковыхъ ложно; что хотя онъ и въ очень дурныхъ съ ними отношеніяхъ за сдѣланный ими на него доносъ, тѣмъ не менѣе взводить на нихъ напраслину не хочетъ; а потому, по прибытіи своемъ въ Россію, возвратилъ Ижболдину взятыя у него деньги, требуя назадъ письмо.

По прочтеніи различныхъ документовъ, относящихся къ дѣлу, и по выслушаніи отзыва врачей объ умственномъ состояніи подсудимаго Караганова, приступили къ судебнымъ преніямъ. Обвинительную рѣчь произнесъ прокуроръ Кони, который, признавая подсудимыхъ виновными во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ, просилъ, однако же, присяжныхъ не увлекаться общественными толками а произнести приговоръ по спокойномъ и безпристрастномъ обсужденіи. Затѣмъ слѣдовали рѣчи защитниковъ: Ал. Мясникова (К. Арсеньевъ), И. Мясникова (Языковъ) и Караганова (Деппъ) и рѣчи повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ — Лохвицкаго и Острякова.

Послѣ получасоваго совѣщанія, присяжные вынесли оправдательный приговоръ для всѣхъ подсудимыхъ.

Смѣсь.

Іисусъ Христосъ и прелюбодѣйная жена.

Картина Тиціана.

(См. стр. 153).

Вечелли, прозванный Тиціаномъ, родился въ Кадорѣ, во Фріулѣ, въ 1477 году. Онъ былъ знаменитѣйшимъ представителемъ Венеціанской школы живописи въ періодѣ процвѣтанія искусства. Преимущественно славился онъ портретами, которые писалъ съ величайшихъ и знатнѣйшихъ людей своего времени. Извѣстенъ анекдотъ объ императорѣ Карлѣ V, который во время подобнаго сеанса, поднялъ кисть, уроненную живописцемъ, и при этомъ сказалъ, что «Тиціанъ достоинъ того, чтобъ ему прислуживалъ цесарь». Императоръ посвятилъ его въ рыцари и возвелъ въ графское достоинство. Аріосто, Марини и другіе поэты воспѣвали его въ стихахъ. Генрихъ III, проѣздомъ черезъ Венецію, лично посѣтилъ его. Богатство Тиціана соотвѣтствовало громадности его таланта. Его кроткій, веселый характеръ заставлялъ всѣхъ и каждаго любить знаменитаго художника, уважая въ то же время его безукоризненный образъ жизни. Тиціанъ умеръ въ глубокой старости, на 99 году отъ рожденія, заразясь во время чумы.

Прилагаемый рисунокъ снятъ съ одного изъ лучшихъ произведеній великаго живописца. Сюжетъ заимствованъ изъ евангельской исторіи, заканчиваемый словами Спасителя: «Кто изъ васъ чистъ и безгрѣшенъ, пусть первый броситъ камень» и далѣе: «иди домой и не грѣши».

Доброе товарищество.

(См. стр. 157).

Въ 1870 году, помѣстивъ рисунокъ «раздоръ въ стойлѣ», мы коснулись дружбы, устанавливающейся между лошадью и собакой, когда жизнь сводитъ ихъ почасту и надолго подъ кровомъ конюшни. Прилагаемый нынѣ рисунокъ изображаетъ одинъ изъ эпизодовъ этихъ дружелюбныхъ отношеній между животными, принадлежащими къ совершенно различнымъ семействамъ — хищныхъ и цѣльнокопытныхъ. Въ одно прекрасное утро, въ конюшнѣ, прибавилось разомъ нѣсколько новыхъ жильцовъ: это потомство одного изъ сожителей, настолько свыкшихся другъ съ другомъ, что второй изъ нихъ — лошадь — какъ бы, признавъ фактъ семейнаго счастія своей пріятельницы, переноситъ свою благосклонность и на юныхъ членовъ новой семьи, слѣдя за каждымъ движеніемъ ихъ — умными кроткими глазами.

2-й заемъ 1866 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 12-й тиражъ 1 марта 1872 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го марта 1872 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ сер.	№№ бил.	СУММА выигрыш.
22	17	1,000	3,938	43	500	8,557	5	500
89	49	500	4,087	43	500	610	17	500
75	4	500	178	13	500	616	36	500
100	32	500	225	27	500	864	42	500
273	26	500	311	35	500	885	45	500
360	38	500	345	40	500	932	49	1,000
403	19	500	359	48	500	9,014	23	200,000
435	24	500	385	9	500	073	39	500
492	47	500	551	36	1,000	180	33	500
567	27	500	577	21	500	183	9	500
654	2	500	662	11	500	290	12	500
706	27	500	742	21	500	370	19	500
1,083	28	1,000	874	19	500	346	31	500
092	15	500	916	43	500	392	21	500
155	38	500	977	31	500	431	9	500
157	36	500	5,067	36	500	437	17	500
321	30	500	105	31	500	456	42	500
426	18	500	285	46	500	460	5	500
461	49	500	307	36	500	460	9	500
465	13	75,000	380	43	500	507	45	500
489	47	500	407	40	500	561	10	500
521	45	500	435	20	1,000	634	48	500
573	21	500	439	27	1,000	687	36	500
589	21	500	441	38	500	706	49	500
609	40	500	443	18	500	910	14	25,000
638	27	500	493	13	500	916	28	500
725	37	500	579	6	500	980	27	1,000
774	41	500	617	43	500	10,032	36	500
799	2	500	697	2	500	044	39	500
972	19	10,000	741	40	500	091	25	500
2,019	28	500	756	43	500	148	37	500
021	20	500	765	6	500	339	20	500
109	20	500	813	46	500	597	40	500
234	43	500	6,034	35	500	724	23	500
269	42	500	061	7	500	767	38	500
371	36	500	125	43	500	788	31	500
432	48	500	143	49	500	978	4	1,000
478	31	500	164	27	500	985	43	1,000
508	15	500	165	24	500	11,068	49	1,000
543	41	500	572	15	500	230	7	500
590	46	5,000	616	28	500	239	42	500
613	31	500	628	9	500	242	30	500
651	16	500	650	27	500	307	43	500
694	42	10,000	662	14	500	416	16	500
781	12	5,000	777	32	8,000	428	15	500
831	45	500	779	10	500	439	30	500
849	16	1,000	945	1	500	515	37	500
864	6	8,000	960	39	500	653	10	1,000
965	29	500	970	45	500	829	8	1,000
998	5	500	977	6	500	871	34	500
3,025	21	8,000	7,060	10	500	941	30	500
064	4	500	298	18	500	986	27	500
121	19	500	403	23	500	12,002	7	500
166	42	500	485	43	500	039	50	40,000
175	38	5,000	622	17	500	118	15	500
212	18	500	683	26	500	240	41	500
262	27	5,000	703	49	500	324	32	500
382	7	500	786	35	500	325	26	500
448	39	500	832	11	500	363	38	500
521	50	1,000	851	36	500	384	22	500
534	29	500	893	48	500	589	50	500
544	38	500	932	30	500	595	16	500
574	48	500	8,026	50	500	692	1	500
625	48	500	104	34	500	778	40	500
788	50	500	122	3	1,000	784	40	500
889	19	500	542	7	500	959	15	500

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыш.
12,978	48	500	15,859	37	500	17,930	48	500
13,043	41	500	974	10	500	938	8	500
103	47	500	16,024	25	1,000	947	42	500
342	1	1,000	079	38	500	18,012	42	500
351	29	500	164	12	500	024	29	8,000
364	49	500	250	46	500	032	27	500
377	45	500	300	29	500	183	24	5,000
600	48	500	419	9	500	230	29	500
643	26	500	489	27	1,000	278	35	500
685	44	500	509	19	500	286	18	500
687	36	500	576	22	5,000	326	34	500
718	14	500	694	39	500	397	20	500
760	23	500	701	12	500	459	11	500
874	11	500	759	15	500	492	38	500
893	18	500	782	44	500	493	24	1,000
911	28	500	881	40	500	589	17	500
912	1	500	17,110	14	500	692	41	500
14,039	34	500	187	46	500	732	46	5,000
160	23	500	249	6	500	756	14	500
165	48	500	251	41	500	832	42	500
289	10	500	305	36	500	904	50	500
438	41	500	314	7	500	19,102	18	500
439	38	500	371	26	500	117	15	500
512	27	500	438	46	500	275	29	500
526	39	500	451	32	500	443	24	500
593	12	500	518	9	500	484	41	500
691	9	500	578	47	500	492	44	500
766	6	500	584	35	10,000	625	34	500
913	7	500	619	46	500	636	24	500
15,109	25	1,000	686	10	500	691	13	500
118	29	500	690	11	5,000	703	25	500
264	29	500	759	20	500	915	23	500
759	14	500	896	28	8,000	961	28	500
825	47	500	913	3	500	984	27	500

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, С.-Петербургѣ, съ 1-го Іюня 1872 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-го Марта 1872 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

658, 1.369, 1.555, 2.194, 3.238, 3.334, 3,857, 3.875, 4.458, 4.557, 4.695, 4.916, 5.034, 5.100, 5.130, 5.741, 6.534 6.581, 6.988, 7.531, 7.578, 7.937, 8.467, 9.527, 10.408, 10.536, 10,842, 11.370, 11.898, 11.988, 12.413, 12,453, 12.893, 12.895, 13.546, 13 623, 13.682, 14.809, 15.312, 15.511, 16.168, 16.458, 17.162, 17.577, 18.228, 19.956.

Всего 46 серій, составляющія 2,300 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го Іюня 1872 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 3 Марта 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типографія Тренделя, Вознес. пр., д. № 45—1

№ 11. 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 13 марта 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногороднныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

XI.

Женихъ.

Ѳедоръ Коржавинъ, послѣ щукинской передряги, словно въ воду канулъ. Иванъ Меркулычъ, пріѣхавъ на другой же день въ домикъ на Хамовой улицѣ, засталъ тамъ одного Ерофея, взволнованнаго, разстроеннаго и объяснявшаго свое смущеніе безпокойствомъ за племянника, который-де не ночевалъ дома и незнамо гдѣ обрѣтается. Щукинъ пристально и подозрительно поглядѣлъ въ глаза хозяину, но распрашивать больше не сталъ. Иванъ Меркулычъ и самъ еще порядкомъ не оправился отъ постигшей его семейной невзгоды; онъ замѣтно осунулся въ эту безсонную ночь; ему было стыдно завести рѣчь о вчерашнемъ, — и онъ обрадовался возможности того, что Ерофей Никитичъ говоритъ правду: авось оно шито и крыто будетъ; сгинулъ врагъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, не добѣжавъ до дому, а мертвые извѣстно народъ тихій — не выболтаетъ. Охотникъ позубоскалить на чужой счетъ, добрякъ Щукинъ никакъ не ожидалъ, чтобъ ему самому пришлось быть цѣлью насмѣшекъ; на словахъ шутникъ и легко относившійся къ жизни, онъ въ глубинѣ сердца былъ истый семьянинъ, души не чаялъ въ своей Нимфодорушкѣ и считалъ ее образцовой женой, смотря сквозь пальцы на ея болтовню съ гвардейскими офицерами. Вдругъ все рухнуло. Щукинъ какъ-то потерялся, и бродилъ по дому словно тѣнь, нигдѣ не находя себѣ мѣста. Вскорѣ затѣмъ, разузнавъ стороной, что въ ту памятную ночь на улицахъ Петербурга никакого мертваго тѣла не находили, и что мать Марѳа на зарѣ выѣхала изъ столицы, — онъ, припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ необычный видъ Ерофея при утреннемъ посѣщеніи, почуялъ тутъ какой-то подвохъ. Боясь огласки и зная Василья Коржавина за человѣка надежнаго и честнаго, Щукинъ рѣшился отписать ему, и повѣдавъ свою домашнюю бѣду, просилъ его накрѣпко заказать сыну, буде вѣдомо его мѣстопребываніе, чтобъ не выносилъ сору изъ избы, да и Ерофею съ Марѳой позажать рты. «Дома-то у меня ужь совсѣмъ не житье», писалъ Иванъ Меркулычъ, — «такъ хоть бы на люди выйдти сорому не было. Уйми молву — и за то спасибо скажу, коли не за что больше».

Въ Москвѣ, ничего не зная, поджидали Ѳедора, радовались его успѣхамъ, о которыхъ успѣлъ сообщить Ерофей.

— Я говорилъ, самъ выдерется малый, коли голова

на плечахъ есть, а въ коржавинскомъ роду никогда еще безмозглыхъ не бывало! похвалялся Василій Никитичъ. Вдругъ словно снѣгъ на голову пришло письмо Щукина.

Василій Никитичъ, прочитавъ его, закрылъ лицо руками и долго не могъ выговорить слова, — видно было только какъ побагровѣлъ самый лобъ его и натужились старческія морщины, да грудь тяжело поднималась, словно тѣсно тамъ стало, воздуху не хватаетъ. Испуганная жена кинулась-было къ нему на помощь — Василій сурово толкнулъ ее прочь.

— Зналъ я, что онъ мотъ, лѣнтяй, вѣтрогонъ, хрипло проговорилъ Коржавинъ, — а такимъ негодяемъ все-таки не считалъ...

И онъ грозно поглядѣлъ на жену, точно ее обвиняя въ этомъ.

— Батюшка, Василій Никитичъ, не мучь ты меня!.. взмолилась та, — скажи ты мнѣ: что Өедюшка?..

— Не смѣй мнѣ его поминать!.. Воръ твой Өедюшка — вотъ онъ что! въ бѣшенствѣ закричалъ Коржавинъ: — каково мнѣ отъ стараго друга попреки нести, что опозорилъ его... кто же?.. сынъ мой — понимаешь ты: мой, мой... его же пригрѣли, обласкали... Онъ же и отблагодарилъ — обокралъ, воровски отнялъ что ни есть самое дорогое у человѣка — миръ душевный, семью, добрую славу... Нѣтъ у меня сына послѣ этого!..

Анна Исаевна рѣдко видала мужа въ такомъ гнѣвѣ — и хотя знала, что сердце его отходчиво, только дай пройдти первой вспышкѣ, но теперь этого то именно и не могла сдѣлать...

— Ну, нѣтъ такъ и нѣтъ, обидчиво и рѣзко заговорила она, — а я все таки мать... подай письмо, коли толку отъ тебя не добьешься...

Но Коржавина уже кольнуло раскаяніе, какъ только онъ замѣтилъ, что старуха блѣднѣя тряслась всѣмъ тѣломъ и едва стояла на ногахъ. Василій Никитичъ смягчился, и усадивъ ее въ кресло, ходя изъ угла въ уголъ, сдавленымъ горловымъ голосомъ разсказалъ ей все какъ было...

— Убили!.. убили, голубчика мово!.. простонала Марөа Исаевна, заливаясь слезами и покачивая головой изъ стороны въ сторону: — ой, горько мнѣ... горько...

— Ну, что врать — полно!.. сорвавшимся голосомъ уговаривалъ Василій Никитичъ: — убили бы — по мнѣ оно туда и дорога, ну а братъ Ерофей все бы отписалъ... Небойсь, не таковъ парень чтобъ шею подставилъ — самъ всякаго наровитъ зарѣзать. .

Ему совѣстно было признаться, что и самъ онъ мучился прежде всего не за Щукина, не воровской продѣлкой сына, а неизвѣстностью объ томъ самомъ Өедюшкѣ, про котораго только-что запретилъ упоминать себѣ...

Рана Өедора, по осмотрѣ Ерофеемъ, оказалась потяжеле, чѣмъ думалъ самъ Өедоръ даже въ первую минуту испуга. Ножъ, разрѣзавъ руку, скользнулъ въ бокъ и чуть не зацѣпилъ лѣваго легкаго. У Марөы, при видѣ раненаго, внезапно проснулась вся прежняя родственная привязанность къ *плутишкѣ*, какъ она его называла. Боясь Щукина, Марөа ни свѣтъ ни заря уложила Өедора въ повозку и увезла его въ ближайшій раскольничій поселокъ, а потомъ къ себѣ, въ глушь Олонецкаго воеводства, въ каменозерскую киновію, ходила за нимъ какъ за ребенкомъ, баловала всѣмъ чѣмъ только могла. Өедоръ оправлялся медленно. Благодатный смолистый воздухъ олонецкихъ лѣсовъ, привольное житье и молодость взяли-было свое — и мѣсяца черезъ три Өедоръ началъ выходить; но мѣстные знахари съ лекарками, обкуривая да заговаривая его, растравили ему рану какимъ-то снадобьемъ и уложили его въ постель еще на полгода. Марөа между тѣмъ изо всѣхъ силъ хлопотала о примиреніи его съ отцомъ, каждую недѣлю посылала письма къ Василью Никитичу. Время дѣлало свое дѣло, заравнивая прошлыя язвины въ родственныхъ чувствахъ — и мало-по-малу все обошлось.

Вторичное выздоровленіе Өедора шло еще медленнѣе прежняго, такъ что провалявшись всю осень и зиму 1765 года, онъ только къ веснѣ 1767 собрался съ силами, не видя исхода изъ своего положенія. Ни кровинки въ лицѣ, вѣчно задумчивый, съ самаго утра онъ уходилъ въ лѣсъ и оставался тамъ до вечера. Мать Марөа дивилась такой перемѣнѣ и начинала съ нимъ заговаривать о томъ, какъ хорошо бы ему пристроиться въ обителяхъ древняго благочестія, гдѣ бы онъ могъ сдѣлаться свѣтильникомъ между начетчиками и учителями всѣхъ толковъ, выросшими на одной церковной грамотѣ. Өедоръ не возражая выслушивалъ долгія разглагольствія о его будущемъ возвышеніи въ средѣ раскола. Тетка уже принялась шить ему шелковыя ряски, какъ вдругъ, въ великомъ посту, отецъ прислалъ разрѣшеніе вернуться домой, даваемое въ послѣдній разъ какъ писалъ Василій Никитичъ. Въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ, что хочетъ сдѣлать послѣдній опытъ возвращенія обществу заблудшей овцы. Имѣлась въ виду женитьба Өедора на молодой помѣщицѣ, приставшей у нихъ въ домѣ и желавшей поскорѣе выйдти за мужъ чтобъ избавиться отъ опекуна.

Прочитавъ письмо, Өедоръ вдругъ сталъ прежнимъ Өедоромъ; толки объ расколѣ и новой дѣятельности были забыты; совершенно иная сторона жизни показывалась ему въ туманѣ будущаго — та сторона, съ которой онъ ознакомился впервые въ тихомъ семейномъ быту дяди Ерофея. Съ обычнымъ легкомысліемъ, Өедоръ ухватился за представлявшійся ему случай — и порѣшилъ ѣхать.

Отправляя письмо къ сыну, Василій Никитичъ дѣлалъ это неохотно, по просьбѣ жены и матери Красухиной, сразмаху порѣшившихъ заключеніе между собой родства, не спросясь молодежи. Вникнуть въ дѣло со всѣхъ сторонъ Василію Никитичу было недосужно. Иная важнѣйшая задача поглощала все его вниманіе и время. Случайный постоялецъ его, Галдилинъ, найдя въ хозяинѣ человѣка умнаго, на первыхъ же порахъ сталъ съ нимъ совѣтоваться какъ бы выполнить въ Москвѣ порученіе вѣневской воеводской канцеляріи, состоявшее въ томъ, чтобы развѣдать: что именно отъ выборныхъ потребуется, какъ разумѣть заявленіе какихъ-то требованій отъ сословій, для чего требованіи эти могли быть и проч. въ этомъ родѣ. Коржавинъ занялся разборомъ дѣла, прочелъ самый манифестъ, потолковалъ кое съ кѣмъ — и вдругъ ему блеснула возможность дѣятельности, о которой онъ такъ давно мечталъ и даже пострадалъ за попытку къ ней въ прошлое царствованіе. Прежній вопросъ жизни получалъ теперь полную округленность, явившись въ формѣ наиболѣе доступной и пригодной къ дѣлу.

— Что есть у насъ неладнаго — какъ не знать! размышлялъ онъ про себя, послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ съ Галдилинымъ. — Коли есть заявленія требованій отъ монархини — значитъ надо не потаить пе-

редъ трономъ наши немощи и мѣста больныя, а какъ Богу на исповѣди открыть все, что̀ на душѣ спрятано, Робѣть нечего — грѣшно...

— Я вотъ, Сила Силычъ, попробую написать, сказалъ онъ Галдилину, — ты можетъ послѣ и уразумѣешь, какіе пункты для тебя пригодны будутъ и выборку себѣ сдѣлаешь...

И Коржавинъ засѣлъ за составленіе перечня основныхъ мыслей къ улучшенію быта горожанъ. Увлекаясь дѣломъ, Коржавинъ представлялъ себѣ Галдилина гораздо болѣе смыслящимъ; но когда дошло дѣло до объясненія, Василій Никитичъ, изъ тупыхъ отвѣтовъ собесѣдника сразу понялъ безполезность съ нимъ трактацій. Нуждаясь въ подмогѣ, онъ пошелъ къ старому пріятелю Кряжеву, человѣку толковому, не разъ выбиравшемуся въ старшины по своему мастерству. Бесѣда съ нимъ пошла въ огласку и привлекла вниманіе всѣхъ московскихъ горожанъ на Коржавина, слывшаго всегда за человѣка очень умнаго и дѣльнаго. Объ немъ стали поговаривать теперь, что онъ былъ бы лучшимъ защитникомъ интересовъ городскаго сословія древней столицы. Василій Никитичъ словно помолодѣлъ. Домъ его сталъ наполняться различными посѣтителями; самъ онъ ходилъ по городу, собиралъ нужныя справки, а по вечерамъ писалъ свой перечень. Галдилинъ выпросилъ у него позволеніе списать копію съ перечня и съ торжествомъ поѣхалъ казать ее вѣневскому воеводѣ, оставивъ опекаемыхъ на рукахъ Василія Никитича.

Честолюбивый и крайне неразборчивый въ средствахъ какъ всѣ невѣжды, Галдилинъ расчитывалъ отличиться, выдавъ коржавинскій перечень за свой собственный, и быть выбраннымъ въ депутаты отъ вѣневскаго дворянства; онъ видимо даже заискивалъ въ Коржавинѣ, чутьемъ признавая его умственное превосходство. Это необыкновенно дѣйствовало на мать Груни. Простая отъ природы, старушка, видя что ихъ коршунъ дѣлался незлобивымъ голубемъ передъ Коржавинымъ, надумалась прямо обратиться къ Василію Никитичу за разрѣшеніемъ дѣла, которое давно уже лежало у нея на душѣ. Воспользовавшись отъѣздомъ Галдилина, она пришла разъ въ Василію Никитичу съ низкими поклонами, повѣдала свое горе и напрямки объяснилась относительно непремѣннаго желанія видѣть Груню за его сыномъ, прибавивъ притомъ, что Анна Исаевна уже согласна.

Выслушавъ съ неудовольствіемъ это открытіе, Василій Никитичъ не выдержалъ.

— Вы, мать моя, кажись поспѣшили не къ мѣсту, сказалъ онъ, откладывая рукопись къ сторонкѣ, — чужой вѣкъ заѣдать не пристало честнымъ людямъ; прежде всего я тебѣ скажу, что едва ли мой Ѳедька твоей Грушѣ пара...

И Василій Никитичъ не потаилъ темныхъ сторонъ своего сына, отнюдь не разсчитывая, насколько это объясненіе можетъ повредить сыну въ заключеніи безспорно выгоднаго союза.

Но старушка не легко отказывалась отъ разъ задуманнаго и стояла на своемъ.

— Э, батюшка, женится — перемѣнится; такого-то молодца и остепенить.

Слово за слово — Коржавинъ сдался.

— Да будетъ воля Божья, сказалъ онъ, — а я умываю руки.

Онъ написалъ письмо съ вызовомъ Ѳедора.

Но такое рѣшеніе дорого стоило Василію Никитичу; принялъ онъ его послѣ долгой борьбы какъ послѣднюю мѣру, и все-таки недоволенъ былъ этой уступкой родственному доброхотству.

Груня легко сживалась со всякой обстановкой, а въ Москвѣ у Коржавиныхъ было и лучше чѣмъ въ деревнѣ. Галдилинъ, втягиваясь противъ своей воли въ дѣло, которое онъ меньше всего понималъ, какъ-то привыкъ къ суетливости, замѣнявшей ему настоящую дѣятельность, — и по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома, поя подъячихъ по кружаламъ и стараясь вывѣдать отъ этихъ людей, знавшихъ не болѣе его, мнимыя тайны, разрѣшавшіяся здравымъ разсудкомъ. Груня, оставаясь дома, полюбила кроткую Анну Исаевну, довѣрявшую ей хозяйство, и принимала даже въ отсутствіи Василія Никитича его многочисленныхъ посѣтителей, у которыхъ всегда умѣла толкомъ выспросить, кому что нужно, и вѣрно передать хозяину. Про сватовство свое она не любила говорить ни съ кѣмъ изъ домашнихъ; даже матери она отвѣчала короткими ничего не значущими словами, вродѣ: «вотъ пріѣдетъ... увидимъ... посмотримъ... какъ будетъ». Разъ только она разговорилась объ этомъ, случайно и съ человѣкомъ совершенно постороннимъ.

Было послѣ Пасхи; стояла такая теплынь, что всѣ окна небольшаго домика Коржавиныхъ были отворены настежь; съ надворья изъ садика несло свѣжимъ и крѣпкимъ запахомъ распускавшихся почекъ, и Груня, сидя подъ окошечкомъ за шитьемъ, съ наслажденіемъ втягивала всею грудью весенній воздухъ, напоминавшій ей деревню. Она такъ отдалась этому чувству и воспоминаніямъ, что и не замѣтила какъ передъ ней за окномъ выросла фигура рослаго молодаго человѣка, казалось не рѣшавшагося нарушить ея думы. Случайно поднявъ глаза, она увидала красиваго офицера въ зеленомъ форменномъ кафтанѣ съ черными отворотами и свѣтлыми выпуклыми пуговицами. Снявъ шляпу, онъ обнажилъ свой красивый лобъ, обрамленный до бѣла напудреннымъ парикомъ, дававшимъ еще большую яркость и безъ того румяному лицу и усиливавшимъ блескъ его умныхъ глазъ.

— Прошу прощенія за безпокойство, началъ онъ, улыбаясь, — не здѣсь ли живутъ Коржавины?..

— Здѣсь, а что вамъ требуется? по обыкновенію просто отвѣтила Груня, слегка зардѣвшись при мысли о томъ, что г-нъ офицеръ долго могъ наблюдать ее незамѣтно, и быстрымъ движеніемъ переколола косынку на шеѣ.

— Хотѣлъ бы повидать Ѳедора Васильевича... вы не сестрица его?

Неожиданное сочетаніе этихъ двухъ вопросовъ на мигъ смутило Груню. Она затруднилась отвѣтомъ и стала еще красивѣе, въ глазахъ невольно залюбовавшагося офицера.

— Нѣтъ, я имъ не родственница... и Ѳедора Васильевича здѣсь нѣтъ, запинаясь проговорила она: — я не могу вамъ точно сказать, когда его ждутъ... Вотъ погодите, придетъ Василій Никитичъ, все вамъ скажетъ... А мы сами пріѣзжіе.

Посѣтитель, подумавъ, наклонилъ голову и прошелъ въ низенькую калитку, а за тѣмъ на крылечко и въ горенку, гдѣ сидѣла Груня.

— Мнѣ, право, совѣстно, я бы ни за что не зашелъ къ вамъ, когда никого дома нѣтъ, началъ онъ, садясь и откладывая шляпу съ перчатками на столикъ, — да ужъ не знаю, удастся ли вдругорядь повидать ихъ... Такая даль, да и спѣшка теперь у меня съ работами...

— А вы хорошо знаете Ѳедора Васильевича? мед-

ленно спросила Груня, не поднимая глазъ отъ работы.

— Какъ не знать! жили три года вмѣстѣ какъ братья родные! отвѣчалъ тотъ, съ видимымъ удовольствіемъ при этомъ воспоминаніи.

Груня тихо подняла на него внимательный и долгій взглядъ, какъ бы изучая незнакомца. Глаза ихъ въ первый разъ встрѣтились.

— Что я васъ спрошу... начала Груня, снова потупляя глаза и особенно сдержаннымъ голосомъ: — вы скажите мнѣ только по душѣ... Каковъ онъ? Ѳедоръ-то Васильевичъ?

— Молодецъ, красавецъ собой, щеголь, разбитной зами ждала отвѣта, повидимому придавая ему большую важность.

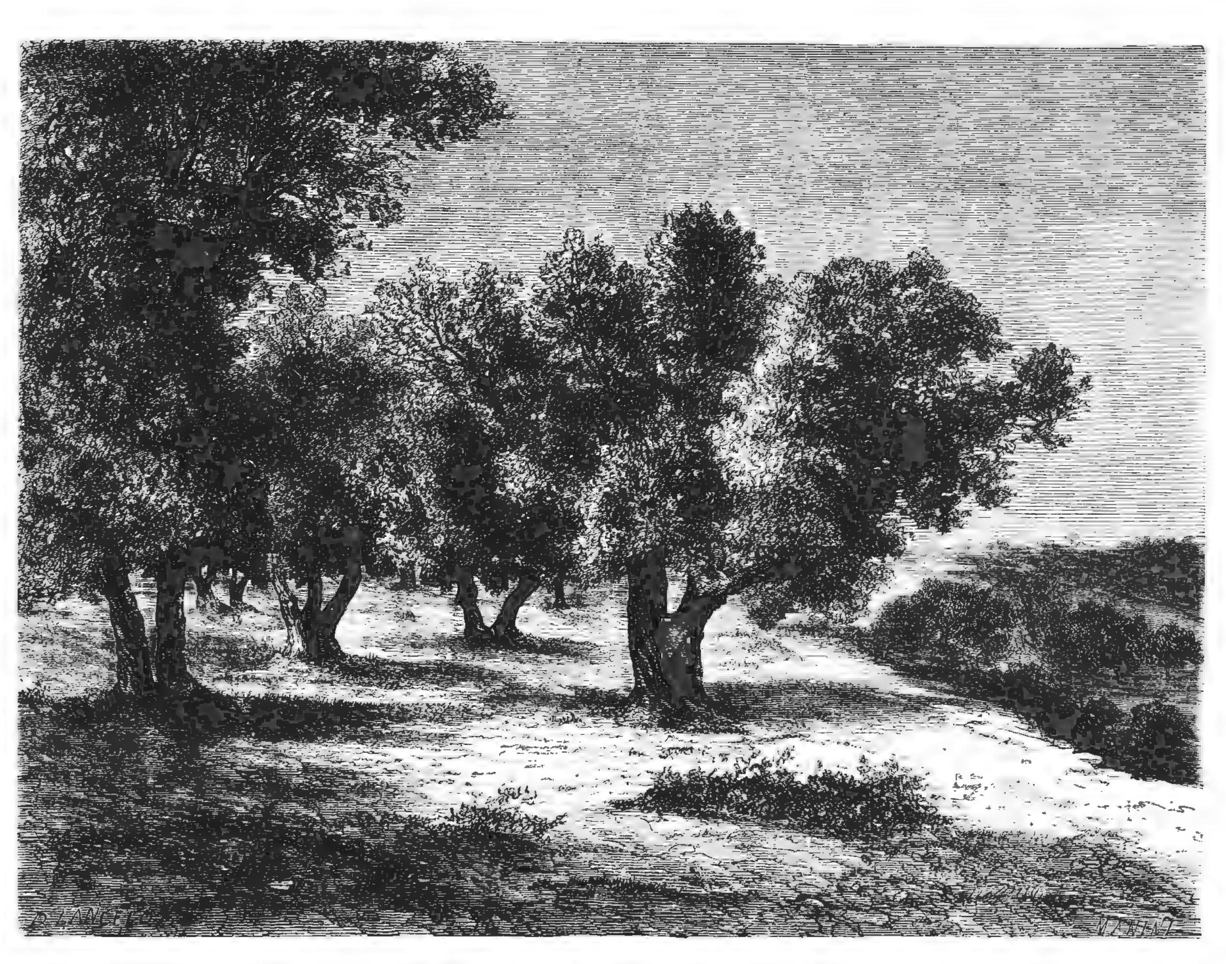
— А еще? выговорила она наконецъ, все съ тѣмъ же ожиданіемъ и не безъ примѣси тревоги.

— Еще-то?.. Что же еще!.. терялся офицеръ, какъ бы досадуя въ то же время на свою ненаходчивость, — малый молодой...

— Ну, и будетъ, больше не надо, сказала Груша, круто принимаясь за иглу.

— Чего же не надо? улыбнулся офицеръ, — да вы пожалуй этакъ составите себѣ какое нибудь понятіе о немъ...

Груня помолчала.



Поле крови (въ Палестинѣ).

(См. стр. 176).

малый... заговорилъ офицеръ, самъ видимо наслаждаясь той легкостью, съ которой у него вязался разговоръ съ незнакомой дѣвушкой.

— Нѣтъ, не то! Богъ съ ними со щеголями! я васъ не объ этомъ спрашиваю... Каковъ человѣкъ?.. не изъ себя, а нравомъ какъ?

Послѣднія слова Груня такъ примѣтно и внушительно оттѣнила, что собесѣдникъ съ удивленіемъ окинулъ взглядомъ эту молоденькую дѣвушку.

— Такъ вамъ надо съ этой стороны? все еще полушутливо, но уже озабочиваясь, произнесъ онъ и придвинулся ближе къ Грунѣ, — человѣкъ не худой... не злой... путался онъ, видимо пріискивая какое нибудь достоинство Ѳедора.

Груня воткнула иглу въ работу и серіозными гла-

— Конечно, ужь теперь-то я его понимаю, сказала она, слегка вздохнувъ.

Офицеръ по видимому находилъ все большее и большее удовольствіе въ этой бесѣдѣ.

— Гдѣ это вы набрались такой премудрости? проговорилъ онъ, придвигаясь еще ближе.

— Что жь за премудрость? Всякаго человѣка можно разглядѣть — были бы глаза.

— А вы Ѳедора-то еще и не видали, а заключаете.

— Слухомъ земля полнится... подъ-часъ довольно двухъ словъ объ человѣкѣ, чтобы смекнуть...

— Ну, вотъ мы съ вами перекинулись не двумя словами — смекните, каковъ я по вашему?

— Объ васъ рѣчи не было, да объ себѣ человѣкъ

правду и не скажетъ, отвѣтила Груня, быстро и не безъ лукавства взглянувъ на собесѣдника.

— Отчего же не сказать?.. Шила въ мѣшкѣ не утаишь...

— Утаить не утаишь, а прикрасить-то никто не помѣшаетъ... А вотъ и родитель Ѳедора Васильевича! прервала она сама себя, увидавъ входящаго Коржавина.

васъ прожить въ чужой сторонѣ... Да какъ же это, батюшка?.. Ѳедоръ писалъ, вы кажись строительному обучались... недоговорилъ Василій Никитичъ, оглядывая кафтанъ гостя.

— Я строитель и теперь, а служу только по артиллеріи — на то была воля Ея Величества государыни... Дай ей Богъ долго царствовать, взыскала своей милостью! видѣла, что въ академіи не даютъ мнѣ хода,

Зимній Дворецъ.
Рисовалъ де-ла Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

Офицеръ всталъ и обратился къ хозяину.

— Пріятель вашего сынка, Василій Баженовъ, Ея Величества капитанъ отъ артиллеріи, отрекомендовался онъ съ поклономъ.

— Много наслышены, добро пожаловать! За честь покорнѣйше благодаримъ, что изволили посѣтить! привѣтливо говорилъ Коржавинъ, обнимая гостя.

— А здоровъ Ѳедоръ?

— Можетъ скоро будетъ теперь... У тетки все еще. Твою добродѣтель, батюшка, по гробъ не забуду... Вѣчный должникъ вашей милости... Какъ бы ему безъ

профессорство-то я заслужилъ, да все не давали; государыня и велѣла графу Григорію Григорьевичу опредѣлить меня въ артиллерію капитанскимъ чиномъ.

— На васъ, батюшка... Василій Ивановичъ, кажется?.. оправдалась пословица, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ. Графъ-отъ Григорій Григорьевичъ слышно здѣсь будетъ... съ государыней...

— Пока еще нѣтъ, а меня прислали произвести поправки, чтобы было гдѣ жить государынѣ и свитѣ и всѣмъ кто понаѣдутъ...

— Хорошее дѣло, батюшка; ну что слышно о созывѣ депутатовъ-то? А я, батюшка, отъ этой коммисіи жду полнаго умиренія и облегченія нашихъ тягостей, чтобы народу-то простому было повольготнѣе, на крестьянъ бы обратила государыня милостивое вниманіе...

— Ну относительно этого не знаю, сказалъ Баженовъ,—крестьянское дѣло трогать еще говорятъ рано. Отваженъ Григорій Григорьевичъ, да и тотъ не въ пользу этого; а Сумароковъ, піита, такъ прямо государынѣ писалъ, что крестьянъ въ Россіи освобождать нельзя, понеже дворянинъ останется безъ супа...

— Вишь какой умникъ выискался! всплеснувъ руками сказалъ Коржавинъ,—я разъ его только и видѣлъ, а ужь тогда сказалъ себѣ: путнаго не жди...

Коржавинъ принялся развивать свои виды. Бесѣда затянулась долго; Груня то уходила, то снова входила, хлопоча за самоваромъ, повидимому не обращая вниманія на бесѣду. Анна Исаевна съ Красухиной вышли къ чаю и тоже остались довольны разсказами Баженова о Өедорѣ. Прощаясь поздно вечеромъ, Коржавинъ просилъ Баженова заходить безъ церемоніи, авось молъ и Өедоръ подъѣдетъ; Грунѣ приказали проводить его до воротъ.

Выпуская гостя въ калитку, Груша остановилась передъ нимъ, какъ бы собираясь сказать что-то.

— Ну, чтожь, сказалъ добродушно улыбаясь Баженовъ, — чай вы и меня теперь ужь пересудили какъ Өедора?

— А то нѣтъ?!.. усмѣхнулась она, — вотъ теперь на прощанье пожалуй скажу: вы вотъ съ Өедоръ Васильичемъ ровесникъ—а ужь капитанъ, и строитель, и у государыни на хорошемъ щету... а онъ покуда не золъ да не худъ только и всего... А по моему, будь хоть золъ въ правдѣ, да найди себѣ дорогу, а у кого дороги нѣтъ — худо...

Баженову вплоть до дому мерещилась эта своеобразная рѣчь, усмѣшка и самый образъ не полѣтамъ сдержанной, умной и привлекательной дѣвушки.

У Коржавиныхъ тоже весь вечеръ только о Баженовѣ и толковали...

— Счастливы родители, у кого такой славный сынъ! говорилъ Василій Никитичъ, очарованный Баженовымъ,— а хорошемъ не скажешь худа. Вотъ бы женишокъ-то!.. обратился онъ къ старухѣ Красухиной, — а то что корысти въ моемъ Өедькѣ!..

— Ну, ужь ты, старина!.. заворчала Анна Исаевна, — радъ свое дѣтище охаять, лишь бы на своемъ поставить!.. Постыдился бы добрыхъ людей... А про молодца и я худа не скажу: всѣмъ вышелъ — и красивъ, и ловокъ, и уменъ... и рѣчистъ... Ну, а все супротивъ Өедюши куда же!.. горделиво закончила Анна Исаевна, въ простотѣ сердечной забывая, что не видала своего Өедюши лѣтъ десятокъ.

А Груня стояла въ самой глуши сада, лицомъ къ багровому закату, и держа на ладони что-то маленькое, скороговоркой говорила: «божья коровка, божья коровка, гдѣ мнѣ жить?..»

Маленькій жучекъ, точно треснувъ по швамъ, расправилъ крылышки, отдѣлился отъ ладони и плавно поднялся въ вечернемъ сумракѣ на воздухъ.

Груня задумчиво подняла глаза вслѣдъ за нимъ, остановила долгій взглядъ на пылавшей зарѣ, слезы выступили ей на глаза, сердце забилось какъ-то жутко и сладко, рука безсильно упала вдоль тѣла. . Опустивъ голову, Груня тихо шла къ дому, забывъ и божью коровку, и зарю, и даже гдѣ она сама...

— Такъ вотъ кого мнѣ сватаютъ? стояло у ней въ головѣ: — не золъ... не худъ... не дуракъ... не уменъ... ничего... ничего... ничего ровнешонько!..

(Продолженіе будетъ).

Зимній дворецъ

На мѣстѣ, занимаемомъ нынѣшнимъ Зимнимъ дворцомъ, находился при Петрѣ Великомъ большой и красивый домъ генералъ-адмирала графа Ө. М. Апраксина, который при смерти своей, 26 октября 1728 года, завѣщалъ его императору Петру II. Анна Іоанновна, по прибытіи своемъ изъ Москвы, послѣ коронаціи, остановилась прямо въ апраксинскомъ домѣ и наименовала его Императорскимъ дворцомъ, а другой домъ, принадлежавшій также къ этому дворцу и называвшійся *Кикиными Палатами*, велѣла сломать; 27 мая 1732 г. совершила закладку новаго дворца, поручивъ постройку его оберъ-архитектору графу-де-Растрелли. Но постройка новаго Императорскаго дворца производилась медленно, и Анна Іоанновна жила обыкновенно въ бывшемъ домѣ графа Апраксина, носившемъ уже въ народѣ названіе Зимняго дворца. Елизавета Петровна, по вступленіи своемъ на престолъ, составила для постройки дворца особую коммиссію и, сломавъ начатый Анной Іоанновной дворецъ и домъ Апраксина, на мѣстѣ обоихъ дворцовъ повелѣла начать постройку Зимняго дворца, по вновь начертанному графомъ де-Растрелли плану; сама же поселилась во временно построенномъ въ 1755 г. деревянномъ Зимнемъ дворцѣ, находившемся у Полицейскаго моста, гдѣ теперь домъ Елисѣевыхъ. Съ 1754 года начaлось строеніе дворца, которое было приведено къ окончанію только въ царствованіе Екатерины Великой. Для успѣшнаго производства работъ Екатерина Великая избрала главнымъ директоромъ И. И. Бецкаго, вмѣнивъ ему въ обязанность, чтобъ постройка Зимняго дворца была окончена лѣтомъ 1764 г. Желаніе императрицы было исполнено, и въ томъ же году она принимала въ Зимнемъ дворцѣ на первой аудіенціи турецкаго посланника, хотя окончательная отдѣлка всего вообще зданія продолжалась еще около пяти лѣтъ, до 1769 года. На сооруженіе Зимняго дворца, въ теченіи тридцати семи лѣтъ (1732 — 1769) израсходовано 2,622,020 руб. $19^{3}/_{4}$ к.

Зимній дворецъ расположенъ въ видѣ продолговатаго четвероугольника, и построенъ въ 4 этажа. Размѣры дворца: длина 65 сажень, ширина 50, а вышина около 12 сажень. Крыша дворца очень низка, такъ-что за различными украшеніями, находящимися на карнизахъ, ее почти не видно; только надъ дворцовой церковью возвышается куполъ съ позолоченнымъ крестомъ. Въ нижнемъ этажѣ колонны вездѣ іоническаго, а въ верхнемъ коринөскаго ордена. Главный фасадъ, украшенный террасами, статуями и каріатидами выходитъ на Большую Милліонную улицу. Въ срединѣ его большія ворота, а по обѣимъ сторонамъ нижняго этажа подъѣзды. Съ Невы

только одинъ подъѣздъ. Съ западной стороны боковыя части зданія выдаются въ видѣ короткихъ флигелей, а съ восточной продолжаются длинными флигелями и образуютъ небольшія площадки. На западномъ концѣ дворецъ соединяется съ Эрмитажемъ посредствомъ галлереи на сводахъ. Въ общности же Зимній дворецъ имѣетъ чрезвычайно величественный видъ и считается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ искусства.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, 17 декабря 1837 года, Зимній дворецъ, бывшій, начиная со времени царствованія Екатерины II, мѣстомъ постояннаго пребыванія Императорской Фамиліи, отъ неосторожности сгорѣлъ; но Эрмитажъ былъ спасенъ а равно и всѣ драгоцѣнности, картины, книги, бумаги, и пр. Вскорѣ послѣ этого несчастнаго случая для возобновленія Зимняго дворца была составлена, по Высочайшему повелѣнію, особая строительная коммиссія изъ семи членовъ и архитекторовъ Штауберта и Стасова, подъ предсѣдательствомъ министра Императорскаго двора, и черезъ годъ съ небольшимъ дворецъ былъ возобновленъ еще съ большей роскошью, но въ прежнемъ видѣ.

Между различными покоями дворца особенно замѣчательны слѣдующіе: *Зала Петра Великаго*, обитая краснымъ бархатомъ съ золотымъ шитьемъ, съ серебряными канделябрами и такимъ же столомъ, съ трономъ и портретомъ Петра Великаго, работы Амикони; *Георгіевская зала*, образующая четвероугольникъ въ 20 сажень длины и слишкомъ $8^1/_2$ сажень ширины, украшенная колоннами коринѳскаго ордена, съ золотымъ трономъ посрединѣ ея, и освѣщаемая 10 великолѣпными люстрами; *зала съ гербами различныхъ губерній*, одна изъ самыхъ огромныхъ залъ, украшенная колоннами и позолоченнымъ балкономъ; *Фельдмаршалская зала* съ портретами знаменитыхъ русскихъ вождей: Суворова, Румянцева, Потемкина, Кутузова, Паскевича, Дибича, и двумя большими картинами, работы Виллевальде и Ораса Верне, изображающими: одна, эпизодъ изъ венгерской, а другая—изъ польской компаніи 1831 г.; *военная галлерея*, съ портретами: им. Александра I, Великаго князя Константина Павловича, короля прусскаго Фридриха-Вильгельма, Франца I, императора австрійскаго, Веллингтона, побѣдителя при Ватерлоо, и Барклая-де-Толли, побѣдителя при Кульмѣ, Кутузова и Блюхера. Всѣ эти портреты въ натуральную величину; кромѣ того эта галлерея заключаетъ въ себѣ еще 250 портретовъ генераловъ, участвовавшихъ въ кампаніи 1812 г., и знамена различныхъ полковъ русской арміи, *Александровская зала* съ портретомъ им. Александра I и картинами, изображающими: 1. Вступленіе въ Парижъ, 2. Кульмское сраженіе, 3. Феръ-Шампенуазъ, 13 марта 1814 г., 4. Взятіе Лейпцига; *зала, гдѣ хранятся государственныя регаліи: большая корона*, вся литая изъ золота, подложенная краснымъ бархатомъ и осыпанная крупными драгоцѣнными камнями, и сверху украшенная большимъ яхонтомъ чрезвычайной величины; *малая корона*, также осыпанная бриліянтами; *скиптръ*, у котораго верхняя оконечность украшена огромнымъ алмазомъ, вѣсомъ въ 194 карата, купленномъ императрицею Екатериною II у грека Саффація за 500,000 р. (2,800,000 р. по нынѣшнему курсу), *государственная держава*, съ золотымъ крестомъ, украшенная драгоцѣнными камнями, и многія другія драгоцѣнности Зимняго дворца. Затѣмъ, не говоря уже о другихъ залахъ, украшенныхъ множествомъ картинъ, изображающихъ побѣды русскаго оружія, особенно замѣчательны: великолѣпная *золотая зала* съ превосходными малахитовыми вазами и богатыми канделябрами изъ лаписъ-лазури, гдѣ стѣны, потолокъ и двери, все позолочено; *бѣлая зала*, украшенная картинами Ватто и Грёза; *Помпейская галлерея* съ примыкающимъ къ ней четырехъугольнымъ садикомъ, среди котораго устроенъ красивый мраморный бассейнъ, и слѣдующая за тѣмъ *большая зала*, съ прекраснымъ портретомъ Императора Николая Павловича, убранная 11 громадными люстрами, которыя освѣщаются въ большіе праздники 5000-ми свѣчей. Въ этой залѣ можетъ помѣститься до 1500 человѣкъ.

Комнаты, гдѣ живетъ Императорская Фамилія, выходятъ на Адмиралтейскую площадь—и въ этой же части дворца находится кабинетъ Его Императорскаго Величества, отличающійся строгою простотою. Два большихъ стола, покрытыхъ бумагами и книгами, нѣсколько картинъ различныхъ школъ, кушетка, диванъ, два-три маленькихъ столика,—вотъ все украшеніе той комнаты, гдѣ были обдуманы освобожденіе крестьянъ и благодѣтельныя реформы нынѣшняго царствованія, открывающія собою новую эру въ нашей исторіи.

Придворная церковь, основанная въ одно время съ зданіемъ дворца и освященая 6 апрѣля 1762 г. во имя *Воскресенія Христова*, впослѣдствіи, при перенесеніи сюда древняго образа Спасителя на убрусѣ, переименована во имя *Спаса Нерукотвореннаго образа*. Изъ хранящихся въ ризницѣ вещей особенно замѣчательны: 1. Самое большое *Евангеліе*, въ серебряныхъ вызолоченныхъ доскахъ, съ изображеніями Воскресенія Христова и Евангелистовъ на финифти, печатанное въ 1689 г. Оно употребляется однажды въ годъ, въ день Св. Пасхи на Литургіи, и выносится изъ алтаря двумя протодіаконами, для чтенія перваго протодіакона, и ими же, по прочтеніи, обратно вносится. 2. *Евангеліе напрестольное*, въ кипарисныхъ доскахъ; верхняя золотая доска чеканная; на доскѣ въ серединѣ распятіе и Евангелисты изъ золота чеканной работы съ разными финифтяными украшеніями и драгоцѣнными камнями. На бокахъ досокъ Евангелія надпись: «*Повелѣніемъ Великаго Государя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, отъ сотворенія міра 7186, отъ Р. Х. 1678 лѣта; въ церковь Живоноснаго Воскресенія Христова, что, у него Великаго Князя вверху*». 3. *Крестъ золотой* съ Св. Мощами, сдѣланный 31 мая того же года. 4. *Сосуды* церковные, золотые, украшены драгоцѣнными камнями. Всѣ эти вещи: Евангеліе, крестъ и сосуды употребляются въ служеніи Литургіи при Высочайшемъ присутствіи. 5. *Часть ризы Господней*, въ золотомъ ковчегѣ, тоже, какъ показываетъ находящаяся на немъ надпись, приношеніе царя Ѳедора Алексѣевича. 6. *Небольшое Евангеліе*, содержащее въ себѣ весь Новый Завѣтъ, въ серебряномъ съ позолотою переплетѣ, печатанное по повелѣнію князя Василія Острожскаго въ 1580 г. и присланное Императору Николаю Павловичу юстицъ-актуаріусомъ королевской прусской службы Георгомъ Фридрихомъ Кейзеромъ.

Кромѣ этой церкви, во дворцѣ находится еще другая небольшая церковь во имя *Срѣтенія Господня*, отличающаяся вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Что будетъ въ 2072 году.

(Продолженіе).

Какъ двигатели вода и вѣтеръ ровно ничего не стóятъ, за паръ же надобно платить. Кромѣ того, въ падающей на поверхность земли водѣ и въ теченіяхъ нашей атмосферы скрывается такая бездна живыхъ или рабочихъ силъ, что въ сравненіи съ ними движущая сила всѣхъ существующихъ на лицо паровыхъ машинъ не имѣетъ почти никакого значенія. Одинъ большой водопадъ заключаетъ въ себѣ больше рабочихъ силъ, чѣмъ всѣ европейскія паровыя машины вмѣстѣ; одна сильная буря можетъ причинить такія страшныя опустошенія, что смѣшно было бы и думать о томъ, чтобъ опредѣлять ихъ корабельными фунтами или лошадиными силами.

Когда такимъ образомъ паръ началъ все болѣе и болѣе подниматься въ цѣнѣ, люди стали отыскивать средства, при помощи которыхъ они могли бы употреблять съ бóльшей пользой силу падающей воды и вѣтра, придавъ имъ свойственныя паровой машинѣ преимущества: правильность и безпрерывность дѣйствія. Дѣло шло о томъ, чтобы дѣйствующая сила, попеременно то могучая, то слабая, могла быть распредѣляема равномѣрнымъ образомъ на извѣстный срокъ времени. Надлежало собрать, скопить рабочую силу воздуха или воды, держать ее такъ - сказать въ запасѣ, для того чтобъ употребить въ случаѣ нужды. Выроставъ лѣса, изъ которыхъ произошли слои каменнаго угля, природа скопила рабочую силу,—и точно тоже самое сдѣлало и искусство, произведя порохъ и другія взрывающія вещества. Не должно ли оно было проложить другую дорогу, наложивъ временныя оковы на живую силу, которой не видать и конца, такъ ея много?

Вотъ въ какомъ положеніи былъ этотъ вопросъ въ началѣ XXI столѣтія. Какимъ образомъ онъ былъ разрѣшенъ—подробности этого мнѣ неизвѣстны. Я узналъ только отъ *Бекона*, что чорные цилиндры, лежавшіе на упомянутомъ выше экипажѣ, были *энергейа-теки*, т. е. хранилища или резервуары силы,—что нагруженный ими экипажъ передвигался помощію одной такой энергейа-теки, а другія назначались для домовъ, для того чтобъ поднимать въ верхніе этажи тѣ тяжести, которые поднимались въ прежнее время человѣческими руками и посредствомъ гидравлическихъ машинъ, или же для кузнецовъ, токарей и другихъ ремесленниковъ, которымъ нужны были не очень большія, но правильно-дѣйствующія машины. Для большихъ фабрикъ, гдѣ требовалась значительная движущая сила, такія энергейа-теки дѣлались въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ и дѣйствовали гораздо сильнѣе. Въ Англіи заведены для этого въ различныхъ мѣстностяхъ особыя фабрики, — да и въ другихъ странахъ Европы тоже.

Часть этихъ фабрикъ, находящаяся въ гористыхъ странахъ, собираетъ силу падающей воды, а другія — въ равнинахъ — силу вѣтра.

Какимъ образомъ были устроены эти машины и въ какой формѣ хранилась въ нихъ энергія, этого я не могу сказать. Я сдѣлалъ только на этотъ счетъ одну или двѣ гипотезы. Это должно быть что - то вродѣ сжатаго атмосфернаго воздуха, въ родѣ углекислоты или аммоніаковаго газа, которые, будучи подвержены сильному давленію, переходятъ въ твердое или жидкое состояніе, а по возвращеніи въ прежнее состояніе, связанная сила опять освобождается. Но я съ удовольствіемъ готовъ замѣнить эту гипотезу другою, лучшею,—и признаюсь, безъ всякаго колебанія, что я на этотъ счетъ не знаю ничего положительнаго.

Во время этого длиннаго объясненія *Бекона*, мы прошли довольно большое пространство и очутились передъ большими воротами изъ алюминія, чрезвычайно изящной работы, съ бросавшеюся въ глаза надписью: *Національная библіотека*. Мнѣ захотѣлось войти въ нее, но *Беконъ* замѣтилъ мнѣ, что обозрѣніе ея отниметъ у меня очень много времени, которое я могу провести быть можетъ болѣе пріятнымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ; а *фантазія* выразила мнѣніе, что въ это громадное зданіе, наполненное сверху до низу ученостью, лучше всего войти по дорогѣ проложенной черезъ большую площадь, виднѣвшуюся сквозь рѣшетку. Тамъ, между аллеями и грядами весеннихъ цвѣтовъ стояли превосходнѣйшія произведенія стараго и новаго времени, какъ бы въ подтвержденіе говореннаго *Фантазіею* на счетъ того, что истинное искусство все еще пользуется почетомъ.

Когда мы дошли до другой стороны площади, то тутъ я понялъ сдѣланное мнѣ *Бекономъ* замѣчаніе. Передъ нами, насколько можно было обнять взоромъ, тянулся рядъ строеній, представлявшихъ собою скорѣе городъ средней величины, чѣмъ зданія для храненія однихъ только книгъ. «Вы видите, что здѣсь надобно сдѣлать выборъ, если вы не желаете оставлять слишкомъ долго въ одиночествѣ мою пріятельницу Фантазію. На какое отдѣленіе человѣческихъ познаній желали бы вы взглянуть?».

— Меня интересуютъ, главнымъ образомъ, сочиненія по части естествознанія.

— Намъ невозможно осмотрѣть разомъ всѣ зданія, гдѣ хранятся эти сочиненія. Выберите лучше какую нибудь отдѣльную отрасль.

— Возьмемъ-те же, когда такъ, зоологію.

— Все еще слишкомъ обширная область, еслибъ даже мы ограничились однимъ только бѣглымъ обозрѣніемъ. Одна уже прогулка черезъ залы займетъ у насъ много времени. Возьмите лучше какое нибудь отдѣленіе зоологіи.

— Въ такомъ случаѣ я выбираю энтомологію.

— И это тоже нейдетъ; ограничьтесь однимъ какимъ нибудь разрядомъ насѣкомыхъ.

— Ну, такъ выбирайте же сами, чтó вамъ будетъ угодно, я пойду за вами.

Такимъ образомъ мы вошли въ одно зданіе. Я удивился, сколько было тутъ дежурныхъ. Одни изъ нихъ помогали своими указаніями еще болѣе многочисленнымъ посѣтителямъ, а другіе составляли списки или же дѣлали извлеченія для ученыхъ, которые не могли, за недостаткомъ времени, прочесть все, что появилось насчетъ занимавшаго ихъ предмета. Это была, какъ я слышалъ, превосходная школа для молодыхъ людей, которые не только пріобрѣтали такимъ образомъ познанія насчетъ книгъ и другихъ предметовъ, но дѣлались даже настоящими учеными.

Одинъ изъ библіотекарей, какъ я замѣтилъ, былъ

занятъ тѣмъ, что наклеивалъ съ величайшею осторожностью на какую-то кожу листы одной книги, которые были такъ ветхи, что чуть не разсыпались у него подъ рукою. Я вспомнилъ, что такимъ образомъ сохранены были отъ дальнѣйшаго разрушенія объуглившіеся свертки папируса, найденные въ *Помпеѣ* и *Геркуланумѣ*; но каково же было мое удивленіе, когда я, взглянувъ на заглавіе, увидалъ, что эта книга напечатана въ 1860 году въ Амстердамѣ! «Это дѣлается съ большей частью книгъ, напечатанныхъ въ XIX столѣтіи», замѣтилъ *Беконъ*: «въ то время ихъ печатали на выбѣленной хлоромъ бумагѣ, которая была чрезвычайно тонка и непрочна, поэтому-то до насъ и дошло очень мало книгъ того времени. Жаль, потому что въ этомъ столѣтіи было сдѣлано много такого, что достойно сохраненія».

Говоря откровенно, это сообщеніе не могло быть пріятно для писателя XIX столѣтія; но я смолчалъ и пошелъ за своимъ путеводителемъ черезъ длинный рядъ комнатъ,—пока, наконецъ, мы вошли въ очень большую залу, стѣны которой были покрыты сверху до низу рядами книгъ. «Это зало для двукрылыхъ; на какое сочиненіе по этой части желали бы вы взглянуть?» Увидавъ передъ собою тысячи книгъ, которыя всѣ безъ исключенія трактовали о мухахъ и комарахъ, я побоялся, что слишкомъ ясно выкажу, какъ сильно я отсталъ отъ науки XXI столѣтія; поэтому-то я и объявилъ, что вполнѣ доволенъ тѣмъ что видѣлъ, и что, кромѣ того, съ моей стороны было бы невѣжливо заставлять даму такъ долго ждать себя.

Такимъ образомъ мы оставили библіотеку, которую гораздо вѣрнѣе было бы назвать *библіополисомъ*, т. е. городомъ книгъ.

Когда мы выходили изъ воротъ, то мимо насъ прошло нѣсколько человѣкъ, которые, судя по ихъ одеждѣ, показались мнѣ ремесленниками или фабричными работниками, и я спросилъ *Бекона*, съ какой цѣлью пришли сюда эти люди.

— Это работники изъ сосѣдней фабрики, которые, когда очередь дойдетъ до нихъ, приходятъ сюда ежедневно на одинъ часъ, въ особо устроенную для этого залу, читать книги, выставленныя тамъ по распоряженію начальниковъ библіотеки, какъ подходящая нравственная пища. Въ разныхъ пунктахъ города, въ особенности же въ очень населенныхъ кварталахъ со многими фабриками и многочисленными работниками, находится очень много такихъ народныхъ библіотекъ.

— И много народу ходитъ въ эти библіотеки? Позволяютъ ли хозяева своимъ работникамъ ходить туда? Не убавляютъ ли они имъ за это платы? Не боятся ли хозяева, что такіе работники станутъ слишкомъ умны и слишкомъ учены».

— На первые два вопроса я долженъ отвѣчать вамъ утвердительно, а на два послѣдніе отрицательно. Опытъ научилъ хозяевъ, что ихъ собственная выгода требуетъ того, чтобъ они давали по одному часу въ день своимъ работникамъ, для того чтобъ эти послѣдніе пріобрѣтали спеціальныя познанія и продолжали развиваться посредствомъ чтенія полезныхъ сочиненій вообще. Это шло наравнѣ съ постепеннымъ введеніемъ новыхъ орудій, такъ какъ многое, что дѣлалось прежде руками, исполняется теперь посредствомъ машинъ. Богатство свѣденій и свѣдущіе работники теперь необходимѣе чѣмъ прежде, и число тѣхъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе однимъ только ручнымъ трудомъ, уменьшилось.

— Какъ жаль, сказалъ я, — что не всѣ могутъ пользоваться такимъ превосходнымъ обычаемъ.

— Этотъ обычай существуетъ для всѣхъ; нѣтъ ни одного человѣка, который не могъ бы слѣдовать ему.

— Ну, а тѣ, которые не знаютъ грамотѣ?

— Не знаютъ грамотѣ! Мы въ Европѣ, милостивый государь, а не въ Новой Гвинеѣ у папуанцевъ. При теперешнемъ соціальномъ устройствѣ всѣ читаютъ и пишутъ, а также знакомы съ первыми основаніями ариѳметики. Это основныя начала, которыя необходимы для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ въ области познанія и духовной культуры.

— Изъ этого я долженъ заключить, что теперь всѣ родители обязаны посылать своихъ дѣтей въ школу?

— Конечно! Какъ можете вы сомнѣваться въ этомъ! Если родители обязаны заботиться о пропитаніи своихъ дѣтей, то точно такимъ же образомъ они должны стараться и объ ихъ духовномъ воспитаніи.

— Это ихъ нравственная обязанность. Но, если только я хорошо васъ понялъ, то школьная повинность налагается теперь закономъ, а вѣдь это можетъ считаться посягательствомъ на личную свободу и родительскія права.

— Вы меня очень хорошо поняли. Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ замѣчаніе, вашъ взглядъ на этотъ предметъ слишкомъ одностороненъ. Хорошее государственное устройство не мыслимо, если каждый гражданинъ не жертвуетъ частью своей личной свободы для блага того цѣлаго, которому онъ принадлежитъ самъ въ видѣ части. Это дѣлается во многихъ другихъ случаяхъ, а между тѣмъ никто не видитъ въ этомъ ничего противузаконнаго,—потому что эта жертва перевѣшивается тѣми выгодами, которые она влечетъ за собою, когда человѣкъ принадлежитъ благоустроенной государственной ассоціаціи. Но кто говоритъ о правахъ родителей, тому не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія, что и дѣти также имѣютъ права, которыя они приносятъ при рожденіи. Къ числу этихъ правъ принадлежитъ и то, что будучи поставлены рожденіемъ среди цивилизованной государственной ассоціаціи, отвергающей глупость и невѣжество, они должны получать такое воспитаніе, которое давало бы имъ возможность пользоваться извѣстной частью этой цивилизаціи. И если родители злоупотребляютъ своимъ правомъ и превращаютъ его въ право сильнѣйшаго, то конечно государство должно вступиться въ это дѣло и защитить право дѣтей постановленіями закона. Дѣлая это, государство способствуетъ своимъ собственнымъ интересамъ, потому что опыты прошедшихъ столѣтій доказали намъ, что тюрьмы наполнялись большею частью тѣми, кто не умѣетъ ни читать ни писать.

— Еще одинъ вопросъ. Не было ли сопряжено введеніе школьной повинности съ большими, почти непреодолимыми затрудненіями?

— Что эти затрудненія не были особенно сильны, это можно видѣть изъ того, что школьная повинность была введена, еще въ XIX столѣтіи, во многія германскія государства безъ всякихъ возраженій со стороны народонаселенія. При введеніи въ другія страны эта мѣра встрѣтила было, какъ это всегда бываетъ при нововведеніяхъ, нѣкоторое сопротивленіе; но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ она вполнѣ вошла въ народное созна-

ніе,—и теперешнее поколѣніе, выросшее подъ ея благодѣтельнымъ вліяніемъ, проникнуто убѣжденіемъ, что упомянутыя выше начала знанія необходимы каждому гражданину, такъ что еслибы этотъ законъ былъ отмѣненъ, то школы все-таки не потеряли бы отъ этого ни одного ученика.

Беконовы объясненія навели на меня думу. Я не могъ объяснить себѣ, почему въ такомъ столѣтіи, когда слово «прогрессъ» слышится изъ столь многихъ устъ, это непремѣнное, само собою вытекающее условіе всякаго прогресса можетъ еще встрѣчать сопротивленіе. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что слово прогрессъ употребляется въ различномъ смыслѣ,—и я рѣшился спросить *Бекона*, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ въ XXI столѣтіи. Тѣмъ временемъ мнѣ бросилась въ глаза еще болѣе значительная масса зданій, чѣмъ зданія публичной библіотеки, тоже составлявшая собою нѣчто цѣлое. Я спросилъ о назначеніи этихъ строеній и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «это *національный музеумъ*», гдѣ сохраняются всѣ лучшія произведенія искусства и всѣ достопримѣчательности природы.

— Я понимаю, возразилъ я,—что посѣщеніе этого музеума потребовало бы, даже со стороны обыкновеннаго путешественника, нѣсколькихъ дней; но нельзя ли мнѣ взглянуть хоть на нѣсколько образцовъ?

— Хорошо, сказала *Фантазія*, остановившись передъ однимъ изъ домовъ, на которомъ была сдѣлана надпись: *Генеалогическій музеумъ*; — войдемъ-же въ этотъ музей, это одно изъ особенно любимыхъ мною заведеній.

Вѣрить ли мнѣ своему слуху? Дама сознавалась, что она любительница генеалогіи, слѣдовательно старыхъ пергаментовъ, родословныхъ книгъ, геральдики! Я пошелъ за нею—и мы вошли въ большую среднюю залу: но тутъ ничего не было, кромѣ длинныхъ рядовъ скелетовъ, которые, начиная отъ центра, все болѣе и болѣе развѣтвлялись. Я увидалъ тутъ старинныхъ знакомыхъ слоновъ, мамонтовъ, мастодонтовъ, лошадей, гиппотерій, анхитерій, палеотерій, лофіодонтовъ, аноплотерій, и т. д. Но между ними находилось также множество другихъ незнакомыхъ мнѣ созданій, размѣщенныхъ по мѣрѣ того какъ они появлялись въ теченіи времени, также какъ и по сродству формъ, и представлявшихъ собою сомкнутые ряды, причемъ тѣ члены, которые отличались бо́льшимъ сходствомъ между собою, стояли по близости, а тѣ, которые особенно разнились отъ нихъ, въ концѣ вѣерообразно-расходившихся рядовъ.

Теперь я понялъ, что значило въ устахъ *фантазіи* слово «генеалогическій»; дѣло шло не о дворянскихъ родословныхъ книгахъ, но объ указаніи того, какимъ образомъ различные виды животныхъ, жившихъ на землѣ одни за другими, произошли другъ отъ друга.

Такъ какъ *фантазія* придавала, повидимому, особенное значеніе этой разстановкѣ, то я счелъ за нужное замѣтить ей, что эта выставка вымершихъ породъ животныхъ не представляетъ еще желаннаго доказательства, такъ какъ и теперь еще существуютъ родственныя между собою, а также и переходныя формы.

На это она съ живостію возразила мнѣ: «ваши сомнѣнія изчезли бы, еслибъ вы познакомились со всѣми новыми открытіями нашего столѣтія».

Но эти открытія были совершенно неизвѣстны мнѣ, поэтому то я и долженъ былъ прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ; я спросилъ только: нѣтъ ли также въ этомъ музеѣ и прародителей человѣческаго рода? *Фантазія* указала на рядъ закрытыхъ фигуръ въ задней части залы, схватила меня за руку и хотѣла было вести меня туда. Но тутъ вмѣшался *Беконъ*, говоря: «Не позволяйте управлять собою моей пріятельницѣ *Фантазіи*; тамъ, въ темномъ углу, вы ничего не увидите, такъ какъ уже начинаетъ смеркаться. Намъ надобно идти домой, а вамъ въ гостинницу».

(Продолженіе будетъ).

Александръ Невскій и Дмитрій Донской.

(Окончаніе).

Справившись съ Тверью, Димитрій Іоанновичъ рѣшился наступить на Казань—и наступилъ такъ, что Казань ему покорилась; онъ посадилъ въ ней своего намѣстника, чѣмъ крайне обидѣлъ владыку Орды Мамая. Мамай выслалъ на него татарскаго Царевича Арапшу, и Арапша застигъ русскія войска врасплохъ. Это было за рѣкою Пьяною, избіеніе русскихъ было неимовѣрное, такъ что пошла пословица: *за Пьяною люди пьяны*. За тѣмъ Татары разграбили Великое княжество Рязанское и навели такой страхъ на Великаго Князя Олега, что онъ совершенно отступился отъ всякаго русскаго дѣла и сдѣлался ихъ первымъ подручникомъ. Съ Татарами шла на русскихъ всякая Мордва, Черемиса, Чуваши, за что на слѣдующій годъ землю ихъ опустошилъ князь Борисъ Городецкій.

Мамай снова двинулъ свои полчища, но Дмитрій Ивановичъ выставилъ противъ него войска и встрѣтилъ ихъ на берегахъ рѣки Вожи въ Рязанскомъ Княжествѣ. Татары были разбиты; то была первая побѣда наша надъ ними, и Дмитрій имѣлъ полное право скаазть: *Отступило время отъ нихъ; Господь же съ нами.* — Эта первая побѣда надъ Татарами произошла 1378 года августа 14.

Мамай и его Татары не могли простить Дмитрію этой побѣды. Мамай набралъ войска изъ Татаръ, Половцевъ, Хазарскихъ Турковъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буртасовъ или Жидовъ Кавказскихъ, Армянъ и самихъ Крымскихъ Генуэзцевъ, и двинулъ ихъ на Москву; къ нему присоединился литовскій Князь Ягайло и въ тайномъ союзѣ съ нимъ былъ Олегъ Рязанскій.

Почти вся Русь вспыхнула: отовсюду пошли люди къ Димитрію Ивановичу, и набралось у него войска больше *ста пятидесяти тысячъ*. Войска эти благословилъ знаменитый основатель Троицко-Сергіевской Лавры Сергій Радонежскій, онъ окропилъ воинство святою водою и далъ въ сподвижники двухъ схимниковъ Пересвѣта и Осляба.

6-го сентября 1830 года войска наши подошли къ Дону и стали на берегахъ рѣки Непрядвы, гдѣ и устроились къ битвѣ. Въ серединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Дмитрій Ольгердовичи, Ѳеодоръ Романовичъ Бѣлозерскій и бояринъ Николай Васильевичъ; въ собственномъ же полку Великокняжескомъ бояре Іоаннъ Ро-

діоновичъ Квашня, Михаилъ Брянокъ, князь Іоаннъ Васильевичъ Смоленскій; на правомъ крылѣ князь Андрей Өеодоровичъ Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и бояринъ Өеодоръ Грунка; на лѣвомъ князь Василій Васильевичъ Ярославскій, Өеодоръ Михайловичъ Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ сторожевомъ полку бояринъ Михаилъ Іоанновичъ, внукъ Акинөовъ, князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, братъ его князь Іоаннъ Тарусскій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ князь Владиміръ Андреевичъ, внукъ Калитинъ, Дмитрій Михайловичъ Волынскій, побѣдитель Олега и болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ, — Романъ Михайловичъ Брянскій, Василій Михайловичъ Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Воодушевленіе было общее. Великій Князь объѣзжалъ полки, среди которыхъ виднѣлось его черное знамя съ образомъ Спаса. Наконецъ показалися Татары. Дмитрій первый ринулся на нихъ, громко читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила.* Битва происходила на пространствѣ десяти верстъ. Татары, первое время, оттѣснили было русскихъ. Но вдругъ на нихъ ударили запасные полки—и они побѣжали. Русскимъ досталась огромная добыча, множество тѣлегъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями. Но битва была такова, что на этомъ, на Куликовскомъ полѣ насчитывалось до двухъ сотъ тысячъ убитыхъ; а Великаго Князя Дмитрія Ивановича только потомъ отыскали, да и то безпамятнымъ, въ изсѣченномъ шлемѣ и изсѣченныхъ латахъ, подъ срубленнымъ деревомъ.

Мамай бѣжалъ, а въ это время въ Ордѣ усилился потомокъ Чингизъ-Хановъ Тохтамышъ. Онъ разбилъ Мамая, Мамай бѣжалъ въ Кафу, гдѣ его Генуэзцы предательски умертвили. Тохтамышъ, воцарившися теперь въ Ордѣ, потребовалъ отъ русскихъ князей полной покорности. Дмитрій Ивановичъ въ этой покорности отказалъ на отрѣзъ. Прошелъ годъ, русскихъ купцовъ стали грабить на Волгѣ, и пошелъ страшный слухъ, что Тохтамышъ идетъ на Москву, а Олегъ Рязанскій указываетъ ему дорогу.

Великій Князь и Митрополитъ выѣхали изъ города, который сталъ защищаться самъ собою, своими собственными средствами; защита была до того смѣлая и упорная, что Тохтамышу пришлось пойти на хитрость, и на эту хитрость поддалась не только вся Москва, но и князь Остей, внукъ Олгердовъ, который ею управлялъ въ отсутствіи Великаго Князя. Онѣ вышли къ Тохтамышу съ хлѣбомъ и солью, и Остей погибъ первымъ. Татары ворвалися въ Москву, перебили жителей, разграбили все что могли, и наконецъ удалились когда брать стало нечего.

Великій Князь и Митрополитъ воротились на печальныя развалины, и сынъ Великаго Князя Василій Дмитріевичъ отправился въ Орду съ поклономъ и просьбою о мирѣ. Дань осталась прежняя, но вмѣстѣ съ тѣмъ осталось глубокое убѣжденіе, что Татаръ можно бить. А такого убѣжденія было довольно чтобы придать смѣлости русскимъ.

Великій Князь Дмитрій Ивановичъ Донской вступилъ на престолъ 1363 года, а скончался 1389 года.

Нечаянная встрѣча.

(Изъ переписки двухъ барышень).

15 марта.

Милая Аннетъ!

Еслибъ ты знала, какая тоска въ деревнѣ! Не только ваша ....ская улица, одна изъ самыхъ скучныхъ и пустынныхъ улицъ въ центрѣ города (въ этомъ я совершенно согласна съ тобою), но даже Пески, даже Петербургская сторона кажется мнѣ теперь сущимъ раемъ. Не только о какихъ нибудь удовольствіяхъ, которыя доступны въ Петербургѣ даже самымъ бѣднымъ классамъ, нечего думать,—мы лишены здѣсь даже общества. Хуже этого, здѣсь иногда и погулять-то негдѣ. Есть при домѣ садъ, но спрашивается: зачѣмъ я туда пойду? Гулять одной по сырымъ, хотя и расчищеннымъ уже аллеямъ, между лишенными зелени деревьями — какая тоска! Пробовала я гулять по деревнѣ, — но, не говоря уже о томъ, что тамъ теперь слякоть и грязь невылазная, тамъ и гулять-то негдѣ, такъ мало тамъ улицъ, если только это можно назвать улицами. Дома — скука невыносимая. Папа съ утра до ночи на заводѣ или же толкуетъ съ крестьянами. *Maman*, если не работаетъ, не снимаетъ какого нибудь узора или выкройки изъ «Вазы», то ужь навѣрное бесѣдуетъ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдокъ объ этомъ интересномъ журналѣ или же разсматриваетъ его вмѣстѣ съ нею. На меня совершенно всѣ эти работы и толки по поводу ихъ—страшную тоску наводятъ, хотя все это дѣлается главнымъ образомъ для меня же. Тамъ наприм. теперь *maman* вышиваетъ для меня прелестное бѣлое платье; но — спрашивается — куда я его надѣну? Впрочемъ, волею-неволею, а больше со скуки и я тоже помогаю *maman* вышивать это платье. Ну, играю на фортепіано, хотя — сама знаешь — какая ужь я музыкантша! И способностей у меня къ музыкѣ мало, да и учили-то меня плохо. Не знаю, какъ это другіе живутъ весь свой вѣкъ въ деревнѣ, но я съ этой жизнію рѣшительно не могу примириться. О, Петербургъ, очаровательный Петербургъ! увижу ли я опять когда нибудь тебя! Пиши мнѣ, милая Аннетъ, пиши какъ можно больше и чаще. Ты не можешь представить себѣ какое удовольствіе доставляютъ мнѣ твои письма. При одномъ видѣ твоего почерка на конвертѣ я уже оживаю. Прощай, цѣлую тебя.

Любящая тебя

Александра Скальская.

P. S. Мнѣ привезли изъ города новое платье для верховой ѣзды, синее репсовое, и шляпу съ синей газовой вуалью. Это просто восторгъ!

P. S. Совсѣмъ было забыла. Помнишь Николая Сергѣевича Ростовскаго, который года три тому назадъ такъ сильно ухаживалъ за мною, а потомъ куда-то пропалъ? Представь себѣ, онъ, говорятъ, получилъ большое наслѣдство, ѣздилъ за границу, теперь думаетъ поселиться въ нашихъ мѣстахъ и гоститъ пока у нашего управляющаго, съ которымъ онъ товарищъ по университету. Мы ждемъ его къ себѣ съ часу на часъ, но вотъ уже больше недѣли какъ онъ здѣсь, а къ намъ и глазъ не кажетъ. Противный! Не то, чтобъ я сколько нибудь интересовалась имъ, но, согласись сама, послѣ

всего того что было, съ его стороны это просто невѣжливо.

Аннетъ Моргунова къ Александринъ Скальской.

Милая Александринъ!

Вѣдь родятся же, наконецъ, на свѣтъ такія счастливицы какъ ты! А ты еще жалуешься на свою судьбу или по крайней мѣрѣ на свое настоящее положеніе! Да не говоря уже о томъ, что ты хорошенькая, чудо какая хорошенькая, твои родители только и думаютъ о томъ какъ бы потѣшить тебя. Мать вышиваетъ для тебя платье, отецъ покупаетъ лошадь, амазонку и все, что ты ни захочешь. Нѣтъ, вотъ попробовала бы ты пожить съ моими папа и *maman*. Папа, какъ человѣкъ безъ дѣла — не понимаю зачѣмъ онъ вышелъ въ отставку—и къ тому же какъ человѣкъ стараго покроя, съ утра и до ночи только и дѣлаетъ, что читаетъ нравоученія мнѣ, *maman*, прислугѣ, всѣмъ, кто ни попадется ему на глаза; слѣдитъ за всѣми домашними: кто что дѣлаетъ, кто куда пошелъ, а *maman*... *maman* просто запуганная женщина, хотя онъ и любитъ ее по своему. Съ утра до ночи хлопочетъ она по хозяйству, шьетъ на машинѣ, много-много что выйдетъ разъ въ недѣлю за покупками для дому, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія папа. Обо мнѣ и говорить нечего.

Если папа такъ третируетъ *maman*, то меня и подавно. «Лучшее для дѣвушки ожерелье — смиренье», говоритъ онъ. Я по цѣлымъ днямъ рта иногда не раскрываю и только колочу съ утра до ночи фортепіано или же вышиваю какія нибудь ненужности. Отъ времени до времени собираются у насъ прежніе сослуживцы папа; засядутъ въ карты; *maman* хлопочетъ о закускѣ, или ужинѣ, а я — мнѣ на этихъ вечерахъ еще тошнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Помогаю *maman* приготовлять закуску, не то хожу изъ угла въ уголъ, или же сажусь играть на фортепіано по приглашенію какого нибудь старичка, которому придетъ въ голову, что надо же наконецъ потѣшить и хозяйскую дочку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея папашу, который не жалѣлъ денегъ для ея воспитанія, хотя въ сущности я ровно ничего не знаю, даже и музыки, которую исполняю совершенно механическимъ образомъ, безсознательно. Единственная свѣтлая полоса въ моей жизни—это тѣ два года, когда вы жили въ нашемъ домѣ. Правда, папа не всегда отпускалъ меня къ вамъ, боясь чтобъ я не сдѣлалась свѣтской дѣвушкой, но все же я хоть видѣла какъ хорошо и весело живется другимъ, хоть твоей радостью радовалась. Теперь же, теперь и этого нѣтъ. Сиди въ четырехъ стѣнахъ. А ты, счастливица, жалуешься на то, что живешь въ деревнѣ, — въ деревнѣ, гдѣ ты вольна и свободна какъ птица. Ахъ, какъ бы я желала быть на твоемъ мѣстѣ, перемѣнить хоть на время окружающую меня обстановку! Деревня, лѣсъ и поле — что можетъ быть лучше этого? А у тебя ко всему этому есть верховая лошадь, на которой ты можешь ѣздить всюду куда тебѣ угодно. Что же касается до гостя вашего управляющаго, до Николая Сергѣевича Ростовскаго, то — знаешь ли, что?— я думаю онъ просто на просто забылъ тебя. Легко сказать три года! Въ три года много, какъ говорится, воды утечетъ, и ты изъ хорошенькой пансіонерки сдѣлалась настоящей невѣстой, а онъ изъ бѣднаго молодаго человѣка богатымъ собственникомъ. Ты о немъ— сознайся — и думать-то было забыла; какъ же ты хочешь, чтобъ онъ помнилъ тебя, — помнилъ по прошествіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ? Что же, послѣ этого, сказала бы ты, еслибъ тебя забыли не черезъ три года, а только черезъ три недѣли, какъ это случилось недавно со мною. Вотъ какъ это было. Недавно Лука Лукичъ, задушевный другъ и бывшій сослуживецъ папа, привелъ къ намъ на вечеръ новаго начальника отдѣленія Григорія Тимофѣевича Перепелкина. Но — умыселъ другой тутъ былъ — я сразу смекнула, что этотъ господинъ пришелъ къ намъ вовсе не для игры въ карты. Онъ думаетъ жениться; я для него, принимая въ разсчетъ состояніе папа, невѣста подходящая, вотъ онъ и познакомился съ нами. Онъ почти совсѣмъ не игралъ въ карты, а все больше держался около *maman* и меня, просилъ меня сыграть для него на фортепіано, былъ необыкновенно любезенъ, а когда онъ сталъ прощаться, то папа просилъ его приходить къ намъ запросто, на чашку чаю. Но вотъ уже три недѣли какъ онъ былъ у насъ, а между тѣмъ — ни слуху, какъ говорится, ни духу. Не то, чтобъ онъ особенно заинтересовалъ меня: представь, у него нѣтъ напереди двухъ зубовъ, онъ бѣлокурый, держится какъ-то натянуто, по высокаго росту и одѣтъ безукоризненно — такъ вотъ, говорю, хотя такая личность и не могла произвести на меня особенно благопріятнаго впечатлѣнія, но все-таки, употребляя твое выраженіе, это очень невѣжливо съ его стороны. Ну прощай, милка, цѣлую тебя тысячу разъ. Пиши мнѣ про деревню, а также про твоего прежняго поклонника. Неужели онъ такъ и уѣдетъ, не побывавъ у васъ?

Любящая тебя
Анна Моргунова.

Александринъ Скальская къ Аннетъ Моргуновой.

10 апрѣля.

Милая Аннетъ!

Николай Сергѣичъ – такой же чудакъ какъ и былъ. Представь себѣ, онъ пріѣхалъ сюда вовсе не по дѣламъ, а для того только, чтобы пожить, какъ онъ говоритъ, на свободѣ, въ деревнѣ. И вотъ онъ таскается по нашимъ болотамъ въ какихъ-то особенныхъ, высокихъ сапогахъ, снимаетъ виды, что-то пишетъ, словомъ: точь въ точь такой же какъ и былъ. И хотя ты и пишешь, что онъ будто бы забылъ меня, но на дѣлѣ этого что-то не видно. Правда, онъ долго не являлся къ намъ, за то теперь бываетъ довольно часто. Да вотъ и теперь: взглянула въ окно и вижу, что онъ идетъ къ намъ вмѣстѣ съ нашимъ управляющимъ. Какъ онъ хохочетъ! какъ хохочетъ! Противный человѣкъ! Впрочемъ, у него, слава Богу, еще всѣ зубы цѣлы. Это я говорю не въ укоръ твоему начальнику отдѣленія, а такъ къ слову пришлось. Прощай, милочка, цѣлую тебя тысячу разъ.

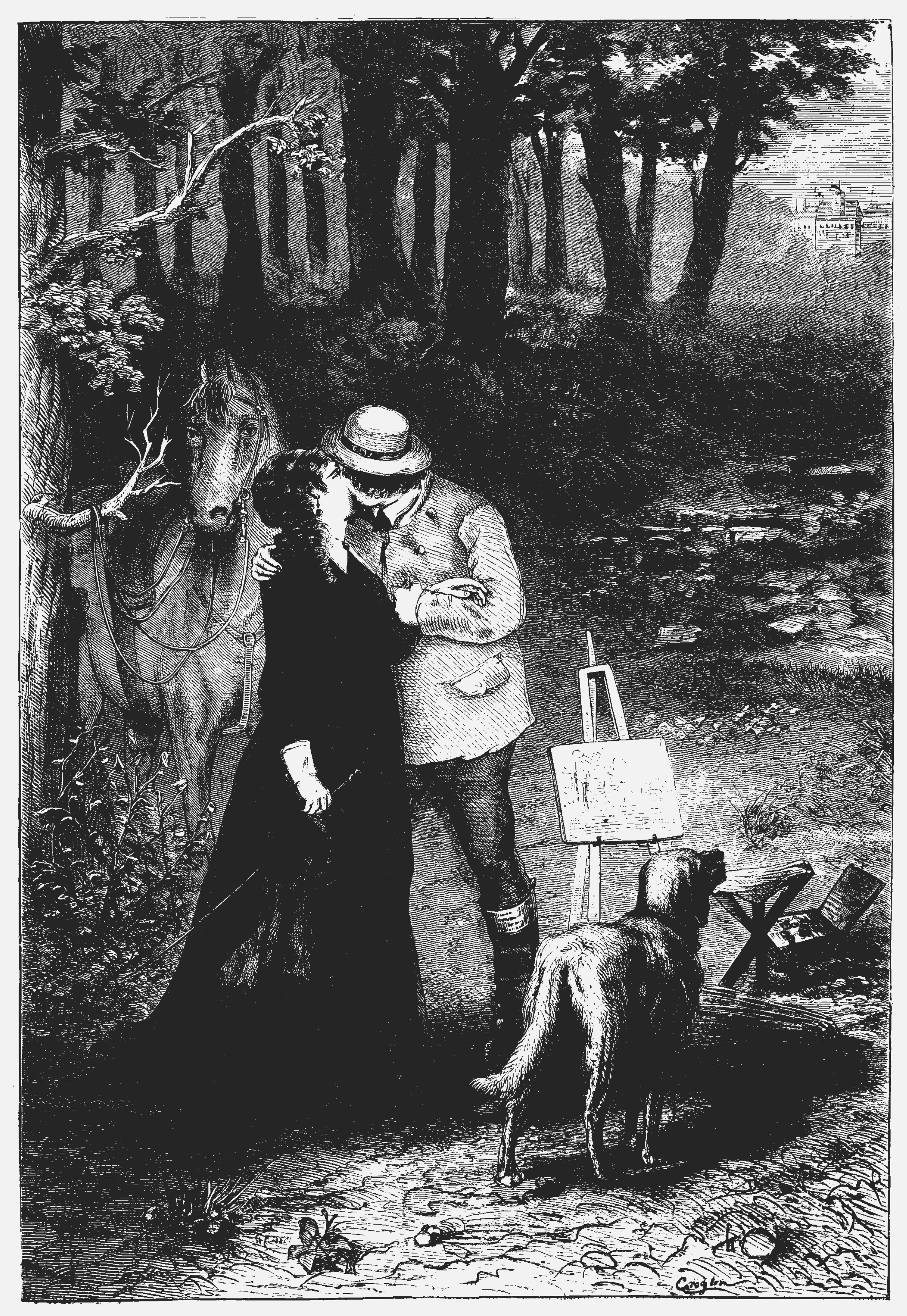
Любящая тебя
Александра Скальская.

Аннетъ Моргунова къ Александринъ Скальской.

Милая Александринъ!

Сегодня вечеромъ мы ждемъ къ себѣ Григорія Тимофѣевича. Онъ сталъ бывать у насъ довольно часто, и если бъ ты знала, какой это милый, умный и добрый человѣкъ. Извини, что мало пишу; нѣкогда. Цѣлую тебя тысячу разъ.

Любящая тебя
Анна Моргунова.



Нечаянная встрѣча. (Композиція Глеглера).

Александринъ Скальская къ Аннетъ Моргуновой.

22 мая.

Милая Аннетъ!

Поздравь меня, я невѣста! Вотъ какъ это было. Вчера вечеромъ я отправилась на своемъ вѣрномъ Али въ лѣсъ. Я ѣхала задумавшись и опустивъ поводья, какъ вдругъ эта глупая лошадь совершенно неожиданно завезла меня въ ту романтическую мѣстность, которую, какъ я слышала, снималъ въ то время Николай Сергѣевичъ. Само собою разумѣется, что мнѣ захотѣлось взглянуть поближе на его работу: я слѣзла съ лошади, мы разговорились и — и кончилось тѣмъ, что мы теперь женихъ и невѣста. Ахъ, если бы ты знала какъ онъ меня любитъ и какъ я счастлива! А все это этотъ глупый Али надѣлалъ.

Любящая тебя
Александра Скальская.

Аннетъ Моргунова къ Александринъ Скальской.

Милая Александринъ!

Цѣлую и поздравляю тебя, а ты съ своей стороны, поздравь меня. Вчера Григорій Тимофѣевичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Завтра будетъ наша помолвка, а черезъ мѣсяцъ свадьба.

Любящая тебя
Анна Моргунова.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ ряду губерній, обратившихъ преимущественное вниманіе свое на народное образованіе, не послѣднее мѣсто занимаетъ Рязанская. Дѣятельность рязанскаго земства на этомъ пути выразилась не столько открытіемъ новыхъ школъ, сколько исправленіемъ уже существующихъ, для чего имъ употреблялись различныя мѣры. Такъ, въ концѣ 1869 года, была открыта въ Рязани земская учительская семинарія, назначеніе которой — ежегодно выпускать нѣсколько десятковъ молодыхъ людей для занятія мѣстъ въ сельскихъ школахъ; въ ожиданіи перваго выпуска ихъ, земство устраивало лѣтніе учительскіе курсы, въ руководители которыхъ приглашались лица, знакомые съ пріемами начальнаго обученія: гг. Епинатьевъ, Столпянскій и другіе; для удобнѣйшаго снабженія сельскихъ училищъ книгами и разными учебными пособіями, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Рязанской губерніи открыты книжные склады и т. д. Все это показываетъ, что земство Рязанской губерніи поставило себѣ задачею — рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ довести дѣло народнаго образованія до такого положенія, когда оно будетъ въ силахъ подняться на ноги и существовать самостоятельно. Но преслѣдуя эту цѣль, нѣкоторые уѣзды зашли слишкомъ далеко: поставивъ себѣ за правило лишь *помогать* существующимъ школамъ выдачею имъ извѣстной суммы, они производятъ эти выдачи соразмѣрно съ расходами на этотъ предметъ самихъ обществъ, т. е. чѣмъ больше расходуетъ общество на школу, тѣмъ большимъ вспомоществованіемъ пользуется эта школа отъ земства, и на-оборотъ. Другіе уѣзды, не отступая отъ вышеуказаннаго правила, ограничились лишь небольшими пособіями, да закупкою книгъ для сельскихъ школъ. Нельзя не признать, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, главная бѣда заключается въ недостаткѣ опытности со стороны руководителей, которые требуютъ уже слишкомъ многаго отъ русскаго крестьянина, да частію и въ недостаткахъ самой системы. Вслѣдствіе принятой системы вспомоществованія, многія изъ школъ, дѣйствительно нуждающихся въ поддержкѣ, остаются неудовлетворенными, многіе изъ способнѣйшихъ и усерднѣйшихъ учителей — безъ поощренія, многія изъ сельскихъ обществъ — безъ поддержки.

На это печальное явленіе справедливо указываетъ и членъ губернскаго училищнаго совѣта Д. Д. Дашковъ — въ отчетѣ своемъ рязанскому губ. земскому собранію прошедшей сессіи. Въ этомъ отчетѣ приводятся данныя о состояніи народнаго образованія въ губерніи за 1870 годъ, изъ которыхъ можно вывести весьма полезный урокъ для будущаго. Перебирая различные способы выдачи пособій существующимъ въ губерніи школамъ, почтенный авторъ останавливается на четырехъ изъ нихъ, именно: 1) на обезпеченіи всѣхъ училищъ безъ исключенія, что возможно только при ограниченномъ числѣ ихъ въ уѣздѣ; 2) на выдачѣ пособій соразмѣрно затратамъ на школу самого общества; 3) на выдачѣ наградъ учителямъ за каждаго выученнаго ими ученика и 4) на выдачѣ пособій учителямъ по числу учащихся въ школахъ. Первый изъ этихъ способовъ удовлетворительнѣе остальныхъ, но имъ можно пользоваться только тогда, когда въ уѣздѣ школъ немного, а сумма, ассигнуемая земствомъ, значительна. Слѣдуя этой системѣ, можно достигнуть того, что въ уѣздѣ будетъ школъ немного, но за то хорошихъ. Второй способъ, очевидно, не выдерживаетъ критики, такъ одними только училищными расходами общества еще не можетъ измѣряться благосостояніе школы. О выдачѣ наградъ учителямъ за каждаго выученнаго ими ученика можно сказать, что въ теоріи это мѣра очень хорошая и могла бы служить довольно сильнымъ средствомъ для поощренія учителя, если бы общество или земство *предварительно* постаралось обезпечить его какъ слѣдуетъ. Иначе — всякія награды будутъ для учителя только журавлемъ въ небѣ. Наконецъ, число учащихся въ школѣ — хотя и даетъ нѣкоторое понятіе о трудахъ учителя, но одного этого условія еще недостаточно для того, чтобы судить объ его заслугахъ. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому простому рѣшенію, что участіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія не должно ограничиваться выдачею одного только пособія существующимъ школамъ; такъ какъ существованіе школъ, зависящихъ отъ общества да отъ случайныхъ пособій со стороны земства, не можетъ считаться прочнымъ. Къ такому выводу приходятъ, по видимому, и нѣкоторые изъ уѣздовъ Рязанской губерніи, напр. Михайловскій и Касимовскій. Не желая, однако, окончательно разстаться съ прежней системой, они прибѣгаютъ къ разнымъ переходнымъ мѣрамъ: первый изъ этихъ уѣздовъ, напримѣръ, желая упрочить существованіе школъ, вводитъ правило, чтобы приговоры объ открытіи училищъ постановлялись не менѣе какъ на три года; касимовское же земство, печальнымъ опытомъ убѣдившееся въ несостоятельности выдачи пособій всѣмъ училищамъ безъ изъятія, на послѣднемъ своемъ собраніи — изъ 75 училищъ отказало въ пособіи 33-мъ; такимъ образомъ, сумма, распредѣлявшаяся прежде между 75-ю школами, переходитъ теперь въ руки только 42-хъ изъ нихъ. Данковское земство придерживается иного порядка: почти всю свою смѣтную сумму (5,933 р.) оно расходуетъ на собственныя училища, на частныя же школы тратитъ только 400 р. (по 25 р. на школу — среднимъ числомъ). Вслѣдствіе такой системы, земскія училища процвѣтаютъ, постоянно увеличивая число своихъ учениковъ; частныя же, устраиваемыя на собственныя средства молодыми людьми, посѣщавшими лѣтніе курсы, хотя и значительно уступаютъ земскимъ, но, благодаря дѣятельности членовъ земства, все болѣе и болѣе распространяются. Впрочемъ, это явленіе — вполнѣ исключительное; въ большинствѣ же случаевъ, существованіе частныхъ подвержено всякимъ случайностямъ, а потому крайне непрочно. Не даромъ же очень многія изъ нашихъ земскихъ собраній, вмѣсто выдачи пособій суще-

ствующимъ частнымъ школамъ, какъ это дѣлаетъ рязанское земство, рѣшились лучше принять все содержаніе ихъ на земскій счетъ, согласивъ только сельскія общества на отводъ помѣщенія подъ школу, да на ремонтъ и отопленіе ея. Не даромъ также и самъ почтенный членъ рязанскаго училищнаго совѣта, въ заключеніе своего отчета, предлагаетъ «вмѣнить въ обязанность каждому уѣзду открывать по одному училищу на каждыя 30 тысячъ душъ обоего пола и содержать его на счетъ земства». Такимъ образомъ, по сдѣланному имъ разсчету, ежегодно открывались бы въ губерніи по 43 земскихъ училища, которыя, во первыхъ, могли бы служить примѣромъ для остальныхъ, во вторыхъ — своимъ успѣшнымъ обученіемъ внушили бы крестьянству довѣріе къ школѣ и, наконецъ, въ третьихъ — положили бы прочное основаніе дѣлу народнаго образованія въ губерніи, защитивъ его отъ неизбѣжныхъ случайностей и произвола. Само собою разумѣется, что предлагаемая мѣра нисколько не исключаетъ пособія со стороны земства тѣмъ изъ частныхъ школъ, которыя его заслуживаютъ, т. е. гдѣ общество представитъ надежныя ручательства за прочность своей школы.

Въ 1870 году, въ Рязанской губерніи было 423 начальныхъ (сельскихъ и городскихъ) училища; въ нихъ училось 15,340 дѣтей обоего пола; наибольшее число школъ приходилось на Касимовскій уѣздъ (75), наименьшее — на Раненбургскій (11), наибольшее число учениковъ встрѣчается въ Спасскомъ уѣздѣ (среднимъ числомъ по 49 на школу), наименьшее въ Скопинскомъ (по 20). Общая смѣта уѣздныхъ земствъ на народное образованіе составляла 34,800 р., что составляетъ 6% всѣхъ земскихъ расходовъ. Больше всѣхъ на народное образованіе жертвуетъ уѣздъ Данковскій (15 проц. своей смѣты). затѣмъ слѣдуютъ Касимовскій (10 проц.), Зарайскій и Спасскій (по 9½ проц.) и т. д.; Менѣе всѣхъ расходуютъ Ряжскій и Раненбургскій уѣзды (не болѣе 2 проц. своихъ смѣтъ). При этомъ въ особенности отличился послѣдній, почти ничего не истратившій изъ суммы, назначенной собраніемъ на нужды народнаго образованія. Изъ общей суммы уѣздныхъ сборовъ на народное образованіе 34,800 руб., на земскія училища предположено израсходовать до 7,000 руб., на пособіе сельскимъ училищамъ 20,000 рублей, т. е. почти *три пятыхъ* всей смѣты, а всего, слѣдевательно, на начальныя сельскія училища (земскія и частныя вмѣстѣ) 27,000 рублей или около *пяти седьмыхъ* всей суммы, ассигнуемой на образованіе народа изъ суммъ уѣзднаго земскаго сбора. Остальныя 7,800 руб. идутъ частью на среднія учебныя заведенія (?), частію же на стипендіи воспитанникамъ разныхъ учебныхъ заведеній. Такъ предполагалось распредѣлить суммы эти на 1871 годъ; но израсходованы ли онѣ въ самомъ дѣлѣ — не извѣстно; неизвѣстно потому, что нѣкоторые уѣзды Рязанской губ. какъ показалъ опытъ 1870 года, ухитряются дѣлать сбереженія даже изъ скудныхъ суммъ, отпускаемыхъ ими на пособія сельскимъ училищамъ. Спасскій уѣздъ, напримѣръ израсходовалъ въ 1870 году только половину назначеннаго по смѣтѣ, а Раненбургскій сберегъ почти всю сумму, ассигнованную земскимъ собраніемъ на земскія школы!!!

Что касается до расходовъ сельскихъ обществъ, то въ 1870 году они равнялись почти 20,000 рублей; въ 1871 г. предполагалось израсходовать столько же; а между тѣмъ, число сельскихъ училищъ въ губерніи увеличилось. Значитъ, содержаніе этихъ новыхъ школъ, а также увеличеніе пособія существовавшимъ, взяло на себя земство. Дѣйствительно, въ 1871 году четыре уѣзда увеличили свои смѣты на народное образованіе на 4,000 р., т. е. почти на 12 проц. Сведя вмѣстѣ всѣ эти суммы, получимъ, что на начальное образованіе уѣзды Рязанской губерніи тратятъ 54 тыс. р. с. въ годъ.

Къ сожалѣнію, въ отчетѣ не приводится свѣденій о количествѣ, составѣ и организаціи собственно земскихъ школъ, т. е. такихъ, которыя содержатся на средства одного только земства, имъ устроены и отъ него зависятъ. О нихъ только упоминается въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь касается Данковскаго уѣзда. А между тѣмъ, свѣденія такого рода убѣдительнѣе всего доказали бы разницу между земскими школами и частными, содержимыми на скудныя средства сельскихъ обществъ; рѣшительнѣе всего подвинули бы они сомнѣвающихся на тотъ путь, которому должно слѣдовать земство, искренно желающее просвѣщенія народа и не останавливающееся ни передъ какими пожертвованіями; тогда и доводы почтеннаго члена рязанскаго земства, представленные имъ въ концѣ своего отчета, получили бы бо́льшее значеніе.

Политическое обозрѣніе.

Проектъ закона противъ Международнаго Общества рабочихъ вызвалъ во французскомъ Національномъ Собраніи весьма бурныя пренія. Говорили и за проектъ, и противъ него; разсматривали вопросъ съ политической и экономической сторонъ и съ точки зрѣнія юридическаго права. Ораторы, защищавшіе проектъ, объясняли, какую опасность для общества и государства представляетъ подобнаго рода учрежденіе, указывали на сочувствіе къ нему рабочихъ классовъ, которые будто бы не прочь воспользоваться самыми разрушительными средствами, чтобы только достигнуть главенства въ государствѣ; а такъ какъ главенство труда должно неминуемо столкнуться съ главенствомъ капитала, то Международное Общество рабочихъ имѣетъ цѣлью вступить съ этимъ послѣднимъ въ борьбу, грозящую общественному спокойствію. Противъ проекта главнымъ образомъ говорили: бывшій рабочій, членъ Международнаго Общества Толэнъ и извѣстный писатель Луи-Бланъ. Первый изъ нихъ, коснувшись историческаго происхожденія Международнаго Общества, объяснилъ причины, вызвавшія его образованіе. Рѣчь Луи-Блана была ведена весьма искусно: съ необыкновеннымъ спокойствіемъ. ловкостью и находчивостью отражалъ онъ прерывавшія его выходки противниковъ, которые старались отвлечь оратора отъ главнаго предмета его рѣчи, чтобы втянуть потомъ въ безконечный споръ объ улучшеніи общественнаго строя. Разгадавъ заднюю мысль своихъ политическихъ противниковъ, Луи-Бланъ на всѣ ихъ прерыванія спокойно совѣтовалъ обратиться къ его сочиненіямъ, гдѣ они могутъ найдти его взглядъ на современное положеніе вещей и на мѣры къ выходу изъ него. Французская печать по этому вопросу также раздѣлилась на два лагеря. Болѣе независимыя газеты открыто возстали противъ новаго закона, находя его крайне не политичнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ указывали на то, что Междунар. Общество рушится само по себѣ, такъ какъ въ нёмъ чувствуется недостатокъ и въ капиталѣ, и даже въ членахъ. Несмотря, однако, на всѣ эти доводы, упомянутый проектъ закона былъ утвержденъ и скоро вступитъ въ силу.

Много шума также надѣлалъ во Франціи процессъ нѣкоего Жанвье-де-ла-Мота, бывшаго во времена имперіи префектомъ (главнымъ начальникомъ, представителемъ администраціи) Эрскаго департамента. Его обвиняли въ расхищеніи казны, въ подлогѣ, въ присвоеніи суммъ, отпущенныхъ въ видѣ пособія бѣдствовавшимъ рабочимъ, и проч. и проч. Разбирательство этого дѣла передъ судомъ руанскихъ присяжныхъ представляетъ едва ли не самую поучительную страницу исторіи Франціи за послѣднее время. Не говоря уже о необыкновенной сложности процесса, потребовавшаго до 650 вопросныхъ пунктовъ для присяж-

ныхъ и вызова 158 свидѣтелей, не говоря о видномъ положеніи и извѣстности подсудимаго, — дѣло это замѣчательно еще своей скандальной развязкой. Въ числѣ свидѣтелей по этому дѣлу вызванъ былъ и нынѣшній министръ финансовъ, Пуйе-Куртье, который, вдругъ, противъ всякаго ожиданія, принялъ сторону подсудимаго и принялся оправдывать его передъ судомъ. Тогда министръ юстиціи, Дюфоръ, по настоянію котораго начатъ процессъ, объявилъ что не желаетъ служить съ товарищемъ, который берется оправдывать проворовавшагося префекта; большинство министровъ также требовали отставки министра финансовъ. Президентъ Тьеръ долженъ былъ уступить требованіямъ своего кабинета и всего общественнаго мнѣнія Франціи, и принялъ отставку Пуйе-Куртье, лишившись такимъ образомъ единственнаго сторонника своихъ экономическихъ взглядовъ. Что касается до виновника всей этой исторіи, Жанвье-де-ла Мота, то онъ вышелъ сухимъ изъ воды, такъ-какъ руанскіе присяжные его оправдали. Поговариваютъ, что не надѣясь опять получить мѣсто префекта, онъ, при первыхъ же выборахъ, предполагаетъ баллотироваться въ депутаты Національнаго Собранія...

Преступникъ, покусившійся на жизнь англійской королевы Викторіи, о которомъ мы сообщали въ 9 № «Нивы», былъ схваченъ тотчасъ-же, находившимися близь кареты, придворнымъ лакеемъ и полицейскими; но, къ удивленію всѣхъ, пистолетъ, который онъ держалъ въ рукѣ, оказался почти никуда не годнымъ — и даже незаряженнымъ! Вмѣсто пороху и пули, въ него были забиты куски кожи и бумаги. Впослѣдствіи оказалось, что молодой человѣкъ не зналъ даже, что кладется прежде, — порохъ или пуля. На допросѣ онъ показалъ, что хотѣлъ только напугать королеву и тѣмъ заставить ее подписать бумагу о прощеніи заключенныхъ феніевъ (ирландцевъ, стоящихъ за независимость своего отечества). Подтвержденіемъ этихъ словъ служили и найденныя при немъ бумаги, именно: документъ объ освобожденіи феніевъ, писанный по формѣ, какъ-слѣдуетъ, на которомъ должна была подписаться королева, и клятвенное обѣщаніе отъ лица королевы-же, что молодой О'Коннор (имя молодаго человѣка) не будетъ повѣшенъ какъ обыкновенный преступникъ, но будетъ разстрѣлянъ, какъ подобаетъ христіанину и республиканцу, и тѣло его будетъ выдано роднымъ для погребенія. Его обвинятъ, кажется, въ намѣреніи нарушить покой ея величества.

Смѣсь.

Нива крови.

(См. стр. 176).

Противъ горы Сіона, на скатѣ горы *Злаго Совѣщанія* лежитъ *Горшечное поле* (Село Скудельниче), купленное для погребенія странниковъ за тридцать сребренниковъ, за которые Іуда продалъ Спасителя. Поэтому мѣсто это названо *Гашельдама*, т. е. Поле Крови. Св. Елена также предназначила это мѣсто для погребенія странниковъ и въ этихъ видахъ построила здѣсь квадратное зданіе. Въ настоящее время Кровавое поле принадлежитъ армянамъ и на немъ видны еще остатки квадратнаго строенія изъ большихъ камней и сохранилась часть склепа. Здѣсь теперь уже никого не хоронятъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Армяне выносили сюда своихъ умершихъ странниковъ. Тѣла не погребались, но ихъ опускали чрезъ отверстіе въ склепъ и складывали на голыхъ камняхъ. Мѣсту этому приписывали одну особенность — обращать трупъ въ прахъ въ теченіи сутокъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 10 Марта 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Тип... д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 20 марта 1872 года.

Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

XII.

Екатеринины орлы.

На дворѣ усадьбы Молчанова что-то готовилось. День былъ воскресный, пора обѣденная; народъ прямо изъ церкви собирался въ застольную, и на всѣхъ лицахъ сквозило ожиданіе чего-то праздничнаго, не совсѣмъ заряднаго.

Ключникъ Молчанова-Хмурова, дюжій мужчина, лѣтъ сорока пяти, съ бѣлокурыми завитками на красномъ и толстомъ какъ у быка затылкѣ, въ серединѣ обѣда привсталъ изъ-за стола—и оглядѣвъ всѣхъ, точно считая молодцовъ, внушительно отдалъ приказъ: «смотри, робя, не расходись; рогожскіе безперемѣнно придутъ къ намъ-отка и зададутъ намъ отмѣстку... ихъ эва кака тьма-тмущая, да можетъ и по дорогѣ кого прихватятъ.

— Да ты одинъ, Кузьма Исаичъ, за стѣнку постоишь, сказалъ малый стоявшій за вѣсами.

— Стоять буду, самодовольно произнесъ ключникъ,— только вы не выдавай; видишь, насъ какая пригоршня...

— Мальчишекъ-то у насъ мало, задиралъ! жалобно и нараспѣвъ отозвался приказчикъ, большой любитель народной потѣхи, не смотря на свою худобу и тщедушіе.

— Мы, дяденька, вчетверомъ пойдемъ, визгливо вставилъ вихрастый замарашка, въ синей рубашонкѣ, утираясь рукавомъ, — да вонъ и Сенька съ братомъ дьячковскіе тожь пойдутъ...

— А тѣ можетъ переметчики, сказалъ ключникъ, соблаговоляя отвѣчать даже этакому бойцу, — ну, да ладно. Держись только робя къ стѣнкѣ, чтобъ не оторвали. Съ рыла-то пусть подступаютъ, еще посмотримъ...

Въ такихъ переговорахъ шелъ обѣдъ; вдругъ въ избу ворвался другой мальчуганъ, рыжій, съ глазами па выкатѣ, и едва переводя духъ крикнулъ: «идутъ! идутъ!» Все мужское населеніе Молчановской усадьбы, конечно кромѣ хозяина, высыпало за ворота и размѣстилось по улицѣ вдоль наружной каменной стѣны, длинной, пестрой ниткой, въ которой нарядно перемѣшивались красныя и ситцевыя узорчатыя рубахи съ синими кафтанами и чуйками. По концамъ ея жались мальчишки-задиры малъ-мала-меньше, а въ срединѣ стоялъ краса кулачныхъ боевъ и вожакъ Молчановской артели, Кузьма Исаичъ. Бойцамъ не долго пришлось ждать соперниковъ... Столбы пыли съ Каретной равномѣрно по-

давались впередъ, показывая, что наступаетъ рать сила могучая. Рогожскіе забіяки, побитые въ прошлое воскресенье въ своихъ палестинахъ, привели съ собой видимо невидимо народу; наличность ихъ вполтора если не вдвое превосходила молчановцевъ; но въ рядахъ рогожскихъ недоставало единодушія, а молчановскіе стояли всѣ какъ одинъ человѣкъ—и на этомъ основывалъ надежду на успѣхъ Кузьма Исаичъ.

Съ приближеніемъ враговъ, онъ поставилъ своихъ потѣснѣе и самъ нѣсколько выступилъ впередъ...

— Ребята, держись крѣпче, плечомъ не здавай! говорилъ онъ, бодро оглядываясь и расправляя локтевые суставы.

Рогожцы шли весело, увѣренные въ себѣ, и мѣряя надменными взглядами малочисленную линію противниковъ, переговаривались, отпуская издѣвки...

— Прохоръ, мѣшки-то захватилъ-ли — молчановцевъ тащить? размахивая кулачищами, посмѣивался худощавый громаднаго роста кузнецъ.—Я вотъ съ этимъ толстякомъ перевѣдаюсь, говорилъ онъ, становясь насупротивъ Кузьмы.

На крыльяхъ боевой линіи раздавался уже задорный визгъ и вой побиваемыхъ мальчугановъ; у молчановцевъ подростки были не особенно сильны, а все мелюзга—и на нихъ-то напали парнищи лѣтъ по пятнадцати. Два сына Кузьмы Исаича свалились первые, за ними еще нѣсколько малолѣтокъ; рогожскіе парни, одолѣвъ ихъ, въ свою очередь наскочили на народъ здоровый и ихъ самихъ поперли назадъ... Тутъ уже и старшіе сошлись лицомъ къ лицу.

— Ты экаго видалъ ли? проговорилъ кузнецъ, скаля бѣлые зубы и вытягивая кулачище къ самому носу дороднаго ключника,—Фридерикъ амператоръ...

Кузнецъ не договорилъ... Кузьма Исаичъ, улучивъ мигъ похвальбы, развернулся—и вмѣсто отвѣта влѣпивъ ему ударъ между плечь, такъ и срѣзалъ его съ ногъ. Кузнецъ рухнулъ ничкомъ, перевернулся навзничь, катясь поземи... Изъ носу, изо рту забила кровь ключомъ... Онъ лежалъ неподвижно въ пыли, распластавъ руки.

— Ай-да ударъ! Вотъ такъ молодецъ! прогудѣлъ громкій басистый голосъ въ тылу рогожцевъ, такъ что ближніе невольно обернулись. За рядами ихъ, стоя въ коляскѣ, широкоплечій великанъ лѣтъ тридцати, въ зеленомъ мундирѣ съ красной выпушкой, черноволосый, круглолицый, румяный, съ крупными чертами красиваго лица, восторженно любовался боемъ.

Хотя бойцамъ и въ диковинку было появленіе такой особы и первая мысль пришедшая въ голову каждому была о вмѣшательствѣ власти, но ни рогожцамъ, ни молчановцамъ уже не до того было; кузнеца оттащили въ сторону, а на Кузьму рванулись разомъ трое.

— Не по чести! Не честно троимъ на одного! кричалъ офицеръ, но его не слушали, бой шелъ уже по всей линіи—и стѣна молчановскихъ ни на пядь не подалась. Изловчившись и собравъ всѣ свои силы, Кузьма свалилъ еще одного, а двое наступаютъ... Отъ ударовъ звенѣло въ ушахъ ключника; онъ шагъ за шагъ, отражая ихъ, подавался назадъ... Офицеръ не выдержавъ, рванулъ съ себя епанчу, выскочилъ изъ коляски, засучилъ рукава и крикнувъ Кузьмѣ: «держись—на выручку иду!» ринулся на противниковъ молчановскаго предводителя. Могучей рукой ухватилъ онъ за воротъ нападавшаго слѣва—и тотъ перевернувшись раза три турманомъ, отлетѣлъ въ сторону и едва удержался на четверенкахъ, опираясь растопыренными пальцами рукъ...

Въ то-же время Кузьма сразилъ послѣдняго противника; что-то хрустнуло вслѣдъ за пудовымъ ударомъ въ бокъ наотмашь — малый упалъ замертво... Стѣна Рогожцевъ прорвалась... Смятеніе стало общимъ и перешло въ безпорядочное бѣгство вразсыпную...

Бой пріостановился... Кузьма остался глазъ на глазъ съ пріѣзжимъ великаномъ.

— Ну-ка, со мною теперь!.. становясь передъ Кузьмой, проговорилъ тотъ.

— Ты же ваша милость отвелъ моего ворога — и мнѣ тебя бить?.. Такъ-то не приходится... Ино бороться... нерѣшительно говорилъ ключникъ.

— Берись, берись! поощрительно протягивая руки подбивалъ офицеръ,—только инъ безъ подножекъ, сила на силу...

— Что-жъ, изволь!..

Кузьма подошелъ, осклабляясь во всю ширину лица; противники обнялись крестъ на крестъ, и дружелюбно глядя другъ другу въ глаза, стали понемногу расправляться, пробуя полегоньку другъ друга и мало-по-малу забирая силу; лица ихъ становились серіознѣе, у Кузьмы оно даже покраснѣло и жилы на лбу напружились какъ веревки; послышался хрустъ, Кузьма отставилъ ногу и налегъ всѣмъ тѣломъ впередъ на грудь противника; тотъ подался немного, рванулъ Кузьму на сторону — и оба сцѣпились еще плотнѣй, тяжко дыша и обливаясь потомъ. Кузьма натужился и таки перегнулъ могучаго бойца навзничь, но тотъ справился и устоялъ, потомъ въ свою очередь навалился на ключника...

Рогожцы и Молчановцы, не смѣли дохнуть; наступила такая тишь, что слышалось, какъ упряжная лошадь ворошила копытомъ мягкій грунтъ немощеной дороги; толпа глазъ не спускала съ бойцовъ, остававшихся неподвижными. Вдругъ произошло что-то невиданное-неслыханное... Кузьма почувствовалъ, что ноги его отдѣлились отъ земли—и въ глазахъ изумленныхъ зрителей, грузное громадное тѣло его вытянулось на воздухъ и тяжко бухнуло въ землю сапожищами, поднявъ столбъ пыли... Но Кузьма устоялъ на ногахъ—и съ улыбкой въ глазахъ глядѣлъ въ лицо противнику...

— Молодецъ, перваго борца такого вижу!.. выпуская изъ своихъ тѣсныхъ объятій, вскрикнулъ офицеръ,—иди, братски поцѣлуемся... Какъ прозываешься?

Кузьма назвалъ себя, и трижды облобызалъ силача.

— А твою честь какъ величать? весело спросилъ онъ.

— Алексѣй Григорьевъ, какъ бы нехотя и запинаясь отвѣтилъ офицеръ.

— А можетъ прозвище еще какое?..

— И прозвище есть: Орловъ.

— Вотъ ужъ истинно въ точку-то попало; доподлинно орломъ и называть слѣдуетъ!.. степенно проговорилъ Кузьма Исаичъ, оглядываясь на своихъ.

— А мы съ тобой подъ стать другъ другу—еще бы побороться... Приходи ко мнѣ...

— Добро, для че нѣтъ! да гдѣ я тебя найду?..

— Приходи въ Кремль—знаешь арсеналъ?—спроси только — графа Орлова, всѣ знаютъ... только назови мое имя, чтобъ не привели къ брату... А это на водку всѣмъ—и битымъ и чья взяла...

Опроставъ тяжеловѣсный кошелекъ въ пригоршень, графъ Алексѣй Григорьевичъ видимо прывычнымъ жестомъ пустилъ ее вразсыпную по толпѣ; червонцы, зо-

лотымъ дождемъ блеснувъ въ воздухѣ, покатились во всѣ стороны. Пока толпа съ гикомъ, давя другъ друга, подбирала ихъ, Орловъ сѣлъ въ коляску, вороные дружно подхватили и умчали ее изъ виду.

Въ Кремлѣ у арсенала взмыленные кони остановились.

Зала съ двумя громадными стрѣльчатыми окнами, на-скоро преображенная въ кабинетъ генералъ-фельдцейхмейстера, казалась такою пустынною, что двое молодыхъ людей, работавшихъ у большаго стола, какъ-то исчезали въ ея просторѣ; а люди эти были не мелкаго десятка,—особенно одинъ, сидѣвшій на табуреткѣ, которому другой стоя объяснялъ какіе-то большіе чертежи, развернутые вдоль письменнаго стола. Тотъ, кому докладывалось, былъ красавецъ собой, съ правильными изящными чертами лица, дышавшаго смѣлостью, умомъ и спокойнымъ сознаніемъ силы. Въ губахъ и глазахъ съ поволокою поступало что-то страстное, но общее выраженіе лица было скорѣе задумчиво, чѣмъ оживлено. Порою впрочемъ въ глазахъ вспыхивала молнія, и необыкновенная подвижность бровей выказывала могучій характеръ. Высокій лобъ безукоризненной правильности, какъ бы скрывалъ присутствіе думъ, слѣдъ которыхъ отпечатывался только въ игрѣ складокъ между бровей. Это былъ самъ генералъ-фельдцеймейстеръ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, а докладывалъ ему строительные проекты капитанъ артиллеріи Баженовъ.

— Такъ смотри же, Василій Ивановичъ, говорилъ Орловъ,—не ударь лицомъ въ грязь передъ академическими-то... Бецкій своего француза не нахвалится.

— А что жь, Ламоттъ мой профессоръ и точно хорошій человѣкъ; я бы не хотѣлъ у этого заслуженнаго человѣка отбивать работу, съ почтительнымъ благородствомъ отвѣтилъ Боженовъ, — положимъ онъ старой школы, но все же съ большимъ талантомъ.

— Да французъ—ну и Богъ съ нимъ; мнѣ своего подавай...

Дверь съ шумомъ отворилась, и крупными шагами вразвалку вошелъ Анлексѣй Григорьевичъ Орловъ.

— Ну что, стрѣлецкая голова, каково погуливаешь на Москвѣ? подшутилъ генералъ-фельдцейхмейстеръ.

— А ты все сидишь? сказалъ Алексѣй, любовно глядя на брата, — ты бы шемелой этихъ дѣльцовъ отсюда!.. добродушно улыбаясь проговорилъ онъ, подалъ руку Баженову, и не дожидаясь пожатія, нагнулся къ плану.

— Это что у васъ тутъ?

— Да вотъ на случай, если государынѣ угодно будетъ показать Москвѣ благоволеніе, погостить здѣсь, такъ и дворецъ будетъ готовъ...

— А вѣдь славно... Гдѣ-жь вы думаете ставить?

— За то его и взялъ, что у молодца нѣтъ отказа, кивнулъ Григорій на Баженова,—говоритъ: все можно. Вотъ, какъ прикажутъ въ царицынской рощѣ замокъ построить—ну и пусть его...

— Ну, а мнѣ сооруди всероссійскую усадьбу, сказалъ Алексѣй, хлопнувъ Баженова по плечу,—молодецъ будешь... Вы совсѣмъ кончили? обратился онъ къ Григорію,—пойдемъ ко мнѣ, мнѣ до тебя дѣльце есть.

— Ладно!.. ступай себѣ, Василій Иванычъ...

Григорій Григорьевичъ всталъ—и братья пошли, взявшись подъ руку. Баженовъ свернулъ чертежи въ трубку—и въ свою очередь, выбравшись на крыльцо, тихо сошелъ со ступенекъ на сенатскую площадь. Яркій свѣтъ и припекъ весенняго солнца, голубое небо съ бѣлыми пушинками мелкихъ облачковъ, благодатный московскій воздухъ — все это было подъ ладъ настроенію самого Баженова. Не смотря на то, что онъ былъ почти свой человѣкъ у Орловыхъ, эта блестящая чета двухъ братьевъ красавцевъ—молодыхъ, богатыхъ, знатныхъ, сильныхъ милостью государыни и дарованной имъ властью, трогательно-дружныхъ между собой, — всякій разъ обаятельно дѣйствовала на Баженова, пробуждая въ собственной душѣ его смутное стремленіе впередъ, къ чему-то высшему, лучшему... Теперь, только что видѣвъ ихъ обоихъ вмѣстѣ, Василій Ивановичъ глубже чѣмъ когда либо чувствовалъ свое одиночество, свою оторванность, безцѣльность всего что онъ затѣвалъ и дѣлалъ. Онъ шелъ тихо, понуривъ голову, съ этой жутко-томительной и пріятно грустной думой, изрѣдка поглядывая вокругъ и любуясь окрестностью. Вдругъ потянуло свѣжестью воды, зеленью далекихъ садовъ — и какое-то сладкое воспоминаніе зашевелилось на сердцѣ. Баженовъ поднялъ голову—передъ нимъ синяя рябь Москвырѣки съ широкой, зеленѣющей панорамой Замоскворѣчья, съ его кривыми узкими улицами, верхушками безчисленныхъ церквей и колоколенъ... и... да, и съ маленькимъ домикомъ вонъ у самой у той красной церкви Климента папы римскаго.

— А чтожь?... вѣдь рано еще!... нерѣшительно пріостановился Василій Иванычъ, взглянувъ на свою семилоровую луковицу, — зайдти, можетъ Ѳедоръ пріѣхалъ...

Эта луковица и мысль о Ѳедорѣ напомнили ему парижское житье-бытье, Лосенку, Эмили—но все это какъ-то скользнуло въ умѣ Баженова. Словно радуясь приличному предлогу «зайдти», онъ проворно пошелъ на мостъ, а тамъ переулками наискосокъ Полянки, Ордынки и скоро очутился подъ окнами знакомаго сѣренькаго домика Коржавиныхъ.

Отворяя калитку съ желѣзнымъ кольцомъ, онъ забылъ и Орловыхъ и свое одиночество, и прошлое, и планы будущаго—ему какъ-то просто и хорошо стало на душѣ. Въ прохладной тѣни ветхаго, мшистаго забора, у курятника стояла Груня, жмурясь отъ косыхъ лучей въ щеляхъ ограды и бросая изъ фартуха хлѣбныя крошки. Куры обступили ее со всѣхъ сторонъ и, кудахча, зорко выглядывая круглыми мигающими глазками, поворачивая вытянутыя шеи, подбирали остатки хозяйскаго обѣда.

— Здравствуйте! весело крикнулъ Баженовъ въ свернутый планъ, словно въ говорную трубу.

Груня дрогнула, поднявъ голову; фартукъ выскользнулъ изъ рукъ, крошки высыпались кучей наземь, куры съ кудахтаньемъ кинулись ей подъ ноги... У дѣвушки еще стояли въ глазахъ зеленыя пятна отъ солнечныхъ лучей — и она напрасно присматривалась къ тому мѣсту, откуда раздался голосъ.

— Не узнали? сказалъ Баженовъ, подходя къ ней.

— Ахъ, нѣтъ... какъ не узнать! закраснѣвшись и заслоняя глаза ладонью, отвѣтила Груня:—милости просимъ, пожалуйте, пройдите въ горницы...

— А Ѳедоръ Васильичъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ еще... не бывалъ, съ легкимъ оттѣнкомъ досады проговорила Груня и побѣжала впередъ на крылечко, прихвативъ свое простенькое лѣтнее платьице.

На этотъ разъ Баженовъ просидѣлъ весь вечеръ. Чай пили въ саду, подъ черемухой. Груня хозяйничала, видимо напустивъ на себя степенную строгость. Старушки все присматривались къ Баженову. Василій Никитичъ

заговорилъ было съ тезкой о наказѣ, о проектѣ новаго дворца, но скоро уловивъ два-три взгляда, брошенные Баженовымъ на Груню, смекнулъ старческой опытностью въ чемъ тутъ сила—и лучисто сощуривъ глаза, обратился къ молодой дѣвушкѣ.

— Скажите-тко вы мнѣ, красавица моя, Аграфена Александровна, началъ онъ шутливо, — отчего это у насъ боярышни, пока въ дѣвичествѣ, умницы-разумницы, а какъ замужъ выскочитъ — либо облѣнится, либо сварливая станетъ, либо еще что похуже...

— А ужь не знаю, Василій Никитичъ, отвѣтила Груня, такъ похоже на него сощуривъ свои глазки, что онъ невольно ухмыльнулся въ бороду, — надо-быть не великъ ихъ умъ-разумъ, коли такъ скоро весь выходитъ...иная обрадуется, что вотъ на свою волю попала...а то можетъ настоящаго лиха не видали, такъ вотъ и выдумываютъ себѣ небывалое горюшко да заботу...

— Ну, а вы нешто видѣли? удивленно проговорилъ Коржавинъ, поднимая брови и вдругъ становясь серіознымъ.

— И, батюшка, вступилась Красухина старуха, — въ деревнѣ да въ сиротствѣ-то живучи всего насмотришся... Вѣдь она у меня всѣмъ бабамъ на селѣ — кому кума, кому сваха, кому что...

— Такъ, такъ!.. лукаво приговаривалъ Василій Никитичъ, — Ну, а вы, красавица моя, какъ же собираетесь за мужемъ жить — какъ всѣ аль на иную стать?.

— Какъ Богъ приведетъ да какъ мужъ захочетъ, сказала Груня, — дѣло женское покорливое — сама выбрала себѣ господина, поздно пенять что не хорошъ: только людей смѣшить!.. Даже старушки разсмѣялись при этой выходкѣ, а Василій Никитичъ поперхнулся чаемъ и закашлялся....

Одинъ Баженовъ задумчиво и внимательно поглядѣлъ на дѣвушку — и вдругъ ему что-то стало ясно и несомнѣнно въ душѣ — словно солнышко выглянувъ освѣтило туманныя очертанія чего-то большаго, темнаго и загадочнаго....

— Стало быть выберете-то сами? подзадоривалъ Василій Никитичъ.

Груня промолчала, перемывая чашки, дѣлая видъ что не слышитъ.

— Ну, то-то же, вы моему Ѳедькѣ въ зубы-то не глядите... началъ было Коржавинъ и вдругъ спохватившись умолкъ. Баженовъ поблѣднѣлъ, словно его кольнуло что въ сердце. Остальной вечеръ ему какъ-то не по себѣ все было....

— Что это Василій Никитичъ говорилъ про Ѳедора? спросилъ онъ, когда Груня какъ и прошлый разъ вышла проводить его.

— Такъ, отвѣтила дѣвушка, потупясь и мгновенно понявъ о чемъ именно спрашивалъ Баженовъ.

— Нѣтъ, по чести, настаивалъ онъ, едва ладя съ волненіемъ въ голосѣ, — ужь не въ мужья-ль вамъ его прочатъ?..

— Прощайте... пора... пролепетала Груня, отворачиваясь.

— Нѣтъ, и вправду... Аграфена Александровна...

Она подняла къ нему большіе глаза, слегка застланные слезой, хотѣла что-то сказать — и не могла...

— Ну, прощайте, проговорилъ Баженовъ, — я теперь скорехонько зайду — можно? Груня слабо кивнула головой и захлопнула калитку.

(Продолженіе будетъ).

Охота на тигра въ русскихъ предѣлахъ.

Эпизоды изъ туркестанской жизни.

Н. Каразина.

I.

Тигръ — слово, при которомъ невольно рисуются роскошныя картины полуденной природы.

Мы не можемъ себѣ представить хорошо-знакомую, характеристическую фигуру полосатаго хищника иначе, какъ окруженную блескомъ и грандіозностью тропической флоры: намъ подавай сейчасъ темныя, непроницаемыя трущобы индійскихъ лѣсовъ, яркую зелень пальмъ, змѣевидныя сѣти перепутанныхъ джонгловъ, или же плоскія низменности, поросшія густымъ тростникомъ, — такимъ тростникомъ, росту котораго позавидывали бы наши скромные дубы и липы; а надъ всѣмъ этимъ богатствомъ растительной жизни — яркое экваторіальное солнце, вызывающее изъ сырыхъ, болотистыхъ равнинъ густыя облака тумана, пропитанныя міазмами всевозможныхъ видовъ лихорадки.

Вотъ при такой-то обстановкѣ наше воображеніе рисуетъ намъ тигра, то неподвижно залегшаго въ тростникахъ, то идущаго тихою, воровскою походкою, подъ густыми кронами перистыхъ, словно кружевныхъ папортниковъ.

А между тѣмъ, и при другой, совершенно противуположной обстановкѣ вы можете лицомъ къ лицу встрѣтиться съ неподвижнымъ, горящимъ какъ зеленый фонарь взглядомъ этого животнаго,—и въ глубокихъ снѣгахъ, у корней заиндевѣвшихъ сосенъ и елей сибирскихъ лѣсовъ, на льду озеръ и рѣкъ вы найдете отпечатки могучихъ, когтистыхъ лапъ,—и въ завываніяхъ ночной мятели, когда снѣгъ крутитъ и бьетъ вамъ въ глаза и уши, вы можете слышать глухой, задавленный ревъ колосальной кошки.

Съ полунагимъ малайцемъ, вооруженнымъ жалкимъ копьемъ и крисомъ, и съ нарѣзною винтовкою сибирскаго звѣропромышленника, зашитаго въ теплые мѣха, сталкивается въ неровномъ бою животное одной и той же семьи; и животное это — не временной гость нашего суроваго климата, не любознательный туристъ,

Казаки на охотѣ за тигромъ.
(Туркестанскіе типы).
Рисунокъ Н. Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

забравшійся посмотрѣть: какіе такіе бараны и лошади, которые роются въ снѣгу, откапывая себѣ для пропитанія промерзлые стебельки прошлогодней травки,—или же попробовать: такъ ли вкусно мясо жирнаго сибиряка, какъ сухое мясо шафраннаго малайца? Нѣтъ, этотъ звѣрь и здѣсь равноправный гражданинъ, который здѣсь же родился, живетъ, производитъ потомство, разбойничаетъ и умираетъ—или подъ пулей сибирской винтовки, или же отъ старости, одряхлѣвъ и обезсилѣвъ, лежа въ густыхъ камышахъ, въ такомъ укромномъ мѣстечкѣ, что и самый любопытный кабанъ не забредетъ къ нему въ гости и не потревожитъ послѣднія минуты стараго разбойника.

Въ европейскихъ звѣринцахъ экземпляры бенгальскаго тигра живутъ долго и даже плодятся довольно успѣшно, хотя молодые рѣдко доживаютъ до своего полнаго развитія; но это потому, мнѣ кажется, что привозимые къ намъ тигры—гости изъ жаркаго пояса, которымъ гораздо удобнѣе проѣхаться въ Европу въ каютахъ и на палубахъ пароходовъ, чѣмъ трястись многія тысячи верстъ на перекладныхъ сибирскихъ дорогъ, или тянуться съ киргизскими караванами, еле-ползущими по безконечнымъ степямъ Азіи.

Очень можетъ быть, что животныя, вывезенныя изъ Амурской области, южной Сибири и средней Азіи, знакомыя уже съ трехъ-мѣсячной зимою и двадцати-градуснымъ морозомъ, гораздо лучше обживались бы въ европейскихъ звѣринцахъ, и не требовали бы вовсе такой бережной и предупредительной обстановки.

II.

Длинный рядъ эпитетовъ, которыми тигра наградилъ изобрѣтательный на все человѣкъ, указываетъ ясно на его разбойничій характеръ: «хищный, коварный, злобный, свирѣпый, кровожадный, бѣшеный.... и т. д. въ этомъ же направленіи; ни одной гражданской доблести. Да и самыя условія жизни этого хищника таковы, что зародись въ немъ хотя одна искра добродѣтели, ему прійдется тотчасъ же положить зубы на полку и отказаться отъ удовольствія существовать на бѣломъ свѣтѣ.

Вся жизнь тигра, отъ самой той минуты, когда его оближетъ своимъ шершавымъ языкомъ нѣжная маменька, и до самой смерти, есть непрерывный походъ съ перемѣннымъ счастьемъ, съ удачами и неудачами, — съ блестящими побѣдами, за которыми слѣдуетъ роскошное пиршество, — и съ пораженіями, послѣ которыхъ приходится нѣсколько дней зализывать кровавые рубцы и цапины и поститься съ пустымъ желудкомъ неопредѣленное время.

Самый непримиримый и заклятый врагъ тигра — человѣкъ; во-первыхъ, самыя доходныя статьи: овцы, телята, лошади и разная домашность зорко оберегаются человѣкомъ—и для того чтобы до нихъ добраться, надо или очень ловко умѣть красть, или же покончить предварительно съ сторожами; а во-вторыхъ, самые «цари природы» составляютъ довольно лакомое блюдо,—и тигры, которымъ нѣсколько разъ удалось попробовать человѣческаго мяса, до такой степени входятъ во вкусъ, что предпочитаютъ ему всякое остальное, и всю свою жизнь посвящаютъ нераздѣльно этому, совсѣмъ уже не гуманному, промыслу.

Итакъ, между человѣкомъ и тигромъ идетъ непрерывная борьба «не на животъ, а на смерть»; эпизоды этой въ высшей степени разнообразной и интересной борьбы съ ея особенностями, обусловленными мѣстностью и степенью развитости одной изъ борющихся сторонъ—человѣка, составляютъ задачу моего разсказа, списаннаго прямо съ натуры, безъ прикрасъ и романтическихъ вымысловъ, такъ любимыхъ большинствомъ туристовъ и охотниковъ.

Мѣсто, занимаемое тигромъ въ разныхъ научныхъ класификаціяхъ, анатомическія особенности и проч. и проч. читатель можетъ найдти въ любомъ учебникѣ зоологіи, а потому я пропускаю ихъ глубокимъ молчаніемъ и прямо начинаю съ отдѣльныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ всякому представляется право дѣлать какіе угодно выводы.

III.

Дѣло было подъ вечеръ. Сибирскіе казаки подогнали уже табунъ съ пастбища, къ самому лагерю «на чирчикѣ», разобрали коней на приколы, и торбы съ ячменемъ навѣсили.

Къ ночи начинало морозить.

Съ краю у дороги лежали и тлѣли кучи сухаго навозу, и бѣлый, тяжелый дымъ стлался наискось, понадъ плетеными камышевыми кибитками, надъ залитыми весенней водою берегами «чирчика», и тянулся далеко — вплоть до самой крѣпости, гдѣ стояло надъ рѣкою красное зарево, отъ горѣвшаго тростника, на ротныхъ солдатскихъ кухняхъ.

Днемъ еще было очень тепло: хоть въ одной рубашкѣ такъ въ пору; а къ ночи, особенно къ утру, когда вся окрестность бѣлѣла отъ утренняго мороза, и, словно высеребренный, колыхался камышъ надъ лиманами (заливами), — жутко приходилось сибирякамъ въ ихъ холодныхъ кибиткахъ; плотно жались они другъ къ другу, подъ войлочныя кошмы, или выползали грѣться у костровъ, тамъ и сямъ разложенныхъ подъ кручею.

Старый киргизъ, пастухъ изъ «Джулдамы», пріѣхалъ верхомъ на своемъ тощемъ карабаирѣ, потянулъ носомъ воздухъ и прищурилъ свои косые глаза; гдѣ-то мясное варилось и на морозѣ попахивало сальцемъ... Задребезжала труба сигнальная: зовутъ къ водопою... Прислушался киргизъ: больно хорошо, — и побрелъ къ лагернымъ воротамъ, гдѣ было полюднѣе и казаки толпились у возовъ съ артельнымъ ячменемъ.

Пастухъ новость привезъ сибирякамъ, и новость занятную.

— А вы поглядывайте, говорилъ онъ, — зимою не слыхать было, а вотъ вчера самъ видѣлъ двоихъ: на эту сторону изъ-за «Дарій» перебрались, и отъ вашихъ косяковъ (табуновъ) недалеко ходятъ.

— А мы нѣшто безъ глазъ, говорили казаки, — чай, тоже, свои мерена — не казенные.

А другіе добавляли:

— Хоть бы поглядѣть, братцы, что за штука такая «джульбарсъ» *); говорятъ, страшенная!

Потолковали, посмѣялись, пастуха «латыкку» накормили, а потомъ и говорить перестали; однако на пастьбу стали выѣзжать съ оглядкою; ружья заряжали каждый разъ; а коли приходилось соснуть — то не всѣ вдругъ, какъ прежде, а тоже стали соблюдать очередь, потому — кто его знаетъ, что можетъ случиться.

Дня черезъ три, рано утромъ, чуть только стало свѣтать, два сибиряка изъ молодыхъ: Ерошка и Данило Мамлѣевъ на неосѣдланныхъ коняхъ погнали изъ ко-

*) Джульбарсъ — по киргизски тигръ.

сяка въ лагерь. Невзнузданныя лошаденки бойко рысили рядышкомъ, махая всклокоченными гривами. Скоро они поравнялись съ барханомъ, который видѣнъ съ чиназской дороги; тамъ уже не болѣе версты осталось до лагеря: длинные ряды кибитокъ чуть виднѣлись въ утреннемъ туманѣ, и по вѣтру еле-еле доносило людскіе голоса и собачье тявканье.

Оба коня шарахнулись и громко захрапѣли. Ерошка чуть-чуть удержался на своемъ, а Мамлѣевъ такъ и загремѣлъ на мерзлую землю.

Что-то длинное, полосатое лежало шагахъ въ двадцати въ канавѣ, вытянувшись во всю длину и спрятавъ широкую, круглую морду между переднихъ лапъ.

Поднялся Мамлѣевъ на ноги, поглядѣлъ куда ему Ерошка указывалъ, и снялъ изъ-за плечь винтовку.

— Пали, дядя, что ли... я опосля, шепталъ ему Ерошка, едва сдерживая своего «буланку»; а «лысый» Мамлѣева, задравъ хвостъ къ верху, давно уже вынесся на дорогу, и скакалъ уже почти-что у самаго лагеря.

Пѣшій казакъ раза два прицѣливался; приложится и посмотритъ черезъ прицѣлъ: что за диковина? а «диковина» лежитъ и не пошевелится, только кончикъ хвоста чуть вздрагиваетъ, да у самаго носа сухая трава колышится отъ сдержаннаго дыханія.

Гулко загудѣла винтовка. Тигръ рявкнулъ, подпрыгнулъ аршина на два въ верхъ и закружился на мѣстѣ.

— Стрѣляй, братъ, стрѣляй! кричалъ Мамлѣевъ, не попадая въ дуло новымъ патрономъ.

«Буланка» вертится какъ дьяволъ, трещитъ веревочный поводъ въ сильной казачьей рукѣ — какъ тутъ стрѣлять?.. Соскочилъ Ерошка на землю; его буланый подралъ вслѣдъ за «лысымъ». Близко подобрался сибирякъ и выстрѣлилъ... Свалился тигръ на бокъ, всадилъ въ землю вершковые когти и замеръ.

Стали швырять въ него комьями; не шелохнется. Ну, надо полагать, что издохъ.

Данило еще разъ выстрѣлилъ для вѣрности, только клокъ красноватой шерсти взлетѣлъ на воздухъ.

Оставили казаки на мѣстѣ свою добычу, а сами пошли въ лагерь за лошадьми и тѣлегою.

Весь лагерь собрался къ 5-й сотнѣ смотрѣть на убитаго звѣря. Шестеро дюжихъ казаковъ едва сволокли его съ тѣлеги. Завыли собаки по лагерю и лошади уши насторожили: потому — чуютъ.

Ну, ужь хвастались Ерошка съ Мамлѣевымъ: мы не мы... Просто хоть на десять такихъ тигровъ-то; это все намъ наплевать!..

Пришелъ изъ слободки безсрочно-отпускной солдатикъ; давно онъ уже живетъ въ отпуску, съ самаго взятія Ташкента Черняевымъ, и рыбною ловлею промышляетъ, а то и охотою забавляется. Что заработаетъ, то и пропьетъ, благо кабаковъ въ Чиназѣ больше чѣмъ остальныхъ домовъ, и вездѣ торговля идетъ безъ задержки — нельзя пожаловаться.

Пришелъ солдатъ и посмѣивается.

— А вы не больно храбритесь, говоритъ, — это васъ Господь пронесъ милостивый, — потому, тигра-то брюхата, а въ такомъ случаѣ все равно, что человѣкъ, что звѣрь, отъ драки наровитъ подальше. А колибъ, говоритъ, не было ему этого положенія, онъ вамъ лохматку-то встрепалъ бы.

— Ладно! мы еще поглядимъ какъ встреплетъ-то, проворчалъ Мамлѣевъ, а самъ на брюхо тигру поглядываетъ. — То-то, думаетъ, — его какъ будто маленько раздуло.

Стали взрѣзывать. Смотрятъ: парочка маленькихъ, словно котята, желтенькіе такіе, головастые, а поперегъ, уже черныя полоски оказываются.

Вынули тигрятъ и всякій потрохъ, набили брюхо полынемъ и клеверомъ (хотѣли къ губернатору цѣликомъ въ Ташкентъ везти, такъ чтобы не протухъ дорогою) и на арбу коканскую взвалили.

— Ну, теперь, ребята, вы берегитесь, говорилъ безсрочный, — по одному они никогда не ходятъ. Таперича вы хозяйку ухлопали, хозяинъ вамъ спуску тоже не дастъ: либо на васъ, либо на вашихъ коняхъ, а онъ зло свое сорветъ-таки.

Сказалъ это слово солдатъ, подсвисталъ своего Палкашку съ оторваннымъ ухомъ, и заковылялъ по дорогѣ въ слободку, къ теткѣ Бородихѣ въ гости.

Ну и зорко же берегли казаки, послѣ этого случая и себя и добро свое; сторожа всѣ ночи глазъ не смыкали, а въ цѣпи вокругъ косяковъ огни раскладывали,— и ничего, Богъ миловалъ. Недѣли двѣ все было покойно. Слыхали раза два въ камышахъ, на островѣ, глухое рычанье на утренней зорькѣ, но на эту сторону самъ-то не показывался: тоже понималъ, что не просто живутъ, а съ оглядкою.

Прошло недѣли три. Мамлѣевъ и Ерошка давно уже пропили ту пятидесяти-рублевую бумажку, что отъ губернатора за шкуру получили, и все пошло какъ по старому. Былъ, правда, одинъ случай, который напомнилъ казакамъ, что плошать не слѣдуетъ, — да и объ немъ скоро забыли; не до того было. У сотеннаго одиннадцатой сотни славная была кобыла рыжая изъ орды: походомъ она жеребеночка принесла, такого шустренькаго, и ходилъ этотъ жеребеночекъ съ маткою въ общемъ косякѣ. Разъ вечеромъ пропала кобыла. Искали всю ночь, такъ и не нашли ничего, хотя кругомъ все изъѣздили. Къ обѣду только пришла лошадь въ лагерь, одна безъ жеребенка, и весь задъ въ тряпки ободранъ, такъ что смотрѣть даже страшно: значитъ въ хорошихъ рукахъ побывала, въ такихъ что шутить не любятъ.

Рано утромъ, шестеро казаковъ переправились вплавь черезъ Чирчикъ и поѣхали, захвативъ съ собою арканы, высмотрѣть, гдѣ бы удобнѣе было жать камышъ на казачьи кухни; поблизости-то, еще за зиму, все пообчистили, и до густыхъ зарослей пришлось проѣхать верстъ пять если не больше.

Дорога пошла узенькая, только-что конному пробраться; по сторонамъ можно было по брюхо провалиться, потому — топко. Заѣхали казаки въ камыши, такіе камыши, что словно лѣсъ стоятъ справа и слѣва. Шажкомъ другъ за дружкою тянутся, посвистываютъ, трубочки покуриваютъ, а ружья только у двухъ заряжены, а у остальныхъ такъ только для важности за спинами болтаются, и патроновъ не захватилъ никто, кромѣ тѣхъ что въ ружьяхъ.

Сзади всѣхъ ѣхалъ здоровенный казакъ, Трифонъ Козаковъ; поотсталъ онъ немного, подкову киргизскую нашелъ на тропинкѣ, такъ слѣзъ поднять, пригодится. Неуспѣлъ онъ снова сѣсть на своего коня, какъ около него вдругъ заревѣло что-то въ камышахъ, и передъ самымъ лицомъ показалась громадная морда съ краснымъ какъ огонь языкомъ и съ бѣлыми, острыми зубищами.

— Батюшки, онъ самый! взвылъ Трофимъ, стараясь высвободиться изъ-подъ тяжести звѣря. Крѣпко

налегъ на него тигръ, поваливъ его поперегъ дороги. Зубами онъ схватилъ казака за лѣвую руку, повыше локтя, и не разжимая челюстей мялъ ея во рту, такъ что кости трещали, а когтями впился въ бокъ и за шею.

Не отпуская ни на одну секунду свою добычу, страшная кошка зорко слѣдила за каждымъ движеніемъ остальныхъ казаковъ, и безпокойно била длиннымъ хвостомъ по сухимъ стеблямъ измятаго камыша.

Сильно оробѣли земляки съ перваго раза; у лошадей шерсть поднялась дыбомъ, а конь Трофима стоитъ тутъ же рядышкомъ, смотритъ мутными глазами на звѣря и трясется какъ въ лихорадкѣ. Часто случается, что на лошадей, при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ, нападаетъ такая паника, что они останавливаются какъ вкопанныя и какъ будто совсѣмъ забываютъ о томъ, что у нихъ есть двѣ пары сильныхъ ногъ, которыя могли бы спасти ихъ отъ безпощаднаго, страшнаго прожоры.

Наконецъ оправились сибиряки,—и тѣ, что были съ заряженными ружьями, взвели курки и потихоньку стали подъѣзжать къ тигру.

Шагахъ въ трехъ оба выстрѣлили разомъ.

Дико завылъ раненый звѣрь, подпрыгнулъ вверхъ, выше камышей и рухнулся въ самую чащу; черезъ нѣсколько секундъ, казаки снова увидѣли его, уже шагахъ во ста отъ себя, когда онъ, сдѣлавъ громадный прыжокъ, показался надъ камышами.

Не рѣшились казаки преслѣдовать тигра, да и не съ чѣмъ было; подобрали израненнаго, окровавленнаго Трофима, усадили его на лошадь, съ грѣхомъ пополамъ, и тихонько поѣхали въ лагерь, приговаривая.

— Вотъ тѣ грѣхъ. Экая притча случилась.

Закопошились сибиряки, когда узнали какая бѣда случилась съ Трофимомъ—и порѣшили промежь себя, что этого дѣла такъ оставлять нельзя. Отпросились у полковника—и въ тотъ же день восемь человѣкъ, что ни на есть лучшихъ стрѣлковъ, отправились въ камыши.

Часа черезъ полтора пришли на то мѣсто, гдѣ звѣрь мялъ ихъ товарища: бурыя пятна отъ крови виднѣлись на тропинкѣ, и камыши, въ той сторонѣ, куда ушелъ тигръ, были мѣстами обрызганы.

Шагахъ въ двадцати нашли слѣдъ когтистыхъ лапъ, отпечатки задней пары были сильно углублены; здѣсь тигръ сдѣлалъ свой вторичный прыжокъ, здѣсь же казаки остановились и стали совѣщаться, какъ имъ поступать далѣе.

Поговорили малость самую, и рѣшили идти цѣпью, по два человѣка, звѣно отъ звѣна не такъ чтобы очень близко, но и не далеко, чтобы голосомъ впору хватало. Пошли. Придерживались больше къ срединимъ, къ тѣмъ, что шли по самымъ слѣдамъ.

Все время имъ попадался камышъ, обрызганный кровью на полъ аршина отъ земли; подъ однимъ изъ густыхъ кустовъ тигръ ложился не надолго, тутъ и крови было побольше; потомъ опять шаговъ на десять виднѣлись слѣды круглыхъ лапъ съ подобранными когтями,—здѣсь видно еще былъ сдѣланъ громадный прыжокъ, потому-что слѣдъ обрывался и казаки никакъ не могли отыскать его продолженія.

Снова собрались казаки, обошли кругомъ раза два, не нашли слѣда да и только, словно сквозь землю провалился. Промаялись вплоть до той поры, что уже къ самому низу солнышко спустилось и потянулись по камышамъ длинныя тѣни, озолотилися пушистыя метелки и засвѣжѣло по лиманамъ.

— Ну, знать, неудача, не въ добрый часъ вышли, рѣшили охотники, и всѣ толпою побрели обратно на дорогу.

— А энто что, братцы? сказалъ молодой казакъ, шедшій впереди всѣхъ, и голосъ у него дрогнулъ и оборвался.

До той поры казаки шли молча, и этотъ тревожный окликъ кольнулъ всякаго въ сердце, и по тѣлу мурашки забѣгали. Подняли глаза охотники—и всѣ разомъ увидѣли то, что цѣлый день искали тамъ неудачно.

Широко шагая, далеко оттягивая назадъ заднія лапы, тигръ шелъ почти касаясь земли своимъ грязно-бѣлымъ брюхомъ; казалось, что длинное, полосатое тѣло ползло по сухимъ камышамъ. Безъ звука, безъ малѣйшаго шелеста скользилъ звѣрь по зарослямъ, опустивъ къ самой землѣ голову, обрамленную густыми, бѣлыми бакенбардами и волоча за собою длинный, кольчатый хвостъ. Онъ казалось не замѣчалъ охотниковъ, хотя зеленые глаза его въ сумеркахъ горѣли какъ свѣтляки, и каждому казаку чудилось, будто косой, свирѣпый взглядъ обращенъ именно на него. Восемь человѣкъ, каждый съ винтовкою въ рукахъ, стояли неподвижно, словно очарованные.

Тигръ шелъ наискось, разстояніе между нимъ и казаками становилось все менѣе и менѣе. Вотъ онъ перешелъ черезъ тропинку, ни одинъ прутикъ не заслонялъ его отъ пуль, а охотники все стояли да глядѣли. Пріостановился страшенный звѣрь, прилегъ на землю и глухо зарычалъ, какъ бы раздумывая: начинать ли ему схватку, или не стоитъ связываться; вѣроятно послѣдняя мысль пересилила, потому-что тигръ тихонько, не оглядываясь, началъ удалятся отъ стрѣлковъ.

Двѣ пули, одна за одной, глухо стукнули въ живое тѣло. Заревѣло раненое животное, и только хвостомъ мелькнуло въ густой чащѣ.

— Врешь, не уйдешь! закричалъ одинъ изъ казаковъ, Трофимовъ племянникъ, и бросился вслѣдъ за уходящимъ звѣремъ, за нимъ кинулись остальные.

Никто не разобралъ, какъ и что такое случилось въ такой гущинѣ, что повернуться было трудно. Нѣсколько выстрѣловъ блеснули въ темнотѣ, послышался тяжелый человѣческій стонъ и хрипѣніе на смерть раненнаго тигра.

Вытащили казаки на чистое мѣсто своего мертваго врага, потускнѣли страшные глаза и оскаленные зубы прикусили конецъ высунутаго на бокъ языка.

Вынесли и казака, что попалъ въ недобрыя лапы; цѣлое бедро у него было вырвано, и горячая кровь хлестала аршина на три. Перевязали раненаго кое-какъ рубашками и понесли домой на ружьяхъ, такъ и не приходилъ въ себя бѣдный казакъ; померъ часа черезъ три въ судорогахъ.

Дешево досталась казакамъ хозяйка, да не такъ легко поладили они съ хозяиномъ: одинъ казакъ на тотъ свѣтъ отправился, а другому руку у самаго плеча отрѣзали.

Однако, за шкуру пятьдесятъ рублей все таки получили отъ губернатора· зачѣмъ пропадать, годится дѣтишкамъ на молочишко.

(Окончаніе будетъ).

Что будетъ въ 2072 году.

(Продолженіе).

Въ музеумѣ дѣйствительно становилось темно, но когда мы вышли на улицу, мнѣ показалось, что на дворѣ еще бѣлый день. Я сталъ искать глазами газа или другаго подобнаго пламени, которое могло бы издавать отъ себя такой свѣтъ, но ничего не увидѣлъ. Наконецъ я взглянулъ вверхъ и увидалъ какой-то ослѣпительный свѣтъ надъ домами, что-то въ родѣ солнца, откуда выходили во всѣ стороны лучи. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сіяли другія солнца надъ всей улицей. «Вы не знаете солнечной свѣчи? сказалъ *Беконъ*,—я удивляюсь этому. Здѣсь, да и въ Парижѣ, начали освѣщать такимъ образомъ нѣкоторыя общественныя зданія еще во второй половинѣ XIX столѣтія. Теперь это освѣщеніе давно уже употребляется для улицъ, съ тѣхъ поръ какъ стали покрывать ихъ стекломъ.

— Но неужели это газовый свѣтъ? онъ слишкомъ для этого блестящъ и бѣлъ!

— Да это вовсе не газовый свѣтъ. Газовое освѣщеніе употребляется теперь только въ отдаленныхъ частяхъ города, гдѣ дома стоятъ не такъ близко другъ къ другу. Но въ центрѣ города жгутъ, главнымъ образомъ, магнезію, а мѣстами употребляютъ и электрическій свѣтъ или же какой-нибудь другой, столь же сильный; потому-что теперь извѣстно много способовъ освѣщенія. Снаряды съ зеркалами, дающіе намъ возможность концентрировать свѣтъ и достигать параллельности лучей, такъ что получаемый отъ этого свѣтъ не уступаетъ солнечному, одинаково пригодны для различныхъ способовъ освѣщенія.

— Дорогонько же обходиться вамъ освѣщеніе улицъ! вскричалъ я невольно.

— Вовсе не такъ дорого, какъ вы думаете, отвѣчалъ *Беконъ*, — въ особенности если при этомъ жгутъ магнезію. Магнезіеносныя жилы находятся вездѣ во множествѣ, въ видѣ горькой соли, доломита, и т. п. и магнезія добывается изъ нихъ посредствомъ очень дешеваго процесса — вродѣ того, какой употребляется при добываніи алюминія. Прибавьте къ этому, что продуктъ горѣнія этого минерала образуетъ твердое тѣло, которое при надлежащемъ устройствѣ сжигающаго аппарата собирается и изъ него опять добывается магнезія. Смотря на этотъ предметъ съ теоретической точки зрѣнія, можно сказать, что въ извѣстномъ количествѣ магнезіи мы имѣемъ постоянный источникъ свѣта.

Чѣмъ болѣе я видѣлъ, тѣмъ болѣе я приходилъ къ унизительному убѣжденію, что пресловутое XIX столѣтіе, къ которому я принадлежалъ, стояло еще на очень низкой степени, и что *Фантазія* была далеко не такъ неправа, какъ я думалъ, назвавъ состояніе человѣческаго общества въ XIX столѣтіе полуварварскимъ.

Беконъ прочелъ конечно эти мысли на моемъ лицѣ, потому-что онъ продолжалъ: «Я вижу, что вы желали бы узнать побольше о состояніи теперешняго человѣчества. Если наше общество вамъ понравилось, то поѣзжайте вмѣстѣ съ нами на аеростатѣ. Эта поѣздка назначена на завтрашній день.

При мысли о воздушномъ путешествіи, я задрожалъ отъ радости. Я съ благодарностію принялъ предложеніе *Бекона*, но не могъ не выразить ему нѣкотораго опасенія насчетъ погоды. «Объ этомъ не безпокойтесь, возразилъ онъ, — я былъ еще сегодня въ метеорологической конторѣ и узналъ тамъ, что всѣ эти двѣ недѣли будетъ хорошая погода. Тамъ получены изъ всѣхъ метеорологическихъ станцій на различныхъ пунктахъ земли благопріятныя извѣстія. Небо будетъ чисто, а вѣтеръ благопріятенъ. Аэронавтъ возьметъ съ собою изъ предосторожности энергейатеки, но ему не придется много прибѣгать къ нимъ.

Спросивъ у *Бекона* еще разъ, гдѣ намъ завтра сойдтись, я разстался съ моими спутниками. Я вскочилъ въ кебъ, стоявшій на углу улицы, и приказалъ вести себя въ гостинницу. Странно, что, отправляясь туда, я вовсе не слыхалъ того оглушительнаго шуму, какой бываетъ обыкновенно при ѣздѣ на мостовой и который такъ же непріятенъ для пассажировъ, какъ для проходящихъ и жителей людныхъ улицъ. До моего слуха достигали только звуки четырехъ колокольчиковъ, образовавшихъ собою полный аккордъ. Но я не могъ открыть, происходитъ-ли это отъ особеннаго устройства мостовой или же отъ того, что колеса обдѣланы вмѣсто желѣза какимъ нибудь другимъ веществомъ.

Войдя въ гостинницу я удивился, что тамъ такъ тихо, хотя тамъ было очень много пріѣзжихъ. Я скоро узналъ причину этому, войдя въ большую общую залу и услыхавъ тихую, но въ высшей степени пріятную музыку. Это былъ какъ будто бы человѣческій голосъ, только онъ звучалъ какъ-то иначе. Музыканта, пѣвца или пѣвицы нигдѣ не оказывалось. Впрочемъ, среди залы стоялъ на столѣ какой-то маленькій ящикъ—и отсюда-то должно-быть и выходили звуки. Я могъ бы принять этотъ ящикъ за игрушку, заводившуюся въ родѣ часовъ,—но довольно странно, что вокругъ него стояли чрезвычайно серіозные люди, которые заглядывали въ него съ выраженіемъ какого-то восторга и въ глубокомъ молчаніи прислушивались къ звукамъ. Когда музыка прекратилась, я подошелъ къ нимъ и освѣдомился: что это за музыкальный инструментъ, которымъ они такъ сильно интересуются?

Съ изумленіемъ взглянули они на меня—и одинъ изъ нихъ вскричалъ: «Музыкальный инструментъ! Вы думаете, что какой бы то ни было инструментъ можетъ издавать такіе звуки? Неужели вы не знаете *телефона?*»

Тутъ пришло мнѣ на умъ, что въ 1861 году нѣкто Рейсъ изобрѣлъ какой-то инструментъ, названный этимъ именемъ. Это изобрѣтеніе основывалось на открытіи Паже (Page), что электрическій токъ, окружающій желѣзную иголку посредствомъ спиральнообразной проволоки, заставляетъ, когда его перервутъ, издавать эту иголку такой звукъ, рѣзкость котораго зависитъ отъ количества произведенныхъ колебаній, обусловливающихся болѣе быстрыми или рѣдкими перерывами тока.

Поэтому-то я и возразилъ, что телефонъ мнѣ хорошо извѣстенъ; для доказательства этого я разсказалъ исторію его изобрѣтенія, описалъ также Рейсовъ маленькій инструментъ, посредствомъ котораго можно было проводить изъ значительной дали звуки человѣческаго голоса,—и замѣтилъ въ заключеніе, что конечно инструментъ этотъ подвергся въ теченіи двухъ столѣтій значительнымъ улучшеніямъ.

Эти слова произвели, очевидно, благопріятное впе-

чатлѣніе на окружающихъ, причемъ не одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что онъ и не предполагалъ, чтобъ телефонъ былъ такъ старъ Другіе же отнеслись съ большимъ уваженіемъ насчетъ моихъ свѣденій по части древностей,—и мнѣ было не трудно узнать, что́ именно тутъ происходило, потому-что всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ старались объяснить мнѣ это.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Сѣверо-американскія газеты страшно превозносили одну пѣвицу; касательно объема голоса и выраженія, она превзошла все, что́ только слышало настоящее поколѣніе, и даже знаменитѣйшія пѣвицы прежнихъ столѣтій: *Каталани*, *Малибранъ*, *Генріетта Зонтагъ*, *Дженни Линдъ*, *Патти*, какъ можно было судить изъ исторіи искусства, въ сравненіи съ нею то же что чижъ въ сравненіи съ соловьемъ.

Эти извѣстія произвели страшное волненіе въ музыкальномъ свѣтѣ Лондиніи. Директора оперъ и концертовъ были со всѣхъ сторонъ осаждены просьбами ангажировать это музыкальное чудо, чтобъ и Лондинцы могли слышать его. А такъ какъ было извѣстно по опыту, что изъ сѣверной Америки, этого отечества такъ называемыхъ «утокъ», извѣстія не всегда вѣрны, то всѣ вообще директора просили по телеграфу пѣвицу позволить выслушать себя посредствомъ телефона. Послѣ этого уже можно было судить объ объемѣ голоса и пѣніи. Пѣвица согласилась—и директора наняли для того вечера, въ который долженъ былъ происходить этотъ опытъ, одинъ изъ трансатлантическихъ телеграфныхъ кабелей.

Какъ фактическое доказательство касательно объема голоса, мнѣ показали двѣ черныхъ полоски бумажки съ бѣлыми волнообразными линіями: эти линіи были начертаны стоявшимъ во злѣ телефона *фонафтографомъ* и заключали въ себѣ всю гамму пѣвицы. Оттискъ съ этихъ полосокъ бумаги долженъ былъ появиться на слѣдующій день въ музыкальномъ журналѣ «Пангармонія», «для того чтобъ публика Лондиніи могла заранѣе убѣдиться собственными глазами въ томъ, что́ ей придется слышать». Редакторъ «Пангармоніи» прибавилъ къ этому:

«Каждый смыслящій въ музыкѣ знаетъ, что́ означаютъ эти волнообразныя линіи. Увидя такой голосъ, всякій всплеснетъ отъ изумленія руками». При этомъ онъ указывалъ на самую нижнюю линію, гдѣ волнообразныя возвышенія были особенно густы.

Само собою разумѣется, что у меня явилось живѣйшее желаніе узнать какъ можно точнѣе устройство телефона, и я попросилъ объясненія у одного изъ присутствовавшихъ. Но едва онъ началъ, какъ со всѣхъ сторонъ закричали: «Тсъ! тсъ!» Сѣверо-американская пѣвица опять запѣла, именно арію изъ *Моцартова* Донъ-Жуана. Какъ обрадовался я, услышавъ, что образцовое сочиненіе великаго маэстро все еще не забыто, не смотря на то, что онъ умеръ три столѣтія тому назадъ.

Когда арія кончилась, директора рѣшили единогласно, что любящая искусство публика Лондиніи непремѣнно должна слышать пѣвицу: се привѣтствовали трубной музыкой, которая была отнесена телефономъ въ противуположномъ направленіи. Дальнѣйшихъ рѣшеній не было принято; каждому изъ директоровъ предоставлялось склонить пѣвицу на свою сторону посредствомъ выгодныхъ предложеній. Судя по тому, какъ держали себя эти господа, не трудно было видѣть, что у каждаго изъ нихъ былъ свой планъ, который онъ скрывалъ отъ прочихъ конкуррентовъ. Они однако-же чрезвычайно любезно простились другъ съ другомъ, а также и со мною, послѣ чего я отправился въ свою комнату и легъ спать.

На слѣдующее утро я всталъ рано, позавтракалъ и отправился къ тому пункту, гдѣ надѣялся встрѣтить моихъ вчерашнихъ товарищей. Для этого мнѣ не нужно было никакого путеводителя: не было ничего легче, какъ оріентироваться въ этомъ, повидимому, неизмѣримомъ лабиринтѣ. Улицы, площади и т. п. не носили никакихъ особенныхъ названій, а узнавались посредствомъ какой-то особенной шифровки; съ помощію одного плана вы могли бы возвратиться въ какое угодно мѣсто, если только знали двѣ цифры, указывавшія на него, подобно тому какъ географическое положеніе опредѣляется градусами широты и долготы.

Еще издали бросилось мнѣ въ глаза большое зданіе, на вершинѣ котораго было начертано гигантскими буквами: *всеобщее аеронавтическое общество*. Я полагалъ, что мы поднимемся на воздухъ съ открытаго поля или по крайней мѣрѣ съ какой нибудь площади; поэтому-то я не мало удивился, что это зданіе находилось въ самой населенной части города. Но можетъ быть, думалъ я, тутъ раздаются только билеты. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что это зданіе отличалось отъ другихъ совершенно плоской крышей и что на немъ лежало что-то большое, имѣвшее повидимому сходство съ кораблемъ. Стеклянная крыша надъ улицей не позволяла однако-же разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ, очертанія этого предмета.

Беконъ и *Фантазія* пришли почти въ одно время со мною; мы поздоровались и вошли въ зданіе общества, чтобы взять мѣста. Цѣна на мѣста опредѣлялась тѣлеснымъ вѣсомъ; насъ взвѣсили; меньше всѣхъ пришлось заплатить *Фантазіи*. Мы вышли изъ одной двери въ небольшую боковую комнату или пассажирскую залу, гдѣ уже ждало нѣсколько пассажировъ. Въ серединѣ находилась лѣстница, а въ потолкѣ надъ нею люкъ, запиравшійся опускной дверью; у стѣнъ стояли скамьи съ набитыми волосомъ подушками, какъ въ вагонахъ перваго класса. Вскорѣ послѣ этого, комната какъ будто бы задвигалась; за стѣнами послышался какой-то шумъ. Но мнѣ нѣкогда было думать объ этомъ, опускная дверь въ потолкѣ упала — и изъ люка раздались слова: «пожалуйте на верхъ, господа и дамы».

Мы поднялись по лѣстницѣ наверхъ, прошли черезъ люкъ, вышли на террасу зданія и очутились подъ трюмомъ аеростата. Тутъ открылся новый люкъ—и мы поспѣшили войдти, потому-что на открытомъ воздухѣ было страшно холодно. Это конечно лишило меня возможности познакомиться съ формой и внѣшнимъ устройствомъ аеростата, такъ же какъ и съ его движущей силой. Но за то я очень хорошо понялъ внутреннее устройство. Едва вошли мы въ трюмъ, какъ *Беконъ* обратилъ мое вниманіе на длинный но тонкій цилиндръ, тянувшійся чрезъ всю длину аеростата. «Въ немъ-то, сказалъ онъ, и скрывается самая главная тайна воздухоплаванія. Я долженъ напомнить вамъ, что величайшее препятствіе для воздухоплаванія вытекало изъ невозможности двигаться иначе какъ посредствомъ вѣтра. Обыкновенный корабль, киль котораго раздѣляетъ воду, можетъ плыть при помощи полу-вѣтра и даже четвертьвѣтра, — потому-что онъ движется въ двухъ средахъ: водѣ и воздухѣ; первая изъ нихъ представляетъ болѣе

значительное сопротивленіе чѣмъ послѣдняя, и поддерживаетъ такимъ образомъ движеніе корабля. Прибавьте къ этому то̀, что это сопротивленіе дѣйствуетъ въ опредѣленномъ направленіи, гдѣ движется корабль, а помощію руля—придѣланнаго сзади къ кораблю его можно поворачивать противуположно дѣйствительному направленію, такъ что корабль можетъ повертываться направо и налѣво».

«Совсѣмъ иначе идутъ дѣла, если судно окружено только однимъ воздухомъ. Будучи гонимо вѣтромъ, т. е. стремясь по направленію вѣтра, оно не встрѣчаетъ нигдѣ сопротивленія,—и такимъ образомъ, нѣтъ ни одной точки опоры, для того чтобъ повернуть судно. Самая большая сторона судна будетъ всегда находиться прямоугольно къ направленію вѣтра—и судно будетъ двигаться въ родѣ того, какъ движется кусочекъ бумаги или тряпочка, уносимые вѣтромъ».

«Чтобъ сдѣлать возможнымъ воздухоплаваніе, надобно было отъискать прежде всего для аэростата надлежащую точку опоры и сопротивленіе—и этого достигли слѣдующимъ образомъ».

(Продолженіе будетъ).

Отправленіе Фанъ-Дейка въ Италію.

Картина Декейзера.

Сцены изъ жизни художниковъ Голландіи и Бельгіи часто давали тему для кисти ихъ собратій по профессіи. Такому настроенію талантовъ, знакомыхъ съ прошлымъ своего искусства и интересовавшихся его корифеями, одолжены мы между прочимъ и появленіемъ настоящаго произведенія Декейзера. Въ этой картинѣ, вѣрный факту, живописецъ-поэтъ испыталъ свои силы на возсозданіи прошлаго быта Фландріи съ блистательною обстановкою лучшаго времени ея славы, соединивъ, подлѣ главы школы мѣстной живописи, всѣхъ талантливыхъ представителей ея въ данную эпоху. Случай выставить ихъ оказался наиболѣе пригоднымъ—и вся сцена, благодаря этому, получила естественность и оживленіе.

Безсмертный Питеръ Пауль Рюбенсъ (1577—1641), какъ извѣстно, жилъ въ Антверпенѣ вельможею гораздо прежде, чѣмъ благосклонность эрцгерцога Альберта и короля Филиппа IV—изъ художника сдѣлали его дипломатомъ и министромъ. Воротясь изъ Италіи въ 1609 году, онъ женился на Елизаветѣ Брандтъ, и 18 лѣтъ—лучшихъ лѣтъ его таланта—съ кроткою супругой протекли въ безмятежномъ счастіи. Въ эти годы Рюбенсъ совершилъ всѣ свои великія творенія, создалъ Антверпенскую школу и заставилъ имена ея художниковъ произносить съ уваженіемъ.

Всѣ ученики великаго мастера составляли одну семью, гдѣ кроткимъ рѣшителемъ всякихъ споровъ и пререканій оказывался Рюбенсъ. Послѣ ученія у Фанъ-Болена, Фанъ-Дейкъ, осьмнадцати лѣтъ отъ роду, признанъ мастеромъ; а черезъ два года явился въ мастерской Рюбенса, какъ ближайшій помощникъ великаго художника по выполненію большихъ заказовъ, отовсюда сыпавшихся на прославленнаго творца «Снятія со креста.» Въ мастерской Рюбенса въ это время былъ подборъ разныхъ спеціальностей. Къ услугамъ главы школы готовы были во всякое время пейзажисты Фанъ-Уденъ и Вильденсъ, историки Іоардансъ, Янсенсъ, Шютъ, портретистъ первостепенный Фанъ-Дейкъ, живописецъ миѳологіи Дюгенбокъ, жанристы Ромбуръ и Косьерсъ, даже граверъ былъ свой, Форстерманъ, передававшій лучшія творенія школы съ оригинальностію имъ свойственною, — тогда какъ несравненый Нефсъ изображалъ перспективы, на которыя не насмотришься, а геніальный Снейдерсъ легко переносилъ на полотно и заставлялъ жить на немъ домашнихъ животныхъ и дикихъ обитателей лѣсовъ, выставляя всѣ особенности и характеръ отличающіе кажду расу, чтобъ не сказать: каждаго недѣлимаго въ этой расѣ.

Два года труда и единодушныхъ похвалъ товарищей и самого строгаго учителя—убѣдили наконецъ Фанъ-Дейка, что ему надо ѣхать посмотрѣть на чудеса искусствъ, чтобы потягаться съ корифеями, перенявъ у нихъ увѣренность, которой обыкновенно не хватаетъ начинающему. Рюбенсъ поддерживаетъ эту счастливую мысль въ своемъ любимцѣ; отъѣздъ уже рѣшенъ, когда похоронивъ отца, Фанъ-Дейкъ увидѣлъ, что послѣдняя связь его съ родиной порвалась.

Наступилъ наконецъ и день отъѣзда. Красавецъ Фанъ-Дейкъ имѣлъ теперь двадцать три года и всѣ качества, которыя способны на художника его профессіи привлечь вниманіе знатоковъ искусства. Будущность уже улыбалась нашему путешественнику, лицо котораго невольно осѣнилось томной думой, когда за дружескимъ завтракомъ пили за его здоровье—и слово «Италія» на всѣхъ устахъ смѣшивалось со славою и надеждами на блистательные успѣхи отъѣзжающаго на родинѣ Рафаэля и Тиціана. Вотъ мажордомъ доложилъ Рюбенсу, что лошади для путешественника и его провожатыхъ готовы. Всѣ высыпали на выложенный плитою дворъ палаца. Не было пустаго мѣста, гдѣ бы глазъ наблюдателя могъ забыть, что онъ въ жилищѣ генія, для котораго красота формы и поэзія составляютъ потребность существованія.

Вотъ путешественникъ и друзья его, Форстерманъ, Вильденсъ, Снейдерсъ — на коняхъ. На разставаньи учитель пожимаетъ протянутую руку своего Ванъ-Дейка, въ сотый разъ увѣряющаго, что домъ, гдѣ прожилъ онъ послѣдніе лучшіе два года разцвѣта своего таланта, ничто не въ состояніи потемнить въ его памяти, вырвать изъ сердца. Растроганная Елизавета Брандтъ, положивъ руку на плечо пятилѣтняго сына Николая, подаетъ на память отъѣзжающему страусовое перо, отколовъ его отъ своей шляпы. «Вѣтеръ будетъ качать надъ челомъ твоимъ мой подарокъ, Антоній,—и когда тѣнь отъ пера скользнетъ по лицу твоему, ты припомни, что здѣсь въ Антверпенѣ есть люди, для которыхъ ты останешься всегда своимъ.»

— Антоній, возьмите и отъ меня гремушку, вы такъ славно гремите, а я не умѣю, обращается и малютка Николай къ Фанъ-Дейку. Крестовая сестра хозяйки дома, когда-то мечтавшая встрѣтить взаимность въ задушевномъ взорѣ Антонія, не нашлась что̀ бы сказать ему въ этотъ мигъ разлуки, быть можетъ вѣчной. Сердце сжалось, и слова не выходили изъ сомкнутыхъ устъ поблѣднѣвшаго лица.

— Вы сегодня, ме фроу, забыли подрумяниться

какъ видно насмѣшливо шепчетъ ей въ эту тяжелую минуту Вилькенбоомсъ, внутренно довольный отъѣздомъ соперника, хотя и не твердо убѣжденъ, что безъ Ванъ-Дейка дѣйствительнѣе будутъ его настоянія о соединеніи съ Маріаной Демуи, вступившей уже въ 35-ю весну, а все еще на потерявшей надежды на силу своихъ прелестей.

Она молчала при дерзкой выходкѣ отверженнаго искателя, ни кѣмъ кромѣ ея не услышанной. Да и кому было подслушивать? Всѣ были заняты проводами. Тетка Каролина, сойдя съ крыльца съ карафиномъ прохладительнаго, стояла-стояла — и видя, что никто не обращаетъ на нее вниманія, недовольная уходитъ въ комнаты. Въ сторонкѣ Янсенсъ съ старикомъ Тенирсомъ ведутъ разумныя сужденія о томъ, когда достигнутъ путешественники перевала черезъ Альпы и какою дорогою выгоднѣе ѣхать.

Стоя подъ аркой воротъ на конѣ, скользящемъ по гладкимъ плитамъ, плохой ѣздокъ Фанъ-Денъ Гукъ вполголоса напоминаетъ, что пора ѣхать.

— Успѣешь еще доѣхать до привала; дай мнѣ по крайности влѣзть на моего иноходца, отзывается Іордансъ, пробираясь къ коню между всадниками.

За узду Фанъ-Дейка держится дитя еще—Тенирсъ младшій. Другой сынъ Рюбенса, Филиппъ вздыхаетъ и думаетъ, что безъ Антонія некому вырѣзать ему дудку. Собачка хозяйки рычитъ на благороднаго коня, передъ которымъ сбирается бѣжать въ дорогу левретка, подаренная на память Снейдерсомъ этому счастливцу Фанъ-Дейку.

Библіографія.

Общій взглядъ на современное воспитаніе. — Какъ выйдти изъ настоящаго положенія? — Связь между семейнымъ и школьнымъ воспитаніемъ. — Преобладающее вліяніе школы; отчего оно происходитъ? — Наши педагогическіе журналы: «Семья и Школа», «Дѣтскій садъ», «Дѣтское чтеніе», «Народная школа» и проч.

Педагогическое дѣло начинаетъ у насъ прививаться. Въ этомъ убѣждаютъ не столько общіе толки о немъ въ обществѣ и литературѣ, сколько сама жизнь, выдвигающая на первый планъ вопросъ о воспитаніи и обученіи, семейномъ и общественномъ. Такое отрадное явленіе имѣетъ большое значеніе въ особенности для нашего отечества, въ которомъ педагогическое дѣло никогда не развивалось самостоятельно, и гдѣ оно шло ощупью, не зная за что ухватиться и къ чему пристать. На дѣло это у насъ смотрѣли, да и теперь еще многіе смотрятъ, чрезвычайно легко: обыкновенно думаютъ, что воспитывать ребенка — значитъ его поить, кормить, одѣвать и смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ какъ-нибудь не повредилъ себѣ руку или ногу, или не съѣлъ чего-нибудь неподходящаго или вреднаго. Сдавая ребенка въ общественное учебное заведеніе, родители или воспитатели считаютъ свою воспитательную роль оконченною и ограничиваются лишь свиданіями съ нимъ, болѣе или менѣе частыми, болѣе или менѣе продолжительными. Самое большое участіе, какое они принимаютъ въ такихъ случаяхъ, заключается лишь въ наведеніи справокъ о томъ, какъ кормятъ ихъ ребенка, какъ его одѣваютъ и какъ наказываютъ. Никакой связи между родителями и начальствомъ учебныхъ заведеній не существуетъ: отдавая своихъ дѣтей въ такое заведеніе, родители смотрятъ на него какъ на лотерею, гдѣ вѣроятность выигрыша зависитъ единственно отъ случая. Самые осторожные изъ нихъ—и тѣ ограничиваются только слухами о томъ или другомъ заведеніи, на которыхъ и основываютъ свой выборъ. Если мы спустимся ниже, къ простымъ, рабочимъ семействамъ, которыя все свое время употребляютъ на пріисканіе средствъ къ жизни, то картина выйдетъ еще печальнѣе: здѣсь уже сама жизненная обстановка мѣшаетъ заниматься воспитаніемъ; тутъ не пойдетъ въ голову ничего, кромѣ мысли о завтрашнемъ днѣ, о голодной семьѣ и плачущихъ дѣтяхъ. Въ большихъ промышленныхъ городахъ, за границей и у насъ, родители съ самаго утра уходятъ работать на заводы, фабрики и другія промышленныя заведенія, оставляя своихъ дѣтей на произволъ судьбы или постороннихъ, которымъ порученъ надзоръ за ними. Такимъ образомъ проходятъ недѣли, мѣсяцы и даже годы; а родители не имѣютъ возможности остаться съ своими дѣтьми хоть на нѣсколько часовъ. Выростая подъ такими условіями, дѣти не знаютъ хорошенько что такое материнская любовь, не чувствуютъ разницы между добромъ и зломъ, ложью и истиной, не знаютъ даже, что такое покой, дѣятельность, здоровье!.. Понятно, что такое явленіе въ высшей степени ненормально, и, какъ ненормальное, оно отражается на всемъ общественномъ строѣ. Вотъ почему, съ давнихъ поръ принимаются мѣры, чтобы какъ-нибудь пособить этому горю. Школы, имѣющей преимущественно образовательное значеніе, оказалось для этого недостаточно, — необходимо было завести такія учрежденія, гдѣ дѣти рабочихъ и вообще бѣдныхъ людей могли бы проводить цѣлые дни подъ разумнымъ и просвѣщеннымъ надзоромъ воспитателей и воспитательницъ. Такими учрежденіями являются въ Англіи такъ-называемыя школы для оборвышей, въ Германіи и Швейцаріи—дѣтскіе сады, а у насъ, кромѣ дѣтскихъ садовъ, пріюты въ родѣ недавнооткрытаго подъ названіемъ «Ясли».

И такъ, ни въ высшемъ кругу, ни въ низшемъ—воспитаніе не можетъ идти правильно до тѣхъ поръ, пока болѣе свѣдущая и болѣе просвѣщенная часть общества не возьметъ на себя трудъ всѣми возможными средствами помочь горю, указать на пути, которымъ должно слѣдовать при воспитаніи дѣтей, и на способы, которыми должно пользоваться при ихъ обученіи. Безъ вліянія этой просвѣщенной части, сама семья оказывается средой, гдѣ, рядомъ съ благотворнымъ дѣйствіемъ ея на воспитывающихся, неминуемо возникаетъ и дѣйствіе разъѣдающее. Съ другой стороны, даже идеальная по своимъ достоинствамъ семья не въ состояніи выработать хорошаго человѣка, если школа и жизнь будутъ слѣдовать началамъ, противоположнымъ тѣмъ, на которыхъ держится семья,—если вынесенныя изъ семьи добрыя свойства встрѣчаютъ со стороны школы и жизни вмѣсто сочувствія,— насмѣшку, вмѣсто поддержки—непріязнь,—если, наконецъ, разница между семейной обстановкой и школой доходитъ до того, что онѣ перестаютъ понимать другъ друга... Изъ этого само собою вытекаетъ заключеніе, что семья, дающая первыя и самыя прочныя основы развитію человѣка, и школа, довершающая это развитіе, должны идти рука объ руку. Связь эта должна состоять въ томъ, чтобы родители, приготовливающіе своихъ дѣтей къ школѣ, заботились не только о пріобрѣтеніи ими необходимыхъ для поступленія въ извѣстный классъ познаній, но и о томъ, чтобы дѣти были нравственно подготовлены къ новой для нихъ обстановкѣ, къ ея требованіямъ и условіямъ. Въ свою очередь, школа должна чутко прислушиваться къ требованіямъ жизни вообще и семьи въ особенности, чтобы не впасть съ ними въ рѣзкое противорѣчіе. Къ сожалѣнію, это взаимнодѣйствіе далеко не всегда встрѣчается въ нашей жизни: напротивъ того, очень часто бываетъ такъ, что семья, поглощенная своими житейскими интересами, слишкомъ отстаетъ отъ школы, отъ ея цѣлей и стремленій; школа-же, наоборотъ, или слишкомъ далеко уходитъ впередъ, или

Отправленіе Фанъ-Дейка въ Италію.
Съ картины Декейзера.

преслѣдуетъ одни только форменные интересы, забывая про интересы жизни, для которыхъ по настоящему и должно готовиться подростающее поколѣніе. И такъ, если, съ одной стороны, семья должна возвыситься до уровня школы, то съ другой—школѣ необходимо сблизиться съ семьею, дать ей разумное содержаніе и опредѣленныя цѣли. Намъ могутъ, пожалуй, замѣтить, что мы упускаемъ изъ виду третьяго дѣятеля—самую жизнь, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами, которая одновременно дѣйствуетъ и на семью, и на школу. Совершенно справедливо. Но вліяніе этого третьяго дѣятеля на воспитаніе сказывается главнымъ образомъ не непосредственно,—тѣмъ болѣе, что вліяніе двухъ нами указанныхъ дѣятелей, заключаетъ уже въ себѣ и вліяніе третьяго. Къ тому-же, дурное вліяніе жизни обыкновенно бываетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ крѣпче хорошее вліяніе семьи и школы и на-оборотъ. Слѣдовательно, вся сила въ двухъ первыхъ дѣятеляхъ,—и если мы хотимъ, чтобы наше молодое поколѣніе выходило изъ школъ стойкими бойцами за истину и добро, мы должны сдѣлать такъ, чтобы и семья, и школа были основаны на этихъ двухъ началахъ. До послѣдняго времени, школа имѣла перевѣсъ надъ семьею. Получая отъ семьи лишь сырой матерьялъ, она занималась его обработкой, и такимъ образомъ ей одной только можно было приписать образовательное вліяніе на дѣтей. На это было много причинъ, изъ которыхъ главная та, что сами родители, вообще, мало приготовлены къ воспитательной дѣятельности. Съ теченіемъ же времени, когда число выпускаемыхъ школою образованныхъ людей все болѣе и болѣе увеличивается, неизбѣжно должно усиливаться и вліяніе семьи, какъ самаго главнаго разсадника хорошихъ началъ. А усиливающееся значеніе семьи приведетъ ее къ сближенію съ школой, отъ которой она такъ отстала.

Такому сближенію не мало способствуютъ и наши педагогическіе журналы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые поставили себѣ задачей—уясненіемъ истинныхъ цѣлей воспитанія примирить противорѣчія между семьей и жизнью —съ одной стороны и школой—съ другой. На первомъ мѣстѣ мы поставимъ, появившійся въ прошломъ году, новый педагогическій журналъ «Семью и Школу.» Задавшись вышеозначенною цѣлью, журналъ этотъ, очевидно, взялъ на себя самую трудную роль изъ всѣхъ тѣхъ, которыя выпадаютъ на долю вообще педагогическихъ журналовъ. Трудною эта задача представляется потому, что ни на западѣ, ни тѣмъ болѣе у насъ, истинныя цѣли воспитанія еще не выяснились. Слѣдовательно, не опредѣлился еще и тотъ идеалъ, къ которому должно стремиться при развитіи человѣка. Общія черты его, впрочемъ, уже намѣчены,—и наукѣ, вмѣстѣ съ литературой, остается только разработать ихъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на средства къ достиженію положенныхъ въ основаніе развитія цѣлей. Но въ выборѣ этихъ-то средствъ обыкновенно и не сходятся педагоги, — особенно, когда рѣчь зайдетъ не объ умственномъ, а о нравственномъ воспитаніи ребенка. Затрогивая эту мало-извѣданную область человѣческаго образованія, спорящіе вступаютъ обыкновенно на путь предположеній, догадокъ, общихъ мѣстъ и чисто личныхъ воззрѣній. Понятно, что при такихъ условіяхъ нельзя ожидать, чтобы споръ привелъ къ чему-нибудь вѣрному, опредѣленному. Остается надѣяться, что постоянно увеличивающійся запасъ знаній, выработываемыхъ науками, которыя даютъ матерьялъ для выводовъ педагогики, раскроетъ наконецъ и эту тайну человѣческой души — и тѣмъ облечитъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ воспитанія.

Имѣя ввиду какъ теоретическое знакомство съ педагогическимъ дѣломъ, такъ и его практическое разрѣшеніе, редакція «Семьи и Школы» дѣлитъ свой матерьялъ на двѣ книги, изъ которыхъ одна назначается для дѣтей, а другая для воспитателей и родителей. Въ первую входятъ всевозможныя разсказы для дѣтей, какъ историческаго, такъ и нравственнаго содержанія; помѣщаются различныя задачи съ цѣлію развить мышленіе ребенка; дается обширный и разнообразный матерьялъ для дѣтскихъ работъ, имѣющихъ развивающее значеніе; наконецъ, въ ней можно встрѣтить статейки, въ которыхъ сообщаются свѣденія изъ той или другой науки, въ формѣ удобопонятной и занимательной. Книга для воспитателей составляется изъ статей по воспитанію вообще, по дидактикѣ и методикѣ различныхъ предметовъ; кромѣ того, въ нее входятъ статьи по училищевѣденію, отчеты о засѣданіяхъ Педагогическаго Общества, библіографія, педагогическая хроника и проч. и проч. Обѣ книги составляются съ большимъ толкомъ, добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Въ теоретическихъ вопросахъ воспитанія редакція, какъ видно, чужда всякой односторонности, всякаго узкаго и самоувѣреннаго взгляда на дѣло,—того взгляда, который полагаетъ, что въ наукѣ уже все сдѣлано,—что все то, что она даетъ намъ теперь, непреложно и останется таковымъ на всегда. Нигдѣ, кажется, такъ не необходимо безпристрастіе и спокойствіе при обсужденіи, какъ въ вопросахъ воспитанія и обученія. Поэтому, особенно пріятно видѣть оба эти качества тамъ, гдѣ казалось-бы всего менѣе можно ожидать ихъ. Допуская полную свободу обсужденія животрепещущихъ педагогическихъ вопросовъ, мы тѣмъ самымъ открываемъ для себя легчайшій путь къ достиженію истины, для всѣхъ равно необходимой и для всѣхъ желательной. На основаніи всего вышесказаннаго, мы смѣло рекомендуемъ этотъ журналъ нашимъ читателямъ—во 1-хъ какъ прекрасное образовательное чтеніе для дѣтей и во 2-хъ какъ руководство для родителей и воспитателей.

Если журналъ «Семья и Школа», и по объему своему, и по программѣ, въ состояніи преслѣдовать столь обширную цѣль, какъ утвержденіе семейнаго и общественнаго воспитанія и обученія на одинхъ общихъ началахъ,—то другой педагогическій журналъ, «Дѣтскій Садъ», взялъ на себя болѣе частную цѣль—улучшеніе преимущественно домашняго воспитанія дѣтей всѣхъ сословій, чтобы приготовить ихъ «для жизни и дѣла». Справедливо полагая, что надлежащее значеніе свое школа получитъ лишь тогда, когда улучшится наше семейное воспитаніе и обученіе,—что до-школьный періодъ жизни ребенка имѣетъ въ высшей степени важное вліяніе на остальную его жизнь,—журналъ этотъ поставилъ себѣ задачею распространеніе свѣденій о правильномъ физическомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи русскихъ дѣтей. Для этого онъ пользуется двумя средствами: печатаетъ статьи о разныхъ педагогическихъ вопросахъ чисто-теоретическаго содержанія (статьи г-на Бѣлова, г-жи Цебриковой и другихъ) и, кромѣ того, эти-же педагогиче- взгляды проводитъ въ небольшихъ повѣстяхъ, романахъ и разсказахъ чисто-беллетристическаго характера. Такъ, въ 1870 году, въ немъ была помѣщена большая педагогическая повѣсть г. Бѣлова «Виновата-ли она?»; въ прошедшемъ году—повѣсть «Маменьки», а въ нынѣшнемъ—педагогическій разсказъ подъ заглавіемъ «Самодуры». Имѣя преимущественно воспитательный характеръ, журналъ можетъ быть рекомендованъ однимъ только родителямъ и воспитателямъ, въ особенности-же русскимъ матерямъ, на которыхъ лежитъ высокое призваніе—воспитывать своихъ дѣтей съ самаго перваго момента появленія изъ на свѣтъ.

Кромѣ первыхъ книжекъ «Семьи и Школы», прекраснымъ чтеніемъ для дѣтей, можетъ служить еще весьма дешовый и хорошо составляемый журналъ «Дѣтское Чтеніе.» Разнообразное и занимательное содержаніе его даетъ богатый матерьялъ для чтенія дѣтей всѣхъ возрастовъ. Въ каждой книжкѣ помѣщаются нѣсколько картинокъ, весьма недурно исполненныхъ, чертежи, планы и т. под. Четыре раза въ годъ, въ видѣ приложенія, дается особый Педагогическій листокъ (для родителей и воспитателей), заключающій въ себѣ небольшія статейки по воспитанію и обученію, библіографію и смѣсь.

Политическое обозрѣніе.

Движеніе, проявившееся въ средѣ рабочихъ классовъ западной Европы, не ограничивается только Англіей, Франціей и Испаніей, но находитъ для себя дѣятельную поддержку и въ Германіи. Утверждаютъ, что въ этой послѣдней подготовляется даже нѣчто въ родѣ возстанія рабочихъ и ихъ союзниковъ противъ капитала и собственниковъ. Трудно допустить, конечно, чтобы дѣло дошло до такой непріятной развязки; но что движеніе происходитъ, и притомъ не изъ однихъ только политическихъ видовъ, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Достаточно припомнить, что рабочіе въ большихъ германскихъ промышленныхъ городахъ точно такъ же, если не больше еще, недовольны нынѣшними порядками, какъ и рабочіе англійскіе или бельгійскіе; недовольство это, какъ и повсюду, выражается у нѣмецкихъ рабочихъ стачками, которыя, по размѣрамъ и продолжительности, нисколько не уступаютъ стачкамъ англичанъ и швейцарцевъ; наконецъ, въ Германіи открыто издаются нѣсколько демократическихъ и соціальныхъ газетъ, находящихъ для себя многочисленныхъ читателей въ средѣ рабочаго класса. Изданіе такого рода газетъ терпится почти всѣми правительствами Германской Имперіи — и если кто подвергается преслѣдованію, такъ это только авторы слишкомъ уже зажигательныхъ статей, и въ особенности тѣ изъ нихъ, за которыми имѣются и еще другіе какіе-нибудь грѣшки. Преслѣдуетъ, конечно, судъ, которому между прочимъ подлежатъ и преступленія политическія. Послѣдній процессъ былъ въ Лейпцигѣ, въ Саксоніи, процессъ трехъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей: Либкнехта, Бебеля и Гепнера, обвинявшихся въ измѣнѣ, или — вѣрнѣе — въ намѣреніи произвести возстаніе противъ существующей власти, съ тѣмъ чтобы, по низверженіи ея, установить республику. Обвиненіе было построено на томъ, чтобы изобличить связь отдѣльныхъ комитетовъ, во главѣ которыхъ стояли подсудимые, съ дѣятельностью все того же Международнаго Общества рабочихъ. Если это обстоятельство будетъ доказано, то подсудимые будутъ признаны виновными, такъ какъ германскимъ закономъ строго запрещаются всякіе союзы между рабочими кружками. Такимъ образомъ, распространеніе Международнаго Общества встрѣчаетъ для себя противодѣйствіе и со стороны германскихъ правительствъ. Впрочемъ, это не мѣшаетъ имъ идти своей дорогой, къ тѣмъ или другимъ задуманнымъ реформамъ, несмотря на громкій и рѣшительный протестъ консерваторовъ (людей, придерживающихся старыхъ порядковъ) всѣхъ родовъ и оттѣнковъ. Послѣ того, какъ принятъ былъ прусскими палатами законъ о правительственномъ надзорѣ за школами (см. № 8 «Нивы»), правительство рѣшилось провести другой важный законъ — объ устройствѣ окружнаго (мѣстнаго, провинціальнаго) управленія. Законъ этотъ несомнѣнно либеральнѣе настоящаго устройства округовъ, именно тѣмъ, что предоставляетъ мѣстному населенію больше участія въ управленіи округомъ, чѣмъ это было до сихъ поръ; уничтоженіемъ имущественнаго ценза расширяетъ кругъ лицъ, которыя могутъ занять должность волостнаго судьи; уничтожаетъ наслѣдственность въ отправленіи мѣстныхъ судебныхъ должностей; упраздняетъ вотчинную полицію помѣщиковъ и проч. Неудивительно, поэтому, что крупные землевладѣльцы и бароны встрѣтили этотъ законъ съ явнымъ неудовольствіемъ: очевидно, онъ подрывалъ ихъ значеніе въ волости, а имъ этого не хотѣлось. Правительство однако настояло на своемъ, и законъ былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Послѣ того, палаты были распущены до 8 апрѣля. Князь Бисмаркъ уѣхалъ въ свои Лауенбургскія помѣстья, чтобы тамъ въ тиши отдохнуть отъ одержанныхъ имъ побѣдъ. Почти одновременно съ этимъ, выпущенъ былъ на свободу полякъ, обвинявшійся въ покушеніи на жизнь кн. Бисмарка; слѣдствіе не раскрыло важныхъ уликъ противъ этого человѣка, хотя онъ и не сочувствуетъ политикѣ Бисмарка.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 17 Марта 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 13 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2 3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 27 марта 1872 года

Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

XIII.

Соперники.

На женской половинѣ дома Коржавиныхъ шли между тѣмъ дѣятельныя приготовленія къ сватьбѣ. У старухи Красухиной нашлось нѣсколько десятковъ рублей, Богъ вѣсть какимъ родомъ скопленныхъ и зашитыхъ по старымъ чулкамъ да въ торбочкахъ; но всего этого оказывалось мало. Надо было принарядить дочку на славу къ пріѣзду жениха, показать товаръ лицомъ, а денегъ взять негдѣ было. Дѣло дѣлалось тайкомъ отъ опекуна. Красухина продала свой приданый жемчугъ, и таки раздобылась всѣмъ необходимымъ, спѣша покончить до возвращенія Галдилина. Груня по цѣлымъ днямъ сиживала у окошечка за шитьемъ, напѣвая вполголоса деревенскія пѣсенки — «да все какія-то несвадбишныя», какъ замѣчали старушки, покачивая головой, — «тихія да заунывныя...

— Чтой-то, Грунюшка, говорила ей мать, — прежде бывало въ саду поешь — по всему дому слышно; а нынче у тебя голосъ-то словно внутро ушелъ... Такъ за сердце и хватаетъ, даромъ что тихо...

А свекровь будущая, Анна Исаевна, видала не разъ, какъ у невѣстушки за работой вдругъ опускались руки вмѣстѣ съ неоконченной пѣсенкой, глаза останавливались съ неподвижнымъ и томнымъ взглядомъ, голова клонилась, — и коль окликнешь Груню — такъ вся и дрогнетъ, а потомъ улыбнется какъ-то по дѣтски, жалосливо таково — и опять примется шить...

— И куда его такъ много-то? иногда говорила Груня матери: — что мнѣ все сдается, матушка, будто этого не надо?

— То-то дѣвичій разумъ — скорый а не спорый, укоризненно говорила мать: — все въ одномъ да въ одномъ-то нарядѣ живо приглядишься женишку...

— Ну, чтожь, то и хорошо; а то неравно въ глазахъ зарябитъ пестрота, меня-то самое онъ и не разсмотритъ, — а тамъ повѣнчаютъ, спохватится—глядь, а я можетъ совсѣмъ не такая какъ ему надо...

— Э!.. тебя видно не переслушаешь!.. досадливо говорила Красухина, отходя.

И Груня, слегка вздохнувъ, снова подсаживалась къ окошечку, принимаясь за свои шелки да бархаты.

Наканунѣ Петрова, утромъ, Груня, гуляя въ саду, вдругъ увидала мать, бѣгущую въ радостномъ переполохѣ.

— Пріѣхалъ!.. кричала Красухина еще издали: — иди-ка, иди!.. можетъ, спроситъ... Ну ка въ добрый часъ, благослови Господь...

Ждали Галдилина со дня на день, но Груня мигомъ поняла, о комъ идетъ рѣчь; сердце ея внезапно и больно сжалось, такъ что она прихватила грудь рукой, а сама вся похолодѣла, помертвѣла и молча глядѣла на мать...

— Ну, чего? чего ты? Богъ милостивъ, все обойдется, успокоивала мать: — и какая-жъ ты, какъ я погляжу!.. Ай не радостно?.. боязно чтоль?

— Нѣтъ, нешто... пойдемъ, матушка!.. уже оправясь и равнодушно проговорила Груня, направляясь къ калиткѣ.

Ѳедоръ пріѣхалъ съ Марѳой прямо къ Хмурову. Тетка съ своей стороны, узнавъ о сватовствѣ, не теряла времени. Крѣпкія кладовыя каменозерской пустыньки растворились — и поползло на свѣтъ божій всякое добро, припасенное годами. Малаго обшили заново съ головы до ногъ. Собираясь на смотрины невѣсты, вырядясь въ бѣлый объяринный кафтанъ, расшитый досужными пичужками въ узоръ шелками на подобіе цвѣтовъ, въ блѣднорозовый камзолъ съ серебромъ, горделиво закидывая красивую голову и обмахиваясь раздушенымъ платкомъ, Ѳедоръ имѣлъ видъ побѣдоносный.

Въ отчій домъ онъ явился какъ ни въ чемъ не бывало, но радостныя слезы матери при свиданіи непривычно растрогали его; она такъ и замерла, повиснувъ на шеѣ сына. Ѳедоръ горячо отвѣчалъ на ея ласки, поудерживая старушку въ крѣпкихъ объятіяхъ, — и въ то же время не безъ любопытства поглядывалъ на отца, котораго воображалъ себѣ вовсе не такимъ сѣдобородымъ старикомъ. Умные проницательные глаза Василія Никитича, подъ навѣсомъ сѣдыхъ бровей, внушали ему невольный страхъ и уваженіе — и онъ ждалъ перваго слова со стороны отца, добродушно улыбаясь и готовый принять на свою голову всѣ грозы родительскаго гнѣва.

— Ну-ка, ну, покажись!.. заговорилъ Коржавинъ, осматривая сына съ ногъ до головы и видимо сдерживая свои чувства притворной насмѣшливостью: — хорошъ, неча молвить, хорошъ!.. Эхъ, баловство, баловство — все тетка! прибавилъ онъ, покачавъ головой: — ну, кайся, разбойникъ, что́ ты это съ Меркулычемъ-то сдѣлалъ?

— Да нешто я? отвѣтилъ Ѳедоръ, продолжая улыбаться и при этомъ воспоминаніи, и почуявъ что отецъ шутитъ, — вѣдь она сама всему починъ положила... Ну, а мнѣ чтожь!.. Онъ безпечно тряхнулъ головой и помолчалъ. — Не я, такъ другой бы — все едино. Вѣдь это только Меркулычу простительно думать...

— Ахъ, ты безстыжая голова! перебилъ Коржавинъ, противъ воли любуясь молодцомъ: — на то ли тебя за море-то посылали? Ну-ка, скажи, чему ты тамъ путному выучился?

— Ужь коли правду говорить, пожалуй что и ничему...

— Вотъ, люблю, что хоть не врешь! засмѣялся Василій Никитичъ: — ну, иди поцѣлуемся!

Ѳедоръ обнялъ его, нѣсколько разъ поцѣловалъ у него руку и отвернулся...

— Батюшка!.. проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, — батюшка, спасибо тебѣ, сударь!.. Не ждалъ... не стóю, а все-бъ не стерпѣлъ, кабы что... А теперь не стыдно... не стыдно и вотъ какъ...

И внезапно прослезясь, онъ быстрымъ, гибкимъ движеніемъ сталъ на колѣна и припалъ къ ногамъ отца.

— Ну, полно, полно! зачастилъ растроганный Василій Никитичъ, подхватывая сына, — мы вѣдь не бабы... чего рюмить-то!

И онъ смахнулъ рукавомъ навернувшіяся счастливыя слезы.

— Вотъ такъ-то лучше! обрадовалась Анна Исаевна, до сихъ поръ со страхомъ прислушивавшаяся къ нимъ и готовая какъ насѣдка вступиться за своего птенца: — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ... Эна-ка онъ какой, блѣдный да худой... Чай больнехонекъ еще?

— Ничего, до сватьбы заживетъ, матушка! молодцовато сказалъ Ѳедоръ.

— То-то до сватьбы!.. смотри, не прогляди невѣсту-то!.. подтрунивалъ Василій Никитичъ.

— Да покажите мнѣ ее сперва, самодовольно проговорилъ Ѳедоръ, садясь и закладывая ногу на ногу, — а тамъ ужь наше дѣло будетъ...

— Ну, не хвались — не люблю, перебилъ отецъ: — вотъ къ обѣду выйдетъ — успѣешь наглядѣться... А пока разскажи мнѣ про себя... ну, хоть про Парижъ... Надожь мнѣ сколько-нибудь знать, что́ ты за человѣкъ и доподлинно...

Анна Исаевна поспѣшила въ заднія комнаты — и обѣ онѣ съ Красухиной захлопотали около Груни, то обдергивая ей голубое платье съ кружевомъ, то взбивая ея русые волосы, ниспадавшіе густыми косами на спину; хотѣли даже ее подрумянить, но Груня не далась — и лишь на усиленныя просьбы матери согласилась налѣпить себѣ одну мушку. Она сама вырѣзала изъ черной тафты крошечную пчелку — и разсѣянно ставъ передъ стѣннымъ зеркаломъ, налѣпила ее надъ лѣвой бровью. Въ этомъ городскомъ нарядѣ, въ несвойственной прическѣ, спотыкаясь на высокихъ каблукахъ сафьянныхъ башмачковъ, и уродливо отражаясь въ волнистомъ зеркалѣ, Груня посмотрѣла на себя какъ на неудавшійся портретъ и съ насмѣшливой улыбкой пошла къ обѣду. Но по мѣрѣ того, какъ она подходила къ той комнатѣ, откуда слышался молодой пріятный голосъ и веселые раскаты смѣха, сердце ея начинало биться сильнѣе, и въ головѣ кружился гадательный образъ ея суженаго... Растворивъ дверь, она какъ въ туманѣ увидала его бѣлый кафтанъ — и оробѣвъ, стала на порогѣ, не смѣя взглянуть ему въ лицо...

— Ха, ха, ха! басисто хохоталъ Василій Никитичъ! — потѣшникъ ты эдакій!.. Изъ посольскихъ переводчиковъ да въ учителя къ Бецкому, а потомъ раскольничьимъ попомъ при теткѣ Марѳѣ... Тьфу, пусто тебѣ совсѣмъ!.. И сердиться - то на вражьяго сына нельзя...

Ѳедоръ, сидѣвшій развалясь въ креслѣ, проворно и вмѣстѣ съ лѣнивой небрежностью всталъ навстрѣчу Грунѣ; скользя по полу носками врозь, онъ быстро подошелъ къ ней — и не успѣла Груня отшатнуться отъ его поклона, какъ рука ея почувствовала легкое пожатіе и прикосновеніе горячихъ губъ.

— Вотъ, сударь, прошу любить да жаловать! начала старуха Красухина, входя за дочерью, — заждались мы тебя, касатикъ... Все ли въ добромъ здоровьи доѣхать изволилъ?.. говорила она, старчески любопытно взглядываясь въ нарѣченнаго зятя.

— Всенижайше благодарю васъ, Богъ миловалъ, сударыня, а безъ его воли ни единый власъ не спадетъ съ головы человѣческой, припомнилъ Ѳедоръ изъ не-

давнихъ бесѣдъ съ раскольниками; онъ поцѣловалъ и тещину руку и пододвинулъ кресла обѣимъ дамамъ.

Груня вдругъ подняла на него свои глаза — и прежняя усмѣшка шевельнула ея маленькія губы, въ то время, какъ она, оправляя платье, сѣла поодаль къ окну.

Старуха Красухина, тая отъ любезностей зятька, любовалась имъ въ упоръ.

— Что жь, батюшка Василій Никитичъ, напрасно плакался на сынка-то! говорила она, улыбаясь, — ловокъ, уменъ, обходителенъ, грѣхъ сказать... соколъ соколомъ...

— Ужь и я дивлюсь, какъ это я маху далъ! добродушно подтрунилъ Коржавинъ: — малый-то на всѣ руки оказывается...

— Милости просимъ, гости дорогіе, хлѣба соли откушать! пригласила Анна Исаевна, появляясь изъ столовой, — дай Богъ тѣмъ же порядкомъ да и за княжой бы пиръ...

Ѳедоръ подалъ руку старшей Красухиной и церемонно повелъ ее къ столу.

Жениха и невѣсту посадили другъ противъ дружки, «чтобы приглядѣлись» шепнула Анна Исаевна на ушко Красухиной матери. Весь обѣдъ Ѳедоръ весело шутилъ, разсказывалъ анекдоты, прислуживалъ дамамъ и окончательно очаровалъ обѣихъ старушекъ. Василій Никитичъ на этотъ разъ уступалъ ему первенство въ разговорѣ, а Груня, какъ и подобало скромной дѣвицѣ, сидѣла молча, прислушиваясь, изрѣдка взглядывая на будущаго мужа и потомъ, словно съ недоумѣніемъ, на старика Коржавина.

Василій Никитичъ послѣ обѣда тотчасъ пошелъ соснуть; а старушки только этого и ждали, чтобъ оставить молодежь вдвоемъ.

— Грунюшка, ты-бы пошла, касатка, нарвала-бы намъ къ чаю малинки, сказала Анна Исаевна, — вонъ тебѣ Ѳедюшка поможетъ,—помнишь ли Ѳедя садикъ-то нашъ?.. Забылъ-чай, ась?..

Груня взяла тарелку и вопросительно взглянула на Ѳедора.

— Съ превеликою охотой, сказалъ тотъ, подходя къ ней,—коли только не прискучу Аграфенѣ Александровнѣ...

И ловко скругливъ локоть, онъ подставилъ руку молодой дѣвушкѣ...

— Пожалуйте, пройдите впередъ, проговорила Груня, — въ эту дверь тѣсно...

Эти первыя слова, услышанныя Ѳедоромъ отъ невѣсты, произвели на него странное впечатлѣніе своей простотой — онъ видимо не такого ждалъ отвѣта.

Ѳедоръ пропустилъ свою нарѣченную и молча послѣдовалъ за ней въ знакомый садъ, гдѣ бывало рѣзвился ребенкомъ.

На дворѣ было жарко; погода съ недѣлю уже стояла превосходная; ни облачка въ чистой синевѣ; солнце пекло такъ, что земля накалилась чувствительно ногѣ; вѣтерокъ вѣялъ въ лицо нагрѣтымъ воздухомъ. Тѣмъ пріятнѣе сталъ переходъ къ прохладѣ, когда молодые люди, нагнувшись въ маленькой калиточкѣ, вступили подъ зеленый навѣсъ листвы. Ѳедоръ не узнавалъ стариннаго пріюта. Все какъ-то разрослось, перепуталось и сплелось въ густую сѣнь, обдававшую дорожки и золотистую траву крапчатыми тѣнями листьевъ. Только кусты малины и крыжовника остались тѣми же, какъ помнилъ ихъ странникъ, да такъ же на высокомъ шестѣ торчала скворечница надъ грядою краснаго мака и чернозобый бѣлоносый жилецъ ея, радостно вздергивая крылышками, перевиралъ по прежнему всякіе птичьи напѣвы...

Груня ставъ подъ яблонькой, держа въ одной рукѣ тарелку, отбирала крупныя малиновыя ягоды, прятавшіяся въ темной зелени. Золотые зайчики солнца перебѣгали по хорошенькому личику дѣвушки, подернутому легкимъ янтарнымъ загаромъ. Ѳедоръ тоже сорвалъ ягодъ пять — и вдругъ, какъ будто при видѣ окрестности, напоминавшей ему далекое дѣтство, разсѣялась вся неловкость его положенія, онъ въ первый разъ взглянулъ прямо въ глаза Грунѣ и улыбнулся мягко, задушевно...

— Премного благодаренъ сему случаю, что могу объясниться съ вами отъ чистаго сердца, началъ онъ, взявъ у нея изъ рукъ тарелку и отставляя на скамью подъ яблоней,—смѣю ли просить васъ, пожалуйте, присядьте... Вы можетъ почтете меня за невѣжу, что я такъ прямо приступлю къ такому предмету... А я такой ужъ человѣкъ — всякое принужденіе для меня несносно...

Онъ видимо затруднялся.

— Приказывайте, сударь, я за честь почту слушать что изволите, сказала Груня, садясь на скамью и тоже взглянувъ на него изподлобья.

— Я такъ понимаю, началъ Ѳедоръ, подсаживаясь къ ней и поворачивая тарелку на скамьѣ указательнымъ пальцемъ, — что у родителей нашихъ дѣло это порѣшено... Батюшка отписалъ мнѣ, что вы чрезъ замужество желаете вызволить себя отъ опекуна... А вамъ должно быть извѣстно, что я тоже еще ни къ чему себя не устроилъ... и пока еще аттестовалъ себя весьма негоднымъ человѣкомъ...

Онъ вдругъ отодвинулъ тарелку, и поднявъ голову, добродушно усмѣхнулся Грунѣ, а потомъ досталъ платокъ, и вытеревъ себѣ лобъ, сталъ обмахиваться отъ жары...

Лицо Груни разомъ просіяло, и она участливо улыбнулась Ѳедору.

— Да не робѣйте, продолжалъ Ѳедоръ, не понявъ значенія ея улыбки, — я вѣдь не таковъ какъ здѣшніе мужья — останетесь при всей своей волѣ. Мое дѣло что́? Поладимъ — ладно, а коль не по сердцу я вамъ придусь — во всемъ твое произволеніе. Я въ иностранныхъ земляхъ слава-Богу потерся, видалъ всякіе обычаи, что ни есть лучшіе. Одно слово: галанъ. Конечно, у насъ еще не расшаталась старина, а въ Парижѣ — тамъ жена дѣлаетъ что́ хочетъ — мужъ ее и не спрашиваетъ, говорилъ Ѳедоръ самодовольно, даже нѣсколько поучительно.

— Какъ же это такъ, Ѳедоръ Васильичъ? Мало-ль что́ женѣ взбредетъ на умъ? Какой же послѣ того онъ мужъ? проговорила Груня, съ удивленіемъ поднявъ глаза на Ѳедора, — что́жь это вправду за зако́нъ?

— Законъ самъ по себѣ, а житье мужа съ женой — иная статья. Тамъ зачастую подпишутъ контрактъ и обвѣнчаютъ ихъ, для того чтобъ ей носить его фамилію; всѣ знаютъ, что такая - то; живутъ подъ одной кровлей, случается, что и обѣдаютъ вмѣстѣ, а въ остальномъ... она себѣ, а онъ себѣ. Вотъ, хоть бы дюкъ Роанъ, первый модникъ, ѣдетъ съ актрисой, встрѣчаютъ жену его тоже съ шевалье, другъ другу пожимаютъ руки, ласково освѣдомляются о здоровьѣ и какъ ни въ чемъ не бывало разстаются... до новой встрѣчи.

— Зачѣмъ же имъ понадобилась женитьба? спросила Груня.

— Да вотъ какъ намъ нынече, сказалъ Ѳедоръ.

— Вотъ что́ о! м-м-м!.. протянула Груня, но вдругъ быстро отодвинулась отъ Ѳедора, замѣтивъ чью-то длинную тѣнь, близившуюся по дорожкѣ къ самымъ ногамъ ея...

Поднявъ голову Груня, увидала медленно шедшаго на нихъ Баженова, и ее мгновенно поразила рѣзкая перемѣна въ его лицѣ: Василій Иванычъ былъ блѣденъ, губы его видимо старались улыбнуться, но только странно кривились.

— А, такъ вы вотъ гдѣ... нашелъ наконецъ... Здорово, пріѣзжій! проговорилъ онъ.

Быстро поворотясь, Ѳедоръ заключилъ его въ свои объятія, но тотчасъ же почувствовалъ какой-то холодъ въ объятіяхъ друга.

— Какъ можешь? проговорилъ Ѳедоръ.

— Нешто, принужденно отвѣтилъ Баженовъ: — добраго здоровья, Аграфена Александровна...

— Вы уже знакомы? спросилъ Ѳедоръ.

— Василій Иванычъ частенько навѣдывался о васъ, съ весны еще захаживалъ... сказала Груня, — всѣ его такъ полюбили...

— Значитъ приглянулся, сказалъ Ѳедоръ, — да какъ не приглянуться экому молодцу!..

— Шутить изволишь, перебилъ Баженовъ, котораго повело какъ бересту на огнѣ, — потѣшайся, пожалуй...

Груня взяла тарелку и поспѣшно пошла къ дому.

— Да что́ ты какъ будто не въ себѣ? сказалъ Ѳедоръ, — несуражій такой? Нездоровится чтоль?

— Да, можетъ и такъ... А ты такъ больно веселъ — стало поздравить можно? съ лихорадочною пытливостью заглядывая въ глаза Ѳедору, спросилъ Баженовъ.

— Пожалуй... да что ты такъ на меня смотришь? положивъ руку на плечо друга, сказалъ Ѳедоръ.

— Ужь совсѣмъ слажено? перебилъ Баженовъ.

— Да коли стариковъ слушать, такъ совсѣмъ, отвѣтилъ Ѳедоръ.

— А ты-то самъ какъ? спросилъ Баженовъ.

— Просто, братецъ, голова кругомъ, отвѣчалъ Ѳедоръ, — въ ней есть что-то такое... на магнитъ похоже, а въ руки не дается...

— Что-жь, по твоему, какъ Эмили... или какъ ее Щукина чтоль? желчно и язвительно процѣдилъ сквозь зубы обыкновенно добрый и кроткій Баженовъ.

— То есть какъ тебѣ сказать, до Эмили ей далеко — вѣдь это сущій ребенокъ; а Щукина... какъ бы ты зналъ, что́ за душа!

— Да ты, Ѳедя, прости меня, ужь о душѣ-то помолчалъ бы!.. съ сердцемъ сказалъ Баженовъ и круто повернувшись, прошелся по дорожкѣ...

Все это было ново Ѳедору въ его пріятелѣ.

— Ну, что-жъ пойдемъ въ избу что-ли? сказалъ онъ Баженову.

— Нѣтъ, мнѣ ужь домой пора — я тамъ совсѣмъ простился...

— Такъ-то рано? Да мы съ тобой и поговорить путемъ не успѣли... Постой же, я хоть провожу тебя немного. Покалякаемъ.

— Да что́ съ тобой, вѣтреникомъ, калякать-то? говорилъ Баженовъ, уже идя по двору, — все тотъ же вѣтеръ у тебя въ головѣ, если не хуже... Вздумалъ смѣнить кого-же съ Аграфеной Александровной!.. Да ты знаешь ли, что́ за сокровище тебѣ достается?..

— Инъ вразуми, пожалуй, буде не въ тяготу! нѣсколько насмѣшливо проговорилъ Ѳедоръ, задѣтый его холодностью.

— Ты смекаешь ли, что́ будетъ за жена изъ этого ангельскаго созданія? продолжалъ Баженовъ оживляясь, — сердце — золото, умъ — не женскій, по кротости голубица... и ко всему этому невертлявость, искренность... хозяйство любитъ, всегда за дѣломъ... Да нѣтъ, что́ тутъ толковать — ты не поймешь, хоть до утра говорить... Прощай, братецъ!..

— Ну, коли не удостоиваешь больше на-сегодня, такъ хоть другой разъ приходи, а то невольно помстится, что спѣсь напала въ капитанскомъ-то чинѣ...

— Ахъ, ты шутъ гороховый, туда же! невольно засмѣялся Баженовъ, протягивая руку: — ладно, зайду... вашъ гость.

И друзья разстались.

— Ну, Аграфена Александровна, въ тотъ же вечеръ говорилъ Ѳедоръ своей невѣстѣ, — спасибо Василію Иванычу, вотъ ужь истинно умный человѣкъ, открылъ мнѣ глаза на васъ...

— А что? что онъ говорилъ? съ живостью перебила Груня, и большіе сѣрые глаза заискрились не совсѣмъ обычною живостью.

— Да ужь расхваливалъ-расхваливалъ до небесъ — и сердце-то у васъ золотое... и ангельское-то вы созданіе... и никогда-то я не пойму васъ съ моей простотой беззавѣтной... Вотъ въ этомъ только и ошибся... Судитъ все по старому, а того и не подумалъ, что для васъ я способенъ преобразиться... просто другимъ человѣкомъ стать...

— Ой-ли? почти прошептала Груня съ выраженіемъ такого блаженства во всѣхъ чертахъ кроткаго лица, что Ѳедоръ, объяснивъ это въ свою пользу, страстно припалъ губами къ ея рукѣ...

Онъ долго не могъ заснуть въ эту ночь, въ своей дѣтской свѣтелкѣ; полная луна двумя широкими снопами врывалась въ окна — и въ голубоватой бѣлизнѣ этихъ столбовъ свѣта, возникалъ прелестный образъ Груни, въ невѣдомой до сихъ поръ Ѳедору чистотѣ и дѣйственности... Сладко и жутко закипало въ немъ что́-то новое... неиспытанное... Но вдругъ жгучая мысль словно молнія промелькнувъ въ головѣ, кольнула его въ сердце съ нестерпимою болью...

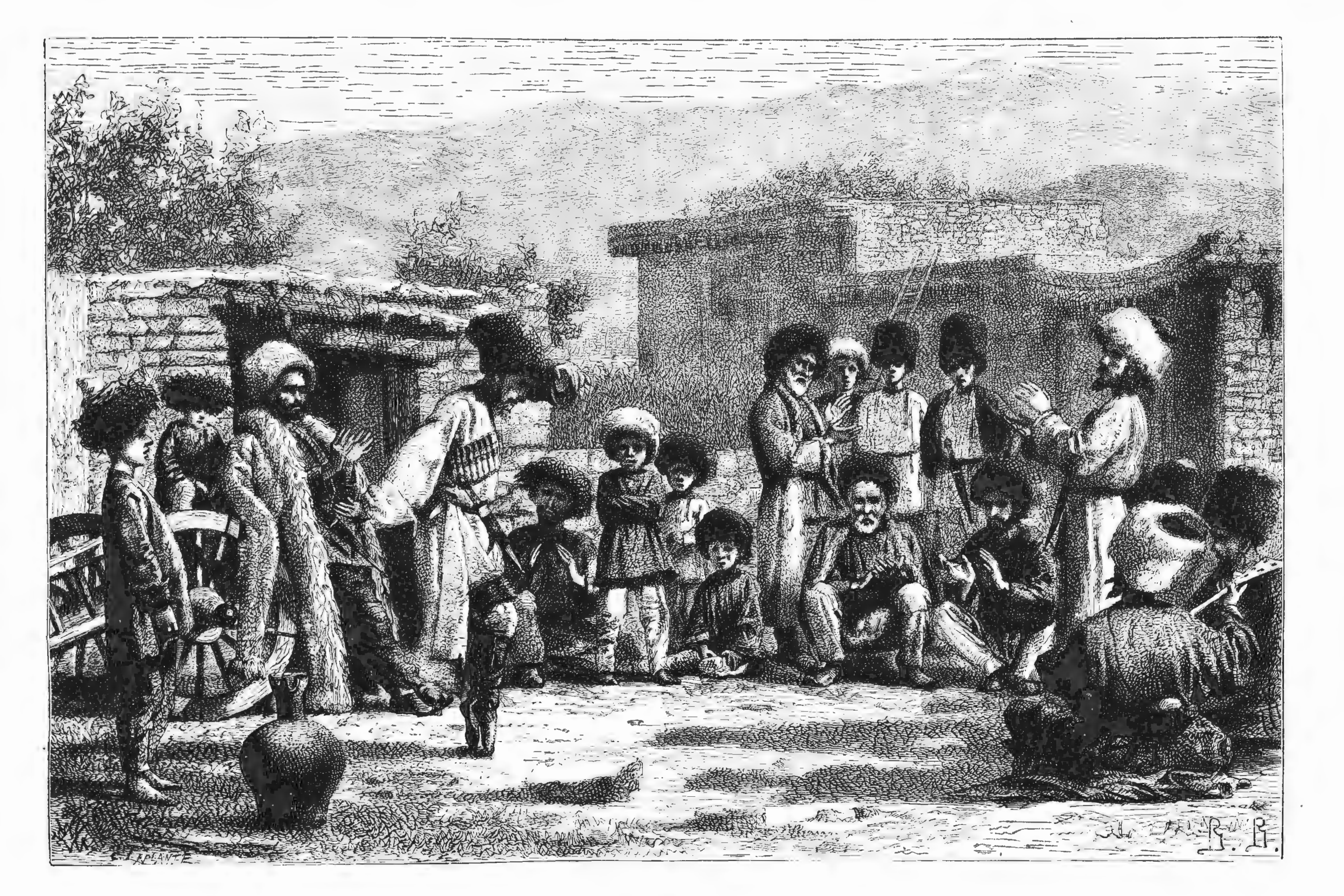
— Ба! не *его* ли ужь она? вскрикнулъ онъ, вскочивъ съ постели: — Ну, да еще увидимъ чья возьметъ! Помѣряемся, Василій Иванычъ!

(Продолженіе будетъ).

Въ Кахетіи.

Свадьба въ Карданахъ, Лезгинка, Открытіе кувшина.

Въ концѣ августа 1860 года я съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, княземъ Іосифомъ Тумановымъ, служившимъ при тифлисскомъ губернаторѣ, отправился въ Кахетію на свадьбу князя Абашидзе съ княжною Вачнадзе въ Карданахи. Быть въ Грузіи, не видать Кахетіи и не пить на мѣстѣ настоящаго кахетинскаго вина, все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы, —



Лезгинка.
Рисунокъ В. Верещагина.

и потому я очень интересовался: во первыхъ видѣть патріархальную жизнь грузинскихъ князей въ горахъ, а во вторыхъ узнать какъ выдѣлывается и хранится кахетинское вино. Кахетію мнѣ въ Тифлисѣ описывали какъ Эльдорадо Кавказа, страною гдѣ текутъ молоко, медъ и вино, гдѣ находятся всѣ земные плоды,—и потому я рѣшился удостовѣриться въ томъ своими глазами.

Мы выѣхали на почтовыхъ лошадяхъ изъ Тифлиса вечеромъ и въ три часа были уже въ колоніи Маріенфельдъ, гдѣ напились чаю и пустились далѣе, все съ горы на гору, иногда по прескверной дорогѣ, среди великолѣпныхъ лѣсовъ изъ грецкихъ орѣховъ, буковыхъ деревьевъ и дикаго винограднака; миновавъ нѣсколько казацкихъ постовъ, полей и садовъ огороженныхъ живыми шпалерниками, мы доѣхали до Сигнаха.

Городъ Сигнахъ расположенъ прекрасно: съ трехъ сторонъ онъ покрываетъ крутую гору съ подножія до вершины, которая окружена отчасти развалившеюся стѣною болѣе 20-ти футовъ высоты; изъ за нея выдается нѣсколько огромныхъ башенъ. Стѣна выведена царемъ Иракліемъ и считается очень крѣпкою. Сигнахъ имѣетъ болѣе двухъ тысячь жителей, состоящихъ изъ армянъ и грузинъ; близь него по направленію къ Царскимъ Колодцамъ находятся развалины замка, въ которомъ жила знаменитая Тамара, а съ другой стороны великолѣпный видъ на рѣку Алазань. Дорога въ Кахетію въ полномъ смыслѣ романическая съ очаровательными горными видами и развалинами; все это окружено зеленью.

Отдохнувъ въ Сигнахѣ и найдя себѣ лошадей, такъ какъ почтоваго тракта уже не было, потому что горы доступны лишь всадникамъ и вьючнымъ лошадямъ да мѣстами простымъ арбамъ запряженнымъ волами,—мы верхомъ поѣхали далѣе по прекрасной дорогѣ, тоже все съ горы на гору. Въ Сигнахѣ къ намъ присоединилось нѣсколько грузинскихъ князей на щегольскихъ лошадяхъ въ блестящемъ вооруженіи, спѣшившихъ тоже на свадьбу,—и наше путешествіе было очень веселое, хотя мой карабахскій конь часто при спускахъ меня не слушался. На ночлегъ мы остановились у князя Андроникова, домъ котораго расположенъ на крутой горѣ. Когда утромъ съ балкона я взглянулъ внизъ, у меня закружилась голова—и я удивлялся, какъ не замѣтилъ съ вечера такой вышины. Андрониковъ, сынъ знаменитаго генерала Ивана Малхазовича, принялъ насъ чрезвычайно гостепріимно и радушно, накормилъ отличнымъ ужиномъ, угостилъ кахетинскимъ виномъ, и мы у него прекрасно отдохнули.

На другой день часу во второмъ пріѣхали къ жениху князю Абашидзе въ имѣніе его. Тутъ мы уже застали пиръ горой. Между тѣмъ самъ женихъ собирался ѣхать къ невѣстѣ, за восемь верстъ, вѣнчаться. Мы какъ гости жениха должны были сопровождать его.

По мѣстному грузинскому обычаю, родные жениха (въ томъ числѣ отецъ и мать) не отправляются на свадьбу, а пируютъ у себя и принимаютъ своихъ гостей.

Въ виноградной аллеѣ, устланной персидскими коврами, мы нашли много хорошенькихъ княженъ, сидѣвшихъ на коврахъ; фрукты и вино разставлены были повсюду. При входѣ нашемъ (только я и Тумановъ были въ европейскомъ костюмѣ) дамы всѣ встали, это тоже обычай и уваженіе къ мужчинамъ. Поздоровавшись и познакомившись съ женихомъ, котораго я не зналъ, мы сѣли на поданныя намъ два кресла; всѣ же прочіе гости, поджавши ноги, усѣлись опять на коврахъ. Пробывъ около часа, мы распростились съ родными жениха—и давъ слово на обратный путь заѣхать, отправились цѣлой кавалькадой въ Карданахи.

Молодые князья щеголяли своими національными костюмами, которые были дѣйствительно очень красивы и богаты: голубые, малиновые и разныхъ цвѣтовъ бархатные и атласные кафтаны, серебряные вызолоченные съ каменьями кушаки, ухорскія мѣховыя грузинскія шапочки, блестящее вооруженіе и отличныя лошади,—все это представляло картину торжественной средневѣковой процессіи, такъ что наши два европейскіе костюма казались въ этомъ обществѣ чрезвычайно смѣшными.

Издалека видно было на крутой горѣ огромное селеніе Карданахи съ небольшою церковью. Селеніе это принадлежало разнымъ княжескимъ фамиліямъ; нѣкоторые князья и княжны носили одну и ту же фамилію, но въ родствѣ не состояли между собою и заключали брачные союзы. Мы проводили жениха прямо до церкви и вскорѣ увидѣли ѣхавшую на бѣлой лошади невѣсту—высокую, стройную, красивую дѣвушку лѣтъ восемнадцати. Костюмъ ея былъ великолѣпенъ, весь бѣлый: платье атласное шитое спереди серебромъ, длинный газовый вуаль (чадра) съ серебряными блестками, повязка (тасакрави) вышитая жемчугомъ, также и рубашка (гулеспири), свѣтлые кожаные башмаки, тоже разшитые серебромъ. Она граціозно сидѣла на малиновомъ бархатномъ грузинскомъ сѣдлѣ, и лошадь ея подъ уздцы вели два шафера, красивые молодые люди въ голубыхъ бархатныхъ кафтанахъ. Болѣе за ними ни кого не слѣдовало, только маленькій мальчикъ несъ впереди образъ. Когда невѣста вошла въ церковь, мы по тѣснотѣ не могли всѣ тамъ помѣститься, потому что церковь была очень мала,—и воспользовавшись этимъ случаемъ, отправились до окончанія обряда привести въ порядокъ свой туалетъ.

Возвратившись въ домъ къ молодымъ, который съ одной стороны былъ окруженъ виноградникомъ, а съ другой выходилъ на довольно большую площадку всю устланную персидскими коврами и находившуюся надъ обрывомъ, такимъ что внизъ даже страшно было смотрѣть, мы нашли тамъ большое общество въ которомъ замѣтны были русскіе мундиры и европейская одежда. Уѣздные начальники Телавскій и Сигнахскій, командиръ драгунскаго полка расположеннаго въ Царскихъ Колодцахъ, съ своими офицерами и полковою музыкою, и дворянскіе предводители съ князьями извѣстныхъ фамилій—все это общество ожидало возвращенія молодыхъ изъ церкви, которые не заставили себя долго ждать и скоро подъѣхали верхами въ сопровожденіи большой свиты. На головахъ молодыхъ надѣты были старинные вѣнцы съ концами спускавшимися на лицо, точно какъ у царей въ оперѣ Семирамидѣ. Въ это время зурны и барабаны заиграли свою грузинскую музыку. Вблизи музыка эта производитъ ужасную дисгармонію и непріятна для европейскаго уха. Искусство музыкантовъ состоитъ въ томъ, чтобы дуть что есть мочи не останавливаясь и въ тоже время втягивать воздухъ ноздрями. Музыка эта имѣетъ волшебное вліяніе на грузинъ, даже въ обществахъ высшаго класса и на балахъ съ европейскою музыкою.

Съ возвращеніемъ молодыхъ изъ церкви, ихъ усадили на высокія парчевыя подушки, въ комнатѣ съ открытыми окнами и дверями выходившими на площадку; передъ ними поставили на коверъ довольно большую серебряную чашку, въ которую при поздравленіи съ

ловкостію и даже нѣкоторымъ шикомъ бросали серебряныя и золотыя монеты. Это поздравленіе все равно что у насъ бокалъ шампанскаго. Деньги, бросаемыя въ чашку, идутъ для прислуги и дѣвушекъ изготовлявшихъ приданое.

Послѣ этого поздравленія опять заиграли зурны— и началась лезгинка.

Лезгинка—любимый національный грузинскій танецъ— состоитъ изъ мимической пляски, которую танцовали грузинскія княжны торжественно, сначала медленно съ граціозными движеніями, а потомъ живѣе, но безъ всякихъ подпрыгиваній скользя незамѣтно по ковру, лѣвой рукой ладонью впередъ какъ будто закрывая или защищая лицо, а правую откинувъ совершенно назадъ. Всѣ стоявшіе кругомъ били тактъ въ ладоши подъ зурны и бросали серебряныя деньги, попадая прямо въ руку танцующей. Когда она облетала кругомъ площадку, то ловко выбрасывала эти деньги прямо въ чашку стоявшую передъ музыкантами—и такъ хорошо удерживала въ рукѣ монету, что ничего не роняла. Болѣе всѣхъ бросали дочери Телайскаго предводителя дворянства княжнѣ Андрониковой, которая лучше всѣхъ и граціознѣе танцовала этотъ танецъ. Потомъ лезгинку смѣнили кадрили и польки подъ европейскую музыку; но въ промежуткахъ все таки продолжалась лезгинка, то парами, мужчина съ женщиной, то одни женщины. Кромѣ того, въ другомъ мѣстѣ танцовали лезгинку одни мужчины въ желтыхъ лезгинскихъ чевякахъ, которые легче сапогъ. Пляска мужчинъ тоже очень хороша, но гораздо живѣе и больше на одномъ мѣстѣ; она вполнѣ выказываетъ беззаботную удаль и ловкость грузина.

На свадьбѣ было много дѣйствительно очень красивыхъ княженъ, которыя (въ противоположность городскимъ) не были подкрашены по туземному обычаю, но какъ живущія постоянно въ горахъ и даже нѣкоторыя изъ нихъ никогда не видавшія и уѣзднаго города, сохранили свой природный цвѣтъ лица и до того граціозныя манеры и всѣ движенія, что надо было только любоваться ими, а разговорами и любезностію не уступали даже нашимъ образованнымъ барынямъ. Мнѣ приходилось, не зная грузинскаго языка, вести разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ черезъ молодыхъ людей, которые съ удовольствіемъ служили переводчиками.

Нѣсколько часовъ продолжались танцы, уже стемнѣло, нѣкоторые мужчины усѣлись за преферансъ, ланцкнехтъ и ассунасы. Вечеръ былъ прекрасный; теплый лѣтній воздухъ, ясный свѣтъ луны и звѣздъ, тысячи огоньковъ кругомъ и по всему селенію, ярко освѣщенныя палатки и аллеи, пѣсни, радостные крики и грузинская музыка—все это производило неизъяснимое впечатлѣніе. Я долго любовался то тѣмъ, то другимъ, и не видалъ какъ въ двѣнадцать часовъ начался ужинъ; онъ состоялъ изъ разварной баранины и индюшекъ, плова, жареныхъ молоденькихъ барашковъ, шашлыка на палочкахъ и всевозможныхъ фруктовъ. Конечно, все это безпрестанно запивалось бѣлымъ и краснымъ кахетинскимъ отличнымъ виномъ, которое пили то стаканами и серебрянными кувшинчиками (кулами), то рогами и большими серебряными вызолоченными ложками (азарпешами).

Ужинъ продолжался часа два и былъ очень оживленъ. Мужчины сидѣли въ длинной аллеѣ на коврахъ отдѣльно отъ женщинъ, у которыхъ было то же самое угощеніе что и у насъ; впрочемъ, молодые князья успѣвали часто являться и тамъ. Нашихъ разорительныхъ свадебныхъ бомбоньерокъ, конфектъ, мороженаго и шампанскаго—въ горахъ ничего этого не знаютъ, а между тѣмъ всѣ были очень веселы и чрезвычайно довольны.

Молодая три раза перемѣняла свой костюмъ и все сидѣла съ мужемъ на подушкахъ. Они оставались въ вѣнцахъ, до снятія которыхъ не могли ни ѣсть, ни пить. Говорятъ, что въ прежнее время вѣнцы не снимали по три дня. Во время ужина священникъ прочиталъ передъ молодыми молитву и снялъ вѣнцы, конечно, получивъ не менѣе десяти рублей, иначе такъ скоро онъ не далъ бы разрѣшенія.

Послѣ ужина долго продолжались танцы—и часа въ четыре мы отправились въ отведенныя намъ по деревнѣ помѣщенія, гдѣ приготовлены были для всѣхъ гостей постели, состоящія изъ канаусовыхъ матрацовъ, штофныхъ и парчевыхъ подушекъ и штофныхъ одѣялъ. Весело и шумно улеглись всѣ спать въ повалку, а въ восемь часовъ уже всѣ были на ногахъ и напились чаю съ чуреками изъ кукурузы. Не успѣли мы еще одѣться, какъ явился дворянскій предводитель князь Андрониковъ, съ приглашеніемъ идти поднимать молодыхъ.

Мы всѣ гурьбой отправились въ домъ, но уже дорогой слышали зурны—и подойдя къ площадкѣ, увидѣли, что молодые стояли тамъ, а лезгинка была во всемъ разгарѣ.

Два дня пировали мы въ Карданахѣ и получили приглашеніе отъ князя Григорія Андроникова ѣхать къ нему за двадцать верстъ на открытіе кувшина 29 августа, посвященнаго празднику Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи.

Распростившись съ молодымъ и гостями, которые еще остались на нѣсколько дней, мы съ Тумановымъ и нѣкоторыми молодыми князьями отправились къ Андроникову, и къ пяти часамъ доѣхали до его имѣнія. У него была большая усадьба, безконечные виноградники и большой каменный двухъ-этажный домъ, убранный по европейски; кругомъ дома была большая площадка, окруженная вѣковыми деревьями изъ грецкихъ орѣховъ. Князь встрѣтилъ насъ и хотѣлъ представить старушкѣ матери, но она была въ домовой церкви у вечерни—и потому мы, не видавъ ее, прямо отправились въ марань. Это былъ огромный подвалъ со сводами, въ которомъ очень прохладно и гдѣ лѣтомъ въ сильные жары проводятъ почти цѣлый день. Тамъ мы нашли нары, устланные персидскими коврами, большой серебряный тазъ и рукомойникъ, ломберные столы и стулья.

Немного погодя, начали съѣзжаться князья, явился священникъ съ причтомъ—и стали искать кувшина по всей марани, а она была очень обширна; наконецъ, лопата ударила во что-то твердое—и въ этомъ мѣстѣ принялись рыть землю. Скоро показалось горло кувшина, шириною не менѣе аршина, обвернутое соломою; сбросили солому, потомъ полотно, которымъ кувшинъ былъ обвязанъ; когда сняли полотно — сильный букетъ вина распространился по всей марани. Большимъ серебрянымъ ситичкомъ сняли находившуюся сверху плесень—и священникъ надѣвъ ризы, прочиталъ молитву, окропилъ кувшинъ святою водою и благословилъ его; потомъ ему подали высокій серебряный кувшинъ, въ который онъ серебрянымъ же черпакомъ долго наливалъ вино для церкви, а въ другой кувшинъ немного болѣе для себя; дьяконъ и дьячокъ тоже не забыли свои кувшины.

Окончивъ эту церемонію, священникъ взялъ со стола приготовленную заранѣе азарпешу, вызолоченную и

всю усыпанную бирюзой и алмазами, зачерпнулъ сю вина, перекрестилъ и подалъ хозяину; тотъ отпилъ три раза и потомъ принялся усердно угощать всѣхъ насъ, наливая вино то въ стаканы, то въ небольшіе серебряные кулы.

Вино это хранилось въ землѣ болѣе десяти лѣтъ и было чрезвычайно хорошо: оно имѣло цвѣтъ бургонскаго, менѣе кислоты нежели бордосское, съ бóльшимъ букетомъ; густое и немножко сладковатое, оно отзывалось свѣжею землею какъ хорошія венгерскія вина. Чѣмъ болѣе пьешь его, тѣмъ болѣе оно нравится; такое вино никогда не причиняетъ головной боли, а дѣлаетъ веселымъ; оно предохраняетъ отъ подагры и даже лечитъ ее.

Мы провели въ марани цѣлый вечеръ и ужинали, явились зурны и лезгинка. Всѣ алаверды и обычные при этомъ цѣлованія относились ко мнѣ, какъ одному европейцу, такъ что скоро мнѣ надоѣли; но какъ это было большое вниманіе и честь, то я изъ вѣжливости долженъ былъ принимать приглашенія.

Приготовленіе вина въ Кахетіи до сихъ поръ еще производится патріархальнымъ способомъ. Гроздья краснаго винограда кидаютъ — или въ чанъ, или въ чисто-вымощенную вырытую яму и выдавливаютъ сокъ ногами; онъ протекаетъ по деревяннымъ желобамъ въ глиняный кувшинъ, который вкопанъ въ землю. Кувшины эти вмѣщаютъ въ себѣ отъ 50 до 200 ведеръ, вышиною часто до девяти футовъ; они дѣлаются изъ глины и составляются изъ отдѣльныхъ кусковъ, которые обжигаются въ печахъ и вымазываются нефтью, чтó придаетъ видаетъ вину особенный вкусъ. Черезъ два или три мѣсяца, когда оно хорошо перебродитъ и отстоится, его переливаютъ въ другой кувшинъ такой-же величины—и обтянувъ горло полотномъ, обвивъ соломою, прикрываютъ еще круглой деревянной доской и наконецъ засыпаютъ совсѣмъ землей. Чтобы вычистить такой кувшинъ, въ него спускаютъ человѣка по веревочной лѣстницѣ, и онъ швабрами обтираетъ его со всѣхъ сторонъ. Мнѣ говорили, что изъ кувшина, который при насъ открыли, будетъ за всѣми расходами продано вина по крайней мѣрѣ на восемьсотъ рублей.

Каждый кувшинъ въ Кахетіи посвящается или какому нибудь святому или празднику—и только у богатыхъ князей оно сохраняется долго въ землѣ; по большей же части, какъ виноградъ и вино составляютъ почти весь доходъ помѣщика, то вино продается черезъ годъ и даже ранѣе; но тогда уже конечно оно не можетъ быть такъ хорошо, какъ десятилѣтнее.

Мачулинъ.

Кеворкъ, верховный католикосъ и патріархъ всѣхъ армянъ.

Кеворкъ IV, настоящій патріархъ армянскаго народа, родился 15-го іюля 1813 года въ Константинополѣ. Принялъ монашеское званіе и постриженъ константинопольскимъ патріархомъ Карапетомъ въ маѣ мѣсяцѣ 1830 года; при этомъ патріархѣ онъ состоялъ на службѣ письмоводителемъ около четырехъ лѣтъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1834 года былъ сдѣланъ архидіакономъ, а 17-го сентября того же года посвященъ въ архимандриты и состоялъ при церкви св. Стефанія въ Константинополѣ, которую украсилъ великолѣпно. Въ это время онъ прославился своими проповѣдями; слушать его стекались всѣ константинопольскіе армяне—и потому онъ считался первымъ проповѣдникомъ. Будучи архимандритомъ, управлялъ нѣсколько лѣтъ эпархіею и завѣдывалъ мѣстными духовными училищами; они устроены имъ и приведены въ большой порядокъ. Въ 1848 году единогласно былъ избранъ епископомъ Брусскимъ и хиротонисованъ въ Эчміадзинѣ верховнымъ патріархомъ Нерессомъ. За дѣятельность свою на духовномъ поприщѣ, нѣсколько разъ получалъ патріаршее благоволеніе. Во время проѣзда Великаго Князя Константина Николаевича, удостоился принимать въ Бруссѣ и привѣтствовать Его Высочество.

Въ 1858 году, по желанію гайканскаго народа, избранъ константинопольскимъ патріархомъ и занималъ патріаршій престолъ до 1860 года, когда по собственственному желанію просилъ отдохновенія. Въ это время награжденъ султаномъ орденомъ Меджидіе 2-й степени и ежегоднымъ содержаніемъ по двѣ тысячи піастровъ. Оставаясь на покоѣ до 1866 года, онъ общимъ согласіемъ всѣхъ армянъ, находящихся въ Турціи, Персіи, Индіи, Египтѣ, Константинополѣ, Франціи и Россіи, вновь избранъ на патріаршій престолъ; но уже въ Эчміадзинѣ и Высочайшимъ повелѣніемъ состоявшимся 23 ноября 1866 года утвержденъ Государемъ Императоромъ верховнымъ католикосомъ и патріархомъ армянскаго народа. Въ 1871 году награжденъ орденомъ Александра Невскаго съ бриллiантами.

Патріархъ Кеворкъ, человѣкъ большаго ума, энергическій и дѣятельный, много заботится о просвѣщеніи духовенства, завелъ духовную академію и старается по возможности объ улучшеніи быта духовенства. Онъ возобновляетъ древній Эчміадзинскій монастырь, который отъ времени пришелъ въ большой упадокъ; нѣкоторыя части уже совершенно окончены, съ сохраненіемъ древней архитектуры, другія передѣлываются постепенно. Для покрытія издержекъ онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на сборъ со всѣхъ армянъ.

Патріаршіе пріемы въ Эчміадзинѣ бываютъ въ пріемной залѣ. Патріархъ сидитъ въ креслахъ на подушкахъ и богатыхъ коврахъ; всякій кто приближается къ нему—становится на колѣни и цѣлуетъ у него руки и ноги.

Одѣяніе патріарха, показанное на рисункѣ, состоитъ изъ черной шелковой рясы и пирамидальной черной шапочки, съ которой спускается сзади черное шелковое покрывало, нисходящее до половины спины; на безъимянномъ пальцѣ правой руки надѣтъ какъ патріаршій знакъ большой бриллiантовый перстень; кромѣ того Кеворкъ носитъ патріаршій крестъ и панагію.

По древнему обычаю заведено, что только одни епископы могутъ сидѣть подлѣ него—и то тогда, когда онъ приглашаетъ. Къ кому онъ обращается самъ съ вопросомъ, тотъ только можетъ отвѣчать. Въ торжественные случаи соблюдается въ Эчміадзинѣ строгій этикетъ. Одно лишь высшее духовенство имѣетъ доступъ къ патріарху, низшее же и народъ могутъ видѣть его только по субботамъ и воскресеньямъ въ храмѣ.

Народы Россіи.

VI. Лопари.

Отдаленнѣйшая окраина Архангельской губерніи, Кольскій полуостровъ издавна населенъ былъ лопарями—кочевымъ племенемъ финскаго корня. Названіе свое, лапландцевъ, они получили со временъ историка Заксо, жившаго между ними въ 1190 г.; прежде они назывались Сиритъ-Финами. Если исторія другихъ инородческихъ расъ нашего сѣвера, въ первыя времена заселенія занимаемыхъ ими земель, представляетъ какой либо интересъ, то этого нельзя сказать о лопаряхъ. Прошлое ихъ — неизвѣстно. По всей вѣроятности, они были первыми обитателями холодныхъ пустынь европейскаго сѣвера. Преданія ихъ крайне безцвѣтны. Они даже не воплощаютъ миѳа о борьбѣ съ стихійными силами, присущими каждому народу, одаренному творчествомъ поэтическаго ясновидѣнія. Блѣдныя и жалкія сказанія о злыхъ духахъ, имѣющихъ весьма отдаленное сходство съ геніями зла другихъ финскихъ племенъ—составляютъ все содержаніе ихъ небогатаго эпоса. Печальная родина Лопарей издавна пугала населеніе болѣе умѣренныхъ странъ. Здѣсь, въ царствѣ вѣчной зимы и вѣчныхъ бурь, въ самой ужасной глуши Гипперборейской скиѳіи, по мнѣнію грековъ, жили сказочныя чудовища; даже народы скандинавскаго корня, населяющіе угрюмыя и холодныя горы Норвегіи, считали нашъ Кольскій полуостровъ недоступною смертнымъ областію великановъ и злыхъ духовъ, которые, какъ неопредѣленные фантомы утренняго тумана, встаютъ и рѣютъ надъ этою областію сумрака и безлюдья. Первыми болѣе или менѣе цивилизованными колонизаторами лопской земли—были ушкуйники, эти смѣлые авантюристы господина Великаго Новгорода. Они проникли сюда въ отдаленнѣйшую старину. Такъ еще въ 1264 г. они формальнымъ договоромъ утвердили за собою владѣніе Лопью. Нужно замѣтить, что послѣдняя въ то время еще не ограничивалась предѣлами Кольскаго полуострова. Лопари кочевали и въ нынѣшнемъ Поморьѣ, откуда ихъ выгнали новгородцы, нѣособенно стѣснявшіеся въ способахъ пріобрѣтенія новыхъ промысловыхъ урочищъ.

Дики и печальны картины лапландскаго сѣвера. Тутъ не на чемъ остановиться взгляду случайнаго путника. Мрачныя массы сѣраго гранита взгромоздились одни на другія, какъ будто все это каменное море мгновенно застыло въ разгарѣ хаотической бури. Каменные скалистые берега отвѣсно падаютъ внизъ, словно преграждая волнамъ полярнаго океана доступъ въ эти сумрачныя, холодныя пустыни. Одинокія озера, закованныя въ неразрывныя цѣпи могучихъ утесовъ, не отражаютъ въ своихъ покойныхъ гладяхъ ни одного зеленѣющаго островка. Изрѣдка нарушаетъ ихъ покой—громкій голосъ отважнаго промышленника, закидывающаго здѣсь свои сѣти... Глушь и безлюдье охватываютъ душу неопредѣленною, необъяснимою тоскою... Кое-гдѣ изъ этого, словно исполинскою бороною изрытаго, гранитнаго простора, подымаются сѣрыя горы, покрытыя желтыми полосами сыпучаго песку. Они возвышаются вдоль всего сѣвернаго побережья, словно окаймляя его мертвыя неподвижныя пространства. Кое-гдѣ изъ черныхъ разщелинъ треплется по вѣтру жалкая былинка; приземистая береза ютится въ понизьѣ подъ защитою отвѣснаго утеса, да па плѣшивыхъ верхушкахъ случайныхъ холмовъ подымаются хилыя сосны, безпомощно протянувъ свои вѣтви на дальній югъ; сѣверная сторона ствола лишена вѣтвей... Тутъ, въ этомъ подавляющемъ царствѣ сѣвера, въ уединенныхъ и глухихъ становищахъ, на берегу Ледовитаго океана, осѣли бѣдныя колоніи русскихъ и финляндскихъ переселенцевъ, которымъ правительство предоставило значительныя льготы, имѣя въ виду пробудить къ жизни эту безлюдную, но въ географическомъ отношеніи весьма важную окраину. Изобиліе удобныхъ бухтъ, никогда не замерзающее море и рыбное богатство водъ его—обусловливаютъ въ будущемъ значительный ростъ этого берега.

Кеворкъ, верховный католикосъ и патріархъ всѣхъ армянъ.

Рисовалъ съ фотографіи Коверзневъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

Въ среднихъ и южныхъ частяхъ земли лопской, климатъ нѣсколько умѣреннѣе. Тутъ тянутся на громадное пространство глухія дебри, сплошь поросшія сосною, березою и елью. Низменности пестрѣютъ яркими ягодными коврами. Морошка и другія растенія этого рода—усѣяли влажную почву кольскихъ пустырей, составляя главный питательный матеріалъ для мѣстнаго населенія. Всѣ остальныя мѣста Лапландіи поросли бѣлымъ ягелемъ (исландскій мохъ). Медвѣди, волки, песцы, лисицы, горностаи и олени кишмя кишатъ въ

этихъ частяхъ полуострова, словно вознаграждая его за поразительное отсутствіе жизни на сѣверномъ побережьѣ. До восьмисотъ озеръ раскинули свои зеркальныя глади въ этой части нашего отдаленнаго края. Между ними есть весьма значительныя. Такъ напримѣръ, Имандра занимаетъ пространство 90 верстъ въ длину и 40 въ ширину. Ковдо, Пяво, Конбо, Нуотъ — самыя большія озера этой страны. Въ противоположность озерамъ крайняго сѣвера, здѣсь, словно тихія обители вѣчнаго мира и покоя, подымаются тысячи островковъ, изъ которыхъ каждый, если бы его перенести поближе къ Петербургу, сталъ бы любимѣйшимъ мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. То утесистые, то лѣсистые, то низменные, эти клочки твердой земли посреди воднаго простора, пріятно разнообразятъ нѣсколько утомительное величіе полярныхъ пейзажей. Въ самыхъ озерахъ водится вкусная рыба, ловлею которой неутомимо занимаются лопари, единственные властители этого бездорожнаго малолюдья. Берега озеръ раскидываются тысячами самыхъ прихотливыхъ, самыхъ неожиданныхъ изгибовъ. Цѣлыя системы рѣкъ и рѣчекъ соединили озера въ одинъ водный бассейнъ. Это словно ассоціаціи нервовъ съ ихъ нервными узлами. Такъ переплелись между собою водныя пути этого края. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, выходя изъ срединныхъ озеръ, вливаются въ Бѣломорье и въ Ледовитый океанъ. Всѣ они усѣяны великолѣпными порогами, въ которыхъ быстрое теченіе то образуетъ сверкающіе алмазнымъ блескомъ водопады, то хаотическія безформенныя толчеи, преграждающія судамъ доступъ внутрь лопской земли. Устья этихъ рѣкъ расположены по ровнымъ береговымъ отлогостямъ, вдоль каменистыхъ ущелій, грандіозное величіе которыхъ напоминаетъ романтическую обстановку байроновскаго Манфреда. Здѣсь производится обширный семужій ловъ заколами, доставляющій лопарямъ немалые барыши.

Громадныя стада дикихъ и домашнихъ оленей пасутся на этомъ необозримомъ просторѣ. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ еще и понынѣ водятся когда-то усердно истреблявшіеся для уплаты даней—выдры и бобры. Но болѣе всего оживляютъ этотъ край безчисленныя стаи разной дичи, отъ гула и стрекота которой словно стонъ стоитъ надъ неисходными гладями лопскаго юго-востока. Съ озера на озеро перелетаютъ крикливые гуси и утки, залетныя чайки крупныхъ размѣровъ вьются надъ свѣтлыми водами озеръ и пѣнистыми быстринами рѣкъ и потоковъ. Гагары сплошь усѣяли сѣверные берега и принадлежащіе Кольскому полуострову острова. Не смотря на дикое, ничѣмъ необъяснимое уничтоженіе гагачьихъ яицъ поморскими бабами, гагарки и до сихъ поръ составляютъ одно изъ коренныхъ богатствъ этого края. Миріады куропатокъ покрываютъ бѣлою пеленою откосы каменистыхъ горъ и поверхность земли. Онѣ на каждомъ шагу плодятся и множатся въ лѣсахъ и понизьяхъ полуострова. Въ недосягаемой синевѣ яснаго неба словно черныя точки висятъ надъ пустыннымъ краемъ ястреба, челиги, кречеты и сокола. Еще въ московскую старину, послѣдніе изъ Рюриковичей и первые цари Великой и Малой Россіи Романовы посылали сюда ватаги помытчиковъ за соколами для царской охоты. Одинокій путникъ, пересѣкающій потоки и озера нашей Лапландіи, невольно изумится обилію всякой птицы на излюбленныхъ ею мѣстахъ этой глухой стороны. Молодые выводки гусей и утокъ, недвижно устилающія землю словно дѣвственный снѣгъ бѣлыя куропатки—попадаются ему подъ ноги вездѣ, куда онъ ни сунется. А тамъ вдалекѣ, какъ стрѣла промелькнетъ порою сѣверный олень въ недосягаемую чащу сосноваго лѣса или на понизье, поросшее ягелемъ. Но за то мелкая трава луговыхъ пустынь не оживляется здѣсь веселымъ пѣніемъ кузнечиковъ, шуршаніемъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, къ которымъ привыкъ степнякъ средней и южной полосы Россіи. Изрѣдка только, лишенная роскоши яркихъ цвѣтовъ, вяло порхаетъ бабочка, едва шевеля крыльями, надъ зелеными кочками поемнаго луга.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края, подъ вліяніемъ мѣстныхъ священниковъ, лопари дѣлали опыты разведенія картофеля и неожиданный успѣхъ превзошелъ всѣ ихъ ожиданія. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1870 г. картофель родился самъ-10.

Долгая и морозная зима, влажное, сырое лѣто, осень холодная и дождливая — дѣлаютъ Кольскій полуостровъ мѣстомъ не совсѣмъ привлекательнымъ для обитателя болѣе умѣреннаго края. Съ 12 мая по 9 іюня солнце здѣсь не сходитъ съ горизонта, одинъ непрерывный день продолжается 57 сутокъ. За то 52 дня тянется такая же непрерывная полярная ночь, озаряемая лишь сполохами. Не смотря на это, лѣтомъ здѣсь не бываетъ знойныхъ дней. Солнце хотя и не заходитъ—но грѣетъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; остальное время оно похоже на мѣдно красный тазъ, потонувшій въ туманѣ безъ зноя и свѣта. Зимнія ночи, озаряемыя сѣвернымъ сіяніемъ—великолѣпны. Блуждающее синее пламя, словно отъ тысячи мѣрно колыхающихся факеловъ, опоясываетъ небо. Снопы его раскидываются по темному простору безвѣстныхъ высей, кидая блѣдный свѣтъ на острыя вершины утесовъ, на серебристыя глади бѣлыхъ пустынь съ обледенѣвшими озерами и снѣгомъ засыпанными островами и не свободный отъ льда просторъ полярнаго моря. Невольно ростетъ въ душѣ чувство благоговѣйнаго ужаса передъ этою стихійною силой, которая здѣсь, какъ будто лежитъ еще въ состояніи покоя, предшествовавшаго великому моменту созданія. Вся эта величавая, мертвая глушь словно ждетъ торжественнаго слова: «да будетъ свѣтъ!», чтобы воспрянуть къ жизни и закипѣть миріадами красокъ и звуковъ.

(Продолженіе будетъ).

Что будетъ въ 2072 году.

(Продолженіе).

Длинный цилиндръ, идущій черезъ весь корабль, спереди назадъ, то же что сдѣланная изъ мягкаго желѣза полоса; эта желѣзная полоса обвивается винтообразно мѣдной проволокой, окруженной изолирующимъ веществомъ. Когда при помощи этой проволоки проведутъ гальваническій токъ, то желѣзная полоса становится сильнымъ электромагнитомъ, который, еслибы онъ могъ свободно двигаться, получилъ бы, подобно

магнитной стрѣлкѣ направленіе съ юга на сѣверъ съ незначительнымъ восточнымъ уклоненіемъ, а также принялъ бы и извѣстную степень наклоненія. Будучи принужденъ какою нибудь посторонпею силою перемѣнить это направленіе, онъ все таки продолжалъ бы клониться къ нему. Но такъ какъ магнитъ и аэростатъ находятся въ тѣсной связи между собою, то весь аэростатъ какъ бы превращается въ громадный компасъ. Для того чтобъ отстранить упомянутое выше наклоненіе прибѣгаютъ къ такимъ же мѣрамъ, какія употребляются съ магнитной стрѣлкой, а именно перемѣняютъ центръ тяжести всего корабля, что можетъ быть произведено различными способами. Такимъ образомъ аэростатъ удерживаетъ направленіе магнетическаго меридіана.

Если вѣтеръ дуетъ въ томъ направленіи куда нужно летѣть, то цилиндровый снарядъ остается безъ дѣйствія, то есть гальваническаго тока не проводятъ. При неблагопріятномъ же вѣтрѣ аэростатъ, напротивъ того, превращается въ магнитъ. Положимъ, что дуетъ чистый западный вѣтеръ и паруса натянуты какъ разъ насупротивъ вторгающагося вѣтра, — въ такомъ случаѣ аэростатъ будетъ нестись не на востокъ и не на сѣверъ, но въ лежащемъ между ними направленіи, подобно тому какъ корабль, когда стремленіе воды гонитъ его къ сѣверу, а вѣтеръ къ востоку, не держится ни того ни другаго направленія, а совершаетъ свой бѣгъ по лежащему между ними направленію. Такимъ образомъ становится понятно, что заставляя дѣйствовать въ одно и то же время, надлежащимъ образомъ, паруса и электро-магнетическій аппаратъ, аэронавтъ можетъ давать своему аэростату какое угодно направленіе. Но этого мало: этотъ аппаратъ служитъ также и рулемъ. Отъ давленія на ключъ этого аппарата, гальваническій токъ обращается въ другую сторону — прежній сѣверный полюсъ становится южнымъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, аэронавтъ получаетъ возможность повернуть аэростатъ, именно настолько, насколько это нужно — потому что гальваническій токъ можетъ быть прерванъ каждую минуту, отъ чего аэростатъ перестаетъ быть магнитомъ.

Конечно и тутъ такъ же, какъ во время плаванія корабля по морю, бываютъ случаи, что вѣтеръ дуетъ слишкомъ сильно и сила магнита оказывается недостаточною для надлежащаго управленія аэростатомъ. Въ такомъ случаѣ приходится взяться за энергейа-теки, о которыхъ я говорилъ вамъ вчера; онѣ заставляютъ вертѣться вокругъ своей оси четырекрылые винты, выступающіе въ различныхъ пунктахъ наружу, какъ можно вертикальнѣе къ тому направленію, въ какомъ долженъ нестись аэростатъ.

Такимъ образомъ удается, большею частію, давать аэростату какое угодно направленіе. Если же нѣтъ, то у аэронавта все-таки есть въ запасѣ такое средство, котораго нѣтъ у шкипера. Онъ поднимаетъ или спускаетъ аэростатъ въ ожиданіи болѣе благопріятнаго вѣтра — и притомъ безъ всякаго риску. Метеорологическій институтъ уже издалъ карты съ точнымъ обозначеніемъ направленія воздушныхъ теченій, которыя по всѣмъ вѣроятіямъ могутъ встрѣтиться на извѣстныхъ высотахъ въ различныя времена года. Эти карты составлены въ родѣ тѣхъ, какія были изданы за два слишкомъ столѣтія нидерландскимъ институтомъ, — съ тою разницею, что на этихъ послѣднихъ картахъ направленіе вѣтра обозначено лишь гадательнымъ образомъ и притомъ въ непосредственной близости отъ земной поверхности.

При подниманіи и опусканіи аэростата принимаются въ разсчетъ свойства движущихъ аппаратовъ. Я съ удовольствіемъ объяснилъ бы вамъ ихъ устройство, для того чтобъ познакомить васъ съ этимъ дѣломъ, и отправился бы съ вами для этого на палубу, еслибъ только не было такъ холодно. Все что я могу теперь сказать вамъ—это то, что прежде употреблявшійся для подъема аэростата способъ, состоящій, какъ вамъ извѣстно, въ выбрасываніи балланса,—это грубое средство, которое приносило только временную помощь и могло быть иногда неудобно для жителей тѣхъ мѣстъ надъ которыми проносился приэтомъ аэростатъ, давно уже оставлено. Всѣхъ дѣйствительнѣе оказывается способъ, заимствованный у природы, — именно подражаніе дѣйствію рыбьяго плавательнаго пузыря. Рыбы поднимаются и опускаются въ воду, сжимая болѣе или менѣе сильно плавательный пузырь вмѣстѣ съ заключающимся въ немъ воздухомъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть даже особенный аппаратъ для давленія. Поймите же теперь, какъ много выиграло отъ этого въ отношеніи удобствъ воздухоплаваніе.

Въ этихъ словахъ *Бекона*, точно такъ же какъ и въ его прежнихъ описаніяхъ, было много непонятнаго для меня; но я не рѣшился обратиться къ нему съ вопросами. Какъ сынъ XIX столѣтія, я конечно не могъ понимать вполнѣ всего того, чего наука достигла въ XXI столѣтіи; но, не желая уронить себя во мнѣніи моихъ спутниковъ, я промолчалъ.

Во время этого длиннаго объясненія, *Фантазія* потеряла терпѣніе и поднялась на верхъ по маленькой лѣстницѣ, ведшей въ салонъ; мы послѣдовали за нею. Салонъ былъ очень милъ, но не совсѣмъ удобенъ. Главная цѣль, которой держались при его меблировкѣ, состояла очевидно въ томъ, чтобы стулья, столы и прочая мебель были, согласно съ самимъ аэростатомъ, какъ можно легче, но такъ чтобы это не вредило ихъ крѣпости. Вслѣдствіе этого они, если не ошибаюсь, были сплетены преимущественно изъ бамбуковаго тростника, разрѣзаннаго полосами; а тамъ, гдѣ нужно было употребить металлъ, брали только алюминій.

Я замѣтилъ, еще въ пассажирской комнатѣ, что всѣ пассажиры разговаривали между собою на одномъ и томъ же языкѣ. Многіе слова звучали для меня совершенно чуждо, а другія — нѣтъ. Поэтому-то я и спросила своего путеводителя, къ какой націи принадлежали эти путешественники?

— Они различныхъ національностей, возразилъ *Беконъ*. — Веселый господинъ, вонъ тамъ въ углу, русскій; маленькій человѣчекъ съ всклокоченной бородкой, лорнирующій дамъ, конечно французъ; толстый господинъ, который всѣхъ больше заплатилъ путевыхъ денегъ, голландецъ; два бѣлокурыхъ молодыхъ человѣка съ длинными волосами—нѣмцы, а всѣ прочіе—англичане.

— Какимъ же это образомъ они всѣ говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ?

— Это *путевой языкъ*. Въ нашемъ столѣтіи большинство людей проводитъ большую часть жизни въ путешествіяхъ, вслѣдствіе чего происходитъ смѣшеніе національностей; такимъ образомъ, для облегченія сношеній образовался какъ бы самъ собою особенный языкъ. Само собою разумѣется, что этотъ языкъ только еще развивается; но черезъ нѣсколько столѣтій онъ, по всему вѣроятію, сдѣлается *всемірнымъ языкомъ*.

Тутъ я сталъ слушать съ бóльшимъ вниманіемъ и нашелъ, что языкъ, на которомъ говорилось вокругъ меня, есть собственно смѣшеніе различныхъ языковъ, съ преобладаніемъ однако же англійскаго. Это объяснялось тѣмъ, что большинство путешественниковъ англичане.

(Продолженіе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Какъ понимаетъ земство податную реформу. — Сводъ мнѣній о ней губернскихъ земскихъ собраній. — Народный кредитъ и связь его съ реформою податей. — Докладъ кн. Васильчикова о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. — Заявленіе г. Энгельгардта объ артельныхъ сыроварняхъ. — Серіозный вопросъ.

Извѣстно, что на запросъ министерства финансовъ ко всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, касательно преобразованія нашихъ прямыхъ податей, послѣдовали отвѣты, въ общемъ замѣчательно-согласные между собою. Изъ 30 губернскихъ земскихъ собраній только два, Пермское и Вятское, не примкнули къ общему голосу, высказавшемуся за привлеченіе къ отбыванію прямыхъ податей — всѣхъ сословій государства. Земства 28 губерній прямо заявили, что уплату этихъ податей необходимо распространить на всѣхъ собственниковъ, что этого требуетъ не только простая справедливость, но и крайняя необходимость — облегчить для такъ-называемыхъ податныхъ классовъ бремя лежащихъ на нихъ податей и повинностей. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ нашъ, кромѣ налога на землю которою владѣетъ, кромѣ всякихъ земскихъ, государственныхъ и сословныхъ сборовъ, отбываетъ еще не мало разныхъ повинностей, начиная съ рекрутской и кончая дорожной. Масса всѣхъ этихъ сборовъ и повинностей давно уже превышаетъ сумму получаемыхъ имъ съ своей земли доходовъ, такъ что для уплаты ихъ ему необходимо прибѣгать къ заработкамъ на сторонѣ, въ столицахъ или въ сосѣднихъ губерніяхъ, а не то — къ займамъ у разныхъ кулаковъ и ростовщиковъ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей никакое улучшеніе быта не могло пойти на умъ крестьянину, вѣчно-занятому заботой объ уплатѣ податей и объ отбываніи повинностей. Понятно также, что какъ правительство, такъ и земство, не могли оставаться равнодушными зрителями этого положенія— и стали изыскивать средства, чтобы изъ него выйти. Первый шагъ на этомъ пути былъ сдѣланъ земствомъ, черезъ переложеніе натуральныхъ повинностей (постойной, подводной и дорожной) на денежную, съ привлеченіемъ къ сборамъ на нихъ всѣхъ собственниковъ безъ изъятія. Конечно, важное преобразованіе это совершилось лишь въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ—и во многихъ мѣстахъ встрѣчаетъ еще сильное противодѣйствіе со стороны сословій, которыя до сихъ поръ не отбывали натуральныхъ повинностей; но важно уже то, что начало всесословности въ отбываніи натуральныхъ повинностей провозглашено, что оно одобрено правительствомъ и получило уже примѣненіе въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Затѣмъ послѣдовала вторая мѣра, уже со стороны правительства, которая по важности своей едва ли не превосходитъ первую: рѣчь идетъ о распространеніи воинской повинности на всѣ сословія государства. Послѣ двухъ этихъ важныхъ преобразованій, слѣдовавшихъ за дарованіемъ личной и имущественной свободы 20 милліонамъ людей, за введеніемъ самостоятельнаго суда, — наступаетъ очередь и для третьяго — для реформы нашихъ личныхъ податей. Мы сказали уже, что начало всесословности поставлено было и здѣсь непремѣннымъ условіемъ; по крайней мѣрѣ, за него высказалось наше общественное мнѣніе въ лицѣ представителей земства и сословій. Но средства, указанныя ими для достиженія цѣли, т. е справедливаго, равномѣрнаго обложенія прямыми сборами, оказываются существенно-различными для разныхъ мѣстностей. Восемь губернскихъ земскихъ собраній (московское, владимірское, псковское, новгородское, тверское, нижегородское, самарское и херсонское), высказавшись за всесословность, представили въ министерство финансовъ подробные проекты налоговъ, которые должны бы замѣнить собою существующіе подушные сборы. Двѣнадцать губернскихъ земскихъ собраній (вологодское, олонецкое, петербургское, курское, калужское, казанское, рязанское, смоленское, полтавское, саратовское, ярославское и тульское) хотя проектовъ и не представили, но высказались за ту или другую систему налоговъ; наконецъ, остальныя восемь земскихъ собраній (костромское, воронежское, симбирское, орловское, харьковское, таврическое и черниговское и бессарабское областное собраніе), не представивъ никакихъ проектовъ и не высказавшись ни за какую систему, заявили только, что налоги должны быть взимаемы со всѣхъ платежныхъ силъ государства. Разбирая представленные земствами разныхъ губерній проекты податной реформы и отзывы ихъ о той или другой системѣ обложенія, приходимъ къ заключенію, что большинство желаетъ переложенія существующихъ подушныхъ сборовъ на всѣ платежныя силы государства, т. е. на имущества, личный трудъ и капиталы. При обложеніи имущества, за основаніе принимается его доходность, а не цѣнность; при обложеніи личнаго труда вводится дѣленіе по разрядамъ (московское и рязанское земства), при обложеніи же капиталовъ — извѣстный процентъ съ дохода. Такимъ образомъ, при обложеніи сборами всѣхъ видовъ платежныхъ силъ, принята за основаніе доходность, какъ самое справедливое и разумное мѣрило. Цѣнность же предметовъ, въ большинствѣ случаевъ, признана несоотвѣтствующею требованіямъ равномѣрнаго обложенія. Равнымъ образомъ, признано неудовлетворительнымъ обложеніе дворовъ и хозяйственныхъ строеній, въ особенности въ селахъ, гдѣ они являются не болѣе какъ защитой отъ непогоды для людей и животныхъ. Нѣкоторыя земства (тульское) въ постановленія свои по этому предмету включили ходатайство о томъ, чтобы, по разрѣшеніи правительствомъ податной реформы, земству предоставлена была возможность обсудить, насколько эта реформа соотвѣтствуетъ *мѣстнымъ* нуждамъ и особенностямъ; а другія (орловское и московское земства) изъявили готовность участвовать въ обсужденіи этого вопроса сообща съ гласными другихъ земскихъ собраній. — Въ настоящее время, министерствомъ финансовъ подготовляется къ изданію сводъ мнѣній по этому предмету всѣхъ земскихъ собраній, губернскихъ присутствій и губернаторовъ. Обѣщаемъ читателямъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этого вопроса, чтобы потомъ дать о немъ отчетъ на страницахъ нашего журнала.

— Упомянувъ о положенія сельскаго люда, очень часто нуждающагося въ деньгахъ и для полученія ихъ прибѣгающаго къ займу у мѣстныхъ кулаковъ, — нельзя пройти молчаніемъ вопроса о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, какъ наиболѣе вѣрномъ средствѣ вывести крестьянское сословіе изъ этой тяжкой зависимости. Въ №№ 38 и 39 «Нивы» за прошлый годъ, мы довольно пространно изложили читателямъ значеніе этого рода учрежденій, ихъ характеръ и развитіе у насъ и за-границей. Въ настоящее время можемъ сообщить нѣсколько новыхъ свѣденій по этому дѣлу. Развитіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ обратило на себя вниманіе и правительства, вслѣдствіе чего, 25 февраля нынѣшняго года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшено вновь-открывающимся товарищамъ получать ссуды изъ конторъ Государственнаго банка, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) товариществамъ откры-

вается кредитъ по истеченіи перваго года ихъ существованія, когда, на основаніи представленнаго отчета, Государств. Банкъ убѣдился въ правильномъ и успѣшномъ веденіи ихъ дѣлъ; 2) ссуды выдаются изъ конторъ Государств. Банка подъ векселя, подписанные, отъ имени товарищества, уполномоченными на то членами правленія; 3) срокъ таковыхъ ссудъ девятимѣсячный; 4) размѣръ ихъ не долженъ превышать паевой капиталъ товарищества болѣе чѣмъ въ пять разъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ превзойти половины высшаго размѣра всей суммы обязательствъ товарищества, принятой по нормальнымъ уставамъ въ 10 разъ противъ суммы паевыхъ взносовъ, за исключеніемъ займовъ. Вообще, съ дѣломъ этимъ мы мало по малу начинаемъ освоиваться и, кажется, оно пойдетъ хорошо, если только не помѣшаютъ какія-нибудь непредвидѣнныя случайности. Знакомству публики съ сущностью *народнаго* и притомъ *самостоятельнаго* кредита — много помогаетъ дѣятельность такихъ лицъ, которые поставили себѣ благородную цѣль руководить этимъ дѣломъ на мѣстѣ — истолковывать пользу его крестьянамъ, устройство товариществъ, прінсканіе для нихъ суммъ и т. д., — которые, наконецъ, взяли на себя трудъ разъяснить его и болѣе образованной части нашего общества. Къ числу такихъ дѣятелей слѣдуетъ отнести почтеннаго представителя земства, князя А. Васильчикова. 14-го марта настоящ. года, въ засѣданіи политико-экономическаго комитета при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, обсуждался докладъ князя о развитіи у насъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, объ ихъ настоящемъ положеніи и о томъ, какому пути они должны слѣдовать въ будущемъ. Въ своей рѣчи князь прежде всего коснулся развитія у насъ кредитныхъ учрежденій вообще и при этомъ указалъ на то, что ни одно изъ нихъ не удовлетворяло потребностямъ собственно *народнаго* кредита, а доставляло выгоды лишь для торговаго и землевладѣльческаго классовъ. Народный же кредитъ, по мнѣнію докладчика, существенно разнится отъ кредита обыкновеннаго и долженъ отвѣчать слѣдующимъ требованіямъ: во 1-хъ, онъ долженъ быть *мѣстнымъ*, т. е. ограничиваться предѣлами волости, или нѣсколькихъ селеній, или даже предѣлами одного только церковнаго прихода; во 2-хъ, онъ долженъ быть *личнымъ*, такъ-какъ, въ большинствѣ случаевъ, единственнымъ ручательствомъ въ возвратѣ ссуды служатъ нравственныя качества лица: честность, трудолюбіе, аккуратность и бережливость; наконецъ, въ 3-хъ, кредитъ долженъ быть *мелкимъ*, т. е. такимъ, который допускаетъ лишь ссуды небольшихъ суммъ, примѣрно не свыше 100 рублей въ одинъ разъ и одному лицу. Къ этимъ тремъ условіямъ слѣдовало бы еще прибавить четвертое — что кредитъ долженъ быть *краткосрочнымъ*, т. е. чтобы ссуды выдавались не болѣе какъ на 9 мѣсяцевъ и во всякомъ случаѣ не болѣе какъ на-годъ. Разбирая первое изъ этихъ условій, почтенный докладчикъ дѣлаетъ подробный расчетъ того, сколько приблизительно домохозяевъ могутъ принять участіе въ товариществѣ, сколько изъ нихъ примкнетъ къ нему и сколько будетъ не принято за бѣдностью или неблагонадежностью. Князь разувѣряетъ тѣхъ, кто думаетъ, что ссудами пользуются только зажиточные крестьяне, доказывая цифрами, что онѣ (ссуды) вращаются преимущественно въ крестьянскихъ хозяйствахъ средней руки. Много было приведено фактовъ и въ подтвержденіе того, какъ добросовѣстно и аккуратно взносятся взятыя изъ кассы деньги,—какъ сами крестьяне слѣдятъ въ этомъ случаѣ другъ за другомъ, — какъ они, боясь исключенія изъ товарищества, торопятся взносить свои паи и дорожатъ каждымъ оборотнымъ рублемъ. При этомъ докладчикъ указалъ, что съ развитіемъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ должно идти и развитіе произво-

J. GAUCHARD

Лопари.

(См. стр. 201).

дительныхъ товариществъ на артельномъ началѣ, — что народныя кредитныя учрежденія составляютъ только одно изъ вспомогательныхъ средствъ къ развитію народнаго благосостоянія, — что главная суть заключается въ развитіи артельнаго производства, которое въ состояніи вывести народъ изъ его настоящаго положенія, предупредивъ тѣмъ развитіе у насъ пролетаріата (бѣдныхъ людей, не имѣющихъ ни капитала, ни недвижимой собственности). Кромѣ выгоды для заемщиковъ, товарищества народнаго кредита полезны и для вкладчиковъ, принося значительный процентъ на взнесенные ими паи, именно: отъ 24% до 72%; среднимъ числомъ, это составитъ около 32 процентовъ.

— Впрочемъ, — какъ нѣтъ розы безъ шиповъ, такъ нѣтъ такой мѣры, даже самой благодѣтельной, которая не имѣла бы для нѣкоторыхъ мѣстностей и дурныхъ послѣдствій. Взять хоть-бы напримѣръ артельныя сыроварни, устраиваемыя г. Верещагинымъ съ К° преимущественно въ нашихъ приволжскихъ губерніяхъ, — ужь чего, кажется, лучше? Артель, ничего съ своей стороны не теряя, получаетъ ссуду отъ частныхъ лицъ, земства или правительства, строитъ на эти деньги сыроварню, обзаводится необходимыми для нея принадлежностями; артельщики-крестьяне находятъ въ ней постоянный сбытъ молока отъ своихъ коровъ и, кромѣ того, участвуютъ въ барышахъ предпріятія. Съ другой стороны, обиліе скота, вызванное удобнымъ сбытомъ молочныхъ продуктовъ, благотворно вліяетъ на улучшеніе земледѣлія, а слѣдовательно и вообще на благосостояніе крестьянъ. Такъ привыкли судить у насъ объ артельныхъ сыроварняхъ. Оказывается вдругъ, что, увлекшись выгодами этого дѣла, мы не замѣтили его темной стороны. На нее указываетъ надѣлавшая много шуму статья нашего извѣстнаго химика А. Н. Энгельгардта, въ февральской книжкѣ «Отечеств. Записокъ». Въ этой статьѣ почтенный ученый прямо заявляетъ, что артельныя сыроварни *отнимаютъ молоко у крестьянскихъ дѣтей, чѣмъ усиливаютъ между ними смертность*; что, слѣдовательно, развитіе ихъ не только не приноситъ народу пользы, но прямо вредитъ его здоровью и жизни. Такая смѣлая постановка вопроса обратила на себя всеобщее вниманіе: посыпались съ разныхъ сторонъ возраженія, общая мысль которыхъ сводится къ тому, что явленіе, указываемое г. Энгельгардтомъ, можетъ имѣть мѣсто развѣ только въ такихъ бѣдныхъ губерніяхъ, какъ Смоленская, въ которой въ настоящее время проживаетъ г. Энгельгардтъ. Тѣмъ не менѣе, земства Ярославской и Тверской губерніи, въ которыхъ артельное сывареніе привилось особенно успѣшно, назначили коммиссіи для изслѣдованія вопроса, дѣйствительно ли артельныя сыроварни оказываютъ вредное вліяніе на бытъ крестьянъ.

Политическое обозрѣніе.

Правительство французской республики приступаетъ къ преобразованію арміи на новыхъ началахъ. Съ этою цѣлью имъ составленъ проектъ закона о военной повинности, разсмотрѣніемъ котораго займется Національное Собраніе. Проектъ заключаетъ въ себѣ 76 статей и въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: а) военной службѣ подлежатъ всѣ граждане республики, признанные къ тому способными; б) возрастъ полагается отъ 20 до 40 лѣтъ; в) замѣщеніе не допускается; г) вольноопредѣляющимся вознагражденія не полагается; д) войска, не принадлежащія къ арміи, подлежатъ распущенію. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о національной гвардіи, которою пользовалась Коммуна для своихъ цѣлей. И такъ, Франція серіозно подумываетъ о преобразованіяхъ. Но ихъ такъ много, и внутри, и извнѣ, что она не знаетъ даже съ чего начать и къ чему подступиться: не порѣшивъ съ народнымъ образованіемъ, она хватается за военную реформу; не улучшивъ системы податей и повинностей, берется за преслѣдованіе Международнаго Общества рабочихъ; отвергаетъ подоходный налогъ и готовится къ принятію налога на сырье; предаетъ суду маршала Базена за его дѣйствія въ послѣднюю войну и въ то-же время поговариваетъ объ отмѣнѣ постановленія, разрѣшающаго свободу открывать типографіи и свободу книжной торговли и т. д. Національному Собранію предстоитъ разсмотрѣть роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1873 годъ, а между тѣмъ наступилъ срокъ закрытія палаты; придется, слѣдовательно, ограничиться лишь общими преніями, вовсе не касаясь выбора той или другой системы налоговъ. Недоставало только одного, — чтобы собраніе ухватилось за предложеніе одного изъ клерикаловъ (сторонниковъ духовенства) начать пренія по римскому вопросу, т. е. заступиться за папу, фактически лишеннаго свѣтской власти. На это предложеніе послѣдовалъ отвѣтъ со стороны самого Тьера, который призналъ пренія объ этомъ предметѣ несвоевременными, хотя и выразилъ свое полное сочувствіе къ положенію «святаго отца».

Въ англійскомъ парламентѣ разыграна была одна изъ тѣхъ сценъ, которыя почти сплошь и рядомъ встрѣчаются теперь во французскомъ Національномъ Собраніи, но уже давно оставлены степенными, приличными англичанами. Дѣло въ томъ, что палата просто-на-просто не захотѣла слушать одного изъ своихъ ораторовъ; чтобы заставить его замолчать, большинство присутствовавшихъ встали съ своихъ мѣстъ и направились къ дверямъ; другіе-же, во время самой рѣчи, производили счетъ оставшимся, желая тѣмъ показать намѣреніе прекратить пренія. Этотъ неприличный поступокъ вызванъ былъ рѣчью извѣстнаго бар. Дилька (республиканца по убѣжденіямъ), обратившагося къ собранію съ предложеніемъ установить право запроса о суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе королевы и ея двора.

Баронету Дильку отвѣчалъ министръ Гладстонъ. Ссылаясь на то, что бюджетъ королевы входитъ въ силу не иначе какъ по утвержденіи его парламентомъ, который, такимъ образомъ, несетъ на себѣ всю отвѣтственность за расходованіе этихъ суммъ, — министръ далъ замѣтить, что доводы г. Дилька значительно потеряли въ своей убѣдительности именно оттого, что онъ связываетъ это дѣло съ вопросомъ объ установленіи въ Англіи республики, — вопросомъ, непріятнымъ большинству народа. Когда за Гладстономъ сталъ говорить другой республиканскій ораторъ, то и произошла вышеописанная сцена. Предложеніе Дилька отвергнуто большинствомъ 276 голосовъ противъ 4-хъ.

Смѣсь.

Подробности землетрясенія 16 января въ Шемахѣ. — Касательно землетрясенія 16 января корреспондентъ «S. P. D. Z.» передаетъ слѣдующія чрезвычайно интересныя подробности:

Шемаха, 8 февраля.

23 января я получилъ приказаніе отправиться въ Шемаху для доставленія пострадавшимъ отъ землетрясенія жителямъ, а также и раненымъ, необходимыхъ для нихъ пособій. Получивъ нужныя бумаги и деньги, я выѣхалъ изъ Тифлиса и на четвертый день прибылъ на мѣсто своего назначенія. Дорогою я узналъ, что землетрясеніе было ощутительно уже за 85 верстъ отъ Шемахи, въ особенности же въ Ахъ-Зу. Это селеніе не потерпѣло однако же никакого вреда. По другую сторону отъ Шемахи землетрясеніе ощущалось даже въ Баку, только слабо. Въ селеніяхъ же по ту сторону Шемахи оно было довольно сильно.

Въ двухъ селеніяхъ было разрушено много домовъ, причемъ погибло два человѣка. Когда я прибылъ въ Шемаху, уже смерклось, и я не мало удивился, увидавъ издали множество освѣщенныхъ оконъ, — потому-что не только въ Петербургѣ, какъ я узналъ изъ тамошнихъ газетъ, но и здѣсь, въ Тифлисѣ, всѣ свѣденія касательно размѣровъ и дѣйствія землетрясенія ограничивались одними телеграммами, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что насчетъ этого ходили страшные слухи. На послѣдней станціи передъ Шемахой я справлялся, не могу ли я нанять себѣ тамъ какой нибудь комнаты. Мнѣ сказали, что въ наименѣе потерпѣвшей слободѣ, я не найду не только комнаты, которая бы топилась, но и никакого вообще пристанища. Прибывъ туда, я нашелъ, что все занято, и отправился къ зданію, отведенному правительствомъ, для безплатнаго помѣщенія путешественниковъ. Снаружи этотъ домъ совершенно, по видимому, сохранился; но при ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что въ немъ было всего только четыре жилыхъ комнаты, да и эти не топились, потому-что во время землетрясенія развалились трубы. Но такъ какъ всѣ эти комнаты были уже заняты, то я и долженъ былъ помѣститься въ комнатѣ, занятой однимъ путешественникомъ. Въ двухъ другихъ комнатахъ, гдѣ была устроена желѣзная печь, жили: въ одной три семейства, а въ другой (безъ топки) четверо чиновниковъ—и это еще было для нихъ счастьемъ. Многія семейства живутъ въ нетопленыхъ комнатахъ при 15° по Реомюру. Кромѣ того, при постоянно возвращавшихся, вплоть до 8 февраля, подземныхъ ударахъ, оставаться въ домахъ было не безопасно, вслѣдствіе чего жители не раздѣвались ни днемъ ни ночью.

Туземцамъ это не такъ чувствительно. У нихъ, даже во время самыхъ большихъ холодовъ, двери и окна постоянно настежъ; при этомъ люди не раздѣваются на ночь и довольствуются, даже въ самые жестокіе морозы, тазомъ съ угольями. Комнатные камины служатъ больше для приготовленія кушанья, чѣмъ для тепла. Поэтому-то и вышло, что когда я сталъ раздавать дрова и уголь, то послѣдняго почти не требовалось. Вообще европеецъ жестоко заблуждается, сравнивая потребности азіятца съ потребностями даже необразованнаго европейца. Потребности перваго крайне незначительны. Живущіе здѣсь въ Шемахѣ магометане, а отчасти и армяне живутъ еще совершенно такъ, какъ жили ихъ предки лѣтъ сто тому назадъ; поэтому-то и средства для поданія имъ помощи въ нуждѣ и бѣдствіяхъ отнюдь не похожи на тѣ, которыя требовались бы для европейца. Въ слѣдующій день я отправился въ городъ, для того, чтобъ собрать болѣе точныя свѣденія касательно землетрясенія и причиненнаго имъ вреда. Я узналъ слѣдующее: 16 января въ 9 ч. 55 м. послѣдовалъ первый подземный ударъ по направленію, какъ утверждаютъ многіе, отъ С. З. къ Ю. В. Черезъ нѣсколько секундъ послѣдовалъ второй, а за тѣмъ третій. Большинство утверждаетъ, что этотъ послѣдній ударъ шелъ снизу вверхъ. Всѣ эти удары послѣдовали въ теченіи 20 — 30 секундъ. Первый ударъ былъ незначителенъ, но два другіе такъ сильны, что жители едва устояли на ногахъ. Колокольня русской церкви, высочайшее зданіе въ городѣ, качалась съ своимъ крестомъ въ родѣ маятника. Что же касается до земли, то она такъ колебалась, что не только люди, но и лошади, коровы и т. п., едва могли устоять на ногахъ. Въ нижней части города, гдѣ живутъ большею частію бѣдные люди, дома рушились тысячами, при чемъ развалились каравансарай и лавки.

Поднявшаяся отъ разрушенія домовъ пыль, до того сильная, что стало совсѣмъ темно, вопли засыпанныхъ мусоромъ, молившихъ о помощи, и все это при 15° по Реомюру (что здѣсь большая рѣдкость), и при глубокомъ снѣгѣ, — вотъ вамъ лишь слабое изображеніе того бѣдствія, которому подвергся этотъ несчастный городъ. Тѣмъ не менѣе, это еще счастье, что землетрясеніе произошло днемъ и притомъ въ воскресенье, когда школы и присутственныя мѣста закрыты. Число погибшихъ при разрушеніи домовъ опредѣляется по полицейскимъ показаніямъ во 114 чел.

Оцѣнивая потери, понесенныя при этомъ различными національностями, я пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

I. *Русскіе*, т. е. всѣ вообще европейцы, которые поселяются здѣсь только на время, какъ напр. военные, чиновники, и т. п. Исключая военныхъ, всѣ эти поселенцы живутъ въ домахъ, выстроенныхъ преимущественно армянами, которые прочнѣе и лучше другихъ. Только у трехъ или четырехъ русскихъ свои собственные дома. Эти дома деревянные и остались безъ всякаго поврежденія. Казармы тоже не потерпѣли никакого вреда. Большинство русскихъ было въ церкви, гдѣ шла обѣдня. При первомъ ударѣ всѣ въ церкви вышли на улицу, точно также какъ и тѣ, которые оставались въ домахъ. Только при паденіи дома одного подлекаря, въ то время какъ родители были въ церкви, погибло трое дѣтей. Колокольня русской церкви пострадала еще при землетрясеніяхъ 1859 и 1869; теперь трещина въ куполѣ сдѣлалась еще значительнѣе. Тамъ и сямъ обвалилась штукатурка, но опасности нѣтъ и божественная служба можетъ совершаться по прежнему.

II. *Молокане.* Молоканская слобода лежитъ въ самой высшей части города. Каменные дома, построеные на манеръ крестьянскихъ избъ, хотя и потерпѣли значительныя поврежденія, но большею частію могутъ быть исправлены—и заняты уже, преимущественно, чиновниками. У молоканъ никто не убитъ и не раненъ.

III и IV. *Армяно-Грегоріанцы и магометане*, образующіе большинство городскаго населенія, потерпѣли всѣхъ больше. Большая часть ихъ домовъ, въ особенности у бѣдныхъ, выстроенныхъ изъ необожженнаго кирпича или камня (съ помощію не известки, а глины), или обрушилась или же приведена въ такое состояніе, что тамъ совершенно невозможно жить. Дома богачей выстроены прочнѣе, но все-таки настолько пострадали, что въ цѣлой улицѣ едва ли найдется 20 вполнѣ сохранившихся домовъ. Двухъ-этажный домъ одного нѣмца, выстроенный изъ обозженнаго кирпича съ известкой, выдержалъ уже три землетрясенія и стоитъ до сихъ поръ еще нисколько не тронутый. Армяне и Магометане живутъ въ твердомъ убѣжденіи, что сильныя землетрясенія случаются только черезъ десять лѣтъ, какъ въ 1859 и въ 1869 годахъ. Поэтому-то они не обратили особеннаго вниманія на первый подземный ударъ и продолжали оставаться въ домахъ и лавкахъ, вслѣдствіе чего у нихъ такъ и велико число засыпанныхъ мусоромъ и убитыхъ. Опредѣлить въ точности это число трудно.

Мусульмане смотрятъ на землетрясеніе не какъ на явленіе природы, но какъ на божеское наказаніе за грѣхи.

У армяно-грегоріанцевъ въ Шемахѣ двѣ церкви, старая и новая, и обѣ онѣ такъ сильно пострадали, что ихъ пришлось закрыть, потому-что онѣ могутъ обрушиться во время богослуженія. Впрочемъ зданіе вполнѣ сохранилось. Въ одной пристройкѣ старинной мечети, гдѣ мулла училъ корану, обрушилась крыша и погребла его подъ своими развалинами вмѣстѣ съ 16 учениками; всѣ они были потомъ отрыты уже мертвыми. Кромѣ того были и другіе пострадавшіе.

V. *Армяне лютеранскаго вѣроисповѣданія* понесли сравнительно самую большую потерю. Лица принадлежащіе къ этой общинѣ—собрались въ маленькой залѣ, въ нанятомъ для богослуженія домѣ, ихъ было почти 400 человѣкъ. Зала эта такъ невыгодно расположена, что изъ ней почти невозможно было выйти въ скоромъ времени. Домъ состоитъ изъ одной большой залы, снабженной по обѣимъ сторонамъ коридоромъ. Въ концѣ каждой боковой стѣны устроено по одной двери. Чтобы дойти до двора, надобно было пройти коридоръ, гдѣ во время божественной службы находилось 200 человѣкъ женщинъ и дѣтей. При первомъ подземномъ ударѣ мужчины хотѣли было уйти, но учитель исправлявшій должность пастора за отсутствіемъ этого послѣдняго, успокоилъ ихъ. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовали два другіе удара, и тутъ-то обрушилась одна стѣна, а потомъ потолокъ, и многіе были погребены подъ развалинами.

Изъ тѣхъ, которымъ удалось выскочить изъ высокаго окна, одинъ сломилъ себѣ ногу, другой руку, остальные получили болѣе или менѣе значительныя поврежденія. Что же касается до оставшихся въ залѣ и засыпанныхъ тамъ мусоромъ, то 18 человѣкъ были отрыты мертвыми, изъ остальныхъ двое умерли около часу спустя, были и раненые, которые теперь

уже выздоравливаютъ. Дѣти и женщины, находившіеся въ коридорѣ, не потерпѣли никакого вреда.

Погибшіе были, большею частію, семейные люди и притомъ безъ всякаго состоянія; ихъ вдовы и сироты не только потеряли тѣхъ, кто кормилъ ихъ, но кромѣ того, возвратившись домой, нашли вмѣсто своихъ бывшихъ домовъ одни развалины.

Пострадавшіе не долго оставались безъ помощи. Его Величество Государь Императоръ пожаловалъ городу 20,000, В. К. Михаилъ Николаевичъ 2,000. На эту послѣднюю сумму было выстроено 140 барокъ и куплено угля, который и розданъ нуждающимся, а изъ первой: 12,000 розданы самымъ бѣднымъ жителямъ, а 8,000 чиновникамъ. Общество раненыхъ помогло раненымъ и больнымъ. Кромѣ того 300 слишкомъ семействъ изъ переселенцевъ, жившихъ не въ Шемахѣ, а въ сосѣднихъ съ нею селеніяхъ, получили средства для возвращенія на родину.

Такимъ образомъ первыя потребности отчасти удовлетворены, но дальнѣйшая помощь тѣмъ болѣе необходима, что большинство жителей лишилось не только домовъ, но и всего имущества и должно теперь обзаводиться всѣмъ безъ исключенія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 24 Марта 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типо... № 45—1

№ 14 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 3 апрѣля 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

XIV.

Опекунъ.

Запасшись двумя копіями съ перечня Коржавина, Сила Силычъ поскакалъ изъ Москвы къ воеводѣ въ Каширу, надѣясь нетолько удивить весь честной народъ съ приказною челядью, но еще и удостоиться благосклонной улыбки несовсѣмъ ему знакомаго сановника. Въ свою очередь, воевода съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія надежнаго человѣка, слава котораго какъ дѣльца гремѣла по уѣзду, — и вотъ наконецъ прибылъ посланный. Подъѣхавъ на тройкѣ къ воеводскому правленію, Галдилинъ самоувѣренно влетѣлъ въ присутственную камеру и настоятельно потребовалъ свиданія съ градоначальникомъ.

— Ну, что, мой дорогой, что́? какъ у васъ? привезъ? встрѣтилъ его самъ воевода, въ дверяхъ, засыпавъ вопросами.

— Привезъ, государь мой, отвѣтилъ Галдилинъ съ низкимъ поклономъ, — да кабы зналъ и вѣдалъ, твоя милость, какихъ трудовъ-то сто́ило!.. забиралъ справки по всей Москвѣ, а приказныхъ что́ ни есть всѣхъ вдоль и поперекъ знаю...

— А ты, другъ, не горюй, что поистратился—ино что́ можно и съ лихвой возвратимъ... Было бы дѣло...

— А ужъ дѣло первый сортъ — вся суть какъ на ладони выложена, говорилъ Сила Силычъ, подавая толстую тетрадь, — четыре крестовика стоила одна копія.

— Ого-го! Должно-быть покладена разума малая толика! самодовольно сказалъ воевода, взвѣшивая на ладони рукопись, — да это что же такое?

— Что требуется вашей милости — тутъ все есть; какъ чему быть слѣдуетъ...

— Ну, давай; прочитаемъ мы сами, а чего не разберемъ, такъ ты пояснишь.

— Когда прикажетъ, твоя милость, навѣдаться?

— Да такъ недѣльки черезъ двѣ понавѣдайся... къ самымъ къ выборамъ и поспѣешь...

Галдилину эта отсрочка пришлась какъ нельзя больше съ руки. Наслышась въ Москвѣ о томъ, что депутатамъ будетъ положено жалованье, Сила Силычъ замыслилъ дѣло не малое: ему хотѣлось быть выбраннымъ отъ двухъ уѣздовъ разомъ — и въ Каширѣ и въ Веневѣ. Оставивъ одну копію съ коржавинскаго перечня воеводѣ, онъ поѣхалъ въ Глазово посовѣтоваться съ попомъ Матвѣемъ, а затѣмъ тотчасъ бы и въ Веневъ;

но разныя хозяйственныя упущенія и хлопоты задержали его въ усадьбѣ до самаго назначеннаго дня...

Между тѣмъ, воевода, получивъ копію, въ тотъ же вечеръ позвалъ подьячаго и велѣлъ читать.

Долгое время сановникъ слушалъ внимательно, изрѣдка подхваливая, потомъ и совсѣмъ замолчалъ...

— Ты пропусти маленько; гляди-ко, подалѣ-то что́? сказалъ онъ наконецъ.

Подьячій перевернулъ, наскоро просматривая, листа три, но и далѣе шло все тоже: говорилось все о посадскихъ, какъ ихъ лучше устроить, да чтобы мужики пошли жить, да самосудъ какой-то завелся бы у нихъ...

— Ишь ты какая ересь!.. Мужикъ мужика судить будетъ... Какой же это порядокъ? Что-то, братъ, не такъ?! совѣтовался воевода съ дѣльцомъ: — да этотъ Галдилинъ-то самъ изъ посадскихъ чтоль, что ему ихъ дѣло такъ близко?..

— Нѣтъ, изъ приказныхъ...

— Такъ чтожь это они ему дались такъ? съ недоумѣніемъ говорилъ воевода.

— Да, эна ваше... ство, тутъ эки соколы насажены, вдругъ осклабился подьячій, — говорится, чтобъ воевода въ городскія дѣла не мѣшался... Да толь еще!.. вона, говоритъ, что добро бы было, кабы воеводу усчитывали тѣ же самые выборные посадскіе каждое лѣто! Ишь какіе попечители!..

— Да какое жъ тутъ добро! Просто бредни какія-то! ворчалъ воевода, — да ты, Иванъ Акустичъ, разбираешь ли? О воеводѣ то, о воеводѣ-то гдѣ? Посадскіе прахъ ихъ дери! А ты мнѣ воеводу-то подай! Посадскихъ-то можетъ научаетъ по ихъ дѣлу, а воеводу-то еще ладнѣй! Коли бы не было мелкой рыбки, такъ и щукѣ бы дѣлать было нечего...

— Да что́, ваше-ство, вона смотрю, пробѣгая глазами говорилъ усердный дѣлецъ, — о воеводѣ-то тутъ и совсѣмъ нѣтъ... вонъ и конецъ.

— А коли нѣтъ, такъ на кой прахъ мнѣ эта грамота! Просто значитъ, коли явится этотъ мошенникъ, пристрасти ты его, чтобъ онъ со мной экихъ игрушекъ не игралъ, и посадскихъ у меня не бунтовалъ, а не то я ему въ очію пропишу притчу о рабѣ неисполнившемъ волю господина своего — понимаешь? Чтожь онъ, вражій сынъ, за посмѣхъ я ему чтоль достался?! говорилъ воевода, грозно расхаживая по горницѣ...

Когда Сила Силычъ явился навѣдаться, подьячій перепугалъ его на смерть, говоря, что воевода велѣлъ спросить: есть ли у него голова на плечахъ, — и что за такіе наказы бьютъ и плакать не велятъ.

— Ты ужь лучше и не показывайся воеводѣ, а поворотивъ оглобли, скачи тѣми же пятами въ Москву, коли подлинно тамъ былъ, да наплюй въ глаза тому мошеннику, который тебя увѣрилъ, что это самое дѣло и есть...

— Да кто-жь это изъ васъ такъ разсудилъ? вступился за собственное достоинство Галдилинъ, не въ состояніи еще придти въ себя при такомъ неожиданномъ проявленіи воеводскаго гнѣва, — самъ, братъ, я слышалъ, какъ по Москвѣ хвалили это самое писаніе... Этого самаго Коржавина хотѣли въ депутаты, — стало, понимаютъ получше вашего...

— Прямой ты Галдилинъ — галдишь - галдишь, а въ толкъ не возьмешь... Посылалъ воевода тебя для себя — а тутъ о мужикахъ... Чужую крышу неча крыть, когда своя течетъ; а ты промысли, какъ отселе воеводамъ быть...

Твердо убѣжденный въ великомъ умѣ Василія Никитича, Галдилинъ порѣшилъ, что здѣшній воевода просто глупъ, — скрѣпя сердце отказался отъ надежды быть за двухъ депутатовъ и поспѣшилъ въ Веневъ, чтобы хоть своего уѣзда не упустить. Но тамъ знакомые люди просто на смѣхъ его подняли, разъяснивъ наконецъ, что горожане съ посадскими одна стать, а помѣщики съ крестьянами — другая, воеводы же съ приказнымъ людомъ—и совсѣмъ третья.

Тутъ только понялъ Галдилинъ свой промахъ — и какъ всѣ невѣжды, гнѣвъ свой перенесъ на Коржавина, считая его главнымъ виновникомъ афронта въ Каширѣ и Веневѣ. Всю дорогу до Глазова онъ проклиналъ Василія Никитича на всѣ лады, повторяя про себя угрозу, что не оставитъ ни единаго волоска въ сѣдой бородѣ этого стараго пса. Досада и ярость лишили его сна и ѣды, онъ метался въ жару на дорожныхъ пуховикахъ кибитки, говорилъ что-то непутевое и въ усадьбу его привезли безъ памяти, въ жесточайшей горячкѣ.

Сила Силычъ провалялся до самаго Петрова, и едва оправившись, поспѣшилъ въ Москву. Съ самой заставы онъ не чаялъ, какъ добраться до дому Коржавиныхъ, чтобъ поскорѣй сорвать сердце.

У кружала на Коровьемъ валу окликнулъ пріѣзжаго одинъ изъ подьячихъ, которыхъ Галдилинъ паивалъ бывало, развѣдывая о наказѣ.

— Чего тебѣ? услышавъ знакомый голосъ Антипыча и остановивъ возницу, отозвался Сила Силычъ.

— Никакъ, милостивецъ, на сватьбу спѣшишь? говорилъ Антипычъ, подойдя къ кибиткѣ.

— И ты, лѣшій, туда-жь насмѣхаться! Какая тамъ сватьба? крикнулъ Галдилинъ.

— Какъ какая? Извѣстно, Коржавинъ сосваталъ твою боярышню за своего сына... Вѣдь тебѣ приходится посаженымъ быть...

— Что ты врешь-то, приказная строка! да съ тобой-то я расправлюсь! говорилъ Сила Силычъ, высовываясь изъ кибитки; но тутъ ужь разсказовъ подьячаго дѣло разъяснилось — и Галдилинъ закипѣлъ пуще прежняго.

— Ты коли что, Сила Силычъ, ищи меня на Балчугѣ — я тамо-тка буду — знаешь? крикнулъ Антипычъ вдогонку...

Черезъ нѣсколько минутъ кибитка въѣхала на дворъ Коржавиныхъ, гдѣ ужь какъ-то привыкли къ отсутствію грознаго опекуна — ждали - ждали, да и ждать перестали.

Галдилинъ засталъ Василія Никитича, прохаживающимся по комнатѣ, очень грустнаго и до того углубленнаго въ свои мысли, что онъ даже не поднялъ головы при появленіи новаго лица. Такое невниманіе Галдилинъ объяснилъ совсѣмъ другой причиной — явнымъ пренебреженіемъ къ своей персонѣ.

— Чтожь ты, чортовъ сынъ, ломаешься? разразился Сила Силычъ, простоявъ минуты двѣ и не въ силахъ удерживать накипѣвшую ярость, — дуракомъ что ли круглымъ считаешь, что и не видишь человѣка — я-листа не я...

Поднявъ голову и придя въ себя, Василій Никитичъ поглядѣлъ удивленными глазами на своего ругателя и только рукой махнулъ. — Отстань, пожалуй, нехотя проговорилъ онъ, — не до тебя!

— Тебѣ не до меня, да мнѣ до тебя! рявкнулъ Сила Силычъ, подступая къ нему, — какую ты мнѣ чертовщину намаралъ тамъ... какъ его въ перечнѣ что ли... перечница и есть она чортова... А я повѣрилъ

какъ доброму человѣку! — Все одно плутовство твое— знаю я для чего...

Лицо Василія Никитича приняло выраженіе обиднаго сожалѣнія — и покачавъ слегка головой, онъ вполголоса спокойно вымолвилъ только: «знаю, знаю, все такіе умники какъ вы. Другой народъ—не то бы было»...

И онъ принялся ходить изъ угла въ уголъ.

— Ты дураками-то ставить гораздъ, а самъ-то дуракъ и есть писаный!.. Дуракъ и я, что тебѣ повѣрилъ... Да чортъ ли зналъ твои разсчеты!.. Тебѣ, одно слово, нужно было меня-то удалить. Да я вѣдь не потерплю— еще не ушло время...

— Какіе разсчеты? Что ты мнѣ это поешь? сказалъ Василій Никитичъ, остановясь.

— Да ты не прикидывайся такимъ праведникомъ...

— А ты, Сила Силычъ, въ себѣ аль не въ себѣ? Чего ты ко мнѣ присталъ?

— Я же къ нему присталъ, душегубцу-бездѣльнику! Онъ же съ меня голову рѣжетъ, я-жь его и трогаю...

— Да въ чемъ дѣло? Говори начистоту.

— Вѣдь ты подбилъ Красухину выдать за своего сынка дочку?

— А, вотъ оно что! усмѣхнулся Коржавинъ.—Нѣтъ не подбивалъ, она сама этого хочетъ...

— Іуда! Предатель! Чегожь тутъ-то запираешься! Я ужь все знаю... Но этому не бывать, слышь не бывать... А я тебя еще упеку въ доброе мѣсто, чтобъ ты бунтовскихъ писаній посадскимъ противъ предержащей власти не сочинялъ... Вотъ ужо, дай срокъ, выбѣгу на Красную площадь, да и закричу: слово и дѣло!..

— Ну, тебя же и схватятъ да и посадятъ какъ сумасшедшаго... Не знаешь чтоль, что еще блаженной памяти императоръ Петръ III это повывелъ, такъ что такимъ ябедникомъ какъ ты и вѣру-то ять не будутъ...

— Добро жъ, постой ты у меня!.. и Галдилинъ въ бѣшенствѣ бросился на Коржавина, задѣвъ за скамью; скамья упала; на грохотъ паденія прибѣжалъ Ѳедоръ и сзади схватилъ Галдилина.

— Караулъ! разбой! закричалъ тотъ, вырываясь,— ограбили, убили человѣка!...

— Оставь его, Ѳедя, сказалъ Коржавинъ, — неравно замараешься...

Галдилинъ, схвативъ за воротъ Ѳедора, наступалъ уже на него, крича: «ты что̀ за человѣкъ? Вонъ отсюда!»

— Какъ вонъ? сына-то моего? спокойно вступился Коржавинъ, — онъ такой же хозяинъ какъ и я здѣсь въ домѣ...

— А такъ это ты-то ворогъ и есть? проревѣлъ Галдилинъ, и отступивъ на нѣсколько шаговъ, язвительно засмѣялся, дрожа отъ бѣшенства,—дрянь, молокососъ! —вишь какое художество изобрѣлъ — жениться!.. Да ты бы спросилъ, кто за тебя отдастъ!.. Да что̀ ты за птица?.. и онъ топалъ ногами, заливаясь неестественнымъ хохотомъ...

— Что̀ я за птица? начиная выходить изъ себя, отозвался Ѳедоръ, — да на первый разъ такая, что сгребу тебя въ охапку да и выброшу за окошко.

Гвалтъ и разгаръ ссоры собралъ всѣхъ домашнихъ Коржавина; пришла Анна Исаевна, выглянули Красухины; при видѣ ихъ неистовство Галдилина усилилось. Онъ съ кулаками подступилъ къ помѣщицѣ.

— Ты что̀, старая вѣдьма, надумала? Рада что̀ меня выпроводила — и пошла кутить да мутить! — Ладно— уйму! На то я и опекунъ...

— Ну, ужь это шалишь, обыкновеннымъ голосомъ сказалъ Коржавинъ, — еще никакому опекуну такихъ правъ не представлялось — вѣдь здѣсь братъ не Веневъ и не Кашира.

Слово «Кашира» подѣйствовало на Силу Силыча какъ красное сукно на быка.

— Ахъ ты бездѣльникъ, еще и глумишься, послѣ того какъ подвелъ у воеводы! заревѣлъ онъ,—да ужь за одну эту пакость я посулился не оставить ни одного волоса въ твоей бороденкѣ.

И онъ опять рванулся къ Коржавину; но Василій Никитичъ вдругъ выпрямился во весь ростъ и схватилъ его руки какъ желѣзными клещами.

— Потише, потише! говорилъ онъ, сдерживаясь самъ, хотя глаза его грозно сверкали, — неровенъ часъ двину — не было бы худо...

— А такъ у васъ тутъ шайка! вы душегубствовать, кричалъ Галдилинъ съ пѣной у рта, — думаете, что на чужой сторонѣ и управы не найду...

Съ этими словами Галдилинъ кинулся къ двери, но съ порога еще разъ обернулся къ Красухинымъ: — а вы... живо... сбирайся въ деревню, чтобъ завтра же выѣхать... Я васъ въ этомъ вертепѣ не оставлю...

И Сила Силычъ ушелъ, оставляя за собой на крыльцѣ и по двору словно звуковой слѣдъ ругани и ворчанья...

По уходѣ его, старуха Красухина залилась слезами. Груня крѣпилась, но сердце защемило при послѣдней угрозѣ опекуна и предчувствіе чего-то недобраго охватило ее... Мысль о томъ, чтобы теперь покинуть Москву, надрывала ей душу...

— Что жъ это будетъ, Ѳедоръ Васильичъ! спросила она, подойдя къ нарѣченному. Ѳедоръ, растерявшись, несвязно говорилъ: «нѣтъ, какъ можно!.. Нужно что-нибудь изобрѣсть... Онъ не посмѣетъ...

— Ну, на это плоха надежда, горько усмѣхнувшись сказала Груня.

— Какъ же ты думаешь, батюшка? обратился Ѳедоръ къ Коржавину, разводя руками.

— Да мнѣ чтожь! вѣдь не мнѣ жениться-то, сказалъ Василій Никитичъ, смѣрявъ сына насмѣшливымъ взглядомъ, — небось я вѣдь у тебя не просилъ заступы, когда онъ грозился вырвать мою бороду...

— Тутъ не шутки! возразилъ Ѳедоръ, какъ-то безсильно хорохорясь, — во Франціи это было бы дѣло нѣсколькихъ минутъ, а здѣсь я вашихъ порядковъ не знаю... Вѣдь этотъ болванъ чай и рапиры въ руку не умѣетъ взять...

— Ну, да ладно! съ сердцемъ сказалъ Коржавинъ,— тутъ надо дѣло дѣлать — пугнуть его, а онъ — рапиры...

— Что же, заявить комиссару или въ префектуру подать сертификатъ?..

Василій Никитичъ засмѣялся.

— Ахъ, ты голова-голова! ишь какъ офранцузился!.. Вотъ бы брякнулъ-то при комъ-нибудь... Нужно, братецъ выждать, что̀ тутъ будетъ, — а тамъ и видно будетъ какъ дѣйствовать...

— Ну, какъ знаете, говорилъ растерявшійся Ѳедоръ, — а я вотъ что... я схожу къ Баженову, словно обрадовавшись вспомнилъ онъ по привычкѣ обращаться къ пріятелю во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Сердце у Груни такъ и ёкнуло при этомъ имени. Она сама подала Ѳедору шляпу и проводила его на крыльцо.

— Ступай, радость моя, да спѣшнѣе, говорила она, — онъ поможетъ... хоть совѣтъ дастъ...

Галдилинъ отъ Коржавина прямо отправился въ кружало на Балчугъ. Подьячій уже былъ что́ называется на второмъ взводѣ, но увидѣвъ входящаго Силу Силыча скомандовалъ еще стклянпцу травника.

— Голубчикъ, Антипычъ, не выдай! заговорилъ Галдилинъ, — Коржавинъ-то взаправду мошенникъ первой руки, а сынишка его — истый душегубецъ... Оно и я имъ страху задалъ, да этого мало... Я имъ покажу себя. Пиши челобитную...

Антипычъ проворно вынулъ изъ шапки двухкопѣечный листокъ гербовой бумаги, отцѣпилъ отъ пояса чернильницу, провелъ рукой по губамъ и приготовился писать.

— Бай же, въ чемъ дѣло.

— Инъ пиши, Антипычъ, что выпроводивъ меня по обманному обычаю изъ столицы, этотъ мошенникъ Коржавинъ сговорилъ опекаемую мною дѣвицу за своего сына... Вѣдь и у отца спрашиваются, а безъ опекуна какъ же?

— Ну, нѣтъ, это братъ стой!.. Такъ ничего не выйдетъ; надъ тобой же засмѣются, что въ родню лѣзешь... говорилъ Антипычъ, щелкая перомъ, — ты что-нибудь всклепли — вѣдь не станутъ повѣрять.

— Да чтожь всклепать-то?

— Ну, примѣрно, поѣхалъ я (имярекъ), изъ царствующаго града Москвы, по дѣламъ своимъ въ Каширу, и оставилъ денегъ своихъ тысячу рублевъ и триста рублевъ на дворѣ у посадскаго московскаго Василья Коржавина и всякихъ животовъ рублевъ же на тысячу и больше—и въ отсутствіе мое оный Василій Коржавинъ обманнымъ обычаемъ опекаемую мною дворянку Красухину за сына моего насильно выдалъ и достатки мои себѣ присвоилъ и меня при возвращеніи съ двора своего побоями выбилъ и животовъ моихъ лишилъ. А на учтивый спросъ мой...

— Ну, инъ ладно, пиши, пиши!.. потирая руки замѣтилъ Сила Силычъ.

— На учтивый спросъ мой оный Василій и сынъ его Ѳедька принялись меня бить смертнымъ боемъ и живота бы воистину лишили, да окольные люди отняли меня у оныхъ кровопійцъ.

— Ну это, братъ, Антипычъ, не ладно — пно станутъ смотрѣть боевые знаки...

— Дохтура можно подкупить, дай ему алтынъ десять — настрочитъ-те такой обыскъ что любо два; это я тебѣ ужо устрою. У насъ есть важный дохтуръ подъ тотъ случай — съ чувствіемъ изобразитъ... Вотъ те и вся недолга, готова! иди въ магистратъ и проси управы на озорниковъ не мотчасъ, чтобы оные безобразники изъ града не утекли—и за карауломъ привесть и въ острогъ посадить впредь до рѣшенія по существу... А тѣмъ временемъ завтра можешь и увезти своихъ бабъ. По челобитью твоему пошлютъ за оговоренными, а ты своихъ барынекъ-то и увози...

Сила Силычъ кинулся въ магистратъ.

На счастье его, ратманы были еще въ сборѣ—и нѣсколько алтынъ, подсунутые кому слѣдуетъ, возъимѣли настолько сильное дѣйствіе, что указъ о захватѣ и привозѣ мнимыхъ обидчиковъ былъ подписанъ тутъ же и врученъ челобитчику. Галдилинъ снова раскошелился и посыльные изъявили согласіе слѣдовать за нимъ неотложно для выполненія по указу объ арестѣ Коржавиныхъ.

(Продолженіе будетъ).

Первый волкъ.

(Изъ разсказовъ лѣсника).

Послѣ удачной охоты, я завернулъ къ моему товарищу по страсти и оружію, казенному лѣснику Ѳедору Афанасьеву.

Былъ осенній вечеръ. Солнце уже до половины скрылось за горизонтомъ и послѣдними лучами золотило верхушки деревьевъ, покрытыхъ рѣдкой бурой листвой. Въ свѣжемъ рѣдкомъ воздухѣ уже чувствовалось дыханіе осени... одни синицы словно тоненькимъ колокольчикомъ изрѣдка звенѣли въ лѣсу; не пестрѣла уже трава разнообразными цвѣтами; зелень видна была только на озимяхъ, все остальное было покрыто желтымъ цвѣтомъ — цвѣтомъ осени. Желтѣли сжатыя нивы, желтѣла посохшая трава, и бѣлые стволы березъ, мрачно покачиваясь, сбрасывали съ вѣтвей пожелтѣлые листья.

Перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ, по просту безъ затей, я закурилъ сигару, а товарищъ мой трубочку—и вышедъ изъ душной избушки лѣсника, мы растянулись на еще недавно зеленомъ коврѣ.

Мѣстоположеніе было превосходное; избушка лѣсника стояла на горкѣ у самой окраины лѣса, который съ своими темными сводами, высокими соснами и елями тянулся далеко-далеко... Внизу была долина; по ней протекала быстрая рѣчка, образуя заливы и омута—и пройдя мимо домика моего товарища по охотамъ, скрывалась въ густомъ лѣсу. Сзади дома шла необозримая равнина; а солнце, заходя на горизонтѣ, освѣщало весь ландшафтъ, играя на гладкой поверхности рѣчки.

— Да, баринъ, началъ мой спутникъ, который противъ обыкновенія былъ очень разговорчивъ, — было время, покойникъ батюшка еще живъ былъ—и вся эта пустошь, что за домомъ то тянется, все лѣсъ былъ.

Я молчалъ. Грустныя мысли, навѣянныя на меня дыханіемъ осени, мнѣ не давали покою, душа чего-то жаждала, порывалась къ чему то; но что было это что-то? другой разъ цѣль виднѣлась, начинала обрисовываться, вотъ она кажется близко, рвешься къ ней, протягиваешь руки,—наконецъ, я понялъ чего я желаю... но мигъ—и все пропало, и опять рвется душа, а цѣли опять не видно...

— И дичи то сколько было! говорилъ какъ бы про себя Афанасьичъ.—Бывали дни, что въ одно утро пары три-четыре тетеревей набьешь; а звѣрья-то звѣрья, не приведи Господи...

Онъ замолчалъ и погрузился въ воспоминанія своей молодости, которая вся прошла въ лѣсу съ любимымъ отцомъ, далеко отъ свѣта, людей и ихъ козней...

— Да что съ тобой, большой похвалъ? проговорилъ наконецъ лѣсникъ, толкая меня въ плечо.—Аль лѣвой ногой съ постели всталъ, чего такъ пріунылъ, эхъ, вы господа! еще въ городѣ живете, а все повѣся носъ ходите.

Первый волкъ.

Оригинальный рисунокъ Коверзнева, гравировалъ И. Матюшинъ.

Мнѣ стало совѣстно, что этотъ человѣкъ, добродушнѣйшій изъ всѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ, поймалъ меня на раздумьи.

— Неужели, Ѳедорушко, здѣсь все лѣсъ былъ? спросилъ я, какъ бы не слыша его упрека.

— И лѣсъ то какой — все сосны большія мачтовыя, а тутъ полѣвѣй-то мѣшаный шелъ; что въ немъ тетеревей-то было, страхи сколько!.. и онъ развелъ руками, какъ бы для подтвержденія справедливости своихъ словъ.

— Ну и звѣрей много? спросилъ я, чтобы хотя видимо поддержать разговоръ.

— Звѣрья-то—зимой волки просто кругомъ избушки воютъ; сколько я ихъ брата въ жисть мою передушилъ!

— Ну а примѣрно, сколько?

— А право слово, баринъ, счетъ потерялъ. Перваго то волка я еще малюточнымъ парнишкой ухлопалъ.

— Какъ же такъ? спросилъ я, предвидя какой нибудь длинный разсказъ, которыми Афанасьичъ иногда угощалъ меня, когда бывалъ въ ударѣ.

Ѳедоръ Афанасьевъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ легкой просѣдью, ходилъ всегда какъ-то сгорбившись, будто на спинѣ вязанку дровъ несъ. Человѣкъ онъ былъ тихій и добрый—и въ вѣкъ кажись муху понапрасну не придавилъ. И выросъ, и жилъ онъ всю свою жизнь въ лѣсу холостымъ. Отецъ его въ своей молодости жилъ гдѣ-то на заводѣ—и женившись на дочери подрядчика, прижилъ съ ней одного только сына, именно моего товарища Ѳедора. Человѣкъ строго нравственный, онъ годовъ 5 промучился съ своей женой, женщиной бойкой, разбитной, ведшей жизнь привольную, а схоронивъ ее, перебрался съ сыномъ въ эту избушку лѣсникомъ.

— А вотъ это какъ было, началъ разсказъ свой Ѳедоръ, затянувшись трубочкой и поглаживая свою жиденькую бородку.—Жили это мы съ отцомъ, дай Богъ ему царства небеснаго, въ этой самой избушкѣ; я былъ парнишка лѣтъ девяти аль осьми, право не помню. Отецъ мой въ зимнее время, онъ тоже охотникъ большой былъ, все по лѣсу ходитъ да высматриваетъ; придетъ бывало домой, пообѣдаетъ, Богу помолится, заберетъ съ собой капкановъ всякихъ и уйдетъ въ лѣсъ. Я это дома останусь, заберусь на палати да и думаю, что это тятка въ лѣсу съ машинками всякими дѣлаетъ. Анъ глядь, на утро тятка волка аль лисицу тащитъ.

— Какъ это, тятка, ты поймалъ? спросишь его бывало, а у него все одинъ отвѣтъ.

— Постой, подростешь самъ, покажу—и ты ловить станешь.

Жили это мы съ нимъ такъ года два; пришла осень, а тамъ глядь и зима въ шубѣ пришла, все это снѣгомъ покрылось, рѣчка наша замерзла, а снѣгу тогда много выпало. Сталъ это тятя опять въ лѣсъ съ машинками ходить и опять звѣрья разнаго таскать; принесетъ онъ звѣря въ избушку, сниметъ съ него шкуру, высушитъ ее и положитъ въ чуланъ, а мясо въ лѣсъ кинетъ. Придутъ праздники святки, тятя всѣ эти шкуры соберетъ, на салазки положитъ и повезетъ на заводъ, а оттуда пріѣдетъ вечеромъ, принесетъ мнѣ пряниковъ разныхъ, коньковъ золотыхъ. Настала это зима, сталъ тятка въ лѣсъ ходить, а я все прошу меня съ собой взять; онъ все не бралъ, да ужъ видно надоѣлъ я ему—и говоритъ онъ мнѣ:

— Ну, Ѳедка, смотри—замерзнешь.

Я и радъ, куда тутъ замерзнуть, тулупчикъ натянулъ, портянками ноги обернулъ, сапоги одѣлъ и выскочилъ за тяткой. Пошелъ это я съ нимъ на лыжахъ, да все съ нихъ валюсь, весь это въ снѣгу перевалялся, а тятка все молчитъ да молчитъ — только усмѣхается.

Какъ холодно ни было, а мнѣ все лѣсъ зимой понравился, не бывалъ это я никогда еще въ немъ; въ это время деревья такія большія и всѣ въ снѣгу, точно ихъ кто въ саваны бѣлые укуталъ; солнце это по снѣгу играетъ и на снѣгу то точно золото или серебро насыпано, все блеститъ такъ хорошо, вѣкъ бы остался...

Пришли это мы домой, и спрашиваетъ меня тятка:

— Что, Ѳедка, пойдешь другой разъ со мной?

А самъ все ухмыляется.

— Возьми, тятя, возьми меня! кричу я, да и обнялъ его

Потрепалъ это онъ меня по плечу и говоритъ:

— Молодецъ Ѳедка, буду вмѣстѣ съ тобой ходить, будетъ изъ тебя прокъ.

А я и не дуракъ, вижу тятка веселъ, я и спрашиваю его:

— Что это ты съ машинками, тятя, дѣлаешь, какъ это ими звѣря ловишь?

— Постой, малецъ, говоритъ онъ мнѣ, — завтра покажу.

Я и радъ, по избушкѣ запрыгалъ, сталъ пѣсни пѣть, а тятка все ухмыляется. Всталъ это я назавтра рано, вымелъ избушку, дровецъ накололъ, печь затопилъ, а всего индо трясетъ—ноги такъ и ходятъ, какъ бы поскорѣй пойдти, да чтобы тятка не раздумалъ... Позавтракали мы, я это одѣлся и стою готовый у избушки.

— Эй, Ѳедка, гдѣ ты? спрашиваетъ тятя.

— Тутъ, тятя!

— Одѣвайся, идти пора.

— Я готовъ, тятя, кричу я ему, а у самаго ажно дыханіе въ глоткѣ сперло; больно мнѣ ужъ узнать хотѣлось, какъ звѣря ловить.

— Экій пострѣлъ, ну идемъ, идемъ! проговорилъ тятя и хлопнулъ меня по плечу.

Вотъ это идемъ мы по лѣсу, одинъ капканъ прошли—пустой, другой прошли—пустой, не было удачи въ тотъ день, все пустые капканы; одинъ только захлопнутъ да снѣгъ кругомъ весь взрытъ да взбаломученъ.

— Эхъ, ушла животина! проговорилъ тятка, и взявъ капканъ, пошелъ далѣе.

— Вотъ, Ѳедка, этотъ капканъ на твое счастье поставлю: что попадется—твое будетъ!.. И онъ научилъ меня насторожить его; я перекрестился и поставилъ эту машинку на мѣсто, куда тятка приказалъ, а самаго индо въ ознобъ отъ счастья бросаетъ. Походили это мы еще по лѣсу и пошли домой. Я обѣдъ подалъ, а самъ просто въ ротъ взять ничего не могу, охоту всякую отбило. Лучину засвѣтили, а я сижу себѣ и дѣлать ничего не могу: все капканъ на умѣ вертится.

Взобрался я на полати, покрылся полушубкомъ и пролежалъ всю ночь съ открытыми глазами—нѣтъ спа да и конецъ; чуть задремлешь и повидится капканъ, а въ капканѣ волкъ али лисица,—вскочишь, отбросишь тулупъ; жарко, а сердце такъ и колотится...

Всталъ это я, растопилъ печь, гороху вчерашняго разогрѣлъ, анъ глядь и звѣзды померкли и день приближается. Всталъ тятька и ухмыляется. «Эхъ, пострѣленокъ, не спится тебѣ долженъ быть». «Нѣтъ, тятенька, я выспался, иди завтракать», а самъ еле на мѣстѣ стою, такъ ноги ходуномъ и ходятъ, одинъ бы въ лѣсъ побѣгъ.

Позавтракалъ отецъ, а я ложки двѣ хлебнулъ, виду ради, и пошли мы съ нимъ.

И въ тотъ день удачи не было, всѣ капканы пустые; подходимъ мы къ моему, меня индо ноги на тяткиныхъ лыжахъ не держатъ, все тятя тихо больно идетъ, подходимъ это мы—и вижу я межь деревьями что-то черное. Святые угодники, Матерь Божія, Самъ Господи Іисусе, что я почувствовалъ! сердце просто изъ груди

вонъ выскочить хочетъ: глаза какъ уперлись, такъ точно и замерли; уцѣпился это я ручонками за тятьку и точно истуканомъ сдѣлался. Онъ обернулся, на меня посмотрѣлъ и ухмыльнулся—и пошли мы дальше; хочу это я тятьку спросить, чтó это за звѣрь, да языкомъ поворотить не могу—точно приросъ... Подходимъ мы, и вижу я—волкъ да молодой еще! вотъ радости-то было, ввѣкъ не забуду...

И лицо Ѳедорушки осклабилось.

— Что, убилъ ты его? спросилъ я Ѳедора, который даже отъ воспоминанія въ восторгъ пришелъ.

— Какой убилъ! домой живаго притащили, а потомъ съ батюшкой на заводъ отвезли, да тамъ начальнику за двѣ синенькія продали. Вотъ ружье мое на эти деньги куплено, до сихъ поръ вѣрой и правдой служитъ.

Сдѣлалось довольно свѣжо и мы перешли въ избушку, гдѣ, поужинавъ горохомъ, заснули тѣмъ чуткимъ и спокойнымъ сномъ, какимъ спятъ только одни охотники.

Сыщикъ парижской тайной полиціи.

Имя Эжена Броссара извѣстно въ Парижѣ, какъ одного изъ самыхъ опытныхъ сыщиковъ тайной полиціи. Ходятъ тысячи разсказовъ о необыкновенныхъ приключеніяхъ, случавшихся съ нимъ при отправленіи его должности. Не разъ приходилось ему смотрѣть въ лицо смерти ближе, чѣмъ ему хотѣлось бы.

Непостижимое искусство, съ какимъ онъ умѣлъ нападать на слѣды самыхъ разнообразныхъ преступленій, разумѣется, доставило ему не мало враговъ. Заговорщики и революціонеры ненавидѣли его столько же, сколько и обыкновенные воры и мошенники, говорившіе, что пока живъ Броссаръ нельзя дѣлать никакихъ «дѣлъ». Всѣ эти люди поклялись когда нибудь жестоко отомстить ему.

Броссаръ смѣялся надъ этими угрозами; онѣ не могли заставить его отступить, хотя бы на одинъ шагъ, отъ своего дѣла. Онъ объявилъ, что принимаетъ вызовъ своихъ враговъ — съ тѣмъ только, чтобы они шли на борьбу съ поднятымъ забраломъ.

Но ужь конечно это-то и не входило ни въ какомъ случаѣ въ ихъ планы.

Не разъ уже стрѣляли въ Броссара—и всегда неудачно; не разъ пробовали сжить его со свѣту ядомъ—и это также не удавалось.

Затѣвали мнимые политическіе заговоры, надѣясь заманить его въ ловушку; но онъ всегда сразу угадывалъ хитрость. Однимъ словомъ, не клевала рыбка, да и конецъ.

Не смотря на всѣ эти неудачи, враги Броссара не теряли надежды заманить его въ свои сѣти, и что называется, минуты его были уже сочтены.

Въ одинъ прекрасный день, онъ спокойно прогуливался по Палерояля передъ магазинами, когда мимо него прошла дама.

Она была очень хороша собой и одѣта не только роскошно, но и съ большимъ вкусомъ. Очевидно она принадлежала къ высшему кругу, а на счетъ того что болѣе красивой женщины Броссаръ никогда въ жизни не видывалъ — это онъ рѣшилъ мысленно въ одну минуту.

Проходя мимо него, она пристально взглянула ему въ лицо и улыбнулась.

Броссаръ снялъ шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

Когда онъ поднялъ голову и оглянулся, чтобы еще разъ взглянуть на даму, она уже изчезла.

Это было ужасно досадно Броссару — ему хотѣлось короче познакомиться съ интересной незнакомкой, тѣмъ болѣе что изъ улыбки, которой она подарила его, онъ заключилъ, что подобная попытка съ его стороны не была бы ей непріятна.

Въ отношеніи любви къ прекрасному полу, онъ былъ настоящій французъ, — и это было единственное обстоятельство, которое могло вовлечь его въ дѣйствительную опасность.

Не разъ уже угрожала ему смерть со стороны ревнивыхъ мужей—и друзья его были увѣрены, что если онъ когда-либо умретъ насильственною смертью, то причиной этого непремѣнно будетъ женщина.

Цѣлый день онъ ни о чемъ не могъ думать, какъ о прекрасной незнакомкѣ, которая такъ обворожила его.

На другое утро, въ надеждѣ встрѣтить ее, онъ, около того же часа, опять пошелъ въ Палерояль.

Незнакомка не долго заставила его ждать; проходя мимо него, она, на этотъ разъ, не только улыбнулась, но даже прибавила къ этой улыбкѣ легкій и привѣтливый поклонъ.

Не помня себя отъ восторга, Броссаръ бросился къ ней—и только-что хотѣлъ заговорить съ ней, какъ она быстро прошептала ему:

— Нѣтъ еще, не теперь, г. Броссаръ. За нами наблюдаютъ. Сегодня вечеромъ въ оперѣ.

— Одно только слово! воскликнулъ сыщикъ, — съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Дама опять улыбнулась, подала ему карточку и нетерпѣливо проговорила:

— Да уходите же! Сегодня вечеромъ въ оперѣ я поговорю съ вами.

Броссаръ поклонился и отошелъ, а дама продолжала свой путь.

Взглянувъ на карточку, которую она дала ему, онъ прочиталъ на ней имя: Жюли де Ноэль; но принадлежало ли это имя дѣвушкѣ или замужней женщинѣ — карточка умалчивала; впрочемъ, Броссару это было все равно.

Онъ зналъ только одно: что дама—красавица и что она назначила ему свиданіе.

— Почемъ знать! бормоталъ онъ, погрузясь въ размышленія и покручивая усы,—почемъ знать, къ чему приведетъ эта встрѣча? Эта женщина чудо какъ хороша. Только какими судьбами она знаетъ мое имя? Впрочемъ, вотъ есть чему удивляться! кто же въ Парижѣ не знаетъ меня?

Если въ Парижѣ нужно справиться объ комъ нибудь изъ жителей, то, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, обращаются за справкой въ полицейскую канцелярію.

Броссаръ отправился туда и обратился къ начальнику того отдѣленія, гдѣ находились эти дѣла.

Этотъ послѣдній взялъ въ руки толстый фоліантъ, и, послѣ непродолжительныхъ поисковъ въ немъ, объявилъ, что въ Парижѣ не существуетъ особы этого имени.

— Да и вообще, зачѣмъ вамъ, Броссаръ, нужна эта справка? спросилъ начальникъ отдѣленія. — Нужно вамъ это знать по службѣ или это какое нибудь особенное порученіе?

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ сыщикъ. — Тутъ дѣло касается больше лично меня; это такъ, мое собственное частное дѣло.

— Берегитесь, любезный дрргъ, серіозно сказалъ начальникъ. — Вы не очень-то осторожно дѣйствуете въ этихъ, какъ вы ихъ называете, частныхъ дѣлахъ. Вы подвергаете себя всегда большимъ опасностямъ, а именно теперь-то намъ было бы очень невыгодно васъ лишиться.

— Будьте покойны, отвѣчалъ сыщикъ веселымъ, самоувѣреннымъ тономъ. — Вѣдь у меня голова всегда остается на верху.

Врочемъ Броссаръ забрался въ большую оперу такъ рано, какъ только было возможно.

Съ нетерпѣніемъ слѣдилъ онъ, какъ мало-по-малу набиралась публика; никогда въ жизни не казалась она ему такой несносной.

Онъ окидывалъ испытующимъ взоромъ ложи и партеръ, но нигдѣ не могъ отыскать своей дамы.

Когда началось представленіе, его вниманіе было отвлечено однимъ пріятелемъ; онъ повернулся, чтобы поговорить съ нимъ.

Кончивъ разговоръ съ пріятелемъ, онъ снова обратилъ глаза на публику — и сдѣлалъ теперь открытіе, отъ котораго сердце его шибко забилось.

Дама сидѣла, сіяя красотой, въ одной изъ самыхъ уединенныхъ ложь. Она взглянула на него и, улыбаясь, кивнула ему головой.

Въ необразимо-короткое время, онъ сидѣлъ уже подлѣ нея и разсыпался въ благодарностяхъ за счастье, которое она ему подарила.

Потомъ онъ позволилъ себѣ сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ; дама отвѣчала, что она вдова человѣка изъ хорошей фамиліи и съ значительнымъ состояніемъ.

Она прибавила къ этому, что тамъ и сямъ ей случалось видѣть Броссара и, краснѣя, призналась, что онъ чрезвычайно заинтересовалъ ее.

Остальное, именно: какъ она искала встрѣчи съ нимъ и какъ достигла своей цѣли — уже извѣстно читателю.

Одной изъ самыхъ слабыхъ сторонъ Броссара было тщеславіе; играя на этой стрункѣ, красивая женщина всегда могла отлично поймать его.

Госпожа де Ноэль совершенно очаровала его. Сидя у нея въ ложѣ, онъ выражалъ свои восторги самымъ необузданнымъ образомъ, такъ-что его дама нѣсколько разъ должна была напомнить ему, что они наконецъ могутъ обратить на себя вниманіе публики.

Послѣ окончанія представленія, дама спросила его, не хочетъ ли онъ проводить ее домой и отужинать у нея.

Нечего и говорить, съ какой радостью онъ принялъ приглашеніе.

Если бы кто нибудь могъ наблюдать за знаменитымъ сыщикомъ на пути изъ оперы въ квартиру красивой дамы, то слава о его хладнокровіи и осторожности значительно пострадала бы.

Онъ осыпалъ свою прекрасную незнакомку самыми бурными ласками, а въ промежуткахъ увѣрялъ ее, въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, въ своей пламенной, вѣчной любви.

Къ счастію, закрытый экипажъ защищалъ нѣжную парочку отъ постороннихъ наблюденій, а темнота скрывала краску, вспыхивавшую на щекахъ красавицы.

Госпожа де Ноэль, смѣясь, сказала, что она увѣрена, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ женщины, которая могла бы устоять противъ такого удивительнаго краснорѣчія.

Наконецъ они подъѣхали къ дому, въ которомъ жила госпожа де-Ноэль; экипажъ ея остановился на дворѣ — и они вышли.

Пройдя цѣлый рядъ слабо-освѣщенныхъ комнатъ перваго этажа, они вошли въ роскошно меблированную и ярко освѣщенную комнату.

Тутъ нарядный лакей встрѣтилъ даму и взялъ ея мантилью и шляпу.

Послѣ уже Броссаръ вспомнилъ, что она сдѣлала этому лакею какой-то особенный знакъ и тотчасъ-же приказала, чтобы какъ можно скорѣе былъ поданъ ужинъ; но въ ту минуту, онъ и не подумалъ объ этомъ.

Госпожа де-Ноэль спокойно усѣлась въ мягкое кресло, а Броссаръ бросился на подушку, лежавшую у ея ногъ.

Нѣсколько минутъ оба ничего не говорили.

Голова влюбленнаго полицейскаго сыщика покоилась на ручкѣ креселъ, а рука прекрасной женщины небрежно играла его волосами.

Въ комнатѣ послышался легкій шумъ; Броссаръ хотѣлъ поднять голову и посмотрѣть, но прекрасная рука покоилась на его головѣ съ такой сладкой, нѣжной тяжестью, что онъ не могъ поднять ее настолько, чтобы что нибудь увидѣть.

«Это такъ, мой другъ, ничего», быстро и тихо проговорила госпожа Ноэль.

Однако едва успѣла она проговорить эти слова, какъ сыщикъ почувствовалъ, что какая-то непреодолимая сила растянула его во всю длину по полу.

Не успѣлъ онъ опомниться и сколько нибудь сообразить, что такое съ нимъ творится, — какъ уже увидѣлъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что комната стала наполняться мужчинами.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Это значитъ, г. Броссаръ, съ очаровательной улыбкой отвѣчала дама, — что сегодня вы не будете со мной ужинать.

Въ одну минуту вернулось къ Броссару все его хладнокровіе; только, по видимому, слишкомъ поздно.

— Дуракъ же я былъ! теперь-то я это отлично понимаю, сказалъ онъ, злясь на самого себя.

— Въ этомъ отдаю вамъ полную справедливость, смѣясь отвѣчала дама.

— Отойдите отсюда, сказалъ ей одинъ изъ мужчинъ, подходя къ Броссару. — Дайте-ка мнѣ съ нимъ поговорить. Потомъ, обратясь къ Броссару, сказалъ: — Что, пріятель, знаете вы меня?

— Еще бы, отвѣчалъ Броссаръ. — Вы Фредерикъ Рулье — и давнымъ-давно извѣстны правительству, какъ президентъ соціалистскаго клуба, какъ коммунистъ и одинъ изъ главныхъ враговъ общественнаго покоя и порядка. Всѣ эти господа должно быть ваши сообщники.

— Совершенно справедливо, любезный другъ. У васъ давно уже было пламенное желаніе захватить насъ, а мы, съ своей стороны, такъ же давно лелѣяли точно такое же желаніе относительно вашей особы. Наконецъ

судьба смилостивилась надъ нами, и вы попались къ намъ въ руки. Можетъ-быть вы желаете знать, что мы думаемъ предпринять съ вами?

— Это мнѣ рѣшительно все равно, спокойно отвѣтилъ связанный сыщикъ.

— Ваше мужество безспорно очень велико, продолжалъ Рулье, — но мы его теперь немножко испытаемъ. Насчетъ того, что вы должны умереть, мы всѣ давно согласились. Мы сегодня же привели бы въ исполненіе подписанный вамъ смертный приговоръ, но здѣсь не достаетъ многихъ членовъ нашего клуба. Завтра же вечеромъ мы будемъ въ полномъ составѣ, и тогда, не медля дольше, кончимъ дѣло надъ вами. Родъ вашей смертной казни вотъ какой: у васъ заживо вырвутъ сердце. Да успокоятъ небеса вашу душу, насмѣшливо прибавилъ Рулье, — на землѣ вамъ не на что больше надѣяться.

— Ну, это еще мы посмотримъ! вскричалъ Броссаръ, скрежеща зубама. — Не за тѣмъ я родился на свѣтъ, чтобъ умереть отъ рукъ такихъ жалкихъ бездѣльниковъ какъ вы!

Президентъ засмѣялся.

— Оплошали, другъ Броссаръ, сказалъ онъ потомъ саркастическимъ тономъ. — Вѣдь предостерегали васъ друзья, такъ нѣтъ, не повѣрили имъ; вотъ и гибнете теперь отъ вашего тщеславія и вашей страсти къ женщинамъ.

— Кто эта женщина? спросилъ Броссаръ, не обращая вниманія на послѣднее замѣчаніе своего врага.

— Я сама ему отвѣчу, сказала мнимая госпожа Ноэль, снова приближаясь къ Броссару. — Г. Броссаръ, начала она, — я поклялась отмстить вамъ. Три мѣсяца тому назадъ вы арестовали женщину, по имени Маргарету Пуассонъ, которая была обвинена въ поджигательствѣ петролеумомъ и въ убійствѣ одного солдата. Судъ приговорилъ ее къ смерти. Эта женщина была моя мать.

— Но, спокойно замѣтилъ Броссаръ, — вѣдь она не была казнена.

— Нѣтъ, не была, но за это я такъ же мало благодарна вамъ, какъ и версальскому правительству, потому-что оно сослало ее въ Алжиръ, гдѣ она вскорѣ умерла мучительной смертью отъ вреднаго климата. Я поклялась отмстить вамъ за это. Мнѣ удалось заманить васъ сюда. Я ненавижу въ васъ убійцу моей матери и съ наслажденіемъ буду смотрѣть на тысячу-разъ-заслуженную вами казнь, которую назначили вамъ мои друзья.

— Какъ ваше имя, сударыня? спросилъ сыщикъ.

— Мадмуазель Демуленъ.

— А, такъ вы любовница предсѣдателя этого клуба. Ну, въ хорошія же руки я попался! злобно поворчалъ Броссаръ. — Ну-съ, госпожа де Ноэль или лучше-сказать мадмуазель Демуленъ, если это можетъ удовлетворить васъ, то знайте, что не только я не былъ виноватъ въ смерти вашей матери, но еще старался спасти ее. Я арестовалъ ее, потому-что мнѣ было это приказано, — и хотя я и вѣрилъ, что она виновата въ томъ преступленіи, въ которомъ ее обвиняли, но все-таки мнѣ было жаль ея. Вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ просьбъ, мой начальникъ ходатайствовалъ за нее передъ министромъ юстиціи и достигъ того, что смертная казнь была замѣнена ссылкой. Впослѣдствіи ему удалось выхлопотать ей полное прощеніе; къ сожалѣнію, оно пришло слишкомъ поздно; незадолго до него ваша мать умерла. Если вы сомнѣваетесь въ томъ, что я теперь сообщилъ вамъ, то вамъ стоитъ только

Искушеніе.

справиться въ соотвѣтствующемъ департаментѣ министерствѣ юстиціи; тамъ вамъ подтвердятъ всѣ мои слова.

Дама слушала, блѣдная какъ смерть. Но овладѣвъ собой, она обратилась къ Фредерику Рулье и торопливо проговорила:

— Оставьте ему жизнь, пока я не справлюсь и не узнаю навѣрное, правда ли все то, что онъ сейчасъ говорилъ, или нѣтъ.

— Стойте! вскрикнулъ сыщикъ. — Я не нуждаюсь въ вашемъ посредничествѣ, сударыня. Я не хочу быть вамъ обязаннымъ даже свободой...

Мадемуазель Демуленъ отвернулась и вышла изъ комнаты.

Фредерикъ Рулье велѣлъ двоимъ изъ своихъ людей поднять съ полу сыщика, который былъ такъ крѣпко связанъ, что не могъ пошевельнуться, и отнести его въ вѣрное мѣсто.

(Окончаніе будетъ).

Въ модномъ магазинѣ.

(См. стр. 217).

Какъ пріятно посѣщеніе модныхъ магазиновъ для женъ, такъ тяжело отзывается оно иногда на карманахъ мужей! Взгляните на изображенную на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ парочку. Осмотрѣвъ разложенныя и развѣшанныя въ модномъ магазинѣ вещи: модныя матеріи, готовыя платья, пальто, мантиліи и т. п. прелести, жена остановила наконецъ свой выборъ на какомъ-то предметѣ, и по ея уныло-рѣшительному виду, въ соединеніи съ глупо-нерѣшительной миной мужа, у котораго на лицѣ какъ будто написано крупными буквами: «вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!», — вы можете заключить, что она нетолько заставитъ мужа купить выбранную ею вещь, но еще будетъ считать себя при этомъ чѣмъ-то вродѣ жертвы. Она, которой недостаетъ такъ многаго, — она, жалѣя мужа, выбрала можетъ быть только какую-нибудь легонькую матерьицу, вмѣстѣ съ этимъ вѣеромъ, который у нея въ рукахъ; а онъ — онъ безчувственный человѣкъ, не хочетъ купить и этого! Нѣтъ, нѣтъ, ужь какъ онъ хочетъ, а это будетъ куплено, иначе она не выйдетъ изъ магазина, — и легонькая матерьица, а также и вѣеръ покупаются. «Басни эту», скажемъ мы въ заключеніе нашего описанія — «можно бы и больше пояснить, да чтобъ гусей не раздразнить».

Охота на тигра въ русскихъ предѣлахъ.

(Окончаніе).

IV.

Не знаю, чѣмъ руководствуется тигръ при выборѣ жертвъ, когда нѣсколько живыхъ существъ, да еще разнообразныхъ, представляютъ ему одновременно одинакія условія для нападенія, — но только выборъ этотъ бываетъ иногда чрезвычайно оригиналенъ.

Разъ подъ вечеръ, между «Джульдамой» и «Чиназомъ», когда русскіе не успѣли еще вырубить и сжечь всѣхъ камышей въ окрестности — и по обѣимъ сторонамъ узкой дороги, много выше всадника, колыхались пушистыя бѣловатыя метелки, — шажкомъ, какъ вообще ѣздятъ сановитые азіаты, пробиралась небольшая группа всадниковъ.

Это былъ сборщикъ податей «кураминскаго района» съ своими помощниками и слугами «джигитами».

Сарты ѣхали гуськомъ, другъ за другомъ; самъ сборщикъ важно покачивался на сѣдлѣ, сурово поглядывая изъ подъ необъятной чалмы. Всѣхъ путешественниковъ было человѣкъ восемь, и поѣздъ этотъ тянулся довольно длинною вереницею.

Впереди всѣхъ, задравъ пушистый хвостъ на спину, бѣжала небольшая дворовая собака, съ бубенчикомъ на косматой шеѣ.

Вдругъ, громадный, старый тигръ, перепрыгнувъ ближайшіе къ дорогѣ кусты молодой «джиды», показался на тропѣ, между послѣднимъ и предпослѣднимъ всадниками. Размашисто шагая, почти скользя по землѣ, хищникъ въ нѣсколько мгновеній обогналъ всю кавалькаду, схватилъ бѣдную собаку, прежде чѣмъ кто либо успѣлъ опомнится, — и скрылся. Жалобный собачій визгъ раздался по крайней мѣрѣ шагахъ въ трехстахъ отъ мѣста нападенія.

Это случилось почти въ виду киргизскихъ ауловъ, расположенныхъ поблизости дороги, такъ что легко слышны были человѣческіе голоса, и въ вечернемъ воздухѣ пахло дымомъ горѣвшаго камыша.

V.

Съ большимъ трудомъ перебрались мы черезъ «чирчикъ» между «Ташкентомъ» и «Той-тюбе», — рѣка эта, развѣтвляясь на нѣсколько рукавовъ, широко разливается по каменистому руслу, и переправа тянется покрайнѣй мѣрѣ съ версту.

Небольшой слой мокраго снѣга выпалъ на глубокую грязь, и колеса нашего легкаго казанскаго тарантаса вязли почти по ступицу. Измученная тройка едва вытаскивала экипажъ, натягивая какъ струны веревочныя постромки.

Холодный вѣтеръ билъ въ лицо, по небу неслись разорванныя темныя тучи. На тощихъ деревьяхъ, по сторонамъ дороги, сидѣли печальные грачи, прижавъ свои мокрыя головы, такъ что только длинные, толстые клювы торчали на виду. Поминутно слышалось вытье волковъ, или тревожное хлопанье мокрыхъ крыльевъ спугнутой нашимъ приближеніемъ пары утокъ.

Чуть-чуть разсвѣтало.

Нѣсколько конвойныхъ казаковъ, завернувшись въ верблюжьи башлыки, плелись по сторонамъ и сзади экипажа, и у всѣхъ была одна завѣтная дума: «когда-же, наконецъ, кончится эта проклятая дорога!..»

Вдругъ вся тройка замялась на совершенно ров-

номъ мѣстѣ и остановилась. Коренная попятилась назадъ, пристяжныя жались къ оглоблямъ. Лошади храпѣли и насторожили уши; верховые, казачьи кони тоже обнаружили небольшое безпокойство.

Послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнута и криковъ, не принесшихъ желанныхъ результатовъ, мы вышли изъ тарантаса, съ намѣреніемъ изслѣдовать причину страха. Первый открылъ ея джигитъ-киргизъ, ѣхавшій съ нами на козлахъ, и указалъ намъ.

Завѣтною чертою, которую не рѣшались перешагнуть наши кони, былъ свѣжій слѣдъ тигра, перерѣзывающій дорогу; рядомъ съ отпечатками лапъ виднѣлась широкая полоса, будто-бы животное волочило за собою довольно громадную тяжесть.

Судя по свѣжести слѣда, звѣрь прошелъ не болѣе какъ за нѣсколько секундъ передъ нами; еслибы было немного свѣтлѣе, мы вѣроятно видѣли бы его въ то время, когда онъ переходилъ дорогу. Глубокія впадины слѣдовъ, на нашихъ глазахъ, засасывались топкою солонцоватою грязью.

Повозившись немного съ лошадьми, мы одолѣли таки овладѣвшую ими панику, и тронулись дальше.

Скоро зачернѣлось передъ нами длинное строеніе. Это былъ «караванъ-сарай» (постоялый дворъ), стоящій вдали отъ всякаго жилья на полъ-дорогѣ между переправою и «Той-тюбе».

Передній фасадъ этого зданія составляли двѣ небольшія сакли, сложенныя изъ глины, и между ними ворота съ навѣсомъ, запирающіеся двумя довольно толстыми жердями.

Просторный, открытый дворъ былъ обнесенъ высокою глинобитною стѣною. Съ одной стороны двора, вдоль стѣны тянулся легкій навѣсъ, съ нагроможденными на немъ запасами топлива и клевера. Нѣсколько тощихъ коровъ и десятка три овецъ и козъ жались отъ холода по угламъ двора; двѣ осѣдланныхъ лошади стояли подъ навѣсомъ, покрытыя съ головами теплыми, ковровыми попонами. Въ саклѣ горѣли уголья, около которыхъ грѣли окоченѣлыя руки какіе то проѣзжіе «сарты».

Первое извѣстіе, которымъ встрѣтилъ насъ пожилой «таджикъ», хозяинъ двора, было то, что за часъ передъ нашимъ пріѣздомъ у него былъ непрошенный гость, надѣлавшій хозяину много убытковъ.

Старикъ взялъ фонарь, повелъ насъ въ глубину двора и указалъ намъ тигровые слѣды, одинаковой величины съ видѣннымъ нами на дорогѣ.

Тигръ перескочилъ черезъ стѣну — аршина четыре вышиною, не смотря на крики и шумъ перепуганныхъ обитателей, нахально побѣгалъ по двору, какъ-бы выбирая: чѣмъ-бы получше поживиться,—и, наконецъ, схвативъ большой шерстяной капъ (батманъ) съ бараньимъ саломъ, стянулъ его съ арбы, и прежнимъ путемъ отправился во свояси. Въ капѣ было болѣе восьми пудовъ сала, накопленнаго хозяиномъ для ташкентскаго базара.

Такъ вотъ, что́ волокъ полосатый воръ, напугавшій такъ нашу усталую тройку.

VI.

Разъ какъ-то мнѣ особенно везло счастье: моя «Альфа» вели себя очень хорошо: не пороля горячки, по обыкновенію, и твердо выдерживала стойку. Паръ шесть красивыхъ фазановъ висѣло у меня на поясѣ, и я, увлекшись удачной стрѣльбой, довольно далеко забрелъ отъ «форта».

Волнистая мѣстность, густо заросшая «джидою» и «саксауломъ», прорѣзывалась тамъ и сямъ узенькими тропинками, проложенными верблюдами, которые очень любятъ лакомится молодыми побѣгами этой, чисто степной, флоры. Помимо этихъ тропинокъ почти невозможно было пробраться, да и не дѣлая подобныхъ попытокъ, вы рисковали возвратиться домой въ костюмѣ Адама, оставивъ на колючихъ шипахъ степнаго терновника бренные остатки своего костюма. Только несокрушимые, кожаные киргизскіе шаровары—«чамбары», да армячинныя сѣрыя рубахи могли съ успѣхомъ выдерживать борьбу съ этою колючей растительностью.

У меня была короткоствольная, горластая ижемская двустволка, которая била превосходно только мелкими номерами дроби и съ очень небольшихъ разстояній: такія ружья особенно хороши для стрѣльбы фазановъ— птицы нѣжной, не требующей большой силы удара, а между тѣмъ вылетающей изъ чащи быстро и неожиданно.

Послѣдній, убитый мною фазанъ перекувырнулся въ воздухѣ, и наискосокъ упалъ въ кусты, шагахъ покрайней мѣрѣ въ тридцати отъ дороги. «Альфа» кинулась за нимъ и нѣсколько минутъ не возвращалась. Вдругъ, я услышалъ боязливое повизгиваніе моей собаки и, вслѣдъ за этимъ, мой добрый спутникъ выбѣжалъ изъ чащи, со всѣми признаками сильнаго испуга.

— Чтобы это могло значить? подумалъ я и рѣшился изслѣдовать причину страха.

Осторожно раздвигая колючія вѣтви, я началъ пробираться между кустами, пристально всматриваясь впередъ. Едва я прошелъ шаговъ двадцать, какъ меня поразилъ острый спиртуозный запахъ, похожій на тотъ, который всякому удавалось слышать въ бродячихъ звѣринцахъ. Я тронулся еще шага четыре впередъ и ясно разслышалъ тихое, но уже сердитое мурлыканье.

Благоразуміе подсказывало мнѣ начать немедленную ретираду, а любопытство заставило меня раздвинуть стволами ружья ближайшія вѣтви «саксаула».

— А, вотъ оно что!.. На небольшой, плотно умятой площадкѣ, не болѣе сажени въ діаметрѣ, лежала пара недѣльныхъ тигрятъ. Они были ростомъ съ обыкновенную кошку, только гораздо массивнѣе сложены, и съ большими, совсѣмъ уже не по росту, головами.

Братцы, а можетъ быть и сестрицы, усердно теребили именно моего фазана, ссорясь между собою уморительнѣйшимъ образомъ. Увидя мою бороду и стволы, молодые звѣрки примолкли и, не выпуская изъ зубовъ птицы, попятились назадъ, моргая со страху глазенками; залѣпленныя пухомъ, рыльца тигрятъ были очень комичны.

Однако, долго наблюдать эту картину было не совсѣмъ удобно: съ минуты на минуту могла вернуться маменька,—а съ чѣмъ я могъ ее встрѣтить? съ моимъ ружьемъ, страшнымъ только для фазановъ, а уже никакъ не для такой крупной дичи.

Это теперь, внѣ всякой опасности, я припоминаю подробности моей встрѣчи,—а въ ту минуту, сердце прыгало у меня въ груди и душа ушла, если не совсѣмъ въ пятки, то навѣрное очень не подалеку отъ нихъ.

Тихонько, задомъ, я сталъ отступать на тропинку. За всякимъ кустомъ мнѣ чудился страшный шорохъ... Я начиналъ проклинать свое любопытство.

Едва я выбрался на чистое мѣсто и немного пе-

ревелъ духъ, какъ подобравъ лѣвою рукою свой тяжелый ягташъ, чуть не бѣгомъ пустился улепетывать, подальше отъ страшнаго сосѣдства. «Альфа» держалась у самыхъ ногъ: она была напугана больше своего господина.

Заунывный ревъ долетѣлъ до моего слуха; я поддалъ ходу. Черезъ минуту, этотъ ревъ повторился не болѣе какъ въ полу-верстѣ за мною; потомъ еще ближе. Звѣрь меня преслѣдовалъ... это было ясно.

Какое-то внутреннее чувство заставило меня обернуться; я обернулся и остолбенѣлъ...

Тигрица находилась отъ меня не болѣе какъ во ста шагахъ; съ глухимъ, сердитымъ рычаніемъ она бѣжала по моимъ слѣдамъ.

Спасаться бѣгствомъ—нечего было и думать, а ужь если и приходилось погибать, такъ лучше не даромъ: надо было сдѣлать все, что только возможно съ такимъ слабымъ оружіемъ, какое было у меня; со мною, даже ножа не было: подобная неряшливость болѣе нежели непростительна; приходилось за нее дорого раздѣлываться.

Я взвелъ курки и присѣлъ на одно колѣно. Тигрица пріостановилась въ восьми шагахъ отъ меня, и прилегла на тропинку. Мы смотрѣли прямо въ глаза другъ другу. Страшная минута, объ которой, даже теперь, я не могу вспомнить безъ внутренняго холода.

Минуты двѣ находились мы въ такомъ положеніи. Звѣрь начиналъ заигрывать со мною: то прищуритъ свои свирѣпые глаза, то подвинется ползкомъ еще на шагъ впередъ, и все это сопровождалось зловѣщимъ рычаніемъ, вылетавшимъ изъ-за страшныхъ, оскаленныхъ зубовъ..

Я цѣлилъ какъ разъ въ глаза звѣря. Я рѣшилъ не дожидаться прыжка,—момента, въ который я легко могъ бы промахнуться,—и выстрѣлилъ...

Съ ужаснымъ ревомъ, тигрица поднялась на дыбы. Боже!.. какъ громадна она показалась мнѣ въ это мгновеніе!

Ломая вокругъ себя сучья, звѣрь метался и прыгалъ, обтирая свою морду передними лапами; эти бѣшеные скачки были безсознательны — тигрица была слѣпа: я выбилъ ей разомъ оба глаза.

Что есть духу, бѣгомъ, бросивъ на дорогѣ оборвавшійся ягташъ и фазановъ, я пустился по тропинкѣ, и уже на берегу «Даріи», въ виду глиняныхъ укрѣпленій форта, я упалъ на землю, въ полномъ изнеможеніи.

Моя Альфа улеглась рядомъ со мною, держа въ зубахъ одного изъ растерянныхъ мною фазановъ, котораго она успѣла подобрать во время нашего позорнаго бѣгства.

Черезъ недѣлю, киргизы, пасшіе верблюдовъ въ «саксаулѣ», набрели на полу-обглоданный волками трупъ тигрицы. Безчисленные муравьи доканчивали работу четвероногихъ падальщиковъ, киша черными толпами около разлагающагося трупа.

Тигрятъ, не смотря на всѣ старанія, не могли отыскать вовсе, хотя цѣлая недѣля употреблена была именно на это предпріятіе.

Н Каразинъ.

Бакинскіе огни.

Атешъ-Джа.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстностей Кавказа и вѣроятно цѣлаго міра, это лежащее у Каспійскаго моря — Баку съ его нефтяными источниками и огненными столбами. Слово Баку происходитъ отъ Баде-Куба, мѣсто измѣнчивыхъ вѣтровъ; а Атешъ-Джа—страна огня.

При въѣздѣ въ Бакинскій уѣздъ видно много полей засѣянныхъ пшеницею, которыя ведутъ къ татарскимъ деревнямъ; но ближе къ самому Баку нѣтъ признака растительности. Видъ города Баку, населеніе котораго прежде состояло изъ однихъ татаръ и армянъ, очень непріятный: посреди маленькой бухты представляется смѣшанная масса сѣрыхъ домовъ съ плоскими крышами, покрытыми черною смолою; все это окружено стѣнами. Съ переводомъ губернскаго города изъ Шемахи (по случаю постоянныхъ тамъ землетрясеній), въ настоящее время возведено много строеній, хотя тоже мрачныхъ и невысокихъ, но совсѣмъ на европейскій манеръ. За стѣной крѣпости возвышается нѣсколько минаретовъ и башень, которые выдаются изъ монотонной массы; но нигдѣ не видно ни зеленыхъ деревьевъ, ни свѣтлой воды, ни красныхъ крышъ, а также никакихъ пестрыхъ цвѣтовъ,—все сѣро и пусто и какъ будто покрыто вѣчнымъ трауромъ.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Баку находится знаменитое Атешъ-Джа,—это большое строеніе треугольникомъ, снаружи низкое, одноэтажное безъ оконъ, съ плоскою крышею и зубчатыми оконечностями стѣнъ. Со стороны двора тянется рядъ келій также безъ оконъ съ выходами во дворъ, по серединѣ котораго возвышается что-то вродѣ крыши. На пьедесталѣ о трехъ ступеняхъ стоятъ четыре колонны или лучше - сказать четырехугольныхъ столба, надъ ними высится куполъ; на дворѣ есть еще одна такая же круглая колонна. Всѣ эти колонны внутри пусты и служатъ проводникомъ газа изъ земли. На сѣверо-восточной сторонѣ, расположены помѣщенія для посѣтителей; они однимъ этажемъ выше главнаго строенія, имѣютъ окна и со всѣхъ сторонъ окружены галлереями. Строенія эти новѣйшаго происхожденія. Пламя стремится изъ отверстія посрединѣ храма и изъ пяти пустыхъ столбовъ, на четыре фута вверхъ, и имѣетъ одинъ футъ ширины.

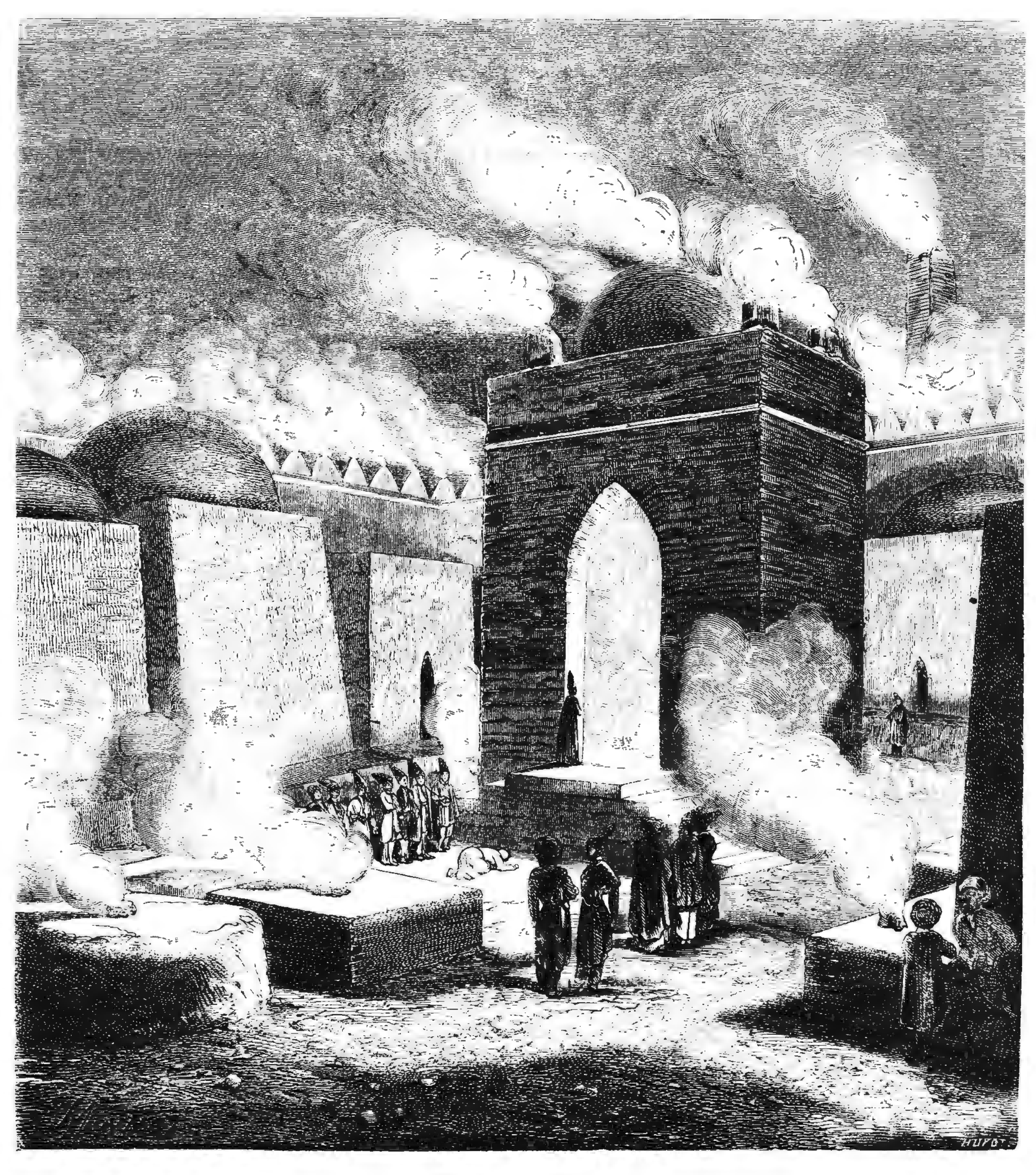
Въ темную ночь, тихо колеблемый огонь этотъ кажется желтаго цвѣта и представляетъ чудное, необыкновенное зрѣлище. Кромѣ этого строенія, газъ выбивается еще изъ земли болѣе нежели въ двадцати мѣстахъ.

Если, на разстояніи версты въ окружности, выкопать землю на одинъ футъ глубины и приставить огонь къ отверстію, то подземный воздухъ мгновенно воспламенится. Каждый кто хочетъ, можетъ сдѣлать подобный опытъ. Туземцы употребляютъ этотъ огонь для домашняго обихода.

Зданіе, представляемое на рисункѣ, составляетъ родъ монастыря для живущихъ въ немъ огнепоклонниковъ. Секта эта—остатокъ распространенной въ древности религіи. Самымъ священнѣйшимъ предметомъ для нихъ, какъ символъ божества, служитъ священный огонь выходящій изъ-подъ земли.

Живущіе въ этомъ зданіи отшельники пришли изъ Индіи и Пенджаба; ихъ было прежде десять человѣкъ, теперь осталось только четыре, изъ которыхъ одинъ уже совершенно дряхлый старикъ и никогда не выходитъ изъ своей кельи. Они имѣютъ длинныя исхудалыя лица бронзоваго цвѣта съ отпечаткомъ индостанскаго солнца; худые, тощіе, вымазанные между бровями оранжевою краскою, со всклокоченными сѣдыми волосами, одѣтые въ свѣтло-желтые длинные балахоны съ разрѣзными рукавами (двое изъ нихъ въ красныхъ остроконечныхъ шапкахъ), эти огнепоклонники кажутся выходцами съ того свѣта.

Вообще когда они принимаютъ посѣтителей, видно, что это имъ пріятно—и они стараются угодить чѣмъ могутъ, хотя все дѣлаютъ молча. По желанію, они начинаютъ свою службу—тѣмъ, что сперва звонятъ нѣсколько разъ въ небольшой колоколъ; потомъ подаютъ знакъ на молитву, дуя въ большую раковину, которая издаетъ пронзительный звукъ. Они собираются всѣ вмѣстѣ въ довольно большое помѣщеніе въ видѣ храма, которое имѣетъ посерединѣ низенькую загородку съ проходомъ. По обоимъ концамъ загородки блистаетъ высокое пламя, а возлѣ лежатъ глиняныя блюда, чтобы покрывать огонь и такимъ образомъ тушить его. Посерединѣ этого храма устроено что-то вродѣ алтаря съ разными украшеніями, истуканчиками и даже нашими старинными мѣдными образками. Собравшіеся отшельники становятся всѣ прямо противу алтаря и читаютъ на распѣвъ свои молитвы при звонѣ маленькихъ колокольчиковъ, заунывнымъ гнусливымъ голосомъ, иногда



Бакинскіе огни.

вскрикивая. Потомъ старшій изъ нихъ, который носитъ остроконечную шапку, опрыскиваетъ священной водой изъ глинянаго желтаго кувшинчика стоящія на алтарѣ двѣ чаши, одну съ рисомъ, другую съ леденцами,—и даетъ каждому по двѣ крупинки рису и по куску леденца. За все это посѣтители конечно платятъ имъ деньги; но если они знаютъ, что посѣтитель значительное лицо или богатый человѣкъ, то зажигаютъ гораздо болѣе огней, служатъ долѣе и дѣлаютъ разныя церемоніи.

Фельетонъ.

Великій постъ: концерты, живыя картины, фокусники, спиритизмъ и отравленіе рыбой. — Г. виконтъ де-Гастонъ и Тьеръ. — Публичныя чтенія г. Веселя о начальномъ обученіи и воспитаніи. — Годичная выставка въ Академіи Художествъ: картины гг. Маковскаго, Журавлева, Морозова, Гуна, Семирадскаго и другихъ.—Что можно назвать перломъ выставки? — Къ статистикѣ Петербурга.

Великій постъ считается обыкновенно самымъ скучнымъ временемъ въ году. Можетъ-быть это и справедливо, но только не относительно Петербурга. Правда, въ Петербургѣ, какъ и повсюду на Руси, спектакли во время поста закрываются, но взамѣнъ ихъ появляется такое множество концертовъ, начиная отъ концерта-монстра въ пользу инвалидовъ и кончая убогенькими концертиками въ нашихъ второстепенныхъ клубахъ,—что просто хоть прудъ пруди ими! Дѣло доходитъ до того, что на одинъ вечеръ выпадаетъ по нѣскольку музыкальныхъ представленій разомъ, такъ-что желающему дать о нихъ отчетъ, приходится хоть разорваться. Ошибочно было бы, однако, полагать, что обиліе концертовъ показываетъ особенныя музыкальныя наклонности нашей сѣверной столицы, или что уровень музыкальнаго пониманія стоитъ въ ней на высотѣ, недоступной для остальныхъ смертныхъ. Увы! ничего подобнаго у насъ нѣтъ: петербургская публика, какъ и всякая другая на свѣтѣ, любитъ прежде всего и больше всего разнообразіе; музыка же ей нравится лишь настолько, насколько она въ состояніи разнообразить составъ цѣлаго представленія. Посмотрите на программы нашихъ великопостныхъ концертовъ—и вы увидите, что рѣдкій изъ нихъ составляется исключительно изъ однихъ только музыкальныхъ нумеровъ; гораздо чаще, напротивъ того, бываетъ такъ, что музыка составляетъ въ нихъ только баластъ,—главною-же приманкой являются живыя картины, болѣе или менѣе игриваго содержанія, да различные куплеты и сценки, произносимыя отечественными и иностранными юмористами. Одна только Патти, да развѣ еще г-жа Лавровская, въ состояніи привлечь на свои концерты многочисленную публику. Нынѣшнему концертному сезону особенно не счастливится; даже завзятые меломаны признаются, что публика какъ будто охладѣла къ нимъ (въ дѣйствительности, она никогда не была къ нимъ особенно привязана).

Сказать откровенно—я не слишкомъ скорблю объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ. Пойдутъ-ли въ самомъ дѣлѣ на умъ какія-нибудь музыкальныя удовольствія, когда жизнь и безъ того даетъ много пищи сердцу и воображенію? Одинъ спиритизмъ чего стоитъ, не говоря уже объ упражненіяхъ знаменитыхъ профессоровъ (!) магіи, о разныхъ чревовѣщателяхъ, столовращателяхъ, умопомрачителяхъ и проч. и проч.! Все это предметы, дающіе обильную пищу уму и сердцу, въ особенности сердцу. Говорятъ, къ намъ явился какой-то виконтъ де-Гастонъ, который способенъ угадывать даже мысли присутствующихъ на его сеансахъ мужчинъ, дамъ и дѣвицъ. Замѣчательно, что этотъ ловкій виконтъ принадлежитъ къ той самой націи, которая вся вмѣстѣ, совокупными усиліями, не можетъ отгадать мысли одного только человѣка — Тьера! Неужли же Франція не воспользуется въ настоящее время услугами этого отгадчика? Впрочемъ, виконтъ де-Гастонъ, вѣроятно, даромъ этого секрета не откроетъ, а запроситъ за него по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше той суммы, которую г. Бердянскій, изобрѣтатель освѣщенія подъ названіемъ «сиріусъ», получилъ за свой.

Съ наступленіемъ поста, стали чаще и чаще повторяться случаи отравленія разными недобракачественными продуктами: грибами, капустой, но въ особенности соленой рыбой. По свѣденіямъ «Правительственнаго Вѣстника», въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской и рязанской губерній, всѣхъ захворавшихъ отъ употребленія недоброкачественной пищи, насчитывается 73; изъ нихъ умерло 18. Подобные случаи, какъ слышно, встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ, а также въ обѣихъ столицахъ нашихъ,—то-же предметъ, вызывающій на великопостное размышленіе, особенно тѣхъ, кто занимается продажею неудобосъѣдомыхъ продуктовъ. Доктора совѣтуютъ быть осторожнѣе...

Осторожность, вообще, никогда не мѣшаетъ. Вотъ и я поудержался дать отчетъ о лекціяхъ г. Веселя въ музеѣ прикладныхъ знаній, и нисколько объ этомъ не жалѣю. Для своихъ чтеній г. Весель выбралъ предметъ весьма важный и серіозный, для большинства же публики даже скучный,—о начальномъ обученіи и воспитаніи. Всѣхъ лекцій предполагается семь; изъ этого числа четыре уже прочитаны. Первыя три чтенія, въ которыхъ лекторъ, послѣ краткаго вступленія, сдѣлалъ историческій очеркъ развитія педагогическаго дѣла, не отличались ни полнотою, ни особенною талантливостью изложенія. За то четвертую, посвященную уясненію начала общаго образованія, почтенный лекторъ съумѣлъ сдѣлать и интересною, и поучительною. Можетъ быть, этому помогла современность самаго сюжета, о которомъ идутъ такіе горячіе споры въ обществѣ и литературѣ... Какъ-бы то ни было, но принципъ общаго образованія былъ достаточно рельефно обрисованъ г. Веселемъ, и если-бы лекторъ постарался не забыть о воспитательномъ значеніи этого принципа, то лучшаго и требовать нельзя. Къ сожалѣнію, объ этомъ послѣднемъ лекторъ сказалъ только, что общее образованіе, согласно развивая всѣ силы нашего духа, дѣлаетъ человѣка способнымъ ко всякаго рода практической дѣятельности,—тогда какъ первѣйшая заслуга общаго образованія заключается въ томъ именно, что оно предъупреждаетъ въ развитіи человѣка всякую односторонность, расширяетъ его кругозоръ, дѣлаетъ его безпристрастнымъ, снисходительнымъ, способнымъ къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію. Однимъ словомъ, общее образованіе способно воспитывать ребенка несравненно болѣе, чѣмъ образованіе спеціальное, которое имѣетъ ввиду собственно развитіе человѣка для одного рода дѣятельности, а не развитіе общечеловѣческихъ свойствъ вообще.

Недостатокъ общаго образованія сказывается чуть не на каждомъ шагу. Являетесь вы на выставку—посмотрѣть на послѣднее слово нашихъ художниковъ въ дѣлѣ искусства—какая поразительная бѣдность содержанія рядомъ съ прекрасною техникой! Какое отсутствіе мысли при долгомъ, усидчивомъ трудѣ и всевозможныхъ стараніяхъ! Какое обиліе талантовъ рядомъ съ недостаткомъ. . общаго образованія! Болѣе 300 нумеровъ всевозможныхъ картинъ: бытовыхъ, историческихъ, портретовъ, батальныхъ и пейзажей, занимаютъ нѣсколько залъ перваго и втораго этажа академіи. Много между ними вещей несомнѣнно-прекрасныхъ по выполненію, но скудныхъ по замыслу; выдающагося же изъ ряду и оставляющаго какое-нибудь впечатлѣніе, за исключеніемъ только одной картины г. Семирадскаго, вовсе нѣтъ. Изъ бытовыхъ картинъ можно остановиться лишь на

произведеніяхъ двухъ братьевъ Маковскихъ, да на холстахъ Гуна, Морозова и отчасти Журавлева. К. Е. Маковскій, создавшій извѣстную «Масляницу на Адмиралтейской площади» (см. Нива 1870 г. № 13), выставилъ небольшую картину «Похороны въ деревнѣ», тепло и правдиво написанную. В. Е. Маковскому принадлежитъ три картины изъ русскаго же быта; особеннымъ мастерствомъ, по нашему мнѣнію, отличается № 250, подъ названіемъ: «Тихонько отъ жены». Картина г. Гуна, «Больное дитя», не производитъ ожидаемаго впечатлѣнія можетъ-быть потому, что слишкомъ мала; за то произведеніе г. Морозова, «Сельская безплатная школа», смотрится съ большимъ удовольствіемъ: чрезвычайно типичны лица нѣкоторыхъ дѣтей, въ особенности же бѣлокурой дѣвочки — на лѣвомъ планѣ картины. Картина г. Журавлева «Модница-жена» — не совсѣмъ хороша: представленная на ней молодая женщина, въ голубомъ платьѣ, декольтированная и охарашивающаяся передъ мужемъ, сильно смахиваетъ на кокотку, а мужъ — на канцелярскаго чиновника 3-го разряда. Зато, другая его картина, «Писецъ въ нетопленной комнатѣ», сдѣлана правдиво и съ большимъ талантомъ. Историческихъ картинъ на нынѣшней выставкѣ совсѣмъ почти нѣтъ, но то что̀ есть — превосходно. Единственная въ этомъ родѣ картина г. Семирадскаго, «Римляне блестящихъ временъ цесаризма», великолѣпна и сильна по общему впечатлѣнію. Художникомъ воспроизведена весьма характерная сцена изъ этого времени «наслажденія и крови». На первомъ планѣ группа сенаторовъ и знатныхъ римлянъ въ вѣнкахъ и тогахъ, съ испитыми, помятыми лицами, разнообразіе и картинность позъ, жестовъ и выраженій; кругомъ безобразное веселье и пьянство. Передъ ними въ неистовой пляскѣ проходитъ цѣпь молодыхъ, полуобнаженныхъ вакханокъ; направо, въ толпѣ на носилкахъ проносятъ раба... А дальше, между колоннъ, на дальнемъ востокѣ, сквозь легкія тучки, занимается утро и, кажется, будто легкій, холодный вѣтерокъ повѣялъ на всю эту компанію, не будучи, однако, въ силахъ ни усыпить ее, ни отрезвить. Превосходное во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе это составляетъ истинный перлъ выставки и стоитъ всего 2000 рублей. Весьма хороши также академическія темы, удостоенныя золотой медали, гг. Рѣпина, Макарова, Полѣнова и Урлауба, — «Воскрешеніе Спасителемъ дочери Іаира». Наконецъ, цѣлая зала отведена 12 картинамъ нашего уважаемаго сотрудника, профессора И. К. Айвазовскаго, собирающимъ къ себѣ какъ и всегда многочисленныхъ поклонниковъ его громаднаго таланта.

Читателямъ, вѣроятно, небезъинтересно будетъ прочесть слѣдующія статистическія свѣденія по городу Петербургу, заимствуемыя нами изъ отчета начальника С.-Петербургской Адресной экспедиціи и изъ другихъ источниковъ. Петербургъ занимаетъ 92 квадратныя версты пространства, т. е. около 2 квадратныхъ миль. Православныхъ церквей считается въ немъ 191, часовенъ 11; церквей другихъ христіанскихъ исповѣданій 15, еврейскихъ синагогъ 2, мусульманская мечеть 1; такъ-что, при общемъ числѣ жителей, доходившемъ въ прошедшемъ году до 691,093 человѣкъ обоего пола, одна церковь приходится на 3,156 душъ. Изъ 191 православныхъ церквей 7 деревянныхъ. Домовъ каменныхъ 8,653, деревянныхъ 10,805; домовладѣльцевъ 9,158; семействъ, имѣющихъ прислугу, 169,953; семействъ безъ прислуги 33,270; квартиръ въ Петербургѣ 63,897; изъ нихъ около 1/3 безплатныхъ; петербургскіе домовладѣльцы сбираютъ ежегодно за квартиры около 20 милліоновъ рублей, что составитъ, среднимъ числомъ, по 28 рублей на человѣка въ годъ. Петербургское населеніе живетъ довольно тѣсно, такъ-какъ на одну квартиру, среднимъ-же числомъ, приходится по 11 человѣкъ. Торговыхъ и промышленныхъ заведеній, а также фабрикъ и заводовъ 17,112; они распредѣляются по разрядамъ такимъ образомъ: аптекъ 53: бань 50; булочныхъ 290; виноторговель 518; дровяныхъ дворовъ 135; лѣсныхъ дворовъ 37; москательныхъ складовъ 28; угольныхъ складовъ 16; фабрикъ и заводовъ 461; конторъ 359; правленій различныхъ коммерческихъ обществъ 46; заведеній съ розничной продажей 3,383, въ томъ числѣ: мелочныхъ лавокъ 1,191, фруктовыхъ 187, лавокъ съ различными спеціальными товарами 2,089; магазиновъ 1,651; винныхъ погребовъ 84; питейныхъ домовъ 1,037, т. е. одинъ кабакъ на 18 домовъ, или одинъ кабакъ на 668 человѣкъ; постоялыхъ дворовъ 66; трактировъ, ресторановъ и гостинницъ 631; пекарень 55; русскихъ булочныхъ и пирожныхъ 20; московскихъ булочныхъ 30; лабазовъ 272; ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ 4,839; еврейскихъ: мясныхъ лавокъ, закусочныхъ, меблированныхъ комнатъ, мастерскихъ 67, въ томъ числѣ 1 еврейская типографія; дворовъ для извощиковъ: каретныхъ 80, легковыхъ 387, ломовыхъ 205, общественныхъ каретъ 8; домовъ терпимости 152; учрежденій, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія 63. Всего 17,112.

Политическое обозрѣніе.

Вождь консервативной партіи въ Англіи, г. Дизраэли, произнесъ въ гор. Манчестерѣ рѣчь, имѣвшую большой успѣхъ между приверженцами этого государственнаго дѣятеля. Въ этой рѣчи ораторъ высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ странѣ и выразилъ убѣжденіе, что для благосостоянія государства необходимо держаться настоящаго порядка вещей, установленнаго предками и упроченнаго давностью. Всѣ политическія убѣжденія Дизраэли сводятся къ слѣдующему. Онъ стоитъ за монархію и при томъ наслѣдственную; за ней онъ признаетъ полное безпристрастіе и независимость отъ всѣхъ партій; поэтому ставитъ ее внѣ всякихъ вліяній и считаетъ непогрѣшимою. По той же самой причинѣ, министровъ считаетъ обязанными не предпринимать ничего безъ вѣдома и совѣта монархической власти. Опорой этой власти служитъ парламентъ, въ лицѣ представителей лордовъ и общинъ. Дизраэли горячо возстаетъ противъ заявленнаго мнѣнія о безполезности палаты лордовъ, находя, что непрочность порядковъ во Франціи зависитъ единственно будто бы отъ отсутствія въ ней такой палаты. Относительно положенія рабочихъ классовъ, ораторъ высказалъ мысль, что въ послѣдніе 40 лѣтъ оно значительно улучшилось, и что, если необходимы преобразованія, такъ именно въ отношеніяхъ между ними и нанимателями, да въ улучшеніи санитарнаго положенія рабочихъ. О политическихъ правахъ Дизраэли умолчалъ; зато не поскупился на сильныя выраженія, когда рѣчь коснулась нынѣшняго либеральнаго министерства. Рѣчь Дизраэли, длившаяся 3 часа, вызвала сильныя рукоплесканія въ слушателяхъ, которыхъ собралось до 6,000 человѣкъ. Ему поднесли 124 адреса, съ выраженіемъ желанія, чтобы онъ сталъ опять во главѣ правительства.

Нѣсколько дней кряду, Францію занималъ процессъ извѣстнаго генерала Трошю, бывшаго во время войны губернаторомъ Парижа и его защитникомъ. Генералъ этотъ еще недавно пользовался извѣстностью и даже довѣріемъ народа. Нѣсколько разъ выказывалъ онъ независимость убѣжденій и политическую честность. За свой образъ мыслей, онъ былъ въ немилости у бывшаго императора Наполеона. Теперь мнѣніе о немъ измѣнилось: вмѣсто прежняго поклоненія, французы чуть не презираютъ его; имъ недовольны всѣ: бонапартисты, орлеанисты и республиканцы. Первые обвиняютъ его въ измѣнѣ императору и наполеоновской династіи, т. е. за то, что онъ примкнулъ къ революціи, провозгласившей сверженіе монархіи Наполеона. Республиканцы подозрѣваютъ ого въ неумѣлости, неспособности и даже въ продажности, слѣдствіемъ чего будто бы

была сдача Парижа. Настоящій процессъ начатъ самимъ генераломъ Трошю противъ газеты «Figaro», извѣстной своимъ остроуміемъ и продажностью своихъ редакторовъ, которая (т. е. газета) въ рѣзкой статьѣ старалась доказать, что Трошю человѣкъ двуличный и генералъ крайне неспособный. Чтобы опровергнуть это, генералу Трошю оставалось отдать свою личность на общій позоръ и доказать, во-первыхъ, что никакой двусмысленной роли при императорѣ Наполеонѣ онъ не игралъ, а во-вторыхъ, что для защиты Парижа онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что только было возможно. Относительно перваго пункта ему трудно было оправдаться, такъ-какъ свидѣтельскими показаніями министровъ имперіи обнаружено, что, за нѣсколько дней до революціи, Трошю обѣщалъ императрицѣ защищать правительство и династію. На судѣ Трошю объяснилъ, что предупредить революцію было невозможно; а потому ему оставалось только одно—примкнуть къ числу защитниковъ Парижа, которому угрожала серіозная опасность отъ подступавшаго непріятеля. Затѣмъ, самая сдача Парижа объясняется не неспособностью Трошю, а просто упадкомъ духа арміи и всего народа. Объ исходѣ этого дѣла сообщимъ, когда будутъ опубликованы подробности рѣшенія суда присяжныхъ.

Палата представителей въ Соединенныхъ Штатахъ Америки утвердила недавно весьма важный законъ по народному образованію. По этому закону, половина всего дохода, получаемаго отъ продажи казенныхъ земельныхъ участковъ, должна распредѣляться между всѣми штатами на жалованье учителямъ, соотвѣтственно числу лицъ, не получившихъ начальнаго образованія; другая же половина пойдетъ на составленіе постояннаго національнаго фонда для народнаго образованія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 31 Марта 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Моркс. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 15. 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 10 апрѣля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья Вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

XV.

Выборъ.

Въ самомъ концѣ Петровскаго арсенала въ Кремлѣ, окнами къ его вѣковой оградѣ, отведено было небольшое помѣщеніе архитектору капитану Баженову, у котораго дѣла было по-горло и все спѣшное, а сосѣдство твердыни отпускало свѣтъ весьма скупо, солнца же и совсѣмъ не было видно. Полумракъ этотъ, къ которому молодой человѣкъ привыкъ очень скоро, получилъ даже особенную прелесть въ глазахъ Баженова: онъ шелъ въ ладъ къ его мечтательному настроенію. Полное одиночество и этотъ полусвѣтъ могли привить расположеніе къ созерцанію человѣку и болѣе живому, чѣмъ по складу своего ума, по наклонностямъ и характеру былъ Баженовъ. Продолжительная работа, соединенная съ трудомъ механическимъ, располагаетъ къ думамъ невеселаго свойства. А у Баженова къ тому же запала новая забота — и съ усиленіемъ ея возрастало недовѣріе къ самому себѣ.

Со дня первой встрѣчи, образъ Груни неизгладимо врѣзался въ памяти Баженова, представляясь незваный-непрошенный мысли художника и въ то время, когда онъ меньше всего могъ ею заниматься. Даже обдумывая планы не только декоративныхъ фасадовъ, но и самыхъ прозаическихъ сооруженій, Баженовъ припоминалъ ея черты, — нить мыслей задумчиваго композитора внезапно обрывалась — и соображенія размѣровъ замѣнялись мелькавшимъ представленіемъ домика у св. Климента, за которымъ зеленѣлъ травяной коверъ двора, а за нимъ рѣшетка сада — и на дорожкѣ къ нему словно изъ земли выростала Груня... Или вдругъ чуткій слухъ влюбленнаго поражался звонкимъ смѣхомъ дѣвушки — онъ сбирался заговорить съ ней, и сталкивался съ существенностью, полумракомъ своего кабинета и ворохомъ чертежей, снова поднималъ циркуль и принимался за прерванныя служебныя занятія. Иной разъ Баженовъ и самъ гналъ отъ себя эти мысли, которыя считалъ преступными, такъ какъ зазноба его была уже невѣстой другаго.

— Прощай, Груня! мысленно повторялъ онъ съ болью въ сердцѣ: — какъ мнѣ жаль ея! Не жалѣлъ-бы, еслибъ не этотъ головорѣзъ Ѳедька!.. Развѣ такой мужъ нуженъ для Груни?..

Отвлекаясь въ этихъ мечтахъ, художникъ самъ чувствовалъ, что работа его не спорится. Приглашеніе по-

торопиться получалъ онъ уже два раза—и, наконецъ, вѣстовой принесъ ему записку отъ генералъ-фельдцейхмейстера, съ непремѣннымъ приглашеніемъ, пожаловать сегодня къ четыремъ часамъ съ чертежами. Баженовъ, сбросивъ кафтанъ отъ нестерпимой жары, въ одномъ камзолѣ, работалъ съ полнымъ рвеніемъ, силясь вознаградить потерянное время, какъ вдругъ за спиной ему послышались торопливые шаги. Онъ быстро обернулся и увидалъ встревоженнаго Ѳедора.

— Выручай, Василій Ивановичъ, бѣда стряслася немалая! говорилъ тотъ запыхавшись, и сѣлъ, утирая платкомъ раскраснѣвшееся лицо.

— Бѣда? какая? съ кѣмъ? чуть не выкрикнулъ послѣдняго вопроса Баженовъ, котораго кольнуло въ сердце предчувствіе чего-то недобраго.

— Со всѣми съ нами... и съ отцомъ... и со мною... и...

— Съ Красухиной? перебилъ Василій Иванычъ.

— А ты ужь знаешь?

— Говори, говори! перебилъ Баженовъ.

Ѳедоръ несвязно разсказалъ ему все случившееся.

— Ну что-же?.. какъ же ты?..

— Да чтó же я тутъ подѣлаю?..

— Какъ что? да развѣ не жаль потерять?

— Жаль-то — жаль... Да ты подумай, каково съ этакимъ звѣремъ связываться... За него вишь власти...

— Какія власти? всякаго дурака ты готовъ слушать и вѣрить ему... Да что-жь ты—трусишь что-ли? Въ Парижѣ ты былъ не таковъ.

— Въ Парижѣ, братъ, люди...

— Ну, ты разсуди, чтó можетъ этотъ Галдилинъ сдѣлать противъ желанія матери и дочери?

— А просто увезти ихъ, какъ онъ и распорядился...

— Кто распорядился? чѣмъ? уже вспылилъ Баженовъ,—да что ты думаешь, развѣ мы въ волшебномъ царствѣ что-ли живемъ? На чтó же матушка государыня?

— Да кто-жъ ей чтó повѣдаетъ? А онъ вѣдь опекунъ и правительствомъ приставленъ...

— Чтó ты вздоръ все толкуешь! Я въ жизнь не повѣрю, чтобы у меня кто вырвалъ, чего я не хочу отдать... Самъ значитъ хочешь отступиться.

— Какое, хочешь! да все какъ-то сомнительно, говорилъ Ѳедоръ,—можетъ еще на то ея воли нѣтъ—вѣдь послѣ того, чтó ты знаешь, отъ нея еще ничего не было. Какъ тутъ дѣйствовать—я и ума не приложу; чтобы не было суеты изъ ничего...

— Какъ? говори правду—вѣдь объясненіе было...

— И было, и нѣтъ—начиналъ...

— Ну, а она... отшучивается что-ль?

— Нѣтъ, въ шутки-то не пускалась, а и говорить ничего не говоритъ... Да ты меня не спрашивай! Ты лучше скажи, какъ-бы ты самъ на моемъ мѣстѣ поступилъ...

— Если бы я любилъ? сказалъ Баженовъ, поднимая голову, и Ѳедору показалось, что красивое лицо его словно засіяло.

— Ну, положимъ, если бы любилъ... запнулся Ѳедоръ.

— Тогда... Ну, да что-жъ тутъ толковать — не выдалъ бы, да и вся недолга...

— А если бы это кому нибудь было противно? задумчиво и нерѣшительно выговорилъ Ѳедоръ.

— Э, да ты что-то утаиваешь! воскликнулъ Баженовъ,—она тебѣ видно просто никакой надежды не подала—абшидъ прописала...

— А хоть бы и такъ? ну?

— Я вижу, ты просто потерялъ голову! внезапно повеселѣвъ сказалъ Баженовъ, и быстро накинувъ кафтанъ, хлопнулъ друга по плечу:—ну, пойдемъ, я тебѣ покажу, чтó въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ...

Пріятели шли спѣшно, изрѣдка и отрывисто лишь переговариваясь,—и то больше Ѳедоръ, старавшійся уяснить себѣ мысли пріятеля, дѣлалъ ему вопросы, на которые сосредоточенный Баженовъ отвѣчалъ одними междомѣтіями. На плавнóмъ москворѣцкомъ мосту, Ѳедоръ, долго вглядывавшійся въ шедшаго впереди ихъ дороднаго человѣка межъ двумя солдатами съ ружьями на плечахъ и съ сержантомъ впереди, вдругъ пріостановился—и взявъ за руку Баженова, проговорилъ вполголоса: «вотъ онъ и есть, Галдилинъ-то; гляди-ко, солдатъ куда-то ведетъ!.. Ужь не къ намъ-ли?» растерянно прибавилъ онъ.

— А хорошо, кабы къ вамъ! это было бы на руку! язвительно и не безъ примѣси злобы отозвался Баженовъ, прибавляя шага.

Пріятели шли позади, держась въ возможно близкомъ разстояніи, но не нагоняя; а какъ только Галдилинъ съ своимъ эскортомъ повернули въ ворота дома Коржавиныхъ, Баженовъ стиснулъ руку Ѳедора и бѣгомъ заставилъ его пробѣжать остальное разстояніе.

Галдилинъ шелъ по двору, съ сіяющимъ лицомъ, держа въ рукахъ ордеръ магистрата о захватѣ и представленіи начальству посадскаго Василія Коржавина съ сыномъ вмѣстѣ, учинившаго воровство и подвохъ въ ущербъ пріѣзжему дворянину Силѣ Галдилину.

Распахнувъ настежь двери и ни на кого не смотря, вошелъ онъ въ комнату, гдѣ сидѣли съ перепуганными лицами хозяева и постоялицы Коржавиныхъ. Василій Никитичъ, съ недоумѣніемъ въ лицѣ, привсталъ и степенно ждалъ чтò будетъ.

— Вотъ, господинъ сержантъ, оный и есть Василій Коржавинъ, указывая пальцемъ на него величественно проговорилъ Галдилинъ.

Груня, стоявшая у окна и пугливо глядѣвшая на вошедшихъ вооруженныхъ солдатъ, вдругъ съ изумленіемъ различила за плечами ихъ знакомые облики Ѳедора и Баженова, котораго сначала не узнала, потому что онъ былъ въ полной формѣ и съ такимъ гнѣвнымъ выраженіемъ лица, какого никогда не видывала она въ кроткихъ чертахъ Василія Иваныча.

— А что касается сына его Ѳедора, продолжалъ Галдилинъ,—то ты, господинъ сержантъ, изволь отца допытаться, куда онъ его скрылъ...

— Ѳедоръ Коржавинъ здѣсь, сказалъ Баженовъ, выступая впередъ.

Солдаты глянули на него и взяли на караулъ, а сержантъ вытянулся передъ капитаномъ.

— Коли на лицо оба, такъ изволь вашество распорядиться! съ низкимъ поклономъ проговорилъ Галдилинъ, принимая его за наличнаго представителя власти и передавая ему въ руки ордеръ. — Спасибо тебѣ, что потрудился пожаловать... Вотъ тутъ все въ грамоткѣ прописано...

Баженовъ взялъ ордеръ и сталъ пробѣгать глазами. Коржавины и Груня съ матерью, почуявъ защиту, невольно подвинулись и столпились около него. Сержантъ тоже подобострастно глядѣлъ на капитана, какъ бы ожидая приказаній.

— Да ты-то самъ кто такой? пробѣгая глазами поданную бумагу, отнесся Баженовъ къ Галдилину.

— Сила Галдилинъ, какъ туто значится, отвѣтилъ тотъ.

— Какого чина, спрашиваю я...

— Изъ подъячихъ, ваша милость, бывый веневской воеводской канцеляріи.

— А не дворянинъ? строго сдвигая брови, сказалъ Баженовъ.

— Все едино, вашество!.. заминая допросъ, продолжалъ Галдилинъ, у котораго отчего-то прежняя увѣренность вдругъ смѣнилась робостью.

— Такъ ты признаешься, что ты самозванецъ и лгунъ, взглянувъ на сержанта проговорилъ Баженовъ,— онъ воромъ называетъ человѣка почестнѣе себя, котораго всѣ знаютъ. А правда-ли, что самъ онъ изъ подъячихъ—это должно подтвердиться документомъ— гдѣ у тебя видъ?

— Какой тамъ видъ? пятясь къ дверямъ, проговорилъ Галдилинъ.

— Съ которымъ пріѣхалъ, коли взаправду веневскій подъячій, сказалъ Баженовъ:—абшидъ отъ воеводы на проѣздъ до Москвы, коли тебя отпустили.

— Зачѣмъ отпускать?.. я самъ пріѣхалъ... лепеталъ вполголоса Галдилинъ.

— Василій Никитичъ, да вы знаете его? обратился Баженовъ къ хозяину.

— Знаю подъ такимъ именемъ, какъ онъ самъ назвался, а онъ мнѣ никакого абшида не предъявлялъ, улыбаясь проговорилъ Коржавинъ.

— Когда нѣтъ абшида, стало ты бѣглый... Чего смотрите? Взять его! проговорилъ Баженовъ сержанту: — ведите его въ Кремль на арсенальную гаубвахту и тамъ подождать меня. Я только донесу его сіятельству, какіе по Москвѣ ухари разгуливаютъ,

Сержантъ, услыхавъ слово самозванецъ, давно уже ощупывалъ въ рукахъ веревку—и теперь мгновенно доставъ ее, отчеканилъ: «слушаю, ваше высокоблагородіе». Не успѣлъ Галдилинъ опомниться отъ испуга, какъ уже руки его были скручены—и по командѣ сержанта «налѣво кругомъ, маршъ!», онъ уже шагалъ между двумя гренадерами тою же дорогой, по которой недавно шелъ такимъ павлиномъ.

Съ исчезновеніемъ ихъ, водворилась тишина; всѣ были озадачены внезапностью розыгравшейся сцены, вначалѣ принимавшей грозный характеръ, — Ѳедоръ стоялъ какъ въ столбнякѣ; Груня глядя на него, улыбалась; мать ея тихонько плакала; Василій Никитичъ обнялъ Баженова и съ чувствомъ проговорилъ: «спасибо, Василій Иванычъ! другъ узнается въ бѣдѣ—вотъ ужь истинно выручилъ—и такъ неожиданно»...

При этихъ словахъ старуха Красухина бросилась въ ноги Баженову, такъ что онъ едва успѣлъ подхватить ее.

— Спаси, отецъ!.. говорила она, захлебываясь слезами, — докончи свои благодѣянія... заступись... не выдай нечестивцу... Мы твои по гробъ вѣрные слуги.

— Полноте, матушка, все пойдетъ къ лучшему, успокоивалъ ее Баженовъ, поддерживая старушку,—мнѣ сейчасъ надо спѣшить къ генералъ-фельдцейхмейстеру, отпустите со мной Аграфену Александровну, я представлю ее графу Григорью Григорьевичу и разскажу все— онъ вступится за ея сиротство...

— Вотъ, что дѣло, то дѣло! сказалъ Василій Никитичъ,—слушайтесь его, матушка, все будетъ ладно; я сейчасъ пойду вскричу одноколку заложить... Времени терять неча...

Старушки принялись обряжать Груню, и скоро молодая дѣвушка, разодѣтая въ лучшее платье, вышла подъ руку съ Баженовымъ на крыльцо.

Василій Никитичъ самъ усадилъ ихъ въ домодѣльный экипажъ, запряженный рослымъ воронымъ битюкомъ. Баженовъ взялъ возжи, и едва повернувъ изъ воротъ погналъ что есть духу.

Какъ только одноколка миновала дома два, лица обоихъ молодыхъ людей приняли выраженіе напускной сдержанности; Баженовъ старательно правилъ битюкомъ, который бѣжалъ слегка переваливаясь и насторожа уши, словно чуя себя въ чужихъ рукахъ; Груня старалась глядѣть всторону отъ Баженова — но мало-по-малу, живописная обстановка тогдашней Москвы съ ея садами, деревянными срубами купеческихъ хоромъ, каменными домами вельможъ, производила свое дѣйствіе на глаза молодой дѣвушки, засидѣвшейся въ четырехъ стѣнахъ. Улыбка незамѣтно тронула ея маленькій ротикъ, когда за Балчугомъ синей лентой развернулась рябь Москвы-рѣки и съ воды потянуло затхлистой прохладой; глаза весело перебѣгали по зубчатой стѣнѣ и башнямъ нагорнаго Кремля, по узорчатой мозаикѣ Василія Блаженнаго, виднѣвшейся издали вкупѣ со всѣми прочими соборами. Груня тихо и набожно перекрестилась на золотыя главы, жарко сіявшія на послѣполуденномъ солнышкѣ...

— Аграфена Александровна, заговорилъ Баженовъ, медленно поворачивая къ ней голову, — что же мнѣ сказать графу — просто просить заступы отъ опекуна или съ тѣмъ что вы замужъ идете?

Лицо его было блѣднѣй обыкновеннаго, и онъ съ трудомъ выговорилъ послѣднія слова.

— Это вы объ Ѳедорѣ Васильичѣ говорите? чуть слышно переспросила Груня, закраснѣвшись и потупляя глаза.

— Да, нетерпѣливо отвѣтилъ Баженовъ съ выжидающимъ взглядомъ.

— Вотъ я на васъ пошлюсь, Василій Иванычъ, проговорила Груня, — посовѣтуете ли вы мнѣ? какъ вы скажете — такъ тому и быть.

И она впервые подняла на него ласковые, молящіе глаза.

— Что мнѣ совѣтовать?! взволнованно воскликнулъ Баженовъ, передернувъ возжами: — какъ мнѣ совѣтовать вамъ въ такомъ дѣлѣ?! Нѣтъ, пожалуйте, ослобоните, Аграфена Александровна... конечно, Ѳедоръ мнѣ пріятель... а все-таки правду таить не приходится... да вы сами видѣть можете..,

— Какъ же вы прежде мнѣ про него не то говорили? Помните, въ первой какъ зашли къ намъ...

— Тогда иное дѣло было, тяжело вздохнувъ отвѣтилъ Баженовъ,—тогда еще я... я еще не зналъ васъ...

Онъ отвернулся и усиленно задергалъ возжами.

— Говорятъ, онъ вѣтренникъ большой руки, начала Груня, смѣлѣе взглядывая на Баженова,—да вѣдь есть пословица: быль молодцу не укоръ... какъ полагаете?.. Вы сами-то, Василій Ивановичъ, простите мои глупыя слова, имѣли къ кому склонность аль нѣтъ?..

— Доселѣ, нѣтъ еще, почти прошепталъ Баженовъ.— Да что обо мнѣ толковать! не мою судьбу рѣшить сей минуты... ваша-то какъ?

— А такъ, что просите вашего милостивца, заступился бы онъ за насъ съ матушкой, а покинуть ее моего желанія нѣтъ...

— Голубушка, Аграфена Александровна, не томите вы меня, умолялъ Баженовъ,—молвите хоть словечко вдомекъ... какая бы тому причина?

— Да грѣшно было бы повѣнчаться, когда есть иные кто помилѣе, застѣнчиво сказала Груня, понуривъ голову.

— Груня, радость моя, вскрикнулъ Баженовъ, — сколь же счастливо, что Ѳедору вспало на мысль кинуться ко мнѣ, а я вѣдь было положилъ больше къ вамъ ни ногой...

Все какъ-то закружилось у него въ глазахъ, кровь прилила къ головѣ и сердцу, онъ страстнымъ взглядомъ словно весь такъ и впился въ Груню, забывъ и битюка, и Красную площадь, и все на свѣтѣ...

— А ну, коли я скажу графу Григорью Григорьевичу, что самъ на тебѣ женюсь—пойдешь, Груня, радость моя?

Груня, улыбаясь, подобрала выпущенныя имъ возжи, и ловко управивъ сбившимся битюкомъ, подняла на Баженова кроткій, привѣтливый взглядъ...

— Коли будетъ на то воля матушки, я согласна, тихо проговорила она.

— Нѣтъ, ужъ теперь и матушкѣ не отдамъ!.. восторженно вскричалъ Баженовъ.

Одноколка съ гуломъ и грохотомъ вкатила въ Никольскія ворота и направилась къ Арсеналу. Остановя лошадь у крыльца, Баженовъ передалъ возжи солдату, соскочилъ и подалъ руку Грунѣ.

— Не посылалъ за мной, графъ? спросилъ Баженовъ, входя изъ корридора въ аппартаментъ, занимаемый генералъ-фельдцейхмейстеромъ.

— Два раза уже посылать изволили, отвѣчалъ адъютантъ.

— А есть кто у него?

— Никого.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ Баженовъ смущенной дѣвушкѣ, усаживая ее въ пріемной залѣ, а самъ пошелъ въ кабинетъ.

Непривычный глазу просторъ пріемной залы съ громадными окнами и отсвѣтами ихъ на блестящемъ полу— какою-то робостію сжималъ сердце Груни.

Бесѣда начальника съ подчиненнымъ тянулась томительно-долго—и ни одинъ звукъ разговора, какъ ни старалась уловить его Груня, не долеталъ до ея слуха. Она уже начинала тосковать и непрошенныя слезы навертывались на ея рѣсницы. Но тутъ растворилась дверь и раздался звучный голосъ: «ну, ну! показывай же невѣсту-то!..

Покраснѣвъ какъ маковъ цвѣтъ, Груня увидала передъ собой молодаго генералъ-фельдцейхмейстера подъ руку съ Баженовымъ.

— Полюбите его, сударыня, не останетесь въ накладѣ, привѣтливо сказалъ графъ Григорій Григорьевичъ, — дорогой человѣкъ! золотое сердце!.. Я самъ охотно благословлю васъ въ добрый часъ... А о самозванномъ опекунѣ вашемъ перестаньте думать — раздѣлаться съ нимъ — мое ужь дѣло...

Счастливый Баженовъ возвращался съ своей невѣстой, какъ можно болѣе замедляя обратный путь по московскимъ улицамъ. Онъ гордо и высоко держалъ голову, правя лошадью и покрикивая на прохожихъ, толпившихся на мосту. Изрѣдка онъ обращалъ лицо къ Грунѣ, любовно взглядывая ей въ глаза и каждый разъ встрѣчая такой же отвѣтный взглядъ. Лица ихъ дышали кроткимъ, успокоеннымъ счастіемъ.

(Продолженіе будетъ).

Горничная (La belle chocolatière).

Съ извѣстной картины Ж. Этьеня Ліотара (Liotard).

Въ живописи, еще чаще чѣмъ въ беллетристикѣ, натуралисты, безъ дальнихъ стремленій и выспренняго поэтическаго дара воображенія, составляютъ себѣ прочную репутацію. Пролетѣвшій безвозвратно вѣкъ—такому артисту, какъ вину, только прибавляетъ цѣнность. Букетъ чистаго вина, ничего не утративъ изъ своей пріятности, съ годами получаетъ большую крѣпость и силу. Тоже бываетъ и съ колористами-живописцами, кисть которыхъ не пробавляется *лисировками*, а укладываетъ съ палитры приготовленныя уже совсѣмъ тоны красокъ на холстъ. Проходятъ десятки лѣтъ—и такъ-написанная картина какъ сейчасъ вышла изъ-подъ кисти, а лисирователи и притиратели разными лаками и медіумами, давно уже потускли, почернѣли, облупились, растрескались. Ліотаръ, съ картинки котораго прилагаемъ мы вѣрное изображеніе въ ксилографическомъ снимкѣ, принадлежалъ, по счастью, къ колористамъ старой школы—менѣе блестящей вновѣ, зато почти не боящейся дѣйствія всегубящаго времени.

Художникъ этотъ былъ чудакъ въ жизни, добрякъ преестественный и беззаботенъ какъ птичка перелетная. Оттого, бродя изъ мѣста въ мѣсто, какъ завсегдатай гостинницъ всякой обстановки, и дожилъ онъ чуть не до девяносто лѣтъ, вѣчно улыбаясь тою доброю улыбкою, которая раскрываетъ любящую все и всѣхъ, нѣжную душу. Родиною этого чудака, на портретахъ своихъ любившаго представлять себя туркомъ, какъ слѣдуетъ въ чалмѣ и съ бородою, въ широкомъ восточномъ халатѣ, съ страшною миною не то кровожадной мести, не то яраго отчаянія, — была между тѣмъ благодатная Женева, надъ которою мирно прокатывались столѣтія, предоставляя ей одно удовольствіе: рости и хорошѣть, да кокетливо глядѣться въ голубое зеркало Лемана. Какъ родной городокъ—и самъ Ліотаръ былъ миловидный, кругленькій человѣчекъ, любившій сытно поѣсть, въ волю выпить, а подъ часъ и пошалить немножко, заигрывая съ красивою прислужницею гостинницы. Выше этихъ богинь требованія эстетики любви со стороны добряка-странствователя-живописца не простирались. Память сердца у него была тоже не глубока.

Придетъ въ новое мѣстечко, займетъ скромный нумерокъ поближе къ чердаку и парнасскому божеству и на первыхъ же порахъ у него навѣрно очутится на мольбертѣ изображеніе Гретхенъ, Лизхенъ или Терезхенъ, по обязанности являющейся прибрать комнату постояльца. Нужды нѣтъ, что будетъ таковая особа, удостоившая невольной встрѣчи художника, рябоватою, косоглазою, безъ рѣсницъ и бровей, или съ носомъ похожимъ на утиный; воображеніе артиста не погасаетъ отъ такихъ мелочей. Подъ кистью его, оригиналъ утратитъ всю свою

Горничная (la belle chocolatière).
Съ картины Ж. Этьеня Ліотара (Liotard).

неряховатость, неотесанность, и въ концѣ концовъ выйдетъ чуть-чуть что не милашкой, въ фартучкѣ бѣлоснѣжной бѣлизны, съ маленькой ручкой, миніатюрною ножкой, живымъ либо томнымъ взглядомъ и округлостями, обѣщающими многое, въ чемъ натура, скупая раздавательница даровъ, конечно отказываетъ 999 субъектамъ изъ тысячи. Не думайте впрочемъ, что Ліотаръ нашъ былъ лгунъ завѣдомо,—этого добряка вы бы перепугали однимъ подозрѣніемъ въ подобной низости съ его стороны; онъ былъ честный человѣкъ, но поэтъ-

художникъ, которому стоило вооружится муштабелемъ и взять палитру, что бы въ одно мгновеніе перенестись ихъ міра пошлой прозы въ свѣтлое царство красотъ и поэзіи.

Однимъ изъ послѣ-завтраковъ, когда, бывало, удовлетворивъ голодъ сочнымъ сыркомъ и пропустивъ кружку другую пивца, Ліотаръ разнѣженный, щуря свои умные сѣрые глазки, словно прогонялъ жизнь, заставивъ умолкнуть на часокъ ея вѣчныя требованія,— создалась и эта «горничная». Художникъ, по всей вѣроятности, грезя на яву, только слышалъ шелестъ платья женскаго въ корридорѣ, или звукъ спѣшной походки дѣвушки, невольно притопывавшей здоровыми каблуками по деревяннымъ доскамъ пола,—у него уже сложилось убѣжденіе, что вотъ она самая Юльхенъ несетъ теперь къ нему бѣдняку чай ароматный либо кофе съ густыми сливками, до чего онъ былъ страстный охотникъ. Вотъ Юлія уже подлетаетъ съ привѣтствіемъ *гутъ моргенъ* къ артисту и ждетъ покорно, когда онъ удостоитъ вниманіемъ взглянуть и принять чашку лакомаго напитка. А онъ пишетъ—кисть летаетъ, и часа черезъ три выросло что вы теперь видите. Посмотрѣлъ на свой брегетъ, сказалъ: «пора обѣдать», отставилъ съ мольберта готовую картинку Ліотаръ, а тамъ и забылъ про нее; гдѣ же помнить-то было: покупали на расхватъ. Римъ, Константинополь, Яссы, Вѣна, Парижъ, Англія, Голландія, опять коварный Альбіонъ со своими щедрыми чудаками-лордами останавливали полетъ чудака-артиста попеременно втеченіи пятидесяти лѣтъ, въ которые только во второй пріѣздъ въ Лондонѣ прожилъ Ліотаръ два года,—то недѣля, мѣсяцъ, два, полгода самое большое. Пріѣдетъ и пустится бродить, куда глаза глядятъ. Встрѣчи, столкновенія, qui-pro-quo — непрерывною нитью тянутся по пути слѣдованія нашего странствователя. Въ каждомъ мѣстѣ узнаютъ его любители, начинаютъ баловать. Онъ поддается нѣсколько времени этому милому насилію надъ своей непосѣдной персоной. Потомъ исчезнетъ и появляется въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бывшіе недавніе знакомцы-друзья всего менѣе могутъ ожидать о немъ слышать. Въ каждомъ городѣ артистъ нашъ оставляетъ десятки сценъ и фигурокъ, подобныхъ «горничной», и столько же портретовъ. Все смаху, живо, блистательно, глазъ не оторвать. Вездѣ тонкая наблюдательность придаетъ интересъ даже мелочамъ. Талантъ громадный, скажете вы; безспорно—и Богъ знаетъ, слѣдуетъ ли жалѣть, что потраченъ онъ на маленькія картинки жанра. Въ дому искусства обители многи — и все то законно, что художественно и вѣрно жизни.

Родился Ліотаръ въ 1702 году, учился больше въ приглядку, съ работъ Птито; въ 23 года пустился странствовать. Старикомъ, семидесяти трехъ лѣтъ, воротился,— и дома, отъ скуки одиночества, принялся снова писать. Такъ и провелъ вѣкъ свой этотъ замѣчательный художникъ—поэтъ и въ искусствѣ и въ жизни.

Что будетъ въ 2072 году.

(Продолженіе).

Когда я сталъ пристальнѣе вглядываться, мнѣ бросились въ глаза бѣлыя трубы, выдававшіеся наружу черезъ отверстія въ стѣнахъ и въ трюмѣ громаднаго аэростата.

Эти трубы показались мнѣ сначала чѣмъ-то вродѣ пушекъ, вслѣдствіе чего я и спросилъ: не играетъ ли этотъ аэростатъ роли военнаго судна?

Фантазія улыбнулась сначала съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, но потомъ сказала вздыхая: «эти рыцарскія времена извѣстны намъ только изъ исторіи; теперь люди бываютъ фабрикантами, купцами, инженерами, учеными, юристами, и т. д., но солдатъ мы видимъ только на сценѣ.

— Вы вѣроятно сочли за солдатъ нашихъ констаблей, которые правду - сказать довольно многочисленны? прибавила она, явно желая помочь мнѣ выпутаться изъ неловкаго положенія.

Я былъ внѣ себя отъ удивленія.

— Какъ, вскричалъ я, — неужели теперь не бываетъ войны и государства не имѣютъ постояннаго войска? И такъ, друзья мира, *Брайтъ*, *Кобденъ* и ихъ единомышленники наконецъ-то восторжествовали, и теперешнее поколѣніе пришло къ убѣжденію, что война унижаетъ людей и низводитъ ихъ на степень неразумныхъ звѣрей, такъ какъ, вмѣсто того чтобъ жить въ братской любви и согласіи и способствовать взаимному счастью народовъ, они напротивъ того уничтожаютъ другъ друга въ ослѣпленіи бѣшенства.

Въ отвѣтъ на это *Беконъ*, насмѣшливо улыбаясь, сказалъ: «не думаю, чтобъ въ этомъ дѣлѣ убѣжденіе играло сколько-нибудь значительную роль. Страсти и теперь еще владычествуютъ такимъ же образомъ, какъ и прежде; люди все тѣ же—говоря словами одного поэта — «полу-звѣри, полу-ангелы», какъ и прежде, и такими они будутъ и впредь, хотя человѣчество, какъ одно цѣлое, и идетъ впередъ въ нравственномъ отношеніи.

— Еслибы условія жизни были прежнія, то войны продолжались бы пожалуй и теперь. Но измѣнившіяся условія жизни сдѣлали ихъ совершенно невозможными.

— Главнѣйше, этому способствовало необыкновенное усовершенствованіе наступательнаго оружія. Когда, лѣтъ сто тому назадъ, во время послѣдней большой войны, англійскій, французскій, русскій и сѣверо-американскій флоты уничтожили другъ друга,—когда, вслѣдствіе пушечной пальбы съ обѣихъ береговъ канала отдѣляющаго Францію отъ Англіи, главныя города этихъ странъ были превращены въ пепелъ и потери съ обѣихъ сторонъ сдѣлались такъ велики, что ихъ нельзя уже было вознаградить, тогда поневолѣ пришлось спросить себя: выкупятся ли такія великія жертвы побѣдою?

Такимъ образомъ мало-по-малу пришли къ убѣжденію, что въ войнѣ теряетъ не одинъ побѣжденный, но и побѣдитель.

— Но больше всего войны стали происходить все рѣже да рѣже (а по всему вѣроятію и совсѣмъ прекратятся) потому—что сношенія между народами все болѣе и болѣе увеличивались и унаслѣдованныя національныя антипатіи мало-по-малу изчезли, такъ какъ принципъ мира проникъ всюду, раздѣляющіе народовъ шлагбаумы пали,

одинаковая монета, мѣра и вѣсъ были введены всюду, ассоціація все болѣе и болѣе распространяется, а интересы различныхъ націй все болѣе и болѣе совпадаютъ со всеобщимъ интересомъ. Народы перестали уже быть насторожѣ другъ отъ друга, но все болѣе и болѣе сливаются между собою и соединяются тысячами нитей. Въ XIX столѣтіи уважался принципъ національностей; наше столѣтіе пошло дальше—и провозглашаетъ *принципъ человѣчности*.

Истина этихъ послѣднихъ словъ произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Теперь только я понялъ вполнѣ, что каждая новая желѣзная дорога, каждая новая телеграфная линія, каждое отстраненіе всякого препятствія, мѣшающаго свободному ввозу и вывозу,—не только способствуетъ всеобщему благосостоянію, но прибавляетъ нѣсколько новыхъ звеньевъ къ той цѣпи, которая должна обвивать собою людей, дѣлать ихъ членами одного большаго семейства. Но въ этой картинѣ все еще была, какъ мнѣ казалось, темная сторона: «Если теперь не ведутъ войны и если вслѣдствіе этого (точно такъ же, какъ и вслѣдствіе другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ настоящаго времени) торговля и промышленность поднялись выше чѣмъ когда либо прежде, то вмѣстѣ съ этимъ должны были увеличиться и заботы народонаселенія, такъ какъ производство необходимыхъ питательныхъ веществъ не могло идти такимъ же шагомъ, какъ все это».

— Если вы хотите сказать этимъ, что и теперь еще есть бѣдные и что отдѣльныя личности и теперь еще терпятъ иногда нужду, отчасти вслѣдствіе излишняго народонаселенія,—то въ этомъ отношеніи вы правы; но это, по моему мнѣнію, случается не чаще, а скорѣе рѣже, чѣмъ въ предшествовавшія столѣтія, хотя Европа имѣетъ теперь вдвое больше жителей, чѣмъ за два столѣтія передъ этимъ. Замѣтьте также, что вслѣдствіе умноженія перевозныхъ средствъ питательныя средства распредѣляются теперь гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ прежде, и что теперь ничто по крайней мѣрѣ не теряется, а скорѣе все стремится туда, гдѣ на это существуетъ потребность. Благодаря свободѣ торговли, каждая страна производитъ только то, что́ особенно свойственно ея почвѣ и климату. А потомъ и воздѣлываніе пустопорожнихъ мѣстъ сдѣлало значительный шагъ впередъ и пойдетъ еще дальше. Прибавьте къ этому, что постоянно-развивающаяся наука принесла большую пользу земледѣлію, открывъ новыя вещества, могущія увеличить урожай полей. Теперь опредѣлено въ точности, какія именно вещества и въ какомъ количествѣ требуются для урожая каждаго злака. Такимъ образомъ, каждый земледѣлецъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ фабриканта. Онъ пользуется растеніями, какъ машинами посредствомъ которыхъ сырыя, т. е. неорганизованныя вещества, находящіяся въ почвѣ или воздухѣ, превращаются въ организованныя или служащія для питанія. Вслѣдствіе этого онъ, какъ и всякій другой фабрикантъ, долженъ стремиться къ тому, чтобы добываемыя имъ сырыя вещества были какъ можно доброкачественнѣе и обходились ему какъ можно дешевле. Въ числѣ этихъ сырыхъ веществъ находятся такія, которыя пропадали, въ предшествовавшія столѣтія, безъ всякой пользы—или даже, соединяясь съ водою или городскими нечистотами, причиняли вредъ здоровью. Теперь люди стали умнѣе. Все что только можетъ увеличить урожай полей—вездѣ тщательно сохраняется, при чемъ и всеобщее состояніе здоровья значительно улучшилось.

Во время этого разговора нашъ аэростатъ начиналъ, какъ я замѣтилъ, слегка качаться. Когда *Беконъ* замолчалъ, *Фантазія* обратилась ко мнѣ съ словами: «да приставьте же наконецъ глаза къ этимъ мнимымъ пушкамъ и разскажите намъ, гдѣ мы теперь».

Теперь я понялъ, что трубы, принятыя мною за пушки, были ничто иное какъ телескопы; но это заблужденіе было тѣмъ простительнѣе, что они имѣли совершенно не тотъ видъ, какъ извѣстные мнѣ телескопы. Прежде всего діаметръ былъ у нихъ гораздо больше, что́, само собою разумѣется, должно было способствовать силѣ свѣта. При осмотрѣ ихъ, я сейчасъ же убѣдился, что это увеличеніе діаметра нисколько не вредитъ отчетливости изображенія. При этомъ мнѣ пришлось удивляться не только сильному увеличенію предметовъ, но еще и обширности поля зрѣнія.

Слѣдуя указанію *Фантазіи*, я посмотрѣлъ сперва въ телескопъ на задней части корабля; я увидалъ громадный городъ, и подумалъ, что это оставшаяся за нами Лондинія. Далеко идущая вдоль и поперекъ масса домовъ выступала ярко и рѣзко на сѣромъ фонѣ; никакого слѣда дыма не было надъ нею. Изъ этого я заключилъ, что если еще жгутъ каменный уголь, то вѣроятно дымъ проводится опять въ горнило—и такимъ образомъ сдѣланныя парламентомъ въ 1850 году распоряженія соблюдены въ точности.

Я смотрѣлъ то въ тотъ, то въ другой телескопъ и чрезвычайно удивился, глядя на быстро смѣнявшіяся подъ нами декораціи, которыя какъ будто бы летѣли въ то время, какъ мы по видимому стояли. Когда мы поднимались, то казалось какъ будто бы лежавшая подъ нами земля опускалась. Скоро мы увидали море, а по направленію впередъ французскій и бельгійскій берега. Надъ самою узкою частью канала была, по видимому, протянута черная проволока, соединявшая оба берега. При дальнѣйшемъ приближеніи мнѣ пришло на мысль, что это должно быть мостъ какого нибудь туннеля или желѣзной дороги, что́ и было подтверждено *Бекономъ*. Онъ прибавилъ къ этому, что уже составилось новое общество для постройки другаго моста, такъ какъ при частыхъ сношеніяхъ Англіи съ континентомъ одного моста недостаточно.

Повернувъ нѣсколько на сѣверо-востокъ, мы очутились вскорѣ вблизи Голландіи, которая тянулась передъ нами въ видѣ карты. Но какъ же я испугался, увидавъ, что эта карта представляла нѣсколько иной видъ, чѣмъ прежній, знакомый мнѣ образъ: въ ней недоставало однаго кусочка, такъ какъ вся сѣверная Голландія, исключая двухъ-трехъ островковъ, была поглощена волнами. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, вслѣдствіе чего и обратился къ толстому господину, который, по словамъ *Бекона*, былъ моимъ соотечественникомъ, и спросилъ его: не ошибаюсь ли я на счетъ того, что сѣверная Голландія поглощена моремъ.

— Тутъ нѣтъ никакой ошибки съ вашей стороны, отвѣчалъ онъ.—Такъ всегда бываетъ, когда мы не хотимъ слушать совѣтовъ тѣхъ, кто болѣе нашего смыслитъ въ дѣлѣ. Небольшая толпа амстердамскихъ крикуновъ требовала канала, посредствомъ котораго Амстердамъ соединялся бы съ моремъ кратчайшею дорогою. У нихъ уже былъ каналъ, который можно было бы легко улучшить; но имъ этого было мало, и они до тѣхъ поръ не переставали кричать, пока не было предпринято устройство новаго канала.

— Сколько именно стоилъ каналъ,—я не припомню,

но знаю, что онъ обошелся не дешево. А когда онъ былъ конченъ, то оказалось, что имъ можно было пользоваться только въ хорошую погоду; если же море было хоть сколько нибудь бурно, какъ это бываетъ большею частію при голландскихъ берегахъ, то шкипера не рѣшались подходить къ нимъ такъ близко. При первомъ ноябрскомъ вѣтрѣ гавань наполнилась пескомъ; если ее и можно было чистить съ помощію землечерпальныхъ машинъ, то все-таки вскорѣ оказалось, что этой чисткѣ не будетъ конца. Такимъ образомъ, судоходство ровно ничего не выиграло отъ этого канала. Но самое худшее пришло много лѣтъ спустя, именно въ роковомъ 1980 г. Тутъ вмѣстѣ съ приливомъ поднялась такая буря, какой—сколько помнили старожилы—никогда еще не бывало; шлюзы и плотины были прорваны, и сѣверная Голландія, лежавшая большею частію на 5—6 локтей ниже морскаго уровня, наполнилась, подобно чашѣ, поставленной подъ отвернутый кранъ полной бочки.

— Это ужасно! вскричалъ я, и сталъ опять смотрѣть въ телескопъ на Роттердамъ (гдѣ я родился и провелъ свою первую молодость), но вначалѣ никакъ не могъ признать его. Онъ распространился во всѣ стороны, да и вообще вся эта часть южной Голландіи такъ плотно была застроена, что Гравенгаге, Дельфтъ, Лейденъ, Шидамъ и Роттердамъ составляли въ сущности одинъ большой городъ.

Точно такъ же, казалось мнѣ, разросся и Утрехтъ. Мнѣ бросилось тамъ въ глаза что-то чрезвычайно блестящее, ярко-освѣщенное солнцемъ; чтобы удовлетворить своему любопытству, я вставилъ въ телескопъ болѣе сильное стекло и увидалъ, что это было золотое солнце правосудія (гербъ утрехтскаго университета), блестѣвшее на солнцѣ. Я подумалъ, что это была академія, и спросилъ объ этомъ толстаго господина, который только-что разговаривалъ со мною.

— Не знаю, милостивый государь, я ничего не смыслю въ подобныхъ вещахъ, получилъ я въ отвѣтъ.

Беконъ слышалъ мой вопросъ и обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Исторія высшихъ заведеній довольно хорошо знакома мнѣ; если угодно, я могу разсказать вамъ на этотъ счетъ чрезвычайно интересныя вещи. Въ половинѣ XIX столѣтія въ Утрехтѣ былъ университетъ, находившійся въ цвѣтущемъ состояніи, но въ немъ не было еще зданія для академіи. А потомъ, въ теченіи нѣкотораго времени, этотъ университетъ началъ приходить въ упадокъ,—именно потому, что въ Роттердамѣ были основаны двѣ медицинскія школы, воспитанники которыхъ подготовлявшіеся болѣе практическимъ, чѣмъ строго-научнымъ образомъ, получали однакоже такіе же права какъ и университетскіе студенты.

Исходя изъ принципа, что такъ-называемая практическая подготовка выше всего, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились апелляціонные и другіе высшіе суды, основали подобныя же школы и для юристовъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто готовилъ себя въ адвокаты, стряпчіе, судьи и т. п.; эти заведенія должны были представлять для юристовъ то же самое, что госпитальныя клиники для врачей. Казалось совершенно раціональнымъ учредить подобныя школы правовѣденія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе бо́льшаго количества жителей, представлялось и больше случаевъ для судебныхъ разбирательствъ. Это доставляло молодымъ людямъ возможность пріобрѣтать практическія свѣденія и пріучаться къ истолкованію законовъ.

— Споры о церковныхъ вопросахъ, бывшіе тогда въ ходу, навели на мысль устроить для приготовленія теологовъ особенныя семинаріи, главною цѣлью которыхъ было практическое образованіе хорошихъ проповѣдниковъ, тогда какъ, напротивъ того, строго-научный элементъ былъ оттѣсненъ какъ можно больше назадъ.

— Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, за университетами остались только тѣ студенты, которые посвящали себя одной только наукѣ; но этихъ избранныхъ было такъ мало, а между тѣмъ они такъ дорого стоили государству, что уже начали подумывать о закрытіи университетовъ, какъ тутъ произошелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Оказывалось, что практическое образованіе, у котораго недостаетъ теоретическаго т. е. научнаго основанія, не приноситъ никакихъ полезныхъ результатовъ,—что люди, которые были развиты преимущественно съ практической стороны, не получаютъ еще отъ этого надлежащаго сознанія своего гражданскаго долга,—что они отличаются скорѣе дрессировкой, чѣмъ дѣйствительными свѣденіями и образованіемъ,—что вообще они стоятъ ниже тѣхъ, кто предпосылаетъ посѣщенію практическихъ лекцій основательное предварительное образованіе.

— При такомъ поворотѣ общественнаго мнѣнія, правительство кончило тѣмъ, что предложило на обсужденіе палаты законъ касательно высшаго образованія, который послѣ долгихъ и живыхъ преній былъ принятъ со многими поправками и измѣненіями. Въ силу этого закона,—гдѣ были одинаково приняты во вниманіе какъ требованія науки, такъ и требованія практики,—академіи остались истинными *Universitates* въ полномъ значеніи этого слова, а упомянутыя выше школы, устроенныя въ обоихъ большихъ городахъ, подверглись значительнымъ улучшеніямъ.

— Въ это-то время было воздвигнуто въ Утрехтѣ зданіе академіи, гдѣ теперь опять красуется въ полномъ блескѣ солнце правосудія. Въ 1936 г., во время празднованія трехъ-сотлѣтняго юбилея университета, это заведеніе было открыто. Въ написанномъ по этому поводу сочиненіи, откуда я заимствовалъ сообщаемыя вамъ свѣденія, упоминается также и о блестящемъ праздникѣ, который граждане устроили для студентовъ въ благодарность за тѣ великія выгоды, которыя доставляетъ университетъ городу, и въ знакъ расположенія къ студентамъ за оказанныя ими городу услуги.

(Окончаніе будетъ).

Сыщикъ парижской тайной полиціи.

(Окончаніе).

Приказаніе это было исполнено.

Рулье шелъ впереди съ большой зажженной лампой, несшіе плѣнника слѣдовали за нимъ. Они прошли нижній этажъ, потомъ сошли по каменной лѣстницѣ въ большой погребъ, и наконецъ остановились передъ массивной запертой дверью.

Рулье отворилъ эту дверь—и всѣ вошли въ открывшееся передъ ними помѣщеніе.

Связаннаго сыщика положили на полъ, затѣмъ Рулье высоко поднялъ лампу и сказалъ:

— Оглянитесь кругомъ, другъ Броссаръ. Помѣщеніе это очень обширно и очень крѣпко. Стѣны, полъ, своды—все изъ камня; другаго выхода отсюда нѣтъ, какъ черезъ ту дверь, въ которую сюда вошли. Много лѣтъ тому назадъ, еще до вашего вступленія въ парижскую полицію, это зданіе принадлежало ей—и она употребляла его для своихъ служебныхъ цѣлей. Теперешнее полицейское зданіе находится всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отсюда, такъ-что вы изволите находиться совсѣмъ по сосѣдству съ вашими друзьями; жаль только, что они не могутъ вамъ помочь. Завтра, въ девять часовъ вечера, будетъ исполненъ надъ вами вашъ смертный приговоръ. А до тѣхъ поръ предоставляемъ васъ вашимъ собственнымъ размышленіямъ. Спокойной ночи, другъ Броссаръ.

Затѣмъ Рулье съ своими товарищами вышелъ изъ подвала, и тяжелая дверь заперлась за ними.

Броссаръ слышалъ какъ желѣзныя задвижки, скрипя, входили въ пробои; потомъ все умолкло. Въ тюрьмѣ, куда принесли его, былъ полный мракъ; сыщика такъ ловко скрутили, что онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ.

Надежды на бѣгство у него не было. Онъ находился здѣсь въ рукахъ своихъ заклятыхъ враговъ, зная, что ему нечего ждать отъ нихъ пощады. Давно уже они угрожали ему местью за тотъ вредъ, который онъ причинялъ имъ, открывая ихъ тайныя совѣщанія и планы;—теперь, попавшись имъ въ руки, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что они приведутъ въ исполненіе свои угрозы.

Но, хотя у него и не было никакой надежды, мужество не измѣняло ему—и онъ рѣшился твердо встрѣтить страшную смерть.

Тѣмъ не менѣе онъ жестоко бранилъ себя за свою глупость, даже готовъ былъ дать клятву — чуть-чуть было ужь и не поклялся, если только на этотъ разъ ему удастся вывернуться живымъ изъ бѣды, никогда не взглянуть ни на одну женщину въ мірѣ.

Такъ лежалъ онъ въ своей тюрьмѣ уже съ часъ, когда ему послышался такой звукъ, какъ будто бы двигалась часть пола.

Онъ сталъ внимательно прислушиваться.

Звукъ слышался все явственнѣе.

Вдругъ арестантъ услышалъ, что кто-то тихимъ, сдержаннымъ голосомъ называетъ его по имени.

— Броссаръ! вы здѣсь?

— Да, отвѣчалъ арестантъ: — да вы-то, чортъ возьми, кто такой?

Ему сказали пароль тайной полиціи; тутъ Броссаръ убѣдился, что, кромѣ его, есть еще кто-то въ тюрьмѣ.

— Ренье, никакъ это вы? спросилъ Броссаръ, узнавшій голосъ своего товарища по службѣ.—Но какими судьбами вы сюда попали?

Ренье отодвинулъ заслонку своего потайнаго фонаря и показалъ Броссару четырехъугольное отверстіе въ полу.

— Я вошелъ сюда черезъ эту дверку, отвѣчалъ онъ.—Но дайте я вамъ разскажу, какъ случилась вся эта исторія. Помните, вы сказали нашему начальнику, что у васъ есть ваше собственное, частное дѣльцо? это очень безпокоило его насчетъ вашей безопасности. Онъ поручилъ мнѣ тихонько слѣдить за вами, чтобы выручить васъ, въ случаѣ еслибъ вы попались въ какую нибудь бѣду. Я слѣдилъ за вами въ оперѣ, потомъ поѣхалъ въ фіакрѣ вслѣдъ за экипажемъ, который привезъ васъ сюда. Имя дамы, названное вами въ полицейской канцеляріи, не соотвѣтствовало имени той дамы, которая живетъ здѣсь. Я сообщилъ начальнику, гдѣ вы находитесь. Онъ мнѣ сказалъ, что домъ этотъ служилъ прежде правительству чѣмъ-то въ родѣ добавочной тюрьмы. Теперь вы понимаете, отчего есть тайный ходъ изъ этого подвала въ полицейскую префектуру; такой же ходъ есть еще и въ верхнюю часть дома. Нашъ начальникъ отлично знаетъ его расположеніе; въ прежніе годы онъ самъ часто бывалъ здѣсь. Но кромѣ членовъ правительства никто не знаетъ о существованіи этихъ тайныхъ ходовъ, а случайно открыть ихъ совершенно невозможно. Я получилъ всѣ нужныя инструкціи; такъ какъ начальникъ нашъ все еще очень боялся за васъ, то онъ велѣлъ мнѣ пробраться этимъ путемъ въ домъ и попытаться узнать, что́ здѣсь съ вами дѣлается. А объ томъ, что бы найдти васъ въ этой тюрьмѣ, я и не подозрѣвалъ. Что это значитъ, что васъ такъ скрутили и заперли сюда?

— Ради Бога, освободите меня прежде всего отъ моихъ веревокъ; потомъ ужь я вамъ все разскажу, сказалъ Броссаръ.

Ренье быстро развязалъ веревки, которыми былъ связанъ его товарищъ по службѣ, и этотъ послѣдній разсказалъ ему все, что́ съ нимъ случилось.

— Ужь знаю я какъ перехитрить этихъ мерзавцевъ! прибавилъ онъ, разсказавъ свои приключенія, и въ короткихъ словахъ быстро объяснилъ своему товарищу планъ, въ минуту созрѣвшій въ его плодотворномъ воображеніи. Ренье далъ ему договорить до конца, но, выслушавъ его, покачалъ головой и сказалъ:

— Ну, это весьма опасная штука и можетъ очень плохо кончиться для васъ.

— А я все-таки ее попробую, возразилъ Броссаръ. — Только, во первыхъ: покажите мнѣ, на случай еслибы я нашелъ необходимымъ бѣжать, какъ мнѣ выбраться отсюда; потомъ дѣлайте такъ, какъ я вамъ сказалъ.

Ренье показалъ ему секретъ, посредствомъ котораго открывалось отверстіе въ полу, потомъ связалъ веревки такъ, что казалось будто Броссаръ по прежнему крѣпко-на-крѣпко связанъ, между тѣмъ какъ онъ, по своему желанію, могъ въ одну секунду освободиться отъ нихъ.

Оставивъ Броссару свой потайной фонарь и нѣсколько спичекъ, полицейскій спустился въ тайный ходъ, заперъ за собой отверстіе—и Броссаръ опять остался одинъ.

Онъ легъ поперегъ камня, закрывавшаго отверстіе и вскорѣ затѣмъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Медленно тянулся слѣдующій день, наконецъ насталъ вечеръ.

Ровно въ девять часовъ Броссаръ услыхалъ, что дверь его тюрьмы отворяется; вслѣдъ за тѣмъ появился Фредерикъ Рулье съ большой лампой въ рукахъ.

Но едва онъ вошелъ подъ своды подвала, какъ лампа мгновенно погасла.

— Взойдите сюда, друзья, поспѣшно сказалъ онъ.—Надо скорѣе затворить дверь, чтобы не дуло и зажечь лампу.

На это приглашеніе въ подвалъ вошло человѣкъ тридцать мужчинъ. Дверь затворили.

— Другъ Броссаръ, вскричалъ Рулье, — что, вы еще здѣсь?

— Разумѣется, отвѣчалъ сыщикъ, — куда же бы я могъ дѣться?

— Да, мудрененько бы вамъ было выбраться отсюда, пробормоталъ Рулье. — Ну-съ, первымъ дѣломъ надо зажечь лампу.

Только что онъ выговорилъ эти слова, какъ лампа съ силой была вырвана у него изъ рукъ.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ.

— Это значитъ, громко отвѣчалъ Броссаръ, — что я васъ всѣхъ арестую!

Пока онъ произносилъ эти слова, весь подвалъ освѣтился потайными фонарями, и ошеломленные судьи Броссара увидѣли себя окруженными толпой, человѣкъ въ сорокъ, сильныхъ, хорошо вооруженныхъ жандармовъ.

Вся сцена произошла такъ быстро и нежданно, что никто не могъ выговорить ни слова.

Жандармы быстро дѣлали свое дѣло и справились со всѣми арестованными, прежде чѣмъ тѣ успѣли придти въ себя отъ изумленія.

— Ну-съ, что вы на это скажете, другъ Рулье? спросилъ усмѣхаясь Броссаръ.—Медаль-то, кажется, перевернулась?

Рулье яростными глазами взглянулъ на своего врага и проговорилъ:

— Ты, должно быть, въ союзѣ съ самимъ дьяволомъ.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ со смѣхомъ сыщикъ.—Во всякомъ случаѣ, не очень-то мнѣ хотѣлос[ь] дать изъ себя изъ живаго вырвать сердце.

Арестованныхъ отвели въ верхнюю часть дома Такимъ образомъ, они ничего не узнали о существованіи тайнаго хода, посредствомъ котораго полиція вошл[а] въ подвалъ, и не могли объяснить себѣ ея появлені[я] тамъ, иначе какъ сверхъестественнымъ образомъ.

Мнимая госпожа де Ноэль, заманившая Броссара въ западню, также была арестована.

Всѣ арестованные, уже давнымъ-давно находившіес[я] на дурномъ счету у правительства, отъ перваго д[о] послѣдняго были приговорены къ ссылкѣ въ Кайену.

Исторія эта быстро разнеслась по всему Парижу Старый домъ, куда былъ завлеченъ сыщикъ и гдѣ должн[а] была совершиться надъ нимъ страшная казнь, сдѣлалс[я] предметомъ всеобщаго любопытства.

Сосланные ничего не узнали о томъ, какимъ образомъ они попались въ руки полиціи. Тайна эта вѣроятн[о] откроется только тѣмъ изъ нихъ, чье желѣзное здоровье выдержитъ убійственный климатъ мѣста их[ъ] ссылки и позволитъ имъ вернуться во Францію по истеченіи срока наказанія.

Потопленіе корабля.

(Изъ записокъ корабельнаго капитана).

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ морѣ. Вѣтеръ, сначала благопріятный, перемѣнился и корабль съ трудомъ подвигался впередъ. Зимнее плаваніе въ нашихъ моряхъ не очень-то пріятно даже и для моряковъ, не говоря уже о тѣхъ, кто первый разъ въ морѣ,—и наши пассажиры испытали въ нѣсколько дней столько непріятностей и мученій, сколько не испытывали они на сушѣ въ теченіи цѣлыхъ годовъ. Но и у нашего капитана есть тайное горе, которое грызетъ его сердце, еще со времени выхода изъ гавани, и приводитъ его въ такое раздражительное состояніе, какого нельзя было бы ожидать отъ человѣка съ такимъ спокойнымъ характеромъ, какъ у г. Курцъ-Шплейса. Да и какъ же ему не выходить изъ себя, когда его корабль плыветъ не такъ, какъ ему слѣдовало бы плыть,—когда какая-то жалкая купеческая шкуна обогнала «Морскую Звѣзду», какъ это случилось вчера. Тщетно придумываетъ Курцъ-Шплейсъ различныя средства для того, чтобъ увеличить силу парусовъ. По его приказанію, мачты наклоняются то назадъ, то впередъ, а состоящій изъ желѣза балластъ перетаскивается, къ величайшему огорченію матросовъ, съ одной стороны на другую, какъ будто бы это были какія нибудь легкія вещички, тогда какъ каждая штука вѣситъ какъ нельзя исправнѣе положенные сто фунтовъ таможеннаго вѣсу. Но ничто не помогаетъ, и *alter ego* нашего капитана, старшій боцманъ находитъ, что отъ этого просто съ ума можно сойти: корабль дѣлаетъ всего по семи миль, тогда какъ ему слѣдовало бы дѣлать покрайней мѣрѣ по десяти.

А между тѣмъ, какъ легко бы было Курцъ-Шплейсу узнать, отчего это происходитъ, еслибъ только онъ поговорилъ объ этомъ съ старымъ матросомъ Шрамомъ, который пророчилъ бѣду еще при выходѣ изъ гавани. «Сегодня пятница», говорилъ онъ, «а кто отправляется въ мор[е] въ пятницу, тотъ жди всего худаго». Пятница, по ег[о] мнѣнію, также не годится для этого, какъ и понедѣльникъ. Ни одинъ разсудительный морякъ не рѣшится отплыть въ этотъ день—и Шрамъ приводилъ тысячи примѣровъ тому, что пятница всегда приноситъ несчасті[е] кораблямъ.

Въ роковой день пятницы коварный домовой властен[ъ] являться на отплывающіе въ море корабли, а ужь куд[а] онъ заберется—прощай попутный вѣтеръ и счастливо[е] плаваніе! Туманъ, дождь, безвѣтріе и дурная погода—ег[о] постоянные спутники. Кто родился 29 февраля въ полночь, тотъ можетъ видѣть домоваго лицомъ къ лицу.

Когда происходитъ какое нибудь несчастіе или поднимается буря, то домовой съ двѣнадцати до часу сидитъ на корточкахъ въ средней вахтѣ подъ бугшпритомъ. Между его костлявыми плечами торчитъ ужасная рыбья голова съ кровавой пастью, скаля длинные жолтые зубы. Длинные волосы домоваго взъерошены—и онъ ворочаетъ глазами, словно раскаленными угольями.

Шрамъ принадлежитъ къ числу тѣхъ избранныхъ, которымъ даровано видѣть какъ домоваго, такъ и корабль-призракъ, и онъ разсказываетъ по поводу этого страшныя исторіи, для которыхъ онъ хотя и находитъ усердныхъ и вѣрующихъ слушателей между своими товарищами на вахтѣ, но о которыхъ ни старшій боцманъ ни капитанъ и знать не хотятъ.

Опять наступила пятница; Шрамъ видѣлъ въ прошлую ночь домоваго, который очень недружелюбно кивнулъ ему головою. Это не предвѣщало ничего хорошаго, и старый матросъ мрачно и молча расхаживалъ по трапу.

Курцъ-Шплейсу не удалось придать болѣе быстрый бѣгъ фрегату, по этому и онъ также находится въ

чрезвычайно мрачномъ расположенiи духа, которое старшiй боцманъ надѣется облегчить—разражаясь страшными ругательствами, когда какой нибудь матросъ переходитъ ему дорогу, или же не исполняетъ въ скорости или какъ слѣдуетъ его приказанiй.

За то пассажиры почувствовали, какъ будто бы облегченiе. Упорный западный вѣтеръ мало по малу утихъ, да и кромѣ того сегодня новолунiе, которое почти всегда приноситъ съ собою перемѣну погоды. Уже около часу поверхность моря была гладка, какъ зеркало; паруса на мачтахъ и стеньгахъ повисли и какъ будто бы били тактъ колышащимся движенiямъ корабля.

Штиль зимою—явленiе довольно рѣдкое въ такихъ далекихъ отъ экватора широтахъ, поэтому-то надежда на хорошую погоду возрасла значительно. Она не замедлила исполниться. На востокѣ показалась на горизонтѣ сѣрая полоска, которая распространилась съ возрастающею скоростью до зенита.

Тамъ и сямъ вода начинала рябить, образуя такъ называемыя «кошачьи лапки», которыя все болѣе и болѣе соединялись между собою. Хотя волны не приняли еще опредѣленнаго направленiя, но уже можно было отличить, что вѣтеръ дуетъ съ востока. На кораблѣ приступили къ брасопкѣ рей, чтобъ повернуть его сейчасъ же при появленiи болѣе сильнаго вѣтерка и дать ему западное направленiе.

Вѣтерокъ усиливался постепенно, паруса перестали биться о стеньги и мачты. Помощiю поставленной къ вѣтру фокъ - мачты и руля, корабль повернули и въ скоромъ времени онъ уже быстро несся по волнамъ, гонимый кругло - натянувшимися парусами, бѣлѣвшими какъ снѣгъ при сiянiи заходящяго солнца.

Свѣтло - зеленыя прозрачныя волны начали окаймляться бѣлою пѣною, вѣнчавшею ихъ головы ослѣпительнымъ жемчужнымъ уборомъ; но напрасно онѣ шумѣли и торопились—онѣ не нагнали легкаго фрегата, несшагося съ быстротою молнiи по лазурному океану.

«Морская Звѣзда» пробѣгала уже двадцатый узелъ. Лицо нашего капитана прояснилось, старшiй боцманъ пригласилъ плотника и фейерверкера въ свою каморку на стаканъ грога, и все болѣе и болѣе выздоравливавшие отъ морской болѣзни пассажиры радовались быстрому бѣгу корабля, который уносилъ ихъ въ болѣе теплый климатъ.

Всюду, куда ни обернись, виднѣлись веселыя лица. Одинъ только Шрамъ покачивалъ съ видомъ таинственности головою, думая про себя, что поднявшiйся въ пятницу вѣтеръ не можетъ повести къ добру.

Около 10 часовъ вечера сторожевой при передней реѣ возвѣстилъ, что вдали видѣнъ огонь, который вскорѣ увидали и съ палубы—признали за брандеръ при одной изъ самыхъ опасныхъ мелей, лежащихъ передъ каналомъ Ламаншъ.

До сихъ поръ погода была прекрасная, небо почти совершенно безоблачно, воздухъ свѣтелъ и прозраченъ, а звѣзды сiяли полнымъ блескомъ. Но тутъ вдругъ наступила перемѣна; вѣтеръ ослабѣлъ, и передъ фрегатомъ встала какъ бы бѣлая туманная стѣна. Огни брандера изчезли, привѣтливо-сiявшiя звѣзды какъ бы покрылись крепомъ, а горизонтъ и безъ того уже съуженный ночью, ограничивался теперь только нѣсколькими сотнями шаговъ.

Но какъ бы ни былъ силенъ вѣтеръ, какъ бы ни бушевала буря, съ какимъ бы громомъ ни разбивались волны о корабль, какъ бы подводные камни и мели ни преграждали путь—дайте моряку свѣтъ, свѣтъ солнца или мѣсяца, и онъ проведетъ васъ въ бурю и вѣтеръ чрезъ лабиринтъ подводныхъ камней и мелей къ мѣсту вашего назначенiя. Но ночь и туманъ—его злые духи. Тщетно обращаетъ онъ кругомъ себя испытующiе взоры. Никакая темная полоска на горизонтѣ не заставляетъ его догадываться о близости берега, никакая окраска воды о присутствiи опасности. Вездѣ одинъ и тотъ же мракъ, который наконецъ проникаетъ и въ душу, наполняя ее отчаянiемъ. На кораблѣ приняли всѣ мѣры, какiя только требовались при такой погодѣ, а въ особенности при такомъ узкомъ фарватерѣ, гдѣ тысячи кораблей пересѣкаютъ другъ другу дорогу и гдѣ даже въ ясный день надобно принимать величайшiя предосторожности, чтобъ не наѣхать другъ на друга.

Двое сторожевыхъ на бакбортѣ и солдатъ-трубачъ трубятъ въ сигнальные рога, извѣщающiе о наступленiи тумана, какiе бываютъ для этой цѣли на всѣхъ корабляхъ; барабанщикъ бьетъ въ промежуткахъ въ барабанъ; а черезъ каждые пять минутъ стрѣляютъ изъ пушки, потому-что теперь это единственное средство предостеречь отъ опасности. Стража стоитъ готовая маневрировать для того, чтобъ въ случаѣ нужды дать, какъ можно скорѣе, другое направленiе караблю, и сотни глазъ стараются проникнуть сквозь темную стѣну, окружающую «Морскую звѣзду».

Во время паузъ, слабый вѣтеръ доноситъ къ намъ изъ различныхъ странъ свѣта, изъ большей или меньшей дали, такiе же предостерегательные звуки рога или барабана.

Отъ времени до времени проносится мимо насъ, словно привидѣнiе, какой-нибудь корабль, которому туманъ придаетъ фантастическiя, гигантскiя формы и который доставитъ матросамъ новый матерiалъ для фантастическихъ разсказовъ. А иногда, въ этомъ страшномъ туманѣ, слышатся одни только голоса и слова, которые какъ-то дико звучатъ надъ водою, словно звуки съ того свѣта,—потому-что корабля, съ котораго они несутся, нельзя разглядѣть.

Почти совершенно утихшiй вѣтеръ вдругъ опять поднимается, и корабль летитъ съ необыкновенною быстротою, несмотря на убавленные паруса; вмѣстѣ съ этимъ и опасность значительно увеличивается. Больше для успокоенiя совѣсти, а не потому чтобъ это могло принесть какую-нибудь пользу, караулъ удвоили, капитанъ, ни на минуту не оставлявшiй палубы, не перестаетъ наводить зрительную трубу на окружающiй мракъ, и всѣ на кораблѣ пялятъ глаза чтó есть силы, какъ будто бы дѣло шло о полученiи короны.

— Стой, стой, это корабль! вскрикиваетъ вдругъ сотня голосовъ, съ выраженiемъ страшнаго испуга.

— Къ рулю, къ рулю! приказываетъ капитанъ и бѣжитъ къ рулевому колесу, чтобы помочь какъ можно скорѣе повернуть его.

Поздно! — раздается страшный трескъ. «Морская звѣзда» вздрагиваетъ всѣми своими частями и какъ будто бы поднимается на минуту съ своего мѣста, испугавшись ужаснаго несчастiя.

Отчаянные, предсмертные крики вырываются изъ воды и исчезаютъ въ шумѣ вѣтра и волнъ. Затѣмъ все стихло.

«Морская звѣзда» наѣхала на судно и потопила его! Боже, сжалься надъ несчастными! Спасенiе въ такую ночь невозможно.

— Къ насосамъ! раздается среди всеобщаго молча-

нія голосъ капитана—ився ждутъ въ смертной тоскѣ отвѣта на эти слова.

— Одинъ дюймъ воды! докладываетъ громкимъ голосомъ плотникъ. У матросовъ скатывается тяжелый камень съ сердца. Слава Богу, фрегатъ не поврежденъ. Смѣнившіеся передъ этимъ часовые, которые будучи пробуждены отъ сна столкновеніемъ двухъ кораблей, бросились на палубу, опять отправляются медленными шагами внизъ — и всѣ изъявляютъ сожалѣніе о несчастныхъ, находившихся на чужомъ кораблѣ.

— Ну, да я зналъ это заранѣе, говоритъ Шрамъ одному изъ своихъ товарищей. — Развѣ домовой можетъ обойдтись безъ жертвъ? Кто отправляется въ море въ пятницу, тотъ никогда не жди добра.

Внутреннее обозрѣніе.

Что́ будетъ устроено для рабочихъ классовъ на московской выставкѣ. — Народный театръ; его характеръ. — Что будетъ сдѣлано на выставкѣ для учащихся. — Чего не слѣдуетъ упускать изъ виду. — Пропажа иконы въ Одессѣ и ея находка. — Какъ думаютъ объ этомъ одесситы. — Заявленіе крестьянъ въ Енисейской губерніи. — Статистика пьянства: гдѣ больше погибаетъ отъ него народа?

Газеты сообщаютъ, что въ Москвѣ, на предстоящей политехнической выставкѣ, предполагается устроить нѣсколько весьма полезныхъ для народа учрежденій. Главнѣйшими изъ нихъ является: а) народный, общедоступный *театръ*, б) *хоровое пѣніе*, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія, в) *публичныя чтенія* и читальня для рабочихъ, г) *школы* граматности, рисованія, черченія, рѣзьбы и лѣпной работы; причемъ рабочимъ сообщаются понятія о мѣрахъ, вѣсахъ и объемахъ, д) *питомникъ*, въ которомъ родители могли бы оставлять своихъ грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей въ рабочее время, е) *чайная для рабочихъ*, ж) *гимнастика*, з) *катанье на лодкахъ*, и) *ссудо-сберегательная касса*, і) *лавки дешовой продажи книгъ*. Театръ предполагается воздвигнуть на Варварской площади, по плану архитектора Гартмана. Зданіе будетъ деревянное, довольно красивое, на 1500 мѣстъ, цѣною каждое отъ 5 коп. до 1 р. 50 коп. (по этой послѣдней цѣнѣ будетъ только 30 мѣстъ). Образцомъ для театра послужилъ дрезденскій. Обращено вниманіе на устройство хорошей вентиляціи, на освѣженіе воздуха посредствомъ фонтана, который будетъ бить въ самой залѣ, а также на то, чтобы предупредить несчастія отъ огня. Сумма, необходимая для устройство театральнаго зданія, не превышаетъ 12 тыс. рублей; а если потомъ матерьялъ его будетъ проданъ, то всего 8 тыс.,—весь-же расходъ по устройству театра и спектаклей доходитъ до 40 тыс. р. Ежедневно предполагается давать по одному только представленію, въ праздничные же дни—по два. Чтобы предупредить барышничество при продажѣ билетовъ, рѣшено принять особыя мѣры; лучшимъ средствомъ было-бы отмѣна продажи билетовъ и взамѣнъ этого устройство турникетовъ. Пьесы на этомъ театрѣ будутъ даваться исключительно оригинальныя, содержанія историческаго или бытоваго; будутъ и живыя картины, а также характерные дивертисменты изъ пѣсень и былинъ. Балетъ и оперетки, въ родѣ оффенбаховскихъ, изгоняются. Для пополненія репертуара народнаго театра, коммиссія, состоящая при комитетѣ политехнической выставки, по улучшенію быта рабочихъ и ремесленниковъ, назначила конкурсъ (состязаніе) на соисканіе премій, въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ медалей, за сочиненія для народнаго театра. Такимъ путемъ предполагается добыть одну комедію или драму изъ современнаго народнаго (крестьянскаго?) быта и интермедію (законченную сцену) изъ народной жизни, безъ опредѣленія эпохи времени. Сочиненія должны быть представлены не позже 1-го іюня наступающаго года, на имя предсѣдателя вышеозначенной коммиссіи, М. Я. Китарры.

Заслуживаютъ также вниманія нѣсколько мѣръ, которыя, по предположеніямъ комитета, должны быть приняты во время политехнической выставки. Желая облегчить для учащихся и вообще малолѣтнихъ доступъ на выставку, а также изученіе выставленныхъ на ней предметовъ, комитетъ постановилъ предоставить безплатный входъ: а) для воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній и б) для всѣхъ дѣтей, до 12-ти лѣтъ, находящихся при родителяхъ. Предполагается также облегчить доступъ на выставку для рабочихъ и ремесленниковъ. Желательно, чтобы, кромѣ облегченія доступа на выставку, облечено было и самое ея изученіе, въ особенности для людей изъ менѣе образованнаго класса, которые легко могутъ растеряться отъ обилія выставленныхъ предметовъ и отъ полнаго незнакомства со многими изъ нихъ. Хорошо было бы, если бы комитетъ назначилъ для ремесленниковъ и рабочихъ особые часы, когда они подъ руководствомъ свѣдущихъ людей могли бы разсмотрѣть интересующіе ихъ предметы и узнать о нихъ то, чего до тѣхъ поръ не знали. Вообще, на этотъ вопросъ слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе, такъ-какъ онъ едва-ли не важнѣе всѣхъ прочихъ, выпавшихъ на долю администраціи московской выставки.

— Городъ Одесса оказывается однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ мѣстъ нашего отечества. Разнохарактерность-ли ея населенія, наплывъ-ли иноплеменныхъ элементовъ съ юга и юго-запада или какія-нибудь другія обстоятельства тому причиною,—только ни одно сколько-нибудь выдающееся изъ ряда событіе не проходитъ въ этомъ городѣ безъ того, чтобы не надѣлать шума въ низшихъ слояхъ его 120 ти тысячнаго населенія, не произвести въ средѣ его нѣкотораго волненія и не породить самыхъ нелѣпыхъ толковъ. Едва успѣли забыть прошлогодніе безпорядки, окончившіеся публичною экзекуціей, а потомъ и судомъ надъ главными виновниками, какъ возникло новое дѣло. Въ одну изъ темныхъ мартовскихъ ночей, изъ одесскаго собора похищена была чудотворная икона Касперовской Божьей Матери, весьма цѣнная и осыпанная драгоцѣнными каменьями Весь городъ поднялся на ноги: розыски, толки, волненіе. Городская дума ассигновала 3 тыс. р. для розыска преступниковъ. Множество самыхъ нелѣпыхъ толковъ стало распространяться по городу: говорили, напримѣръ, что икону похитили евреи. Подозрѣніе это напугало не только еврейское населеніе Одессы, но распространилось и на кишиневскихъ евреевъ. Этому способствовало также обстоятельство, передаваемое корреспондентомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», что на фонарныхъ столбахъ въ гор. Кишиневѣ, вотъ уже второй день сряду, появляются «объявленія, приглашающія бить евреевъ для спасенія души!» Затѣмъ въ Одессѣ разнеслась вѣсть, что образъ явился самъ у одного изъ мелкихъ лавочниковъ, и народъ сталъ стекаться туда. Вскорѣ розысками полиціи найденъ одинъ изъ соучастниковъ кражи, кузнецъ, поддѣлавшій ключъ и стоявшій на сторожѣ; онъ задержанъ и въ преступленіи сознался. Но объ его товарищѣ и о похищенномъ не было ни слуху, ни духу вплоть до 20-го марта. Въ этотъ день черезъ Одессу, на пути въ Крымъ, проѣзжали Ихъ Императорскія Величества. Едва только воротился въ Одессу начальникъ края, провожавшій царскій поѣздъ, какъ къ нему явился частный приставъ съ находкой: въ салфеткѣ была завернута икона; но ни золотой ризы, ни драгоцѣнныхъ каменьевъ при ней уже не было. Икону нашли на дачѣ Донатти, въ ямѣ, приготовленной для посадки деревьевъ. По отсылкѣ иконы къ преосвященному, который

признаЛъ ее за настоящую, она отправлена была въ соборъ и помѣщена въ кіотѣ. Въ народѣ пошли толки о томъ, что образъ необходимо освятить, такъ-какъ онъ былъ въ рукахъ невѣрныхъ (евреевъ), что его слѣдуетъ положить на аналой, чтобы каждый могъ убѣдиться въ ея подлинности, и т. д. Думой и полиціей принимаются мѣры для предотвращенія безпорядковъ на Святой недѣлѣ. Корреспондентъ «Петерб. Вѣдомостей», разсказывая о впечатлѣніи, произведенномъ на одесскихъ жителей находкою иконы, прибавляетъ, что опасности можно ожидать отъ кабаковъ, число которыхъ не только не уменьшается, но еще увеличивается, да отъ невѣжества простаго народа, которое растравляется тою же водкой. Въ то время какъ въ Одессѣ похищаютъ иконы, въ Петербургѣ воруютъ кресты. Вотъ случай, сообщенный Спб. Полицейскими Вѣдомостями: «13-го марта, вечеромъ, изъ алтаря церкви Троицкаго подворья похищенъ былъ напрестольный серебряный крестъ. Подозрѣніе пало на одного молодаго человѣка, весьма хорошо одѣтаго, который явился въ то время въ алтарь, назывался графскимъ сыномъ, ожидалъ нѣкоторое время протоіерея и потомъ никѣмъ не замѣченный скрылся 22 марта сыскная полиція задержала его, и хотя онъ сознался, что въ означенное время былъ въ алтарѣ, но отъ похищенія креста и отъ того, что назывался графскимъ сыномъ, отрекся, несмотря на улики свидѣтелей. 29-го же марта, содержатель кассы ссудъ въ домѣ Яковлева, по Большой Мѣщанской улицѣ, крест. Гордѣевъ, заявилъ полиціи, что 15 или 16-го числа къ нему явился неизвѣстный молодой человѣкъ и продалъ ему за 13 р. 86 к. серебряный крестъ съ старою позолотою, вѣсомъ 66 золотниковъ. По предъявленіи полиціею этого креста эконому Троицкаго подворья, онъ оказался тѣмъ самымъ, который былъ похищенъ. Крестъ и протоколы переданы къ дѣлу, производящемуся объ этой кражѣ.

Потопленіе корабля.

— Любопытное явленіе представляетъ намъ Енисейская губернія, въ которой сами крестьяне жалуются на множество кабаковъ и заявляютъ, что «къ открытію ихъ они были понуждаемы земскимъ начальствомъ, волостными головами и старостами, которые, угощаемые виноторговцами, за одно съ ними обирали крестьянъ до послѣдней копѣйки. Вслѣдствіе этого, генералъ-губернаторъ обязываетъ всѣ мѣстныя начальства объявить всѣмъ обществамъ, во-первыхъ, что, по окончаніи сроковъ прежнихъ договоровъ, отъ воли самихъ обществъ зависитъ давать или не давать разрѣшенія на открытіе питейныхъ заведеній, и во-вторыхъ, что самыя общества не могутъ дозволять питейную продажу на сроки свыше четырехъ лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликованы всѣ постановленія относительно пресѣченія пьянства».

Порокъ этотъ является опаснымъ не только тамъ, гдѣ уровень общественнаго развитія стоитъ на низшей ступени и масса народа находится въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, но и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ. Но что особенно удивительно, такъ это то, что въ этихъ послѣднихъ пьянство дѣйствуетъ даже еще губительнѣе. Въ Англіи напримѣръ страсть эта уноситъ ежегодно до 50,000 человѣкъ (въ томъ числѣ 12,000 женщинъ), въ Германіи 40,000, въ Россіи 10,000 человѣкъ, въ Бельгіи 4,000, во Франціи 2,000, въ Испаніи 2,000; въ Американскихъ же Соединенныхъ Штатахъ слишкомъ 60,000 человѣкъ въ годъ. Такимъ образомъ, въ Америкѣ 1 жертва приходится на 516 человѣкъ, въ Англіи 1 на 600 человѣкъ, въ Германіи 1 на 925 чел., въ Белгіи 1 на 2,500, въ Россіи 1 на 7,700 человѣкъ, въ Испаніи 1 на 8,000 чел., а во Франціи 1 на 18,500 человѣкъ. Самая трезвая, слѣдовательно, нація — французы, а самая пьющая—американцы и англичане; русскіе занимаютъ середину между тѣми и другими. Впрочемъ, въ послѣднее время, во Франціи порокъ пьянства достигъ

поразительныхъ размѣровъ. Французъ, какъ извѣстно, никогда не могъ обходиться безъ стакана хорошаго виноградняго вина за обѣдомъ и за завтракомъ; но теперь, очевидно, онъ перестаетъ удовлетворяться этимъ «напиткомъ боговъ» и прибѣгаетъ къ болѣе крѣпкимъ напиткамъ: абсенту, водкѣ и коньяку. Для искорененія или покрайней мѣрѣ для ослабленія зла, принимаются всевозможныя мѣры, предлагаются самые разнообразные проекты, начиная отъ возвышенія пошлины на крѣпкіе напитки и кончая включеніемъ лицъ, найденныхъ пьяными болѣе трехъ разъ въ теченіе года, въ число *преступниковъ*, съ лишеніемъ ихъ правъ гражданскихъ, общественныхъ и семейныхъ! Послѣдняя мѣра, не смотря на всю свою радикальность, едва ли приведетъ къ цѣли, такъ-какъ соціальныя причины, порождающія пьянство, останутся нетронутыми. А извѣстно, что пока существуютъ причины, будутъ существовать и слѣдствія ихъ.

Политическое обозрѣніе.

Поучительное зрѣлище представляютъ намъ финансы различныхъ державъ Европы и Америки. Извѣстно наприм., что ни одно изъ европейскихъ государствъ не отличалось такою осторожностью и предусмотрительностью въ финансовомъ дѣлѣ какъ Пруссія — до войны 1866 года съ австрійцами. Извѣстно также, что ни одно изъ государствъ не отличалось такою расточительностью и смѣлостью въ финансовыхъ предпріятіяхъ, какъ Франція — во времена имперіи. Наконецъ, нѣтъ ни одной страны, въ которой безалаберность въ этомъ дѣлѣ доходила бы до такихъ поразительныхъ размѣровъ, какъ въ Турціи.

Почти всѣ правительства сознаютъ, что такой порядокъ вещей долго продолжаться не можетъ и что необходимо открыть выходъ изъ этого неестественнаго положенія. Но сознавая это, они не могутъ однако сойтись въ средствахъ для достиженія своей цѣли. Американцы, напримѣръ, пришли къ убѣжденію, что, при сильномъ развитіи въ ихъ странѣ промышленности и торговли, для покрытія всѣхъ расходовъ, достаточно будетъ однихъ только косвенныхъ налоговъ; и вотъ они предпринимаютъ неслыханное до сихъ поръ дѣло — уменьшаютъ прямые налоги, не увеличивая въ то же время косвенныхъ; одного таможеннаго дохода получаютъ столько, что его хватаетъ на покрытіе чуть не всѣхъ государственныхъ расходовъ и, не дѣлая новыхъ долговъ, стремятся поскорѣе уплатить старые, сдѣланные ими по случаю междоусобной войны за уничтоженіе рабства. Эта система поражаетъ насъ своею простотою и раціональностью. Къ этому же, повидимому, стремятся и англичане; по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ значительная часть англійскаго народа, поддерживающая нынѣшнее министерство. Въ прошедшемъ году ожидали получить дохода 72 мильона фунтовъ стерлинговъ (около 450 мильоновъ рублей сер.), въ дѣйствительности же получили его 74 мильона, значитъ: на 2 мильона *болѣе* противъ предполагаемаго. Израсходовано въ томъ же году 71 мильонъ ф. ст.. т. е. *образовался остатокъ* около 3 мильоновъ ф. стерлинговъ (около 19 мил. рублей). Увеличеніе дохода произошло главнымъ образомъ отъ таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ, да отъ подоходнаго налога. По разсчетамъ на текущій годъ, предполагается получить дохода около 75 м. ф. стерл.; расходъ же исчисленъ въ 71 мильонъ, такъ-что *опять предвидится остатокъ* слишкомъ въ 3 мильона ф. ст. Ввиду такого излишка, канцлеръ казначейства предложилъ: уменьшить подоходный налогъ, освободить отъ налога мелкія жилья, помѣщенія при торговыхъ заведеніяхъ и сбавить пошлину на кофе и цикорій. Значитъ, и въ этомъ случаѣ видно стремленіе — облегчить по возможности прямые налоги, не увеличивая въ то же время косвенныхъ. Нѣкоторые изъ членовъ палаты Общинъ, во время обсужденія государственной росписи доходовъ и расходовъ на текущій годъ, пошли еще дальше: они хлопочутъ не столько объ уменьшеніи пошлины на кофе, цикорій и другіе предметы потребленія, сколько о томъ, чтобы были сокращены расходы, преимущественно по министерствамъ военному и морскому, поглощающіе въ настоящее время около *половины* всѣхъ государственныхъ доходовъ. По мнѣнію ихъ, это сокращеніе расходовъ дало бы возможность еще значительнѣе уменьшить налогъ на доходы и вовсе отмѣнить налогъ на чай и сахаръ. Хотя предложеніе сократить расходы по означеннымъ вѣдомствамъ въ палатѣ и не прошло, тѣмъ не менѣе общій характеръ финансоваго управленія въ Англіи показываетъ, что правительство не прочь дѣлать сокращенія расходовъ, если только это понадобится.

Крайнею безпорядочностью, какъ мы сказали, отличается финансовое управленіе въ Турціи. Тутъ — что ни шагъ, то экономическая ошибка или дурно-замаскированный обманъ. Проектированная на текущій годъ роспись госуд. доходовъ представляетъ такія удивительныя нововведенія, къ которымъ, кажется, не прибѣгало еще ни одно изъ современныхъ государствъ. Предположено сократить расходы, — мѣра, конечно, хорошая, если только отъ нея не страдаютъ насущные интересы государства. И Турція сокращаетъ свои расходы, но сокращаетъ ихъ по вѣдомствамъ народнаго просвѣщенія, публичныхъ работъ и юстиціи!!.. Не помогло однако и это; недочетъ все-таки оказался, и правительство для покрытія его рѣшается на четверть уменьшить оклады служащихъ!!. Мало того: при расчетѣ, мѣсяцъ считается не въ 30 дней, а въ 40!!!. Мѣра эта привела къ тому, что значительное число служащихъ вышло въ отставку, а оставшіеся не знаютъ, придется ли имъ дотянуть этотъ годъ. Между тѣмъ, жалованье министровъ почти удвоено... Одинъ за другимъ заключаются займы и закладываются даже казенные сборы!!! Дѣло, наконецъ, дошло до того, что уплата государственныхъ долговъ поглощаетъ почти половину всѣхъ ежегодныхъ доходовъ...

Въ Испаніи въ настоящее время происходятъ выборы въ Кортесы (собраніе представителей отъ всей страны). Собственно, выборы уже окончились и происходитъ счетъ голосовъ за того или другаго кандидата. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что Испанію раздираетъ сильная борьба партій, изъ которыхъ главныхъ три: а) республиканская, не очень многочисленная, б) сторонники нынѣшняго короля Амедея, съ министерствомъ Сагасты во главѣ, и в) карлисты (сторонники и приверженцы Карла). По полученнымъ свѣденіямъ, оказывается, что большинство въ Палатѣ будетъ на сторонѣ министерства; противниковъ же его, хотя и не мало, но они остаются въ меньшинствѣ. Это послѣднее состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ остальныхъ партій: республиканской и карлистской. Альфонсисты (сторонники принца Альфонса, сына изгнанной королевы Изабеллы) находятся въ ничтожномъ меньшинствѣ. Во время выборовъ началось движеніе небольшихъ шаекъ карлистовъ вокругъ Барселоны, Героны и Валенсіи; но движеніе это, встрѣтивъ несочувственный пріемъ со стороны населенія, успѣха не имѣло. Тѣмъ не менѣе войска для ихъ преслѣдованія посланы. Въ Мадридѣ попадаются подметные листки противъ правительства; въ клубахъ открыто и рѣзко порицаютъ его дѣятельность; то же самое можно встрѣтить въ любой испанской газетѣ. Даже войско, говорятъ, не на сторонѣ нынѣшняго министерства.

Изъ Лондона по телеграфу сообщаютъ, что судъ присяжныхъ приговорилъ О'Конора, намѣревавшагося испугать королеву посредствомъ незаряженнаго пистолета, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на одинъ годъ тяжкой въ немъ работы и къ 20 ударамъ кнутомъ.

Смѣсь.

Переписка съ осажденнымъ Парижемъ. — Во время осады Парижа, въ нѣмецкомъ лагерѣ, какъ извѣстно, не разъ возникало подозрѣніе, что осажденные получаютъ какимъ-то образомъ извѣстія извнѣ. Теперь «Moniteur» не только заявляетъ основательность этого подозрѣнія, но даже разсказываетъ, какимъ образомъ происходили сношенія между Парижемъ и провинціями. Для этого гг. Вонoвенъ, Делортъ и Робертъ придумали чрезвычайно простое средство, именно пустой цинковый шаръ, въ которомъ могло помѣщаться до 800 писемъ. Снаружи эти шары обкладывались шпателями, какъ колеса на водяныхъ мельницахъ. Ихъ бросали, какъ можно ближе къ Парижу въ Марну или Сену, и будучи увлекаемы на днѣ стремленіемъ воды, они, преодолѣвая встрѣчавшіяся на пути препятствія, достигали Парижа при *Part-à-l'Anglais*, гдѣ ихъ вылавливали большой сѣтью. Эта сѣть каждое утро и каждый вечеръ осматривалась и опоражнивалась почтовымъ чиновникомъ. Когда нѣсколько опытовъ доказали дѣйствительность этого средства, изобрѣтатели получили отъ парижскаго правительства порученіе организировать свою систему въ провинціяхъ. Воздушный шаръ увезъ ихъ вмѣстѣ съ матеріаломъ изъ Парижа и спустился въ *Ferte Bernard*. Подводная почта пошла въ ходъ отъ 27 декабря. Въ провинціяхъ стало извѣстно, что отправляемыя письма должно адресовать: «*Paris par Moulins* (*Allier*)». Въ *Moulins* эти письма собирались, запирались въ шаръ и бросались въ Сену въ фонтенеблосскомъ лѣсу при Томери или съ моста *Sannois*. До 1 февраля въ воду было брошено 55 шаровъ, заключавшихъ въ себѣ 40,000 писемъ. Морозы прекратили этотъ новый родъ почты; ледъ рвалъ и уносилъ сѣть. А потомъ, когда сѣть могла быть снова раскинута, наступило перемиріе. Впослѣдствіи изъ Сены и возлѣ морскаго берега было поймано неводомъ не малое количество подобныхъ шаровъ. Они такъ превосходно продолжали свое путешествіе, что во время прилива море и теперь еще выбрасываетъ нѣкоторые изъ нихъ на берегъ.

Расточительность Александра Дюма. — О расточительности покойнаго Александра Дюма—*Figaro* разсказываетъ чрезвычайно странныя вещи. Словно стая вороновъ, тянулись жадные ростовщики къ дому знаменитаго писателя, который былъ самымъ плохимъ счетчикомъ во всемъ свѣтѣ. Заимодавецъ, ссудившій ему какую-нибудь тысячу франковъ, дѣлался черезъ нѣсколько лѣтъ обладателемъ нѣкотораго состоянія. Да еще эта тысяча франковъ почти никогда не попадала ему и въ руки-то: въ воротахъ его дома, на лѣстницѣ, въ передней его уже ждали разные просители, такъ что когда онъ входилъ въ свою комнату, то въ карманѣ у него оставалось уже нѣсколько франковъ. Женщины стоили ему изумительно дорого; въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящій ребенокъ: ему непремѣнно нужна была кукла, только живая. Чтобы сдѣлать угодное тѣмъ, кого онъ любилъ, онъ не жалѣлъ ничего. Такимъ образомъ напр. для того, чтобы выручить изъ затрудненія одного друга, нуждавшагося въ 1000 франковъ, онъ продалъ за 1000 франковъ извѣстное созданіе Делакруа «Тассо въ домѣ сумасшедшихъ», стоящее 20,000 франковъ. Однажды онъ продалъ издателю Мишелю Леви всѣ сочиненія, которыя будутъ написаны имъ до 1880 года. Получивъ росписку въ 100,000 франковъ, онъ сію же минуту отправился въ Марсель, гдѣ снарядилъ корабль «Эмма». Не прошло двухъ недѣль, какъ въ Парижъ пришло письмо, въ которомъ онъ требовалъ 3,000 франковъ, потому-что иначе онъ не можетъ выѣхать изъ Марселя. Росписку на остальные 75,000 франковъ, онъ вскорѣ послѣ этого, заложилъ за 1000 франковъ одному ростовщику, и его сынъ выкупилъ этотъ залогъ за 11,000 франковъ. Въ 1847 году онъ передалъ всѣ свои драматическія права за 160,000 франковъ—и тутъ тоже пришлось его сыну пожертвовать значительной выкупной суммой, для того чтобъ парализовать слѣдствія подобнаго легкомыслія. Когда Александръ Дюма нуждался въ деньгахъ, то у него можно было выманить за безцѣнокъ какое угодно письменное обязательство, и этой-то слабостью знаменитаго писателя воспользовались очень многіе.

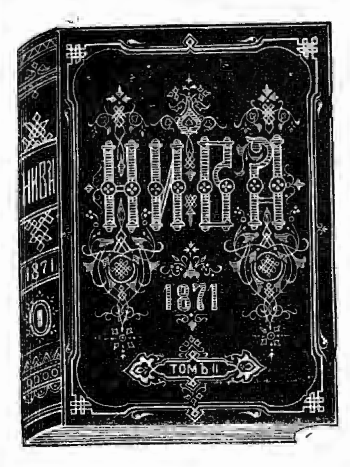
Желѣзная гавань. — Мистеръ Скоттъ Руссель придумалъ планъ для устройства въ Кале новой гавани, которая должна быть вся изъ желѣза. Этотъ планъ, сдѣланный имъ еще до начала послѣдней войны, одобренъ теперь министромъ публичныхъ работъ, который обѣщаетъ привесть его немедленно въ исполненіе. Согласно съ этимъ планомъ, новая гавань будетъ устроена кругообразно, изъ желѣза и цемента, въ 1 километръ въ окружности и въ 1000 футовъ въ поперечникѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ твердой земли, съ которой она будетъ соединяться посредствомъ моста для желѣзной дороги. Когда обѣ эти пристани будутъ окончены, что будетъ исполнено еще до открытія всемірной выставки въ Вѣнѣ 1 мая 1873 года, то переѣздъ черезъ каналъ будетъ происходить слѣдующимъ образомъ. Два поѣзда, одинъ изъ улицы «Викторія», а другой изъ улицы «Каннонъ» выѣзжаютъ изъ Лондона въ одно и то же время. Прибывъ въ Дувръ, они отправляются на большомъ пароходѣ, шириною въ сорокъ, а длиною въ четыреста футовъ. Благодаря огромности своихъ размѣровъ, этотъ пароходъ почти безопасенъ отъ качки, вслѣдствіе чего пассажиры менѣе подвержены морской болѣзни. Въ Кале, оба находящіеся на немъ поѣзда перевозятся посредствомъ локомотивовъ съ палубы парохода въ гавань, а оттуда черезъ мостъ на твердую землю.

Не вѣроятно, но доказано. — Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ производитъ лондонскій почтамтъ свои дѣла — объ этомъ можно получить понятіе тогда только, когда мы обратимъ вниманіе на незначительныя вещи и мелочи, требующіяся для этого учрежденія. Въ 1870 г. тутъ было употреблено 10 милліоновъ аршинъ бичевы для связки писемъ, отправленныхъ въ различныя провинціи; 17,000 фунтовъ сургучу для печатанья почтовыхъ сумокъ и 80,000 центнеровъ штемпельныхъ чернилъ для клеймленія. Въ томъ же самомъ году отправлено по почтѣ въ разныя мѣстности Англіи, въ Шотландію и Ирландію 862,722,000 писемъ, не считая 130,169,000 пакетовъ съ запечатанными вещами или съ образцами товаровъ и 9,811,432 почтовыхъ повѣстокъ на 19,395,635 фунтовъ стерлинговъ. Среднимъ числомъ, на каждаго жителя Англіи приходится по 31, на каждаго шотландца по 25, а на каждаго ирландца по 12 писемъ. По этой перепискѣ можно судить о богатствѣ, дѣятельности и интеллигенціи различныхъ жителей соединеннаго королевства.

Петролеумъ какъ суррогатъ спирта для приготовленія кушанья. — Мы обращаемъ вниманіе хозяекъ, путешественниковъ и т. п. на новое изобрѣтеніе. Это патентованный кухонный снарядъ для приготовленія кушанья при помощи петролеума, доктора *Гегериха*. Съ помощью этого аппарата вы можете безопасно варить, жарить, печь, поджаривать тоже и т. п. гдѣ вамъ угодно, на столѣ, стулѣ, безъ дыму и запаху, при чемъ требуется только по три лота петролиуму въ часъ. Для этого кипятятъ десять фунтовъ воды, варятъ мясо, супъ, овощи и картофель въ *одно и тоже время* въ паровыхъ горшкахъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ. Такіе аппараты продаются въ Бреславлѣ у Адальберта Физлера.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДЛЯ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ".



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета „Нивы" 1871 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ въ чисто русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко перенести въ нее нумера „Нивы". Цѣна 1 рубль. Съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

Въ редакціи продаются также полные экземпляры „Нивы" 1870 и 1871 годовъ, каждый томъ болѣе чѣмъ съ 200 художественно выполненныхъ рисунковъ.

ЦѢНА:

Брошюрованному	4 р.	съ пересылкою 5 р.
Въ простомъ переплетѣ	4 » 50 к.	» 5 » 50 к.
Въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ	5 » 50 »	» 6 » 50 »

Дозволено цензурою 6 Апрѣля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 16. 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 апрѣля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу В. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

XVI.

Что посѣяно, то пожинается.

Пріѣздъ Галдилина, вся кутерьма которую онъ надѣлалъ, чуть было не состоявшійся арестъ, наконецъ вопли и плачъ женщинъ, — ничто повидимому не затронуло Василія Никитича настолько, чтобы онъ вышелъ изъ тягостной апатіи. Новое горе — уже нѣсколько дней скрываемое отъ домашнихъ и тѣмъ сильнѣй угнетавшее его — поразило его внезапно, въ самомъ разгарѣ лелѣемыхъ имъ надеждъ. Эти надежды, такъ было помолодившія главу дому Коржавиныхъ, обѣщали ему нетолько обширное поле дѣятельности, но и обильную жатву добра въ будущемъ. Самолюбіе, даже въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, до сихъ поръ было послѣднею струною въ Коржавинѣ — для него въ сущности было все равно: онъ или не онъ будетъ дѣйствовать въ пользу согражданъ, лишь бы благодѣтельныя преобразованія коснулись ихъ быта — изъ загнаннаго забитаго посадскаго выработали честнаго гражданина, способнаго понимать законность дѣйствовать съ сознаніемъ достоинства и съ желаніемъ приноситьмощь водворенію общаго благосостоянія. Работая надъ своимъ перечнемъ, онъ не щадилъ ни старыхъ силъ, ни времени, ни денежныхъ тратъ на справки, проводилъ какъ юноша ночи безъ сна, пренебрегалъ даже торговыми своими дѣлами—и все таки ошибся въ разсчетѣ.

Думая о пересозданіи своего сословія, или лучше сказать объ уничтоженіи всего наросшаго въ средѣ его вѣками предразсудковъ, невѣжества, дикаго произвола, своекорыстія и нежеланія отдѣльныхъ членовъ приступить къ самодѣятельности, ради тупаго немогузнайства и ограниченныхъ расчетовъ,—онъ забывалъ, что ему придется имѣть дѣло съ тѣми самыми людьми, которые допускали все это.

Когда дошло до дѣла, равнодушные къ безобразію настоящаго, члены этой клики рѣшили, что само въ руки дается имъ счастіе, — что слѣдуетъ только употребить маленькую хитрость, и желанія ихъ увѣнчаются успѣхомъ; а желанія ихъ заключались въ вещахъ самыхъ невинныхъ и далеко не затруднительныхъ, какъ имъ казалось. Эти разумные мужи-граждане желали, напримѣръ, для удовлетворенія своей кичливости, чтобъ имъ позволили покупать крестьянъ и деревни, не на посессіонномъ правѣ для развитія фабрикъ, а чисто на помѣщичьемъ.

Хотѣли они высокихъ ранговъ и золотыхъ мундировъ, съ одной стороны—чтобъ показать свое значеніе предъ чиновниками взаправду, а съ другой — чтобъ эти мундиры были грозой на бѣдныхъ мѣщанъ, межь которыхъ первостатейные думали разъигрывать роль князьковъ. Мундиры для удовлетворенія честолюбія этихъ самозванныхъ patres conscripti—Василій Никитичъ въ проэктѣ своемъ еще допускалъ въ пользу тѣхъ негоціантовъ, которые заведутъ заграничную торговлю сами «и на своихъ корабляхъ,» вставилъ онъ для большей убѣдительности; но никакъ не могъ переварить идеи помѣщичьяго права надъ одногорожанами, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они еще не разжились. Поэтому, на правѣ патроната и кліентизма и произошелъ первый разладъ.

Обѣ стороны не уступали, да признаться-сказать слабѣйшей сторонѣ т. е. составителю проекта и трудно было вступить въ сдѣлку, такъ какъ почтенные обладатели толстой мошны, для пущаго усиленія своей значительности, требовали еще права самосуда, понимая его опять по своему. Они напримѣръ находили очень разумнымъ и вполнѣ естественнымъ, чтобы первостатейнымъ предоставить право сѣченія и прочихъ наказаній своей прислуги, безъ всякаго контроля и отвѣтственности, «для лучшаго порядка», какъ они говорили, прямо ссылаясь на права родительскія и на патріархальность отношеній хозяина къ прикащикамъ и ниже. Идеи Василія Никитича объ учрежденіи вспомогательнаго банка, для пособія начинающимъ торговлю, сперва какъ будто и поманили его успѣхомъ, когда удалось ему довольно наглядно разъяснить непрерывное возрастаніе дохода. Но злой судьбѣ Коржавина угодно было, чтобъ на засѣданіи въ числѣ прочихъ очутился и Молчановъ-Хмуровъ. Тотъ ни какъ не могъ забыть отказа Василья Никитича ѣхать на Вѣтку, искалъ всякаго случая придраться—и теперь высказанная имъ посылка, съ точки зрѣнія его очень логичная, навѣяла на своекорыстныхъ капиталистовъ страхъ и опасенія за свою будущность.

— Коли эти голыши да на наши денежки расторгуются, такъ мы-то причемъ останемся? говорилъ Хмуровъ купцамъ,—у него теперя-тко нѣтъ, онъ въ банкѣ займетъ, на мои денежки барышъ возьметъ, барышу-то будетъ болѣ чѣмъ росту. Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, коли бы онъ барышъ за проценты отдалъ — ну это выгодно было бы...

— За что-жь ему проценты платить, коли барышомъ не пользоваться? спрашивалъ Василій Никитичъ.

— Да вѣдь барышъ-отъ мой, а онъ значитъ торговалъ у меня на отчетѣ...

— Нѣтъ онъ бралъ на свой страхъ, а не на отчетъ.

— А! на страхъ?! Ну, а коли истранжиритъ ихъ— денежки-то значитъ пропали коли на страхъ, самодовольно поглаживая бороду говорилъ Хмуровъ.

— Да вѣдь съ порукой... съ тремя поручителями!.. не уступалъ Василій Никитичъ, начиная горячиться.

— Да почемъ я знаю, есть ли у поручителей-то?.. Можетъ всѣ на кругъ обдуваютъ... Да и то не ладно: вѣдь онъ нынѣ займетъ пятьсотъ рублевъ, на тотъ годъ тысячу, а тамъ и до двадцати дойдетъ, — тогда ему и чортъ не братъ — станетъ такой же купчина какъ я...

— Да давая ему торговать, вы расширяете коммермерцію. Чтожь деньгамъ - то безъ движенія лежать? — все равно что въ землѣ закопать!.. Вѣдь въ займы даете же...

— Эка ты что смѣнилъ! ядовито засмѣялся Хмуровъ, — даемъ, да кому? — барамъ — еще бы не давать! — зато подъ какіе росты, да и втянешь въ неоплатные, тутъ ужь все за безцѣнокъ идетъ... Дѣло начистоту.

— Какъ на чистоту — самое черное дѣло: находить выгоду въ томъ, что другой раззоряется!.. вспылилъ Коржавинъ.

— А по твоему какъ же! — вотъ у насъ теперь положимъ десять лавокъ суконныхъ, да и то покупщиками сбивается; а какъ двадцать заведется, такъ въ мою лавку и не заглянутъ... А я себѣ въ бирюльки играй?.. Неча сказать — уважилъ!.. Да не обидно бы еще было, когда бы у такожь христіанина какъ я торговля шла — ну, свой свояку поневолѣ другъ, а какъ голыши-щепотники станутъ у тебя изъ-подъ носу кусы-то выхватывать, такъ вотъ ужь подлинно обидно, что на свои деньги купилъ себѣ ворога.

Въ средѣ купцовъ, большею частью старообрядцевъ, пронесся ободрительный ропотъ.

— Да вѣдь нѣмцы же торгуютъ, тоже не вашего толка? чтожь такая страсть на тебя напала, что наши бѣдняки разживутся?! еще горячѣе вступился Василій Никитичъ, почуявъ откуда вѣтеръ дуетъ, — давай Богъ всякому!.. Коли бы русскому народу побогаче стало — и всѣмъ бы лучше было — и государству подати бы взносились исправнѣе, и голода бы уменьшились, иное бы и вздешевѣло...

Тутъ ужь нѣсколько человѣкъ разомъ поднялись и заговорили всѣ вмѣстѣ.

— Ишь ты, краснобай! всѣхъ братъ не напитаешь. А то еще вздешевѣетъ — намъ-то что̀ за польза! Намъ чѣмъ дороже тѣмъ лучше! слышались голоса въ поддержку Молчанову-Хмурову.

Василій Никитичъ махнулъ рукой и, разсерженный до негодованія, вышелъ изъ комнаты. Водворилось молчаніе.

— Чтожь это онъ—и тягу? Причемъ же онъ насъ оставилъ? заговорилъ кто-то.

— Чего оставилъ? говори слава Богу, что впору высказался! отозвался Хмуровъ, — вишь какой ворогъ-то! онъ бы тебѣ посадилъ на шею всю эту гольтепу безпятую — всю бы въ купцы понадѣлалъ насчетъ нашего кармана...

На слѣдующія совѣщанія Коржавина уже не звали. Наступилъ день выборовъ. Василій Никитичъ нарочно пошелъ въ ряды мимо недавнихъ пріятелей — никто ему не кланяется.

— Ну что, какъ у васъ? спросилъ онъ у одного изъ маловліятельныхъ, который казался на видъ попроще.

— Да то-есть насчетъ чего?

— Съ депутатами-то, съ депутатами-то какъ вы?

— Да не знаю, какъ старшіе, отвѣтилъ тотъ, почесывая въ затылкѣ. — Говорятъ, будто ужь имѣютъ на примѣтѣ...

— Обижаться-то тутъ нечего, они бы выслушали, я бы ужь отстаивалъ ихъ интересы.

— Не знаю... какъ сказать... да, конечно... отвѣчалъ купецъ, и каждое слово его тяжелымъ молотомъ било по сердцу Коржавину. — Да кажется, они ужь выбрали. Прощенья просимъ! отчеканилъ скороговоркой и скрылся.

Совсѣмъ уничтоженный потащился Коржавинъ по желѣзному ряду... Тамъ, въ одной изъ лавокъ, рыжеволосый парень, размахивая руками, во все горло вѣщалъ новость.

— И баринъ-тъ какой преотмѣнный! Какъ онъ нашихъ принялъ! Все господами да хозяевами величалъ, и присѣсть просилъ — чего говоритъ стоите... И я значитъ съ полнымъ удовольствіемъ принимаю... На то, говоритъ, я князь Голицынъ есть—и Москва, говоритъ, моя родимая сторона, чтобы вы, господа посадскіе, безъ сумленія оставались. А ворогамъ говоритъ вашимъ низачто не выдамъ... И нашъ Хмуровъ ему про это самое, про золотые-то кафтаны, челобитье всучилъ... Хорошо, говоритъ, благо что надоумили, будетъ все по вашему: меня государыня знаетъ и не смѣняетъ на кого-нибудь...

Коржавинъ понялъ, что въ депутаты прочили князя Голицына — и сердце его болѣзненно сжалось.

— Одначе не совсѣмъ ладно, вмѣшался въ рѣчь одинъ изъ пожилыхъ мужиковъ, — какъ эвона Алексѣй заговорилъ, чтобы намъ крестьянъ покупать, а князь-отъ какъ свиснетъ да протяжно таково ровно иволга... «Эна, говоритъ, васъ куда метнуло—не широко ли, говоритъ, крылья распускаете? — а дворяне-то на что?».. Ужь на что̀ Алешка рѣзокъ, а тутъ сробѣлъ — потому нельзя— князь!..

И Василій Никитичъ, услыхавъ это, благословилъ ту рознь, которую проклиналъ до сихъ поръ — само собою складывалось то, за что онъ боролся. Но тѣмъ не менѣе мысль о томъ, что князь легкомысленно будетъ относиться къ насущнымъ потребностямъ общества, отравляла ему душу...

— Господи, кабы не было страданій, не почувствовалъ бы, что человѣкъ есмь! твердилъ онъ себѣ въ утѣшеніе, возвратившись домой. Но ему все-таки было горько—такъ горько, что впослѣдствіи ни Галдилинъ, ни вся неурядица не производили уже на него впечатлѣнія.

Проводивъ Груню съ Баженовымъ, Василій Никитичъ не вернулся въ горницы, а прошелъ въ садъ и побродивъ по заросшимъ тропинкамъ, присѣлъ на ту лавочку, гдѣ такъ недавно еще Өедоръ объяснялся съ Груней.

Съ лужаекъ вѣяло живительнымъ запахомъ скошенной травы; солнце пронизывало листву ослѣпительными лучами и чорныя тѣни листьевъ вырѣзывались на освѣщенной зелени и поперекъ дорожекъ. Скоро пришелъ Өедоръ; подсѣвъ къ отцу, онъ пробовалъ нѣсколько разъ заговаривать о томъ о семъ, но тотъ ему ничего не отвѣчалъ, и Өедоръ окончательно-было занялся чтеніемъ «Маріанны Бомарше», изрѣдка отрывочными выходками выражая свое недовольство топорнымъ переводомъ. Вдругъ, куртины за двѣ, въ кустахъ раздались голоса Груни, старухи Красухиной и Баженова.

Говорили какъ-то всѣ разомъ, оживленно и словно торопясь.

— Вотъ я давеча назвалъ васъ матушкой невзначай, а теперь выходитъ вправду, слышался голосъ Баженова, — не препятствуйте нашему счастію... Аграфена Александровна мнѣ сказала, что коли вамъ не противно, такъ она за меня идетъ охотою... Графъ Григорьевичъ вызывается быть посаженымъ...

— Батюшка, отзывалась Красухина, — ужль жь я ворогъ своему дитяткѣ,—спаси тебя Господь, что призрѣлъ сироту...

И старческій голосъ зазвенѣлъ какъ - то радостно, шутливо обращаясь къ дочери: «Какъ же ты, голубушка моя, говорила, что за перваго встрѣчнаго не пойдешь?..

— Да оно и впрямь не такъ, матушка! онъ не встрѣтился, а самъ сюда пришелъ, отыскалъ меня, говорила Груня.

— Ну, дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!

Что-то больно кольнуло Өедора, и онъ какъ пригвожденный остался на мѣстѣ. Всегда вѣтреный, въ эту минуту онъ впервые почувствовалъ, что теряетъ навѣки невѣдомое благо, котораго цѣну вполнѣ не сознавалъ; тутъ было все — и оскорбленное самолюбіе, и досада на самого себя, и обида отъ предпочтенія, чего онъ никогда не хотѣлъ даже и представлять себѣ возможнымъ...

— Батюшка, Василій Никитичъ, извини! проговорила Красухина, появляясь первою впереди молодой четы, — и ума не приложу, какъ это Груняша сладила... Безъ воли Божіей и волосъ, говорится въ писаніи, не спадаетъ съ головы человѣческой — стало судьба; такъ ужь ей видно на роду написано...

— Слава Богу, въ счастливый часъ да въ добрый, отвѣтилъ Василій Никитичъ, — вѣдь Аграфенѣ Александровнѣ съ нимъ жить; стало: кого выбрала — тому и вѣнецъ...

Лицо Өедора приняло при этихъ словахъ выраженіе необычайной ярости, онъ стиснулъ зубы и посмотрѣлъ на отца. Но сановитый Коржавинъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить этого взгляда, и лицо освѣтилось доброю улыбкою, когда онъ обратился къ Баженову.

— Поздравляю, Василій Иванычъ, боярышня добрая, и за тобою—чувствую — не пропадетъ...

Еще злѣе исказилось лицо Өедора. Баженовъ съ явною неловкостью подошелъ къ нему, какъ-то пошевеливая плечами и глядя въ землю.

— Ну, Өедя, не гнѣвись, будемъ друзьями по старому! Уладить-то я уладилъ, да не совсѣмъ такъ вышло, принужденно сказалъ Баженовъ.

— Коли въ сорочкѣ родился, твое счастье при тебѣ! язвительно процѣдилъ Өедоръ сквозь зубы, съ нахальствомъ взглянувъ на Груню, — ну, а дружбу-то побереги про другихъ; впрочемъ, желаю всякаго благополучія, а мнѣ тутъ нечего дѣлать...

И онъ быстрыми шагами пошелъ по тропинкѣ къ дому; на крыльцѣ встрѣтилъ мать и проворчалъ: «это чортъ знаетъ что̀ дѣлается!.. прозѣвали невѣстку-то?!. На! изъ-подъ носа утащилъ».

На удивленный взглядъ Анны Исаевны, онъ дико захохоталъ и бросился наверхъ въ свою свѣтелку.

Анна Исаевна съ перепуга сотворила молитву и поспѣшила въ садъ.

— Что съ малымъ-отъ сдѣлалось? не рехнулся ли? повторяла она про себя.

Узнавъ въ чемъ дѣло, она такъ близко къ сердцу приняла это огорченіе, что жалко было глядѣть на старуху.

Баженову окончательно стало неловко.

— Прощайте, матушка! прощай, радость моя! говорилъ онъ, откланиваясь, — завтра увидимся, привезу къ тебѣ моего старика со старухой.

Какъ только Баженовъ съ Груней вышли изъ сада, вся принужденность и неловкость жениха исчезли; онъ глядѣлъ на свою нарѣченную съ выраженіемъ такого сіяющаго блаженства, словно все тяжелое, гнетущее было покончено и далеко-далеко за нимъ, а впереди открывалось одно свѣтлое, новое, манящее...

— Точь въ точь во снѣ, говорилъ онъ Грунѣ, пожимая ея руку,—и понять не могу, какъ у меня хватило смѣлости давеча открыться тебѣ, моя голубка!.. Такъ это внезапно сдѣлалось, ровно кто бы подтолкнулъ меня!..

— Тебѣ ужь трудно было... а я-то, Василій Иванычъ!.. застѣнчиво краснѣя отозвалась Груня,—сколько разъ бывало провожаю тебя вотъ къ этой самой калиткѣ — и какъ захлопнется она за тобой, точно камень какой завалитъ мнѣ сердце; такъ бывало и оторвется все—таково грустно станетъ—и сама бывало не знаю, къ чему оно такъ—анъ оно вонъ къ чему...

— Дорогая моя, желанная! шепталъ Баженовъ, впервые привлекая ее къ своей груди,—никакія силы теперь не оторвутъ тебя отъ моего сердца...

И онъ въ забытьи приклонилъ къ ней зардѣвшееся лицо... Груня, слабо отстранялась, невольно уступая невѣдомому ей обаянію близости милаго человѣка...

— Постой... погоди... увидятъ неравно, боязливо молила она,—скоро я стану твоя навсегда, крѣпко-накрѣпко... Буду тебѣ вѣрной рабой, воля твоя мнѣ закономъ будетъ... А своей воли у меня и теперь ужь нѣтъ, съ тихимъ счастливымъ вздохомъ докончила Груня, безсильно опустивъ голову на грудь Баженова...

Ѳедоръ видѣлъ изъ окна своей свѣтелки молодую чету, недвижно, безмолвно стоявшую у воротъ въ тѣсномъ объятіи и забвеніи всего окружающаго. Не зная самъ что́ дѣлаетъ, онъ побѣжалъ внизъ и на крыльцо, но уже не захватилъ Баженова...

Груня, захлопнувъ калитку и повернувшись, такъ и дрогнула всѣмъ тѣломъ: въ нѣсколькихъ шагахъ передъ нею стоялъ Ѳедоръ, скрестивъ руки на груди—и видимо усиливаясь казаться спокойнымъ, въ упоръ глядѣлъ на нее сверкающимъ взглядомъ.

— За что же ты такъ насмѣялась надъ мною, Аграфена Александровна? началъ онъ сорвавшимся голосомъ, — ты, кажись, не такъ рѣшала, когда я пріѣхалъ.

— Помнится, я ничего не рѣшала, Ѳедоръ Васильичъ; порѣшилъ ты, отвѣтила Груня холодно.

— Я? понятился Ѳедоръ.

— Ты вонъ на томъ самомъ мѣстѣ говорилъ, какимъ ты мужемъ будешь; а нынѣ и на дѣлѣ показалъ, каковъ ты мнѣ защитникъ есть, отвѣтила она и подошла къ матери, шедшей съ Анной Исаевной къ дому. Старушки шли тихо и обѣ плакали — одна съ горя, другая съ радости. Добравшись до крыльца, обѣ сѣли на первой приступочкѣ, подгорюнившись.

— Не привелъ Богъ намъ породниться съ вами, матушка! начала Анна Исаевна, вздохнувъ.

— Что дѣлать, матушка, на все Божья воля, суженаго конемъ не объѣдешь—и сама ума не приложу, какъ все свертѣлось.

А Ѳедоръ пошелъ искать отца въ саду.

— Здравствуйте, Василій Никитичъ! проговорилъ онъ, насмѣшливо раскланиваясь передъ старикомъ, — мы съ вами оба значитъ въ дуракахъ... Славно женилъ сына!.. Ха, ха, ха!

— Ахъ ты, пустозвонъ-мальчишка! отозвался тотъ,—да вѣдь въ эту дудку мое дѣло тебѣ проиграть — вѣдь не кто другой, а ты самъ все это подстроилъ...

— И тутъ опять я же виноватъ? перебилъ Ѳедоръ, разставивъ руки.

— Да какъ же не ты? вѣдь тебѣ жениться-то было—начто-жь ты не понравился?..

— Понравиться?.. Пусть ей чортъ понравится, а Васька Баженовъ еще наплачется съ ней: провела меня—и его проведетъ.

— Ну, не дуракъ ли ты, коли врешь безъ памяти?..

— Подлинно, дуракъ, что повѣрилъ тебѣ, будто ты и вправду путное дѣло затѣялъ...

— Это что? ты никакъ меня корить вздумалъ? сказалъ приподнимаясь Коржавинъ, — только знай, что меня хоть ослы и лягаютъ, а я еще не совсѣмъ обезсилѣлъ... Я же тебѣ все простилъ—и ты въ такую горькую минуту мнѣ осмѣливаешься надо мной издѣваться...

— Простилъ? да тебѣ другаго ничего и дѣлать не оставалось! — считаться хочешь — давай!..

И онъ сталъ прямо передъ отцомъ въ позу борца, готоваго отбивать удары.

— Съ кѣмъ считаться, безумецъ?—отцу съ сыномъ?

— Да былъ ли ты мнѣ отцомъ, когда завезъ за границу да тамъ и бросилъ?

— Я старался дать тебѣ образованіе... а ты что дѣлалъ?

— То же что и всѣ молодые люди—кто жъ молодъ не бывалъ? — это твои же слова. Я вѣдь не уродомъ родился...

— Нѣтъ, а сталъ уродъ... Изъ тебя думали сдѣлать человѣка а вышелъ пустомеля, не годный ни на что́ путное.

— Да изъ тебя то что́ вышло? сказалъ Ѳедоръ,—ты хвалишься своимъ умомъ—на чтожь его хватило?

Василій Никитичъ поглядѣлъ на сына въ нѣмомъ изумленіи, словно не вѣря ушамъ, и долго не могъ собраться съ надлежащимъ спокойствіемъ, чтобъ отвѣтить ему.

Ѳедоръ стоялъ передъ нимъ выжидая.

— Ты чтожь въ самомъ дѣлѣ—судить меня чтоли задумалъ? блѣднѣя отъ негодованія проговорилъ Коржавинъ.

— Аль не по шерсти! язвительно отвѣтилъ Ѳедоръ,—гдѣ жъ оно хваленое свободомысліе? Какой же ты послѣ этого послѣдователь отца нашего, Вольтера?..

Василій Никитичъ плюнулъ и пошелъ изъ сада.

— Правъ ты, Боже, меня наказуя! говорилъ онъ про себя, — во истину я заблуждался, думая, что можно давать свободу неразумнымъ... Я смѣлъ думать, что неразуміе пройдетъ, а оно только въ гору растетъ, когда нѣтъ твердаго основанія и нѣтъ узды, держащей въ границахъ... Зло отягощеніе, но не добро и распущенность.

(Продолженіе будетъ).

Снятіе со креста.

Съ картины Рубенса.

Глава Антверпенской школы, Питеръ Пауль Рюбенсъ, съ картины котораго мы прилагаемъ снимокъ въ настоящемъ нумерѣ, родился въ Кельнѣ 1577 года. Природная склонность влекла его къ живописи, для которой отецъ его вовсе не предназначалъ своего сына. Послѣ первыхъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ, Рюбенсъ

Снятіе со креста. (Съ картины Рюбенса).
Рисовалъ К. Брожъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

поѣхалъ въ Италію, гдѣ герцогъ мантуанскій, которому извѣстны были рѣдкія дарованія художника, помѣстилъ его въ своемъ дворцѣ. Изъ Мантуи онъ отправился въ Римъ, а потомъ въ Геную, и наконецъ воротился въ Фландрію, спѣша къ больной матери. Въ Антверпенѣ онъ между прочимъ исполнилъ по заказу Маріи Медичи тѣ картины, что впослѣдствіи украсили галлерею люксамбургскаго дворца въ Парижѣ.

Рюбенсъ отличался нетолько въ живописи, онъ былъ также искуснымъ дипломатомъ. Герцогъ Бокингэмъ поручилъ ему уладить несогласія Англіи съ Испаніей, переговоривъ лично съ инфантой Изабеллой, въ то время вдовой эрцгерцога Альберта, милостями котораго пользовался великій художникъ. Рюбенсъ настолько успѣшно велъ переговоры, что принцесса послала его къ королю испанскому, Филиппу IV, съ порученіемъ предложить условія міра и получить отъ него инструкціи. Филиппъ, очарованный геніальнымъ художникомъ, возвелъ его въ дворянское достоинство и сдѣлалъ его своимъ тайнымъ совѣтникомъ. Рюбенсъ возвратился въ Брюссель къ инфантѣ съ отчетомъ о своихъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ онъ отправился въ Англію съ порученіями его католическаго величества; міръ былъ заключенъ согласно обоюднымъ желаніемъ друхъ государей. Король Англіи, Карлъ I также возвелъ Рюбенса въ дворянское достоинство — и въ полномъ собраніи парламента обнаживъ свою шпагу подалъ ее Рюбенсу; сверхъ того подарилъ ему бриліантовый перстень съ своей руки и ленту осыпанную алмазами. Рюбенсъ воротился въ Испанію, гдѣ онъ былъ удостоенъ золотаго ключа и назначенъ секретаремъ государственнаго совѣта въ Нидерландахъ. Наконецъ, осыпанный почестями и наградами, онъ вернулся въ Антверпенъ, гдѣ и женился на Эленѣ Брандтъ (Фурманъ), славившейся блескомъ ея красоты. Онъ дѣлилъ свое время между живописью и государственными дѣлами, живя первостатейнымъ вельможею. Выраженіе лица, осанка и обращеніе его отличались благородствомъ разговоръ поражалъ блескомъ остроумія и краснорѣчія. Онъ зналъ семь языковъ, и въ добавокъ еще былъ искуснымъ архитекторомъ.

Рюбенсъ умеръ въ Антверпенѣ, въ 1640 году, оставивъ дѣтямъ громадное богатство, а старшему даже и должность секретаря государственнаго совѣта во Фландріи.

Что будетъ въ 2072 году.

(Окончаніе).

Я поблагодарилъ *Бекона* за его въ высшей степени интересные разсказы и спросилъ его: «держится ли этотъ новый законъ — касательно высшаго образованія—того принципа, что рѣшительно все равно: гдѣ и какимъ образомъ то или другое лицо получило образованіе, лишь бы оно выдержало экзаменъ въ государственномъ комитетѣ, учрежденномъ для этой цѣли?

— Вы касаетесь щекотливаго предмета, возразилъ *Беконъ*, — на который смотрѣли совершенно противоположнымъ образомъ, при чемъ именно наименѣе компетентные судьи, тѣ которые не имѣютъ ни малѣйшей опытности въ дѣлѣ подобныхъ испытаній, особенно сильно настаивали на своемъ мнѣніи. Упомянутый вами принципъ, съ перваго взгляда, какъ будто бы совершенно законенъ. Приверженцы этого принципа излагаютъ его приблизительно такимъ образомъ: «Имѣя извѣстное количество льняныхъ сѣменъ, мы выжимаемъ изъ нихъ, посредствомъ однихъ и тѣхъ же тисковъ и при одинаковой степени давленія, всегда опредѣленное количество масла,—а потому-то это количество и представляетъ собою относительное достоинство различныхъ сортовъ льняныхъ сѣменъ; такимъ образомъ, нужно только имѣть хорошіе тиски, которые всегда равномѣрно дѣйствовали бы. Испытаніе—своего рода тиски, гдѣ испытуемый является для того чтобъ изъ него выжали то количество свѣденій, которое предписывается какъ условіе его состоятельности. Заведите хорошіе испытательные тиски—и вы, во всякое время, получите подобные же, и вслѣдствіе этого, надлежащіе результаты.

— Но тутъ явилось слѣдующее затрудненіе. Изъ дерева и желѣза можно легко устроить тиски, которые всегда будутъ имѣть одинаковое дѣйствіе; но съ испытательными тисками совсѣмъ другое дѣло. Матеріалу для такихъ тисковъ не вездѣ можно достать, въ особенности же когда приходится выжимать свѣденія, доставляемыя высшимъ образованіемъ. Экзаменаторы сдѣланы не изъ дерева и желѣза, а экзаминуемые—не льняныя сѣмена: и тѣ и другіе—люди, т. е. одушевленныя существа, взаимное соприкосновеніе которыхъ ведетъ за собою самыя разнообразныя дѣйствія и противодѣйствія; поэтому-то о совершенно одинаковыхъ результатахъ испытанія нечего и говорить, въ особенности же если экзаменаторы и экзаминующіеся чужды другъ другу.

— Чтобы устранить это затрудненіе и спасти принципъ, въ силу котораго достиженіе одинаковыхъ правъ основывается на исполненіи совершенно-одинаковыхъ требованій, правительство назначило извѣстные учебники, которыхъ слѣдовало съ этихъ поръ держаться. Но тутъ вскорѣ оказалось, что при составленіи учебниковъ многіе хлопочутъ о томъ только, чтобъ они были удобны для употребленія и какъ можно больше облегчали экзамены; для каждаго предмета были изданы небольшія книжки съ вопросами и отвѣтами въ катехизической формѣ. Этимъ надѣялись достигнуть одинаковости экзаменовъ. Но и тутъ все еще носились, по временамъ, слухи о несправедливыхъ и произвольныхъ пріемахъ испытательнаго комитета,—и нѣкоторымъ изъ заинтересованныхъ этимъ дѣломъ лицъ пришло на умъ, нельзя ли производить испытанія физико-механическимъ путемъ. Если есть зеркала для глазъ, ушей, горла, и и. п., то почему же не быть и *зеркаламъ* для мозга? Если есть самоотмѣчающіе термометры, барометры, магнитометры, фотометры, и т. п., то почему же не быть и *самоотмѣчающимъ энцефалометрамъ*? эти энцефалометры должны бы показывать съ точностію, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, степень познаній того или другаго индивидуума во время приложенія инструмента? Превосходная выдумка какъ для кандидатовъ, такъ и для экзаминаторовъ. Жаль только, что дѣло остановилось за исполненіемъ и что энцефалометры оказались такою же химерою, какъ *perpetuum mobile* и квадратура круга.

— Впрочемъ во время этой погони за непогрѣшимой системой испытанія было сдѣлано очень полезное,

хотя и далеко не отрадное открытіе: по мѣрѣ того какъ молодые люди хлопотали о пріобрѣтеніи свѣденій, которыя необходимы для сдачи экзамена государственному комитету, стремленіе къ свободному занятію наукою, къ наукѣ собственно, все болѣе и болѣе ослабѣвало. Высшее образованіе не можетъ состоять въ одной подготовкѣ къ той или другой профессіи; оно должно, главнымъ образомъ, развить всѣ вообще способности человѣка,—а этого-то и не было. Уподобляясь китайцамъ, у которыхъ экзамены играютъ такую важную роль, голландцы убѣдились, что они того и смотри сдѣлаются европейскими китайцами. Они увидали, что какъ бы ни былъ вѣренъ принципъ, но если онъ переходитъ за извѣстныя границы, то причиняетъ вредъ; что на экзамены надо смотрѣть какъ на необходимое зло, и что это чистая химера воображать, будто бы подобныя испытанія посредствомъ государственнаго комитета даютъ вѣрное и безошибочное мѣрило для опредѣленія не только сохраняющихся въ памяти свѣденій, но и всего вообще умственнаго развитія и практической пригодности экзаменующагося. Убѣдились также и въ томъ, что испытанія посредствомъ государственнаго комитета не побуждаютъ студентовъ къ болѣе усердному занятію науками. Для этого слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя должны внушать бодрость, а не отнимать ее, какъ дѣлаетъ это страхъ. Человѣческій духъ подобенъ жидкости, способной къ броженію: безъ закваски она не можетъ бродить, и теплота способствуетъ броженію, а холодъ, напротивъ того, замедляетъ его. Способствуйте же высшему образованію, опредѣляя на мѣста лучшихъ учителей, назначивъ имъ при этомъ приличное вознагражденіе, для того чтобъ просвѣщеніе распространялось во всѣ стороны; а потомъ поощряйте всякое стремленіе къ основательному занятію наукою— и благодѣтельные результаты не заставятъ ждать себя. При первомъ основаніи университетовъ—имъ, въ качествѣ духовныхъ личностей, даны были извѣстныя права и преимущества, которыя были унесены мало-по-малу потокомъ времени, потому-что не согласовались съ новѣйшими общественными условіями. Но за голландскими университетами осталось право (которое я готовъ даже назвать обязанностью) давать своимъ воспитанникамъ ученыя степени по выдержаніи ими экзамена. Эти экзамены подверглись той же участи, какъ и всѣ прочіе экзамены—они не давали вполнѣ удовлетворительнаго ручательства. Объ этой невыгодной сторонѣ университетскихъ экзаменовъ было говорено много и долго, тогда какъ хорошія стороны этого установленія были совершенно упущены изъ виду; такимъ образомъ, эти испытанія стали отмѣняться одно за другимъ и наконецъ были поручены особеннымъ комитетамъ. Когда же многократные и домовременные опыты доказали, что, перемѣнивъ одну форму на другую, общество перешло изъ Сциллы въ Харибду и что поговорка: *le mieux c'est l'ennemi du bien* подтвердилась и на этотъ разъ,— то прежняя система испытанія опять восторжествовала, конечно въ нѣсколько исправленномъ и улучшенномъ видѣ.

— Благодаря уменьшенію платы за слушаніе лекцій и назначенію субсидій особенно-отличившимся молодымъ людямъ, число студентовъ увеличилось до такой степени, что теперь нѣтъ никакого основанія замѣщать такъ-называемыя ученыя должности не-университетскими воспитанниками. На возраженіе, что несправедливо отказывать въ этихъ должностяхъ тѣмъ, кто пріобрѣлъ необходимыя для этого свѣденія другимъ путемъ, помимо университета,—я замѣчу, что интересъ частныхъ лицъ долженъ подчиняться интересамъ государства, для котораго важнѣе всего процвѣтаніе университета.

Въ то время какъ мы разговаривали такимъ образомъ, нашъ аэростатъ принялъ юговосточное направленіе, и мало-по-малу Нидерланды скрылись изъ вида. Къ востоку отъ насъ я замѣтилъ что-то черное, двигавшееся по поверхности земли съ величайшею скоростію по направленію къ намъ. Это *что-то* все больше и больше увеличивалось, все больше и больше занимало мѣста и дымило подъ нами. Но я уже разглядѣлъ, что это былъ длинный поѣздъ, только вагоны въ немъ были такъ велики, что ихъ скорѣе можно было назвать домами, чѣмъ вагонами. — Откуда этотъ поѣздъ? спросилъ я. *Беконъ* посмотрѣлъ въ своемъ путеводителѣ и сказалъ: «это поѣздъ, отправившійся третьяго дня утромъ изъ Пекина по большой центральной восточно-западной дорогѣ».

— Изъ Пекина? слѣдовательно черезъ высокія горы Азіи и Уралъ?

— Подобныя препятствія теперь очень мало значатъ. Вѣдь просверлили же, два столѣтія тому назадъ, Монъ-Сени. И если въ то время преграда между Франціей и Италіей была устранена, то вы убѣдитесь въ скоромъ времени, что и преграда между Швейцаріей и Италіей пала.

Одѣтыя снѣгомъ вершины Альпъ уже появились на на горизонтѣ. Альпы имѣли тотъ же видъ, что и за два столѣтія передъ этимъ; только дорога шла не по поверхности Сплюгена, Симплона и Сенъ-Бернара, а внутри горъ, сквозь нихъ, и поѣзды, входившіе въ туннели на швейцарской сторонѣ, появлялись черезъ нѣсколько воемени на итальянской и неслись затѣмъ по равнинѣ По.

Я думалъ, что мы уже недалеко отъ Рима, гдѣ я надѣялся увидѣть, что сдѣлалось изъ этого знаменитаго города. Но вышло иначе. Мы пронеслись надъ Венеціею, гдѣ итальянскій флагъ, развѣвавшійся надъ церковью св. Марка, нисколько не мѣшалъ присутствію въ гавани австрійскихъ кораблей, которые стояли тамъ вмѣстѣ съ другими кораблями и узнавались по двуглавому орлу. Мы то поднимались, то опускались, такъ-что не всегда можно было узнавать мѣста, надъ которыми мы проносились; а нѣсколько времени спустя мы очутились надъ Константинополемъ, гдѣ отъ полумѣсяца не осталось и слѣда, но въ то же время тамъ не было и никакого герба, по которому можно бы было узнать, кому принадлежитъ столица прежде бывшей восточной имперіи.

Пролетѣвъ надъ Чернымъ моремъ и Кавказомъ, мы увидали передъ собою область Евфрата. Но я напрасно искалъ тутъ восточныхъ декорацій. Страны, надъ которыми мы проносились, имѣли совершенно европейскій видъ—и ни что не показывало, что мы находимся въ другой части свѣта.

Между зданіями, которыя я могъ видѣть довольно ясно, я замѣтилъ одно, отличавшееся особеннымъ стилемъ. Судя по многочисленнымъ большимъ куполамъ его можно бы было принять за церковь или мечеть, еслибъ оно не было соединено съ другими постройками, похожими на обыкновенные европейскіе дома съ крытыми галлереями, которыя противорѣчили этой идеѣ. Все зданіе было расположено на какомъ-то скалистомъ возвышеніи, откуда должно-полагать далеко было видно кругомъ.

Я обратился къ *Бекону* съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ назначенія этого строенія. Онъ посмотрѣлъ въ подзорную трубку и сказалъ: «да, это знаменитая *Орумійская обсерваторія* въ Персіи; я узнаю ее по картинѣ, которая виситъ у меня въ кабинетѣ. Я тамъ еще не былъ, но обсерваторію стоитъ посмотрѣть».

— Какимъ образомъ рѣшились построить такую великолѣпную обсерваторію здѣсь, такъ далеко отъ центровъ цивилизаціи?

— Это было сдѣлано не почему иному, какъ потому что теперь хлопочутъ объ томъ, чтобъ сберечь какъ можно больше времени и вслѣдствіе этого выбираютъ для обсерваторій такія мѣстности, гдѣ можно бы было дѣлать самыя точныя наблюденія и въ самомъ скоромъ времени. Въ Европѣ ночи рѣдко бываютъ такъ ясны и свѣтлы, чтобъ можно было употребить съ полнымъ успѣхомъ тѣ сильные телескопы, какими пользуются теперь. Здѣсь въ Оруміи небо въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году такъ ясно и прозрачно, что можно видѣть простыми глазами луны Юпитера и свѣтоизмѣненія Венеры. Американскій миссіонеръ *Стоддартъ*, еще въ 1852 году, обратилъ на это вниманіе знаменитаго астронома *Джона Гершеля*; но тогда, да и долго еще впослѣдствіи, было не такое время чтобъ извлекать изъ этого выгоднаго мѣстоположенія пользу для астрономическихъ наблюденій. Только въ началѣ теперешняго столѣтія была сооружена на счетъ всѣхъ цивилизованныхъ націй (включая сюда же и персіянъ, которые не уступаютъ теперь европейцамъ въ отношеніи культуры) эта обсерваторія, въ качествѣ *центральной обсерваторіи*. Само собою разумѣется, что это заведеніе щедро снабжено самыми лучшими инструментами и что при немъ находится достаточно лицъ для различныхъ наблюденій.

— Выходитъ стало быть, замѣтилъ я,—что астрономія опять возвратилась туда, гдѣ стояла ея колыбель, въ отечество Халдеевъ. Но что же сталось съ другими знаменитыми обсерваторіями: въ Гринвичѣ, въ Лейденѣ, въ Пулковѣ, и т. д.?

— Это теперь калькуляціонныя заведенія, чѣмъ отчасти онѣ были и прежде. Сюда для изчисленій отсылаются наблюденія, сдѣланныя въ центральной обсерваторіи. Вмѣстѣ съ этимъ эти заведенія служатъ также и для практическаго руководства молодыхъ астрономовъ, которые находятъ подтвержденіе старинной поговорки *per ardua ad astra* именно въ тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми имъ приходится бороться,—и дѣлаются такимъ образомъ настойчивыми и основательными наблюдателями.

Орумія съ ея обсерваторіей скрылась изъ вида. Находившіеся подъ нами предметы становились все меньше да меньше, а висѣвшій въ салонѣ барометръ упалъ значительно; изъ этого я вывелъ заключеніе, что мы быстро подымается вверхъ, вѣроятно для того чтобы попасть въ болѣе благопріятные слои атмосферы. Отъ этого-то,—мѣста, надъ которыми мы проносились, представлялись намъ все съ меньшею ясностію, и мы почти уже ничего не могли разглядѣть на поверхности земли. Нѣсколько позже эта поверхность приняла однообразный зеленеватоголубой цвѣтъ, и я заключилъ изъ этого, что мы несемся надъ Индѣйскимъ океаномъ. Въ салонѣ стало какъ-то скучно; пассажиры бóльшею частью дремали. Но при этомъ я замѣтилъ, что всѣ они и я самъ дышали быстрѣе, что происходило конечно отъ рѣдизны той атмосферы, гдѣ мы продолжали оставаться. Толстый господинъ храпѣлъ. Живая *Фантазія*, разговаривавшая до тѣхъ поръ съ какой-то хорошенькой француженкой объ изящныхъ искусствахъ и поэзіи (ея любимыя темы), тоже начала дремать. *Беконъ* былъ углубленъ въ чтеніе книги: *О возможности устроить сообщенія между жителями земли и обитателями другихъ небесныхъ тѣлъ, посредствомъ оптическихъ телеграфныхъ сигналовъ.* Я самъ размышлялъ о тѣхъ удивительныхъ вещахъ, которыя пронеслись передо мною въ послѣдніе два дня, и задалъ себѣ вопросъ: если два столѣтія произвели такія громадныя перемѣны, то что же будетъ черезъ четыре, черезъ пять, черезъ сто столѣтій?

Наконецъ я рѣшился оторвать *Бекона* отъ чтенія вопросомъ: «гдѣ мы теперь?»

— Мы должно-быть теперь недалеко отъ Новой Зеландіи, отвѣтилъ *Беконъ*.—Мы сдѣлали большой крюкъ черезъ верхніе слои воздуха, для того чтобъ воспользоваться тѣмъ воздушнымъ теченіемъ, которое происходитъ между поворотными кругами и идетъ на сѣверъ и на югъ, а потомъ принимаетъ восточное направленіе. Теперь мы опять опускаемся, какъ вы можете видѣть по поднятію барометра».

Эти слова заставили меня посмотрѣть опять въ телескопъ; тутъ замѣтилъ я вдали два большіе острова, раздѣленные проливомъ.

— Мы у нашихъ антиподовъ, продолжалъ *Беконъ*,—Новая Зеландія — это Великобританія Южнаго океана.

— Но ея народонаселеніе, конечно, далеко не такъ велико, сильно и цивилизовано?

— Не угадали! Новая Зеландія имѣетъ уже нѣсколько большихъ городовъ съ такими же учебными и учеными заведеніями какъ и въ Европѣ. У нея есть сильный торговый флотъ, богатые рудники и каменноугольныя копи; она занимается земледѣліемъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; у нея множество рогатаго скота, цвѣтущая промышленность, сильное народонаселеніе, большею частью англійскаго происхожденія.

— А кудажь дѣвались Маори?

— Они исчезли неизвѣстно какимъ образомъ. Нѣкоторые изъ зеландскихъ антикваріевъ говорятъ, что они вымерли; а другіе утверждаютъ, что сельское народонаселеніе Новой Зеландіи происходитъ болѣе или менѣе по прямой линіи отъ древнихъ Маори. Если это послѣднее мнѣніе основательно, то потомки Маори чрезвычайно измѣнились; теперешнее народонаселеніе очень миролюбиво. Если вы будете опять въ Лондиніи, не забудьте посмотрѣть въ національномъ музеумѣ набальзамированныхъ Маори, мужчину и женщину; татуировка перваго великолѣпна! Въ томъ же самомъ залѣ вы найдете еще нѣсколько другихъ первобытныхъ обитателей земли; напр. новоголландцевъ, американскихъ краснокожихъ, и т. д., которые теперь изчезли безъ всякаго слѣда.

— Такъ вотъ какая участь постигла жителей тѣхъ странъ, гдѣ поселились европейцы?

— Это случилось только съ жителями тѣхъ странъ, которыя лежатъ за поворотными кругами, потому что въ жаркихъ тропическихъ странахъ кавказская раса не можетъ пустить корней. Внутреннія страны Африки все еще заняты первобытнымъ населеніемъ—неграми, Новая Гвинея—папуанцами; а жители многихъ другихъ острововъ Южнаго океана происходитъ отъ прежнихъ племенъ, хотя вообще число этихъ жителей скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается.

— Сдѣлали ли какіе нибудь успѣхи въ цивилизаціи народы, причисляющіеся къ такъ-называемымъ низшимъ расамъ?

— Очень небольшіе. Всѣ они подвигаются впередъ самыми медленными шагами. Многіе утверждаютъ даже, что это только кажущееся а не дѣйствительное движеніе, такъ какъ въ концѣ концовъ оказывается, что эти народы усвоили себѣ только нѣкоторые европейскіе обычаи—и то не лучшіе. Что касается до меня, я все таки стою на томъ, что цивилизація сдѣлала успѣхи и у нихъ, только ихъ цивилизація совсѣмъ другаго рода чѣмъ цивилизація кавказской расы.

Тѣмъ временемъ мы такъ близко подвинулись къ сѣверному острову Новой Зеландіи, что я уже могъ разглядѣть при помощи телескопа вершины горъ и даже часть земли съсильнымъ народонаселеніемъ.

Путешественники оживились, и *Фантазія* спросила: не хочу ли я остановиться въ Мельбурнской гостинницѣ.

— Мы остановимся въ «Старой Англіи», продолжала она,—и закажемъ тамъ себѣ обѣдъ.

Требелли Беттини.

Само собою разумѣется, что я не захотѣлъ разстаться съ такими пріятными спутниками.

Призвали хозяина аэростата и поручили ему сдѣлать, когда мы будемъ надъ мысомъ Марія въ Вандименовой землѣ, необходимый сигналъ, который пойдетъ потомъ по телеграфу въ Мельбурнъ.

Теперь мы неслись надъ Новой Зеландіей—и я могъ убѣдиться, что *Беконъ* нисколько не преувеличивалъ. Немного найдется на землѣ странъ, къ которымъ природа была бы такъ благосклонна. Въ большихъ бухтахъ и заливахъ стояли безчисленные корабли съ флагами различныхъ націй, въ числѣ которыхъ былъ и трехцвѣтный голландскій флагъ. Города смѣнялись деревнями—и все показывало, что народонаселеніе пользовалось величайшимъ благосостояніемъ.

Между флагами на корабляхъ одинъ въ особенности бросался въ глаза: двѣнадцать солнцъ на голубомъ полѣ. Этотъ флагъ былъ мнѣ неизвѣстенъ—и я спросилъ *Бекона*, какому онъ принадлежитъ государству?

— Это флагъ двѣнадцати соединенныхъ Новоголландскихъ штатовъ, образующихъ собою федеративную республику.

— Республику? Да вѣдь Новая Голландія принадлежитъ Англіи?

— Въ прежніе времена она дѣйствительно принадлежала ей, возразилъ *Беконъ*.—Теперь совсѣмъ не то. Дитя переросло мать. Новоголландцы, которые, какъ вамъ извѣстно, чисто европейскаго происхожденія, давно уже имѣютъ свое собственное правительство. Это происхожденіе кладетъ большую разницу между народонаселеніемъ Новой Голландіи и народонаселеніемъ сосѣднихъ острововъ. Отдѣленіе Новой Голландіи отъ Англіи произошло чрезвычайно мирно, только одни обоюдные торговые интересы служатъ еще связью. Изъ большаго южнаго материка образовалось огромное государство,—и если, паче чаянія, культура исчезнетъ когда либо въ старой Европѣ, то вотъ гдѣ надобно будетъ искать ее. Вы увидите это, когда мы пріѣдемъ.

Мы мчались быстро. Новая Зеландія исчезла съ горизонта и передъ нами поднялась изъ моря земля, которая вскорѣ растянулась по всему горизонту. Это была Новая Голландія, большой южный материкъ, цѣль нашего путешествія.

Путешественники приготовились къ высадкѣ и отправились за багажемъ.

Длинная береговая линія осталась за нами; аэростатъ опускался медленно, въ косвенномъ направленіи. Находившіеся на поверхности земли предметы представлялись все съ большею ясностію и дѣлались все больше да больше. Мы приближались къ большому ве-

диколѣпному городу. Это былъ Мельбурнъ. Мы были уже надъ нимъ; уже можно было разглядѣть улицы, площади, дома, даже людей. Черезъ нѣсколько минутъ послышался глухой шумъ, какъ бы отъ спускавшихся веревокъ и канатовъ. Мы услышали подъ собою человѣческіе голоса и увидали выброшенные изъ нашего аэростата канаты. Онъ стукнулся обо что-то твердое и...я проснулся въ своемъ креслѣ.

Петербургская примадонна, г-жа Требелли-Беттини.

Знаменитая пѣвица, портретъ которой мы представляемъ нашимъ читателямъ, и которая пріобрѣла такое сочувствіе и любовь публики своимъ симпатичнымъ голосомъ и художественною игрою—родомъ француженка Настоящая фамилія ее была Жиллебертъ (Gillebert), и когда пѣвица, при поступленіи на сцену итальянской оперы, захотѣла итальянизировать свое имя, она отбросила первую букву Ж и начала писать свою фамилію на оборотъ слѣва направо.

Г-жа Требелли 16 лѣтъ изучала музыку и пѣніе, не разсчитывая на поступленіе на сцену; но учитель ее, извѣстный Вортель, видя успѣхъ и необыкновенное развитіе таланта, началъ предсказывать ей блестящую будущность послѣ четырехлѣтняго спеціальнаго занятія пѣніемъ.

Г-жа Требелли въ сезонѣ 1859—60 года дебютировала въ Мадридѣ въ Трубадурѣ, Севильскомъ Цирюльникѣ и многихъ другихъ операхъ, пользуясь совѣтами Маріо и Гризи.

Далѣе, съ итальянскою труппою г. Мерелли, она пѣла съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Бременѣ, Штетинѣ, Гановерѣ, Кельнѣ, Амстердамѣ, Гагѣ, Роттердамѣ, Брюсселѣ, Гентѣ, Ліежѣ, Антверпенѣ, Парижѣ, Римѣ и Лондонѣ.

Въ 1863 г. г-жа Требелли вышла замужъ за тенора г. Беттини, который былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на петербугской сценѣ, и который теперь поетъ вмѣстѣ съ своей супругой на подмосткахъ нашего Большаго театра.

Пѣвица эта, проводившая послѣдніе три года въ Лондонѣ, Гамбургѣ и Варшавѣ подъ именемъ Требелли-Беттини, была приглашена нынѣ г. Мерелли на нашу сцену и не разъ доставляла намъ удовольствіе своимъ симпатичнымъ голосомъ

Очерки японской жизни.

Мы приближались къ концу нашего путешествія. Прошло двадцать семь дней съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли изъ виду Калифорнію, и вотъ черезъ нѣсколько часовъ мы наконецъ-то увидимъ берегъ Японіи.

Но только небольшое число пассажировъ «Колорадо» намѣревались высадиться въ Іокогамѣ; большая же часть думала ѣхать дальше до Шангая и Гонгъ-Конга. Я былъ въ числѣ первыхъ.

Переѣздъ былъ «очаровательно страшенъ» — *comfortable dreadful*,—говоря словами одной изъ моихъ спутницъ. Во всякомъ случаѣ, онъ длился гораздо больше чѣмъ ожидали, потому что въ программѣ тихоокеанской пароходной компаніи говорилось между прочимъ: «двадцать два дня отъ Санъ-Франциско до Іокогамы». Оказывалось, что «Тихій» океанъ не всегда тихъ. Чаще плаваніе было, напротивъ того, очень бурно, и нашему гигантскому пароходу пришлось не мало вытерпѣть. Но всѣ ужасы путешествія поблѣднѣли въ нашемъ воспоминаніи, потому-что въ скоромъ времени намъ предстояло увидѣть землю — и еще послѣ тридцатидневнаго пребыванія между водою и небомъ.—Эта надежда привела пассажировъ въ болѣе или менѣе возбужденное настроеніе, что́ очень понятно послѣ столь долгаго путешествія. Тѣ самые господа, которые проводили ежедневно цѣлые часы за картами, шахматною доскою, домино и тому подобными играми, сегодня то и дѣло вскакивали съ своихъ мѣстъ. Другіе изучали всѣ находившіяся на кораблѣ карты японскихъ береговъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы отъ ихъ знанія мѣстности зависѣла участь всего парохода; а нѣкоторые не переставали расхаживать по палубѣ, останавливаясь только за тѣмъ, чтобъ осмотрѣть горизонтъ при помощи своихъ подзорныхъ трубокъ. Остальная часть пассажировъ подкрѣпляла свои силы для зрѣлища восточнаго преддверія Азіи, употребляя въ громадныхъ размѣрахъ спиртные напитки. Всѣхъ безпокойнѣе, какъ и слѣдовало ожидать по физіологическимъ законамъ природы, были дамы, неутомимо порхавшія по широкой, изящной лѣстницѣ, ведшей въ каюты, то поднимаясь по ней изъ салона на палубу, то опять спускаясь въ салонъ, а тамъ опять на палубу.

Слишкомъ долго было бы описывать читателю всѣхъ пассажировъ «Колорадо», которыхъ я изучалъ съ особеннымъ усердіемъ, потому-что почти половина всего путешествующаго общества состояла изъ такъ-называемыхъ «оригиналовъ». Я упомяну только объ одной дамѣ, миссъ Алисѣ, урожденкѣ Калифорніи, которая ѣхала въ Шангай на удачу, для того чтобъ отыскать тамъ своихъ родственниковъ и повидимому избрала меня своимъ покровителемъ. Если она смотрѣла на меня, въ продолженіи всего путешествія, какъ на своего рыцаря или лучше-сказать раба, то въ послѣдніе дни она просто терзала меня безпрестанными вопросами о томъ, не видать ли земли, отвѣчая всякій разъ на мое стереотипное пожиманіе плечами: «*It's only your fault*» (это все вы виноваты!). Это было чрезвычайно задорное живое созданіе—эта маленькая Алиса съ ея непостижимыми глазами, полными игры и жизни. Я долженъ былъ обѣщать ей побывать у ней во время моего пребыванія въ Шангаѣ,—обѣщаніе, котораго я не могъ сдержать, не смотря на все мое желаніе. Ея родственники переселились, какъ носился слухъ, на Сандвичевы острова,—и моя спутница воспользовалась въ Китаѣ первымъ представившимся ей случаемъ и отплыла въ Гонолулу, рискуя можетъ-быть вдвойнѣ обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Я не могъ добиться отъ нея, что побудило ее предпринять такое далекое путешествіе, въ одиночку, и къ такимъ роднымъ, о кото-

рыхъ она даже не знала: живы ли они; въ этомъ отношеніи она была такъ сдержанна, что, попытавшись одинъ разъ, я никогда уже больше не касался этого предмета. Во всякомъ случаѣ это было геройское предпріятіе со стороны молодой дѣвушки—проѣхать цѣлыя тысячи миль, безъ провожатаго, не имѣя въ виду ничего вѣрнаго,—и я надѣюсь отъ всего сердца, что маленькая Алиса прибыла благополучно къ своимъ роднымъ, а потомъ сдѣлалась такой же прекрасной женой, какою она была милой спутницей. Желаю ей всего лучшаго!

Какъ бы то ни было, но земля показалась не вечеромъ, а только на другой день въ три часа утра, а на разсвѣтѣ мы такъ близко подвинулись къ берегу, что могли ясно разглядѣть его. Мы всѣ обрадовались бы даже песчаной пустынѣ, послѣ долгаго плаванія по пустынѣ океана. — Около одинадцати часовъ мы вошли въ Іокогамскій заливъ, при звукахъ американскаго національнаго гимна, которымъ привѣтствовали насъ со стоявшихъ тамъ военныхъ кораблей различныхъ націй. Мы салютовали выстрѣлами изъ пушекъ. — Прибытіе нашего парохода въ гавань было чѣмъ-то въ родѣ событія, потому-что «Колорадо» былъ не только первый пароходъ совершившій переѣздъ черезъ Великій океанъ, но и первое судно вновь возникшаго пароходнаго сообщенія между Калифорніей и Китаемъ,—сообщенія, вся польза котораго, какъ для Америки, такъ и для Китая, выяснится только впослѣдствіи.

«Очаровательно страшенъ» былъ переѣздъ, сказала маленькая Алиса. Но если исключить бурную погоду, которая сопровождается, большею частію, качаніемъ корабля, то изъ страшнаго ровно ничего не остается, а остаются однѣ только удобства и комфортъ, превосходящіе всякія похвалы (морская болѣзнь и высоковздымающееся море — вотъ что, главнымъ образомъ, дѣлаетъ непріятнымъ морское путешествіе). Кто никогда еще не путешествовалъ въ такомъ плавающемъ морскомъ дворцѣ, тотъ не можетъ составить себѣ полнаго понятія объ его устройствѣ. «Колорадо» имѣетъ 380 футовъ длины, при 50 футахъ глубины, и 5,200 тоннъ вмѣстительности. Онъ устроенъ для 2,590 пассажировъ, а насъ было всего 850 каютныхъ пассажировъ; остальные, состоявшіе изъ китайцевъ, помѣщались въ пространствѣ между деками. Въ большомъ салонѣ могли обѣдать заразъ 400 человѣкъ, и тамъ не было недостатка ни въ большихъ картинахъ, ни въ высокихъ зеркалахъ и канделябрахъ, ни въ дорогихъ коврахъ, покойныхъ креслахъ и фортепіано, ни въ позолотѣ, и т. п. украшеніяхъ. Если я скажу, что обѣды и ужины не только не уступали этой роскошной обстановкѣ, а скорѣе превосходили ее, то въ этомъ не будетъ ничего преувеличеннаго.

Обѣ находящіяся въ Іокогамѣ гостинницы были переполнены, и только послѣ долгихъ переговоровъ и бренчанья долларами удалось мнѣ получить во французской гостинницѣ комнатку, холодъ который напомнилъ мнѣ о сѣверныхъ рождественскихъ морозахъ.—Первая ночь въ Японіи не доставила мнѣ отдыха. Едва, въ восемь часовъ вечера, кончился обѣдъ, какъ послышалась пожарная тревога, и вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что домъ англійскаго посланника, сэра Гарри Паркера, горитъ. Но не видъ довольно значительнаго пожара, распространившагося еще на нѣсколько сосѣднихъ строеній, приковалъ къ себѣ мое вниманіе вплоть до полночи, а поведеніе при этомъ японцевъ. Хотя пожарная команда и была подъ рукою, но ея попытки къ прекращенію пожара ограничивались, главнымъ образомъ, тѣмъ что она противупоставляла опустошительнымъ дѣйствіямъ безпрепятственно-распространявшейся стихіи—своего бога огня, для того чтобъ онъ остановилъ ее. Только матросы и морскіе солдаты, посланные съ военныхъ кораблей, воспрепятствовали дальнѣйшему распространенію пожара; имъ обязанъ городъ его подавленіемъ, прежде чѣмъ онъ могъ причинить значительный вредъ; точно такъ же и англійскіе солдаты дѣлали все возможное, чтобъ спасти какъ можно больше—но только для себя. При всякомъ хотя бы даже и незначительномъ пожарѣ, легкій способъ постройки всѣхъ вообще строеній города грозитъ страшными опустошеніями, что̀ въ большей части случаевъ и осуществлялось—въ послѣдній разъ не болѣе какъ за нѣсколько недѣль до моего прибытія. Въ это время двадцать европейскихъ и слишкомъ девятьсотъ японскихъ домовъ сдѣлались жертвою пламени.

Въ остальную часть ночи я не могъ уснуть отъ шума какихъ-то трещотокъ, который раздавался вокругъ дома, повторялся повидимому вдали, и значеніе котораго я понялъ только утромъ. Причиною этого были ночные сторожа, которые ставятся здѣсь при каждомъ сколько-нибудь значительномъ строеніи. Они должны обходить домъ черезъ каждые полчаса не столько ради воровъ, сколько ради пожара. А такъ какъ японскіе ночные сторожа предпочитаютъ сонъ бдѣнію, то для контроля надъ ними имъ и даются трещотки, изъ которыхъ они при обходѣ дома должны извлекать звуки черезъ каждые полчаса, для успокоенія или лучше - сказать для нарушенія покоя обитателей этого дома. Въ концѣ концовъ къ этому ночному шуму привыкаешь.—Любопытенъ способъ, посредствомъ котораго ночной сторожъ вынужденъ исполнять каждые полчаса свои обязанности. Онъ прикрѣпляетъ послѣ каждаго обхода къ мѣсту своего отдыха тлѣющуюся бумажную проволоку, которая черезъ каждые полчаса шумно разрывается и не только будитъ «спящаго сторожа», но служитъ ему часами и напоминаетъ ему объ обходѣ. Представьте же теперь себѣ взрывы и слѣдующіе за тѣмъ каждые полчаса трескъ трещотокъ—и вы сознаетесь, что въ Іокогамѣ могутъ спать только люди одаренные крѣпкимъ тѣлосложеніемъ.

Утромъ слѣдующаго дня я посѣтилъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ нѣмцовъ, которыми былъ принятъ очень любезно. Они извинялись, что не могутъ принять меня, потому-что упомянутый выше большой пожаръ лишилъ пристанища многихъ европейцевъ, которые жили теперь въ чужихъ домахъ. Прусскій консулъ повелъ меня въ нѣмецкій клубъ—прекрасное зданіе съ кегельнымъ каткомъ и нѣмецкими газетами, построенное здѣшними нѣмцами въ числѣ тридцати человѣкъ.

Изъ клуба мы отправились погулять за городомъ—прошли сперва мостъ небольшой рѣки, протекающей вокругъ Іокогамы, потомъ рисовыя поля, которымъ повидимому не было конца, и вошли въ улицу, которая шла вверхъ къ англійскому ристалищу. Съ вершины холма открывался видъ на весь городъ, на заливъ, покрытый безчисленными рыбачьими лодками, на лежащую за нимъ горную страну, откуда, на разстояніи шестидесяти англійскихъ миль одиноко подымается знаменитая гора Фузійяма, вышиною въ 15,000 футовъ. Погода стояла хорошая, и эта гора представилась глазамъ нашимъ во всемъ своемъ гигантскомъ величіи съ покрытою снѣгомъ

вершиною, которая будучи освѣщена лучами солнца, блестѣла золотомъ и пурпуромъ и придавала ей какой-то волшебный видъ. Вблизи и вдали тянулись рисовыя поля съ водопроводами и т. п. средствами для регулированія орошенія, служащими житницею всей Японіи, которая безъ этого сдѣлалась бы жертвой голода. Нѣсколько полѣвѣе отъ насъ стоялъ храмъ, назначенный не для служенія идоламъ, но для сжиганія труповъ извѣстной религіозной секты; а оттуда, послѣ получасовой ходьбы, мы достигли одной деревни, по имени Миссиссипитьунъ, лежавшей на морскомъ берегу. Здѣсь, въ японской деревнѣ, не было ни одного дома, который не былъ бы открытъ для насъ и гдѣ не обнаружился бы передъ нами добродушный и оригинальный характеръ туземцевъ. Всюду, куда мы ни заходили, на насъ смотрѣли съ любопытствомъ и принимали насъ дружескимъ образомъ. Мужчины и женщины въ ихъ простой, но чистой одеждѣ, дѣти съ гладко выбритыми головами и грязными носами, ремесленники и нищіе—всѣ привѣтствовали насъ словомъ: *oheio*! послѣдніе, конечно, съ прибавленіемъ: *anatha tempo sinjo*! Мы бросали имъ мелкую монету; поклонамъ и благодарности не было конца, потому-что даже тогда, когда подавшій милостыню удалился на значительное разстояніе, японскій нищій продолжаетъ кланяться въ томъ направленіи, гдѣ скрылся его благодѣтель.

Чтобъ возвратиться назадъ, намъ надобно было опять пройти черезъ цѣлую цѣпь холмовъ, и мы порядочно устали отъ такой далекой прогулки. На вершинѣ одного изъ нихъ попался намъ чайный домъ, съ зловѣщимъ названіемъ «*Blue pig Hotel*» (гостинница подъ вывѣскою синей свиньи). Мы отодвигаемъ всторону бумажную дверь въ изящно сдѣланной деревянной рамѣ, чтобы отдохнуть за чашкой чая,—и въ ту же самую минуту насъ окружаетъ толпа дѣвушекъ съ хорошенькими личиками, которыхъ нисколько не портятъ косо-разрѣзанные глаза. Довѣрчиво болтая съ нами, приглашаютъ они насъ сѣсть и предлагаютъ чай и пирожное. Хорошенькія ручки держатъ посредствомъ двухъ палочекъ горячій уголь, предлагая намъ закурить сигару, и граціозно подаютъ принесенныя лакомства. Эти хорошенькія ручки ни на минуту не остаются безъ дѣла: онѣ то играютъ кольцомъ на вашемъ пальцѣ, то пуговицами вашего сертука или жилета, то теребятъ васъ за бороду, съ дѣтскимъ, серебристымъ смѣхомъ. Точно такъ же принимаютъ онѣ и *темпо* (около 3 или 4 копѣекъ), который вы подаете дѣвушкѣ въ уплату за ея услуги, — весело, съ благодарностію, непринужденно; невинно-веселый смѣхъ и живая болтовня заставляютъ смѣяться и васъ, хотя бы даже вы и не понимали ея содержанія. Таковы вообще японскія дѣвушки, веселыя, задорныя и вмѣстѣ съ тѣмъ скромныя. Никогда онѣ не претендуютъ ни на какое другое обращеніе съ ними кромѣ разумнаго, никогда не потребуютъ онѣ ничего ненужнаго, потому что ненужное кажется имъ стѣснительнымъ — и въ самомъ дѣлѣ стѣснительно. Коснется ли, и какимъ образомъ, европейскій прогрессъ этой страны, сдѣлаются ли японцы «цивилизованными», для того чтобъ испортиться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и усвоить себѣ массу такъ-называемыхъ цивилизованныхъ привычекъ—разъяснить все это я не могу, да и не ищу.

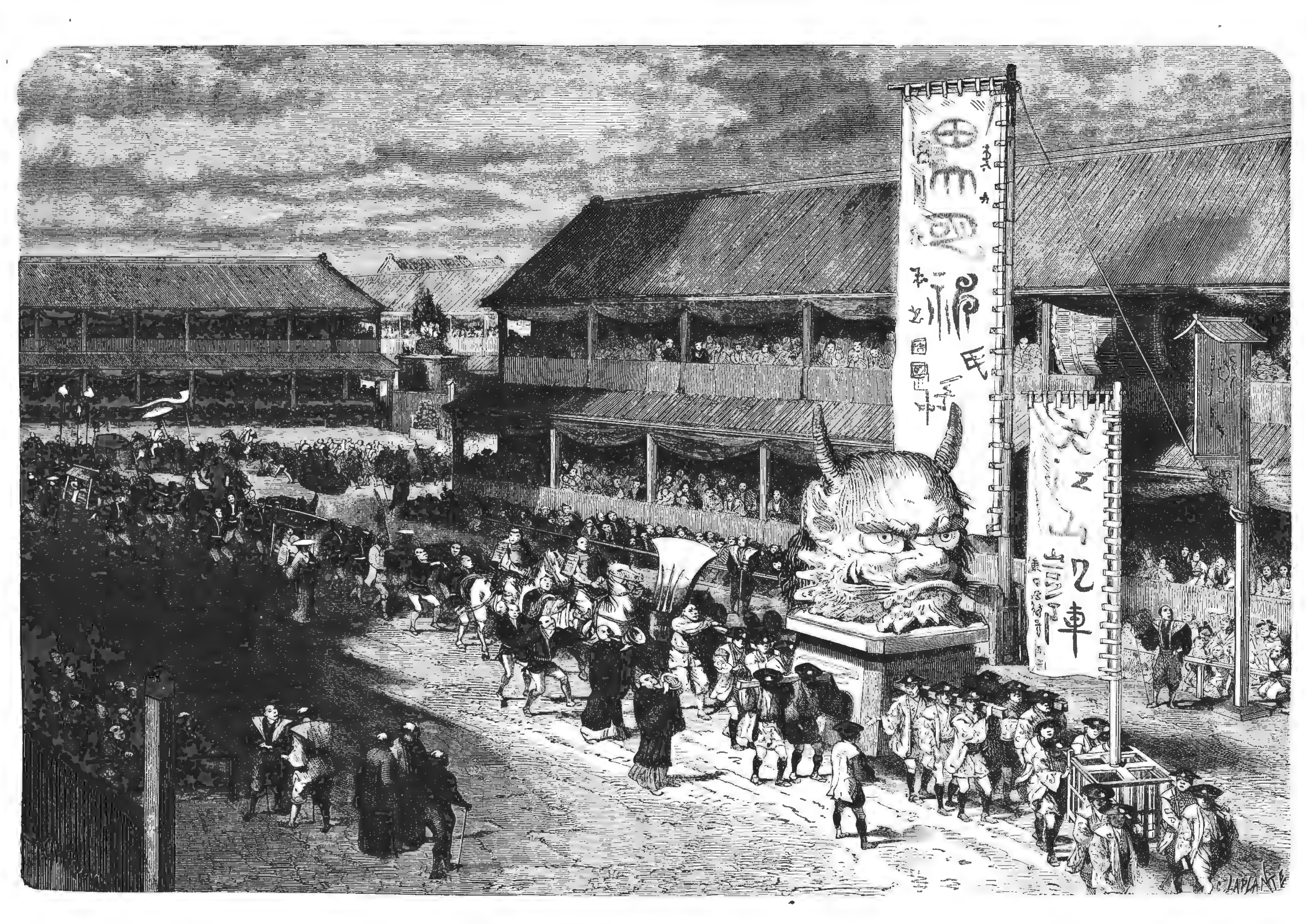
На другой день мы обошли городъ, для того чтобъ посмотрѣть на приготовленія къ встрѣчѣ японскаго новаго года, который, вмѣстѣ съ китайскимъ приходится на 5 февраля. Пестрая толпа и суматоха въ японскихъ частяхъ города показались мнѣ въ высшей степени привлекательными. Уловки купцовъ, для того чтобъ привлечь къ своему товару покупщиковъ, часто такъ утонченны, что имъ нельзя не удивляться. Каждый изъ нихъ ищетъ собрать какъ можно больше денегъ для того, чтобъ исполнить свои обязательства, какъ это принято дѣлать при каждой новой смѣнѣ года. Въ сущности же въ это время все продается дешевле, чѣмъ послѣ новаго года.

Что за пестрая жизнь на узкихъ улицахъ! Передо мною и за мною цѣлое море людей, стремящихся взадъ и впередъ, такъ что при видѣ ихъ у спокойнаго наблюдателя голова кружится. Здѣсь молодая красавица дергаетъ меня за рукавъ, предлагая мнѣ для покупки апельсины и «*sweet meat*»; тамъ другая, болѣе пожилыхъ лѣтъ дама, хватается за полу моего сюртука, таинственно указывая мнѣ на какой-то закрытый ящичекъ. Фигляры, фокусники, акробаты, и т. п., которые не дошли еще однакожь въ своей одеждѣ до трико... кого только тутъ нѣтъ! Въ отворенныхъ дверяхъ маленькихъ домовъ сидятъ дамы, набѣлившія себѣ рисовой пудрой не только лицо, но и всю верхнюю часть тѣла,—сидятъ такъ важно и непринужденно, что имъ могла бы позавидовать не одна изъ нашихъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ дамъ. Жрецы съ бритыми головами выпрашиваютъ свои «*anatha tempo*». Дѣти и собаки проскальзываютъ у меня подъ ногами и радуются на доносящіеся сюда изъ сосѣднихъ храмовъ звуки инструментовъ. Купцы провозглашаютъ, стоя за прилавками, доброту и дешевизну своихъ товаровъ...

На ряду съ различными божествами въ Японіи чествуются также *ками*, души доблестныхъ и добродѣтельныхъ мужей; народъ стекается къ храмамъ ихъ на поклоненіе, а статуи ихъ во время ежегодной уборки храма носятъ вокругъ торжественными процессіями. Процессіи эти являются величественными народными празднествами, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка по множеству япоскихъ божествъ и ками. При этомъ взоръ иностранца поражается блескомъ и роскошью цвѣтныхъ костюмовъ и причудливыми созданіями народной фантазіи. Все что только можетъ дѣйствовать на глазъ и ухо — собрано здѣсь въ избыткѣ: музыка, танцы, пантомимы чередуются съ процессіями масокъ и драматическими представленіями; великолѣпныя иллюминаціи, стрѣльба въ цѣль изъ лука, скачки слѣдуютъ другъ за другомъ. Какъ на нашихъ ярмаркахъ, устраиваются временные балаганы, лоттереи, привлекающія японцевъ не менѣе нашего, между тѣмъ какъ множество лавокъ манятъ къ себѣ выставленными въ нихъ фруктами, рыбой, печеньемъ и сластями, а также вѣерами, бездѣлками плетеными изъ соломы, бумажными фонарями и дѣтскими игрушками.

Одно изъ великолѣпнѣйшихъ торжествъ празднуется черезъ каждые два года въ честь великаго Міоджина, который въ глубокой древности убилъ могущественнаго злаго демона. Изображеніе храбраго Міоджина везутъ на колесницѣ запряженной волами и влекомой толпой японцевъ, — за нимъ несутъ знамя съ мистическимъ описаніемъ подвига Міоджина и, наконецъ, отвратительную голову демона, побѣжденнаго имъ.

(*Окончаніе будетъ*).



Процессія Міаджина въ Японіи.

Судебная хроника.

Открытіе мировыхъ судовъ въ Кіевѣ. — Интересное дѣло въ Екатеринославѣ. — 16-ти лѣтній убійца во Владимірской губерніи. — Нападеніе на домъ кн. Гагарина въ Москвѣ. — Дѣло о святотатствѣ.

20-го марта, въ 12 час. дня, въ Кіевѣ послѣдовало открытіе соединенной судебной палаты и мировыхъ судебныхъ установленій. Послѣ молебствія, начальникомъ губерніи прочитанъ былъ указъ Сената по этому поводу и произнесена рѣчь, въ которой выражалась надежда, что судебная власть будетъ идти рука объ руку съ администраціею, чему эта послѣдняя, съ своей стороны, будетъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ нея средствами. Затѣмъ, г. прокуроръ прочиталъ списокъ лицъ, назначенныхъ на судебныя должности, и были приведены къ присягѣ тѣ изъ нихъ, которые еще не выполнили этого обряда. Взаключеніе сказано было поучительное слово протоіереемъ Оглоблинымъ. Въ тотъ-же день, начальникъ губерніи давалъ обѣдъ лицамъ судебнаго вѣдомства. Вообще, церемонія открытія новыхъ мировыхъ судовъ въ Кіевѣ совершилась такъ спокойно, тихо, что объ этомъ событіи едва-ли знала даже половина кіевскаго населенія: какъ извѣстно, мировые судьи въ юго-западномъ краѣ назначаются правительствомъ, а не посредствомъ выборовъ изъ среды земства.

15-го марта, въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ, разбиралось весьма интересное дѣло о бывшемъ судебномъ слѣдователѣ Кретчмерѣ, обвинявшемся въ нарушеніи 13,943 и 1681 статей Улож. о наказ. Дѣло это состояло, по словамъ корреспондента «Пет. Вѣд.», въ слѣдующемъ: 13-го декабря 1868 года получено было полиціею свѣденіе, что въ ночь на это число, въ шести верстахъ отъ торговаго мѣстечка Никополь, на почтовой дорогѣ, ограбленъ неизвѣстными людьми судебный слѣдователь Кретчмеръ. Первое извѣстіе объ этомъ сообщено было евреемъ Худоминскимъ, служившимъ прикащикомъ на Кроквинской почтовой станціи, послѣдней передъ Никополемъ. По прибытіи на мѣсто происшествія ямщиковъ Никопольской станціи, представилась слѣдующая картина: Кретчмеръ лежалъ на землѣ, одѣтый въ шубу, «полы которой были завернуты, а воротникъ находился подъ головой; земля была покрыта кусками разорванныхъ бумагъ, тутъ-же на землѣ лежали часы, саквояжъ, чемоданъ; Кретчмеръ мычалъ, во рту у него была бумага; но ротъ не былъ сильно растянутъ, и бумагу изо рта вынули свободно. Кретчмеръ связанъ былъ возжами по рукамъ и ногамъ, но знаковъ насилія на немъ не было». Человѣческіе слѣды были только возлѣ тарантаса, а дальше ихъ не было; одно колесо спало, но самая ось была не истерта и, намотавши на винтъ ея веревку, можно было свободно доѣхать до Никополя. По освобожденіи, Кретчмеръ разсказалъ, что по проѣздѣ нѣсколькихъ верстъ отъ Кроквинской станціи вмѣстѣ съ ямщикомъ Сысоевымъ и евреемъ Худоминскимъ, котораго онъ взялъ довести до Никополя, въ экипажѣ спало колесо; поэтому, ямщикъ былъ посланъ въ Никополь за телѣгой. Когда ямщикъ съ лошадьми уѣхалъ, на оставшихся напали 4 человѣка, ограбили Кретчмера, взяли деньги г-жи Гарньеръ, въ количествѣ 3,740 р., которыя онъ получилъ изъ казначейства для передачи ей, и, кромѣ того 500 р. его собственныхъ денегъ. Взявъ деньги, разбойники начали совѣтываться, что съ нимъ сдѣлать. Одинъ сказалъ: «убьемъ!», другой замѣтилъ: «не надо! это слѣдователь! лучше связать и бросить, да уходить скорѣй!» Такъ и сдѣлали: связали его возжами, оставленными ямщикомъ, вынули изъ саквояжа бумаги, порвали ихъ и набили ему въ ротъ, и затѣмъ ушли. Худоминскій же, по словамъ Кретчмера, успѣлъ убѣжать и такимъ образомъ избѣгъ расправы съ нимъ со стороны разбойниковъ. Когда призвали къ допросу еврея Худоминскаго, то онъ показалъ совершенно противное разсказу Кретчмера. По его словамъ, дѣло было такъ: 10-го декабря 1868 года, пріѣхалъ на Кроквинскую станцію судебный слѣдователь Кретчмеръ и тамъ заночевалъ; на другой день утромъ, Кретчмеръ предложилъ ему участвовать въ одномъ дѣлѣ, за что обѣщалъ 200 руб. Дѣло состояло будто бы въ томъ, что Кретчмеръ потерялъ слѣдствіе о фальшивомъ билетѣ и можетъ избѣгнуть суда только тогда, когда объявитъ, что означенныя бумаги похищены у него разбойниками. Для этого, необходимо, чтобы Худоминскій поѣхалъ съ нимъ до Никополя и на дорогѣ оставилъ его связаннымъ, представивъ дѣло такъ, что на нихъ какъ будто и въ самомъ дѣлѣ напали разбойники. Худоминскій на это предложеніе согласился, и 13-го декабря, въ полночь, они отправились съ Кроквинской станціи къ м. Никополю. «Еще ранѣе, по приказанію Кретчмера, Худоминскій свинтилъ гайку съ колеса, но когда поѣхали, колесо не спадало. Тогда Кретчмеръ сбросилъ съ брички подушку и, остановясь, послалъ ямщика искать ее, а самъ въ это время сдвинулъ до половины колесо съ оси; когда послѣ этого стали ѣхать, колесо спало, и Кретчмеръ, остановясь и сказавъ, что сломалась ось, велѣлъ ямщику Сысоеву ѣхать въ Никополь за телѣгой и взять съ собой всѣхъ трехъ лошадей, а возжи оставить. По отъѣздѣ ямщика, Кретчмеръ вынулъ изъ саквояжа бумаги, порвалъ ихъ и бросилъ возлѣ экипажа, разорвалъ на саквояжѣ ремень и бросилъ въ сторону, перервалъ цѣпочку на часахъ и съ часами положилъ ее на землю; оторвалъ замокъ отъ чемодана, поставилъ послѣдній на землю и разбросалъ бумаги, потомъ легъ на землю, а Худоминскій связалъ его возжами, и самъ отправился въ Никополь объявить о грабежѣ. На никопольской почтовой станціи Худоминскій разсказалъ, что на нихъ напало 4 разбойника». То-же самое, хотя и съ меньшими подробностями, разсказали свидѣтели. При измѣреніи подушки и спинки тарантаса оказалось, что первая не могла выпасть; при паденіи-же должна была-бы упасть посрединѣ дороги, а не въ сторону отъ колеи. Эксперты, осмотрѣвъ колесо и ось, нашли, что гайка сама собой не могла отвинтиться. По произведенному посторонним лицомъ опыту, найдено, что если связать такъ, какъ былъ связанъ Кретчмеръ, то можно свободно перемѣнять положеніе и доставать рукою до рта. На судѣ г. Кретчмеръ не призналъ себя виновнымъ, повторивъ при этомъ прежній свой разсказъ о нападеніи на него четырехъ разбойниковъ. Худоминскій-же во всемъ тотчасъ-же сознался. Присяжные засѣдатели, послѣ совѣщанія продолжавшагося болѣе часа, отвѣчали, что нападенія разбойниковъ на Кретчмера не было, и признали его виновнымъ въ присвоеніи денегъ г-жи Гарньеръ. Судъ приговорилъ Кретчмера къ ссылкѣ въ Самарскую губернію.

7-го марта, въ гор. Покровѣ Владимірскимъ окружнымъ судомъ рѣшено дѣло, единственнымъ участникомъ въ которомъ является 16-ти-лѣтній мальчикъ Акимъ Петровъ — личность, соединяющая въ себѣ рѣдкое звѣрство съ какою-то дѣтскою наивностью и откровенностью. Въ бытность его на заработкахъ въ Москвѣ, ему пришла мысль воспользоватся деньгами, которыхъ, по его словамъ, было до сотни рублей у жившей въ одномъ домѣ съ крестьяниномъ Иваномъ Карповымъ снохи его, Устиньи Григорьевой. Съ этою цѣлью подсудимый 5-го мая пришелъ изъ Москвы въ дер. Лачуги и здѣсь, съ 5-го до 10-го числа, скрывался въ банѣ своего дяди, выжидая случая, когда бы удобнѣе совершить кражу, питался молокомъ и хлѣбомъ, которые воровалъ. Въ ночь на 11-е мая пробрался въ подполье дядинаго дома и, выждавъ время, когда всѣ домашніе уѣхали, пробрался въ избу, гдѣ на печкѣ спалъ дядя Иванъ Карповъ. Изъ опасенія, что тотъ услышитъ и поймаетъ его на кражѣ, Акимъ Петровъ рѣшился покончить съ дядей. Вставъ на казенку, онъ ударилъ Карпова по виску остріемъ топора, принесеннаго имъ съ собой. Карповъ упалъ на казенку и закричалъ: «караулъ»; подсудимый нанесъ ему

еще нѣсколько ударовъ топоромъ, и Карповъ смолкъ. Тогда Акимъ Петровъ сталъ искать денегъ во всѣхъ сундукахъ, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые были заперты, сломалъ съ помощью другаго, бывшаго въ избѣ, топора. Денегъ найдено было имъ только 8 руб. Вдругъ дядя захрипѣлъ. Петровъ нанесъ ему этимъ вторымъ топоромъ еще нѣсколько ударовъ, и затѣмъ вышелъ изъ избы, надѣвъ на себя тулупъ и шапку покойнаго, чтобы не быть узнаннымъ въ деревнѣ. Но въ тотъ-же самый день онъ былъ пойманъ сотскимъ у кабака, куда шелъ за тѣмъ, чтобы купить орѣховъ, въ украденной у кр. Александровой поддевкѣ. Дорогою Петровъ обратился къ сотскому съ просьбой дать ему пряниковъ и отпустить его. Когда же сотскій замѣтилъ, что ему бояться нечего, что Александрова можетъ-быть покончитъ съ нимъ миролюбиво, и его отпустятъ, то Петровъ отвѣтилъ: «нѣтъ, ужь не отпустятъ, я сдѣлалъ кое что похуже кражи, я зарубилъ дядю своего Ивана». «Ты врешь», возразилъ сотскій.—«Ей Богу, зарубилъ».— «Давно-ли?»—«Да вотъ сейчасъ». Присяжные признали его безусловно виновнымъ, и судъ приговорилъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 15 лѣтъ.

29 марта, въ Москвѣ, у мироваго судьи Стрѣлецкаго участка разбиралось весьма странное дѣло. Дѣло это, какъ сообщаютъ «Московскія Вѣдомости», привлекшее въ камеру мироваго судьи множество публики изъ высшаго круга московскаго общества, въ томъ числѣ много дамъ, состояло въ слѣдующемъ. 21 марта 1872 года, въ 3 часа утра, къ парадному подъѣзду квартиры князя Василія Гагарина подъѣхали трое мужчинъ и стали звонить въ колокольчикъ. На продолжительный звонъ этотъ изъ воротъ дома вышелъ дворникъ и объявилъ, что двери отворены не будутъ, и затѣмъ, заперевъ калитку, ушелъ во дворъ. По удаленіи дворника, оставшіеся трое мужчинъ перелѣзли черезъ ворота во дворъ дома; потомъ, подойдя къ кухнѣ, разбили стекло въ одной изъ рамъ, разломали перекладину рамы, выломали мѣднымъ пестомъ запертую дверь, выходящую изъ кухни въ корридоръ, и вошли по лѣстницѣ на антресоли; но тутъ остановились, такъ какъ на мѣсто происшествія явилась полиція. Изъ распросовъ ея оказалось, что пріѣхавшіе были: колл. регистраторъ Стольгаки, женатый на родной сестрѣ князя Гагарина, которая, получивъ отъ мужа видъ на отдѣльное отъ него жительство, проживала у своего брата, поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка, графъ Никол. Ал. Толстой и юнкеръ кавалергардскаго полка (въ отставкѣ) князь Ник. Волконскій. Г. Стольгаки объяснилъ, что пріѣхалъ къ своей женѣ и сыну, а остальные двое, что прибыли съ нимъ въ качествѣ товарищей. При этомъ объяснилось, что кн. Волконскій оскорбилъ словомъ и дѣйствіемъ городоваго, у котораго бляха оказалась сорванною. Мировой судья, разсмотрѣвъ это дѣло, призналъ упомянутыхъ трехъ лицъ виновными въ буйствѣ, самоуправствѣ, насиліи и нарушеніи общественной тишины, а кн. Волконскаго, кромѣ того, еще въ оскорбленіи городоваго, и признавъ поступки эти учиненными по уговору трехъ лицъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ,—приговорилъ подвергнуть каждаго трехмѣсячному аресту.

Въ Варшавскомъ аппеляціонномъ судѣ, какъ сообщаетъ «Русскій Міръ», разсматривалось слѣдующее дѣло: у крестьянина Люблинской губерніи Подгурняка было нѣсколько ульевъ пчелъ, которыя въ послѣдніе годы совершенно перестали давать медъ. Онъ испробовалъ всевозможныя средства, чтобы помочь этому горю, и рѣшился наконецъ послѣдовать совѣту, который далъ ему одинъ его пріятель, крестьянинъ, родомъ руссинъ, увѣрившій его, что ежели въ улей положить частичку освященнаго причастія, то пчелы начнутъ давать медъ пуще прежняго. Сказано — сдѣлано. Съ цѣлью добыть себѣ св. причастія, Подгурнякъ отправился въ сосѣднюю церковь и изъявилъ желаніе причаститься; но, получивъ св. причастіе, онъ не проглотилъ его, а оставилъ у себя во рту, и, отойдя отъ чаши, хотѣлъ его спрятать. Притомъ у него задрожали руки, и св. причастіе упало на полъ. Подгурнякъ, желая скрыть это, наступилъ ногою на причастіе, но стоявшіе подлѣ него крестьяне замѣтили это: онъ былъ схваченъ и переданъ въ руки властей. Представъ въ первой инстанціи на судъ, въ Люблинѣ, онъ Люблинскимъ судомъ признанъ былъ виновнымъ въ святотатствѣ и кощунствѣ и приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ въ рудникахъ. Осужденный подалъ дѣло на аппеляцію, и оно разсматривалось во второй инстанціи, въ Варшавскомъ судѣ. Мѣстный прокуроръ г. Атенскій сильно возсталъ противъ того значенія, которое придано было дѣянію подсудимаго Люблинскимъ судомъ, и высказалъ въ своей стороны то мнѣніе, что проступокъ крестьянина Подгурняка доказывалъ въ немъ не отсутствіе, а, напротивъ того, присутствіе самой полной, самой усердной вѣры, къ которой несомнѣнно примѣшаны довольно грустные предразсудки — неизбѣжное слѣдствіе неразвитости и необразованія подсудимаго, за которые его однако же не слѣдуетъ подвергать столь тяжкому наказанію. Прокуроръ въ заключеніи своемъ высказалъ убѣжденіе свое въ невинности подсудимаго, и судъ, признавъ его оправданнымъ отъ возводимыхъ на него обвиненій въ кощунствѣ и святотатствѣ, объявилъ его свободнымъ отъ суда и ареста, и подлежащимъ только церковному покаянію, по указанію ближайшаго духовнаго начальства.

Фельетонъ.

(Вмѣсто краснаго яичка)

Въ ту минуту, когда вы, мой благосклонный читатель, будете пробѣгать эту скучную страницу, весь православный людъ будетъ преданъ ликованію по случаю наступившихъ праздниковъ. Живо представляю себѣ эту картину: апрѣльское солнце просушило бугры и пологости безграничныхъ полей русскихъ; по грязнымъ улицамъ, у полуразобранныхъ плетней и покосившихся загоновъ, протоптанныя дорожки; на обнаженныхъ деревьяхъ первыя свѣжія почки; первая пѣсня соловья; первыя весеннія пѣсни въ хороводахъ у околицы; первыя надежды на урожай... Праздникъ этотъ совершенно справедливо считается самымъ веселымъ въ году: потому ли, что онъ совпадаетъ обыкновенно съ пробужденіемъ всей природы отъ ея зимняго скучнаго сна, или потому, что обставляется такими поэтическими преданіями и обрядами,—только во время его становится какъ-то «свѣтло» на душѣ, какъ-то мягко и покойно. Человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ ежедневныхъ тяжелыхъ трудовъ и лишеній; ему хочется пожить этою лучшею жизнью хотя нѣсколько дней, отогнавъ отъ себя всякую заботу о томъ, что приковываетъ его къ извѣстному мѣсту, къ извѣстному дѣлу и къ извѣстнымъ лицамъ. Что бы тамъ ни говорили гг. идеалисты, но нѣтъ на свѣтѣ существа болѣе зависимаго и болѣе подчиненнаго какъ человѣкъ, одаренный разумомъ, чувствами и такъ - называемою свободною волею. Благодаря этимъ-то послѣднимъ, онъ живѣе и глубже чѣмъ всякое другое существо въ состояніи почувствовать даже малѣйшую долю подчиненности и болѣть своимъ безсиліемъ, своею безпомощностью. Возьмите какую угодно профессію, какое угодно занятіе—и вы увидите, что по большей части человѣкъ есть рабъ этого дѣла, что не онъ имѣетъ верхъ надъ этимъ дѣломъ, а оно надъ нимъ; что нѣтъ на свѣтѣ субъекта,

даже самаго счастливѣйшаго, дѣйствія котораго не были-бы связаны тысячью причинъ, внѣ его лежащихъ. Судите-же теперь, каково должно быть на душѣ у человѣка, когда онъ хоть на нѣсколько часовъ почувствуетъ себя свободнымъ отъ своей тяжелой обыденности,—отъ всего того, что ему очень хорошо знакомо, но безъ чего, при всемъ своемъ желаніи, онъ обойтись не можетъ?.. Знаменитый Руссо въ своемъ «Эмилѣ», говоря о воздѣйствіи духа человѣческаго на тѣло и на оборотъ, приходитъ къ тому заключенію, что «plus le corp est fort—plus il obeit, plus il est faible — plus il commande» т. е. чѣмъ тѣло крѣпче, тѣмъ болѣе оно подчиняется нашему духу, а чѣмъ слабѣе, тѣмъ болѣе оно беретъ надъ нимъ власти. Но какъ-бы ни было крѣпко и здорово тѣло, дѣятельность души возметъ таки свое и потребуетъ для себя матерьяла. Вотъ чѣмъ объясняется то явленіе, что даже у дикарей, какъ извѣстно, отличающихся необыкновенною крѣпостью тѣла,—даже у нихъ существуютъ развлеченія, празднества и проч., т. е. такія минуты, когда душа требуетъ дѣятельности для себя одной, забывая о тѣлѣ, какъ неизбѣжной своей оболочкѣ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, я съ особеннымъ удовольствіемъ представляю себѣ ликованіе православнаго люда на предстоящей недѣлѣ. Одно только меня обезкураживаетъ,—это то, что русскій человѣкъ, какъ всѣмъ извѣстно, до невѣроятности склоненъ злоупотреблять праздничнымъ временемъ: вообще, чуть не поголовное, пьянство будетъ вѣроятно имѣть мѣсто и въ настоящіе праздники; растравляя самыя грубыя наклонности человѣческой природы, оно неминуемо приведетъ и къ самымъ безобразнымъ выходкамъ: не одной женѣ достанется отъ мужа, мужу отъ жены, дѣтямъ отъ отца и отъ дѣтей, пьяницамъ отъ кабатчика и кабатчику отъ пьяницъ, ростовщику отъ всѣхъ и всѣмъ отъ ростовщика и т. д., и т. далѣе. Интересно было бы также взглянуть, какъ проведутъ праздникъ крестьяне, строившіе смоленскую желѣзную дорогу. Извѣстно, что постройка этой дороги сдана была г. Варшавскому, который, въ свою очередь, роздалъ подряды мелкимъ евреямъ - подрядчикамъ, а они передали ихъ въ третьи руки, конечно, съ барышемъ для себя. Эти же послѣдніе, взявшись за постройку своихъ участковъ, имѣли дѣло уже съ настоящими строителями дороги — съ крестьянами смоленской и другихъ губерній, и тоже, разумѣется, нажили барыши. Такимъ образомъ, на смоленской дорогѣ поживились всѣ, кромѣ рабочихъ, которые, какъ теперь оказывается, отъ этихъ порядковъ пострадали настолько, что земство Смоленской губерніи послало въ Петербургъ депутацію — ходатайствовать, чтобы постройка другой дороги, пролегающей черезъ ихъ губернію, отдана была не еврейской компаніи, а кому-нибудь другому. Послѣ того, какъ заявлено было въ печати о прибытіи въ Петербургъ смоленской депутаціи, появились печатныя же возраженія: одно со стороны г. Варшавскаго, а другое отъ одного изъ его подручниковъ, въ которыхъ доказывается, что всѣ подрядчики (за исключеніемъ одного) на смоленской дорогѣ были русскіе,—что обиліе кабаковъ, на которое указываютъ какъ на доказательство систематическаго спаиванія рабочихъ, приносило вредъ прежде всего самимъ строителямъ, терпѣвшимъ отъ этого убытки и проч. Эти заявленія окончательно сбили съ толку публику. Въ самомъ дѣлѣ, кому вѣрить: земству ли, пославшему нарочитую депутацію съ тѣмъ, чтобы представить правительству бѣдственное положеніе губерніи, разоренной евреями-подрядчиками, или самимъ подрядчикамъ, заявившимъ, что всѣ подряды производились русскими? Къ довершенію общаго сумбура, подаютъ вдругъ голосъ смоленскіе депутаты и заявляютъ, что истинныхъ причинъ своего прибытія въ Петербургъ они никому, кромѣ правительства, не открывали и не намѣрены открывать... Ввиду этого послѣдняго заявленія, рѣшительно становишься втупикъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, евреи или православные довели губернію до разоренія, — національность здѣсь ни при чемъ; важно то, что постройка дороги нетолько не поправила быта крестьянъ, какъ этого ожидали, но еще какъ будто ухудшила его.

Послѣ всего сказаннаго, особенно интересно знать, какъ проведутъ праздники смоленскіе крестьяне.

Въ конторѣ редакціи журнала «Нива» еженедѣльно получается до 60 писемъ съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ адреса, причемъ деньги на типографскіе расходы по печатанію новаго прилагаются весьма рѣдко. Поэтому, издатель обращается къ гг. подписчикамъ съ покорнѣйшею просьбою: при перемѣнѣ адреса высылать въ контору редакціи 30 коп., или прилагать 3 почтовыя марки, которыя по новому распоряженію почтоваго вѣдомства могутъ быть посылаемы въ простыхъ нестрахованныхъ письмахъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 13 Апрѣля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Моркс. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 21 апрѣля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

Эпилогъ.

1771 годъ въ Москвѣ, годъ мороваго повѣтрія, напомнилъ своими ужасами — сцены едва-ли повторявшіяся въ теченіи предшествовавшихъ 4-хъ вѣковъ. Русскій человѣкъ, всегда сосредоточенный подъ наплывомъ обстоятельствъ неблагопріятныхъ, съ развитіемъ бича эпидеміи одичалъ, ожесточился, потерялъ отличительное свойство своей натуры: довѣрчивость, и взамѣнъ этой свойственной человѣку наклонности перешелъ въ противоположную крайность, совсѣмъ несвойственную: боязнь предательства, подозрительность. Если въ обыкновенное время человѣкъ, одержимый этой несчастной страстью, не бываетъ похожъ на себя; то можно представить себѣ, до чего доводили людей суевѣрный страхъ и сознаніе безвыходности положенія въ ту грозную годину, когда смерть мгновенно схватывала свои жертвы—и жертвъ этихъ считать было некому. Жители несчастной столицы походили на дикую толпу безумныхъ, которыхъ выводилъ изъ апатіи на одно мгновеніе ужасъ гибели, леденящій кровь и мутившій разсудокъ. А когда разсѣявался этотъ припадокъ, несчастные какъ-бы теряли сознаніе и бродили безцѣльно, не сознавая опасности своего положенія, забывъ, что у нихъ были когда-то милые сердцу, и впадая въ убійственное равнодушіе, останавливающее всякую самодѣятельность. Такъ по крайней мѣрѣ было съ большинствомъ.

Люди привязанные къ формальной сторонѣ религіи—конечно удерживали смутное понятіе о необходимости выполнить ея обрядовыя требованія, готовясь къ смерти, затѣмъ впадали въ малодушіе, дѣлались какъ дѣти—и въ такомъ состояніи становились жертвой небольшой массы безстрашныхъ или злодѣйски-беззаботныхъ собратій, даже во дни мора считавшихъ важнѣйшей цѣлью своего существованія пріобрѣтеніе. Нужно ли прибавлять, что для этихъ проходимцевъ не было ничего святаго и что политика ихъ, среди общаго потемнѣнія, приводила къ самымъ блистательнымъ результатамъ, выставляя ихъ самихъ какими-то высшими существами, чуть не благодѣтелями впадавшихъ въ слѣпое отчаяніе.

Во имя вѣры и совѣсти, эти рыцари пріобрѣтенія требовали отъ состоятельныхъ но слабодушныхъ своихъ паціентовъ жертвованія всего ихъ состоянія на хорошее дѣло. Пріобрѣтя нравственную власть надъ слабыми, они конечно развѣ въ рѣдкихъ только случаяхъ

встрѣчали съ чьей либо стороны признаки явнаго сопротивленія. Но одна возможность такого упорства дѣйствовала возбудительно на самыхъ сдержанныхъ и потому подбиратели къ рукамъ чужихъ достатковъ— въ случаѣ разсчета на противорѣчія, съ подобными упрямцами покапчивали втихомолку, благо можно было сослаться на чумную эпидемію при внезапномъ даже переселеніи съ сего свѣта въ другой міръ.

Извѣстно, что обладатель достатка бываетъ менѣе храбрымъ чѣмъ бѣднякъ. Въ страшные дни эпидеміи, истина эта подтверждалась тысячами примѣровъ въ бѣлокаменной Москвѣ. Люди состоятельные оказывались невольными обогащателями своихъ исконныхъ враговъ, вполовину только сознавая, что они теряютъ, и не подозрѣвая совсѣмъ, что ихъ обкрадываютъ. Зато поживлявшіеся на ихъ счетъ пріобрѣтали самоувѣренность, надменность и величаніе передъ своими кліентами, обратившимися въ это скромное состояніе изъ недавнихъ патроновъ.

Говоря проще, люди безсовѣстные создавали себѣ капиталы грабительствомъ напуганныхъ заразой. Наживавшимися оказывались величающіе себя людьми древняго благочестія, а жертвами ихъ — простыя души христіанъ господствующей церкви. Здѣсь не было середины. Испуганное стадо вѣрныхъ, совсѣмъ потерялось послѣ пораженія своего пастыря, этого отчаяннаго усилія изувѣровъ и бездѣльниковъ, очень опасавшихся замученнаго ими архіерея и потому поспѣшившихъ съ нимъ кончить.

Мать Марѳа, неизбѣжно появлявшаяся всюду, гдѣ вода начинала мутиться и обѣщала мало-мальски прибыльный уловъ рыбки, не измѣнила себѣ и въ этотъ разъ. На другой день по убіеніи Амвросія, карета ея медленно двигалась по улицамъ Москвы, то и дѣло объѣзжая многочисленныя рогатки, которыми оцѣплены были зачумленные кварталы. Марѳа съ любопытствомъ поглядывала на заколоченые ворота и ставни нѣкоторыхъ домовъ, усугублявшихъ своимъ видомъ общее впечатлѣніе безлюдья и выморочнаго затишья на улицахъ. Вмѣстѣ съ свѣжимъ осеннимъ вѣтеркомъ въ открытыя окна кареты изрѣдка потягивало горьковато-смолистымъ дымомъ—то горѣли на перекресткахъ можжевеловые костры и возлѣ нихъ что-то дѣлали какіе-то люди въ темныхъ смоляныхъ балахонахъ.

— Сворачивай! назадъ! проѣзду нѣтъ! кричали они иногда сиплыми голосами, иногда молча пропускали экипажъ, которому чрезъ два три переулка приходилось объѣзжать новую рогатку...

На Красной площади пришлось и вовсе остановиться. Все пространство отъ самаго Василья блаженнаго до Никольской кишѣло народомъ. Въ глазахъ рябило это море головъ, гомозившихся словно громадный муравейникъ. Красныя, пьяныя, освирѣпѣлыя лица проскакивали тамъ и сямъ, чередуясь съ суровыми обликами раскольниковъ, въ толпѣ блѣдныхъ напуганныхъ горожанъ. Глухой ропотъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ словно повисъ надъ площадью, тамъ и сямъ слышалась брань, поднимались драки. Высоко выдѣляясь надъ толпой, облитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, виднѣлась сѣдая обнаженная голова Еропкина, въ генеральскомъ мундирѣ, верхомъ разъѣзжавшаго въ общей давкѣ и повидимому уговаривавшаго разъяренную чернь... Массы народа напирали со всѣхъ сторонъ къ нему, съ угрозами и проклятьями. Старика оттѣснили въ Спасскія ворота, народъ хлынулъ за нимъ... Вдругъ изъ темной арки ихъ словно молнья мелькнула въ бѣломъ облакѣ—и непривычный уху москвичей гулъ пушечнаго выстрѣла шарахнулъ толпу назадъ... Въ разныхъ мѣстахъ застонали голоса. Сверкнулъ еще огонекъ—и съ ревомъ и визгомъ пронеслось что-то большое тяжелое, хлопнувъ по каменной стѣнѣ и осыпавъ известью съ обломками кирпича...

Марѳа, высунувшись изъ дверцы, кричала кучеру, чтобъ онъ гналъ скорѣе прочь; перепуганный бородачъ задергалъ возжами и направилъ было въ разрѣженный промежутокъ бѣгущихъ, какъ вдругъ, вмѣстѣ съ третьимъ гулкимъ облакомъ изъ воротъ Спасской башни, карета съ трескомъ повалилась на бокъ. Марѳа, едва выскочивъ, наткнулась на какого то человѣка, навзничъ лежавшаго съ оторванной рукой, въ лужѣ крови, на раздробленномъ колесѣ, и судорожно вздрагивавшаго ногами...

— Ну чего сталъ? озлобленно крикнула она своему извозчику—отпрягай живѣе!.. не ночевать тутъ... всѣхъ перебьютъ.

И она сама, помогая ему, бѣлыми нѣжными руками сорвала постромки одной лошади, подобрала возжи, и вскочивъ по-мужски верхомъ, пустилась вскачь на перерѣзъ бѣгущихъ. Выстрѣлъ бухалъ за выстрѣломъ, ядра жужжали вдоль по Ильинкѣ, гдѣ особенно скучилась волна бѣглецовъ... Но Марѳа уже миновала опасную черту и мчалась къ Сущеву. Въ эти дни ужасовъ мора, мятежа, убійствъ и разбоевъ невѣроятное стало до того обыкновеннымъ, что видъ одиноко-скачущей женщины ни въ комъ не возбуждалъ удивленія—и Марѳу даже не окликнули ни у одной изъ рогатокъ вплоть до усадьбы Молчанова-Хмурова...

Широкій дворъ ея, нѣкогда оживленный, теперь былъ пустъ какъ тѣ улицы, что недавно проѣзжала Марѳа; только пятеро или шестеро смоляныхъ балахонниковъ и тутъ бросались въ глаза, точно ихъ по всему городу плодила зараза. Длинными баграми тащили они изъ напогребицы и за тѣмъ поволокли по землѣ какое-то громадное черное тѣло. Лошадь подъ Марѳой захрапѣла и попятилась, навостривъ уши, вытянувъ морду по направленію къ страшнымъ фигурамъ, въ темныхъ блестящихъ балахонахъ, въ круглыхъ шляпахъ, наподобіе погребальныхъ, изъ подъ которыхъ вмѣсто человѣчьяго облика глядѣла маска съ птичьимъ носомъ, наполненномъ ароматными травами... То были колодники, обязанные убирать трупы зарзженныхъ, а покойникъ, которому они отдавали послѣдній долгъ—Кузьма Исаичъ, краса кулачныхъ боевъ и гроза рогожцевъ...

Увидя страшныхъ людей, влекущихъ свою добычу, мать Марѳа, у которой помутилось въ глазахъ, поспѣшно забѣжала за каменное строеніе, и переведя духъ, прошла заднимъ ходомъ въ домъ. Никого.

Поднялась на лѣстницу. Пусто.

Ни одинъ звукъ не показывалъ присутствія живаго существа. Сердце у Марѳы, умѣвшей владѣть собой и не легко поддававшейся страху, невольно сжималось. Собравъ всѣ свои силы, дошла она до крестовой молельной хозяина—и тамъ никого. Только постукивали открытыя окна, захлопываемыя и размахиваемыя вѣтромъ. Мать Марѳа заперла два изъ нихъ передъ образной, и помолясь иконамъ, нарочно произнесла громко: «Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ»!

— Кто тутъ? безсильнымъ голосомъ отозвался Молчановъ-Хмуровъ гдѣ-то близко.

Марѳа пошла на голосъ къ пологу и увидѣла совсѣмъ перемѣнившагося, ослабѣвшаго, не давно еще

здороваго и свѣжаго, Хмурова, лежавшаго въ лихорадкѣ.

— Что съ тобой, Сидоръ Дементьичъ?

— Да вотъ, матушка, какъ перевернуло!.. особенно когда Кузьму у меня—исправный былъ такой ключникъ— подхватилъ это моръ... Людишки, какъ сама это видишь, всѣ разбрелись—вотъ и лежишь какъ собака... ты-то хоть меня не покинь...

— Какъ можно покинуть!—не только такому благодѣтелю какъ ты, а и простой душѣ христіанской не пригоже умереть безъ покаянія. Вонъ Илья-то Алексѣевичъ Ковылинъ—знаешь?—истинно Божій человѣкъ, заводитъ страннопріимницы; ужо я съ тобой посижу, кто нибудь придетъ, такъ я на часокъ какой къ нему юркну, пришлютъ сидѣлицъ, али ты можетъ соблаговолишь чтобы повольготнѣе туда переселиться.

— Всего бы лучше, матушка, кабы ты сама осталась; можетъ и полегчаетъ...

— Да и безпремѣнно полегчаетъ. Давно ли боленъ-то? участливо спрашивала Марѳа.

— Да третій день ужь. Глянулъ я, какъ это Кузьму-то стало коробить, такъ и сталъ самъ не свой.

— Испугъ, вѣстимо дѣло, внезапность! утѣшала Марѳа.

Бесѣда съ Марѳой, ея первыя распоряженія поселили въ больномъ надежду и бодрость — ему видимо стало лучше.

Часъ два спустя Марѳа увидѣла двухъ мальчиковъ да еще какого-то старика, прохаживавшихся по двору— и выйдя изъ образной, кликнула чтобы пришли.

На счастье мальчуганы попались толковые, послушные, заобычные, въ домѣ жили не малое ужь время; именемъ хозяина, мать Марѳа приказала разыскать по конторѣ бумаги и письменныхъ принадлежностей, настрочила цидулу почтеннѣйшему Ильѣ Алексѣевичу, красѣ и столпу православія и древляго благочестія по всей Москвѣ, призывая его на совѣтъ и на содѣйствіе въ настоящихъ обстоятельствахъ по случаю болѣзни богача Хмурова. Часъ спустя посланіе честной матери получено по назначенію и возбудило не малую радость въ ласковомъ Ильѣ Алексѣевичѣ. Прислужника онъ велѣлъ чаемъ напоить, искусно выспросилъ, что́ и какъ дѣлается, и распорядился присылкою въ усадьбу больнаго своихъ сторожей, сторожихъ и прислужницъ въ распоряженіе матери Марѳы. Для лучшаго же успѣха и единства дѣйствій, самъ явился засвидѣтельствовать ей свое нижайшее почитаніе.

Въ подозрительномъ Хмуровѣ новый гость произвелъ положительно хорошее впечатлѣніе. Да и какъ бы могъ онъ произвести иное дѣйствіе, когда обладалъ самой счастливой наружностью.

Высокій ростъ, черты пріятныя тонкія, длинная русая борода, глаза съ смиренно-кроткимъ выраженіемъ, голосъ пріятный съ интонаціей вкрадчивости, рѣчь красная, пересыпанная у мѣста текстами и ссылками на писанія столпо́въ старообрядства—Денисовыхъ да протопопа Аввакума. При рѣдкихъ отвѣтахъ хозяина, Ковылинъ почтительно умолкалъ, кланяясь и слушая съ усерднымъ вниманіемъ, возраженій почти не дѣлалъ — и до того обворожилъ больнаго, что тотъ почувствовалъ себя здоровымъ, принялъ предложеніе посѣтить новаго знакомца на слѣдующій же день съ матерью Марѳой и дѣйствительно сдержалъ слово.

На утро, въ рыдванѣ на подушкахъ, больной привезенъ Марѳой къ новому благопріятелю. У него уже нѣсколько такихъ же пріятелей вели бесѣду—и имъ словоохотливый Илья Алексѣевичъ пересказалъ, какъ онъ получилъ благодать предъ лицомъ градоначальника, вызвавшись устроить на свой страхъ и коштъ предъ рогожскимъ въѣздомъ въ городъ родъ подвижнаго карантина и при немъ въ помѣщеніяхъ, которыя намѣренъ для того устроить, пріютъ для бѣгущихъ изъ города и заболѣвающихъ, отдѣляя ихъ конечно отъ здоровыхъ.

— Затѣйка-то моя, государь мой милостивый, такъ генералу значитъ показалась, что тутъ же онъ и разрѣшилъ: «дѣлай, дѣлай, говоритъ, хочешь и приказъ дамъ; послужи, братецъ, обчеству!» Такъ Исусъ сладчайшій и умягчилъ его сердце, истинно по божью смотрѣнію. Наше дѣло теперь чисто — никого не боимся, хозяйничай да стройся. Кликнемъ конечно къ благопріятелемъ. Души христіанскія-молъ, поусердствуйте Господу Богу, ради спасенія нашего. Сидоръ Дементьичъ навѣрно не откажетъ также своей лептой...

— Охотно, други мои, отвѣчалъ Хмуровъ, — въ вашей бесѣдѣ христіанской только мнѣ больному да хилому и осталось отводить душеньку... Сколько вамъ примѣрно требуется?

— Да два ста мужикамъ черкизовскимъ придется взнесть, да сотенки четыре — ужь это самой малой мѣрой — стройку начать, а тамъ что Господь Богъ дастъ...

И самъ Илья Алексѣевичъ, смотря умильно на гостя, ждалъ его отвѣта.

— Инъ быть по вашему — шесть сотенокъ отвалимъ вамъ, коли безпремѣнно требуется; только вы родимые не передавайте лишняго.

— Не лишняго, отецъ, какое тутъ лишнее! Ужь о препитаніи нашей страннопріимницы печись наше дѣло; мы на это помощи и не просимъ. Морить христіанъ не пригоже — ужь пріютить, такъ чтобъ и сыты были.

Разщедрившись однако настолько, Сидоръ Дементьичъ чрезъ нѣсколько минутъ завелъ длинную рацею о дурныхъ временахъ, о малыхъ прибыткахъ, о добываніи по́томъ и кровью своихъ капиталовъ съ молодости до старости и о прочемъ. Марѳа возразила, что на то Господь и даетъ одному изъ рабовъ своихъ много талантовъ, чтобы тотъ удѣлялъ меньшей братіи.

— Все матушка такъ, да вѣдь трудно и сгоношить-то! Меньшая-то братія также могла бы поусердствовать— поработать...

— Да коли не дано!

— Раздавай, раздавай, а можетъ и долго проживешь — думать надо, чѣмъ бы похорониться.

— Не такая пора, Сидоръ Дементьичъ, чтобы о сокровищахъ земныхъ пещись — смерть передъ нами и за нами — кто изъ насъ поручится, что всѣ мы доживемъ хоть бы до утра—и ты самъ съ разсвѣтомъ будешь въ состояніи ворочать рукой или ногой...

— Ахъ, какая ты! — вѣдь живой о живомъ и думаетъ.

— Да вонъ смотри! и она указала на другую сторону улицы, гдѣ изъ заколоченнаго дома сверху сбрасывали на телѣгу трупы.

— Вѣдь все жили, можетъ-быть и разсуждали какъ ты, а теперь ничего не надо.

Неожиданность страшнаго зрѣлища произвела потрясающее дѣйствіе на стараго капиталиста. Холодъ прошелъ по всему тѣлу какъ бы ледяной рукой; потемнѣло въ глазахъ, и силы быстро стали оставлять его. Едва дотащившись до широкой скамьи, онъ опустился на нее въ полубезпамятствѣ.

Чрезъ минуту остались только Марѳа да Ковылинъ.

Призванный докторъ-нѣмчинъ, не смотря на больнаго, зажавъ себѣ носъ, у дверей что-то начертилъ на бумажкѣ, и поспѣшилъ на другой визитъ. Пароксизмы лихорадки между тѣмъ стали поражать Молчанова чаще и чаще съ усиливающейся жестокостью.

— Тебѣ бы не мѣшало, Сидоръ Дементьичъ, и распорядиться ино, неровенъ часъ, гдѣ и чтó у тебя есть, говорила Мароа.

— Да развѣ думаешь ты, мать честная, что и впрямь мнѣ жить не долго? трусливо говорилъ больной, впадая въ еще большее уныніе.

Ему становилось видимо тяжелѣе. Скоро онъ сталъ жаловаться на стѣсненіе въ груди и на опухоль какую-то подъ мышкой. Наступилъ жаръ и больной просилъ безпрестанно пить, но жажда все усиливалась, нѣмецкое лекарство не произвело никакого дѣйствія. Поенье богородицыной травой изъ рукъ матери Мароы настолько же оказывалось пригоднымъ. Молчановъ сталъ метаться. Дыханіе становилось все тягостнѣе. Лицо побагровѣло, а потомъ стало темнѣть.

— Ишь ты, Каинъ какой! Вѣдь ужь смерть на носу, а все ничего не баитъ! вырвалось у Ковылина, и онъ распорядился съ лавкою вмѣстѣ перенести умирающаго въ сарай.

Въ ту же ночь, какъ только стемнѣло, Мароа съ сладкорѣчивымъ Ильей Алексѣевичемъ явилась въ опустѣломъ жилищѣ Молчанова-Хмурова. Къ разсвѣту прибыли телѣги—и пошло на нихъ нагруженье всего чтó попадалось. Тяжелые небольшіе боченки съ желѣзными обручиками, стоявшіе подъ кроватью владѣльца опустошаемыхъ теперь хоромъ и кладовыхъ, бережно перенесены были въ рыдванъ Ковылина—и когда мать Мароа вынесла божье милосердіе въ ризахъ горѣвшихъ золотомъ и каменьями, рыдванъ уже уѣхалъ, а ей предложена бричка, причемъ стоявшій подлѣ кучера прикащикъ Ильи Алексѣевича повѣдалъ честной матери, что рабъ божій Сидоръ болѣе въ живыхъ не обрѣтается. Мароу передернуло; черты ея миловиднаго лица на мигъ приняли выраженіе какого-то звѣрства; но совладѣвъ съ собой, она сѣла въ экипажъ и поѣхала по направленію къ Рогожской.

Всходя на лѣстницу съ бременемъ иконъ, она увидѣла у заднихъ воротъ какой-то черный ящикъ, втаскиваемый баграми на роспуски,—и только вздохнула, инстинктивно догадавшись, что это должно-быть остатки Молчанова, наслѣдствомъ котораго она торопилась теперь раздѣлиться.

— А ты, Илья Алексѣевичъ, боченочки-то всѣ прибралъ про себя? спросила она, входя.

— Нѣтъ, матушка, на нужды призрѣваемыхъ; все меньшей братіи—себѣ я ничего не оставляю, сказалъ Ковылинъ.

— Но ты, отецъ, не забудь, что у меня есть меньшія сестры, которыя тоже должны имѣть свою часть.

— Оно конечно, честная мать... ты бы раньше сказала, какъ ты хочешь устроить тамъ—киновію что-ль при нашемъ пріютѣ... Ино какъ разсудишь — я такъ и сдѣлаю.

— И то добро будетъ своей чередой, а Каменозерской-то киновіи выдѣли.

— Ну и киновіи этой будетъ, коли она — какъ хочешь ее назови—коли устроимъ, твое ужь дѣло называть будетъ.

— А до того выдѣли — неотступно.

— Да чего выдѣлять-то? Не каки несмѣтны богатства—всего тысченки три-четыре... Ты думаешь, чтó у него въ боченкахъ?..

— Да я лучше тебя знаю чтó... Ты ужь на этотъ счетъ морочь другаго...

— Ну, скажи!.. Серебро, вотъ-те Христосъ — серебро... Сама можешь посмотрѣть.

— Да гдѣ жь они?

— Вонъ, посмотри.

Мароа побѣжала въ уголокъ и схватила одинъ изъ опорожненныхъ боченковъ.

— Да тутъ ужь ничего не увидишь — все охолостилъ, грабитель!

— Нѣтъ, ты мать скорѣе грабительница, что у сирыхъ отнять хочешь!

— Отдай честью, а не то найду дорогу...

— Чистая тебѣ дорога, мы эту пѣсню-то слыхивали. Сама несетъ беремя иконъ въ золотыхъ окладахъ, а меня грабителемъ называетъ — и божьяго-то милосердія не пощадила!

— Провались ты, извергъ! прохрипѣла Мароа со злобой и ушла не прибавивъ слова.

Благоразуміе не оставило Мароы и при настоящемъ случаѣ. Зрѣло обдумавъ, что Илья Ковылинъ такъ нахально поступаетъ, предварительно угладивъ себѣ путь передъ кѣмъ слѣдуетъ, — она съ одною ношею иконъ да однимъ боченочкомъ изъ девяти, почему-то имъ неусмотреннымъ во время, сочла за благо убраться къ себѣ на сѣверъ какъ можно поспѣшнѣе изъ зачумленной столицы.

Уже послѣ нея, присланный императрицею Григорій Григорьевичъ Орловъ уничтожилъ энергическими мѣрами панику въ народѣ. Изворотливый Ковылинъ успѣлъ во время забѣжать къ распорядителю судебъ въ древней столицѣ и выхлопоталъ себѣ открытый листъ, развязывавшій ему руки для дальнѣйшихъ предпріятій, объ успѣхѣ которыхъ можно судить по быстротѣ сооруженій на арендованныхъ черкизовскихъ участкахъ, гдѣ къ заморозкамъ успѣли подняться обширныя усадьбы, чуть не цѣлая слобода, а къ веснѣ завелась богадѣльня съ общежитіемъ и обиходною обстановкою монастыря. Собраніе средствъ на все это относилъ смиренный Ковылинъ къ милосердію божію и провидѣнію, по волѣ котораго, какъ говорилъ онъ, и создалась рогоская обитель братій и сестеръ древняго благочестія, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ рогожскаго кладбища и давшая начала поговоркѣ: «на рогожѣ дохнутъ, на Иргизѣ попа дадутъ».

(Продолженіе будетъ).

На Волгѣ.

Длинная лента чорнаго дыма, вырываясь съ судорожнымъ пыхтеніемъ изъ высокой, пароходной трубы,—далеко тянется надъ широкою водною поверхностью. Потянуло вѣтромъ со стороны,—изогнулся сказочнымъ змѣемъ этотъ воздушный слѣдъ и запутался, исчезая въ косматыхъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ, вершинахъ нагорнаго берега.

Не успѣла путемъ разсѣяться дымная лента, а уже

Волжская вольница.

Рисунокъ Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

новые и новые клубы поднимаются на горизонтѣ. Рѣзкій свистокъ парохода борется со свистомъ и воемъ вѣтра; словно десятки водяныхъ мельницъ—шумятъ неутомимыя колеса. Тянутся на буксирахъ тяжелые караваны барокъ съ хлѣбомъ и другимъ добромъ; скользятъ, обгоняя все на своемъ пути, легкіе пасажирскіе пароходы.

Бойко работаетъ нашъ центральный водяной трактъ, щедрою рукою раздаетъ онъ направо и налѣво трудъ рабочему люду, а съ трудомъ довольство, а съ довольствомъ земное счастіе.

Хоть со всего свѣта иди народъ на привольные берега — всѣмъ вдосталь хватитъ работы; некогда будетъ складывать мозолистыя руки, и закопошатся онѣ, застучатъ на разные лады,—и на пристаняхъ, чуть не сплошной цѣпью унизавшихъ берегъ, и на палубахъ безчисленныхъ судовъ чужеземной и своей домашней работы. До верховъ нагружаются товаромъ барки-гиганты; заплывшіе жиромъ комерсанты не боятся за цѣлость своихъ мильонныхъ грузовъ, спокойно довѣряя теченію и силѣ паровъ свое имущество.

Пасажиры на пароходахъ располагаются какъ у себя дома: тепло, уютно, роскошный гастрономическій столъ, удобная постель—все къ услугамъ путешественника — плати только деньги.

Не то было прежде, въ такъ-называемое «доброе старое время»,—и много-много десятковъ и даже сотень лѣтъ прошло, пока Волга приняла наконецъ величаво-кипучій видъ первой торговой судоходной рѣки русскаго царства.

Слишкомъ рисковано было пускаться въ путь что называется спроста, длинные сборы предстояли путникамъ: запасались пищей на три, на четыре мѣсяца, случалось что и на полгода, придерживаясь пословицы, что «запасъ хлѣба не проситъ», забирали оружіе, на бортахъ и на кормѣ устанавливали пищали на подсошкахъ, служили напутственные молебны,—наконецъ исповѣдывались и причащались.

Никто не могъ навѣрно разсчитывать—цѣлымъ и невредимымъ добраться до мѣста назначенія. Опасность была слишкомъ велика, чтобы хорошенько не подумать о ней заранѣ.

Но эта опасность крылась не въ природѣ; рѣка была непричастна тому, что на ней творилось; она даже еще удобнѣй была для плаванія чѣмъ теперь; воды ея были глубже, песчаныхъ отмѣлей меньше; самыя суда не были такихъ громадныхъ размѣровъ и не сидѣли такъ глубоко въ водѣ.

Опасность гнѣздилась по берегамъ, въ густо-заросшихъ оврагахъ, въ трущобахъ вѣковыхъ лѣсовъ, и опасность эта вылетала хищными коршунами, въ видѣ остроносыхъ ладей съ удалымъ, безшабашнымъ людомъ.

Со всѣхъ сторонъ бѣжали на Волгу, кому дома не сидѣлось по какимъ бы то ни было причинамъ. Бѣжали мужики хлѣбопашцы, разоренные въ конецъ жаднымъ бояриномъ; не видѣли они радости за своею сохою и безъ сожалѣнія мѣняли ее на багоръ съ бердышомъ—благо сподручнѣй пришлося. Бѣжалъ преступникъ, которому угрожалъ законъ—въ видѣ палача, въ красной рубахѣ на лобномъ мѣстѣ. Заплывали уральцы съ своего «Яика», имъ это было совсѣмъ уже съ руки: спустятся на полдень по берегу моря Хвалынскаго, а потомъ, помимо Астраханскаго острога, проберутся и въ Волгу, на поиски. Заходили и донцы,—благо, подъ Царицынымъ недалеко было перебѣжать сухопутьемъ. Всѣмъ, щедрая какъ и всегда, Волга давала пріютъ и убѣжище, и на ея дикихъ, безлюдныхъ берегахъ формировались лихія шайки, наводившія страхъ не только на торговый людъ, но даже и на отряды царскихъ полчанъ, которые частенько прятались въ своихъ острогахъ и отсиживались за высокими частоколами отъ натисковъ отчаянныхъ головорѣзовъ.

Посылались и большіе отряды вылавливать разбойниковъ: цѣлыя военныя флотиліи отправлялись на поискъ,—да нѣшто угоняешся за вѣтромъ въ полѣ, нѣшто угоняется медвѣдь за хитрой лисицой!? Поѣздатъ, бывало, порыскаютъ, кое-кого поймаютъ изъ самыхъ ледащихъ, да такъ ни съ чѣмъ и отправятся домой;—а купеческіе караваны—снова держи ухо востро, береги хозяйское добро,—а то, хоть и безъ крыльевъ, а изъ рукъ вылетитъ.

При такихъ обстоятельствахъ по неволѣ почешетъ затылокъ всякій, кому прдется плыть по Волгѣ. Да уже когда и рѣшатся плыть, то плывутъ съ оглядкою: спятъ однимъ глазомъ, караулы день и ночь держатъ, Богу молятся да виномъ подбодряются. А пронесетъ Господь благополучно,—такъ тутъ уже нѣтъ конца пирамъ и веселью; а разсказовъ то что—на всю долгую зиму хватитъ: и про былое, и про настоящее, и про себя, да и про другихъ тоже. Къ веснѣ спохватятся, не заврались ли шибко, не расхвастались ли черезъ мѣру—и призатихнутъ, призадумаются, готовясь къ новому походу.

Вырвавшаяся изъ подъ гнета давящаго произвола, волжская вольница, въ своей новой, свободной, опьяняющей жизни не забывала, что порядокъ всему дѣлу голова, что безъ порядка—все равно что безъ хлѣба; и вотъ представителями этого порядка являются ряды самобытныхъ героевъ-атамановъ, составившихъ себѣ громадное имя при жизни и воспѣваемыхъ въ тысячахъ легендъ и пѣсень и по настоящее время.

Вышедшіе изъ народа, вооружившіеся только противъ власти и богатства и никогда не дѣлавшіе непосредственно зла народу, а напротивъ того являющіеся, во многихъ случаяхъ, сильными защитниками угнетенныхъ и слабыхъ, они притянули къ себѣ народную симпатію,—и эта симпатія, близкая до обожанія, возвела ихъ чуть не въ полу-боги, окруживъ своихъ любимцевъ волшебнымъ, сказочнымъ ореоломъ. Объ нѣкоторыхъ говорили, и вѣрили тѣмъ разсказамъ, что ихъ и пули не берутъ и мечи не рубятъ и цѣпи разваливаются какъ гнилыя веревки; объ другомъ разсказываютъ, что онъ ушелъ изъ подъ сорока замковъ, на лодкѣ, нарисованной углемъ на стѣнѣ,—объ третьемъ, что ему и старости нѣтъ и смерти, что третью сотню лѣтъ живетъ, а щеки сохранили румянецъ и борода безъ единаго сѣдаго волоса.

Женщины и дѣвушки, очарованныя чудными образами, оставляли свои дома и теплыя постели, бѣжали на Волгу, чтобы своимъ присутствіемъ подцвѣтить суровую жизнь разбойничью; и не одна красавица-героиня дѣлила съ удальцами разгулъ, веселье и добычу, не одной пришлось покорчиться при допросѣ, въ рукахъ заплечнаго мастера; но онѣ, умѣя веселиться, умѣли и умирать безъ стона на дыбѣ, съ вытянутыми членами, или подъ ударами ременной плети-трехъ-хвостки.

Струги-лодки, на которыхъ выѣзжали на промыселъ, были сдѣланы легко и крѣпко: размѣровъ большихъ онѣ никогда не достигали. Ихъ тактика была одна и та же: бросаться съ разныхъ сторонъ на гро-

мадныя, купеческія барки; а для этого не нужно было большихъ лодокъ, съ которыми не удобно ворочаться. На каждую лодку садилось не болѣе пятнадцати человѣкъ. Въ постройкѣ этихъ судовъ, кромѣ прочности и быстроты хода, наблюдалось и нѣкотораго рода кокетство—въ видѣ носа украшеннаго разными украшеніями (птичьями и звѣриными головами преимущественно) и различными узорами на кормѣ и на широкой доскѣ, обивающей борты подъ весельными уключинами; тутъ обыкновенно изображались рыбы и морскія чудовища, а впереди, на щекахъ рисовались большие глаза, придававшіе лодкѣ видъ какого то живаго, фантастическаго существа, несущаго на своей спинѣ—отважную шайку.

Въ укромныхъ мѣстахъ, облюбованныхъ заранѣ, часто завѣщанныхъ отъ дѣдовъ по наслѣдству, ютились разбойники. Тутъ на берегу, въ недоступныхъ съ суши трущобахъ, вырывали они землянки на зиму, часто даже строили бревенчатыя избы,—благо лѣсъ не купленный, а работать топоромъ не учиться,—и отдыхали до новой весны, когда тронется на Волгѣ ледъ и очиститъ имъ рѣку для новыхъ походовъ на сильнаго, да на богатаго.

Любимое оружіе нашихъ пиратовъ были багры, такіе же какъ и обыкновенные мирные инструменты этого рода, только копье на концѣ дѣлалось подлиннѣе и закаливалось покрѣпче. Ужъ очень это оружіе было для нихъ сподручно: и ухватиться имъ удобно, и грести при случаѣ можно, да и никакая кольчуга не устоитъ отъ его удара. Послѣ багра главную роль игралъ неизмѣнный топоръ за поясомъ. Были и пищали, особливо у казаковъ, да у бѣглыхъ стрѣльцовъ, которые не забывали уносить съ собою царское оружіе.

Въ костюмахъ поражала характерная смѣсь народности, прежде всего, и нищеты съ роскошью, которой на Волгѣ, такъ же какъ и въ Запорожьѣ щеголяли изъ презрѣнія къ богатству. Вся изодранная, въ дегтю и салѣ, холщевая рубаха, такіе же панталоны, а на головѣ боярская, соболья шапка. Только уральцы одѣвались съ замѣтнымъ щегольствомъ: длинное перо бѣлой цапли на шапкѣ, цвѣтные кафтаны, обложенные мѣхомъ, обшитые золотымъ галуномъ, богатое оружіе, и часто круглые, кожаные щиты на лѣвой рукѣ, замѣтно выдѣляли ихъ изъ прочей массы.

На зимовкахъ и роздыхахъ пили сколько вынесетъ широкая натура бурлацкая, но *на работѣ* наблюдалась строгая трезвость—и горе было провинившемуся. Изъ всѣхъ проступковъ самымъ большимъ считалось неповиновеніе атаману и измѣна; въ первомъ случаѣ слѣдовало немедленное разстрѣливаніе,—во второмъ—цѣлый рядъ самыхъ жестокихъ истязаній; случалось, что съ живаго сдирали кожу, или разрывали между стянутыми деревьями, какъ разорвали древляне Игоря. Были даже ужасные случаи зарыванія живымъ въ землю, внизъ головою. Такъ строго каралась измѣна клятвамъ, даннымъ при поступленіи въ вольную общину.

Медленно, словно шагъ за шагомъ ползутъ барки съ астраханскимъ и персидскимъ товаромъ. Много на нихъ всякаго народу, потому что грузъ дорогой и осторожность необходима.

Дѣло подошло къ ночи; стали на отдыхъ. Лямошники расположились на берегу и уху заварили; хозяева съ работниками на палубахъ залегли,—благо ночь тихая и теплая, въ каюту забираться незачѣмъ. Сторожей поставили, на случай боевой припасъ приготовили и позасыпали послѣ тяжелыхъ трудовъ — на бортахъ.

Тихо, хорошо на рѣкѣ. Мѣсяцъ поднялся и столбомъ жидкаго серебра, отъ берега до берега, разрѣзалъ широкую Волгу. То тамъ то сямъ всплескиваютъ большія рыбы, разгоняя безчисленные круги; рогатыя бревна, словно какія то чудовища, медленно плывутъ по теченію; сонныя чайки колышатся на водной зыби; а на сосѣдней отмели стоитъ цѣлый рядъ цапель, подобравшихъ подъ себя ногу, завернувшихъ подъ мягкое крыло долгоносую голову.

Къ утру потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ; сторожей сильно пронимаетъ дрожь и ко сну клонитъ. Нѣтъ нѣтъ да и клюнетъ носомъ полусонный сторожъ, тяжело опершись на двусторонній бердышъ.

А межъ тѣмъ надъ сонными купцами собирается туча грозная. Вотъ далеко-далеко, на крутомъ гребнѣ поросшаго лѣсомъ острова, загорѣлась красная точка; то треща пылаетъ облитый смолою, маячный снопъ—сигналъ аттаки.

Быстро какъ рыбы и также неслышно—скользятъ вдоль темныхъ береговъ подозрительныя лодки... Все ближе и ближе. — Вотъ одна впереди всѣхъ; сильно налегаютъ на весла полуголые гребцы, молодцомъ стоитъ у руля сѣдобородый атаманъ уралецъ; словно змѣиныя жала торчатъ во всѣ стороны приготовленные багры.

Смотрятъ испуганные сторожа и глазамъ не вѣрятъ.

— Вставай, братцы,—бѣда!

— Всѣ на корму! оттуда налегаютъ! ..

— Берегись слѣва! Господи помилуй!...

. . . .

И всѣ эти полусонные, испуганные голоса, покрываетъ собою громовой кличъ:

— Сарынь на кичку!...

. . . .

Ярко пылаютъ въ огнѣ разграбленныя барки. Не одно бездыханное тѣло досталось на съѣденіе рыбамъ. Только бурлаки лямошники идутъ себѣ напѣвая, домой, сухопутьемъ. Ихъ атаманъ не забылъ при разсчетѣ: свое получили, даже съ залишкомъ—ну и ладно!...

Таковые-то порядки на Волгѣ были чуть не обыденнымъ явленіемъ въ доброе, старое время.

Н. К.

Искуственное разведеніе рыбы.

Лѣтъ двадцать тому назадъ французское правительство устроило по совѣту профессора *Коста* въ Гюнингенѣ (въ Эльзасѣ), какъ разъ у самаго Рейско-рейнскаго канала, заведеніе для искуственнаго размноженія рыбы, единственное въ своемъ родѣ по величинѣ своихъ размѣровъ и обширности своего производства. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію этого замѣчательнаго заведенія, мы считаемъ не лишнимъ бросить сперва бѣглый взглядъ на эту новую и къ сожалѣнію очень мало извѣстную отрасль промышленности.

Хотя нѣмцы, къ которымъ перешло это заведеніе вмѣстѣ съ Эльзасомъ, и приписываютъ себѣ изобрѣтеніе искусства разводить рыбу, ссылаясь на то, что одинъ поручикъ, по имени Якоби, занимался этимъ около ста двадцати лѣтъ тому назадъ,—но такъ какъ тогдашняя печать и наука ничего не говорили объ этомъ фактѣ, то бѣдный вогезскій рыбакъ, по имени *Реми*, долженъ былъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, повторить это открытіе еще разъ. Тутъ за «разведеніе рыбы» взялся французскій профессоръ *Костъ* и такъ много писалъ объ этомъ, что наконецъ французское правительство принуждено было выслушать его и заняться этимъ дѣломъ.

Мы не имѣемъ намѣренія описывать въ подробности способа распложать рыбу искуственнымъ образомъ, а желаемъ только сдѣлать по поводу этого нѣсколько замѣчаній, для того чтобъ и непосвѣщенные въ это дѣло могли убѣдиться въ томъ, что искуственное разведеніе рыбы отнюдь не игра, но вещь чрезвычайно важная,—такъ какъ эта отрасль промышленности, при надлежащемъ пользованіи ею, можетъ способствовать значительнымъ образомъ народному благосостоянію. Къ сожалѣнію, эта отрасль промышленности, какъ мы уже говорили, такъ мало извѣстна, что даже между образованными людьми найдется не мало такихъ, которые считаютъ «искуственное разведеніе рыбы» чѣмъ-то очень схожимъ съ «искуственнымъ разведеніемъ цыплятъ».

Названіе «искуственное разведеніе рыбы» — названіе неудачное, потому что въ этомъ разведеніи нѣтъ ничего дѣйствительно искуственнаго, да и не можетъ быть, если только нашей конечной цѣлью при этомъ будетъ возможно бо́льшее разведеніе съѣдобной рыбы. Какъ земледѣлецъ, говоря о разведеніи лошадей и овецъ, не прибавляетъ къ этимъ выраженіямъ слово «искуственный», точно такъ же — и даже еще болѣе— это слово не можетъ быть примѣнимо и къ выраженію «разведеніе рыбы». Такъ-называемое «искуственное разведеніе рыбы» есть только точное подражаніе естественному процессу — и чѣмъ ближе подойдемъ мы къ природѣ, тѣмъ значительнѣе и вѣрнѣе будутъ наши успѣхи.

Рыба начинаетъ переселяться въ опредѣленное время года, для того чтобъ пріискать подходящее мѣсто для своего распложенія. Нѣкоторыя рыбы, напр. лосось, переплываютъ для этого часто значительныя пространства; другія же поднимаются только изъ глубины водъ къ плоскимъ краямъ берега, гдѣ и мечутъ икру у водяныхъ растеній или на покрытой хрящемъ почвѣ.

Разсмотримъ хорошенько способъ, наблюдаемый при метаніи икры, различными видами форели.

Позднею осенью какъ самцы, такъ и самки плывутъ вверхъ по рѣкѣ къ ея началу, но не къ самымъ источникамъ, а только на такое разстояніе, чтобъ теплота воды составляла + 4 градуса по Реомюру. Здѣсь самка вырываетъ хвостомъ въ покрытой хрящемъ почвѣ яму, которая у лососей значительной величины бываетъ до пяти футовъ длины. Въ эту яму складываетъ самка свои яйца, которыя тотчасъ же оплодотворяются самцомъ, выливающимъ на нихъ свои молоки. Послѣ этого самка еще разъ покрываетъ яйца и съ этихъ поръ уже вовсе не заботится о нихъ. Зародышъ въ яйцѣ все больше и больше развивается, а черезъ шесть, восемь недѣль выплываетъ оттуда существо особеннаго рода, которое читатель никакъ не счелъ бы за молодую рыбку. Эта молодая рыбка состоитъ изъ тонкой жилки, въ которой замѣтны въ сущности только одни глаза; у исподней стороны этой жилки виситъ грушеобразный или шарообразный мѣшечекъ, сравнительно очень значительной величины; это желточный мешечекъ или желточный пузырь. Этотъ пузырь становится со дня на день меньше—и въ той же пропорціи развивается упомянутая выше жилка, превращаясь въ рыбку, пока наконецъ пузырь, тоже черезъ шесть, восемь недѣль, не исчезнетъ совсѣмъ, а молодая рыбка не разовьется совершенно. Въ первое время періода желточнаго мѣшка молодая рыбка почти совершенно неподвижна; тоненькая кожица, образующая пузырь, чрезвычайно нѣжна и можетъ быть повреждена отъ самаго незначительнаго тренія, что́ неминуемо влечетъ за собою смерть рыбки. Впродолженіи всего этого періода рыбка не принимаетъ никакой пищи извнѣ; попечительная мать-природа отпустила ей въ ея съѣстной корзинѣ, желточномъ пузырѣ, достаточное для нѣсколькихъ недѣль количество пищи. Когда же рыбка разовьется настолько, что можетъ сама отыскивать себѣ пищу, то бываетъ уже такъ проворна и расторопна, что избѣгаетъ бо́льшей части преслѣдователей—и ея врагамъ очень рѣдко удается поймать ее.

Но сколько опасностей должно преодолѣть яйцу, а потомъ недоразвившейся рыбѣ, прежде чѣмъ она выростетъ до такой степени!

Начнемъ съ оплодотворенія: бываетъ не рѣдко, что самецъ является слишкомъ поздно въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ икра, а потомъ сильное теченіе уноситъ иногда оживляющія молоки такъ скоро, что только немногія яйца приходятъ съ ними въ соприкосновеніе и получаютъ такимъ образомъ способность къ развитію. Съ другой стороны и оплодотвореннымъ яицамъ грозитъ также множество опасностей. Другія форели, ерши, головастики поѣдаютъ большое количество яицъ; утки, гуси, водяные воробьи и водяные скворцы съѣдаютъ ихъ тысячами; лягушки и саламандры, водяные жуки и личинки жуковъ, личинки стрекозъ и различные виды маленькихъ раковъ уничтожаютъ ихъ тысячами же; водяныя мыши и водяныя крысы истребляютъ ихъ всѣ на подрядъ. Самый опасный врагъ яицъ принадлежитъ однакоже не животному, а растительному царству; это жилочница или плесень (bussus), которая показывается сперва на неоплодотворенномъ яйцѣ, а потомъ черезъ нѣсколько часовъ опутываетъ очень часто своими тонкими нитями всѣ находящіяся вблизи яица — и вслѣдствіе этого совершенно уничтожаетъ въ нихъ способность къ развитію. Вотъ какое множество враговъ грозитъ яицамъ впродолженіи шести, восьми недѣль; нечего и говорить о томъ, что эти враги уничтожаютъ ихъ цѣлыми тысячами.

Но и по истеченіи этого времени опасность долго еще не проходитъ; молодымъ рыбкамъ съ пузырями грозитъ столько же, если не больше, враговъ, какъ и яицамъ. Сидя вмѣстѣ, цѣлыми толпами, на какомъ нибудь камнѣ и почти не будучи въ состояніи двигаться, онѣ легко дѣлаются добычею не только упомянутыхъ выше враговъ, но къ этимъ врагамъ присоединяется еще множество другихъ. Щуки, окуни, даже мирные карпы поѣдаютъ безчисленное множество этихъ беззащитныхъ тварей; даже маленькія колюшки превращаются въ страшныхъ разбойниковъ, прокусывая въ нѣсколько пріемовъ желтковый пузырь и убивая такимъ образомъ рыбку.

Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если изъ тысячи яицъ развивается вполнѣ, среднимъ числомъ, только *одна* рыбка. Прибавимъ къ этому, что большая форель рѣдко содержитъ въ себѣ больше двухъ тысячъ яицъ, тогда какъ карпъ, линь, окунь и другія обыкновенныя рыбы заключаютъ ихъ въ себѣ отъ пятисотъ тысячъ до милліона, хотя періодъ развитія этихъ нисшихъ сортовъ рыбъ едва ли длится столько недѣль сколько періодъ развитія форели — мѣсяцевъ. Послѣ этого ясно, какъ важна безопасность именно яйца и молодыхъ рыбокъ благородныхъ породъ лосося.

Теперь сдѣлаемъ сравненіе между этимъ обыкновеннымъ процессомъ и тѣми пріемами, какіе наблюдаются при *разведеніи рыбы.*

Форелей ловятъ, когда икра у нихъ вполнѣ созрѣла; лучше всего брать ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они мечутъ икру. Если у самки, когда ее приподнимутъ вверхъ за головку, выступаетъ икра, а у самца отдѣляется нѣсколько капель молокъ, это значитъ, что икра созрѣла.

Послѣ этого рыбью самку держатъ надъ плоскимъ сосудомъ, заключающимъ въ себѣ нѣсколько воды. Собственная тяжесть яицъ и дѣлаемыя рыбой движеніе причиняютъ отдѣленіе яицъ, которыя падаютъ въ воду поставленнаго сосуда. Можно также, гладя какъ можно нѣжнѣе брюхо рыбы, ускорить отдѣленіе яицъ, только это нужно дѣлать какъ можно легче. Поэтому-то тѣ кто думаетъ, что яицы рыбы выжимаютъ или выдавливаютъ, жестоко ошибаются. Тѣ яица, которыя при легкомъ прикосновеніи не отдѣляются сами собою, еще не способны къ развитію. Въ то же самое время помощникъ подноситъ къ сосуду рыбьяго самца — и держа его надъ нимъ, заставляетъ его выпустить туда нѣсколько капель молокъ. Посредствомъ легкаго сотрясенія сосуда, попавшія туда молоки перемѣшиваются съ водою, затѣмъ сосуду даютъ нѣсколько минутъ постоять, и яйца оплодотворены и способны къ дальнѣйшему развитію.

Послѣ этого ясно, что искусственное оплодотвореніе — только точное подражаніе естественному процессу, съ тою разницею, что рыбу не пускаютъ класть яица тамъ, гдѣ ей хочется, а заставляютъ ее ронять ихъ въ сосудъ.

Затѣмъ эти добытыя такимъ образомъ яйца, которыя могутъ выдержать безъ вреда только очень недальнюю переноску, относятся въ искуственный ручей, гдѣ они подвергаются втеченіи нѣсколькихъ недѣль живительному вліянію текучей воды; а такъ какъ рыба прикрываетъ свои яйца, то занимающіеся разведеніемъ ея заботятся объ томъ, чтобъ и эти яйца находились въ темнотѣ во время вывода изъ нихъ рыбы. Такимъ образомъ и тутъ опять-таки тоже самое точное подражаніе естественному процессу, съ тою однако же разницею, что искуственный ручей устроивается такъ, чтобъ яйца, а потомъ молодыя рыбки были защищены отъ своихъ безчисленныхъ враговъ.

Японскіе эквилибристы.

Гюнингенское заведеніе устроено, главнымъ образомъ, для охраненія яицъ, потому-что это безспорно самая важная статья въ разведеніи рыбы. На охраненіе же молодыхъ рыбъ оно не могло обращать особеннаго вниманія — прежде всего потому, что большая часть созрѣвшихъ здѣсь яицъ назначается для отправки въ другія мѣста, а затѣмъ потому-что положеніе заведенія неудачно для разведенія рыбы. Выборъ этого мѣста можетъ быть оправданъ развѣ только незначительностью тѣхъ свѣденій касательно условій, необходимыхъ для разведенія рыбы, какія существовали двадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ цѣломъ, заведенію принадлежитъ около ста пятидесяти десятинъ земли. На этомъ пространствѣ находится нѣсколько прудовъ и ручьевъ, болѣе или ме-

нѣе значительной величины, множество ключей, превосходные парки и великолѣпное зданіе заведенія. Снаряды для охраненія яицъ чрезвычайно практичны и поражаютъ любопытнаго зрителя громадностью своихъ размѣровъ.

(Окончаніе будетъ).

Очерки японской жизни.

(Окончаніе).

На открытомъ мѣстѣ, образовавшемся вслѣдствіе упомянутаго уже нами пожара, довольно большая толпа людей забавляется игрою въ бумажные змѣи. Нѣсколько сотень бумажныхъ чудовищъ самой странной формы носятся въ воздухѣ, пересѣкая другъ другу пути. Къ каждому изъ этихъ змѣевъ привѣшивается по одному ножу съ четырьмя лезвеями; посредствомъ этихъ ножей они перерѣзываютъ нити попадающихся имъ на встрѣчу змѣевъ, которые улетаютъ дальше при радостныхъ крикахъ игроковъ и зрителей, а владѣльцевъ уцѣлѣвшихъ змѣевъ поздравляютъ и носятъ ихъ съ торжествомъ по площади. Нѣкоторые изъ игроковъ выказали удивительную ловкость въ управленіи этими бумажными змѣями.

Отсюда мы идемъ въ балаганъ, гдѣ происходятъ эквилибристическія упражненія, исполняемыя при посредствѣ искуственнаго непомѣрно-длиннаго носа или даже бамбуковаго шеста, богъ-вѣсть какимъ образомъ укрѣпленнаго посреди лица. Одинъ изъ акробатовъ ложится на спину, а на носъ къ нему взбирается мальчикъ, который и устанавливается тамъ въ равновѣсіи на одной ногѣ, балансируя въ то же время на своемъ собственномъ носу зонтикъ. Не довольствуясь этимъ, тотъ же акробатъ, ни въ чемъ не измѣняя прежней позы, поднимаетъ кверху ногу и другой мальчикъ, упершись носомъ ему въ подошву, постепенно поднимается, пока не станетъ вверхъ ногами; затѣмъ онъ остается неподвижнымъ въ такомъ положеніи. Упражненія съ шестомъ, замѣняющимъ искуственный носъ, до того поразительны, что навѣрное заключаютъ въ себѣ какой нибудь обманъ, въ родѣ точки опоры скрываемой театральными декораціями.

Насмотрѣвшись вдоволь на акробатовъ, мы вышли изъ балагана и пошли дальше; вдругъ нашъ проводникъ остановился передъ японской баней. Мы заплатили по одному темпо и—*honny soit qui mal y pense*—вошли туда. Въ довольно большомъ помѣщеніи множество особъ различнаго возраста и пола черпали изъ деревянныхъ резервуаровъ теплую воду, которою потомъ онѣ обливались, мылись, терлись. Мужчины и женщины, дѣвушки и мальчики, старые и молодые возились у насъ передъ глазами въ невыразимыхъ костюмахъ, мыли и обтирали другъ друга съ такимъ важнымъ и серіознымъ видомъ, что и представить себѣ трудно. И все это безъ всякаго шума, безъ лишнихъ словъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ насъ, постороннихъ зрителей, потому-что наше появленіе никому не помѣшало продолжать свое дѣло. Да насъ почти и не замѣтили, когда мы расположились на соломенной рогожкѣ подлѣ таза съ угольями и закурили сигары. Только одно женское существо бросало на насъ временами взоры, которые говорили яснѣе словъ: «Мы удивляемся, что вы удивляетесь».

Наше изученіе формъ (изъ котораго я сдѣлалъ выводъ, что японцы одно изъ сильнѣйшихъ и граціознѣйшихъ, по своому тѣлосложенію, племенъ на всемъ земномъ шарѣ) продолжалось довольно долго, а потомъ мы пошли осматривать лавки и дѣлать покупки. Я не стану описывать множества вещей, продававшихся въ этихъ лавкахъ, которыя иногда столько же забавляли меня, сколько и удивляли. Извѣстно, что японецъ—превосходный механикъ, который подражаетъ иногда въ своихъ работахъ природѣ самымъ уморительнымъ образомъ.

Вечеръ—особенно удобное время для посѣщенія той части города, гдѣ живутъ туземцы. Хотя улицы и не освѣщаются еще въ Японіи фонарями и газомъ, но множество мелькающихъ пестрыхъ бумажныхъ фонарей, на которыхъ обозначаются крупными буквами имена ихъ владѣльцевъ—это фантастическое освѣщеніе было гораздо пріятнѣе для моихъ глазъ, чѣмъ горящія съ стоическимъ спокойствіемъ газовыя лампы сомнительнаго достоинства. Улицы были какъ бы усѣяны подобными фонарями, которые сверкали во мракѣ, словно пестрые блуждающіе огни. — На открытыхъ мѣстахъ были устроены высокія палатки, загроможденныя цвѣтами и озаренные цѣлымъ моремъ лампъ—для встрѣчи новаго года. Знамена, банты, ленты были развѣшаны въ геніальномъ безпорядкѣ; громадныя картины поражали своимъ множествомъ и пестротою; окружающіе ихъ цвѣты благоухали; искуственныя бамбуковыя рощицы таинственно шумѣли своими вершинами; мѣсяцъ и звѣзды блестѣли; ключевая вода журчала, падая на землю;—и среди всего этого качались обезьяны и попугаи, тогда какъ стоявшіе на мягкомъ, какъ бархатъ, дернѣ тазы съ горячими угольями распространяли вокругъ благоуханіе. Удивительныя цвѣточныя гирлянды, сдѣланныя съ такимъ искусствомъ, какого иногда не достигнуть европейскимъ модисткамъ, смѣнялись блестящими мишурными украшеніями, а стоявшій вокругъ народъ ликовалъ, словно его перенесли въ какой-то волшебный міръ. Сколько тутъ было крику, смѣху, шуму, пѣнія! — Пѣніе, о это пѣніе! Отъ возвышеннаго до смѣшнаго одинъ шагъ, и нигдѣ не чувствовалъ я этого такъ, какъ здѣсь, гдѣ въ приводящемъ въ смущеніе царствѣ фей раздается столь же приводящее въ смущеніе пѣніе. Какъ оно трогательно просто — и какъ сильно говоритъ сердцу! Состоя, главнымъ образомъ , изъ звуковъ «А, О, А, И» съ самыми смѣлыми измѣненіями голоса, оно живо напоминаетъ собою идиллическое блеяніе нашихъ козъ и заключаетъ въ себѣ такіе звуки, какихъ нигдѣ больше не услышишь. Подобные невозможные тоны слышатся здѣсь довольно часто, потому что японецъ любитъ пѣть, какъ за работой такъ и во время отдыха, большею частію, импровизируя.—Въ одной пѣсни, которую мнѣ перевели, говорится слѣдующее: «Чаша ночи разбивается и день встаетъ; а потому, моя милая, намъ и нужно разстаться. Лѣнивая собака спитъ ночью, а днемъ можетъ ѣсть и посѣщать свою возлюбленную. О, еслибъ я былъ собакой!»

Вотъ что̀ называю я поэзіей въ ея первобытно-

сильномъ образѣ. Я могъ бы привести еще нѣсколько такихъ же перловъ японской лирики, но думаю, что и этого одного довольно.

Наступило утро новаго года. Сверхъ всякаго ожиданія, я не былъ разбуженъ ни оглушительнымъ шумомъ, ни трескомъ, ни криками. Даже уличная жизнь была спокойнѣе прежняго; всѣ въ праздничной одеждѣ, у людей праздничныя лица, такъ что и я наконецъ почувствовалъ себя въ праздничномъ настроеніи. Всѣ лавки были заперты и украшены зелеными вѣтвями, какъ у насъ въ Троицу; дома были открыты только для посѣтителей. И какъ рознилось это тихое празднованіе новаго года въ сравненіи съ тѣмъ, какое бываетъ по этому случаю у Китайцевъ, главное торжество которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы зажечь тысячи такъ-называемыхъ «*fire-crackers*» (швермеровъ) и разбрасывать ихъ по улицамъ, гдѣ они разрываются и если не дѣлаютъ опаснымъ проходъ по улицамъ, то все таки значительно затрудняютъ его.

Особенно интересно было для меня наблюдать за поздравляющими, какъ они торжественно и величаво переходили отъ одного знакомаго дома къ другому, подавая вездѣ, послѣ краткаго привѣтствія, обернутый рисовой бумагой подарокъ—и послѣ вторичнаго привѣтствія, удалялись такимъ же образомъ, какъ и пришли.

За нѣкоторыми изъ нихъ шло по одному или по нѣскольку служителей, несшихъ пакеты съ подарками. Достоинство этихъ подарковъ заключается очень часто только во вниманіи дарящаго, потому-что цвѣтная бумага, письма, плоды, и т. п. приносимое въ даръ не имѣетъ въ большей части случаевъ никакого значенія для получателя. Чрезвычайно забавна показалась мнѣ принятая здѣсь манера здороваться на улицѣ, причемъ встрѣтившіеся такъ низко и усердно раскланиваются, что очень часто не могутъ тронуться съ мѣста въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Изъ вѣжливости, никто не рѣшается уйдти первымъ, такъ какъ по правиламъ тамошняго этикета начало должно быть сдѣлано тѣмъ, кто занимаетъ болѣе высокое положеніе. Намѣреваясь вступить въ разговоръ, японцы начинаютъ съ того что развязываютъ у себя на головѣ платки и потомъ уже разговариваютъ, большею частію нѣсколько согнувшись и безпрестанно кланяясь. Само собою разумѣется, что выраженіе почтенія и степень вѣжливости бываютъ различны, смотря по положенію въ обществѣ разговаривающихъ. *Tout comme chez nous!*

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ въ Іокогамѣ былъ приглашенъ на обѣдъ японскимъ купцомъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣла. Онъ просилъ позволенія привести меня. Мы, двое европейцевъ, сидѣли между пятью японцами на чистенькихъ соломенныхъ рогожкахъ, окружая гору съѣстныхъ припасовъ, поднимавшуюся передъ нами. Тѣмъ временемъ пѣвицы и музыканты исполняли свое дѣло. Первыя пѣли, то извлекая звуки изъ самой глубины груди, то пронзительно вскрикивая; дѣлаемыя ими движенія руками показывали, что не онѣ идутъ вслѣдъ за музыкой, а что, напротивъ того, музыканты употребляли всевозможныя, хотя и тщетныя усилія держаться одного такта съ ними.

Я много ждалъ отъ этого обѣда, только—признаюсь откровенно — не отъ кушаньевъ. Нѣтъ ничего непріятнѣе для посторонняго наблюдателя, какъ смотрѣть какъ ѣдятъ другіе, не будучи въ состояніи, за недостаткомъ аппетита, коснуться даже самыхъ лакомыхъ блюдъ. Но когда я, вооружась двумя деревянными палочками (*tshoppe* или *tshoppe-sticks*), началъ ѣсть, то передъ моими глазами пронеслись превосходно приготовленныя блюда французской кухни, словно обольстительный миражъ въ этой пустынѣ полусырой рыбы, непосоленыхъ кусочковъ курицы, рису, рису и рису во всевозможныхъ видахъ. Больше всего сулили мнѣ устрицы, такія какихъ я рѣдко ѣдалъ; я соблазнился и попробовалъ приправить ихъ сакки, за недостаткомъ лимоннаго соку. Прекрасная приправа! Сакки (т. е. хлѣбное вино, извлекаемое изъ риса) отзывается клопами и составляетъ, можетъ-быть благодаря этому самому свойству, національный напитокъ японцевъ, который употребляется въ благословенномъ Нипонѣ въ такомъ же громадномъ количествѣ, какъ водка у насъ въ Россіи.

Обѣдъ длился слишкомъ четыре часа. Онъ кончился превосходнымъ дессертомъ изъ фруктовъ, причемъ хозяинъ не пожалѣлъ шампанскаго, которое пользуется большимъ расположеніемъ со стороны японскихъ гастрономовъ.

Чрезвычайно сожалѣю, что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ описать различныя церемоніи, какими сопровождаются въ Японіи подобные пиры: какимъ образомъ гости выражаютъ чувство сытости, какъ они расхваливаютъ кушанья, и т. п., и какъ хозяинъ благодаритъ ихъ и пытается возбудить въ нихъ аппетитъ. Чрезвычайно сожалѣю, что долженъ отказаться отъ изображенія этого быстраго обмѣна вѣжливостей, — ибо я убѣжденъ, что, для полученія полнаго понятія о какомъ-нибудь народѣ, надо видѣть его нетолько за работою, но и за ѣдою.

Когда я возвратился вечеромъ въ свою гостинницу, то тамъ ждалъ меня сюрпризъ въ видѣ двухъ подарковъ. Одинъ, состоявшій изъ хорошенькой фарфоровой чаши съ вареньемъ, прислала мнѣ мамзель Колику, хозяйка посѣщаемаго мною чайнаго дома, а другой изъ корзины съ апельсинами величиною съ орѣхъ, какіе родятся здѣсь, былъ присланъ однимъ японскимъ купцомъ, желавшимъ склонить меня въ пользу своего магазина.

Я прожилъ въ Японіи около пяти недѣль и употребилъ все это время на то, чтобъ изучить по возможности страну и народъ. Къ сожалѣнію мои замѣтки, относящіяся къ этому періоду моего путешествія, погибли во время крушенія корабля въ южномъ океанѣ. Но полученныя мною въ Японіи впечатлѣнія были такъ многочисленны и сильны, что они никогда не изгладятся у меня изъ памяти.

Одно изъ моихъ главныхъ удовольствій состояло въ ежедневныхъ прогулкахъ верхомъ, во время которыхъ я изучалъ, безъ провожатаго, окрестности Іокогамы. Углубляться во внутренность страны я конечно не рѣшался, потому-что, несмотря на строгость правительства, которое повидимому слѣдитъ за всѣми своими подданными, оскорбленіе и даже убійство европейца здѣсь вовсе не рѣдкость. Извѣстный классъ туземцевъ не можетъ и никогда не проститъ бѣлымъ, что они проникли въ ихъ страну. Хотя сношенія съ Европою и и Америкою обогащаетъ одну часть туземныхъ купцовъ, но это до такой степени поднимаетъ цѣны на съѣстные припасы, что напр. рисъ стоитъ теперь впятеро больше, чѣмъ передъ заключеніемъ первыхъ торговыхъ договоровъ. Большая часть прибрежныхъ японцевъ, хотя и примирилась съ идеей чужеземной цивилизаціи, но все-таки относится къ ней нельзя сказать чтобъ дружелюбно. Она терпитъ ее потому только, что высшее начальство желаетъ этого и, будучи одарена практическимъ смысломъ, дѣлаетъ изъ необходимости

добродѣтель. Жадность съ какою японцы переняли отъ европейцевъ въ одинъ годъ то, до чего эти послѣдніе дошли опытомъ и испробовали на себѣ втеченіи цѣлаго десятилѣтія, ручается за то, что Японія идетъ гигантскими шагами къ великой будущности — въ противуположность неподвижному Китаю. Вездѣ, гдѣ «бѣлолицые» были впродолженіи нѣкотораго времени въ соприкосновеніи съ «короткохвостыми» (два здѣшніе техническіе термина), оказывается, что послѣдніе воспользовались нѣкоторыми обычаями первыхъ самымъ выгоднымъ для себя образомъ.

Когда я собирался ѣхать въ первый разъ на маленькой лошадкѣ японской расы, я боялся, что она свалится на первой же половинѣ мили—и я долженъ буду отнести ее домой на своихъ собственныхъ плечахъ. Но вмѣсто этого не лошадь рухнулась подо мною, а я рухнулся съ лошади. Пробѣжавъ рысцой съ непостижимымъ упорствомъ нѣсколько миль, она вдругъ наѣхала на уголъ стоявшаго на дорогѣ чайнаго дома, такъ что выступающая крыша этого дома пришла въ столкновеніе съ моимъ плечомъ и вышибла меня изъ сѣдла. Мы воспользовались этимъ случаемъ, для того чтобъ освѣжиться чаемъ и плодами, а потомъ отправились въ Дейбутцъ, храмовой городъ, играющій большую роль въ церковной исторіи страны.

Наши бетто (передовые или пожалуй грумы) были уже на мѣстѣ, хотя выѣхали изъ Іокогамы въ одно время съ нами, — и мы, за исключеніемъ упомянутой не продолжительной остановки, не переставали ѣхать.

Послѣ кратковременнаго отдыха, мы начали осматривать чудовищнаго бога, управляющаго (если только я не ошибаюсь) погодою, который, стоя подъ открытымъ небомъ, сохраняетъ на своихъ толстыхъ губахъ, въ теченіи ужъ не знаю сколькихъ столѣтій, одну и ту же улыбку. Мы поднялись къ нему на голову, гдѣ я увѣковѣчилъ свое имя, какъ это уже сдѣлано многими еще прежде меня. Онъ сдѣланъ изъ металла—и вслѣдствіе этого позволяетъ осматривать всю внутренность при помощи лѣстницъ. Мнѣ показалась, что этотъ идолъ поставленъ тутъ только за тѣмъ, чтобы любопытные посѣтители могли вырѣзывать на немъ свои имена. Мысль, что мое имя начертано на головѣ тысячелѣтняго буддистскаго идола въ восемьдесятъ футовъ вышины, привела меня въ такое странное настроеніе духа, что я на зло этому божеству накормилъ порхавшихъ вокругъ священныхъ голубей размоченнымъ въ коньякѣ горохомъ, не смотря на возраженія моихъ спутниковъ.

Тѣмъ не менѣе, внявъ голосу благоразумія, совѣтовавшаго намъ не дожидаться послѣдствій этого угощенія, мы, наградивъ нѣсколькими «итцебу» того жреца, который будетъ отнынѣ охранять наши имена, отправились къ такъ-называемому «храму плодородія», лежащему на полчаса отсюда. Бездѣтныя женщины приходятъ въ этотъ храмъ съ молитвами и жертвами. Нельзя пройти молчаніемъ, какимъ образомъ и какія приносятъ иногда жертвы; такъ напр. богатые нанимаютъ иногда бѣдныхъ, для того, чтобъ эти послѣдніе жертвовали вмѣсто нихъ своими волосами. Приноситъ въ жертву часть своихъ волосъ—при чемъ мужчины отдаютъ свою коротенькую косу—чрезвычайно распространенный обычай. Въ нѣкоторыхъ храмахъ мнѣ случалось видѣть цѣлыя цѣпи изъ такихъ косъ. Точно такъ же замѣчателенъ и другой родъ жертвы, состоящій въ обѣтѣ не мыться впродолженіи нѣсколькихъ дней, недѣль и мѣсяцевъ, чтó для чистоплотныхъ японцевь очень трудно исполнить.

Я только что расположился срисовать бога плодородія, показывавшаго намъ самымъ нецеремоннымъ образомъ свои могучіе члены, какъ прибѣжалъ одинъ изъ нашихъ бетто и, задыхаясь отъ усталости, убѣждалъ насъ ѣхать дальше какъ можно скорѣе. Голуби, которымъ святость не помѣшала опьянѣть, полетѣли вверхъ ногами, и сбѣжавшаяся толпа народа грозила намъ страшнымъ мщеніемъ—за то что мы, какъ злые духи, околдовали птицъ. Часть черни уже выступила противъ насъ и должна быть здѣсь черезъ нѣсколько минутъ. Возможность попасть въ руки японскихъ фанатиковъ нисколько не улыбалась намъ, потому что въ такомъ случаѣ легко было предвидѣть, какая—можетъ-быть заслуженная—участь могла быть приготовлена намъ фанатизмомъ поклонниковъ Будды. Медлить было нечего. Мы вскочили на лошадей и помчались къ европейскому поселенію, куда и прибыли благополучно, конечно не безъ усталости.

Я не смѣю думать, чтобъ его высочество, принцъ Мимбатайу, собираясь въ Европу, имѣлъ въ виду сдѣлать часть дороги, до Шангая, вмѣстѣ со мною, такъ какъ я рѣшительно ничѣмъ не заслужилъ такой высокой чести, почему и приписываю это случаю. Его маленькое высочество ѣхало во Францію, отчасти для того чтобъ подивиться на чудеса Парижа, а отчасти для того чтобъ окончить или лучше-сказать начать тамъ свое воспитаніе, — потому что ему (высочеству) было всего четырнадцать лѣтъ. Само собою разумѣется, что принцъ былъ окруженъ большой свитой, состоявшей изъ гофмейстеровъ, лѣкарей, поваровъ, стражи, и. т. п., при чемъ соблюдался самый строгій церемоніалъ. Не разъ пришлось мнѣ пожалѣть бѣднаго мальчика, который, выпрямившись и ни слова не говоря, сидѣлъ за столомъ, тогда какъ по обѣимъ сторонамъ его стояли на колѣняхъ по два якунина (стража) съ высоко-поднятыми мечами. Однажды я хотѣлъ употребить въ дѣло мой небольшой запасъ японскихъ словъ и заговорилъ съ нимъ, но одинъ изъ его (какъ я полагаю) адъютантовъ сію же минуту разъяснилъ мнѣ, что принцъ разговариваетъ непосредственно только съ японцами.

Съ тяжелымъ сердцемъ—но съ легкимъ кошелькомъ оставилъ я благословенный Нипонъ, жители котораго и теперь еще кажутся мнѣ однимъ изъ самыхъ интересныхъ народовъ на всемъ земномъ шарѣ. До какой степени симпатичны мнѣ японцы—это я понялъ тогда только, когда, разставшись съ ними, я познакомился съ другимъ народомъ восточной Азіи,—народомъ, имѣющимъ, конечно свои хорошія стороны, но недоступность котораго не представляетъ ничего привлекательнаго для иностранцевъ: это замкнутый въ самомъ себѣ китайскій народъ. Очень можетъ быть, что я заранѣе былъ предубѣжденъ противъ него, проживъ нѣсколько времени въ несносномъ Шангаѣ, гдѣ мнѣ такъ нездоровилось и все казалось такъ мрачно и некрасиво — и одна мысль о томъ, что здѣсь можетъ-быть будетъ моя могила, была мнѣ въ высшей степени непріятна.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ японскихъ эквилибристовъ и ихъ упражненія съ фальшивымъ носомъ—это чудо гимнастическаго искусства.

Видъ Гаваны съ моря (островъ Куба).

Нѣкоторыя подробности касательно пребыванія Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣя Александровича въ Америкѣ

Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣй Александровичъ, который, какъ извѣстно, посѣтилъ съ своей эскадрой американскія гавани и былъ принятъ самымъ радушнымъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, встрѣтилъ точно такой же пріемъ и въ Гаванѣ, какъ и въ Нью-Іоркѣ, Вашингтонѣ и Новомъ Орлеанѣ. Его двухъ-недѣльное пребываніе въ Кубѣ, съ конца января до половины марта, было непрерывнымъ рядомъ празднествъ, о которыхъ столичныя газеты сообщали такія же подробныя, какъ и восторженныя описанія. Наиболѣе удавшимся праздникомъ былъ балъ на фрегатѣ «Жерона», превзошедшій своимъ баснословнымъ блескомъ всѣ остальные. «Жерона» — одинъ изъ величайшихъ кораблей испанскаго флота. Онъ стоялъ на верфи въ гаванской гавани и былъ убранъ пальмами, кустарниками и всевозможными цвѣтами, а все пространство между «Жероной» и верфью, ярко освѣщенное газомъ, было очищено отъ пушекъ и другихъ военныхъ снарядовъ. Широкая лѣстница, устланная коврами и уставленная по обѣимъ сторонамъ тропическими растеніями, вела на палубу фрегата, освѣщенную хрустальными и позолоченными люстрами съ безчисленнымъ множествомъ газовыхъ огней. Высокій наметъ изъ бѣлаго тюля на голубомъ фонѣ, усѣянный золотыми звѣздами, былъ раскинутъ надъ всемъ кораблемъ, а большія арки изъ той же матеріи соединяли бока корабля съ этимъ искуственнымъ небомъ. Кругомъ фрегата были поставлены мягкіе стулья, обтянутые пунцовой матеріей; направо отъ лѣстницы была устроена высокая эстрада убранная пальмами и цвѣтами, казавшаяся издали громадной корзиной съ цвѣтами, висѣвшей на воздухѣ. Гербы всѣхъ испанскихъ провинцій, развѣшенные между пальмами, украшали бока «Жероны», смѣняясь громадными вазами съ цвѣтами, покоившимися на высокомъ пьедесталѣ. Точно такъ же и люки для пушекъ заключали въ себѣ вазы съ растеніями, распространявшими упоительное благоуханіе. Большія, искусно-расположенныя зеркала скрывали отъ взоровъ мачты и отражали въ себѣ блестящій міръ молодости, красоты и изящества, двигавшійся по устланной прекраснѣйшими коврами палубѣ. Посрединѣ большаго салона, устроеннаго между проходомъ и задней частью корабля, поднимался великолѣпный фонтанъ, освѣжавшій воздухъ и падавшій въ окруженный цвѣтами и небольшими кустарниками бассейнъ. Подлѣ него находился аквaріумъ, убранный точно такимъ же образомъ. Подъ каютной крышей нашлось мѣсто для хорошенькаго маленькаго будуара, устроеннаго для Великаго Князя, куда вела покойная лѣстница, устланная коврами. Лицевая сторона этого импровизованнаго будуара украшалась соединенными гербами Россіи и Испаніи, окруженными знаменами обѣихъ націй. Передняя часть фрегата была превращена въ комнату для куренія табака, куда входили черезъ арку, обѣ стороны которой представляли собою зеркала. Роскошно украшенная дамская уборная находилась подъ комнатою Великаго Князя. Особо назначенные для этого морскіе офицеры принимали дамъ въ цвѣточной галлереѣ на верфи, и провожали ихъ на палубу. Великій Князь прибылъ въ 10¼ часовъ на верфь, гдѣ его приняли генералъ-капитанъ и испанскій адмиралъ Суансесъ. Отрядъ морскихъ солдатъ встрѣтилъ его съ обычными почестями, при звукахъ русскаго національнаго гимна. На верху на лѣстницѣ его ожидалъ комендантъ «Жероны» Синьоръ Мендецъ Касаріего съ своимъ офицерскимъ корпусомъ. Въ эту минуту гавань представляла собою великолѣпное зрѣлище. Съ освѣщенныхъ бенгальскимъ огнемъ рей, матросы панцырнаго фрегата «Сарагосса» привѣтствовали высокаго гостя крикомъ ура. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, въ мундирѣ морскаго офицера, открылъ балъ въ кадрилѣ съ прекрасной сеньорой де Ломбилло. Палуба была полнымъ полна и представляла собой настоящій эдемъ красоты, очарованія и изящества. Богатые туалеты и цѣлое море бриллiантовъ еще болѣе возвышали и безъ того уже ослѣпительную красоту дамъ. Въ половинѣ втораго Великій Князь подалъ руку очаровательной Ритѣ Дюкенъ и повелъ ее къ столу въ салонъ коменданта, гдѣ былъ поданъ великолѣпный ужинъ, въ сопровожденіи генералъ-капитана, адмираловъ, комендантовъ иностранныхъ военныхъ кораблей и самыхъ прекрасныхъ дамъ. Остальному обществу ужинъ подавался въ нижней баттареѣ, гдѣ за богатымъ столомъ, на которомъ стояли сотни приборовъ, заняли мѣсто сперва дамы, а потомъ мужчины. Великій Князь пробылъ на этомъ праздникѣ до 4 часовъ утра. Издержки, употребленныя на этотъ праздникъ морскимъ министерствомъ, простираются до 60,000 долларовъ. Послѣ этого праздника особенно замѣчательна поѣздка, сдѣланная Великимъ Княземъ въ сопровожденіи принца Виртембергскаго, первыхъ испанскихъ сановниковъ и многихъ генеральныхъ консуловъ, на сахарную плантацію Ласъ Каннасъ по приглашенію владѣльца, синьора Жуана Поси. Послѣ роскошнаго завтрака въ городѣ Гвинесъ, Великій Князь, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше обществомъ оставилъ «la Union», прекрасно убранную станцію желѣзной дороги и отправился на стоявшемъ уже на готовѣ кватринесѣ (особенный двухъ-колесный экипажъ, употребляющійся въ этой странѣ, куда запрягаются три лошади, управляемыя однимъ кучеромъ) на плантацію, лежавшую отсюда на разстояніи одного часа. Прибывъ туда около 2 часовъ, высокій посѣтитель былъ встрѣченъ владѣльцемъ и его семействомъ самымъ радушнымъ образомъ. Большія дорогія машины, обширныя строенія, необходимыя для выдѣлки сахара, осмотрѣнныя Великимъ Княземъ, чрезвычайно заинтересовали его насчетъ этой важной отрасли промышленности острова Кубы. Столъ, за которымъ обѣдали гости, накрытый на 50 человѣкъ, красовался самыми лучшими плодами, какими справедливо гордится этотъ островъ, рядомъ съ плодами изъ Соединенныхъ Штатовъ, которые были нарочно для этого выписаны хозяиномъ изъ Нью-Іорка и доставлены на пароходѣ. Кромѣ этого гости обратили также особенное вниманіе на подражанія Вандомской колоннѣ, стоявшей когда-то въ Парижѣ на площади, и обелиску на площади Согласія.

Около 7 часовъ путешественники отправились въ Гавану, куда они и прибыли хотя и поздно, но благополучно. По требованію Великаго Князя, 8 марта была устроена гонка для пароходныхъ шлюпокъ, парусныхъ и гребныхъ лодокъ, для чего были пожалованы имъ призы.

Пароходная шлюпка нѣмецкаго корвета «Газель» выиграла первый призъ, состоявшій изъ дорогой подзорной трубы для офицеровъ и 6 фунт. стерл. для матросовъ. Этимъ торжествомъ заключился рядъ оваций, увеселеній и праздниковъ, начавшійся со времени прибытія Великаго Князя. 12 числа Его Высочество отправился опять въ дорогу, чтобы посѣтить Ріо-Жанейро.

Гавана (*Кристоваль де ла Гавана*), крѣпость и главный городъ испанскаго острова Кубы, важнѣйшій портъ Вест-индіи, лежитъ по сѣверному берегу на полуостровѣ нѣсколько западнѣе узкаго прохода въ заливъ, распадающійся на три бухты и представляющій такимъ образомъ просторныя и безопасныя гавани. Стѣны города охватываютъ пространство въ 12,000 футовъ длины и 6,600 футовъ ширины; но вдвое большее пространство застроено зданіями внѣ стѣнъ города. Гавань имѣетъ глубины 6 – 36 футовъ и около $3/7$ кв. мили поверхности, слѣдовательно достаточна для помѣщенія слишкомъ 1000 большихъ кораблей. Она обнесена набережной въ 6000 футовъ длины. На западной сторонѣ входа расположенъ фортъ *Санъ-Сальвадоръ де ла Пунта*, на восточной сторонѣ фортъ *Морро* и громадный основанный въ 1764 г. фортъ *Кабана*. Со стороны твердой земли, не считая цитадели, городъ укрѣпленъ фортами № 4, *Атаресъ* и *Принчипе*. Видъ города со стороны га-

вани восхитителенъ, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. Внутри же городъ не такъ хорошъ: улицы тѣсны, хотя и правильно расположены, а въ послѣднее время даже вымощены гранитными плитами съ водосточными трубами; лучшая изъ нихъ, около $^3/_4$ часа пути, широкая, обстроенная великолѣпными домами, *Пазео де Изабель*, оканчивающаяся у самаго моря, это Корсо Гаваны. Двѣ рыночныхъ площади въ стѣнахъ города и двѣ за стѣнами; одна изъ красивѣйшихъ—*Плаца де армасъ*—на которой стоитъ дворецъ губернатора и часовня въ память первой обѣдни, отслуженной здѣсь подъ громаднымъ хлопчатникомъ, во время открытія острова. Средину площади украшаетъ статуя Фердинанда VII, окруженная купами величественныхъ пальмъ и хлѣбныхъ деревьевъ; Вечеромъ *плаца де армасъ* дѣлается центромъ городскихъ прогулокъ. Между 16-ю церквами отличается соборъ величественными и художественно-простыми размѣрами. Поблизости алтаря, съ 1794 г. покоются останки Колумба; на гробницѣ медальонъ съ изображеніемъ великаго мореплавателя, подъ нимъ надпись на испанскомъ языкѣ: «прахъ и обликъ великаго Колумба! покойтесь тысячу столѣтій, сохраняемые въ урнѣ и въ памяти нашего народа». Въ Гаванѣ есть университетъ, основанный въ 1728 году, съ 25-ю профессорами, 250-ю студентами и библіотекой въ 3,000 томовъ; много школъ и учебныхъ заведеній, два театра, домъ милосердія, сиротскій домъ, арена для боя быковъ. Городъ насчитываетъ до 200,000 жителей. Частные дома выстроены въ стилѣ южноевропейскихъ, каменные, съ большими окнами и дверями. Гавана—мѣстопребываніе высшей администраціи острова; здѣсь же живетъ епископъ и находится банкъ. Водою снабжается посредствомъ водопровода въ полторы мили длиною. Климатъ Гаваны чрезвычайно благопріятенъ, въ особенности для больныхъ, такъ какъ вѣтеръ съ моря умѣряетъ тропическую жару, и наибольшая теплынь зимою 23°,5, лѣтомъ 24°,5, причемъ ночью воцаряется пріятная прохлада. Гавана служитъ центромъ испанско-американской торговли и однимъ оживленнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ въ цѣломъ мірѣ; пароходы и телеграфы сообщаютъ ее съ другими портами; желѣзная дорога въ Матанзасъ и омнибусныя сообщенія соединяютъ ее со внутренностью острова. Окрестности города также очень живописны.

Политическое обозрѣніе.

Во время перерыва засѣданій французскаго Національнаго Собранія, продолжавшагося нѣсколько недѣль, въ странѣ произошла замѣтная перемѣна къ лучшему. Разъѣхавшіеся по разнымъ концамъ Франціи депутаты собственными глазами могли убѣдиться въ томъ, что населеніе съ большимъ противъ прежняго довѣріемъ относится къ настоящему правительству и готово поддерживать его въ главнѣйшихъ пунктахъ его политики. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ посланія генеральныхъ совѣтовъ (учрежденія—въ родѣ нашихъ губернскихъ земскихъ собраній) къ президенту республики, содержаніе которыхъ, за небольшими исключеніями, совершенно одинаково. Почти всѣ они, выражая общее желаніе, чтобы Франція какъ можно скорѣе была избавлена отъ чужеземнаго занятія, сочувствуютъ дѣйствіямъ правительства, а слѣдовательно и республиканской формѣ правленія; тѣ, которые посмѣлѣе, высказываютъ даже желаніе, чтобы составъ теперешняго національнаго собранія, какъ не соотвѣтствующій стремленіямъ и желаніямъ народа, былъ обновленъ силами, не враждебными дѣлу республики. Заявленія генеральныхъ совѣтовъ имѣютъ особенное значеніе потому, что они исходятъ отъ людей, живущихъ въ самомъ сердцѣ Франціи, знающихъ ея положеніе и понимающихъ ея желанія. Будучи самыми вѣрными выразителями чувствъ и стремленій страны, они своими настоящими адрессами къ президенту доказываютъ, что прежнее недовѣріе къ республикѣ со стороны сельскаго населенія и буржуазіи (горожанъ) значительно уменьшилось. Распространенію сочувствія къ республикѣ не мало также помогаютъ умѣренность и политическій тактъ сторонниковъ этой формы правленія. Наиболѣе вліятельный и популярный изъ нихъ, г. Гамбетта, воспользовавшись наступившими для Національнаго Собранія каникулами, предпринялъ путешествіе въ сѣверозападныя провинціи Франціи и посѣтилъ Анжеръ и Гавръ. Въ обоихъ этихъ городахъ имъ произнесены рѣчи, замѣчательныя какъ по краснорѣчію, такъ въ особенности по умѣренному тону и разумнымъ совѣтамъ, которые онъ даетъ республиканцамъ. О Тьерѣ Гамбетта выразился такъ, что политическимъ дѣйствіямъ его нельзя не сочувствовать, но что невозможно согласиться съ его экономическими взглядами. Тутъ Гамбетта подразумѣвалъ противодѣйствіе Тьера введенію во Франціи подоходнаго налога и отстаиваніе налога на сырье, а также извѣстныя симпатіи Тьера системѣ торговаго покровительства. Какъ бы то ни было, но французское правительство съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Съ другой стороны, въ средѣ противниковъ происходитъ полнѣйшій разладъ, и одна только бонапартистская партія чувствуетъ себя какъ-будто сильнѣе прежняго. Что касается до самого г. Тьера, то онъ очень доволенъ настоящимъ порядкомъ вещей и продолжаетъ подтрунивать надъ бонапартистами. Недавно онъ далъ четыре парадныхъ обѣда: первый — для членовъ генеральныхъ совѣтовъ, второй — въ честь судебныхъ властей, третій — финансовой аристократіи, а четвертый — дипломатическому корпусу. На всѣхъ этихъ обѣдахъ столъ былъ сервированъ довольно просто, хотя посуда была съ гербами Наполеона III-го и мѣстомъ сборища избранъ былъ Елисейскій дворецъ. Пріемъ былъ, впрочемъ, довольно простой, какъ это и подобаетъ президенту республики, но любезный. Къ числу куріозовъ, бывшихъ по этому поводу, можетъ быть отнесенъ анекдотъ о молодыхъ куропаткахъ, предназначавшихся къ обѣду. Президентъ общества охотниковъ обратился по этому случаю къ президенту республики съ письмомъ, въ которомъ указывалъ на законъ, запрещающій убивать молодыхъ птицъ раньше извѣстнаго срока, и при этомъ прибавлялъ, что примѣръ соблюденія закона долженъ быть показанъ прежде всего самою высокопоставленною властію. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что молодыхъ куропатокъ къ обѣду не предназначалось, но что въ остальномъ президентъ республики совершенно согласенъ съ президентомъ общества охотниковъ.

Вновь собравшемуся Національному Собранію предстоитъ рѣшить много вопросовъ большой важности. На первомъ планѣ поставленъ вопросъ о государственномъ совѣтѣ; затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о преобразованіи арміи, о налогахъ, проектъ преобразованія закона о печати, законъ о народномъ образованіи, новый законъ о выборахъ и другіе. Одинъ законъ о преобразованіи арміи, какъ увѣряютъ, займетъ не менѣе 30 засѣданій; зренія по поводу первоначальнаго образованія раздѣляютъ собраніе на двѣ партіи: на сторонниковъ обязательнаго обученія и на его противниковъ. Газета «Temps», собирающая заявленія въ пользу обязательности обученія для представленія ихъ въ Національное Собраніе, заявила, что число полученныхъ ею заявленій превышаетъ уже 75,000. Большинства генеральныхъ совѣтовъ также высказывались за обязательное обученіе. Тѣмъ не менѣе, какъ-то не вѣрится, чтобы, при настоящемъ своемъ составѣ, Національное собраніе Франціи рѣшило споръ въ пользу обязательности обученія.

Общественное мнѣніе въ Англіи сосредоточено на двухъ

событіяхъ: на столкновеніи съ Соединенными Сѣверо-Американскими Штатами по поводу требованія сими послѣдними вознагражденія за убытки, причиненные великой республикѣ во время борьбы Сѣвера съ Югомъ (см. № 6 «Нивы») и на громадной стачкѣ земледѣльческихъ работъ въ Варвикширѣ. Первое событіе имѣетъ чисто политическій характеръ и, какъ читателямъ извѣстно, должно быть разрѣшено третейскимъ судомъ, который собирается въ Женевѣ. Покуда еще происходитъ между двумя этими правительствами обмѣнъ нотъ, но уже становится очевиднымъ, что отъ вознагражденія за косвенные убытки, которыхъ Англія не признаетъ, Соединенные Штаты едва ли откажутся. Въ виду этого лордъ Россель, бывшій во время американской междоусобной войны министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи и заварившій всю эту кашу,—внесъ въ палату предложеніе отступиться отъ третейскаго суда, если Соединенные Штаты не возьмутъ назадъ своихъ требованій и вознагражденій за косвенные убытки. Предложеніе лорда Росселя произвело на публику весьма непріятное впечатлѣніе. Что касается до стачки варвикширскихъ рабочихъ, то дѣло это приняло чрезвычайно широкіе размѣры, охвативъ чуть ли не половину всего округа и часть сосѣднихъ. Рабочіе, обыкновенно нанимаемые мѣстными фермерами для полевыхъ работъ, потребовали прибавки платы и улучшенія помѣщеній (коттэджей). Фермеры, ссылаясь на свои затруднительности обстоятельства, имъ въ этомъ отказали. Тогда не замедлила возникнуть стачка. Подкрѣпляемые денежными пожертвованіями и сочувствіемъ общественнаго мнѣнія, рабочіе продолжаютъ стоять на своемъ. Между тѣмъ, съ той и другой стороны избираются для переговоровъ депутаты, собираются митинги, на которыхъ являются примирители, приглашающіе къ взаимнымъ уступкамъ. Совѣтъ варвикширской земледѣльческой палаты устроилъ по этому случаю особый митингъ (сходка), на которомъ въ особенности замѣчательно мнѣніе, высказанное графомъ Денби. Этотъ ораторъ предложилъ обратить вниманіе на артельную систему, дающую возможность и простому работнику участвовать въ доходахъ предпріятія. По этой системѣ, хозяинъ (фермеръ) въ концѣ года беретъ себѣ извѣстную часть дохода, а остальное дѣлится между рабочими, какъ это видимъ въ Италіи.

Возстаніе карлистовъ въ Испаніи усиливается. Было уже нѣсколько стычекъ между шайками карлистовъ и правительственными войсками. Возстаніе охватило Сарагоссу, Наварру и другія провинціи и города. Войсками правительства командуетъ маршалъ Серрано, какъ хорошо знакомый съ мѣстностью. Карлисты терпятъ пораженіе за пораженіемъ. По крайней мѣрѣ, такъ заявляетъ испанское правительство. Напечатанный въ Женевѣ манифестъ призываетъ къ оружію истинныхъ католиковъ противъ правительства короля Амедея и министра Сагасты, называя ихъ «революціонными». Взаключеніе возвѣщается о намѣреніи герцога Карла стать въ главѣ католической арміи.

Шведскій Сеймъ нынѣшняго года между прочимъ обсуждалъ новый законъ о печати, составленный сеймовою коммиссіею. Когда зашла рѣчь о параграфѣ § 15, затрогивающемъ вопросъ объ отвѣтственности дѣйствительныхъ редакторовъ, то параграфъ этотъ былъ рѣшенъ собраніемъ отрицательно, и весь проектъ, поэтому долженъ былъ рухнуть. Дѣло отложено до слѣдующаго Сейма.

Въ ночь на 13 апрѣля произошло сильное изверженіе Везувія, сопровождавшееся подземными ударами, причемъ погибло нѣсколько десятковъ людей и разрушены два близлежащія селенія. Лава течетъ въ различныхъ направленіяхъ; тучи пепла застилаютъ небо.

Смѣсь.

Китайское правосудіе. — Если наши уголовные законы передѣлываются въ гуманномъ смыслѣ и мы съ ужасомъ вспоминаемъ о тѣхъ страшныхъ наказаніяхъ, какимъ подвергались виновные въ предшествовавшія столѣтія, то надобно отдать справедливость европейцамъ. Ихъ фантазія и изобрѣтательность по отношенію къ уголовной практикѣ была груба, жестка, сурова и кровожадна, но все-таки она никогда не достигала той степени техническаго совершенства и художественной утонченности, съ какою китайское правосудіе и теперь еще терзаетъ и клеймитъ свои жертвы. Въ клинику одной изъ вѣнскихъ больницъ явился недавно одинъ грекъ, съ татуировками по всему тѣлу. Это человѣкъ въ самыхъ лучшихъ годахъ, колоссальнаго тѣлосложенія и атлетической силы, иначе онъ не вынесъ бы той операціи, которая сдѣлала изъ него что-то вродѣ особенно замѣчательной рѣдкости. Года за три передъ этимъ, онъ, крейсируя на китайскихъ водахъ, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя товарищами, и приговоренъ къ татуировкѣ. Эти товарищи, не вынеся китайскаго судопроизводства, оба умерли; но героя нашего разсказа татуировали впродолженіи цѣлыхъ девяти мѣсяцевъ. Точку за точкой ставилъ на тѣлѣ плѣнника назначенный для этого художникъ, подъ строжайшимъ присмотромъ отряда солдатъ съ направленными на осужденнаго дулами, для того чтобъ застрѣлить его при первой же попыткѣ къ бѣгству. Процессъ татуировки, по словамъ Александра Ф..., которому пришлось вынести ее, одинъ изъ самыхъ нестерпимыхъ и мучительныхъ. День за день одна изъ частей тѣла татуировалась впродолженіи четырехъ, пяти часовъ. Татуировавшій опускалъ въ чашечку съ красками — при этомъ употреблялись двѣ краски: красная и голубая—длинное, тонкое и заостренное копьецо, и потомъ впускалъ окрашенный такимъ образомъ кончикъ въ извѣстной мѣсто кожи, къ которой эта краска приставала уже какъ говорится на вѣки-вѣчные. Разумѣется, что, вслѣдствіе этого, несчастный ежедневно страдалъ лихорадкою, отъ которой онъ едва не умеръ. Наконецъ его отпустили, какъ вполнѣ «нататуированнаго». Достойно замѣчанія, что рисунки исполнены съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ величайшею отчетливостью и съ истинно-китайскимъ терпѣніемъ. Они представляютъ собою не только самые сложныя и разнообразныя арабески, но къ нимъ прибавлены еще изображенія животныхъ и зданій. Симметрически на обѣихъ сторонахъ груди два злобныя чудовища съ длинными языками протягиваютъ другъ къ другу свои головы. Хвосты у обоихъ этихъ звѣрей обвиваются вокругъ мечети съ высокимъ минаретомъ, съ верхушками въ родѣ обстриженнаго тополя. На обоихъ плечахъ изображено по большому солнцу съ безчисленнымъ множествомъ лучей — одни только уши безъ рисунковъ. На обѣихъ щекахъ, правой и лѣвой, изображено по три входящихъ другъ въ друга кольца.

Въ конторѣ редакціи журнала «Нива» еженедѣльно получается до 60 писемъ съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ адреса, причемъ деньги на типографскіе расходы по печатанію новаго прилагаются весьма рѣдко. Поэтому, издатель обращается къ гг. подписчикамъ съ покорнѣйшею просьбою: при перемѣнѣ адреса высылать въ контору редакціи 30 коп., или прилагать 3 почтовыя марки, которыя по новому распоряженію почтоваго вѣдомства могутъ быть посылаемы въ простыхъ нестрахованныхъ письмахъ. Но для редакціи было бы пріятнѣе получать марками болѣе мелкими какъ-то: 1 коп., 3 коп. и 5 коп., чѣмъ марками въ 10 коп.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 21 Апрѣля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. пр. Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 31 апрѣля 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(*Продолженіе*).

Эпилогъ.

На долю начальницы Каменозерской киновіи, изъ наслѣдства Хмурова перепало всѣ таки вдосталь; но на бѣду Марѳы, Илья Алексѣевичъ Ковылинъ безцеремоннымъ выдѣломъ далъ ей урокъ, которымъ она не замедлила воспользоваться на мѣстѣ въ Олонцѣ. Вслѣдъ за возвращеніемъ ея, на Вытегрѣ представился подходящій случай разставанья съ симъ свѣтомъ и его обманчивыми прелестями нѣкоего мужа честнаго отъ среды исповѣдниковъ древняго благочестія. Мать Марѳа приглашена была утѣшать болящаго и такъ ловко, распорядилась, овладѣвъ всѣмъ его наличнымъ достояніемъ, что возбудила явное порицаніе въ мѣстныхъ учителяхъ. наставникахъ и такихъ же самозванныхъ настоятельницахъ какъ она, поднявшихъ противъ нея поголовное возстаніе. Не побѣду торжествовать приходилось ей въ скромной пустынькѣ, а надо было, заботясь о личной безопасности, выбирать новое мѣсто жительство. Съ деньгами предпріимчивая мать Марѳа не долго думала—и перенеслась въ Макарьевскіе предѣлы на Керженецъ, а оттуда въ еще болѣе укромныя палестины лѣсовъ иргизскихъ. На Иргизѣ въ то время уже сложилась сильная община раскольниковъ, привлеченныхъ указомъ императрицы отъ 14 декабря 1764 года. Обнадеженные монаршею милостію, что имъ на мѣстѣ новаго поселенія простятся всѣ прежнія преступленія, предоставится полная воля жить въ крестьянствѣ или въ купечествѣ, дастся земля подъ поселенія и льгота на 6 лѣтъ съ сохраненіемъ предержащими властями отъ всякихъ обидъ,—старообрядцы сотнями потянулись туда изъ за польскаго рубежа, съ Вѣтки и другихъ укромныхъ мѣстъ прежняго жительства. Съ одной ватагой переселенцевъ въ Нижнемъ столкнулась случайно мать Марѳа—и побесѣдовавъ съ вожаками, порѣшила примкнуть къ этимъ искателямъ счастія.

Бѣличкамъ своимъ, неразлучнымъ спутницамъ во всѣ мѣста, Марѳа наказала называть себя матерью Маргаритой,—говорить, что они ѣдутъ изъ за польскаго рубежа, что у нихъ на Руси знакомыхъ нѣтъ и что онѣ, возвращаясь въ отечество извѣстное имъ только по имени, не поставлены въ необходимость отъ кого либо зависѣть; что она сама все отеческое достояніе принесетъ въ жертву будущей общинѣ и намѣрена на мѣстѣ новаго водворенія основать обитель для пріюта всѣмъ, кто будетъ просить о принятіи въ братство.

Странники охотно позволили присоединиться къ нимъ такой имянитой боярынѣ, очарованные ея умомъ, обхожденіемъ, привѣтливостью и щедростью. При такихъ условіяхъ, по прибытіи на мѣсто, на Большой Иргизъ, верстахъ въ 90 отъ Волги, на берегахъ озера Калачъ, насупротивъ преображенскаго Филаретова, быстро возникъ новый скитъ матери Маргариты, названный Покровскимъ.

Скоро молва о новой обители, сооруженной съ замѣчательной изысканностью, разнеслась по всему околодку, конечно съ преувеличеніями, можетъ-быть навѣянными вѣрно-расчитаннымъ положеніемъ, которое сразу приняла Мароа. Въ новой средѣ она порывалась къ широкой, общественной дѣятельности и распространенію своего вліянія на все сосѣдство; богатство, котораго она не считала нужнымъ скрывать, знатное происхожденіе, приписываемое ей спутниками,—все давало ей право на такую дѣятельность. Недоставало только повода выступить, но и этотъ случай не замедлилъ.

Мароѣ очень полюбилось ближайшее село Мечетное (гдѣ нынѣ городъ Николаевскъ). Она частенько наѣзжала туда со своими бѣлицами, принимала участіе въ вечернихъ сходбищахъ поселянъ, большая часть которыхъ были Вѣтковцы и разсуждали на этихъ сходкахъ о дѣлахъ вѣры, о Никонѣ, о Петрѣ и прочихъ назидательныхъ предметахъ. Разумѣется, тонкій изворотливый умъ начетчицы Мароы не могъ не пріобрѣсти ей друзей. Разъ подъ вечеръ, въ одну изъ пятницъ, когда въ Мечетномъ совсѣмъ покончился торжокъ, торгаши и прасолы убирались во свояси, обыватели или больше обывательницы уже высыпали изъ своихъ домишекъ на завалинки и скамейки у воротъ подъ ветлами, чтобъ отвести душу божественной бесѣдой,—къ одному изъ домовъ, отличавшемуся отъ другихъ и большей обширностью, и лучшей постройкой, и прибитой надъ воротами вербой въ знакъ пріема на упокоеніе нуждающихся въ пріютѣ, подъѣхала брика на парѣ взмыленныхъ вороныхъ. Изъ брики вышла, покрытая темнымъ платкомъ, въ темномъ одѣяніи, сановитая настоятельница Покровскаго монастыря. Навстрѣчу ей спѣшно сбѣжала хозяйка дома, не разъ уже принимавшая мать Маргариту во время ея посѣщеній Мечетнаго, и въ свою очередь пользовавшаяся широкимъ гостепріимствомъ въ ея обители.

Хозяйка была купчиха, занимавшаяся солевознымъ промысломъ. На этотъ разъ она поразила Мароу какою-то суетливою торжественностью, но вмѣстѣ съ видимымъ стѣсненіемъ, какъ будто она и хотѣла что-то сказать и боялась.

— Что новаго, матушка? спросила Мароа.

— Новаго-то? Да какъ вамъ сказать? есть и новости — и очень важныя, да только до времени приходится помолчать...

— Чтожъ за тайна?

— Тайна-то не тайна; а какъ сказать: не всѣмъ вмѣстить и уразумѣть самую-то суть. Да что! заговорила она вдругъ съ таинственнымъ видомъ, приближаясь къ Мароѣ,—ужь тебѣ-то я повѣдаю, ты вѣдь не кто другой: у меня эвотка царь гоститъ.

— Царь! воскликнула Мароа, привскочивъ со скамьи въ крайнемъ изумленіи.

— Онъ самый батюшка и есть.

— Какой такой? допытывалась Мароа съ улыбкой явнаго сомнѣнія, но не безъ тревожнаго чувства,—какой тамъ у тебя царь?

— Да онъ-же, самый, говорю тебѣ, батюшка нашъ Петръ-отъ Оедорычъ.

Мароа при этомъ имени пристально поглядѣла на хозяйку.

— А кого-жь въ Питерѣ-то хоронили? проговорила она внушительно и строго.

— Не знаю, мать, робко и довѣрчиво отозвалась та, — да ужь, надо полагать, не его милость, коли онъ здѣсь.

И она понизила голосъ до чуть-слышнаго шопота.

— Ты знаешь, малоль что́ баютъ, всего не переслушаешь... А на счетъ этого ужь не опасайтеся: истинно онъ самый есть. Есть эвотка у насъ отецъ Герасимъ, вездѣ онъ значитъ бывалъ и въ Питерѣ знаемъ, такъ онъ божился, что это самый батюшка и есть... Слышь, идетъ царство свое забирать — понимашь?

Лицо Мароы выражало полнѣйшее недовѣріе и нѣчто похожее на ужасъ, но она совладѣла съ собой, заявивъ даже разскаччицѣ желаніе посмотрѣть, кто таковъ этотъ явившійся батюшка.

— Оно можно; теперятко онъ отдыхаетъ, кажется... На вышкѣ держу, все надежнѣе... А вороговъ-то у него—сама знаешь, кака тьма! Такъ велѣлъ «покамѣсть—говоритъ—буду въ рабьемъ зракѣ... пусть меня ради слабые не блазнятся...» Да тебѣ-то можно! только я все таки, матушка, его поспрошаю: можно ли когда...

И ступая на цыпочкахъ, хозяйка вышла на повѣть и поднялась на вышку.

Оставшись одна, Мароа не шутя задумалась. Новость была слишкомъ поразительна и заманчива. Свѣтлый умъ настоятельницы быстро провидѣлъ и оцѣнилъ всю вѣскость подобнаго слуха въ отдаленной мѣстности съ рѣдкимъ, разбросаннымъ, разноплеменнымъ населеніемъ, при ничтожности наличныхъ военныхъ силъ на всемъ Заволжьи, да еще посреди раскольниковъ, которые такъ уважали покойнаго императора за первыя дарованныя имъ льготы. И Мароѣ вдругъ вспомнилось далекое прошлое, ея хлопоты у Теплова и его слова: «коли сами каши не заварите, безпокоиться нечего». Да вѣдь коли объявился—значитъ сподручно, думала она: «чему быть, того конемъ не объѣдешь — мое дѣло плыть по теченью...

— Пойдемъ, пойдемъ, голубка, соизволяетъ! шепнула хозяйка, вернувшись и взявъ за руку мать Маргариту, торопливо повела ее къ стремянкѣ, по которой всходили на вышку.

Тамъ была всего одна свѣтелка съ тремя окошками на югъ, востокъ и западъ; близко отъ дверей стояла широкая скамья, покрытая ковромъ. На коврѣ сидѣлъ въ красной рубахѣ мужчина лѣтъ тридцати шести, смуглый, съ жесткой короткой, окладистой бородой, съ крупными характерными чертами, съ отпечаткомъ силы воли и рѣшительности въ выраженіи чорныхъ глазъ, впалыхъ подъ нависшими густыми бровями.

Онъ былъ широкъ въ плечахъ, средняго роста и крѣпкаго сложенія.

— Добро пожаловать, заговорилъ онъ при входѣ Маргариты и хозяйки.—Любопытство аль усердіе привело тебя къ намъ? молвилъ онъ, устремивъ проницательный взглядъ почти въ упоръ на Мароу; но та не потупилась, а съ поклономъ отвѣтила:

— Слышали мы, что нѣкая великая персона въ странствіяхъ обрѣтается... и нынѣ временно въ нашихъ краяхъ пребываетъ...

— Да, путь предстоитъ не близкій — одначе доберемся, отвѣтилъ тотъ, — далъ бы Богъ наслѣдника только повидать...

— М-м-мъ! многозначительно протянула мать Маргарита.

— А тебѣ-то странствовать приходилось? бывала гдѣ? спросилъ тотъ въ свою очередь.

— Мы изъ Польши — бывали въ Питерѣ и въ Москвѣ.

— Давно?

— Въ Питерѣ лѣтъ десять назадъ, а въ Москвѣ и въ прошломъ году.

— А слыхала о наслѣдникѣ Елисаветы Петровны?

— И видывать приходилось...

— М-м-мъ! въ свою очередь протянулъ сидѣвшій,— а ты, хозяйка, попотчивала бы насъ чѣмъ нибудь съ гостьей, обратился онъ къ той.

Хозяйка не заставила повторять приглашенія — и вышла.

Оставшись наединѣ съ Мареой, постоялецъ круто повернулся къ ней и прямо спросилъ:

— А узнаешь?

— Кого? возразила Мареа, смѣло глянувъ ему въ глаза.

— Коли припомнишь наслѣдника при Елисаветѣ Петровнѣ...

— На нѣмца словно походилъ... а впрочемъ... съ запинкой произнесла Мареа, — можетъ и запомнила — давно было.

— То-то давно! произнесъ постоялецъ, выпрямившись въ весь ростъ и грозно сверкнувъ на нее очами,— коли не помнишь — лишняго не ври; а я такой человѣкъ: коли мнѣ кто дружитъ—и я тому другъ, а кто вредить захочетъ—не легко приходится...

— На кого бы гнѣваться-то! мы черницы въ дѣла мірскія не мѣшаемся—молимъ Бога о благодѣющихъ и власть держащихъ; въ споры не вступаемъ, препятій не чинимъ, а смѣлому — города и съ пригородами! коли рука владыка—бери!

— О, да ты вижу баба умная! Коли такія найдутся, такъ еще потягаемся съ ворогами. Неподалеку жительствуешь?

— По сосѣдству.

— Ино по времени навѣстимъ. Ты мнѣ совсѣмъ полюбилась...

— Всякому свой таланъ! отозвалась, отшучиваясь Маргарита, увидя входящую хозяйку съ угощеніемъ.

Въ тотъ же вечеръ Мареа разузнала на селѣ, что новый знакомецъ ея недавно прибылъ на Иргизъ съ Сожи, съ Вѣтки, назвался казакомъ, разъ въ праздничный день вышелъ на улицу подъ ветлы, послушалъ-послушалъ, да и себѣ повелъ рѣчи—«рѣчи вольныя, крамольныя, непристойныя», а объ себѣ говорилъ намеками да недомолвками, что похуже будутъ и самыхъ рѣчей его.

Вскорѣ затѣмъ, уже у себя въ Покровскомъ, до Мареы дошелъ слухъ, что новый знакомецъ схваченъ жителями Мечетнаго, связанъ и доставленъ въ Малыковскій округъ, откуда его переслали въ Казань и заключили въ тюрьму. Мареа столько видала уже на своемъ вѣку, что мимолетное знакомство не имѣло для нея никакого значенія; но образъ удалаго искателя державы противъ воли вставалъ по временамъ въ ея воспоминаніи—и не разъ безсонною ночью мерещились ей эти чорные, зловѣщіе глаза.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Слава матери Маргариты и вліяніе ея упрочивались во всемъ околодкѣ. Множество всякаго люда стекалось въ Покровскій монастырь — послушать краснорѣчивой настоятельницы, поучиться уму-разуму; доброхотныя приношенія зажиточныхъ старообрядцевъ потекли въ кладовыя новой обители; новыя сестры то и дѣло прибывали съ просьбой принять ихъ въ общежитіе. Словомъ, все шло какъ не надо лучше; но не такъ думала повидимому сама настоятельница. Сановитую мать Маргариту чаще и чаще видали молчаливою, уединенною отъ сестеръ, замкнутою въ себѣ; въ самыхъ чертахъ ея все еще моложаваго красиваго лица залегала печать какой-то упорной, сосредоточенной и ничѣмъ не удержимой думы. Чаще и чаще замѣчали сестры, что восковая свѣча не гаснетъ по ночамъ въ покояхъ настоятельницы, слышали тяжелые шаги ея и скрипъ дубовыхъ половицъ въ ея опочивальнѣ. Въ отношеніи къ своимъ черницамъ она день ото дня становилась строже и властительнѣе; прежнихъ ласковыхъ словъ «любовь твоя», «свѣтъ мой», съ которыми бывало обращалась настоятельница къ сестрамъ, не слыхать стало въ обители.

— Знать задумала что́, говорили старыя ея бѣлички, — какъ западетъ ей въ голову новое, всегда такая бывало.

Разъ какъ-то, поздней осенней порою, въ темную ночь, когда Мареѣ особенно долго не спалось и она тихими шагами, скрестивъ руки на груди, ходила изъ угла въ уголъ по своей опочивальнѣ, — въ стеклѣ одного изъ оконъ раздался тихій звукъ, словно оно хрустнуло. Мареа не обратила вниманія, но звукъ повторился еще и еще разъ. Настоятельница подошла къ окну — кто-то снадворья осторожно бросалъ комочками рыхлаго снѣгу. Мареа вглядѣлась въ темную фигуру, рисовавшуюся на бѣлой порошѣ — и что-то знакомое показалось ей въ осанкѣ поздняго гостя...

Не говоря ни слова сестрамъ, она накинула тѣлогрѣйку и сошла на широкій монастырскій дворъ. Тамъ, въ тускломъ свѣтѣ мѣсяцѣ, предстало ей памятное смуглое лицо, съ черной бородой и чорными какъ уголь глазами...

— Никакъ это ваша милость? выговорила Мареа, сплеснувъ руками въ радостномъ испугѣ: — какъ же это Господь помогъ изъ-за крѣпкихъ стѣнъ уйдти?..

— На крѣпкія стѣны — разрывъ трава да удалая голова, отвѣтилъ ночной гость не ломая шапки, — а ты меня обогрѣй да пріюти на время, неровенъ часъ и я тебѣ своей высокой милостью пожалую...

— Ну, теперь вижу, что ваша милость доподлинно молодецъ, проговорила Мареа, взявъ гостя за руку, — не даромъ изъ ума не шелъ... Обитель моя ко услугамъ персоны вашей...

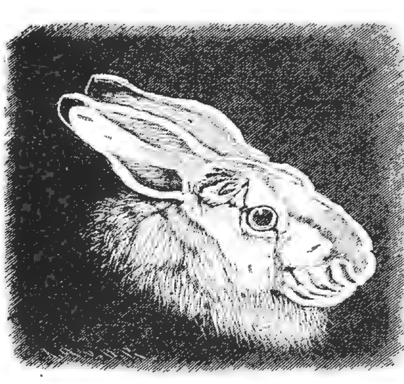
И она повела гостя къ себѣ въ образную, разбудивъ мимоходомъ одну вѣрную сестру Пелагею. Черница съ просонья глазамъ не вѣрила, глядя на овчинный полушубокъ и высокую шапку нежданнаго посѣтителя— и не зная чему дивиться, разбойничему ли его виду или Мареиной почтительности передъ нимъ.

(Окончаніе будетъ).

Рисунки копотью.

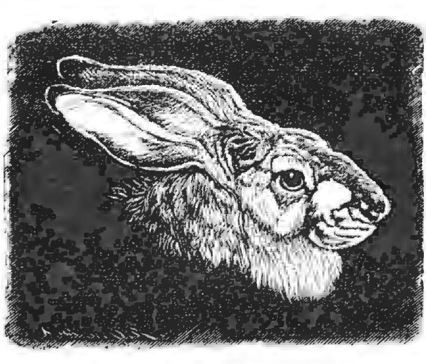
Прилагаемое при этомъ изображенiе громадной ньюфаундленской собаки, принадлежащей къ той расѣ, которая произошла въ Леонбергѣ и Беблингенѣ отъ скрещенiя бернардинскихъ и ньюфаундлендскихъ собакъ,—конечно удивитъ нашихъ читателей, если мы скажемъ имъ, что оно сдѣлано помощiю копоти.

Искусство дѣлать рисунки копотью—такъ прекрасно и такъ легко для всякаго, кто хоть сколько-нибудь умѣетъ рисовать, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей и читательницъ. Мы уже сказали, что голова нашей собаки сдѣлана помощiю копоти; прибавимъ къ этому, что она сдѣлана прямо на деревяшкѣ, а потомъ выгравирована. Для этой цѣли употребляютъ обыкновенно фарфоръ, и любители предпочтутъ его дереву уже ради одного удобства и непосредственной пользы, такъ какъ изображенiе можно, какъ мы скажемъ нѣсколько ниже, сдѣлать прочнымъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ *): художникъ беретъ обыкновенную тарелку и держитъ ея внутреннюю поверхность надъ пламенемъ зажженой свѣчи до тѣхъ поръ, пока вся эта поверхность покроется равномѣрнымъ слоемъ копоти. На этой-то черной поверхности набрасываетъ онъ болѣе или менѣе заостреной, смотря по надобности, деревянной палочкой изображенiе въ самыхъ общихъ очертанiяхъ, снимая палочкой черную сажу, такъ что рисунокъ представляется бѣлымъ по черному фону. Для примѣра мы выбрали изображенiе заячьей головы.

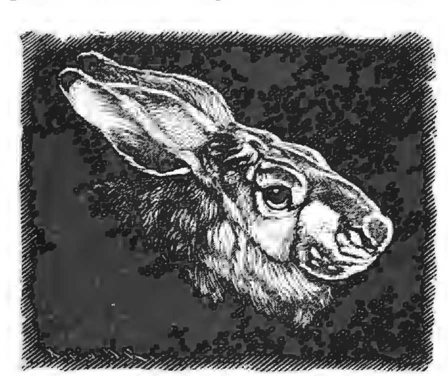


1.

Когда палочка слишкомъ закоптится, ее слѣдуетъ очинить вновь. То что остается чернымъ—образуетъ впослѣдствiи самыя глубокiя тѣни рисунка. Съ перваго разу изображенiе представляется въ грубыхъ общихъ очертанiяхъ, какъ это можно видѣть по рисунку № 1. Тарелку коптятъ вторично, вслѣдствiе чего оставшiяся отъ перваго разу тѣни получаютъ новый слой копоти и становятся еще темнѣе; бѣлыя же мѣста опять чернѣютъ, образуя такимъ образомъ фонъ, по которому можно рисовать. Тутъ художникъ опять выдѣляетъ эти мѣста упомянутымъ выше образомъ и у него получается уже два тона, первый, самый глубокiй и второй полутемный, съ ярко-выступающими свѣтлыми мѣстами. Изображенiе получило уже болѣе обозначенныя формы. См. рисунокъ № 2. Надавливая болѣе или менѣе палочку можно достигнуть мягкихъ переходовъ и полуглубокихъ тоновъ. Когда тарелка будетъ закопчена въ третiй разъ, то оставшiяся въ первый и второй разъ тѣни, само собою разумѣется, получатъ еще новый слой копоти и вслѣдствiе этого еще больше глубины,—такъ какъ самыя первыя тѣни имѣютъ теперь уже три слоя копоти, тогда какъ просвѣтлѣвшiя при второй перерисовкѣ мѣста получили теперь первый слой. Палочка, которою художникъ выдѣляетъ опять свѣтлыя мѣста, должна быть теперь очинена уже гораздо тоньше и острѣе, потому-что рисунокъ начинаетъ получать окончательную отдѣлку, гдѣ требуется больше тонкости. Она работаетъ то тамъ, то сямъ, по всему рисунку, смягчаетъ переходы, производитъ полутоны, придаетъ яркости свѣтлымъ мѣстамъ и наверстываетъ то, что было упущено передъ этимъ. Теперь рисунокъ имѣетъ четыре тона: вновь возникшiя свѣтлыя мѣста, легкую оттѣнку, произшедшую при послѣднемъ третьемъ копченiи, болѣе глубокiе тѣни втораго и совершенно глубокiе тѣни перваго копченiя. См. рисунокъ № 3.



2.



3.

Теперь ловкiй художникъ коптитъ тарелку въ четвертый, послѣднiй разъ. Замѣтимъ, что болѣе тонкiе и сложные рисунки требуютъ повторенiя этого процесса до десяти и болѣе разъ. Художникъ можетъ теперь, если онъ хочетъ ограничься только четырьмя разами, придать яркости свѣтлымъ мѣстамъ такъ какъ дѣло идетъ уже о томъ, чтобы отдѣлать рисунокъ окончательнымъ образомъ. Онъ увеличиваетъ тамъ и сямъ помощiю заостренной палочки свѣтъ, работаетъ въ глазу, въ зубахъ и другихъ мѣстахъ, требующихъ особенно тонкой отдѣлки, выводитъ острiемъ перочиннаго ножичка, тамъ гдѣ это нужно, волоса на рылѣ животнаго, дѣлаетъ кое-гдѣ еще нѣкоторыя перемѣны — и изображенiе готово. См. рисунокъ № 4. Искусному художнику требуется для всего этого не болѣе четверти часа. Само собою разумѣется, что четыре изображенныхъ здѣсь степени сдѣланы одна за другою.

4.

Если наши читатели и читательницы вздумаютъ воспроизвести нашъ рисунокъ, увеличивъ его размѣры, на тарелкѣ, то безъ всякаго сомнѣнiя, дѣло пойдетъ у нихъ далеко не такъ скоро, — не учась нельзя быть

*) Для объясненiя этого процесса мы прилагаемъ 4 рисунка рѣзаные на деревѣ и изображающiе 4 степени постепенно усовершенствуемаго изображенiя помощи копоти.

Ньюфаундлендская собака.

Рисунокъ копотью Вейнберге, гравировалъ О. Ротъ.

мастеромъ. Кто не можетъ рисовать съ натуры, тотъ пусть потребуетъ копировать; мы убѣждены, что это доставитъ пріятное развлеченіе любителямъ рисованія. Вотъ, рисунокъ готовъ, но онъ такъ непроченъ, что его можетъ разрушить самое легкое дыханіе. Теперь все дѣло въ томъ, чтобы упрочить его. Предположимъ, что этотъ рисунокъ сдѣланъ на плоской тарелкѣ. Надобно согрѣть чистаго спиртоваго лаку, налить поосторожнѣй нужное количество этого лаку на середину тарелки, а потомъ, вертя и поворачивая тарелку, распространить его по всей поверхности и слить такъ же осторожно то, что̀ окажется лишнимъ. При искусномъ исполненіи этого дѣла рисунокъ получитъ тонкую, прозрачную поверхность, которая скоро высохнетъ, и рисунокъ будетъ прочнымъ. Расписанная такимъ образомъ тарелка можетъ годиться и для практическаго употребленія — идти подъ сигары, служить блюдомъ для сухаго печенья, и т. п.

Точно такимъ же образомъ произошло и прилагаемое при этомъ изображеніе ньюфаундлендской собаки. Теперь не мало такихъ любителей собакъ, у которыхъ можно видѣть этого могучаго, великолѣпнаго звѣря. Онъ бываетъ очень вѣренъ и терпѣливъ въ отношеніи своихъ хозяевъ, въ особенности же тамъ, гдѣ у него есть большой дворъ и пространство для движенія. Онъ вѣрный хранитель дѣтей и терпѣливый ихъ товарищъ въ играхъ. При небольшихъ средствахъ его нельзя держать, потому-что онъ съѣдаетъ столько, что этого хватило бы съ избыткомъ на двухъ человѣкъ.

Народы Россіи.

VI. Лопари.

(Окончаніе).

Но пока до призывнаго слова—суровый морозъ куетъ здѣсь несокрушимыя цѣпи для всякаго проявленія жизни, и только таинственное мерцаніе сполоха озаряетъ эти пустыни отблесками инаго, пугающаго воображеніе міра, въ самомъ центрѣ невѣдомаго полюса созидающаго свои свѣтоносныя бури.

Лопари, какъ выше замѣчено, принадлежатъ къ народамъ финскаго корня. Они малы ростомъ и на первый разъ кажутся уродливыми. Длинныя руки, короткія шеи, узкіе глаза, выдавшіяся скулы далеки отъ того идеала красоты, которой создало себѣ кавказкое племя. На всемъ выраженіи лица ихъ лежитъ какая то странная, общая имъ всѣмъ тупость, которая еще усиливается манерою стричь волосы, такъ чтобы при прическѣ на лобъ они оканчивались надъ самыми бровями. Лопари всѣ христіане. Они были обращены еще въ концѣ XVI столѣтія св. Федоритомъ и св. Трифономъ. Послѣдній на Кольскомъ полуостровѣ у рѣки Печенги, построилъ Печенгскую церковь, которая потомъ была обращена въ монастырь, сожженный норвежцами, благоразумно воевавшими съ поморскими селами и убогими обителями и не рѣшившимися на три пушечные выстрѣла подойти къ хорошо укрѣпленой Ново-Двинской крѣпости, защищавшей входъ въ устье С. Двины.

Лопари не находятся въ исключительномъ владѣніи Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ кочуютъ въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи. Одновременно съ заселеніемъ этого края новгородскими ушкуйниками, норвежцы заняли всю страну отъ города Роcоса на сѣверъ до Варангеръ-Фіорда, занимаемую убогими дикарями. Послѣднихъ свободныхъ лопарей завоевали шведы въ XIII столѣтіи, покоривъ себѣ Остроботнію. Границъ между тремя владѣніями никогда не существовало de facto. Лопари свободно переселялись изъ одного мѣста въ другое, не признавая никакого международнаго права, промышляя на чужой землѣ и только изрѣдка платя за это небольшія дани. Такимъ образомъ, одному и тому же семейству приходилось при перекочевкахъ платить подать и шведамъ и норвежцамъ и русскимъ. Отсюда произошли лопари двоеданные и лопари троеданные. Въ прежнее время дань эта вносилась мѣхами, рыбою и соколами. Неимѣніе точныхъ и разъ-навсегда-опредѣленныхъ границъ, подавало поводъ къ постояннымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ.

Часто лопари, во избѣжаніе податныхъ платежей и прижимокъ со стороны земской полиціи, перекочевывали въ такія дикія и недоступныя трущобы, доступъ въ которыя былъ возможенъ только для людей родившихся и выросшихъ въ этомъ пустынномъ краю. Границы между тремя государствами здѣсь были только опредѣлены лишь въ настоящемъ столѣтіи, когда Россія отдала норвежцамъ громадную полосу земли, гдѣ теперь красуются торгово-промышленные норвежскіе города и производится обильная рыбная ловля на нѣсколько милліоновъ талеровъ.

Всѣхъ лопарей въ настоящее время считается до 10,000 человѣкъ. Они заселяютъ тѣ же пустыри Кольскаго полуострова что и прежде, съ тѣмъ различіемъ, что въ средѣ нѣкоторыхъ родовъ ихъ являются первые задатки осѣдлости. Они исподволь переселяются къ мѣстнымъ погостамъ и осаживаются вокругъ нихъ въ въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ поселковъ. Изъ нихъ образованы отдѣльныя волости, а у кольскихъ священниковъ воспитываются ихъ дѣти. Русскіе лопари главнымъ образомъ раздѣляются на двѣ отрасли, терскую и мурманскую лопь. Первые населяють страну отъ острова Сосновца до Св. Носа. Вторые занимаютъ сѣверозападную часть Лапландіи. Погосты лопарскіе находятся вблизи рѣчныхъ и озерныхъ урочищъ, гдѣ они зимою ловятъ рыбу. Лѣтомъ, оставляя свои постоянные поселки, лопари направляются къ мурманскому берегу для ловли трески, палтусовъ, сайды, зубатки и прочихъ рыбъ изъ рода Gadus, составляющихъ главное богатство сѣверныхъ морей. Въ рѣкахъ лопари устраиваютъ заколы для добыванія семги, которая при наступленіи икромета, направляется противъ теченія рѣкъ къ ихъ верховьямъ. Заколы принадлежатъ (за рѣдкими исключеніями) цѣлымъ общинамъ, артелямъ лопарей, и въ добычѣ промысла каждый членъ такой общины имѣетъ свою долю. Впрочемъ, въ настоящее время выгоднѣйшими изъ такихъ урочищъ завладѣли колонисты-норвежцы и финляндцы.

Лопари живутъ въ вѣжахъ. Вѣжа—коническій шалашъ изъ тонкаго лѣса, покрытаго хворостомъ и сверху дерномъ. Видъ такихъ зеленыхъ, поросшихъ травою жилищъ на берегахъ живописныхъ рѣкъ и озеръ Кольскаго полуострова производитъ пріятное впечатлѣніе на

путника. Часто лопари, изъ обломковъ (потерпѣвшихъ крушеніе кораблей) прибиваемыхъ къ берегу, строютъ микроскопическія и крайне неудобныя избы. Красивая извнѣ—вѣжа внутри отвратительна. Грязь, неопрятность и тьма царятъ въ ней невозбранно. На грудѣ камней—посрединѣ ея—разложенъ огонь, дымъ отъ котораго наполняя вѣжу выходитъ въ отверстіе образуемое верхушкою этого жилья. Вмѣсто постели, лопари, какъ и дикіе самоѣды, употребляютъ оленьи мѣха. Смрадъ внутри такой, что по русской пословицѣ въ немъ хоть топоръ повѣсь. Вѣжа въ вышину достигаетъ до $3^1/_2$ арш., а діаметръ ея основанія—6 арш.,—и на этомъ пространствѣ ютится иногда семейство, состоящее изъ мужа, жены и нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей. Какимъ воздухомъ должны дышать эти несчастные кочевники?

Пищею лопарямъ служитъ рыба, оленье мясо, морошка и—главное—куропатки, которыхъ терская лопь считаетъ летучими рыбами, съ покойною совѣстію употребляя ихъ и въ посты, въ другихъ отношеніяхъ свято соблюдаемые ими. Не будь куропатки да рыбы—лопарь погибъ бы съ голоду въ негостепріимномъ краю своемъ. Только лѣтъ тридцать назадъ лопари стали привыкать къ хлѣбу, который они приготовляютъ смѣшивая муку съ толченою сосновою корою. Лопари въ противоположность другимъ инородцамъ сѣвера—зырянамъ и самоѣдамъ—никогда не ѣдятъ сыраго и непропеченаго мяса. Зато вмѣстѣ съ послѣдними они пристрастились къ водкѣ. Особенно же любятъ они норвежскій ромъ, за который готовы отдать и свою рыбу, и своихъ оленей, и даже своихъ женъ, если бы граціи лопской земли пользовались вниманіемъ норвежскихъ контрабандистовъ.

Зимою лопарь носитъ нѣчто въ родѣ описаннаго мною въ статьѣ о самоѣдахъ совика—печокъ (петшокъ) Это—мѣховая рубашка шерстью вверхъ. Она приготовляется изъ оленьихъ шкуръ, съ рукавами и рукавицами изъ того же матеріала. *Яры* или сапоги шьются изъ оленьихъ ногъ и доходятъ до пояса. Шапка съ ушами изъ лисьихъ хвостовъ дополняетъ теплый нарядъ этого номада. Лѣтомъ лопарь надѣваетъ *юпу*—та же малица только изъ сѣраго сукна, съ нашитыми на ней яркими суконными лоскутками,—шерстяной колпакъ и коньги. Зимній нарядъ женщинъ не отличается отъ мужскаго; лѣтомъ же лопарскія belles-femmes щеголяютъ въ русскихъ сарафанахъ и остроносыхъ, загнутыхъ кверху башмакахъ. Кокетство у нихъ доведено до nec plus ultra. Они обольщаютъ мужей и любовниковъ разнообразными головными уборами, изъ которыхъ красивѣе всѣхъ считается *сорока*, сдѣланная изъ кумача или другой матеріи и украшенная бисеромъ. Серги тѣмъ щеголеватѣе, чѣмъ онѣ громаднѣй и тяжеловѣснѣй. Въ томъ же родѣ кольца и перстни довершаютъ соблазнительный нарядъ лопской красавицы. Дѣвушки носятъ повязки и бисерныя ожерелья.

Главное богатство лопаря, какъ и кочующаго самоѣда—олени. Безъ этого кроткаго и выносливаго животнаго, человѣкъ едва ли бы могъ существовать посреди дикихъ пустырей нашего отдаленнаго сѣвера. Тундры Лапландіи переполнены оленями. Они больше ростомъ и сильнѣе мезенскихъ, но гораздо трусливѣе послѣднихъ. Достаточно одного необычайнаго звука, приближенія незнакомаго имъ предмета, чтобы все стадо шарахнулось въ сторону Какъ стрѣла несутся испуганные олени въ неоглядную даль. Озера, рѣки, болота—ничто не останавливаетъ этого отчаяннаго бѣга. Десятки и сотни ихъ тонутъ и вязнутъ въ болотахъ, другіе падаютъ отъ усталости и наконецъ совершенно изнеможенное стадо ложится на отдыхъ среди какой нибудь безжизненной пустыни. Видъ этихъ бѣшено несущихся животныхъ представляетъ чрезвычайно грандіозную картину. Еще издали вы слышите гулъ и грохотъ, тундра колышится словно во время землетрясенія—и вдругъ передъ вами показывается цѣлый лѣсъ вѣтвистыхъ роговъ, устремляющихся куда-то въ пространство. Горячее дыханіе, топотъ, свистъ разсѣкаемаго воздуха—все это на минуту охватываетъ васъ могучимъ потокомъ жизни и движенія, но спустя минуту мертвая глушь снова вступаетъ въ свои права... Опять безшумный просторъ ея подавляетъ вашу душу... Мысль словно подстрѣленная птица падаетъ—ни слова ни звука.

Стада домашнихъ оленей у лопарей не такъ многочисленны какъ у самоѣдовъ, зырянъ и пустозеровъ. Нашъ лопарь рѣдко имѣетъ болѣе 900 штукъ головъ скота, тогда какъ сосѣдній норвежскій лапландецъ считаетъ свои стада тысячами головъ. Это обстоятельство объясняется недостаткомъ ухода за оленями, характеризующимъ хозяйственныя способности нашихъ лопарей. Въ то время, когда самоѣдъ самъ пасетъ стада свои—лопарь пускаетъ ихъ на произволъ судьбы и лѣтомъ и зимою въ отдаленнѣйшія тундры. Вслѣдствіе этой небрежности олени часто разбѣгаются, а еще чаще падаютъ жертвами волковъ. Самые предусмотрительные изъ лопарей загораживаютъ отдѣленныя самою природою урочища легкой изгородью — пускаютъ туда свое стадо и успокоиваются на лаврахъ. Оленей нужныхъ для ѣзды ловятъ лопари при помощи собакъ чивастевами (чивастева—нѣчто въ родѣ аркана).

Лопари въ высшей степени религіозны, хотя и до сихъ поръ они не вполнѣ освоились съ христіанствомъ. Съ истинами послѣдняго они мѣшаютъ свои суевѣрія—послѣдніе обломки уже исчезнувшаго культа. Почти каждое, выходящее изъ ряду событіе, они сопровождаютъ странными обрядами, имѣющими по ихъ понятію глубокое значеніе и смыслъ. Они чрезвычайно смирны и миролюбивы. Между ними весьма рѣдки драки и преступленія. О семейныхъ несогласіяхъ эти дикари едва ли и слышали. Гостепріимные по своему, они никогда не откажутъ случайному путнику ни въ пріютѣ, ни въ кускѣ вареннаго оленьяго мяса, ни въ рыбѣ. О вознагражденіи разумѣется не можетъ быть и рѣчи. Полудикіе номады еще не такъ *просвѣщены*, чтобы и изъ гостепріимства дѣлать выгодную статью дохода.

Зато къ числу недостатковъ этого племени необходимо отнести лѣность и нѣкоторое лукавство. Они между собою употребляютъ одно изъ самыхъ бѣдныхъ нарѣчій финскаго корня, которое впрочемъ похоже на финляндскій языкъ столько же сколько датскій похожъ на нѣмецкій,—но также хорошо владѣютъ и русскимъ языкомъ, на которомъ поютъ пѣсни, даже обрядовыя и свадебныя; свои же, крайне монотонныя и бѣдныя, употребляются нынѣ весьма рѣдко даже въ отдаленнѣйшихъ трущобахъ лопской земли.

Лопари чрезвычайно высоко цѣнятъ хорошихъ стрѣлковъ. Ни одна семья не выдастъ дѣвушку замужъ за человѣка, который ни разу не подстрѣлилъ дикаго оленя. Сватьбы устраиваются родителями, молодые въ этомъ случаѣ совершенно безгласны. Женихъ вознаграждаетъ за невѣсту или оленями, или выкупаетъ ее обязательнымъ трудомъ ея отцу, съ которымъ онъ живетъ

цѣлый годъ; по окончанiи этого срока имѣетъ уже право взять жену въ свою вѣжу и жить съ нею отдѣльно и самостоятельно. Умершихъ лопари погребаютъ почти голыми, зарывая ихъ прямо въ землю. Но отказывая имъ въ одеждѣ и гробницѣ, они щедро снабжаютъ ихъ любимой пищей и промысловыми орудiями. Насыпавъ надъ могилою курганъ, они опрокидываютъ въ него сани, принадлежавшие покойнику. Олени покойнаго въ дѣло не употребляются. Лопарь убѣжденъ, что въ противномъ случаѣ его постигнетъ смерть.

Весьма рѣдко случается лапландцу жениться на русской или норвеженкѣ. Передъ свадьбой лопарь дѣлаетъ невѣстѣ подарки, съ которыми онъ и приходитъ къ дверямъ ея вѣжи. Сопровождающие его родственники входятъ туда; онъ же остается снаружи, до тѣхъ поръ пока родители невѣсты не позовутъ его. Тутъ имъ подносится водка. Если отецъ дѣвушки выпьетъ водки—значитъ предложенiе принято; въ противномъ случаѣ лопарь возвращается домой съ пустыми руками. Послѣ сговору женихъ часто бываетъ у своей невѣсты и поетъ ей всякой разъ нѣчто въ родѣ гимновъ ея красотѣ, трудолюбiю и добродѣтели. Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ никакихъ, хороваго пѣнiя также не существуетъ, почему—когда послѣ торжественныхъ обрядовъ всякiй заводитъ свою пѣсню — общее впечатлѣнiе весьма непрiятно. Это скорѣе ревъ и крики животныхъ, чѣмъ пѣнiе людей. Нѣсколько-грубый языкъ еще усиливаетъ угловатость самыхъ пѣсенъ. Родственники приносятъ въ подарокъ невѣстѣ оленей или деньги.

Лапландцы — весьма здоровы. Исключая головныхъ болей, остальные недуги съ ними весьма рѣдко случаются. Разстройство желудка они лечатъ значительными прiемами внутрь оленьей крови; отъ зубной боли пьютъ тоже оленью кровь. Здѣсь извѣстна особеннаго рода порча зубовъ. Внутри послѣднихъ заводится маленькiй желтый червячокъ съ черною головкой. По всей вѣроятности, лопари обязаны этимъ страшной неопрятности, въ которой живутъ они и ихъ семейства.

Новорожденнымъ—лопари дарятъ самку оленя. Всѣ рождающiяся отъ нея животныя принадлежатъ ему; такимъ образомъ лопарь, подростая, уже владѣетъ своимъ собственнымъ стадомъ. Съ величайшимъ уваженiемъ эти номады относятся къ кладенымъ оленямъ, такъ что назвать кого либо изъ нихъ гаэрже истцъ (кладеный олень) — равнозначуще особенно почтительному комплименту. Еще профессоръ Кнудъ разсказывалъ объ одномъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, о которомъ за его гордость и хвастовство лопари говорили: онъ чванится какъ кладены олень. Лопари обращаютъ весьма мало вниманiя на недужныхъ, да и послѣднiе смотрятъ на свою болѣзнь какъ на пустяки. Одинъ норвежскiй проповѣдникъ упоминаетъ о женщинѣ лопаркѣ, которая прошла къ нему чрезъ горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, спустя три дня послѣ родовъ. Зимою онѣ носятъ нѣчто вродѣ лыжь, благодаря чему бѣгаютъ съ удивительной ловкостью и быстротою, часто даже перегоняя оленей. Они умѣютъ приготовлять изъ дерева посуду и вырѣзываютъ изъ оленьихъ роговъ различныя предметы—иногда весьма искусно. Выдолбленный кусокъ пня служитъ для ихъ дѣтей люлькою. Дѣти завертываются въ кожи; такимъ образомъ, что подъ головою ребенка можно положить лукъ, шестъ и кольцо, которымъ онъ играетъ когда не спитъ.

Первобытная религiя лопарей имѣетъ много общаго съ культомъ другихъ племенъ финскаго корня. Лапландцы въ прежнее время были убѣждены, что въ горахъ и морѣ находятся могучiя и грозныя божества. Другiе самое море и горы считали богами и въ трудныхъ случаяхъ жизни восклицали: «святой камень (такой - то) помоги мнѣ!» Но самыя главнѣйшiя божества по мнѣнiю ихъ находятся: на горизонтѣ, въ воздухѣ, на землѣ, подъ землею и въ самой срединѣ земли.

На горизонтѣ живетъ невѣдомый *Радiенъ*—царь неба. Но тамъ же существуетъ и другой богъ Зiоравъ-Радiенъ—сынъ Радiена. Дочь Радiена принимаетъ души умершихъ и отправляетъ ихъ въ пропасть *Рата*—вѣчный мракъ, гдѣ они должны пребывать безконечно. Тамъ же на небѣ существуетъ богъ—*Равонанекда*; онъ печется о произрастанiи ягеля для оленя, о горахъ и о сохраненiи всего живаго. Эти четыре божества составляютъ первую группу лопарскаго Олимпа. Имъ приносились безкровныя жертвы.

Въ воздухѣ пребываютъ: богъ *Баве*—или солнце—ему лопари молились за то, что онъ даетъ тепло и пищу, ему при жертвоприношенiяхъ назначались лучшiе куски мяса, къ нему же обращались въ случаѣ болѣзни кого либо изъ близкихъ; богъ *Горенгасъ*—громъ, самое злое и свирѣпое существо, убивающее людей и животныхъ—для умилостивленiя его также приносились жертвы; богъ *Гизенъ - Алмай* — богъ неизвѣстный; богъ *Бадо-май*—властвующiй надъ непогодой и требующiй постоянныхъ жертвъ; *Анлекесъ-Олканъ*—богъ хорошей погоды: на молитвы ему посвящалась пятница.

На землѣ обитаютъ боги: *Лейбъ-Олмай*—богъ охоты. Ему необходимо приносить жертвы, чтобы возвращаться обремененнымъ добычей съ охоты. Ему молились каждое утро и каждый вечеръ, при чемъ пѣлись похвальные гимны въ честь его могущества. *Кiозе-Олмай*—богъ рыбаковъ; поклоненiе ему обязательно только для послѣднихъ. *Мадеракко*—богиня женщинъ У нея дочери, изъ которыхъ первая помогаетъ матерямъ въ родахъ и унимаетъ муки родильницъ—въ честь ея лопари пили водку, въ жертву же ей приносили сметану; другая изъ дочерей этой богини, *Юксъ-Акка*, можетъ уже и въ чревѣ матери младенца сына обратить въ дочь—это лицо чрезвычайно властильное въ средѣ, гдѣ сыновья дорого цѣнятся для охоты и рыбной ловли; третья дочь—*Сиръ-Акка* сохраняетъ дитя отъ недуговъ и дурнаго глаза. На землѣ обитаетъ *Сакво-алмакъ*. Престолъ его на вершинахъ горъ. Это покровитель чародѣевъ и вѣщуновъ. Если послѣднимъ понадобится его помощь, они выпиваютъ пригоршню воды изъ источника текущаго у его горы—и тогда на нихъ находитъ волшебная сила самаго бога. Олень колдуна дѣлается послѣ этого чрезвычайно силенъ и побѣждаетъ въ дракѣ оленей другихъ чародѣевъ, богъ которыхъ слабѣе Сакво-Алмака. По просьбѣ колдуна послѣднiй можетъ напустить болѣзнь и умертвить кого угодно, кромѣ двухъ только лицъ: въ Норвегiи—ленсмана и его помощника, а въ Росси—исправника и становаго. Эти особы изъяты изъ предѣловъ вѣденiя лопарскихъ боговъ. Больной непремѣнно умираетъ, если колдунъ не вложитъ въ него душу обратно. Отсюда власть и значенiе колдуновъ.

Въ глубинѣ земли пребываетъ богъ *Ямба - акко*, въ переводѣ—мать смерти. Ей слѣдуетъ дѣлать частыя приношенiя, во избѣжанiя частыхъ недуговъ.

Подъ землей—въ ужасной, довременной пропасти Ротта-аимбо—живутъ послѣднiя невѣдомыя божества,

въ непосредственное вѣденіе коихъ поступаютъ всѣ дурно-живущіе на землѣ. Этимъ богамъ приносились кости, хвосты, уши и внутренности, убивавшихся на празднествахъ, оленей.

На канунѣ праздниковъ лопари приносили жертвы злому духу Оуло-Гадзе. У колдуновъ имѣется свой штатъ изъ мудрыхъ, но второстепенныхъ духовъ *Ноациде-Гадзе*.

Удбоеръ—таинственный духъ пребывающій надъ могилами младенцевъ, коимъ не дано на землѣ ни какого имени. Часто въ долгія зимнія ночи слышится вой его надъ ними и лопари спѣшатъ дать мертвому имя, иначе этой неизбѣжной музыкѣ и конца не будетъ. Есть еще звѣрь, живущій въ трущобахъ и пещерахъ; онъ похожъ на ребенка и обладаетъ сверхъестественной силой въ такой значительной степени, что его лопари будто бы убиваютъ изъ ружья, ради вкуснаго мяса. Изъ глубины пещеръ его можно выманить не иначе, какъ поставивъ у входа крынку съ молокомъ. Какъ видно, лопари не особенно стѣснялись съ своими богами!

Убивъ медвѣдицу, лопарь долженъ былъ вынуть печень ея и повѣсить ее вдали отъ мѣста охоты. При зачатіи ребенка приносился въ жертву богамъ олень, а при рожденіи его закапывалась въ землю живая собака. Если разрѣшеніе отъ бремени было совершенно счастливо и безболѣзненное—отецъ зарывалъ въ землю нѣсколькихъ животныхъ.

На мѣстѣ гдѣ убитъ дикій олень—лопари оставляли рога и ноги его въ качествѣ жертвы богу охоты.

Были особенныя мѣста, гдѣ лопари приносили жертвы своимъ богамъ, предпочтительнѣе предъ другими урочищами. Таковы вершины горъ, одиноко посреди тундръ возвышающіеся утесы, камни разсѣянные по лѣсамъ лопской земли. Въ Норвежской Лапландіи, на озерѣ Порзангерѣ лопари богу рыбной ловли воздвигли встарь храмъ, слава котораго дошла и до нашихъ лопарей. Близь священныхъ мѣстъ своихъ боговъ лопарь никогда не осмѣливался оставаться долѣе одного дня, проводимаго въ молитвахъ. Онъ полагалъ, что плачъ его дѣтей долженъ безпокоить божество. Проѣзжая мимо такихъ мѣстъ, женщины должны были закрывать глаза руками, чтобы не осквернить своимъ взглядомъ святости завѣтной горы или камня.

Мы уже говорили о томъ, что въ настоящее время всѣ лопари—христіане. Но вѣрованіе въ старыхъ боговъ крѣпко держится въ народѣ невѣжественныхъ дикарей, которые время отъ времени умилостивляютъ посильными жертвами темныхъ геніевъ зла, обитающихъ и въ небѣ, и въ землѣ, и въ водѣ, и въ горахъ. Лапландцы норвежскіе также всѣ обращены въ христіанство королемъ Фридрихомъ V.

Теперь лопари мало по малу начинаютъ свыкаться съ осѣдлою жизнію. Предоставленные сами себѣ на одной изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ Россіи, они вполнѣ удовлетворяются убогою обстановкою ихъ безцвѣтной жизни. Дикія вьюги полюса, долгая зимняя ночь, скудная почва—не особенно тяжелы для людей, никогда не видавшихъ ничего лучшаго. Но одинокій туристъ, пересѣкающій эти безлюдныя пустыни, невольно станетъ тосковать о другомъ далекомъ краѣ, гдѣ яснѣе свѣтитъ ясное солнце, роскошно ложатся подъ его лучами тучныя нивы и звонко разносится въ ароматномъ воздухѣ медленная родная пѣсня, захватывая своими задушевными переливами и мысль и сердце человѣка.

А тутъ — вѣчное молчаніе снѣговыхъ гладей или назойливый скучный стрекотъ и гамъ птицы, переполняющей не на долго ожившіе пустыри.

Но отрѣшитесь отъ воспоминаній своего прошлаго, съумѣйте слиться съ этою сумрачною природою—и вы поймете дикую красоту этихъ гранитныхъ горъ, этихъ отвѣсныхъ каменныхъ береговъ, за которыми величаво стелется полярное море съ его могучими бурями и льдами...

В. Н. Д.

Искуственное разведеніе рыбы.

(Окончаніе).

Два большихъ зданія, среднее зданіе и зало для вывода рыбы,—первое ста сорока футовъ длины при тридцати пяти футахъ ширины, послѣднее ста восьмидесяти футовъ длины при тридцати пяти футахъ ширины,—назначаются для принятія яицъ. Множество искуственныхъ ручьевъ во внутренности зданія служатъ къ тому, дабы яйца созрѣли настолько, чтобы и болѣе дальняя переноска не могла повредить зародышу. Развитіе совершается при помощи ключевой воды, которая проводится въ заведеніе посредствомъ канала въ одинъ километръ длины, обложеннаго камнемъ. Четыре громадныхъ турбины, приводимыя въ движеніе водою рейнско-ронскаго канала, наполняютъ безостановочно чистою прозрачною водою, поднимающеюся до двадцати футовъ вышины, семь большихъ бассейновъ. Отсюда вода идетъ (словно въ жилы органическаго тѣла) въ многочисленныя трубы, находящіяся между собою въ соединеніи, которыя разносятъ ее во всѣ три зданія этого заведенія. Что касается до яицъ, то ихъ раскладываютъ тонкими слоями на стеклянныя рѣшетки; эти стеклянныя рѣшетки кладутся отчасти въ обложенные камнемъ каналы, отчасти въ сосуды изъ обожженной глины, а отчасти на огромные столы, имѣющіе до сорока футовъ длины. Благодаря этимъ стекляннымъ рѣшеткамъ небольшіе частички ила, которыя ведетъ за собою иногда—даже совершенно чистая, по видимому,—вода, осаживаются не на яйца, а на дно сосудовъ, каналовъ и столовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и живительная вода протекаетъ нетолько надъ яйцами но и подъ ними. Посредствомъ множества мѣдныхъ крановъ воду можно регулировать какъ угодно, такъ-что она можетъ течь тихо совершенно незамѣтнымъ образомъ или же нестись быстро и плещась.

Въ первые дни яйца въ этихъ искуственныхъ прудахъ остаются совершенно неприкосновенными, потому-что молодой зародышъ въ яйцѣ такъ нѣженъ, что малѣйшее прикосновеніе можетъ убить его. Но по прошествіи нѣсколькихъ дней начинается главная дѣятельность.

Въ этихъ искуственныхъ ручьяхъ яица вполнѣ защищены отъ многочисленныхъ враговъ животнаго царства; отъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага, жилочницы или плесени, ихъ не могутъ спасти никакія запоры, никакое процѣживаніе, какъ бы оно ни было тщательно.

Какъ бы ни были хороши принятыя для оплодотворенія яицъ мѣры, какъ бы ни были осторожны при переносѣ яицъ, но все-таки по прошествіи нѣсколькихъ дней оказывается нѣсколько неоплодотворенныхъ и испорченныхъ яицъ. Эти яйца служатъ мѣсторожденіемъ губительной жилочницы—и если ихъ не устранятъ самымъ быстрымъ образомъ, то черезъ нѣсколько дней всѣ яйца въ маленькомъ искуственномъ ручьѣ какъ будто бы покрываются хлопчатою бумагою и ихъ уже ничего не можетъ спасти. Поэтому-то, пока изъ нихъ не выведутся рыбки, множество работниковъ, часто отъ двадцати до тридцати человѣкъ, неусыпно наблюдаютъ за яицами. Каждое испорченное яйцо, которое легко узнать по его бѣловатому цвѣту, сію же минуту извлекается при помощи щипчиковъ, при чемъ однако же надо остерегаться, чтобъ не затронуть близь лежащія яица.

Отрадно смотрѣть, какъ, подъ живительнымъ вліяніемъ струящейся воды, молодой зародышъ развивается со дня на день въ совершенно-растрескавшихся яицахъ величиною въ горошину; все замѣтнѣе и замѣтнѣе дѣлаются его движенія, а черезъ три-четыре недѣли, смотря по температурѣ воды, у него уже ясно обрисовываются глаза, въ видѣ двухъ чорныхъ точекъ. Это самая удобная пора для пересылки яицъ, потому что теперь молодая, находящаяся еще въ яйцѣ рыбка уже окрѣпла настолько, что можетъ вынести дальнюю переноску.

Въ маленькій ящичекъ кладется слой самаго тонкаго моху, на этотъ слой выливается слой созрѣвшихъ яицъ какъ можно осторожнѣе,—такъ чтобъ яица, по возможности, не коснулись другъ друга, затѣмъ опять слѣдуетъ слой самаго тонкаго моху и т. д., до тѣхъ поръ пока ящикъ будетъ совершенно полонъ. Этотъ ящикъ закрывается крышкой и становится въ большой сундукъ; промежуточныя пространства наполняются сухими непроводниками теплоты, обыкновенно сухимъ мохомъ или паклей. При сильномъ морозѣ употребляется еще третья прикрышка.

Уложивъ такимъ образомъ созрѣвшія яица, ихъ можно отправлять безъ всякаго вреда за нѣсколько сотъ миль. По этому способу были даже отправлены изъ Англіи въ Австралію лососныя яица, которыя дошли туда какъ нельзя лучше и превосходно развились. Сотни такихъ ящиковъ, заключающихъ въ себѣ отъ трехъ до четырехъ тысячъ яицъ, отправляются часто зимою въ менѣе значительныя заведенія для распложенія рыбы. За одни эти ящики гюнингенское заведеніе заплатило втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ франковъ.

Такимъ-то путемъ можно разводить въ различныхъ странахъ, и притомъ съ незначительными издержками, породы такихъ рыбъ, какихъ тамъ никогда не бывало. Если же мы вздумали бы переселять съ этой цѣлью взрослыхъ рыбъ, то одинъ такой опытъ стоилъ бы намъ сотни и даже тысячи рублей—и все-таки результатъ его былъ бы чрезвычайно сомнителенъ, такъ какъ благородныя породы рыбъ съ трудомъ выносятъ далекую перевозку.

Гюнингенское заведеніе занимается только самыми благородными изъ рыбъ прѣсной воды, а именно различными породами лосося, которыя мечутъ икру зимой. Сюда принадлежатъ: лосось, морская и рѣчная форель, лаксфорель (петрушка), и нѣкоторыя другія породы лосося. Оно разводитъ также дунайскаго лосося и харіуса (salmo thymmalus), но это считается тамъ второстепеннымъ дѣломъ. Яица этой послѣдней рыбы добываются весной—и перевозка этихъ яицъ на значительное разстояніе, вслѣдствіе болѣе теплаго времени года, невозможна.

Десять или двѣнадцать милліоновъ такихъ яицъ представляютъ собою капиталъ въ нѣсколько тысячъ

Ключевая вода протекаетъ (частію тихо, частію же съ живыми всплесками) черезъ нѣсколько тысячъ аппаратовъ для выхода рыбы, гдѣ впродолженіи всей зимы развивается отъ четырехъ до шести милліоновъ яицъ благородныхъ породъ рыбъ. Эти яица доставляются заведенію служащими при немъ лицами, которые объѣзжаютъ въ началѣ осени всю Швейцарію. Одинъ милліонъ лососиныхъ яицъ вѣситъ около пяти центнеровъ, и будучи оплодотворенъ, представляетъ собою цѣнность въ восемьсотъ талеровъ, а по достиженіи послѣдняго періода развитія цѣнится, по меньшей мѣрѣ, въ двѣ тысячи талеровъ.

Какъ много способствуетъ гюнингенское заведеніе размноженію рыбы, разсылая массами созрѣвшія яица,—можно понять тогда только, когда знаешь, что при обыкновенныхъ условіяхъ едва ли даже одинъ процентъ рыбьихъ яицъ достигаетъ развитія, тогда какъ всѣ разсылаемыя заведеніемъ созрѣвшія яица способны къ развитію. Если мы прибавимъ къ этому, что на нѣкоторыхъ минеральныхъ водахъ Германіи, гдѣ бываетъ большой съѣздъ, за фунтъ форели или лососины платятъ отъ одного до полутора талеровъ,—то выгоды, доставляемыя ежегодно этимъ заведеніемъ, должны цѣниться сотнями тысячъ и даже милліонами талеровъ.

Сокровища, скрывающіяся въ нашихъ русскихъ рѣкахъ, ручьяхъ, озерахъ и прудахъ, неизчислимы. Будемъ надѣяться, что и у насъ также откроются, раньше или позже, такія же заведенія, какъ гюнингенское,—которыя, принося болѣе или менѣе значительныя выгоды своимъ владѣльцамъ, будутъ въ то же самое время способствовать и народному благосостоянію.

Происхожденіе земной коры и ея обитателей.

Земля, по всей вѣроятности отдѣлившаяся частица нашего солнца (какъ и прочія планеты нашей солнечной системы), вначалѣ была расплавленнымъ, огненно-жидкимъ тѣломъ, на поверхности котораго—вслѣдствіе лучеиспусканія внутренняго калильнаго жара въ холодное міровое пространство, путемъ охлажденія и отвердѣнія верхняго изъ расплавленныхъ слоевъ,—постепенно образовалась тонкая оболочка или *кора*, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе утолщавшаяся, но лишь настолько, что и въ наше время не представляетъ еще собою даже тысячной доли поперечника земли, имѣя всего на всего 15—20 миль толщины. Внутренность земнаго шара и нынѣ еще находится въ расплавленномъ состояніи, при температурѣ бѣлокалильнаго жара, что доказывается во первыхъ постепеннымъ возвышеніемъ температуры по мѣрѣ углубленія въ толщи земной коры,

такъ что на каждые сто футовъ вглубь земной коры температура ея повышается на одинъ градусъ. На глубинѣ 10,000 футовъ уже кипитъ вода; на восьмимильной глубинѣ температура должна доходить до 1800° и желѣзо должно плавиться, а на пятнадцати-мильной глубинѣ все твердыя вещества земной коры перейдутъ уже въ огненно-жидкое состояніе. Далѣе, подтвержденіемъ этой гипотезы служатъ: *источники*, бьющіе изъ значительной глубины и доставляющіе воду въ видѣ кипятка, и *волканы* (огнедышащія горы), извергающіе въ отверстія земной коры (жерла, кратеры) изъ внутренности земной огненно жидкія минеральныя массы (лаву).

Первая, выдѣлившаяся изъ расплавленной массы (вначалѣ дававшей шлаки) кристаллически-твердая кора должна была равномѣрно облекать всю поверхность земли плотною, гладкою, тонкою скорлупою; эта послѣдняя была окружена раскаленною чрезвычайно-густою и оказывавшею громадное давленіе атмосферою, въ которой вода могла существовать лишь въ видѣ пара, такъ что въ эту пору воздухъ былъ еще непроницаемъ солнечными лучами и глубокій мракъ царствовалъ надъ землею. Между тѣмъ огненножидкое ядро постепенно охлаждалось и сплачивалось (отчего самый поперечникъ земли уменьшался); облекавшая его тонкая твердшая кора трескалась во многихъ мѣстахъ и поверхность ея стала неровною, вспученною. Когда же охлажденная кора, вслѣдствіе процесса отвердѣнія, сжималась и трескалась, то огненножидкая масса выступала въ эти трещины, образуя на поверхности коры расщелины и неровности. Только послѣ того какъ температура внѣшней поверхности земнаго шара понизилась до такой степени, что влага изъ парообразной формы могла сгуститься въ капельножидкое состояніе,—впервые образовалась *вода* и покрыла землю первою росою, а вслѣдствіе паденія воды на землю прочистился доселѣ туманный атмосферный *воздухъ*. Само собой разумѣется, что вода (первозданное море, всемірный океанъ), такъ же какъ и воздухъ пропитанный углекислотой и другими вредными газами, имѣли въ то время чрезвычайно высокую температуру почти калильнаго жара.

Первый слой земной коры, облекающій огненно-жидкое ядро земли и по всей вѣроятности неоднократно подвергавшійся разрушенію и растворенію въ водѣ, состоитъ изъ самыхъ крѣпкихъ горныхъ породъ (гранитъ, сіенитъ, базальтъ, порфиръ, грюнштейнъ) и тяжелѣйшихъ металловъ. По богатству кремнистыхъ породъ (силикатовъ) онъ называется также кремнистой оболочкой. Прилегающія къ внутреннему подбою этого плаща породы получили названіе *первозданныхъ горныхъ породъ, плутоническихъ* *) или *сплошныхъ*.

Надъ кремнистой оболочкой, пробивавшаяся въ трещины отвердѣвшаго слоя и смѣшивавшаяся съ кипяткомъ воды, огненно жидкая масса образовала второй (вулканическій) слой горныхъ породъ, которыя—частію вслѣдствіе охлажденія, частію подъ давленіемъ атмосферы и послѣдующихъ слоевъ земной коры,—перешли въ кристалическое состояніе и отличаются своимъ волнообразнымъ сланцевиднымъ строеніемъ. Эти вулкано-нептуническія образованія поэтому называются *сланцевыми породами* (древній глинистый сланецъ) и преимущественно состоятъ изъ гнейса, слюдянаго и тальковаго сланца. Изъ этихъ-то сплотившихъ потрескавшуюся первичную земную кору породъ образовалась, вслѣдствіе разрушительныхъ силъ воды и воздуха, нынѣшняя поверхность *суши*. Стремившаяся изъ атмосферы непрерывнымъ ливнемъ вода падала на выдающіяся изъ первозданнаго всемірнаго моря возвышенности—и вмѣстѣ съ атмосфернымъ воздухомъ подвергала эти горы разрушительному процессу (вывѣтриванію), низвергая разрушенныя каменныя породы съ горныхъ вершинъ и отлагая ихъ въ видѣ илисто-каменистыхъ осадковъ слоями—сначала на дно всесвѣтнаго океана, а впослѣдствіи надъ водами у подножія горъ и между ними по морскимъ берегамъ. Съ помощію частныхъ потоповъ, масса щебня, илу и землистыхъ осадковъ распространилась по всей поверхности земли—и при томъ частію такъ, что вода растворяла въ себѣ нѣкоторые минералы и за тѣмъ снова выдѣляла ихъ тамъ и сямъ изъ раствора то въ прежнемъ чистомъ видѣ, то въ соединеніи между собою и съ другими веществами,—частію же распространеніе это совершалось путемъ механическаго увлеченія этихъ веществъ водою, которая снова отлагала ихъ на томъ или другомъ мѣстѣ. На подготовленной такимъ образомъ почвѣ (нептуническаго происхожденія),—послѣ того какъ температура воды и воздуха настолько понизилась, что уже не препятствовала жизни органическихъ тѣлъ,—появились сначала *растенія* а за ними *животныя* простѣйшаго устройства. Вода играетъ важную роль въ составѣ органическихъ тѣлъ, какъ растительныхъ такъ и животныхъ. Если отдѣлить тщательно всѣ твердыя части какого нибудь организма, то мы увидимъ, что вода занимаетъ въ немъ почти $^4/_5$.

Съ этихъ поръ вода безостановочно продолжаетъ свою энергическую дѣятельность, даетъ начало все новымъ и новымъ нептуническимъ переработкамъ земли, и непрерывно, хотя и медленно преобразуетъ видъ земной поверхности. Падая въ видѣ дождя, просасываясь сквозь верхніе слои земной коры и стекая съ возвышенностей въ углубленія, вода химически растворяетъ различныя минеральныя составныя части земли и механически увлекаетъ разрыхленныя частицы. Стекая по горамъ, она уноситъ щебень и мусоръ въ равнины и слагаетъ въ видѣ ила въ стоячихъ водахъ. Такъ же безостановочно работаетъ и морской прибой, разрушая берега и выстилая дно моря размытыми обломками. Еслибы эта дѣятельность воды не встрѣчала противовѣса въ плутоническихъ и вулканическихъ поднятіяхъ и пониженіяхъ почвы, то съ теченіемъ времени поверхность земли сравнялась бы и покрылась бы сплошною водяною оболочкою. Но противодѣйствіемъ расплавленнаго ядра земли твердой корѣ—обусловливаются непрерывныя, хотя большей частью медленныя и постепенныя вспучиванія и пониженія на различныхъ мѣстахъ земной поверхности Такъ какъ эти повышенія и пониженія надъ уровнемъ моря, въ теченіи милліоновъ лѣтъ, по нѣскольку разъ чередуются другъ за другомъ, — то та, то другая часть земной поверхности выдается надъ моремъ или погружается ниже его уровня, причемъ неорганическія и органическіе осадки образуютъ различной толщины каменистые слои разнообразнѣйшаго внутренняго строенія съ остатками растительныхъ и животныхъ организмовъ. Растенія и животныя также содѣйствуютъ поднятію мор-

*) Горныя породы, происшедшія въ глубинѣ земли изъ огненножидкой массы, обыкновенно называютъ *плутоническими*; тѣ же, которыя образованы на поверхности земли огненножидкой массой, вытекающей изъ нѣдръ ея, зовутъ *вулканическими*, а тѣ образованію которыхъ содѣйствовала вода *нептуническими*.

скаго дна; въ верхнихъ слояхъ океана преимущественно нуллипоры, раковины и кораллы, въ нижнихъ на значительной глубинѣ микроскопически-мелкія діатомеи, политаламіи и многодырчатыя отлагаютъ кремнеземъ и известь.

Такъ какъ вещества, осаждающіяся изъ воды слоями другъ на друга, называются осадками, то всѣ слои земли выше сплошныхъ и сланцевыхъ горныхъ породъ (отъ которыхъ они произошли путемъ вывѣтриванія) получили названіе осадочныхъ или слоистыхъ. Существеннѣйшія составныя части этихъ слоевъ суть: глиноземъ, кремнеземъ и известь—образующіе слои глины, песчаники и извѣстняки. Эти болѣе или менѣе концентрическіе (подобно расположенію луковичныхъ скорлупокъ), другъ на друга осаждавшіеся слои на различныхъ мѣстахъ земли представляютъ различную толщину, форму и строеніе, тамъ и сямъ прорваны и пробуравлены нижележащими горными породами.

Между этими различными осадочными слоями нѣтъ однакоже рѣзкихъ границъ, такихъ чтобъ можно было допустить (какъ это прежде и дѣлалось) періодическіе земные перевороты или катастрофы, уничтожавшіе все въ то время существовавшее, такъ что за катастрофой должно было послѣдовать совершенно новое твореніе. Какъ неорганическія, такъ и органическія составныя части одного осадочнаго слоя лишь постепенно переходятъ въ другой слой. Каждый слой однакоже отличается отъ другаго какой нибудь особенностью въ своемъ неорганическомъ и органическомъ содержаніи, такъ что во всякомъ случаѣ можно различить опредѣленный рядъ послѣдовательныхъ наслоеній (періодовъ); но ни въ одномъ изъ этихъ слоевъ не встрѣчается такихъ совершенно-новыхъ органическихъ или неорганическихъ тѣлъ которые были совершенно отличны отъ попадающихся въ предъидущемъ или послѣдующемъ періодѣ. Впрочемъ, для объясненія измѣненій, происходившихъ доселѣ на поверхности земли съ почвою, растеніями, животными и человѣкомъ,—нѣтъ нужды въ подобныхъ загадочныхъ переворотахъ и перерывахъ творенія, такъ какъ подобныя же измѣненія совершаются и нынѣ у насъ передъ глазами. Повышенія и пониженія поверхности земли продолжаются и нынѣ, распредѣленіе воды и суши на земномъ шарѣ постоянно измѣняется, земля и море вѣчно враждуютъ между собою за преобладаніе; съ тѣхъ поръ какъ вода въ капельножидкомъ видѣ существуетъ на землѣ, границы водъ и суши безпрестанно измѣнялись.

Непрестанно подмываетъ морской прибой подножіе береговъ — и то чтó суша теряетъ на этихъ мѣстахъ вширину, восполняется въ другомъ мѣстѣ накопленіемъ ила, который сплачивается въ твердую каменистую массу и поднимается новымъ образованіемъ суши надъ уровнемъ моря. Такимъ образомъ, о постоянномъ и неизмѣнномъ очертаніи материковъ не можетъ быть и рѣчи.

(Окончаніе будетъ).

Путешествующая чета.

(Туркестанскіе типы).

Единственный колесный экипажъ въ Средней Азіи—арба—представляетъ изъ себя фигуру весьма странную для непривычныхъ глазъ европейца: на длинной карагачевой оси, почти въ четыре аршина длиною, укрѣплена широкая, расходящаяся кзаду, плетеная платформа; все это поставлено только на двухъ высокихъ колесахъ, до верхней точки которыхъ можно достать лишь съ лошади. Колеса эти очень легки и эластичны—и весь экипажъ съ грузомъ, доходящимъ почти до тридцати пудовъ, передвигается только одною лошадью, управляемой всадникомъ, сидящимъ у нея же на спинѣ. Понятно, что подобной экипажъ требуетъ широкихъ степныхъ дорогъ и совершенно неудобенъ въ горахъ и на пересѣченныхъ мѣстностяхъ плодородныхъ долинъ.

А между тѣмъ лѣнивые азіатцы совершенно неспособны ходить пѣшкомъ, да и самые костюмы ихъ не отвѣчаютъ потребностямъ ходьбы, особенно на далекія разстоянія: тутъ на помощь человѣку является верховая лошадь — и нигдѣ она не играетъ такой важной положительно-первостепенной роли какъ у народовъ центральной Азіи.

Старый и малый, мужчины и женщины—всѣ ѣздятъ верхомъ. Ребенокъ десяти лѣтъ—уже опытный наѣздникъ; каждая женщина можетъ безъ усталости протрястись за сѣдломъ мужа десятки и даже сотни верстъ—и подобный усиленный моціонъ, вслѣдствіи силы привычки, пріобрѣтенной цѣлемъ рядомъ поколѣній, вовсе не вредитъ женскому организму; даже беременнымъ женщинамъ, путешествія эти не приносятъ вредныхъ послѣдствій.

Рисунокъ нашъ, взятый прямо съ натуры, представляетъ именно подобную чету на пути изъ Самарканда въ Катта-Курганъ: усталая подъ двойной тяжестью, лошадь лѣниво передвигаетъ ноги; сѣдобородый старикъ задумчиво смотритъ въ даль, разглядывая на гаризонтѣ синѣющіе сады Катта-Кургана; одна изъ его молодыхъ женъ, которую ему заблагоразсудилось взять съ собою, покойно сидитъ верхомъ за спиною своего повелителя, придерживаясь за его старческій станъ и съ любопытствомъ поглядывая по сторонамъ, сквозь темную кисею своей вуали. Въ сторонѣ, на обозженыхъ солнцемъ скатахъ пасутся неприхотливые верблюды, довольствуясь полувысженными остатками колючей растительности.

Душно и жарко! ну, не бѣда—дорога почти вся осталась назади; скоро нашихъ путешественниковъ ожидаетъ прохладная сакля, зеленый чай и блюдо жирнаго плава.

Лошади туркестанскія также славятся своей выносливостью и быстротою бѣга. Любимое удовольствіе туземцевъ — скачки и борьба за барана верхомъ на лошадяхъ. Послѣднее происходитъ такъ: нѣсколько всадниковъ пускаются вскачь по кругу данной величины; у одного изъ нихъ поперекъ сѣдла лежитъ баранъ, котораго прочіе отнимаютъ у него и другъ у друга на всемъ скаку; возвратившійся на мѣсто отправленія съ бараномъ — выигрываетъ призъ.

Н. Каразинъ.

Фельетонъ.

Мглинскій и Суражскій уѣзды Черниговской губерніи. — Мѣры, принятыя земствомъ для обезпеченія населенія этихъ уѣздовъ. — Спекуляція на личномъ трудѣ въ Новороссійскомъ краѣ; чѣмъ надѣятся уничтожить ее? — Мѣры къ обезпеченію продовольствія въ Верейскомъ уѣздѣ, Моск. губ. — Нѣчто о продовольствіи Смоленской губерніи и проч.

Есть въ нашемъ обширномъ отечествѣ мѣстности, гдѣ бѣдному человѣку жить почти невозможно. Неплодородіе почвы, отсутствіе промышленной дѣятельности, дурные пути сообщенія, отдаленность отъ мѣстъ сбыта и недостатокъ запроса на трудъ,—всѣ эти невыгодныя условія дѣйствуютъ на жизнь въ этимъ мѣстахъ подавляющимъ образомъ. Жалобы и сѣтованія сдѣлались тамъ общими, такъ-что къ нимъ привыкаютъ какъ къ вещи самой обыкновенной; безпечность, вызванная тупымъ отчаяніемъ—съ одной стороны, и эгоистичное равнодушіе—съ другой, не даютъ возможности всмотрѣться въ настоящее и подумать о будущемъ. Продолжается же это положеніе обыкновенно до тѣхъ поръ, пока наконецъ не явятся нѣсколько энергическихъ, преданныхъ интересамъ родины, людей, которые рѣшаются помочь горю, обратить на него вниманіе властей и общества и вызвать въ нихъ сочувствіе къ бѣдствующему населенію. Тогда объ этомъ дѣлѣ начинаются общіе толки; ему дается возможная огласка; въ нѣсколькихъ вѣдомствахъ возникаетъ по его поводу переписка, которая наконецъ приводитъ къ тому, что изобрѣтается нѣсколько мѣръ для предупрежденія зла на будущее время. Конечно, предпринимаемыя мѣры не исцѣляютъ болѣзни совершенно,—онѣ только отдаляютъ на нѣкоторое время новые приступы ея; но уже хорошо и то, что по крайней мѣрѣ она не оставляется вовсе безъ вниманія, какъ это было въ прежнія времена.

Путешествующая чета.

Рисунокъ Н. Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

Сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, Мглинскій и Суражскій, представляютъ намъ именно такія мѣстности. Несчастное населеніе этихъ уѣздовъ давно уже чувствуетъ постоянный недостатокъ въ хлѣбѣ и никогда не обходилось безъ покупкѣ его на сторонѣ. Но въ послѣдніе годы чаша горечи для жителей этой мѣстности переполнилась: хлѣба не только стало не хватать на сѣмена для посѣва, но не хватало его и для прокормленія. Черниговское земство не осталось при этомъ безучастнымъ зрителемъ и предприняло рядъ мѣръ для облегченія горестнаго положенія крестьянъ этихъ двухъ уѣздовъ. Губернская управа посылала своихъ членовъ для изслѣдованія дѣла, нѣсколько разъ представляла о немъ земскому собранію, входила съ ходатайствомъ къ

правительству. Результатомъ всего этого, какъ сообщаетъ «Правительственный Вѣстникъ», было слѣдующее. По собраннымъ управою свѣдѣніямъ оказалось, что раззоренію крестьянъ въ послѣднія годы способствовали: неурожаи послѣднихъ шести лѣтъ, частыя градобитія, появленіе червя на поляхъ и ранній снѣгъ осенью. Надо было тотчасъ-же принять самыя рѣшительныя мѣры, и вотъ земство расходуетъ въ видѣ пособія бѣдствующему населенію 147,833 р. Это было еще въ началѣ 1869 года; а въ 1871 году, то же земство положило израсходовать изъ продовольственнаго капитала 81,000 р., съ тѣмъ, что если окажется этой суммы недостаточно, то чтобъ губернская земская управа созвала чрезвычайное губернское земское собраніе для принятія дальнѣйшихъ мѣръ. Принимая же во вниманіе, что однимъ изъ существенныхъ средствъ для выхода изъ бѣдственнаго положенія можетъ служить развитіе заработковъ на сторонѣ, земство рѣшилось всѣми зависящими отъ него способами содѣйствовать тѣмъ изъ жителей названныхъ уѣздовъ, которые пожелали бы отправиться на заработки въ чужую сторону. Съ этою цѣлью, оно выхлопотало у правительства выдачу жителямъ Мглинскаго и Суражскагоо уѣздовъ безплатныхъ паспортовъ; входило къ екатеринославскому губернатору съ просьбою, чтобъ онъ предложилъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ обращаться для найма рабочихъ на лѣто въ селенія Суражскаго и Мглинскаго уѣздовъ; наконецъ, тоже самое земство постаралось доставить бѣдствующимъ крестьянамъ работу на строющейся Ландваро-роменской желѣзной дорогѣ. Всѣ эти мѣры имѣютъ характеръ мѣръ предупредительныхъ и обезпечиваютъ для крестьянъ нѣсколько десятковъ рублей, главнымъ образомъ для уплаты податей и повинностей; самое-же положеніе крестьянскихъ хозяйствъ отъ этого едва-ли можетъ улучшиться. Понимая это, земство предложило крестьянамъ воспользоваться ссудою изъ продовольственнаго капитала, отпущеннаго на этотъ предметъ собраніемъ. Но крестьяне, *не желая обременять себя новыми долгами*, отъ полученія означенной ссуды отказались, а предпочли воспользоваться слѣдующею мѣрою: земство закупило 30,000 пудовъ зерноваго хлѣба и стало продавать его крестьянаиъ для прокормленія и для посѣва по тѣмъ самымъ цѣнамъ, по которымъ онъ былъ купленъ. Отъ такого предпріятія получился двойной выигрышъ: во 1-хъ, оно лишено характера благотворенія, котораго такъ избѣгали крестьяне, а во 2-хъ существующія на мѣстѣ цѣны на хлѣбъ отъ такой мѣры неминуемо должны понизиться. При этомъ, конечно, поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы хлѣбъ выдавался и заимообразно, если у крестьянъ не хватитъ средствъ для пріобрѣтенія его покупкою.

Обезпечивъ нуждающихся крестьянъ заработками, земству, пожалуй, придется еще обезпечить для нихъ и самую заработную плату. Въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, постоянно нуждающихся въ рабочихъ рукахъ, совершается такое явленіе: на городскихъ базарахъ появился особый родъ кулаковъ-промышленниковъ, которые нанимаютъ по контрактамъ сотни рабочихъ, преимущественно изъ пришельцевъ, и потомъ передаютъ ихъ земледѣльцамъ, разумѣется, съ хорошимъ барышомъ для себя. Это имъ удается какъ нельзя лучше, потому-что рабочіе, пришедшіе на заработки за сотни верстъ и въ конецъ прохарчившіеся дорогою, рады-радехоньки первому встрѣтившемуся имъ нанимателю, который тутъ-же совершаетъ съ ними контрактъ и вручаетъ задатокъ. Но отъ такой поспѣшности рабочіе остаются въ проигрышѣ, такъ-такъ спекуляторы нанимаютъ ихъ по цѣнамъ, гораздо низшимъ противъ существующихъ. Не выигрываютъ, разумѣется, и землевладѣльцы, которымъ приходится платить за рабочихъ чуть не въ три-дорога. Вотъ почему, коммиссія при Обществѣ сельскаго хозяйства южной Россіи обратила вниманіе на это зло—и въ докладѣ своемъ собранію, какъ сообщаютъ «Соврем. Извѣстія», предложила испросить распоряженіе правительства, чтобы нотаріусы. полицейскія управленія, волости и другія учрежденія принимали къ засвидѣтельствованію условія найма со стороны тѣхъ только нанимателей, которые дѣйствительно нуждаются въ рабочихъ и нанимаютъ ихъ непосредственно для себя. Въ контракты должно быть включено непремѣнное условіе, что наниматель не имѣетъ права передавать своихъ рабочихъ другому лицу, кромѣ случаевъ чрезвычайныхъ, какъ-то: неурожаевъ, выбитія хлѣба градомъ и т. под. Очевидно, спекуляція проникла даже въ область личнаго труда, который ставится на одну доску съ дровами и хлѣбомъ! Обращаясь къ мглинскимъ и суражскимъ крестьянамъ, отправившимся на заработки въ южныя наши губерніи, можно опасаться, чтобъ и они не попали спекуляціи базарныхъ кулаковъ, которымъ такіе обнищавшіе рабочіе какъ нельзя болѣе на-руку. Вотъ почему черниговскому земству, проявившему въ этомъ случаѣ столько непритворной и энергической заботливости, слѣдуетъ принять на себя дальнѣйшее посредничество по законтрактованію рабочихъ въ Екатеринославскую и другія губерніи, чтобы тѣмъ избавить ихъ отъ эксплуатаціи со стороны кулаковъ.

Не вездѣ, однако, земство оказывается столь предупредительнымъ и заботливымъ: въ Верейскомъ уѣздѣ Московской губерніи, напримѣръ, случилась исторія, подобная вышеприведенной, съ тою только разницей, что размѣры ея были нѣсколько скромнѣе. Верейское земство, какъ сообщаютъ въ «Русскій Міръ», отнеслось въ Московскую губернскую управу съ просьбою отпустить какъ можно скорѣе сумму, необходимую для выдачи ссудъ нуждающемуся населенію, при чемъ указывалось, что въ зимнее время, особенно въ ноябрѣ и декабрѣ, можно купить хлѣбъ гораздо дешевле, чѣмъ весною. Но губ. управа отвѣтила, что не видитъ основаній (!), почему бы весною хлѣбъ былъ дороже чѣмъ осенью или въ началѣ зимы... Лишь во второй половинѣ марта губ. управа открыла на этотъ предметъ кредитъ въ 10 тыс. рублей, но въ это время дороги уже испортились и подвозъ хлѣба оказался невозможнымъ.

Но ни одной губерніи не приходится такъ плохо, какъ Смоленской. Извѣстно, что несчастная губернія эта, даже въ урожайные годы, не производитъ хлѣба въ достаточномъ количествѣ для собственнаго продовольствія. Смоленскій крестьянинъ давно убѣдился, что прокормиться собственными средствами, получаемыми съ земли, ему нѣтъ никакой возможности, а потому онъ издавна существуетъ заработками на сторонѣ, да пособіями со стороны земства и правительства. Та-же газета сообщаетъ, что неурожай 1871 года такъ великъ, что ассигнованная уже правительствомъ ссуда въ 400,000 рублей оказывается далеко недостаточной, а потому земство ходатайствуетъ объ отпускѣ болѣе значительной суммы. Во многихъ мѣстахъ остались незасѣянными озимыя поля; запасовъ сѣмянъ почти нигдѣ нѣтъ; большая часть хлѣбныхъ магазиновъ пусты, такъ-что бѣдствіе въ губерніи большое и послѣдствія его весьма грустныя.

Въ послѣднее время, въ разныхъ частяхъ нашего отечества, было нѣсколько трагическихъ случаевъ, изъ которыхъ выбираемъ слѣдующее:

— Въ газ. «Русскій Міръ» пишутъ, что въ ночь съ 14 на 15 апрѣля, на станціи елецкой желѣзной дороги, случилось слѣдующее несчастіе: Въ числѣ пассажировъ, дожидавшихся поѣзда елецкой желѣзной дороги, находилась и воспитанница одного изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, дочь одного изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ елецкаго уѣзда, очень хорошенькая, молоденькая 18-тилѣтняя дѣвушка г-жа Ор—кая, ѣхавшая вмѣстѣ съ своею подругою на время праздниковъ къ своимъ роднымъ въ отпускъ. Г-жа Ор—кая везла своему отцу большую лягавую собаку. Въ 12 ч. ночи, дѣвушка вышла изъ воксала погулять на платформѣ, причемъ взяла и собаку, которая была привязана на цѣпь. Испугавшись свистковъ паровоза, собака вырвалась изъ рукъ своей хозяйки и бросилась на рельсы.

Не желая видѣть погибель своей любимицы, г-жа Ор—кая спрыгнула и сама за ней на рельсы и стала ловить собаку, которая спряталась подъ вагоны, стоявшія на 2 пути; но какъ собака не давалась, то молодая дѣвушка влѣзла подъ тормазъ товарнаго вагона, и, поймавъ собаку, готова уже была подняться на платформу, но въ это самое мгновеніе паровозъ толкнулъ вагоны назадъ и несчастная дѣвушка *осталась подъ ними*. Колесомъ вагона ей перерѣзало ногу въ составѣ таза, причемъ бывшій на ея собакѣ ошейникъ врѣзался въ полость живота; другую ногу ей оцарапало до кости, содравъ все тѣло. За неимѣніемъ врача, былъ тотчасъ же приглашенъ желѣзно-дорожный фельдшеръ, который тутъ-же оказалъ, насколько умѣлъ, ей помощь, а затѣмъ она на кровати была отнесена въ ближайшую больницу. Дано было телеграммою знать въ городъ, гдѣ у бѣдняжки были дядя и тетка, и они встрѣтили свою племянницу у входа въ городъ, около московскихъ воротъ, — встрѣтили затѣмъ чтобы принять послѣдній ея вздохъ. Ор—кая умерла на дорогѣ чрезъ 38 м. послѣ катастрофы. Все это время она была въ полной памяти».

— Въ Петербургѣ, въ страстную субботу, 15 апрѣля, въ часъ пополудни, къ пристани мраморнаго дворца, подошелъ молодой человѣкъ прилично одѣтый и, обратившись къ одному изъ перевозчиковъ, попросилъ дать ему въ распоряженіе яликъ на 20 минутъ. Для полнаго спокойствія перевозчика, молодой человѣкъ снялъ съ себя драповое, коричневое пальто, часы, шляпу и перчатки—и все это оставилъ ему въ видѣ залога. Не успѣлъ юноша отплыть 6-ти саженъ отъ берега, какъ вдругъ кинулся изъ лодки въ воду и уже болѣе на ея поверхности не показывался. Всѣ принятыя мѣры къ отысканію утопленника оказались тщетными. Въ оставленномъ пальто найдена записка слѣдующаго содержанія: «я застрѣлился самъ — этому никто не виноватъ. Гиллартовскій» и денегъ 51 р. 35 к., а въ бывшемъ, въ карманѣ же, паспортѣ значится: Викторъ Гиллартовскій—ученикъ училища путей сообщенія. Очевидно, что несчастный юноша первоначально намѣревался застрѣлиться, но проходя мимо перевоза, внезапно измѣнилъ свое намѣреніе. Причиною самоубійства, говорятъ, была безнадежная любовь.

Въ Харьковѣ, по словамъ газетъ, въ первые дни Пасхи, произошли серіозные безпорядки, о которыхъ сообщимъ по полученіи офиціальныхъ свѣдѣній. Небольшая драка была и въ Одессѣ.

Политическое обозрѣніе.

Возстаніе карлистовъ въ Испаніи принимаетъ для короля Амедея угрожающій характеръ. Оказывается, что Донъ-Карлосъ имѣетъ въ этой странѣ больше приверженцевъ, чѣмъ можно было ожидать. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ присоединился къ своей арміи и принялъ надъ нею начальство. Первая карлистская прокламація, написанная отъ имени генерала Діаца-де-Рада, называетъ Донъ-Карлоса августѣйшимъ монархомъ, котораго призываютъ испанцы какъ своего законнаго короля. Прокламація дышетъ ненавистью къ иноземцу (такъ называютъ карлисты короля Амедея за его итальянское происхожденіе) и взываетъ къ храбрости и патріотизму (!) наварцевъ и жителей баскскихъ провинцій. Невѣжественные испанцы, поддерживаемые еще болѣе невѣжественнымъ духовенствомъ, поддаются этимъ воззваніямъ, воображая, что и въ самомъ дѣлѣ возстаютъ на защиту отечества, вѣры и національности. Несчастные не понимаютъ, какое зло принесло имъ правленіе лицъ, дѣйствіями которыхъ постоянно руководило духовенство, которые были настолько близоруки, что не замѣчали общаго недовольства и обѣдненія,—которые, наконецъ, преданія старины и свои личные предразсудки ставили выше интересовъ родины и справедливости. Страшно подумать, что будетъ съ Испаніей, если ей придется попасть въ руки «католическаго короля Донъ-Карлоса VII-го!». Король Амедей, однако, не падаетъ духомъ и смотритъ прямо въ глаза опасности. Съ свойственной своей фамиліи откровенностью, онъ прямо заявляетъ въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи кортесовъ (собраніе представителей страны), что никогда не станетъ себя навязывать испанцамъ, которые могутъ и отказать ему, если захотятъ; но что, съ другой стороны, онъ не допуститъ до того, чтобы его упрекали въ слабости, податливости и бездѣйствіи, а потому будетъ неумолимо строгъ ко всѣмъ нарушителямъ общественнаго спокойствія. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе испанскаго правительства таково, что для собственнаго спасенія ему приходится заискивать даже у партіи, ему совершенно враждебной — у республиканцевъ. Эти послѣдніе, хотя и обѣщаютъ свое содѣйствіе правительству, но не прочь воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы провозгласить республику; правительству, слѣдовательно, необходимо держать себя очень осторожно, чтобы какимъ-нибудь необдуманнымъ шагомъ не раздражить ихъ окончательно. Республиканцы же, очень хорошо понимая, что изъ двухъ золъ надо выбирать лучшее,—единодушно стали на сторону правительства противъ ненавистнаго имъ господства клерикаловъ, предводительствуемыхъ «католическимъ королемъ Донъ-Карлосомъ». Духовенство испанское для своей политической проповѣди нашло благодарную почву въ сердцахъ испанскихъ женщинъ и, пользуясь временемъ поста и говѣніемъ для сообщенія имъ плана дѣйствій, такъ настроило ихъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ осыпаютъ градомъ камней тѣхъ, кто отказывается отъ участія въ карлистскомъ возстаніи. Французскія власти, въ виду движенія повстанцевъ къ французской границѣ, распорядились стянуть свои войска къ этимъ пунктамъ.

Не мало интереса заключали въ себѣ пренія во французскомъ Національномъ Собраніи по поводу проекта о государственномъ совѣтѣ. Самымъ чувствительнымъ мѣстомъ этого проекта былъ вопросъ о томъ, кѣмъ именно должны быть назначаемы члены государственнаго совѣта: президентомъ республики или же Національнымъ Собраніемъ? Голоса въ собраніи раздѣлились самымъ замѣчательнымъ образомъ: большинство, состоящее изъ монархистовъ и противниковъ Тьера, чувствуя свою силу, было того мнѣнія, что членовъ государственнаго совѣта должно назначать Національное Собраніе; республиканцы же и друзья Тьера, очень хорошо понимая, что предоставить назначеніе членовъ государственнаго совѣта Національному собранію—значитъ подчинить дѣйствія этихъ членовъ вліянію враждебнаго дѣлу республики большинства,—стояло на томъ, чтобы право это было предоставлено президенту. Конечно въ другое время—при иныхъ обстоятельствахъ и при другомъ президентѣ—эти же самые республиканцы охотно помѣнялись бы ролями съ своими противниками. Но теперь, въ виду честнаго образа дѣйствій со стороны Тьера, нѣтъ причины не довѣрять его выбору. И вотъ они подаютъ голоса за менѣе республиканскую мѣру, тогда какъ ихъ противники какъ будто перещеголяли ихъ въ либерализмѣ. Дѣло однако кончилось не въ пользу Тьера и его друзей, потому что большинство, хотя и незначительное, оказалось на сторонѣ монархистовъ, вслѣдствіе чего члены государственнаго совѣта будутъ назначаться Національнымъ собраніемъ.

Въ Англію доходятъ успокоительные слухи о томъ, что правительство Сѣверо-американскихъ Штатовъ отказывается отъ требованій своихъ за косвенные убытки, причиненные Англией во время междоусобной войны въ Америкѣ (См. № 17 «Нивы»).

Смѣсь.

Картина германскаго рейхстага. Германскій рейхстагъ бываетъ зачастую весьма безпокойнымъ и нетерпѣливымъ собраніемъ. Когда же на трибуну появляется скучный, болтливый или вообще нелюбимый ораторъ, тогда члены безпощадно забываютъ всякія приличія. Вотъ какъ передаетъ свои впечатлѣнія о рейхстагѣ корреспондентъ одной вѣнской газеты: «Необузданное собраніе это умѣетъ иногда вести себя и очень скромно. «Слово за государственнымъ канцлеромъ!» говоритъ своимъ металлическимъ голосомъ президентъ Симсонъ,—и въ залѣ, за безпорядочнымъ, шумнымъ говоромъ, вдругъ воцаряется мертвая тишина; депутаты изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ пробираются къ своимъ мѣстамъ. Становится такъ тихо, такъ торжественно, что, кажется, призвали-бы къ порядку жужжащаго комара. На приглашеніе президента, Бисмаркъ быстро поднимается съ своего мѣста и вытягивается во весь свой ростъ; человѣкъ, въ рукахъ котораго находятся интересы объединенной нѣмецкой націи, не могъ въ эту минуту подавить въ себѣ нѣкотораго смущенія. Канцлеръ немного поблѣднѣлъ и, по видимому, съ трудомъ удерживаетъ знакомый всѣмъ кашель замѣшательства, между тѣмъ какъ два пальца правой руки разглаживаютъ красивые усы — жестъ, свойственный этому великому политику. Замѣшательство это совершенно естественно, — онъ долженъ сообщить собранію важныя извѣстія. Дѣло идетъ о франкфуртскихъ переговорахъ, объ окончательномъ рѣшеніи мирнаго договора. Рѣчь его безцвѣтна и монотонна; лицо и голосъ остаются совершенно неподвижными и неизмѣнными и только пальцы судорожно движутся; они то играютъ свѣтлыми пуговицами мундира, то перебираютъ разбросанныя по столу бумаги; вотъ попалась имъ длинная, блестящая полоска стали и завертѣлась сталь съ безпокойной торопливостью, блеститъ и сверкаетъ такъ ярко и заманчиво, что такъ вотъ и пошелъ бы опять на войну. Такимъ бы нужно вылить изъ бронзы этого непоборимаго дипломата — со сталью въ рукѣ вмѣсто пера!... Но — о проза жизни! — сталь вдругъ раздвояется и мой символъ желѣзной политики оказывается—громадными ножницами, которыя Бисмаркъ открываетъ и закрываетъ во время своей рѣчи.

Жители Берлина утверждаютъ, что Бисмаркъ плохой ораторъ—и если его подводить подъ обычную ораторскую мѣрку, то они, пожалуй, будутъ и правы; но человѣка, опытнаго въ дѣлахъ парламентскаго краснорѣчія, поразитъ простая, отчетливая рѣчь Бисмарка и мелодичной покажется даже самая ея монотонность. Голосъ его мягокъ и не силенъ, но изложеніе поразительно ясно. По временамъ потокъ рѣчи прерывается чѣмъ-то въ родѣ «икоты», которую берлинцы и приводятъ въ доказательство его неумѣнья говорить. По моему мнѣнію, напротивъ, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ разглаживаніемъ усовъ, она служитъ скорѣе искуственной остановкой, знакамъ отдѣленія мысли, приготовляющимъ къ чему-то неожиданному, или усиливающимъ значеніе мѣтко-направленнаго удара. Нужно слышать Бисмарка, когда онъ говоритъ, напр. о существующемъ во Франціи правительствѣ и съ «икотой» прибавляетъ: «или будущее»; нужно слышать, какъ онъ, указывая на сосѣднія съ Франціей мѣстности, икая, произноситъ: «напримѣръ, Монакко!» На это заиканье, икоту—называйте ее какъ хотите,—я смотрю какъ на тонкую ораторскую ухватку, впрочемъ единственную, которую позволяетъ себѣ государственный канцлеръ. Въ общемъ, рѣчь его однообразна, какъ горизонтальная линія,—и каждое слово ея идетъ прямо къ цѣли. Это или удары молота, загоняющіе гвоздь по самую шляпку, или — острыя стрѣлы, глубоко вонзающіяся въ цѣль.

Я никогда не былъ поклонникомъ великихъ міра сего, но признаюсь, когда Бисмаркъ безъ малѣйшей аффектаціи произнесъ простыя слова: «Милостивыя государи, миръ заключенъ и мы можемъ сказать, что достигли возможнаго», мною овладѣло непреодолимое чувство глубокаго уваженія,—и голосъ мой едва не слился съ короткимъ «браво», раздавшимся, хотя и въ полголоса, но съ такой строгой созвучностью и единодушіемъ, которыя сдѣлали бы честь лучшему капельмейстеру. Я далъ полную свободу своимъ мыслямъ и воспоминаніемъ, которыя перенесли меня къ берегамъ Сены, въ парламентъ умиравшей имперіи. Вспомнились мнѣ бурныя засѣданія 15 іюля 1870 года, изрыгнувшія въ міръ преступное объявленіе войны. Я видѣлъ бушующихъ, обезумѣвшихъ и опьяненныхъ славой мамелюковъ, видѣлъ самаго маститаго Тьера, какъ онъ всходилъ на трибуну для заклинанія духовъ, имъ же самимъ вызванныхъ. И, наконецъ, переходя отъ воспоминаній къ дѣйствительности, я взглянулъ на собраніе представителей германскаго народа, которые сидѣли такъ чинно и скромно и такъ покойно выслушивали разсказъ о томъ, какъ величайшее политическое событіе настоящаго времени пришло къ желанному концу. Да, невозможно передать чувствъ, овладѣвающихъ нами въ такіе великіе историческіе моменты.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 28 Апрѣля 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. И. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 8 мая 1872 года.

Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ ›	5 › — ›	Съ доставкою въ ›	2 › 50 ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 › —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Семья вольнодумцевъ.

Романъ Екатерининскаго времени.

П. П—ва и В. Клюшникова.

(Окончаніе).

Эпилогъ.

Прошла зима—постоялецъ Мароинъ далъ себя знать по всему Заволжью. Онъ уже не искалъ ночлеговъ, скитаясь бездомнымъ странникомъ. Глухая молва, неуловимыми струями пробираясь въ народѣ, всюду несла дивную вѣсть, якобы императоръ Петръ Ѳеодоровичъ живъ и явился на Яикѣ вѣрному своему казачеству, что у него силы несмѣтныя и идетъ онъ забирать царство подъ свою руку, а крѣпости сами отворяютъ ему ворота, царицынымъ же войскамъ неудача за неудачей, да и тѣ передаются батюшкѣ. Заволновались раскольничьи скиты на Иргизѣ, поднялись киргизы съ башкирами, а крѣпостная вольница да заводская голь безчинствовали, не видя надъ собой уёма. Извѣстія объ успѣхахъ чуть не сказочныхъ какой нибудь ватаги—мутили умы простаго народа въ самой Москвѣ, не только за Окой въ мирныхъ до того тульскихъ краяхъ. Крѣпостное населеніе отъ этой грозы ожидало себѣ благодати, возлагая всѣ надежды свои на приходъ батюшки Петра Ѳеодоровича, глухо волновалось и поджидало его. Помѣщики теряли голову и робко заискивали въ зависящихъ отъ нихъ крестьянахъ. Угрозы приближающейся бурей, со стороны подвластнаго народа своимъ повелителямъ, входили даже въ обычай, ни въ комъ не возбуждая сомнѣнія въ законности такого порядка вещей. Конечно, дерзость крестьянъ и дворовыхъ усиливалась, когда въ барскомъ домѣ были женщины.

Докатилась молва и до Глазова. Переселясь туда въ чумное время, чета Баженовыхъ, по сожженіи московскаго дома разъяренною черныю, должна была провести цѣлыхъ двѣ зимы, а на третью дѣла потребовали Баженова въ Москву, и онъ поѣхалъ оставивъ въ усадьбѣ молодую жену съ тещей. Аграфена Александровна, за три счастливые года супружества, окончательно выровнялась и развилась въ прелестную молодую женщину. До сихъ поръ, ихъ привольная жизнь и тихое семейное счастіе ничѣмъ не нарушались,—но полное счастье рѣдко бываетъ продолжительнымъ — и вотъ съ отъѣздомъ Баженова явилось первая невзгода въ лицѣ бывшаго опекуна. Буйный Галдилинъ, не показывавшійся при хозяинѣ, неожиданно наѣхалъ съ угрозами; Баженова не пустила его къ себѣ на глаза, приказавъ старостѣ выпроводить его съ безчестьемъ — и на угрозы отвѣчать угрозой. Взбѣшенный Галдилинъ поклялся, что

онъ дастъ себя знать. Прошло недѣли три, объ немъ почти забыли, какъ вдругъ однажды старуха Красухина, выѣхавъ на молодьбу, тотчасъ же воротилась домой и не совсѣмъ спокойно передала слышанное отъ знакомаго мужика, будто-бы Галдилинъ въ самомъ дѣлѣ направилъ путь къ главному притону возмущенія и даже будто бы передался мятежникамъ, прося у нихъ защиты въ мнимой несправедливости;—что его тамъ, будто бы, произвели въ полковники и дали слово явиться въ Глазово погостить и ввести во владѣніе чѣмъ онъ только пожелаетъ.

Такое извѣстіе, въ справедливости котораго мужикъ божился, не могло не всполошить помѣщицъ. Подобные примѣры расправы по жалобамъ — были въ порядкѣ вещей. Новость эта не могла не дѣйствовать и на простой народъ, въ особенности когда у бывшаго опекуна оказался на селѣ вліятельный благопріятель. Прослышавъ о похожденіяхъ своего бывшаго покровителя, попъ Матвѣй сталъ собирать къ себѣ мужиковъ, и предлагалъ имъ, заранѣе, въ угодность батюшкѣ, какъ онъ называлъ губителя заволжскаго дворянства, раздѣлаться съ помѣщицами самимъ, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Сперва онъ будто бы шутя попробовалъ почву, а потомъ неоставлялъ при всякомъ случаѣ поучать темную свою паству, къ несчастію производя впечатлѣніе и поселяя въ отуманенныхъ головахъ—простыхъ, хотя и добрыхъ людей—не одни уже сомнѣнія, а почти увѣренность.

Положеніе Груши съ матерью стало небезопасно.

Въ одно утро, только что встали въ Глазовскомъ помѣщичьемъ домѣ, какъ толпа всѣхъ сельскихъ обывателей съ чадами привалила къ крыльцу, требуя, чтобъ явилась къ нимъ барынька. Та не долго заставила ихъ ждать—и съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица вышла на крыльцо.

— Что вамъ нужно, голубчики? не безъ внутренняго волненія спросила ихъ Аграфена Александровна Баженова, остановясь на послѣдней ступенькѣ и обводя испытующимъ взглядомъ толпу.

— Да мы къ милости твоей! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Что же вамъ требуется? сдержанно проговорила Баженова.

— Да то-есть примѣрно сказать, ничего! почесывая въ затылкѣ отвѣтилъ Ѳома, живавшій обыкновенно въ пастухахъ, мужичина росту громаднаго, недавно еще бывшій тише воды, ниже травы, — мы теперича тебя... осмѣлюсь доложить... опушшаемъ...

— Что?

— Да чтобы ты, барынька, оставила, значитъ, намъ... на всю нашу волю все какъ есть; а мы-ста тебя дѣлать неча... опушшаемъ... какъ слѣдуетъ, можешь хоша сегодня къ сожителю значитъ отъѣхать... Забирай, ужь что съ тобой дѣлать, и божье милосердіе, а коровушекъ и лошадушекъ намъ ужь предоставь... потому пора ужь и намъ поисправиться.

— Что это онъ баетъ, добрые люди, пьянъ онъ чтоль? все еще съ улыбкой обратилась Аграфена Александровна къ прочимъ, хотя и очень хорошо поняла, куда вѣтеръ дуетъ.

— Никакъ нѣтути, это онъ значитъ, объявлятъ какъ міръ рѣшилъ, тряся рыжей бородой счелъ за нужное поддержать Ѳому одинъ изъ бобылей.

— Какой міръ? да насчетъ чего? спрашивала Баженова, сдвигая бровки.

— Да ужь матушка не изволь сумлѣваться — потому долго ждали, а теперь наше время пришло...

— Развѣ вы мной недовольны?

— Нѣтъ, очення довольны, а потому значитъ опущаемъ съ честью, со славой, загуторили бабы.

— Да съ чего это вы, ребята, и вы, бабы? вы словно помѣшались? Кто это васъ настроилъ такой вздоръ городить?

— Какой матушка вздоръ, всякому до себя приходитъ! послушь-ко вонъ, какъ въ Саратовской-то сторонѣ расправляются съ господами... Да и батюшка говоритъ... отецъ Матвѣй, дай ему Богъ здоровья...

— А такъ это онъ!.. А гдѣ староста?.. круто спросила Баженова, возвысивъ голосъ.

— Пётра-то чтоль? Онъ значитъ у васъ былъ старостой, а мы его значитъ ссадили, потому онъ намъ не гожъ... Мы теперь сами на своей волѣ... И батюшка говоритъ: не плошайте ребята — идетъ царь-государь свое забирать — и вы значитъ свое забирайте...

— Какой это царь-государь — Пугачь-отъ чтоль? Емелька?

— Какъ можно батюшку такъ срамить? Емелькой-то его кто обзываетъ — наши вороги... А люди-то не то говорятъ, послухай-ко! А мы те, Аграфена Александровна, ты у насъ барынька хорошая, мы-те и въ дорогѣ оборонимъ, коли угодно...

— Да нечего оборонять, я никуда не поѣду, смѣло перебила Баженова, — а мужу я ужь написала, вотъ ужо приведетъ роту другую солдатъ, такъ и попъ Матвѣй языкъ прикуситъ... Подумайте объ этомъ, да въ обманъ не давайтесь; а Емельку на выручку не ждите, его ужь тамъ разбили; говорятъ вамъ, онъ воръ и самозванецъ, а не государь...

Сказавъ это, она повернулась и пошла въ домъ. Толпа постояла, погудѣла какъ обезматоченный улей, и повалила къ попову двору. Матвѣй долго отсиживался, наконецъ вышелъ недовольный, угрюмый. До него ужь дошли слухи о томъ, что было на барскомъ дворѣ.

— Чего пришли! сердито окликнулъ онъ своихъ прихожанъ.

— Да пришли твоей святости поклониться. Аграфена-тъ Александровна не то говоритъ, а говоритъ намъ всѣмъ бѣда будетъ, а тебѣ первому за наученье...

Попъ перетрусился.

— Ахъ вы, разбойнички! накинулся онъ на крестьянъ, — да что вы это затѣяли супротивъ помѣщицы... бунтовать!.. Да какъ же вы смѣли къ ней явиться-то?

— Ну вотъ-те и разъ! сказалъ Ѳома, — вишь у тебя батька вечоръ одни рѣчи, а на утро другіе...

— Ослы, да вѣдь я говорилъ, когда батюшка придетъ — ну самъ и разсудитъ; а коли нѣтъ его — неча и говорить! вывернулся отецъ Матвѣй.

— Экій криводушникъ! раздались голоса въ толпѣ.— Самъ сомутилъ насъ, а теперь и на попятный... иди-иди, добро! безстыжіе глаза!

Толпа, ругаясь, разошлась по домамъ. На счастье благое расположеніе обывателей не имѣло возможности перемѣниться. На другой день къ вечеру неожиданно прикатилъ Василій Иванычъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и капральства какого-то изъ гарнизонныхъ полковъ.

Гроза временно миновала, но вѣсти Баженовъ изъ Москвы привезъ неутѣшительныя. Даже въ отдаленной Невской столицѣ озабочены были успѣхами самозванца, передъ которымъ падали, такія большія крѣпости какъ

Озерная и Татищева, взятая и разграбленная послѣ упорнаго сопротивленія. Государыня еще старалась придать шутливый оттѣнокъ извѣстіямъ о маркизѣ де Пугачевѣ, сообщаемымъ ею за границу чрезъ Вольтера и другихъ корреспондентовъ, — но уже принимала рѣшительныя мѣры къ обузданію мятежа.

Бибиковъ, посланный противъ Пугачева съ значительнымъ войскомъ, организовалъ въ Казани еще ополченіе изъ мѣстнаго дворянства; генералъ-майоръ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ стоялъ съ своимъ отрядомъ близь Оренбурга; отовсюду прибывали свѣжія войска. Но тѣмъ не менѣе, успѣхъ все еще оставался сомнительнымъ, а волненія въ крѣпостномъ населеніи становились день ото дня сильнѣе и необузданнѣе. Помѣщики гурьбами переселялись въ Москву. Оставаться долѣе въ Глазовѣ становилось опасно — и Баженовы послѣдовали примѣру прочихъ.

Въ Москвѣ Баженовы нашли много перемѣнъ за послѣдніе два три года. Коммисія новаго уложенія, которой такъ увлекся на первыхъ порахъ Василій Никитичъ Коржавинъ, съ восторгомъ перечитывавшій наказъ императрицы,—скоро показала, какъ мало подготовлены всѣ сословія для такихъ коренныхъ преобразованій; отдѣльныя депутатскія коммиссіи переведены были въ Петербургъ, и работали еще надъ частными вопросами, но древняя столица погрузилась въ обычный застой, а вскорѣ наступили тяжкія годины турецкой войны, моровой язвы, мятежа московской черни и затѣмъ и Пугачевщины; государынѣ было не до преобразованій. Въ самой внутренней политикѣ чувствовалось наступленіе переворота. Григорій Григорьевичъ Орловъ, до сихъ поръ бывшій душой всѣхъ начинаній, сталъ терять свое значеніе. Новое свѣтило, въ лицѣ Потемкина, всходило надъ Россіей знаменіемъ другой эпохи. Баженовъ, теряя своего покровителя, замкнулся въ скромной домашней жизни въ Москвѣ, и, всегда наклонный къ созерцательности, отдался начинавшему распространяться франкмасонству. У Баженовыхъ постоянно гостилъ неугомонный Ѳедоръ, изъ бывшаго соперника ставшій другомъ дома, и почти все время проводилъ въ мистическихъ бесѣдахъ съ мартинистами.

Василій Никитичъ, лишась доброй Анны Исаевны, во время чумы, тяжелѣе чувствовалъ это одиночество. Разочарованный неудачею въ коммисіи, отъ которой ждалъ такъ много, онъ видимо старѣлъ, хилѣлъ и начиналъ искать утѣшенія въ религіозности, конечно не впадая въ суевѣріе, которому такъ способны предаваться люди слабохарактерные и тупѣющіе. Даже къ мартинистамъ относился онъ скептически. Въ рѣдкіе пріѣзды къ отцу, заводилъ съ нимъ разговоръ о мартинистахъ Ѳедоръ, бросившійся въ эту крайность изъ подражанія Баженову, въ домѣ котораго нечувствительно всасывалъ онъ модныя вѣрованія, привязываясь къ нимъ далеко не такъ искренно какъ хозяева. Онъ просто игралъ въ мартинизмъ. Отецъ, раза два подмѣтивъ такую сторону, больше не спорилъ и видимо удалялся, такъ что холодность между ними усилилась. Василій Никитичъ чаще и чаще размышлялъ о ничтожествѣ человѣка и всего земнаго. «Пока живется, говаривалъ онъ Баженову,—мечтаешь о себѣ много. А какъ начнутъ пилить со всѣхъ сторонъ, такъ едва-едва найдется силы, чтобъ выносить все это. А тутъ недуги, старость, раздражительность—и невольно идешь на перекоръ всему, за что когда либо ратовалъ.

При первыхъ слухахъ о самозванцѣ и волненіяхъ въ крѣпостномъ сословіи, Коржавинъ еще разъ оживился было до чего-то въ родѣ вспышки...

— Вотъ оно! горестно воскликнулъ онъ, придя къ Баженову,—кабы дворяне съ господиномъ Сумароковымъ и другими прочими тогда не возстали противъ освобожденія крестьянъ — ничего бы этого не было... А впрочемъ, судьбы Божіи неисповѣдимы! прибавилъ онъ, понуривъ сѣдую голову.

Но неумолимая личная судьба готовила ему новый ударъ, какъ-бы предназначенный для того, чтобы окончательно сломить желѣзную натуру богатыря, до конца стоявшаго на почвѣ законности въ самомъ своемъ свободомысліи.

Неожиданное горе обрушилось на всю семью Коржавиныхъ и навсегда разъединило ея членовъ—во многомъ, какъ въ добрѣ такъ и въ злѣ, опережавшихъ свой вѣкъ. Изъ Петербурга пришло письмо, въ которомъ Ерофей, горько плачась на судьбу, увѣдомлялъ, о потерѣ единственнаго своего счастья — жены, которая умерла отъ ужаса, когда его, самаго Ерофея, схватили и посадили въ укромное мѣсто для допросовъ—и вся бѣда эта разразилась надъ бѣднякомъ, по случаю участія сестры въ пугачевщинѣ. Пока Ерофея, опредѣленнаго на службу ея ходатайствомъ, выпытывали да выспрашивали, онъ лишился мѣста, а воротясь домой, не могъ даже найдти могилы жениной.

Читая эти строки, Василій Никитичъ глазамъ не вѣрилъ. Какъ! Марѳа, его сестра, взята подъ стражу на улицахъ осожденнаго Оренбурга за возмутительные подговоры, и на допросѣ выдала себя, а черезъ то и брата и всю семью. Потрясенный до глубины души, старикъ заперся въ своей одинокой свѣтелкѣ, стоналъ, рыдалъ и въ отчаяніи бился головой объ стѣны, никому не видимый, подъ наплывомъ овладѣвшаго имъ отчаянія.

— Родные — враги наши! повторялъ онъ. Но плача принимался за укоризны самому себѣ: «Да ты-то что за праведникъ! какъ будто и правъ, что оборвалъ такъ беззащитную! А она теперь, быть можетъ въ нуждѣ, въ горѣ томится въ сырой тюрьмѣ... Боже, Господи, буди воля Твоя! видно наступила пора разсчетовъ за вольныя и невольныя. И опять тутъ сырьборъ загорѣлся отъ этой же злосчастной Марѳы!...» Коржавинъ не имѣлъ силы лично вступить въ сношенія съ Марѳой — онъ послалъ къ сыну, зовя его прибыть скорѣе. Но Ѳедоръ не отозвался. По окольнымъ еще слухамъ объ участіи тетки и захватѣ дядѣ въ Петербургѣ, Ѳедоръ забралъ себѣ въ голову, что и ему грозитъ гибель неминучая.

Обуреваемый противуположными ощущеніями, Ѳедоръ наконецъ прибѣгнулъ къ Баженову и напрямки объявилъ ему рѣшительное намѣреніе покинуть Россію и поселиться навсегда въ Парижѣ.

— Ты подумай, говорилъ онъ другу, — что здѣсь дѣлать людямъ нашего десятка? Вонъ отецъ всю жизнь рвался послужить обществу, вѣдь его и головой и силкой на это Богъ не обидѣлъ, — ну, на чтожь онъ похожъ теперь? истощился дарма. Скажешь, робокъ, дескать придерживался порядку и власти; ну, такъ вотъ тебѣ тетка Марѳа — эта ни передъ какой стѣнкой не задумается, очертя голову кинулась — а что толку?.. Или вонъ, дядя Ерофей, ужь совсѣмъ мокрая курица— такъ ему въ чужомъ пиру голову свернули... Нѣшто и мнѣ того-жь дожидаться? слуга нижайшій — тамъ у насъ во Франціи я еще на что и пригожусь...

— Ужь не знаю, куда ты можешь пригодиться! усмѣхнулся Баженовъ, — да не въ томъ дѣло — а сердце-то развѣ тебѣ ничего не говоритъ? Кинуть старика въ такомъ горѣ — ѣхать невѣсть куда, невѣдомо зачѣмъ?

— Да чѣмъ же я ему здѣсь-то помогу? Выпутается, такъ и безъ меня выпутается, а мнѣ вѣдь не цѣловаться же съ нимъ! чистосердечно отвѣтилъ Ѳедоръ.

Баженовъ только головой покачалъ, видя это неизлѣчимое тупое себялюбіе. Онъ понялъ, что втолковать Ѳедору естественныхъ чувствъ нельзя — напрасный трудъ.

Онъ далъ ему взаймы денегъ и выпроводилъ изъ Москвы съ знакомымъ евреемъ черезъ польскую границу. Спустя недѣлю по отъѣздѣ Ѳедора, Баженовъ навѣдался къ Василію Никитичу — и со всею свойственною ему бережностью и вниманіемъ къ лѣтамъ скорбнаго старика передалъ послѣднюю новость о сынѣ.

Отецъ не вдругъ повѣрилъ этому неожиданному бѣгству — но когда Баженовъ представилъ ему самыя убѣдительныя доказательства этого исчезновенія, старикъ только рукою махнулъ.

— Одинъ народился я на семъ свѣтѣ, одиноко приходится и закрыть глаза, проговорилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Между тѣмъ, виновница всѣхъ бѣдствій, была далеко не въ такомъ безъисходномъ положеніи, какъ думали ея родственники. На переѣздѣ изъ Оренбурга въ Казань, куда отправили закованную Марѳу подъ небольшимъ конвоемъ,—какъ снѣгъ на голову налетѣла шайка Хлопуши, одного изъ главныхъ сподвижниковъ Пугачева. Конвой перерѣзали, Марѳа была освобождена— и вновь потерялась въ разливѣ мятежа.

Изъ начальниковъ арміи Бибикова, всѣхъ отважнѣе былъ молодой генералъ-майоръ Петръ Михайловичъ Голицынъ. Живой, отважный, красавецъ князь сгоралъ отъ нетерпѣнія выступить въ дѣло — и вотъ наконецъ пришло давно желанное порученіе. Ему поручено было заслонить своимъ корпусомъ московскую дорогу, имѣя операціонную линію отъ Казани до Оренбурга. Но еще цѣлыхъ два мѣсяца прошло въ переправѣ черезъ Каму, соединеніяхъ съ полковникомъ Бибиковымъ и Мансуровымъ и переходахъ къ Оренбургу. Солдаты, большею частію старые, были изнеможены и роптали на усталость и лишенія, которымъ подвергались въ жестокую стужу, при степномъ разореньи и безлюдьи, или въ явно-возмущавшихся поселкахъ. А между тѣмъ до Голицына доходили подзадоривающіе слухи объ успѣхахъ его товарищей. Майоръ Муфель съ одной полевой командой разбилъ значительную шайку у Самары; гвардіи поручикъ Державинъ, будущій пѣвецъ Фелицы, съ тремя фузелерными ротами усмирилъ иргизскіе скиты и раскольничьи слободы... Голицынъ проклиналъ степныя дороги, вялость солдатъ — и самъ впереди всѣхъ подавалъ примѣръ соратникамъ.

Однажды позднею ночью, сквозь ревъ бурана посыпалась приглушенная снѣгомъ, частая какъ горохъ, перестрѣлка въ передовомъ отрядѣ. Голицынъ прискакалъ туда, во весь опоръ, въ одномъ мундирѣ, но нашелъ только трупъ майора Елагина, убитаго въ этой сшибкѣ. Солдаты говорили, что въ нападеніи участвовалъ самъ Пугачевъ и что скопища мятежниковъ отступили по направленію къ Новосергіевской крѣпости. Голицынъ разослалъ нѣсколько развѣдочныхъ отрядовъ по окрестности, самъ двинулся къ Переволоцкой и наконецъ соединился съ ними подъ Татищевой, гдѣ по донесеніямъ засѣлъ самозванецъ съ намѣреніемъ упорно защищаться.

Утромъ 22 марта, красавецъ князь, на рослом донскомъ жеребцѣ, выѣхалъ передъ войска, и долго осматривалъ крѣпость въ зрительную трубу, не вѣря глазамъ. Передъ нимъ, вмѣсто ожидаемаго пожарища, послѣ сожженія Татищевой въ прошломъ году, — возвышались бѣлыя какъ снѣгъ валы и бастіоны, сверкавшіе на солнцѣ тысячами алмазныхъ искръ; приглядѣвшись, князь понялъ, что укрѣпленія эти построены дѣйствительно изъ снѣга при содѣйствіи мороза. Яркая бѣлизна ихъ, въ сочетаніи съ темной лазурью чистаго неба, слѣпила глаза.

— Каковъ разбойникъ! обратился Голицынъ къ стоявшему возлѣ него генералу Фрейману:—и гдѣ онъ только нахватался такой мудрости по части фортификаціи?!

Фрейманъ промычалъ что-то, пожимаясь отъ рѣзкаго холода, во главѣ своей колонны; а Голицынъ, снова поднявъ трубу къ глазамъ, устремилъ глаза на крѣпость.

На одномъ изъ возвышеній ея показалась кучка людей, между которыми выдѣлялся чернобородый молодецъ въ красномъ казакинѣ, верхомъ на сѣрой лошади.

Голицынъ отдалъ приказъ выслать небольшой отрядъ для возможной развѣдки, что̀ дѣлается въ крѣпости.

Человѣкъ триста солдатъ тронулись въ обходъ, пользуясь прикрытіемъ снѣжныхъ бугровъ и овраговъ.

Между тѣмъ главныя силы, медленно подвигаясь, подошли на растояніе пушечнаго выстрѣла.

Голицынъ, время отъ времени подносившій трубку къ глазамъ, вдругъ передалъ ее Фрейману, съ которымъ ѣхалъ рядомъ во главѣ колонны гренадеровъ.

— А что вы скажете, вѣдь это самъ своей персоной мошенникъ и есть—въ красномъ-то кафтанѣ? Послать развѣ ему гостинецъ?... Пугнемъ немножко, а?

Фрейманъ флегматически скомандовалъ остановиться—и велѣлъ выдвинуть одно орудіе.

— Съ передка долой! зазвенѣлъ дѣтски-веселый голосъ молодаго офицерика. Степенный усачь озабоченно раздувалъ фитиль, пока юноша спѣшившись подбѣжалъ къ орудію и долго-старательно наводилъ его...

Голицынъ опять осмотрѣлъ въ трубку дальнія укрѣпленія, гдѣ по прежнему гомозилась кучка верховыхъ и пѣшихъ мятежниковъ.

— Господинъ офицеръ! закричалъ князь,—наводите лѣвѣе къ крайнему бастіону...

Онъ продолжалъ еще смотрѣть, когда вслѣдъ за звонкимъ: «пали!» словно домъ рухнулъ и подъ Голицынымъ дрогнула лошадь, въ воздухѣ пахнуло порохомъ, легкій крикъ нѣсколькихъ голосовъ привѣтствовалъ первый выстрѣлъ.

Князь, не отрывая глазъ отъ трубы видѣлъ, какъ всадникъ на сѣрой лошади, поднялъ руку, словно грозя кому-то, и повернувъ назадъ медленной рысцей поѣхалъ вглубь крѣпости.

— Тото же, по щелямъ, по щелямъ, тараканы запечные! проговорилъ Голицынъ, посмѣиваясь и оглядывая лица гренадеровъ, которые держали себя какъ-то степенно-строго, почти сурово.

— Жарко имъ будетъ, ваше сіятельство! поддержалъ адъютантъ князя, горячившій свою вороную лошадь, все еще неуспокоенную послѣ выстрѣла.

— Je crois bien! а пока — diable!—холодновато!.. И князь, кутаясь въ бурку, опять подскакалъ къ Фрейману.

Кучка на валу крѣпости тотчасъ же скрылась, какъ только посланный на развѣдку отрядъ показался изъ-за снѣжныхъ бугровъ холмистой мѣстности. Тихо и медленно подавались впередъ солдаты, сверкая на солнцѣ какъ бы живою щетиной штыковъ. Голицынъ напряженно слѣдилъ за ними въ подзорную трубку, съ минуты на минуты ожидая пальбы съ крѣпости, но вдругъ изъ-за угла бастіона вихремъ вылетѣла конная ватага мятежниковъ и казалось смяла подступавшихъ... все смѣшалось въ одну нестройную кучу.

Князь ахнулъ и обернулся къ полковнику Бибикову, крича ему, чтобъ тотъ отрядилъ въ подмогу своихъ егерей. Но уже два эскадрона конницы, съ саблями наголо, неслись съ другой стороны на перерѣзъ мятежниковъ, а вдоль пологихъ скатовъ съ возвышенностей, четко выдѣляясь на бѣлизнѣ снѣговъ, быстро скользили вразсыпную человѣчки въ зеленыхъ мундирахъ, останавливались и будто ударъ кнута хлопалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. То были бибиковскіе егеря, на лыжахъ бѣжавшіе къ укрѣпленіямъ.

— Ага! заварилась каша! самодовольно потирая руки, покрикивалъ Голицынъ, разъѣзжая порядамъ,—вотъ мы ему вору покажемъ, каково имѣть дѣло съ настоящимъ-то войскомъ! Съ Богомъ, ребята, не унывай! Артиллерія впередъ!

Вязнувшія въ снѣгу лошади тяжело тащили лафеты. Князь самъ, выскакавъ впередъ, указывалъ, гдѣ разставлять орудія, съ восторгомъ привѣтствовалъ первый грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ и захлопалъ въ ладоши, когда бѣлыя стѣны далекой твердыни стали понемногу, словно тая, осыпаться подъ ударами ядеръ.

Вдругъ послышалось быстрое жужжанье, шлепнуло что-то, стоявшій подлѣ Голицына адъютантъ опрокинулся назадъ вмѣстѣ съ лошадью, надъ крѣпостью показались бѣлые дымки и гулъ далекой канонады больно отозвался въ сердце князя... Чаще и чаще бухали свои пушки, гудѣли вражьи — и князь понялъ, что не такъ легко достанется побѣда, какъ онъ это представлялъ себѣ, выскакавъ передъ фронтъ.

Цѣлыхъ три часа длилась пальба съ обѣихъ сторонъ, не умолкая ни на минуту. Выведенный изъ терпѣнія, Голицынъ махнулъ платкомъ Фрейману и въ колоннѣ барабаны треща забили наступленіе. Скоро, въ ту же подзорную трубку, князь увидѣлъ солдатъ, которые съ ожесточеніемъ лѣзли, карабкались на обледенѣлый валъ, скользили, падали, вставали, опять лѣзли, кололи штыками защищавшихъ стѣны, отходили, стрѣляли, снова и гуще толпами взбирались на стѣну...

Крѣпость была взята, самъ Пугачевъ едва пробился и ускакалъ съ 60-ю казаками, оставивъ до 3,000 плѣнныхъ и множество убитыхъ. Это была первая значительная побѣда.

Къ вечеру морозъ началъ крѣпчать—и чтó еще хуже, лицо рѣзала вьюга. Въ крѣпости, защищаемый стѣною обледенѣлаго вала,—на барабанѣ, покрытомъ буркой, сидѣлъ утомленный князь Голицынъ; костры только дымились и головни то и дѣло трещали и тухли съ паденіемъ снѣга. Приводили толпами, связанныхъ зря, плѣнныхъ. Комисаръ, лаконически опрашивая, заносилъ имена ихъ въ списокъ. Голицынъ почти не слушалъ, занятый посторонними мыслями, уносившими его далеко отъ боевой кочевки. Вдругъ онъ встрепенулся, услышавъ отвѣтъ женскаго голоса: «Маргарита въ иночествѣ». Онъ поднялъ голову — и въ полумракѣ отсвѣтовъ костра, его поразила красота, хладнокровіе и какая-то отвага въ лицѣ жен-

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
Рисовалъ де ла Шарлери, гравировалъ Панннемакеръ.

щины, взятой при такихъ обстоятельствахъ. Что-то знакомое припоминалось ему въ ея голосѣ, въ этихъ чертахъ... Но гдѣ онъ и когда видалъ ее — онъ рѣшительно не могъ припомнить. Приказавъ подвести ее ближе, князь невольно вздрогнулъ.

— Быть не можетъ! невольно проговорилъ онъ вслухъ.

— Отчего не можетъ быть?... тихо отвѣтила Марѳа,—вы не признаете меня?— такъ и быть, ужъ я помогу вашей памяти. Каковъ вамъ показался маскерадъ въ Головинскомъ дворцѣ на коронаціи государыни?..

— Неужели она? прошепталъ Голицынъ.

— А вѣдь теперешнее наше свиданіе не могло бы придти въ голову ни мнѣ ни вамъ...

— Какъ вы попали сюда? Давно вы имѣли несчастіе попасться въ плѣнъ къ злодѣю?..

— Да, я имѣла несчастіе... и Марѳа недоговорила.

— Такъ что же вы? обратился Голицынъ къ комисару, — какъ вы не различаете плѣнныхъ отъ крамольниковъ?. Вы должны были поспѣшить къ особѣ...

— Да какая же это особа, ваше превосходительство? Нашихъ же была... должно хозяйка ихъ, вмѣшался стоявшій тутъ козакъ.

— Что это онъ говоритъ? обратился пораженный Голицынъ къ Марѳѣ.

Она молча потупила голову. Голицынъ понялъ ея смущеніе.

— По крайней мѣрѣ скажите, какъ и что я могу... нетвердо выговорилъ онъ.

Не поднимая глазъ, Марѳа какъ бы про себя сказала: «все можете, отъ васъ зависитъ»...

Голицынъ велѣлъ отвести ее и содержать подъ особымъ карауломъ.

Впослѣдствіи, во время казни Пугачева и его сообщниковъ, по ходатайству Голицына Марѳа была освобождена въ Москвѣ, но уже не застала въ живыхъ ни Василія, ни Ерофея Никитичей. Лишенная всего своего состоянія, безпріютная, одинокая она навсегда погребла себя въ одномъ изъ женскихъ монастырей и только изрѣдка навѣдывалась у Баженовыхъ о Ѳедорѣ.

Василію Ивановичу тоже не счастливилось въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Неудачная постройка дворца въ Царицынѣ, который не понравился государынѣ, холодность ея къ художнику за его мартинизмъ, затѣмъ невзгоды всякаго рода, доводившія талантливаго строителя до послѣдней крайности—преслѣдовали Василія Ивановича въ теченіи двухъ почти десятилѣтій его жизни. Онъ былъ по очередно сельскимъ хозяиномъ, наставникомъ юношества, подрядчикомъ строительныхъ работъ, управляющимъ типографской компаніи, считался опаснѣйшимъ адептомъ общества франкмасоновъ. Была пора, когда всякая служба была для него закрыта. Въ это тягостное время сказалось въ полной мѣрѣ и силѣ то безцѣнное благо, которое онъ пріобрѣлъ въ лицѣ Груни. Преданная, любящая какъ въ первый годъ замужества, Баженова безропотно дѣлила всѣ лишенія домашняго очага. Въ ней одной находилъ поддержку Василій Иванычъ въ минуты упадка духа, и почерпалъ новыя силы на борьбу, которую втайнѣ уже начиналъ считать безплодною. Но вдругъ, за четыре года до кончины Екатерины, судьба его перемѣнилась къ лучшему. Онъ получилъ неожиданно должность старшаго архитектора Адмиралтейства и затѣмъ бездну заказовъ и порученій.

Воцарился Павелъ—и разомъ изъ коллежскихъ совѣтниковъ произвелъ его въ дѣйствительные статскіе, для него одного учредивъ новую должность вицепрезидента академіи художествъ. Это былъ блистательный закатъ бурнаго дня жизни художника, при другихъ обстоятельствахъ конечно явившагося бы въ иномъ свѣтѣ, а не въ качествѣ оффиціальнаго лица и любимца императора, какимъ онъ теперь является для незнавшихъ обстоятельствъ его жизни. Игрушка судьбы—онъ получилъ отъ нея одну только подачку—это надежду на безбѣдную старость и обезпеченіе вдовы, который онъ былъ обязанъ лучшими часами своей жизни. Въ тихомъ пристанищѣ дома Баженовыхъ нашелъ себѣ пріютъ и нашъ самовольный изгнанникъ, искатель приключеній, Ѳедоръ, потерявшійся было въ буряхъ французской революціи, гдѣ онъ бросался изъ крайности въ крайность, мѣняя постъ чиновника королевскаго на комисарство конвента, и затѣмъ вступая въ ряды вандейцевъ, — и наконецъ возвращенный родинѣ, которая приняла его устарѣвшаго и развѣявшаго свои когда-то богатыя силы. Прежніе идеалы, навѣянные въ Россію энциклопедистами и озарявшіе своимъ фальшивымъ блескомъ первые годы царствованія великой императрицы, померкли въ сіяніи новыхъ, чисто русскихъ цѣлей, къ которымъ устремились усилія матери отечества. Новые люди, воплощавшіе въ себѣ здравое пониманіе истинныхъ потребностей страны въ данную минуту, стояли вокругъ престола. Послѣднему представителю отживавшихъ началъ, такъ поздно явившемуся на родину, не было мѣста на жизненномъ пиру.

Ѳедоръ остался тѣмъ же легкомысленнымъ острякомъ и отрицателемъ до самой старости, и только услаждалъ ее подъ часъ сочиненіемъ безсильныхъ пасквилей на новое, непонятное ему время, которое пѣлъ уже Державинъ и разилъ своей безпощадной сатирой даровитый Фонъ-Визинъ.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Иванъ Васильевичъ, извѣстный подъ именемъ Грознаго, сынъ царя Василія Ивановича и Елены Глинской, вступилъ на престолъ въ 1533 году, ребенкомъ. Мать его Елена Глинская происходила отъ знатнаго литовскаго рода, который, въ ссорѣ съ поляками, перешелъ на русскую сторону. Царь Иванъ Вавильевичъ очутился на престолѣ малолѣткомъ; а Россіею управляла его мать. Любимцемъ матери его былъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ Оболенскій, который былъ уже при покойномъ царѣ конюшимъ бояриномъ, или, какъ теперь говорится, оберъ-шталмейстеромъ. Овчина-Телепневъ-Оболенскій и его приближенные, въ особенности дядя правительницы, Михаилъ Глинскій, взяли въ свои руки бразды правленія, совершенно не обращая вниманія на малолѣтняго государя.

Онъ выросъ въ полномъ загонѣ. Ему позволяли баловаться, кататься на коняхъ по улицамъ, давить людей, выкидывать изъ оконъ собакъ, и въ то же время входившіе въ его царскую опочивальню, клали ноги ему на постель и обращались съ нимъ грубо, не то какъ

съ мальчишкой, не то какъ съ дворовымъ человѣкомъ. Иванъ Васильевичъ былъ мальчикъ впечатлительный, нервный, все это неуваженіе къ нему, къ несовершеннолѣтнему царю, его раздражало — и въ душѣ его накипала месть на бояръ. Онъ выросъ окруженный придворными интригами и въ душѣ его зародилось глубокое недовѣріе къ боярамъ, которые хотѣли играть въ Россіи ту же роль, какую играли въ Польшѣ магнаты. Въ душѣ у него зародилась мысль о *равенствѣ* подъ эгидою самодержавія. Народъ былъ въ рабствѣ у бояръ: «лучше-жъ ему быть въ рабствѣ у меня у одного, рѣшилъ Иванъ Васильевичъ, — нежели у этихъ бояръ, которые вредны и государству и народу».

Скончалась Елена Глинская. Палъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій. Иванъ торжественно вѣнчался на царство и женился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной, происходившей отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ отъ поморскихъ славянъ въ XIV вѣкѣ, при Александрѣ Невскомъ.

Анастасія Романовна была женщина кроткая, но въ тоже время чрезвычайно умная и подходила вполнѣ подъ-стать своему царственному супругу. Изъ раздраженнаго и негодующаго на окружающихъ человѣка—она съумѣла сдѣлать изъ Ивана Васильевича существо кроткое, смирное, домасѣдливое. Онъ принялся за государственныя дѣла, сталъ работать, — но помощниковъ у него не находилось.

Въ 1547 году 12-го апрѣля загорѣлись въ Китаѣ лавки и казенные дворы. Высокая башня съ порохомъ взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, упала въ рѣку и запрудила ее кирпичами. Обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки погорѣли. 20-го апрѣля погорѣли всѣ улицы за Яузой, гдѣ жили гончары и кожевники. 24-го іюня около полудня при сильномъ вѣтрѣ начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, огонь полился рѣкою, вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ, насилу митрополита вытащили изъ Успѣнскаго собора и едва живымъ отвезли въ Ново-Спасскій монастырь. Сгорѣло 1700 человѣкъ, а сколько дѣтей сгорѣло—неизвѣстно.

Народъ приписалъ въ эти ужасы проискамъ Глинскихъ и началъ ихъ избивать.

Государь удалился въ село Воробьево, куда явился къ нему священникъ Сильвестръ родомъ изъ Новгорода. Онъ подошелъ къ Ивану съ грозящимъ перстомъ и сказалъ ему: «что судъ Божій гремитъ надъ главою царя легкомысленнаго и злостнаго, что огнь небесный испепелилъ Москву, что силы вышнія волнуютъ народъ и льютъ фіялъ гнѣва въ сердца людей».

Онъ потрясъ душу и сердце Иваново, и Иванъ искренно призналъ, что Москва за его грѣхи горитъ. Онъ тутъ же сблизился съ отцомъ Сильвестромъ, сдѣлалъ его своимъ духовникомъ, а черезъ него сошелся съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, молодымъ человѣкомъ, чистымъ и честнымъ. Сильвестръ и Адашевъ, да Анастасія Романовна, стали правою рукою государя, который дѣлалъ все, чтобы быть полезнымъ государству. Онъ созвалъ выборныхъ ото всей русской земли и издалъ судебникъ. Онъ обуздалъ мѣстничество. Онъ созвалъ духовенство на соборъ и издалъ Стоглавъ. Казанскіе татары, при его царствованіи, стали послушными слугами Россіи и почти не смѣли дѣлать на насъ набѣговъ.

Но дѣла съ казанцами, привыкшими властвовать надъ Россіей, не могли кончиться миромъ: нужно было стереть съ лица земли татарское царство, и царь Иванъ Грозный двинулся на нихъ со всѣмъ своимъ русскимъ воинствомъ. По дорогѣ онъ много молился и приступалъ къ дѣлу окончательнаго освобожденія отъ татаръ благочестиво и съ молитвою.

Татары въ Казани окопались и приняли всѣ мѣры, дабы защищаться противъ русскихъ, а русскіе тѣмъ временемъ вели подкопы подъ казанскія стѣны.

Перваго октября 1532 года, царь объявилъ войску, чтобъ оно готовилось пить общую чашу крови, велѣлъ всѣмъ исповѣдаться и причаститься. Самъ государь былъ у обѣдни въ походной церкви и все удивлялся, что еще не происходитъ взрыва, но когда діаконъ, читая евангеліе, произнесъ: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь», земля затряслась, грянулъ будто громъ и съ паперти оказалось, что казанскія стѣны взлетѣли на воздухъ. Иванъ Васильевичъ воротился въ церковь дослушать литургію, какъ земля опять встряхнулася, за самой эктеніей, когда діаконъ поминалъ его здравіе:— это взлетѣлъ на воздухъ другой подкопъ. Въ эту минуту русскіе полки бросились въ проломъ, несмотря на то, что татары кидали на нихъ бревна, обливали ихъ кипяткомъ и дрались отчаянно на улицахъ. Къ окончанію обѣдни, Казань была уже наша, и государь спокойно въ нее въѣхалъ, хотя на улицахъ продолжалась еще драка. Татары выдали Ивану Васильевичу даже царя своего Едигера со всѣми его приближенными.

Завоеваніе какой-нибудь Казани теперь можетъ казаться намъ дѣломъ неважнымъ, мы вообще плохо цѣнимъ дѣянія нашихъ предковъ. Иванъ Васильевичъ потребовалъ отъ казанцевъ, чтобы они ему платили то самое, что платили ханамъ.

3-го октября похоронили мертвыхъ и торжественно вступили въ городъ. Поволжье присоединилось къ Россіи.

Иванъ Васильевичъ, не дождавшись окончательнаго покоренія Казани, поспѣшилъ въ Москву, и за Яузой встрѣтилъ его митрополитъ, духовенство и бояре, и поклонились ему земно. Царь сказалъ рѣчь, митрополитъ ему отвѣчалъ, — его принимали какъ освободителя Россіи отъ позорнаго, чужеземнаго ига. Онъ тутъ же снялъ съ себя военные доспѣхи, облачился въ царское торжественное одѣяніе и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; отслушалъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, поклонился мощамъ русскихъ угодниковъ, поклонился могиламъ своихъ родителей и прародителей, посѣтилъ всѣ церкви познаменитѣе и тогда только вернулся домой во дворецъ посмотрѣть на больную жену Анастасію Романовну Захарьину, да на новорожденнаго сына Дмитрія Ивановича. Затѣмъ задалъ царь пиръ горой въ кремлевскомъ дворцѣ, московскимъ боярамъ и князьямъ.

Пиръ этотъ длился съ 8-го ноября по 12-е, т. е. трое сутокъ, стоилъ онъ на наши деньги нѣчто около милліона. Государь праздновалъ окончательное паденіе казанскаго царства, съ тою искреннею радостію, съ какой мы празднуемъ паденіе каждаго мусульманскаго государства, владѣющаго христіанами. Пиръ этотъ былъ образцомъ дѣйствительной царской щедрости: начиная съ митрополита и кончая рядовымъ, отличившимся въ битвѣ, всѣмъ досталось отъ царя на память. Тогда не ордена раздавались въ награду; государь жаловалъ золотыми кубками и ковшами, одежами съ своего плеча, бархатами, соболями, конями, ратными доспѣхами, и даже деньгами. Три дня сыпалъ онъ вольной рукою подарки и завершилъ тѣмъ, что поставилъ въ Кремлѣ

храмъ въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, по просту называемый Василіемъ Блаженнымъ, образчикъ самостоятельнаго русскаго зодчества.

У мощей святаго Сергія крестилъ двадцати-двухълѣтній государь своего сына-первенца Дмитрія; затѣмъ окрестилъ онъ взятыхъ имъ въ плѣнъ двухъ царей казанскихъ Едигера и малолѣтняго Утемишъ-Гирея. Едигера онъ тутъ же и женилъ на Марьѣ Кутузовой, а Утемиша сдѣлалъ себѣ пріемышемъ.

Язва, подъ названіемъ желѣза, пошла по Россіи; Казань надо было держать въ ежевыхъ руковицахъ, и наконецъ случилось происшествіе, котораго царь Иванъ всю жизнь забыть не могъ, и которое сдѣлало его дѣйствительно грознымъ и отняло у него нравственныя силы. Онъ расхворался, и въ его опочивальнѣ бояре подняли споръ, кто будетъ его наслѣдникомъ, сынъ ли его Дмитрій, или двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ. При самомъ полуумирающемъ царѣ, этотъ Владиміръ Андреевичъ пригрозилъ князю Воротынскому, что ему зубы вышибетъ, если онъ ему будетъ мѣшать вступить на престолъ, вмѣсто сыновей Ивана Васильевича, Ивана Ивановича и Дмитрія Ивановича. Князь Воротынскій преспокойно отвѣчалъ, что и самъ сдачу дастъ. Въ опочивальнѣ больнаго государя каждый день происходили такіе случаи. Съ нимъ обращались невѣжливо—и на московскихъ площадяхъ, для возмущенія народа, стали показываться его приближенные люди, которымъ онъ вполнѣ вѣрилъ, и которые требовали возведенія на престолъ князя Владиміра Андреевича.

Наслушавшись всего этого, царь Иванъ Васильевичъ выздоровѣлъ, и въ душу его запало страшное подозрѣніе, что на приближенныхъ положиться нельзя; но онъ ни кого не сталъ преслѣдовать. Онъ покорилъ царство Астраханское, и къ нему стали являтся послы изъ Хивы, изъ Бухты, отъ Шавкала, отъ тюменцевъ, отъ грузинъ, и, наконецъ, явились посольства отъ черкесовъ съ просьбою принять ихъ въ наше подданство.

Въ 1553 году случилось другое обстоятельство, гораздо важнѣе:—мы въ первый разъ вошли въ сношеніе съ Европою—англичане затѣяли отыскать сѣверный путь въ Индію и снарядили морскую экспедицію подъ начальствомъ капитана Ченслера. Капитанъ Ченслеръ, слѣдуя берегами сѣверныхъ полярныхъ морей, обогнулъ Норвегію и напалъ въ Архангельскъ, городъ до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстный въ Европѣ. Русскіе удивились на Ченслера, Ченслеръ удивился на русскихъ. Приняли его ласково и вѣжливо, а у Ченслера была грамота отъ короля Эдуарда VI слѣдующаго содержанія:

«Эдуардъ VI вамъ, цари, князья, властители, судіи земли, во всѣхъ странахъ подъ солнцемъ, желаемъ мира, спокойствія, чести, вамъ и странамъ вашимъ! Господь всемогущій даровалъ человѣку сердце дружелюбное, да благотворитъ ближнимъ и въ особенности странникамъ, которые, пріѣзжая къ намъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, ясно доказываютъ тѣмъ превосходную любовь свою къ братскому общежитію. Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные, всегда ласковые къ иноземцамъ, требующимъ покровительства. Всѣ люди имѣютъ право на гостепріимство, но еще болѣе купцы, презирая опасности и труды, оставляя за собой моря и пустыни, для того чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ произведеніями: ибо Господь вселенныя разсѣялъ дары Его благости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ, и чтобы взаимными услугами утверждалась пріязнь между ними. Съ симъ намѣреніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ предпріяли дальнее путешествіе моремъ, и требовали отъ насъ согласія. Исполняя ихъ желаніе, мы позволили мужу достойному, Гугу Виллоби, и товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ слугамъ, ѣхать въ страны, донынѣ неизвѣстныя, и мѣняться съ ними избыткомъ: брать чего не имѣемъ и давать чѣмъ изобилуемъ, для обоюдной пользы и дружества. И такъ молимъ васъ, цари, князья, властители, чтобы вы свободно пропустили сихъ людей чрезъ свои земли: ибо они не коснутся ничего безъ вашего позволенія. Не забудьте человѣчества. Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и пріимите отъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить васъ.

Поступите съ ними, какъ хотите, чтобы мы поступили съ вашими слугами, если они когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы клянемся Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ на землѣ и въ морѣ, клянемся жизнію и Богомъ нашего царства, что всякаго изъ вашихъ подданныхъ встрѣтимъ какъ единоплеменника и друга, изъ благодарности за любовь, которую окажете нашимъ. За симъ молимъ Бога Вседержителя, да сподобитъ васъ земнаго долголѣтія и мира вѣчнаго. Дано въ Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5517, царствованія нашего въ седьмое».

Государь принялъ англичанъ въ золотой палатѣ, кормилъ и поилъ ихъ изъ золотыхъ сосудовъ, причемъ полтораста человѣкъ прислугъ были одѣты въ золотую парчу. Когда Ченслеръ воротился въ Англію, тамъ всѣ съ удивленіемъ заговорили о Московіи, какъ о вновь открытой землѣ. Короля Эдуарда уже не было на свѣтѣ. Вмѣсто его царствовала Марія. Іоаннъ разрѣшилъ англичанамъ устроить факторію въ Холмогорахъ и торговать безданно безпошлинно. Англичане стали возить къ намъ сукна и сахаръ.

Такимъ образомъ произошло наше первое сближеніе съ Европой.

Затѣмъ мы съ тѣмъ же Ченслеромъ отправили въ Англію посланника Осипа Нипѣя Вологжанина. Бури разметали англійскій флотъ—и хотя самъ Ченслеръ утонулъ, но Осипъ Нипѣй Вологжанинъ спасся, торжественно въѣхалъ въ Лондонъ и былъ роскошно принятъ англійскимъ дворомъ. Въ Лондонѣ сложилась русская компанія (*Russian Company*). Эта компанія взяла на себя всѣ издержки прибыванія Нипѣя въ Лондонѣ, подарила ему золотую цѣпь въ 100 фунт. стерлинговъ и дорогую посуду. Нипѣй воротился на англійскомъ кораблѣ, и привезъ съ собою ремесленниковъ, рудокоповъ и врачей. Въ грамотѣ отъ королевы Маріи, царь Иванъ Васильевичъ былъ признанъ *Великимъ Императоромъ* и дружба между Россіей и Англіей завязалась крѣпкая.

Гроза накипала въ душѣ выздоровѣвшаго царя, а тутъ захворала царица Анастасія Романовна и отдала Богу душу. Враги Селивестра и Адашева шепнули раздраженному царю, что эти два человѣка извели его любимую супругу, дабы никто кромѣ ихъ двоихъ не могъ имѣть на нихъ вліянія.

Страстная натура царя Ивана Васильевича развернулась во всемъ своемъ блескѣ.

Адашевъ кстати умеръ, а Селивестръ отправился въ Соловецкій монастырь. Государь окружилъ себя новыми людьми и принялся управлять государствомъ совсѣмъ иначе. Прежде всего начались казни. Неизвѣстно

насколько были виновны эти первыя жертвы его гнѣва; но сѣкиры палача стали ходить по шеямъ тогдашнихъ сановниковъ Данилы Адашева, Сатиныхъ, Шишкиныхъ, князя Дмитрія Оболенскаго-Овчинина и другъ за другомъ стали погибать представители лучшихъ московскихъ родовъ, и другъ за другомъ стали пропадать всемогущіе бояре представители русской аристократіи, имѣвшіе значеніе англійскихъ лордовъ:—начинало входить въ обычай равенство всѣхъ сословій. Казни шли, боярство гибло, а простому народу давались все льготы да льготы, и царь видимо только на него хотѣлъ опираться. Онъ избивалъ аристократію, но въ то же время подымалъ простонародіе.

Случилась у него война съ Ливонцами, то есть съ нынѣшними Остзейцами, и первый разъ послѣ долгаго промежутка времени, русскія знамена, опять появились на берегахъ Финскаго Залива, со временъ Владиміра и Ярослава. Войной этой рухнулъ Орденъ Меченосцевъ и царь подчинилъ ихъ земли Польшѣ, потому что управлять ими изъ Москвы было-бы хлопотливо.

Задумалъ государь опять жениться. Хотѣлось ему жениться на сестрѣ тогдашняго польскаго короля Сигизмунда; но Сигизмундъ и вообще поляки относились къ нему враждебно и онъ женился на черкешенкѣ Марьѣ Темрюковнѣ, которую въ Москвѣ и окрестили. Пошла война съ Литвой и война была опять-таки счастливая. Былъ взятъ Полоцкъ, а между тѣмъ подозрительный царь Иванъ Васильевичъ казнилъ да казнилъ представителей высшихъ сословій, и всякій изъ нихъ кто могъ—бѣжалъ въ Литву, гдѣ и отдавался подъ власть польскаго короля. Изъ такихъ бѣглецовъ особенно замѣчателенъ одинъ изъ лучшихъ воеводъ, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Бѣжавши за границу, онъ хотѣлъ оправдаться передъ царемъ и послалъ къ нему своего слугу съ письмомъ, въ которомъ излагалъ, въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, обличеніе государя. Государь принялъ письмо—и читая его, какъ будто нечаянно вонзилъ посохъ свой въ ногу посланца, слугѣ Курбскаго, Шибанова, и затѣмъ велѣлъ его пытать, добиваясь, кто научилъ или подстрекнулъ Курбскаго бѣжать.

Курбскій сдѣлался измѣнникомъ, потому-что онъ съ польскими войсками находилъ на Русь. Между тѣмъ, нервный, нравственно растроенный Иванъ Васильевичъ усталъ отъ управленія государствомъ и торжественно заявилъ, что онъ уѣзжаетъ куда ему Богъ путь укажетъ. Подобное заявленіе, значило что русское государство уничтожается, и что ему предстоитъ революція, или отыскиваніе новаго государя. Москва перепугалась. «Я съ вами знаться не хочу, сказалъ царь своимъ подданнымъ,—справляйтесь какъ знаете, а мнѣ дорóга вольная». Затѣвать новое государственное устройство не приходилось, потому что государственные перевороты легко не дѣлаются, и потому что старый порядокъ мѣнять на новый неизвѣстный было опасно. Все что было лучшаго и умнѣйшаго въ Москвѣ кинулось вслѣдъ за государемъ въ село Александрово, гдѣ онъ поселился, и стало молить его о возвращеніи.

Его застали въ подрясникѣ съ нѣсколькими приближенными. Онъ горько плакался на боярскія крамолы и заявилъ, что требовалъ одного условія, чтобы духовенство не упрекало его въ томъ что онъ станетъ казнить измѣнниковъ опалою, смертію, лишеніемъ достоянія,—и только подъ этимъ условіемъ согласился *взять свое государство*.

Собою онъ былъ красавецъ: онъ былъ очень высокъ и хорошо сложенъ; грудь у него была широкая, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій и маленькіе сѣрые свѣтлые и проницательные глаза. Но въ Александровѣ онъ измѣнился; ни свѣтлаго взгляда не осталось; даже волосы съ головы и изъ бороды полѣзли. Великій человѣкъ, которому судьба назначила родиться царемъ и передѣлать русское государство на новый ладъ, изнемогалъ подъ бременемъ тяжелой работы,—и тутъ-то ему пришла страшная мысль объ опричникахъ или кромѣшникахъ, то-есть объ людяхъ, которые были бы *опричь* или *кромѣ* всего Государства, которые не подчинялись бы никакимъ законамъ кромѣ его царской воли,—при помощи которыхъ онъ могъ бы передѣлать старый строй русскаго государства на новый.

Короче сказать, онъ сталъ управлять русскимъ государствомъ, какъ землей завоеванной. Чтобы развлекать себя въ этой Александровской слободѣ, прозванной «Неволею», онъ завелъ почти монастырь, 300 человѣкъ опричниковъ назвалъ «братіею», себя игуменомъ, князя Аѳанасія Вяземскаго — келаремъ, Малюту Скуратова—параклисіархомъ; понадѣвалъ на нихъ скуфейки и черныя рясы, самъ на колокольню ходилъ, на клиросѣ стоялъ и за братской трапезой читалъ житія и поученія святыхъ отцовъ. Затѣмъ онъ разъѣзжалъ по государству, посѣщалъ монастыри, не отказывался отъ охоты и водился пуще всего съ иностранцами. Онъ былъ реформаторомъ; все старое русское ему было противно. Даже самого себя онъ производилъ не отъ русскихъ, а отъ брата Кесаря Августа; а бояръ—отъ баварцевъ (Baiern). Онъ силился пересоздать Россію и ничего не могъ сдѣлать. Въ трудныхъ дѣлахъ онъ однако собиралъ постоянно земскій соборъ изъ духовенства, бояръ, окольничихъ казначеевъ, дьяковъ, дворянъ первой и второй статьи, гостей купцовъ и помѣщиковъ иногородныхъ, и отдавалъ на ихъ рѣшеніе какъ дѣла внутреннія, такъ и чисто дипломатическія; при этомъ всякая опричина забывалась. Съ честью и съ великимъ почетомъ принялъ государь челобитье волжскихъ казаковъ, которые безъ его воли и безъ его вѣдома пошли да и завоевали ему Царство Сибирское, то-есть третье татарское царство, подпавшее подъ нашу власть въ царствованіе Ивана Грознаго. Къ нему явился посланецъ отъ Ермака, знаменитый разбойничій атаманъ Иванъ Кольцо, уже нѣсколько разъ приговоренный къ смертной казни за свои похожденія. Царь принялъ его не только милостиво, но еще и жаловалъ шубою съ своего плеча. На помощь волжскимъ разбойникамъ, завоевавшимъ Сибирь, онъ не замедлилъ послать своихъ воеводъ и принялъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Онъ казнилъ бояръ, но во всемъ поддерживалъ простонародіе. Обладанье Сибирью осталось за нами; при Петрѣ Великомъ, мы добрались до Тихаго Океана; въ нынѣшнее царствованіе завелось уже Ташкентское и Туркестантское генералгубернаторство, и Ташкентская и Туркестантская епархіи.

Овдовѣлъ государь 1569 года, и въ душѣ его вновь возникло подозрѣніе, что черкешенка Марія отравлена его лиходѣями. Снова начались лютыя казни; снова полилась кровь старинныхъ боярскихъ родовъ. Государь отправился отыскивать своихъ недруговъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ перетопилъ всѣхъ заподозрѣнныхъ имъ въ измѣнѣ и двинулся на Псковъ. Псков-

чи встрѣтили его съ хлѣбомъ и государь ихъ городъ помиловалъ. Вѣроятно онъ былъ доволенъ, что пригрозилъ примѣромъ бывшаго *Государя великаго Новгорода*.

Только что царь справился съ новгородцами и съ псковичами, какъ новая бѣда нагрянула на Москву: Татары покоренные въ Казани, Астрахани и Сибири, нагрянули на Москву изъ Крыма. Тогдашній крымскій ханъ Девлетъ-Гирей заявилъ, что онъ имѣетъ законное право владѣть Казанью и Астраханью, чего, разумѣется, въ Москвѣ не признавали. Въ отвѣтъ на это, онъ сдѣлалъ набѣгъ на Москву и сжегъ ее.

Выбралъ себѣ государь новую жену Марѳу Васильевну Собакину, дочь новгородскаго купца, но она захворала и снова начались розыски государевыхъ лиходѣевъ, потому что вскорѣ послѣ свадьбы она скончалась *). — Онъ женился въ четвертый разъ, на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской; но боязнь что его хотятъ извести—до такой степени имъ одолѣла, что онъ вошелъ въ сношеніе съ Елисаветой англійской королевой, прося ее дать ему, на всякій случай, прибѣжище въ ея государствѣ, для спасенія отъ его враговъ, русскихъ бояръ. Тѣмъ не менѣе онъ все таки не выпускалъ изъ виду Новгорода, который очищалъ топленіемъ въ Волховѣ дѣтей боярскихъ, а между тѣмъ крымскій ханъ опять подступилъ; но его отбилъ князь Воротынскій и государь велѣлъ звонить въ колокола, пѣть молебны день и ночь, трое сутокъ сряду, и воротился торжественно въ Москву.

Онъ былъ не просто жестокъ, а былъ подозрителенъ и всюду искалъ своихъ враговъ; казнилъ кого попало, видя повсюду своихъ лиходѣевъ.

Смерть его была странная.

Явилась въ Москвѣ комета, да еще съ крестообразнымъ знаменемъ.

Царь вышелъ на красное крыльцо, смотрѣлъ на нее долго, наконецъ перемѣнился въ лицѣ, и заявилъ окружающимъ, что это знаменіе его смерти. Тѣ стали его развлекать и говорить, что этого быть не можетъ, но царь сталъ справляться у волхвовъ, и занемогъ. Астрологи и волхвы предсказали ему неминуемую смерть 16-го марта. Иванъ велѣлъ имъ молчать подъ страхомъ смертной казни.

Марта 17-го, царю стало легче. Онъ призвалъ къ себѣ закованныхъ волхвовъ и астрологовъ на другой день и приказалъ, своему приближенному князю Бѣльскому, казнить ихъ, ибо ему стало лучше.

«Подожди, Государь, день еще не миновалъ», отвѣчали ему астрологи и волхвы.

Иванъ Васильевичъ просидѣлъ три часа въ ваннѣ, легъ на кровать, даже привсталъ, взялъ шахматную доску, разставилъ на ней шашки, думая играть съ Бѣльскимъ, упалъ и сталъ кончаться. Позвали духовенство, и духовенство постригло царя Ивана Васильевича въ иноческій чинъ.

Тѣмъ и кончилась жизнь страннаго, капризнаго преобразователя Россіи и сокрушителя боярства.

В. Кельсіевъ.

*) Царь женился 28 октября, а Марѳа скончалась 11 ноября.

Происхожденіе земной коры и ея обитателей.

(*Продолженіе*).

Хотя эти поднятія и погруженія происходили съ такою медленностью, что въ теченіи столѣтія берегъ морской возвышался или понижался лишь на нѣсколько дюймовъ или даже линій, все таки въ теченіи долгихъ періодовъ времени результаты являлись громадные. Острова и цѣлые материки покрывались моремъ, а новые выдвигались изъ лона водъ; дно озеръ и морей понемногу приподнималось и пересыхало, а новыя пространства водъ возникали отъ погруженія материковъ. Полуострова, вслѣдствіе пониженія перешейковъ, дѣлались островами и т. д. Такъ, напр. въ прежнее время Африка соединялась съ Испаніей, Англія съ европейскимъ континентомъ и самая Европа съ сѣверной Америкой; такъ, Средиземное море нѣкогда было озеромъ, а Тихій океанъ съ Индійскимъ были материками. Послѣдній изъ нихъ простиравшійся отъ Зондскихъ острововъ вдоль южной Азіи до восточнаго берега Африки — Склатеръ назкавъ *Лемуріей*.

Нынѣшній Малайскій архипелагъ въ древности состоялъ изъ двухъ совершенно различныхъ, раздѣленныхъ узкою полосою океана, материковъ, изъ которыхъ западный (нынѣшній индо-малайскій архипелагъ) составлялъ часъ Азіи, а восточный (малайско-австралійскій архипелагъ) соединялся съ Австраліей.

Оба материка наибольшею частію покрылись моремъ. Въ наше время берега Швеціи и часть западныхъ береговъ южной Америки постоянно возвышаются, между тѣмъ какъ берега Голландіи и часть восточныхъ береговъ южной Америки постепенно понижается. Короче, никогда не было всеобщаго и одновременнаго переворота на поверхности земли; только частныя катастрофы происходили медленнымъ, постепеннымъ и незамѣтнымъ путемъ.

Такъ какъ возвышенія и пониженія различныхъ частей земнаго шара, въ теченіи милліоновъ лѣтъ, многажды смѣняли другъ друга, то по всему вѣроятію на поверхности земной коры нѣтъ ни одного мѣстечка, которое не перебывало бы нѣсколько разъ подъ и надъ уровнемъ моря. Этими многочисленными перемѣнами объясняется разнообразіе и различное строеніе многочисленныхъ нептуническихъ слоевъ, которые во многихъ мѣстахъ осаждались одинъ на другой до значительной толщины. Эти различные, отложившіеся другъ на друга слои нептуническихъ породъ, образующіе вмѣстѣ кору приблизительно въ 130.000 футовъ, и состоящіе изъ многообразныхъ соединеній извести, глины и песку,—геологами раздѣляются на 5 главныхъ группъ или періодовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ еще низшія подраздѣленія на системы, а эти послѣднія въ свою очередь дѣлятся на формаціи. Главные группы или періоды суть: первозданный, первичный, вторичный, третичный и современный.

Различіе поясовъ, которое въ наше время, вслѣдствіе сплоченія земной коры и воздѣйствія солнечной теплоты, выступило чрезвычайно рѣзко,—до современнаго періода еще не существовало; въ ту пору на всей

землѣ отъ внутренней теплоты ея расплавленнаго ядра царствовалъ **одинаковый климатъ**, равномѣрно-жаркій, близко подходившій къ теперешнему тропическому и даже еще теплѣе. Какъ подтверждаютъ окаменѣлые остатки растеній, на крайнемъ сѣверѣ въ тѣ времена росли пальмы, тюльпановыя деревья, лавры, мирты и прочая тропическая флора, подъ сѣнью которой бродили тигры, слоны и носороги. Медленно и постепенно исчезалъ этотъ климатъ впослѣдствіи; лишь въ началѣ третичнаго періода впервые произошло ощутительное охлажденіе земной коры у полюсовъ, а вслѣдствіе того и первое различіе климатическихъ поясовъ. Въ половинѣ же третичнаго періода постепенное охлажденіе это дошло до такой степени, что у полюсовъ образовался первый ледъ. Эта перемѣна климата возъимѣла громадное вліяніе на органическую жизнь— и частію обусловила вымираніе нѣкоторыхъ организмовъ не могшихъ вынести стужи, частію вызвала переселеніе ихъ въ болѣе теплыя страны.—Въ дилювіальную эпоху температура полюсовъ продолжала понижаться болѣе и болѣе, гораздо ниже точки замерзанія. Отъ сѣвернаго полюса холодъ распространился по сѣверной и средней Азіи, Европѣ и сѣверной Америкѣ и произвелъ здѣсь ледяную покрышку, повидимому простиравшуюся до Альповъ. Отъ южнаго полюса ледъ покрылъ большую часть южнаго полушарія. Такимъ образомъ между этими двумя ледовитыми морями оставался узенькій поясъ, достаточно теплый для органической жизни. Эта ледяная оболочка, явившаяся въ первомъ отдѣлѣ дилювіальной эпохи, обозначается названіемъ **ледоваго періода**, въ теченіи котораго уже существовалъ человѣкъ. Ледовой періодъ изучаютъ по такъ-называемымъ **эрратическимъ валунамъ** и **ледникахъ**, которыхъ значеніе впервые разъяснено Шимперомъ, Карпантье, Агассицомъ и Форбесомъ. Эрратическіе валуны суть каменныя глыбы, занесенныя на льдинахъ изъ мѣсторожденія въ отдаленнѣйшіе концы земли. Лишь постепенно возъимѣли власть солнечные лучи надъ этими массами льда, и произвели нынѣшнее различіе поясовъ и временъ года. Впрочемъ такой ледовой періодъ повидимому не одинъ разъ господствовалъ на землѣ, чередуясь съ болѣе теплыми промежутками, во время образованія верхнихъ слоевъ земной коры—какъ въ сѣверномъ полушаріи, такъ и въ южномъ.

Внутри тѣхъ слоевъ земной коры, которые образовались осажденіемъ изъ воды, находятъ **остатки организмовъ** — и настолько разнообразныхъ, что можно съ достовѣрностью видѣть какъ каждый изъ этихъ слоевъ былъ населенъ различными растеніями и животными. По этимъ остаткамъ (известковымъ панцырямъ, раковинамъ, костямъ, волосамъ, перьямъ, зубамъ, слѣдамъ ногъ и другимъ отпечаткамъ, окаменѣлымъ изверженіямъ и т. п.) также становится ясно, что на землѣ не происходило такихъ переворотовъ и катастрофъ, которые совершенно уничтожали бы предшествовавшихъ тварей, такъ чтобы за гибелью ихъ слѣдовало твореніе заново иныхъ организмовъ, вполнѣ отличныхъ отъ существовавшихъ въ предъидущемъ періодѣ. Какъ въ слоистыхъ горныхъ породахъ, такъ и въ окаменѣлыхъ (ископаемыхъ) остаткахъ растеній и животныхъ болѣе или менѣе ясно выступаетъ постепенность перехода этихъ организмовъ изъ глубочайшихъ въ высшіе слои—причемъ становится несомнѣннымъ, что организмы извѣстнаго слоя происходятъ отъ организмовъ предшествовавшаго и суть только видоизмѣненные потомки ихъ. Въ то же время легко замѣтить, что въ глубочайшихъ слояхъ залегаютъ остатки болѣе простыхъ и несовершеннѣйшихъ растеній и животныхъ, нежели въ верхнихъ слояхъ; а также и то, что по мѣрѣ проникновенія съ нынѣшней поверхности земли въ глубь коры земной, организація встрѣчающихся намъ остатковъ становится проще, однообразнѣе и рѣзче отличается отъ строенія нынѣ живущихъ организмовъ — и наоборотъ тѣмъ болѣе подходитъ къ современной флорѣ и фаунѣ, чѣмъ ближе къ поверхности земли залегаетъ изслѣдуемый слой. Ископаемыя находки подтверждаютъ и то, что даже уцѣлѣвшіе до нынѣ представители извѣстныхъ группъ совершенствовались постоянно въ своей формѣ и организаціи.

Вслѣдствіе попеременныхъ поднятій и погруженій поверхности земли, въ теченіи милліоновъ лѣтъ, произошли чрезвычайно характеристичныя отложенія вымершихъ растеній и животныхъ, нѣкогда населявшихъ различные слои. Когда трупы ихъ тонули на дно водъ, формы тѣла ихъ отпечатывались въ мягкомъ илѣ, а неразрушимыя части (кости, зубы, чешуи) даже сохранились въ немъ, такъ что куски этого ила, сплотившагося въ нептуническихъ горныхъ породахъ, получили названіе **окаменѣлостей, ископаемыхъ остатковъ**. Наука объ этихъ остаткахъ, **палеонтологія**, которою мы въ особенности одолжены Кювье, день отъ дня обогощающаяся все новыми матеріалами, лишь съ помощію этихъ окаменѣлостей даетъ намъ возможность заключить о ходѣ развитія животныхъ и растительныхъ семействъ. Сообразно пяти нептуническимъ группамъ слоевъ, она раздѣляетъ и остатки организмовъ на 5 главныхъ отдѣловъ именно: остатки первозданнаго, первичнаго, вторичнаго, третичнаго и современнаго періодовъ.

А. Періодъ **Первозданныхъ слоевъ**, эпоха **безпозвоночныхъ и водорослей**, *археолитическій или археозоическій періодъ* слагался долѣе всѣхъ остальныхъ періодовъ вмѣстѣ взятыхъ; его слои, около 70,000 футовъ толщины, образуютъ 3 громадныя нептуническія системы:

1) **Лаврентіевская система** (древнѣйшая) состоящая изъ лабрадора (кремнекислый глиноземъ и кремнекислая известь съ нѣкоторымъ количествомъ натра) и отавской формаціи, въ 30,000 футовъ толщины; верхніе слои изъ известняка съ известковыми панцырями корненожекъ и eosoon canadense; нижніе изъ гнейса, кварцита и зернистаго песчаника.

2) **Кембрійская система** (средняя), 18,000 футовъ толщины, состоитъ изъ верхне и нижне Кембрійскихъ слоевъ, заключаетъ въ себѣ глубочайшіе слои сѣрой вакки, начинается глинистымъ сланцемъ, за которымъ слѣдуетъ известнякъ и оканчивается песчаникомъ свѣтлаго цвѣта.

3) **Силурская система** (верхняя) 22,000 футовъ толщины, изъ верхне-средне и нижне-силурскихъ слоевъ съ слюдянистой сѣрой ваккой, чернымъ сланцемъ, кремнистыми песчаниками и темными известняками.

Первозданный періодъ заключаетъ въ кембрійскихъ и силурскихъ наслоеніяхъ отчетливо-сохранившіяся окаменѣлости (въ особенности, многодырчатыхъ, foraminifera), которыя однако указываютъ на то, что въ ту эпоху не существовало еще ни одного **сухопутнаго организма**. Въ послѣднее время открыты и въ ниж-

нихъ, лаврентьевскихъ наслоенияхъ остатки одного организма, названнаго Eozoon canadense (eos — заря, zoon — животное) такъ какъ съ нимъ начинается заря жизни на землѣ. Впрочемъ, онъ такъ же мало принадлежитъ къ простѣйшимъ животнымъ формамъ, какъ и корненожки, ибо снабженъ уже известковымъ панцыремъ, тогда какъ простѣйшія животныя (безформенныя, protozoa) представляютъ собою одну слизь или плазму. Въ глубочайшихъ слояхъ лаврентьевской системы находятся также остатки еще одного органическаго тѣла, о которомъ съ достовѣрностью неизвѣстно: животное ли это или растеніе; послѣднее вѣроятнѣе. Оно называется ольдгаміей и похоже на цвѣтокъ львинаго зуба. Всѣ растительные остатки первозданнаго періода суть нѣжныя клѣтчатыя растенія и принадлежатъ къ низшей группѣ, къ живущему въ водѣ классу водорослей.

(Окончаніе будетъ).

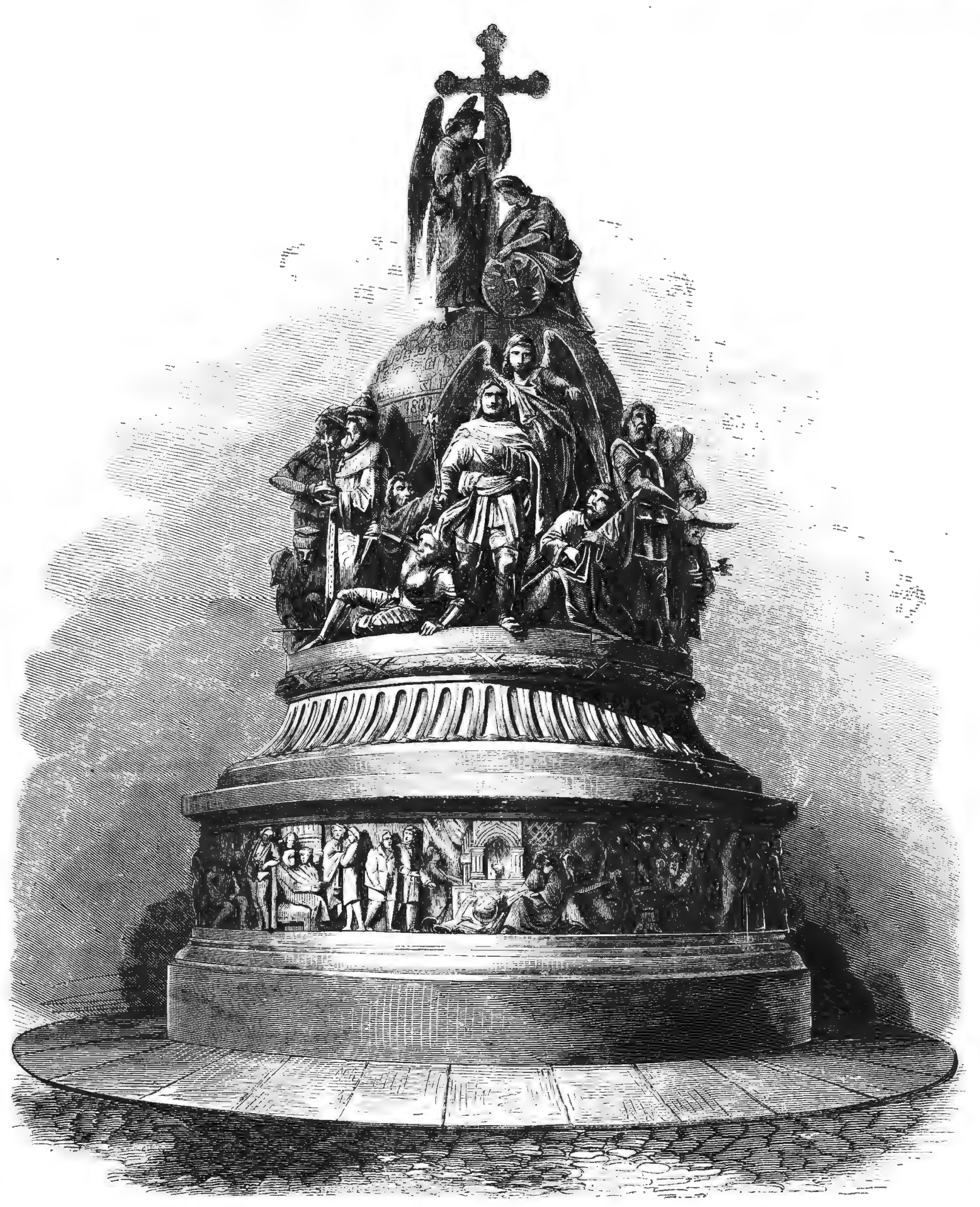
Памятникъ тысячелѣтія россійскаго государства, въ Новгородѣ.

Задолго еще до срока исполненія десяти-вѣковаго существованія россійскаго государства — по буквѣ лѣтописи — пришла уже въ голову многимъ патріотическая мысль: ознаменовать какимъ-либо вещественнымъ сооруженіемъ этотъ высокознаменательный фактъ. По крайней мѣрѣ, слишкомъ за пять лѣтъ до термина, а именно: 27 марта 1857 года, уже г. министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ министровъ записку «о сооруженіи въ Новѣ-городѣ памятника первому русскому государю Рюрику». Для осуществленія идеи полагалось возможнымъ собрать средства приглашеніемъ къ добровольному взносу всѣхъ русскихъ подданныхъ и для того открыть подписку. Идею осуществленія комитетъ министровъ находилъ съ своей стороны соотвѣтственною цѣли, но расходился съ министромъ въ основной мысли — памятникѣ собственно Рюрику — находя болѣе приличнымъ выраженіе въ монументѣ всѣхъ главныхъ фазовъ тысячелѣтней жизни отечества. Эта мысль, по представленіи Государю Императору, удостоена монаршаго утвержденія подписью «согласенъ», и въ засѣданіи 1 мая того же года комитетъ министровъ обсуждалъ уже вопросы: о подпискѣ, мѣстѣ для сооруженія и конкурсѣ на сочиненіе проекта, рѣшилъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ открыть подписку, а главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій — выполненіе по прочимъ вопросамъ. Утверждая это рѣшеніе, Государь Императоръ изволилъ написать: «Я желалъ бы открыть памятникъ 26 августа 1862 года». Подписка къ концу 1859 года дала только 113,000 руб. а потому испрошено Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ изъ государственнаго казначейства по 200,000 руб. въ 1860 и 1861 годахъ. Мѣсто для сооруженія выбрано на Софійской сторонѣ, внутри Кремля, передъ Софійскимъ соборомъ, на мѣстѣ стоявшаго памятника въ честь ополченія 1812 года, который рѣшено перенести на Софійскую торговую площадь. Программа, для темы художникамъ Высочайше утверждена 23 апрѣля 1859 г. и требовала отъ композитора представленія шести главныхъ эпохъ исторіи русской, а именно: основанія государства (862 г.), принятія христіанства (988), освобожденія отъ ига татаръ (1380), основанія единодержавія (1491), возстановленіе его избраніемъ Михаила Романова (1613) и основаніе имперіи (1721). Надъ памятникомъ художникъ-композиторъ долженъ былъ изобразить преобладаніе въ русскомъ народѣ вѣры, какъ главнаго основанія нравственнаго возвеличенія. Цѣнность памятника опредѣлена до 500,000 руб. и срокъ представленія проекта на конкурсъ — 1 ноября того же 1859 года. За проектъ выбранный для исполненія обѣщана премія въ 4,000 руб., а за слѣдующіе за нимъ 1,000 руб.

Къ данному сроку представлено 52 проекта и изъ нихъ 51-й признанъ лучшимъ 17-ю голосами. Онъ, какъ оказалось по вскрытіи пакета съ девизомъ, принадлежалъ художнику М. О. Микѣшину. Представлялъ онъ громадную державу, увѣнчанную группою православія и обставленную шестью представителями эпохъ, требуемыхъ программою. Въ засѣданіи 9 декабря комитетъ конкурса положилъ вторую премію раздѣлить между авторами проектовъ, подъ № 42 и 34 (гг. академиками архитектуры Антиповымъ и Горностаевымъ). Профессору Боссе поручено сочинить пьедесталь подъ представителей эпохъ, и тогда въ окончательномъ видѣ получился памятникъ, нынѣ существующій, въ общемъ, если угодно, напоминающій колоколъ. Самая оригинальность этой формы дѣлаетъ нашъ *памятникъ тысячелѣтія* единственнымъ, въ которомъ художникъ-композиторъ не подчинялся идеи классическихъ преданій и повторенія римскихъ монументовъ. За одно это — величайшее спасибо соотечественнику.

Верхнюю группу памятника составляетъ фигура на шарѣ, колѣнопреклоненной царственной жены, опершейся на щитъ, Россіи и Вѣры, въ видѣ ангела, держащаго крестъ; движеніемъ правой руки, вѣстникъ съ неба указываетъ Россіи на свѣтлую будущность подъ сѣнью православія. Подъ шаромъ на подножіи, фигуры представителей эпохъ должны начинаться Рюрикомъ,—воиномъ въ полномъ вооруженіи, держащимъ въ лѣвой рукѣ мечъ, а въ правой остроугольный, продолговатый щитъ съ цифрою 862. Съ лѣвой руки стоящій безобразный идолъ, уже поверженный при изображеніи св. Владиміра. Этотъ князь — Равноапостолъ повелѣваетъ жестомъ шуйцы разбить недавнюю свою святыню, поднимая въ правой рукѣ крестъ. Съ другой стороны Рюрика приходится Дмитрій Донской, наступившій на низложеннаго татарина, взирая на небо съ благодарностью Промыслу за побѣду, вкладывающій въ ножны мечъ свой. За нимъ дальновидный политикъ, сынъ Василія пятаго — Іоаннъ IV стоитъ со скипетромъ и державою подлѣ пораженнаго ливонскаго рыцаря, замахивающагося изломаннымъ мечемъ. Съ другой стороны Владиміра св. — между нимъ и Петромъ I — изображенъ юный Михаилъ Романовъ, готовясь принять корону, подносимую выборными отъ сословій, подъ охраною меча героя Пожарскаго. Держава въ рукахъ уже у государя-отрока и онъ обратился къ провидѣнію съ мольбою: подкрѣпить его въ понесеніи царскаго подвига. За нимъ правѣе къ Іоанну выступаетъ Петръ Великій, осѣняемый

геніемъ, положившимъ на царское плечо одну руку свою, а другою указывающій путь, по которому должна идти Россія, вдвинутая въ составъ европейскихъ державъ, чтабы исполнить завѣтъ своего перваго императора: сравняться съ сосѣдями ранѣе ея образованными. За геніемъ, подлѣ фигуры Петра, поверженъ шведъ съ разорваннымъ знаменемъ, напоминающій полтавскую побѣду надъ могучимъ, сперва счастливымъ и кичливымъ соперникомъ. По нашему крайнему разумѣнію, фигура шведа, въ лицѣ котораго выражено и отчаяніе и ярость, при сознаваемомъ безсиліи—лучшая изъ всего памятника; принадлежитъ она высоко - талантливому академику-скульптору Шнедеру, а прочія группы произведены гг. Михайловымъ и Залеманомъ. Кромѣ группъ, вокругъ подножія обвивается широкій поясъ сплошнаго горельефа (высотою 2 аршина 2 вершка), гдѣ большею частію представлены стоящими въ 104 фигурахъ всѣ наиболѣе замѣчательные люди русскіе. Отъ простолюдина Сусанина, до императора Николая I и духовнаго витіи, несравненнаго Иннокентія Таврическаго. Стоимость памятника до 490,350 руб. Памятникъ открытъ 8 сентября 1862 года.



Памятникъ тысячелѣтія Россійскаго государства въ Новгородѣ.

О ХАРЬКОВСКИХЪ БЕЗПОРЯДКАХЪ.

Вотъ что сообщаетъ «Правительственный Вѣстникъ» о безпорядкахъ, бывшихъ въ Харьковѣ на Святой недѣлѣ:

«17-го апрѣля, около 6 час. пополудни, на Михайловской площади **города Харькова**, гдѣ въ это время бываетъ народное гулянье, произошло между полиціею и нѣкоторою частью публики столкновеніе по поводу задержанія пьяныхъ людей. На этой площади находится зданіе 1-й полицейской части, въ которой помѣщается часть пожарной команды и управленіе пристава 2-го городскаго участка. При видѣ сопротивленія, оказаннаго полиціи, и огромной толпы, собравшейся передъ частью, приставъ 2-го участка Шмелевъ, бывшій, по показанію нѣкоторыхъ лицъ, въ нетрезвомъ видѣ, велѣлъ выѣхать на площадь пожарной командѣ, чтобъ разсѣять толпу. Пожарная команда, исполняя это приказаніе, объѣхала площадь сначала шагомъ, потомъ рысью, причемъ нѣсколько человѣкъ было сшиблено съ ногъ. Тогда многіе изъ толпы начали кидаться на пожарныхъ, а сіи послѣдніе стали защищаться. Видя неудачность принятой имъ мѣры и ушибенный самъ камнемъ въ голову, Шмелевъ ввелъ обратно команду въ часть. Въ это время прибылъ на площадь губернаторъ.

«Огромная толпа стояла у трупа убитаго солдата воронежскаго пѣхотнаго полка и ушибенной женщины. По распоряженію губернатора, они были немедленно перевезены въ часть. Вслѣдъ за ними толпа приблизилась къ части и громко требовала, чтобъ выданы были приставъ Шмелевъ и арестованныя имъ лица. Старанія губернатора убѣдить толпу въ неосновательности такого требованія и увѣренія въ томъ, что всѣ виновные подвергнуты будутъ строгому наказанію, остались безъ успѣха. Толпа, пришедши въ ярость, стала кидать каменьями въ окна зданія и перебила всѣ стекла. Оставаясь долго передъ народомъ, губернаторъ долженъ былъ, наконецъ, перейти въ зданіе части, гдѣ и пробылъ до того времени, пока толпа, выбивъ ворота, разошлась. Военной силы начальникъ губерніи требовать не хотѣлъ, ибо былъ убѣжденъ, что при разъяренности толпы пришлось бы употребить оружіе и принести въ жертву множество людей; прибывшая же, по распоряженію военнаго начальства, рота нашла площадь уже пустою. Тѣмъ и окончился безпорядокъ 17-го апрѣля, и съ вечера было приступлено къ производству слѣдствія.

«На другое утро, 18-го апрѣля, около 9-ти часовъ, т. е. ранѣе обыкновеннаго сбора народа на гулянье, стали прибывать на площадь значительныя толпы и сосредоточиваться около зданія части. Извѣстясь объ этомъ, губернаторъ, не выходя еще изъ дома, послалъ полицеймейстера, бывшаго у него въ то время, привести на площадь роту солдатъ. Затѣмъ, однако, получая донесенія, что число народа все прибываетъ, губернаторъ отправился на площадь и потребовалъ привода батальона. Прибывъ на площадь одновременно съ приходомъ двухъ ротъ, онъ приказалъ командовавшему ими офицеру сдѣлать нѣсколько движеній по площади для того, чтобъ разсѣять толпу, но эта мѣра пользы не принесла, и солдаты были встрѣчаемы насмѣшливыми криками и свистками. Вскорѣ сталъ приходить на площадь батальонъ, и въ одну изъ его ротъ народъ сталъ бросать камни. Солдаты, отступая, открыли, безъ приказанія, огонь и убили одного изъ толпы и нѣсколькихъ ранили. Въ это время случайно былъ смертельно раненъ находившійся на балконѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ штабсъ-ротмистръ кіевскаго гусарскаго полка Сушковъ. Приказавъ прекратить пальбу, губернаторъ поручилъ командиру полка, прибывшему съ батальономъ, сдѣлать съ одного конца площади до другаго движеніе развернутымъ фронтомъ, съ цѣлью заставить толпу разойтись. При видѣ этого, народъ хлынулъ съ площади, и, унося убитаго, двинулся къ губернаторскому дому, находящемуся на сосѣдней Вознесенской площади, куда, между тѣмъ, переведены были тѣ двѣ роты, которыя прибыли ранѣе. Такъ какъ Михайловская площадь совершенно опустѣла, то и батальонъ былъ двинутъ тоже на Вознесенскую площадь. Приэтомъ толпа вела себя болѣе сдержанно, требуя лишь одного, чтобъ выдали арестованныхъ лицъ. Простоявъ нѣкоторое время на Вознесенской площади, толпа двинулась обратно на Михайловскую и, прежде чѣмъ войска могли быть на оную переведены, кинулась въ зданіе 1-й части, ломая все, что попадалось подъ руку, не тронувъ однако лошадей и пожарнаго обоза. Въ это время пріѣхалъ на площадь преосвященный Нектарій, архіепископъ харьковскій, и въ сопровожденіи губернатора вошелъ въ толпу и началъ уговаривать народъ успокоиться и разойтись по домамъ. Для отвлеченія народа отъ мѣста безпорядка, преосвященный предложилъ идти за нимъ въ монастырь, находящійся на другомъ концѣ города, и тамъ отслужить молебенъ. На это народъ согласился, и преосвященный съ губернаторомъ, безъ сопровожденія войска и полиціи, окруженные огромною толпою, отправились пѣшкомъ чрезъ главнѣйшія улицы въ монастырь. Тамъ былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, преосвященнымъ сказано слово, и затѣмъ губернаторъ вышелъ пѣшкомъ изъ монастыря и снова сталъ убѣждать народъ разойтись. Когда же ему отвѣчали, что разойдутся только тогда, когда арестованныя лица будутъ выданы, то начальникъ губерніи отвѣчалъ, что хотя онъ и находится между народомъ одинъ, но никакая сила и никакія дѣйствія толпы не заставятъ его согласиться на такую постыдную для власти сдѣлку. Въ такихъ объясненіяхъ губернаторъ дошелъ съ народомъ до Харьковскаго моста и, сѣвъ въ экипажъ, отправился на Михайловскую площадь, а народъ повидимому сталъ расходиться. Черезъ часъ толпы стали собираться передъ зданіемъ 2-й полицейской части, находящейся на Николаевской площади. Тамъ съ утра поставлена была рота, но, находя это недостаточнымъ, губернаторъ захватилъ еще двѣ роты съ Михайловской площади и отправился къ новому мѣсту безпорядковъ. Прибывъ ко 2-й части, генералъ-маіоръ князь Крапоткинъ засталъ ее окруженною толпою народа, по которому сдѣлано уже было нѣсколько выстрѣловъ, такъ какъ небольшая доля толпы успѣла ворваться въ зданіе и выбросить изъ него нѣсколько связокъ стараго архива. Окруживъ зданіе густою цѣпью, губернаторъ оставался на мѣстѣ около двухъ часовъ. Народъ все требовалъ выдачи арестантовъ и изрѣдка бросалъ въ зданіе каменьями. Между тѣмъ, съ правой стороны части собрались лица болѣе благонамѣренныя и просили позволенія кинуться на толпу, бросавшую каменьями и, разогнавъ ее, схватить бывшихъ впереди. Получивъ это позволеніе, человѣкъ до трехсотъ кинулись на бушевавшую толпу, которая почти мгновенно разсѣялась, и такимъ образомъ часть Николаевской площади, на которой находится зданіе 2-й полицейской части, была очищена. Это происходило около 8-ми часовъ. Человѣкъ 40 было приэтомъ арестовано. Этимъ окончились уличные безпорядки. Въ теченіе ночи не было замѣчено ни малѣйшаго гдѣ бы то ни было скопленія народа, а на другой день Харьковъ принялъ свой обычный вседневный видъ.

«О числѣ убитыхъ, раненыхъ и ушибенныхъ въ теченіе двухъ дней сообщено во вчерашнемъ № «Правительственнаго Вѣстника» *). По 23-е апрѣля состоитъ подъ арестомъ всего 84 человѣка.

«Производящееся нынѣ слѣдствіе и полученныя оффиціальныя свѣдѣнія о ходѣ и истинномъ значеніи уличныхъ безпорядковъ въ городѣ Харьковѣ успѣли уже до извѣстной степени выяснить, что безпорядки эти не имѣли политическаго оттѣнка и по справедливости должны быть приписаны ненаходящему себѣ оправданія распоряженію пристава Шмелева, болѣе чѣмъ предосудительное поведеніе котораго послужило главнѣйшимъ поводомъ къ раздраженію толпы и доведенію ея до забвенія чувствъ долга, порядка и повиновенія властямъ.

«Приставъ Шмелевъ удаленъ отъ должности и по окончаніи слѣдствія будетъ преданъ суду».

*) Убитыхъ четверо, умершихъ отъ ранъ двое; поступило на излеченіе въ больницы: 1 полиц. чиновникъ, 6 нижнихъ чиновъ изъ войскъ, 1 полиц. солдатъ, 6 пожарныхъ и 7 чел. изъ народа, въ томъ числѣ 1 женщина. Сверхъ того, приходили въ хирургическую клинику легко ушибленныхъ 6 человѣкъ. Всего, насколько извѣстно, 33 человѣка. Убытку понесено на 750 р.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло объ азартной карточной игрѣ въ гор. Кашинѣ. — Дѣло редактора «Одесскаго Вѣстника» съ г-жею Валицкой.—Дѣло объ убійствѣ, совершонномъ послѣдователями хлыстовской секты въ Саратовской губерніи.

Въ Кашинскомъ (Тверской губерніи) окружномъ судѣ, въ концѣ марта текущаго года, разбиралось дѣло объ азартной карточной игрѣ, участниками въ которой являются мѣстные жители: мѣщанинъ Левъ Блиновъ, купецъ Александръ Ушаковъ, секретарь Кашинской городской думы Ник. Флеровскій и купецъ Ив. Верещагинъ. Дѣло это, заимствуемое нами изъ «С.-Пет. Вѣд.», представляетъ слѣдующія подробности: 9-го марта прошлаго года, кашинскому уѣздному

исправнику было передано письмо, отъ имени васильскаго мѣщанина Андрея Постникова къ Петру Николаевичу Головину. Въ письмѣ этомъ, Постниковъ, между прочимъ, заявляетъ, что въ субботу, 6-го марта, онъ былъ вызванъ въ трактиръ купца Верещагина, гдѣ была карточная игра, и тамъ, увлекшись игрою въ штосъ, проигралъ билетъ въ 1000 р., 359 р деньгами. часы, двѣ золотыя цѣпочки и кольцо. Все это досталось Блинову. Вслѣдствіе этого, ему, какъ онъ выражается, приходится выселиться изъ этой жизни. Въ письмѣ нѣсколько разъ повторяется просьба о призрѣніи сироты, его пятилѣтней незаконнорожденной дочери, прижитой имъ отъ мѣщанки Авдотьи Бобровой. Въ тотъже день, къ уѣздному исправнику поступило заявленіе отъ торговаго дома Зазыкиныхъ, что служившій у нихъ Андрей Постниковъ неизвѣстно куда скрылся, захвативъ съ собою болѣе 4,000 р. хозяйскихъ денегъ. Спустя 15 дней послѣ этого, найденъ былъ и самъ Постниковъ, близь рѣки Кашинки, за церковью Петра и Павла, лежащимъ на землѣ, съ раздробленнымъ черепомъ. Осмотръ показалъ, что смерть Постникова произошла отъ безусловно-смертельныхъ ранъ, нанесенныхъ огнестрѣльнымъ орудіемъ въ полость черепа и мозга. Слѣдствіе обнаружило слѣдующія обстоятельства этого грустнаго дѣла: въ гостинницѣ купца Ушакова карточная игра производилась неоднократно; 6-го марта собравшіеся туда Блиновъ, Верещагинъ и Флеровскій первоначально играли въ стуколку, а затѣмъ, когда эта игра прискучила, послали за Постниковымъ и стали играть въ штосъ. При этомъ Постниковъ проигралъ Блинову часы съ цѣпочкой и кольцо. Игра продолжалась далеко за полночь, хотя и не всѣ изъ означенныхъ лицъ принимали въ ней участіе. На судебномъ разбирательствѣ никто изъ подсудимыхъ виновнымъ себя не призналъ. Изъ свидѣтельскихъ показаній особенною простотою и искренностью отличается показаніе мѣщанки Бобровой, съ которою покойный состоялъ въ короткихъ отношеніяхъ. На предложенные ей вопросы она показала слѣдующее: «Я съ покойникомъ Андреемъ Васильевичемъ Постниковымъ состояла въ грѣхѣ 9 лѣтъ, — у насъ все было общее, и я его берегла какъ самое себя. Притомъ же, хоть я женщина не особенная, но чувствіе имѣю, и еслибъ не озорники, то крѣпость наша въ сердцѣ не разорвалась бы и жалостность къ Андрею Васильевичу до-сихъ-поръ меня не покидаетъ. Кромѣ того, хотя не при законствѣ, но все же я отъ него имѣю дитя. Въ иное время за чаемъ духъ радости обладалъ нами, когда все значитъ въ мирѣ и взаимности, а также съ птенцомъ вмѣстѣ время препровождали. Вотъ при такомъ времени вдругъ Андрей Васильевичъ сталъ имѣть склоненіе къ карточной игрѣ, благодаря вотъ имъ (указывая на подсудимыхъ); бывало придутъ они и засядутъ съ моимъ, а то такъ уведутъ его съ собою, и все игрище да игрище, такъ что въ моей утробѣ все перевернется. Да какъ же не перевернуться мнѣ, гг. судьи? Вѣдь обратите вниманіе, что я женскій человѣкъ и съ постоянствомъ въ чувствіи, а также съ понятіемъ. Ну развѣ не больно въ сердцѣ, когда они моего оберутъ, да обдерутъ! Извѣстно, кто къ чему похоть имѣетъ, тотъ къ тому липнетъ: они къ картамъ, да къ картамъ каждый вечеръ, а тутъ грѣй самоваръ, да угощеніе. Судите сами: прокъ бываетъ въ нормальности, а тутъ все изнанкой. Такъ-то у насъ пошли порядки; я при безпомощности и покорству къ Андрею Васильевичу, только въ скорби отвлеченіе искала. Наконецъ, 6-го марта, они (указывая на подсудимыхъ) приконечность сдѣлали моему, зазвали его въ трактиръ Ушакова и тамъ не знаю, что творили. Я прежде уговаривала ихъ не смущать нашей пріятности въ жизни, не обыгрывать моего; но они съ упрекомъ и форсомъ слову вниманія не дали. Извѣстно, въ сердце позывъ бываетъ; я. когда Андрея въ трактиръ взяли, сейчасъ нехорошее почувствовала и даже сама отправилась туда, чтобъ своего вытащить, но мнѣ туда впуску не сдѣлали. На другой день мой ходилъ повѣся носъ, и не знаю когда написалъ вамъ, ваше превосходительство, письмо, а самъ безъ всякаго слова отлучился и болѣе не показывался. Начальство потомъ гибель его розыскали, потомъ Андрея Васильевича надрѣзали и слѣдствіе сдѣлали. Какъ бы не игра, все наше пріятство до конца дней свято и не нарушимо пребывало».

Прокуроръ въ своей рѣчи доказывалъ виновность всѣхъ подсудимыхъ, ссылаясь при этомъ на кассаціонныя рѣшенія Правительствующаго Сената, которыми выяснено: во 1-хъ, что означенныя игры принадлежатъ къ числу азартныхъ, а во 2-хъ, что законъ, для признанія существованія игорнаго дома, вовсе не требуетъ непрерывной, постоянной игры. Съ другой стороны, защита высказалась, что письмо Постникова указываетъ вообще на неудачи въ жизни, какъ на главную причину, побудившую къ самоубійству, а не приписываетъ свою рѣшимость одному только проигрышу; что преслѣдовать азартную игру въ настоящемъ случаѣ, тогда какъ она происходитъ чуть не въ каждомъ домѣ, — было-бы несправедливо; что, наконецъ, подсудимые вели игру честно, никого не приневоливая и расплачиваясь какъ слѣдуетъ. Окружный судъ, послѣ двухъ-часоваго совѣщанія, приговорилъ Верещагина и Флеровскаго къ 3-хъ недѣльному аресту, Блинова выдержать при полиціи мѣсяцъ подъ арестомъ, а Ушакова къ денежному штрафу въ 50 рублей.

— 8-го апрѣля, у одного изъ мировыхъ судей г. Одессы, разбиралось слѣдующее интересное дѣло. Дѣвица М. К. Валицкая, дочь доктора, лишившись рано отца, принуждена была отыскивать себѣ средства къ существованію уроками въ частныхъ домахъ. Но такъ какъ уроки — занятіе не постоянное, да и не особенно выгодное, то г-жа Валицкая рѣшилась воспользоваться открывшеюся въ редакціи «Одесскаго Вѣстника» вакансіею на мѣсто корректора и просила объ этомъ письменно редактора этой газеты г. Сокальскаго. На первое письмо свое она не получила отвѣта; на второеже, посланное открытымъ, она получила письмо, вызвавшее все это дѣло. Г. Сокальскій писалъ, что прежній корректоръ остается на своемъ мѣстѣ, но что если г-жѣ Валицкой угодно будетъ занять мѣсто при редакціи, то, для переговоровъ и вообще для болѣе близкаго съ ней знакомства, было бы нелишнее имѣть разговоръ нѣсколько длиннѣе того, который они имѣли до сихъ поръ. «Если вы, пишетъ далѣе г. Сокальскій, раздѣляете такое мнѣніе, то пришлите мнѣ письмо, но *закрытое* (не открытое) или по городской почтѣ, или какъ хотите, съ изложеніемъ вашего взгляда на этотъ сюжетъ. Какъ вы сами знаете, я по утрамъ занятъ всегда и могу располагать временемъ только отъ 6 часовъ вечера: тогда я къ вашимъ услугамъ. Но я бы не желалъ имѣть этотъ разговоръ дома; у меня всегда толпа народа. Можно было-бы назначить entrevue на свѣжемъ воздухѣ, возлѣ какого-либо удобнаго для васъ пункта, куда я явился-бы въ назначенное время, и мы, гуляя, побесѣдовали-бы, или катаясь, если вы захотите, въ крытомъ экипажѣ, дабы вамъ не простудиться; вотъ вамъ мои идеи. При бесѣдѣ, вѣроятно, разъяснились-бы и желанныя обстоятельства. Прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности». Получивши это посланіе г-жа Валицкая показала его своему брату и потомъ написала письмо къ г. Сокальскому, съ требованіемъ объяснить ей смыслъ его словъ и извиниться передъ ней. Но г. Сокальскій не отвѣчалъ. Тогда г-жа Валицкая подала жалобу мировому судьѣ, обвиняя г. Сокальскаго въ оскорбленіи. Разобравъ дѣло, мировой судья приговорилъ г. Сокальскаго къ штрафу въ 50 руб. въ пользу мѣстъ заключенія, чѣмъ обѣ стороны остались недовольны: г-жа Валицкая потому, что повѣренный ея въ своемъ прошеніи мировому судьѣ просилъ подвергнуть г. Сокальскаго аресту на основаніи причинъ, увеличивающихъ вину его, какъ человѣка образованнаго и руководителя общественнаго мнѣнія; а г. Сокальскій потому, что не призналъ себя виновнымъ ни въ какомъ оскорбленіи. Такимъ образомъ, дѣло это будетъ еще разбираться въ мировомъ съѣздѣ, и объ окончательномъ его рѣшеніи мы не замедлимъ сообщить читателямъ.

— По извѣстіямъ газеты «Русскій Міръ», въ г. Бала-

шовѣ, Саратовскимъ окружнымъ судомъ разбиралось дѣло объ убійствѣ крестьянки Швецовой, совершонномъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Крестьянка Кожевникова и крестьянинъ Стасенковъ, принадлежащіе къ хлыстовской сектѣ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Колесниковымъ и крестьянками Швецовой и Ковтуновой, ѣхали изъ Афанасьевскихъ хуторовъ, гдѣ они слушали поученія извѣстнаго раскольника Катасонова, въ село Уварово. Во время пути, Кожевникова называла себя то Варварою великомученицею, то Богородицею. Стасенковъ вполнѣ находился подъ ея вліяніемъ и дѣлалъ все, что она ни приказывала. По ея повелѣнію, онъ бросилъ въ воду ѣхавшую съ ними крестьянку Ковтунову, которая потомъ выплыла и спаслась бѣгствомъ. Затѣмъ, по приказанію той-же Кожевниковой, которая увѣряла, что можетъ воскресить мертваго, онъ сталъ бить Швецову, опрокинулъ ее съ телѣги и держалъ ее за ноги, такъ-что головой и туловищемъ она ударялась о заднее колесо. Убитую такимъ образомъ Швецову они положили на землю, и Кожевникова, правившая лошадьми, два раза быстро проѣхала черезъ трупъ несчастной женщины. Затѣмъ, Стасенковъ началъ бить Колесникова, который и убѣжалъ. На судѣ всѣ подсудимые и свидѣтели отвѣчали полнымъ запирательствомъ даже насчетъ того, что они показывали на предварительномъ слѣдствіи. Присяжные признали подсудимыхъ виновными, а судъ приговорилъ: Стасенкова, Кожевникову и Катасонова (какъ распространителя секты), лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать: Стасенкова въ каторжныя работы въ рудникахъ на 17½ лѣтъ, Кожевникову — на заводахъ на 17½ лѣтъ, Катасонова—на поселеніе. Колесникова же, за недонесеніе о случившемся, судъ приговорилъ къ аресту на 2 мѣсяца.

— Извѣстное дѣло братьевъ Мясниковыхъ (см. № «Нивы»), вслѣдствіе состоявшагося на дняхъ рѣшенія Сената, препровождено для разсматриванія въ московскій окружной судъ.

Политическое обозрѣніе.

Французы судятъ своего маршала Базена. Судятъ они его за то, что въ послѣднюю войну, имѣя въ своемъ распоряженіи 150,000-ю отборную армію, онъ не только не старался соединиться съ другими арміями, чтобы помѣшать движенію нѣмецкихъ войскъ къ Парижу, но какъ-будто нарочно медлилъ, оставался неподвижнымъ и кончилъ тѣмъ, что сдался, со всею своею арміею, непріятелю въ крѣпости Метцъ. За этотъ поступокъ онъ тогда же былъ заклейменъ именемъ измѣнника и носитъ его до сихъ поръ. Однако, чтобы какъ-нибудь оправдать себя передъ общественнымъ мнѣніемъ, Базенъ издалъ въ свѣтъ книгу, въ которой старается смягчить свой поступокъ въ глазахъ французовъ; въ концѣ же концовъ самъ запутывается до того, что, обнаруживаетъ скрытую цѣль своей военной политики, т. е., что ему необходимо было сберечь армію для «сохраненія общественнаго порядка»; другими словами — для возстановленія династіи Наполеона въ лицѣ его супруги или сына. Бывшій маршалъ говоритъ, что не будь его арміи—некому было бы и сражаться съ Коммуной!... Но французы на этотъ разъ оказываются менѣе легкомысленными и рядомъ фактическихъ данныхъ опровергаютъ измышленія наполеоновскаго генерала. Видя, что публичное оправданіе успѣха не имѣетъ, Базенъ рѣшается на послѣднее средство — требуетъ, чтобы его предали военному суду. Но тутъ является новое затрудненіе: кого назначить въ судъ, если почти болѣе или менѣе значительныя лица изъ военныхъ замѣшаны въ настоящемъ дѣлѣ? Даже военный министръ Сиссэ, служившій когда-то подъ начальствомъ Базэна, нѣсколько скомпрометтированъ дѣйствіями сего послѣдняго. Тьеръ цѣлый годъ противился назначенію суда надъ маршаломъ Базэномъ; но наконецъ принужденъ былъ склониться передъ требованіями общественнаго мнѣнія. Базенъ арестованъ, и къ нему приставленъ особый, чрезвычайный караулъ подъ командою полковника. Въ самомъ дѣлѣ, надъ этимъ дѣятелемъ второй имперіи тяготѣютъ такія сильныя обвиненія и притомъ съ такимъ количествомъ уликъ, что ему едвали удастся избѣгнуть наказанія, даже самаго жестокаго по военнымъ законамъ. На французовъ этотъ процессъ дѣйствуетъ въ высшей степени раздражительно. Раздражительность эта поддерживается: съ одной стороны—самоувѣренностью Базэна, который все еще не хочетъ вѣрить, чтобы дѣло кончилось для него такъ худо, а съ другой—рѣчью герцога Одиффре-Пакье, произнесенною имъ въ Національномъ Собраніи. Исторія съ маршаломъ Базэномъ получаетъ особенно яркую окраску въ виду цѣлаго ряда въ высшей степени печальныхъ фактовъ, сообщенныхъ г. Одиффре-Пакье касательно поставки военныхъ припасовъ для арміи въ прошедшую войну. Ораторъ раскрылъ передъ собраніемъ такую ужасную картину всевозможныхъ злоупотребленій, что всѣ депутаты, безъ различія партій, были поражены этой логикой цифръ и фактовъ. Тутъ былъ и подлогъ, и фальшивыя квитанціи, которыя выдавались министерствомъ на товаръ негодный или вовсе не существующій; и сдѣлки коммиссаріатскихъ чиновниковъ съ подрядчиками, съ которыми они дѣлились казенными деньгами; и сдѣлки подрядчиковъ съ фабрикантами; и награды выдаваемыя отличавшимся такими подвигами офицерамъ, въ то время, какъ другіе, обращавшіе вниманіе высшаго начальства на эти злоупотребленія, впадали въ немилость, и многое другое, еще болѣе ужасное. Рѣчь герцога была принята съ единодушнымъ одобреніемъ. Она, очевидно, попала въ цѣль, тѣмъ болѣе что клонилась къ тому, чтобы указаніемъ на злоупотребленія въ прошедшемъ предостеречь отъ нихъ въ будущемъ.

Возстаніе карлистовъ въ Испаніи все еще не подавлено. Хотя, какъ достовѣрно извѣстно, вождь его донъ-Карлосъ и его подручники уже бѣжали во Францію, но нѣсколько шаекъ продолжаютъ еще дѣйствовать въ разныхъ провинціяхъ; а потому осадное положеніе продолжается и правительство въ полной тревогѣ. Тревога эта усиливается отъ извѣстій, получаемыхъ съ юга, что тамъ, въ городахъ Кадиксѣ, Малагѣ, Севильѣ и Хересѣ началось движеніе въ пользу республики. Если это извѣстіе справедливо, то нельзя не сознаться, что обѣ партіи — карлистская и республиканская — выбрали для своихъ дѣйствій весьма удобный моментъ и что нынѣшнему правительству Испаніи угрожаетъ весьма серьозная опасность.

Въ англійскомъ парламентѣ обсуждался недавно билль (предложеніе, проектъ) объ отмѣнѣ всѣхъ законовъ, лишающихъ женщину политическихъ правъ и о дарованіи имъ права голоса на выборахъ въ парламентъ. Билль этотъ принадлежитъ Дж. Брайту и былъ имъ защищаемъ въ двухъ засѣданіяхъ. Представители англійскаго народа въ настоящемъ вопросѣ раздѣлились на двѣ партіи: одна была противъ проекта, другая за него. Первая не выставила противъ билля почти никакихъ серьезныхъ возраженій, находя только, что допустить женщинъ къ участію въ выборахъ— «неестественно», «не согласно съ законами природы» и проч. Вторая — выставляла на видъ вредъ, происходящій для общества и государства отъ неравноправности женщинъ съ мужчинами.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 5 Мая 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Стремянная, д. № 15—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 15 мая 1872 года.

Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Лорелея.

Оригинальный разсказъ изъ петербургской жизни.

Und Das hat mit ihrem Singen
Die Lorelei gethan.

H. Heine.

(И вотъ что своимъ пѣніемъ
надѣлала Лорелея)

Г. Гейне.

Бѣдная Лорелея! За что про нее пошла такая худая слава? За что имя ея сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для обозначенія женскаго коварства и бездушнаго кокетства?—такъ что даже поэтъ кончаетъ свой чудно-грустный сказъ о ней затаеннымъ укоромъ: «И вотъ что своимъ пѣніемъ надѣлала Лорелея!!» За что же, за что? Или виновата она тѣмъ, что Богъ далъ ей и кудри золотыя и дивно-чарующій голосъ? Какъ же ей не пѣть пѣсенъ, какъ не распустить, не посушить на солнцѣ кудрей своихъ! Неужели скрываться ей подъ холодными волнами, чтобы не ослѣпить красотой? неужели замкнуть на вѣкъ въ груди и тоску и радость, чтобы голосомъ не смутить пловца? Развѣ она для него поетъ? для него развѣ сѣла надъ рѣкою? Она сама упивается чистымъ воздухомъ вольнаго поднебесья, грѣетъ, расправляетъ свои охолодѣлые члены,—виновата ли она, что хороша, что запястье блещетъ на солнцѣ? Она для себя поетъ, потому что голосъ у нея и мощенъ и гибокъ и просится вонъ изъ груди, — виновата ли она, что выливается онъ такими звуками, отъ которыхъ щемитъ и замираетъ сердце одинокаго пловца? Если и приключится лишній разъ вѣчно новая alte Geschichte—что за бѣда? Или въ самомъ дѣлѣ идеалъ жизни въ томъ, чтобы никогда ничего не приключалось?.. — Нѣтъ, ужъ пусть лучше сидитъ Лорелея на своемъ утесѣ, «чешетъ кудри золотыя, чешетъ гребнемъ золотымъ» и заливается вольной пѣснью, къ превеликому соблазну и негодованію добродѣтельныхъ матронъ, которыя желали бы заселить весь міръ полезными курицами, и глубокомудрыхъ кротовъ трудолюбиво доказывающихъ, что «не цвѣты прекрасны, а картофель». Впрочемъ, саркастическія сѣтованія на этихъ добрыхъ блюстителей общественной безопасности болѣе чѣмъ неумѣстны,—несправедливы:—развѣ виноваты они въ томъ, что, будучи отличными людьми, они прескверные музыканты? и гдѣ же имъ знать, что иному лучше разбиться объ утесъ, заглядѣвшись на Лорелею, заслушавшись ея душу-пронимающей пѣсни, и потонуть въ свѣтлой, быстрой, глубокой рѣкѣ, нежели безмятежно благополучно плыть «многія лѣта» по болоту, гдѣ нѣтъ ни утесовъ, ни Лорелей!

Это присказка, а сказка въ томъ, что я въ жизни встрѣтилась съ Лорелеей, и коротко сошлась съ нею. Да, это была она: тѣ самыя золотыя кудри, та самая мраморно-мелькающая бѣлизна античныхъ рукъ, то самое совершенство небольшой, осанистой фигуры, та самая

горделиво-сіяющая улыбка, наконецъ тѣ самые лучистые и бездонно-глубокіе глаза, изъ которыхъ глядитъ на васъ вся загадочная нѣга вѣчнаго голубаго цвѣтка нѣмецкихъ романтиковъ, и въ то же время вся свѣжесть и сила неизвѣданныхъ подводныхъ царствъ.

Мы съ братомъ, точно сговорившись, прозвали Вѣрочку Лорелеей въ первые же дни, какъ она поселилась у насъ. Я ее видала маленькую у моей любимой подруги, ея покойной матери, но никогда бы не вообразила, чтобъ изъ нея вышло то блестящее, безконечно-чарующее существо, которое внесло такой потокъ жизни, свѣта, аромата въ наше, если не мрачное, то и не особенно свѣтлое существованіе. Она была не одна на свѣтѣ, если считать кровное родство обезпеченіемъ отъ одиночества: у нея былъ старшій братъ, чиновникъ высшаго полета, мѣтившій въ сановники, были двѣ старшія сестры, женщины уважаемыя, съ совершеннымъ достоинствомъ вращавшіяся въ томъ, что условно называется «свѣтомъ»,— значитъ, тройной семейный кругъ, такъ сказать, охватывалъ эту молодую жизнь, ограждая ее отъ всякихъ опасностей, нападокъ и злокозненныхъ посягновеній. Казалось бы—чего лучше? а на дѣлѣ выходило не то. Ее съ малолѣтства въ семьѣ не долюбливали, во-первыхъ потому, что она было дочерью второй жены, свѣтлаго, нервнаго, изящнаго созданія, которое никогда не пользовалось расположеніемъ ни даже уваженіемъ полувзрослыхъ, рано сложившихся въ солидную форму, дѣтей первой, почтенной, но нелюбимой супруги; а во вторыхъ, очень ужь Вѣрочка не въ семью уродилась, ко двору очень ужь не пришлась. Вѣдь не всякое добропорядочное и богобоязненное семейство радо, когда неизвѣстно откуда принесшаяся волна выплеснетъ на его священный берегъ, въ заповѣдный кругъ его, какую нибудь златовласую, рѣзвую ундину,—особенно когда законы обоготвореннаго «свѣта» никакъ не дозволяютъ толкнуть ее назадъ въ родную стихію, какъ нѣчто профанирующее и компрометтирующее строго выдержанную среду. Нужно быть очень, очень простому и непосредственному сердцемъ, чтобъ отнестись съ такой пришелицѣ такъ любовно и безхитростно, какъ добрые старики въ нашей обще-любимой сказкѣ.

Вотъ почему Вѣрочка, по смерти отца, при которомъ она уже нѣсколько лѣтъ оставалась одна, и который души въ ней не чаялъ, не долго выжила въ трехъ родныхъ кружкахъ, куда она было примащивалась съ искреннѣйшимъ желаніемъ полюбить и полюбиться,— и приняла наше приглашеніе съ радостью птички, которой растворяется клѣтка. Она никогда не распространялась о подробностяхъ разладицы, безвыходно установившейся въ ея семейныхъ отношеніяхъ; но, зная ее высокопочтенную роденьку, намъ не трудно было догадаться, что она подвергалась тамъ систематическому, впрочемъ совершенно благонамѣренному процессу душенія и мороженія, съ приправой тонкихъ намековъ и тяжеловѣсныхъ поученій. Хотя годами не ребенокъ (ей было почти двадцать пять лѣтъ), она была беззащитнѣе всякаго ребенка, по крайней чуткости и горячности своей натуры. Обидѣть ее каждый могъ: стоило пахнуть на нее холодомъ—она мгновенно жалась, блекла—и жестоко но безмолвно страдала... Нѣтъ, подъ водою ей рѣшительно было не житье, все въ ней просилось на чистыя выси, на просторъ—нѣжиться и развернуться подъ теплыми лучами животворно-ласкающаго солнца. Уѣхать къ давно-звавшей ее бездѣтной доброй старухѣ теткѣ—она не могла до окончанія всѣхъ хлопотъ по наслѣдству, такъ какъ въ ея отсутствіи ее непремѣнно поприжали-бы; а доля приходилась ей, даже по завѣщанію отца, не настолько значительная чтобы пренебрегать лишней десятиной или лишней тысячью. Да и потомъ, ей какъ-то видимо не хотѣлось уѣзжать.

И такъ она поселилась у насъ.

Не могу сказать, чтобы наша жизнь пошла на новый ладъ. Напротивъ; все осталось по прежнему. Вѣрочка тоже къ ней не прилаживалась, а сохранила свои привычки, свои порядки; она не вошла въ нашу жизнь, а какъ-то пошла рядомъ съ нею—и всѣмъ было легко и пріятно. Въ залѣ явился рояль, въ мастерской брата — новый уголокъ, столикъ съ кресломъ у окна—и болѣе никакихъ признаковъ присутствія посторонней личности. Она такъ-сказать помѣстилась со своимъ собственнымъ міромъ въ предоставленной ей комнатѣ. Она была изъ числа тѣхъ немногихъ людей, съ которыми можно жить вмѣстѣ; всегда какъ-то оставаясь особнякомъ, и при этомъ никого и ничего не чуждаясь, она лучше кого-бы то ни было постигала великую тайну совмѣстнаго жительства: другъ другу не мѣшать. Впрочемъ постигать-то многіе постигаютъ необходимость этого первѣйшаго въ такихъ случаяхъ условія, но при всемъ желаніи, исполнить его не въ состояніи, потому что вѣдь на это требуются—шутка сказать!—то добродушіе и та ровность характера, которыя даются только сильною самостоятельною натурой, нравственной выдержкой да высшимъ умственнымъ развитіемъ. Обладая въ сильной степени всѣми этими рѣдкими свойствами, Вѣрочка въ нѣсколько дней побѣдила угрюмость и нелюдимость брата, который ничего такъ не боялся, какъ вторженія въ его установившуюся *медвѣжью* жизнь, какъ я иногда трунила надъ нимъ,—и таки поморщился когда я въ первый разъ, скрѣпя сердце, объявила ему о необходимости выручить бѣдняжку изъ душившихъ ее когтей. Еслибы не память о ея матери, которая когда-то была его юношескимъ, или вѣрнѣе, дѣтскимъ идеаломъ, онъ едва ли бы согласился.

Странный былъ человѣкъ покойный братъ Ѳедоръ Алексѣевичъ. Мистриссъ Бичеръ Стоу въ одномъ изъ своихъ романовъ говоритъ о нѣкоторыхъ натурахъ, что онѣ похожи на сладкій каштанъ въ колючей скорлупѣ. Колючимъ его нельзя было назвать, но довольно таки шероховата была оболочка, подъ которой скрывалось это честное, любящее, теплое сердце. Отъ природы сосредоточенный и нѣсколько мѣшковатый, и вслѣдствіе этого, можетъ быть, нелюдимый и застѣнчивый, онъ еще юношей ушелъ въ свое искусство, какъ улитка въ спасительную раковину, и отдался ему всѣми силами своей затаенно-страстной натуры. Два раза только хватился онъ, что существуютъ еще другіе міры, кромѣ міра живописи съ его творческими восторгами и уныніями, съ его обаятельно-неуловимыми или плѣнительно яркими образами, изъ которыхъ лучшіе не тѣ, что ложатся на полотно,—два раза рванулся въ эти вдругъ лучезарно раскрывшіеся передъ нимъ міры, да не къ добру. Первый разъ—очень еще юнъ былъ—онъ влюбился въ дѣвушку блестящей красоты, живаго, или скорѣе бойкаго ума, которая увлеклась мишурной стороной жизни художника, и женился на ней, несмотря на значительное приданое—а тридцати лѣтъ хуже чѣмъ овдовѣлъ. Молодая жена соскучилась съ нимъ. Нѣкогда восхищавшая ее мастерская потеряла для нея всякую прелесть, превратилась въ глазахъ ея въ сборъ без-

смысленнаго хлама—послѣ того какъ она увидѣла, что ее не посѣщаютъ безпрестанно тузы и перлы великосвѣтскихъ салоновъ, которые, мечталось ей, будутъ по ровну дѣлить восторгъ свой — partageront leurs hommages — между даровитымъ артистомъ и его обворожительной женою и наперерывъ будутъ упрашивать ихъ «украсить собою» ихъ réunions choisies. Она все съ большей ѣдкостью упрекала мужа, что онъ не доставляетъ ей развлеченія и удовольствій, «которыхъ она, наконецъ, не вымаливаетъ у него, а которыми имѣетъ полное, кажется, право пользоваться на собственныя деньги»; наконецъ, когда у нихъ въ одну ночь крупомъ умеръ единственный трехлѣтній сынишка, она, подъ предлогомъ разстройства нервовъ, отправилась за границу на воды и—не воротилась. Я узнала объ этомъ изъ очень немногословнаго и некраснорѣчиваго письма брата, а когда я вскорѣ послѣ того лишилась мужа, только что выдавъ замужъ дочь, онъ такимъ-же точно письмомъ, которое показалось-бы холоднымъ всякому, его не знавшему, предложилъ мнѣ переѣхать къ нему и привести въ образъ и подобіе чего нибудь человѣческаго его запущенное «холостое хозяйство». «Тебѣ не весело, писалъ онъ между прочимъ, — мнѣ тоже: nous nous ennuierons ensemble, какъ говорилъ Людовикъ XIII». Это было единственнымъ намекомъ на его душевное состояніе. Встрѣтились мы такъ же просто, и на видъ онъ показался мнѣ почти неизмѣнившимся: только серебро забралось въ его густые, черные, лежавшіе крупными волнами волосы, да между бровями стали двѣ складки, которыя уже никогда не изглаживались, даже въ тѣ рѣдкія минуты, когда лицо его прояснялось знакомой улыбкой: а улыбка у него была изъ тѣхъ, про которыя говорится, что «рублемъ подаритъ» или «солнце красное взойдетъ». Разговоровъ особенныхъ у насъ такъ и не вышло, до тѣхъ поръ, пока не пришло письмо съ извѣстіемъ о смерти его жены, отъ доктора лечившаго ея, изъ приличія запечатанное чернымъ сургучомъ. Она умерла въ Парижѣ отъ воспаленія легкихъ, схваченнаго при выходѣ изъ Bal de l'Opéra. Письмо было получено не при мнѣ; я только видѣла, что братъ весь день ходилъ еще сумрачнѣе, еще молчаливѣе обыкновеннаго,—и, какъ всегда въ подобныя минуты, сторонилась отъ него. Я его такъ любила, такъ безконечно жалѣла, что даже боялась его и никогда-бы не рѣшилась подойти къ нему съ вопросомъ,—развѣ нѣмой лаcкою напомню ему, что онъ не одинъ. Не подавая виду, онъ все замѣчалъ, все цѣнилъ—и между нами почти безъ словъ установилось глубокое, прочное обоюдное пониманіе.

Въ тотъ памятный вечеръ я сидѣла одна въ своей комнатѣ съ книгой и медлила ложиться, потому что изъ мастерской раздавались тяжелые, мѣрные шаги,—и я почему-то все ждала, что они подойдутъ къ моей двери. Я не ошиблась. Постучавшись, братъ вошелъ ко мнѣ, и какъ-то ужъ слишкомъ спокойно положилъ на столикъ мой письмо:

— Прочти, Маша,—сегодня утромъ принесли.

Я прочла — и молчала, боялась взглянуть на него.

— Тебѣ жаль ее? наконецъ вырвалось у меня, хотя я собственно хотѣла сказать совсѣмъ другое, не знаю что̀ именно, но только не это.

— Нѣтъ, я за нее радъ.

— За нее! Тебѣ за себя ее жаль...

— За себя! Да развѣ было что̀ нибудь общее между нами!

— Но вѣдь ты все таки еще любилъ ее.

— Нѣтъ, не любилъ. *То* все давно переболѣло—и умерло.

— Полно, братъ, не отпирайся: не любилъ-бы, не былъ-бы такъ убитъ. Развѣ я не вижу!

— Эхъ, Маша! вдругъ какъ-то выкрикнулъ онъ съ такой надрывающей тоскою, что у меня сердце сжалось отъ жуткой боли,—когда отнимутъ прострѣленную ногу, вѣдь не ноги жаль,—что̀ въ ней? мертвый кусокъ мяса!—а скверно то, что ходишь безъ ноги. Въ любви вѣдь самое лучшее—она сама, любовь-то, самое чувство. А какъ порвется оно, да станетъ пусто гдѣ было полно, холодно гдѣ было тепло—такъ вѣдь это живая смерть, пойми это! Того что̀ оторвалось и не нужно совсѣмъ—то мертвое; а мертвеца изъ могилы не вернешь, не посадишь на прежнее мѣсто, какъ-бы ни былъ милъ покойникъ при жизни... Но скверно то, что мѣсто-то пустое; одиночество—вотъ оно что̀ душитъ и грызетъ и ноетъ. Знаю я—есть люди, которые, разъ полюбивъ, такъ и любятъ до конца, во чтобы то ни стало, несмотря ни на что — прилѣпились и льнутъ, хотя бы мраморъ оказался глиною, золото—фольгой: про нихъ я могу сказать одно: счастливцы!

Онъ вздохнулъ, тяжко такъ, устало—и во вздохѣ его дѣйствительно сказывалась зависть...

Мы просидѣли чуть не до разсвѣта.

Послѣ той ночи, хотя опять-таки въ нашемъ житьѣбытьѣ ничего не измѣнилось и братъ не сталъ словоохотливѣе прежняго, но онъ чаще давалъ мнѣ заглядывать въ свой душевный міръ, на свое морское дно—и много на этомъ днѣ хранилось чудныхъ перловъ.

Понятно, что я не безъ тревоги слѣдила за впечатлѣніями, которыя въ первые дни знакомства производила на моего затворника наша гостья, казалось бы ужь нисколько не подходящая къ его теперешнему суровому, замкнутому настроенію. Но опасенія моя оказались совершенно напрасными. Вполнѣ зная себѣ цѣну, Вѣрочка была слишкомъ проста и нормальна, чтобы требовать поклоненія, и потому нисколько не смутилась односложной вѣжливостью, которою ограничились первыя ея встрѣчи съ братомъ. Онъ, съ своей стороны, былъ пріятно пораженъ ея безъ-искуственнымъ, непринужденнымъ обращеніемъ и ни на минуту не ощущалъ стѣсненія, котораго ожидалъ отъ присутствія новаго лица.

Сначала мы всѣ трое сходились только два раза въ день, такъ сказать офиціально, за обѣдомъ и за вечернимъ чаемъ. Утромъ Вѣрочка занималась въ своей комнатѣ, играла, не стѣсняясь и не извиняясь, зная что съ ея талантомъ и мастерствомъ игра ея не можетъ мѣшать или быть непріятною,—и весьма часто уходила «по дѣламъ,» не пускаясь въ объясненія даже со мною, хотя мы съ нею и сблизились, какъ это легко дѣлается между женщинами, другъ другу симпатичными. Послѣ обѣда она обыкновенно уходила къ себѣ, но послѣ чая стала понемногу засиживаться все долѣе и долѣе—и разговоры съ каждымъ вечеромъ становились болѣе общими и оживленными. Я никогда не забуду этихъ, дѣйствительно, causeries intimes; въ нихъ все такъ гармонировало, такъ покоило душу — точно свѣтлый и полный аккордъ, разрѣшающій диссонансы дневныхъ мелкихъ заботъ и будничныхъ тревогъ.

Въ самой обстановкѣ этого вечерняго чая была своеобразная прелесть, располагавшая къ отрѣшенію отъ обыденнаго строя мыслей и взаимному довѣрію. Въ

одной сторонѣ просторной мастерской, вообще убранной только рабочими принадлежностями, т. е., собственно говоря, вовсе не убранной,—былъ устроенъ на мягкомъ, яркомъ коврѣ прелестный уголокъ: роскошный диванъ и кресла, обитые малиновымъ бархатомъ, окружали невысокій овальный столъ; въ сторонѣ, у камина стояла глубокая, спокойная американская качалка съ утопающими въ ней бархатными-же подушками; а въ самомъ углу, на этажеркѣ, украшенной изящной мраморной группою, съ антика, не совсѣмъ правильно лежали на всѣхъ полкахъ груды богатыхъ по содержанію альбомовъ. Тутъ была и полная фотографическая коллекція Каульбаха, и какое-то старинное уже вышедшее изъ продажи изданіе Оберона in folio съ чудными гравюрами и безчисленнымъ множествомъ тѣхъ замысловатыхъ, граціозно задуманныхъ и столь же граціозно исполненныхъ фантастическихъ виньетокъ, на которыя нѣмецкіе художники такіе изумительные мастера; были и лучшія коллекціи Доре, и полныя собранія знаменитѣйшихъ картинныхъ галлерей въ гравюрахъ, наконецъ огромный выборъ лучшихъ видовъ всего міра, въ альбомахъ и стереоскопическихъ коллекціяхъ. Въ этомъ-то уголку, на этомъ столѣ подавался самоваръ. Вечеромъ мастерская освѣщалась висячей лампою съ огромнымъ бумажнымъ колпакомъ, такъ что свѣтъ ея только мѣстами ярко ложился на развѣшанные по стѣнамъ гипсы съ антиковъ, этюды карандашемъ или масляными красками, начатыя и болѣе или менѣе оконченныя картины на безпорядочно-разставленныхъ мольбертахъ, оставляя въ загадочномъ полумракѣ дальніе углы съ наваленнымъ артистическимъ хламомъ, преданнымъ вѣчной пыли и забвенію—огромными сѣрыми картонами, ученическими эскизами и копіями, разлюбившимися начинаніями, повернутыми полотномъ къ стѣнѣ, зіяющими, полусаженженными папками и пр. и пр. Контрастъ выходилъ истинно художественный—и за этимъ русскимъ чайнымъ столомъ, съ его шипящимъ самоваромъ и сверкающимъ фарфоромъ, въ этомъ уголку сосредоточившемъ въ себѣ всѣ условія утонченнаго современнаго комфорта и какъ бы брошенномъ среди другаго міра, болѣе строгаго и въ то же время безконечно болѣе широкаго и роскошнаго,—душа отдыхала и невольно настраивалась нѣсколькими тонами выше будничнаго житейскаго камертона.

Сближеніе, начавшееся съ этихъ вечернихъ засѣданій, пошло быстро. Кресло, сначало больше изъ вѣжливости поставленное у одного изъ оконъ мастерской, чаще и чаще занималось тою, для которой она назначалось, на столикѣ чаще забывалась работа или томъ любимыхъ ея поэтовъ, Гейне и Шекспира, — и не разъ въ ея отсутствіе случалось мнѣ заставать брата не за палитрой или карандашемъ, а въ этихъ самыхъ креслахъ, съ этимъ самымъ томомъ въ рукѣ или съ этой самой работой, узоръ который онъ серіозно и внимательно разсматривалъ. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно вставалъ съ равнодушнымъ видомъ, и я съ своей стороны конечно тоже дѣлала видъ, что не замѣтила. Точно такъ же «не замѣчала» я всѣхъ маленькихъ хитростей и немудреныхъ предлоговъ, которыми онъ старался залучать ее въ этотъ заповѣдный кругъ всей его личной жизни, единственный міръ, гдѣ ему было легко и привольно. И она приходила и сидѣла, смотрѣла и слушала, неподдѣльно заинтересованная этимъ міромъ, заманчивымъ для ея богатой фантазіи и высоко развитаго эстетическаго чувства—и ужь какія она тамъ пѣсни пѣла, не знаю, только видно очень хорошія, потому, что мой Ѳедоръ съ каждымъ днемъ разцвѣталъ и сіялъ, сіялъ и разцвѣталъ. Мнѣ случалось слышать какъ они толковали о какихъ нибудь нечаянно-поднявшихся вопросахъ по искусству или разсуждали о сюжетахъ будущихъ картинъ, которые она предлагала изъ своихъ поэтовъ,—и я только дивилась дѣльнымъ сужденіямъ, тонкимъ замѣчаніямъ, внушаемымъ ей ужь никакъ не спеціальнымъ изученіемъ, а врожденнымъ тактомъ, чистотою вкуса и какимъ-то необыкновенно широкимъ собственнымъ пониманіемъ. Когда, бывало, они разговорятся о такихъ предметахъ, всегда можно было заслушаться, потому что оба они обладали многостороннимъ общимъ образованіемъ, т. е. тѣмъ, безъ чего въ наше время (когда уже нѣтъ и быть не можетъ все замѣнявшаго древнимъ миѳическаго вдохновенія) всякое искусство остается болѣе или менѣе осмысленнымъ ремесломъ, всякіе толки объ искусствѣ—наборомъ болѣе или менѣе ловко и красиво нанизанныхъ жаргонныхъ фразъ и техническихъ выраженій.

Однажды я оставила ихъ за одною изъ этихъ, теперь уже не рѣдкихъ, диссертацій. Мнѣ нужно было навѣстить больную знакомую, и Вѣрочка обѣщала безъ меня похозяйничать и напоить брата чаемъ. Когда я возвратилась, довольно уже поздно, я застала нѣмую картину, которая навѣяла мнѣ на душу цѣлый рой тревожныхъ думъ. Вѣрочка сидѣла у камина, въ качалкѣ, а Ѳедоръ на диванѣ, облокотившись на столъ съ отодвинутыми въ сторону пустыми чашками и остальнымъ приборомъ, и подперши лобъ рукою. Оба молчали. Ея лицо свѣтилось доброй грустью, а на его чертахъ лежала знакомая мнѣ печаль, но какъ бы просвѣтленная, примиренная. Я поняла, что онъ разсказалъ ей всю ужасную въ простотѣ своей драму своей женитьбы, и что горе полжизни его, излившись въ душу этого существа, которое было для него олицетвореніемъ нравственной красоты и чистоты, потеряло всю отравлявшую его ѣдкую горечь и осталось только какое-то тихое умиленіе. «Онъ ее любитъ», въ ту же минуту мелькнуло у меня въ головѣ, и не то радостно, не то боязно забилось сердце. А она? — «не любитъ», тутъ же отозвался внутренній голосъ съ той странной быстротой и ясностью соображенія, которая бываетъ только въ такія минуты необычайнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ и устремленія ихъ на одинъ вопросъ.

— Какой вашъ братъ хорошій! сказала мнѣ Вѣрочка съ чувствомъ въ тотъ вечеръ, прощаясь со мною на ночь въ моей комнатѣ, — и нужно-же было такому человѣку—такая судьба!... глупо и обидно!

«Не любитъ», звучало у меня въ душѣ, пока я глядѣла вслѣдъ ея плавно-удаляющейся, изящной фигурѣ.

(Продолженіе будетъ).

Степные походы Святослава.

Внукъ Рюрика, сынъ Игоря и мудрой Ольги, пятый (по сказанію лѣтописи) правитель изъ племени Варяго-руссовъ, призванныхъ на Русь, и первый изъ князей носившій славянское имя, Святославъ является намъ

Степные походы Святослава.
Рисунокъ Н. Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

воплощеніемъ норманна, истымъ дружинникомъ по характеру, по складу ума и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ. Воспитанный матерью, едва войдя въ лѣта, онъ набралъ себѣ удалую дружину и началъ рядъ богатырскихъ подвиговъ, которые заканчиваются только смертью воинственнаго вождя. *Дружина* въ тѣ времена собиралась около князя, составляя отдѣльное сословіе отъ *людей* (нынѣшнее земство), низшій разрядъ которыхъ составляли *смерды*, и даже отъ *воевъ* набираемыхъ на случай войны изъ покоренныхъ племенъ, какъ напр. кривичей, мери, словенъ и проч. Старшіе члены княжой дружины назывались *боярами* (отъ слова *бой*), *мужами;* ихъ князь сажалъ по городамъ, которыми за дальностію не могъ управлять самъ; они участвовали наравнѣ съ княземъ въ торговыхъ договорахъ съ греками, на нихъ шли особые уклады съ дани; добиться боярства можно было и простому человѣку — единственно личною доблестью. Затѣмъ къ дружинѣ принадлежали *гриди* (скандинавское girdin), родъ тѣлохранителей, жившихъ при дворѣ, давшіе названіе княжой гридницѣ. Лѣтопись упоминаетъ еще объ *отрокахъ*, бывшихъ въ дружинѣ. Хотя въ дружину набирались люди безъ различія народности, званія и состоянія, но князь, опираясь на ихъ силу, весьма дорожилъ мнѣніемъ своихъ дружинниковъ, совѣтовался съ дружиною въ дѣлахъ. Дружина же, будучи разноплеменной, не вносила никакой племенной розни, а напротивъ давала связь разрозненнымъ племенамъ — единство власти въ лицѣ князя, который имѣлъ право суда и сбора дани, а если и передавалъ часть этихъ правъ своимъ дружинникамъ, то они какъ чуждые мѣстному населенію все-таки тяготѣли къ своему предводителю-князю. До какой степени князь дорожилъ мнѣніемъ дружины—видно изъ того, что, несмотря на всѣ просьбы и увѣщанія христіанки Ольги принять новую религію, Святославъ упорно отказывался креститься: христіанская вѣра была не по душѣ суровому князю, въ дружинѣ котораго между варягами должны были еще сохраниться скандинавскія саги о воинственныхъ богахъ Одинѣ и Торѣ, о вѣчно юныхъ дѣвахъ валкиріяхъ, уносящихъ души павшихъ въ бою храбрецовъ на лоно вѣчныхъ наслажденій, пировъ и бранныхъ потѣхъ въ Валгаллѣ. «Како азъ хочу инъ законъ пріяти единъ, говорилъ Святославъ матери,—а дружина сему смѣяться начнутъ!»

Послѣ Олега, къ востоку отъ Днѣпра оставалось лишь одно неподвластное русскому князю племя славянъ, вятичи; они платили дань хозарамъ, тюркскому народу, который кочевалъ въ восточныхъ степяхъ и наносилъ большое разоренье русскимъ землямъ. Въ 964 году Святославъ пошелъ на Оку противъ вятичей и привелъ ихъ подъ свою руку, потомъ Волгою проникъ въ землю болгаръ, оттуда двинулся на хозаръ, разбилъ самого кагана (хана) и взялъ главный городъ на Дону Бѣлую Вежу, далѣе пробрался на Кавказъ и побѣдилъ ясовъ и касоговъ (нынѣшніе черкесы).

Во всѣхъ этихъ походахъ, отважный князь не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не варилъ мяса; но мелко изрѣзавъ конину, звѣрину или говядину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ; спалъ безъ шатра, подостлавъ подъ себя конскій потникъ и положивъ въ изголовье сѣдло. Таковы были и всѣ его воины; птицей переносилась съ мѣста на мѣсто удалая дружина, но не нападала на враговъ неготовыхъ къ бою; собираясь на кого - нибудь ратью, Святославъ посылалъ впередъ сказать: «иду на васъ».

Греческій императоръ, Никифоръ Фока, въ то время много терпѣлъ отъ враждебныхъ сосѣдей, въ томъ числѣ и отъ болгаръ дунайскихъ. Вѣрный византійской политикѣ: истреблять однихъ варваровъ другими, и услышавъ про подвиги русскаго князя, онъ по возвращеніи Святослава въ Кіевъ (977 г.) прислалъ ему богатые дары и звалъ къ себѣ на помощь воевать Болгарскую землю. Святославъ собралъ дружину, пошелъ на Дунай, повоевалъ болгаръ и сѣлъ въ ихъ городѣ Переяславцѣ. Въ этомъ предпріятіи съ поразительной яркостью выступаетъ характеръ варяжскаго конунга, который безъ сожалѣнія мѣняетъ родину на новозавоеванныя земли, оставляя древнее наслѣдіе отцовъ на произволъ судьбы. Дѣйствительно, пока Святославъ княжилъ въ своемъ Переяславлѣ, Кіевъ оставался безъ князя и обороны, а между тѣмъ къ нему подступили Печенѣги, одно изъ кочевыхъ племенъ, привыкшихъ жить грабежомъ и набѣгами. Въ городѣ заперлась княгиня Ольга со внучатами и множествомъ народа; нельзя было ни выйдти изъ города, ни вѣсти подать; люди изнемогали отъ жажды и голода. Одинъ юноша знавшій по печенѣжски, съ уздою въ рукахъ, будто бы отыскивая коня, пробрался сквозь вражій станъ и далъ знать воеводѣ Претичу, который хитростью спасъ Кіевъ, прибывъ съ своей дружиной на лодкахъ по Днѣпру и увѣривъ печенѣговъ, что онъ ведетъ лишь передовой отрядъ, а за нимъ близко и самъ Святославъ.

Печенѣги отступили, однако не ушли совсѣмъ. Тогда кіевляне послали гонцовъ къ Святославу и велѣли сказать ему: «ты, князь, чужой земли ищешь, а свою оставилъ. Печенѣги чуть не взяли насъ — развѣ тебѣ не жаль отчины, дѣтей и старухи матери?» Святославъ прибылъ съ дружиной, прогналъ Печенѣговъ, но въ Кіевѣ ему не жилось. Болгарія такъ понравилась удалому князю, что онъ хотѣлъ перенести столицу свою на берега Дуная въ Переяславецъ. «То есть середа (средина) земли моей, говорилъ онъ матери, — яко ту вся благая сходятся: изъ Греціи золото, паволоки (ткани), вина и разные плоды; изъ Чехіи и Венгріи — серебро и кони, изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и рабы». Ольга просила его только повременить до ея смерти. Святославу недолго пришлось ждать — и на этотъ разъ, навсегда покидая Русь, воинственный князь-дружинникъ даже роздалъ ее въ *удѣлы* своимъ сыновьямъ, положивъ такимъ образомъ первое начало удѣльной неурядицѣ, которую долго не могли впослѣдствіи вывести даже такіе дальновидные политики какъ Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ и такіе собиратели Руси какъ Александръ Невскій, Калита и Іоанъ III.

Вторичное завоеваніе Болгаріи не удалось Святославу. Вмѣсто слабаго Никифора Фоки на византійскомъ престолѣ сидѣлъ убійца его Іоаннъ Цимисхій, храбрый и искусный полководецъ. Потребовавъ, чтобы русскій князь удалился съ Дуная, и получивъ отказъ, императоръ самъ повелъ на него многочисленное войско. Святославъ, не взирая на знаменитое его изреченіе: «ляжемъ ту костьми, мертвые бо срама не имутъ», проигралъ главное сраженіе, заперся въ крѣпости Доростолѣ (нынѣ Силистрія) и здѣсь былъ осажденъ Іоанномъ. Русскіе дѣлали частыя вылазки, дивили грековъ своей отвагою; подавляемые превосходными силами, они обращали тылъ, но отступали медленно, закинувъ за плечи свои длинные щиты. Иногда ночью, при свѣтѣ луны, выходили изъ города, сожигали тѣла павшихъ товарищей, убивали надъ ними плѣнниковъ и (по сказаніямъ византійцевъ) съ ка-

кими-то священными обрядами погружали въ волны Дуная младенцевъ и пѣтуховъ.

Святославъ принужденъ былъ просить мира —и заключивъ его, пожелалъ имѣть свиданіе съ императоромъ. Случай этотъ драгоцѣненъ для насъ-русскихъ тѣмъ, что единственно благодаря ему сохранилась потомству память о наружности Святослава, которую византійскій историкъ Левъ Діаконъ описываетъ такъ:

«Іоаннъ въ блестящихъ латахъ на конѣ подъѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ казался средняго роста и весьма строенъ, имѣлъ широкую грудь, плоскій носъ, голубые глаза и длинные косматые усы. Волосы на его головѣ были выстрижены, за исключеніемъ одного локона — знакъ благороднаго происхожденія; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Бѣлая рубашка его только чистотою отличалась отъ другихъ русскихъ. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ».

Возвращаясь на Русь, Святославъ поплылъ въ ладьяхъ моремъ и потомъ Днѣпромъ. Печенѣги, свѣдавъ, что онъ возвращается съ малой дружиной и богатой добычей, заступили днѣпровскіе пороги. Въ битвѣ съ ними, Святославъ сложилъ свою удалую голову (972 года). Сохранилось преданіе, будто бы печенѣжскій князь велѣлъ оковать его черепъ золотомъ и на веселыхъ пирахъ пилъ изъ этой чаши.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ Святослава съ дружиной на одномъ изъ его степныхъ походовъ.

Тяжело и легко.

(Изъ временъ старины русской).

Прошло три года съ тѣхъ поръ, что Владиміръ Красное Солнышко, а съ нимъ и весь народъ Кіевскаго града, вѣру Христову принялъ. Но за Кіевомъ, еще все по старому, выли вѣдьмы, да плакали русалки, надъ развалинами и остатками падшихъ боговъ, вспоминая славное, темное царство Перуна, когда колдунамъ и вѣщуньямъ была такая пожива. Въ ту пору, былъ при княжьемъ дворѣ храбрый греческій витязь Андрей, прозванный такъ въ память Первозваннаго, водрузившаго впервые святый крестъ на Андреевской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и понынѣ возвышается бѣлоглавый соборъ, имени Апостола. Витязь этотъ пользовался расположеніемъ великаго князя, за то, что говорилъ ему всегда правду-матку. А не боялся онъ князя потому, что во всякое время готовъ былъ возвратиться въ Царе-градъ—и дорожилъ своимъ мѣстомъ только развѣ изъ за того, чтобы радоваться распространенію вѣры, среди славянскаго племени. Вотъ этотъ-то витязь встрѣтилъ рыдающую женщину, которая гнала предъ собою корову. Изорванные червонные черевики, сквозь которые выглядывали босыя ноги, доказывали, что была и у нея когда-то деньга.

— Съ какого мѣста пришла, куда идешь и отчего плачешь? спросилъ витязь, готовый всегда принести туда утѣшеніе и помощь, гдѣ случилась скорбь и бѣда.

— Пришла я изъ своего дома, который теперь не мой; иду куда глаза глядятъ; а плачу потому, что эта корова и этотъ пустой куль па ней, да одежа на мнѣ— вотъ все, что мнѣ оставилъ великій государь — отъ нашей вотчины. Мой мужъ предоставилъ мнѣ 10 десятинъ пашни, да домъ на ней. Когда умиралъ, то потребовалъ, чтобы я поклялась великимъ Перуномъ, что я никому той пашни не продамъ, а оставлю ее сыну, дабы онъ на ней кормился какъ его отецъ и дѣдъ. Но великій государь хотѣлъ на моемъ мѣстѣ построить теремъ и потому велѣлъ меня согнать со двора. Мнѣ сначала предлагали деньгу; но какъ услышали, что я не могу продать своей землю, то отправили къ князю. А князь меня выслушалъ, да велѣлъ прогнать.

— Подожди маленько, сказалъ Андрей въ отвѣтъ, покачавъ немного головою,—я другъ князю. Оставь мнѣ корову и мѣшокъ и иди за мной.

— Храбрый витязь! сказала вдова съ просвѣтлѣвшимъ надеждою лицемъ,—если хочешь видѣть государя, то найдешь его на моей землѣ, гдѣ онъ приказы отдаетъ своимъ окольничьимъ и стольникамъ.

Пришелъ витязь къ мѣсту и поклонился Красному Солнышку.

— Гдѣ ты запропастился? Вотъ уже два дня, что тебя не видѣлъ, сказалъ князь Андрею,—радъ, что тебя днесь зрю. Не пущу въ Царе-градъ, а коли поѣдешь тайно, погоня тебя настигнетъ.

— Великій государь, мое сердечное спасибо, за твой ласковый привѣтъ! Но пришелъ я сюда не по своему дѣлу; а хочу бить тебѣ челомъ за эту женщину, у которой ты велѣлъ отнять все имущество, отвѣтилъ витязь.

— Да будетъ она наказана за свое упорство! Развѣ я не владыка надъ животомъ и домомъ каждаго изъ моихъ рабовъ? сказалъ великій князь, причемъ на высокомъ челѣ его показалась зловѣщая морщина.

— Нѣтъ границъ твоей власти на землѣ, государь, да и вдовица не требуетъ возврата имѣнія, а проситъ только одной милости: позволь ей наполнить этотъ мѣшокъ землею, изъ своей прежней вотчины.

— Позволяю, сказалъ князь.

Пока витязь набивалъ туго мѣшокъ, тѣмъ черноземомъ, что даетъ двѣ-три жатвы въ годъ,—князь ему показывалъ, на какомъ мѣстѣ думаетъ построить теремъ, съ такою высокою башнею, чтобы видно было вражье войско, изъ за тридевять земель.

Тогда витязь обратился къ князю со словами:

— Помоги мнѣ, государь, поднять этотъ куль и положить на спину коровѣ.

— Какъ ты смѣешь отъ меня этого требовать! воскликнулъ разгнѣванный государь,—на то есть у меня сотни рабовъ. Да и куль-то для меня слишкомъ тяжелъ! прибавилъ онъ смягчившись, а мягкость и милость часто наступали у государя тотчасъ послѣ гнѣва и ярости, съ того времени какъ онъ отрекся отъ Перуновъ и Чернобоговъ.

— Неужели для тебя, сильнаго государя, этотъ куль слишкомъ тяжелъ? Вѣдь въ немъ не будетъ и тысячной доли той земли, что ты отобралъ у вдовицы, про-

должалъ витязь.—А вся та земля, со всѣми настроенными на ней теремами и башнями, со всѣми пролитыми надъ нею слезами, развѣ не тяжелѣе ляжетъ на твою совѣсть? Конечно, ты всесиленъ, государь, но придетъ пора, когда твоя душа предстанетъ на судъ предъ твоимъ и моимъ Богомъ. Тебѣ придется отдать отчетъ за свои дѣла—и тогда, неправедный твой поступокъ покажется тебѣ тяжкимъ и страшнымъ бременемъ, которое никакіе рынды, ни рабы не возмогутъ снять. Извини мою смѣлость. Я тебя всегда знавалъ строгимъ судьею но и добрымъ владыкою, твердымъ карателемъ но и милосердымъ христіаниномъ. Теперь позволь мнѣ возвратиться на родину свою. Прошу еще разъ прощенія! и гордый витязь поникъ главою, разставаясь съ своимъ надежой-государемъ.

— Тебя простить! воскликнулъ князь, и мрачное лицо его прояснилось какъ красное солнышко,—не простить, а благодарить тебя я долженъ за то, что ты меня опять уберегъ отъ дурнаго дѣла. Эй, вы, окольничіе рынды и стольники, сюда! Скажите мастерамъ, что здѣсь ничего строить не будемъ. Землю возвратить вдовицѣ, а за причиненное ей горе прирѣзать ей изъ моей рощи участокъ вровень съ ея вотчиной.

(А роща была та самая, гдѣ народъ, у берега Днѣпра, въ долинѣ между горами Крещатика и Подола крестился,—гдѣ давно стоитъ столбъ съ крестомъ, надъ живоноснымъ источникомъ кристаллородной горной воды).

— А ты, христіанскій витязь, продолжалъ великій князь,—ты, что мнѣ не вѣрѣ братъ,неуѣзжай, останься у своего друга, будь ему совѣтникомъ, говори ему и напредки правду-матку, да остерегай отъ дурной повадки.

Витязь сталъ на одно колѣно передъ великимъ княземъ; вдовица пала ницъ челомъ къ землѣ, орошая ее слезами радости и признательности; а надежа-государь, устремивъ взоръ на небо, сказалъ съ сердечнымъ вздохомъ:

— Ахъ, какъ мнѣ теперь легко!

В. Циммерманъ.

Смѣлая женщина.

(Переводъ съ англійскаго)

Едва дверь за гостьею, пришедшею навѣстить мистрисъ Грагамъ затворилась, какъ Нелли вскричала:

— Однако же, какъ это странно, мама, что у твоей пріятельницы, которая на видъ такъ молода и хороша, при прекрасномъ цвѣтѣ лица и блестящихъ, смѣющихся глазахъ,—нетолько сѣдые, но даже совсѣмъ бѣлые волосы! Да у нея, мнѣ кажется, не найдется ни одного чернаго волоска на всей головѣ, даромъ-что они такъ густы!

— Да, Нелли, дѣйствительно странно, что у такой молодой женщины — ей всего съ небольшимъ тридцать лѣтъ — такіе волосы. Это одно изъ тѣхъ замѣчательныхъ явленій природы, о которыхъ ты часто слыхала и которое ты видѣла теперь собственными глазами; одинъ часъ страха сдѣлалъ то, что́ бываетъ слѣдствіемъ долгихъ годовъ; да, дѣйствительно снѣгъ семидесяти лѣтъ не могъ бы убѣлить такъ сильно ея, когда-то чорные какъ вороново крыло, локоны.

— Давно ли у нея эти бѣлые волосы? Что́ сдѣлало ихъ такими! Ты знаешь, мама? Разскажи мнѣ пожалуста все, что ты объ этомъ знаешь? Она такая тоненькая; я видѣла двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, которыя толще ея.

— Какъ ты пылка, Нелли! Ну, да будь спокойна; я разскажу тебѣ все, что я объ этомъ знаю.

«За десять лѣтъ передъ этимъ, когда въ Виргиніи ближайшіе сосѣди жили по крайней мѣрѣ на разстояніи одной англійской мили другъ отъ друга, Мери Саузернъ только-что вышла замужъ. Ея мужъ былъ адвокатомъ и разумѣется очень часто удалялся изъ дому, такъ какъ его дѣла призывали его въ судъ, находившійся на разстояніи пятнадцати англійскихъ миль, въ городѣ ***. Мери провожала его всегда до воротъ, гдѣ она прощалась съ нимъ съ ласковой улыбкой и смотрѣла какъ онъ уѣзжалъ, разсчитывая видѣться съ нимъ черезъ два или три дня, смотря по тому каковы были его дѣла.

«Въ одно замѣчательное утро, въ мартѣ мѣсяцѣ, Мери съ двумя дѣтьми, груднымъ ребенкомъ и трехълѣтнимъ мальчикомъ, провожала своего мужа. Когда она подняла къ нему лицо, чтобы поцѣловать его на прощанье, онъ замѣтилъ, что у ней не было ея обыкновенной улыбки. На ея прекрасномъ лицѣ лежало выраженіе тоски, и онъ спросилъ:

— «Что́ съ тобою, милая Мэри? Не хочешь ли чего-нибудь сказать мнѣ? Какое же ты дитя! Неужели ты думаешь, что я стану смѣяться надъ тобою? Говори пожайлуста!

— «Нѣтъ, это не то; но я боюсь, что заставлю тебя мучиться, т. е. буду поводомъ тому, что тебѣ будетъ грустно оставить насъ, если я скажу. Но, Гарри, я никогда еще не огорчалась такъ твоимъ отъѣздомъ, какъ сегодня, отвѣчала она, въ то время какъ глаза ея наполнились слезами.

— «Неужели же у тебя такъ разстроены нервы? Отчего это? Скажи мнѣ пожайлуста, милая Мэри.

— «О, разумѣется, это очень глупо. Но ты знаешь, вѣдь вчера вечеромъ намъ разсказывали, что Ватъ Вольфъ убѣжалъ изъ тюрьмы.

— «Такъ что же, Мэри?—если это правда, то конечно онъ не долго пробудетъ здѣсь въ окрестностяхъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ уже за городомъ.

— «Гарри, ты забылъ, что онъ поклялся отмстить всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь способствовалъ его осужденію, въ особенности тебѣ, возразила Мери дрожащимъ голосомъ.

— «Ха, ха, ха! Ну, милая Мери, именно поэтому-то онъ и будетъ держаться какъ можно дальше отсюда, потому-что будетъ думать, что его здѣсь ждутъ. Успокойся же Я возвращусь домой сегодня вечеромъ, если ужь ты такъ трусишь.

— «Нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не желала бы я, чтобъ ты возвращался сегодня вечеромъ черезъ лѣсъ. Я такъ боюсь за тебя. Оставайся лучше тамъ, если ты не можешь вернуться рано.

— «Вспомни, что мой процессъ вынуждаетъ меня пробыть тамъ до восьми часовъ вечера, но послѣ этого я сейчасъ же поѣду и въ десять часовъ буду здѣсь.

— «Нѣтъ, Гарри, оставайся въ городѣ, а Треста оставь здѣсь у насъ — и я буду чувствовать себя спокойнѣе.

— «Что правда то правда! Сюда Трестъ! закричалъ онъ большому бульдогу, который располагался провожать своего господина.

— «Береги свою госпожу, старикъ! Но, Мери, увѣряю тебя, что ты боишься совершенно напрасно. Прощай!

Трестъ послѣдовалъ за своею госпожею съ большой неохотою. Очевидно, онъ ждалъ не этого. Но онъ былъ всегда вѣренъ своему имени *) и Мери чувствовала, что онъ исполнитъ то, что́ приказывалъ ему его господинъ.

«Хлопоты по хозяйству отвлекли ея мысли отъ этой заботы; она развеселилась—и забывая такимъ образомъ свои утреннія опасенія, позволила всей прислугѣ, за исключеніемъ няни, присутствовать на праздникѣ, который былъ устроенъ кѣмъ - то изъ сосѣдней прислуги.

«Грудной ребенокъ спалъ совершенно спокойно, а маленькій Гарри сидѣлъ на верандѣ и смотрѣлъ на улицу, когда няня вскричала:

— «Пойдемъ ужинать, Гарри, а потомъ дадимъ поужинать и нашимъ курамъ.

— «Нѣтъ! Гарри будетъ ждать папу. Гарри хочетъ, чтобъ папа пріѣхалъ. Мама скучаетъ безъ папы! отвѣчалъ дитя, не сводя глазъ съ улицы.

«Маленькій Гарри слышалъ утренній разговоръ, который очевидно сдѣлалъ на него сильное впечатлѣніе. Когда мать услыхала его отвѣтъ, къ ней съ удвоенной силой возвратились ея опасенія—и она начала сожалѣть, что не настаивала на томъ, чтобы мужъ ея поручилъ кому-нибудь свои дѣла и возвратился пораньше.

«Маленькій Гарри продолжалъ звать папу, и Мери чувствовала себя съ каждой минутой несчастнѣе. Вдругъ дикая мысль пришла ей въ голову.

«О, почему ея мужъ не слыхалъ этого зова! А можетъ быть онъ и слышалъ его? Зовъ его ребенка, принесенный къ нему вечернимъ вѣтеркомъ, конечно приведетъ его домой. Взглянувъ на часы, она увидала, что ровно семь часовъ. «Еслибы онъ выѣхалъ теперь, то могъ бы быть здѣсь въ девять часовъ, подумала она.

— «Позови папу, Гарри, а мама станетъ молить Бога, чтобы Онъ прислалъ его, сказала она. И въ то время, когда звуки голоса Гарри разносились по воздуху, усердная молитва матери поднялась къ Богу.

— «Ты, Всемогущій, приведи его къ намъ! Пришли его къ намъ назадъ или удержи его, какъ будетъ Тебѣ угодно! молилась она.

«Маленькій Гарри сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока у него начали смыкаться глаза—и въ то время, какъ онъ бормоталъ: «папа ѣдетъ», голова у него опустилась и онъ заснулъ на порогѣ.

«Осторожно поднявъ его и положивъ на диванѣ, Мери сказала нянѣ:

— Не тревожьте его. Мы разбудимъ и раздѣнемъ его, когда пріѣдетъ отецъ, или когда я лягу въ постель.

«Это былъ чудный вечеръ; мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что было почти также свѣтло, какъ днемъ. Сидя въ верандѣ, она видѣла далеко предъ собою на улицѣ.

«Кассія, няня, замѣтивъ, что ея госпожа тоскуетъ, старалась развлечь ее веселыми анекдотами. Проговоривъ съ ней такимъ образомъ около часу, она пошла въ комнаты и возвратилась оттуда съ прекраснымъ арбузомъ, который она поставила передъ Мери и подала ей большой ножъ.

«Только-что Мери надрѣзала арбузъ, какъ Трестъ глухо завылъ. Испуганныя женщины стали осматриваться, но ничто не показывалось. Тѣмъ временемъ собака не переставала безпокоиться.

«Минуту спустя, онѣ къ величайшему своему испугу увидали человѣка высокаго роста, выходившаго изъ-за кустарника.

«Тутъ Трестъ залаялъ съ бѣшенствомъ. А когда этотъ человѣкъ подошелъ быстрыми шагами къ дому, то вѣрное животное кинулось на него и схватило его. Въ ту же минуту въ рукѣ его при мѣсячномъ сіяніи сверкнулъ клинокъ ножа.

— «Трестъ, пусти! Сюда, сюда! вскрикнула Мери. Какъ ни была она испугана, но мысли ея были ясны. Еще одну минуту и предательскій клинокъ пронзилъ бы сердце вѣрнаго животнаго. Она должна была спасти его, пока еще оставалась какая-нибудь надежда.

«Когда Трестъ, не перестававшій лаять, сталъ подлѣ своей госпожи, страшный человѣкъ подошелъ къ ней. Сердце у женщинъ страшно билось. Не оставалось больше никакого сомнѣнія. Ватъ Вольфъ, разбойникъ и поджигатель, убійца, ужасъ цѣлаго города,—стоялъ передъ ними.

(Окончаніе будетъ).

*) *Trust* — долгъ, вѣрность.

Все въ милліонъ разъ крупнѣе.

Газовый микроскопъ г. Тицнера.

Natura in minimis maxima.

Каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, привыкъ подъ часъ дѣлать изъ мухи слона и принимать спицу въ глазу ближняго за громадное бревно; но приложеніемъ этой способности къ дѣйствительному міру животной и растительной жизни—мы одолжены единственно микроскопу.

Извѣстно, какія значительныя увеличенія могутъ давать наши обыкновенные микроскопы съ сильными системами линзъ (предметныхъ стеколъ); однако же въ нихъ есть и неудобство, состоящее въ томъ что при сильномъ увеличеніи предметъ, разсматриваемый подъ микроскопомъ, дѣлается совершенно темнымъ—и это лишаетъ возможности наблюдать его. Наоборотъ, въ микроскопѣ Кэрри, о которомъ мы хотимъ побесѣдовать съ читателями, малѣйшія очертанія предмета сильно освѣщены и вполнѣ явственны.

Усовершенствователь этого снаряда, оптикъ и физикъ двора Его Импер. Величества, г. Тицнеръ, производя свои въ высшей степени интересные опыты на Гороховой у Каменнаго моста, № 31,—показываетъ публикѣ между прочимъ и самое устройство своего микроскопа, увеличивающаго до милліона разъ.—Взойдемъ въ это жилище чудесъ міра невидимаго простому глазу. Передъ нами небольшая зала съ двумя рядами креселъ, позади которыхъ возвышается пьедесталъ для микроскопа съ двумя резервуарами по бокамъ, а передъ зрителями бѣлый экранъ во всю стѣ-

пу. Самый микроскопъ представляетъ небольшой ящикъ, въ передней стѣнкѣ котораго устроена труба, снабженная ахроматическими стеклами и направленная черезъ головы зрителей на экранъ; въ противуположной стѣнкѣ находится металлическое вогнутое зеркало. Между трубою и зеркаломъ, въ срединѣ ящика, на металлическомъ шпенькѣ утвержденъ кусокъ извести, на который изъ резервуаровъ направленны двѣ струи газовъ: кислорода и водорода. Зазженные въ смѣси между собою, они даютъ пламя такъ-называемаго *гремучаго газа* — и накаляя известь до-бѣла, производятъ ослѣпительный свѣтъ, извѣстный подъ именемъ *Друммондова*. Когда микроскопъ такимъ образомъ освѣщенъ, въ залѣ тушатся лампы; на экранѣ появляется широкій кругъ друммондова свѣта, отраженнаго зеркаломъ въ трубу, — представленіе начинается. Если въ фокусъ предметнаго стекла помѣстить стеклянную пластинку съ каплей воды или частицами органическихъ веществъ, то предметы эти, увеличенные во сколько угодно разъ до милліона, отразятся въ кругу на экранѣ со всею рѣзкостью очертаній.

Какихъ только чудесъ не насмотришься тутъ! Вотъ, напр., капля воды изъ нашей Мойки: десятки ракообразныхъ циклоповъ, съ галку величиной (въ природѣ они менѣе булавочной головки) судорожно торопливо мечутся во всѣ стороны отъ нестерпимаго имъ жара друммондова свѣта. Въ каждомъ изъ этихъ прозрачно-черепокожихъ существъ видѣнъ движущійся желудокъ и прочія внутренности. Циклопы гоняются одинъ за другимъ, пожираютъ другъ друга, плодятся, и мрутъ отъ жара.

Точно такъ же не выносятъ этой температуры и уксусные червячки (Anguillula aceti), которыхъ тысячи въ такъ-называемомъ уксусномъ *гнѣздѣ*. Они представляются намъ на экранѣ змѣями въ палецъ толщины, извиваются въ конвульсіяхъ, дрожа всѣмъ тѣломъ — и умирая вытягиваются прямою лентой.

Наоборотъ, посмотрите на эти существа: передъ нами пыль съ корки сыра, столь любимая гастрономами. Это миріады сырныхъ пауковъ (Acaris), кажущихся громадными чорными жуками въ кулакъ величиной. Въ противуположность циклопамъ и червячкамъ, они только оживляются подъ вліяніемъ друммондова свѣта и поднимаютъ невообразимую возню, медленно расползаясь другъ черезъ друга и во всѣ стороны.

Но вотъ декорація перемѣняется. Передъ нами тонкіе поперечные разрѣзы вѣточекъ различныхъ представителей растительнаго царства. Какое изумительное разнообразіе въ строеніе тѣхъ стеблей, что невооруженному глазу представляется совершенно одинаковыми! Надо отдать справедливость г. Тицнеру — онъ мастерски готовитъ свои препараты по анатоміи и гистологіи какъ растеній и животныхъ. Вотъ, напримѣръ, глазъ бабочки, увеличенный до размѣровъ дна порядочной бочки: съ какой удивительной четкостью видны въ немъ всѣ 5000 отдѣльныхъ глазковъ, составляющихъ этотъ сложный органъ зрѣнія и дающихъ возможность насѣкомому видѣть вбокъ и впередъ и назадъ, не двигая глазомъ! И какъ тонки и правильны стѣнки, отдѣляющіе глазокъ отъ глазка въ этой паутиновидной сѣти! Что въ сравненіи съ этимъ изящнѣйшія издѣлія человѣка!

— Вотъ, напр., тончайшій батистъ! восклицаетъ г. Тицнеръ съ свойственнымъ ему юморомъ... И вы видите передъ собой не то деревенскій плетень, не то безобразную дерюгу изъ корабельныхъ канатовъ съ частыми и громадными прорѣхами.

Или, напримѣръ, едва видимое невооруженному глазу жало осы представляется при громадномъ увеличеніи — толщиною въ руку, но такимъ же гладкимъ, постепенно утончающимся и оканчивается совершеннымъ остріемъ; между тѣмъ какъ тончайшая бисерная игла является на экранѣ неровной, корявой слегой съ наростами ржавчины и тупымъ разщепленнымъ концомъ.

А пыль съ крыльевъ бабочки? каждая пылинка является цѣлымъ перомъ со стволикомъ и бородкой — и какое разнообразіе въ формѣ, цвѣтѣ и расположеніи! Что ни бабочка — то новая картина; одна другой наряднѣй.

Не перечисляя различныхъ анатомическихъ препаратовъ — имъ у г. Тицнера нѣтъ числа, — переходимъ къ необыкновенно-красивому явленію изъ царства минеральнаго. Въ нѣсколькихъ капляхъ воды растворяется щепотка соли, за тѣмъ вода подвергается выпариванію тепловыми лучами друмондова свѣта въ фокусѣ микроскопа — и на экранѣ мы видимъ весь процессъ кристаллизаціи соли: какъ сперва по свѣтлому пятну воды словно трещины по льду стрѣльнутъ тонкія жилки осаждающейся соли, потомъ сливаются въ болѣе густыя вѣтки, будто листвой покрываются и наконецъ тѣснятся въ въ сплошную прозрачную массу.

Но освѣщая до такой степени темные предметы, друммондовъ свѣтъ обладаетъ свойствомъ темнить самые источники свѣта. При водо-кислородномъ освѣщеніи, пламя обыкновенной свѣчи отбрасываетъ тѣнь на экранъ, какъ и всякое твердое тѣло, — и представляется въ видѣ колеблющагося язычка изъ тончайшей угольной пыли. Температура друммондова свѣта такъ высока, что стальная проволока сгараетъ въ его пламени, разбрасывая ярко-красныя искры. На самый же кусочекъ раскаленной до бѣла извести невозможно смотрѣть — онъ кажется маленькимъ солнцемъ и положительно ослѣпляетъ.

Въ заключеніе нашего очерка, мы приведемъ слова г. Тицнера, что можно бы устроить микроскопъ и съ бо́льшимъ чѣмъ въ 1000000 разъ увеличеніемъ, — но тогда потребуется и освѣщеніе сильнѣе друммондова свѣта, а такого еще не изобрѣтено.

Совѣтуемъ тѣмъ изъ нашихъ петербургскихъ читателей, которые не видали еще чудесъ микроскопіи г. Тицнера, заглянуть къ нему въ гости — богатство и разнообразіе его препаратовъ неисчерпаемы.

Императорскій Эрмитажъ въ Петербургѣ.

Эрмитажъ, помѣщающійся на набережной рѣки Невы и Большой Милліонной улицѣ, служитъ какъ бы продолженіемъ Зимняго дворца.

Мысль основать эрмитажъ и сдѣлать его хранилищемъ драгоцѣнныхъ произведеній искусства принадлежитъ Екатеринѣ II. Обративъ вниманіе на безпорядки въ храненіи и размѣщеніи художественныхъ произведеній, императрица велѣла воздвигнуть для нихъ особое зданіе, названное ею эрмитажемъ, одна часть котораго — павильонъ, ближайшій съ Невы къ дворцу, — построена

въ 1765 г. архитекторомъ де-Ламоттомъ; другая же часть, соединенная съ павильономъ аркою, была окончена десятью годами позже и назначена собственно для картинной галлереи. Здѣсь-то, въ этомъ святилищѣ искусствъ, отдыхала Екатерина отъ придворнаго шума и проводила въ кругу избранныхъ людей часы, свободные отъ государственныхъ дѣлъ. Впослѣдствіи императрица присоединила къ этому зданію галлерею Рафаэлевскихъ ложъ, которая, по архитектурнымъ размѣрамъ и живописи, составляетъ вѣрную копію съ Ватиканскихъ ложъ въ Римѣ,—съ тою разницею что оригинальныя фрески этихъ ложъ, находясь вплоть до 1813 года на открытомъ воздухѣ, подверглись порчѣ, тогда какъ наши копіи, написанныя по заказу императрицы Екатерины, имѣютъ то преимущество, что сдѣланы во второй половинѣ XVIII вѣка, когда оригиналы были еще въ удовлетворительномъ состояніи. Въ 1785 году императрица присоединила къ упомянутымъ зданіямъ эрмитажный театръ, построенный архитекторомъ Гваренги и соединенный съ картинной галлереей аркою, переброшенною черезъ Зимнюю канавку.

Первымъ основаніемъ эрмитажной галлереи были лучшія художественныя произведенія, находившіяся въ разныхъ дворцахъ, избранныя изъ коллекціи картинъ, преимущественно голландской и фламандской школы, собранной Петромъ Великимъ, во время путешествія его по Европѣ,—и другой коллекціи, пріобрѣтенной императрицей Елизаветой Петровной чрезъ посредство придворнаго живописца Грота; но драгоцѣннѣйшими вкладами были пріобрѣтенныя самою Екатериною собранія трехъ извѣстныхъ любителей искусствъ: маркиза Крозадю-Шатель, рекетмейстера и чтеца французскаго короля Людовика XV, графа Брюля, перваго министра Августа II, короля польскаго и курфиста саксонскаго, и лорда Вальполя, министра англійскихъ королей Георга I и Георга II. Это послѣдніе собраніе, купленное императрицею въ 1779 г. у наслѣдниковъ Лорда Вальполя за 35,000 фунтовъ стерлинговъ, служитъ донынѣ предметомъ сожалѣнія знатоковъ въ Англіи, утратившихъ въ немъ незамѣнимое для ихъ отечества сокровище искусства. Кромѣ этихъ коллекцій было пріобрѣтено императрицею множество превосходныхъ картинъ изъ разныхъ извѣстныхъ картинныхъ галлерей, именно: герцога Шуазёля, принца Конти, берлинскаго купца Гоцковскаго, лорда Гоутона, Бранкампа и другихъ. Подобныя пріобрѣтенія императрица преимущественно поручала кореспондентамъ своимъ: барону Гримму въ Парижѣ и Рафаэлю Менгсу въ Римѣ. Къ этому драгоцѣнному собранію картинъ Екатерина присоединила: 1) коллекціи мраморовъ, пріобрѣтенныя въ Римѣ и отъ Шувалова, собранныя имъ въ Италіи; 2) коллекціи гемовъ (драгоцѣнныхъ камней съ вырѣзанными на нихъ изображеніями), принадлежавшія герцогу Орлеанскому, Сент-Маврицію, Наттеру; 3) коллекцію патовъ (отпечатковъ на композиціи) отъ англичанина Тассы; 4) монеты и медали, отрытыя въ развалинахъ древнихъ городовъ, также купленныя изъ разныхъ кабинетовъ; 5) рѣдкія произведенія, собранныя изъ всѣхъ странъ Россіи, и также составлявшія кабинетъ знаменитаго естествоиспытателя Палласа, и многія другія рѣдкости.

Съ кончиною Екатерины, характеръ эрмитажа значительно измѣнился; эрмитажныя собранія прекратились и эрмитажъ остался музеемъ. Въ 1805 г., оба яруса самаго зданія, начиная отъ малой галлереи до театра, были перестроены, по проэкту Гваренги, вновь, и въ прежнемъ видѣ сохранились только Рафаэлевскія ложи. Въ прочихъ же комнатахъ сдѣланы были столь значительныя передѣлки, что планъ внутренняго расположенія перваго эрмитажа совершенно измѣнился,—и богатыя мебели, дорогіе ковры, хрустали и бронзы перенесены сюда изъ Михайловскаго замка, вмѣсто прежняго убранства.

Въ царствованіе императора Павла I число картинъ, пріобрѣтенныхъ для эрмитажа, было незначительно, хотя нѣсколько картинъ Жозефа Верне замѣчательны своимъ достоинствомъ.

При императорѣ Александрѣ I эрмитажъ чрезвычайно обогатился. Въ особенности важно пріобрѣтеніе въ 1814 г. отъ банкира Кузвельта въ Амстердамѣ 67-ми картинъ испанской школы, за которые было заплочено 8,700 фунтовъ стерлинговъ, а также пріобрѣтеніе въ 1815 г. 38-ми превосходныхъ картинъ изъ Мальмезонской галлереи императрицы Жозефины за 940,000 франковъ. Въ остальное время царствованія пріобрѣтено много картинъ изъ разныхъ собраній, а также четыре драгоцѣнныя статуи Кановы.

Царствованіе императора Николая I было блестящею эпохою для эрмитажа. Онъ воздвигъ великолѣпное зданіе музея, выстроенное по проэкту Кленце, архитектора короля баварскаго, и оконченное въ 1850 году. Фасадъ императорскаго музея украшаютъ каріатиды изъ сердобольскаго гранита и бронзовыя статуи великихъ художниковъ и ученыхъ. Съ самаго входа въ музей, изящнаго стиля лѣстница, а за тѣмъ галлереи и залы поражаютъ зрителя громадностью цѣлаго, соотвѣтственностью частей и красотою своихъ украшеній. Важнѣйшія пріобрѣтенія, обогатившія эрмитажъ въ царствованіе императора Николая, заключались въ слѣдующемъ: въ 1829 году, послѣ смерти бывшей королевы голландской Гортензіи, матери Наполеона III, куплены, за 180,000 франковъ, 30 лучшихъ картинъ изъ ея галлереи; въ 1831 г. пріобрѣтены въ Парижѣ съ публичнаго торга, за 567,936 франковъ, 33 картины изъ извѣстной галлереи князя Мира, бывшаго министра короля испанскаго Карла IV, въ числѣ которыхъ находятся превосходныя картины Мурилло, Риберы и Рюбенса; въ 1835 г. присоединены къ Эрмитажу 32 картины, преимущественно испанскихъ школъ, собранныя русскимъ консуломъ въ Кадиксѣ Гесслеромъ; въ 1836 г. куплено изъ коллекціи банкира Кузвельта еще 8 лучшихъ картинъ, въ томъ числѣ извѣстная цѣлой Европѣ *Мадонна д'Альба* Рафаэля, уступленная Кузвельтомъ для Эрмитажа за 14,000 фунтовъ стерлинговъ, по курсу около 400,000 франковъ, снимокъ съ которой былъ помѣщенъ нами въ одномъ изъ прошлогоднихъ №№ «Нивы»; въ 1839 г. пріобрѣтено за 140,000 руб. ассиг. 6 итальянскихъ картинъ отъ художника Ноэ, въ томъ числѣ *Давидъ съ головою Голіафа*—Гвидо Рени; въ 1845 г. поступило въ Эрмитажъ, по смерти графа Д. П. Татищева, завѣщанное имъ императору богатое собраніе изъ 182 картинъ, собранныхъ имъ во время бытности посланникомъ въ Вѣнѣ; въ 1850 г. императоръ Николай I пріобрѣлъ въ Венеціи галлерею картинъ Барбариго, изъ коихъ *Марія Магдалина*—Тиціана безспорно считается лучшимъ произведеніемъ великаго мастера; въ томъ же году художникъ Бруни, которому было поручено купить лучшія картины изъ галлереи покойнаго нидерландскаго короля Вильгельма II, продававшейся въ Гагѣ съ аукціона, пріобрѣлъ за 169,025 гульденовъ одиннадцать превосходныхъ картинъ; а въ 1852 г.

тотъ же самый художникъ былъ посланъ по Высочайшему повелѣнію въ Парижъ для покупки съ публичнаго торга картинъ изъ галлереи маршала Сульта, гдѣ и куплены имъ: *Несеніе креста*—дель Піомбо, за 41,000 франковъ, *Изведеніе апостола Петра изъ темницы*—Мурилло, за 151,000 франковъ и *св. Лаврентій*—Сурбарана за 3,000 франковъ; кромѣ того, при продажѣ галлереи герцога Морни, куплены: *Портретъ*—Рембрандта, за 8,000 франковъ и у Ланэвиля—*видѣніе св. Антонія*—Мурилло за 30,000 франковъ.

Въ царствованіе императора Александра Николаевича къ эрмитажной коллекціи прибавилось донынѣ еще нѣсколько картинъ Луини, Рюбенса, Россели, де Шампань и наконецъ 9 фресокъ Рафаэля, купленные по повелѣнію государя императора, директоромъ Эрмитажа, г. Гедеоновымъ, вмѣстѣ съ лучшими вазами, статуями и другими античными произведеніями, изъ галлереи маркиза Кампана въ Римѣ.

Въ настоящее время въ музеѣ императорскаго эрмитажа находится (по каталогу, изданному въ 1863 г.) 1631 картина, выбранныя болѣе чѣмъ изъ 4000 картинъ, пріобрѣтенныхъ со временемъ Петра Великаго. Тѣ изъ картинъ, которыя не вошли въ составъ эрмитажной коллекціи, находятся нынѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Гатчинѣ, а также въ Царско-Сельскомъ и Петергофскомъ дворцахъ. Кромѣ того, болѣе 100 картинъ размѣщены въ павильонѣ Эрмитажа, а 200 замѣчательныхъ картинъ, изъ галлерей Кроза, Брюля и Вальполя, подарены Государемъ Императоромъ новому московскому музею.

Изъ 1631 картины, находящихся въ музеѣ Эрмитажа, 327 картинъ итальянскихъ школъ, 944 фламандской, голландской и нѣмецкой школъ, 8 картинъ англійской школы, 172 французской и 65 русской школы. Въ числѣ картинъ русской школы находятся знаменитыя: *Послѣдній день Помпеи*—Брюлова, *Мѣдный змѣй* — Бруни, *Явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ*—Иванова, *Потопъ* и *Хаосъ*—Айвазовскаго и проч.

Кромѣ картинной галлереи, въ музеѣ эрмитажа размѣщены въ стройномъ порядкѣ слѣдующія коллекціи: 1) скульптурныхъ произведеній, какъ древняго рѣзца, такъ и величайшихъ мастеровъ новаго времени—Кановы и Торвальдсена; 2) бронзовыхъ вещей; 3) расписныхъ сосудовъ; 4) древностей Босфора Киммерійскаго, добытыхъ большею частію въ Южной Россіи, гдѣ находились въ древности цвѣтущія греческія колоніи; 5) камеевъ или рѣзныхъ камней, въ числѣ которыхъ многіе неоцѣненны по своему достоинству; 6) монетъ и медалей, начиная съ древнѣйшихъ, и 7) оригинальныхъ рисунковъ художниковъ, въ количествѣ до 12.000 экземпляровъ. Тамъ же находятся: галлерея Петра Великаго, посвященная различнымъ предметамъ искусства и промышленности, изображающимъ нагляднымъ образомъ жизнь и дѣятельность великаго основателя Петербурга, галлерея портретовъ Особъ Дома Романовыхъ и галлерея драгоцѣнныхъ вещей.

Для описанія всѣхъ находящихся въ эрмитажѣ картинъ потребовалась бы цѣлая книга; поэтому-то, предоставляя нашимъ читателямъ познакомиться съ ними по упомянутому выше каталогу, а также по тѣмъ гравюрамъ которыя мы будемъ представлять имъ отъ времени до времени, мы опишемъ только расположеніе различныхъ комнатъ, заключающихъ въ себѣ картины той или другой школы.

Бель-этажъ.

Новый Эрмитажъ.

I. Галлерея исторіи живописи, первая при входѣ въ бель-этажъ.
II. Большія картины итальянскихъ школъ.
III. Фламандская школа. Рюбенсъ и Фанъ-Дейкъ.
IV. Испанскія школы.

Итальянскія школы:

V. Рафаэлевы фрески.
VI. Леонардо да Винчи, Себаст. дель Піомбо, Андреа дель Сарто.
VII. Рафаэль, Корреджіо, Луини, Джуліо Романо.
VIII. Тиціано, Пальма, Моретò да Брешіа.
IX. Тиціано, Веронэзе.
X. Караччи, Гвидо Рени, Доменикино.
XI. Маратта, Скедоне.
XII. Лука Джордано, Сальваторъ Роза.

XIII. Стар. флам., голланд., и нѣмецкія школы.
XIV. Голландс. и фламанд. школы: Поттеръ, Кейпъ, Камнгейзенъ, Тенирсъ, Воуверманъ, Ф. д. Мейленъ.
XV. Галлерея Рембрандта и англійская школа.
XVI. Фламандская школа. Рюбенсъ.
XVII. Нѣмецкая школа.
XVIII. Фламанд. и голланд. школы.
XIX. Фламанд. и голланд. школы: цвѣты, животныя.
XX. Фламанд. школа. Снейдерсъ.
XXI. Русская школа. Айвазовскій.
XXII. Русск. шк. Брюлловъ, Бруни, Ивановъ.
XXIII. Древнія медали.
XXIV. Новыя медали.
XXV. Новыя медали.
XXVI. Рѣзные камни.
XXVII. Рафаэлевскія ложи.

Старый эрмитажъ.

Французская школа:

XXVIII. Ле-Сюёръ, Пуссенъ.
XXIX. Ле-Брёнъ, Пуссенъ, ле-Сюеръ.
XXX. Пуссенъ, Валентенъ.
XXXI. Пуссенъ, Миньяръ, Буше.
XXXII. Клодъ Лорренъ, Миньяръ, Ле-Сюеръ.
XXXIII. К. Лорренъ, Ванъ-Ло, Ла-Гиръ, Ле-муанъ.
XXXIV. К. Лорренъ, Ла Фоссъ, Куртенъ.
XXXV. Ланкре, Грёзъ.
XXXVI. Ватто, Де-Марнъ, Булонъ, Ланкре.
XXXVII. Миньяръ, Де-Труа.
XXXVIII. Гаспаръ Дюге, Валентенъ.
XXXIX. Верне, Бургиньонъ.

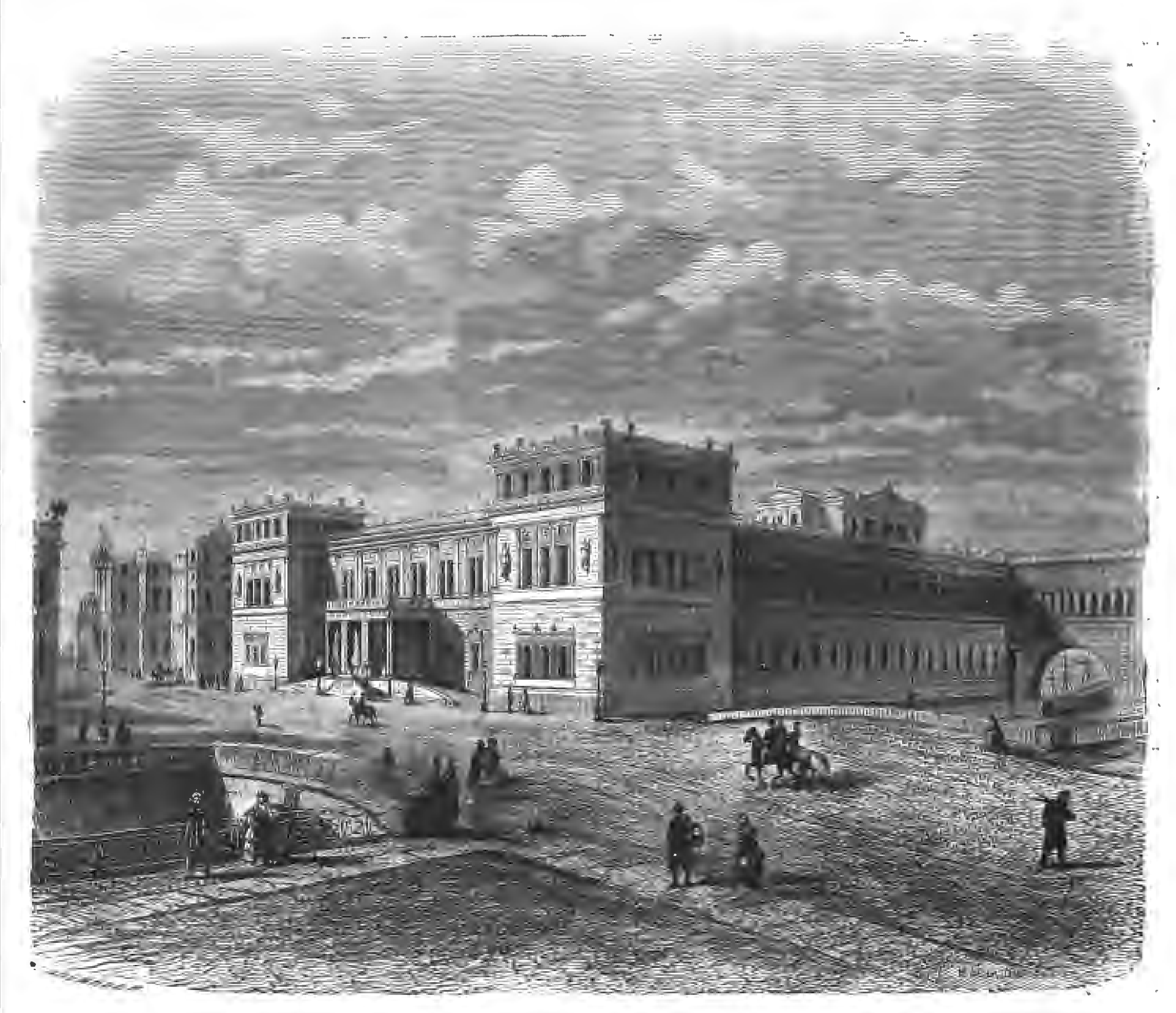
Въ галлереѣ драгоцѣнныхъ вещей особенно интересны слѣдующіе предметы: 1) Домашніе приборы нашихъ царей и бывшіе у нихъ въ употребленіи кувшины, блюда, тарелки, ложки, ножи, чайные приборы, табакерки, зеркала, букеты и т. п. вещи; 2) Часы, называемыя «Павлинъ», сдѣланные въ Лондонѣ извѣстнымъ механикомъ Коксомъ для одного русскаго вельможи и купленные послѣ смерти этого послѣдняго для поднесенія императрицѣ Екатеринѣ. Часы эти составлены изъ павлина, пѣтуха, совы, стрекозы и гриба. Если они заведены, то, когда куранты заиграютъ, павлинъ, повернувшись къ зрителямъ, распускаетъ свой золотой хвостъ, пѣтухъ поетъ, сова хлопаетъ глазами, клѣтка вокругъ ея вертится, а стрекоза прыгаетъ каждую секунду подъ грибомъ; 3) Страссеровы часы съ превосходною музыкою, исполняющею различныя піэсы Моцарта и Гайдена; 4) бюро съ музыкою Гамбсовой работы, и многіе другіе предметы.

Музей Императорскаго Эрмитажа открытъ для посѣтителей безплатно въ продолженіи цѣлаго года, исключая іюля и августа мѣсяцевъ, опредѣленныхъ для ремонтныхъ работъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Нѣкоторыя подробности московской политехнической выставкѣ. — Празднованіе юбилея Петра Великаго въ Петербургѣ.

Ввиду интереса, возбуждаемаго предстоящей политехнической выставкой, нелишнее будетъ сообщить о ней слѣдующія подробности. Выставка занимаетъ пространство въ 41,100 квадратныхъ саженъ, слѣдовательно, нѣсколько болѣе 17 десятинъ. Изъ этого пространства, 9,500 саженъ занято внутри Кремля, 8,500 саж. по набережной Москвырѣки, 21,500 кв. саж. въ трехъ кремлевскихъ садахъ и 1,600 кв. саж. въ московскомъ экзерциргаузѣ. Устроено 40 отдѣльныхъ крытыхъ построекъ, занимающихъ пространство въ 7,400 кв. саженъ. Наибольшее пространство занято отдѣломъ техническимъ (2,250 кв. саж. крытаго помѣщенія); за нимъ слѣдуетъ военный отдѣлъ, потомъ морской, севастопольскій, сельско-хозяйственный и т. д. Расходы по устройству выставки производились частію изъ суммъ, отпущенныхъ правительствомъ, частію же изъ пожертвованій частныхъ лицъ, учрежденій и самими экспонентами. Казенные расходы по устройству выставки составляютъ около *трети* всѣхъ вообще расходовъ. Частныя пожертвованія деньгами простираются до 200,000 рублей. Кромѣ того, на постройку народнаго театра выдано московской городской думой 10,000 руб. Почти всѣ министерства приняли участіе въ устройствѣ особыхъ отдѣловъ; но особенною полнотою отличаются отдѣлы министерствъ военнаго и морскаго. Министерство внутреннихъ дѣлъ, между прочимъ, выставляетъ образцовую крестьянскую избу, улучшенную въ гигиеническомъ отношеніи; образцовые пожарные инструменты для небольшихъ городовъ и селеній. Министерство народнаго просвѣщенія устраиваетъ отдѣлъ предметовъ для народнаго обученія. Кромѣ того, К. А. Поповъ принялъ на себя устройство образца сельской школы. Министерствомъ государственныхъ имуществъ устраивается отдѣлъ лѣсоводства и т. д. Размѣры пространства, занимаемаго выставкой, не дозволили допустить къ участію въ ней всѣхъ желающихъ выставить свои предметы. Поэтому, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ участвуетъ только часть экспонентовъ (лицъ выставляющихъ свои предметы на выставкахъ). За то въ другихъ напр. учебныя пособія, чертежи, модели и пр.—комитету по устройству выставки приходилось самому пріобрѣтать



Императорскій Эрмитажъ въ Петербургѣ.
Рисовалъ де ла Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

значительное число предметовъ по невозможности пріобрѣсти ихъ отъ экспонентовъ. Всѣхъ отдѣловъ будетъ 22. По отдѣлу фабричнаго производства допущено 724 экспонента; изъ нихъ русскихъ 305, изъ Германіи 181, изъ Австріи 103, Швеціи 78, изъ Англіи 52. Въ отдѣлѣ кустарной промышленности, т. е. мелкихъ крестьянскихъ промысловъ, участвуютъ 19 губернскихъ статистическихъ комитетовъ, Новгородское и Тверское земство, разныя другія учрежденія и 37 частныхъ экспонентовъ. По отдѣлу пожарныхъ инструментовъ выставлены предметы 22-хъ экспонентовъ и т. д. Особенною типичностью, какъ говорятъ, отличается туркестанскій отдѣлъ. Павильонъ этого отдѣла помѣщается въ Александровскомъ саду; онъ представляетъ копію съ мусульманскихъ построекъ Средней Азіи. Фасадъ состоитъ изъ высокаго фронтона въ 19 аршинъ вышины съ остроконечной аркой подъ нимъ; на углахъ зданія устроены два минарета. Весь фасадъ покрытъ рисунками, исполненными масляными красками, въ восточномъ вкусѣ. Въ павильонѣ собрано множество предметовъ, коллекцій чертежей, картъ, и плановъ, знакомящихъ съ Туркестаномъ и показывающихъ естественныя богатства этого края. Кромѣ ежедневныхъ представленій на народномъ театрѣ, объ устройствѣ котораго мы уже сообщили читателямъ, предполагается во время выставки исполнить нѣсколько русскихъ оперъ съ самою роскошною обстановкой. Новыя декораціи для оперы «Жизнь за Царя» уже заказаны въ Берлинѣ у лучшихъ мастеровъ тамошняго императорскаго театра. Московское общество «любителей художествъ» намѣрено устроить, во время политехнической выставки, выставку картинъ — въ помѣщеніи своемъ, что на Дмитровкѣ. Художники же Маковскій и Прянишниковъ хотятъ къ этому времени издать нѣсколько народныхъ историческихъ картинъ, для распространенія въ народѣ.

Съ 17-го апрѣля, въ зданіи выставки открыто почтовое отдѣленіе, для пріема писемъ всѣхъ родовъ, и въ разныхъ мѣстахъ прибиты почтовые ящики. Недавно открыты въ садахъ два ресторана. Для безопасности построекъ отъ пожара приняты слѣдующія мѣры: устроенъ водопроводъ, снабжающій всѣ отдѣлы водою: во многихъ мѣстахъ поставлены чаны съ водой и пожарныя трубы и кромѣ того на берегу Москвы-рѣки устанавливается громадная паровая пожарная труба, сила дѣйствія которой такъ велика, что что струя воды будетъ достигать до крайней кремлевской башни. Наконецъ, воспрещено куреніе табаку во всей мѣстности, занимаемой политехнической выставкой, за исключеніемъ ресторановъ, пожарной станціи военнаго отдѣла и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Для удобства публики, будутъ устроены кресла, на которыхъ можно будетъ ѣздить по выставкѣ. Выставка будетъ открыта ежедневно съ 9 до 11 ч. утра для учебныхъ заведеній; въ остальные же часы— для публики Безплатный входъ будетъ предоставленъ: дѣтямъ до 12-ти лѣтъ, если они при родителяхъ, воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, недостаточнымъ студентамъ университета, петровской академіи, духовной академіи и техническаго училища. Кромѣ того, будутъ облегчены условія осмотра выставки фабричнымъ и ремесленникамъ.

Открытіе политехнической выставки въ Москвѣ послѣдуетъ, какъ извѣстно, 30-го мая, въ день двухъ-сотълѣтія рожденія Петра Великаго. Читателямъ извѣстно также, что по этому случаю въ Петербургѣ предположено большое празднество, которое будетъ отличаться большою оригинальностью и разнообразіемъ. Газеты сообщаютъ о немъ слѣдующія подробности. 30-го мая, рано утромъ, 21 пушечный выстрѣлъ въ Петропавловской крѣпости возвѣститъ жителямъ столицы о наступленіи торжественнаго дня; въ 9 часовъ, духовенство съ иконою Спасителя, начнетъ шествіе изъ домика Петра I въ Петропавловскій соборъ, въ которомъ будутъ сдѣланы слѣдующія приготовленія: на трехъ золотыхъ подушкахъ разложатся — мундиръ покойнаго императора и нагрудный знакъ, шпага и шляпа, простреленная подъ Полтавою, на вышитыхъ золотомъ словахъ изъ полтавскаго приказа: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи, для благосостоянія нашего», и орденскіе знаки святаго апостола Андрея Первозваннаго, при ассистентахъ, въ числѣ одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ полковъ лейбъ-гвардіи преображенскаго и семеновскаго и первой батареи гвардейской пѣшей артиллеріи. Впереди, на особой подушкѣ будетъ положена золотая медаль, нарочно изготовленная по случаю юбилея, которая, по окончаніи богослуженія, перенесется на могилу Петра I; кругомъ расположатся взводы полковъ лейбъ-гвардіи: преображенскаго и семеновскаго, пѣшей артиллеріи, флота, морскаго училища и полковъ, которые сохранились съ петровскихъ временъ,—по три человѣка съ каждаго полка, всѣ въ формѣ тогдашняго времени. По совершеніи торжественной заупокойной панихиды, процессія направится къ Невѣ, гдѣ ее будутъ ожидать: пароходъ для перевозки иконы Спасителя, баржа съ верейкою Петра I, украшенная флагами, яхты, катера и шлюбки; при переплытіи Невы, изъ орудій Петропавловской крѣпости произведенъ будетъ тридцать одинъ пушечный выстрѣлъ, а расположенныя по правую и лѣвую сторону рѣки суда гвардейскаго экипажа, флота и яхтъ-клуба будутъ салютовать. Монументъ Петра Великаго предполагается украсить вѣнками, цвѣтами и растеніями и устроить около него сѣнь, для совершенія богослуженія, съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому и вѣчной памяти великому преобразователю Россіи; по окончаніи литіи, всѣ войска будутъ проходить церемоніальнымъ маршемъ передъ монументомъ, а духовенство возвратится тѣмъ же путемъ въ въ домикъ Петра I. Во время церемоніи, нарочно устроенныя особыя на площади мѣста будетъ предоставлены преподователямъ и профессорамъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, наставникамъ народныхъ и сельскихъ училищъ, по усмотрѣнію думы и земства, а также лучшимъ мастерамъ заводовъ и верфей, по выбору изъ хозяевъ. Тотчасъ же по окончаніи церемоніи, начнется народный праздникъ на Царицыномъ лугу, на которомъ будутъ устроены русскія игры и картины, изображающія различныя эпохи жизни Петра Великаго; по распоряженію же министра императорскаго двора, вечеромъ будетъ данъ парадный спектакль и и три даровыя представленія для публики на трехъ театрахъ.

Кромѣ вышеозначеннаго, день рожденія великаго преобразователя Россіи предполагается ознаменовать еще слѣдующими полезными мѣропріятіями: а) учредить, на Петербургской Сторонѣ, какъ въ самой древней части города, два мужскихъ и два женскихъ начальныхъ училища, на каковый предметъ городъ отпускаетъ по 7-ми тысячъ ежегодно; б) затѣмъ, изъ городскихъ доходовъ отпущено 6 тысячъ рублей статистическому комитету на предпринятое имъ изслѣдованіе Петербурга въ историческомъ, статистическомъ и топографическомъ отношеніяхъ; в) принять участіе въ поддержаніи нашего торговаго флота, для чего городъ, черезъ своего голову, долженъ войдти въ сношеніе съ Обществомъ поощренія русской торговли и промышленности. Говорятъ, что въ празднествѣ пожелали также принять участіе петербургскіе типографы и литографы. Съ этою цѣлью, они хотятъ устроить на Царицыномъ лугу, на свой счетъ, особое возвышеніе, на которомъ будутъ помѣщены типографскіе станки временъ Петра Великаго и нынѣшнія скоропечатныя машины, на которыхъ будутъ печататься и раздаваться безплатно разные рисунки и статьи относящіеся къ предмету празднества. Слышно также, что на народномъ театрѣ, въ дни празднества, будутъ поставлены двѣ пьесы: «Новгородскій купецъ Иголкинъ» и «Дѣдушка русскаго флота», и что устройство спектаклей поручено г. Бергу.

Политическое обозрѣніе.

Самолюбію германскаго правительства нанесенъ недавно чувствительный ударъ со стороны римской куріи. Въ Римъ, къ папскому престолу назначенъ былъ германскою имперіею новый посланникъ, князь Гогенлоэ; но папа объявилъ, что выборъ этотъ ему не нравится и что поэтому онъ не допуститъ его занять этотъ дипломатическій постъ. Германія недоумѣваетъ, въ чемъ дѣло; являются всевозможныя догадки, предположенія; поднимается переполохъ во всѣхъ дипломатическихъ кружкахъ; начинаютъ даже заговаривать о совершенномъ упраздненіи поста дипломатическаго агента въ Римѣ со стороны Германіи. Наконецъ, самъ князь Бисмаркъ, въ засѣданіи рейхсрата, объясняетъ собравшимся депутатамъ, что во все время своей службы онъ не только не встрѣчалъ ничего подобнаго, но даже не слыхалъ никогда о подобномъ казусѣ, — что это примѣръ единственный въ своемъ родѣ и его сильно огорчаетъ. Германскій канцлеръ заявилъ откровенно, что спокойствію государства угрожаютъ религіозныя распри, противъ которыхъ должны быть приняты законодательныя мѣры всѣми правительствами, входящими въ составъ германской имперіи. Большинство собранія было на сторонѣ Бисмарка; представители же партіи духовенства (клерикаловъ), не соглашаясь съ доводами госуд. канцлера, старались оправдать дѣйствіе папы. Во всей этой исторіи есть что-то темное, загадочное: г. Гогенлоэ, котораго Бисмаркъ прочилъ въ посланники къ папскому правительству, состоитъ кардиналомъ, т. е. лицомъ изъ одного съ папой лагеря; онъ лично извѣстенъ папѣ и находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Казалось бы, поэтому, что лучшаго и болѣе любезнаго для папы выбора и ожидать нельзя; но вышло не такъ, — папѣ, какъ видно, сильно не понравилось, что кардиналъ Гогенлоэ принялъ свое новое назначеніе, не спросившись у него, своего «начальника». По крайней мѣрѣ, такую причину выставили въ собраніи рейхстага сами клерикалы. Но видно владычеству этихъ послѣднихъ предстоитъ скорый конецъ, потому что общественное мнѣніе Германіи становится рѣшительно на сторону государства, предпочитая лучше имѣть дѣло съ нимъ, чѣмъ нести на себѣ иго вѣковаго невѣжества и суевѣрій, поддерживаемыхъ духовенствомъ. Сознавая, что если уже вырывать зло, то вырывать его съ корнемъ, общественное мнѣніе выступило въ походъ противъ іезуитовъ. Въ германскій рейхстагъ внесли предложеніе объ уничтоженіи этого ордена посредствомъ закона, который воспрещалъ бы іезуитамъ селиться въ Германіи и дѣйствовать на народъ. Эта мѣра, хотя повидимому весьма строгая и рѣшительная, не приведетъ однако къ окончательному распаденію іезуитскаго братства, — не приведетъ потому, что почва для іезуитской проповѣди все еще существуетъ въ сердцахъ малопросвѣщеннаго человѣчества, въ особенности же его женской половины, которую можно поймать на какую хотите удочку. Просвѣщеніе народа — единственное и самое вѣрное средство противъ религіозной и всякой другой односторонности; но не такое просвѣщеніе, которое видимъ напр. въ Австріи, гдѣ большинство народныхъ школъ находится въ рукахъ католическаго духовенства, — а просвѣщеніе самостоятельное, общественное и прогрессивное. Неудивительно, поэтому, что большая часть депутатовъ, въ германскомъ рейстагѣ, признавъ малополезнымъ изгнаніе іезуитовъ, склонилась на сторону того мнѣнія, чтобы монахамъ этого ордена, подъ страхомъ взысканія, запрещалось занимать церковныя должности и учить въ школахъ.

Спасаясь отъ гоненія, воздвигнутаго на нихъ въ Германіи и Италіи, іезуиты переходятъ въ Австрію; но и здѣсь ихъ принимаютъ не съ прежнимъ гостепріимствомъ: изъ нѣмецкихъ общинъ чуть не ежедневно поступаютъ въ министерство просьбы, чтобъ іезуитамъ былъ запрещенъ доступъ въ предѣлы Австріи. Впрочемъ, въ этой послѣдней болѣе чѣмъ гдѣ либо (за исключеніемъ развѣ одной только Испаніи) найдется людей, готовыхъ защищать іезуитовъ даже собственною грудью.

Швейцарія поднялась на ноги по случаю вопроса о пересмотрѣ конституціи республики. Кантоны съ нѣмецкимъ населеніемъ возъимѣли намѣреніе передѣлать конституцію страны такимъ образомъ, чтобы въ управленіи кантонами было больше единства, однообразія. Кантоны же съ католическимъ населеніемъ стоятъ за старую конституцію и высказываются противъ задуманной нѣмцами реформы. Народъ высказался, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ, но *противъ* пересмотра; для того же чтобы это рѣшеніе имѣло силу — необходимо чтобы противъ реформы было и большинство кантоновъ. Кантоны же въ этомъ вопросѣ раздѣлились по ровну: десять изъ нихъ стоятъ за пересмотръ конституціи, а другіе десять противъ него. Остаются еще два нерѣшительные кантона, Аппенцель и Невшатель, отъ которыхъ будетъ зависѣть окончательное рѣшеніе. Впрочемъ, по послѣднимъ слухамъ, противъ реформы высказалось и большинство кантоновъ, именно 13; а 9 кантоновъ оказались за нее.

Библіографія.

Далекая Россія. Уссурійскій край, соч. Алябьева, съ картою и рисунками. Ц. 80 коп. Изданіе «Всемірнаго Путешественника».

По словамъ редакціи «Всем. Пут.» это есть краткое извлеченіе, выбранное авторомъ, по просьбѣ редакціи, изъ массы данныхъ, относящихся до первоначальнаго заселенія края и пр. Самъ г. Алябьевъ обѣщаетъ современемъ напечатать свои замѣтки изъ осьмилѣтняго пребыванія своего въ при-амурскомъ краѣ. Уссури, для большинство русскихъ, *terra incognita* (неизвѣстная страна); страна эта хотя и принадлежитъ Россіи, но такъ далеко отъ насъ, что разница во времени съ С.-Петербургомъ почти на 8 часовъ, и проѣхать туда по прямой линіи потребуется не менѣе 35—40 дней. Кромѣ трудности пути, неустройства нашихъ дорогъ и всякаго рода неудобствъ, читателя поражаетъ непроглядность этой страны и то жалкое и бѣдственное положеніе, въ которомъ находятся жители этого края. Оказывается, что Россія, завладѣвъ этимъ краемъ, вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ, несетъ значительные убытки, такъ-какъ ей приходится отпускать тамошнимъ жителямъ значительное количество хлѣба для продовольствія и посѣва. Причину этого авторъ видитъ въ составѣ самаго населенія края и въ образѣ его жизни. Край этотъ, собственно Уссурійскій, населяютъ русскіе и иноземцы. Изъ русскихъ — преимущественно военные, которые первые и заселили этотъ край. Они первые начали вырубать лѣсъ, заводить постройки и такимъ образомъ готовить мѣста для крестьянъ-переселенцевъ. Это, такъ сказать, главные дѣятели края, но дѣятели пассивные, дѣйствующіе по приказанію начальства. Другой элементъ этого края — крестьяне-переселенцы, преимущественно изъ губерній: Тамбовской, Воронежской и Астраханской. Эти жалкіе люди, перебираясь чрезъ такой длинный путь, теряли въ дорогѣ все свое имущество и даже семейство. Поселившись здѣсь, они внесли съ собою рутину, лѣнь и пьянство, которое особенно развито въ этомъ краѣ.

Третій элементъ населенія — казаки и штрафованные нижніе чины, — народъ, что называется, отпѣтый, у котораго главный промыселъ (по словамъ автора) добыча всѣми правдами и неправдами казеннаго провіанта. Четвертый элементъ — русскіе купцы, эксплуатирующіе мѣстное населеніе покупкою шкуръ соболей, лисицъ и другихъ пушныхъ звѣрей. Наконецъ, населеніе Уссурійскаго края состоитъ изъ инородцевъ, изъ которыхъ очень важное мѣсто занимаютъ китайцы, почему-то счи-

тающіе этотъ край своею собственностью; это или ссылаемые китайскимъ правительствомъ преступники, или бѣжавшіе отъ суда преступники, занимающіеся добываніемъ золота, корня жень-шень, морской капусты, ловлею звѣрей и проч. Послѣ китайцевъ есть еще корейцы и гольды—совершенно почти дикіе, бродячіе охотники, хотя корейцы болѣе дѣятельны и трудолюбивы. При такомъ составѣ населенія, можно ли надѣяться, что это странное смѣшеніе такихъ разнородныхъ элементовъ сплотится и выродитъ изъ себя что-нибудь цѣльное? По крайней мѣрѣ, при нынѣшнихъ условіяхъ жизни и отношеній ихъ между собою – надѣяться на это никакъ нельзя.

Что касается до занятій жителей, то земледѣліе только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находится въ хорошемъ состояніи; въ прочихъ же мѣстахъ, по причинѣ неудобной земли, или благодаря лѣни и желанію безъ труда получить хлѣбъ,—очень плохое. Занятію скотоводствомъ препятствуетъ безчисленное множедво оводовъ, мошекъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя въ продолженіи всего лѣта страшно изнуряютъ скотъ. Охота на пушныхъ звѣрей есть, или лучше сказать, была бы однимъ изъ самыхъ лучшихъ и выгоднѣйшихъ занятій жителей этого края, если бы она велась ими какъ слѣдуетъ. Край этотъ кишитъ пушными звѣрями; охота на соболей — самая выгодная и удобная, сравнительно съ охотою на другихъ звѣрей, но русскіе ею занимаются очень мало, какъ и всякою вообще охотою. Ею занимается преимущественно китайское населеніе; слѣдовательно, для русскихъ и этотъ выгодный промыселъ остается безполезнымъ.

Замѣчательно, что въ этомъ краѣ водится бенгальскій тигръ и даже барсъ, и жители такъ напуганы присутствіемъ этихъ звѣрей, что почти не предпринимаютъ противъ нихъ никакихъ мѣръ. Г. Алябьевъ приводитъ нѣсколько очень любопытныхъ фактовъ, показывающихъ, до какой степени смѣлы становятся тигры тамъ, гдѣ встрѣчаютъ мало сопротивленія, — такъ что даже таскаютъ изъ хижинъ чрезъ окно спящихъ людей. Рыбная ловля также представляетъ очень выгодный промыселъ: здѣсь въ изобиліи водится такъ - называемая красная рыба, похожая на нашу семгу; кромѣ того, водится бѣлуга, осетръ и проч. Но и этимъ промысломъ также занимаются очень мало и слабо. Авторъ говоритъ, что носятся слухи, будто въ Уссурійскомъ краѣ есть золото, и будто китайцы много вывезли его, но каково это золото, да и есть ли оно, – никому изъ тамошнихъ жителей неизвѣстно. Много также есть каменнаго угля, но онъ или не разрабатывается вовсе, или же это только одни слухи. Наконецъ, авторъ приводитъ рядъ таблицъ, изъ которыхъ видно, что въ Уссурійскомъ краѣ считается жителей 6,318 душъ русскихъ и инородцевъ 5,229, а всего 11,547 душъ, и на каждую душу приходится обработанной земли менѣе *одной* десятины! Книжка г. Алябьева снабжена прекрасными рисунками и чрезвычайно полною и очень хорошо составленною картою якутской, амурской и приморской областей.

Въ конторѣ редакціи журнала «Нива» еженедѣльно получается до 60 писемъ съ извѣщеніемъ о перемѣнѣ адреса, причемъ деньги на типографскіе расходы по печатанію новаго прилагаются весьма рѣдко. Поэтому, издатель обращается къ гг. подписчикамъ съ покорнѣйшею просьбою: при перемѣнѣ адреса высылать въ контору редакціи 30 коп., или прилагать 3 почтовыя марки, которыя по новому распоряженію почтоваго вѣдомства могутъ быть посылаемы въ простыхъ нестрахованныхъ письмахъ. Но для редакціи было бы пріятнѣе получать марками болѣе мелкими какъ - то: 1 коп., 3 коп. и 5 коп., чѣмъ марками въ 10 коп.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ В. Клюшниковъ

Дозволено цензурою 12 Мая 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1

№ 21. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 22 мая 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ ›	5 › — ›	Съ доставкою въ ›	2 › 50 ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 › —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Лорелея.

(*Продолженіе*).

На слѣдующее утро я одна хлопотала около чайнаго стола, какъ вдругъ въ мастерскую съ какимъ-то вопросомъ вошла Вѣрочка. Она знала, что братъ до чая обыкновенно не приходитъ, и потому не позаботилась докончить туалетъ свой—а вошла съ распущенными волосами и гребнемъ въ рукѣ. Она была безконечно хороша въ эту минуту: остановившись посреди комнаты, въ полъ-оборота къ окну, одной рукой придерживая на груди часть волосъ, другую она закинула за голову; открылась почти до плеча изящно-обрисованная рука, изъ подъ широкаго, вышитаго рукава ея бѣлаго батистоваго пеньюара. Она стала какъ-то такъ удачно противъ свѣта, что стройный станъ ея слегка сквозилъ черезъ вольныя складки полупрозрачной ткани,—а лучъ солнца, только по утрамъ искоса заглядывавшій въ эти окна, золотыми бликами ложился на волны ея длинныхъ, разсыпанныхъ по спинѣ и плечамъ волосъ и на соскользнувшій до полруки широкій, гладкій золотой браслетъ, котораго она никогда не снимала. Нельзя было не заглядѣться.

— Вотъ такъ Лорелея! раздался веселый голосъ на порогѣ.

Вѣрочка слегка вспыхнула, но тотчасъ же просто, звонко разсмѣялась.

— Можно ли такъ пугать, подкрадываться! сказала она и хотѣла уйти.

— Нѣтъ, ужъ: извините такъ не отпустятъ! попались — ну и извольте сидѣть.

И онъ взялъ ее за руку, съ шутливой строгостью подвелъ къ столу и усадилъ на кресло.

— Вотъ, вы меня все подбиваете на мотивы изъ Гейне, продолжалъ онъ, — извольте — я хоть сегодня начну картину на одну изъ его прелестнѣйшихъ темъ, только не угодно ли принять въ ней участіе не одними совѣтами а и собственнымъ трудомъ. Это будетъ, впрочемъ, нестолько трудъ, сколько скука: мы вамъ здѣсь нагромоздимъ баррикаду, изображающую скалу, и если вы будете имѣть терпѣніе просидѣть надлежащее число часовъ, мы съ вами общими силами создадимъ такую Лорелею, что слѣдущая выставка вся померкнетъ.

Я очень хорошо знала, что ему вовсе не въ выставкѣ дѣло, и что онъ только маскируется артистическимъ честолюбіемъ, чтобы заинтересовать Вѣрочку и чтобы дружеское участіе къ его карьерѣ заставило ее согласиться. Такъ и случилось. Она горячо взялась за эту мысль, съ дѣтскимъ восторгомъ стала торопить нужными приготовленіями и сама хлопотливо въ нихъ участвовала; а когда наконецъ все было готово—и она, по приставленной лѣстницѣ, забралась на высокую платформу и усѣлась на поставленной ей кушеткѣ,—она залилась серебристымъ хохотомъ и захлопала въ ладо-

ши. Въ моемъ тогдашнемъ напряженіи этотъ невинный хохотъ больно рѣзнулъ меня по сердцу. Я невольно взглянула на брата—онъ стоялъ, свѣтлый, спокойный, счастливый передъ мольбертомъ, и мѣломъ намѣчалъ главный абрисъ компоновки.

Начались сеансы. Картина пошла удачно, отъ нея вѣяло свѣжестью живаго вдохновенія. Веселое, хорошее было время. Только въ моей головѣ засѣла черная мысль—и чѣмъ болѣе я гнала ее, убѣждая себя, что положительнаго основанія она рѣшительно не имѣетъ и все скорѣе какъ будто указываетъ на противное, тѣмъ упорнѣе она вязла въ моемъ умѣ. Обращеніе Вѣрочки съ братомъ стало предметомъ моихъ постоянныхъ наблюденій и соображеній: счастіе было такъ близко—и мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ онъ былъ счастливъ! Отношенія между ними установились самыя короткія, дружескія, довѣрчивыя, но меня смущала именно крайняя простота и непринужденность, отличавшія ихъ, особенно съ ея стороны; я ни разу не замѣтила, чтобъ отъ сказаннаго имъ слова, отъ его взгляда, намека, выступила на ея щекахъ, хотя мгновенно, краска ярче обыкновеннаго,—чтобъ невольно потупилась она или дрогнули въ ней подвижная бровь, выразительный уголокъ губъ,—чтобъ она не сразу нашлась съ отвѣтомъ, съ шуткою;—эта ровность приводила меня въ отчаяніе. Напрасно я твердила себѣ, что какъ смущеніе далеко не всегда есть признакъ вины, такъ точно отсутствіе смущенія далеко не всегда означаетъ отсутствіе чувства,—что при иныхъ условіяхъ, въ иныхъ особенно счастливыхъ, здоровыхъ натурахъ, чувство можетъ слагаться такъ нормально, постепенно и просто, что наружныя признаки не будутъ замѣтны постороннему глазу;—я не могла заглушить этими умничаніями того внутренняго голоса, который называется женскимъ чутьемъ. «Не любитъ! не любитъ!» неотвязно шепталъ во мнѣ этотъ неумолимый голосъ—«и зачѣмъ я, я сама привела ее сюда! Зачѣмъ онъ ее узналъ, зачѣмъ полюбилъ! Но съ его душою, съ его полнымъ и тонкимъ пониманіемъ красоты во всѣхъ безконечныхъ проявленіяхъ, отъ самыхъ отвлеченныхъ, до самыхъ наглядныхъ, могъ ли онъ, узнавъ ее, не полюбить? И чѣмъ же это кончится для него? Новыми муками, новымъ крушеніемъ всѣхъ душевныхъ силъ, болѣе ужаснымъ, болѣе безнадежнымъ, нежели первое? Нѣтъ, ужь легче было бы, еслибъ онъ полюбилъ ту блѣдную мраморную богиню, которая, свергнутая съ пьедестала, мелькаетъ въ высокой травѣ и блѣдными мраморными глазами глядитъ на блѣдный холодный мѣсяцъ,—лучше полюбилъ бы тотъ грустный, задумчивый образъ, который такъ эѳиренъ, что является поэту только во снѣ: тамъ по крайней мѣрѣ взаимность невозможна, значитъ не можетъ быть надежды, а стало быть — и обманутой надежды. А тутъ!..

Съ этими мучительными сомнѣніями я и ложилась, и вставала. Разрѣшеніе ихъ не долго заставило себя ждать.

Нерѣдко, по утрамъ Вѣрочка уходила со двора. Когда совсѣмъ наступила весна, она стала уходить почти каждое утро, тотчасъ послѣ чая, «гулять въ Лѣтній садъ, для моціона», разъ навсегда объяснила она. Замѣтно было, что прогулки эти доставляли ей очень большое удовольствіе и дѣйствительно отражались крайне благопріятно на ея здоровьѣ,—она всегда возвращалась домой такая оживленная, цвѣтущая, нарядная, такъ весело торопила сеансомъ, такъ мило и умно болтала. И картина подъ этимъ живительнымъ вліяніемъ подвигалась, хорошѣла; фигура Лорелеи обаятельно выступала—и заглядываясь на нее, становилось понятнымъ, что художникъ увлекся главною фигурой, не могъ отъ нея оторваться и почти уже совсѣмъ окончилъ ее, тогда какъ необходимые аксесуары: рѣка и пловецъ въ челнѣ уносимомъ прямо на скалу—едва еще виднѣлись туманнымъ наброскомъ.

Однако съ Вѣрочкою стала постепенно происходить сперва чуть замѣтная перемѣна. Утреннія прогулки сдѣлались понемногу рѣже, она стала возвращаться съ нихъ не то чтобъ печальная, но точно усталая, и собираться не такъ поспѣшно, весело. Что далѣе, то чаще стала находить на нее какая-то разсѣянность, чаще можно была подмѣчать на ея лицѣ (когда она думала, что на нее не смотрятъ) выраженіе сосредоточенное и часто какъ будто недоумѣвающее, точно она не могла сладить съ какою-то неотвязчивою задачею. Наконецъ она стала прихварывать. А утреннія прогулки все-таки не прекращала вовсе. Напротивъ, случалось, что она соберется, когда ей видимо неможется, но лучше было и не пытаться удерживать ее. «Пройдусь—лучше будетъ», было единственнымъ отвѣтомъ на всѣ уговариванья,—а какое лучше! придетъ блѣдная, утомленная, и долго не слыхать ея милаго говора, ея звонкаго смѣха. Брату Ѳедору было чрезвычайно тяжело, и не столько потому, что Вѣрочка стала меньше бывать съ нами,—хотя онъ безъ нея слонялся по мастерской какъ тѣло безъ души, или угрюмо сидѣлъ и не дотрогивался до работы, — сколько потому, что онъ хорошенько не понималъ, что́ именно съ нею такое, не могъ ей помочь; а главное—она и не обращалась къ нему за помощью, не ощущала потребности довѣриться ему;—однимъ словомъ, онъ чувствовалъ себя *не нужнымъ* ей—а что́ можетъ быть убійственнѣе для любящей, крѣпко, прочно любящей души! Человѣку, который чувствуетъ себя ненужнымъ тому или той, кому онъ давно втихомолку отдалъ всего себя, кажется, что ему и вообще-то на свѣтѣ нечего дѣлать, что онъ совсѣмъ лишній.

Пришелъ наконецъ ударъ, который я предвидѣла и отъ котораго все малодушно отчуралась. Вѣрочка съ вечера разнемоглась не на шутку, однако на слѣдующее утро вышла къ чаю совсѣмъ одѣтая—собралась идти. Сжатыя блѣдныя губы, вытянутыя черты лица, круги подъ глазами—достаточно показывали, что она перемогается черезъ силу. Мы стали дружески - настойчиво упрашивать ее остаться, поберечь себя, однако на ея печальное но рѣшительное «надо» не нашлись ничего возразить. Чай прошелъ въ тяжеломъ молчаніи. Она поднялась, но тотчасъ опять опустилась въ кресло: голова закружилась, лицо вспыхнуло, потомъ помертвѣло. Она тяжело уронила голову на положенныя на столъ руки—и когда подняла, то жалко было смотрѣть на выраженіе безпомощнаго отчаянія, застывшее на этихъ живыхъ, подвижныхъ чертахъ. Вдругъ она опять вспыхнула, глаза загорѣлись отъ внезапнаго труднаго рѣшенія; она взяла насъ обоихъ за руки.

— Друзья мои, чего мнѣ съ вами играть въ прятки! Вотъ вамъ вся правда: меня въ Лѣтнемъ саду будетъ ждать одинъ человѣкъ, съ которымъ мнѣ крайне нужно повидаться. Это не первый разъ... всѣ мои прогулки... прежде оно чаще было... Но вотъ нѣсколько времени, какъ дѣлается что-то нехорошее — что-то пробѣжало... не скажу: черная кошка, это было-бы ужасно. Я не знаю что́—но это-то меня и сводитъ съ ума. Сегодня я было

рѣшилась это покончить, привести въ ясность—узнать худшее или посмѣяться надъ собою, если мнѣ только такъ представилось, а вотъ—не могу идти! Я совсѣмъ нездорова, силы никакой, ноги подкашиваются... Голубчикъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, сходите вы!

Она не замѣтила какъ его передернуло, потому что бросилась къ окну и взяла съ своего столика небольшую книгу въ яркомъ аломъ переплетѣ, потомъ въ волненіи продолжала:

— Держите эту книгу въ рукѣ—онъ къ вамъ самъ подойдетъ; а если его еще нѣтъ, посидите на первой скамейкѣ направо отъ большаго входа съ Невы—я всегда тамъ сижу. Скажите, что я больна, совсѣмъ больна, а то непремѣнно бы пришла,—и уговоритесь насчетъ другаго раза, только не раньше какъ черезъ нѣсколько дней, — я чувствую, что мнѣ надо отдохнуть, оправиться, приготовиться... Ну, а тамъ вы можетъ быть съумѣете, такъ, стороной, спросить... впрочемъ нѣтъ, ничего не спрашивайте, только наблюдайте, замѣтьте все и скажите мнѣ.—Да не лучше ли мнѣ записку написать?

— Не надо записки, опоздаю, остановилъ ее Ѳедоръ Алексѣевичъ,—да и къ чему? Я и такъ скажу, что вы больны; на этотъ разъ и вы вѣроятно не больше бы сказали. А вы посидите пока съ сестрой, одна не оставайтесь, да постарайтесь успокоиться — вѣдь вы знаете, что на меня можете положиться.

Въ рѣчи его звучала новая мнѣ струна почти женской нѣжности; онъ говорилъ спокойно, но очень тихо, какъ будто боялся, что голосъ оборвется если возвысить его. При первыхъ ея словахъ, у него лицо сдѣлалось сурово, неподвижно, какъ у человѣка, который стиснулъ зубы отъ внезапной, духъ захватывающей боли; но по мѣрѣ того, какъ она говорила, эта каменная напряженность уступала мѣсто грустной рѣшимости,—а когда она подъ конецъ робко и какъ будто съ надеждой подняла на него свои влажные, умоляющіе глаза, она встрѣтила въ его чертахъ выраженіе одного нѣжнаго участія и заботливости. Она дала ему усадить себя въ ея собственное спокойное кресло у окна и протянула ему руку, а онъ, въ первый разъ въ жизни, поцѣловалъ эту руку,—взялъ книгу и ушелъ.

Вѣрочка дѣйствительно нѣсколько успокоилась и и даже разговорилась. Долго копившаяся въ ея сердцѣ тяжелая тайна душила ее и, разъ вырвавшись наружу, уже не давала ей молчать. Она была въ слишкомъ возбужденномъ состояніи, чтобы разсказать порядкомъ что-нибудь, да и я конечно ее не разспрашивала. Мы говорили о томъ, чтó за полчаса еще неприкосновенно лежало въ глубинѣ ея души, тщательно скрываемое отъ всѣхъ,—какъ будто это дѣло давно извѣстное, понятное для меня во всѣхъ подробностяхъ, не требующее поясненій. Впрочемъ, развѣ не такъ на самомъ дѣлѣ? Развѣ не все тотчасъ становится ясно, понятно, знакомо въ безконечно-разнообразныхъ, но всегда одинаково-прозрачныхъ перифразахъ на то великое слово, которое чаще подразумѣвается, чѣмъ произносится? Развѣ сквозь всѣ варіаціи мы хоть на мигъ затруднимся различить родные звуки той старой пѣсни, отъ которой мертвецы встаютъ изъ гроба, когда ночной вѣтеръ занесетъ ее на погостъ,—пѣсни о томъ, чтó у ангеловъ зовется небеснымъ блаженствомъ, у бѣсовъ—адской мукою, у людей—любовью.

Вѣрочка говорила много и горячо. Изъ ея безсвязныхъ словъ мнѣ не трудно было понять, какія мучительныя сомнѣнія и недоумѣнія должны были осаждать ея любящее, вѣрующее сердце. Шаткость, неясность,—вотъ чего въ особенности не выносила ея прямая, свѣтлая натура, для которой подлинно «да» всегда было—«да», «нѣтъ»—«нѣтъ», и она изнемогала отъ тайной борьбы именно съ этими врагами — т. е. даже не борьбы, потому что это такіе ползучіе, крадущіеся враги, съ которыми никакая борьба невозможна,—вѣрнѣе сказать, она изнемогала отъ чувства наведенной на нее безпомощной слѣпоты.

— Можетъ-быть мнѣ все это лишь кажется, защищалась она отъ этой нестерпимой слѣпоты, — можетъ-быть я слишкомъ много требую отъ другихъ, мѣрю своимъ аршиномъ: мое такое счастіе, что природа надѣлила меня ровнымъ характеромъ, не можетъ же онъ быть у всѣхъ людей одинаково ровнымъ. Другіе люди бываютъ не въ духѣ—и отъ заботъ, и отъ дѣлъ, и отъ непріятностей, наконецъ отъ нездоровья, отъ темперамента, что-ли. Въ такой неровности еще нѣтъ ничего дурнаго или страшнаго, пугаться нечего; я какъ огня боюсь вдаться въ придирчивость, требовательность. Только, опять-таки, если это просто такъ,—то не слишкомъ ли долго продолжается?... Когда я съ нимъ, я готова смѣяться надъ собою: онъ все какъ-будто тотъ-же; но также какъ-будто и не тотъ—какъ то разсѣянъ, какъ то все торопится... Конечно, онъ очень занятъ, я это знаю навѣрное,—только отчего же прежде мы каждый день почти встрѣчались и долго ходили по аллеямъ или сидѣли на скамейкахъ?—онъ мнѣ и тогда говорилъ, что очень занятъ, а каждый разъ едва могъ оторваться. А тамъ пошло все рѣже, короче... нѣсколько разъ назначалъ а вовсе не приходилъ... и все дѣла, занятія! Говоритъ — такое время: много вдругъ навалило спѣшной работы — надо отдѣлаться. А впрочемъ, можетъ быть это и правда, вѣдь такъ?... *Можетъ быть!* Уже одно это слово ужасно! Думала-ли я, что когда нибудь у меня языкъ повернется выговорить, мозгъ повернется подумать, что тó, чтó *онъ* мнѣ сказалъ—*можетъ быть* правда!

— Отчего вы видались какъ будто по секрету? спросила я,—къ чему эти утреннія прогулки? это молчаніе? Развѣ вы не могли бы видѣться здѣсь? Не насъ же вы стѣснялись—вѣдь вы знаете, что вы здѣсь не у почтенныхъ вашихъ сестрицъ. А человѣкъ вы не такой, чтобы находить удовольствіе въ скрытничаньи.

— Я такъ и хотѣла, да онъ просилъ, чтобы до поры до времени ни кто рѣшительно не зналъ. Говорилъ, что онъ не въ лучшихъ отношеніяхъ съ моими родными, что это можетъ мнѣ повредить; а когда я отвѣчала, что я этого не боюсь, что я съ родными и безъ того не богъ знаетъ какъ близка,—онъ сказалъ, что это можетъ и для него быть очень важно, просилъ не разспрашивать, а вѣрить ему на слово и исполнить его просьбу, а что причины я послѣ узнаю.

— А вы такъ и повѣрили? поумничала я.

— Да какъ же иначе? взглянула она на меня, и въ взглядѣ ея была такая правда и простота, что мнѣ стало совѣстно моей житейской мудрости—и я почувствовала, что вопросъ мой былъ просто глупъ.

— Теперь, печально продолжала она,—мнѣ, признаюсь, невольно приходитъ въ голову, что это требованіе было странное, что... какая я стала гадкая, подозрительная! Я ему покаюсь, тогда какъ рукой сниметъ... Только не слишкомъ ли онъ оскорбится? проститъ ли мнѣ сомнѣніе? Не знаю—простила ли бы я. Сомнѣніе—

ужасное святотатство. Надо вѣрить или знать, но не сомнѣваться... А между тѣмъ... Да вотъ Ѳедоръ Алексѣевичъ придетъ—все уяснится.

Она почему-то стала думать, сдавъ дѣло въ надежныя руки друга, что ей уже нечего волноваться, что онъ все устроитъ, уладитъ, что это она только запутала, не умѣла справиться, а что теперь вотъ все пойдетъ иначе. Поэтому, къ не малому удивленію брата, она его встрѣтила почти съ веселымъ лицомъ, когда онъ возвратился послѣ довольно-продолжительнаго отсутствія.

У него, напротивъ, лицо было мрачное. Ему стóило большихъ усилій подойти къ ней съ доброй, успокоивающей улыбкой.

— Все благополучно, сказалъ онъ, не дождавшись вопроса.—Вамъ велѣно беречь себя, не тревожиться, а черезъ три дня васъ будутъ ждать—или меня, въ случаѣ, если бы вы еще не совсѣмъ поправились. А теперь, не поспать ли вамъ добро до обѣда? по глазамъ не видно, чтобъ вы эту ночь провели съ большой пользой.

Она безпрекословно послушалась и пошла къ себѣ. Я пошла съ нею, дала ей успокоительныхъ капель и уложила ее въ постель. Она была совершенно смирна и тиха; реакція отъ долгаго скрываемаго волненія сказывалась въ безусловной потребности покоя, такъ что рапортъ брата, хотя въ немъ не заключалось ровно ничего благопріятнаго, показался ей въ ту минуту вполнѣ удовлетворительнымъ; болѣе мгновеннаго облегченія отъ разрѣшеннаго молчанія и отъ участія друзей она можетъ быть не ожидала и сладко заснула.

Я поспѣшила къ брату. Онъ тяжелыми шагами ходилъ по мастерской; лицо его было взволновано, складки между бровями глубоко врѣзались.

— Мерзавецъ, негодяй!... разразился онъ, какъ только я вошла.—И этакому франту, хлыщу она—она!—повѣрила... и теперь готова вѣрить. Битый часъ заставилъ меня ждать—значитъ ее... Не мудрено, что она, бѣдняжка, изстрадалась—и какъ только гордость ей не подсказала!.. Радъ радехоненъ былъ, что ее не засталъ. Даже не умѣлъ, или просто не хотѣлъ скрыть. Вѣрнѣе, что не хотѣлъ. Хоть бы изъ приличія представился огорченнымъ или озабоченнымъ! Такъ и хотѣлъ уйти, не назначивъ ни другаго свиданія, ни средства сообщенія. Ужъ я его остановилъ. «Позвольте», говорю: «Вѣра Платоновна *очень* нездорова и вѣроятно еще нѣсколько дней не будетъ въ состояніи выйти изъ дома. Не имѣете ли чего передать ей?» Онъ нѣсколько замялся. «Передайте, чтобъ берегла себя, и не спѣшила выходить, тѣмъ болѣе что я заваленъ дѣлами, работой, и самъ не знаю, когда удастся урваться».—«Больше сообщить ничего не имѣете?»—«Нѣтъ... то-есть имѣлъ бы, собственно съ тѣмъ и шелъ, но не совсѣмъ пріятнаго для нея свойства, поэтому даже радъ, что не встрѣтилъ ее самое. Но черезъ третье лицо... впрочемъ, даже лучше черезъ третье лицо—съ женщинами трудно говорить толкомъ, онѣ многаго не понимаютъ или не хотятъ понимать, да еще обижаются если стараешься имъ втолковать. Вотъ видите-ли...» «Позвольте, говорю, Вѣра Платоновна меня ждетъ, и я не осмѣлюсь увеличить ея безпокойство продолжительнымъ отсутствіемъ. Но въ другой разъ, на этихъ дняхъ, когда вамъ угодно будетъ назначить, я сочту за честь явится въ качествѣ уполномоченнаго Вѣры Платоновны». Обрадовался, трусишка, и позабылъ что заваленъ работами, назначилъ было завтра же, да я не согласился раньше трехъ дней: мнѣ надо приготовить Вѣрочку и привести къ тому, чтобы она дѣйствительно уполномочила меня. Надо узнать въ какомъ состояніи ея дѣла—я тутъ чую денежный вопросъ.

— Какъ это ты рѣшился такъ сейчасъ, самъ отъ себя, взять на себя роль посредника? роль и щекотливая и не легкая!

— Не могу-жь я допустить ее слышать отъ него лично, въ публичномъ мѣстѣ, то что̀ очевидно предстоитъ ей выслушать. Хоть и запало сомнѣніе въ ея душу, она ужь конечно не готова къ тому, что̀ ее ожидаетъ.

— Но въ такомъ случаѣ хорошо ли, что ты ее такъ успокоилъ? Она совершенно удовлетворилась твоими словами и теперь спитъ сладко, какъ дитя.

— Вотъ этого-то мнѣ и нужно было. Прежде всего—дать ей отдохнуть, тогда и здорова будетъ и силы будутъ—а силы ей понадобятся, бѣдненькой. А насчетъ спокойствія—не обманывай себя: посмотри, будетъ ли спокойна, какъ проснется со свѣжей головой. Вѣдь въ моихъ словахъ успокоивающаго было одинъ только тонъ, никакъ не содержаніе... Да и мнѣ надо было собраться мыслями... опомниться... приготовиться, прибавилъ онъ потише, потомъ продолжалъ, какъ бы желая отвлечь вниманіе:—такую операцію сдѣлать не шутка; надо подумать какъ лучше взяться. Бѣдная, бѣдная!

— А ты-то развѣ не бѣдный! невольно вырвалось у меня.—Какъ ты-то будешь?..

— Я-то какъ? А что̀-жь — ничего; по прежнему какъ нибудь. Онъ остановился передъ картиной и долго смотрѣлъ на нее.—«Онъ любилъ ее, потому что она была достойна любви; она его не любила, потому что онъ не былъ достоинъ любви»—чего же проще? Alte, alte Geschichte! промолвилъ онъ съ горько-насмѣшливой улыбкой, закинулъ руки за голову и устало, долго потянулся.

Предсказаніе брата въ точности сбылось. Вѣрочка весь обѣдъ сидѣла какъ пришибленная, но послѣ обѣда не уходила къ себѣ—и Ѳедоръ Алексѣевичъ осторожно издалека приступилъ къ главному вопросу, предложивъ принять на себя дальнѣйшее устройство ея дѣлъ, такъ какъ ей теперь не до того, притомъ надо беречь себя и дать себѣ поправиться. Она тотчасъ же съ благодарной улыбкой согласилась,—она, съ наивнымъ эгоизмомъ истиннаго горя, начинала привыкать слагать на него свои заботы и уже находила его вмѣшательство вполнѣ естественнымъ. Но когда онъ сталъ справляться о нѣкоторыхъ дѣловыхъ подробностяхъ, она старалась отклонить тягостный для нея разговоръ.

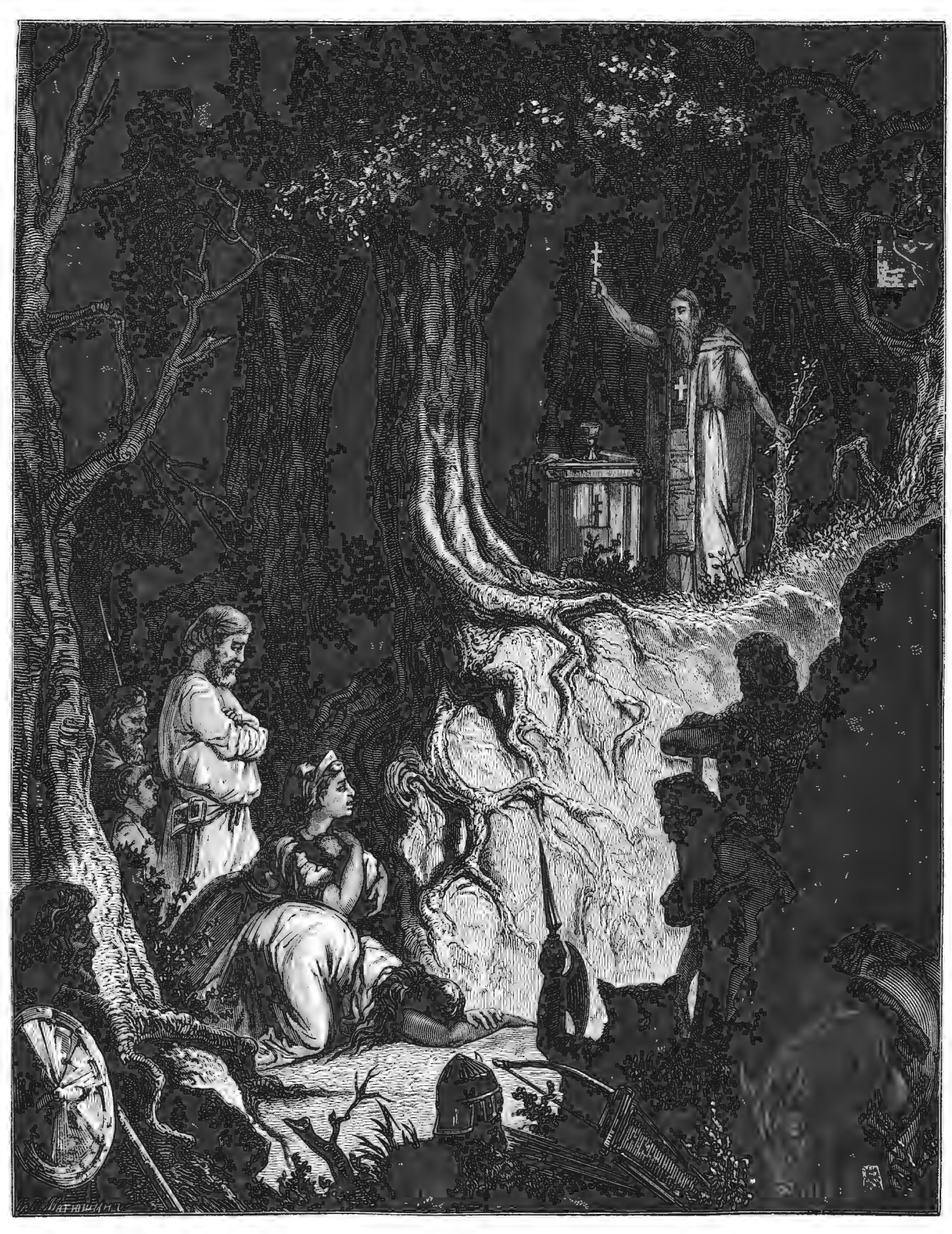
— Когда нибудь послѣ, сказала она,—я вамъ все сдамъ, все узнаете, только не теперь: не все ли равно?

Онъ не могъ ей объяснить, что далеко не все равно,—что именно теперь ему нужно знать, и почему, и только просилъ и исполнить его желаніе, шутливо напоминая ей, что мужчины въ дѣлахъ педанты и не выносятъ упущенія или лишней проволочки.

— Хорошо, я принесу вамъ бумаги, сказала она, вставая, и уходя прибавила съ утомленнымъ, равнодушнымъ видомъ:—впрочемъ, вамъ не много остается дѣла: раздѣлъ почти уже конченъ и съ моею долею будетъ мало хлопотъ—мнѣ приходится около четверти того, что̀ я полагала.

Она вышла, а мы переглянулись.

Слѣдующіе два дня Ѳедоръ, предварительно взявъ



Первые христіане въ Россіи.

Рисунокъ Н. Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

у Вѣрочки довѣренность, вполнѣ ознакомился съ ея дѣлами; сидѣлъ надъ бумагами, ходилъ и ѣздилъ, не говоря куда, и только разъ на мой вопросительный взглядъ отвѣтилъ:

— Все совершенно ясно—ее обобрали, и благородный рыцарь—на попятный. Я знаю, что онъ мнѣ завтра скажетъ; но я его заставлю написать—иначе она не повѣритъ и все будетъ надѣяться.

Въ этотъ вечеръ Өедоръ Алексѣевичъ, чтобы хоть нѣсколько приготовить ее, освѣдомился о денежныхъ обстоятельствахъ «благороднаго рыцаря». Она сначала отвѣчала простодушно, нѣсколько удивляясь неожиданнымъ, не совсѣмъ понятнымъ вопросамъ, но когда догадалась, къ чему они клонятся, то остановилась, потомъ съ улыбкой торжествующей увѣренности проговорила.

— Довольно! Вы слишкомъ несправедливы—дружба ко мнѣ васъ завлекаетъ слишкомъ далеко. Все можетъ быть—охлажденіе, прихоть—онъ могъ полюбить другую—но не это! нѣтъ, нѣтъ—не это! вы его не знаете.

Однако послѣ этого не трудно было уговорить ее позволить Өедору Алексѣевичу отправиться на рѣшительное свиданіе вмѣсто нея, въ качествѣ ея уполномоченнаго: она стала неодолимо бояться встрѣчи.

З. И—на.

(*Окончаніе будетъ*).

Древнѣйшіе христіане на Руси.

Покойно, безъ всякаго шуму вошло христіанство въ безпредѣльныя, славянскія равнины. Мелкими, живительными ручьями всасывалось оно мало-по-малу въ народную, полудикую жизнь,—пока эти, почти незамѣтные съ начала, ручейки не разрослись въ многоводныя, свѣтлыя рѣки.

Довѣрчивые, простые, чуткіе на все, что только дышетъ неотразимой правдою,—охотно вслушиваясь въ новыя рѣчи,—они инстинктивно понимали, что въ новомъ ученіи кроется что-то такое, съ чѣмъ не подъ силу бороться ихъ прежнимъ вѣрованіямъ.

Миръ, спокойствіе,—равенство, соединеніе—а со всѣмъ этимъ—сила звучала въ этихъ рѣчахъ. Отъ нихъ не пахло свѣжею кровью какъ отъ заклинаній жрецовъ перуна, они не призывали къ оружію, грабежу и пожарамъ, они не требовали никакихъ жертвъ;—они проповѣдывали только одну любовь—любовь высокую, всеобъемлющую, достойную памяти Того, во имя Кого поднятъ былъ Крестъ—эмблема новой вѣры.

Если еще мужчины не охотно разставались съ идеею войны, въ которой видѣли до сихъ поръ всю цѣль земной жизни,—то, въ свою очередь, женщины со всею пылкостью предавались христіанству и вели за собою своихъ дѣтей, которые, чуть не съ молокомъ матери, всасывали новое вѣрованіе, и выростая готовились къ борьбѣ съ дикостью язычества.

Прежде чѣмъ жрецы—сквозь дымъ и чадъ своихъ алтарей—замѣтили, какая грозная сила поднимается надъ ихъ головами, прежде чѣмъ они успѣли подумать о средствахъ къ противу-борьбѣ,—съ ихъ головъ полетѣли дубовые вѣнки и діадемы, изъ жадныхъ рукъ вырваны были жертвенные ножи, такъ много пролившіе человѣческой крови, и съ грохотомъ рухнули въ прахъ разукрашенные истуканы, сбитые съ своихъ тяжелыхъ подножій. Только этою подготовкою, только тѣмъ что христіанство давно уже всосалось въ кровь славянскихъ народовъ — можно объяснить то поразительное явленіе, что вдругъ, по одному только призыву князя, цѣлые народы сбрасываютъ съ себя ярмо прежнихъ вѣрованій и цѣлыми толпами идутъ креститься на берега великаго Днѣпра, подъ сѣнь золотаго креста и парчевыхъ хоругвей, принесенныхъ византійскими святителями.

Но покуда христіанство проявилось во всемъ блескѣ господствующей религіи—оно долго и долго таилось въ тишинѣ, выбирая покойныя затишья въ глубинѣ непроходимымъ лѣсовъ, куда со всѣхъ сторонъ сходились ново - обращенные, приводя съ собою своихъ близкихъ и родныхъ язычниковъ и уводя отсюда уже христіанъ.

Одно изъ подобныхъ собраній представлено на нашемъ рисункѣ:

Подъ тѣнью громадныхъ, столѣтнихъ дубовъ и буковъ, куда развѣ въ самый полдень западетъ только лучъ краснаго солнца, на естественномъ возвышеніи стоитъ простой престолъ; на немъ скромная деревянная чаша и святая книга—благовѣстія. На корявомъ, словно морщинами изрытомъ, стволѣ дерева вырублено топоромъ грубое изображеніе креста: вотъ и вся обстановка первобытнаго христіанскаго храма на Руси. Высокій старикъ-священникъ стоитъ подлѣ престола; на немъ нѣтъ пышныхъ ризъ, блещущихъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями какъ въ настоящее время;—нѣтъ, простая риза изъ грубаго небѣленаго холста облегаетъ его худое старческое тѣло;—въ его поднятыхъ къ небу рукахъ сверкаетъ крестъ, изъ устъ вылетаетъ вдохновенная проповѣдь — импровизація.

Жадно ловятся каждое слово, каждый звукъ этого высокаго своей простотой служенія, и кажется: разразись теперь громъ и молнія надъ головами молящихся,—потоками полейся ливень—рви и мечи вихрь въ густыхъ трущобахъ лѣса,—не шелохнутся эти неподвижныя, словно окаменѣлыя группы.

Издалека собрались эти люди: пришелъ и земецъ-хлѣбопашецъ въ холщевой рубахѣ съ однимъ топоромъ за поясомъ, и стрѣлокъ-охотникъ въ медвѣжьей шкурѣ, съ лукомъ и стрѣлами, и воинъ въ желѣзной шапкѣ, съ длиннымъ бердышомъ и щитомъ. Пришли они всѣ, а съ ними и жены ихъ и даже грудные ребята.

Не потревожитъ ихъ никто въ этомъ святомъ убѣжищѣ, а если и посягнутъ жрецы-фанатики съ своими клевретами, то эти самые люди, умѣющіе горячо молится, съумѣютъ и постоять за крестъ, въ имя котораго собрались.

И такъ, недругъ, не ходи близко этого мѣста, держись подальше; а если хочешь пробраться сюда, то оставь прежде у подножья перуна свои волчьи зубы.

Н. Каразинъ.

Смѣлая женщина.

(Окончаніе).

«Съ дьявольскимъ взглядомъ взглянулъ онъ на нихъ и спросилъ:

— «Знаете ли вы меня? Или мнѣ представиться?

Мери употребляла всевозможныя усилія чтобъ скрыть свой испугъ, и отвѣчала:

— «Я не видала васъ, но полагаю, что вы голодны и нуждаетесь въ пищѣ?

— «Голоденъ, да (онъ произнесъ страшное ругательство) — я голоденъ и хочу пить! и пробормоталъ сквозь зубы: — пить кровь!

— «Я подамъ вамъ покушать, сказала Мери, бросившаяся къ двери.

— «Нѣтъ, вы хотите идти, чтобы поднять тревогу. Но нѣтъ, я знаю, что вы одни, га! одни! Вы можете идти. Вашъ мужъ не возвратится сегодня ночью домой, а ваша прислуга отпущена на праздникъ.

— «Это правда, но зачѣмъ стала бы я поднимать тревогу? Я всегда радуюсь, когда могу накормить голоднаго или помочь нуждающемуся. Во всю мою жизнь я не сдѣлала никому зла. И вы конечно не сдѣлаете никакого зла той, которая желаетъ помочь вамъ. Не принести ли вамъ пищи? спросила Мери, желавшая протянуть какъ-нибудь время, пока придетъ къ ней откуда-нибудь помощь.

«О! она была мужественная женщина — и взглянувъ на ножъ, она ободрилась. Она захлопнула ножъ, которымъ рѣзала арбузъ, и пытаясь спрятать его, рѣшилась продать какъ можно дороже свою жизнь.

«Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ она все еще не приносила ему кушанья, пока онъ сказалъ ей повелительнымъ тономъ:

— «Что это у васъ тамъ? А, ножъ! Что вы хотите имъ дѣлать?

— «Отрѣзать арбуза. Я собиралась сдѣлать это, когда вы пришли.

— «Положите его сію же минуту на столъ! сказалъ онъ угрожающимъ тономъ.

«Она положила ножъ подлѣ арбуза. Наконецъ онъ утолилъ свой голодъ и отодвинулъ стулъ. Тутъ Кассія въ первый еще разъ заговорила:

— «Не хотите ли покушать арбуза? Позволите ли вы мнѣ, мистриссъ, отрѣзать ему кусокъ? спросила она. обращаясь къ Мери и смотря на нея много выражавшими глазами.

— «Конечно. Возьмите себѣ кусокъ и дайте также и этому человѣку. Но подождите. Я сперва отдѣлю кусокъ для мистера Саузерна, отвѣчала Мери, которой надежда получить опять въ свое владѣніе ножъ придала силы.

«Теперь у обѣихъ было въ рукахъ по ножу, и обѣ знали свои взаимныя намѣренія.

— «Вы хладнокровны или хоть только представляетесь хладнокровной. Вы очень хорошо знаете, что вашъ мужъ не пріѣдетъ сегодня, чтобы съѣсть этотъ арбузъ. Но мнѣ нельзя больше терять времени. Ну, такъ вотъ, барыни, я Ватъ Вольфъ, кровожадный Ватъ Вольфъ къ вашимъ услугамъ! Ну, сударыня, пойдете ли вы со мною и отдадите ли мнѣ ваши деньги и ваши украшенія? Я не уйду пока не получу всего этого, сказалъ преступникъ, подходя къ Мери и намѣреваясь схватить ее.

— «Назадъ! вскричала она, отскочивъ шага на два и поднявъ вверхъ ножъ. Кассія подбѣжала къ ней и вскричала:

— «Сюда, Трестъ, храбрый Трестъ! Помоги намъ!

«Теперь передъ нимъ стояло трое. Онъ зналъ, что они будутъ защищаться на-смерть. Онъ долженъ былъ измѣнить свои дѣйствія. Онъ могъ побѣдить не иначе, какъ разлучивъ ихъ. Онъ вынулъ пистолетъ, прицѣлился въ спящаго мальчика и сказалъ:

— «Если вы не сдѣлаете того, что я приказываю, то я надолго усыплю этого мальчика. Ну, что вы скажете на это? Скорѣе!

«Чу! До ея слуха донеслись какіе-то звуки, они слышались все ближе и ближе.

— «Что это такое? спросилъ мошенникъ.

— «Мой мужъ! возразила Мери, не сводя глазъ съ бандита.

— «Вы лжете! сказалъ онъ, прислушиваясь.

«Да это былъ звукъ копытъ быстро-мчавшейся лошади, слышавшійся ужь очень близко. Шумъ растворяющихся воротъ возбудилъ въ ней радость, а въ немъ страхъ.

— «Дуракъ я, что такъ долго ждалъ! Вотъ же вамъ на память о Ватѣ Вольфѣ!.. и онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ маленькаго Гарри.

«Послышался страшный крикъ и Мери упала безъ чувствъ на полъ, въ то время какъ разбойникъ бросился вонъ изъ дому. Трестъ кинулся за нимъ. Испуганный выстрѣломъ, Гарри Саузернъ вбѣжалъ въ домъ и увидалъ лежавшую какъ трупъ у ногъ его Мери.

«Отъ испугу Кассія разсказывала такъ, что ее почти нельзя было понять. Маленькій Гарри былъ невредимъ, но выстрѣлъ изъ пистолета, который мать успѣла толкнуть вверхъ, въ то время какъ разбойникъ собирался выстрѣлить, разбудилъ спасеннаго такимъ образомъ ребенка.

«Мери привели въ чувство и она, рыдая, бросилась на грудь мужа.

«Онъ разсказалъ ей, что непреодолимая сила влекла его домой, такъ что онъ не могъ даже послать въ судъ извиненія насчетъ своего отсутствія.

— «Повѣришь-ли, продолжалъ онъ, — я постоянно слышалъ — разумѣется это было только воображеніе — что Гарри зоветъ меня. Даже Спортъ какъ будто чувствовалъ то же самое, потому-что мчался изо всѣхъ силъ.

— «А въ которомъ часу, Гарри, ты въ первый разъ почувствовалъ это?» спросила Мери.

— «Вскорѣ послѣ семи часовъ. Что съ тобою, милая Мери? Ты смотришь такъ странно?»

— «Гарри, въ это самое время звалъ тебя твой ребенокъ!» торжественно отвѣчала она».

— Какъ странно! Какъ это ужасно странно! вскричала Нелли. — У нихъ у обоихъ было предчувствіе, неправда ли?

— Гарри Саузернъ ничего больше не говорилъ объ этомъ своей женѣ. Мери говорила мнѣ, что она приписываетъ это не предчувствіямъ, а скорѣе вѣрѣ и молитвѣ. Очень естественно, что она такъ безпокоилась утромъ; у ней, какъ оказалось и на дѣлѣ, были причины для этого. Но его скорымъ возвращеніемъ, которое

было столь необходимо для нихъ, она была обязана своей молитвѣ.

— Поймали ли, однакоже, этого ужаснаго человѣка? спросила Нелли.

— Да, Гарри вышелъ изъ дому, чтобъ поискать Треста. Въ ту же минуту возвратился кой-кто изъ прислуги — и онъ пошелъ съ ними искать это вѣрное животное. Наконецъ они услыхали его жалобные стоны—и руководствуясь ими, нашли его, всего израненнаго, но все еще крѣпко державшаго ужаснаго разбойника, который борясь съ нимъ, совсѣмъ выбился изъ силъ и еле дышалъ.

«Его отвели назадъ въ тюрьму, а потомъ казнили, послѣ того какъ онъ признался, что былъ намѣренъ сжечь домъ Гарри Саузерна и извести все его семейство. Такимъ образомъ, страна освободилась отъ этого страшнаго преступника.

Утромъ послѣ этой ужасной ночи, когда Мери посмотрѣлась въ зеркало, то увидала, что ея волосы, которые за нѣсколько часовъ передъ этимъ были черны какъ вороново крыло, сдѣлались такъ же бѣлы какъ теперь».

— О, какое несчастіе! Я постоянно тужила бы объ этомъ. А ты, мама?

— Никогда! Я слышала, какъ мужъ говорилъ ей, что «эти серебристые локоны постоянно напоминаютъ ему о томъ, какая у него мужественная жена». И я убѣждена, что въ его глазахъ она еще прекраснѣе, чѣмъ была когда либо до этой ужасной ночи.

Медицинскіе совѣты.

Лѣтъ сто тому назадъ, когда одинъ бенгальскій набобъ повздорилъ въ Калькуттѣ съ поселившимися тамъ англичанами, то эти послѣдніе были заключены по его приказанію къ тюрьму въ числѣ 146 человѣкъ. Эта тюрьма, носившая страшное названіе «чорной ямы», заключала въ себѣ двадцать квадратныхъ футовъ—и свѣжій воздухъ проникалъ въ нее только посредствомъ небольшихъ отдушинъ.

Когда плѣнники вошли туда, двери сейчасъ же за ними затворились.

Мы не беремся описывать ужасовъ этой страшной ночи въ томъ видѣ, какъ они были изображены оставшимися въ живыхъ плѣнниками.

Несчастные громко кричали, прося о помилованіи, и силились выломать двери, но тщетно.

Они получили въ отвѣтъ, что нельзя ничего сдѣлать безъ разрѣшенія набоба, который спалъ, а будить его было нельзя.

Тутъ отчаяніе плѣнниковъ дошло до безумія. Они бросали другъ друга на землю, боролись за мѣста у оконъ и за то небольшое количество воды, которое было прислано имъ, какъ бы въ насмѣшку, ихъ жестокимъ убійцей.

Ихъ мученія возрастали; они боролись другъ съ другомъ, бѣсновались и умоляли стражу пристрѣлить ихъ. Но стража, поднеся къ задѣланнымъ рѣшеткою окнамъ свѣчи, только смѣялась надъ ними.

Мало-по-малу шумъ утихъ; слышались только легкіе стоны и жалобы.

На разсвѣтѣ набобъ проснулся и позволилъ отворить двери; но прошло не мало времени, пока солдаты разчистили дорогу для оставшихся въ живыхъ, сваливъ по обѣимъ сторонамъ другъ на друга трупы.

Двадцать три человѣка съ впалыми щеками, обезображенныхъ такъ, что ихъ нельзя было узнать, вышли шатаясь изъ этого дома мертвыхъ, а 123 покойника сейчасъ же были зарыты въ землю.

Это фактъ, что если жаркій индѣйскій климатъ и увеличилъ мученія этихъ людей, то все-таки они погибли отъ дурнаго воздуха.

Процессъ дыханія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что наши легкія вдыхаютъ и выдыхаютъ воздухъ наподобіе раздувальныхъ мѣховъ.

Воздухъ который мы вдыхаемъ — хорошій, свѣжій воздухъ; а тотъ который выдыхаемъ — дурной, нечистый. Часть вдыхаемаго воздуха удерживается легкими и смѣшивается съ кровью.

Если бы мы заперли человѣка въ ящикъ, куда не можетъ проникнуть свѣжій воздухъ, то онъ сталъ бы вдыхать въ себя все тотъ же самый воздухъ, пока всѣ хорошія составныя части воздуха были бы истреблены, остались бы только дурныя, и человѣкъ умеръ бы, какъ тѣ несчастные въ «чорной ямѣ», въ Калькуттѣ.

Такимъ именно образомъ заперли однажды нѣсколько обезьянъ, которыхъ везли издалека для лондонскаго зоологическаго сада,—въ ларѣ, гдѣ ихъ держали «въ теплѣ» для того чтобъ замѣнить имъ «жаркую температуру» ихъ родины; но недостатокъ свѣжаго воздуха произвелъ то, что всѣ они умерли отъ легочной чахотки. У людей низшихъ классовъ случается очень часто, что въ одной и той же комнатѣ спитъ отъ четырехъ до шести человѣкъ; да и у высшихъ классовъ, въ спальнѣ, въ особенности же въ дѣтской, помѣщается зачастую по нѣсколько человѣкъ.

А между тѣмъ, тамъ гдѣ спитъ нѣсколько человѣкъ, не хватаетъ воздуху на всю ночь, вслѣдствіе чего эти люди должны вдыхать одинъ и тотъ же воздухъ,—такъ что къ утру онъ становится негоденъ для легкихъ, и просыпающіеся, вмѣсто того чтобъ встать съ свѣжими силами, встаютъ, напротивъ, съ чувствомъ утомленія и слабости.

Сильный, здоровый человѣкъ не замѣчаетъ этого; но слабыя женщины и дѣти страдаютъ отъ этого, не отдавая себѣ отчета.

Какъ часто слышатся жалоба: «Я встаю съ такимъ же чувствомъ утомленія, съ какимъ и легъ!» Единственная причина этому та, что легкія вдохнули въ себя негодный для нихъ воздухъ.

Еслибъ не плохо запирающіяся двери и окна (гдѣ, къ сожалѣнію, задѣлываютъ, по возможности, всякую трещину), то было бы еще хуже.

Конечно, къ дурному воздуху привыкаютъ—и даже почти не замѣчаютъ его до тѣхъ поръ, пока не перемѣнятъ его; но это нисколько не уменьшаетъ происходящаго отъ него вреда.

Когда изъ неосвѣженной спальни выйдешь на вольный воздухъ, а потомъ опять вернешься туда, тогда только замѣтишь, какъ дурна въ этой комнатѣ атмосфера.

Мы стараемся, большею частію, чтобы въ нашей

комнатѣ «было потеплѣе», устраняя при этомъ всякій свѣжій притокъ воздуха; но еслибы эта цѣль могла быть вполнѣ достигнута, то эта комната сдѣлалась бы также нездорова какъ и упомянутый выше ларь для обезьянъ.

Не одни наши выдыханія, но и испаренія нашей кожи портятъ воздухъ, какъ это оказывается на стѣнахъ старыхъ домовъ, покрытыхъ осадками этихъ испареній.

Чистая вода, чистый воздухъ, чистая кожа, вотъ главныя условія хорошаго здоровья,—и есть такъ-называемыя нездоровыя занятія, которыя, будучи совершаемы подъ открытымъ небомъ, гораздо менѣе вредны для человѣка, чѣмъ тѣ которыя осуждаютъ его на пребываніе въ комнатѣ, гдѣ окна впродолженіи цѣлаго дня закрыты.

Ежедневный опытъ показываетъ намъ, какъ тамъ, гдѣ множество людей тѣснится въ тѣсномъ помѣщеніи, (въ церкви ли, въ театрѣ ли, въ концертной ли залѣ), воздухъ дѣлается такъ нечистъ, что иные падаютъ въ обморокъ, а другіе жалуются на головную боль и тошноту, не сознавая, чтò причиною этого.

Такъ какъ дурнаго воздуха нельзя видѣть, то трудно понять, почему онъ вреденъ; а между тѣмъ этотъ «невидимый воздухъ» можетъ причинить человѣку такой же ударъ, какъ и ударъ по головѣ или вонзающійся въ сердце ножъ.

Всѣмъ намъ извѣстны тѣ ужасные случаи, которые происходятъ въ копяхъ и старыхъ колодцахъ, гдѣ спускающіеся туда безъ необходимыхъ предосторожностей работники падаютъ какъ бы отъ выстрѣла, коль скоро достигнутъ области дурнаго воздуха. Изъ такихъ то примѣровъ узнаемъ мы, что дурной воздухъ не одна игра фантазіи.

Окружающая насъ атмосфера портится различнымъ образомъ; испареніями изъ помойныхъ ямъ и отъ всевозможнаго рода нечистотъ, недостаточнымъ дренажемъ, близостью кладбищъ; помѣщенія, освѣщаемыя газомъ, сами по себѣ уже нездоровы. Одинъ газовый рожокъ издерживаетъ столько же воздуха, сколько одиннадцать человѣкъ вмѣстѣ, поэтому-то и слѣдуетъ впускать какъ можно больше свѣжаго воздуха туда, гдѣ горитъ газъ.

Но главнымъ образомъ воздухъ портится посредствомъ легкихъ.

Все въ природѣ устроено удивительнымъ образомъ, и тотъ самый воздухъ, который вреденъ для животныхъ, поддерживаетъ, напротивъ того, жизнь растеній, существующихъ тѣмъ, чтò отвергаетъ отъ себя царство животныхъ.

Одинъ талантливый химикъ доказалъ это, заключивъ въ стеклянный сосудъ, наполненный водою, извѣстное число водяныхъ животныхъ и растеній. Если бы животныя были тамъ одни, то вода испортилась бы,—и на оборотъ, она такъ же испортилась бы, еслибъ тамъ были одни только растенія.

Удобреніе пометомъ, въ особенности человѣческимъ, производитъ самый лучшій урожай хлѣба. Это новое доказательство того, что (говоря словами остроумнаго лорда Пальмерстона) вредна только та «грязь, которая не на своемъ мѣстѣ».

Держа ее въ нашихъ жилищахъ и вокругъ нихъ, мы заражаемъ воздухъ; разсыпавъ же ее по нашимъ полямъ, мы дѣлаемъ ихъ плодородными.

Доказано, что холера, скарлатина, тифъ и оспа происходятъ только отъ недостатка свѣжаго воздуха и испареній низменныхъ мѣстъ: помойныхъ ямъ, и т. п.

Богъ создалъ чистый свѣжій воздухъ, безъ котораго мы не могли бы дышать «вседневнымъ воздухомъ», самымъ обыкновеннымъ и наиболѣе доступнымъ элементомъ, которымъ пользуется какъ бѣдный, такъ и богатый, лишь бы они этого захотѣли.

Нужно очень немного размышленія для того, чтобъ сдѣлать доступными воздуху занимаемыя нами помѣщенія, — и если намъ кажется вопіющей несправедливостью лишать его нашихъ дѣтей, то мы должны считать священнымъ долгомъ доставлять какъ имъ, такъ и всѣмъ обитателямъ дома, самую необходимую потребность для жизни—свѣжій воздухъ.

Въ каждой комнатѣ, въ особенности же въ каждой спальнѣ долженъ быть устроенъ (лучше всего недалеко отъ потолка) особенный вентиляторъ, или же—гдѣ это неудобно—небольшое отверстіе наверху оконницы, посредствомъ которыхъ могъ бы входить въ комнату внѣшній воздухъ.

Точно такъ же, когда мы встаемъ по утру, прежде всего слѣдуетъ открыть окно, преимущественно верхнюю часть его, а также провѣтривать какъ слѣдуетъ простыню и одѣяло, прежде чѣмъ лечь въ постель.

Эти удобоисполнимыя санитарныя правила гораздо болѣе способствуютъ сохраненію здоровья и жизни, чѣмъ всевозможныя хваленыя средства и поѣздки на воды, и отъ пренебреженія ихъ погибаетъ больше людей, чѣмъ на генеральныхъ сраженіяхъ.

Съ какимъ ужасомъ и сокрушеніемъ сердца читаемъ мы о погибели тѣхъ, которые пали жертвой войны,—а между тѣмъ какъ много гибнетъ вокругъ насъ жертвами тѣхъ необъяснимыхъ болѣзней и безпричинныхъ страданій, которыя въ безчисленномъ количествѣ случаевъ слѣдовало бы приписать недостаточному питанію легкихъ, спертому воздуху нашихъ «чорныхъ ямъ»— спаленъ!

Народы Россіи.

VII. Караимы.

Предъ читателями два рисунка: одинъ представляетъ группу мужчинъ-караимовъ, другой — караимское семейство. Читатель внимательно всматривается въ лица этихъ группъ, на ихъ одежду, окружающую ихъ обстановку и, если ему мало-мальски знакомы крымскіе татары и ихъ домашній бытъ, онъ восклицаетъ: «да, вѣдь это почти одно и то же, что и татары!»

Но караимы не татары.

Что же такое караимы?

Онъ обращается съ этимъ вопросомъ къ самому караиму, такъ какъ каждый человѣкъ все же лучше другихъ знаетъ, кто онъ такой.

— Караимы — это истинные, настоящіе евреи, отвѣчаетъ ему тотъ съ достоинствомъ.

— Но не можешь ли ты мнѣ, милѣйшій, объяснить, что это за птица истинный еврей? продолжаетъ

его допрашивать читатель, которому впервые приходится это слышать.

Истинный еврей засовываетъ свои руки за поясъ, устремляетъ свои взоры вдаль и начинаетъ глубокомысленно объяснять: «евреи это совершенно не евреи, это мошенники; они пользуются ложнымъ названіемъ несправедливо. Мы-караимы и есть истинные, настоящіе евреи, евреи первый сортъ».

Затѣмъ дальнѣйшія объясненія этого истиннаго еврея будутъ вертѣться около этой глубокомысленной аксіомы. Если читатель не изъ тѣхъ, которые вѣрятъ людямъ на слово, тѣмъ болѣе людямъ, утверждающимъ за собою истину, а за другими ложь,—и недовольствуясь такими скудными объясненіями, обратится за объясненіемъ къ еврею, то для того, чтобы лучше добиться истины, пусть онъ прибѣгнетъ къ хитрости и обратится къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Послушай, братъ, ты кто такой?

— Я — еврей.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Я еврей. Настоящій потомокъ Авраама, Исаака и Якова.

— Ой-ли, не врешь-ли ты? Ты, можетъ быть, Богъ знаетъ кто такой? Ты, можетъ быть, приписываешь себѣ только почетное званіе еврея?

Тотъ выпучитъ на васъ свои глаза съ недоумѣніемъ.

— Да съ какой стати намъ врать?.. Я не понимаю...

— Да съ той стати, что вы фальшивые евреи, а есть другіе, настоящіе.

— Кто же это такіе настоящіе?! спроситъ онъ съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

— А караимы.

Еврей разразятся громкимъ хохотомъ.

— Это они вамъ такъ сказали?

— Конечно.

— Ну, такъ вѣрьте имъ, скажетъ онъ саркастически и отвернется отъ васъ.

— Кто же они такіе? спрашиваете вы его.

— Караимы-то — бараньи головы, отвѣчаетъ онъ вамъ категорически, послѣ чего вамъ трудно будетъ войдти съ нимъ въ дальнѣйщія объясненія.

Какъ первое такъ и второе объясненія читателю ничего не объяснятъ. Онъ только догадывается, что между этими народами нѣтъ большой дружбы, что между ними пробѣжала историческая черная кошка, что одинъ другаго глубоко ненавидитъ; но какія тутъ причины—читатель не знаетъ, не знаетъ онъ также, кому изъ нихъ вѣрить.

Онъ не знаетъ, дѣйствительно ли существуютъ истинные и фальшивые евреи; онъ не знаетъ, суть ли караимы истинные евреи, или бараньи головы и что такое наконецъ значитъ: бараньи головы,—что́ этимъ хотѣлъ выразить еврей, иногда такъ мѣтко и остроумно характеризирующій однимъ словомъ или выраженіемъ очень многое.

Я съ своей стороны могу читателю посовѣтывать склониться на сторону еврея и вѣрить ему, что караимы не истинные евреи, — такъ какъ нетолько - что не существуетъ истинныхъ евреевъ въ образѣ караимовъ, но даже не существуетъ никакого караимскаго народа, а существуетъ еврейская секта, отдѣлившаяся отъ остальныхъ евреевъ, подъ названіемъ караимовъ.

У евреевъ есть одинъ историческій недугъ, отъ котораго врядъ ли имъ когда-нибудь удастся избавиться; это именно: талмудъ. Талмудъ какъ ужасный кошмаръ окружаетъ этотъ народъ со всѣхъ сторонъ, онъ проникаетъ во всю его внутреннюю жизнь, тяжелымъ бременемъ ложится на его грудь и затрудняетъ его дыханіе. Но еслибы задать себѣ вопросъ, какое онъ имѣлъ воспитательно-историческое значеніе для еврейскаго народа, какое вліяніе онъ имѣлъ на ихъ характеръ, на развитіе ихъ умственныхъ способностей—и, задавши этотъ вопросъ, рѣшить его безпристрастно, то придется его рѣшить въ пользу талмуда. Если талмудъ и внесъ въ жизнь еврея много мертвечины (пожалуй, больше чѣмъ живаго), если онъ своей схоластической казуистикой и развилъ въ его характерѣ нѣкоторыя дурныя черты, то онъ съ другой стороны внесъ въ его жизнь много хорошаго, здороваго и полезнаго. Онъ блестящимъ образомъ развилъ его способности, развилъ въ немъ замѣчательный критеріумъ, развилъ въ немъ любовь къ мыслительности и любознательности до болѣзненности и до самоотверженія. Онъ тѣсно связалъ всю его жизнь съ мыслью. Человѣческая мысль не всегда идетъ прямымъ путемъ; она иногда выражается въ совершенно исковерканныхъ и разнообразныхъ формахъ. Разница, между теологической казуистикой и кабалистикой, съ одной стороны,—и политической экономіей, научнымъ изслѣдованіемъ, картиной, статуей и поэтической эпопеей съ другой, только въ формѣ, въ которой человѣческая мысль выражается. Форму же человѣкъ вырѣзываетъ изъ окружающихъ его предметовъ и явленій. Тѣ импульсы мышленія, которые у исторически - развитыхъ народовъ всасываются въ плоть и кровь, остаются слабо привитыми у народовъ исторически не развитыхъ, и при первомъ удобномъ случаѣ они сглаживаются и теряются. Умственно-мыслительныя способности какого-нибудь народа должны быть развиты исторически и наслѣдственно.

Это предположеніе блестящимъ образомъ подтверждаютъ караимы. Караимы тѣ же евреи; отличіе ихъ только въ томъ, что они не придерживаются талмуда. Они отстали отъ талмуда не во-время. Они отстали отъ него тогда, когда у еврея могъ быть или талмудъ, лишь *ничего*... Отъ талмуда они отстали потому, что они были скептики, не вѣрили въ его ученіе — у нихъ и не осталось ничего. А извѣстно, что изъ ничего и не выходитъ ничего. Они прошли много столѣтій собственнымъ историческимъ путемъ, истребили безчисленное множество баранины и застыли въ бараньемъ жирѣ. Эти истинные евреи не сдвинулись ни на шагъ впередъ со времени ихъ вступленія на самостоятельный историческій путь.

Почему же это?

Потому что они не пошли впередъ евреевъ; они остались на мѣстѣ, потому что лѣнь было двигаться впередъ.

Евреи искали истину, они изслѣдовали, они ничего не оставляли безъ вниманія, вездѣ и во всемъ они были присущи, обо всемъ судили и рядили (хотя весьма часто вкривь и вкось), ихъ все интересовало, все имъ хотѣлось знать. Но караимъ — это нѣчто вродѣ историческаго нигилиста, ему ничего не нужно знать. Онъ знаетъ, что онъ ничего не долженъ знать—и ему совершенно достаточно. Онъ доискиваться не намѣренъ, онъ не вѣритъ въ то, что́ талмудисты говорятъ, ну и баста. Онъ вѣритъ только въ букву библіи. Въ библіи сказано: не жгите огня въ суботній день въ своихъ

жилищахъ. Дикіе суевѣры и талмудисты, не имѣя большой охоты сидѣть въ темнотѣ и нетопленныхъ комнатахъ, находятъ себѣ схоластическую лазейку и такъ улаживаютъ, что и законъ не нарушенъ и въ темнотѣ они не сидятъ. Но невѣрующіе либералы поступаютъ въ этомъ случаѣ какъ настоящіе герои мысли: они сидятъ въ темнотѣ и нетопленныхъ комнатахъ.

Въ судный день евреи должны поститься. Дикіе суевѣры-евреи сами постятся, но дѣтей не морятъ голодомъ; либералы въ этомъ отношеніи поступаютъ гораздо раціональнѣе: они сами не ѣдятъ и даже грудныхъ дѣтей морятъ. Точно такъ же поступаютъ они во многихъ другихъ случаяхъ, придерживаясь буквально библіи.

И въ этомъ заключается вся истина? спрашиваетъ читатель съ недоумѣніемъ.

Къ сожалѣнію, это вполнѣ такъ.

Къ чему же этотъ истинный народъ привязанъ?

Къ религіи?

Человѣкъ можетъ быть привязанъ къ чему бы то ни было лишь тогда, когда оно его волнуетъ, когда онъ старается постичь эту вещь; когда же вещь эта остается нетронутою, она остываетъ и никого не можетъ привязать къ себѣ.

Какія же стремленія у этого народа истины?

Этотъ народъ жилъ при лучшихъ условіяхъ чѣмъ евреи. Должно быть онъ создалъ себѣ богатую литературу?

Къ сожалѣнію, нѣтъ. Онъ объ этомъ почему-то забылъ. У него даже нѣтъ и зародыша теологической литературы; а тотъ зародышъ, который и есть, слишкомъ ужь отдаетъ бараньимъ жиромъ.

Но у него можетъ быть развиты другія науки?

Нѣтъ, таковыхъ также не имѣется.

Можетъ быть онъ успѣлъ много въ искусствахъ?

Здѣсь ужь положительно можно утверждать, что нѣтъ никакого зародыша.

Такъ навѣрно поэзія развита? онъ навѣрно оживилъ весь поэтическій библейскій духъ, такъ какъ онъ болѣе занимается библіей, чѣмъ евреи? Чтобы не соврать, нужно и тутъ сказать, что нѣтъ. Нѣсколько разъ невзрачная караимская муза пыталась спуститься въ храмину караимской поэзіи, но они ее до того испачкали бараньимъ жиромъ, что она не считаетъ нужнымъ больше являться.

Въ такомъ случаѣ караимскіе представители выдвигались на политическое поприще и играли тамъ важную роль?

Нѣтъ, они политики не любятъ. Они любятъ жить мирно и покойно, не волноваться, а наслаждаться сочной бараниной.

Такъ баранина, да и только?!

Да, баранина да и только. Баранина во всѣхъ ея видахъ: вареная, жареная, холодная и горячая, но лишь бы баранина. Баранина во всей жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ; баранина въ будни, баранина въ праздникъ, баранина всегда: утромъ, въ полдень и вечеромъ...

Караимы, по своей семейной и общественной жизни, по своей обстановкѣ, обычаямъ и языку,—тѣ же крымскіе татары, но съ значительно меньшимъ трудолюбіемъ сравнительно съ ними. Женщина занимаетъ низкое положеніе. У евреевъ напротивъ, несмотря на то, что религія отнимаетъ у нея всякую самостоятельность, она по своему положенію, развитію и нравственности стоитъ гораздо выше женщины многихъ другихъ народовъ. Она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше самого еврея. Самостоятельность труда женщины, о которомъ у другихъ народовъ только-что начали толковать, у евреевъ давно примѣнена на практикѣ; между тѣмъ какъ у истинныхъ евреевъ женщина—настоящая гаремная гурія въ полномъ смыслѣ этого слова. Во всемъ скудномъ караимскомъ образѣ мышленія видна какая-то апатія, неподвижность, безжизненность. Если надъ головами евреевъ и нависли черныя тучи мрака и невѣжества, то эти тучи часто разсѣкаются какъ бы яркой молніей: свѣтлая мысль и остроуміе освѣщаетъ все пространство. Но горизонтъ караимовъ омраченъ черными тучами—и ни одной свѣтлой мысли. Тѣ слабо-мерцающіе огоньки, которые освѣщаютъ этотъ хаотическій мракъ, такъ мало даютъ свѣта, что изъ окружающаго ихъ міра ничего нельзя различить.

Въ то время, какъ еврей, вырвавшись изъ своей душной атмосферы, старается прильнуть ко всякому движенію впередъ (онъ даже старается стать впереди всѣхъ) и старается отречься отъ самого себя, хотя это ему рѣдко удается, — караимъ, вырвавшись изъ своей душной атмосферы (это весьма рѣдко случается; они въ южномъ краѣ еще и теперь живутъ своей патріархальной татарской жизнью), старается остаться караимомъ, что ему никогда не удается. Разница заключается въ томъ, что еврей во все, за что бы онъ ни взялся, *вноситъ* свое еврейство; онъ съ нимъ никогда не разстается. Караима же иногда захватываетъ волна общечеловѣческой жизни, уноситъ его на своихъ могучихъ волнахъ—и разбиваетъ его о первый попавшійся утесъ: караима какъ не бывало, остаются одни остатки жирнаго, неподвижнаго караимскаго тѣла.

Куда же дѣлся его духъ?

Его никогда у него и не было...

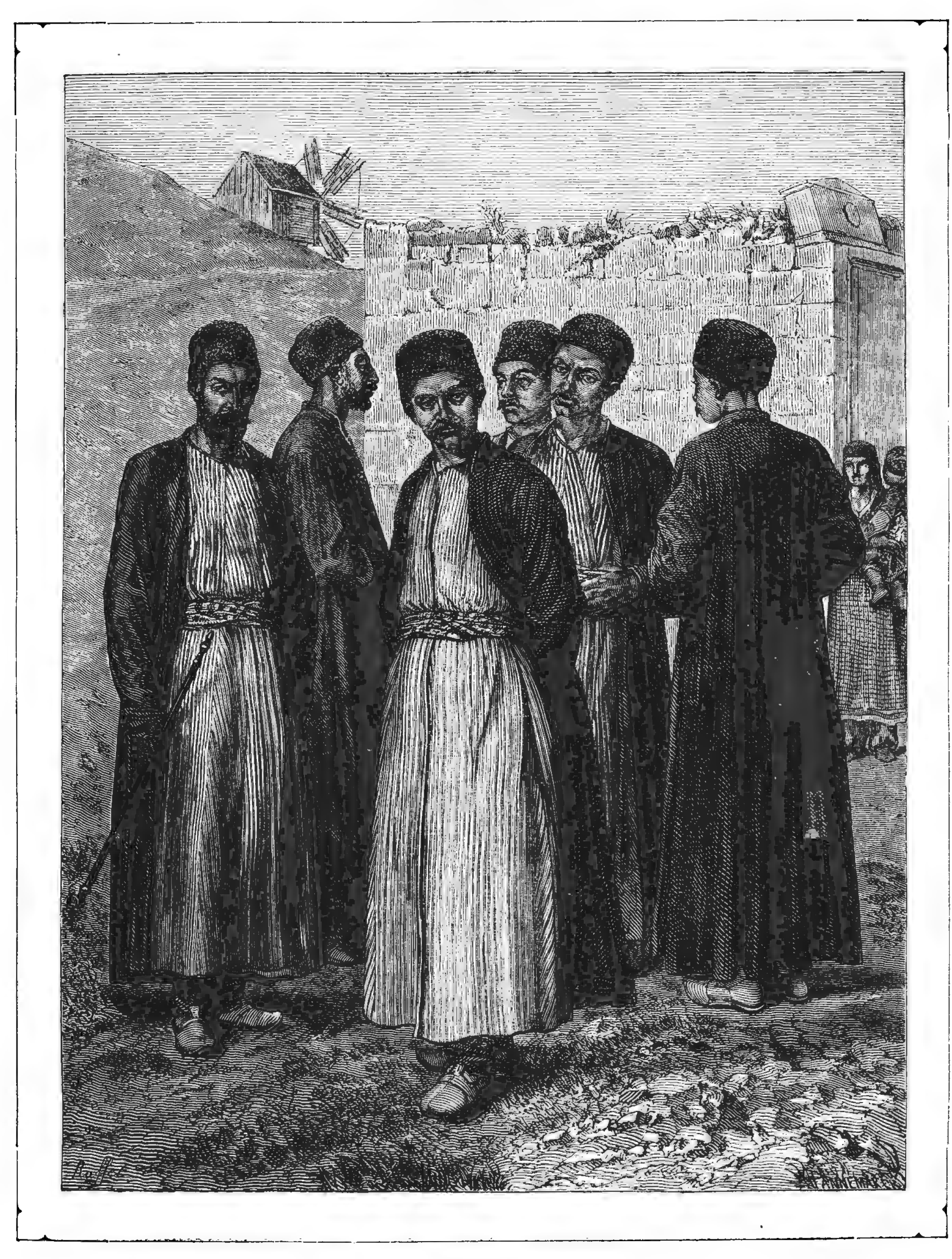
Всмотритесь хорошо въ эти заплывшія жиромъ лица—и если будете стараться отыскать въ нихъ какія-нибудь характеристическія черты, какія-нибудь осмысленныя контуры — вашъ трудъ будетъ напрасенъ. Это просто жирныя лица, безъ всякаго осмысленнаго выраженія. Въ этихъ большихъ бычачьихъ глазахъ нѣтъ того лихорадочнаго блеска, той дерзкой самоувѣренности, той проницательности, которыя видны въ глазахъ еврея. Если у васъ есть на душѣ нѣчто такое, что вы бы желали скрыть про себя, то не смущайтесь: смотрите ему прямо въ глаза. Этотъ взглядъ не проникнетъ въ вашу душу, онъ не разгадаетъ вашей тайны. Нѣтъ, онъ вамъ смотритъ прямо въ глаза, потому только, что вы стоите передъ нимъ; васъ нѣтъ —и онъ смотритъ вдаль. Но это не задумчивый взглядъ. Его не тревожатъ никакія мысли, его не терзаютъ никакія сомнѣнія; онъ въ пространствѣ не ищетъ себѣ отвѣта. Нѣтъ, онъ смотритъ, потому что нужно же куда-нибудь смотрѣть, если глаза есть.

Послѣ этого, отчего же эти, такъ-называющіеся истинные евреи, или такъ-называемыя бараньи головы, относятся съ такимъ напыщеннымъ высокомѣріемъ къ своимъ фальшивымъ братьямъ евреямъ? Какимъ образомъ они очутились какимъ-то еврейскимъ дворянствомъ, пользующееся особыми привиллегіями и льготами? Вѣдь въ такихъ случаяхъ нужно же чѣмъ-нибудь отличить себя, нужно что-нибудь создать, сказать какое-нибудь новое слово. Наконецъ, ихъ предки Рима тоже не спасли, потому-что не были гуси, а были евреи, тѣ же евреи, потомки которыхъ не пользуются никакими особыми привиллегіями и особымъ уваженіемъ.

Отчего же это такъ?

Ну, ужъ этого я не знаю. Пусть читатель обратится за этимъ объясненіемъ къ истиннымъ евреямъ. Они навѣрно сами знаютъ, потому что никому, кромѣ ихъ самихъ объ этомъ неизвѣстно.

Н. О. Т....въ.



Караимы.

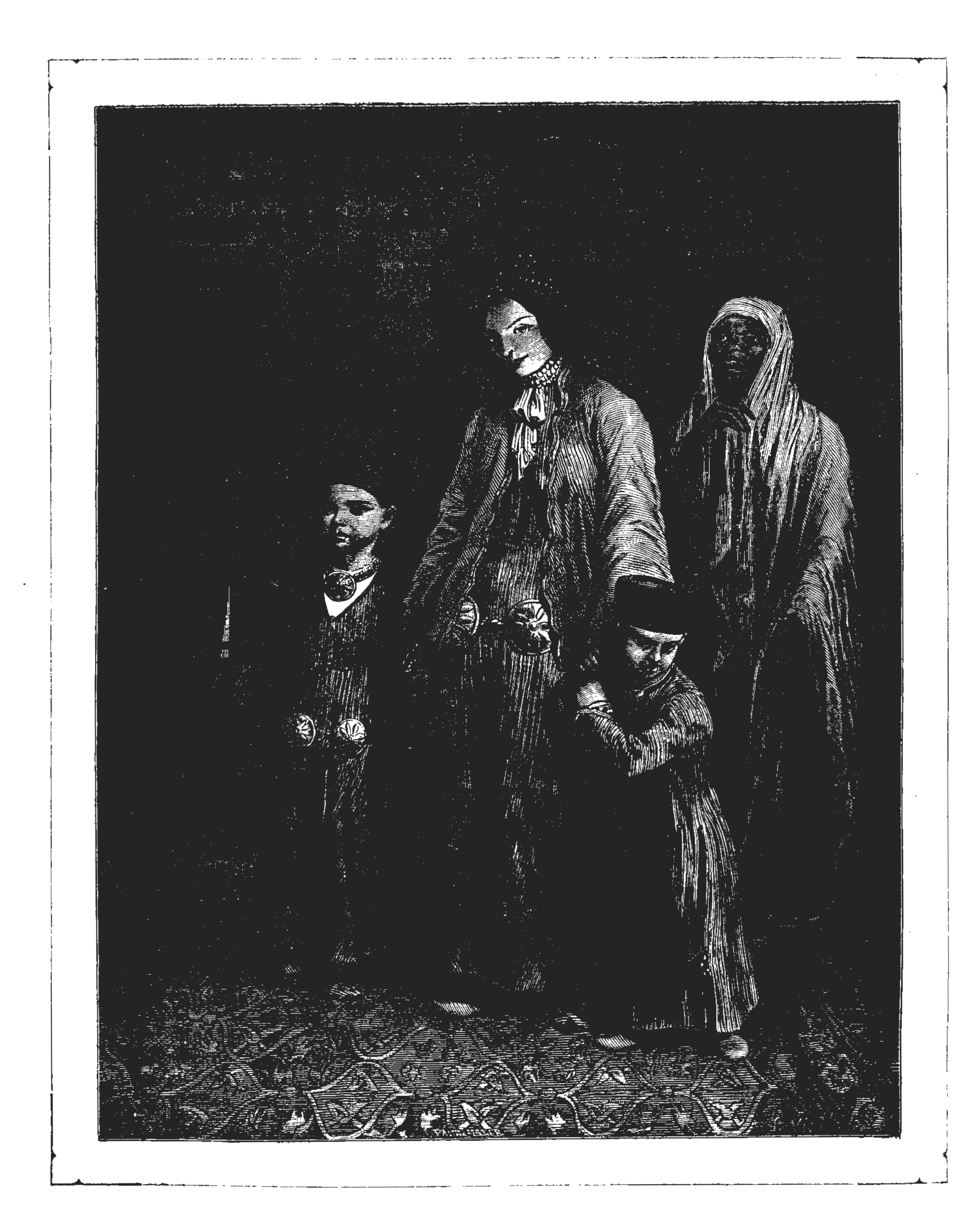
Рисовалъ Раффе, гравировалъ Паннемакеръ.

Внутреннее обозрѣніе.

Самоубійство въ Житомірѣ. — Два убійства въ Херсонѣ. — Убійство въ Вильнѣ. — Убійство въ припадкѣ умопомѣшательства. — Землекопы, погребенные подъ грузомъ мусора.

Газеты сообщаютъ случай самоубійства, выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ: надзиратель Житомирской мужской гимназіи, «Б......., состоявшій болѣе двадцати лѣтъ на службѣ и отличавшійся постоянною аккуратностію, перерѣзалъ себѣ горло—и послѣ сего, оставшись живымъ, повѣсился въ своей квартирѣ, которую онъ занималъ во флигелѣ, принадлежащемъ гимназіи. Чрезъ нѣсколько часовъ несчастнаго нашли висящимъ и совершенно окровавлен-

нымъ и уже не было никакой возможности его спасти; при этомъ найдены слѣды крови въ различныхъ мѣстахъ на полу и на стѣнахъ его комнаты, оставленные имъ, когда онъ искалъ веревки, чтобы повѣситься. Внутри дверь была заперта на ключъ. Что побудило его рѣшиться на такое страшное самоубійство—достовѣрно неизвѣстно, такъ какъ онъ не оставилъ ни какой записки. Говорятъ, между прочимъ, что онъ сильно страдалъ болью зубовъ, которая имѣла вліяніе на состояніе его духа; въ послѣднее время онъ сталъ замѣтно чахнуть и сдѣлался задумчивъ и раздражителенъ. При анатомированіи найдено, что самоубійство совершено имъ въ припадкѣ умопомѣшательства, причинами котораго были размягченіе мозга и ожиреніе сердца.»



Караимскія женщины и дѣти.

Рисовалъ Раффе, гравировалъ Віоле.

Въ Х..... надѣлало шуму убійство, совершенное отъ безнадежной любви. 20-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, по городскому бульвару шла молодая дѣвушка, служившая экономкой у городоваго архитектора. Вскорѣ къ ней присоединился знакомый, писарь Н......, давно ухаживавшій за нею. Н....... и въ этотъ разъ завелъ разговоръ о бракѣ, но получивъ рѣшительный отказъ и зная, что молодой дѣвушкѣ нравится другой, рѣшился покончить съ нею, «чтобы она никому не доставалась.» Вынувъ пистолетъ, онъ выстрѣлилъ изъ него прямо въ сердце несчастной, откуда полилась алая, свѣжая кровь. Застрѣливъ дѣвушку, Н..... бросилъ пистолетъ, какъ-бы прощаясь поцаловалъ ее, и спокойно отдался въ руки полиціи. Черезъ два дня послѣ

этого происшествія, въ томъ-же городѣ случилось новое убійство, поводомъ къ которому также послужила любовь: подстрѣлена дѣвушка А......, изъ дома терпимости, откуда ее хотѣлъ выкупить одинъ изъ ея знакомыхъ. Убѣдившись, что она не исправляется, онъ вызвалъ ее изъ дому и гуляя съ нею подъ окнами, сдѣлалъ два выстрѣла изъ револьвера дробью: одинъ въ бокъ, а другой въ спину. Объ исходѣ ранъ ничего положительнаго сказать еще нельзя.

Гораздо болѣе возмутительное убійство, по разсказамъ газетъ, случилось въ Вильнѣ. Въ этомъ городѣ проживалъ прелатъ Тупальскій, бывшій ректоромъ католической семинаріи. Въ концѣ апрѣля замѣтили, что Тупальскій исчезъ неизвѣстно куда; исчезъ вмѣстѣ съ нимъ и его слуга, всѣмъ извѣстный Юрка. Вскорѣ по городу распространилась вѣсть, что прелатъ убитъ своимъ слугою, котораго поймали на границѣ. Убійство происходило такимъ порядкомъ: Юрка, служившій у ксендза нѣсколько лѣтъ и хорошо знавшій всѣ его привычки, подсыпалъ яду въ водку, которую тотъ имѣлъ обыкновеніе пить передъ обѣдомъ. Какъ только Тупальскій сѣлъ обѣдать и выпилъ рюмку отравленной водки, ядъ быстро подѣйствовалъ, и ушедшій за вторымъ блюдомъ слуга, возвратясь, нашелъ отравленнаго уже въ предсмертной агоніи. Надо полагать, что убійцѣ приходилось еще доканчивать свою жертву, такъ какъ на лбу у покойнаго виденъ глубокій шрамъ. Отрѣзавъ голову, руки и ноги, убійца положилъ туловище въ сундукъ и повезъ изъ квартиры съ какою-то еще мебелью. Поставивъ мебель гдѣ-то у знакомаго ксендза, онъ приказалъ кучеру идти домой, а сундукъ повезъ самъ за городъ, спустилъ въ рѣку Вилію и возвратился. Затѣмъ уложивъ въ ящикъ отрѣзанныя части, захвативъ съ собой ордена покойнаго и переодѣвшись въ ксендзовское платье, отправился по Ковенской желѣзной дорогѣ. Высадившись на одной изъ промежуточныхъ станцій, онъ близь Маріамполя сталъ отыскивать перевощика за-границу; но тутъ дерзкій его тонъ и напускная важность заставили заподозрить его, и онъ былъ схваченъ. Убійца — молодой человѣкъ 24-хъ лѣтъ, былъ облагодѣтельствованъ прелатомъ, исполнялъ должность его секретаря и слуги вмѣстѣ и, какъ говорятъ, готовился въ ксендзы. Ему былъ купленъ домъ и назначено нѣсколько тысячъ денегъ. Судебное слѣдствіе обнаружило, говорятъ, причину, побудившую Юрку убить своего ксендза-благодѣтеля; между прочимъ, разсказываютъ, что на праздникъ Пасхи Юрка, утаившій большую часть денегъ, выданныхъ ему Тупальскимъ на закупку провизіи къ празднику, былъ битъ своимъ бариномъ и тутъ-же поклялся отомстить за это оскорбленіе. Замѣчательно, что на вопросъ слѣдователя, зачѣмъ онъ возилъ съ собою въ ящикѣ отрѣзанныя части тѣла убитаго имъ Тупальскаго, Юрка отвѣчалъ, что онъ дѣлалъ это изъ привязанности къ покойному, котораго очень любилъ и съ которымъ не въ силахъ былъ разстаться (!).

Въ Балахнинскомъ уѣздѣ совершено, какъ сообщаетъ «Нижег. Лист.», ужасное преступленіе; проживающая въ г. Балахнѣ чиновница Серебровская зарубила топоромъ спящаго сына своего Александра, 11 лѣтъ. При осмотрѣ трупа оказалось: лѣвая половина головы раздроблена на мелкія части; на кровати, стѣнахъ и полу мозгъ смѣшанный съ кровью. Серебровская, до совершенія ею этого преступленія, часто задумывалась. Сынъ гг. Серебровскихъ обучался въ нижегородскомъ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ, и въ Лазареву субботу, въ день своего рожденія, онъ отправился изъ Нижняго-Новгорода въ Балахну, къ своимъ родителямъ на праздники. По пріѣздѣ домой, онъ былъ встрѣченъ отцомъ и матерью. Первый очень обрадовался сыну, но вскорѣ долженъ былъ отправиться на службу. Мать, по уходѣ мужа, предложила сыну отдохнуть и, когда тотъ уснулъ, убила его топоромъ. Затѣмъ она отправилась въ сосѣдній домъ и попросила кого-то къ себѣ, чтобъ посмотрѣть, что она надѣлала. Г-жа Серебровская находится теперь на излеченіи въ губернской земской больницѣ, такъ какъ по всему слѣдуетъ заключить, что она совершила это убійство въ припадкѣ безумія.

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, 30-го апрѣля, ночью, случилось страшное несчастье. Домъ этотъ уже второй годъ передѣлывается, и отличается значительною ветхостью. Вечеромъ упомянутаго дня, болѣе 60 человѣкъ рабочихъ землекоповъ собрались изъ деревень на работу и расположились въ отведенной имъ комнатѣ, въ нижнемъ этажѣ большаго четырехъ-этажнаго каменнаго корпуса. Нѣкоторые изъ нихъ, поужинавши, отправились поочередно на ночлегъ въ другія помѣщенія, а 12 человѣкъ легли спать въ той комнатѣ, на потолкѣ которой навалено было громадное количество мусора, сваленнаго изъ 3 верхнихъ этажей. Потолокъ не вынесъ этой тяжести, и въ самой срединѣ обрушился со страшнымъ трескомъ, заваливъ собою спавшихъ землекоповъ. Страшный стонъ задыхавшихся раздался по двору, и первые услыхали его служащіе въ трактирѣ Лопашова, находящемся въ сосѣднемъ домѣ. Въ первую минуту они не поняли, что значитъ этотъ стонъ, но потомъ узнали о случившемся,—и прикащикъ трактира, собравъ всѣхъ половыхъ, просилъ ихъ, по мѣрѣ возможности, помочь погибающимъ. Половые въ числѣ 20 человѣкъ, со свѣчами въ рукахъ, бросились къ мѣсту несчастія, и, видя въ комнатѣ страшную пыль, на минуту пріостановились, но вскорѣ принялись вынимать изъ-подъ грудъ кирпича изувѣченныхъ землекоповъ. На помощь къ нимъ вскорѣ явилась рядская пожарная команда, а затѣмъ солдаты изъ Городской части; дружно принявшись за работу, къ 12 часамъ ночи они освободили 7 человѣкъ раненыхъ и вынули 2 трупа. Къ тому же времени прибылъ губернскій архитекторъ; онъ запретилъ продолжать работу до утра, на томъ основаніи, что остальная часть потолка тоже грозила паденіемъ; къ тому же, болѣе никакихъ стоновъ подъ грудами кирпичей слышно не было. Въ 4 часа утра, рабочіе снова принялись за работу и вынули еще три трупа. Весь слѣдующій день громадныя толпы народа стояли передъ домомъ Алексѣева, ожидая выноса тѣлъ погибшихъ рудокоповъ.

Фельетонъ.

Съ 1-го мая, въ окрестностяхъ Петербурга, какъ извѣстно, открываются разныя лѣтнія увеселительныя мѣста и заведенія. Объ этомъ событіи петербуржцы узнаютъ уже за нѣсколько дней раньше изъ афишъ, наклеиваемыхъ обыкновенно въ разныхъ частяхъ города, да изъ листковъ маленькой прессы, которая извѣщаетъ своихъ читателей о составѣ труппъ для загородныхъ увеселеній. Не обходятся безъ того, чтобы тутъ-же кстати не сообщалось и разныхъ болѣе или менѣе пикантныхъ подробностей о той или другой звѣздѣ, съ которой наша сѣверная столица должна будетъ познакомиться, а также о томъ, какъ дорого цѣнитъ себя эта звѣзда, и если она комета, то насколько простирается ея хвостъ. Далеко не принадлежа къ разряду habitués загородныхъ петербургскихъ гуляній, я отнесся къ открытію ихъ чуть не съ равнодушіемъ и мысленно отложилъ посѣщеніе ихъ до середины лѣта. Это тѣмъ болѣе было естественно съ моей стороны, что кромѣ «знаменитой» Терезы, которая собирается къ намъ пріѣхать, ничего особенно-заманчиваго въ будущемъ не предвидится. Но судьба распорядилась иначе, такъ-что мнѣ пришлось начать осмотръ вышеозначенныхъ мѣстъ гораздо ранѣе назначеннаго срока.

И вотъ, запасшись зонтикомъ и галошами и облекшись

потеплѣе, отправляюсь я по безконечному Каменноостровскому проспекту въ направленіи къ Новой Деревнѣ, къ заведенію искуственныхъ минеральныхъ водъ. Вечеръ выбрался такой, который на языкѣ петербуржцевъ называется хорошимъ,—солнце свѣтило и даже немножко грѣло; столбъ пыли, поднимаемый катящими экипажами, стоялъ въ воздухѣ на пространствѣ какихъ-нибудь трехъ верстъ и скрывалъ отъ глазъ лежащіе близъ дороги дачи, сады, огороды и проч. Но вотъ наконецъ и пресловутое заведеніе минеральныхъ водъ, арендуемое г. Деккеръ-Шенкомъ. Въ саду еще никого нѣтъ. Одни только лакеи, съ номерами на фракахъ и съ салфетками въ рукахъ, уныло поглядываютъ на площадку; въ изящномъ павильонѣ оркестръ настраиваетъ свои инструменты; тутъ-же, за столиками, нѣсколько группъ гуляющихъ согрѣваются чаемъ. Въ настоящемъ году г. Деккеръ-Шенкъ разбилъ программу своихъ увеселеній на двѣ части: первая изъ нихъ исполняется въ саду и состоитъ изъ гимнастическихъ представленій, пѣнія куплетовъ, хора московскихъ цыганъ и разныхъ характерныхъ танцевъ; вторая, состоящая изъ французскихъ пѣсенокъ игриваго содержанія, танцевъ и цѣлыхъ оперетокъ, исполняется въ концертномъ залѣ. Исполненіе въ обоихъ мѣстахъ происходитъ одновременно, такъ-что желающему посмотрѣть то и другое—приходится хоть разорваться. Такое неудобство, полагаю, не можетъ быть выгодно ни для содержателя заведенія, ни тѣмъ болѣе для публики. Запасшись программой, я отправился слушать оркестръ, который, по примѣру прежнихъ лѣтъ, оказался весьма удовлетворительнымъ; программа музыки составляется изъ любимыхъ публикою произведеній, причемъ нѣмецкимъ композиторамъ отдается предпочтеніе передъ всѣми другими. Прослушавъ нѣсколько болѣе или менѣе извѣстныхъ пьесъ, я направилъ свои стопы въ залу. Тамъ народу замѣтно прибавилось; у столиковъ, между колоннъ, сидятъ группы и слышится бойкая французская рѣчь; тутъ-же, въ яркоцвѣтныхъ платьяхъ, по двѣ и по три прохаживаются черноглазыя цыганки-хористки и своими бровями поводятъ передъ встрѣчающимися на пути кавалерами. Не правда-ли, какое удивительное совпаденіе—цыганскаго съ французскимъ! Но вотъ я въ залѣ. Тутъ царитъ любовь; всѣ стѣны и кресла пропитаны ею; даже занавѣсъ полонъ любви и выразительности. Но не той любви, о, мой провинціальный читатель, которою билось когда-то и ваше сердце,—а той которая понятна и очевидна безъ всякихъ звуковъ, жестовъ и мимикъ. Чувство этого рода, какъ извѣстно, завладѣло въ настоящее время даже искусствомъ; современные же французы являются жрецами этого искусства, и служитъ ему съ усердіемъ и любовью, достойными лучшаго дѣла. Французскія шансонетки исполняются въ заведеніи г. Декеръ-Шенка съ обычнымъ выраженіемъ; но хорошихъ голосовъ между исполнительницами я что-то не замѣтилъ, за исключеніемъ, впрочемъ, m-lle Риззе, рѣзко отличающейся отъ остальныхъ какъ изящною манерою пѣнія, такъ и своимъ симпатичнымъ голосомъ. Хвалятъ также m-lle Клодіа; но за позднимъ временемъ и благодаря вышеозначенному неудобству программы, мнѣ не удалось ее слышать. Изъ концертнаго зала я снова попалъ въ садъ, гдѣ еще успѣлъ захватить танцы талантливыхъ г. и г-жи Лесерфъ. На террасѣ и въ залѣ попрежнему слышался французскій разговоръ и прохаживались цыганки. Глядя на этихъ смуглыхъ Машъ, Дунашъ и проч., невольно какъ-то вспоминалось то невозвратно минувшее время, которое такъ мастерски изображено графомъ Л. Толстымъ въ его разсказѣ «Два гусара»,—время Бурцевыхъ, давыдовскихъ бретёровъ и забіякъ, время безпрерывныхъ кутежей и неумолкавшаго гвалта. Не вернуть этого времени никому, ни даже современной золотой молодежи, промѣнявшей цыганокъ на французженокъ.

Въ саду, на мокрыхъ скамейкахъ, сидѣла публика и слушала «Жженку» извѣстное попури Шуберта. Другая часть публики, кутаясь въ плэды, расхаживала по площадкѣ. Около полуночи, прослушавъ цыганскій хоръ, повторявшій куплетъ:

Зацалуй меня до смерти —
Я и смерть благословлю, —

я отправился во-свояси. Надъ Средней Невкой поднимался легкій туманъ. Звукъ копытъ на мосту рѣзко выдѣлялся въ затихающемъ воздухѣ. Послѣдній пароходъ, поджидая пассажировъ, пыхтѣлъ у ново-деревенской пристани.

Библіографія.

Десять уроковъ русскаго языка. Составилъ учитель С.-Петербургскаго Вознесенскаго уѣзднаго училища К. Новоспасскій. Курсъ первый. 46 страницъ. Цѣна 30 коп.

Авторъ назначаетъ свои «Уроки» для учениковъ перваго класса среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ раздѣленъ на 10 уроковъ совершенно произвольно и можетъ быть разбитъ, по усмотрѣнію преподавателя, и на большее число. Пять первыхъ уроковъ заключаютъ въ себѣ основанія синтаксиса, а другіе пять—этимологіи. Въ первомъ урокѣ синтаксиса авторъ даетъ понятіе о предметѣ и дѣйствіи, какъ главныхъ частяхъ предложенія; во второмъ онъ знакомитъ учащихся съ безличными и личными предложеніями; въ третьемъ съ такъ-называемыми обстоятельственными словами; въ четвертомъ съ опредѣленіемъ и дополненіемъ; наконецъ, пятый урокъ даетъ понятіе о предложеніяхъ слитныхъ. Этимъ и ограничивается знанія дѣтей изъ синтаксиса въ *первомъ* курсѣ. Что касается до этимологіи, то въ другихъ пяти урокахъ авторъ знакомитъ дѣтей съ названіями почти всѣхъ частей рѣчи, начиная съ имени существительнаго и глагола и кончая союзомъ; въ заключеніе же переходитъ къ составу словъ и къ ихъ удареніямъ. Уроки заключаются сообщеніемъ главнѣйшихъ правилъ правописанія. Вторую половину книжки составляетъ небольшая хрестоматія. Этотъ порядокъ расположенія уроковъ показываетъ, что авторъ придерживается аналитическаго способа преподаванія, т. е., отъ общаго переходитъ къ частному, и притомъ основываясь на правилѣ концентраціи грамматическихъ знаній. Слава Богу, что этотъ раціональный методъ, одобренный наукою и оправданный практикою, мало по малу начинаетъ входить въ преподаваніе и у насъ. Жаль только, что авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступаетъ отъ принятой имъ системы; такъ напр., безличныя предложенія онъ берется объяснить раньше личныхъ, оправдываясь тѣмъ, что въ дѣтской рѣчи первыя встрѣчаются будто-бы чаще послѣднихъ, а также краткостью безличныхъ предложеній, выражающихся иногда однимъ только словомъ. Точно такъ же отступаетъ авторъ отъ своей системы, начиная объясненіе предмета и дѣйствія не на предложеніи, гдѣ разница между тѣмъ и другимъ обнаружилась бы какъ нельзя лучше, а на отдѣльныхъ словахъ, что значительно затрудняетъ преподаваніе. Наконецъ, правила правописанія почему-то заключены авторомъ въ особую главу, тогда какъ ихъ прямое мѣсто въ урокахъ этимологіи и отчасти синтаксиса. За исключеніемъ указанныхъ нами отступленій, которыя можно было бы поставить на видъ автору, книжка г. Новоспасскаго, по нашему мнѣнію, представляетъ довольно хорошее методическое руководство къ преподаванію русскаго языка въ младшемъ возрастѣ.

Путешествіе по святымъ мѣстамъ. Состав. свящ. В. Пѣвцовъ. Если открытіемъ въ такъ-называемомъ Соляномъ городкѣ ряда чтеній, для рабочаго класса столицы, мы доказываемъ, что берется наконецъ за умъ,—то напечатаніемъ такихъ чтеній мы дѣлаемъ еще-больше: мы даемъ возможность участвовать въ чтеніи большей массѣ народа, платить тѣ же 5 коп. за каждое чтеніе и имѣть въ рукахъ книжку, изложен-

ную вполнѣ удобопонятно и проникнутую самымъ живымъ интересомъ для каждаго христіанина. Авторъ такихъ чтеній задался прекрасною цѣлью—соединить географію Палестины со священною исторіею. Такимъ образомъ, описанія мѣстъ Палестины очень оживляются разсказами о священныхъ событіяхъ, которыя у каждаго христіанина запечатлѣны въ сердцѣ. Жаль, что къ такимъ чтеніямъ не приложено ни рисунковъ, ни карты, которые, безъ всякаго сомнѣнія, сильнѣе дѣйствовали бы на воображеніе и память читателей. Правда, это увеличило бы цѣну книги, но за-то имѣло бы и больше образовательнаго значенія.

Очерки кавказской войны. Сост. Вишняковъ. Книжка эта было бы недурна, если бы только въ ней довольно часто не попадались выраженія, для народа совсѣмъ непонятныя, вродѣ: *транспорты конвоировались... конвоирующіе солдаты...* (стр. 1) казакъ *удерживалъ натискъ въ шашки* (стр. 20); да если бы еще были выброшены разсказы, въ родѣ слѣдующаго. При описаніи Дагестана, приводится старинное повѣрье, какъ «дьяволъ, ухваченный горячими щипцами за носъ отшельникомъ, билъ хвостомъ по землѣ—и отъ того образовались пропасти и ущелья». Точно авторъ не знаетъ, что эту сказку придумалъ народъ и что въ распространеніи подобныхъ нелѣпостей нужно быть очень осторожнымъ. За всѣмъ тѣмъ, очерки не лишены интереса, а вторая половина—описаніе Дагестана и Шамиля—отличается даже живостью; напр. при видѣ Шамиля подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма бичующаго свою мать и себя за то, что мать первая сообщила ему просьбу чеченцевъ о помощи или о позволеніи передаться на сторону русскихъ. Ловкость казаковъ, ихъ терпѣніе, покорность и мужество, покорившія намъ Кавказъ, могутъ заинтересовать читателя. Не мѣшало бы автору приложить къ своимъ очеркамъ и карту Кавказа, хоть бы настолько незатѣйливую, насколько незатѣйливы приложенные къ книжкѣ рисунки.

Смѣсь.

По части домашняго хозяйства.

Непромокаемая обувь. На $^1/_8$ фунта свинаго жиру и столько же жирнаго масла, положить 1 лотъ разрѣзаннаго каучука и хорошенько смѣшать; температура этой смѣси должна заключать въ себѣ отъ 150 до 180 градусовъ, но не должна доходить до такой степени, чтобъ изъ нея поднимались пары; лучше всего разогрѣть ее на шесткѣ. Черезъ 20 или 30 минутъ сосудъ можно снять съ шестка и остудить; когда онъ остынетъ настолько, что смѣсь сгустится, ее опять надо хорошенько мѣшать, чтобы отдѣлить другъ отъ друга кусочки каучука; если же они не отдѣляются, то смѣсь нужно еще разъ разогрѣть и перемѣшать. Затѣмъ мочатъ у башмаковъ, которые желаютъ сдѣлать непромыкаемыми, подошвы и стельки и ставятъ ихъ на теплую печь; когда они согрѣются, то упомянутую выше смѣсь разогрѣваютъ и натираютъ ею при помощи кисти всѣ подошвы, въ углубленіяхъ стелекъ и передки на протяженіи отъ $^1/_2$ до 1 дюйма, потомъ ставятъ башмаки опять на печь и возобновляютъ опять втираніе смѣси, коль скоро они вберутъ ее въ себя. Черезъ два или три дня башмаки можно обувать и натирать ихъ обыкновенной ваксой. Верхнюю поверхность башмака не слѣдуетъ натирать смѣсью, для того чтобъ не мѣшать испаринѣ ногъ.

Плюмпуддингъ. Смѣшать хорошенько фунтъ изюму, выбравъ напередъ изъ него сѣмячки, 6 яицъ, $^1/_2$ стакана коньяку или рому, $^1/_4$ фунта говяжьяго почечьяго жиру, нарѣзаннаго маленькими кубиками, 2 стакана молока, $^1/_8$ фунта сахару, цедру съ одного лимона и натертаго мускатнаго орѣху вмѣстѣ съ мякишемъ булки, такъ чтобъ изъ этого составилась болѣе или менѣе твёрдая масса; зашить ее въ кусокъ холста, опустить въ кипятокъ и кипятить четыре часа кряду, не переставая. По истеченіи этого времени пуддингъ вынимаютъ изъ холста, рѣжутъ ломтиками, обливаютъ ромомъ, который зажигаютъ и подаютъ это кушанье горячимъ. Во время кипяченія пуддингъ слѣдуетъ переворачивать для того, чтобъ болѣе легкія вещества не поднялись всѣ кверху.

Вареніе картофеля. Прежде всего воду, въ которой хотятъ варить картофель, надобно вскипятить, а потомъ налить ею картофель и сію же минуту поставитъ его на огонь. Когда картофель будетъ готовъ, то воду слить до чиста, опять прикрыть его хорошенько и оставить его постоять такъ на минуту. Приготовленный такимъ образомъ картофель гораздо вкуснѣе того, который ставится на огонь въ холодной водѣ, какъ это зачастую случается. Конечно сообщаемый мною способъ варенія картофеля извѣстенъ многимъ хозяйкамъ; но есть такія, которыя не знаютъ его,—ихъ-то мы и просимъ обратить на него вниманіе.

Превосходное и чрезвычайно простое средство мыть лайковыя перчатки такъ, что онѣ будутъ какъ новыя. Распустить въ молокѣ бѣлаго мыла, взять кусочекъ полотна, опустить его въ эту смѣсь и тереть перчатку, надѣвъ ее на руку, чтобы лучше вычистить ее. Послѣ этого вымыть на-чисто перчатку, тоже кусочкомъ полотна, окунутымъ въ чистую воду, обтереть ее сукномъ и продержать нѣсколько времени на рукѣ. Затѣмъ снять и высушить на воздухѣ, но не на огнѣ. Хотя, высохнувъ, перчатка и приметъ сорвершенно другой цвѣтъ и съежится, но при растягиваніи она приметъ свою первоначальную форму и будетъ также красива, какъ и прежде. Смотря по качеству кожи, одна и та же пара перчатокъ можетъ мыться по нѣскольку разъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ слѣдующемъ **№ 22 „Нивы,“** исключительно посвященномъ двухсотлѣтію со дня рожденія **императора Петра Великаго,** будетъ помѣщена полная *біографія преобразователя* России *съ 6-ю портретами Петра и его сподвижниковъ* и съ *7-ю рисунками замѣчательныхъ предметовъ, мѣстностей* и *событій того времени.*

Дозволено цензурою 19 Мая 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Моркс. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 15—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 20 мая 1872 года. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1872 году.

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

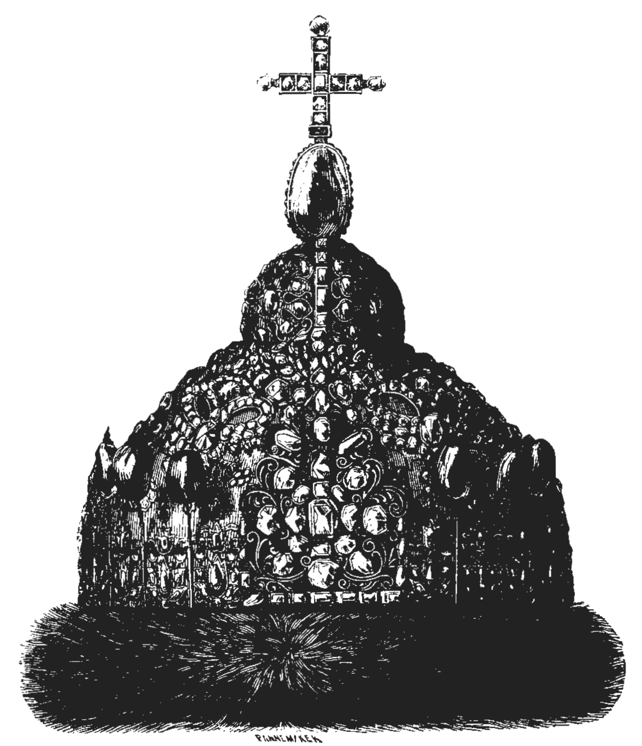
Петръ Великій,

первый русскій императоръ и преобразователь государства.

I.

Внутреннее состояніе московскаго государства во второй половинѣ XVII вѣка. Рожденіе и дѣтство Петра. Воспитаніе и борьба съ приверженцами Софіи.

Русское государство, основанное около 862 года варяжскими князьями и распространенное по рѣчнымъ областямъ Невы, Двины, Нѣмана, верховьевъ Днѣпра и Волги,—раздробленное удѣльною неурядицей при потомкахъ крестителя Руси Владиміра святаго, — переживъ и свергнувъ двухсотлѣтнее иго татаръ, сосредоточилось подъ рукой дальновидныхъ князей московскихъ, которые, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ послѣдніе остатки удѣльно-вѣчевой системы, Рязань, Тверь, Новгородъ и Псковъ, а при Іоаннѣ Грозномъ царства Казанское, Астраханское и Сибирское, образовали сильное и могущественное государство московское. Снова потрясенная въ основаніяхъ боярской крамолой и смутами по прекращеніи мужской линіи въ престолонаслѣдіи, въ эпоху самозванцевъ и нашествія поляковъ, Русь нашла свое спасеніе въ земскомъ ополченіи Минина и Пожарскаго и всенародномъ избраніи дома Романовыхъ. Но хотя и усиленное въ западныхъ предѣлахъ возвращеніемъ Смоленска и Малороссіи при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, который принялъ титулъ «всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси самодержца», московское государство, расположенное на границѣ съ Азіею и отталкиваемое отъ Запада враждебными сосѣдями поляками и шведами, все еще не входило въ систему Европейскихъ государствъ.



Алмазная корона Петра Великаго.
На деревѣ рѣзалъ Паннемакеръ.

Возможно ли было вступить въ тѣснѣйшую связь съ иностранцами, когда для сношеній съ ними въ предѣлахъ Россіи не было ни одного моря кромѣ Бѣлаго на крайнемъ сѣверѣ, да и тамъ всю торговлю забрали въ свои руки англичане, голандцы и нѣмцы, а русскіе торговые люди почти не ѣздили въ западную Европу?! Поэтому то, несмотря на естественныя богатства Россіи, земледѣліе, пчеловодство, рыбный и звѣроловный промыселъ оставались неразработанными за отсутствіемъ сбыта и едва удовлетворяли первымъ нуждамъ народа. Вся торговая дѣятельность сосредоточивалась въ Москвѣ и ограничивалась главнымъ образомъ внутреннимъ обмѣномъ, да и та стѣснена была исключительнымъ пра-

вомъ казны торговать болѣе цѣнными предметами (напримѣръ, дорогими мѣхами и тому подобнымъ), многочисленными пошлинами, обидами воеводъ и приказныхъ людей, а также и первобытнымъ состояніемъ путей сообщенія, лѣтомъ рѣкъ, а зимою санныхъ дорогъ. Заводская и фабричная промышленность весьма еще мало была распространена въ московскомъ государствѣ. Со временъ Михаила Ѳеодоровича заведены первые желѣзоплавильные заводы голандскимъ купцомъ Виніусомъ около Тулы да гамбургскимъ купцомъ Марцеліусомъ на рр. Костромѣ, Шекснѣ и Вагѣ, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича основаны Олонецкіе желѣзные заводы; кромѣ того, въ XVII вѣкѣ встрѣчаются нѣкоторыя суконныя и полотняныя фабрики, впрочемъ назначенныя только для царскаго двора. Самое земледѣліе стояло на низкой степени развитія, вслѣдствіе рѣдкости населенія и крѣпостнаго права, такъ что въ неурожайные годы зачастую бывалъ голодъ.

Изъ такого экономическаго положенія вытекала скудость государственныхъ доходовъ, которые простирались всего до 1,300,000 рублей. Главнымъ источникомъ ихъ были подати (тягло) съ крестьянскихъ общинъ по количеству *сохъ*, т. е. участковъ земли, а съ посадскихъ по числу тягловыхъ дворовъ, причемъ почти всѣ ремесла и торговыя статьи были обложены пошлиной. Но отъ платежа этихъ повинностей уклонялись всѣми способами, между прочимъ въ прежнія времена *закладываясь* за бояръ, подъ покровительствомъ которыхъ торговали безпошлинно, или впослѣдствіи переходя въ стрѣльцы и убѣгая въ казаки. Желая получать постоянные доходы, правительство прикрѣпило посадскихъ людей къ посадамъ, а крестьянъ—къ землѣ для того, чтобы служилые люди, жившіе своими помѣстьями, имѣли возможность нести государственную службу.

А между тѣмъ помѣстій для содержанія служилыхъ людей было недостаточно—и потому во время похода, при всей бѣдности государственныхъ доходовъ, они получали жалованье. Не смотря на увеличеніе расхода отъ найма иностранныхъ солдатъ, регулярнаго войска все таки еще не было. Главную основу его составляли дворяне (при чемъ стольники и спальники составляли государевъ полкъ или гвардію) и дѣти боярскіе, отправлявшіе собственно конную службу съ *огненнымъ* и *лучнымъ* боемъ (огнестрѣльнымъ оружіемъ и лукомъ) и выводившіе съ собою одного или нѣсколькихъ слугъ, смотря по количеству отведенной имъ земли, вооруженныхъ чѣмъ попало. Пѣшее войско набиралось отчасти изъ городовыхъ казаковъ и *вольныхъ* или *охочихъ* людей, а главнымъ образомъ изъ *даточныхъ* по человѣку съ извѣстнаго числа дворовъ. Постоянную и хорошо вооруженную пѣхоту представляли только «стрѣльцы», жившіе отдѣльными слободами, пользовавшіеся жалованьемъ, правомъ безпошлинной торговли и промысловъ въ свободное отъ службы время; вооруженные тяжелымъ ружьемъ, бердышемъ, саблей и копьемъ, они дѣлились на полки и сотни. Но за то они, чувствуя свою силу, тяготѣли надъ правительствомъ и нерѣдко грозили явными мятежами. За ними слѣдуютъ «пушкари», жившіе также отдѣльными слободами и находившіеся при *нарядѣ* (артиллеріи). Не смотря на полки съ иностранными названіями гусаръ, рейтаръ, драгунъ и солдатъ, подъ командой иноземныхъ полковниковъ и капитановъ, заведенные при Алексѣѣ Михайловичѣ,—европейское военное искусство плохо прививалось къ русскимъ ратнымъ людямъ; войска наши по прежнему представляли пестрыя, нестройныя и плоховооруженныя толпы ратниковъ, которые только въ крѣпостяхъ отсиживались съ успѣхомъ, а въ открытомъ полѣ не могли стоять противъ регулярныхъ европейскихъ армій. Такого войска послѣ Ѳеодора Алексѣевича осталось до 200,000 человѣкъ.

Не большимъ порядкомъ отличалось и внутреннее управленіе государствомъ. Земли московскаго государства главнымъ образомъ дѣлились на *уѣзды*, а эти послѣдніе на *станы*, *погосты*, *губы* и *волости*. Въ XVII вѣкѣ выборные власти (губные старосты, головы) уступаютъ мѣсто лицамъ назначеннымъ отъ правительства: во главѣ областнаго управленія становятся *воеводы*, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась власть военная, гражданская и судебная. Воеводство давалось какъ награда за военную службу для того чтобы «покормиться»—и кормились воеводы взятками, поборами и притѣсненіями въ особенности по отдаленнымъ окраинамъ государства. Изъ выборныхъ земскихъ должностей остались у посадскихъ и крестьянъ *земскіе старосты* завѣдовавшіе раскладкой податей, *головы* и *цѣловальники*, которымъ поручались сборы въ казну податей и пошлинъ торговыхъ, питейныхъ и судныхъ. Судебный процессъ усложнился и письменное судопроизводство взяло верхъ надъ словеснымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ развилась медленность въ рѣшеніяхъ и издержки подсудимыхъ. Надъ судами воеводъ высшею инстанціею были *приказы* въ Москвѣ, гдѣ вообще сосредоточивался судъ и управленіе, а письмоводствомъ завѣдывали *дьяки* (секретари) и *подьячіе* изъ духовнаго званія или торговаго сословія, такъ какъ знатные люди считали унизительнымъ для себя служить перомъ а не мечомъ. Такихъ приказовъ было до сорока: большаго дворца (приходы и расходы двора), большой казны (государственные доходы), помѣстный (дѣла о вотчинахъ), посольскій (иностранные дѣла), стрѣлецкій, пушкарскій, судный, разбойный и проч. Отсюда происходила необычайная путаница въ дѣлахъ, а въ особенности финансовыхъ. Приказы, смотря по ихъ важности, поручались иногда и боярину. Собственно же бояре составляли высшее правительственное и судебное учрежденіе *боярскую думу*, въ которой царь обсуждалъ съ ними мѣры касавшіяся всего государства, вопросы внѣшней политики и важнѣйшія судныя дѣла, *по докладу* изъ приказа. Многіе изъ этихъ царскихъ совѣтниковъ были даже неучены грамотѣ и часто отмалчивались «уставя брады свои», такъ какъ въ бояре жаловали не по заслугамъ и разуму, а по великой породѣ ихъ.

Эта родовая *боярская* аристократія составляла верхнюю ступень въ господствующемъ служиломъ сословіи; въ составъ ея, кромѣ древнихъ боярскихъ родовъ, вошли потомки удѣльныхъ князей съ прежнимъ титуломъ и потомки иностранныхъ выходцевъ: литовскихъ, нѣмецкихъ и татарскихъ. Незанятые службою на войнѣ или въ городахъ, бояре жили постоянно въ Москвѣ и каждый день съѣжались во дворецъ на поклонъ государю. Въ грамотахъ они писались государевыми «холопами» и назывались уменьшительными именами. Среднюю ступень составляли *окольничіе* и думные *дворяне*, а низшую, *дѣти боярскіе*.

Надъ всѣми сословіями и во главѣ государства стоялъ *царь*, самодержавный и неограниченный властитель надъ своими подданными. Боярская дума не разъ пыталась ограничить самодержавіе, завладѣть большею самостоятельностью, но это удавалось ей лишь времен-

но—въ малолѣтство государя или при слабыхъ правителяхъ. Поэтому дума имѣла чисто совѣщательное значеніе, хотя на грамотахъ и писалось: «Царь указалъ и бояре приговорили». Въ думѣ засѣдали бояре, окольничіе и думные дворяне. Иногда призывался патріархъ и другіе архіереи.

Высшее духовенство вообще сильно вліяло на государственныя дѣла, пользовалось правомъ ходатайствовать за опальныхъ и виновныхъ и проч. Какъ царь съ патріархомъ, такъ воеводы по городамъ совѣтовались съ архіереями, къ которымъ обращались за защитою и жители притѣсненные воеводой. Но вообще образованіе и нравственность духовенства стояли на довольно низкомъ уровнѣ. Противъ пороковъ и нерадивости духовенства, особенно сельскаго, въ самой церкви, поднимались голоса благомыслящихъ людей. Въ народѣ между тѣмъ продолжали господствовать преданія и вѣрованія чисто-языческія, бездна суевѣрій, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще свято хранились языческія празднества и жертвоприношенія. Съ другой стороны быстро развивался расколъ, дробясь на множество сектъ и распространяясь въ невѣжественныхъ массахъ. Большая часть казаковъ и стрѣльцовъ были раскольники, и примѣшивали религіозный элементъ къ своимъ мятежамъ.

Впрочемъ, старые обычаи и повѣрья, при общей малообразованности, господствовали безразлично и во дворцѣ, и въ домахъ вельможъ и въ избѣ крестьянина. Высшія сословія въ домашней жизни отличались только тѣмъ, что держали женщинъ своихъ взаперти*). Между тѣмъ какъ въ низшихъ слояхъ женщины были завалены тяжелыми домашними работами, царицы, царевны и боярыни, заключенныя въ теремахъ, въ удаленіи отъ мужчинъ проводили жизнь въ вышиваніи золотомъ, жемчугомъ или бисеромъ, въ обществѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, а если иногда выѣзжали на богомолье, то въ закрытыхъ колымагахъ. Нерѣдко дочери вельможъ ни разу до замужества и въ церкви не бывали. Учить-же ихъ грамотѣ считалось совсѣмъ безполезнымъ. Бракъ съ обѣихъ сторонъ устраивался родителями, при чемъ о согласіи брачущихся не спрашивали и женихъ до конца сватьбы не видалъ своей невѣсты; отсюда обманы и семейныя несогласія. Что касается мужчинъ, то отсутствіе просвѣщенія заставляло ихъ посвящать досуги грубымъ удовольствіямъ; отсюда усиленіе пьянства во всѣхъ сословіяхъ. Богатые люди выказывали свое богатство во множествѣ холопей, лошадей и изобиліи стола; но жилища были тѣсны и бѣдны. Каменные дома составляли большую рѣдкость. Каждый дворъ огораживался заборомъ или острымъ тыномъ, а посрединѣ двора располагался домъ — у богатыхъ съ *подклѣтью* (нижній этажъ для прислуги и амбаровъ) и *теремомъ* надстроеннымъ наверху. Ворота, ставни и перила еще украшались узорчатою рѣзьбою или кувшинообразными колонками; но внутри столы и лавки, покрытые коврами, составляли единственную мебель, а иконы въ окладахъ единственное украшеніе, если не считать *лубочныхъ картинъ*, которыхъ грубыя уродливыя изображенія вполнѣ удовлетворяютъ неприхотливому вкусу нашихъ предковъ. Окна были слюдяныя, а у бѣдныхъ затягивались кожею или пузыремъ.

Вообще русское искусство находилось въ крайне младенческомъ состояніи. Русскіе люди, поступавшіе въ ученье къ выписнымъ иностраннымъ мастерамъ, не выучивались ничему, потому что иноземцы съ намѣреніемъ не открывали тайны своего мастерства. Русскіе-же люди не пускались за границу для образованія, и европейская наука не пользовалась покровительствомъ высшихъ классовъ. Указывая на опасность со стороны иностранныхъ ересей, московское духовенство крѣпко держало въ своихъ рукахъ народное образованіе, которое все ограничивалось обученіемъ чтенію и письму. Хотя въ послѣднее время въ Россіи завелись при дворѣ рукописныя *куранты* (первыя русскія газеты) и вызвана труппа нѣмецкихъ музыкантовъ и актеровъ, а въ Малороссіи благодаря ея школамъ и типографіямъ возникаетъ цѣлая школа учености, но все это были только зачатки.

Для полнаго сознанія необходимости европейскаго образованія въ противодѣйствія корню зла—поголовному невѣжеству, — для сознанія того, что московскими порядками невозможно болѣе тянуть государственную машину,—нуженъ былъ геній. Геній этотъ явился.

Въ ночь *на тридцатое мая* 1672 года, за два часа до свѣта, родился царю Алексѣю Михайловичу, отъ второй жены его, царицы Натальи Кириловны, ея первый сынъ — Петръ Алексѣевичъ. За славныя дѣла назвали его на престолѣ Петръ Великій.

На четвертомъ году отъ роду онъ потерялъ отца, а воцарился старшій братъ и отецъ его крестный— царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Онъ поручилъ младшаго брата-крестника обучать грамотѣ. Для этого выбранъ дьякъ челобитнаго приказа Никита Моисѣевъ Зотовъ, и 12-го марта 1677 года приступилъ къ ученью царевича Петра. Въ годы подростанья царевичъ Петръ уже читалъ все, выбирая особенно дѣльныя книги. Съ младенчества проявлялась въ Петрѣ особенная живость и рѣзвость. Игрой любимою была война. Для игры этой набрали дѣтей, какъ бывало въ обычаѣ при царскомъ дворѣ, и этихъ сверстниковъ назвали потѣшными. Въ четырнадцать лѣтъ, не довольствуясь десяткомъ сверстниковъ-потѣшныхъ, вызвали желающихъ вступить въ службу, для потѣхи царя Петра, и явились охотники сотнями. По мѣсту жительства Петра съ матерью въ селѣ Преображенскомъ — а не въ самой Москвѣ—потѣшные назвались преображенскими, также какъ помѣщенные въ сосѣднемъ Семеновскомъ селѣ— семеновскими. Потѣшныхъ служивыхъ своихъ Петръ обучалъ воинскому строю и образовалъ изъ нихъ родъ ополченія, раздѣливъ на роты и потомъ полки. Потѣшное войско, начавшееся игрою, сдѣлалось охраною и защитою Петра отъ враговъ, искавшихъ извести даже его.

Врагами оказались единокровныя сестры его, изъ которыхъ средняя по лѣтамъ — царевна Софья Алексѣевна была самая опасная по своему честолюбію. Враждебность ея проявилась съ выборомъ въ цари младшаго брата. Нарекли государемъ Петра 10-ти лѣтъ, по смерти царя Ѳедора Алексѣевича. Царевна Софья возбудила мятежъ стрѣльцовъ—тогдашняго войска въ Москвѣ. Убійствомъ родныхъ дядей Петровыхъ по матери — Нарышкиныхъ и наведеніемъ па всѣхъ ужаса, царевна заставила сдѣлать другимъ царемъ брата ея отъ одной матери—Ивана Алексѣевича,

*) Татарское вліяніе сказывалось и въ самой одеждѣ ихъ. Высшія классы по восточному обычаю плотно закутывали голову, а волосы подстригали коротко, отпуская длинную бороду, что считалось весьма почетнымъ. Верхнюю одежду составляли долгополая ферязь или мѣховая шуба. На рубаху надѣвался узкій кафтанъ до колѣнъ, подпоясанный кушакомъ.

сама захвативъ въ свои руки правленіе государственными дѣлами. Это совершилось въ концѣ мая 1682 года. Семь лѣтъ она такъ и правила, пока Петръ, достигшій уже 17 лѣтъ, не лишилъ сестру власти за явныя посягательства на свою жизнь. Къ этому преступленію прибѣгла она, давно замѣчая необыкновенный умъ выроставшаго брата и потерявъ надежду чтобы онъ ей уступилъ царство, котораго домогалась она всѣми силами.

Въ то же время, когда царевна Софья враждовала дeръ-Гульстъ нашелъ голландца же Франца Тиммермана, который разсказалъ что это такое и показалъ какъ устанавливать инструментъ. Оказалось, что это такъ-называемая *астролябія*.—Узнавъ черезъ это Тиммермана, царь Петръ сталъ у него учиться всему что нужно знать для употребленія въ дѣло астролябіи, а также и науку строить укрѣпленія въ полѣ. Для упражненія самъ даже начертилъ и построилъ съ потѣшными земляное укрѣпленіе, назвавъ его иностраннымъ словомъ *Презбургъ*.

Спасеніе Петра Великаго его матерью.
Снимокъ съ картины Штейбена, гравировалъ Фрейндъ.

втихомолку, Петръ, росшій не по днямъ а по часамъ, старался постичь высшую науку землемѣрія (геометрію) да расчетъ полета ядра изъ пушки и укрѣпленіе открытаго мѣста (фортификацію).

Поводъ учиться этимъ наукамъ, въ Москвѣ тогда не слыханнымъ, далъ Петру случай. Князь Яковъ Долгорукій, уѣзжая посломъ во Францію, упомянулъ въ разговорѣ съ государемъ, что есть снарядъ, которымъ измѣряется разстояніе, не трогаясь съ мѣста. Государь велѣлъ ему купить такой снарядъ. Посолъ Долгорукій воротясь привезъ и представилъ его, но какъ употреблять въ дѣло — никто не могъ объяснить государю, желавшему знать это. Лекарь изъ голландцевъ Фанъ-

Въ то время когда строилось оно за селомъ Преображенскимъ, Петръ случайно нашелъ въ селѣ Измайловѣ, въ анбарѣ, старое пробитое судно. Тиммерманъ бывшій съ царемъ назвалъ это судно *англійскій ботъ* и объяснилъ, что на немъ ходятъ парусомъ по вѣтру и противъ вѣтра. Это казалось невѣроятнымъ Петру—и онъ хотѣлъ видѣть, какъ пойдетъ оно. Велѣно починить ботъ, призванъ для починки корабельный плотникъ-голландецъ, жившій въ Москвѣ, Карштенъ Брандтъ. Онъ, спустивъ ботъ на р. Яузу, ходилъ противъ вѣтра на немъ, въ присутствіи царя. Только мѣста на узкой рѣчкѣ не довольно было для поворачиванья бота. Потому перенесенъ ботъ на «Просяной прудъ»—широкій.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій.

Рисовалъ на деревѣ П. Громовъ, гравировалъ П. Грейфъ.

Когда же и его казалось мало Петру, полюбившему ѣзду на ботѣ, государю сказали передъ имянинами его въ іюнѣ 1688 года, что есть большое озеро Плещеево въ Переяславлѣ. Отпраздновавъ имянины (29 іюня), Петръ приступилъ къ государынѣ-матушкѣ съ просьбою: пустить помолиться къ Троицѣ въ лавру. Она позволила. Прибывъ на праздникъ Св. Сергія (5 іюля), юный государь изъ лавры проѣхалъ въ Переяславль. Озеро въ десять верстъ длины и восемь ширины—показалось ему моремъ. И тутъ-то пришла Петру первая мысль: настроить на этомъ озерѣ въ волю корабликовъ и на нихъ плавать по свѣтлому раздолью.

Воротясь въ Москву поспѣшно, государь выпросился у матери подольше пожить въ Переяславлѣ. Привезъ съ собою кромѣ Брандта другаго плотника, обратившагося въ судовые мастера. Съ ними и съ потѣшными своими основалъ Петръ маленькую верфь при впаденіи въ озеро рѣчки Трубежа — и здѣсь въ хлопотахъ, заводя неслыханное опять дѣло, провелъ все лѣто. Осенью съ готовой крѣпости Презбургъ загремѣли пушечные выстрѣлы, возбудившіе страхъ въ царевнѣ Софьи и ея сторонникахъ. Неудовольствіе усилилось, когда Петръ взялъ барабанщиковъ Бутырскаго полка и стрѣлецкій Сухаревъ полкъ. Потомъ же взялъ онъ упряжь съ Конюшеннаго двора для возки своихъ пушекъ. Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа, сталъ тогда подговаривать подвластныхъ ему стрѣльцовъ извести царя Петра; но посягнуть на страшное такое дѣло самые порочные изъ нихъ не рѣшались. Въ это лѣто подсылалъ Шакловитый наряженаго подъячаго ночью бить стрѣльцовъ на караулѣ, называясь Львомъ Нарышкинымъ. Царевна совсѣмъ было рѣшилась убить царицу мачиху свою—въ день перваго Спаса на водосвятьѣ, въ Преображенскомъ, но побоялась многаго числа оказавшихся потѣшныхъ.

Зная опасности угрожавшія сыну и боясь его далекихъ отлучекъ, царица мать поспѣшила женить царя Петра на Евдокіѣ Ѳедоровнѣ, дочери окольничаго Лопухина. Бракъ молодаго государя совершенъ 27 января 1689 года. Царица Наталья думала, что теперь царь Петръ больше будетъ дома съ молодой женой, но неутомимая охота строить корабли увлекла его въ Переяславль въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Тамъ сталъ онъ теперь спускать новые готовые суда и пробылъ до начала іюля. Воротясь же, въ столицу больше не поѣхалъ, боясь намѣреній сестры начинавшей явно враждовать. Іюля 25-го, пользуясь случаемъ посѣщенія царемъ тетки, жившей въ Вознесенскомъ монастырѣ, Шакловитый приказалъ захватить царя, когда онъ войдетъ во дворецъ кремлевскій,—но онъ не подходилъ ко дворцу. Распространивъ въ народѣ слухъ, будто потѣшные Петровы сбираются напасть на Кремль, Царевна въ ночь на 8-е августа снарядила 400 стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, будто бы для отпора потѣшнымъ—а въ самомъ дѣлѣ чтобъ перебить бояръ въ Преображенскомъ, мачиху, да едва-ли и не Петра самого съ ними. Но нашлись добрые люди, между стрѣльцами-же. Восьмеро разныхъ чиновъ стрѣлецкаго Стремяннаго полка—въ томъ числѣ 500-ный Елизарьевъ, сотникъ Ѳеоктистовъ и шесть 50-никовъ въ полночь прискакали въ Преображенское и во-время предупредили царя Петра объ опасности. Онъ, поднятый съ постели, одѣлся въ лѣсу и ускакалъ въ Троицкую лавру. За царемъ же царица-мать и жена и потѣшные съ пушками убрались за крѣпкія стѣны монастыря св. Сергія. Царевна передъ разсвѣтомъ вышла съ войскомъ изъ Кремля, но прождавъ князя Голицына и узнавъ объ отъѣздѣ брата, распустила стрѣльцовъ на разсвѣтѣ.

Утромъ, узнавъ бывшее, Москва пришла въ ужасъ. Изъ лавры Петръ потребовалъ объясненія: для чего ночью сбирались стрѣльцы? Послѣдовалъ отвѣтъ: провожать царевну въ Донской монастырь на богомолье. Никто этому не вѣрилъ. Софья послала вызвать царя брата отъ Троицы—не удалось. Вмѣсто отвѣта молодой государь потребовалъ высылки къ себѣ по 10 человѣкъ отъ каждаго стрѣлецкаго полка, съ офицерами, на 18-е августа «для великаго государева дѣла». Царевна, запретивъ чиновникамъ ѣхать, послала князя Прозоровскаго и патріарха — уговаривать брата возвратиться. Посланные остались въ лаврѣ. Между тѣмъ, не смотря на строгое запрещеніе, по вторымъ грамотамъ Петра, явились въ лавру 500 урядниковъ стрѣлецкихъ, впущены въ монастырь и удостоились видѣть государя. Выйдя къ нимъ самъ на крыльцо съ матерью и патріархомъ, Петръ открылъ прибывшимъ умыслы Шакловитаго и намѣренія сестры, по извѣтамъ и признаніямъ сторонниковъ царевны и со словъ полковника Циклера. Тутъ же дьякъ прочелъ выписку изъ распросовъ. Узнавъ несомнѣнное посягательство на преступленіе, стрѣльцы сами вызвались захватить Шакловитаго.

Въ этотъ день, пока совершалось все это въ лаврѣ, царевна сама поѣхала было туда, но ее остановилъ за 10 верстъ стольникъ Бутурлинъ и воротилъ угрозою, что вслучаѣ насильнаго прихода *съ нею поступлено будетъ нечестно*. Воротясь въ Москву, правительница должна была выдать своего соумышленника Шакловитаго и затѣмъ—по требованію младшаго брата въ письмѣ къ царю Ивану—удалиться въ Новодѣвичій монастырь. Шакловитый былъ казненъ у Троицы съ его сообщниками. Царь Иванъ охотно предоставилъ царю Петру съ этого времени полную свободу въ управленіи дѣлами, ему не подсильными.

II.

Начало правленія Петра I.— Архангельское кораблестроеніе и Азовскіе походы.—Путешествіе за границу при посольствѣ.— Реформы и уничтоженіе стрѣльцовъ.

Съ 12-го сентября 1689 года началось такимъ образомъ царствованіе Петра I — назначеніемъ извѣстныхъ ему по способностямъ своимъ благонадежныхъ правителей.

Государь тотчасъ же назначилъ новыхъ управляющихъ приказами: дядя его, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ получилъ посольскій приказъ, князь П. И. Прозоровскій — большой казны и большаго прихода, дядя царицы П. А. Лопухинъ—большаго дворца и дворцово-судный, постельничій Г. И. Головкинъ—казеннаго дворца, бояринъ П. В. Шереметевъ — помѣстный, князь Я. Ѳ. Долгорукій — московскій судный и проч. Б. П. Шереметевъ оставленъ воеводою Бѣлгородскаго полка—стражемъ южной границы государства; Мазепа—гетманомъ малороссійскаго войска.

Въ интимный кружокъ царя изъ русскихъ людей вошли князья: Ѳ. И. Троекуровъ, И. Ю. Трубецкій, Б. И. Куракинъ, Н. И. Репнинъ, Ѳ. И. Плещеевъ, Ѳ. М. Апраксинъ, Г. И. Головкинъ, И. И. Бутурлинъ, А. А. Матвѣевъ и А. М. Головинъ; наконецъ, учитель государя Зотовъ, величаемый имъ на пирахъ *княземъ папою*, и ближній стольникъ Ѳ. Ю. Ромодановскій, которому Петръ обыкновенно рапортовалъ какъ бы подданный, величая его *княземъ-кесаремъ*.

Изъ знакомствъ и связей Петра въ *нѣмецкой слободѣ*, куда государь наѣзжалъ учиться и пировать, слѣдуетъ упомянуть веселаго предсѣдателя пирушекъ полковника Лефорта и опытнаго воина полковника Гордона, Виніуса которому Петръ поручилъ выписыванье заграничныхъ инструментовъ, переводы книгъ, выдѣлку пороха и отливку пушекъ, и наконецъ капитана Брюса, человѣка глубокаго и серіознаго ума, находившагося однимъ изъ первыхъ съ Петромъ у Троицѣ.

Такова была чудная смѣсь націй, вѣръ, языковъ, лѣтъ и званій въ любимой *компаніи* молодаго царя, которая собиралась то у Лефорта, то въ Филяхъ у Нарышкина, либо у Гордона и Шереметева, веселясь далеко за полночь — вопреки старому обычаю, съ музыкой, пѣснями, танцами, нерѣдко и при залпахъ орудій.

Но это былъ только отдыхъ отъ многосторонняго ученія, которому предался Петръ въ первые пять лѣтъ своего царствованія, мало даже обращая вниманія на дѣла правленія. Не смотря на то что молодой царь явно оказывалъ расположеніе иностранцамъ и иностранному, новому, двѣ партіи старая и новая сильно боролись. Патріархъ Іоакимъ умеръ, умоляя царей въ своемъ духовномъ завѣщаніи отставить проклятыхъ еретиковъ отъ начальства надъ русскими полками. Въ угоду старой партіи, по смерти его поставленъ былъ въ патріархи Адріанъ, убѣжденный въ томъ, что бритье бородъ есть богомерзкая ересь.

Но торжество старой партіи не могло быть прочно. Молодой царь въ письмахъ подписывался уже Piter, а Ромодановскій въ примѣрныхъ битвахъ назывался генералиссимусомъ Фридрихомъ на иностранный ладъ. Въ слѣдующемъ 1690 году была сдѣлана Петромъ первая огненная потѣха—фейерверкъ, на радостяхъ рожденія перваго сына государю—царевича Алексѣя Петровича. Весною государь построилъ на Москвѣ рѣкѣ гребныя суда и пустивъ впереди прочихъ ботъ найденный въ Измайловѣ, провелъ его до Угрѣщей самъ управляя парусами. Лѣтомъ и осенью дѣлалъ потомъ государь примѣрные бои для пріученья своихъ потѣшныхъ къ правильнымъ сраженіямъ. Осень-же и зиму занялся Петръ сооруженіемъ первой яхты, спущенной 14-го марта. Въ Переяславлѣ построились уже фрегаты и начатъ военный корабль, спущенный 1-го мая 1692 года—двадцатилѣтнимъ царемъ—мастеромъ корабельнымъ. Повидать это—по времени и средствамъ дѣйствительное чудо—пріѣхали царицы на Плещеево озеро, и въ августѣ устроились здѣсь на водѣ и на сушѣ маневры.

Малое береженье себя въ бурную осень къ зимѣ разстроило здоровье царя Петра до того, что отчаялись даже въ сохраненіи жизни его близкіе люди. Долго былъ онъ между жизнью и смертью, но молодость взяла свое и Петръ оправился къ концу зимы, чтобы ѣхать въ Переяславль на стройку судовъ своихъ. Проведя здѣсь всю весну, Петръ сталъ готовиться въ первое далекое странствованіе свое — въ Архангельскъ. Прощай Плещеево озеро! Къ морю влекло молодого царя ни чѣмъ не затушаемое въ немъ врожденное призваніе моряка. «Мать многократно возбраняла мнѣ столь опасный путь, — говорилъ потомъ самъ о себѣ государь — «но видя великое желаніе мое, нехотя согласилась».

Назвавшись *сержантомъ* преображенскаго полка, Петръ со свитою во 100 человѣкъ, пустился изъ Москвы на сѣверъ, 4 іюля 1693 года. До Вологды ѣхалъ въ каретѣ, а оттуда водою на карбасѣ. На 24-й день пути торжественно встрѣченъ царь въ Холмогорьѣ архіереемъ и воеводою, съ колокольнымъ звономъ ружейною и пушечною пальбою. Ни одинъ разъ еще не было царя въ здѣшней сторонѣ, также какъ и въ Архангельскѣ, куда прибылъ Петръ 30 іюля, при такой же встрѣчѣ. Противъ жилища государя на Мосѣевомъ островѣ уже стояла яхта, приготовленная для плаванья его по морю. На яхту перебрался Петръ не теряя времени, но удержанный безвѣтріемъ, принялъ намѣреніе ѣхать провожать возвращавшіеся домой въ Англію и Голландію купеческіе корабли. Въ день Преображенія съ поднявшимъ вѣтромъ потянулись Березовскимъ устьемъ изъ Сѣверной Двины настоящія морскія суда. Любуясь изящностью движеній ихъ и быстротою работъ привычныхъ матросовъ, Петръ былъ почти внѣ себя.

Триста верстъ пролетѣли незамѣтно. Почти у выхода въ океанъ государь неохотно разстался со своими спутниками. Воротясь же на берегъ, хотѣлъ еще разъ пуститься съ новымъ караваномъ, но только дождался прихода его изъ Голландіи, проживъ $1^1/_2$ мѣсяца въ Архангельскѣ. При видѣ иностранныхъ кораблей, у Петра разрывалось сердце, что русскіе не могутъ сами ѣздить въ чужія земли за малостью — неимѣніемъ своихъ судовъ. Русскіе же люди, Бужениновы, на Вавчугѣ строили суда для иностранцевъ. Петръ приказалъ воеводѣ дать два судна немедленно Одно изъ нихъ царь при себѣ отправилъ въ море подъ русскимъ флагомъ, нагрузивъ поташомъ, смолою, рыбнымъ клеемъ и икрою—товарами наиболѣе раскупаемыми,—другое назначилъ пустить весною. Заведя верфь на островѣ Соломбалѣ, заложилъ одинъ корабль собственноручно, да заказалъ въ Голландіи фрегатъ. Въ праздники Петра видали поющимъ на клиросѣ въ приходской церкви св. Иліи пророка, на Кегостровѣ. На возвратномъ пути въ Москву царь заѣхалъ на верфь къ Бужениновымъ, и заказалъ имъ первый большой корабль.

Воротясь изъ далекаго странствія, царь сталъ приготовляться къ новой поѣздкѣ, самъ дѣлалъ блоки въ своей токарной для корабля, строившагося въ Соломбалѣ, и надзиралъ за отливкою пушекъ. Въ матросы взялъ лучшихъ солдатъ изъ своихъ потѣшныхъ гвардейцевъ, выбралъ еще адмирала и контрадмирала, самъ довольствуясь должностью *шкипера*—такъ и велѣлъ писать къ себѣ, отнюдь не называя его величествомъ.

Въ это время неожиданно умерла мать у государя. Петръ погрузился въ тяжелую скорбь, но пересилилъ себя, какъ истинный сынъ православной церкви, сознавая, что «крестъ этотъ выше ума и живота нашего» Размыкать горе свое царь уѣхалъ 1 мая вторично въ Архангельскъ, въ Вологдѣ осмотрѣлъ готовые карбасы, снасти и вооруженія ихъ, на 18 день прибылъ на мѣсто, гдѣ спустилъ первый построенной на Бѣломъ морѣ корабль, самъ подрубивъ подпоры. Едва спасшись отъ бури во время поѣздки къ Соловецкому монастырю, царь оснастилъ и вооружилъ корабль, назвавъ его «св. Павелъ», и дождавшись купленнаго въ Голландіи 54-пушечнаго фрегата, вышелъ на двухъ корабляхъ и яхтѣ въ открытое море, провожая нѣмецкіе корабли.

По возвращеніи въ Москву, маневры извѣстные подъ именемъ Кожуховскаго похода, открыли предпріимчивому государю, что онъ имѣетъ возможность вести подлинную войну съ своими исправно-обученными потѣшными. Такъ какъ начатая Софьею война съ турками еще длилась, то на весну сказанъ былъ походъ въ Крымъ; но это сдѣлано для отвода подозрѣній отъ истин-

ной цѣли нападенія. Въ низовьяхъ Дона стояла сильная крѣпость Азовъ, принадлежавшая туркамъ. Отнявъ ее у нихъ, Петръ думалъ открыть доступъ русскимъ кораблямъ въ Азовское море, а оттуда въ Черное. Турки однако узнали во-время и успѣли усилить гарнизонъ и укрѣпленія.

Въ февралѣ 1695 г. полки новаго устройства со стрѣльцами, въ числѣ 31,000 ч., выступили, въ походъ подъ командой трехъ дивизіонныхъ генераловъ: Автонома Михайловича Головина, Франца Яковлевича Лефорта (завѣдовавшаго пирами Петра въ нѣмецкой слободѣ) и Петра Ивановича Гордона испытаннаго боеваго вождя, которые рѣшали дѣла вмѣстѣ но съ соизволенія «бомбардира Преображенскаго полка». 27 іюля началось бомбардированіе Азова, въ которомъ Петръ принималъ живѣйшее личное участіе, въ траншеяхъ, гдѣ (по словамъ его письма) «наклонясь ходятъ, потому что подошли къ пчельнику близко и пчелъ раздразнили, которыя за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ помаленьку сыплется.» Тѣмъ не менѣе отбитые приступы, неудачные взрывы минъ и великость потерь заставили государя на этотъ разъ отказаться отъ взятія Азова и воротиться въ Москву (29 ноября).

Огорченный неудачею, Петръ однако не палъ духомъ, понявъ, что для взятія Азова нужны были инженеры (о присылкѣ которыхъ онъ и послалъ грамоту къ императору въ Вѣну да курфирсту бранденбургскому) и суда чтобы обложить турокъ съ моря. Въ декабрѣ вновь собрано 75,000 человѣкъ стрѣлецкихъ и казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ генералиссимуса боярина А. С. Шеина да 42,000 — съ морскими солдатами — въ войскахъ новаго строя. Среди этихъ приготовленій, 29 января 1696, почти скоропостижно скончался старшій изъ царей братьевъ Иванъ Алексѣевичъ. Смерть брата, искренно любившаго Петра, сильно огорчила государя; но въ концѣ февраля Петръ уже былъ въ Воронежѣ на заложенной тамъ верфи. Теперь единодержавный и по имени, царь строилъ собственноручно самую большую галеру «Принципіумъ», такъ какъ архангельскіе корабельщики сильно запоздали. Со второй половины марта стали подходить и сухопутныя войска, сначала Гордонъ, потомъ Лефортъ. Утромъ 27 мая 22 галеры Петровой флотиліи, въ которой онъ былъ уже не шкиперомъ, а *каптейномъ*, вышли въ Азовское море, а 30 мая еще 7 галеръ привелъ вицеадмиралъ Лима. Съ такими силами Петръ увидѣлъ возможность совсѣмъ *запереть Донъ* для турокъ. Близь устья на обоихъ берегахъ государь самъ воздвигъ земляныя укрѣпленія, посадивъ тамъ солдатъ и стрѣльцовъ съ пушками. Сухопутныя войска заняли мѣсто прошлогодней стоянки: на мѣстѣ лагеря Лефорта стояли 14,000 бѣлгородскаго отряда и казаковъ, на правомъ флангѣ Гордонъ, а въ центрѣ Шеинъ. Боевое положеніе нашихъ галеръ навело такой страхъ на турецкій флотъ Турночи паши, что тотъ ушелъ въ море. Между тѣмъ шла осада и бомбардированіе. Съ пріѣздомъ австрійскихъ инженеровъ, 11 Іюля, искусное направленіе выстрѣловъ разрушило палисады турецкіе, и солдаты заняли ночью угловой бастіонъ. Затѣмъ донцы на штурмѣ 17 іюля овладѣли валомъ и ворва-

Петергофъ.
Рисовалъ де Баръ, гравировалъ С. Саржаннъ.

лись въ улицы Азова. Городъ сдался 18 числа и на другой день Гассанъ-бей вручилъ генералиссимусу ключи. Гарнизонъ былъ отпущенъ. «Тако господь Богъ двухлѣтніе труды и крови наши милостію своей наградилъ!» писалъ ликующій Петръ ближнимъ людямъ.

Въ Москвѣ взятіе Азова произвело неописанную радость. Патріархъ, прочитавъ грамоту царя Нарышкину прослезился, велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ и въ присутствіи царицъ и царевича принесъ благодареніе Всевышнему. Въ Азовѣ между тѣмъ кипѣла такая дѣятельность, что въ 3 недѣли на мѣстѣ города поднялась страшная пятибастіонная крѣпость, способная отразить цѣлую армію непріятелей.

30 сентября Петръ съ торжествомъ вступилъ въ Москву, среди войска, въ простомъ мундирѣ морскаго капитана, пѣшкомъ совершивъ весь путь отъ Серпуховскихъ до Преображенскаго, въ свитѣ своего адмирала. Голландію и Венецію. Свита посольская состояла изъ дворянъ и волонтеровъ; въ числѣ послѣднихъ, подъ скромнымъ именемъ «преображенскаго урядника *Петра Михайлова*», находился и самъ государь, думая подъ своимъ инкогнито избѣжать церемоній и любопытства толпы, чтобы лучше ознакомиться съ дѣломъ и поработать на верфяхъ подъ руководствомъ *настоящихъ* мастеровъ. Управленіе государствомъ на время отсутствія царя поручено коллегіи трехъ равноправныхъ вельможъ: Льва Кирилловича Нарышкина, князя Бориса Алексѣевича Голицина и князя Прозоровскаго; Москву же собственно приказалъ государь вѣдать князю-кесарю Ромодановскому.

Заговоръ Циклера, Пушкина и Соковнина, умышлявшихъ на жизнь государя, задержалъ отъѣздъ Петра, который лично арестовалъ Циклера, явясь къ нему въ домъ съ прощальнаго ужина даннаго Лефортомъ. Казнивъ заговорщиковъ и сославъ въ Тотьму отца царицы Евдокіи, Ѳедора Абрамовича Лопухина, котораго повидимому подозрѣвалъ въ подстрекательствахъ жены противъ себя, — царь, 10 марта 1697 года, оставилъ Москву и вмѣстѣ съ посольствомъ, черезъ Тверь, Торжекъ, Вышній Волочекъ, Новгородъ и Псковъ, прибылъ къ шведской границѣ.

Крѣпость Орѣшекъ (Шлюссельбургъ).

Рисовалъ Александръ де Баръ, гравировалъ Генри Линтонъ.

Чтобы утвердиться на берегахъ Азовскаго моря, царь въ Думѣ своей опредѣлилъ приступить къ сооруженію большаго флота «*кумпанствами*» землевладѣльцевъ духовныхъ и свѣтскихъ, по одному кораблю съ 8000—10000 крестьянскихъ дворовъ, почему вотчинники должны были явиться въ Москву для соглашенія кому съ кѣмъ складываться. Верфи были устроены подъ Воронежомъ, а Таганрогъ выбранъ гаванью. Учиться корабельному дѣлу отправлены 50 стольниковъ и спальниковъ въ Венецію, Англію и Голландію; вслѣдъ за ними задумалъ выѣхать «поучиться» за границу и самъ государь, котораго воображеніе было издавна распалено разсказами о чудесахъ цивилизаціи на Западѣ. Съ этою цѣлью снаряжено было торжественное посольство съ генералами Лефортомъ и Головинымъ да думнымъ дьякомъ Возницынымъ во главѣ, ко дворамъ: цесарскому, англійскому, датскому, римскому, бранденбургскому, въ

Не смотря на обѣщанія дружескаго пріема, послы принуждены были ѣхать до Риги на своихъ псковскихъ подставахъ. Еще менѣе остался доволенъ государь рижскимъ губернаторомъ графомъ Дальбергомъ, который не дозволилъ ему *даже въ зрительную трубу осмотрѣть укрѣпленій города*. «Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ», писалъ Петръ въ Москву, оставляя Ригу съ чувствомъ затаеннаго оскорбленія. Иной пріемъ встрѣтилъ Петръ у герцога Курляндскаго, и потомъ курфюрста Бранденбург-

скаго, который угощалъ его по царски и удовлетворялъ всѣмъ его желаніямъ; здѣсь въ Пилау и Кенигсбергѣ государь бралъ уроки въ *искусствѣ метанія бомбъ, каркасовъ и гранатъ* у прусскаго полковника Штернфельда, приславшаго потомъ въ Москву и аттестатъ своему даровитому ученику въ томъ, что онъ «благоупомянутый господинъ Петръ Михайловъ вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». «Царь знаетъ въ совершенствѣ четырнадцать ремеслъ», замѣчаетъ въ своихъ запискахъ курфирстина бранденбургская Софія-Шарлотта, которую Петръ, познакомившись съ ней въ Коппенбургѣ, поразилъ высокимъ ростомъ, стройностью и мужественной красотой, блестящими способностями и вмѣстѣ неумѣньемъ сдерживать себя, грубыми привычками и недостаткомъ воспитанія. Подаривъ на прощанье курфюрсту дорогой рубинъ и заключивъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ, Петръ отправился съ посольствомъ въ Люннъ на р. Липпе, а здѣсь отдѣлясь отъ пословъ, съ 18-ю человѣками поѣхалъ водою въ Голландію и 7-го августа прибылъ въ Амстердамъ.

Въ столицѣ генеральныхъ штатовъ, на двухъ обширныхъ верфяхъ — Адмиралтейской и Остъ-Индской— строились въ то время корабли большихъ размѣровъ. Но саардамскіе плотники, работавшіе въ Россіи, наговорили такъ много хорошаго объ своей родинѣ, что Петръ прямо проѣхалъ въ Саардамъ, гдѣ прожилъ съ недѣлю. Поселившись въ бѣдномъ домикѣ у знакомаго ему по Москвѣ кузнеца Геррита Киста, царь купилъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничные инструменты и записался въ число работниковъ на верфи Линста Рогге подъ именемъ Петра Михайлова. Работалъ онъ въ костюмѣ голландскаго плотника: красномъ фризовомъ бострогѣ, въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ и въ низенькой лакированной шляпѣ. Но разнесшаяся молва, что молодой плотникъ самъ русскій царь, и назойливое любопытство толпы мѣшали ему до того, что онъ прятался въ герберги, запирался дома—и наконецъ 15 августа, разгнѣванный, не смотря на бурю, сѣлъ въ свой буеръ, распустилъ парусъ и черезъ три часа прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ на другой день ожидали русское посольство.

Здѣсь вмѣстѣ съ послами Петръ осматривалъ диво столицы, ратушу, смотрѣлъ балетъ «очарованія Армиды», обѣдалъ съ бургомистрами, и наконецъ присутствовалъ на морскихъ маневрахъ въ заливѣ Эй, устроенныхъ для него адмираломъ Схеемъ, причемъ пальба съ кораблей и баттарей береговыхъ закрыла дымомъ всю окрестность. Среди этихъ истинно-царскихъ торжествъ, государь вступилъ на верфъ Остъ-индской компаніи, гдѣ подъ руководствомъ мастера Геррита Класа Поля заложилъ фрегатъ во 100 футовъ длины и 18 ноября спустилъ его на воду, назвавъ «Петръ и Павелъ». На другой день по закладкѣ царь написалъ патріарху: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся; что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути». Работая день на верфи, по вечерамъ государь занимался корреспонденціею по московскимъ дѣламъ, зорко наблюдая за ходомъ иностранной политики. Класъ Поль далъ ему аттестатъ въ томъ, что «Петръ Михайловъ поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ и помогалъ въ строеніи фрегата «Петръ и Павелъ» отъ форштевня до штирборда. Кротого подъ моимъ надзоромъ корабельную архитектуру и черченіе плановъ его благородіе изучилъ такъ, что можетъ, *сколько мы сами разумѣемъ*, въ томъ и другомъ упражняться».

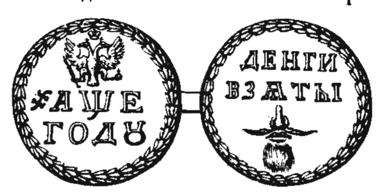
Но ученикъ *разумѣлъ* очевидно болѣе учителя, понявъ, что въ Голландіи кромѣ практическихъ пріемовъ ничему научиться нельзя; надежда изучить кораблестроеніе теоретически манила Петра въ Англію. Поэтому, воспользовавшись приглашеніемъ короля англійскаго Вильгельма III, который въ качествѣ штатгальтера Голландіи видѣлъ Петра въ Гагѣ и подарилъ ему яхту, государь 10 января 1698 г., вмѣстѣ съ Брюсомъ и Меньшиковымъ (взятымъ въ потѣшные изъ пирожниковъ) и половиною своихъ волонтеровъ, на присланныхъ за нимъ королевскихъ яхтахъ вошелъ въ Темзу, а на слѣдующій день прибылъ въ Лондонъ. Здѣсь, принявшись за изученіе кораблестроенія *какъ науки*, Петръ незамѣтно провелъ $2^1/_2$ мѣсяца. Въ Вуличѣ Петръ учился морской артиллеріи, а посѣщая Тоуеръ, приглядывался на монетномъ дворѣ къ искусству чеканить монету, которое въ Англіи доведено было до высокаго совершенства, а въ Москвѣ не выходило изъ младенчества. Жадный до всякаго знанія, Петръ посѣщалъ и парламентъ, и оксфордскій университетъ, и собранія квакеровъ. Изъ Англіи взялъ царь мастеровъ: корабельныхъ, огнестрѣльныхъ, рѣзнаго, станочной, оковки, инженеровъ и бомбардировъ. Въ Депфордѣ царь принялъ въ службу норвежца Корнелія Крюйса вице-адмираломъ и заключилъ условіе съ лордомъ Крамартеномъ объ отдачѣ ему на откупъ торговли табакомъ въ Россіи. 28 апрѣля царь воротился въ Амстердамъ, вынося изъ Англіи чувство полнаго удовлетворенія, и впослѣдствіи не разъ говаривалъ: «навсегда остался бы я только плотникомъ, еслибъ не поучился у англичанъ.

Изъ Голландіи Петръ отправился въ Вѣну, ко двору императора Леопольда, и оттуда хотѣлъ ѣхать въ Венецію, какъ вдругъ пришло донесеніе Ромодановскаго о стрѣлецкомъ бунтѣ—и царь поспѣшилъ въ Москву.

Во время отсутствія царя — старая партія съ царевной Софіей еще разъ попыталась поднять голову и помѣряться съ царемъ-великаномъ, грозившимъ всему царству новыми неслыханными порядками. Недовольство пуще всего росло въ средѣ стрѣльцовъ, которыхъ стали посылать въ дальніе походы. Четыре стрѣлецкихъ полка, передвинутые изъ Азова и къ Литовскимъ границамъ, до тѣхъ поръ привычные къ разгульной жизни на Москвѣ, сильно роптали на бояръ и звали Софью на царство. Человѣкъ двѣсти ихъ убѣжало въ Москву; выгнанные оттуда солдатами, стрѣльцы вернулись въ полки съ письмомъ царевны. «Теперь вамъ худо, а послѣ будетъ еще хуже, писала Софія, — ступайте къ Москвѣ! Что вы стали: про государя ничего не слышно». Поднялось волненіе въ полкахъ, стали толковать, что государя за моремъ не стало, а сына его царевича Алексѣя хотятъ задушить бояре, надо идти къ Москвѣ, перебить бояръ, нѣмцовъ и разорить нѣмецкую слободу. Весною стрѣльцы открыто взбунтовались, захватили оружіе и пошли къ Москвѣ. Навстрѣчу имъ двинулись бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ. Сошлись подъ воскресенскимъ монастыремъ (Новый Іерусалимъ). Послѣ четырехъ залповъ, нестройныя толпы стрѣльцовъ разсѣялись, но почти всѣ мятежники были переловлены, начался розыскъ и пытки, 130 человѣкъ было повѣшено, остальные разсажены по тюрьмамъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ усмиреніи еще въ Краковѣ, Петръ 25 августа прибылъ въ Москву. Проводивъ пословъ въ дома ихъ, государь побывалъ въ нѣмецкой слободѣ, не удостоивъ свиданія жену свою, ожидавшую его съ большимъ нетерпѣніемъ. Кажется, связь царицы съ державнымъ супругомъ на вѣки разорвалъ заговоръ Циклера, гдѣ участвовали родные ея. Еще изъ Лондона писалъ царь повелѣніе боярамъ и духовнику царицы Евдокіи: *склонить ее къ добровольному постриженію.* Но Евдокія упрямилась. На седьмой день по возвращеніи въ Москву, самъ государь уговаривалъ жену въ домѣ Виніуса въ продолженіи 4-хъ часовъ; но и это не подѣйствовало. Черезъ три недѣли послѣ этого, любимая сестра Петра, царевна Наталія Алексѣевна взяла сына его царевича Алексѣя отъ Евдокіи къ себѣ въ Преображенское, а мать увезли въ простой каретѣ въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ въ іюнѣ слѣдующаго 1699 года она и была по указу Петра пострижена подъ именемъ Елены.

По удаленіи ея, предъ царемъ не было уже сильныхъ заступниковъ за старые обычаи—и ломка ихъ началась съ самаго пріѣзда Петра изъ-за границы. 26 августа, въ день имянинъ Натальи Алексѣевны, рано утромъ явились въ Преображенскій дворецъ *поклониться* государю вельможи и люди не очень знатные. Царь ласково привѣтствовалъ всѣхъ, многихъ обнималъ и собственноручно пообрѣзалъ бороды: у перваго у Шеина, потомъ у Ромодановскаго и еще нѣсколькихъ. Въ день новолѣтія 1 сентября *) на пиру у Шеина было множество гостей, царь по старому обычаю раздавалъ изъ своихъ рукъ яблоки, предлагалъ тосты при пушечной пальбѣ, а въ самый разгаръ веселья вошелъ шутъ съ ножницами и у многихъ обрѣзалъ бороды при общемъ смѣхѣ. Царь сдѣлалъ обязательнымъ бритье для всѣхъ и положилъ особый сборъ за ношеніе бороды, придумавъ и бородовые знаки для заплатившихъ за право не бриться.



Бородовой знакъ.

Этимъ наносился сильный ударъ старой партіи, знаменемъ которой была борода въ отличіе отъ иностранцевъ,—и вообще той мелкой народности, которая основываясь на внѣшнемъ отличіи, мѣшаетъ народу развивать внутреннія духовныя начала. Обривъ свою знать, царь велѣлъ ей перемѣнить и древнерусскій костюмъ на иностранный, чтобъ не чуждались нѣмцевъ за простоту одежды.

Съ 17 сентября начался стрѣлецкій розыскъ, допросы съ пытками, даже огнемъ. Петръ самъ въ селѣ Покровскомъ допрашивалъ царевну Марѳу Алексѣевну, а 27 сентября и Софью. Новыя показанія убѣдили его, что всѣ сестры кромѣ родной (Натальи) участвовали въ дѣлѣ; поэтому онъ оставилъ о нихъ дальнѣйшіе розыски. 30 сентября повѣсили 201 стрѣльца да 100 сослали. На мѣстѣ казни, куда прибылъ самъ Петръ, предсталъ предъ царя патріархъ Адріанъ съ иконою Богоматери въ рукахъ, умоляя о пощадѣ и милосердіи.

«Зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? гнѣвно сказалъ ему государь: «удались и поставь на мѣсто. Я чту Бога и пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но мой долгъ охранять народъ и наказывать злодѣяніе.

Затѣмъ открылись новыя нити заговора и наступила вторая эпоха казней въ теченіи 7 дней октября. Повѣшены 773 стрѣльца, изъ нихъ 195 человѣкъ передъ Новодѣвичьимъ монастыремъ противъ оконъ Софіи, которая теперь была пострижена подъ именемъ Сусанны. Марѳу Алексѣевну постригли въ Александровской слободѣ, въ Успенскомъ монастырѣ.

Розыски и казни еще продолжались. Трупы казненныхъ стрѣльцовъ оставались неубранными цѣлые пять мѣсяцовъ, къ ужасу народа. Красная площадь была покрыта обезглавленными, а стѣны Бѣлаго и Землянаго города унизаны повѣшенными. Такъ расправился грозный царь съ этими крамольными представителями отживавшей старины — и мало-по-малу совсѣмъ уничтожилъ стрѣлецкое войско, сначала въ іюнѣ 1699 *распустивъ* стрѣльцовъ «по городамъ въ посадъ, кто куда похочетъ» съ запрещеніемъ возвращаться въ столицу, а въ послѣдствіи (1702—1704 гг.) сформировавъ изъ нихъ новые полки.

III.

Начало Великой Сѣверной войны.—Основаніе Петербурга.—Полтавская битва.—Война Турецкая.—Ништадскій миръ.

Окончивъ стрѣлецкій розыскъ, Петръ поѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ нашелъ уже 20 кумпанейскихъ кораблей и *все въ зѣло изрядномъ состояніи.* «Только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, писалъ Петръ, «да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣти». Петру хотѣлось поскорѣе заключить миръ съ турками, чтобъ начать войну со шведами, о которой хлопоталъ лифляндскій патріотъ Паткуль, предложившій королю польскому Августу планъ единовременнаго вооруженія Польши, Россіи и Даніи противъ Швеціи. По этому плану Польша возвращала себѣ Лифляндію и Эстляндію, Россія — Ингерманландію и Карелію, а Данія овладѣвала Голштейнъ-Готторпомъ. Августъ вошелъ въ виды Паткуля и отправилъ въ Москву посла убѣждать Петра выгодами пріобрѣтенія балтійскихъ береговъ. Петръ съ радостью согласился, но объявилъ, что начнетъ войну съ Швеціею только по заключеніи мира съ турками. Датскій же король еще 6 іюля 1699 г. заключилъ договоръ съ царемъ въ Москвѣ. Приготовляясь къ борьбѣ со Швеціею, Петръ учредилъ тридцать полковъ новаго устройства, приказавъ собрать со всего государства *даточныхъ* въ *солдаты.* Учить ихъ пришлось генералу Вейде, такъ какъ Гордонъ и Лефортъ умерли въ этомъ году, не мало опечаливъ государя своею смертью. При *перемѣнѣ лѣтосчисленія*, справляя въ первый разъ торжество новаго года 1 января 1700 года, Петръ велѣлъ палить изъ ружей и пушекъ, а въ день Богоявленія вывелъ на парадъ на Москву рѣку 12,000 человѣкъ, обмундированныхъ по нѣмецки въ темнозеленые кафтаны и вооруженныхъ ружьями съ багинетомъ (штыками). Между тѣмъ польскій и датскій союзники начали военныя дѣйствія противъ шведскаго короля. Но Карлъ XII осадилъ Копенгагенъ и принудилъ датскаго короля подписать постыдный миръ въ Травендалѣ, а польскаго Августа—снять осаду Риги. Въ это время получено въ Москвѣ донесеніе Украинцева о заключеніи мира съ турками на 30 лѣтъ, по которому Азовъ со всѣми старыми и новыми городками остался за Россіею. Согласно обѣщанію дан-

*) Встарину годъ начинался съ 1-го сентября.

ному польскому послу, Петръ на другой же день по донесеніи Украинцева объявилъ войну шведамъ, и 22 августа 1700 года русскія войска выступили подъ Нарву, причемъ самъ государь шелъ съ преображенскимъ полкомъ въ качествѣ *капитана бомбардирской роты*. Но начало войны было также неудачно для Петра какъ и для союзниковъ. Пока русскія войска подъ начальствомъ опытнаго стратега, герцога де-ла-Кроа, осаждали Нарву, а самъ государь съ Головинымъ въ Новгородѣ торопилъ подходъ остальныхъ,—Карлъ XII всего съ 8,500 человѣкъ 19 ноября неожиданно напалъ на тридцати-пяти-тысячную рмію русскихъ новобранцевъ, неопытныхъ и неимѣвшихъ довѣрія къ иностраннымъ предводителямъ,—опрокинулъ неприготовленные толпы и захватилъ артиллерію. Только два полка гвардейскіе (семеновскій и преображенскій) сдерживали до ночи напоръ шведовъ. Русскіе потеряли до 6,000 человѣкъ, иностранные генералы отдались въ плѣнъ. Карлъ вступилъ въ освобожденную Нарву.

Великій Петръ выдержалъ и это страшное испытаніе. Приказавъ князю Репнину привести въ исправность полки ушедшіе изъ Нарвы въ безпорядкѣ, онъ поручилъ князю Б. Голицыну набирать новые полки тысячные изъ «вольницы»; а чтобы создать артиллерію, повелѣлъ царь «со всего государства собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры», наказавъ притомъ Виніусу: «и то зѣло надобно, ибо время яко смерть». Борисъ Петровичъ Шереметевъ назначенъ главнокомандующимъ еще 5 декабря и ему приказано «идти вдаль для лучшаго вреда непріятелю; но это не удалось. Оттѣснивъ русскихъ отъ Маріенбурга, Шлиппенбахъ въ январѣ 1701 года перешелъ нашу границу, и въ свою очередь былъ пораженъ у Печерскаго монастыря, заранѣе укрѣпленнаго государемъ и остался для защиты Ливоніи. Затѣмъ обѣ стороны не вступали въ дѣло цѣлый годъ.

Петръ какъ нельзя лучше воспользовался временемъ, пока шведъ «увязъ въ Польшѣ», по его выраженію. 1-го января 1702 г. Шереметевъ одержалъ первую побѣду надъ Шлиппенбахомъ у мызы Эрестферъ, положивъ 3,000 шведовъ на мѣстѣ и 350 взявъ въ плѣнъ, за что пожалованъ фельдмаршаломъ и орденомъ Андрея первозваннаго, который доставленъ ему поручикомъ Меньшиковымъ, начинавшимъ замѣнять Лефорта при государѣ. «Слава Богу, мы можемъ наконецъ бить шведовъ!» сказалъ государь и отпраздновалъ побѣду «не малою пушечною и изъ мелкаго ружья пальбою, да великимъ фейерверкомъ. А когда Шереметевъ нанесъ совершенное пораженіе Шлиппенбаху 18 іюля при мызѣ Гуммельсдорфъ,—Петръ писалъ изъ Архангельска Апраксину: «Борисъ Петровичъ въ Лифляндахъ гостилъ изрядно». Завлеченный въ Архангельскъ ложнымъ слухомъ о намѣреніи шведовъ идти въ Бѣлое море, откуда ихъ отбили въ прошломъ году,—Петръ лишь осенью открылъ кампанію на берегахъ Невы, гдѣ Апраксинъ еще въ августѣ разбилъ шведскаго генерала Кроніорта, отступившаго къ Выборгу.

«Зѣло время благополучно не надобно упустить», написалъ Петръ Шереметеву и соединясь съ нимъ у Ладоги, осадилъ шведскую крѣпость Нотебургъ (русскій Орѣшекъ), распоряжаясь въ качествѣ капитана отъ бомбардиръ, мортирами на лѣвомъ флангѣ. Разрушеніе отъ ядеръ и бомбъ было такъ велико, что крѣпость сдалась 11 октября. Отпустивъ гарнизонъ къ Выборгу, Петръ прибилъ къ одной башнѣ ключъ крѣпости и назвалъ ее Шлюссельбургъ (ключъ-городъ), такъ она истинно служила ключемъ къ Балтійскому морю. На время отлучки царя въ Москву для тріумфа, губернаторомъ ея былъ сдѣланъ Меньшиковъ.

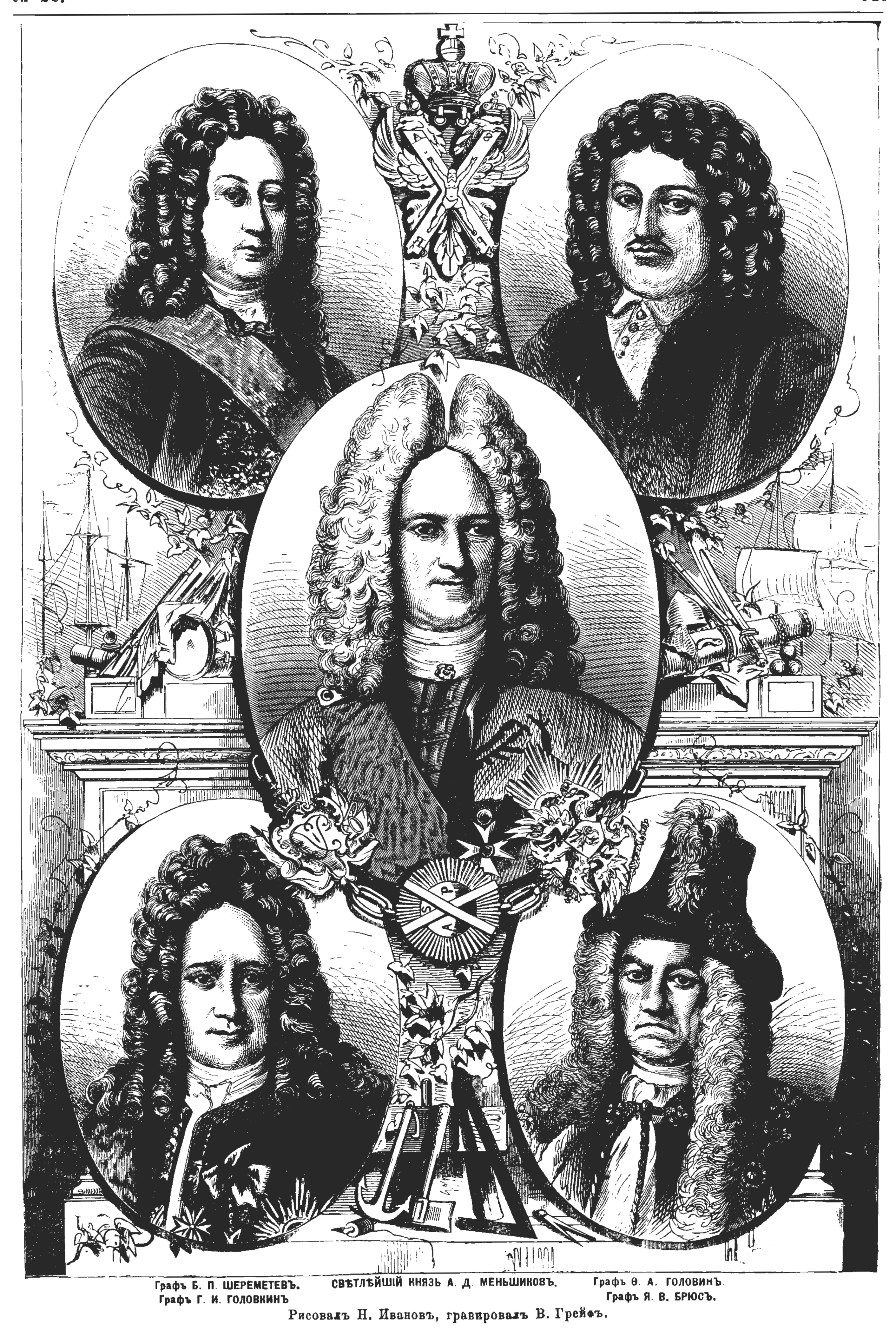
Въ апрѣлѣ слѣдующаго года, пользуясь рѣдкостью пальбы изъ осаждаемаго имъ Ніеншанца, царь лично съ семью ротами на 60 лодкахъ проплылъ мимо крѣпости и осмотрѣлъ Невскія устьи. 1 мая, послѣ суточной бомбардировки, взята эта крѣпость, съ которой пріобрѣталась «желаемая морская пристань». На разсвѣтѣ 7 мая государь и Меньшиковъ на 30 лодкахъ, одинъ со стороны Вольнаго острова а другой со стороны Гутуевскаго, взяли на абордожъ ботъ и шнау шведской эскадры, пришедшей на помощь Ніеншанцу. На этихъ судахъ было 18 пушекъ, но дѣйствовать удачно не могли онѣ за близостью разстоянія; гренадеры же, съ Петромъ во главѣ, мигомъ налетѣли на суда—и ручными гранатами да ружейнымъ огнемъ очистивъ палубу, взяли ихъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. «За сію никогда же прежде бывшую морскую побѣду» Петръ и Меньшиковъ получили ордемъ св. Андрея отъ Головина и Шереметева.

Пробившись къ завѣтному морю, Петръ въ Олонцѣ устроилъ верфь для новаго балтійскаго флота, а на одномъ изъ острововъ Невы, Люстъ-Эйландѣ, 16 мая заложилъ Петербургъ—будущую столицу Россіи. Петръ самъ распоряжался работами по устройству гавани и земляной крѣпостцы Петропавловской, живя въ маленькомъ домикѣ, который нынѣ сохраняется подъ навѣсомъ. Первыми обитателями Петербурга были жители Ніеншанца, да русскіе купцы изъ Калуги, Можайска и Вереи. Въ началѣ октября, управясь на новой верфи, государь провелъ первую, невскую флотилію черезъ бурное Ладожское озеро въ море, поднявъ свой флагъ на 27-пушечномъ фрегатѣ «Штандартъ». Здѣсь, выйдя на пустынные берега острова Котлина, Петръ собственноручно измѣрилъ глубину фарватеровъ вокругъ всего острова и оцѣнилъ всю важность его для обороны столицы. Уже въ ноябрѣ прибылъ къ устью Невы иностранный (голландскій) корабль съ грузомъ вина и соли. Петръ выѣхалъ навстрѣчу, самъ провелъ его въ гавань и щедро одарилъ хозяина.

Къ маю 1704 года на отмели Котлина сооруженъ замокъ, названный Петромъ Кронъ-Шлотъ—замокъ вѣнецъ—въ знакъ того что дѣло обладанія Невой увѣнчалось окончательно. Впослѣдствіи здѣсь возникли укрѣпленія Кронштадта.

Въ томъ же 1704 году Петръ 13 іюля лично съ Шереметьевымъ взялъ Дерптъ, а 9 августа съ Огильви—Нарву, штурмъ который описывалъ Ромодановскому такъ: «Гдѣ передъ четырьмя лѣты всемилостивый Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ: ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣстницы, шпагою, въ три четверти часа получили.»

Въ октябрѣ того же года, проводя новую флотилію съ Лодейнопольской верфи чрезъ бурное Ладожское озеро, Петръ убѣдился въ необходимости пріискать другую верфь и по розыскѣ золожилъ Адмиралтейскій домъ на Невскомъ островѣ на мѣстѣ нынѣ-упраздненнаго главнаго Адмиралтейства. Къ этому же году слѣдуетъ отнести начало знакомства Петра съ дочерью умершаго курляндскаго крестьянина Самуила Скавронскаго, въ замужествѣ за шведскимъ капраломъ—Мартою Рабе, а въ православіи—Екатериною Алексѣевною, которая восемь лѣтъ



Графъ Б. П. ШЕРЕМЕТЕВЪ. СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ А. Д. МЕНЬШИКОВЪ. Графъ Ѳ. А. ГОЛОВИНЪ.
Графъ Г. И. ГОЛОВКИНЪ Графъ Я. В. БРЮСЪ.

Рисовалъ Н. Ивановъ, гравировалъ В. Грейфъ.

спустя повѣнчана съ государемъ, а черезъ двадцать лѣтъ коронована имъ въ Москвѣ въ 1724 году.

Желая поддержать союзника, Петръ весною 1705 года двинулъ войско на помощь польскому королю. Русскія войска овладѣли Курляндіей и Вильною, Карлъ же заставилъ сеймъ свергнуть Августа и выбрать въ короли Станислава Лещинскаго. Но Августъ еще держался къ Польшѣ съ своей партіей, а Петръ одновременно съ трудной шведской войною долженъ былъ выдерживать постоянную борьбу съ народнымъ неудовольствіемъ за свои нововведенія и крутыя мѣры. Въ Астрахани сынъ одного изъ казненныхъ стрѣльцовъ поднялъ народъ слухами о намѣреніи царя перемѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ; астраханскихъ мятежниковъ впрочемъ легко усмирилъ отряженный туда Шереметевъ. А между тѣмъ Карлъ быстро двинулся изъ Варшавы къ Гродно и отрѣзалъ русскую армію отъ мѣстъ продовольствія.

Благодаря плану Петра, русская армія почти безъ потерь отступила отъ Гродно до Кіева. За то Августу было нанесено конечное пораженіе въ наслѣдственной его Саксоніи. Карлъ принудилъ его въ сентябрѣ 1706 г., заключивъ миръ въ Альтранштадтѣ, отказаться отъ престола въ пользу Станислава, отказаться отъ союза съ Россіей и выдать Паткуля, который былъ колесованъ какъ измѣнникъ. Теперь у Карла остался одинъ врагъ — русскій царь, который готовясь къ оборонѣ, также употреблялъ всѣ средства для заключенія мира, соглашался даже ограничиться одною гаванью на Балтійскомъ морѣ; но Карлъ не уступалъ ничего и хотѣлъ заключить миръ въ Москвѣ, въ исходѣ 1707 перешелъ Вислу, въ январѣ 1708 взялъ Гродно и устремился за русскими войсками. Въ то время какъ Россія должна была напречь всѣ силы, вспыхнулъ на Дону Булавинскій бунтъ, едва усмиренный къ ноябрю.

Между тѣмъ, надѣясь на бунтъ Булавина и условленную измѣну гетмана, лѣтомъ 1708 года, Карлъ съ главнымъ войскомъ двинулся въ Украйну; на помощь ему изъ Лифляндіи шелъ Левенгауптъ съ обозомъ военныхъ запасовъ. Петръ, задумавъ не допустить ихъ до соединенія, лично напалъ на Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной съ 14,000 противъ 16,000 шведовъ, которые потеряли при этомъ 8,000 убитыми и весь обозъ. «Сія у насъ побѣда можетъ первою назваться, занесъ Петръ въ журналѣ, — понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало». Вслѣдъ за тѣмъ государь получилъ вѣсть объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана. Боясь за свое гетманство и раздѣляя вѣру въ непобѣдимость Карла II, Мазепа завелъ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ, но искусно скрылъ планы и показывалъ себя вѣрнымъ слугой Петра; когда же Карлъ вступилъ въ Украйну, гетманъ присталъ къ нему съ отрядомъ казаковъ, такъ какъ поднять всю Малороссію не удалось. Обманутый надеждой на казаковъ, Карлъ имѣлъ не болѣе 30,000 войска, утомленныхъ битвами и лишеніями; русскія же области, занятыя имъ, заранѣе были опустошены царскими генералами, причемъ разорена и столица гетмана Батуринъ, а Мазепа преданъ церковному проклятію. Шведы расположились между Псёломъ и Ворсклою и осадили Полтаву. На выручку явился самъ Петръ, и здѣсь 27-го іюня 1709 года произошла знаменитая битва, давшая начало народной поговоркѣ: погибъ какъ шведъ подъ Полтавой. Отчаянный бой длился съ разсвѣта до полудня, когда, по словамъ Петра, «непобѣдимые господа шведы хребетъ свой показали». Карлъ былъ разбитъ на голову, едва успѣлъ съ Мазепой и нѣсколькими сотнями солдатъ переправиться за Днѣпръ и бѣжалъ въ Турцію. Петръ, являвшійся всюду гдѣ грозила опасность—и до того не щадившій себя, что у него прострѣлены были шляпа и сѣдло, сѣлъ за обѣдъ въ обозѣ въ палаткахъ, пригласивъ къ столу плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. 30 іюня Меньшикову сдался па капитуляцію Левенгауптъ съ остатками шведской арміи.

Полтавская побѣда положила конецъ былому могуществу Швеціи и подняла Россію во мнѣніи европейскихъ державъ. Датскій король и Августъ снова занявшій польскій престолъ—возобновили союзъ съ Россіею. На берегахъ Балтійскаго моря одинъ за другимъ сдавались Петру Рига, Ревель, Выборгъ и другіе города.

На молебствіи, по случаю взятія Риги, въ Петербургѣ присутствовала вся царская фамилія, уже переселившаяся въ невскую столицу, которую Петръ называлъ своимъ *парадизомъ* и de facto сдѣлалъ резиденціею. Около этого времени построилъ Петръ и загородный домикъ «Петергофъ», гдѣ нынѣ находится великолѣпный дворецъ Петергофскій (см. стр. 344).

Хотя въ 1711 году турецкій походъ не удался государю, который былъ окруженъ на берегахъ Прута двухсоттысячною арміею великаго Визиря и долженъ былъ заключить миръ съ уступкою Азова, потерявъ Черное море; зато Петръ окончательно утвердился на Балтійскомъ, гдѣ русскій флотъ одерживалъ верхъ надъ шведскимъ. Борьба съ Карломъ, извѣстная подъ именемъ *Великой Сѣверной войны*, длилось до самой смерти короля (1718 г.) и еще три года спустя. Въ 1714 г. Петръ лично разбилъ шведскій флотъ при Гангеудѣ, а высадки русскихъ войскъ на берега Швеціи подъ начальствомъ Апраксина заставили наконецъ шведовъ заключить миръ въ Ништадтѣ 30 августа 1721 года. Швеція уступила Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кареліи и часть Финляндіи. Петръ великолѣпными пирами и маскерадами праздновалъ это торжество русскаго оружія. Въ это время ему поднесенъ былъ сенатомъ и духовенствомъ и принятъ имъ титулъ *Всероссійскаго императора, Великаго и отца отечества..*

IV.

Внутренняя дѣятельность Петра. — Характеръ Петровой реформы.—Дѣла семейныя.—Персидскій походъ и кончина Петра Великаго.

Петръ Великій дѣйствительно является отцемъ отечества. Предавшись самовоспитанію на новыхъ, неслыханныхъ на Руси началахъ, Петръ въ лицѣ своемъ, такъ сказать началъ реформу съ самого *царя*, съ верхней ступени государственной лѣстницы; затѣмъ нанесъ рѣшительный ударъ преданіямъ мѣстничества и боярской знати, открывъ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ людямъ темнаго происхожденія и бѣднымъ иностраннымъ выходцамъ—единственно по заслугамъ. Сравнявъ помѣщичье или служилое сословіе подъ общимъ названіемъ *дворянства*, государь своею «табелью о рангахъ» раздѣлилъ его по нѣмецки на *14 классовъ*, которымъ соотвѣтствовали *чины военные или гражданскіе*, повышаемые за заслуги, а для особенно отличавшихся учреждены *ордена* (св. Андрея первозваннаго и св. Екатерины). Потомственное дворянство пріобрѣталъ человѣкъ всякаго сословія съ 1-мъ офицерскимъ чиномъ.

Въ 1711 году, вмѣсто боярской думы, учрежденъ *Сенатъ*, какъ высшее правительственное и судебное мѣсто въ государствѣ, гдѣ дѣла рѣшались единогласнымъ приговоромъ всѣхъ членовъ при утвержденіи приговора генералъ-прокуроромъ.

Московскіе приказы, по совѣту философа Лейбница, преобразованы были въ слѣдующія *коллегіи:* иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская, вотчинная, юстицъ, мануфактуръ, бергъ, коммерцъ и статсъ - коллегіи, въ которыхъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ.

Касательно духовенства, Петръ обращалъ дѣятельное вниманіе на церковныя дѣла, вполнѣ подчинилъ ихъ верховной царской власти, устранивъ духовныхъ отъ вмѣшательства въ дѣла правленія *отмѣною патріаршества*, которое наиболѣе приходило въ столкновеніе съ царской властью. Въ 1700 году, когда умеръ патріархъ Адріанъ, приверженецъ стороны и противникъ нововведеній, Петръ не назначилъ ему преемника, а дѣла патріаршія поручилъ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Впослѣдствіи же для управленія церковными дѣлами учреждена была коллегія духовныхъ лицъ подъ именемъ *святѣйшаго Синода* (1721 г.), первымъ президентомъ который былъ тотъ же Стефанъ Яворской; а псковскій архіепископъ, краснорѣчивый Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ «духовный регламентъ» или уставъ для Синода, которымъ предписывалось епископамъ имѣть школы для приготовленія священниковъ.

Неутомимо радѣя о просвѣщеніи своего народа, Петръ не только отъ духовенства, но и отъ дворянства требовалъ необходимаго общаго образованія. Кромѣ *элементарныхъ школъ* по провинціямъ, куда посылались учителями воспитанники *математическихъ школъ московскихъ*, учреждены *Морская Академія*, *Инженерная школа* и *школа для подъячихъ*. Для изученія морской службы царь отправлялъ многихъ молодыхъ людей за границу.

Не оставилъ государь безъ вниманія и самые нравы, обычаи и семейный бытъ своего народа. Вооружась противъ затворничества женщинъ, онъ завелъ въ Невской столицѣ *ассамблеи*, на которыхъ зажиточные люди должны были зимой въ назначенные дни принимать гостей обоего пола, званыхъ и незваныхъ. Чтобъ женихъ и невѣста имѣли время познакомиться другъ съ другомъ, Петръ опредѣлилъ между обрученіемъ и сватьбою шестинедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго бракъ могъ разстроиться.

Вмѣсто прежняго запутаннаго областнаго управленія, Петръ ввелъ европейскую централизацію. Россія была раздѣлена Петромъ на *12 губерній*, во главѣ которыхъ стояли губернаторы или генералъ-губернаторы; губерніи въ свою очередь дѣлились на *провинціи* подъ управленіемъ *воеводъ*; а подчиненные имъ мѣстные начальники носили названіе ландрихтеровъ, коммендантовъ, ландратовъ, коммисаровъ и проч. Въ городахъ и уѣздахъ положено начало *полицейскому* управленію для общественнаго порядка и безопасности отъ воровъ и разбоевъ. Хотя воеводы и приказные люди продолжали, особенно въ отдаленныхъ городахъ, «чинить обиды, налоги и грабежи»; но злоупотребленія уже не оставались безнаказанными: такъ, сибирскаго губернатора князя Гагарина Петръ повѣсилъ въ самомъ Петербургѣ. Сдѣлана была даже попытка освободить торговыхъ и промышленныхъ людей отъ вѣдомства воеводъ—учрежденіемъ *бурмистровъ* по городамъ и *бурмистерской палаты* въ Москвѣ, а потомъ учреждены *магистраты*; но эти земскія учрежденія не успѣли еще получить самостоятельности и обязаны были наблюдать собственно за исполненіемъ казенныхъ повинностей.

Посадскихъ людей раздѣлилъ Петръ на три разряда: первые два подъ названіемъ *гильдій* состояли изъ купцовъ и разныхъ мастеровъ, а къ третьему отнесены чернорабочіе и наемники. Въ сельскомъ населеніи образовались еще *половники*, немногіе крестьяне удержавшіе право перехода, и *однодворцы*—обѣднѣвшіе служилые люди, которые наровнѣ съ крестьянами платили подать, но сохраняли право владѣть крѣпостными людьми. Эти послѣдніе были окончательно закрѣплены и для поимки бѣглыхъ стояло войско на границѣ; но къ улучшенію ихъ быта сдѣлана попытка въ указѣ Петра 1721 года: «продажу людей пресѣчь; а если нельзя ужь совсѣмъ, то продавать семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается.

Такъ какъ прежняя подать съ дворовъ подавала поводъ къ злоупотребленіямъ, то введенъ былъ *подушный окладъ*, что повело за собою первую *ревизію* податнаго сословія (1719). Всѣ записанные въ подушный окладъ обязаны были выставлять по одному *рекруту* съ извѣстнаго числа ревизскихъ душъ; только торговые люди могли откупаться деньгами отъ рекрутской повинности по 100 рублей.

Дворянство доставляло для арміи офицеровъ, молодые же дворяне начинали службу рядовыми въ гвардіи. Военные люди одѣвались въ нѣмецкій мундиръ.

Новосозданный флотъ заведенъ былъ по образцу голландскому и считалъ въ себѣ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ.

Посреди важныхъ государственныхъ заботъ и безпрерывныхъ предпріятій, Петръ находилъ время обращать вниманіе на мельчайшія подробности народнаго хозяйства.

«Наше Россійское государство, говорилъ Петръ, предъ многими иными землями преизобилуетъ потребными металлами и минералами благословенно, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы.» Для побужденія нерадивыхъ землевладѣльцевъ, онъ далъ право всякому искать и разработывать руду на ихъ земляхъ съ уплатою извѣстнаго процента, «дабы благословеніе Божіе втунѣ подъ землей не оставалось». Для улучшенія землепашества Петръ хотѣлъ переселить въ Россію иностранныхъ поселянъ, а въ 1712 году издалъ указъ о жатвѣ серпами вмѣсто косъ. При Петрѣ заведенъ лучшій въ Россіи холмогорскій скотъ, началось разведеніе табаку, винодѣліе и шелководство, и конскіе заводы. Мануфактурная промышленность, до него едва существовавшая, была создана его дѣятельностью: основано болѣе 200 фабрикъ и заводовъ казенныхъ и частныхъ. Для развитія ремеслъ выписывались мастера изъ-за границы и посылались учиться туда русскіе. Для облегченія торговаго движенія внутри государства проведено нѣсколько сухопутныхъ дорогъ, устроены Вышневолоцкій и Ладожскій обводный каналы; внѣшнюю же торговлю навсегда упрочило пріобрѣтеніе балтійскихъ береговъ.

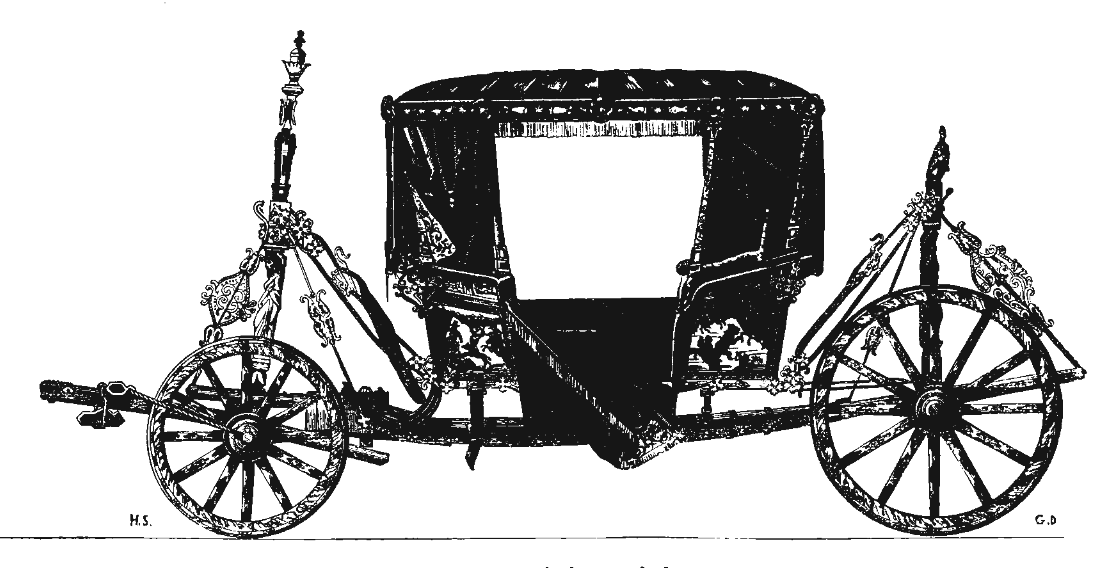
Такія реформы требовали громадныхъ издержекъ. Для умноженія доходовъ, кромѣ податей, введена была *гербовая бумага*; въ случаѣ крайнихъ нуждъ государственныхъ у служащихъ удерживалась десятая часть ихъ содержанія. Въ 1710 году доходы простирались уже до 3,000,000 рублей, а въ 1725 до 10,000,000 слишкомъ.

Преобразованія Петра сопровождались настойчивостью, крутыми и не рѣдко жестокими мѣрами, что обусловливалось грубостью современныхъ нравовъ и упорнымъ противодѣйствіемъ приверженцевъ старины. Лишеніе жизни, имущества, ссылка на каторгу, нещадные батоги, и проч. были удѣломъ ослушниковъ.

Петръ отличался особенною ловкостью въ выборѣ себѣ пособниковъ. Главнѣйшими сотрудниками Петра въ дѣлѣ преобразованія государства, *птенцами гнѣзда Петрова*, были члены его *компаніи*. Первое мѣсто между ними принадлежитъ князю Александру Даниловичу Меньшикову, который возвысился сначала благодаря покровительству Лефорта, а за тѣмъ необыкновенными способностями и исполнительностью, такъ что Петръ въ отсутствіе свое полагался на *Данилыча*, какъ на самого себя. Умный и образованный фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и графъ Брюсъ, прослывшій въ народныхъ преданіяхъ чернокнижникомъ, наиболѣе выдавались неподкупною честностью характера изъ среды современныхъ дѣятелей. Генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ занимался иностранными сношеніями, а послѣ него ими завѣдовалъ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, въ званіи великаго канцлера. Князья Голицыны, сенаторъ князь Яковъ Долгорукій, вицеканцлеръ баронъ Шафировъ, даровитый генералъ-прокуроръ Ягужинскій, графъ П. А. Толстой Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, иностранцы: Остерманъ, Минихъ строитель Ладожскаго канала, и Дивіеръ—достойно дополняли эту плеяду Петрову.

Гораздо менѣе счастливъ былъ государь въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Первая жена его Евдокія, приверженная къ старымъ обычаямъ, не могла быть подругой величайшаго изъ преобразователей. Сынъ его отъ этого брака, Алексѣй Петровичъ, выросшій на рукахъ матери и въ средѣ людей глядѣвшихъ съ ненавистью на Петровскія нововведенія, еще болѣе сочувствовалъ старинѣ. Петръ сильно огорчался, прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ, грозилъ лишить наслѣдства, но это лишь ожесточило царевича. Овдовѣвъ послѣ несчастнаго брака съ Софіею-Шарлоттою принцессою Вольфенбюттельскою, царевичъ изъявилъ желаніе постричься въ монахи, а вскорѣ бѣжалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ любимою имъ дѣвушкой Ефросиньею и нашелъ убѣжище у германскаго императора, Карла VI. По возвращеніи Алексѣя въ отечество, раскрылись замыслы его и всей старой партіи, умышлявшихъ даже на жизнь государя. Судъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которому предалъ сына Петръ, приговорилъ Алексѣя къ смерти, но приговоръ не былъ исполненъ за кончиною царевича, послѣдовавшею въ темницѣ (1818 г.). По смерти сына Петръ издалъ указъ о томъ, что государь можетъ назначать наслѣдника по своему выбору, а также и отрѣшать его отъ наслѣдства. Но самъ сошелъ въ могилу, не успѣвъ назначить себѣ преемника. Тяжелые труды и семейныя огорченія разстроили могучее здоровье государя послѣ неудачнаго персидскаго похода.

28 января 1725 г. не стало Великаго Государя, который во всемъ лично подавалъ примѣръ подданнымъ, не пощадилъ даже собственнаго сына для блага родной страны, и еще при жизни увѣнчалъ труды свои, мощною рукою вдвинувъ отечество въ семью Европейскихъ государствъ. Прахъ его покоится въ Петропавловскомъ соборѣ, а духъ и донынѣ живетъ въ государственномъ и общественномъ строѣ обновленной имъ Россіи.



Царская карета XVII столѣтія.

Описаніе рисунковъ.

На стр. 337. Алмазная корона Петра Великаго, которою государь вѣнчался на царство.

На стр. 340. Снимокъ съ извѣстной картины Штейбена, изображающей преданіе о спасеніи юнаго Петра его матерью отъ руки стрѣльцовъ.

На стр. 352. Карета временъ юности Петра I.

Подробное описаніе чрезвычайно рѣдкихъ изображеній короны Петра I и кареты его времени, а также снимки съ картины Штейбена,—за крайнимъ недостаткомъ мѣста въ настоящемъ нумерѣ, будетъ помѣщено въ одномъ изъ ближайшихъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Петръ Великій, первый русскій императоръ и преобразователь государства (съ шестью портретами и съ семью рисунками).

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 27 Мая 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр.. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 6 іюня 1872 года. **Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1872 году.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ ›	5 › — ›	Съ доставкою въ ›	2 › 50 ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 › —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы".

Заблужденіе.

(Съ Англійскаго).

— Эй, Паркеръ, послушайте!

Эти слова раздались въ ту минуту, когда Гарри Паркеръ, бухгалтеръ торговаго дома Бангъ и Дартморъ въ Нью-Іоркѣ, намѣреваясь съѣздить погулять въ центральномъ паркѣ, окончилъ свои дѣла раньше обыкновеннаго и собирался было выйти изъ конторы.

Паркеръ обернулся и увидалъ передъ собою Эгберта Дартмора, младшаго начальника фирмы, съ прекраснымъ букетомъ въ рукѣ.

— Будете ли вы проходить по пятой линіи, Паркеръ?

— Да, то-есть я могу пойти по этой дорогѣ.

— Знаете ли вы домъ Саломона Верриля?

— Да.

— Сдѣлайте одолженіе, отдайте туда этотъ букетъ. Это для миссъ Мэри Верриль.

— Дочери Саломона? спросилъ Паркеръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эгбертъ улыбаясь,—племянницѣ.

— А, вы влюблены въ нее? вскричалъ бухгалтеръ, ударивъ слегка по плечу своего принципала.

Дартморъ засмѣялся, но затрудняясь повидимому отвѣтомъ, поднесъ къ лицу букетъ и сталъ нюхать цвѣты, какъ бы обдумывая что́ ему сказать.

Хотя Эгбертъ Дартморъ былъ участникомъ фирмы, а Генри Паркеръ только бухгалтеромъ, тѣмъ не менѣе они были, что называется, на дружеской ногѣ. Оба были почти одних лѣтъ—Дартмору шелъ дватцать шестой годъ а Паркеръ былъ годомъ моложе—и цѣлые годы работали они въ томъ же самомъ домѣ, на одинаковыхъ правахъ. Но у Дартмора былъ отецъ, которому принадлежала половина имущества торговаго дома Банга и Дартмора и у котораго было до двадцати тысячъ годоваго дохода. Все это перешло послѣ его смерти, случившейся года два передъ этимъ, къ его сыну, который сдѣлался такимъ образомъ самостоятельнымъ негоціантомъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду. Нельзя сказать, чтобъ Эгбертъ злоупотреблялъ своей свободой. Онъ велъ очень умѣренную жизнь и занимался своимъ дѣломъ съ большимъ усердіемъ и постоянствомъ. Правда, онъ былъ очень не прочь повести его согласно съ духомъ новаго времени, но до этого не допускалъ его мистеръ Бангъ, степенный и разсудительный человѣкъ среднихъ лѣтъ. Онъ на-отрѣзъ отказывался отъ тѣхъ смѣлыхъ и рискованныхъ дѣлъ, которые такъ нравились младшему партнеру, такъ что этотъ послѣдній долженъ былъ волею-неволею обуздать въ себѣ страсть къ спекуляціямъ.

Генри Паркеръ не наслѣдовалъ отъ своего, тоже уже умершаго, отца ни состоянія ни дохода, но за то

онъ получилъ превосходное воспитанiе и у него оставалась еще мать, окружавшая его самою нѣжною любовью, заботившаяся о всѣхъ его потребностяхъ,—и онъ едва ли промѣнялъ бы свою долю на Эгбертову.

— Такъ сразу нельзя объяснить, въ какихъ мы отношенiяхъ, отвѣчалъ наконецъ Эгбертъ, взглянувъ на Паркера.—Конечно, Мэри самое прелестное, самое восхитительное созданiе, какое только можно представить себѣ, и нравится мнѣ выше всякой мѣры, но...

— Ну, что за но? сказалъ Генри, когда разсказщикъ запнулся на этомъ словѣ.

— Я все разскажу вамъ, Генри; вы знаете меня, мы съ ранней юности работаемъ вмѣстѣ въ этой конторѣ—и я знаю, что вы не болтливы.

— Не бойтесь ничего; не въ моемъ характерѣ употреблять во зло оказанное мнѣ довѣрiе.

— Я знаю это, и потому объясню вамъ все однимъ словомъ. Мэри Верриль бѣдна. Ея отецъ Варренъ Верриль, братъ Саломона, былъ спекулянтъ самаго плохаго сорта. Онъ воспиталъ дѣтей въ роскоши, исполнялъ всѣ ихъ прихоти, а потомъ умеръ весь въ долгахъ—въ такихъ долгахъ, что его кредиторы не получили и по пяти процентовъ съ доллара. Мэри живетъ теперь у своего дяди Саломона—онъ вдовецъ, и она занимается у него хозяйствомъ и дѣтьми. Онъ, какъ кажется, платитъ ей очень приличное жалованье, да она и стоитъ этого, потому-что задача ея не легкая, Дѣти, которыхъ трое, оставались послѣ смерти матери почти безъ надзора и порядочно одичали; она очень скоро исправила ихъ. Словомъ, Мэри—чудо а не дѣвушка; еслибъ только я зналъ навѣрное, что дядя откажетъ ей что-нибудь по духовной! Право, ему слѣдовало бы сдѣлать это.

— Я не понимаю, Эгбертъ, что тутъ много думать, возразилъ Паркеръ, скрывая съ трудомъ чувство неудовольствiя, внушенное ему Эгбертовымъ образомъ мыслей,—или Мэри Верриль нравится вамъ, или она вамъ не нравится.

— Постойте, Гарри, вы не все еще выслушали, перебилъ его Дартморъ,—я не все еще сказалъ вамъ. Слыхали ли вы когда о меньшомъ братѣ Саломона, Давидѣ Веррилѣ?

— Да.

— Ну, такъ выслушайте же. Этотъ Давидъ два года тому назадъ умеръ, оставивъ послѣ себя состоянiе въ полмилiона слишкомъ и единственную дочь, наслѣдницу всего этого. Такъ вотъ эта-то Анна Верриль, эта золотая рыбка, ѣдетъ сюда, чтобы погостить у своего дяди. Да вы подумайте, Гарри, представьте себѣ, какая это богатая добыча! Неужели вы можете осуждать меня за то, что я желаю получить ее? Слишкомъ полмилліона наличными деньгами! Нѣтъ, я до тѣхъ поръ не женюсь на Мэри, пока не увижу Анны. Она прiѣдетъ черезъ недѣлю или черезъ двѣ. Признайтесь откровенно, дружище, вы осуждаете меня за это?

— Это зависитъ отъ того, сколько поводовъ вы дали Мэри разсчитывать на вашу склонность къ ней, возразилъ Паркеръ, скрывая подъ видомъ улыбки свое глубокое презрѣнiе къ такому низкому образу мыслей.

— О, въ этомъ отношенiи я былъ очень остороженъ, отвѣчалъ съ торжествомъ Дартморъ.—Я былъ у нея разъ въ ложѣ въ оперѣ, провелъ съ нею и ея дѣтьми нѣсколько вечеровъ и пригласилъ ее ѣхать со мною въ Гай-Бриджъ на пикникъ для воскресныхъ школъ, гдѣ она учитъ. Я надѣюсь, что миссъ Анны еще не будетъ здѣсь въ это время. Нѣтъ, нѣтъ, я не подалъ ей еще ни какихъ надеждъ—и не сдѣлаю этого до тѣхъ поръ, пока не узнаю, чего мнѣ ожидать съ другой стороны. Но вотъ идетъ Бангъ. Возьмите букетъ и скажите ей, что я посылаю ей его, потому-что—или нѣтъ, не надо, мое письмо объяснитъ ей все. Я обѣщалъ быть у ней вечеромъ, а такъ какъ это невозможно, то я и посылаю ей цвѣты.

Съ этими словами эти два молодые человѣка, столь различныхъ характеровъ, разстались. Красивый, но поверхностный и свѣтскiй Дартморъ ушелъ въ кабинетъ для переговоровъ съ своимъ партнеромъ; а его бухгалтеръ, мужественно-прекрасная наружность котораго носила на себѣ отпечатокъ нравственной силы, ушелъ изъ конторы съ букетомъ въ рукахъ для передачи его Мэри Верриль. Всю дорогу не выходилъ у него изъ ума его разговоръ съ Дартморомъ, раскрывшiй ему все безсердечiе этого молодаго человѣка,—и онъ сожалѣлъ о той пустой и безрадостной жизни, на которую осуждаютъ себя люди съ подобными правилами.

Черезъ полчаса онъ уже дергалъ за серебряную ручку звонка въ жилищѣ Саломона Верриля; отпершiй ему дверь слуга, узнавъ въ чемъ дѣло, ввелъ его въ залу, а самъ пошелъ доложить о немъ миссъ Верриль.

Гарри думалъ было сперва только отдать букетъ, но когда ему такъ неожиданно представился случай видѣть молодую даму, о красотѣ которой такъ много говорилъ ему Дартморъ,—онъ не могъ противустоять искушенiю и пошелъ въ прiемную, вслѣдъ за слугой, который конечно принялъ его за самаго Дартмора.

Что это была за прiемная! Гарри никогда еще не видалъ такой роскоши въ соединенiи съ самымъ тонкимъ вкусомъ и комфортомъ. Онъ какъ бы перенесся въ тѣ волшебныя страны, о которыхъ читалъ въ дѣтствѣ въ сказкахъ, и сдѣлался обладателемъ Соломонова кольца или Аладиновой лампы, которыя доставляютъ своимъ обладателямъ всевозможныя сокровища свѣта.

Гарри стоялъ еще пораженный тѣмъ сказочнымъ мiромъ, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ,—и едва ли удивился бы, еслибъ находившiяся тутъ въ позолоченныхъ клѣткахъ птицы вдругъ заговорили съ нимъ, а цвѣты зазвенѣли или запѣли,—какъ вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошла молодая дама. Прежде чѣмъ поклониться гостю, она подняла спущенныя шторы, чтобы въ комнатѣ было посвѣтлѣе; а когда она обернулась къ Паркеру, то онъ сразу замѣтилъ, что его предположенiе было справедливо—и она, основываясь на докладѣ слуги, ждала увидѣть совсѣмъ другую личность.

— Миссъ Верриль? спросилъ онъ вѣжливо, безъ всякаго смущенiя, но также и безъ всякой дерзости, съ какою пожалуй иной устремилъ бы на нее глаза взоромъ страстно-любящаго свое искусство художника, которому приводится видѣть въ первый разъ образцовое произведенiе знаменитаго мастера. Она не принадлежала къ тѣмъ красавицамъ, которыя поражаютъ и ослѣпляютъ съ перваго взгляда; нѣтъ, это была красота, внушающая уваженiе, чуть не благоговѣнiе и наполняющая сердце любовью — любовью къ прекрасному.

— Мистеръ... мистеръ... извините... я... Дама была видимо изумлена, но не потеряла въ своемъ смущенiи присутствiя духа, потому-что еще прежде, чѣмъ молодой человѣкъ успѣлъ объясниться, прибавила: «вѣрно слуга ошибся».

— Это я сейчасъ же замѣтилъ, отвѣчалъ улыба-

ясь Гарри,—онъ сказалъ вамъ, что здѣсь мистеръ Дартморъ?

— Да, именно.

— Мистеръ Дартморъ поручилъ мнѣ, миссъ, передать вамъ этотъ букетъ и...

Тутъ миссъ Верриль перервала его, предложивъ ему сѣсть, а когда онъ исполнилъ ее желаніе, взяла у него букетъ, сѣла не далеко отъ него и, граціозно склонивъ голову, попросила его продолжать то, что̀ онъ намѣревался сказать ей.

— Я не имѣлъ намѣренія представиться вамъ, а хотѣлъ только отдать букетъ, сказалъ онъ,—но когда слуга принялъ меня за другаго и впустилъ меня, тутъ... тутъ, сказать по правдѣ, пришла мнѣ въ голову мысль, что я могу воспользоваться этой ошибкой—и вотъ я здѣсь, я, Гарри Паркеръ, бухгалтеръ мистера Дартмора и вашъ покорнѣйшій слуга.

— Вамъ было любопытно видѣть меня, мистеръ Паркеръ? спросила Мэри съ очаровательной улыбкой.

— Мнѣ любопытно узнать, не родственница ли вы той миссъ Верриль, которая, когда моя мать не переселялась еще сюда ко мнѣ, прожила одно лѣто у ней въ деревнѣ... отвѣчалъ Гарри, нѣсколько смутившись, потому что сердце у него начало биться какъ-то безпокойнѣе. Въ очаровательной красотѣ этого лица, въ нѣжной улыбкѣ этого ротика было что-то такое, что дѣйствовало на него подобно электрическому току и производило въ немъ такое волненіе, какого онъ никогда еще не испытывалъ.

— Мнѣ очень жаль разочаровать васъ, мистеръ Паркеръ, сказала Мэри съ очаровательно-плутовской улыбкой.—Я вовсе не родственница этой миссъ Верриль, я сама она.

Эти слова какъ бы сразу сблизили ихъ между собою и сдѣлали друзьями. Мать Гарри разсказывала ему, что миссъ Верриль ангелъ; а какъ описала она молодой дѣвушкѣ нѣжнаго преданнаго сына, который съ самоотверженіемъ пекся о ней — объ этомъ нечего и говорить. Впрочемъ, особенныхъ описаній со стороны матери для этого и не требовалось; она давала читать миссъ Верриль, которая прожила у ней четыре мѣсяца, всѣ письма своего Гарри—и такимъ образомъ эта послѣдняя получила самое лучшее изображеніе этого благороднаго и превосходнаго сына и человѣка.

Они долго болтали между собою; наконецъ Гарри вынулъ часы и увидалъ, что уже половина четвертаго.

— Извините меня, миссъ Верриль, я сегодня отдѣлался раньше обыкновеннаго, чтобы ѣхать съ моей матерью въ паркъ; она ждетъ меня.

— Какая она милая и добрая женщина! вскричала Мери,—еслибъ вы не собирались ѣхать изъ дому, я попросила бы васъ проводить меня къ вашей матери. Я не знала, что она живетъ въ городѣ; иначе я давно бы уже побывала у ней.

Гарри обдумывалъ: можно ли ему предложить ей ѣхать съ ними. Почему же нѣтъ? Она была также бѣдна, какъ и онъ,—гувернантка и больше ничего.

— Миссъ Верриль, сказалъ онъ,—если вы можете оставить дѣтей и ничего не имѣете въ виду, я... я...

Веселая улыбка освѣтила ея лицо, словно солнечный лучъ ландшафтъ; она живо встала, коснулась кончиками своихъ пальцевъ плеча молодаго человѣка, который совершенно растерялся, и сказала:

— Вы ходите пригласить меня ѣхать съ вами и вашей матерью, мистеръ Паркеръ?

Радостное, восторженное, сердечное «да» было единственнымъ отвѣтомъ Гарри.

Она поблагодарила его, сказала что мысль о подобной прогулкѣ въ обществѣ мистрисъ Паркеръ дѣлаетъ ее счастливой и поспѣшно ушла переодѣться. Очень скоро вернулась она въ городскомъ костюмѣ, взяла по выходѣ изъ дому руку Гарри, который все время пока они шли спрашивалъ себя, во снѣ или на яву онъ все это видитъ.

Дорога, между тѣмъ, была не дальняя, и скоро они вошли въ маленькій сельскій домикъ, выкрашенный бѣлой краской, гдѣ жила мать Гарри; а когда эта послѣдняя увидала, какую гостью привелъ къ ней сынъ, она съ крикомъ радости раскрыла свои объятья и прижала къ сердцу милую дѣвушку. Но прежде, чѣмъ мистрисъ Паркеръ успѣла сказать одно слово, Мэри положила ей на ротъ руку и прошептала ей что-то на ухо.

Гарри видѣлъ все это и не могъ понять, что бы это такое значило; точно такъ-же удивлялась повидимому и мистрисъ Паркеръ выраженному ей желанію. Только тогда, когда Гарри отправился за экипажемъ, молодая дѣвушка объяснилась вполнѣ—и хотя мистрисъ Паркеръ все еще не совсѣмъ понимала, что могло внушить Мэри подобное желаніе, тѣмъ не менѣе, такъ какъ само по себѣ оно было довольно просто, то она и дала улыбаясь желаемое обѣщаніе.

Гарри возвратился съ изящнымъ экипажемъ. Они заняли его втроемъ и провели блаженные—ахъ! такіе блаженные часы, что когда Гарри высадилъ изъ экипажа Мэри передъ домомъ ея дяди, то ему показалось, какъ будто бы небо вдругъ потемнѣло.

Мэри поблагодарила его и выразила ему надежду, что будетъ часто видѣться съ нимъ и его матерью.

Но можетъ ли онъ еще когда нибудь предложить ей такую прогулку—онъ этого никакъ не могъ рѣшить и вслѣдствіе этого чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что чуть не желалъ, чтобъ лучше онъ никогда не видалъ *этой прекрасной* дѣвушки.

Прошла недѣля послѣ этой замѣчательной для Гарри прогулки въ центральномъ паркѣ, когда Дартморъ сказалъ ему однажды:

— Гарри, не выѣзжала ли миссъ Верриль въ прошлый четвергъ съ вами и вашей матерью?

— Да.

— Она жила одно время у вашей матери?

— Да, она провела у ней все прошлое лѣто.

— Хорошо; Гарри, я хочу просить васъ сдѣлать мнѣ одолженіе. Я, какъ уже говорилъ вамъ, почти обѣщалъ Мэри ѣхать съ нею на пикникъ для воскресныхъ школъ въ Гай - Бриджѣ, и она я думаю, разсчитываетъ на то, что я буду провожать ее туда. Но я желалъ бы, чтобъ вы замѣнили меня.

— Я? я долженъ...

— Какая робость! Скажите пожалуйста! Э, да полно вамъ притворяться-то! Бьюсь объ закладъ, что она поѣдетъ съ вами; я знаю это отъ нея самой. Дѣло вотъ въ чемъ. Миссъ Анна пріѣхала—и если я не обманываюсь, то я произвелъ на нее не совсѣмъ плохое впечатлѣніе. Я могу завладѣть ею, но не безъ труда. Я долженъ ѣхать съ нею въ Гай-Бриджъ, это превосходный случай сблизиться съ нею и выказать себя съ самой лучшей стороны. Гарри, сдѣлайте одолженіе, возьмите у меня Мэри.

Гарри сказалъ, что онъ подумаетъ

— Я даю вамъ, Гарри, одинъ день на размышленіе и плачу всѣ издержки.

— Время, Эгбертъ, я беру, но...

— Хорошо, хорошо, старый дружище, не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ!

Оба засмѣялись, пожали другъ другу руку и разстались, Эгбертъ полный плановъ на счетъ того какъ бы завладѣть наслѣдницей полумилліона, а Гарри полный удивленія тому какимъ образомъ человѣкъ, у котораго есть сердце въ груди, можетъ отказаться отъ Мэри Верриль для какой-бы то ни было другой дѣвушки.

Смѣлымъ—счастье. Возвратившись домой, онъ нашелъ Мэри у своей матери и провожалъ ее вечеромъ до дому ея дяди. Дорогою онъ спросилъ ее съ стѣсненнымъ сердцемъ, не поѣдетъ ли она въ субботу въ Гай-Бриджъ съ нимъ и его матерью.

Въ отвѣтъ на это она, улыбаясь, сказала ему, что она съ большимъ удовольствіемъ приняла бы это предложеніе, если бы не дала слова прежде. Гарри колебался съ минуту—затѣмъ прямодушно сказалъ ей.

— Миссъ Верриль, я не люблю услугъ подобнаго рода,—Богу извѣстно, что я не люблю этого; но мистеръ Дартморъ просилъ—умолялъ меня, предложить себя вамъ въ проводники.

— И вы послушались его? спросила молодая дѣвушка съ какимъ-то трепетомъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гарри торжественнымъ тономъ, идущимъ прямо въ сердце,—я принялъ предложеніе мистера Дартмора за отказъ отъ своего права и убѣдительно прошу васъ—*не угодно ли вамъ ѣхать со мною?*

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Въ субботу Гарри Паркеръ отправился въ Гай-Бриджъ съ своею матерью и Мэри Верриль. Эгбертъ Дартморъ прибылъ въ сопровожденіи Анны, кузины Мэри, и былъ повидимому чрезвычайно счастливъ. Гарри Паркеръ не переставалъ спрашивать себя, изъ какого матеріала должно быть создано подобное сердце. Онъ видѣлъ подлѣ себя прелестную девятнадцатилѣтнюю дѣвушку въ полномъ цвѣтѣ красоты, прелести и молодости, представлявшую для него олицетвореніе всего прекраснаго, и сравнивалъ ее съ ея кузиной. Аннѣ Верриль было по меньшей мѣрѣ дватцать восемь лѣтъ; она была блѣдна, нѣжна и болѣзненна—и въ наружности ея почти не было и слѣда той силы духа, которою была запечатлѣна каждая черта въ лицѣ ея кузины. Не то чтобъ она была дурна, напротивъ того, она была хороша собой: у нея былъ чрезвычайно нѣжный цвѣтъ лица, прекрасныя манеры и ко всему этому она была одѣта съ большимъ вкусомъ. Ея драгоцѣнныя вещи были великолѣпны и надѣты такъ, что представлялись въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

— За этою холодною, блѣдною внѣшностью не можетъ быть много сердца, думалъ Гарри,—кто выберетъ себѣ эту дѣвушку въ жены, тотъ долженъ будетъ удовольствоваться однимъ богатствомъ. Не то, совсѣмъ не то впечатлѣніе производила на него прелестная дѣвушка, которую онъ велъ подъ руку и которая наполняла его сердце.

— Поздравьте меня, Гарри, великое предпріятіе удалось! вскричалъ Эгбертъ.—Я выигралъ первый призъ! Анна моя! Что скажете вы на это, не счастливецъ-ли я? Теперь мы посмотримъ, будетъ ли старый Бангъ водить меня на помочахъ, какъ школьника? пусть только пройдетъ мой медовой мѣсяцъ, и я надѣлаю такихъ дѣлъ, что весь Нью-Іоркъ ахнетъ. Вы буцете тогда получать совсѣмъ не то жалованье что теперь.

Гарри поздравилъ своего молодаго принципала такъ радушно, какъ только могъ.

— Отчего-бы, Гарри, вамъ не попытать счастья у миссъ Мэри? продолжалъ Эгбертъ.—Она любитъ васъ, въ этомъ я поклянусь. А вы? Что, поймалъ я васъ, ваше сердце покорено? Ну такъ подите-же и овладѣйте этимъ сокровищемъ! Дартморъ дружески ударилъ бухгалтера по плечу и ушелъ съ чувствомъ своей собственной важности и съ убѣжденіемъ, что эта маленькая контора слишкомъ недостойное поприще для его дѣятельности. Гарри посмотрѣлъ ему вслѣдъ, качая головою, и сказалъ съ выраженіемъ сомнѣнія:

— Можетъ-ли доставить счастье подобный союзъ? Можетъ-ли быть миръ въ томъ домѣ, который построенъ на подобныхъ основаніяхъ?

— Мэри!

Гарри Паркеръ сидѣлъ подлѣ Мэри Верриль и держалъ ея руку въ своихъ рукахъ.

— Мери, вы знаете, какую скромную долю могу я предложить вамъ, какіе у меня виды; но я сомнѣваюсь, знаете ли вы, какъ глубоко и свято люблю я васъ, какимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ была бы для меня любовь ваша. Вы не знаете, какія силы для труда, какую настойчивость для достиженія цѣли, какія надежды на успѣхъ почерпнулъ бы я въ любви вашей. Мэри, если вы согласитесь быть моей женой, я буду жить только для васъ; за какой-бы трудъ я ни взялся—онъ будетъ для меня радостью и наслажденіемъ. Союзъ съ вами, неразрывный союзъ,—какъ въ этой такъ и въ будущей жизни, потому-что истинная любовь не можетъ быть разорвана даже смертью,—вотъ мое блаженство! О, Мэри, не мечта ли это съ моей стороны? Я знаю, я мечтатель, можетъ быть вы совершенно другихъ убѣжденій, можетъ быть...

Его голосъ задрожалъ и упалъ до тихаго шепота. Мэри положила ему руку на губы и сказала, въ то время какъ ея лицо сіяло счастьемъ:

— Гарри, я любила васъ, еще не видавъ васъ,—потому что я читала всѣ ваши письма къ матери и желала, если у меня будетъ когда нибудь мужъ, чтобъ у него было такое же сердце, какъ ваше. Чѣмъ болѣе узнавала я васъ, тѣмъ дороже становились вы мнѣ, хотя я не было еще знакома съ вами лично; я была убѣждена, что такая душа можетъ жить только въ прекрасной оболочкѣ. На колѣняхъ молила я Бога, чтобъ онъ былъ милостивъ ко мнѣ и даровалъ мнѣ такую же любовь, какъ та, которую питали вы къ вашей матери. Я увидала васъ, Гарри, и съ этой минуты мое сердце принадлежало вполнѣ вамъ. А теперь... и она протянула ему обѣ руки,—если ты хочешь взять меня такою какова я, и будешь любить меня такъ, какъ обѣщаешь, я твоя. Я буду жить здѣсь на землѣ только для тебя и величайшею для меня отрадою будетъ надежда, что даже смерть не раздѣлитъ насъ, а только разлучитъ на короткое время, и мы опять сойдемся для неразрывнаго соединенія въ Богѣ. И такъ, Гарри, я твоя, вся твоя!

(*Окончаніе будетъ*).

Очерки Сѣвера.

VII.

Дикія, сѣрыя скалы,
Снѣгъ по уступамъ бѣлѣетъ...
Спитъ мое бѣдное сердце...
Скорбная дума нѣмѣетъ...

Тамъ—на вершинахъ суровыхъ
Мощныя старыя ели
Гнутся безсильно и стонутъ
Въ бѣшеномъ вихрѣ метели.

Тихо... въ пустынѣ безлюдной
Словно далекія тѣни
Мчатся по тундрѣ порою
Въ сѣромъ туманѣ олени.

Низко такъ носятся тучи...
Небо темнѣетъ... темнѣетъ...
Спитъ мое бѣдное сердце,
Скорбная дума нѣмѣетъ...

VIII.

Суровый край! ломая ели,
Кружатся дикія мятели...
Реветъ неистова Двина.
Уже сентябрь—морозы близко,
Сѣдыя тучи ходятъ низко
И снѣгъ бѣлѣетъ у окна.

Одинъ, влача свой жребій скудный,
Въ пустынѣ жалкой и безлюдной
Бродилъ изгнанникъ молодой.
Больной, усталый и печальный,
О сторонѣ онъ грезитъ дальной,
О югѣ думаетъ порой.

Тамъ—свѣтъ и жизнь, пестрѣютъ нивы,
Надъ ручейкомъ поникли ивы
И рогъ звучитъ въ тиши долинъ,—
Гдѣ тополь высится бѣлѣя,
И тѣнью путника лелѣя
Темнѣетъ лавръ среди руинъ.

Льются пѣсни, не смолкая,
Отъ долины до долины...
Въ синемъ небѣ утопая
Блещутъ горныя вершины.

Ароматомъ дикой розы
Вѣтерокъ прохладный вѣетъ,
Сонъ умчится словно призракъ
И мечта моя блѣднѣетъ.

Надо мной—не солнце юга,
День въ окно луча не броситъ...
Воетъ сѣверная вьюга
И избушку снѣгъ заноситъ...

IX.

Сѣверъ дикій и скалистый...
Бѣлый снѣгъ осыпалъ ели.
Въ дымныхъ тучкахъ—полдень мглистый,
Вечеръ—вихри да метели.

Полный мертваго покоя,
Городокъ едва дымится,
Словно кладбище нѣмое
Подъ сугробами таится.

Пѣсни вольной, рѣчи жгучей—
Ищетъ дума, сердце проситъ—
А въ отвѣтъ грозы могучей
Вѣтеръ отзывы доноситъ.

Ночь: полнеба озаряя,
Блѣдный свѣтъ едва мерцаетъ
И по тучамъ пропадая,
Краснымъ заревомъ сіяетъ...

Краснымъ заревомъ сіяетъ,—
Словно тамъ вдали недвижной
Яркій факелъ подымаетъ
Чей то призракъ непостижный...

Сплю и снится сонъ печальный:
Въ знойный день сіяетъ море,
Зеленѣетъ берегъ дальній,
Ходятъ волны на просторѣ.

В. Н. Д.

Лорелея.

(Окончаніе).

Я не берусь описывать того томительнаго, удушливаго нравственнаго состоянія, въ которомъ мы провели слѣдующее утро, до той минуты, когда Ѳедору Алексѣевичу надо было отправляться и Вѣрочка молча, не рѣшаясь взглянуть на него, крѣпко пожала ему руку. А послѣдовавшіе за тѣмъ слишкомъ два часа! Никогда не забыть мнѣ, какъ мы вдвоемъ просидѣли у окна: я—лихорадочно взволнованная, съ бѣшено скачущими въ головѣ мыслями, сожалѣніями, негодованіемъ и—признаюсь!—смутно мелькающими надеждами; она—блѣдная, сосредоточенная, съ сухими, сжатыми губами, холодными, нетвердыми пальцами усиленно выводя стежки на работѣ и не позволяя себѣ поднять головы, чтобъ взглянуть на улицу или на часы.

Наконецъ братъ вошелъ. Она не бросилась къ нему навстрѣчу, не сдѣлала ему вопроса, только еще поблѣднѣла—и глазами, казалось, хотѣла вытянуть изъ него всю правду. Онъ сѣлъ на стулъ подлѣ нея, взялъ обѣ ея руки въ свои—и нѣсколько наклонившись къ ней, голосомъ заглушеннымъ почти до шепота сдержаннымъ волненіемъ, сказалъ:

— Бросьте... забудьте... онъ васъ не стóитъ...

Она не вздрогнула, не отвѣтила—она смотрѣла на него и ждала.

— Помните, продолжалъ онъ тихо,—за чтó вы вчера такъ разсердились на меня?

Тутъ только ее видимо передернуло, и она еще жарче впилась въ него вопрошающими глазами.

— Сбылось—то самое... Проклятое знаніе людей не обмануло меня.

— Не вѣрю... не можетъ быть!.. проговорила она почти одними губами.

Онъ молча подалъ ей письмо.

Она что-то долго его читала—и когда опустила на колѣна обѣ руки съ развернутымъ листомъ, на лицѣ ея, по чертамъ, искаженнымъ страданіемъ, перебѣгала несказанно-презрительная усмѣшка.

— Такъ вотъ разгадка! сказала она уже совершенно яснымъ голосомъ.—А я-то ломала себя голову! Вѣдь какъ просто—ужь слишкомъ просто!

Она передала мнѣ письмо и нетвердыми шагами, но съ гордо поднятою головою, вышла.

Не помню—да и противно припоминать—всю напыщенную чепуху, которою негодяй на трехъ страницахъ старался не только замаскировать свою грязную душонку, но еще придать себѣ видъ самоотверженнаго героя, который самъ отрекается отъ блаженства, чтобъ не втянуть «боготворимое существо» въ тѣсноту и прозу будничныхъ заботъ о существованіи. «О еслибъ у меня были мильоны! писалъ онъ между прочимъ. Я бы сдѣлалъ тебя царицею, обставилъ бы тебя, осыпалъ бы всѣмъ, чтò есть драгоцѣннаго на землѣ—но такъ! я изнылъ бы глядя на тебя, совѣсть замучила бы; пожалѣй же ты меня! Ты ничего не теряешь—тебѣ міръ открытъ, твой путь свѣтелъ и широкъ—я же теряю мое счастіе, мою жизнь, мой перлъ, мое все!» Далѣе:—«Не отвѣчай мнѣ теперь, да и послѣ не пиши мнѣ, не растравляй раны, не отнимай послѣдней власти надъ собою. Дай опомниться, дай забыться, отупѣть въ работѣ... Вѣдь для меня самое горе—недосягаемая роскошь;—вѣдь я чернорабочій, пролетарій, кляча запряжная,—не мѣшай же мнѣ натянуть мои жалкія силы и тащить мой тяжкій возъ». И многое въ томъ же родѣ. Плохо же онъ зналъ Вѣрочку, если думалъ ослѣпить ее этой грубою даже не мишурою, а поддѣлкою подъ мишуру.

Весь этотъ день и весь слѣдующій она не выходила изъ своей комнаты, а на второй день вечеромъ пришла къ чаю. Она была спокойна, но на лицѣ ея глубоко врѣзались слѣды безсонной ночи и многихъ слезъ, а также строгихъ, закаляющихъ мыслей. Она меня нѣжно обняла и протянула брату обѣ руки—движеніемъ полнымъ благодарной, задушевной ласки.

— Добрые друзья мои! сказала она тѣмъ мягкимъ голосомъ, который бывалъ у нея отъ глубокаго чувства. — Что бы со мною было безъ васъ! Какъ бы я одна перенесла эти ужасные дни! Даже вчера и сегодня, хотя я повидимому удалялась отъ васъ, вы были ко мнѣ близки; я это чувствовала, и эта близость меня много подбодряла. Хорошо пожилось намъ вмѣстѣ — больно что все это такъ скоро и насильно порвалось. Не забывайте меня — пишите, когда меня не будетъ съ вами.

— Развѣ вы уѣзжаете? спросила я съ нескрываемымъ волненіемъ, потому что братъ сидѣлъ напротивъ меня—и мнѣ было видно его лицо, вдругъ болѣзненно измѣнившееся.

— Что же мнѣ теперь здѣсь дѣлать? просто и грустно возразила она.

Этотъ безсознательный, жестокій ударъ отъ *этой* руки поразилъ бѣднаго моего брата въ самое сердце—перемѣна произошла въ немъ ужасающая — это была уже не одна нравственная боль, тутъ было физическое страданіе.

— А ваши дѣла? наслѣдство? почти машинально спросила я, не помня себя отъ испуга и только стараясь дать ему время оправиться, прежде чѣмъ Вѣрочка замѣтитъ его состояніе.

— Нашъ добрый Ѳедоръ Алексѣевичъ вѣрно не откажется окончательно устроить все это, — и она съ улыбкой взглянула на него.

Онъ еще разъ глубоко, съ усиліемъ вздохнулъ.

— Уѣзжайте. Все будетъ сдѣлано. Вамъ дѣйствительно здѣсь больше нечего дѣлать, сказалъ онъ тихо, съ твердостью, за которою мнѣ одной слышалась скорбь послѣдняго, безповоротнаго отреченія. Я поняла, что смутныя надежды, мелькавшія въ какихъ-то темныхъ уголкахъ моей души, носились свѣтлыми призраками и въ его душѣ,—и только теперь, когда они отъ одного безумышленнаго слова улетѣли навсегда, въ сердце его сошла глухая, черная ночь.

Три дня, предшествовавшіе ея отъѣзду, Вѣрочка провела почти постоянно съ нами. Она была тиха, грустна, но не плакала, не изнывала; напротивъ, на нее легла какая-то строгость и величественность, которыхъ мы прежде въ ней не замѣчали. Видно было, что она не поражена смертельно, жизнь въ ней не надломлена. Душа ея, какъ молодой дубъ, погнулась отъ налета бури, но тотчасъ же гордо выпрямилась; — таково должно было быть на такую правдивую, крѣпкую натуру дѣйствіе этого горькаго тоническаго лекарства — презрѣнія. Она была искренно къ намъ привязана, и чѣмъ ближе подходилъ отъѣздъ, тѣмъ больше такъ-сказать ласкалась

къ намъ. Мнѣ она подарила свою работу, которую нарочно поторопилась кончить, а брату — слишкомъ памятную для него алую книжку, стихотворенія Гейне,— «чтобъ онъ ими вдохновлялся въ ея отсутствіе, оканчивая свою работу».

— Вотъ и хорошо, прибавила она, — что главная фигура у васъ совсѣмъ готова — остальное вамъ легко будетъ дописать и безъ меня. А чудная будетъ картина, продолжала она, любуясь полуоконченнымъ полотномъ,— я ей пророчу первое мѣсто на выставкѣ. Какъ жаль, что я не увижу впечатлѣнія, которое она произведетъ!

Она простилась съ нами очень нѣжно, плакала, обнимала меня и сквозь слезы обѣщала и просила писать— главное объ успѣхѣ картины, да подробнѣе. Ѳедоръ Алексѣевичъ самъ усадилъ ее въ карету, а когда мы вмѣстѣ вернулись въ опустѣвшую мастерскую, онъ вдругъ помертвѣлъ, схватилъ себя за грудь и тяжело опустился на диванъ.

Это былъ его первый обморокъ.

На другой день у него опухли ноги. Призванные доктора долго постукивали его, особенно въ сторонѣ сердца. Поднимаясь послѣ продолжительнаго выслушиванія, они старались изобразить на своихъ лицахъ совершенное равнодушіе,—увѣряли, что нѣтъ повода безпокоиться, что ровно серіознаго разстройства нѣтъ,— однако прописали digitalis и желѣзо. Братъ слушалъ ихъ съ добродушно-насмѣшливой улыбкой и весьма озадачилъ ихъ такими словами:

— Господа, не хитрите со мною—напрасный трудъ; ведите лучше дѣло на чистоту. Я вѣдь уже нѣсколько лѣтъ знаю, что у меня лѣвая половина сердца не въ порядкѣ,—и знаю, чтó будетъ дальше послѣ такого припадка и то что значитъ опухоль ногъ. Я бы желалъ только знать: сколько, примѣрно, остается мнѣ времени, потому что надо бы кое-чѣмъ распорядиться.

Доктора разумѣется на чистоту не отвѣтили, а сказали, что съ такимъ разстройствомъ люди долго живутъ, только надо беречь себя, а главное — тутъ они обратились ко мнѣ — не допускать никакихъ заботъ, непріятностей и душевныхъ потрясеній.

— Слышала? сказалъ мнѣ братъ съ грустной усмѣшкой, когда я проводила почтенныхъ эскулаповъ, привлекая меня къ себѣ за руку. Тутъ только я узнала, что начало ужасной болѣзни было положено несчастной исторіей съ женою, но что онъ не счелъ нужнымъ сообщить мнѣ объ этомъ, чтобъ не тревожить меня напрасно, такъ какъ онъ зналъ въ точности все, что ему слѣдовало соблюдать и чего избѣгать; «а еслибы теперь все пошло такъ, какъ мы съ тобою съ такой увѣренностью предположили», прибавилъ онъ съ тою же тихой усмѣшкой, — «то болѣзнь могла бы вовсе не разыграться. Впрочемъ, не слишкомъ пугайся», старался онъ меня успокоить, — «дѣло еще не такъ спѣшно. А все же не мѣшаетъ поторопиться устройствомъ Вѣрочкиныхъ дѣлъ. Можетъ-быть мнѣ еще удастся помѣшать ея роднымъ совсѣмъ ограбить ее».

Это сдѣлалось его единственной, постоянной заботой. Все свободное отъ припадковъ время онъ посвящалъ этимъ утомительнымъ, раздражающимъ хлопотамъ и разъѣздамъ, особенно изнурительнымъ въ жаркую іюльскую пору — а припадки стали дѣлаться чаще и сильнѣе, обмороки продолжительнѣе. Одышка сдѣлалась невыносимая, такъ что приходилось прекратить хлопоты. Тогда онъ большую часть времени сидѣлъ въ *ея* креслѣ, оставленномъ у окна мастерской, и перелистывалъ алую книжку, пока почти наизусть изучилъ ее. Помимо всего, что было сопряжено для него съ этой книгою, поэзія Гейне, попеременно женственно-нѣжная и жестокая, разъѣдающая, пришлась ему чрезвычайно по душѣ и по настроенію. Иногда онъ читалъ мнѣ очень ужь подходящія мѣста. Долго остановился онъ на томъ дышащемъ кроткою тоской стихотвореніи, гдѣ есть между прочими слѣдующее глубоко донимающее душу мѣсто: «Какъ могла она меня оставить? Вѣдь она знала, что я умру. Но и лѣто знаетъ, что лѣсъ безъ него умретъ,— а уходитъ».

— Она не знала, задумчиво молвилъ онъ вполголоса и долго глядѣлъ на свою картину.

Между тѣмъ изъ писемъ Вѣрочки я видѣла все яснѣе, что источникъ жизни, чувства и счастія въ ней остался свѣтелъ и свѣжъ, что его не занесъ пескомъ изъ пустыни пахнувшій на него изсушающій самумъ. Она такъ отдохнула душею, что мысль о Петербургѣ, видъ его улицъ не наводилъ болѣе на нее ужаса, и она даже поговаривала о томъ, чтобъ пріѣхать къ выставкѣ. Я знала, что теперь все было бы иначе, что она полюбила бы брата новою любовью, когда между нею и имъ не стоялъ болѣе чужой, заслоняющій образъ,— мнѣ блеснула послѣдняя, съумасшедшая надежда выписать ее по телеграфу тотчасъ же къ больному; не было сомнѣнія, что она ни минуты не задумалась бы. Я рѣшилась посовѣтоваться съ нашимъ постояннымъ докторомъ, объяснивъ ему въ общихъ чертахъ сущность дѣла, но онъ какъ холодомъ смерти обдалъ меня отвѣтомъ:

— Поздно. *Всякое* нравственное потрясеніе—мгновенная смерть; а радостное, отъ непривычки, еще вѣрнѣе. Онъ уже не живетъ, онъ прозябаетъ—и одно мгновеніе сильной, полной жизни, одна минута слишкомъ живой надежды—убьетъ его. Избѣгайте даже говорить ему о подобной возможности.

Развязка приближалась. Забота о Вѣрочкѣ, о ея интересахъ не покидала его до послѣдней минуты—и въ эти послѣдніе дни сдѣлалась чѣмъ-то мучительнымъ, тоскливымъ, неотступно преслѣдующимъ. Въ самое утро передъ его смертью ему, какъ довѣренному Вѣрочки, была прислана сумма денегъ приходившаяся ей по раздѣлу и отбитая у жадныхъ родныхъ его стараніями. Онъ ее отдалъ мнѣ, просилъ спрятать и распорядиться отсылкою. Потомъ онъ потребовалъ оставшіяся еще у него ея дѣловыя бумаги, и долго занимался съ карандашемъ въ рукѣ, дѣлая замѣтки и исчисленія. Надъ этими бумагами его засталъ послѣдній тяжкій обморокъ, послѣ котораго жизнь уже не долго боролась и силы съ каждымъ мгновеніемъ убывали, а неотступная забота не покидала его.

— Не отдавай! шепталъ онъ прерывисто, задыхаясь,—разбойники все ограбятъ — защити ее... спаси! Бѣдная — у нея все отнимутъ безъ меня!

Послѣднія его мысли о ней мѣшались съ мыслями ея любимаго поэта и выражались его словами.

— «Конецъ! опущена завѣса...» расслышала я въ его несвязной, слабой рѣчи: — «Чу! что-то глухо прозвенѣло... — лопнула струна на старой скрипкѣ...»— «Чешетъ кудри золотыя, чешетъ гребнемъ золотымъ...» внятно прошепталъ онъ уже незадолго передъ концомъ,— «лѣто знаетъ, что лѣсъ умретъ... Она не знала... не... знала...»

Было ясное сентябрское утро. Въ мастерской ничего не было измѣнено или переставлено, только посере-

динѣ стоялъ на столѣ гробъ. Въ сторонѣ отъ него, немного отодвинутая назадъ къ стѣнѣ, на мольбертѣ стояла картина. Высоко на скалѣ сидитъ спокойная, роскошная, лучезарная фигура Лорелеи; одна рука съ золотымъ гребнемъ поднята нѣсколько выше головы, другая придерживаетъ на груди часть волосъ, губы полураскрыты пѣснею, ясный взоръ устремленъ черезъ рѣку, и черезъ недорисованный разбитый челнъ съ гибнущимъ пловцемъ, и черезъ гробъ, куда-то въ невѣдомую даль... Вдругъ въ окно глянулъ знакомый косвенный лучъ солнца—тотъ самый, который такъ чудно озарилъ живую Лорелею въ то незабвенное утро—и любовно коснулся высокаго, гладкаго лба покойника. Подъ теплымъ утреннимъ лучемъ еще холоднѣе и строже обозначились острыя линіи застывшаго въ страданіи лица...

Und Das hat mit ihrem Singen
Die Lorelei gethan.

З. И. Н—а.

Очерки Крыма.

I.

Балаклава.

Балаклавская бухта врѣзывается въ крутую, почти вертикальную стѣну, которою, начиная отъ мыса Ая, обрываются въ море таврическія горы. Этотъ заливъ есть горное ущелье, открывающееся съ одной стороны въ море, а съ другой въ долину, простирающуюся у подножія возвышенности Херсониса Таврическаго, — ущелье, дно котораго ниже морскаго уровня и потому наполнено морскою водою. — Это ущелье дѣлаетъ три заворота, подъ тупыми углами, такъ что изъ глубины его вовсе не видно моря, и заливъ кажется озеромъ, поверхность котораго едва покрывается рябью, въ самыя сильныя бури. Крутые берега такъ близко подходятъ къ водѣ, что на берегу нѣтъ даже тропинки, по которой можно было бы пробраться къ морю. Только съ лѣваго берега задней части бухты возвышенность настолько отступаетъ отъ воды, что тутъ могъ быть построенъ городъ, протянувшейся узкой полосою.

Городъ Балаклава, подобно многимъ другимъ мѣстностямъ въ Крыму, имѣетъ свою весьма древнюю исторію. По мнѣнію многихъ археологовъ, Балаклава есть портъ описываемый Гомеромъ въ Одиссеи подъ именемъ Лестригонова. И въ самомъ дѣлѣ, весьма точное и подробное описаніе этой бухты, находимое у Гомера, даетъ поводъ считать такое предположеніе чрезвычайно правдоподобнымъ. Гомеръ посылаетъ Улисса (въ 10, 16, и 12 пѣсняхъ Одиссеи) странствовать по морямъ мимо Сциллы и Харибды, къ берегамъ Понтъ-Евксинскимъ, въ страну Тавровъ, обитателей которой Гомеръ называетъ лестригонами, отъ греческаго слова, означающаго пиратъ, разбойникъ.

Въ стихахъ своихъ, Гомеръ описалъ за 3000 лѣтъ до нашего времени Лестригонъ съ такою подробностію и ясностію, что трудно дать болѣе подробное описаніе Балаклавы.

У входа въ бухту стоятъ и нынѣ два высокіе утеса, выдвигающіеся въ самую глубину водъ и какъ бы приближающіеся одинъ къ другому, оставляя весьма узкій проходъ по направленію къ югу, и замѣтный съ моря только около самыхъ береговъ. Бухта, глубоко вдавшись при своемъ началѣ въ скалы состоящія изъ мѣловаго мрамора и конгломерата, оканчивающіяся черноватымъ шиферомъ, переходитъ въ бассейнъ мѣловой формаціи у самой вершины бухты, отъ которой и начинается балаклавская долина, гдѣ жители города Балаклавы добываютъ себѣ лѣсъ, такъ какъ скалы и утесы окружающіе городъ совершенно безлѣсны. У оконечности залива имѣется источникъ прѣсной воды, называемый Гомеромъ фонтаномъ нимфы Артакіи. Онъ вытекаетъ изъ горы называемой Кефало-вриси, т. е. голова или начало источника.

Происхожденіе настоящаго имени Балаклавы ученые объясняютъ различно: такъ Бларамбергъ, производитъ имя Балаклавы отъ Паллаку-Лаба, т. е. пристань Палакуса, сына Скилура царя Скифскаго. Между тѣмъ М. Броневскій, дважды посылаемый Баторіемъ къ татарамъ, въ сочиненіи своемъ: «Tartariae Discriptio» изданномъ въ Кельнѣ въ 1596 г., производитъ названіе Балаклавы отъ турецкаго балыкъ-рыба, такъ какъ балаклавская бухта изобилуетъ рыбою. Въ пользу послѣдняго показанія говоритъ то, что въ дѣлахъ крымскихъ 1585 года, городъ этотъ названъ «Балаклеей». Притомъ имя это придается разнымъ другимъ мѣстностямъ, гдѣ турки и татары могли заниматься рыболовствомъ и которыя ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли быть обязаны своимъ именемъ тавроскифскому принцу Палакусу.

Балаклава, подобно всему прибрежью Чернаго моря, перешла черезъ руки многихъ народностей. Въ средніе вѣка она была въ рукахъ генуэзцевъ, построившихъ на крутомъ возвышеніи съ восточной стороны гавани укрѣпленный замокъ, развалины котораго еще и теперь видны. Впослѣдствіи, при покореніи крымскаго полуострова татарами, Балаклава также подпала подъ ихъ иго, и городъ постепенно сталъ приходить въ упадокъ. Въ концѣ XVIII вѣка, когда Таврида была присоединена къ Россіи, мы видимъ Балаклаву военнымъ городомъ греческаго легіона.

Во время войны съ Турціей (1768—1774 гг.), какъ извѣстно, греки составляли часть нашихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, находившихся подъ начальствомъ графа Орлова-Чесменскаго. По окончаніи войны греки эти, по волѣ императрицы Екатерины II, были приняты подъ ея особое покровительство, и, какъ офицеры, такъ и солдаты, были приглашены «буде пожелаютъ» перейдти на жительство и службу въ Россію, съ сохраненіемъ чиновъ и личныхъ правъ и съ надѣленіемъ земель «для ихъ обитанія и будущаго благосостоянія ихъ семействъ и потомковъ». Участь этихъ семействъ была устроена рескриптомъ отъ 28-го марта 1775 г., даннымъ на имя графа Орлова-Чесменскаго. Въ томъ же году они и переселены въ Россію, въ Керчь, Еникале и Таганрогъ. Но видно, что въ 1777 году ихъ водвореніе еще не совершилось, потому что А. А. Скальковскій разбирая архивы, нашелъ разныя распоряженія Потемкина, относящіяся къ этому времени, и касающіяся устройства албанскаго войска. Въ 1778 году мы видимъ многихъ изъ этихъ албанцевъ, подъ начальствомъ Суворова въ Крыму, при умиреніи тамошняго возмущенія. Объ нихъ-то Суворовъ и писалъ въ воен-

ное министерство: «Бога ради, осемьяните албанцевъ, или они вымрутъ, какъ древняя мекленбургская армія». Греки попали въ Крымъ по распоряженію Потемкина, который, получивши званіе таврическаго губернатора, увидалъ необходимость ввѣрить защиту и надзоръ за южною береговою частію Крыма, покрытою горами, не имѣющею дорогъ и представляющую безчисленныя удобства къ убѣжищу въ разныхъ мѣстахъ большимъ и въ особенности маленькимъ непріятельскимъ судамъ,—людямъ храбрымъ, испытаннаго мужества, знакомымъ съ горными мѣстами, привыкшими къ морской и сухопутной службѣ и къ тамошнему образу жизни, и—что всего важнѣе—на вѣрность коихъ можно бы было положиться. Выборъ палъ на греческое войско—и Балаклава была назначена постояннымъ мѣстопребываніемъ.

Водворенные въ Балаклавѣ, подъ именемъ греческаго легіона, греки были подчинены правиламъ нашихъ иррегулярныхъ войскъ.

Имъ пожалована была отъ казны земля, съ обязательствомъ нести срочную военную глужбу; а въ свободное отъ службы время, дозволено было производить торговлю моремъ и сухимъ путемъ, на общемъ положеніи и заниматься промыслами. Такимъ образомъ Балаклава обратилась въ военное поселеніе, здѣсь находился штабъ греческаго легіона расположеннаго не только въ самой Балаклавѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ: Кадыкой, Карони, Камары, Алеуй, Кермеичука, Лаку и Аутки.

Исключительно военный характеръ города, запрещеніе лицамъ другаго званія имѣть собственность въ Балаклавѣ и близость другихъ свободныхъ портовъ, не смотря на удобства балаклавской гавани, никогда не позволяли развиться здѣсь значительной торговлѣ, а потому и городъ никогда не могъ достигнуть замѣтнаго благосостоянія.

Военный характеръ города продолжался до 15 ноября 1859 года, когда приказомъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора дано было знать, что греческій легіонъ упраздняется и Балаклава обращается въ заштатный городъ, обществу коего имѣющему составиться изъ желающихъ лицъ всякаго состоянія предоставлено пользоваться бухтою для рыболовства. Это составляетъ такъ - сказать исключеніе изъ общаго закона о свободѣ морскаго лова; но, во-первыхъ, оно не представляетъ на практикѣ никакого неудобства, такъ какъ Балаклавская бухта можетъ считаться какъ бы внутреннимъ бассейномъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ дачами одного владѣльца, и во-вторыхъ, потому, что кромѣ рыболовства жители Балаклавы почти не имѣютъ другихъ средствъ къ пропитанію, такъ какъ земля отведенная городу расположена большею частію въ гористой мѣстности и состоитъ изъ каменной почвы, мало удобной для пастбищъ.

Общество заштатнаго города Балаклавы составилось изъ тѣхъ же грековъ военнаго легіона; только наиболѣе состоятельныя лица, выйдя изъ обязательства военнаго положенія, поспѣшили переселиться въ другіе мѣста Новороссійскаго края. Такимъ образомъ, городъ остался населенъ лишь греками рыбаками.

По свѣденіямъ таврическаго статистическаго комитета, въ настоящее время, городъ Балаклава состоитъ изъ трехъ каменныхъ церквей и 2 кам. часовень, 1 казеннаго каменнаго, 131 кам. и 31 дер. частныхъ домовъ; лавокъ 22, фабрикъ и заводовъ нѣтъ. Населеніе Балаклавы состоитъ изъ 808 душъ обоего пола, изъ коихъ купцовъ (2-й гильдіи) одинъ.

По занятіямъ жители распредѣляются такъ: въ государственной службѣ, военной 5 и гражданской 14; повивальная бабка 1, булочниковъ 2, рѣзникъ 1, портныхъ 4, швей 2, сапожниковъ 4, поваръ 1, кухарокъ 3, извощиковъ 2, садовниковъ 32, кузнецовъ 2, цирюльникъ 1, серебряныхъ дѣлъ мастеръ 1, плотникъ 1 и проч. Наибольшее число жителей занимается рыболовствомъ, для котораго Балаклава представляетъ всѣ удобства и полное изобиліе.

Главный ловъ производится зимою, такъ какъ въ это время въ бухту набирается много кефали, султанки и хамсы. О томъ, какъ балаклавская бухта изобилуетъ рыбою, можно судить по слѣдующему разсказу. Въ 1859 году, хамса (анчоусы), преслѣдуемые дельфинами, забѣжали въ балаклавскую бухту въ такомъ количествѣ, что не было видно вовсе воды. Отъ такого скученія, рыба вся задохлась и задушила всю прочую рыбу, отъ гніенія которой распространилось такое зловоніе, что серебро въ шкапахъ и масляныя картины совершенно почернѣли. Изъ угла бухты, гдѣ послѣдняя очень мелка, заставляли выгребать хамсу и уносить въ мѣшкахъ. Ее зарывали въ землю, нѣкоторые удобряли поля, но все это не могло уменьшить зловонія, продолжавшагося почти цѣлый годъ. По словамъ жителей, тутъ погибли милліоны хамсы. Въ малыхъ размѣрахъ повторилось это и въ 1867 году.

Пароходы Р. О. П. и Т., содержащіе сообщеніе между портами Чернаго моря, не заходятъ въ Балаклаву, въ которую можно попасть или «съ оказіей» на какомъ-нибудь парусномъ суднѣ, или же берегомъ на почтовыхъ. До послѣдняго времени черезъ Балаклаву шла почтовая дорога изъ Севастополя къ Байдарскимъ воротамъ, но теперь станція въ Балаклавѣ упразднена, и Балаклава оказывается «за штатомъ» въ полномъ смыслѣ слова. А между тѣмъ, сколько красоты, сколько величія въ горныхъ скалахъ, окружающихъ Балаклаву!

Я уже сказалъ, что балаклавская бухта соединяется съ моремъ лишь узкимъ и извилистымъ проливомъ. Это было причиною того, что прежде балаклавскую бухту считали недоступной,—а между тѣмъ, въ послѣднюю крымскую войну весь англійскій флотъ стоялъ въ этой бухтѣ. Балаклава была для англичанъ станціей, гдѣ они имѣли свои мастерскія; они построили здѣсь пристань, нынѣ развалившуюся, магазины и проч., но теперь остались только слѣды этихъ построекъ—и городъ Балаклава совсѣмъ превратился въ маленькую, полуразрушенную, но все-таки крайне живописную и оригинальную деревушку.

Пріятно прокатиться вечеромъ, на лодкѣ, по зеркальнымъ водамъ бухты. Оттолкнувъ лодку отъ пристани, вы тихо плывете по гладкой поверхности водъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ скалами. Слѣва горы высокія и обрывистыя—и на верху ихъ, по гребню, нѣсколько полуразрушенныхъ башенъ генуэзскихъ укрѣпленій; справа — горы болѣе отлогія; а посерединѣ городъ прильнувшій къ горамъ, и какъ бы цѣпляющійся за уступы. Заходящее солнце не достигаетъ уже вашей лодки, но наверху лучи его сверкаютъ еще по снѣговымъ отрогамъ, освѣщая высокіе домики и оттѣняя силуеты мрачныхъ башенъ. Кругомъ безмятежная тишина. Вотъ лодка поворачиваетъ въ проливъ, соединяющій бухту съ моремъ. Скалы сближаются, становятся мрачнѣе, а наверху, надъ головою синѣетъ яркое, прозрачное не-

бо, представляющее рѣзкій контрастъ съ черной, какъ бы бездонной пропастью воды. Но лодка, скользящая по проливу, поворачиваетъ еще разъ, и передъ глазами вашими открывается свѣтлая картина безпредѣльнаго моря. У береговъ оно тихо, гладко, но вдали вы видите рябь поднимаемую вѣтеркомъ, надувающимъ и тѣ паруса, бѣлизна которыхъ рельефно отдѣляется отъ лазури неба и воды. Передъ вами заходящее солнце, тихо утопающее въ спокойномъ морѣ...

Балаклава изрѣдка посѣщается туристами. Заштатный городокъ не можетъ представить конечно тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкли путешественники въ Ялтѣ или Ѳеодоссіи; но зато здѣсь, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ южнаго Крыма, природа сохранилась во всемъ ея величіи.

II.

Ялта.

Одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Таврической губерніи, лежитъ въ центрѣ южнаго берега Крыма, при быстромъ ручьѣ, ниспадающимъ съ горъ, въ 90 вер. къ югу отъ Симферополя. Въ древности, на мѣстѣ, гдѣ теперь построена Ялта, находилась генуэзская колонія Яилита, извѣстная своею обширною торговлею.

Въ настоящее же время отъ этой колоніи сохранились развалины бывшей въ ней крѣпостцы, разрушенной землетрясеніемъ въ XV столѣтіи.

Позднѣйшее возобновленіе Ялты относится къ 1779 году, когда императрица Екатерина II повелѣла здѣсь поселить нѣсколько семействъ арнаутовъ т. е. албанцевъ.

(Албаніею называлась древняя область кавказскаго края, между Каспійскимъ моремъ и Иберіей; названіе же албанцевъ — арнауты — дано турками и происходитъ изъ слова арванитъ, древняго имени албанцевъ).

Съ поселеніемъ вышеупомянутыхъ семействъ, началось существованіе и извѣстность мѣстечка Ялты; въ городъ же оно переименовано было императоромъ Николаемъ I въ 1837 году, въ день освященія церкви, построенной во имя св. Іоанна Предтечи, на мѣстѣ развалинъ храма этого святаго, въ оградѣ котораго погибъ храбро защищавшійся отрядъ русскихъ во время войны, веденной съ турками Екатериною Великою въ 1769 г., подъ начальствомъ Румянцева Задунайскаго.

По выходѣ изъ освященной церкви, государь императоръ соизволилъ повелѣть наименовать мѣстечко Ялту городомъ.

Вотъ всѣ историческія данныя, которыя извѣстны объ Ялтѣ; теперь же этотъ городокъ оживился и обстроился кругомъ дачами, чему не мало способствовало построеніе Ливадіи и увеличеніе числа путешественниковъ, которые съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе съѣзжаются въ этотъ дивный уголокъ Россіи.

Ялта лежитъ у самаго берега моря, вся затонувши въ зелени, изъ которой чрезвычайно прихотливо выглядываютъ крыши окружающихъ ея дачъ.

Фонъ же этой картины составляютъ горы съ гуляющими по нимъ облаками.

У берега построена пристань и домъ агенства «Русскаго Общества Пароходства и торговли», отъ котораго вдоль берега тянется, въ одну аллею весьма еще молодыхъ и тощихъ акацій, такъ-называемый бульваръ.

Къ нему примыкаетъ улица, называемая набережною, съ выходящими на нее двумя гостинницами, домомъ благороднаго собранія и еще очень красивымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщаются учрежденія управленія Ялтою; домъ этотъ принадлежитъ двумъ хозяевамъ татарамъ.

Между домомъ агенства и одною изъ гостинницъ устроенъ базаръ, на немъ же находится колодезь, изъ котораго водовозы развозятъ воду, а татары проводники, мѣстные чичероне, поятъ своихъ верховыхъ лошадей.

Изъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ церкви нѣтъ ни одного.

Самая жизнь въ Ялтѣ не дешева; время же лѣтомъ проводится весело, но зато зимой здѣсь царствуетъ страшнѣйшая скука.

Въ 16-ти верстахъ отъ Ялты находится Алупка, принадлежащая князю С. М. Воронцову, въ числѣ многихъ его имѣній, расположенныхъ на южномъ берегу Крыму.

Мѣсто, на которомъ построена Алупка, съ давнихъ временъ было обитаемо, какъ о томъ можно было заключить по остаткамъ развалинъ древней крѣпостцы «Алупки-Исавръ», находившейся нѣкогда на полчаса ѣзды отъ нынѣшняго замка, на высокой скалѣ, гдѣ теперь поставленъ крестъ, и гдѣ среди развалинъ уже успѣли вырости сосны, имѣющія при корнѣ болѣе пяти аршинъ въ обхватѣ; названіе свое Алупка, вѣроятно, получила отъ той-же крѣпости.

Но своимъ настоящимъ устройствомъ и великолѣпіемъ, Алупка обязана покойному графу Мих. Сем. Воронцову; онъ, по возвращеніи своемъ изъ Франціи съ отдѣльнымъ корпусомъ войскъ, начальство котораго было ввѣрено ему,—былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, и при объѣздѣ южнаго берега обратилъ особенное свое вниманіе на Алупку, гдѣ съ 1825 года сталъ скупать у татаръ приморскія земли имъ принадлежавшей деревни и на нихъ развелъ садъ, поражающій въ настоящее время всякаго пріѣзжаго, особенно съ сѣвера, своею красотою, богатствомъ растительности и необыкновенною прелестью мѣстоположенія, которая здѣсь невообразима: съ правой стороны, надъ моремъ виситъ громадная скала Ай-Петри (св. Петра), высота ея простирается до 578 сажень надъ уровнемъ моря; съ лѣвой—вы видите цѣлыхъ два моря: одно—Черное, съ колеблящуюся поверхностью, а другое море—море зелени: кипарисовъ, миртъ, лавровъ, магнолій, тутовыхъ, гранатныхъ и масличныхъ деревъ, и рядомъ съ этими растеніями юга, растетъ и наша сѣверная сосна, но только не одиноко, а обвитая ползущимъ плющемъ самою природою.

Такое разнообразное море зелени окружаетъ весь замокъ и тянется по холмистому склону горъ, вплоть до самаго берега моря. Въ 1829 году графъ Мих. Сем. выстроилъ для татаръ мечетъ въ Алупкѣ, которая принадлежитъ къ лучшимъ въ Крыму и стоила до 30,000 тыс. руб.; въ 1834 году было приступлено къ постройкѣ самаго замка—дворца, который обращаетъ на себя вниманіи по своей грандіозности изяществу отдѣлки и роскоши убранства.

Планъ для него составленъ былъ англійскимъ архитекторомъ Блоромъ (Blore), въ восточномъ вкусѣ; постройка производилась подъ надзоромъ архитектора Гонта и англійскихъ мастеровъ, нарочно для этого выписанныхъ изъ Лондона.

Дворецъ построенъ изъ крымскаго камня гранита грюнштейна, на скалѣ, и имѣетъ видъ неприступнаго замка.

Увѣряютъ, что при взрываніи и разбитіи скалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено было строить самое

зданіе, подъ огромнымъ камнемъ найдены были слѣды прежняго жилища имъ раздавленнаго. Во дворцѣ съ флигелями считаютъ болѣе 200 комнатъ; въ главномъ же зданіи заслуживаютъ особеннаго вниманія кабинетъ Е. К. Воронцовой, гостиная драпированная въ восточномъ вкусѣ, библіотека и обширная столовая, устроенная по образцу средневѣковыхъ залъ, съ дубовымъ рѣзнымъ потолкомъ. Стѣны увѣшаны портретами предковъ, а въ передней стѣнѣ устроено два фонтана въ видѣ камина.

Посредствомъ особо сдѣланной лѣстницы можно всходить на крышу замка, образующую террасу, которая съ трехъ сторонъ обставлена гранитными зубцами, а со стороны моря такою-же балюстрадой.

Видъ, открывающійся съ нея на окрестности, очарователенъ; съ одной стороны тянется высокій хребетъ Яйлы, съ гуляющими по немъ облаками, а съ другой раскинулась широкая даль безбрежнаго моря, на которую словно оперся небесный сводъ.

Вся эта восхитительная и вмѣстѣ съ тѣмъ грозная природа производитъ впечатлѣніе остающееся на долго, если не на всю жизнь, такъ дивно хороша и живописна картина мѣстоположенія Алупки. Одно только приходится жалѣть, смотря на эту роскошь, что ею никто не пользуется, такъ какъ самъ владѣлецъ постоянно живетъ за границей и пріѣзжаетъ въ Алупку, какъ говорится, наѣздомъ; но это нисколько не уменьшаетъ расхода на содержаніе имѣнія, который простирается чуть не до 100 т.

Изъ пустаго въ порожнее.

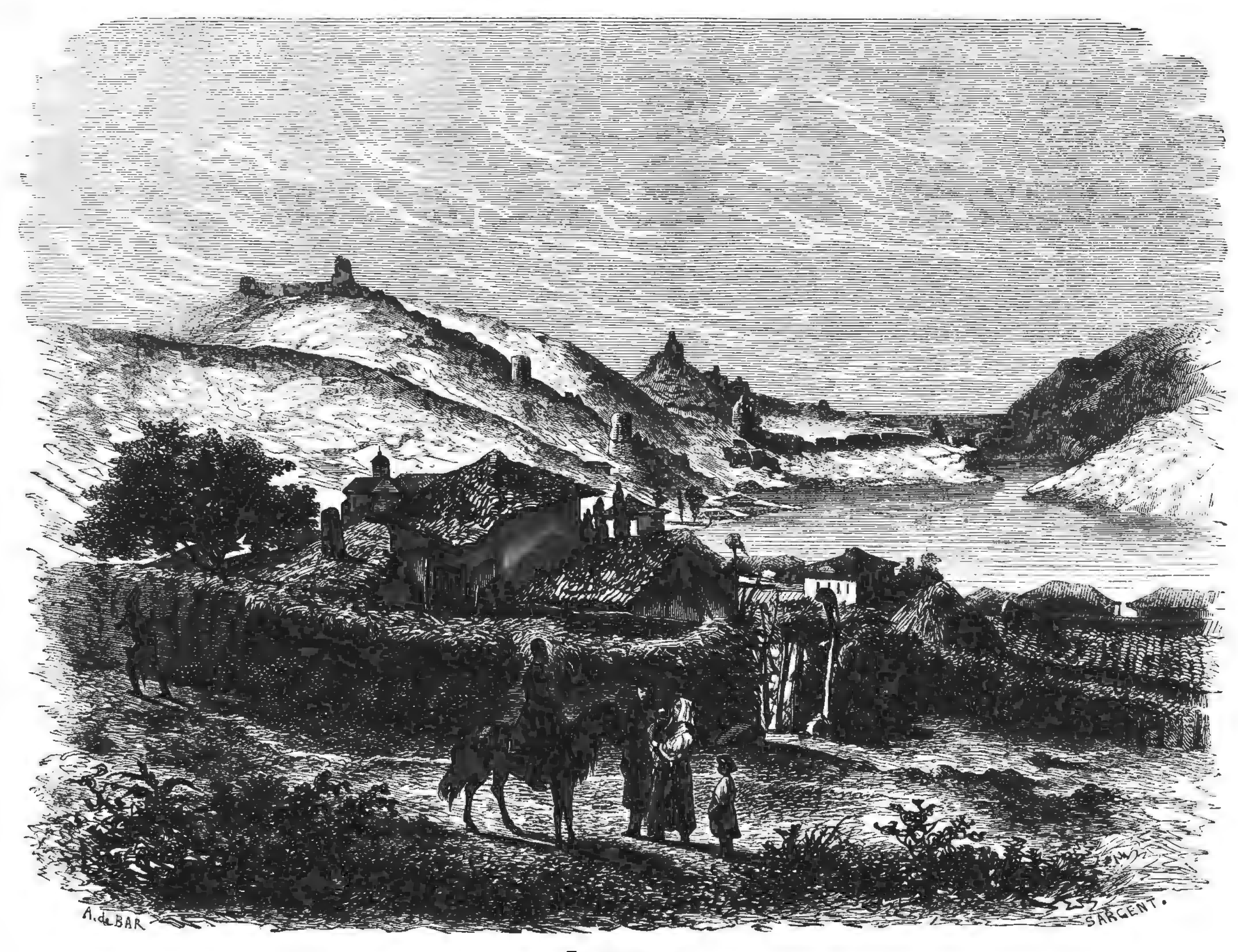
(Отчего я надѣюсь быть не скучнымъ. — На какіе вопросы интересно было бы получить отъ г. Благосвѣтлова отвѣты. — Какихъ женщинъ я люблю и какихъ не люблю. — Что такое жизнь? — Разница между мною и Гейне. — Сударыня, читали-ли вы послѣдній романъ? — Устройство акціонернаго общества подъ названіемъ «Романное производство». Г. Окрейцъ какъ редакторъ а г. Корневъ какъ авторъ. — За что мы желали бы увѣнчать его голову лавровымъ вѣнкомъ. — Имянинный пирогъ и романы à la Корневъ.)

Сударыня! я почти увѣренъ, что мои бесѣды вамъ не наскучатъ. Во первыхъ, я вамъ даю честное слово, что я не стану толковать съ вами о меньшей братіи (разумѣется, исключая самихъ крайнихъ случаевъ), объ эксплоатаціи, объ ассоціаціяхъ, о женскомъ вопросѣ. Я очень хорошо знаю, какъ вамъ надоѣли всѣ эти вопросы, а въ особенности пресловутый женскій вопросъ,—какъ бы вы желали отвернуться и не слышать этого постояннаго жужжанья о женскомъ вопросѣ отъ разноцвѣтныхъ мухъ нашей журнальной фауны. Но вы не знаете, какъ это сдѣлать приличнымъ образомъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, надоѣдаетъ одна и та же пьеса, какъ бы хороша она ни была и какъ бы хорошо она ни была разыгрываема даже хорошими артистами;—тѣмъ болѣе, когда она разыгрывается такими бездарностями какъ наши артисты. Сударыня, наши артисты чрезъ чуръ плохи, просто изъ рукъ вонъ. Они съ какимъ-то нахальствомъ не хотятъ замѣчать иронической улыбки и двусмысленныхъ взглядовъ своихъ слушателей (наши слушатели далеко не требовательны), скрипятъ, да скрипятъ, просто уши вянутъ! Милые музыканты! я не противъ музыки, я только противъ васъ. Я говорю, что вы не понимаете тѣхъ мотивовъ, которые вы разыгрываете. Я говорю, что истинный артистъ, играя какую-нибудь пьесу, отдается ей всецѣло; у него нѣтъ никакихъ мелочныхъ интересовъ и расчетовъ. Ваша-же рука водитъ смычкомъ по разбитой скрипкѣ совершенно безсознательно, въ ожиданіи выбрасываемыхъ нѣсколькихъ мелкихъ монетъ.

Подумайте сами, господа, можно-ли обвинять того въ отрицаніи музыки, кто скажетъ, что вы не артисты, а прямо уличные нищіе... Сударыня, какъ вамъ это нравится! нѣсколько мелкихъ монетъ за музыкальный мотивъ. Вы не хотите вѣрить, такъ обратитесь къ г. Благосвѣтлову относительно женскаго вопроса и спросите его: отчего тѣ господа, которые ратуютъ за женскій трудъ платятъ женщинамъ-переводчицамъ меньше двумя рублями съ листа, чѣмъ мужчинамъ? Чѣмъ эти несчастныя труженицы заслужили такую кару? Отчего эти несчастныя труженицы, работая въ темныхъ холодныхъ комнатахъ, не разгибаясь, 16 часовъ въ сутки, работая до того, что харкаютъ кровью, отчего, говорю я, онѣ лишаются трудовыхъ двухъ рублей? Оттого ли, что онѣ женщины, что ихъ трудъ менѣе требователенъ! Но вѣдь, господа, вы ратуете противъ эксплоатаціи, которая именно и пользуется этимъ безвыходнымъ положеніемъ человѣка. Спросите-ка, сударыня, объ этомъ г. Благосвѣтлова. Вѣдь онъ поборникъ женскаго труда, вѣдь этотъ вопросъ близокъ его сердцу. Онъ, вѣроятно, знаетъ о существованіи такихъ фактовъ. Сударыня, эти факты существуютъ; я знаю этихъ несчастныхъ женщинъ, которыя имѣли дѣло съ этими эмансипаторами и проклинаютъ свою судьбу. Спросите г. Б., какъ онъ, ярый противникъ эксплоатаціи труда, поборникъ ассосіаціонныхъ началъ, на какихъ началахъ онъ расчитывается съ своими сотрудниками? На началахъ-ли ассосіаціонныхъ или на началахъ всѣхъ торговцевъ Апраксина двора? Вѣдь, я думаю, что г. Б. не откажется вамъ это выяснить, развить свои взгляды. Вѣдь онъ охотникъ до развиванія... Сударыня, если пойти на откровенность, я вамъ долженъ сказать, что я самъ ужасно не долюбливаю женскаго вопроса, не смотря на то, что люблю женщинъ,—но женщинъ безъ всякихъ вопросовъ, а прямо женщинъ. Сударыня, не осуждайте меня за мое расположеніе къ женщинамъ, я въ этомъ ничуть не виноватъ: онѣ на то и созданы, чтобы ихъ любили. Да, сударыня, любовь самое великое слово, какое только существуетъ въ лексиконѣ человѣческаго языка. Это рычагъ всего органическаго міра, это всеобщая понацея. Любовь—это жизнь. Не будь любви, не было-бы и жизни. Сударыня, ни одно существо въ мірѣ не должно стѣсняться своею жизнью; а я, сударыня, люблю жизнь со всѣми ея радостями и мерзостями, со всѣми ея волненіями и бурями, со всѣми ея мученіями и страданіями, со всѣми ея увлеченіями и порывами... Сударыня, любите ли вы жизнь такъ, какъ я ее люблю? Да знаете-ли что такое жизнь? Да, сударыня, если вы не испытали въ жизни такія минуты, когда кажется что будто весь организмъ пропитанъ какимъ-то мучительно-жгучимъ веществомъ, что будто каждая ваша жилка, каждый волосъ страдаетъ отдѣльнымъ страданіемъ, что на васъ нападаетъ какое-то отупѣніе, что ваша грудь сжата какими-то тисками, что ваша комната становится для васъ тѣсной, вы не можете ни стоять, ни сидѣть, въ какомъ-то нервномъ пароксизмѣ,—что самая темная ночь кажется вамъ слишкомъ свѣтлой, что вы-бы хотѣли переселиться въ какую-то непроницаемую тьму, что самымъ легкимъ вамъ кажется избавленіе отъ жизни и вы живете только потому, что вамъ нравится эта жизнь со всѣми ея пытками,—то вы не знаете, что такое жизнь. Жизнь это безконечно могучее море, его могучія волны нельзя заключить въ тѣсныя рамки какого нибудь тупоголоваго мудреца. Эту-то жизнь нужно узнать. «Каждому человѣку» необхо-

димо обладать всѣми средствами для того, чтобы онъ могъ поддерживать свою жизнь и дѣлать ее по возможности болѣе удобной. Сударыня, вы понимаете, что нѣтъ никакого женскаго вопроса, а есть только вопросъ жизни—тяжелый вопросъ. Его одними фразами и возгласами разрѣшить нельзя.

Во вторыхъ, сударыня, я думаю, что вы со мною не будете скучать, потому что я самый веселый человѣкъ въ свѣтѣ. Гейне самый вѣжливый человѣкъ, во всемъ свѣтѣ, а я самый веселый; я во всемъ похожъ на Гейне, какъ двѣ капли воды, какъ г. Курочкинъ на Беранже, Омулевскій на Шпильгагена. Я живу на той же планетѣ что и Гейне, я смотрю на то же небо, на тѣ звѣзды, что и Гейне; я отличаюсь только тѣмъ, что Гейне былъ самый вѣжливый толковать о пустякахъ съ учеными пріемами, съ какою то комическою серіозностью какъ будто дѣло идетъ Богъ знаетъ о какихъ важныхъ матеріяхъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ ученые. Я о пустякахъ люблю толковать какъ о пустякахъ—самыхъ веселымъ тономъ; сударыня, я съ вами именно буду говорить о пустякахъ, о всевозможныхъ пустякахъ, какъ напримѣръ о балахъ, о нарядахъ, о литературѣ, литераторахъ, о Щапенскихъ лошадяхъ, о редакторахъ, о ихъ темахъ, о ихъ стремленіяхъ, о редакціяхъ, о сотрудникахъ, о посыльныхъ, о критикахъ, однимъ словомъ будемъ переливать изъ пустаго въ порожнее, сударыня; вамъ будетъ весело, потому-что мнѣ самому весело живется на бѣломъ свѣтѣ. Я всегда и надъ всѣмъ смѣюсь, я смѣсь не только



Балаклава.
Рисовалъ де Баръ, гравировалъ С. Саржаннъ.

а я самый веселый во всемъ свѣтѣ; Гейне—замѣчательный поэтъ, я не поэтъ... но вѣдь талантъ пустяки! Кто въ настоящее время смотритъ на талантъ!.. Развѣ есть у насъ хоть мало-мальски сносный талантъ, котораго прочитавши бы нельзя было воскликнуть: oh, das ist eine alte geschichte und keinmal war sie nicht neu. Талантъ это другая животворящая природа. Въ природѣ нѣтъ стараго; то что старѣется—не талантливо. Въ настоящее время самое главное—твердое убѣжденіе, пониманіе требованій времени. Будь вы хотя осломъ, но будь у васъ твердое убѣжденіе, пониманіе требованія времени,—и власть имѣющіе васъ возведутъ въ великіе таланты, вамъ дадутъ названіе современнаго писателя. Да, сударыня, я самый веселый человѣкъ во всемъ свѣтѣ, вы можете быть увѣрены, что я вамъ не стану толковать объ ученыхъ матеріяхъ. Веселые люди не любятъ надъ тѣмъ, что возбуждаетъ смѣхъ, но и надъ тѣмъ, что возбуждаетъ плачъ. И когда у меня подступаютъ слезы, я разражаюсь громкимъ хохотомъ. А, сударыня, вы не знаете какъ это скверно, когда плакать хочется, а разражаешься громкимъ хохотомъ! Больно сердцу, сударыня, оно сжимается какою-то жгучею болью; но это больно мнѣ, а вамъ, сударыня, будетъ весело. Я хочу чтобы вамъ было весело, потому что я живу для васъ, для вашихъ прекрасныхъ глазъ сударыня, ваши глаза для меня главное; я больше всего люблю глаза. Глаза, это великая вещь; у кого хорошіе глаза, тотъ видитъ все въ настоящемъ видѣ; предъ нимъ иногда исчезаетъ величіе самыхъ величайшихъ людей на свѣтѣ, какъ напр. г. Благосвѣтловъ. Они остаются миніатюрными микроскопическими существами.

Сударыня, читали-ли вы послѣдній романъ? Вамъ все

равно: чей бы то ни было. Новѣйшіе романы отличаются одинъ отъ другого только тѣмъ, что герой одного романа Иванъ Петровичъ, герой другаго романа Николай Степанычъ. Герой одного романа ложится спать въ 12 ч. а встаетъ въ 8 ч. утра. Герой другаго романа ложиться въ 2 часа а встаетъ въ 10 ч. Героиня одного романа носитъ черное платье и бархатную кофточку, ея свѣтлорусые волосы окаймляютъ ея милое личико и проч. и проч... Героиня другого романа носитъ голубое платье, ея густые черные какъ воронье крыло волосы придаютъ ея лицу какую-то прелесть и пр. и пр... Одинъ романъ основывается на томъ, что жить честнымъ трудомъ хорошо, а нравоученіе другаго романа, что жить безчестнымъ трудомъ безчестно. Всѣ герои и героини говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, однимѣ и тѣми же фразами. Всѣ авторы этихъ многихъ романовъ знаютъ жизнь настолько, что знаютъ что человѣку нужно ѣсть, пить, спать; всѣ они знаютъ человѣческую душу настолько что знаютъ, что когда человѣкъ чѣмъ нибудь взволнованъ—онъ ходитъ скорыми шагами по комнатѣ и ерошитъ свои волосы (если они у него имѣются и оный не плѣшивъ), что когда человѣку скверно, ему это непріятно, а когда человѣкъ веселъ, онъ какъ то веселѣе смотритъ на міръ Божій и проч. и проч. Одно и то же скудоуміе, нигдѣ ни капли живаго творчества. Одни и тѣже мелкіе идеальчики, такъ что если вы прочитали какой-нибудь романъ, то преспокойно можете остальныхъ не читать. Вы прочитали послѣдній романъ, я сударыня хочу просить вашего просвѣщеннаго содѣйствія; я задумалъ великое дѣло для блага отечества: я думаю основать акціонерное общество производства романовъ, въ этомъ именно я и хочу просить вашего просвѣщеннаго содѣйствія. Я хочу чтобъ вы были моею акціонершею. У васъ денегъ нѣтъ—пустяки! Я запишу на ваше имя пятьдесятъ акцій съ переводами. Вы понимаете, мнѣ нуженъ вашъ голосъ, я хочу попасть въ директоры этого общества. Я надѣюсь, что вы подадите за меня вашъ голосъ (разумѣется, это для васъ будетъ не убыточно). Вы можетъ хотите знать, будетъ ли имѣть это предпріятіе успѣхъ? О, навѣрное. Отчего жъ, я найму батраковъ за ничтожную цѣну, я самъ буду чертить планы, а батраки будутъ работать. Трудъ распредѣлю самымъ тщательнымъ образомъ: одни будутъ дѣлать руки героевъ, другіе ноги, третьи головы (разумѣется, пустыя) и такъ далѣе. Въ случаѣ же надобности въ переводахъ, мы будемъ издавать вновь давнишніе чужіе переводы подъ своей фирмой; — такимъ образомъ наше общество будетъ имѣть возможность производить около 100 тыс. новыхъ романовъ въ 1 годъ. (Я здѣсь не пускаюсь въ подробности устройства этого общества).

Алупка.
Рисовалъ Александръ де Баръ, гравировалъ Паннемакеръ.

Наше общество будетъ имѣть цѣлію снабжать всѣ редакціи своими произведеніями; если же нѣкоторыя редакціи не будутъ нуждаться въ нашихъ произведеніяхъ, потому что у нихъ есть свои батраки, въ такомъ случаѣ мы можемъ обратиться къ г. Окрейцу, который издаетъ безчисленное множество журналовъ критическихъ, библіографическихъ, политическихъ, оригинальныхъ, переводныхъ, спеціальныхъ, рукодѣльныхъ и прочихъ наименованій. Г. Окрейцъ будетъ очень радъ, когда у него будетъ возможность наполнять свои журналы нашими произведеніями. Онъ человѣкъ доб-

рый, неразборчивый. Онъ напр. помѣщаетъ такіе переводные романы, которые были напечатаны лѣтъ 10 тому назадъ. Онъ до того не разборчивъ, что совершенно не читаетъ а смотритъ только на заглавіе. Онъ большой охотникъ до романовъ со стачками. Онъ разъ помѣстилъ въ журналѣ романъ со стачками, совершенно противорѣчившій его радикальнымъ стремленіямъ. Онъ увидѣлъ слово «стачка» и обрадовался—а совершенно не предполагалъ, что о нихъ можно говорить про и контра. Это его единственное счастье, что никто не читаетъ его безчисленное множество романовъ, а то его романъ могъ бы повредить его радикальной репутаціи...

Сударыня, успѣхъ этого общества вѣрный, поэтому я и прошу вашего просвѣщеннаго содѣйствія; я увѣренъ, что вы исполните мое желаніе. Вѣдь я васъ занимаю, я васъ веселю. Вамъ слѣдуетъ меня за это полюбить. Я сударыня люблю, когда меня любятъ,—вопреки тому великому романисту г. Корневу (печатающему свои произведенія въ безчисленномъ множествѣ журналовъ г. Окрейца), мудрые герои котораго разсуждаютъ о Боклѣ и разныхъ дедуктивизмахъ, суетѣ мірской и послѣ перваго поцѣлуя, они мудро разсуждаютъ о предразсудкѣ поцѣлуевъ (авторъ вообще возстаетъ противъ предразсудковъ, напр. противъ имянинъ). Какъ вамъ нравится, сударыня, г. Ковнеръ?.. виноватъ, я хотѣлъ сказать г. Корневъ... Я знаю нѣкоего г. Ковнера, сочиняющаго критики на г. Островскаго (о горе вамъ, г. Островскій! кто на васъ сочиняетъ критики!) и разныя другія премудрости въ журналахъ г. Окрейца. Такъ какъ Ковнеръ похоже на Корневъ, то я всегда путаюсь на этомъ созвучномъ имени. А впрочемъ Богъ его знаетъ, можетъ онъ самъ и есть сочинитель романа. Но какъ вамъ нравится сударыня этотъ сочинитель? Интересно было бы знать, самъ ли авторъ додумался до такой премудрости, дошелъ ли онъ до этого своимъ собственнымъ опытомъ, или онъ вычиталъ это у какихъ-нибудь еврейскихъ, халдейскихъ, греческихъ и пр. мудрецовъ. Интересно было бы знать это; если онъ самъ дошелъ до этого, то мы увѣнчали бы голову этого мудреца лавровымъ вѣнкомъ. Мы уважаемъ просвѣщеніе. Просвѣщайте, просвѣщайте насъ г. Корневъ, мы любимъ нашихъ просвѣтителей. Впрочемъ, г. Корневъ, вы можете отойти въ вѣчную память. Вы сказали ваше послѣднее слово—и мы васъ никогда не забудемъ. Вы можете для литературы преспокойно умереть, на что мы вполнѣ надѣемся. Но если вы не оправдаете нашей надежды и захотите потѣшить насъ вторично вашимъ произведеніемъ, то я вамъ преоставляю полную свободу: вы можете разсуждать обо всемъ, даже объ жизненномъ элексирѣ, нападать на все; но пожалуйста, я васъ прошу покорнѣйше, не нападайте на имянинный пирогъ, потому что этимъ вы меня затрогиваете за живое: я, какъ реалистъ, ужасно люблю пирогъ. Вы г. Корневъ навѣрно никогда не ѣли хорошаго имяниннаго пирога, а то вы какъ реалистъ навѣрное не нападали бы на него: что можетъ быть реальнѣе имяниннаго пирога! Я вамъ долженъ г. Корневъ, правду сказать, что хотя страсть какъ люблю читать такіе романы какъ ваши (знаете — увеселительно), но я отдалъ бы тысячу вашихъ романовъ за кусокъ имяниннаго пирога. А что касается до перваго поцѣлуя, такъ я бы отдалъ за него миріады миріадъ Корневыхъ, Окрейцевъ съ ихъ безчисленными множествами журналовъ.

На первый разъ извините, если соскучились; я еще какъ то не освоился, но наши дальнѣйшія бесѣды надѣюсь будутъ гораздо веселѣе. А если придется когда нибудь поскучать, то что же дѣлать, сударыня? Кто же въ нашъ вѣкъ не скучаетъ?

L'homme qui rit.

Судебная хроника.

О ходѣ слѣдственнаго дѣла.—Процессы: кн. Шаховскаго, князя Гокчайскаго.—Рѣшеніе одесскаго мироваго съѣзда по дѣлу г-жи Валицкой.

Въ газетѣ «Правительственный Вѣстникъ» опубликованы весьма интересныя статическія свѣдѣнія о ходѣ слѣдственной части въ мѣстностяхъ, гдѣ введены новые суды въ полномъ ихъ объемѣ. Не смотря на то, что приводимыя правительственною газетой данныя относятся только къ одному полугодію отъ 1-го іюля по 31-е декабря 1871 года, — изъ нихъ можно составить довольно вѣрное понятіе о движеніи у насъ слѣдственнаго дѣла вообще и сравнить его съ прежнимъ порядкомъ производства слѣдствій. Въ означенное выше полугодіе возникло 31,045 слѣдствій, изъ которыхъ окончено производствомъ 21,031 дѣло, что составляетъ болѣе 67 процентовъ всѣхъ, возникшихъ за это время. Если же къ этому числу прибавить около 7,000 дѣлъ, слѣдствіе по которымъ начато еще до 1-го іюля 1871 года и окончено производствомъ въ отчетное полугодіе, то общее число оконченныхъ производствомъ слѣдствій за это время достигнетъ 28,000, что составитъ болѣе 43 оконченныхъ дѣлъ на каждаго слѣдователя, или по 7 оконченныхъ слѣдствій на одинъ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, каждый слѣдователь, среднимъ числомъ, употреблялъ на окончаніе слѣдствія по 4 слишкомъ дня. Конечно, эта цифра, взятая отдѣльно, безотносительно къ другимъ служебнымъ дѣйствіямъ слѣдователей, выказываетъ дѣятельность этихъ лицъ далеко не въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, такъ-какъ около 7/20 всѣхъ дѣлъ оставались на время нерѣшенными, а между тѣмъ, для своего производства, требовали и времени, и трудовъ; наконецъ, въ кругъ слѣдовательной дѣятельности входитъ также производство такъ-называемыхъ отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, не вошли въ разсчетъ, тогда-какъ и они отнимаютъ у слѣдователя не мало времени, не рѣдко отвлекая его отъ его собственныхъ дѣлъ. Принимая все это во вниманіе, можно съ полнымъ убѣденіемъ сказать, что слѣдственное дѣло идетъ у насъ довольно хорошо. Подтвержденіемъ этому могутъ служить также приводимыя правительственною газетою данныя о дѣятельности слѣдователей по отношенію къ продолжительности производства слѣдствій. Мы узнаемъ, что изъ числа 21,031 оконченныхъ слѣдствій—15,794 дѣла, т. е. болѣе 75%, заняли время менѣе одного мѣсяца каждое; 4,402 болѣе одного мѣсяца и только 835 слѣдствій, т. е. менѣе 4%,—болѣе 3-хъ мѣсяцевъ. По быстротѣ производства слѣдствій, первое мѣсто занимаютъ округа петербургскій и московскій; затѣмъ идутъ: казанскій, одесскій, харьковскій и наконецъ саратовскій. Число обвиняемыхъ, привлеченныхъ къ 21,031 слѣдствіямъ, оконченнымъ производствомъ въ означенное полугодіе, достигаетъ до 24,400 человѣкъ; изъ этого числа: 21,938 мужчинъ и только 2,462 женщинъ. Среднимъ числомъ, на каждое слѣдствіе приходится по 1, 14 человѣка обвиняемыхъ; на 8 обвиняемыхъ мужчинъ приходится только 1 обвиняемая женщина. Относительно къ количеству народонаселенія: наиболѣе преступными, какъ и можно было ожидать, оказываются петербургскій, московскій и одесскій судебные округа, а наименѣе преступнымъ—саратовскій судебный округъ, въ которомъ одинъ подсудимый приходится едва только на 3000 душъ населенія. Число свидѣтелей, спрошенныхъ по дѣламъ, оконченнымъ слѣдователями, простирается до 126,417; изъ нихъ: 102,891 мужчина и 23,526 женщинъ. На каждое слѣдствіе приходится, среднимъ числомъ, по 6 свидѣтелей.

Изъ судебныхъ процессовъ, разбиравшихся въ послѣднее время, останавливаютъ на себѣ вниманіе: дѣло кн. Шаховскаго о растратѣ земскихъ суммъ и дѣло объ именующемъ себя княземъ Гокчайскимъ. Оба эти процесса замѣчательны какъ по личностямъ подсудимыхъ, такъ и по

обстоятельствамъ, въ которыхъ этимъ лицамъ приходилось дѣйствовать. Бывшій членъ Псковской губернской земской управы, завѣдывавшій въ ней счетною частью и денежными суммами, князь Н. Н. Шаховской, обвинялся въ растратѣ 6,672 рублей земскихъ денегъ и въ незапискѣ ихъ въ книги управы, а также въ подложной припискѣ на чекѣ губернской управы 3-хъ тыс. рублей, которые потомъ получилъ изъ псковскаго отдѣленія государственнаго банка и растратилъ какъ свою собственность. Кромѣ этихъ двухъ обвиненій, князь Шаховской обвинялся еще въ похищеніи акціи, принадлежащей г. Аничкову, въ то время какъ оба они жили въ сосѣдствѣ, въ одной изъ псковскихъ гостинницъ, и г. Аничковъ на нѣсколько дней уѣзжалъ въ Петербургъ. На судѣ обвиняемый сознался какъ въ растратѣ земскихъ денегъ, такъ и въ подлогѣ; въ похищеніи же акціи виновнымъ себя не призналъ. Присяжные признали подсудимаго виновнымъ по всѣмъ пунктамъ, исключая кражи акціи, но заслуживающимъ полнаго снисхожденія. А потому судъ постановилъ: 1) «лишивъ подсудимаго всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію и 2) гражданскій искъ, предъявленный къ кн. Шаховскому Псковской губ. земской управой, признать подлежащимъ удовлетворенію въ размѣрѣ 6,668 р. 43¼ съ %, каковыя деньги взыскать съ подсудимаго.»

Дѣло о князѣ Гокчайскомъ представляетъ одинъ изъ куріознѣйшихъ процессовъ нашего времени. Мѣщанинъ гор. Шуши (на Кавказѣ) Иванъ Бабаевъ обвинялся въ такомъ количествѣ разнообразнѣйшихъ по своему характеру преступленій, что невольно становишься въ тупикъ при мысли о возможности въ наше время совершить такую массу противозаконныхъ дѣйствій. Его обвиняли: 1) въ проживаніи въ разныхъ мѣстахъ Россіи съ завѣдомо-подложными документами, составленными отъ имени командира собственнаго Его Величества конвоя, гдѣ онъ будто-бы состоялъ на службѣ; 2) въ томъ, что при помощи этихъ документовъ онъ присвоилъ себѣ права княжескаго достоинства и званіе юнкера; 3) что при помощи этихъ же документовъ, обманнымъ образомъ женился на дочери маіора Екатер. Вартановой; 4) что въ другое время присвоилъ себѣ непринадлежащее ему имя князя Теръ-Акопова; 5) выманилъ у купца Тандова золотые часы и деньги и не возвратилъ ихъ ему; 6) что, покрываясь именемъ князя, выманилъ у фрейлины Ея Величества Петрищевой деньги и долговые документы и употребилъ ихъ въ свою пользу; 7) что взялъ на прокатъ у московскаго фабриканта Эрлангера рояль и сбылъ ее неизвѣстно куда; 8) что составилъ подложную росписку отъ имени дочери протоіерея Никольской въ суммѣ 5,000 р.; 9) главное же обвиненіе противъ него заключается въ томъ, что, начиная съ 1865 года по самый день суда надъ нимъ, онъ пользовался присвоеннымъ имъ именемъ князя Гокчайскаго, опираясь на подложные документы. Присяжные признали подсудимаго виновнымъ во всѣхъ преступленіяхъ, а судъ приговорилъ: лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ неотдаленныя мѣста Сибири.

— Читателямъ нашимъ, вѣроятно, памятно дѣло разбиравшееся у одного изъ мировыхъ судей гор. Одессы, объ оскорбленіи г-жи Валицкой г. Сокальскимъ, редакторомъ «Одесскаго Вѣстника». Теперь это дѣло разбиралось въ тамошнемъ мировомъ съѣздѣ, который, отмѣнивъ приговоръ мироваго судьи (штрафъ съ г. Сокальскаго въ 50 р.); постановилъ сдѣлать обвиняемому выговоръ; апелляціонныя же жалобы сторонъ оставить безъ послѣдствій.

Фельетонъ.

Пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости возвѣстили жителямъ столицы о наступленіи высокоторжественнаго дня празднованія 200-лѣтней памяти великаго преобразователя Россіи. Съ самаго ранняго утра къ домику Петра Великаго стали стекаться массы народа, желавшаго посмотрѣть на церемонію перенесенія иконы Спасителя въ крѣпостной соборъ и на перевозку верейки. Церемонія эта не отличалась особенною торжественностью, что, впрочемъ какъ нельзя лучше шло къ настоящему случаю и напоминало собою ту простоту жизни, которая такъ ярко отличала великаго «радѣтеля» о русской землѣ. Во главѣ процессіи, за конными жандармами, расчищавшими ей дорогу, слѣдовали пѣвчіе въ красныхъ костюмахъ; потомъ духовенство и два протоіерея, несшіе икону, а сзади и по сторонамъ, поднимая пыль, двигалась толпа народа. У церкви Троицы процессію встрѣтило соборное духовенство, въ свѣтлыхъ одеждахъ, съ крестами и хоругвями. Изъ Петропавловскаго собора шествіе направилось къ пристани на Невѣ, гдѣ процессія размѣстилась на суда, для отплытія къ Петровской площади. Здѣсь ей нужно было пройти между двумя рядами различныхъ судовъ, разставленныхъ по Невѣ чуть-ли не до самаго Николаевскаго моста и разцвѣченныхъ флагами. Особенно живописною представлялась эта картина съ высоты крѣпостныхъ стѣнъ и отчасти съ Троицкаго моста. Маленькій бѣленькій пароходикъ, тащившій за собою баржу съ верейкою, окруженною почетнымъ карауломъ, изображалъ какъ-бы побѣду новѣйшихъ изобрѣтеній надъ изобрѣтеніями старыхъ вѣковъ; мѣрно стуча своимъ винтомъ, тащилъ онъ за собой незатѣйливое на видъ, но дорогое по воспоминаніямъ, наслѣдіе прошлаго, смѣло идя впередъ по тому самому пути, по которому когда-то двигались одни только «утлые челны» «убогихъ чухонцевъ». На Петровской площади, такъ-же разцвѣченной флагами, около убраннаго цвѣтами памятника Петра, отслуженъ былъ молебенъ и произведенъ смотръ войскамъ, которыя притомъ прошли церемоніальнымъ маршемъ. На особо устроенныхъ мѣстахъ публики было немного, вѣроятно вслѣдствіе высокой платы, назначенной за нихъ (5 р. за мѣсто); зато густыя толпы наполняли бульвары и набережныя.

По окончаніи церемоніи на Петровской площади, толпы двинулись къ Царицыну лугу, гдѣ ихъ ожидалъ цѣлый рядъ зрѣлищъ и развлеченій. Прежде всего обращала на себя вниманіе коллекція картинъ (числомъ 30), изображающихъ событія изъ жизни Петра Великаго, начиная съ первыхъ лѣтъ его молодости и кончая послѣднимъ событіемъ въ его жизни, отъ котораго онъ заболѣлъ и умеръ. Картины расположены были въ одинъ рядъ, лицомъ къ Лѣтнему саду и очень мило убраны большими занавѣсками съ узорами въ русскомъ вкусѣ. Почти всѣ онѣ, какъ видно, писаны опытною рукою, а нѣкоторыя вышли даже очень удачны, напримѣръ № 1, гдѣ Петръ представленъ разсматривающій астролябію подъ руководствомъ голланца Тиммермана, № 9 — Петръ собственноручно куетъ желѣзо въ кузницѣ, отчасти та, на которой изображена извѣстная сцена въ лагерѣ между Петромъ и его супругою и нѣкоторыя другія. Мысль — представить въ картинахъ главнѣйшія событія изъ жизни великаго преобразователя — нельзя не признать счастливою, и, насколько можно было судить по впечатлѣніямъ толпы, она ей очень понравилась. Жаль только, что подписи на картинахъ были очень пространны и тѣмъ отчасти вводили публику въ заблужденіе; да помѣстить бы ихъ слѣдовало не въ низу картинъ, а вверху, гдѣ каждый могъ бы ихъ прочесть. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ главнѣйшія событія изъ этого замѣчательнаго царствованія могли быть изображены на картинахъ. Но на первый разъ довольно и настоящихъ, и этотъ первый опытъ превзошелъ ожиданія многихъ. Любопытно было смотрѣть на двигавшуюся передъ картинами

толпу и прислушиваться къ ея сужденіямъ и отзывамъ. Насколько я могъ замѣтить, болѣе всѣхъ ей понравилось картина Петръ въ кузницѣ.

«Ай да царь!» слышалось со всѣхъ сторонъ,—«гляди, гляди, самъ-то молоткомъ дѣйствуетъ!..»—«Понимаешь ты, вѣдь это онъ примѣръ вельможамъ подастъ»,—поясняетъ отставной солдатъ затерханному мужиченкѣ въ старомъ армякѣ и съ воспаленными глазами, повидимому каменщику. Тотъ ничего не отвѣтилъ, но долго и сосредоточенно смотрѣлъ на картину. У картинъ, какъ это обыкновенно бываетъ, явились и своего рода комментаторы, поясненія которыхъ показывали иногда полнѣйшее непониманіе того, о чемъ они берутся говорить, подчасъ же были весьма забавны. Напримѣръ, передъ картиною, на которой представлена Ассамблея, одинъ изъ такихъ комментаторовъ пояснялъ окружающимъ, что это Петръ пируетъ на своей свадьбѣ и что вотъ-де и невѣста его сидитъ съ нимъ за столомъ, а бояре пьютъ за здоровье новобрачныхъ и т. п. Интересно было также смотрѣть на чтецовъ, разбиравшихъ по складамъ подписи. Были, кажется, и нарочно назначенные распорядителями чтецы, которые громко и внятно читали подписи у каждой картины; но такихъ было немного.

Отъ картинъ я перешолъ къ народной сценѣ, гдѣ изображался въ лицахъ купецъ Иголкинъ со шведами. Толпа тутъ стояла громадная. Сцена убійства Иголкинымъ двухъ шведскихъ солдатъ вызвала дружный взрывъ хохота, пересыпавшійся остротами въ томъ мѣстѣ, гдѣ виновника убійства хотятъ взять подъ-арестъ. Костюмы и все остальное были довольно вѣрны и отвѣчали тому времени. Объ исполнителяхъ же можно только сказать, что еслибы они поменьше жестикулировали, то было бы гораздо лучше и для нихъ и для зрителей. Хожденіе по вертящемуся бревну, лазанье на мачту, забавный бѣгъ подъ ведромъ, разныхъ видовъ качели и проч., по обыкновенію, сильно занимали публику. Былъ даже одинъ фокусникъ, изъ сыновъ Израиля, показывавшій народу опыты «натуральной магіи.»

Въ этотъ-же день предполагалась на Невѣ у Лѣтняго сада, гонка гребныхъ судовъ разнаго калибра, начиная отъ двухъвесельнаго перевозочнаго ялика до большой матросской гички; но я не могъ попасть на нее. Вечеромъ, набережная со всѣми своими зданіями, а также главнѣйшія улицы освѣтились иллюминаціею, которая, впрочемъ, много потерпѣла отъ естественнаго освѣщенія утренней зарею и луною. На Петербургской сторонѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разложены были даже смоляные костры, около которыхъ останавливались прохожіе.

Политическое обозрѣніе.

Вниманіе Европы сосредоточивается главнымъ образомъ на событіяхъ въ Испаніи. Злополучная страна эта находится въ крайне непріятномъ положеніи, которое еще болѣе ухудшается опасеніями за будущее. Съ одной стороны, представляется далеко еще не подавленное возстаніе карлистовъ; съ другой—недовольство республиканской партіи, которая, хотя и не принимаетъ участія въ карлистскомъ возстаніи, но не прочь воспользоваться настоящимъ смутнымъ временемъ для своихъ цѣлей. Не встрѣчая поддержки ни въ одной изъ партій, правительство начинаетъ чувствовать всю шаткость своего положенія; но продолжаетъ крѣпиться. Прежнее министерство Сагасты, тѣснимое со всѣхъ сторонъ, наконецъ пало. Ближайшею причиною этого паденія было раскрытіе тѣхъ неблаговидныхъ средствъ, которыя оно, съ Сагастою въ главѣ, употребляло при послѣднихъ выборахъ въ Кортесы (палаты представителей страны). Дѣло въ томъ, что Сагаста, разсчитывая для осуществленія своихъ плановъ на своихъ друзей, постарался посредствомъ подкупа залучить ихъ въ число депутатовъ; а потомъ предъявилъ палатѣ счетъ издержекъ по этому предмету. Такой поступокъ произвелъ въ палатѣ общее негодованіе и соединилъ всѣ партіи въ противодѣйствіи планамъ Сагасты, который не только не получилъ требуемой суммы, но долженъ былъ выйти въ отставку. Къ довершенію общей сумятицы, маршалъ Серрано, которому поручено главное начальство надъ правительственными войсками въ дѣйствіяхъ ихъ противъ инсургентовъ, заключилъ съ этими послѣдними миръ довольно-подозрительнаго свойства: въ числѣ пунктовъ объявляющихъ повстанцамъ, участвовавшимъ въ бискайскихъ бандахъ, полное прощеніе, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякой отвѣтственности, находятся и такіе, которыми даруется повстанцамъ не только полная свобода дѣйствій, но даже обѣщается выдача видовъ для тѣхъ лицъ, которые пожелали бы бѣжать за границу. Четвертый пунктъ означеннаго договора распространяетъ прощеніе и на офицеровъ и солдатъ регулярной арміи, которые присоединились къ бандамъ повстанцевъ. При этомъ, начальникамъ и офицерамъ возвращены будутъ прежніе ихъ чины, а солдаты не подвергнутся никакимъ наказаніямъ. Вотъ этотъ-то послѣдній пунктъ и взбудоражилъ испанцевъ: на маршала Серрано посыпались обвиненія со всѣхъ сторонъ,—его упрекали въ снисходительности, переходящей въ потворство возмутившимся, въ трусости и даже въ измѣнѣ причемъ маршалу приписывали тайное намѣреніе привлечь на свою сторону какъ можно больше испанцевъ, чтобы съ ихъ помощью возвести на престолъ Альфонса, сына изгнанной королевы Изабеллы. Какъ ни странны повидимому такія обвиненія, но при нынѣшнемъ настроеніи умовъ въ Испаніи они поддерживаются и разростаются до чудовищныхъ размѣровъ. Для своего оправданія, маршалъ Серрано явился въ палату и объяснилъ ей, что хотя означенный пунктъ и включенъ въ договоръ съ бискайскими инсургентами, но въ дѣйствительности имъ никто изъ офицеровъ и солдатъ регулярной арміи не воспользуется, такъ-какъ таковыхъ въ бандахъ повстанцевъ вовсе не имѣется. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было и включать подобный пунктъ въ договоръ? Развѣ только для того, чтобы на будущее время облегчить для арміи переходъ въ лагерь повстанцевъ?!!.. Вообще, положеніе Испаніи—самое нехорошее. Самъ король не знаетъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ его государствѣ, и которая изъ партій къ нему наиболѣе расположена. Недовѣріе и подозрительность до такой степени овладѣли всѣми, что трудно найти двухъ человѣкъ, которые могли бы вполнѣ положиться другъ на друга. Особенно усерднымъ на этомъ пути выказало себя павшее министерство Сагасты, простершее свою подозрительность до того, что стало присматривать даже за королемъ и перехватило одно изъ его писемъ, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе получить отъ кн. Бисмарка двухъ генераловъ для преобразованія испанской арміи, такъ какъ въ Испаніи будто бы не найдется людей, способныхъ выполнить это назначеніе.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 2 Іюня 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр.. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 12 іюня 1872 года. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1872 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » —

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы".

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки *).

Очерки еврейскаго быта.

I.

Древность города Сѣченовки — Панъ Дембовскій и его поэтическая натура.— Жидокъ Хацкель и его великое несчастіе, превратившееся въ великое счастіе.

Было когда-то такое время, когда достопримѣчательнѣйшаго города Сѣченовки совсѣмъ не существовало,—и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется сей богобоязливый градъ, паслись овцы, свиньи и всякая другая травоядная тварь. Это время даже не за предѣлами исторіи, и когда злополучные французы въ 1812 году своими тѣлесами воздвигнули бугоръ около этого мѣста, то они совсѣмъ не предполагали, что граждане, сыны израиля, по субботамъ будутъ приходить и любоваться ихъ разбросанными костями. Да и самъ-то городъ возникъ какою-то случайностью,—т. е. въ абсолютномъ смыслѣ этого слова ни какихъ случайностей нѣтъ, но тутъ выраженіе это приводится въ историко-фактическомъ смыслѣ, ибо никто не предполагалъ, чтобы на этомъ мѣстѣ могъ когда-нибудь строиться городъ, такъ какъ это мѣсто не только далеко отъ какого нибудь торгово-промышленнаго пункта, но и кругомъ, по близости, даже второстепенной дороги не было. Это была обширная песчаная поляна, къ которой трудно было докопаться до кладязя, а на полутораверстномъ разстояніи отъ этой поляны было разбросано до 50 крестьянскихъ избъ. Да и самъ-то случай былъ какой-то странный, — до того странный, что не скоро подберешь, да едва ли гдѣ и найдется другой ему подобный. Древняя исторія представляетъ намъ случаи основанія городовъ по поводу смерти коня (Буцефалы), въ память дружбы или любви, наконецъ для увѣковѣченія собственнаго имени. Трудно сказать, что руководило основателемъ Сѣченовки. Случай былъ слѣдующій: Жилъ на свѣтѣ ясновельможный панъ Дембовскій, жилъ панъ Дембовскій въ свое удовольствіе и ни чемъ не нуждался, потому что у него было около полуторы тысячи хлопскихъ домовъ, которые круглымъ счетомъ работали на него по пятнадцати дней въ недѣлю. Нрава онъ былъ кроткаго, мягкосердеченъ, никогда не давалъ хлопу болѣе ста розогъ за одинъ разъ, имѣя на это довольно основательныя причины: во-первыхъ, его мягкосердіе; во-вторыхъ, разсчетъ. Если онъ теперь засѣчетъ хлопа до болѣзни, онъ лишится удовольствія сѣчь того-же хлопа чрезъ нѣсколько дней во второй разъ; а для пана Дембовскаго сѣченіе служило самымъ высшимъ удовольствіемъ. Будучи въ душѣ поэтомъ, онъ отыскалъ въ

*) Рядъ разсказовъ, предлагаемыхъ подъ этимъ заглавіемъ, заимствуется изъ достовѣрныхъ историческихъ разслѣдованій извѣстнаго ученаго равина Берки Хациловича.

этомъ процессѣ какую-то поэтическую прелесть; поэтому его экономы по имѣнію, не смотря на то что были полновластными надъ хлопами, сѣчь сами не имѣли права безъ пана Дембовскаго. Они могли хлопа убить какимъ нибудь другимъ образомъ, но только не способомъ сѣченія; это удовольствіе должно было доставаться на долю самого ясновельможнаго пана. Поэтому ежедневно вечеромъ, изъ разныхъ деревень пана Дембовскаго, исполнители власти отправляли на дворъ пана цѣлыя партіи хлоповъ для *панской забавы*, какъ они выражались. Экономы старались перещеголять другъ друга предъ ясновельможнымъ паномъ и доставлять ему какъ можно больше поэтическаго матеріала; они очень хорошо знали, что ничѣмъ они не могутъ больше выиграть въ его глазахъ, какъ этимъ. И вслѣдствіе этого ежедневно вечеркомъ, возлѣ клуни (гумна), стояла цѣлая шеренга хлопскаго отродья разныхъ возрастовъ и ожидала своего ясновельможнаго пана, который постоянно являлся съ своею всегдашней добродушной улыбкой и своею обычной фразой: «о, сколько сегодня будетъ работы! скорѣй, ребята, за работу!» Сначала онъ сѣкъ безъ всякаго метода и системы—какъ попало; но долголѣтнимъ упражненіемъ онъ выработалъ себѣ правила сѣченія,—образовалась система. Оно производилось не зря: сначала сортировался полъ съ поломъ, затѣмъ возрастъ съ возрастомъ; для каждаго пола и возраста у него были особыя розги. Начиналась эта операція обыкновенно съ мужскаго пола и старшаго возраста, а дессертомъ ему служили самыя молоденькія хлопки. Это поэтическое наслажденіе онъ старался продлить какъ можно дальше; въ каждомъ свистѣ розогъ онъ отыскивалъ особую эстетическую черту: эти сладкіе звуки наполняли всю его внутреннюю жизнь, такъ что онъ почти не нуждался въ какихъ нибудь другихъ наслажденіяхъ. Панъ Дембовскій иногда не довольствовался этимъ однообразнымъ хлопскимъ сѣченіемъ и пріискивалъ себѣ чего нибудь поразнообразнѣе, поблагороднѣе. Поэтому не очень выгодно было въ такія минуты его поэтическаго вдохновенія подвернуться подъ его руку кому-нибудь изъ его экономовъ, или маленькому шляхтичу. Онъ самымъ добродушнѣйшимъ образомъ, обращаясь къ шляхтичу, говаривалъ: «а ну, коханый, какъ-бы тебѣ раздѣться!»—и послѣ этого уже никакія мольбы не могли спасти его отъ *панской воли*. Бывали случаи, что это удовольствіе ему стоило очень дорого. Онъ высѣкъ однажды весьма значительнаго сановника, который затѣялъ съ нимъ процессъ, стоившій пану Дембовскому большихъ хлопотъ. Но это ничуть не уменьшило его влеченія къ подобнымъ удовольствіямъ. Разъ у пана Дембовскаго мелькнула мысль: а что, если высѣчь Хацкеля? Онъ нашелъ это превосходнѣйшею мыслью; его воображеніе начало ему изображать разные эскизы этого процесса,—онъ былъ отъ этой мысли въ восторгѣ, его лицо озарилось счастливой улыбкой. «Геніальная мысль!» воскликнулъ, потирая руки отъ удовольствія,—«вотъ будетъ потѣха!»—послѣ этого рѣшенія у него уже нѣтъ никакого раздумья, никакого колебанья; рѣшено—непремѣнно должно совершиться,—чего-бы это ему ни стоило, какъ-бы его совѣсть ни упрекала послѣ этого. А упреки со стороны совѣсти въ настоящемъ случаѣ могли произойти, потому что Хацкель былъ слабостью пана Дембовскаго: онъ его любилъ больше карлика, негра, всей своей псарни и конюшни.

Хацкель былъ дѣйствительно замѣчательнѣйшій человѣкъ. Его фигура сама собою представляла куріозный субъектъ, своею уморительнѣйшею организаціей; въ немъ еще было много и другихъ преимуществъ: его жидовская національность, его уморительный характеръ. У Хацкеля былъ уморительнѣйшій характеръ: онъ не только что могъ поддѣлаться подъ всякія нарѣчія и произношенія, но онъ даже пѣлъ пѣтухомъ, лаялъ собакой, вылъ волкомъ, мяукалъ какъ кошка,—развѣ все это не находка для пана Дембовскаго? Наконецъ, стоило только Хацкелю заговорить по-польски—и панъ Дембовскій помиралъ со смѣху. Хацкель разсказывалъ ему разные анекдоты про жидковъ, говорилъ ему о преимуществѣ своей религіи, ползалъ на четверенькахъ, сидѣлъ подъ столомъ, танцовалъ и пѣлъ еврейскія пѣсни; въ особенности, панъ Дембовскій приходилъ въ восторгъ отъ одной еврейской, субботней пѣсни *Маіофитъ*. Отъ этой уморительной пѣсни панъ Дембовскій чуть не помиралъ со смѣху. Онъ иногда производилъ Хацкеля въ командиры и давалъ ему нѣсколько хлопскихъ дѣтей; любовался, какъ тотъ ими командовалъ. Иногда онъ сажалъ его въ свою карету, производя его при этомъ въ паны, посылалъ его въ свои имѣнія и бывалъ въ восторгѣ, когда Хацкель входилъ въ свою роль довольно толково: пересѣкалъ довольно порядочное число хлоповъ, отсылалъ ихъ къ себѣ на домъ на панщизну, заставляя себя при этомъ называть ясновельможнымъ паномъ. У Хацкеля была особая пара лошадей, особое содержаніе, онъ долженъ былъ всегда находиться при особѣ ясновельможнаго; и не смотря на то, что ясновельможный надъ нимъ почти всегда издѣвался, онъ подчинялся его вліянію. Хацкель всегда умѣлъ поставить на своемъ; поэтому всѣ дворовые больше боялись его, чѣмъ пана,—и прежде чѣмъ попасть въ милость пана, должно было попасть въ милость Хацкеля. Хацкель, разумѣется, отъ этого не оставался въ убыткѣ. Когда къ пану Дембовскому собирались гости, то на первый планъ между всѣми диковинками являлся Хацкель и обнаруживалъ предъ ними всѣ сокровища своего замѣчательнаго таланта. Панове приходили въ неописанный восторгъ, присовокупляя при этомъ, что они на своемъ вѣку видѣли много диковинокъ, но въ первый разъ видятъ подобнаго Хацкеля. Разумѣется, отъ этихъ похвалъ Хацкель не терялъ цѣны въ глазахъ пана Дембовскаго, и если Дембовскому предложили-бы разстаться съ псарней или съ Хацкелемъ, онъ-бы охотнѣе разстался съ псарней.

— Хацкель, съѣшь пирогъ, обратился къ нему панъ Дембовскій, какъ только онъ рѣшился его высѣчь и искалъ лишь благовидный предлогъ къ этому.

— О, ясновельможный панъ, залепеталъ Хацкель,—какъ-же я могу это сдѣлать? я, слава Богу, жидокъ, и мнѣ нельзя ѣсть трафной пирогъ; я все могу сдѣлать, что пану угодно: пѣть пѣтухомъ, плясать, пѣть маіофитъ, все, все, но только не ѣсть пирога. Какъ же я могу погубить свою душу!

— Панове, добродзеи, воскликнули нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ гостей,—слышите: развѣ у Хацкеля душа есть?!

— Ай, ай, какъ вамъ не грѣхъ такъ говорить!

— Ну, ѣшь, крикнулъ панъ Дембовскій,—а то велю высѣчь!

— Высѣчь! воскликнулъ Хацкель, смѣшавшись и зная слабость своего пана,—ай вей миръ, ай вей, ясно-

вельможный панъ, развѣ я хлопъ, развѣ жидковъ сѣкутъ?

— Высѣку, сказалъ панъ рѣшительно.

Хацкель это понялъ и захныкалъ, началъ умолять его о помилованіи, чтобы онъ не губилъ его дѣтей, не срамилъ его предковъ,—чтобы дѣлалъ съ нимъ, что угодно, даже голову снялъ-бы, лишь-бы не сѣчь.

Но панъ Дембовскій былъ неумолимъ—и операція совершилась. Панове пришли въ неописанный восторгъ отъ подобнаго сюрприза, и при каждомъ крикѣ Хацкеля: «ай вей миръ, тателе, мамеле (батюшка, матушка)»,—панове неистово апплодировали. Хацкель былъ до того ошеломленъ этимъ неожиданнымъ для него сюрпризомъ, что даже послѣ того, какъ его перестали сѣчь, онъ все еще лежалъ и кричалъ, призывая Бога Израиля на помощь.

— Отчего ты не встаешь, спросилъ его панъ Дембовскій,—вѣдь тебя ужъ не сѣкутъ?

Хацкель какъ будто очнулся, вскочилъ на ноги и какъ бѣшеный мчался по двору съ крикомъ: «ахъ, ясновельможный панъ, что вы со мною сдѣлали? Лучше-бы вы меня повѣсили, но не срамили бы моего отца, праотца и прапраотца до самого Якова. Ай вей миръ, какой стыдъ, какой позоръ! Хацкеля высѣкли какъ хлопа. Мой отецъ въ могилѣ будетъ кричать, онъ надѣлаетъ шуму по всему небу изъ-за меня. Болитъ, ай вей миръ, какъ болитъ! Ну, какъ теперь покажусь кому нибудь на глаза, какъ я теперь поѣду къ женѣ, что я ей скажу, когда она спроситъ, что съ тобою сдѣлали?! ай вей миръ, какой стыдъ! Я несчастливъ, я опозорилъ все свое поколѣніе на вѣки. Я теперь уже не въ состояніи сдѣлать когда нибудь порядочной партіи съ своими дѣтьми. Ай вей миръ, ясновельможный панъ, что вы со мною сдѣлали! Если-бы вы меня повѣсили, то это еще ничего не значитъ: на то еврей въ изгнаніи, чтобы его вѣшали; но высѣчь?!.. развѣ въ изгнаніи сѣкутъ, развѣ Навуходоносоръ сѣкъ евреевъ?..

Присутствовавшіе при этой сценѣ панове чуть не помирали со смѣху.

— Препотѣшнѣйшій народъ! порѣшилъ панъ Дембовскій.

— О, дѣйствительно, препотѣшнѣйшій! подтвердили другіе.

— А знаете, что, панове, сказалъ панъ Дембовскій,—не дурно-бы имѣть такихъ плутовъ цѣлый городокъ.

— Да, дѣйствительно, не дурно, подхватили другіе.

— А вы думаете, что трудно завести жидовскій городокъ?

— О, кто говоритъ! замѣтили другіе.

— Якъ Бога кохамъ, воскликнулъ панъ Дембовскій,—я непремѣнно заведу себѣ городокъ съ жидками.

Всѣ панове пришли въ восторгъ отъ этой новой идеи—и, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ возставали противъ этого, на томъ основаніи, что жидки ужасные плуты и они разорятъ ихъ хлоповъ,—рѣшено было построить городъ. Разумѣется, Хацкель долженствовалъ быть первымъ гражданиномъ этого проэктированнаго города,—и, тотчасъ какъ онъ пришелъ въ себя отъ несчастнаго сѣченія, ему растолковали, что панъ Дембовскій хочетъ построить въ своемъ имѣніи жидовскій городъ, и что ему (т. е. Хацкелю) онъ выстроитъ, за сегодняшнее сѣченіе, самую лучшую корчму въ городѣ и отдаетъ ему на вѣчную аренду деревню. Поэтому случаю его просятъ разсказать, какіе главные атрибуты жидовскаго города, для того, чтобы ясновельможный панъ могъ немедленно приступить къ постройкѣ подобнаго города. Этотъ новый городъ положено было назвать Сѣчеповкой, въ воспоминаніе сегодняшняго сѣченія, которое доставило столько удовольствія почтеннѣйшему обществу.

II.

Главный фундаментъ еврейскаго города. — Грамота Хацкеля въ шатры Израиля, ея неуспѣхъ.—Причины неуспѣха.

Хацкель мигомъ сообразилъ всю выгоду этого дѣла, понялъ *что все всегда идетъ къ лучшему* и пришелъ въ неописанный восторгъ. Поцаловалъ пана въ руку, за что тотъ его потрепалъ по плечу и обѣщалъ на пасху индюковъ. Хацкель отъ умиленія прослезился, причемъ назвалъ пана Дембовскаго благодѣтелемъ народа израильскаго, присовокупивъ, что онъ навѣрно происходитъ отъ замѣчательнаго вавилонскаго царя Кира, который также благодѣтельствовалъ народу израильскому. Если же онъ и высѣкъ одного изъ его сыновей, то это навѣрно случилось по волѣ Господней и навѣрно Хацкель заслужилъ по опредѣленію Верховнаго суда малкитъ [1]); но такъ какъ Господь къ нему (Хацкелю) всегда милостивъ, потому что онъ происходитъ отъ потомковъ Авраама, Исаака и Якова и никогда не забываетъ,—то въ этомъ случаѣ онъ его тоже помиловалъ и залилъ его рану спасительнымъ елеемъ. Что же касается до того, какъ должно построить богоспасительный градъ Израиля и какіе его главные фундаменты,—это онъ очень хорошо знаетъ, потому что онъ самъ, не смотря на свое несчастное сѣченіе, не есть какой-нибудь *неучъ* и, слава Богу, извѣстенъ за ученаго, и хотя надъ нимъ панове насмѣхаются, всѣ жидки его почитаютъ и уважаютъ; онъ даже имѣетъ раввинскій дипломъ, но раввиномъ онъ не хочетъ быть потому, что, по выраженію священнаго талмуда, онъ *знанія не хочетъ сдѣлать топоромъ—рубить имъ* (т. е. средствомъ къ жизни). Слѣдовательно, въ такихъ дѣлахъ онъ довольно авторитетенъ и потому, по его мнѣнію, главные фундаменты еврейскаго города слѣдующія.

Во-первыхъ, началъ ученый Хацкель планировать свой городъ:—коль скоро строится городъ, нужно знать для кого именно онъ строится; а коль скоро Сѣченовка строится для жидковъ, должно знать, кто такіе жидки. А такъ какъ извѣстно, что *вся сила Израиля только во рту* [2]) (въ молитвѣ и ученіи), поэтому израильскій городъ безъ клаузы (молитвенный домъ) не мыслимъ. Въ талмудѣ по этому поводу сказано: «если десять израильтянъ живутъ и между ними нѣтъ клаузы, то это все одно, какъ-бы они поклонялись идоламъ.

Вторая, самая необходимая вещь для еврейскаго города—это баня съ миквой [3]). Баня съ миквой израильтянамъ необходима по нѣсколькимъ причинамъ: во-1-хъ, у израильтянъ есть замѣчательной красоты принцесса, по имени Саббатъ, которая еженедѣльно посѣщаетъ своихъ возлюбленныхъ и выбираетъ себѣ

---

[1]) *Малкитъ*=наказаніе батогами, не болѣе 39 ударовъ, по опредѣленію Синедріона; но теперь, въ воспоминаніе этого закона, наканунѣ судная дня каждый даетъ себѣ столько-же ударовъ ремнемъ, читая при этомъ извѣстную молитву. Это дѣлается на всякій случай—авось онъ согрѣшилъ и заслужилъ наказаніе батогами.

[2]) Талмудъ.

[3]) Родъ колодезя, гдѣ нѣсколько человѣкъ могутъ свободно окунуться.

изъ среды достойныхъ израильтянъ жениховъ. Хотя это повидимому непонятно, какимъ образомъ у одной принцессы есть столько жениховъ, такъ какъ вообще *надо полагать, что всѣ израильтяне достойны*; но это только такъ кажется для насъ, непосвященныхъ въ таинства кабалистическаго ученія,—а для посвященныхъ это ясно какъ день, потому что для нихъ нѣтъ ничего не яснаго. Понятное дѣло, что каждый израильтянинъ долженъ стараться показаться предъ своей принцессой въ приличномъ видѣ; а что-же можетъ придать израильтянину такой приличный видъ, какъ баня?—тѣмъ болѣе, когда онъ при этомъ окунется не менѣе трехъ разъ въ миквѣ, ради разныхъ таинственныхъ комбинацій. Главное-же, баня съ миквой необходима для израильтянокъ. А такъ какъ доподлинно извѣстно, что израильтяне не могутъ обходиться безъ израильтянокъ, если они хотятъ, чтобы у нихъ водились маленькіе израильтяне; маленькіе-же израильтяне для израильтянъ прямая выгода, ибо каждому посвященному въ талмудъ извѣстно, что всѣ еврейскія души заключены въ одномъ сосудѣ, называемомъ гуфъ, и пока не истощатся всѣ души, заключающіеся въ этомъ сосудѣ, Мессія не можетъ придти; то каждый израильтянинъ долженъ стараться, всѣми силами, какъ можно скорѣе истощить запасъ еврейскихъ душонокъ...

— На что-же израильтянкамъ миквы? спросили панове.

— Ахъ, панове, это имъ необходимо нужно... Разъ въ мѣсяцъ это уже наинеобходимѣйше — безъ этого всѣмъ намъ израильтянамъ плохо пришлось-бы, нельзя было-бы даже сѣсть возлѣ жены...

— Ага! понимаемъ! воскликнули панове.

— Такъ выстроить эту микву возлѣ моего фольварка, предложилъ одинъ изъ шутниковъ.

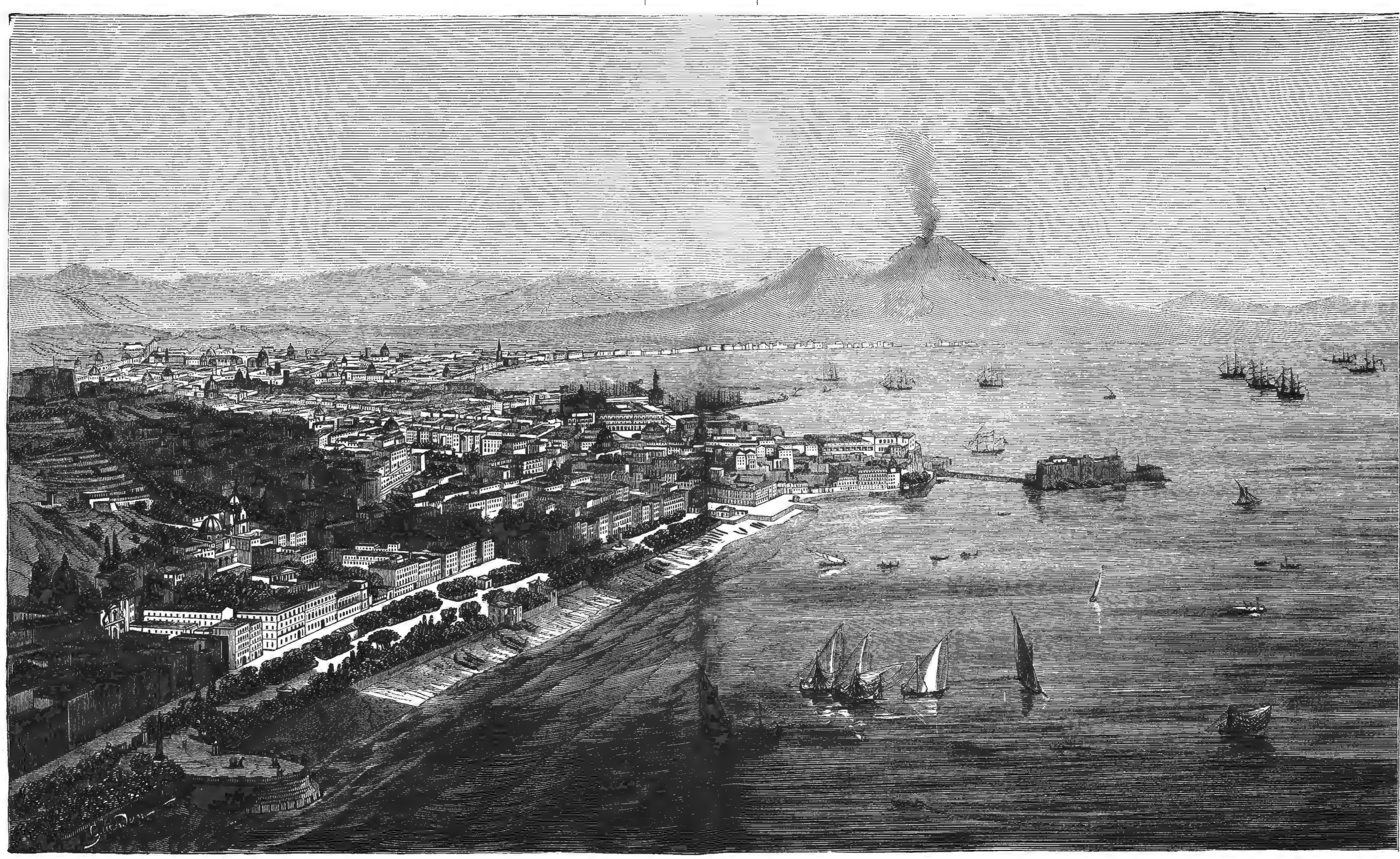
— Ай, не можно того! замахавъ руками, воскликнулъ Хацкель,—это надо выстроить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бы нельзя было встрѣтить какой нибудь нечисти.

— Какой такой нечисти?

— Ну, хоть свиней, лошадей...

— А это почему?

— А потому, что если послѣ миквы еврейка встрѣтитъ свинью или *гоя* (иновѣрца), или другую нечисть, то плодъ отъ чреслъ ея (если таковый будетъ) въ большой опасности, потому что имъ овладѣетъ нечистая сила... Вотъ, панове, я вамъ разскажу про такой случай у моего двоюроднаго брата Берки—вы его знаете? Тотъ, что торгуетъ разными лейпцигскими товарами—у него есть жена. Онъ разъ уѣхалъ въ Лейпцигъ и пробылъ тамъ цѣлый годъ, пріѣхалъ назадъ,



Видъ Неаполя и Везувія съ окрестностями à vol d'oiseau (см. стр. 377).

жена пошла въ микву, все было благополучно—и вдругъ она идетъ назадъ и встрѣчаетъ свинью, да еще не простую, а черную. Она, увидя такое несчастіе, чуть не упала въ обморокъ, но торопясь домой, не пошла второй разъ въ микву. У нея родилась дочь—прекрасивая—и хоть маленькая, а замѣтно, что изъ нея добра не выйдетъ... Что нибудь да съ нею случится, потому что она своими глазеньками такъ и ширяетъ. Чего ужъ онъ бѣдный не дѣлалъ, чтобъ отвратить это несчастіе! Ѣздилъ къ старому раввину Ребъ Борухъ; тотъ ему посовѣтовалъ въ другой городъ переѣхать, потому что сказано: кто мѣняетъ мѣсто, тотъ мѣняетъ счастье.

Это два самые главные атрибута еврейскаго города, безъ которыхъ нельзя приступить къ дальнѣйшему его устройству; хотя есть еще очень многое, безъ чего еврейскій городъ не можетъ обойтись, но все это уже можно устроить послѣ,—это Хацкель беретъ на себя.

Панъ Дембовскій былъ въ восхищеніи отъ ума и учености Хацкеля, и было рѣшено немедленно по плану Хацкеля приступить къ постройкѣ города Сѣченовки.

Вскорѣ послѣ этого замѣчательнаго происшествія съ Хацкелемъ, всѣмъ ближайшимъ городкамъ отъ помѣстьевъ пана Дембовскаго, была разослана грамота слѣдующаго содержанія:

«Ко всѣмъ вождямъ и представителямъ еврейскихъ обществъ, разбросанныхъ по всѣмъ четыремъ частямъ свѣта нашимъ горькимъ изгнаніемъ, свѣтящимъ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, какъ звѣзды среди ночнаго мрака. Столбы нашего народа, козлы нашего блуждающаго стада, послушайте меня, миніатюрнаго раба, лобзающаго стопы ваши, и да послушаетъ васъ Господь!»

«Кому изъ насъ не извѣстно то великое несчастіе, которое насъ постигло 2000 лѣтъ тому назадъ? кто изъ вѣрныхъ сыновъ Израиля не проливалъ горючихъ слезъ о несчастномъ изгнаніи святой Шехины [1]) со времени разрушенія нашего святаго храма?! Кто не знаетъ, что во время его существованія евреи были счастливѣйшимъ народомъ на свѣтѣ? Они жили на своей землѣ, каждый подъ тѣнью своей смоковницы, имѣли своего собственнаго короля и королеву; а теперь когда гнѣвъ Божій разразился надъ Израилемъ и сжегъ всѣ его шатры до тла и, поразивъ его разными недугами, изгналъ изъ святой земли на скитаніе между чуждыми народами,—кто не знаетъ, что съ этого времени начались для Израиля мрачные дни:

[1]) *Шехина:* Кабалистическая формула, имѣющая болѣе осязательное значеніе, чѣмъ величіе Бога; само слово имѣетъ окончаніе женскаго рода..

всѣ его угнетаютъ, притѣсняютъ, у него нѣтъ ни короля, ни королевы, ни священника, ни святой земли...»

По ветхости документа, цѣлыя страницы нельзя было разобрать — и мы на этомъ мѣстѣ его останавливаемся.

«И такъ, сказано дальше въ документѣ,—прилетѣла искра гнѣва Божія и зажгла все мое тѣло, она зажгла всѣ мои кости, всѣ мои внутренности. Ахъ, сыны Израиля, если бы вы знали какъ это больно! Панъ Дембовскій былъ карающею розгою въ рукѣ Божіей. Но сохрани меня Господь! я не жалуюсь. Я безропотно преклоняюсь предъ волей Господней...»

Слѣдуетъ опять неразборчивое мѣсто.

«Я увѣренъ, оканчивалась грамота, что вы поспѣшите съѣздомъ для основанія святаго города, который будетъ цвѣсти какъ ива при водѣ». Затѣмъ слѣдуютъ условія пана Дембовскаго. Тѣмъ, которые съѣдутся не позже 2-хъ лѣтъ по основаніи города, онъ даетъ даровую землю подъ домъ и огородъ, даровой лѣсъ и проч. и проч...

Эта грамота произвела въ шатрахъ Израиля большо волненіе. Прежде всего, каждый израильтянинъ поблагодарилъ Бога за то, что Онъ его всегда охраняетъ отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, что не ему пришлось быть на мѣстѣ Хацкеля въ критическую минуту его жизни.

Потомъ онъ началъ представлять себѣ, что бы онъ сдѣлалъ въ послѣднія минуты, будучи на мѣстѣ Хацкеля; но послѣ этого сердце его сжималось: а корчма? а вѣчная аренда?

Потомъ начались общія волненія. «Положимъ, если Хацкеля высѣкли, то это еще не большая бѣда; въ нѣкоторомъ отношеніи можно даже сказать, по дѣломъ ему, этому подлазу, такъ какъ достовѣрно извѣстна причина того, что панъ Дембовскій не пускаетъ евреевъ въ свое помѣстье—это Хацкель; слѣдовательно сокрушаться Израилю о сѣченіи Хацкеля тутъ нечего. Но главное, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть па этотъ фактъ сѣченія? Есть ли это мимолетный случайный фактъ, или же должно опасаться что онъ можетъ повториться и въ будущемъ,—и тогда, чѣмъ каждый переселяющійся гарантированъ, что съ нимъ не случится то же несчастіе, что съ Хацкелемъ. Или какъ знать, можетъ быть этотъ призывъ есть какойнибудь подлый замыслъ? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы евреямъ кто нибудь пожелалъ добра! Да наконецъ, если сомнительно, чтобы кто желалъ еврею добра, — за то съ другой стороны положительно вѣрно, что еврей еврею никогда добра не желаетъ; и если бы этотъ Хацкель зналъ, что другіе кромѣ него могутъ тамъ поживиться, онъ навѣрное до того не допустилъ бы.

Да наконецъ, и самъ-то по себѣ этотъ случай невѣроятенъ: бываютъ напримѣръ случаи основанія городовъ безъ всякаго предумышленнаго о томъ соглашенія, какъ напримѣръ городъ Березовка; вотъ образъ его построенія: стояла среди дороги корчма; въ корчмѣ этой жилъ Ицко Пешесъ. Однажды этой дорогой проѣхалъ Ицко Хайкесъ. Ицко Хайкесъ сталъ доискиваться того, чѣмъ Ицко Пешесъ живетъ: деревни въ окружности нѣтъ, по дорогѣ мало проѣзжихъ, однако же онъ живетъ; — слѣдовательно, находятся же здѣсь какія-то средства къ жизни. Дай и я сюда переѣду. Если есть для одного, то будетъ, вѣроятно, и для другаго; и выстроилъ Ицко Хайкесъ корчму среди дороги, собралъ свои потрохи, взялъ свою жену и дѣтей, переѣхалъ въ корчму и сталъ жить среди дороги. Проѣзжаетъ по дорогѣ Янкель Абремкисъ, и видитъ онъ, что Ицко Хайкесъ и Ицко Пешесъ живутъ среди дороги; начинаетъ онъ соображать, чѣмъ это они живутъ: кругомъ деревни нѣтъ, по дорогѣ мало проѣзжихъ, однако же живутъ, слѣдовательно найдутся и для меня средства,—и переѣзжаетъ сюда Янкель Абремкисъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе одного только соображенія, сюда переѣхало десять Ицковъ и Янкелевъ. Сообразивъ, что десять человѣкъ составляютъ уже цѣлый городъ, они выстроили синагогу, баню, достали раввина и прочее, и такимъ образомъ основался пресловутый городъ Березовка.

Все это очень естественно, потому-что еврей всегда любитъ пролѣзть туда, гдѣ и безъ него тѣсно; но ѣхать на приглашеніе пана Дембовскаго—это довольно рисковано, потому-что само приглашеніе подозрительно. Еврея никто не приглашаетъ. Онъ всегда самъ является и не только тамъ, гдѣ онъ нуженъ, но и тамъ, гдѣ онъ не нуженъ; слѣдовательно, тутъ что-то не ладно. Положимъ, если Богъ не захочетъ уберечь, то бѣда можетъ случиться среди дороги: но согласитесь, кто-же захочетъ первымъ полѣзть въ огонь?..

Съ другой стороны, условія очень выгодны, заманчивы; кругомъ столько деревень пана Дембовскаго, гдѣ нѣтъ ни одного еврея. О, если бы можно было быть увѣреннымъ въ цѣлости своей кожи!.. Посмотримъ, пусть кто-нибудь сдѣлать первый шагъ; увидимъ, что съ нимъ будетъ; тогда можно и мнѣ переѣхать, рѣшилъ каждый внутренно.

А пуще всѣхъ думалъ объ этомъ предложеніи двоюродный братъ Хацкеля, съ дочерью котораго случилось такое несчастіе, что подобнаго никогда еще не бывало, какъ это увидитъ читатель впослѣдствіи.

(Продолженіе будетъ).

Заблужденіе.

(Окончаніе).

Эгбертъ Дартморъ повелъ свою невѣсту къ алтарю. Религія должна была освятить союзъ, заключенный, покрайней мѣрѣ съ одной стороны, изъ-за такихъ земныхъ побужденій.

— Я не зналъ, моя милая, что и ты также называешься Мэри, сказалъ онъ, возвратившись изъ церкви, своей молодой супругѣ.

— Да, отвѣчала она,—моя кузина и я, мы обѣ называемся Мэри-Аннами въ честь единственной сестры нашихъ отцовъ, которая умерла въ молодыхъ лѣтахъ.

— Такъ стало-быть и твоя кузина тоже называется Мэри-Анной?

— Да, неужели ты не замѣтилъ, что у меня съ нею одинаковый вензель?

Эгбертъ возразилъ, что онъ не обратилъ на это никакого вниманія, да это и не имѣетъ никакого значенія для него,—и уже не думалъ больше объ этомъ совпа-

деніи именъ, не имѣвшемъ ни какого для него значенія.

Наконецъ и день свадьбы Гарри Паркера съ Мэри-Анной Верриль—младшей Мэри-Анной—былъ назначенъ. Свадьба должна была совершиться въ воскресенье. Въ субботу, наканунѣ свадьбы, Мэри удивила своего жениха просьбой отказаться сейчасъ же отъ мѣста бухгалтера въ торговомъ домѣ Банга и Дартмора.

— Ты легко поймешь, милый Гарри, сказала она,— почему я не желала бы видѣть моего мужа въ зависимости отъ Эгберта Дартмора. Я знаю, какъ низко игралъ бы онъ моимъ сердцемъ, еслибъ только это зависѣло отъ него; какъ онъ старался завлечь меня, чтобы потомъ бросить меня или же жениться на мнѣ, смотря потому, удастся ли ему найти себѣ болѣе богатую партію или нѣтъ. Я знаю, что я прежде всего служила ему только средствомъ сдѣлаться домашнимъ человѣкомъ въ домѣ моего дяди, для того чтобъ приступить къ моей кузинѣ, сейчасъ же какъ только она пріѣдетъ. Она пріѣхала, его вниманіе польстило ей, она увлеклась его льстивыми рѣчами такъ, что мы не успѣли и замѣтить этого, и вотъ онъ отправился къ вамъ и старался устроить все такъ, чтобъ вы избавили его отъ меня. Но эта предосторожность была, слава Богу, совершенно излишнею, твое сердце давно уже принадлежало мнѣ.

Вмѣсто отвѣта онъ прижалъ ее къ своему сердцу, а потомъ сказалъ:

— Такъ какъ мои занятія у Банга и Дартмора не нравятся тебѣ, милая Мэри, я оставлю это мѣсто и думаю, что мнѣ не трудно будетъ найти себѣ другое.

— Э, да у меня уже есть мѣсто для тебя, Гарри; иначе я не стала бы просить тебя отказаться отъ такого труда, посредствомъ котораго ты долженъ содержать себя— и свою *жену*.

— У тебя? У тебя есть мѣсто для меня, Мэри?

— Да, но не спрашивай меня, Гарри. Ступай и покончи свои дѣла съ Эгбертомъ Дартморомъ. Мой дядя даетъ очень хорошаго бухгалтера, который замѣнитъ имъ тебя, для того чтобъ они не были ни въ какомъ случаѣ поставлены въ затрудненіе.

Гарри былъ въ восторгѣ отъ той деликатности и того чувства чести, которыми опредѣлялся образъ дѣйствій его невѣсты и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на ея предложеніе, что потерялъ всякое уваженіе къ Эгберту Дартмору—съ тѣхъ поръ какъ открылъ, какія низкія и эгоистическія побужденія руководили имъ при выборѣ супруги.

Войдя въ контору, Гарри хотѣлъ-было войдти сейчасъ же въ приватный кабинетъ начальниковъ фирмы; но услыхавъ голоса, сѣлъ, выжидая окончанія разговора, на стоявшій недалеко отъ двери стулъ. Какъ разъ у него надъ головою было раскрыто маленькое окошечко, такъ что онъ могъ слышать какъ нельзя лучше, кто говорилъ и что именно говорилось,—и сразу открылъ, что разговаривавшіе были Саломонъ Верриль и Эгбертъ Дартморъ. Гарри хотѣлъ-было удалиться, но какая-то странная сила внутри его какъ бы приковала его къ мѣсту— и онъ остался.

— Мистеръ Верриль, говорилъ Эгбертъ, продолжая разговоръ, начало котораго Гарри не слыхалъ, — мы должны заплатить по этому векселю сегодня же. У насъ были деньги и даже съ излишкомъ, но мнѣ представился въ прошлый четвергъ чрезвычайно выгодный случай пристроить нѣсколько тысячъ долларовъ,—и я не захотѣлъ упустить его. Мой партенеръ, человѣкъ чрезвычайно осторожный, не хотѣлъ и слышать объ этомъ дѣлѣ и согласился тогда только, когда я поручился лично въ томъ, что эти деньги будутъ возвращены банку. Не сдѣлаете ли вы намъ, или лучше сказать мнѣ одолженія вывести насъ изъ этого затрудненія? Я былъ бы очень благодаренъ вамъ за это.

— Право, я не совсѣмъ понимаю васъ, мистеръ Дартморъ, возразилъ Саломонъ Верриль, — на сколько могу я помочь вамъ?

— Какъ насколько, сэръ? отвѣчалъ Эгбертъ умоляющимъ тономъ, — ну да выдайте мнѣ — говоримъ мы — двадцать тысячъ долларовъ.

— Двадцать тысячъ долларовъ!.. вскричалъ старикъ съ выраженіемъ величайшаго удивленія.

— Двадцать тысячъ долларовъ, какъ я уже докладывалъ вамъ, возразилъ молодой негоціантъ, стараясь обратить дѣло въ шутку.

— Но, любезный Дартморъ, подумали ли вы о томъ, чего вы отъ меня требуете? Такихъ суммъ у меня нѣтъ подъ рукою. Мой капиталъ отданъ на проценты весь до послѣдняго доллара—и у меня бываетъ всегда наличныхъ денегъ не больше того, сколько мнѣ нужно на текущіе расходы; я ничего не могу дать вамъ взаймы.

— Я, я только хотѣлъ просить васъ, продолжалъ очень нерѣшительно Эгбертъ, — выдать мнѣ эти деньги, пока я... пока я не переговорю съ женой и не получу отъ нея въ свое распоряженіе ея капитала или хоть только небольшой части этого капитала.

— Капитала? капитала вашей жены, сэръ? Я не понимаю васъ.

— Мнѣ кажется однако же, мистеръ Верриль, отвѣчалъ съ гордостію Дартморъ, — что нѣтъ ничего особенно необыкновеннаго въ томъ, что мужъ желаетъ, чтобы капиталъ его жены или хоть только часть этого капитала были переданы ему для его торговыхъ оборотовъ, пользующихся болѣе или менѣе заслуженнымъ уваженіемъ.

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ спокойно Верриль.

— Почему же въ такомъ случаѣ удивляютъ васъ такъ мои намеки, клонящіеся именно къ этой цѣли?

Разговаривающіе на минуту замолчали, а потомъ Гарри услыхалъ, какъ старый Саломонъ сказалъ спокойнымъ, важнымъ, строгимъ тономъ:

— Мистеръ Дартморъ, перестанемъ-же играть въ прятки. Вы явились въ мой домъ и увидали мою племянницу, увидали что она хороша собой, и нашли что она годится для васъ. Вы стали искать ея расположенія, но скоро узнали что я жду къ себѣ еще другую племянницу, по имени Анну, и рѣшились подождать, чтобы посмотрѣть не удастся ли вамъ завладѣть племянницей нумеръ второй. Анна явилась—и вы покинули бѣдную гувернантку моихъ дѣтей для ея кузины, которая много старше ея. Правъ ли я?

— Мистеръ Верриль, я...

— Эгбертъ Дартморъ, отвѣчайте мнѣ какъ долженъ отвѣчать одинъ честный человѣкъ другому! Передъ ликомъ Бога отвѣчайте мнѣ: не добровольно ли—не по собственному ли побужденію покинули вы бѣдную гувернантку для той другой?

Молодой спекулантъ не могъ устоять противъ твердаго, суроваго тона старика и отвѣчалъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Я не отрицаю этого, и вы, какъ негоціантъ, не осудите меня за то, что при выборѣ жены я смо-

трѣлъ также и на состояніе; я никогда не говорилъ вашей гувернанткѣ о любви, никогда...

— Довольно, сэръ, перервалъ его старикъ строго и повелительно, — довольно, сэръ, я знаю теперь то, что̀ желалъ знать о васъ; теперь послушайте, что я скажу вамъ на это. Я разскажу вамъ исторійку; она начинается какъ большая часть такихъ исторіекъ: жили-были двѣ кузины; обѣ онѣ назывались Мери-Аннами; одна изъ нихъ была дочь моего брата Варрена, а другая единственное дитя моего брата Давида. Варренъ умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, оставивъ послѣ себя въ конецъ разстроенное состояніе и нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ Анна-Мери была старшая. Два года тому назадъ, вслѣдствіе смерти моего брата Давида, его дочь Мери-Анна тоже сдѣлалась сиротою, но вмѣстѣ съ этимъ и единственною наслѣдницею 700,000 долларовъ, которые всѣ до послѣдняго доллара могутъ быть переданы при помощи одной только моей подписи, въ полное распоряженіе ея супруга. Это дитя называлось всегда Анной. Но послѣ смерти своего отца она прожила нѣсколько времени у тетки, а такъ какъ ея кузина тоже называлась Анной, то тамъ она приняла свое первое имя и стала называться *Мери Веррилъ*. А такъ какъ братъ Давидъ умеръ богатымъ человѣкомъ и его дочь была превосходной партіей, то имя *Анны Веррилъ* было извѣстно вездѣ, тогда какъ никто не заботился о томъ, какъ называется дочь Варрена, которая уже нѣсколько лѣтъ назадъ сошла со сцены свѣта и должна была жить своимъ собственнымъ трудомъ. Когда, такимъ образомъ, моя любимица пріѣхала ко мнѣ въ Нью-Іоркъ подъ этимъ именемъ, никто и не воображалъ, что это дочь Давида, чему она была очень рада и просила меня оставить всѣхъ въ этомъ заблужденіи.

— Но при этомъ я долженъ также сказать вамъ, мистеръ Дартморъ, что ваша жена нисколько не виновата передъ вами — она и не думала обманывать васъ. Она явилась сюда подъ своимъ собственнымъ именемъ; она была точь въ точь такою же, какъ и всегда, когда вы увидали ее, поклялись ей въ любви и предложили свою руку. Вы никогда не подавали другой Мери-Аннѣ никакихъ опредѣленныхъ надеждъ, — вы сами сознались въ этомъ, — никогда не говорили ей о любви, она не имѣла никакого права предостерегать свою кузину, да еслибъ и хотѣла сдѣлать это, то у нея не было бы для этого времени, такъ быстро обручились вы съ нею. Теперь она ваша жена, и если вы честный человѣкъ, то исполняя свой долгъ, вы будете любить и уважать ее. Другая Мери-Анна сдѣлается завтра женою Гарри Паркера—и я могу поклятся вамъ, что сегодня утромъ, когда я оставилъ мою племянницу, онъ не имѣлъ никакого предчувствія о томъ, чтобы получая ея руку, онъ бралъ за ней хоть бы одинъ долларъ. Онъ любитъ ее нѣжно и безкорыстно—и я знаю, что онъ принесетъ ей точно такое же сокровище, какъ и она ему — любящее, вѣрное, истинное сердце!

— А теперь позвольте мнѣ приступить къ тому дѣлу, за которымъ собственно я пришолъ къ вамъ сюда, мистеръ Дартморъ. Я нашелъ для васъ отличнаго бухгалтера, за искусство и честность котораго я лично ручаюсь, предполагая, что вы согласитесь передать ему мѣсто Гарри Паркера. Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній не можетъ уже служить у васъ; моей племянницѣ нисколько не желательно, чтобы ея мужъ продолжалъ оставаться бухгалтеромъ мистера Дартмора.

Гарри услыхалъ глубокій тяжелый вздохъ и рѣшилъ, что теперь Эгбертъ выскажетъ все, что̀ у него на сердцѣ; но онъ не захотѣлъ дожидаться этого, онъ и такъ уже много слышалъ и потому ушелъ потихоньку изъ конторы. Какимъ образомъ дошелъ онъ до Саломонова дома, что еще случилось съ нимъ — онъ не помнилъ этого хорошенько и пришолъ въ себя только тогда, когда двѣ нѣжныя ручки обвились вокругъ его шеи и сладкій голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Гарри, Гарри, прости меня, что я обманула тебя! Не правда ли, ты не разлюбишь меня за то только, что я богатая наслѣдница? Да и кромѣ того, знай, что сдѣлавшись твоей женой, я буду не богаче тебя, потому-что въ силу сдѣланнаго моимъ дядей распоряженія половина моего состоянія принадлежитъ тебѣ. О Гарри, милый Гарри, какъ мы будемъ счастливы! О, какъ я благодарю Бога за то, что знаю, что Гарри любитъ меня только за мою личность, какъ бы тамъ она ни была ничтожна сама по себѣ!..

— Любить тебя! воскликнулъ восхищенный молодой человѣкъ, привлекая благородную, великодушную дѣвушку къ своему сердцу. — Да еслибъ мнѣ пришлось умереть въ эту самую минуту, то все-таки я умеръ бы съ сознаніемъ, что мнѣ дарована такая любовь, которая будетъ длиться вѣчно!

Эгбертъ Дартморъ былъ не глупъ и не совсѣмъ безсердеченъ, но постигшій его ударъ былъ уже слишкомъ силенъ. Когда Саломонъ Веррилъ вышелъ изъ кабинета, онъ положилъ голову на столъ, на сложенныя вмѣстѣ руки, и вскричалъ, глубоко вздыхая: «О Боже мой, какое страшное, страшное заблужденіе!»

Подъ предлогомъ, что нужныя дѣла вызываютъ его изъ города, онъ отправился путешествовать и пробылъ въ отсутствіи нѣсколько недѣль, а возвратившись домой, онъ рѣшился выносить достойнымъ образомъ ту судьбу, которую онъ самъ приготовилъ себѣ. Благодаря этому рѣшенію, онъ чувствовалъ себя счастливѣе, чѣмъ предполагалъ, но все-таки истиннаго счастья онъ никогда не зналъ. Онъ построилъ свой домъ на непрочныхъ основаніяхъ и поэтому-то не могъ вести въ немъ покойной и пріятной жизни. Даже когда онъ узналъ, что женился на женщинѣ не безъ состоянія, но что въ банкѣ лежитъ пятьдесятъ тысячъ долларовъ на имя его жены, то и эта сумма, не смотря на то что онъ съумѣлъ извлечь изъ нея большіе барыши, не очень-то обрадовала его, потому-что это былъ подарокъ женщины, въ отношеніи которой онъ велъ себя такимъ недостойнымъ образомъ.

Какъ онъ ни боролся съ собою (а мы должны сказать къ чести его, что онъ дѣлалъ это), но все-таки Эгбертъ Дартморъ не могъ смотрѣть безъ горькаго чувства зависти на то счастье, которое жило въ домѣ Гарри Паркера и его Мэри-Анны. Они были веселы и счастливы, смотрѣли съ благодарностью на настоящее и съ любовью на будущее; ихъ любовь росла съ годами, становилась все глубже и сердечнѣе, и точно также росли любовь и уваженіе къ нимъ всѣхъ, кто смотрѣлъ на ихъ домъ, какъ на жилище добродѣтели, прибѣжище и утѣшеніе бѣдныхъ и нуждающихся.

Неаполь и последнее извержение Везувія.

Хотя Везувій теперь совершенно успокоился, тѣмъ не менѣе подробности касательно послѣдняго его изверженія, появляющіяся отъ времени до времени въ газетахъ, такъ интересны, что мы считаемъ не лишнимъ представить нашимъ читателямъ вѣрное и возможно полное изображеніе этого «прекраснаго но страшнаго сосѣда очаровательнаго Неаполя», вмѣстѣ съ картиною окружающей его мѣстности.

Неаполь (Napoli) — *провинція* итальянскаго королевства, — одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Европы, образуетъ юговосточную часть такъ-называемой счастливой Кампаньи, лежитъ у Неаполитанскаго залива и заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ прилежающими островами Прочидою, Искіей и Капри 17, 5 кв. миль и 867,983 жителей. Эта отчасти гористая страна въ высшей степени плодородна; большею частію вулканическая, почва заключаетъ въ себѣ курящіеся холмы, наполненныя парами пещеры, минеральные источники и орошается множествомъ маленькихъ рѣкъ и озеръ.

Неаполь (Napoli), *главный городъ* этой провинціи, прежде бывшая столица королевства неаполитанскаго или обѣихъ Сицилій, лежитъ у Неаполитанскаго залива, частію у подножія, частію же на склонахъ постепенно спускающихся къ морю холмовъ. Съ одной стороны мысъ Мизено, Прочида и Искія образуютъ Соррентскую косу, оканчивающуюся мысомъ Кампанеллой, а съ другой островъ Капри — естественную стѣну, защищающую прелестный Неаполитанскій заливъ отъ бурь открытаго моря. Отъ восхитительнаго морскаго берега городъ тянется вверхъ на гору безъ стѣнъ и укрѣпленій и занимаетъ (вмѣстѣ со множествомъ загородныхъ виллъ, утопающихъ въ зелени виноградныхъ лозъ и кедровъ, окружающими его мѣстечками, прикрывающими его городами: Портичи, Резина, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунціата и нѣсколькими деревнями, примыкающими къ нему съ востока, со стороны Везувія, прерывающимися цѣпями холмовъ) береговую линію въ 14 миль. Положеніе города и его окрестностей съ главнымъ украшеніемъ Везувіемъ, подножіе котораго лежитъ на разстояніи двухъ часовъ отъ Неаполя, отличается рѣдкою красотою. Поэтъ Саннацаро называетъ Неаполь «кускомъ неба, упавшимъ на землю», а «Vedi Napoli e poi muori!» (видѣть Неаполь, а потомъ умереть!) постоянная поговорка неаполитанцевъ. По счисленію 1862 года Неаполь заключаетъ въ себѣ 418,968 жителей, въ томъ числѣ 50,000 лаццарони, не имѣющихъ крова. Видъ города внутри, сверхъ ожиданія, не такъ хорошъ; ядро города, старый Неаполь, выстроенъ тѣсно и мраченъ, пересѣкается прямолинейными, хорошо вымощенными, но нечистыми улицами и богатъ великолѣпными жилыми зданіями. Даже самые отдаленные уголки города чрезвычайно оживлены; вездѣ движеніе и шумъ; тишинѣ и уединенію въ стѣнахъ Неаполя нѣтъ мѣста. Въ позже построенныхъ частяхъ города есть нѣсколько улицъ и площадей, гдѣ изящество и вкусъ соединяются съ рѣдкою роскошью архитектуры. Дома большею частью окрашены бѣлой краской и построены обыкновенно въ 5—6 этажей съ плоскими а иногда нѣсколько сводообразными кровлями, съ высокими окошками и балконами, украшенными деревьями и цвѣтами. Самая большая и оживленная улица — Толедская, въ ½ часа длины. Она пересѣкаетъ Неаполь во всю длину и заключаетъ въ себѣ множество превосходныхъ дворцовъ. Здѣсь самая оживленная, самая пестрая смѣсь всевозможныхъ лавокъ и лавочекъ, кондитерскихъ, и т. п., постоянный грохотъ безчисленныхъ экипажей и шумное разнообразное населеніе. Самая великолѣпная улица находится на южной сторонѣ квартала Кіайя (*Kai*), съ безконечнымъ рядомъ дворцовъ по направленію къ морю, такая широкая что здѣсь могутъ удобно двигаться другъ подлѣ друга множество блестящихъ экипажей и всадниковъ. Между этою улицею и моремъ лежитъ восхитительный *Villa reale*. Кустарники, цвѣтники, аллея акацій, подлѣ которой со стороны моря танется роща вѣчно-зеленыхъ дубовъ; статуи и группы изъ бѣлаго мрамора и чудеснѣйшій видъ на городъ, берега и заливъ — дѣлаютъ этотъ общественный садъ выше всякаго описанія. Что для гуляющихъ *Villa reale*, то самое для экипажей и всадниковъ *Strada nuova* (новая улица), откуда открывается безподобный видъ на Низиту, Пуццуоле, Монте-Барбаро, мысъ Мизено, Прочиду и Искію. Къ сѣверу отъ *Villa reale* поднимается надъ городомъ *Castell Sant Elmo* или *Ermo*, превосходная крѣпость, высѣченная изъ скалы, снискавшая, въ особенности въ новѣйшее время, печальную извѣстность своими страшными тюрьмами для политическихъ преступниковъ.

Castel nuove, живописная цитатель на берегу моря, построенная Карломъ Анжуйскимъ, заключаетъ въ себѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ тріумфальныхъ арокъ съ бронзовыми рельефами и большою оружейною залою. *Castell del Ovo* въ кварталѣ св. Фердинанда, цитадель, расположенная на выступѣ города въ море, представляетъ собою южную оконечность Неаполя. Къ значительнѣйшимъ площадямъ Неаполя принадлежатъ: *Largo del Palazzo* или королевская площадь съ тремя королевскими замками, новой великолѣпной церковью *San Francesco del Paula* и колоссальными конными статуями Карла III и Фердинанда I; *Largo del Mercato* или базарная площадь, гдѣ въ 1268 году были казнены Конрадинъ швабскій и Фридрихъ австрійскій, въ 1647 г. началось и кончилось возстаніе Мазаніэлло противъ испанскаго ига, а въ 1821 г., послѣ ниспроверженія конституціоннаго устройства, многія тысячи умерли на плахѣ; *Largo di Castello* съ маленькимъ опернымъ театромъ *Fenice* и многіе другія. Гавань сравнительно не велика, четвероугольной формы, но тѣмъ не менѣе образуетъ чудеснѣйшую панораму. Новая гавань, направо отъ мола, была устроена для военныхъ кораблей и королевскихъ пароходовъ и снабжена точно такъ же какъ и первая — маякомъ. Между великолѣпнѣйшими зданіями первое мѣсто принадлежитъ королевскому замку въ концѣ Толедской улицы, величественному зданію съ великолѣпными лѣстницами, двумя расположенными одна надъ другой колоннадами, которыми окруженъ дворъ, и богатыми коллекціями картинъ и оружія. Къ замку примыкаютъ съ юга казармы морскихъ солдатъ и литейный дворъ для литья пушекъ. У самаго арсенала *Darsena* или небольшая гавань, назначенная для одного только арсенала. Другой королевскій замокъ поднимается на сѣверномъ концѣ города съ холма Каподименто среди прекраснѣйшихъ парковъ, садовъ и виллъ. Затѣмъ достойны замѣчанія: театръ *San Carlo*, едва ли не первый по своимъ размѣрамъ

и великолѣпному внутреннему устройству театръ Европы; большой сиротскій и исправительный домъ *Albergo de'Poveri* или *Reclusorio* съ четырьмя дворами и прекрасною церковью и многія другія. Изъ 300 церквей и капеллъ, въ томъ числѣ и одной евангелической, построенной въ новѣйшее время, особенно замѣчателенъ соборъ св. Януарія *(San Gennaro)*, патрона города. Прекрасная капелла, налѣво отъ главнаго алтаря, построенная въ формѣ греческаго креста, украшена 42 коринфскими колоннами и пилястрами изъ цвѣтнаго мрамора, большими серебряными канделябрами, фресками работы Доминикино и другихъ художниковъ. Въ ней хранятся церковныя сокровища: 42 бронзовыя статуи и 37 серебряныхъ бюстовъ святыхъ, а также голова и кровь св. Януарія, величайшая святыня неаполитанцевъ. Соборъ построенъ на мѣстѣ прежде бывшаго храма Аполлона и Нептуна; 110 колоннъ изъ африканскаго гранита — остатки этого разрушеннаго храма. Роль купели играетъ большая античная чаша съ вакхическими изображеніями выпуклой работы. Кромѣ того въ церкви находится много надгробныхъ памятниковъ, въ томъ числѣ памятники папы Иннокентія IV и венгерскаго короля Андрея и превосходная живопись *al fresco*. Университетъ, основанный въ 1224 году Фридрихомъ II, имѣетъ превосходныя коллекціи минераловъ и физическіе аппараты; затѣмъ особенно замѣчательны медико-хирургическая коллегія, военная школа, морская академія съ библіотекой и обсерваторіей, политехническая школа, топографическій институтъ, музыкальная школа, заведеніе для глухонѣмыхъ, ботаническій садъ и обсерваторія. Кромѣ фарнезской государственной библіотеки, заключающей въ себѣ болѣе 200,000 томовъ, есть еще 4 общественныхъ библіотеки. Кромѣ того во многихъ монастыряхъ находятся превосходныя собранія книгъ. Изъ музеевъ особенно замѣчателенъ бурбонскій музей, называемый обыкновенно *gli Studj* (учебные курсы), потому-что тутъ былъ въ прежнее время университетъ,— и занимающій во многихъ отношеніяхъ первое мѣсто между всѣми музеями Европы. Кромѣ множества маленькихъ и кукольныхъ театровъ, Неаполь имѣетъ 6 большихъ, въ томъ числѣ и упомянутый выше театръ *San Carlo*. Неаполитанецъ вообще мало склоненъ къ труду, поэтому промышленная дѣятельность города не значительна. Гораздо значительнѣе ея торговля, въ особенности банковыя и вексельныя дѣла; вся торговля страны сосредоточивается въ столицѣ и поддерживается биржею, банкомъ, нѣсколькими страховыми обществами и желѣзною дорогою. Неаполитанецъ любитъ удовольствія, но такія, которыя не требовали бы усилій съ его стороны: театръ, игру, карнавалъ, путешествія къ святымъ мѣстамъ, церковныя празднества и процессіи. Нужно очень сильное возбудительное средство, чтобы вывести его изъ свойственной ему апатіи. Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ лотарея, какое-нибудь чудо св. Януарія, сильный скандалъ и—потрясающая землю «*работа*» Везувія, когда этому послѣднему вздумается увеличить свою грозную исторію еще однимъ новымъ листомъ. Недавно ему пришла подобная фантазія—и онъ исполнилъ ее въ такомъ стилѣ, который какъ увѣряютъ неаполитанцы, не проявлялся ни разу со времени 1794 года.

Вотъ что писали отъ 24 апрѣля: это было въ среду послѣ полудня. Сильно насыщенная весеннею теплотою атмосфера освѣжалась прохладными вѣтерками. Словно опрокинутая чаша, полная наслажденія и силы, раскидывалось голубое небо надъ истинно райскимъ пейзажемъ. Словно лобызая своими лучами слегка волнующійся заливъ и его восхитительные берега, склонялось дневное свѣтило къ западу.

А Везувій? О, онъ былъ удивительно хорошъ въ этотъ вечеръ. Чудный огненный вѣнецъ колыхался надъ его обыкновенно столь мрачно-гордою вершиною. А какое чудное море свѣта, отливавшее и кровавымъ пламенемъ лавы, и кроткимъ свѣтомъ полнолунія, и блѣднѣющимъ золотомъ вечерней зари,—окружало всю гору!

Одинъ часъ ночи протекалъ за другимъ, и зрѣлище становилось все грандіознѣе и величественнѣе. На морѣ въ несущихся лодкахъ, на площадяхъ и улицахъ Неаполя—вездѣ люди съ радостнымъ удивленіемъ смотрѣли на эту удивительную картину, которую міръ можетъ быть уже не увидитъ въ другой разъ. Величаво-спокойно катился громадный потокъ лавы тремя мощными рукавами по сѣверной и западной сторонамъ горы, останавливаясь почти на серединѣ ея, охлаждаясь и безпрерывно возобновляясь. Ни грома, ни шума—только огненное пламя и его отраженіе на темно-синемъ ночномъ небѣ, откуда какъ-бы съ любопытствомъ выглядывали звѣздочки. Поэзія этой ночи выше всякаго выраженія!

Наступилъ четвергъ—и картина приняла другой видъ. Везувій облекся въ широкую, пышную, тусклую мантію дыма. Ни малѣйшаго слѣда огня, чтобы скрасить эту мрачную одежду!

Ни малѣйшаго слѣда огня? Нѣтъ. Съ наступленіемъ ночи замелькали невѣрные огоньки, поднимавшіеся со всѣхъ сторонъ, то тамъ, то сямъ на гору,—это неаполитанцы и чужестранцы, прочитавшіе въ своихъ путеводителяхъ, что на Везувій надобно всходить ночью и притомъ въ то время, когда онъ работаетъ.

Кто идетъ пѣшкомъ, кто ѣдетъ верхомъ или въ экипажѣ. Глубокая ночь. Шумный Неаполь спитъ. Счастливой Кампаньѣ снятся золотые сны. И тамъ на верху, на вулканѣ тоже грезятъ... Что это такое?.. Какое адское явленіе! Дымная мантія разрывается, земля подъ ногами поднимающихся на гору разверзается, огонь, чадъ, дымъ, разрывающіе сердце крики о помощи.

Это было начало страшной драмы. Рано утромъ въ пятницу въ Неаполь принесли первыя жертвы возобновившагося изверженія: мертвыхъ и смертельно раненыхъ, мужчинъ и женщинъ, туземцевъ и чужестранцевъ въ числѣ двѣнадцати человѣкъ. Трехъ убитыхъ оставили у подножія горы, въ маленькой капеллѣ въ Резинѣ.

На вершинѣ горы, вблизи стараго кратера, также какъ на серединѣ горы, влѣво отъ обсерваторіи, въ одно мгновеніе ока образовались новыя жерла. Съ ужасающею живостію производили они свою разрушительную работу.

Въ то же самое время внутри конуса поднялся грохотъ, трескъ, громъ, увеличивавшіеся съ часу на часъ и дѣйствовавшіе истинно-оглушительнымъ образомъ. Въ пятницу послѣ полудня въ Неаполѣ задрожали дома, зазвенѣли оконныя стекла. Весь Неаполь былъ на ногахъ. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ ужасъ. Адскій гвалтъ не прекращался. Это было слишкомъ сильно, слишкомъ чудовищно даже для неаполитанскихъ нервовъ,—а это много значитъ! И эту-то адскую музыку, продолжавшуюся почти безпрерывно, при-

шлось слушать въ продолженіи трехъ сутокъ. Знаменитый шумъ, которымъ сопровождаются на главныхъ неаполитанскихъ улицахъ проявленія народной жизни, представился теперь чѣмъ-то въ родѣ сладкаго шепота стиховъ въ сравненіи съ тою декламаціей, какою сопровождалась ужасная дѣятельность проснувшагося Везувія.

Паническій страхъ овладѣлъ жителями окрестныхъ городовъ и мѣстечекъ. Уже въ пятницу около полудня началось бѣгство отдѣльныхъ личностей, а потомъ цѣлыхъ массъ. Имущество нагружали на тачки, тѣлеги, ословъ, смотря по обстоятельствамъ. На одной тѣлегѣ сидѣла полуслѣпая бабушка, подлѣ нея ея внуки и коза, а въ дышло запрягся сильный здоровый мужчина. На улицахъ Портичи бѣглецы двигались, по направленію къ Неаполю, такими громадными массами и съ такой страшной поспѣшностію, что сообщеніе между двумя городами грозило остановиться. Направо безучастно-спокойное море, обнимающее вдали острова и Соррентскій берегъ; налѣво баснословное, ужасное чудовище Везувій; вокругъ бѣгущія, испуганныя толпы народа, между ними синіе мундиры военныхъ, высланныхъ для сохраненія порядка и безопасности; колебаніе земли, перекаты грома,—словомъ картина поразительная.

Въ Портичи и Резинѣ всѣ лавки заперли; всякій трудъ, не имѣвшій отношенія къ приготовленіямъ къ бѣгству, остановился; муниципальная гвардія вооружилась. Что-то принесутъ слѣдующіе часы?

Прежде всего опасность грозила городамъ: Торре-дель-Греко, Резинѣ, Портичи, мѣстечкамъ Санъ-Себастіяно, Санъ-Еріо и Масса-ди-Соммо, заключавшимъ въ себѣ по меньшей мѣрѣ отъ сорока до пятидесяти тысячь жителей.

«Въ пятницу вечеромъ, пишетъ корреспондентъ газеты «*Ueber Land und Meer*», я пріѣхалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями къ подножію буйнаго чудовища.

Прежде всего я зашелъ взглянуть на три трупа въ капеллѣ. Они лежали въ томъ же положеніи, въ какомъ были найдены утромъ. Это были: чужестранецъ, крестьянинъ и его сынъ, мальчикъ лѣтъ десяти. Чужестранецъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, былъ одѣтъ чрезвычайно изящно. На лицѣ и груди были обжоги, правое колѣно ободрано, руки разодраны до крови, носки сапогъ обожжены. Глаза и ротъ судорожно открыты, правая рука поднята вверхъ. Такъ лежалъ этотъ несчастный. Подобную же картину представляли собою и двое остальныхъ.

Я оставилъ капеллу и пошелъ по улицѣ, тянувшейся между виноградниками и садами въ гору. Замѣчательно, что здѣсь все еще толпились проводники, которые были такъ отважны, что предлагали провести на гору до лавы новаго кратера. Я отказался отъ ихъ услугъ, напомнивъ имъ о томъ проводникѣ, который за ночь передъ этимъ повелъ на гору четырнадцать человѣкъ любопытныхъ, а привелъ назадъ только одного.

Самый верхній кратеръ извергалъ колоссальныя массы камня, въ то время какъ громадныя облака дыма самыхъ фантастическихъ очертаній закрывали собою громадные потоки лавы.

Фотографы спѣшили увѣковѣчить величавыя картины, написанныя дымомъ на страшной высотѣ, сіявшія яркою бѣлизною на голубомъ небѣ.

Наконецъ ночь распустила свои черныя крылья надъ землею. Тутъ только изверженіе достигло всей силы своего страшнаго, потрясающаго характера. Потоки лавы, опустошавшіе и разрушавшіе богато-воздѣланныя, благословенныя мѣстности, вспыхнули яркимъ пурпуромъ. Море пламени, гигантскій пожаръ, рѣшительно недоступный описанію! Огненная линія подвигалась съ страшною силою къ сѣверо-востоку... Виноградники, масличныя и фиговыя деревья съ трескомъ вспыхнули... Виллы, хозяйственныя строенія, монастыри, церкви, бѣдныя хижины—всѣ они безразлично были охвачены опустошительнымъ потокомъ огня и поглощены на вѣки жадной лавой. Алчное пламя уже коснулось Санъ-Себастіяно, Санъ-Іеріо горитъ, Массо-ди-Фроммо уже потонуло въ огненномъ потокѣ... Страшный ревъ грома сопровождаетъ это ужасное явленіе.

Въ роскошно воздѣланной низменности за Резиною направляющійся на западъ потокъ лавы останавливается—приморскіе города безопасны.

Въ субботу непроницаемый дымъ лежалъ надъ театромъ страшной драмы. Горячій воздухъ былъ пропитанъ запахомъ гари. Очерки ужасной горы скрылись въ дыму. Хотя страшная музыка еще продолжалась, но уже *decrescendo*.

Тяжелый это былъ день для властей. Дѣло шло объ томъ, чтобъ пріютить бѣглецовъ и погорѣлыхъ; дѣло шло не менѣе какъ о сохраненіи спокойствія и общественной безопасности.

Въ субботу вечеромъ до насъ дошли извѣстія о томъ, что огонь постепенно утихаетъ, а потокъ лавы останавливается. Убѣжавшіе береговые жители возвратились на баркахъ въ свои прежнія жилища. Ночь прошла, сравнительно, довольно спокойно.

Въ воскресенье насъ ожидалъ новый сюрпризъ. Часамъ къ тремъ утра начался густой пепельный дождь, отъ котораго вся окрестность болѣе или менѣе покрылась сѣрымъ цвѣтомъ, смотря по направленію вѣтра. Облако пепла было такъ густо, что здѣсь въ Неаполѣ солнце до самаго полудня свѣтило самымъ умѣреннымъ образомъ. Впечатлѣніе производимое этимъ явленіемъ — которымъ впрочемъ сопровождается большею частію всякое изверженіе Везувія—въ высшей степени безотрадное. Поэтому-то при дальнѣйшемъ продолженіи этого дождя, превратившаго бѣлый день во что-то въ родѣ сумерокъ, гостинницы быстро опустѣли—и чужестранцы обратились въ бѣгство кто водою, кто сухимъ путемъ, спасаясь отъ расходившагося чудовища.

Въ лежащихъ подлѣ самаго Везувія мѣстностяхъ, вмѣстѣ съ пепломъ, лилась временами и горячая вода, а кое-гдѣ даже сыпались вулканическіе камни.

Хотя къ вечеру пепельный дождь сталъ падать крупнѣе и получилъ еще болѣе темную окраску, тѣмъ не менѣе главное изверженіе могло уже считаться оконченнымъ. Профессоръ Пальміери, наблюдавшій надъ разъяренными элементами изъ построенной на отлогости Везувія обсерваторіи, заявилъ это особою депешею.

Такъ какъ фотографическіе снимки изверженія не даютъ никакого понятія объ этой картинѣ, вся красота которой заключается въ краскахъ, то мы предпочли дать общій видъ Неаполя, Везувія и окрестностей (см. стр. 373).

Происхожденіе земной коры и ея обитателей.

(Окончаніе).

Въ тепломъ первозданномъ морѣ водоросли разростались въ дремучіе лѣса (морской поросли, морской травы), отличались кожистымъ строеніемъ, бурымъ или красноватымъ цвѣтомъ, безъ листвы и цвѣтовъ, и плавали въ водѣ, ни къ чему не прикрѣпленныя. Животныя этой эпохи жили также только въ водѣ; то были ракообразные трилобиты; рыбы, развившіяся изъ черепокожныхъ, сходныя съ акулами и черепахами (цефаласпиды и целаканты); безчерепныя (акраніи, безголовыя позвоночныя и круглоротыя (нынѣшнія миноги). Сверхъ того, простѣйшія (монады, амёбы), инфузоріи, медузы, червеобразные граптолиты, лучистыя (эхиносфериты), полипы, моллюски (раковины и улитки). Для силурской системы особенно характеристичны замѣчательные граптолиты, похожіе на спирально-свернутое лезвіе пилы.

Такимъ образомъ, въ теченіи періода первозданныхъ наслоеній появились древнѣйшіе предки нынѣ живущихъ организмовъ, монады, состоящія изъ клочка протоплазмы. Отъ нихъ произошли одноклѣтчатыя животныя (амёбы), а отъ нихъ (чрезъ повторяющееся дѣленіе на двѣ клѣточки и соединеніе этихъ послѣднихъ) многоклѣтчатыя, произведшія въ свою очередь рѣсничныхъ инфузорій съ простымъ кишечнымъ каналомъ. Отъ рѣсничныхъ инфузорій ведутъ начало червеобразныя турбелларіи и животныя съ первымъ зачаткомъ нервной системы, глазъ и пищеварительнаго аппарата и т. д.

I). **Первичныя формаціи,** эпоха рыбъ и древесныхъ папоротниковъ, *палеолитическій или палеозоическій періодъ*, съ значительными слоями до 42000 толщины распадается на:

1). Девонскую систему (древне - первичныя формаціи) со слоями извести, мергеля и песчаника, который по своему темнокрасному цвѣту называется древнимъ краснымъ песчаникомъ.

2). Каменноугольную систему (средне-первичныя формаціи) состоящую изъ известняковъ, глины (сланцевая глина) и песчаниковъ, принимающихъ въ себя залежи каменнаго угля. Нижній слой этой системы образуетъ горный известнякъ свѣтлаго цвѣта.

3). Пермскую систему (ново-первичныя формаціи) съ новымъ краснымъ песчаникомъ между угольнымъ сланцемъ и мергельнымъ; надъ послѣднимъ лежатъ доломитъ и гипсъ.

Первичныя формаціи богаты безцвѣтными и безплодными сухопутными растеніями и папоротниками, которые составляли главнѣйшую составную часть лѣсовъ по островамъ и дали въ ископаемыхъ своихъ остаткахъ каменный уголь. Изъ животныхъ періодъ этотъ изобилуетъ множествомъ рыбъ—акуловидныхъ, съ костяной и роговой чешуей, съ зубцами и иглами; летучихъ рыбъ съ чешуистымъ тѣломъ и крыльями; рыбо-ящерицъ; жаберныхъ ящерицъ (нынѣшніе аксолотли). Изъ сухопутныхъ животныхъ были членистыя (пауки и насѣкомыя) и нѣкоторыя позвоночныя (земноводныя и пресмыкающіяся) близкія къ нашимъ ящерицамъ: протерозавръ былъ ящерицевидное пресмыкающееся, археозавръ — лягушковидная ящерица. Здѣсь повидимому начался переходъ рыбовидныхъ формъ тѣла въ гадообразныя. Трилобиты вымерли въ этотъ періодъ и образовали переходъ къ рыбамъ (цефаласпидамъ); колоссальный Pterigotus Angelicus, громадный ракъ съ клешнями подобными рыбьимъ челюстямъ составляетъ нѣчто среднее между ракомъ и рыбою.

Въ первичную эпоху начался рядъ животныхъ дышущихъ легкими — при переходѣ на сушу и преобразованіи плавательнаго пузыря въ легкое: изъ рыбоящерицъ развились жаберныя ящерицы и наконецъ саламандры, которыя, утративъ жабры, сохранили только хвостъ.

II). **Вторичныя формаціи,** эпоха пресмыкающихся и хвойныхъ лѣсовъ, *мезолитическій* или *мезозоическій періодъ* съ тремя системами наслоеній, до 15,000 футовъ толщины состоитъ изъ:

1) Тріасовой системы (древне-вторичныя формаціи) съ пестрымъ песчаникомъ, раковистымъ известнякомъ и кейперомъ (слои мергеля и песчаниковъ).

2) Юрской системы (средне-вторичныя формаціи) или оолитовой формаціи (названной такъ по яйцевидно-круглой формѣ зеренъ извести) съ чорнымъ, бурымъ и бѣлымъ ляйясомъ.

и 3) Мѣловой системы (ново-вторичныя формаціи) съ известняками и песчаниками, мѣломъ, зеленымъ пескомъ, вельдской глиной и множествомъ раковинъ (преимущественно чортовыхъ пальцевъ или белемнитовъ и аммонитовъ).

Вторичная эпоха преимущественно обильна пресмыкающимися, которыя имѣютъ большое сходство съ нынѣ живущими ящерицами, крокодилами и черепахами. Наряду съ ними существовали впрочемъ странноустроенныя громадныя земноводныя, каковы напр. лабиронтодоны, жившіе на сушѣ и представлявшіе смѣсь ящерицы, лягушки, крокодила и черепахи; величиной они были съ рослую свинью. Они отличались узкой головой, длиннымъ хвостомъ, короткими членами, имѣли тѣло покрытое черепичаточешуйчатымъ панцыремъ. Морскія ящерицы, рыбообразныя, 15 — 20 футовъ длины, съ плавниками и голой кожей какъ у кита, представляли много родовъ: сюда относятся ихтіозавры съ дельфиновой головой и короткой шеей; плезіозавры съ узкой маленькой, крокодильей головой и длинной шеей; галозавры, морскіе драконы. Динозавры были колоссальныя сухопутныя ящерицы до ста футовъ длины. Птеродактили, летучія ящерицы, походили на летучихъ мышей и были даже немногимъ крупнѣе ихъ.—Въ концѣ этого періода произошли первыя птицы — повсему вѣроятію отъ ящерицъ и какъ доказываетъ найденный въ юрской формаціи отпечатокъ ископаемой птицы съ ящеричнымъ хвостомъ (Archaeopterix macrurus). Попадаются и млекопитающія: урамніоты (среднее между ящерицей и утконосомъ), древніе утконосы и двуутробки. Изъ растеній преимущественно хвойныя и цикады (пальмовидные папоротники) образовали цѣлые лѣса.

III. **Третичныя формаціи,** эпоха млекопитающихъ и лиственныхъ лѣсовъ, *кенолитическій или кенозоическій періодъ*, толщиною въ 3,000 футовъ, изъ трехъ трудно раздѣляемыхъ слоевъ моласса:

1) Эоценоваго (древне-третичнаго) съ гипсомъ, грубой известью и лондонской глиной, бурымъ углемъ, янтаремъ и асфальтомъ.

IV. Новѣйшія формаціи.

Эпоха появленія человѣка и лѣсоводства.

Антрополитическій или антропозоическій періодъ.

1) Культурный періодъ.	Аллювіальные слои, новые наносы.
2) Постглаціальный періодъ 3) Ледовой періодъ	Дилювіальныя формаціи древніе наносы.

III. Третичныя формаціи.

Эпоха млекопитающихъ, лиственныхъ лѣсовъ и песчаниковъ.

Кенолитическій или кенозоическій пер.

1) Пліоценъ (новотретичные слои)	Молласъ, прѣсноводные известняки съ остатками инфузорій, какъ то: трепелъ, горное молоко, кремнистый туфъ, гладильный сланецъ.
2) Міоценъ (среднетретичные)	Бурый уголь, янтарь, нефть, горная смола, (асфальтъ).
3) Эоценъ (нижнетретичные)	Нуммулитовый известнякъ и флишъ.

II. Вторичныя формаціи.

Эпоха пресмыкающихся (земноводныхъ), хвойныхъ лѣсовъ и известняковъ.

Мезолитическій или мезозоическій пер.

1) Мѣловая система	Мѣлъ, зеленый песчаникъ, плитный песчаникъ, вельдская формація.
2) Юрская система	Оолитовый известнякъ съ бѣлымъ, бурымъ и чорнымъ ляйасомъ.
6) Тріасовая система	Кейперъ, раковистый известнякъ съ каменною солью, пестрый песчаникъ.

I. Первичныя формаціи.

Эпоха рыбъ, древесныхъ папоротниковъ и каменнаго угля.

Палеолитическій или палеозоическій періодъ.

1) Пермская система	Новый красный песчаникъ.
2) Каменноугольная система.	Каменноугольная формація, горный известнякъ.
4) Девонская система	Древній красный песчаникъ.

А. Первозданныя или морскія формаціи.

Эпоха безпозвоночныхъ и водорослей.

Археолитическій или археозоическій періодъ.

1) Силурская система.	Сѣрая вакка, глинистый сланецъ.
2) Кембрійская система.	Глина.
3) Лаврентьевская система	Лабрадоръ, оттава.

Появленіе организмовъ въ осадочныхъ или слоистыхъ образованіяхъ, нептуническихъ формаціяхъ, морскихъ осадкахъ.

Огненно-жидкое ядро (центральный огонь) съ отвердѣвшею корою изъ плутоническихъ и вулканическихъ горныхъ породъ. Плотныя и сланцевыя горныя породы безъ организмовъ.

2) Міоценоваго (средне-третичнаго) съ бурымъ углемъ (обугленныя растенія: пальмы, кипарисы и хвойныя), янтаремъ (смола этихъ растеній) и асфальтомъ.

3) Пліоценоваго (ново-третичнаго) съ прѣсноводнымъ известнякомъ и остатками инфузорій въ видѣ трепела, горнаго молока, кремнистаго туфа и гладильнаго сланца.

Третичная эпоха съ ея организмами приближается уже къ современному періоду, такъ какъ между позвоночными преобладаютъ млекопитающія, а между растеніями сѣмяно-покровныя. Изъ млекопитающихъ третичной эпохи большая часть принадлежитъ къ порядку твердокожихъ (каковы наши: слонъ, носорогъ, лошадь и свинья). Въ моряхъ преобладали киты, кашалоты, дельфины, морскія коровы и два совершенно-вымершіе китообразные звѣря: цифіусъ и метакситерій. На сушѣ чаще всего встрѣчалось неуклюжее тапировидное травоядное Палеотерій съ мохнатою кожею и хоботообразнымъ носомъ. Аноплотерій, двукопытное травоядное съ длиннымъ хвостомъ и лошадиной мордой. Динотерій, моржеобразное травоядное, 15—20 футовъ длины, съ китовой головой и длинными клыками. Зевглодонъ, прежде называемый гидрархосомъ и не правильно причисляемый къ пресмыкающимся, китообразное животное. Сиватерій, громадное, жвачное, похожее на жираффа со слоновьей головой. Лѣнивцы слоновьяго роста: мегатерій исполинъ, мегалониксъ и милодонъ; нѣсколько меньшіе броненосцы: глиптодонъ и голофоръ; самымъ крупнымъ грызуномъ являлся токсодонъ, а наиболѣе похожимъ на лошадь—гиппотерій. Слону подобенъ былъ мастодонтъ. Сверхъ того водились змѣи, лягушки и жабы. Далѣе встрѣчались лемуры, хвостатыя носухи. Изъ растеній пальмы, кипарисы и хвойныя образовали бурый уголь.

IV) **Современныя формаціи**, эпоха появленія человѣка, и лѣсоводства, *антрополитическій* или *антропозоическій періодъ*, всего въ 500—700 футовъ толщины, представляетъ три отдѣла:

1) Ледовой періодъ (древніе слои).

2) Постглаціальный періодъ (средніе слои).

и 3) Культурный періодъ (новѣйшіе слои).

Нижніе слои, дилувіальные, древніе наносы (плейстоценъ) состоятъ изъ песку, хряща, голышей и глины, происшедшихъ изъ различныхъ породъ. На дилувіальныхъ слояхъ лежатъ аллювіальные, современные наносы изъ песку и щебня, чередующихся съ слоями глины и мергеля, торфяниками и пахотной землей.

Въ дилувіальныхъ слояхъ изъ животныхъ встрѣчаются: пещерный медвѣдь (въ древнѣйшихъ), мамонтъ (ископаемый слонъ) и другой видъ слона съ большими загнутыми клыками. Въ Сибири во льду находили мамонтовъ, сохранившихся такъ, что мясо ихъ можно было ѣсть. Носорогъ, пещерная гіена, пещерный левъ, олень-великанъ, зубръ—тоже дилювіальныя животныя.

Аллювіальный слой произвелъ изъ полусгнившихъ растеній торфяники, а путемъ вывѣтриванія различныя горныя породы; отъ разложенія же органическихъ тѣлъ образовался черноземъ.

Этимъ мы закончимъ нашъ краткій очеркъ происхожденія и развитія земной коры, напомнивъ читателямъ великое изрѣченіе: «природа не дѣлаетъ скачковъ.»

Внутреннее обозрѣніе.

Открытіе политехнической выставки въ Москвѣ. — Петербургское земство по вопросамъ: о страхованіи скота, объ учительскихъ семинаріяхъ и объ устройствѣ мореходныхъ школъ. — Судебная реформа въ духовенствѣ.—А. Ѳ. Жоховъ.

Главнѣйшими событіями прошедшей недѣли можно считать: празднованіе 200-лѣтней годовщины рожденія Петра Великаго, открытіе политехнической выставки въ Москвѣ и засѣданія петербургскаго губернскаго земскаго собранія. О праздновaніи въ Петербургѣ 30-го мая было уже сообщено въ нашемъ журналѣ; остается только прибавить, что нѣкоторыя наши ученыя и учебныя учрежденія, академія наукъ, университетъ, отчасти военныя гимназіи, также не остались равнодушными къ этому празднеству и приняли къ немъ посильное участіе. Съ гораздо меньшею торжественностью праздновался день 30-го мая въ Москвѣ: церемонія встрѣчи «Дѣдушки русскаго флота», при отсутствіи въ нашей первопрестольной столицѣ необходимыхъ условій, какъ слышно, вышла значительно блѣднѣе петербургскаго торжества; то же самое имѣло мѣсто и во весь день 30-го мая, въ который послѣдовало открытіе выставки. По отзывамъ газетъ, далеко не всѣ отдѣлы еще открыты для публики; въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ даже совершенно пусто, напримѣръ въ педагогическомъ, въ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ другихъ. Многіе отдѣлы, хотя уже и распаковались, но еще не привели въ порядокъ своихъ предметовъ. Въ ожиданіи сообщеній отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ, мы можемъ привести пока нѣкоторыя подробности о самомъ открытіи выставки. Въ первый день, цѣна за входъ на выставку была назначена 5 р. за билетъ; вѣроятно по этой причинѣ, публики на этотъ разъ было очень мало, такъ что съ слѣдующаго дня плата уменьшена была до 1 рубля. 31-го мая, въ 2 часа по полудни, на выставкѣ, въ особо устроенномъ павильонѣ исполнена была нарочно написанная для этого случая кантата; въ исполненіи пьесы, слова которой принадлежатъ нашему извѣстному поэту Я. П. Полонскому, а музыка профессору московской консерваторіи Чайковскому, участвовали хоръ и оркестръ московскаго большаго театра и пѣвецъ Додоновъ. Въ кантатѣ, говорятъ, есть мѣста и по мысли, и по музыкѣ — прекрасныя; но въ цѣломъ она не произвела должнаго впечатлѣнія — можетъ быть потому, что для исполненія выбрано не совсѣмъ подходящее мѣсто, на мосту, въ совершенно открытомъ пространствѣ. Въ числѣ многихъ примѣчательностей выставки указываютъ на оркестръ слѣпыхъ изъ института Человѣколюбиваго Общества въ Петербургѣ. Оркестръ этотъ состоитъ изъ 18 человѣкъ и исполняетъ около 60 серіозныхъ произведеній классической музыки. На выставку привезено изъ разныхъ монастырей множества разнаго рода стариннаго оружія, знаменъ и военныхъ принадлежностей прежнихъ временъ: чугунныя и желѣзныя пушки, пищали, кольчуги, шлемы, мечи, сѣдла, бердыши и т. под. Каталогъ выставки и планъ ея уже поступили въ продажу; кромѣ того, разными отдѣлами ея приготовлены особые каталоги, карты, чертежи и проч. Съ пятницы, 26-го мая, начато устройство желѣзно-конной дороги отъ выставки до вокзала Смоленской желѣзной дороги и Петровскаго парка. Работы производятся солдатами 18 й пѣхотной дивизіи. Кромѣ того, проводится особая соединительная вѣтвь между Николаевской жел. дорогою и зданіемъ выставки. Къ 6-му іюня, къ пріѣзду въ Москву Государя Императора все будетъ готово.

Засѣданія чрезвычайнаго петербургскаго губернскаго земскаго собранія касались, главнымъ образомъ, слѣдующихъ трехъ вопросовъ: а) вопросы о земскомъ страхованіи скота, б) объ учрежденіи земской учительской семинаріи и в) объ учрежденіи мореходныхъ школъ. По первому вопросу собраніе пришло къ заключенію, что страхованіе скота можетъ принести пользу лишь тогда, когда оно будетъ обнимать собою возможно большее количество головъ; а потому, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не послѣдуетъ добровольнаго страхованія, должно быть введено страхованіе обязательное. Это послѣднее вводится только для скота, павшаго отъ чумы; добровольное же страхованіе можетъ быть вводимо и отъ другихъ болѣзней. Чтобы обезпечить взносъ страховыхъ платежей, собраніе постановило взыскивать страховыя недоимки установленнымъ порядкомъ; если недоимщикъ не укажетъ на другое имущество, то взысканіе обращается на страхуемый имъ скотъ.—Обсужденіе вопроса объ учительской семинаріи вызвало весьма интересныя и оживленныя пренія. Надо замѣтить, что до сихъ поръ земство Петербургской губерніи не имѣло своего собственнаго учрежденія для приготовленія народныхъ учителей, а пользовалось для этой цѣли педагогическими курсами, устроенными министерствомъ народнаго просвѣщенія при Андреевскомъ приходскомъ училищѣ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, въ 1870 году, земство имѣло на этихъ курсахъ 10 своихъ стипендіатовъ, а въ слѣдующемъ году предполагало помѣстить туда еще 10 другихъ молодыхъ людей. Но въ это самое время послѣдовало распоряженіе объ открытіи, взамѣнъ педагогическихъ курсовъ при Андреевскомъ училищѣ, казенной учительской семинаріи въ гор. Гатчинѣ. Тогда земство разочло, что ему удобнѣе будетъ открыть свой собственный учительскій институтъ и не иначе какъ въ Петербургѣ, гдѣ находится столько образовательныхъ средствъ. Когда вопросъ объ учрежденіи особой учительской семинаріи предложенъ былъ на обсужденіе собранія, то при первомъ же пунктѣ произошло разногласіе: часть членовъ находила, что земству лучше всего присоединиться къ казенной учительской семинаріи въ Гатчинѣ, не основывая своей собственной, потому что это будетъ стоить дороже содержанія стипендіатовъ въ гатчинской семинаріи; но затѣмъ пренія склонили этихъ членовъ на сторону противоположную, и такимъ образомъ вопросъ объ учрежденіи отдѣльной учительской школы единогласно былъ рѣшенъ собраніемъ въ утвердительномъ смыслѣ. Затѣмъ, собранію предстояло еще рѣшить вопросъ о томъ, гдѣ удобнѣе устроить учительскую семинарію: въ Петербургѣ или внѣ его? Губернская управа, въ лицѣ своихъ представителей, и члены коммиссіи, представившей собранію докладъ по этому вопросу, стояли за Петербургъ,—какъ за такой центръ, гдѣ сосредоточиваются лучшія образовательныя и воспитательныя силы страны и гдѣ поэтому школа можетъ воспользоваться содѣйствіемъ самыхъ лучшихъ педагоговъ. Другая сторона находила, что будущіе сельскіе учителя, какъ вышедшіе изъ народа и какъ будущіе его руководители, должны и стоять близко къ народу; Петербургъ же имѣетъ свойства отдалять отъ сельской жизни, развивая въ юношахъ стремленія, имѣющія мало общаго съ простой сельской обстановкой. По баллотировкѣ этого вопроса, голоса раздѣлились по ровну; а потому, голосъ предсѣдателя, графа А. П. Шувалова, высказавшагося за основанія учительской школы *внѣ* Петербурга, далъ перевѣсъ этому послѣднему мнѣнію. Собраніе рѣшило основать учительскую школу въ мѣстѣ отстоящемъ не болѣе какъ на два часа ѣзды отъ Петербурга. Слѣдующее затѣмъ засѣданіе было посвящено обсужденію устава учительской семинаріи, причемъ собраніе рѣшило не требовать отъ директора и преподавателей ни того, чтобы они были непремѣнно изъ лицъ, получившихъ образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, ни состоянія на государственной службѣ, такъ-какъ оба эти условія не служатъ еще рекомендаціей человѣка и его педагогическихъ способностей. Затѣмъ, собраніе установило minimum познаній для поступленія въ 1-й классъ семинаріи, опредѣлило возрастъ (не менѣе 16-ти лѣтъ), высказалось за устройство смѣшанной для обоихъ половъ школы, но на первый разъ положило ограничиться устройствомъ одной только мужской и взаключеніе утвердило програму преподаванія.—Устройство мореходныхъ школъ вызвало въ собраніи новое разногласіе. Управа въ своемъ докладѣ доказывала пользу отъ открытія подобнаго рода школъ, указывала на сочувствіе къ этому дѣлу со стороны прибрежныхъ жителей, а также нѣкоторыхъ членовъ земства и взаключеніе предлагала на первый разъ открыть 3 мореходныя школы въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Петербургскаго, Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ. Нѣкоторые изъ гласныхъ находили безполезнымъ открытіе у насъ мореходныхъ школъ по той причинѣ, что самой потребности въ нихъ не существуетъ; что полезнѣе было бы обратить деньги на устройство школъ земледѣльческихъ, въ которыхъ населеніе Петербургской губерніи нуждается гораздо больше; что, наконецъ, вопросъ этотъ—мѣстный, а потому за разрѣшеніемъ его слѣдуетъ обратиться къ мѣстнымъ же учрежденіямъ—къ уѣзднымъ земскимъ управамъ. Собраніе однако согласилось съ докладомъ губернской управы и утвердило его, открывъ ей кредитъ въ размѣрѣ 1,500 рублей, въ случаѣ, если правительство, которое также пожелало принять въ этомъ участіе, будетъ отпускать менѣе 1,000 р. на каждую школу.

Уставъ реальныхъ училищъ удостоился Высочайшаго утвержденія, и министру народнаго просвѣщенія поручено начать постепенное преобразованіе нынѣшнихъ реальныхъ гимназій въ реальныя училища.

— Въ духовномъ вѣдомствѣ, какъ извѣстно, реформы слѣдуютъ за реформами. Но едва-ли не самою важною изъ нихъ является вопросъ о преобразованіи въ духовенствѣ судебной части, разрѣшеніемъ котораго занимается особая коммиссія. Газета «Русскій Міръ» сообщаетъ, что коммиссія эта представила на разсмотрѣніе св. Синода два проекта архіерейскихъ правъ въ новомъ церковномъ судѣ. Одинъ изъ этихъ проектовъ, оставляя за епархіальнымъ архіереемъ право административныхъ взысканій, т. е. перевода съ мѣста на мѣсто, штрафовъ, выговоровъ и проч., производимыхъ безъ всякаго суда и слѣдствія, совершенно устраняетъ архіерея отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя будутъ производиться въ епархіальныхъ окружныхъ судахъ. Другой проэктъ, напротивъ того, сохраняетъ за архіереемъ всю силу его власти, подчиняя ей и судебные приговоры, которые онъ вправѣ утверждать или не утверждать. О томъ, какому изъ этихъ двухъ мнѣній Св. Синодъ отдастъ преимущество—еще ничего неизвѣстно.

14-го мая, въ Петербургѣ, близъ дороги въ Лѣсной, происходила дуэль между помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Е. Утинымъ и секретаремъ Сената А. Ѳ. Жоховымъ. Послѣдній былъ смертельно раненъ пулею въ лобъ и чрезъ нѣсколько дней страшныхъ мученій скончался. Поводомъ къ дуэли послужило разногласіе по поводу политическаго процесса Гончарова.

Смѣсь.

По части домашняго хозяйства.

Скорѣйшій способъ солить ветчину. Въ то время какъ прежде извѣстенъ былъ одинъ только способъ приготовлять назначающіяся для копченія части свиньи: окорока, полоти, и т. п. состоящій въ томъ чтобы, натеревъ ихъ солью и селитрой, держать нѣсколько недѣль сряду въ кадкахъ, вслѣдствіе чего мясо теряло сокъ и силу,—новѣйшій опытъ доказалъ, что весь

процессъ соленія можетъ быть исполненъ гораздо лучше и скорѣе слѣдующимъ образомъ:

Только-что убитую свинью рубятъ на части, и всѣ назначаемыя для соленія части кладутъ на столы или скамьи, какъ можно ближе къ натопленной печкѣ, натирая ихъ одну за другою заранѣе согрѣтою солью и селитрою. А такъ какъ мясо не можетъ принять въ себя сразу надлежащее количество соли, то натираніе горячею солью (на одинъ фунтъ соли ½ лота селитры и столько же чистаго сахару) повторяется до 2 и 3 разъ, послѣ чего мясо на слѣдующій же день вывѣшивается для копченія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Пріемъ подписки на журналъ „**Нива**" продолжается. Подписная цѣна на годъ **4** р., съ доставкою и пересылкою **5** р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ вышедшіе въ 1872 г. номера.

Дозволено цензурою 9 Іюня 1872 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С. П-б. Б. Морск. и Невск. пр., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад., д. № 45—1.

№ 25 — 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 19 іюня 1872 года. — **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗАПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ Доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » —	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и доставкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Очерки еврейскаго быта.

(Продолженіе).

III.

Что бы я сдѣлалъ, еслибъ я былъ такимъ кабалистомъ, какъ Виленскій гоэнъ. — Сколько зла можетъ сдѣлать цѣлому народу одна свинья вообще, а черная въ особенности. — Баалъ-Шемъ и его средства для предупрежденія бѣды. — Первый переселенецъ. — Еврейское общество и его сила.

Еслибы я зналъ кабалистику настолько, насколько ее зналъ великій виленскій гоэнъ (1), я бы учинилъ важную штуку! я бы уничтожилъ на свѣтѣ всѣхъ ословъ. лошадей. собакъ, — словомъ всѣхъ нечистыхъ животныхъ; въ особенности я бы излилъ свой гнѣвъ на гойскихъ свиней. Первые своимъ существованіемъ хотя и приносятъ много вреда, но доставляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую пользу Израилю: лошадей, напримѣръ, онъ запрягаетъ въ повозку, оселъ ему служитъ вьючнымъ животнымъ, наконецъ на бѣломъ-же ослѣ долженъ пріѣхать Мессія, который, Богъ вѣдаетъ по какимъ причинамъ, доселѣ еще не пріѣзжаетъ; собака, хотя и бросается на Израиля съ лаемъ, но ее можно всегда пріучать костью, — гойскія собаки любятъ еврейскія кости. Но гойскія свиньи — онѣ отравляютъ всю мою жизнь; я ненавижу всей душой это гадкое животное. Я ее ненавижу въ какомъ-бы возрастѣ она ни была: старою или молодою; — какого бы объема она ни была: толстою или тощею; я ее ненавижу, какого-бы цвѣта она ни была: будь она самаго благороднѣйшаго цвѣта, но коль скоро она свинья, такъ ну ее къ черту! Мнѣ противенъ запахъ ея, хрюканье, ея юленье хвостикомъ. Пусть христіане говорятъ о евреяхъ что хотятъ, но коль скоро у нихъ не водится свиней, то это одно уже свидѣтельствуетъ, что они избранный народъ. Я увѣренъ, что если бы мнѣ удалось истребить эту нечистую силу, то Мессія навѣрно тотчасъ бы пришелъ и вырвалъ бы насъ, бѣдныхъ Израильтянъ изъ *горькаго изгнанія*. Я имѣю полное право негодовать благороднымъ негодованіемъ на это скверное животное, потому что, если бы я хотѣлъ разсказать исторію всѣхъ бѣдъ, причиняемыхъ этимъ животнымъ моему народу, и еслибы я даже прожилъ столько, сколько Маѳусаилъ, еслибы всѣ поля были бумагой, всѣ моря чернилами, всѣ деревья лѣсовъ перьями, и если бы я писалъ день и ночь всю свою жизнь, я бы не написалъ и одной тысячной доли; онѣ многочисленны какъ звѣзды на небѣ и какъ песокъ на берегу морскомъ. Такъ какъ я пишу исторію города Сѣченовки, то я не могу умолчать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя навлекло на этотъ

(1) Гоэнъ—геній. Виленскій гоэнъ—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ ученыхъ евреевъ послѣдняго столѣтія.

богоспасаемый градъ одно изъ самыхъ вреднѣйшихъ животныхъ въ мірѣ, а именно черная свинья (черная свинья гораздо опаснѣе всякой другой). Читатель навѣрно догадывается, что тутъ рѣчь идетъ о той черной свиньѣ, которую имѣла несчастіе встрѣтить жена Берки на обратномъ пути изъ миквы, когда Берка пріѣхалъ изъ Лейпцига. Я съ своей стороны не намѣренъ скрывать этого грустнаго факта, тѣмъ болѣе что это-бы мнѣ совершенно не удалось; я хочу говорить о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, умолчать же о нихъ я никакъ не могу. Моя душа слишкомъ переполнена скорби, мое сердце слишкомъ содрогается при одномъ воспоминаніи объ нихъ, какъ изъ за какой-нибудь проклятой свиньи чуть не пропала еврейская душа, чуть что не пострадалъ цѣлый еврейскій городъ, чуть что не опозоренъ былъ цѣлый еврейскій народъ. Я не могу молчать. Это выше силъ моихъ. Я Израильтянинъ и въ моихъ жилахъ течотъ кровь моихъ предковъ: Авраама, Исаака и Якова. Наконецъ, я хочу разсказать, сколько вреда можетъ причинить одна свинья цѣлому народу и къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести одна встрѣча съ ней. Я разскажу по порядку.

Въ ту самую ночь, когда съ женой Берки случилось то роковое происшествіе, ей снился сонъ: будто-бы..... она сидитъ въ раю, на золотомъ креслѣ, вокругъ нея все благоухаетъ, жареные голуби перепархиваютъ съ одной вѣточки на другую, передъ ней протекаетъ молочная рѣка, съ плавающей въ ней жареной и маринованной рыбой. Предъ нею столъ, покрытый бѣлоснѣжною скатертью, уставленъ разными яствами; но какъ только она собралась отвѣдать эти райскія кушанья, вдругъ изъ подъ стула выползла черная свинья и, хрюкая, вырвала изъ ея рукъ кусокъ мяса, потомъ рыломъ перевернула стулъ вмѣстѣ съ нею; она упала въ страшную пропасть, сильно ушиблась и проснулась..... Въ сильномъ волненіи она разсказываетъ мужу свой сонъ—и тотъ, будучи весьма опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ, сейчасъ смекнулъ, что тутъ кроется что-то недоброе и началъ допрашивать жену, не помнитъ-ли она какого-нибудь случая съ черной свиньей. Она сначала отнѣкивалась, но Берку вообще трудно было провести, и она должна была разсказать вчерашній случай. Мужъ вознегодовалъ (онъ вполнѣ былъ правъ: какъ-таки можно допустить подобный безпорядокъ!). Въ моемъ городѣ, гдѣ я равинствую, я своихъ женщинъ довелъ до такой религіозности, что онѣ даже въ самый жесточайшій морозъ возвращаются иногда въ микву по пяти разъ.

— Ты, говоритъ,—хочешь меня погубить на вѣки, никакого сожалѣнія не имѣешь ни ко мнѣ, ни къ моей еврейской душѣ? Что-же ты надѣлала, скажи!

— Да помилуй, Беръ, отвѣтила жена,—я торопилась, тебя такъ долго дома не было.

— Э, фе! Хана! (такъ звали жену Берки) воскликнулъ онъ:—это не отвѣтъ для еврейки; еврей не долженъ торопиться при исполненіи религіозныхъ обязанностей. Мнѣ сердце предсказываетъ, что это плохо кончится. Черная свинья въ раю!..... Что общаго между раемъ и свиньею! Богъ вѣсть чѣмъ это кончится. Если начало было плохо, то и отъ конца нельзя ждать хорошаго.

Хана это скоро почувствовала. Она почувствовала то, что чувствовала наша патріарша Ревекка, когда проходила мимо церкви [1]. Это, разумѣется, было явнымъ доказательствомъ, что съ будущимъ дѣтенышемъ будетъ что-то не ладно, что черная свинья сдѣлала свое дѣло.

Въ это время пріѣхалъ въ городъ знаменитый баалъ-шемъ [1]. Эта несчастная обратилась къ нему, чистосердечно разсказала ему о своемъ несчастіи и просила его о помощи. Если ему удастся помочь ей отъ неминуемаго несчастія, то она будетъ за него вѣчно Богу молиться, кромѣ того, что она ему заплатитъ за труды. Онъ ей сказалъ, что онъ подозрѣваетъ у нея весьма опасную штуку; но, во всякомъ случаѣ; предупредить какую-бы ту ни было опасность—для него сущая бездѣлица, потому что онъ не какой-нибудь шарлатанъ, а настоящій баалъ-шемъ, знающій хорошо свое дѣло. По осмотрѣ паціентки, онъ нашелъ, что ея опасенія не напрасны, что ей и ея плоду угрожаетъ неминуемая опасность; что мнимая черная свинья совсѣмъ не была свиньею, а это былъ потомокъ адскаго племени, нечистой силы, *Хербуфилисцикополонъ*, который всегда преображается въ нечистыхъ животныхъ, для того чтобы ему удобнѣе было проникнуть въ чрева дочерей Израиля, въ то время когда онѣ должны быть чистыми изъ чистѣйшихъ. Вообще же, если углубляться въ глубь кабалистики, то придемъ къ тому заключенію, что нечистыхъ животныхъ совершенно не существуетъ; существуетъ только одна нечистая сила, въ противуположность которой существуетъ чистая сила и проч. и проч. до безконечности. Услуги свои онъ можетъ предложить не менѣе какъ за 50 злотовъ, дешевле никакъ нельзя, потому что у него будетъ съ ней очень много возни.....

Та, разумѣется, согласилась, лишь бы избавиться отъ проклятаго Хербуфилисцикополона. Баалъ-шемъ написалъ на квадратномъ кускѣ пергамента *роджеъ хачъ каломе сукули* и нарисовалъ на его четырехъ углахъ изображеніе съ особенными знаками [2], велѣлъ зашить этотъ пергаментъ вмѣстѣ съ вишневымъ зернышкомъ, которое онъ ей далъ, въ кору и носить на шеѣ; потомъ онъ велѣлъ достать совершенно чернаго пѣтуха, зарѣзать его на перекресткѣ предъ восходомъ солнца, распороть его, вынуть оттуда что-то, сварить изъ него бульонъ и пить его предъ сномъ по чайной ложкѣ. Разумѣется, все это было буквально выполнено.

Родилась дѣвочка. Во время родовъ (самое опасное время отъ нечистой силы для родильницъ и дитяти), чтобы съ дитятей не случилось чего-нибудь худаго, были приняты всякія предосторожности. Съ рожденіемъ дѣвочки, на голову Берки начали обрушаться несчастія за несчастіями: его дѣла пришло въ ужасное разстройство, онъ обанкрутился, жена начала хирѣть.

Наконецъ дѣвочкѣ минулъ годъ и опасенія на счетъ ея будущности усиливались со дня на день. Видно было, что съ ней что-то недоброе. Во первыхъ, она была замѣчательной красоты, глазки ея такъ и метали молніи; она и минуты не могла сидѣть спокойно: вся какъ будто тряслась, рвалась куда-то. Конечно, все это такія вещи, которыя добра не предсказываютъ. Отправился Берка къ знаменитому Ребъ Борухъ; тотъ ему посовѣтовалъ перемѣнить мѣсто жительства, такъ какъ, по талмуду, мѣняющій мѣсто жительства, мѣняетъ и счастье.

[1] Нашъ священный талмудъ объясняетъ стихъ: «И толкались дѣти внутри ея», что, когда Ревекка проходила мимо еврейской сирагоги, Яковъ толкался впередъ и хотѣлъ выйти; а когда она проходила мимо церкви, то *Исавъ толкался впередъ, чтобы выйти.*

[1] Баалъ-шемъ — нѣчто въ родѣ знахаря, пользующій отъ всѣхъ недуговъ, преимущественно отъ нечистой силы, падучей болѣзни и пр., разными амулетами и таинственными кабалистическими средствами.

[2] Оригиналъ этого замѣчательнаго амулета (камеа) хранится еще въ Сѣченовскомъ музеумѣ древностей, въ числѣ прочихъ рѣдкихъ историческихъ памятниковъ.

Прошло великое торжество основанія города Сѣченовки, собственно не города а синагоги. Въ лѣтописяхъ города Сѣченовки очень много разсказывается объ этомъ великомъ торжествѣ. Между прочимъ разсказывается, что на немъ присутствовалъ панъ Дембовскій и еще нѣкоторые паны. Хацкель пригласилъ изъ ближайшаго города раввина, всѣхъ своихъ близкихъ родственниковъ, нѣсколько партій странствующихъ нищихъ. Понятно, что недостатка въ водкѣ не было. Когда Хацкель воодушевился и пришелъ въ экстазъ, онъ произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой онъ, *какъ искусный пловецъ, опускался на дно талмудическаго моря и вытаскивалъ оттуда драгоцѣнные перлы*. Онъ между прочимъ комментировалъ слѣдующій библейскій стихъ: «Іуда, тебя будутъ превозносить твои братья» и доказалъ ясно какъ день, что въ этомъ стихѣ Яковъ предсказывалъ своимъ сыновьямъ исторію сѣченія Хацкеля и исторію основанія города Сѣченовки. Положимъ, что сдѣлать подобный выводъ изъ упомянутаго стиха немного смѣло, потому что это не согласно ни съ логикой, ни со здравымъ смысломъ, а главное несогласно съ грамматикой; но дѣло въ томъ, что логика, здравый смыслъ и грамматика не имѣютъ ничего общаго съ Израилемъ; *Израиль тѣмъ и великъ, что онъ стоитъ выше всѣхъ этихъ понятій*. И въ самомъ дѣлѣ, что для еврея грамматика? самые величайшіе изъ раввиновъ не знаютъ грамматики; даже самые талмудисты никогда не обращаютъ вниманія на грамматику—и если повѣрить весь талмудъ съ грамматикой, то окажется, что очень много мѣстъ идутъ въ совершенный разладъ съ грамматикой и здравымъ смысломъ. Но вотъ синагога была окончена; Хацкель уже жилъ въ своей корчмѣ.

Уже прошолъ почти годъ со времени основанія Сѣченовки, но никто кромѣ Хацкеля сюда еще не переселился. Хацкель былъ въ отчаяніи; панъ его все допекалъ и спрашивалъ, почему не являются его предполагаемые переселенцы. Впрочемъ, огорченіямъ Хацкеля вскорѣ былъ конецъ.

Разъ утромъ къ нему является Шлемка *Дерзкій* и объявляетъ ему, что онъ намѣренъ переѣхать въ городъ и выстроить себѣ корчму. Причины, заставившія Шлемку сдѣлать подобный шагъ, были весьма важны. Въ то блаженное время, о которомъ идетъ разсказъ, евреямъ жилось гораздо лучше теперешняго. Не знаемъ насколько это вѣрно, по крайней мѣрѣ такъ увѣряютъ старики. Во первыхъ, народъ былъ благочестивѣе, больше думалъ о Богѣ чѣмъ теперь, довольствовался малымъ, не гонялся за модами, и кромѣ того они въ то время по большей части жили въ деревняхъ, гдѣ они были полными хозяевами, жили панами, не зная горя. Въ то время было много разнаго рода странствующихъ братій: нищихъ, проповѣдниковъ и разныхъ благочестивцевъ; они обыкновенно находили пристанище у деревенскихъ евреевъ, которые транспортировали ихъ изъ одной деревни въ другую. Это, такъ сказать, облагороженное нищенство въ то время сильно размножилось (они еще не вывелись и въ настоящее время); они образовывали касты, за время странствій рожали дѣтей, умирали. Разумѣется, это было обременительно для деревенскихъ евреевъ, хотя они этого не высказывали, опасаясь за свою добрую славу. Шлемка Дерзкій тоже жилъ въ деревнѣ; онъ никогда не принималъ охотно этихъ странниковъ, поэтому они про него распускали ужасные слухи, такъ что за нимъ утвердилось прозвище «Дерзкій». Когда панъ его выгналъ изъ деревни, онъ переѣхалъ въ городъ. Когда онъ обзавелся хозяйствомъ, онъ вздумалъ себѣ купить Мерейну [1]). Онъ пошелъ къ раввину и спросилъ у него, за какую сумму онъ согласится выдать ему учоную степень. Они, разумѣется, въ цѣнѣ сошлись бы; но тутъ, на бѣду, у раввина случился одинъ изъ странствующихъ проповѣдниковъ, который считалъ себя слишкомъ обиженнымъ тѣмъ, что Шлемка продержалъ его у себя только одни сутки и далъ ему на дорогу всего только одинъ злотъ. Проповѣдникъ этотъ сталъ Шлемкѣ помѣхой и настоялъ на томъ, что Шлемка не получилъ желанной учоной степени. Разумѣется, раввинъ былъ этимъ недоволенъ, такъ какъ изъ его рукъ ускользнулъ очень порядочный кушъ, но Шлемкѣ-то отъ этого не было легче, такъ какъ онъ таки не досталъ Мерейны. Это обстоятельство сильно поразило Шлемку и разрушило всѣ его разсчеты: Во 1-хъ, онъ было уже купилъ штраймелъ [2]), рацеморовую жупицу [3]) въ которую онъ думалъ облечься тотчасъ по полученіи Мерейны и явиться въ синагогу къ удивленію всѣхъ согражданъ; во 2-хъ, онъ хотѣлъ вступить въ общество Хевро-кедойшо [4]); въ 3-хъ, онъ увидѣлъ, что за неполучкою Мерейны, изъ его рукъ ускользнетъ та партія, на которую онъ имѣлъ виды. Долго онъ придумывалъ средства, какъ отомстить раввину и всему обществу, до котораго никакъ не могъ добраться,—и рѣшился наконецъ на весьма рискованный шагъ, на который врядъ-ли когда-либо рѣшался Израильтянинъ. Этотъ шагъ требовалъ много мужества со стороны предпринимателя. Разъ въ Субботу утромъ, когда жена его ушла въ синагогу (онъ зналъ, что жена будетъ противиться подобному плану), онъ велѣлъ запереть всѣ ставни, для того чтобы чуждый глазъ не могъ видѣть его запретнаго поступка; заперся въ своей комнатѣ, облекся въ жупицу и штраймелъ, закутался въ шубу, такъ чтобы никто не могъ замѣтить его лица (онъ зналъ, какое могло-бы выйдти волненіе въ городѣ, если-бы его кто увидѣлъ въ этомъ нарядѣ на улицѣ), и отправился въ синогогу. Онъ разсчиталъ придти въ синагогу среди молитвы (онъ вполнѣ зналъ весь рискъ своего поступка и думалъ, авось его молитва выручитъ), сталъ на своемъ мѣстѣ; нѣсколько минутъ его было не замѣчали, но какъ только его замѣтили, въ синагогѣ произошло великое волненіе, на всѣхъ напала какая-то паника. Какъ, развѣ это слыханная дерзость! Чтобы человѣкъ не имѣющій Мерейны и учоной степени смѣлъ такъ одѣться и, еще болѣе, осмѣлился явиться въ подобномъ костюмѣ въ храмъ Божій! Да это просто святотатство! послѣ этого чѣмъ же кто гарантированъ, что сапожникъ, портной этого-же не сдѣлаетъ и не облечется въ это почотное одѣяніе. Отъ этой мысли всѣ пришли въ оцѣпененіе; когда-же ребъ Зорахъ пришелъ въ себя отъ волненія, онъ подошелъ къ Шлемкѣ и крикнулъ: «Эй, ты дерзкій! какъ ты посмѣлъ надѣть штраймелъ и рацеморовую жупицу!» и при этомъ отпустилъ ему тяжеловѣсную оплеуху. Шлемка зналъ, что здѣсь не можетъ быть никакого оправданія, и молчалъ. «Я тебѣ покажу, какъ одѣваться въ подобную одежду!» и при этомъ отпустилъ ему вторую

[1]) Мерейна — титулъ, раввинъ, учитель, степень учонаго, которымъ надѣлялись тѣ, которые выдерживали экзаменъ. Этотъ обычай ведетъ свое начало со временъ талмуда, но въ послѣднее время онъ потерялъ свое значеніе, потерялъ прежнюю формальность и сдѣлался доходною статьею раввиновъ, которые стали выдавать этотъ титулъ за деньги, безъ всякихъ экзаменовъ. Въ настоящее время этотъ бычай болѣе не существуетъ.

[2]) Штраймелъ = круглая лисья шапка, съ шестью или восмью хвостиками.

[3]) Рацеморовая жупица въ родѣ парчеваго кафтана.

[4]) Погребальное братство, пользующееся почетомъ среди евреевъ.

тяжеловѣсную пощечину. Здѣсь уже Шлемка не вытерпѣлъ, и по какому-то бѣсовскому новожденію его рука протянулась и ударила ребъ Зораха. Никакое человѣческое перо не можетъ описать того, что произошло послѣ этого въ синагогѣ, — ту панику, которая напала на всѣхъ, при видѣ этого неожиданнаго казуса. «Какъ, ребъ Зораха ударить, кричали многіе,—ребъ Зораха, которому, если онъ даже дастъ десять оплеухъ, никто не возражаетъ! о, этотъ гнусный человѣкъ достоинъ скилы, шрейфо, герегъ и хенекъ вмѣстѣ! Шлемку сейчасъ заперли въ кагальную комнату (гдѣ общество имѣетъ свои засѣданія), и днемъ общество сюда въ своемъ полномъ составѣ собралось, для осужденія Шлемки Дерзкаго. Судили, рядили и порѣшили дать ему двадцать пять ударовъ кнутомъ и простоять въ продолженіе вечерней молитвы въ кунѣ [1]).

Разумѣется, все это было выполнено съ буквальною точностью.

Мои милые читатели: вамъ покажется страннымъ, что 30 лѣтъ тому назадъ еврейское общество имѣло такую абсолютную власть надъ своими сочленами и могло каждаго члена приковать къ стѣнѣ, чтобы плевать ему въ лицо, — повѣрьте, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Тотъ, кто хорошо знакомъ со внутреннимъ устройствомъ еврейскихъ обществъ въ настоящее время, очень хорошо знаетъ, что и въ настоящее время еврейское общество полновластно надъ своими сочленами. Оно ихъ наказываетъ за малѣйшее погрѣшеніе и отступленіе отъ его постановленій. Мѣры наказаній этого общества разны (я объ нихъ теперь не говорю), но разница ихъ отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они потеряли свой характеръ, не имѣютъ свой рѣзко-бросающійся въ глаза видъ; но слово «общество», теперь какъ и тогда, приводитъ каждаго отдѣльнаго члена въ содроганіе,—потому что если общество захочетъ его стереть съ лица земли, то ничего не подѣлаешь — сотретъ, хоть будь здѣсь какой угодно герой. Это хорошо извѣстно тому, кто знакомъ съ еврейскимъ обществомъ не по наслышкѣ,—и кто по злоумышленности не захочетъ умалить величіе и силу еврейскихъ обществъ, тотъ признаетъ, что это правда. Конечно, если вы будете искать образъ еврейскаго общества въ лицѣ сборщика податей или общественнаго писаря, вы не найдете того общества, о которомъ я говорю; послѣдніе только номинальное общество, главное же общество стоитъ позади этихъ господъ: они только орудіе въ рукахъ другаго общества, которыми оно управляетъ по своему желанію; того общества простымъ глазомъ вы не увидите. Для того, чтобы его увидѣть, нужно быть вооружену телескопомъ знанія еврейской жизни и ея духа, съ которыми оно тѣсно связано тѣломъ и душою. Я, конечно, не спорю, что въ то блаженное время, когда общество имѣло право наказать своего члена кнутомъ, плевать ему въ лицо за неисполненіе какого-нибудь обряда, или за дерзкое слово какому нибудь почтенному лицу, тогда было гораздо лучше чѣмътеперь, когда общество-должно прибѣгать къ косвеннымъ наказаніямъ. —Тогда общество было гораздо благочестивѣе, почитали старыхъ и ученыхъ, никогда не было зараждающейся въ настоящее время ереси; но

[1]) Куна = есть слѣдующій родъ наказанія: дугообразное желѣзо, прикрѣпленное на петлѣ въ синагогѣ къ стѣнѣ, обкладывалось вокругъ шеи преступника и съ другой стороны запиралось. При этомъ лицо преступника было обращено къ публикѣ, для того чтобы публика могла плевать въ него. Этого рода наказанія вышли уже изъ употребленія лѣтъ 30 тому назадъ. Слѣды этихъ *кунъ* видны еще въ нѣкоторыхъ старыхъ синагогахъ.

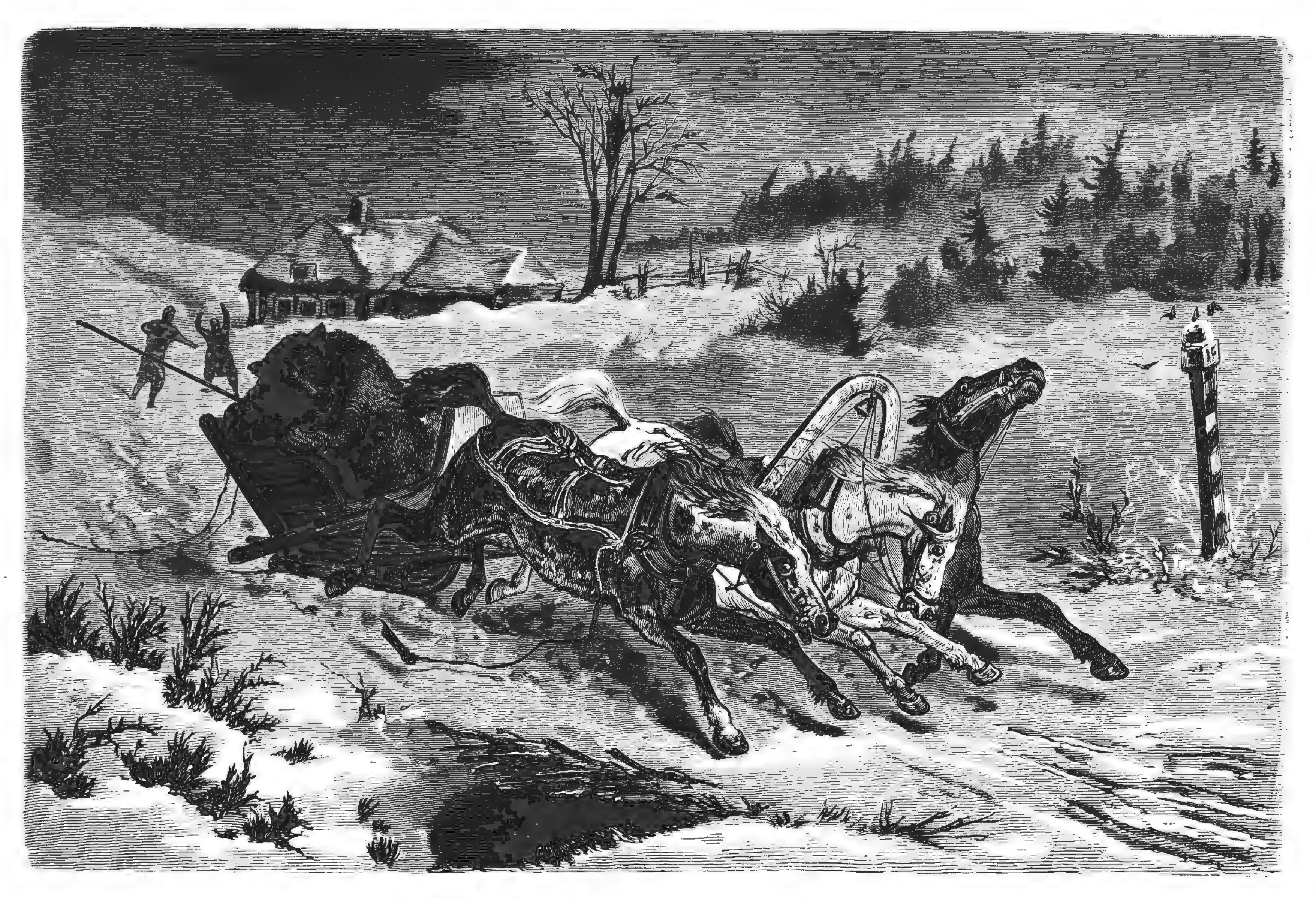
нельзя же не отдать справедливости и настоящему обществу, что оно печется о благочестіи своихъ сочленовъ. Да и согласитесь, какъ-же можетъ иначе быть, когда у евреевъ круговая порука. Въ талмудѣ сказано, что израильтяне отвѣчаютъ другъ за друга. И въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь подлецъ накуралеситъ, съѣстъ, напримѣръ, хлѣбъ предъ молитвой, а я пойди на томъ свѣтѣ отвѣчай за него; это просто изъ рукъ вонъ!.....

Разумѣется, послѣ такого позора Шлемкѣ нельзя было долѣе оставаться въ своемъ городѣ, и онъ рѣшился поэтому переселиться въ Сѣченовку, гдѣ притомъ онъ надѣялся безъ всякой препятствій надѣть штраймелъ и жупицу и, разумѣется, быть не послѣднимъ изъ гражданъ.

Въ это самое время какой-то панъ, разсердившись на нѣкоторыхъ изъ своихъ деревенскихъ арендаторовъ, выгналъ ихъ изъ своихъ деревень. Трое изъ нихъ рѣшили построить себѣ дома въ новомъ городѣ и переѣхать. Къ нимъ присоединился и двоюродный братъ Хацкеля, съ которымъ случилось такое несчастіе по рожденіи дочери. Хацкель, увидѣвъ, что задуманный паномъ Дембовскимъ планъ начинаетъ осуществляться, былъ въ восторгѣ. «Дальше, говорилъ Хацкель, пойдетъ какъ по маслу,—труденъ первый шагъ; а первый шагъ уже сдѣланъ: въ городѣ уже есть пять семействъ; и коль скоро пять еврейскихъ семействъ живутъ въ одномъ мѣстѣ, то значитъ, что рано или поздно тутъ будетъ основанъ городъ». Какъ только новые поселенцы выстроили дома и устроились, они вдругъ задумались: чѣмъ-же они тутъ будутъ жить. *Положимъ, что еврею не слѣдуетъ заботиться о своемъ пропитаніи, потому что о немъ заботится Богъ; если бы онъ жилъ среди моря, на необитаемомъ островѣ — и то, если Богъ не пожелаетъ, онъ не умретъ съ голода. Богъ питаетъ* каждаго червяка, а уже еврея, который далеко важнѣе, Онъ подавно не оставитъ своими милостями. Но во всякомъ случаѣ, какъ говоритъ пословица, «на Бога надѣйся, а самъ не плошай»; по этому поводу у поселенцевъ составился планъ, который Хацкель немедленно привелъ въ исполненіе. Хацкель отправился къ пану Дембовскому и объяснилъ ему слѣдующее: такъ какъ панъ Дембовскій былъ такъ милостивъ и построилъ жидовскій городъ, то вѣроятно его желаніе было, чтобы городъ процвѣталъ; а такъ какъ городъ не можетъ процвѣтать, коль скоро жители остаются въ бѣдности, то ему, т. е. пану Дембовскому слѣдуетъ позаботиться о доставленіи имъ средствъ къ жизни. При основаніи города Сѣченовки была упущена изъ вида самая главная вещь; а именно, что жидовскій городъ безъ гойевъ [1]) существовать не можетъ, потому что жидкамъ нужно-же чѣмъ-нибудь жить,—жиду же не подъ статьработать наравнѣ съ хлопомъ, онъ вѣдь не для этого созданъ; поэтому для благоустройства новаго города необходимо выстроить въ городѣ церковь и чтобы панъ приказалъ всѣмъ хлопамъ своихъ деревень по воскресеньямъ ѣздить на базаръ только въ Сѣченовку; кромѣ того, устроить въ продолженіи года нѣсколько ярмарокъ. Этими мѣрами, по мнѣнію Хацкеля, должно упрочиться благосостояніе города. Панъ Дембовскій нашелъ эти мѣры практическими и не трудно исполнимыми и рѣшилъ привести ихъ въ исполненіе. Успѣхъ города Сѣченовки былъ упроченъ.

(Продолженіе будетъ).

[1]) Гой=всякое племя не еврейское.



Топтыгинъ. Стихотвореніе *Некрасова.*
Композиція Н. Каразина, гравировалъ И. Матюшинъ.

Литературный альбомъ.

„Генералъ Топтыгинъ“.

Стихотвореніе *Некрасова.*

Анекдотъ, послужившій канвой этому шуточному стихотворенію современнаго поэта-сатирика, разсказывается въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи на разные лады, неизмѣнно возбуждая веселый смѣхъ и оживляя вечернія бесѣды при лучинѣ или каганцѣ, въ тесовой свѣтелкѣ великоруса или выбѣленной хатѣ малороссіянина. Такъ какъ незатѣйливый разсказъ этотъ о похожденіяхъ Михайлы Иваныча чрезвычайно распространенъ и вѣроятно не разъ воспринимался читателемъ изъ устъ народныхъ, то мы предпочитаемъ напомнить его здѣсь въ болѣе художественной редакціи.....

Дѣло подъ вечеръ, зимой,
И морозецъ знатной.
По дорогѣ столбовой
Ѣдетъ парень молодой,
Ямщичокъ обратной;
Не спѣшитъ, труситъ слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не легка—
Рытвины, ухабы.
Нагоняетъ ямщичокъ
Вожака съ медвѣдемъ:
«Посади насъ, паренекъ,
Веселѣй доѣдемъ!»
— Что ты? съ мишкой? «Ничего!
Онъ у насъ смиренной,
Лишній шкаликъ за него
Поднесу, почтенной!»
— Ну садитесь! — Посадилъ
Бородачъ медвѣдя,
Сѣлъ и самъ — и потрусилъ
Полегоньку Ѳедя...
Видитъ Трифонъ кабачокъ,
Приглашаетъ Ѳедю.
«Подожди ты насъ часокъ!»
Говоритъ медвѣдю.
И пошли. Медвѣдь смиренъ,
Видно старъ годами,
Только лапу лижетъ онъ
Да звенитъ цѣпями...

Засидѣлись, заболтались новые пріятели подъ сѣнью гостепріимной елки, за чаркой зелена вина, — а между тѣмъ.....

Свечерѣло. Дрожь въ коняхъ,
Стужа злѣе на ночь;
Заворочался въ саняхъ
Михайло Иванычъ,
Кони дернули; стряслась
Тутъ бѣда большая—
Рявкнулъ мишка! — понеслась
Тройка какъ шальная!...

Быстро, бѣшено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабѣ всякій разъ
Звѣрь рычалъ ретиво;
Только стонъ кругомъ стоялъ:
«Очищай дорогу!
Самъ Топтыгинъ генералъ
Ѣдетъ на берлогу!»
Прямо къ станціи летитъ
Тройка удалая.
Проѣзжающій сидитъ,
Головой мотая;
Ладитъ вывернуть кольцо.
Вотъ и стала тройка;
Самъ смотритель на крыльцо
Выбѣгаетъ бойко.
Видитъ, ноги въ сапогахъ
И медвѣжья шуба,
Не замѣтилъ въ попыхахъ,
Что съ желѣзомъ губа,
Не подумалъ: гдѣ ямщикъ
Отъ коней гуляетъ?
Видитъ—баринъ материкъ,
«Генералъ» смекаетъ.
Поспѣшилъ фуражку снять:
«Здравія желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?...»
Хочетъ барину помочь
Юркой старичишка;
Тутъ во всю медвѣжью мочь
Заревѣлъ нашъ мишка!
И смотритель отскочилъ:
«Господи помилуй!
Сорокъ лѣтъ я прослужилъ
Вѣрой, правдой, силой;
Много видѣлъ на тракту
Генераловъ строгихъ,
Нѣтъ ребра, зубовъ во рту
Не хватаетъ многихъ,
А такого не видалъ
Господи Іисусе!
Небывалый генералъ,
Видно въ новомъ вкусѣ!..»

Рисунокъ исполненъ нашимъ талантливымъ сотрудникомъ, Н. А. Каразинымъ, картинами котораго (Петръ Великій въ Дербентѣ, и проч.) петербургская публика недавно любовалась на Царицыномъ Лугу во время празднованія двухсотлѣтней годовщины дня рожденія преобразователя Россіи.

Молитвенникъ моей жены.

(Съ англійскаго).

Прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ Бостонѣ, когда, прихлебывая однажды утромъ свой кофе, прочелъ въ послѣднемъ нумерѣ газеты слѣдующее извѣстіе:

«Тысяча долларовъ награжденія тому, кто доставитъ извѣстіе о томъ, какимъ образомъ Вильямъ Пигеръ погибъ на пароходѣ «Король Августъ» въ ночь на 23 августа 1854 года. Адресъ: Іаковъ Шарцеръ, эсквайръ, 246, улица Фультонъ, Нью-Іоркъ».

Это объявленіе, привлекавшее на себя вниманіе своей широкой рамкой, произвело на меня страшное дѣйствіе. Поблѣднѣвъ какъ смерть и дрожа всѣмъ тѣломъ, откинулся я на спинку моего кресла, грудь моя приподнималась судорожно, тяжелыя капли пота выступили у меня на лбу. Я зналъ Вильяма Пигера, я совершилъ вмѣстѣ съ нимъ переѣздъ на пароходѣ «Король Августъ» и былъ если не послѣдній, то покрайней мѣрѣ однимъ изъ послѣднихъ людей видѣвшихъ его въ живыхъ. Мы оба ѣхали изъ Бостона. Я—для того, чтобъ попытать счастья въ другихъ мѣстахъ, онъ—чтобъ возвратиться на родину. Онъ съ перваго же взгляда внушилъ мнѣ отвращеніе, котораго я нисколько не скрывалъ. Это былъ большой неуклюжій, мужиковатый янки; у него было большое состояніе, которое онъ нажилъ безъ большого труда, и пользовался имъ теперь съ величайшимъ тщеславіемъ. Чѣмъ болѣе я знакомился съ нимъ, тѣмъ противнѣе онъ мнѣ становился.

Точно такія же чувства внушалъ ему повидимому и я, а такъ какъ мы съ нимъ были единственные каютные пассажиры и должны были большею частью быть вмѣстѣ, то между нами поневолѣ должны были происходить отъ времени до времени самыя невыносимыя сцены.

Когда мы однажды послѣ ужина сидѣли за стаканами грога, то мой стаканъ вслѣдствіе внезапнаго поворота корабля опрокинулся, и наполнявшая его жидкость полилась на пигерово платье.

— Медвѣдь, гнѣвно вскричалъ онъ, — развѣ вы не можете вести себя приличнымъ образомъ и не обливать кипяткомъ моихъ колѣнъ?

— Тутъ не было ни умысла, ни неловкости съ моей стороны, возразилъ я,—въ этомъ виноватъ только случай.

— Случай! подобные случаи между нами приходятъ чрезвычайно кстати! За этотъ я потребую однакоже удовлетворенія, коль скоро мы будемъ на твердой землѣ. Если вы мужчина, въ чемъ впрочемъ я сильно сомнѣваюсь, я принужу васъ дать мнѣ это удовлетвореніе.

— Вы принудите меня....

— Вылить на меня другой стаканъ грога? перервалъ онъ съ вызывающей улыбкой. — Трусъ!

Я былъ раздраженъ до послѣдней степени возможности, схватилъ его за воротъ и встряхнулъ его. Онъ потерялъ равновѣсіе и покачнулся, но, ставши твердо на ногахъ, вынулъ изъ груднаго кармана пистолетъ и выстрѣлилъ. Я во время нагнулся, выстрѣлъ пролетѣлъ надо мною и разбилъ окошко. Онъ выхватилъ другой пистолетъ, но я удержалъ его руку; мы стали бороться. Тѣмъ временемъ въ каюту ворвался капитанъ съ нѣсколькими матросами; Пигера укротили.

Я объяснилъ, въ чемъ дѣло. Капитанъ требовалъ, чтобъ мы дали ему честное слово удерживаться отъ всякихъ споровъ, до тѣхъ поръ пока мы будемъ на пароходѣ; въ противномъ случаѣ онъ прибѣгнетъ къ силѣ и будетъ держать насъ назаперти до самаго конца путешествія. Послѣ нѣкотораго сопротивленія мы покорились.

— Я не имѣю ровно ничего противъ того, чтобъ вы застрѣлили другъ друга; для меня это рѣшительно все равно, господа, увѣрялъ капитанъ, — только подождите до тѣхъ поръ, пока у васъ подъ ногами твердая земля, а на моемъ пароходѣ я не позволяю ничего подобнаго. Впрочемъ если вы желаете, я съ большимъ удовольствіемъ высажу васъ на берегъ при первомъ удобномъ случаѣ и позабочусь о вашихъ трупахъ. А пока будьте довольны и этимъ.

Я отправился въ свою каюту, твердо рѣшившись никогда не говорить больше съ этимъ человѣкомъ. На другое утро, по окончаніи завтрака, капитанъ отвелъ меня въ сторону, и сталъ предостерегать дружескимъ образомъ на счетъ Пигера.

— Будьте на сторожѣ, говорилъ онъ,—старайтесь какъ можно больше избѣгать его. Онъ нисколько не задумается столкнуть васъ при случаѣ за бортъ или же всадить вамъ потихоньку ножъ въ бокъ. Я знаю людей и потому предостерегаю васъ.

Онъ пожалъ мнѣ съ значительнымъ видомъ руку и ушолъ.

Вскорѣ послѣ этого я слышалъ, какъ онъ говорилъ: «зачѣмъ вы не убираете со стола, поваръ?»

— Мистеръ Пигеръ еще не завтракалъ, было отвѣтомъ ему.

— Кто не пришелъ вовремя, тотъ теряетъ свою долю. Мистеръ Пигаръ питается, какъ кажется, своей злобой. Убирайте со стола.

Я отправился на палубу и не сходилъ внизъ до тѣхъ поръ, пока колоколъ не прозвонилъ къ обѣду. Мы сѣли за столъ; капитанъ, штурманъ, должностные лица и я. Пигера не было.

— Позовите мистера Пигера, поваръ. Мы вовсе не желаемъ, чтобъ наши кушанья простывали изъ-за него, приказалъ капитанъ.

Поваръ отворилъ дверь, заглянулъ въ каюту и сказалъ: «Мистера Пигера нѣтъ тамъ, сэръ».

— Нѣтъ тамъ! Гдѣ же онъ? Кто видѣлъ его сегодня утромъ?

Стали спрашивать, но никто не могъ дать свѣдѣній о Пигерѣ. Машинистъ какъ будто-бы видѣлъ его вчера вечеромъ очень поздно на палубѣ, но онъ не ручается, дѣйствительно ли это былъ Пигеръ.

— Гдѣжь бы это онъ могъ быть? спросилъ капитанъ.— Онъ непремѣнно долженъ быть на пароходѣ, прибавилъ онъ медленно, съ какимъ-то особеннымъ взглядомъ,—ужь не перетолковали ли вы какъ нибудь иначе моего замѣчанія, и.....

— Увѣряю васъ, капитанъ, что я не выходилъ изъ моей каюты, пока не пришолъ къ завтраку, и что я не видалъ и не слыхалъ Пигера послѣ того, какъ ушелъ при васъ въ каюту.

Послѣдовавшія за тѣмъ розысканія остались безъ всякаго результата, но одно обстоятельство возбудило всеобщее вниманіе. Оказалось, что между желѣзными плитами, соединявшими цѣпь рулевой лодки съ бокомъ корабля, очутилась какимъ-то образомъ окованная мѣдью скоба, которая крѣпко держалась тамъ. По всѣмъ вѣроятіямъ ее сбросили за бортъ и она попала туда нечаянно. Умышленно ее не могли вбить, потому-что матросъ, который увидѣлъ ее прежде другихъ, могъ достать ее только съ помощію двухъ товарищей. Ее съ трудомъ оторвали, принесли на палубу и осмотрѣли. Она была такъ блестяща и нова, какъ будто бы ее только-что сдѣлали. Стали догадываться откуда она была взята—и оказалась, что это была одна изъ тѣхъ запасныхъ скобъ, которыя хранились за рѣшеткою у фокъ-мачты. Это было чрезвычайно странно. Поваръ вспомнилъ, что въ прошлый вечеръ, послѣ разсказаннаго выше происшествія, Пигеръ пилъ необыкновенно много грогу; а машинистъ, который какъ будто бы видѣлъ его, замѣтилъ, что у него была нетвердая походка, хотя и не былъ убѣжденъ, что это дѣйствительно былъ Пигеръ.

Дѣло занесли въ пароходный журналъ—и жизнь на пароходѣ потекла своимъ путемъ, какъ будто бы ровно ничего не случилось. Но я не могъ не замѣтить, что надо мною тяготѣло тяжелое подозрѣніе, что за мною слѣдили съ недовѣрчивостію,—и это производило на меня такое тяжелое и безотрадное впечатлѣніе, что я часто завидовалъ Пигеру безмятежно покоившемуся на днѣ океана.

Наше путешествіе приближалось къ концу; мы пристали къ берегу въ нью-іоркской гавани. Капитанъ немедленно представилъ все это дѣло въ надлежащее судебное мѣсто, которое послѣ формальнаго изслѣдованія всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ фактовъ, очень скоро рѣшило, что противъ меня нѣтъ достаточныхъ доказательствъ и что вслѣдствіе этого я свободенъ,—и я оставилъ городъ, обѣщаясь въ душѣ никогда болѣе не бывать въ его округѣ.

Что же послѣ этого удивительнаго, что упомянутое выше газетное объявленіе взволновало меня до послѣдней степени возможности? Оно произвело на меня обаятельное

дѣйствіе змѣи. Я предчувствовалъ, нѣтъ, я былъ убѣжденъ, что оно принесетъ мнѣ горе и всевозможныя бѣдствія. Я не могъ свесть глазъ съ черныхъ буквъ, которыя съ страшною ясностію напечатлѣлись въ моемъ мозгу. Годы, лежавшіе между этимъ роковымъ днемъ и настоящей минутой, какъ будто бы и не существовали. Они показались мнѣ сновидѣніемъ, отъ котораго я только что пробудился; мнѣ показалось, какъ будто бы я только что услышалъ отвѣтъ повара: «его нѣтъ тамъ, сэръ!»

Слѣдующій день былъ еще печальнѣе. Мои мрачныя предчувствія томили меня еще больше, моя тоска все болѣе и болѣе увеличивалась. На моей душѣ лежала тяжесть, не дававшая мнѣ свободно дышать. Я все видѣлъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ; въ каждомъ звукѣ долетавшемъ до моего слуха, я слышалъ страшныя слова: «его нѣтъ тамъ, сэръ!» Я зналъ, что я такъ же былъ невиненъ въ его смерти, какъ и тогда еслибъ я никогда не видалъ его; но я чувствовалъ, что несчастная ссора, происшедшая между мною и Пигеромъ въ тотъ вечеръ, какъ онъ такъ загадочно исчезъ, должна была вызвать опять подозрѣніе насчетъ меня, и что я подвергнусь позору и бѣдствіямъ открытаго судопроизводства.

Я не долго ждалъ осуществленія моихъ опасеній. Недѣли двѣ спустя послѣ того какъ я прочелъ роковое объявленіе, въ мою контору вошелъ какой-то господинъ.

— Я долженъ уплатить вамъ по небольшому векселю за мистера Гассе и К°. Не угодно ли вамъ написать квитанцію? спросилъ онъ.

Я подошелъ къ моему бюро, написалъ росписку и подписался. Посѣтитель стоялъ подлѣ меня и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на бумагу. Когда я подписалъ свое имя и сдѣлалъ обычный росчеркъ, онъ положилъ мнѣ на плечо руку и сказалъ:

— Я долженъ арестовать васъ за убійство Вильяма Пигера.

— Увѣряю васъ, что я…

— Я обязанъ передать суду слово въ слово все, что вы теперь ни скажете, поэтому-то вашъ собственный интересъ требуетъ, чтобъ вы молчали, перервалъ онъ меня.— И такъ—какъ идутъ дѣла въ здѣшнемъ торговомъ мірѣ? въ Нью-Іоркѣ они идутъ довольно вяло.

Я былъ такъ смущенъ, такъ пораженъ, что не могъ отвѣчать.

— Какимъ образомъ, спросилъ онъ,—желали бы вы ѣхать? Конечно безъ всякой огласки? По моему это самое лучшее, но это зависитъ отъ васъ.

Онъ схватился какъ бы нечаянно за карманъ своего дорожнаго пальто, и я увидѣлъ рукоятку пистолета и пару ручныхъ оковъ. Я отскочилъ назадъ.

— Гораздо пріятнѣе путешествовать безъ этого украшенія, сказалъ онъ.

— Я послѣдую за вами безъ всякаго сопротивленія, сказалъ я,—но вы должны дать мнѣ нѣсколько часовъ на то, чтобъ устроить мои дѣла.

— Признаюсь, если вы заплатите за поѣздку съ экстреннымъ поѣздомъ, — полиція не считаетъ себя обязанною платить въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ. Мнѣ кажется, я могу довѣриться вамъ и сдѣлаю это, но не забывайте, что я отдаю въ ваши руки мою репутацію—репутацію полицейскаго чиновника. Я дамъ вамъ время привести въ порядокъ ваши бумаги и покончить дѣла, а самъ тѣмъ временемъ осмотрю городъ; я никогда еще не былъ въ Бостонѣ. Въ пять часовъ идетъ поѣздъ, постарайтесь же окончить свои дѣла къ этому времени, я заѣду за вами. Добраго утра.

Ударъ разразился. То что я, не щадя силъ и трудовъ, пріобрѣлъ въ теченіи четырнадцати лѣтъ, приходилось мнѣ теперь употребить на защиту своей жизни. Я отправился къ моему адвокату и разсказалъ ему о своемъ положеніи.

—Глупо, очень глупо! сказалъ онъ.—Вамъ только что начало везти. Очень глупо!

— Я невиненъ, возразилъ я.

— Вѣрю, но что въ этомъ толку? сказалъ адвокатъ.— Теперь нужно подумать о томъ, какимъ образомъ обратить намъ какъ можно легче и скорѣе ваше заведеніе въ наличныя деньги. Когда это дѣло огласится, будетъ очень затруднительно. Во сколько цѣните вы все? Тысячь въ двадцать?

— Около двадцати двухъ тысячь.

— Вы должны продать, какъ можно скорѣе продать. Нельзя терять ни одной минуты. Я берусь отыскать купца, если вы согласны отдать все, какъ есть все за двѣнадцать тысячь чистоганомъ. Вы можете перевести деньги на меня— и я попытаюсь сдѣлать все, что только можно. Приходите часамъ къ четыремъ, я приготовлю вамъ бумаги для подписи.

— Двѣнадцать тысячь вмѣсто двадцати двухъ—мало.

— Согласенъ, и отъ васъ зависитъ отказаться отъ этого предложенія. Скажите мнѣ самую низкую цѣну, за которую вы согласились бы продать,—и я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать; но не забывайте, что намъ остается всего только четыре часа и требуйте сообразно этому. Не далѣе какъ завтра утромъ, вамъ едва ли сдѣлаютъ такое предложеніе, какъ мы.

— Хорошо же. Постарайтесь выручить пятнадцать тысячь; но если этого нельзя, то отдайте за двѣнадцать и пріѣзжайте ко мнѣ въ Нью-Іоркъ съ первымъ поѣздомъ.

— Очень хорошо. И такъ, къ четыремъ часамъ бумаги будутъ для подписи.

Я отправился къ себѣ на квартиру, подарилъ дочкѣ моего домоваго хозяина дорогое ожерелье и удивилъ этого добраго человѣка извѣстіемъ, что я ѣду въ Нью-Іоркъ и оттуда буду писать ему насчетъ моей квартиры. Затѣмъ я возвратился въ контору, объявилъ моему старшему прикащику, что я продалъ заведеніе и представлю послѣ обѣда новаго владѣльца. Совершенно разбитый опустился я на свое покойное кресло, которое служило мнѣ цѣлыхъ десять лѣтъ.

Мои думы были прерваны какимъ-то человѣкомъ, съ темной бородой, въ одеждѣ боцмана:

— Вы ли мистеръ Антонъ Уде? спросилъ онъ.

— Да. Что вамъ угодно?

— Я работалъ въ кабинетѣ подлѣ конторы доктора Флетчера, а такъ какъ дверь между этими двумя комнатами очень тонка и къ тому же еще была только полупритворена, то я, нисколько не желая этого, сдѣлался участникомъ вашей тайны.

— Чтожь дальше?

— Я желалъ бы подать вамъ совѣтъ, сэръ; къ четыремъ часамъ вы будете обладателемъ по меньшей мѣрѣ двѣнадцати тысячь долларовъ,—почему бы вамъ не бѣжать?

Бѣжать! Это слово произвело на меня волшебное дѣйствіе. Чувство изнеможенія прошло, я ощутилъ въ себѣ новыя силы. Бѣжать! Да, спасеніе было въ бѣгствѣ. Я вскочилъ и всплеснулъ руками.

— Боже мой! вскричалъ я внѣ себя,—объ этомъ я и не подумалъ!

— Это видно было изъ вашего разговора съ адвокатомъ,

сказалъ, улыбаясь незнакомецъ.—Не теряйте времени; бѣгите, какъ только деньги будутъ у васъ въ рукахъ. Въ Техасѣ, или гдѣ нибудь тамъ вокругъ него, вы будете въ безопасности и можете начать новую жизнь. Я дамъ вамъ письмо въ Санъ-Франциско къ моему брату; онъ поможетъ вамъ пробраться дальше.

Я поспѣшилъ вмѣстѣ съ моимъ доброжелателемъ къ адвокату и сообщилъ ему сдѣланное имъ предложеніе.

— Это самое лучшее, что вы только можете сдѣлать, сказалъ онъ, — потому что, не смотря на вашу невинность, въ которой я нисколько не сомнѣваюсь, это все-таки такое дѣло, развязка котораго чрезвычайно сомнительна. Этотъ добрый человѣкъ правъ, въ Техасѣ вы внѣ всякой опасности и можете начать новую жизнь съ тѣми средствами, которыя у васъ въ рукахъ.

Я возвратился въ контору, уложилъ свой дорожный сундукъ и поспѣшилъ съ своимъ новымъ другомъ на станцію. Было 20 минутъ пятаго, поѣздъ долженъ былъ идти чрезъ 20 минутъ. Мысль о возможности убѣжать, доставила мнѣ такое счастье, что я и не думалъ о томъ, что могло бы побудить совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, который притомъ былъ много ниже меня, принимать во мнѣ такое участіе. Я сидѣлъ въ воксалѣ желѣзной дороги и ловилъ каждое слово, вылетавшее изъ его устъ.

— А потомъ, сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи,— подумайте только, что вы не связаны никакими семейными узами, что у васъ нѣтъ ничего, что могло бы задержать васъ.

«Ничего, что могло бы задержать!»—Эти слова коснулись моей совѣсти—и обѣщаніе, которое я сбирался нарушить, встало передо мною, какъ бы начертанное пламенными письменами.

— Благодарю васъ, сказалъ я вставая и протягивая руку этому человѣку, который повидимому такъ дорожилъ моимъ спасеніемъ,—благодарю васъ за вашу готовность помочь мнѣ, но—я не могу воспользоваться ею, я долженъ—остаться здѣсь.

— Остаться здѣсь? спросилъ онъ съ удивленіемъ.— Что можетъ мѣшать вамъ сдѣлать то, на что вы только-что рѣшились? Билетъ оплаченъ, поѣздъ отправляется черезъ десять минутъ, а вы говорите, что хотите остаться здѣсь....

— Я долженъ спѣшить въ свою контору, я не могу ѣхать, потому что я далъ полицейскому чиновнику, который хотѣлъ арестовать меня, честное слово ждать его тамъ около пяти часовъ. Данное слово обязываетъ меня остаться, и я не понимаю какъ я могъ забыть это, хотя бы только на одну минуту.

— Но подумайте, держалъ ли когда кто слово, данное полицейскому чиновнику?

— Я сдержу его. Я не желалъ бы вспоминать о человѣкѣ, который довѣрился мнѣ, а я его обманулъ. Нѣтъ, я не могу больше терять времени, я долженъ спѣшить назадъ.

Цыгане.

Рисовалъ Фукье, гравир. Пибаро.

— Да вѣдь это глупость, чистая глупость, въ которой вы горько раскаетесь. Подумайте, что вы рискуете жизнію. Еще шесть минутъ—и локомотивъ готовъ.

— Нѣтъ, я отправлюсь назадъ въ контору. Полицейскій чиновникъ сказалъ мнѣ, что онъ ввѣряетъ мнѣ свою репутацію, и я обѣщалъ ему явиться къ пяти часамъ. Не понимаю, какъ я могъ забыть это, хотя бы на одну минуту.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ нелѣпо; я отъ роду не встрѣчалъ ничего подобнаго. Держать слово, данное полицейскому чиновнику!—Но, ужь если вы хотите, во чтобы-то ни стало, привести въ исполненіе эту удивительную идею, я пойду вмѣстѣ съ вами.

— Пожалуйста. Вы получите отъ меня вознагражденіе, но я право не понимаю, почему вы такъ сильно интересуетесь мною.

— Мнѣ пріятно помогать другимъ.

Мы возвратились въ контору, и я отправился въ свой кабинетъ. Пробило пять часовъ; полицейскій чиновникъ еще не являлся.

— Судьба благопріятствуетъ вамъ, прошепталъ мой искуситель въ замочную дирочку.—Пять часовъ прошло; вы свободны отъ вашего обѣщанія, оно уже не связываетъ васъ. Вы свободны!

Это было страшное искушеніе. Мой новый другъ говорилъ правду—но, нѣтъ, я не хотѣлъ потерять своего собственнаго уваженія.

— Я подожду, сказалъ я твердо, — я не могу держаться буквальнаго смысла. Этотъ человѣкъ ввѣрилъ мнѣ свою честь — и я не могу обмануть его. Онъ найдетъ меня, хотя бы онъ заставилъ ждать меня до полночи. Оставьте меня въ покоѣ.

Онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ; я откинулся въ изнеможеніи на спинку моего кресла.

Искуситель подошелъ ко мнѣ. Одно быстрое движеніе руки—и парика вмѣстѣ съ бородою какъ не бывало; передо мною стоялъ полицейскій чиновникъ.

— Вамъ не слѣдуетъ оставаться ни минуты больше въ этой мучительной неизвѣстности, сказалъ онъ. — Вы честный человѣкъ, я не встрѣтилъ ни одного такого какъ вы, въ теченіи всей своей тридцатилѣтней практики. Это послужитъ вамъ въ пользу.

Я былъ такъ удивленъ, что не зналъ хорошенько, сердиться ли мнѣ на съигранную со мною штуку или радоваться тому, что не попался въ разставленныя мнѣ сѣти.

— Простите меня, сказалъ полицейскій.—Намъ предстоитъ большое путешествіе, и я сдѣлалъ этотъ опытъ, чтобъ узнать какимъ образомъ я долженъ держаться съ вами дорогою. Вамъ же лучше, что вы выдержали это испытаніе.

Онъ сбросилъ съ себя костюмъ боцмана, смылъ коричневую краску съ лица и рукъ и подозвалъ извощика. Мы отправились на станцію желѣзной дороги.

Въ вагонѣ онъ сдѣлался чрезвычайно разговорчивъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ воскресло опять это давно забытое дѣло.

Покойный Вильямъ Пигеръ, собираясь ѣхать для своего удовольствія въ Германію, застраховалъ, безъ вѣдома родственниковъ, свою жизнь въ пользу своего брата. Свидѣтельство о застрахованіи онъ уложилъ, вмѣстѣ съ другими бумагами, въ желѣзный ящикъ, который отдалъ на сохраненіе банкиру. Послѣ его смерти его бумаги были осмотрѣны какимъ-то писцомъ. Свидѣтельство о застрахованіи, о которомъ никто не зналъ, попало въ связку документовъ, относившихся къ арендѣ какихъ-то участковъ земли. Эта аренда кончилась за два мѣсяца передъ этимъ, касающіяся до нея бумаги были снова разсмотрѣны и свидѣтельство о застрахованіи найдено. Братъ предъявилъ свое право на страховыя деньги, но страховая контора заподозрила это право, такъ какъ не было доказано, что покойный умеръ отъ чужой руки. Развѣ онъ не могъ добровольно бросится въ море? Это было возможно и, опираясь на эту возможность, страховая контора отказала въ уплатѣ страховыхъ денегъ. Тутъ вспомнили о моей несчастной ссорѣ съ Пигеромъ—которая получила огласку вслѣдствіе тогдашняго судебнаго разбирательства—и напечатали упомянутое выше объявленіе въ надеждѣ, не найдется ли кто нибудь, кто далъ бы желанныя свѣдѣнія.

— Добровольно ли несчастный Вильямъ Пигеръ бросился въ море или этому прыжку помогъ кто нибудь другой противъ его собственнаго желанія, сказалъ въ заключеніе полицейскій, — это сдѣлалось важнымъ вопросомъ тогда только, когда дѣло зашло о двадцати тысячахъ долларовъ денегъ. Если будетъ нужно, то братъ, само собою разумѣется, не пожалѣетъ половины этой суммы, для того чтобъ предполагаемаго виновника найдти, и по этому-то, сэръ, вамъ очень трудно будетъ сказать, что не вы этотъ виновникъ. Жаль, очень жаль, но это ясно — ваше дѣло плохо!

Я отвернулся отъ него съ сокрушеніемъ сердца. Онъ говорилъ такъ просто, такъ разсудительно. Дѣло шло не столько о виновномъ или не виновномъ, сколько о томъ, чтобъ доставить доказательства, что убійцей было второе лицо—и этимъ лицомъ былъ я самъ — и я долженъ былъ сознаться себѣ, что факты говорили противъ меня.

Я не стану останавливаться на переѣздѣ. Умолчу также и о моемъ прибытіи въ Нью-Іоркъ. Обыкновенныя формы были соблюдены, предварительное слѣдствіе окончено и дѣло—мое дѣло—передано суду присяжныхъ.

Два мѣсяца, цѣлыхъ два мѣсяца ждалъ я. Не было никакой жертвы, никакой попытки, передъ которою остановился бы я, или скорѣе мой бостонскій адвокатъ, послѣдовавшій за мною, не теряя ни минуты, въ Нью-Іоркъ, для того чтобъ найти благопріятныя для меня показанія. Результатъ былъ довольно жалкій.

Несчастная ссора была блестящимъ доказательствомъ въ рукахъ противной стороны, а въ добавокъ къ этому нашлось двое изъ прежде бывшихъ матросовъ парохода «Король Августъ», которые готовы были показать подъ присягою, что видѣли меня послѣ этой ссоры, вмѣстѣ съ Вильямомъ Пигеромъ, поздно вечеромъ у фокъ-мачты, что мы опять боролись другъ съ другомъ, что я убилъ его мѣдной скобой, а потомъ бросилъ за бортъ. Не желая являться передъ публикой въ качествѣ оффиціальныхъ свидѣтелей, они, по ихъ словамъ, не выступили противъ меня при прежнемъ судебномъ разбирательствѣ и отправились въ Техасъ, а когда, возвратившись въ Нью-Іоркъ, прочли извѣстное объявленіе, то рѣшились удовлетворить законъ и дать нужныя показанія.

Какая надежда оставались мнѣ послѣ такихъ доказательствъ? Преждебывшій капитанъ «Короля Августа» умеръ, старый поваръ былъ неизвѣстно гдѣ, а эти два безсовѣстные человѣка были подкуплены обѣщаніемъ богатой награды. Я былъ жертвою награды. Я былъ жертвою денежной спекуляціи.

Насталъ наконецъ и роковой день, долженствовавшій рѣшить мою судьбу. Я вошелъ въ залу суда въ сопровожденіи двухъ сторожей. Судьи и адвокаты сидѣли уже въ обычныхъ костюмахъ, они весело разговаривали между собою, даже по временамъ смѣялись.

Наступило молчаніе. Присяжнымъ была сдѣлана перекличка. Появился президентъ и занялъ свое мѣсто. Онъ обвелъ глазами собраніе, кивая головою при видѣ знакомыхъ лицъ. Помѣщеніе для зрителей было полнымъ полно. Хорошо одѣтые мужчины и женщины сидѣли всѣ вмѣстѣ такъ, что яблоку негдѣ было упасть, словно дѣло шло о

какомъ нибудь торжествѣ. Прокуроръ выступилъ впередъ. Его рѣчь была очень хорошо обдумана. Въ особенности же настаивалъ онъ на ссорѣ, не забылъ ни одного второстепеннаго факта и кончилъ наконецъ тѣмъ, что вызвалъ свидѣтелей.

Прежній каютный юнга и штурманъ «Короля Августа» выступили впередъ. Оба разсказали о ссорѣ согласно съ истиною. Затѣмъ явился машинистъ. Онъ сказалъ, когда видѣлъ въ послѣдній разъ покойнаго, но выставилъ на видъ, что не убѣжденъ въ томъ, дѣйствительно ли это былъ онъ. Настала очередь двухъ ложныхъ свидѣтей. Мой защитникъ потребовалъ, чтобъ ихъ допросили порознь, это было исполнено. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ выйти изъ залы, въ то время какъ другой оставался тамъ. Я какъ теперь его вижу.

— Я былъ ночномъ караулѣ, такъ разсказывалъ онъ,— было, должно быть, около одинадцати часовъ, когда я увидалъ на бакѣ двухъ человѣкъ. Они, повидимому, сильно спорили и я сразу узналъ обоихъ по голосу — покойнаго и арестанта. Я стоялъ за парусомъ, они не могли меня видѣть, но отъ меня не ушло ни одно изъ ихъ движеній. Споръ продолжался только нѣсколько минутъ. Вдругъ арестантъ вынулъ мѣдную скобу у себя изъ кармана, ударилъ ею покойнаго по головѣ такъ, что тотъ зашатался и упалъ, потащилъ его къ краю и бросилъ за бортъ. Я былъ такъ испуганъ, что не скоро могъ опомниться; тутъ пришелъ, крадучись, мой товарищъ, другой свидѣтель, и посовѣтовалъ мнѣ ничего не говорить объ этомъ. Онъ полагалъ, что мы можемъ современемъ извлечь для себя изъ этого пользу, тогда какъ, разсказавъ это, мы будемъ принуждены, когда пристанемъ къ берегу, являться въ судъ въ качествѣ свидѣтелей—и насъ пожалуй задержатъ въ Нью-Іоркѣ вплоть до окончанія дѣла; оно можетъ длиться долго, а это, пожалуй, лишитъ насъ заработка; я согласился съ этимъ и молчалъ. Но разсудивъ хорошенько, мы рѣшились ничего не говорить объ этомъ и арестанту, хотя было и рѣшили, что онъ долженъ заплатить намъ за наше молчаніе. — Вотъ все, больше этого я ничего не могу сказать.

(Продолженіе будетъ).

Народы Россіи.

VIII. Цыгане.

Нѣтъ, кажется, во всемъ европейскомъ континентѣ такого уголка, въ которомъ не былъ бы знакомъ своеобразный, а иногда разнообразный типъ цыганскаго племени. Нѣтъ, кажется, въ Европѣ такого человѣка, который-бы, взглянувши на этотъ рисунокъ, не воскликнулъ: «а, да это знакомыя лица!»—и при этомъ въ его памяти начинаетъ рисоваться какая-нибудь фантастически - романическая сцена, связанная съ воспоминаніемъ объ этихъ лицахъ. Это племя представляетъ въ себѣ ту характеристическую черту, что оно кочующе — среди осѣдлыхъ народовъ, полудико—среди цивилизаціи. Хотя это племя разбивается на разныя вѣтви разбросанныя по разнымъ странамъ,— вѣтви, имѣющія особыя характеристическія черты происходящія вслѣдствіе климатическихъ и другихъ условій тѣхъ странъ, среди которыхъ онѣ кочуютъ; но главныя типическія черты этого племени всѣхъ странъ—одинаковы. Все это разнообразное и разбросанное племя ведетъ одинъ и тотъ-же образъ жизни; гдѣ-бы вы ни встрѣтили цыгана: подъ Москвою-ли, или въ бессарабской степи — это будетъ одинъ и тотъ-же цыганъ и съ тою только разницею, что подъ Москвою онъ — въ синей чуйкѣ, подвязанной краснымъ кушакомъ, а въ Бессарабіи онъ путешествуетъ въ весьма вольномъ декольте — одѣтый почти въ адамовыхъ костюмахъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь въ его кибиткѣ заключается все его имущество: онъ въ ней родится и умираетъ. — Если правда то предположеніе, что они происходятъ отъ древнихъ египтянъ, у которыхъ въ рабствѣ жили евреи, то исторія этихъ двухъ народовъ, во многихъ отношеніяхъ, очень сходна. Какъ бывшіе господа, такъ и бывшіе рабы разбросаны повсюду; какъ тѣ, такъ и другіе замѣчательно сохраняютъ свои племенныя особенности; какъ тѣ, такъ и другіе прошли длинный историческій путь, и не могли пристроиться ни къ какому клочку земли; какъ тѣ, такъ и другіе еще до сихъ поръ не могли реализировать свои способности на полезныхъ поприщахъ; какъ тѣ, такъ и другіе занимаютъ весьма низкое общественное положеніе;—такъ, что бывшіе рабы могутъ сказать своимъ господамъ: «господа, своей незавидной судьбой, мы занимаемъ одно мѣсто съ вами!»

Какъ и у всякаго кочующаго народа, имѣющаго, по большей части, соприкосновеніе съ природой,—у цыганъ нѣтъ твердыхъ понятій о правахъ собственности. Понятіе о собственности, какъ самый главный рычагъ общественнаго развитія, всегда твердѣетъ, когда народъ дѣлается осѣдлымъ, когда онъ теряетъ свою непосредственную связь съ природой, — по этому не со всѣмъ-то выгодно тѣмъ огородамъ, или садамъ, по близости которыхъ останавливаются таборы. Истинные представители типа этого племени ни какъ себѣ представить не могутъ: какъ можетъ одинъ человѣкъ запретить другому пользоваться плодами природы,—совершенно забывая при этомъ, что природа, сама по себѣ, безъ человѣческихъ трудовъ очень мало даетъ и что мы очень мало трудились надъ этими плодами. Живя постоянно среди природы, цыганъ имѣетъ характеръ впечатлительный, иногда доходящій до мистичности. Онъ отличается своей любовью къ свободѣ, предпочитая переносить на свободѣ голодъ и холодъ, чѣмъ сидѣть въ золотой клѣткѣ. Женщины этого племени отличаются особой типичной красотой; въ особенности красивы у нихъ глаза, сверкающіе огневой страстію, свойственною всѣмъ восточнымъ женщинамъ, а имъ—въ особенности.

Образъ жизни у всѣхъ цыганъ почти одинаковый: они кочуютъ изъ одного мѣста въ другое, шатаются по ярмаркамъ, гдѣ главнымъ промысломъ бываетъ торговля лошадьми разными честными и безчестными путями: смотря по тому, какъ богъ послалъ. (Они большіе художники на счетъ реставраціи молодыхъ годовъ лошади, посредствомъ выдалбливанія зубовъ, перекраски шерсти и пр. мошенническихъ продѣлокъ, извѣстныхъ у второстепенныхъ лошадиныхъ промышленниковъ). Нѣкоторые изъ нихъ занимаются лудильнымъ и кузнечнымъ мастерствами (этихъ много на югѣ), — но эти мастерства у нихъ еще въ первомъ зародышѣ. При самыхъ первобытныхъ средствахъ, все ихъ кузнечное производство ограничивается тѣмъ, что они дѣлаютъ кочерги, щипцы и пр. мелочи, которые ихъ жены и дочери, въ своихъ яркоцвѣтныхъ платьяхъ, съ откинутыми руками и перекачивающеюся походкою и съ коротенькими трубочками, разносятъ по го-

роду для продажи. Впрочемъ, по большей части, онѣ носятъ свой товаръ только для того, чтобъ имѣть предлогъ подойти къ отворенному окошку или зайти въ кухню.

«Барыня, а барыня! милая барыня, щипцы надо?»

— Не надо!...

«Барыня, купи кочергу!»

— Не надо и кочерги.

«Ну такъ, милая барыня, дай—погадаю!»

— Убирайся съ твоимъ гаданьемъ.

«Ай, милая барыня, продолжаетъ опытная цыганка свою тактику,—хорошо выгадаю.... всю судьбу скажу.... у тебя голова *ходеромъ* пошла..... одинъ молодецъ.... знаешь такой молодецъ.... (жестъ рукою для опредѣленія молодца).... Знаешь брюнетъ.... черная борода..... какъ мой волосъ... глаза такой красивый.... (жестъ рукою для опредѣленія красоты глазъ).... Этотъ молодецъ у тебя, милая барыня, сердце заѣлъ... сердце поетъ, поетъ какъ червяточина....» и пр. и пр. А такъ какъ вообще трудно предполагать, чтобы у какой нибудь милой барыни не было молодца-брюнета, который ѣлъ бы ея сердце какъ червяточина, то понятное дѣло, что милая барыня хочетъ узнать будущее своего бѣднаго сердца, и хотя и съ притворнымъ равнодушіемъ, даже съ насмѣшкой, позволяетъ цыганкѣ сказать всю судьбу. Та очень серіозно вынимаетъ изъ кармана три боба съ маленькимъ камешкомъ, плюетъ на нихъ три раза, беретъ ея руки и складываетъ въ свои ладони, поднимая ихъ снизу вверхъ нѣсколько разъ, приговаривая при этомъ свои чары; потомъ она снова беретъ руку милой барыни и обводитъ бобами по ладони, говоря при этомъ, что было когда-то семь городовъ, въ этихъ городахъ было семь царей, у этихъ царей было по семи сыновей, у этихъ сыновей было по семи барановъ....... Потомъ милая барыня узнаетъ, что у этого брюнета сердце къ ней не лежитъ, что причиною этому какой-то злой человѣкъ и что нужно поправить сердце молодаго человѣка, чтобы оно лежало къ ней, а для того чтобы поправить сердце молодаго человѣка, нужно положить *на руку* (т. е. монету) и все будетъ хорошо, все пойдетъ какъ по маслу. Милая барыня, улыбаясь, кладетъ монету на руку. Монета исчезаетъ въ карманъ цыганки послѣ разныхъ обдуваній и отплевываній. Потомъ начинается суленіе милой барынѣ золотыхъ горъ, что у брюнета голова ходеромъ пойдетъ, сердце у него такъ и заноетъ, заноетъ (при этомъ жестъ рукою, какъ оно заноетъ), что онъ проѣдетъ семь земель, семь государствъ и все таки къ ней заѣдетъ, счастье начнется сыпаться со всѣхъ сторонъ, такъ что только успѣвай загребать его и пр. и пр.

Но по большей части, нѣкоторыя барыни и 30-лѣтнія барышни, которымъ еще не удалось пристроиться въ барыни, очень часто зазываютъ ихъ сами къ себѣ и имѣютъ съ ними продолжительныя консультаціи о между-сердечныхъ дѣлахъ.... Нечего и говорить, что цыгане имѣютъ скверное вліяніе на невѣжественный народъ, который, повидимому, хотя и не вѣритъ буквальному смыслу ихъ словъ, но все-таки имъ удается выманить послѣднюю трудовую копѣйку. На южныхъ базарахъ, куда стекается народъ, очень часто можно видѣть возлѣ лавокъ, или въ какомъ другомъ уголкѣ, цѣлую шеренгу цыганокъ, сидящихъ на корточкахъ, возлѣ которыхъ тѣснится толпа мущинъ и женщинъ, по очереди присядающихъ къ цыганамъ узнавать свою судьбу и отводить чары. Всегда скитаясь по деревнямъ, они крестьянамъ приносятъ мало пользы. Цыгане—народъ кочующій среди осѣдлыхъ народовъ, гдѣ всѣ произведенія природы сдѣлались собственностію жителей; они привыкли ко всѣмъ невзгодамъ и случайностямъ: они могутъ свободно перенести очень много недостатковъ, такъ что, вслѣдствіе этого, потребности и комфортъ для нихъ мало осязательны, даже гдѣ возможно. Они довольствуются самой скудной обстановкой. Попытки въ усвоеніи себѣ европейской цивилизаціи и образованія между ними очень рѣдки. Въ одномъ городѣ на югѣ были сдѣланы значительныя попытки къ привлеченію цыганскихъ дѣтей въ народныя школы, но эти попытки остались безуспѣшными; привлекли впрочемъ только одного мальчика, который былъ понятливъ и учился хорошо. Впрочемъ, это происходитъ не отъ того, чтобы они враждебно относились къ образованію, а просто—отъ индиферентизма; такъ вообще темный народъ смотритъ на образованіе, какъ на ненужную барскую затѣю.

Въ своихъ большихъ таборахъ они имѣютъ своихъ начальниковъ, называемыхъ князьями, которые творятъ надъ ними судъ и расправу. Не помню именно, въ какомъ нѣмецкомъ городкѣ въ это лѣто имѣлъ быть конгресъ цыганскихъ князей, куда должны были съѣхаться всѣ представители цыганскаго племени со всего европейскаго континента для обсужденія общаго дѣла.

Вообще очень жаль, что и въ настоящее время есть цѣлые народы, которымъ еще не удалось примѣнить къ чему нибудь полезному свои силы и способности, могущія принести пользу имъ и всему человѣчеству. Настанетъ ли когда такое время, что всѣ бродячія силы какъ въ природѣ, такъ и въ человѣчествѣ, пропадающія безъ всякой пользы, оріентируются и примѣнятся къ дѣлу и будутъ приносить пользу?!. Врядъ-ли...... да если и настанетъ, такъ это не въ скоромъ будущемъ.

......скій.

Ущелье Оккобамба.

Невдалекѣ отъ Куско, столицы древнихъ перувіанскихъ инковъ, находится живописная мѣстность, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ. Дорога изъ Куско къ долинамъ Ларесъ и Оккобамба поднимается вверхъ черезъ предмѣстіе Санта Анна, расположенное на крутомъ скатѣ. Достигнувъ вершины подъема, оборачиваешься въ послѣдній разъ, чтобы обнять сразу всю панораму Куско, взбираешься на послѣднія ступени крутаго подъема и выѣзжаешь на равнину, извѣстную подъ именемъ пампасовъ Анты. Минуя ея безотрадное безжизненное однообразіе и городъ Урубамбу, путешественникъ встрѣчаетъ ущелье Оккобамба, прорѣзывающее знаменитую горную цѣпь Кордильеровъ, которыя тянутся вдоль западныхъ береговъ материка Южной Америки до самой оконечности его—мыса Горна.

Вотъ какъ описываетъ его очевидецъ: Ущелье Оккобамба—длинная трещина, образованная какимъ нибудь землетрясеніемъ въ западномъ скатѣ Гуильканотскихъ Кордильеровъ,—служитъ русломъ потокамъ талаго снѣга, катящимся съ пика Малаги, и дорогой для погонщиковъ муловъ, которые отправляются изъ Куско въ долину Оккобамба, лежащую къ востоку въ тѣхъ же Кордильерахъ. Дикая мѣстность какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ оро-

Ущелье Оккобамба.

шающими ее мутными и ледяными водами; глыбы песчанника и гранита усыпают почву во всѣхъ направленіяхъ. Нѣкоторыя, задержанныя при паденіи, возвышаются поперекъ дороги на нѣсколько сотенъ метровъ и, къ большому страху путешественника, кажется вотъ-вотъ скатятся со своихъ основаній. Разложеніе минерала, остатки лишаевъ и мха и пыль, нанесенная вѣтромъ, мало по малу выполнили разщелины и трещины глыбъ растительнымъ слоемъ тука, на которомъ расположились семейства лилейныхъ, да кое какія жирныя растенія. На нижнемъ планѣ кусты магея (agave americana сем. лилейныхъ) раскидываютъ свои мечевидные листы подлѣ столѣтнихъ мулли (piper americanus, сем. тополевыхъ), которыхъ сѣроватые стволы, испещренные рыжими пятнами, выходятъ безобразными изгибами между камней точно чудовищные боа.

Мы въѣхали въ русло ущелья, наклонъ котораго змѣился поперекъ горы, и начали подниматься въ гору по движущимся камнямъ. При каждомъ шагѣ муловъ, они начинали скатываться и падали позади насъ съ несовсѣмъ успокоительнымъ шумомъ. Дорога, становившаяся все круче и извилистѣе, стѣснилась вскорѣ до такой степени, что нельзя было ѣхать вдвоемъ рядомъ. Разумѣется, я далъ дорогу своему проводнику. Подъемъ этотъ казался тѣмъ скучнѣе и однообразнѣе, что стѣны горъ совершенно скрывали отъ насъ видъ мѣстности. Каждый поворотъ открывалъ впереди перспективу лишь на нѣсколько шаговъ. Лучи солнца, начинавшие падать отвѣсно, производили въ этой каменной траншеѣ раскаленную температуру. Мулы начали дышать самымъ безпокойнымъ образомъ, пришлось бросить поводья на шею и предоставить имъ идти по собственному усмотрѣнію. По мѣрѣ движенія впередъ, поле зрѣнія раздвигалось и изъ массы стали выдѣляться понемногу детали. Среди неопредѣленныхъ купъ зелени, показались бѣлыя стѣны фермъ, окруженныя огородами. Серебристая рѣка извивалась вдоль пейзажа и расплывалась на горизонтѣ какимъ-то сверкающимъ пятномъ. Я узналъ рѣчку Урубамбу. Не умѣя опредѣлить мѣста, гдѣ мы находились, я обратился къ проводнику—и тотъ сказалъ мнѣ, что мы были на высотахъ Оллонтай-Тампо. Вскорѣ показалось сѣверная оконечность плато; взглядъ погружался отсюда въ глубину громаднаго круга, окруженнаго суровыми, остроконечными, безобразными горами и въ тоже время упирался въ деревню Олонтай, сгрупированную за своей оградой,—а потомъ переходилъ на развалины тампо и древнія каменоломни. Потокъ растаявшаго снѣга, катясь съ высоты, вносилъ движеніе, шумъ и пѣну въ эту картину, утопавшую въ лучахъ солнца, и терялся въ рѣкѣ, которой безмятежная тишина составляла рѣдкую противуположность со стремительностью потока.

Внутреннее обозрѣніе.

Холера въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ. — Богомольцы, разносящіе эпидемію. — Нѣчто о санитарномъ состояніи вагоновъ. — Нѣчто о станціяхъ на желѣзныхъ дорогахъ. — Нѣчто о положеніи земскихъ врачей въ уѣздахъ.

Провинціальныя и столичныя газеты передаютъ извѣстія о появленіи въ разныхъ частяхъ нашего отечества холерной эпидеміи. На этотъ разъ она выбрала для себя южныя и югозападныя губерніи, въ которыхъ и развивается съ поразительною быстротой. Между южными городами едва-ли не первымъ въ этомъ отношеніи стоитъ Кіевъ, гдѣ холера приняла угрожающіе размѣры,—можетъ быть потому въ особенности, что ея тамъ не ожидали, а слѣдовательно, она застала всѣхъ врасплохъ, неприготовленными. Кіевъ, какъ извѣстно, въ лѣтнее время представляетъ самыя подходящія для распространенія всяческихъ эпидемій условія: съ одной стороны, тѣснота помѣщенія, въ особенности на Подолѣ, въ еврейскихъ кварталахъ, гдѣ населеніе то приливаетъ, то отливаетъ, и притомъ живетъ крайне грязно и безпорядочно; съ другой—притокъ громаднаго числа богомольцевъ, ежегодно стекающихся въ Кіевъ; наконецъ, относительный недостатокъ больничныхъ пріютовъ и скученность простаго, по большей части бѣднаго, народа, приносящаго съ собою зачатки всякаго рода болѣзней и немощей, — все это, вмѣстѣ взятое, даетъ холерѣ полную возможность безпрепятственно производить въ этомъ городѣ свои губительныя опустошенія. Корреспондентъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" яркими красками описываетъ положеніе несчастныхъ богомольцевъ, притащившихсявъ Кіевъ за тысячи верстъ, чтобы умереть, вдали отъ роднаго дома, всѣми забытыми и покинутымы. Всѣ лаврскія гостинницы обращены въ больницы. Холера безпрепятственно переходитъ изъ одного нумера въ другой, заражая каждаго встрѣчнаго. Простой народъ бѣдствуетъ въ особенности: не имѣя возможности, по своимъ средствамъ, помѣститься въ гостинницѣ, онъ располагается подъ открытымъ небомъ—и тутъ совершаетъ всѣ свои житейскія потребности. Заболѣваніе, вслѣдствіе этого, происходитъ весьма быстро, такъ что въ первые дни прибывало больныхъ до 90, а потомъ и болѣе. Что касается до умершихъ, то изъ оффиціальныхъ источниковъ извѣстно, что въ двое сутокъ, отъ 31-го мая до 2-го іюня, умерло отъ холеры 189 человѣкъ. Монастырскіе слуги едва успѣваютъ переносить заболѣвшихъ въ наскоро устроенныя помѣщенія, которыя представляютъ ужасную картину. Какъ и слѣдовало ожидать, смертность отъ холеры особенно развита между богомольцами, которые передаютъ заразу одинъ другому и разносятъ ее по дорогамъ. Между ними заболѣваетъ отъ холеры по крайней мѣрѣ одинъ изъ десяти. Были случаи такого перенесенія холеры въ близь-лежащія къ Кіеву мѣстности. „Черниговскія губ. вѣдомости" сообщаютъ о появленіи холеры въ уѣздахъ Козелецкомъ и Суражскомъ. Кромѣ Кіевской и сосѣдней съ нею Черниговской губерніи, холерные случаи появились въ Житомирской и Подольской губерніяхъ; въ Могилевской-же губерніи холера появилась разомъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ. „Правительственный Вѣстникъ", изъ котораго мы почерпаемъ эти извѣстія, приводитъ еще нѣсколько свѣдѣній о холерѣ въ Бессарабской области. Въ городѣ Хотинѣ, съ 1-го по 16-го мая, заболѣли холерою 51 человѣкъ, изъ которыхъ выздоровѣло 18, умерло 11 и осталось больными 22. Былъ холерный случай и на курско-кіевской желѣзной дорогѣ, вѣроятно завезенный изъ Кіева. Въ Екатеринославѣ по 23 мая было до 45 холерныхъ больныхъ, изъ которыхъ умерло 13. Кромѣ того, получены оффиціальныя донесенія о появленіи холеры въ Краснинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи и въ городѣ Кременчугѣ Полтавской губерніи.

Упомянутые случаи заболѣванія холерою заставляютъ насъ остановиться на этомъ предметѣ нѣсколько долѣе и разсмотрѣть причины, вызывающія появленіе ихъ

въ той или другой мѣстности. Всѣми признано уже, что непосредственною причиною заболѣванія отъ холеры бываетъ особый холерный ядъ, находящійся въ изверженіяхъ холерныхъ больныхъ и легко передающійся воздуху, который приходится вдыхать окружающимъ больнаго. Ядъ этотъ настолько силенъ и упоренъ, что на него не дѣйствуютъ ни свойства почвы, въ которую онъ иногда просачивается, ни измѣненія въ ея температурѣ. Дознано напримѣръ, что холерный ядъ сохранялся въ почвѣ цѣлую зиму и потомъ, съ наступленіемъ весны, снова вступилъ въ свои права, нисколько при этомъ не утрачивая своихъ губительныхъ свойствъ. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ хоть-бы на тотъ-же самый Кіевъ, гдѣ эпидемія холеры въ нынѣшнемъ году не только не ослабѣла, но даже еще усилилась противъ прошлогодняго. Разсадниками болѣзни, какъ видимъ, являются мѣста, гдѣ населеніе наиболѣе скучено: лаврскія гостинницы со всѣми ихъ окрестностями. Холерный ядъ, поднимаясь отъ изверженій, остающихся на открытомъ воздухѣ, сильно заражаетъ его и буквально отравляетъ народъ. Никакія дезинфекціонныя (очищающія воздухъ) средства не помогаютъ тамъ, гдѣ болѣзнь приняла такіе широкіе размѣры и гдѣ народу прибываетъ съ каждымъ днемъ. И неужели настоящее развитіе болѣзни не послужитъ урокомъ на будущее время? Кому-же, какъ не управленію Лаврою и ея окрестностями, слѣдуетъ позаботиться о пріютѣ для многочисленныхъ богомольцевъ, доставляющихъ монастырю столь значительный доходъ? Кому-же, какъ не монашествующей братіи, призванной для служенія не только Богу, но и ближнимъ,—проникнуться состраданіемъ къ погибающему люду и на дѣлѣ доказать свою готовность на подвигъ, для котораго назначена на небесахъ сугубая награда? Даже въ интересахъ собственнаго здоровья, слѣдовало-бы позаботиться построить для экскрементовъ особыя мѣста и затѣмъ очищать ихъ неукоснительно. Если-же этого сдѣлать было нельзя, то хоть-бы постарались зарыть въ землю оставшіяся отъ прошлыхъ лѣтъ изверженія. Кто былъ подлѣ Кіевопечерской Лавры, тотъ имѣетъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ важны и необходимы очистка этого мѣста и соблюденіе въ немъ гигіеническихъ условій въ возможной строгости и постоянствѣ. Мѣстность эта въ лѣтнее время буквально запружена народомъ, который то отливаетъ въ пещеры или по другимъ церквамъ, во множествѣ разсыпаннымъ по горамъ, то приливаетъ изъ за Днѣпра, съ Черниговской стороны, слѣдуя обыкновенно по шоссе, пѣшкомъ. Желѣзныя дороги доставляютъ въ Кіевъ, сравнительно, ничтожное количество богомольцевъ, да и то преимущество изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; бѣдные-же люди, отчасти по недостатку средствъ, частію-же по религіозному обычаю, идутъ на богомолье пѣшкомъ, терпя въ дорогѣ всякія лишенія и неудобства. Многіе изъ нихъ дорогою побираются; многіе не доходятъ до Кіева и умираютъ гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ или просто въ полѣ, подлѣ дороги. Проѣзжая по шоссе изъ Чернигова въ Кіевъ, можно видѣть на буграхъ, подлѣ дороги, одиноко стоящіе кресты, подъ которыми покоятся умершіе пилигримы изъ далекихъ губерній. Но ни лишенія, ни болѣзни, ни даже самая смерть не останавливаютъ ихъ,—и съ самой ранней весны богомольцы тянутся гуськомъ, по протоптаннымъ тропинкамъ, къ Кіеву, увеличивая собою массу заболѣвающихъ и умирающихъ отъ холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Которые покрѣпче, тѣ отправляются изъ Кіева обратно, унося съ собою холерный ядъ въ самыя отдаленныя губерніи.

Съ другой стороны, проводниками холернаго зараженія служатъ отчасти и желѣзныя дороги. Здѣсь, въ низкихъ и узкихъ вагонахъ 3-го класса помѣщается обыкновенно не менѣе 50 человѣкъ разнаго пола, возраста и положенія, помѣщается тѣсно, въ довольно спертомъ воздухѣ, и проводитъ почти безвыходно цѣлую ночь. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если зараженіе переходитъ отъ одного къ другому и перевозится на далекое разстояніе. Помнится, года два тому назадъ, во время развитія въ Петербургѣ тифозной горячки, на это обстоятельство было обращено вниманіе какъ на одно изъ условій, въ сильнѣйшей степени благопріятствующихъ развитію той или другой эпидеміи. Желательно было-бы, поэтому, чтобы пассажиры третьяго класса не набивались какъ сельди въ боченки, а размѣщались по вагонамъ просторнѣе, хотя управленію дороги пришлось-бы для этого прицѣпить одинъ или два вагона лишнихъ. Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на возможность подать заболѣвающимъ въ дорогѣ скорую помощь, для чего слѣдовало-бы, — по крайней мѣрѣ на большихъ первоклассныхъ станціяхъ, — имѣть особое помѣщеніе и фельдшера, содержаніе котораго, полагаемъ, не обошлось-бы слишкомъ дорого, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лечилъ-бы и всѣхъ служащихъ на желѣзной дорогѣ. Вообще, — это вопросъ, разрѣшеніе котораго уже давно стоитъ на очереди.

Коснувшись вопроса о санитарномъ положеніи нашихъ городовъ и проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ, нельзя пройти молчаніемъ одного весьма важнаго обстоятельства, отъ котораго зависитъ улучшеніе санитарной части и успѣхъ леченія въ уѣздахъ. На это обстоятельство указываетъ казанскій корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, приводящій данныя изъ своей мѣстности. Указавъ на относительную недостаточность вознагражденія земскихъ врачей въ Казанской губерніи и на тяжелый, чуть не мученическій трудъ, корреспондентъ говоритъ, что „со всѣмъ этимъ можно было-бы примириться, если-бы только отъ врача хоть сколько-нибудь зависѣло улучшеніе того дѣла, которому онъ такъ безкорыстно служитъ.“ Какъ ни странно, а должно сказать, что земское медицинское дѣло находится не въ рукахъ врачей, какъ-бы слѣдовало ожидать, а въ рукахъ членовъ земскихъ управъ и собраній, далеко не всегда съ нимъ знакомыхъ. Многія земскія собранія, своими инструкціями врачамъ, положительно связываютъ ихъ дѣятельность: назначаютъ напримѣръ пунктъ для жительства врача, ставятъ личность врача въ полную зависимость отъ управы, которая, по своему усмотрѣнію и безъ всякаго суда, можетъ его уволить, требуютъ отъ него разъѣздовъ по извѣстнымъ мѣстностямъ и въ извѣстное время и т. д. Авторъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо указываетъ на это обстоятельство какъ на одну изъ причинъ, препятствующихъ земскимъ врачамъ вести свое дѣло какъ слѣдуетъ, заставляя ихъ или подчиняться требованіямъ управы, очень мало понимающей въ медицинѣ, или же вступать съ нею въ препирательства, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ обыкновенно выходъ врача изъ земской службы. Интересъ самаго дѣла долженъ-бы, казалось, подвинуть земство къ измѣненію этого неестественнаго положенія врача въ уѣздѣ и тѣмъ привлечь къ себѣ лучшія силы.

Политическое обозрѣніе.

Франція рѣшилась ввести коренныя преобразованія въ своемъ военномъ дѣлѣ. Съ этою цѣлью правительствомъ составленъ проектъ закона, которымъ вводится всеобщая военная повинность, простирающаяся на всѣхъ безъ исключенія способныхъ гражданъ государства. Большинство населенія отнеслось къ этой новой мѣрѣ какъ къ единственному спасительному средству и въ общихъ основаніяхъ поддерживаетъ правительство. Разногласіе вышло только по отношенію къ срокамъ службы. Правительство въ своемъ проектѣ предлагало 5-тилѣтній срокъ службы въ дѣйствующей арміи, 4-хълѣтній въ резервѣ, 5 лѣтъ въ земской арміи (ландверъ) и 6 лѣтъ въ резервѣ земской арміи. Въ Національномъ Собраніи этотъ пунктъ встрѣтилъ серіозное противодѣйствіе: около трехсотъ депутатовъ находили назначенный правительственною коммиссіею срокъ слишкомъ великимъ и предложили ограничиться 3-мя годами службы въ дѣйствующей арміи. Къ сторонникамъ трехлѣтняго срока примкнули не одни только крайніе республиканцы и радикалы, но и многіе изъ членовъ правой стороны, воспользовавшіеся случаемъ поставить на своемъ. Доказывали, что для обученія солдата достаточно и трехъ лѣтъ; что отрывать людей отъ дѣла на такое продолжительное время, какъ 5 лѣтъ, значило бы прямо вредить промышленному и умственному развитію страны, которая еще долго не будетъ въ состояніи оправиться отъ нанесенныхъ ей ударовъ; что, наконецъ 5-тилѣтній срокъ службы просто обременителенъ, и, вмѣсто ожидаемой пользы, можетъ принести только вредъ, наскучивъ солдату, успѣвшему выучиться въ одинъ годъ. Для вящаго убѣжденія, на сцену выступилъ даже генералъ Трошю и въ блестящей, полной знанія и опытности, рѣчи пытался склонить Собраніе въ пользу 3-хъ лѣтняго срока службы въ дѣйствующей арміи. Но правительство оставалось непреклоннымъ. Мало того: оно изъ этого вопроса сдѣлало вопросъ правительственный, т. е. объявило, что, въ случаѣ неутвежденія палатою правительственнаго проекта, самъ Тьеръ подастъ въ отставку... Дѣлать нѣчего, — надо было уступить такой угрозѣ, и вотъ правительство Тьера считаетъ себя побѣдителемъ въ этой борьбѣ, какъ и во многихъ другихъ, съ успѣхомъ которыхъ г. Тьеръ связываетъ самое существованіе свое какъ президента французской республики.

Карлистское возстаніе въ Испаніи утихаетъ, и дѣло ограничивается лишь небольшими стычками разсѣявшихся бандъ съ войсками правительства, да порчею мостовъ и рельсовъ на желѣзныхъ дорогахъ. Маршалъ Серрано совершенно оправдался передъ правительствомъ и Кортесами въ обвиненіи, взведенномъ на него за договоръ съ карлистами, заключенный имъ въ Аморовіетѣ (см. № 23 „Нивы"). Несмотря, однако, на столь благополучный исходъ этой междоусобной борьбы, положеніе дѣлъ въ странѣ почти не улучшилось: то-же недовѣріе правительства ко всѣмъ и къ каждому, тѣ-же опасенія за будущее. Правительство какъ-будто предвидитъ новый заговоръ противъ себя, но уже не со стороны карлистовъ или другой какой-нибудь изъ монархическихъ партій, а уже со стороны республиканцевъ. Съ этою цѣлью, оно начинаетъ стягивать войска къ столицѣ и ставитъ ихъ на боевую ногу. Полиція доноситъ ему о какихъ-то умыслахъ республиканцевъ; тогда какъ эти послѣдніе едва-ли могутъ внушить болѣе подозрѣнія, чѣмъ всѣ остальныя партіи Испаніи. Дѣйствительно, положеніе дѣлъ въ странѣ таково, что имъ не можетъ быть довольна ни одна партія; а потому поневолѣ приходится видѣть врага въ каждомъ изъ гражданъ. Послѣднія извѣстія изъ Испаніи впрочемъ болѣе утѣшительнаго свойства: извѣстный предводитель либеральной партіи и бывшій министръ Зорилья, отказывавшійся отъ участія въ политическихъ дѣлахъ послѣдняго времени, уступилъ наконецъ просьбамъ своихъ многочисленныхъ друзей и сторонниковъ и принялъ на себя управленіе министерствомъ. Со вступленіемъ этого главы республиканской партіи въ составъ правительства, долженъ измѣниться и весь составъ министерства Сагасты, столь враждебнаго большинству населенія. Газеты сообщаютъ много подробностей о торжественной встрѣчѣ Зорильи въ Мадридѣ и демонстраціяхъ въ его пользу. Республиканская же партія воздерживается отъ всякихъ демонстрацій, не желая навлечь на себя новыя подозрѣнія въ заговорѣ.

Безъ заговоровъ не обходится и въ Японіи. Извѣстно, что нынѣшній японскій императоръ отличается гораздо болѣе либеральнымъ направленіемъ чѣмъ всѣ его предшественники: онъ не только снисходительно смотритъ на европейскія нововведенія, но и самъ не прочь имъ слѣдовать. Вообще, въ этой странѣ нарождается партія, которая старается помирить японцевъ съ европейской цивилизаціей; многіе изъ японцевъ воспитываются уже въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Европы; нѣсколько разъ японское правительство, черезъ особыя посольства, вступало въ сношенія съ европейскими державами; наконецъ, доступъ въ Японію для иностранцевъ значительно облегченъ; японцы переняли отъ нихъ одежду и многое другое и выстроили даже желѣзную дорогу. Тѣмъ не менѣе, огромное большинство народа, придерживающееся старыхъ порядковъ, смотритъ на эти нововведенія искоса и всю вину сваливаетъ на иностранцевъ. Мѣсяцевъ 8 тому назадъ, открытъ былъ въ этой странѣ обширный заговоръ противъ микадо (свѣтскій императоръ) и иностранцевъ; въ немъ было замѣшано до 40,000 гражданъ, и во главѣ его стоялъ родственникъ императора, Міа. По открытіи заговора, 700 изъ заговорщиковъ были казнены, а Міа былъ посаженъ въ крѣпость. Теперь открылся новый заговоръ или лучше сказать ночное нападеніе на дворецъ Микадо, кончившееся впрочемъ тѣмъ, что заговорщиковъ сейчасъ же и поймали.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы" заблаговременно возобновлять подписку на вторые полгода, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27.

Дозволено цензурою 16 Іюля 1872 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большой Морской д. № 9.** Типогр. Э. Д. Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 26 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 26 іюня 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗАПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ Доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 › — ›	Съ доставкою въ »	2 › 50 ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и доставкой	3 › — ›

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (**А. Ф. Марксъ**) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Очерки еврейскаго быта.

(Продолженіе).

IV.

Маленькіе споры между новыми поселенцами.—Почему я не пускаюсь въ подробности.—Какъ трудно быть евреемъ.—Назидательное слово о смерти.—Затруднительное положеніе Сѣченовцевъ.—Великодушіе Хацкеля.—Бунтъ его сограждан.—Ихъ усмиреніе.—Свѣтлая надежда на будущее.

Въ лѣтописяхъ города Сѣченовки очень много разсказывается о томъ, какъ устроились воскресные базары, какъ новые поселенцы распредѣлили между собою занятія и какія по этому поводу стычки происходили между ними. Двое изъ нихъ устроили себѣ лавочки съ разными деревенскими снадобьями, одинъ пекъ булки и бублики, Берка построилъ шинокъ. Этотъ шинокъ собственно и былъ главнымъ предметомъ спора между ними. Хацкель утверждалъ, что если панъ отдалъ ему водочную аренду города Сѣченовки, то никто кромѣ него не имѣетъ права устраивать шинки; Берка утверждалъ, что если Хацкель городской арендаторъ, то это значитъ, что никто кромѣ него не имѣетъ права продавать водку городскимъ мужикамъ, но это не значитъ, чтобы никто не имѣлъ права продавать ее пріѣзжимъ мужикамъ. Для разъясненія этого спорнаго пункта они отправились къ пану Дембовскому; при этомъ должно отдать справедливость пану Дембовскому—онъ не рѣшилъ дѣла въ пользу Хацкеля, а предоставилъ продажу водки и Беркѣ.

Я не пускался во всѣ эти подробности, считая ихъ не настолько существенными, чтобы ихъ необходимо было передавать потомству. Какъ человѣкъ сострадательный, я имѣю состраданіе къ нашему бѣдному потомству, которое и безъ того обременяется нашими знаменитыми и незнаменитыми глупостями; поэтому я, какъ незнаменитый, былъ крайне остороженъ въ выборѣ передаваемыхъ мною фактовъ, передаю только одно существенное—и то чтобы показать, какъ трудно было новымъ поселенцамъ устроиться въ новомъ городѣ по еврейски и устранить препятствія, лежавшія имъ на пути къ достиженію своей цѣли—жить по еврейски. Еврей, живущій въ благоустроенномъ городѣ, не замѣчаетъ тѣхъ благъ, которыми онъ пользуется среди другихъ живущихъ и замѣчаетъ ихъ только послѣ ихъ лишенія.

Какъ вы, напримѣръ, думаете? предположите, что вы еврей и живете не между евреями; можете ли вы быть хорошимъ евреемъ? Какъ не такъ! Хорошо еще, если вы живете по близости какого-нибудь еврейскаго пункта; но что же вы будете дѣлать, если вы будете жить на разстояніи ста миль отъ еврейскаго пункта? Какъ вы бу-

дете жить, что вы будете ѣсть? Когда умрете, гдѣ васъ похоронятъ? Предположите, что вамъ нужна говядина; что-же вы думаете? не пойдете ли вы за нею въ ближайшую мясную лавку?

Нельзя! Вы должны имѣть говядину коширную, приготовленную еврейскимъ спеціальнымъ рѣзникомъ (для изученія этой спеціальности требуется года два, даже для ученаго). Но предположимъ, что вы тамъ какимъ нибудь образомъ пріобрѣли себѣ коширную говядину: вы ее вымочили, высолили [1]), думаете приготовить вкусный супъ и вдругъ по забывчивости вы помѣшали въ горшкѣ молочной ложкой [2]). Что же вы думаете, вы можете его послѣ этого ѣсть? Нѣтъ. Вы должны сперва сходить къ раввину и спросить его, разрѣшитъ ли онъ вамъ ѣсть этотъ супъ (скорѣе нѣтъ, если горшокъ не малъ и вы не бѣдны), а такъ какъ раввина по близости нѣтъ, то во избѣжаніе сомнѣній вамъ остается супъ вылить, а горшокъ съ ложкой уничтожить.

Предположите, что вы женаты; какъ же миква? но предположимъ, что микву замѣняетъ рѣка, то это хорошо лѣтомъ; что же вы станете дѣлать зимою? Предположите даже, что всѣ эти препятствія были устранены, и Богъ вамъ далъ сына. Какъ вы совершите надъ нимъ обрядъ обрѣзанія? [3]) Какъ вы его сдѣлаете евреемъ? Предположимъ, что и эти обстоятельства были устранены; кто же его научитъ молитвамъ? Вы захотите помолиться (общественная молитва)—синагоги нѣтъ, заповѣдей нѣтъ [4]); а еврей вѣдь обязанъ нѣсколько разъ въ году молиться общественными молитвами. Наконецъ, вы умрете, гдѣ же васъ похоронятъ?

На кладбищѣ другихъ націй, думаете вы?

Да что вы, Господь съ вами! Повѣрьте, что кости ваши и минуты покоя не будутъ имѣть.

Чтоже, васъ похоронятъ отдѣльно?

Погодите немного.

А знаете ли, что еврейскаго мертвеца ни на минуту нельзя оставить безъ еврейскаго сторожа? И новое еврейское кладбище, пока на немъ не наберется до 10 мертвецовъ, нельзя оставлять безъ стражи, потому что если вы мертвецовъ оставите на кладбищѣ хотя одну минуту, то это для для нихъ сущая напасть.

Для васъ покажется страннымъ, чего опасаться мертвецу?

По вашему вопросу я вижу, что вы очень мало смыслите въ еврейскихъ дѣлахъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ евреѣ собственно не весь еврей важенъ, а важна только *одна точка*, именно: *душа;* все же остальное тѣло не болѣе какъ *футляръ для драгоцѣннаго камня*, и когда этотъ камень вынимается изъ тѣла, то футляръ самъ по себѣ не имѣетъ никакой цѣны. Кабалисты по этому поводу говорятъ, что этотъ футляръ (т. е. тѣло) у нечистой силы считается драгоцѣнною вещью (не знаю почему, можетъ быть какъ археологическая рѣдкость); но пока святая душа находится въ этомъ футлярѣ, нечистая сила къ нему доступа не имѣетъ; а какъ только футляръ опоражнивается, на него набрасываются сонмища нечистыхъ силъ и тогда онъ становится добычею этихъ тварей. Конечно, вы этого въ точности не можете понять, потому что здѣсь многое требуетъ разъясненія; разъясненія же эти вамъ будутъ непонятны, если вы не имѣете нѣкоторыхъ основательныхъ свѣдѣній по кабалистикѣ. Во всякомъ случаѣ я считаю не лишнимъ сказать вамъ нѣсколько словъ о смерти вообще, по талмуду и кабалистикѣ, потому что говорить о смерти *никогда* и *нигдѣ* не лишне и всегда назидательно.

Талмудъ говоритъ, что когда приближается послѣдній часъ еврея, съ неба слетаетъ ангелъ смерти съ мечомъ въ рукѣ, на которомъ висятъ три капли яда. Ангелъ этотъ имѣетъ ужасающую наружность. Тѣло его съ ногъ до головы покрыто глазами. Становится онъ обыкновенно у изголовья умирающаго—и когда умирающій только взглянетъ на него, то отъ испуга раскрываетъ ротъ; въ это время ангелъ смерти опускаетъ ему въ ротъ одну изъ капель. Отъ этой капли умирающій желтѣетъ, за второй каплей наступаетъ агонія, а за третьей смерть.

Есть предположеніе, что ангелъ смерти просто рѣжетъ свою жертву мечомъ; предположеніе это подтверждается тѣмъ закономъ, что когда въ какомъ-нибудь домѣ бываетъ покойникъ, то три сосѣдніе дома обязаны вылить воду, находящуюся гдѣ-либо у нихъ, потому что ангелъ смерти вымываетъ у нихъ мечъ свой отъ крови [1]). Когда душа оставляетъ тѣло, говоритъ далѣе талмудъ, она кричитъ ужаснымъ голосомъ, раздающимся на весь свѣтъ; отъ этого ужаснаго голоса живому человѣку можно умереть, но, къ счастью людей, голоса этого кромѣ куръ никто не слышитъ. Такимъ же ужаснымъ крикомъ мертвецъ кричитъ, когда его снимаютъ съ кровати и кладутъ на подостланную на землѣ солому [2]), потому что каждая соломинка колетъ его тогда на подобіе вонзенной иголки. Эти минуты самыя тяжелыя для мертвеца: съ одной стороны физическая боль, съ другой плачъ души, которая витаетъ надъ его домомъ и не можетъ войти назадъ въ тѣло. Онъ въ это время слышитъ и видитъ все, что вокругъ него происходитъ, но не можетъ принять участія въ разговорѣ, потому что мертвъ. Когда его выносятъ изъ дому, то, смотря по его заслугамъ, если онъ праведный, къ нему выходятъ на встрѣчу добрые ангелы, сотворенные его добрыми дѣлами [3]) и разные святые и привѣтствуютъ его прибытіе; если же онъ грѣшникъ, къ нему выходятъ на встрѣчу сонмища злыхъ духовъ, которые набрасываются на него съ криками и воплями: «ты нашъ отецъ, ты насъ сотворилъ, теперь корми насъ» и тутъ-же раздираютъ его на куски. Какъ только похороны окончи-

---

[1]) Еврейская говядина, прежде чѣмъ ее варить, должна мокнуть въ водѣ не менѣе получаса и лежать просоленною не менѣе часа. Потомъ ее вымываютъ и въ такомъ видѣ ее уже можно варить.

[2]) У евреевъ для молочной пищи существуетъ совершенно особенная посуда и прочія принадлежности для ѣды.

[3]) Для совершенія этого обряда требуется не менѣе 10 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ должны быть спеціалисты по совершенію этого обряда.

[4]) Общественная молитва должна совершаться не менѣе какъ 10 людьми не моложе 13 лѣтъ, мужескаго пола.

[1]) Собаки всегда узнаютъ присутствіе въ городѣ этого злого ангела и всегда привѣтствуютъ его жалобнымъ воемъ (жалобный вой собакъ наводитъ оцѣпенѣніе на евреевъ, особенно на женщинъ). Въ талмудѣ сказано, что коль скоро въ городѣ Илія пророкъ, то собаки весело играютъ (пророкъ—символъ счастія, довольства); если же ангелъ смерти, то онѣ жалобно воютъ.

[2]) По закону еврейскому, какъ только больной испускаетъ духъ, его сейчасъ нужно снять съ кровати и положить на землю, на подостланную солому; этимъ выражается то, что мертвецъ не принадлежитъ болѣе жизни, а землѣ.

[3]) По талмуду—каждое доброе дѣло сотворяетъ добраго ангела, а каждое злое дѣло—злого духа.

щенникомъ Ситтіусомъ, и другая, Альбинуса, при Геркуланскихъ воротахъ, а также гостинница Полибіуса, у подножія Серапеума [1]), едва вмѣщаютъ въ себѣ всѣхъ гостей. Прибывшіе въ городъ поселяне располагаются въ торговыхъ галлереяхъ, въ портикахъ храмовъ, на лѣстницахъ форума, ожидая съ нетерпѣніемъ слѣдующаго дня.

Спящіе дѣти безпокойно мечутся на своихъ пуховикахъ; имъ снятся медвѣди, пантеры и львы. Сотни рабынь приводятъ въ порядокъ праздничныя одежды своихъ госпожъ, хранившіяся въ деревянныхъ ларяхъ, и убираютъ ихъ свѣжимъ шитьемъ и золотыми плетешками. Все убирается, приготовляется, наряжается.

Наконецъ, давно-желанное утро наступаетъ; блестящія звѣзды смѣняются голубымъ сіяніемъ дня, и вся Помпея на ногахъ. Первая курія въ базиликѣ прекратила свои судебные приговоры, ремесленники не работаютъ, школы закрыты.

Трудолюбивыя служанки ссыпаютъ тлѣющую золу домашняго очага въ мѣдные сосуды, для того чтобъ не случилось какой бѣды въ опустѣвшемъ домѣ, двери обвѣшиваются свѣжей зеленью, улицы окропляются благовоннымъ масломъ.

Прекрасныя женщины въ носилкахъ, старики и дѣти, господа и рабы,—все стремится къ большой аренѣ, лежащей на восточномъ концѣ города, какъ разъ у стѣны. Даже больные и хворые, забывая свои страданія и недуги, присоединяются къ ликующему народонаселенію, бѣгущему къ аренѣ, чтобы занять лучшія мѣста [2]).

Мы послѣдуемъ за шумной болтливой массой, потому что другъ Полоніусъ предложилъ намъ мѣста въ своей ложѣ, которыя мы и приняли съ благодарностію.

Чѣмъ ближе къ мѣсту зрѣлища, тѣмъ сильнѣе становится давка, потому-что всѣ выходящія сюда улицы извергаютъ волны народа, стремящагося къ амфитеатру во всевозможныхъ направленіяхъ. Благоразумно воспользовавшись сосѣднимъ переулкомъ, мы достигаемъ высокой обводной стѣны, воздвигнутой на крѣпкихъ сводахъ изъ сицилійскихъ плитъ. Слѣдуя за толпой, мы всходимъ по большой лѣстницѣ, поднимающейся до самой верхней галлереи непокрытаго крышей зданія. Проникнувъ внутрь черезъ одинъ изъ сорока главныхъ входовъ (*vomitoriae*), мы видимъ вдругъ передъ собою обширную площадь, лежащую глубоко внизу, на которой будетъ происходить битва.

II.

Арена [3]).

Съ удивленіемъ поднимаются наши взоры на многочисленныя мраморныя скамьи; тысячи любопытныхъ стеклись сюда любоваться сценами кровавыхъ пораженій, безпримѣрнымъ презрѣніемъ жизни, дикою храбростію и ловкостію. Надъ всѣмъ этимъ царитъ Везувій, поверхъ котораго кружатся легкія сѣрыя облака, поднимающіяся въ темноголубое небо. Помѣщеніе для зрителей защищено отъ палящихъ лучей іюльскаго солнца прикрѣпленнымъ къ высокимъ мачтамъ наметомъ. Эллипсообразная арена, обнесенная высокою обводною стѣною [1]) съ спасительной проволочной сѣтью тщательно выровнена, а покрывающій ее песокъ перемѣшанъ съ золою, чтобъ вобрать въ себя потоки крови, которыя по желанію эдиля Цертуса будутъ пролиты сегодня въ честь его покойнаго отца.

Какое зрѣлище—эта волнуемая всевозможными страстями толпа! Словно жужжаніе милліоновъ пчелъ, поднимаются къ намъ звуки. Раздѣленныя ходами, по направленію къ центру эллипса, скамьи образуютъ отдѣльныя клинообразныя ложи, которыя сзади съуживаются и вмѣщаютъ въ себѣ между средней и верхней галлереей большую часть зрителей. Здѣсь-то, въ широко-раскинувшихся аркадахъ виднѣется цѣлое море головъ; это помпейская чернь, въ простой безцвѣтной одеждѣ безъ всякихъ украшеній. Мы стоимъ надъ ложами бѣдныхъ, рабовъ, поденьщиковъ, ремесленниковъ, словомъ рабочаго класса. Тутъ и красильщики, и булочники, золотыхъ дѣлъ мастера, продавцы фруктовъ, зеленщики, рыночные торговцы, валяльщики; тутъ же и погонщики муловъ и полунагіе носильщики съ мозолистыми руками; внизу: рядовые втораго легіона, затѣмъ повара, работницы, швеи и ткачихи и наконецъ толпа крестьянъ.

Какой шумъ и гамъ! Что за смѣхъ, что за крики! Что за двусмысленные разговоры! Всякій вновь появляющійся встрѣчается насмѣшливыми криками; дикіе звуки, находящіе себѣ эхо на всѣхъ скамейкахъ, изобличаютъ происхожденіе этой низко-стоящей толпы.

Оставимъ нашу точку зрѣнія и пройдемъ эти пятнадцать ступеней, которыя все еще отдѣляютъ насъ отъ ложъ средняго класса. Болѣе избранное общество, болѣе изысканная одежда, изящные головные уборы, запястья и драгоцѣнности на прекрасныхъ женщинахъ, принадлежащихъ сословію гражданъ, чиновниковъ или художниковъ, различныя нарѣчія—вотъ характеристическія черты окружающаго насъ теперь общества.

Посмотрите тамъ, въ ложѣ на право, на этого сѣдаго старика. Это Атиметусъ, серебряныхъ дѣлъ мастеръ и его супруга Кассія. Сдѣланные имъ сосуды служатъ предметами всеобщаго удивленія. Молва о его искуствѣ дошла до Аравіи и Персіи. Но что бы это значило—откуда это облако печали на его высокомъ челѣ? Его единственный сынъ Муціусъ расточаетъ въ Римѣ, въ обществѣ развращенныхъ товарищей, нажитое отцомъ состояніе.

А эти четыре женщины, съ вызывающимъ взоромъ въ маленькой ложѣ на лѣво?

Самая старшая—Марція, танцовщица о которой сказано въ надписи:

«Благо тому, кто любитъ; горе тому, кто скупится на любовь; но будь проклята ты, Марція, ты которая продаешь свою любовь за деньги» [2]).

Она живетъ въ маленькомъ домикѣ, какъ разъ у городской стѣны. Подлѣ нея сидятъ ея три питомицы: прелестная рыжеволосая Амариллисъ, Атланта, черноокая гречанка съ острова Хіоса, и толстая неаполитанка Гераклея. Прекрасная дочь Пульхерса, ткача шерстяныхъ матерій у Ноланскихъ воротъ, тоже тутъ; подлѣ нея болтливая Флорентина, а также и Марія Русса съ Дамалисъ и ея двой-

[1]) До сихъ поръ въ Помпеѣ отрыто три гостинницы, именно тѣ самыя, о которыхъ здѣсь говорится.

[2]) Стеченіе народа на игры бывало такъ сильно, что въ давкѣ всякой разъ погибало по нѣскольку человѣкъ. Однажды въ царствованіе Калигулы было раздавлено 40 человѣкъ мужчинъ и женщинъ высшихъ классовъ.

[3]) Помпейская арена вмѣщала въ себѣ 20,000 человѣкъ; она лежитъ на сѣверовосточномъ концѣ города и большею частію отрыта. Въ нижнихъ валахъ найдены скелеты 8 львовъ. Разсказываемая нами исторія происходитъ за четыре недѣли до катастрофы.

[1]) Въ обводную стѣну собственно арены была вдѣлана проволочная рѣшетка, для того чтобъ раздраженные звѣри не могли проскочить черезъ нее. По приказанію Нерона рѣшетка его ложи была позолочена, а въ промежутки вставлены куски янтаря.

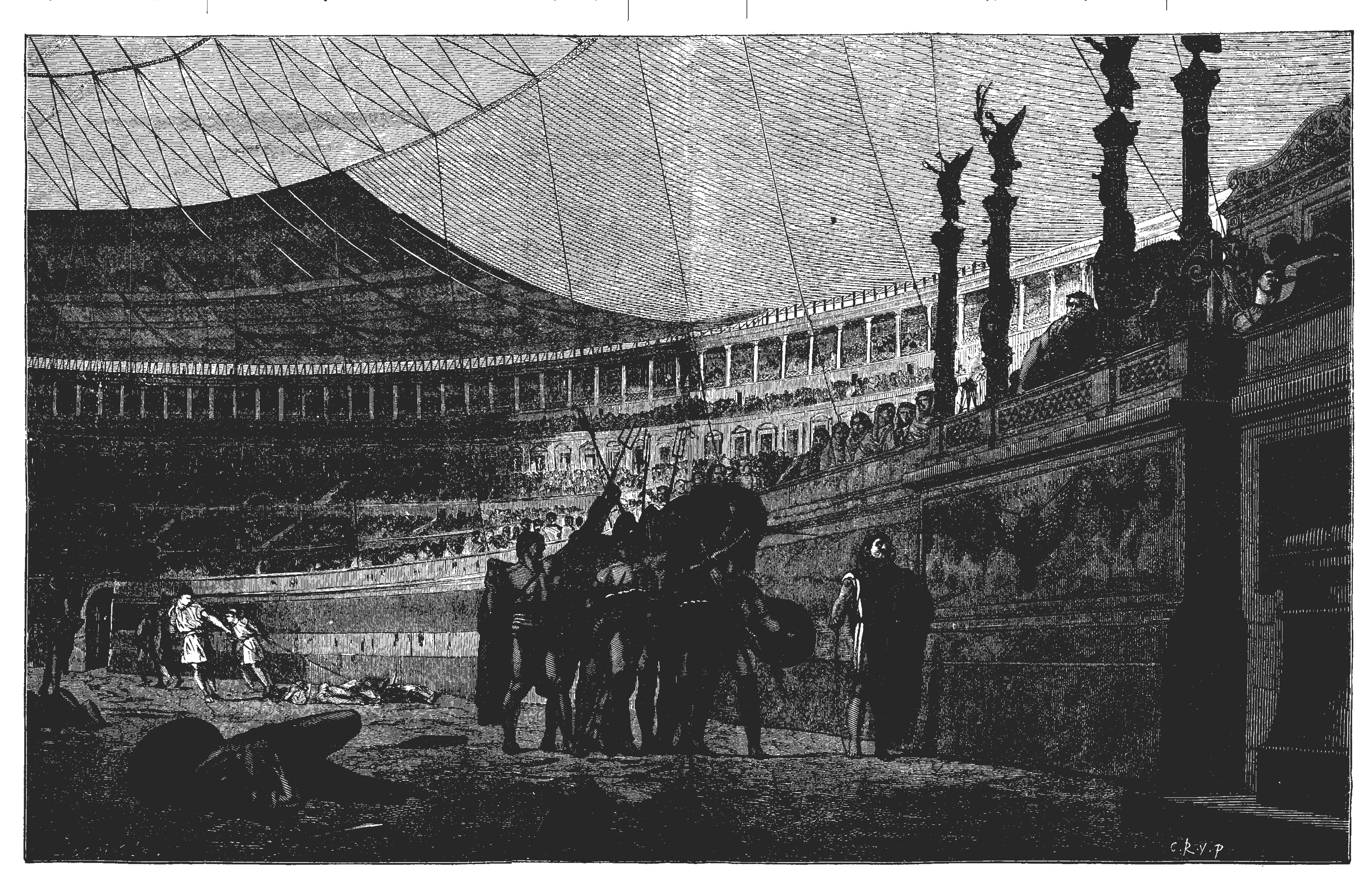
[2]) Эта надпись и теперь еще сохранилась.

стороны не хочетъ, и что онъ самъ пожертвуетъ первыя заповѣди. Тутъ не только мужчины взбунтовались, но даже женщины—и бросились было съ ухватами къ дому Хацкеля, чтобы принудить его отказаться отъ своего намѣренія; но тотъ оставался непоколебимымъ и объявилъ, что если его даже растерзаютъ на куски, то и тогда онъ не откажется отъ своего намѣренія и проситъ своихъ согражданъ и согражданокъ разойтись безъ всякого волненія по домамъ, потому что если его тронетъ кто-нибудь хотя пальцемъ, онъ пожалуется пану и они будутъ наказаны за такой бунтъ. Сѣченовцы, зная правъ пана, нашли самымъ лучшимъ послѣдовать совѣту Хацкеля и успокоились тѣмъ, что они могутъ сами написать другія заповѣди безъ участія Хацкеля. Впрочемъ, порѣшили они наконецъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что благочестивые евреи такъ жаждятъ благотворительности какъ Хацкель; это показываетъ доброе сердце Хацкеля, онъ достоинъ уваженія; если же они его порицали, то это потому, что они его сначала не поняли. Они же положили на первое время до изготовленія заповѣдей Хацкеля одолжить себѣ въ ближайшемъ городѣ старыя заповѣди, чтобы возможно было пока исполнять общественныя молитвы хотя домашнимъ образомъ, безъ кантора [1]). Теперь остается еще вторая необходимая вещь — это достать банщика. Но кто же захочетъ въ такомъ маленькомъ городкѣ взять на себя обязанность банщика? Если бы въ городѣ было еще кладбище, то на банщика можно бы возложить и обязанность могильщика, для него же больше дохода; но такъ какъ кладбища въ скоромъ времени не предвидится, то достать банщика теперь не легкая вещь. Толковали, рядили и общимъ совѣтомъ рѣшили: до поры до времени нанять какого-нибудь стараго гойя, который бы топилъ еженедѣльно баню, за что каждый посѣтитель бани ему обязанъ дать по три гроша. Сѣченовцы были очень довольны этимъ рѣшеніемъ. Въ перспективѣ они видѣли возможность вскорѣ выпариться въ банѣ. Они торжествовали и благодарили Бога что все идетъ къ лучшему, твердо надѣялись на Бога, который спасаетъ всѣхъ праведныхъ отъ гибели, что онъ ихъ спасетъ и охранитъ отъ всѣхъ бѣдъ и золъ и укажетъ имъ истинный путь....

(Продолженіе будетъ).

Н. О. Трофимовъ.

[1]) У евреевъ богослуженіе совершается и не духовнымъ лицомъ; его можетъ исполнять каждый, имѣющій голосъ и знающій напѣвъ молитвъ.



Римскіе гладіаторы.

«Ave Caesar! morituri te salutant»!

Здравствуй, Кесарь, идущіе на смерть тебя привѣтствуютъ!

Изъ древне-римской жизни.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на помпейской аренѣ въ 79 году по Р. Х.

«Ave Caesar! morituri te salutant»!

I.

Театральная афиша [1]).

«Если позволитъ погода, то труппа гладіаторовъ эдиля Суэтіуса Цертуса представитъ 31 іюля на помпейской аренѣ бой гладіаторовъ. При этомъ будетъ также и травля звѣрей. Помѣщеніе для зрителей покрыто и будетъ вспрыснуто».

Такъ гласило объявленіе, виднѣвшееся три мѣсяца сряду на всѣхъ концахъ помпейскихъ улицъ, на колоннахъ торговыхъ галлерей и храмовъ, на стѣнахъ термъ и форума, а также на зданіи *Eumachia*, и проводившее, всѣ эти три мѣсяца, въ волненіе жителей города.

Если позволитъ погода!—Но вотъ уже три дня дождь льетъ какъ изъ ведра. Завтра должно происходить это такъ давно возвѣщенное зрѣлище, въ честь покойнаго отца эдиля Цертуса; теплый югозападный вѣтеръ гонитъ облако за облакомъ со стороны лежащаго неподалеку моря, вершина Везувія покрыта сѣрымъ туманомъ, мрачная атмосфера не пропускаетъ ни одного солнечнаго луча.

Для умилостивленія Юпитера Плувіуса уже дѣлали гекатомбы [1]), храмъ Цереры тонетъ въ морѣ цвѣтовъ, святилище пенатовъ облито голубымъ сіяніемъ. Напрасно! Боги не хотятъ сжалиться надъ сѣтующимъ народомъ; надъ счастливою Кампаньей несятся облака и поятъ жаждущія поля освѣжительной влагой. Помпея въ горѣ.

Вдругъ къ вечеру небо разъясняется, пары разлетаются и Фебъ въ золотой колесницѣ прокладываетъ себѣ путь съ своими мощными конями. «Фебусъ! Фебусъ!» кричитъ и старый и малый, «благодаримъ тебя, о Зевсъ! слава тебѣ, Минерва!» Вскорѣ, въ ожиданіи боя, выступы зданія убираются жертвенными чашами, гдѣ дымятся дорогія благоуханія.

Чужестранцы изъ всевозможныхъ областей римской имперіи уже прибыли, гостинница подъ вывѣской слона въ улицѣ Радостей, купленная и возобновленная вольноотпу-

[1]) Эту афишу и теперь еще можно прочесть на стѣнѣ одной изъ отрытыхъ въ Помпеѣ улицъ, именно улицы: *strada degli Augustali*.

[1]) Приношеніе въ жертву ста быковъ.

лись и всѣ удалились отъ его могилы, является ангелъ Дейме (имя ангела) съ длиннымъ раскаленнымъ въ огнѣ прутомъ и ударяетъ имъ по могилѣ. Могила раскрывается, ангелъ Дейме туда опускается и предлагаетъ мертвецу слѣдующій вопросъ:

Какъ твое имя?

Но какъ на бѣду мертвецъ по большей части забываетъ свое имя [1]). За это ангелъ его ударяетъ трижды прутомъ, отчего его животъ распарывается. Ангелъ вынимаетъ его внутренности и ударяетъ ими мертвеца по лицу. Вотъ ради чего ты жилъ, говоритъ онъ ему при этомъ. Потомъ начинаются для мертвеца мученія не въ счетъ ада, такъ называемыя Хибодъ гаковеръ [2]), страданія, отъ которыхъ рѣдко кто освобождается, даже праведные. Они состоятъ въ томъ, что каждое укушеніе червяка равносильно уколу иглы въ живое тѣло. Душа же, которая въ продолженіе недѣли не можетъ свыкнуться съ тою мыслью, что она уже больше не жива, продолжаетъ посѣщать тотъ домъ, въ которомъ она прежде жила [3]).

Хотя я еще очень много могу разсказать по поводу смерти; пожалуй, я могу никогда и не кончить, потому что въ ученіи евреевъ по какой бы то ни было отрасли *конца нѣтъ*, въ чемъ и состоитъ *преимущество еврейскаго ученія предъ всѣми другими ученіями;* но считаю лучшимъ возвратиться къ моему разсказу о жителяхъ Сѣченовки.

Какъ только Сѣченовцы устроились въ матеріальномъ отношеніи, они замѣтили, что въ духовномъ отношеніи у нихъ ужасная неурядица; у нихъ нѣтъ ничего такого, что придало бы ихъ городу полное названіе еврейскаго города. У нихъ есть синагога, но нѣтъ заповѣдей, нѣтъ книгъ, нѣтъ кантора и прислужника, нѣтъ никакихъ синагогальныхъ принадлежностей. У нихъ есть баня; но что же, когда у нихъ нѣтъ банщика [4])? у нихъ нѣтъ рѣзника, нѣтъ раввина, нѣтъ кладбища, однимъ словомъ: нѣтъ всѣхъ тѣхъ вещей, которыя необходимы въ еврейскомъ городѣ, если только онъ хочетъ пріобрѣсти себѣ гражданскія права, т. е. чтобы не быть въ зависимости отъ другого ближайшаго къ нему города. Кромѣ того, ужасное неудобство обращаться за всякою мелочью въ другой городъ. Обзавестись всѣми этими атрибутами заразъ пока невозможно. Во первыхъ, средствъ нѣтъ; во вторыхъ, трудно найти для такого маленькаго городка раввина, потому что никто не захочетъ ѣхать въ такую глушь. А вѣдь скверно быть въ зависимости во всякой мелочи отъ другихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что аристократія другихъ городовъ не слишкомъ дружелюбно относится къ новому городу; особенно съ того времени, когда они увидѣли что новый городъ не миѳъ, не мечта Хацкеля, и притомъ новый городъ въ короткое время успѣлъ отнять у нихъ такую доходную статью, какъ воскресные базары, ярмарки.

---

[1]) Есть одно средство, чтобы въ эту критическую минуту не забыть своего имени. А именно, слѣдуетъ ежедневно во время молитвы сказать стихъ псалма, начинающійся буквою своего имени; но разумѣется, кто не молится тотъ пропалъ.

[2]) Хибодъ гаковеръ—страданія могильныя.

[3]) Для этого цѣлую недѣлю стоитъ стаканъ съ водою и около этого тряпка. Въ водѣ душа обыкновенно умывается и тряпкой вытирается.

[4]) Въ маленькихъ еврейскихъ городахъ быть содержателемъ бани считается не почетнымъ занятіемъ и никто мало-мальски дрожащій своимп именемъ не возмется за это дѣло.

— Какъ, говорили жители другого города, — эти *сѣченые* будутъ главными распорядителями въ городѣ, будутъ стоять у восточной стѣны въ синагогѣ!

Даже духовенство, которое имѣло когда-то доходы отъ этихъ переселенцевъ, также недружелюбно относилось къ этому новому городу.

— Каждый пастырь, говорили они, — обязанъ блюсти свою паству и наставлять членовъ своихъ на путь истины; кто же теперь станетъ наблюдать за новымъ городомъ? они тамъ Богъ знаетъ что надѣлаютъ, тѣмъ болѣе. что туда стекается всякій сбродъ, напримѣръ Дерзкій и Берка. Да и самъ Хацкель подозрителенъ; хотя онъ до сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ, но нужно имѣть въ виду, что *Богъ всегда оберегаетъ своихъ избранныхъ* и если панъ Дембовскій высѣкъ Хацкеля, то тутъ что-то не ладно—даромъ не сѣкутъ......

При такихъ обстоятельствахъ Сѣченовцы задумались надъ своею участью. Разумѣется, заповѣди прежде всего, для того чтобы можно было молиться въ синагогѣ (у нихъ уже было 10 человѣкъ мужскаго пола выше 13-лѣтняго возраста); но какъ же ихъ пріобрѣсть? Заповѣди нужно писать, и они будутъ готовы только чрезъ годъ [1]).

Наконецъ, на чей именно счетъ они должны писаться? Положимъ, что они всѣ зажиточные люди, но все же..... тутъ у нихъ по этому поводу пошли споры, кто изъ нихъ сколько можетъ дать. Каждый старался приводить на это весьма основательныя причины, какъ большое семейство или зрѣлыя дѣти, или малый доходъ, и доказывалъ, что онъ долженъ дать меньше чѣмъ другой. Споръ чуть не дошелъ до драки, но Хацкель вдругъ объявилъ, что не желаетъ чтобы въ шатрахъ Израиля происходили споры, дающіе силу и крѣпость нечистой силѣ, и поэтому онъ самъ напишетъ заповѣди. Сначала всѣ были ошеломлены такой громадной жертвой, но когда первое впечатлѣніе прошло, Сѣченовцы взбунтовались. «Какъ это можно, чтобы они не принимали участія въ такомъ великомъ предпріятіи, какъ писаніе заповѣдей!» Хацкель категорически объявилъ, что никакого участія съ ихъ

---

[1]) Заповѣди пишутся особыми спеціалистами этого дѣла, которые называются сойферъ (писарь). Это писаніе сопряжено съ большими затрудненіями. Пишутся онѣ на пергаментѣ, извѣстной обрядовой выдѣлки, буквами опредѣленной и неизмѣнной формы. Тутъ требуется самая тщательная точность, потому что малѣйшее измѣненіе, малѣйшая ошибка дѣлаютъ ихъ негодными. Для корректированія заповѣдей есть особые спеціальные корректоры берущіе плату съ каждой найденной ими ошибки. (Ошибки бываютъ двоякаго рода: 1-я такого рода ошибки, которыя дѣлаютъ заповѣди негодными, 2-я же суть такія ошибки, которыя могутъ быть поправлены). Разумѣется, что эти господа иногда злоупотребляютъ своею спеціальностью, дѣлая намѣренно побольше ошибокъ. Ошибка можетъ состоять въ невѣрности уголка или рожка какой нибудь буквы. Одни заповѣди пишутся не менѣе года. Нормальная цѣна заповѣдямъ въ настоящее время около 300 рублей; но есть заповѣди, писанныя извѣстными спеціалистами (благочестивыми и мастерами своего дѣла), стоющія больше 1000 рубл. Заповѣди не служатъ собственно принадлежностью молитвеннаго дома или синагоги, каждый еврей по закону долженъ имѣть отдѣльныя заповѣди; но такъ какъ отдѣльнымъ лицамъ онѣ не доступны по дороговизнѣ, каждый по крайней мѣрѣ старается принять участіе въ издержкахъ писанія заповѣдей. Если же отдѣльное лицо иногда и пишетъ заповѣди, оно обыкновенно отдаетъ ихъ въ какой нибудь молитвенный домъ или синагогу. Каждый молитвенный домъ пишетъ заповѣди или на свой счетъ или по подпискѣ прихожанъ; въ каждой синагогѣ или молитвенномъ домѣ находится по нѣскольку заповѣдей.

ничною сестрою Эфарою—швеи изъ перестиля ленточника Кола [1]).

Окруженныя художниками и учениками: Аміантусомъ, Терціусомъ, Клавдіемъ, Циттусомъ, Стаккусомъ и Гедіозусомъ, онѣ сговариваются сойтись вечеромъ въ садахъ новыхъ термъ, чтобъ поиграть и потанцовать, поѣсть медовыхъ пряниковъ и отвѣдать фалернскаго вина.

Но вотъ въ одну изъ ложъ входитъ прекрасная Абигаиль, единственная дочь богатаго еврея Мероаба [2]), одѣтая въ шолкъ и дорогія кружева. Ея прекрасной фигурѣ позавидовала бы даже Юнона, если бы только она—не хромала. На ея прелестной шеѣ блестятъ самые рѣдкіе перлы Востока. Мероабъ, ея отецъ, торгующій драгоцѣнными камнями, ежегодно ѣздитъ въ Аравію и Персію, откуда онъ вывозитъ прекраснѣйшіе камни и драгоцѣнныя вещи. Стыдливо потупляетъ Абигаиль взоры, потому-что помпейскія женщины смотрятъ съ презрѣніемъ на прекрасную еврейку.

Тамъ, въ улицѣ гробовъ, въ самомъ крайнемъ углу предмѣстья «*Augusta felix*», въ маленькомъ тихомъ дворикѣ, поросшемъ вьющимися растеніями и дикою виноградною лозою, стоятъ въ стѣнной нишѣ двѣ пустыхъ погребальныхъ вазы. На одной изъ нихъ мы читаемъ слова:

«Погибшему въ пламени Ноланусу отъ его неутѣшной супруги».

Ноланусъ, скульпторъ, умеръ скоропостижно отъ яда, вмѣстѣ съ тремя друзьями на одной пирушкѣ; часъ спустя, столовая его дома была объята пламенемъ. Его вдова, Ромула надѣла трауръ и приносила, вмѣстѣ съ своими рабынями, въ продолженіи семи дней и семи ночей, жертвы тѣни своего погибшаго въ огнѣ мужа. Пламя уничтожило всѣ слѣды совершеннаго ею мужеубійства.

Посмотрите теперь на эту переднюю ложу, гдѣ сидитъ она, неутѣшная прекрасная вдова Нолануса, подлѣ своего втораго мужа.

— Подай мнѣ стаканъ воды, мальчикъ, мои губы совсѣмъ пересохли, меня палитъ страшная жажда.

Такъ говорилъ Голконіусъ, прозванный въ Помпеѣ пророкомъ, лежа на своемъ жесткомъ ложѣ и дрожа отъ лихорадки, рабу, сидѣвшему на корточкахъ у ногъ его постели.

— Не могу, господинъ, подать тебѣ освѣжающаго напитка, кружка пуста, столовая заперта, а на пустыхъ улицахъ я не вижу ни одной живой души, которая моглабы почерпнуть мнѣ изъ сосѣдняго колодца воды.

— Гдѣ Януарія, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и твои дѣти ушли съ утра на арену смотрѣть на звѣриную травлю Цертуса.

Бѣдный умирающій, оставленный и забытый своими близкими, смотритъ съ оцѣпенѣніемъ въ пустое пространство.

Вдругъ слышатся словно отдаленные раскаты грома, земля дрожитъ, потому что послѣдовалъ ударъ, за тѣмъ другой, и такой сильный, что глиняная лампа стоявшая на карнизѣ падаетъ на мраморный полъ и разбивается въ дребезги, а ведущія въ домъ двери стонутъ и едва не срываются съ петель.

— Что это такое было мальчикъ? спрашиваетъ со стономъ умирающій,—мнѣ кажется, земля рушится.

— Успокойся, старикъ, это былъ порывъ вѣтра, которымъ охватило домъ, отвѣчаетъ рабъ.

Голконіусъ поднимаетъ исхудалыя руки, его глаза вспыхиваютъ послѣднимъ огнемъ и, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, онъ говоритъ:

— Смотри туда, сынъ мой, какъ Везувій раздувается, какъ сверкаетъ его открытая пасть, какъ онъ содрогается, какіе длинные огненные потоки льются изъ его груди, все опаляя, все поглащая на своемъ пути! Какой дымъ, какой чадъ! а дождь не перестаетъ идти, чорный кровавый дождь, отъ котораго потемнѣли солнечные лучи..... Скорѣе, мальчикъ, дай мнѣ мое платье и палку, пламя касается ужс нашихъ дверей, день гнѣва наступилъ. Спасите! спасите! я.... задыхаюсь!.

Дрожащій отъ испуга рабъ спѣшитъ поддержать голову своего господина, но его руки обнимаютъ уже трупъ.

Отвративъ свои глаза, покрываетъ онъ лицо и грудь мертвеца бѣлой тогой, складываетъ ему какъ слѣдуетъ руки и ноги, и, освободившись отъ тяжелой обязанности ухаживать за больнымъ, бѣжитъ черезъ задніе ворота, съ занимающимся отъ спѣха дыханіемъ, по пустымъ улицамъ къ аренѣ—чтобы не опоздать ни одною минутою на травлю звѣрей.

Поднимемся теперь на нѣсколько ступеней вверхъ, въ ложи знатныхъ, богатыхъ, патриціевъ и городскихъ старшинъ. Какъ тутъ все великолѣпно, какъ все блеститъ и отливаетъ золотомъ, пурпуромъ, шолкомъ! Словно храмы выслали сюда своихъ боговъ и богинь, чтобы они присутствовали на этомъ празднествѣ [1]). Точно спустившись съ Олимпа, сидятъ здѣсь Юнона, Церера, Минерва со всею своею свитою. Кто эта дѣвушка, которую можно бы было принять за Діану, еслибы только при ней были лукъ и стрѣлы? Это Юлія Феликсъ [2]), дочь Спиритуса, самая прелестная и богатая наслѣдница въ Помпеѣ. Раскинувшись на своихъ пурпуровыхъ подушкахъ и положивъ свои маленькія ножки на бархатную скамеечку, она задумчиво смотритъ внизъ, на арену, не обращая ни малѣйшаго вниманія на тѣхъ, кто окружаетъ ее. Ея грудь волнуется, ея дыханіе прерывисто, ея глаза горятъ. Ужь не отыскиваетъ ли она своего возлюбленнаго? Или, можетъ быть, она потеряла нѣсколько перловъ изъ своей драгоцѣнной діадемы? Нѣтъ, ея чорный быкъ [3]), вырощенный у ней на дворѣ въ Капуѣ, будетъ сражаться сегодня съ пантерой Нунціатуса Фавстулуса и увеличитъ ея славу новыми лаврами.

Что за чудный цвѣтникъ—эти прелестныя женщины въ бѣлыхъ одеждахъ [4]) подлѣ ложи Діомеда! Это семей-

---

[1]) Эти имена ткачихъ, а также родъ ихъ занятій и количество задаваемыхъ ихъ уроковъ и теперь еще можно прочесть въ перистилѣ угловаго дома улицы «*Fortuna*», принадлежавшаго одному ткачу.

[2]) Единственный, какъ видно изъ греческой надписи, еврей въ Помпеѣ.

[1]) Страсть женщинъ къ амфитеатру была, по словамъ Ювенала, ихъ величайшей слабостью. Нигдѣ не являлись онѣ въ такихъ изящныхъ и богатыхъ костюмахъ. Для этой цѣли брали на прокатъ одежды, драгоцѣнности, подушки, субретокъ и свиту. Овидій считаетъ арену самымъ лучшимъ мѣстомъ для завязки любовныхъ интригъ и любовныхъ приключеній. Христіанскіе писатели позднѣйшихъ временъ предостерегали своихъ учениковъ отъ посѣщенія амфитеатра, гдѣ ставились на карту стыдъ, невинность, честь; тѣмъ не менѣе и христіане также страстно любили и посѣщали эти зрѣлища.

[2]) Юлія Феликсъ, дочь Спиритуса была богатой домовладѣтельницей, какъ это можно видѣть изъ найденнаго въ 1766 г. объявленія объ отдачѣ дома, гдѣ сказано, что въ поземельномъ участкѣ Юліи Феликсъ отдается 900 лавокъ и комнатъ, съ 14 августа на слѣдующіе 5 лѣтъ, и т. д.

[3]) Быки сражались съ пантерами, какъ показываетъ рельефная работа, найденная въ 1812 г.

[4]) Знатныя женщины появлялись на играхъ не иначе, какъ въ бѣлыхъ праздничныхъ одеждахъ.

ство Истацидія [1]), мать и четыре дочери: голубоокая Юлія, мечтательная Гераклея, рѣзвая пылкая Лалагла съ самой младшей сестрой Фонтаной. Эти дамы принадлежатъ самой аристократической фамиліи въ Помпеѣ. Онѣ принимаютъ привѣтствія наиболѣе замѣчательныхъ людей своего круга: раздушеннаго Доруса, любящаго роскошь Филиппа, богатаго Скавруса, и разговариваютъ между собою по гречески—разговорный языкъ высшаго свѣта.

Ихъ бесѣда чрезвычайно оживлена—и конечно предметомъ ея служатъ искуство и наука, или поэзія? Ахъ, нѣтъ! Они разговариваютъ о фальшивыхъ волосахъ и искуственныхъ зубахъ, которые еврей Мероабъ привезъ недавно изъ Египта.

— А, привѣтъ тебѣ, Панза!

Раскинувшись на своихъ мягкихъ подушкахъ, лежитъ гуляка съ большимъ брюхомъ и жирными щеками.

Онъ, повидимому, спитъ или страдаетъ отягощеніемъ желудка. Всѣ въ Помпеѣ знаютъ, что онъ откармливаетъ водящихся въ его пруду карповъ запекшеюся человѣческой кровью. Жаль только, что у него кривыя ноги. Школьники его квартала нарисовали недавно на дверяхъ его дома латинское X съ надписью: «Полюбуйтесь на оставъ Панзы!» [2]).

Но не обманываютъ ли меня глаза? Мета, актриса! да, клянусь Юпитеромъ, это она? Мета съ укушенною щекою.

Съ укушенною щекою? спрашиваете вы.

Мета была прежде въ Римѣ любовницею Сальвіуса Ото.

Одна рабыня донесла въ недобрый часъ объ этой связи его женѣ, которая застала потомъ въ расплохъ обоихъ любовниковъ въ то время, какъ они наслаждались въ термахъ Агриппы [3]). Началась драка, и притомъ такая, какая только можетъ быть между двумя раздраженными соперницами. Супруга Ото потерпѣла пораженіе и черезъ два дня умерла отъ ранъ. Любовница убѣжала черезъ какой-то подземный ходъ. Переодѣвшись въ платье нищей и примкнувъ къ поѣзду погонщиковъ муловъ, она скрылась въ Неаполѣ. Но не считая себя и тутъ въ безопасности и опасаясь преслѣдованія, она отправилась вскорѣ въ Помпею.

Здѣсь она называется Метой. Но въ Римѣ она была извѣстна подъ именемъ *Laetitia alba,* Летиція блѣдноликая. Слѣды укушенія на щекѣ она сохраняетъ и до сихъ поръ.

Какимъ запахомъ благовонныхъ мазей и маслъ пропитанъ здѣсь воздухъ! Хорошенькія рабыни заботливо сыплютъ, въ ложѣ своей госпожи, на тлѣющіе уголья, аравійскіе ароматы. Дымъ клубами поднимается изъ таза съ треножникомъ.

Сереброкудрая Неволея Тихе, девяностодвухъ-лѣтняя матрона, только-что заняла мѣсто въ своей ложѣ. Шелковыя подушки, вышитыя золотомъ, искусно сотканныя изъ шерсти и шолку одѣяла окружаютъ ея старые члены. На лицѣ ея мелькаетъ еще минутами отблескъ прежней прелести и красоты. Ее называли когда-то прелестной Неволеей. Семь молодыхъ людей искали руки ея, но она съ презрѣніемъ отвергла ихъ всѣхъ; теперь, состарѣвшись, она служитъ жрицей Весты.

[1]) Фамиліи Истацидія принадлежитъ прекрасный памятникъ въ улицѣ могилъ.

[2]) Эту надпись, начертанную руками школьниковъ, и теперь еще можно видѣть на одномъ изъ отрытыхъ въ Помпеѣ домовъ.

[3]) Термы Агриппы построены за 25 лѣтъ до Р. Х. Отъ нихъ остались развалины, которыя находятся позади Пантеона.

А подлѣ нея—Нунціатусъ Фавстулусъ, богатый купецъ и кораблевладѣлецъ изъ Неаполя.

Ковыряя въ зубахъ маленькимъ инструментомъ изъ слоновой кости, онъ повидимому высчитываетъ мысленно прибыль, которую доставлятъ ему его галеры, находящіяся уже на обратномъ пути домой.

Что везутъ онѣ: жито и вино?

Нѣтъ, дѣвушекъ, коварно похищенныхъ у родителей и увезенныхъ съ испанскихъ береговъ, для того чтобъ развлекать потомъ римскихъ вельможъ играми и танцами. Это очень выгодная торговля и этотъ честный человѣкъ живетъ припѣваючи.

Но что это за шумъ? Тысячи голосовъ вскрикиваютъ заразъ. Это вошелъ съ свою ложу Суэтіусъ Цертусъ, эдиль и виновникъ праздника, съ своимъ чахоточнымъ сыномъ, семнадцатилѣтнимъ Полоніусомъ, окруженный знатнѣйшими лицами города.

Привѣтъ тебѣ, Цертусъ, эдиль и старѣйшина города! Такъ привѣтствуютъ его со всѣхъ сѣдалищъ; весь театръ въ движеніи, восторгамъ и крикамъ нѣтъ конца.

Привѣтствуютъ и сына эдиля, но молодой человѣкъ не обращаетъ ни какого вниманія на эти привѣтствія; его глаза мутны, проходка медленна, потому-что старый юноша потерялъ силу и здоровье въ оргіяхъ и вакханаліяхъ, куда ввела его родная мать. Какіе впалые у него глаза и какое блѣдное лицо!

Эдиль занялъ мѣсто въ большой ложѣ старѣйшинъ города. Его сѣдалище обложено пурпуровыми подушками; парящія богини побѣды поддерживаютъ балдахинъ съ эмблемами города.

Подлѣ него трибунъ Титусъ Суэтіусъ Клеменсъ; совѣтники:

Юніусъ Симплексъ, Сирикусъ, Модестусъ Фабіусъ; а также Паквинусъ Прокулусъ, старикъ съ дрожащей головою, Аллеіусъ Нигидіусъ Маіусъ, Попидіусъ Руфусъ и Помпоніусъ Фавстинусъ, ассесоры.

Но шумъ, произведенный ихъ приходомъ, мало по малу утихаетъ, потому-что изъ ложи эдиля сдѣланъ знакъ начинать игры. Всѣ взоры обращаются ко входу въ арену. Петли большой желѣзной рѣшетки скрипятъ и процессія изъ 25 гладіаторовъ, въ бранныхъ доспѣхахъ, впереди которой идетъ фехтмейстеръ, а сзади трубачи въ цвѣтныхъ одеждахъ, является на сцену. Ихъ мѣдные шлемы, набедренники и наручни сверкаютъ на солнцѣ, также какъ ихъ мечи и щиты. Ровнымъ шагомъ подходятъ они попарно къ большой ложѣ эдиля.

Впереди пара, вооруженная на гальскій манеръ, за ними фракійцы съ маленькими щитами, потомъ парматы въ пестрыхъ туникахъ, съ прямыми мечами, самниты съ большими продолговатыми щитами, потомъ всадники на необузданныхъ варварійскихъ лошадяхъ, со щитами и копьями, съ наручнями на правыхъ рукахъ, въ туникахъ, и шлемахъ съ наличниками. За ними группа ретіаріевъ или наметниковъ сѣтей, съ открытыми головами, въ бѣлыхъ туникахъ и съ перевязями вокругъ ногъ. Накинутая на лѣвое плечо сѣть—ихъ отличительная примѣта, а оружіе ихъ заключается въ трезубцѣ и коротенькомъ кинжалѣ.

За ними слѣдуютъ мирмилосы съ рыбой на шлемѣ. Кто эти несчастныя нагія фигуры съ кускомъ матеріи вокругъ одной руки и перевязями на ногахъ, вооруженные только коротенькимъ кинжаломъ, копьемъ да крючкомъ. Это бестіаріи, осужденные на смерть преступники, допущенные къ травлѣ звѣрей въ видѣ милости. Одинъ изъ нихъ убій-

ца, другой разбойникъ, а третій мошенникъ, уличенный въ подлогѣ. Отданные на волю народа, который можетъ и помиловать ихъ и предать смерти, они должны испытать свои силы на раздраженныхъ звѣряхъ.

«Привѣтъ тебѣ, о Цертусъ, идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя!»

Съ такими словами обращаются къ эдилю проходящія мимо большой ложи банды. Трубачъ подаетъ сигналъ—и въ ту же минуту предводительствуемые фехтмейстеромъ борцы становятся на мѣста, противъ своихъ противниковъ.

Въ серединѣ арены знаменитый Каиксъ изъ Равенны, одержавшій тридцать одну побѣду; насупротивъ него Бебриксъ изъ школы въ Капуѣ; за ними Эпохусъ и Араксесъ, оба пріѣзжіе; направо Трексъ и Опломахусъ на лошадяхъ, тоже знаменитые бойцы; Нобиліоръ Тудесъ, а также наметчики сѣтей Непимусъ и Гермесъ изъ Рима; Секуторъ Гипполитусъ, потомъ Эсседаріусъ Поріусъ, вооруженный на британскій манеръ, и другіе. Каждая изъ этихъ паръ встрѣчается со стороны зрителей восторженными криками и ревомъ; образуются партіи, сраженіе начинается.

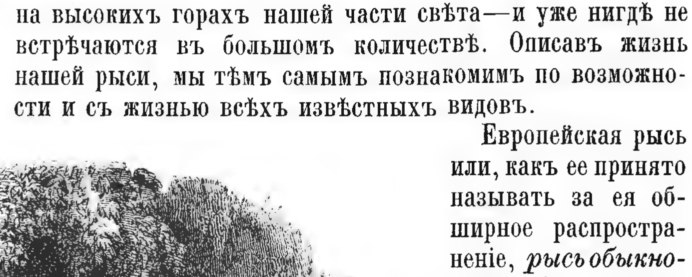
(Окончаніе будетъ).

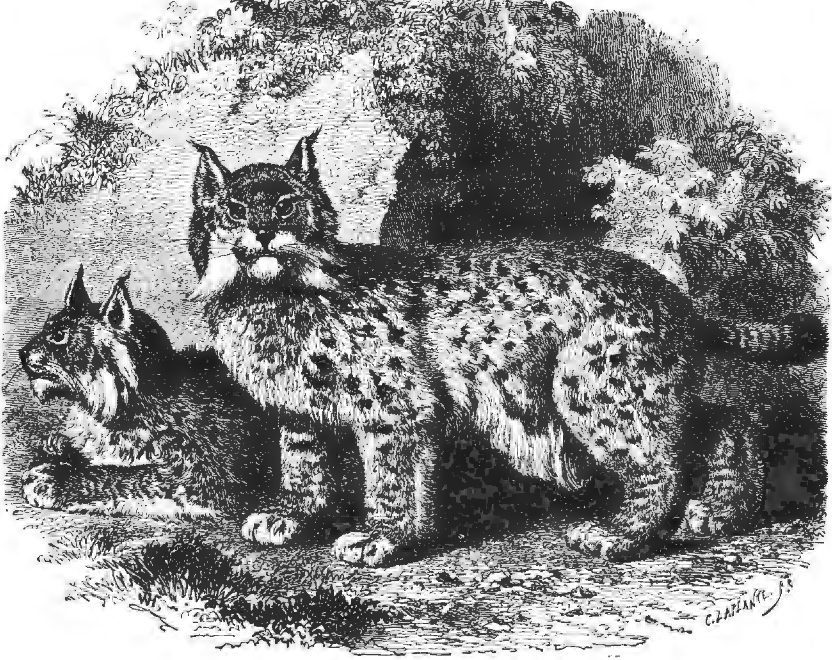
Русская фауна *).

I. Рысь (Lynx vulgaris).

(По Брему).

Между различными видами хищныхъ животныхъ, семейству кошекъ (Felinae) конечно принадлежитъ первое мѣсто. Левъ, тигръ и ягуаръ, —эти, по выраженію Брэма, властелины кошачьяго рода, взяли себѣ во владѣніе болѣе жаркія и обширныя части свѣта; но и въ нашей небольшой Европѣ водится родъ кошекъ, который по хищности и кровожадности сходенъ съ видами теплыхъ странъ и многимъ изъ нихъ не уступаетъ даже по величинѣ. Это *рыси*; многіе виды ихъ извѣстны и въ другихъ частяхъ свѣта. Въ новѣйшей зоологіи ихъ отдѣляютъ въ особую группу, отличаемую отъ настоящихъ кошекъ, главнымъ образомъ, слѣдующими признаками.





Рысь.

У кошекъ задній коренной зубъ нижней челюсти съ двумя острыми бугорками; край уха равномѣрно покрытъ волосами; длина хвоста приблизительно равна половинѣ длины туловища;—тогда какъ у рысей послѣдній коренной зубъ нижней челюсти не съ двумя, а съ тремя острыми бугорками, на кончикахъ ушей кисточки изъ волосъ, а хвостъ немного длиннѣе головы и менѣе четверти всей длины животнаго. Послѣдніе два признака бросаются въ глаза всякому; особенно характерны кисточки ушей.

Въ прежнее время рыси были распространены по всей Европѣ; но теперь, къ счастію нашихъ охотъ и стадъ, онѣ очень рѣдки и водятся только на крайнемъ сѣверѣ и на высокихъ горахъ нашей части свѣта—и уже нигдѣ не встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Описавъ жизнь нашей рыси, мы тѣмъ самымъ познакомимъ по возможности и съ жизнью всѣхъ извѣстныхъ видовъ.

Европейская рысь или, какъ ее принято называть за ея обширное распространеніе, *рысь обыкновенная* (*Lynx vulgaris*),—животное гораздо большей величины, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. «Только послѣ посѣщенія музея въ Христіаніи, пишетъ Брэмъ — я узналъ, какой величины можетъ достигать рысь; въ нашихъ же германскихъ коллекціяхъ есть рыси только средней величины. Вполнѣ взрослая рысь бываетъ ростомъ по крайней мѣрѣ съ такого леопарда, какихъ обыкновенно держатъ въ нашихъ звѣринцахъ; хотя она нѣсколько короче его, но за то выше на ногахъ. Длина тѣла ея равна тремъ, а иногда четыремъ футамъ; хвостъ—отъ шести до девяти дюймовъ; высота въ зашейкѣ достигаетъ до двухъ футовъ. Самецъ вѣситъ до 60 фунтовъ и даже, какъ мнѣ говорили въ Норвегіи, 90 фунтовъ. Туловище сильное и сжатое съ боковъ, оно уже съ перваго взгляда выказываетъ большую силу и крѣпость. Конечности также очень сильны, хвостъ не уступаетъ имъ: онъ также довольно силенъ и довольно крѣпокъ. Особенно сильны длинныя бедра: они живо напоминаютъ бедра льва и тигра. Уши довольно длинныя и пріостренныя, оканчиваются кисточко-образнымъ пучкомъ чорныхъ, густыхъ и торчащихъ волосъ, почти въ два дюйма длиною. На толстой верхней губѣ стоятъ нѣсколько рядовъ жесткихъ, длин-

*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, время отъ времени, будутъ помѣщаться описанія и изображенія наиболѣе замѣчательныхъ животныхъ, водящихся въ Россіи.

ныхъ усовъ. Туловище покрыто густою, мягкою шерстью, которая на мордѣ удлинняется и образуетъ длинную, жесткую бороду; борода эта раздвоена и концы ея висятъ по сторонамъ морды и вмѣстѣ съ кисточками ушей придаютъ совершенно особый отпечатокъ всей физіономіи рыси. Мѣхъ на верхней сторонѣ тѣла красновато-сѣрый въ перемежку съ бѣловатымъ; на головѣ, шеѣ, спинѣ и на бокахъ онъ усѣянъ рыже-бурыми и сѣро-бурыми пятнами. Нижняя сторона тѣла, внутренняя сторона ногъ, передняя часть шеи, губы и мѣста кругомъ глазъ бѣлаго цвѣта. Морда рыжеватая, уши внутри бѣлыя, снаружи покрыты бурыми и черными волосами. Хвостъ всюду равномѣрно и одинаково густо покрытъ волосами; широкій, чорный конецъ его занимаетъ почти половину длины; другая половина въ неясныхъ кольцахъ, съ едва замѣтными полосками, которыхъ вовсе нѣтъ на нижней сторонѣ. Лѣтомъ шерсть бываетъ короткая и рыжеватая, зимою длинная и сѣровато-бѣлая; впрочемъ, вся окраска представляетъ разнообразныя отклоненія и даже пятна бываютъ различны у различныхъ недѣлимыхъ. Основываясь на этомъ, хотѣли принять нѣсколько видовъ рыси, но въ новѣйшее время убѣдились, что это невозможно, потому-что въ одномъ логовищѣ нашли молодыхъ всѣхъ оттѣнковъ цвѣта и всѣхъ измѣненій рисунка мѣха. Самка, какъ кажется, постоянно отличается отъ самца болѣе рыжимъ цвѣтомъ и менѣе явственными пятнами; новорожденныя бѣловатаго цвѣта.»

Рысь была извѣстна древнимъ, потому-что уже *Плиній* упоминаетъ о ней подъ именемъ *линкса*. Первоначально ее вывезли изъ Галліи, т. е. изъ нынѣшней Франціи. Знали о ней немного, и потому суевѣрію предоставлялось обширное поприще. Такъ напримѣръ думали, что ея сверкающіе глаза могутъ видѣть сквозь стѣну, что ея моча застываетъ и прекращается въ драгоцѣнный камень, который называли *линкуръ*, и многія другія подобныя вещи. Въ Германіи ее конечно знали вездѣ, потому-что она попадалась тамъ довольно часто. Еще въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія убивали довольно много рысей въ средней Германіи, но съ тѣхъ поръ во всей Германіи убиты только четыре рыси. Что же касается до гористыхъ странъ и до сѣвера Европы, то тамъ рыси гораздо обыкновеннѣе. *Чуди* говоритъ, что въ Швейцаріи рысей убиваютъ чаще, чѣмъ дикихъ кошекъ, и что тамъ, лѣтъ 30 тому назадъ, рыся вовсе не составляла рѣдкости; такъ напр. въ одномъ Бюнденѣ убивали ежегодно отъ семи до восьми штукъ, въ настоящее же время убиваютъ въ годъ штуки двѣ или три. Въ Швейцаріи извѣстна подъ именемъ *звѣря-волка (Thier-wolf)*; она водится тамъ во всѣхъ большихъ лѣсахъ. На сѣверѣ Европы рысь попадается гораздо чаще. Въ 1835 году въ одной Швеціи было оплачено правительствомъ 316 рысей; въ Норвегіи ежегодно убиваютъ болѣе 20 штукъ, а въ Россіи безъ сомнѣнія еще несравненно больше.

Рысь держится только въ большихъ, густыхъ, темныхъ лѣсахъ по горамъ и въ необитаемыхъ, скалистыхъ мѣстахъ, гдѣ она находитъ ущелья и пещеры для своихъ убѣжищъ или гдѣ можетъ укрываться въ камышахъ и высокой травѣ или въ чащѣ. Днемъ она остается въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ считаетъ себя безопасною, сидитъ на вершинахъ скалъ и на древесныхъ пняхъ, чтобы погрѣться на солнцѣ, нерѣдко садитса и на толстыя сучья довольно высоко отъ земли; она можетъ взлѣзать на деревья и спрыгивать оттуда на всякое проходящее мимо животное. Когда она лежитъ на суку, то прячется какъ дикія кошки, такъ-что ее очень трудно замѣтить.

Движенія рыси довольно медленны, но неимовѣрно сильны—и она мало доступна усталости. Развитіе ея органовъ чувствъ вполнѣ соотвѣтствуетъ крѣпости тѣла. Слышитъ она очень хорошо; чутье у ней лучше чѣмъ у другихъ кошекъ; видитъ такъ превосходно, что еще съ древнѣйшихъ временъ рысьи глаза вошли въ поговорку. Голосъ ея очень рѣзокъ и отчасти похожъ на собачій вой.

Рысь наноситъ весьма много вреда животнымъ, составляющимъ предметъ нашей охоты и которыхъ такъ мало въ Европѣ. Благодаря своей силѣ, рысь можетъ справиться не только съ мелкою, но и со всякою красною дичью, какъ съ молодою, такъ и со старою. Она отыскиваетъ слѣды и поджидаетъ, когда пройдетъ животное; такимъ манеромъ она въ средней Европѣ подкарауливаетъ *оленей* и *косуль*, а на сѣверѣ *сѣверныхъ оленей* и даже *лосей;* она подкрадывается къ нимъ и бросается тремя или четырьмя страшными прыжками, отъ двѣнадцати до четырнадцати футовъ каждый; она крѣпко схватываетъ животное зубами за затылокъ, глубоко запускаетъ свои когти, крѣпко держится и своими острыми зубами прокусываетъ шейныя артеріи. Она сидитъ на животномъ до тѣхъ поръ, пока оно не околѣетъ; извѣстны даже примѣры, что такіе ужасные всадники противъ воли были завозимы своими конями и жертвами гораздо далѣе, чѣмъ хотѣли. Въ одной Норвежской газетѣ былъ сообщенъ слѣдующій случай: Однажды днемъ въ деревню прибѣжало съ величайшей поспѣшностью стадо козъ изъ сосѣдняго лѣса. На одной изъ козъ сидѣла молодая рысь; она такъ глубоко запустила свои когти въ шею козы, что не могла ихъ вытащить. Коза въ испугѣ бросалась въ разныя стороны, до тѣхъ поръ пока подоспѣвшимъ сыновьямъ помѣщика не удалось подстрѣлить хищнаго звѣря, не поранивъ козы. Послѣ неудачнаго нападенія рысь не преслѣдуетъ больше, но подстерегаетъ снова и отыскиваетъ другую добычу. Изъ большаго звѣря рысь ѣстъ конечно относительно очень мало, фунта тричетыре; но она приходитъ на слѣдующій день чтобы пообѣдать второй разъ. Остатки достаются въ добычу лисицамъ и волкамъ, которые скоро признаютъ ее за щедраго хозяина и слѣдуютъ за нею. Поэтому вредъ, приносимый рысью, гораздо больше чѣмъ можно ожидать; она никогда не удовольствуется тѣмъ, что убьетъ одно животное; но со слѣпымъ бѣшенствомъ и съ ненасытною жадностію заѣдаетъ столько, сколько позволяютъ ей силы. *Бехштейнъ* разсказываетъ, что въ Тюрингенѣ одна рысь заѣла тридцать овецъ въ одну ночь. *Шинцъ* знаетъ случай, какъ одна рысь въ Швейцаріи въ самое короткое время заѣла отъ 30 до 40 штукъ мелкаго скота.

Рыси размножаются не сильно. Въ январѣ или въ февралѣ онѣ спариваются, а черезъ десять недѣль самка мечетъ двухъ или никакъ не больше трехъ слѣпыхъ дѣтенышей; она мечетъ ихъ въ глухой пещерѣ, часто въ разширенной барсучьей или лисьей норѣ, или подъ корнемъ дерева, или же подъ скалою. Дѣтенышамъ она носитъ мышей, кротовъ, мелкихъ птицъ, и т. п.

Такъ какъ рысь очень рѣдка, то правильныя охоты на нее невозможны. Когда найдутъ слѣды ея кровожадности, то въ это время она бываетъ обыкновенно уже далеко, и при правильной охотѣ часто убѣгаетъ въ совершенно другія мѣста. Но если охотникъ наткнется на рысь случайно, то она не уходитъ съ мѣста и потому застрѣлить ее легко. Она смирно лежитъ на своемъ деревѣ, и, какъ дикая кошка, пристально смотритъ на человѣка; безоружный охотникъ можетъ даже перехитрить ее, оставляя передъ нею

пару своего платья и сбѣгавъ въ это время домой за ружьемъ. Рысь до тѣхъ поръ не сводитъ глазъ съ одежды, пока охотникъ не вернется съ ружьемъ въ рукахъ и не раздастся выстрѣлъ. Но тутъ уже надо цѣлиться вѣрнѣе. Если рысь только ранена, то яростно бросается къ охотнику на грудь, глубоко вонзаетъ въ тѣло свои когти и, не оставляя его, кусается бѣшено. Иногда же она бросается на собаку—и тогда охотникъ успѣваетъ сдѣлать второй выстрѣлъ. Собаки всегда уступаютъ рыси, потому-что она нападаетъ гораздо смѣлѣе и прыгаетъ удивительно мѣтко; часто даже заѣдаетъ двухъ или трехъ охотничьихъ собакъ. Преміи за убитую рысь довольно высоки; такъ наприм. въ Фрейбургѣ 125 старыхъ швейцарскихъ франковъ, въ Гларусѣ 15 гульденовъ, а въ Тессинѣ одинъ луидоръ.

Мѣхъ рыси одинъ изъ самыхъ красивыхъ и дорогихъ; къ несчастью, волосы его жестки и отъ продолжительнаго употребленія ломаются. Шкура стоитъ отъ 20 до 30 гульденовъ, а самыя красивыя, именно Сибирскія, стоятъ даже на мѣстѣ отъ 6 до 16 рублей, потому-что богатые якуты охотно украшаютъ ими свое платье. Притомъ въ этотъ счетъ не входитъ шкура переднихъ лапъ, которыя продаются отдѣльно отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ руб. за пару. Цѣна рысьяго мѣха равняется тамъ цѣнѣ трехъ собольихъ (безъ головы), шести волчьихъ, двѣнадцати лисьихъ и сотни бѣличьихъ мѣховъ. Мясо рыси якуты считаютъ лакомымъ кускомъ и ставятъ его наравнѣ съ своимъ лакомымъ блюдомъ—кониною. Это вѣроятно удивитъ всякого, но еще удивительнѣе то, что швейцарцы, какъ сообщаетъ Чуди, ѣдятъ мясо рыси и находятъ его очень вкуснымъ.

Молодыя рыси ручнѣютъ настолько, насколько вообще могутъ ручнѣть подобные хищные звѣри. Но насколько трудно пріучить рысь къ неволѣ, можно видѣть въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ; тамъ всегда можно видѣть *львовъ* и *леопардовъ*, но рысь встрѣчается крайне рѣдко.

Кромѣ обыкновенной европейской рыси (lynx vulgaris) есть еще нѣсколько видовъ рыси: *пардовая рысь (lynx pardinus)*, живущая въ Сардиніи, Сициліи, Греціи, Турціи, но преимущественно на Пиренейскомъ островѣ, въ особенности въ пространныхъ лѣсахъ плоской части Эстремадуры; *канадская рысь* или пишу *(lynx canadensis)*, живущая въ сѣверной Америкѣ, и нѣкоторыя другія.

Успенскій скитъ близь Бахчисарая.

Успенскій Бахчисарайскій скитъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди разныхъ достопримѣчательностей Крыма. Онъ заслуживаетъ вниманія и какъ святыня и какъ оригинальный, въ высшей степени привлекательный уголокъ. — Какъ святыня, Успенскій скитъ есть памятникъ христіанства въ Крыму, воздвигнутый въ тяжелую годину гоненій, въ самомъ центрѣ магометанскаго поселенія, и отстоявшій дѣло православія послѣ пятивѣковой почти борьбы съ исламомъ. — Какъ мѣстность, скитъ интересенъ своими постройками, раскинутыми на уступахъ скалъ, террасы которыхъ, благодаря трудолюбію монашествующей братіи, обратились въ сады.

На приложенномъ рисункѣ скитъ представленъ съ лѣвой стороны, почти сбоку. Всѣ постройки лѣпятся на уступахъ, къ которымъ идетъ лѣстница высѣченная въ скалѣ.—Если мы перенесемся мысленно на самое мѣсто и послѣдуемъ за монахомъ, который, какъ это видно на рисункѣ, поднимается по лѣстницѣ, то привратникъ-монахъ, впустивъ насъ въ калитку, укажетъ путь вправо, къ двухъэтажному зданію, служащему гостинницей для приходящихъ поклонниковъ. Влѣво отъ входа, на одной высотѣ съ гостинницей, находится общая монастырская столовая т. е. братская трапеза, окруженная службами, а нѣсколько выше, на небольшой площадкѣ стоитъ колокольня, невысокій шпицъ которой виднѣется на рисункѣ, съ лѣвой стороны подъ деревомъ.—Кругомъ садъ, по серединѣ котораго домъ настоятеля и передъ домомъ фонтанъ. Наконецъ, надъ всѣмъ этимъ, въ верхнемъ ярусѣ амфитеатра, которымъ расположены всѣ монастырскія постройки,—находятся церкви и пещерныя кельи братіи. Все это воздвигнуто въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, когда скитъ получилъ то устройство, которымъ онъ пользуется и нынѣ. Памятникомъ же борьбы христіанства служитъ Успенская скала, давшая свое имя и всему скиту.

Историческое значеніе этой скалы-пещеры относится къ XV столѣтію, т. е. къ времени борьбы христіанства съ исламомъ.

Христіанство въ Крыму начало распространяться съ перваго вѣка, со времени посѣщенія Херсона святымъ Апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ, проходившимъ черезъ Крымъ изъ Синопа на Сѣверъ. — Благодаря тому что окраины полуострова были населены преимущественно греками, христіанство дѣлало здѣсь большіе успѣхи, распространяясь отъ береговъ во внутрь страны. Остальное населеніе полуострова, коснѣя въ язычествѣ и не исповѣдуя никакой опредѣленной, догматической религіи, противодѣйствовало слабо. Но вотъ Таврическій полуостровъ подпалъ власти татаръ и положеніе христіанства измѣняется. Фанатизмъ «правовѣрныхъ» приверженцевъ ислама, воздвигаетъ гоненіе на послѣдователей православія, и они бѣгутъ въ горы и укрываются въ пещеры.

Такихъ пещеръ можно встрѣтить множество и нынѣ, и размѣры ихъ иногда такъ велики, что путешественнику трудно рѣшить, произведенія ли это рукъ человѣческихъ, или дѣло прихотливой природы. Въ XV вѣкѣ, особенно съ вôцаренія Менгли-Гирея, христіанству предстояла печальная участь. Послѣдователи Христа должны были спасаться въ скитахъ, но и тамъ они не всегда были безопасны отъ преслѣдованій. Въ это-то тяжелое время и является на сцену Успенскій скитъ близь Бахчисарая, резиденціи Хановъ.—Эта святыня, долженствовавшая поднять духъ христіанства, явилась, по преданію, въ силу сверхъестественныхъ обстоятельствъ, какъ небесная помощь падавшему христіанству. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ народное преданіе, записанное авторомъ «Скифской исторіи» священникомъ Андреемъ Языковымъ: «есть еще въ оныхъ каменныхъ горахъ близко Бахче-Сарая, чудесный образъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы, о ея же явленіи повѣдаютъ: Бысть нѣкогда въ оныхъ каменныхъ горахъ змій великій, людей и скоты пожирающій, и того ради отъ мѣста того избѣжавши, пусто оставиша. Но яко тамо въ оное время жили еще греки или генуезцы молящаяся Пресвятыя Богородицы, дабы ихъ отъ онаго змія освободила, и тако единаго времени въ нощи узрѣша въ горѣ той свѣщу горя-

щу, идѣже не могущи крутыя ради и острыя горы взыти, вытесавши ступени изъ камыи и пріидоша тамо, идѣже свѣща горяща, и обрѣтоша образъ Пресвятыя Богородицы и свѣщу предъ нимъ горящу; тамо же близко того образа и змія онаго обрѣтоша мертва расъсѣдшая.

И тако радостне бывше воздаша веліе благодареніе Богоматери, избавившей ихъ отъ такова зла онаго: его же изсѣкши въ части сожгоша огнемъ. И отъ того времени жителіе начаша ходити тамо молиться Пресвятой Богородицѣ.....»

Вторая народная легенда проще: будто бы образъ Богородицы былъ случайно найденъ, и не смотря на то, что съ благоговѣніемъ переносился въ селеніе,—снова возвращался на первобытное мѣсто, вслѣдствіе чего христіане постановили основать здѣсь храмъ для богослуженія.

Явленіе иконы, какъ гласитъ преданіе, произошло 15 августа, а потому и храмъ а въ послѣдствіи и скитъ названы Успенскимъ.—Какимъ образомъ явился образъ Богородицы, точно опредѣлить теперь конечно нельзя; но для насъ важно то, что это чудо послужило такъ-сказать къ сплоченію запуганнаго и разрозненнаго христіанства въ Крыму, ибо пещера эта сдѣлалась мѣстомъ для отправленія богослуженія, на которое стекались всѣ вѣрующіе. Явленный образъ укрѣпилъ вѣрующихъ и далъ имъ новую силу на борьбу съ исламомъ.

Россія, никогда не отказывавшая въ помощи своимъ единовѣрцамъ, помогала и Бахчисарайскому Успенскому скиту, о чемъ свидѣтельствуетъ бумага, найденная въ дѣлахъ «Посольскаго приказа въ Крыму,» въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ.

Вотъ точная копія этой бумаги. «Лѣта 1596, мая 27, по государеву цареву и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руси указу, въ память (т. е. къ свѣдѣнію) боярину князю Ивану Васильевичу Сицкому. Пріѣхалъ къ Е. Ц. В. Ѳеодору Ивановичу всея Руси изъ Крыму съ крымскими гонцы, изъ монастыря Пречистой Богородицы на Салачикѣ, Гречанинъ Пасхалій бити челомъ о милостынѣ; а на передъ сего посылано въ тотъ монастырь къ Пречистой на Салачикъ, по государевой жалованной грамотѣ, милостыни по пятнадцать рублей. Нынѣ боярѣ приговорили посылать въ тотъ монастырь съ гречаниномъ Пасхаліемъ по пятнадцати рублей.»

Такимъ образомъ Успенскій скитъ или пещерный храмъ существовалъ до 1779 года, до выселенія христіанъ изъ Крыма. Въ этомъ же году крымскіе греки, будучи переселены на берега Азовскаго моря, гдѣ они основали г. Маріуполь,—увезли съ собою и явленный образъ Богоматери. — Успенскій скитъ опустѣлъ..... но не надолго. — Въ 1781 году служенія возобновились греческимъ священникомъ Констадіусомъ, прибывшемъ изъ Анатоліи,— и въ этотъ періодъ, до 1800 года, Успенскій пещерный храмъ служилъ соборомъ для русскихъ войскъ, занявшихъ Крымъ послѣ присоединенія его къ имперіи. Благодаря частнымъ пожертвованіямъ, пещерный храмъ, расширился и украсился, какъ оно и подобаетъ собору. Изъ лицъ наиболѣе заботившихся о благолѣпіи храма упомянемъ о Бахчисарайскомъ комендантѣ Тотовичѣ — соорудившемъ новый иконостасъ, Азовскомъ губернаторѣ Коховскомъ отдѣлавшемъ, значительно расширившемъ самый храмъ-пещеру, устроившемъ новую большую лѣстницу, крыльцо, балконъ, и проч. Въ такомъ видѣ находился этотъ храмъ до 1800 года, когда былъ построенъ новый соборъ въ Бахчисараѣ, куда и перенесена вся утварь, ризница и проч., и храмъ обращенъ въ кладбищенскую церковь, приписанную къ собору.

Почти полстолѣтія эта святыня находилась въ забвеніи, пока не вспомнилъ о ней въ 1848 г. знаменитый проповѣдникъ, архипастырь Херсонскій и Таврическій—Иннокентій. Составленный имъ проэктъ возстановленія Успенскаго скита удостоился утвержденія и 4 мая 1850 года появился синодальный указъ, въ которомъ сказано:— «1) первоначально основать скитъ на Успенской скалѣ съ наименованіемъ его Успенскимъ; остальные же (киновіи) основывать постепенно по мѣрѣ имѣющихъ открываться къ тому способовъ. 2) Образъ жизни въ сихъ скитахъ ввести общежительный, по примѣру пустынножительства св. горы Аѳонской, составивъ для сего новый примѣнительно къ мѣстности уставъ. 3) Въ Успенскомъ скитѣ, какъ главномъ мѣстѣ пустынножительства, имѣть настоятеля, усвоивъ ему званіе игумена или архимандрита, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства; по прочимъ же, которые предполагается именовать киновіями, быть начальниками старшимъ изъ монашествующихъ, съ подчиненіемъ ихъ первому, для большаго благоустройства. 4) число монашествующихъ ограничить на первый разъ: въ Успенскомъ скитѣ, кромѣ настоятеля, семью, а въ прочихъ — однимъ іеромонахомъ и двумя или тремя послушниками, въ каждомъ. 5) Скиту и киновіямъ содержаться своими трудами и приношеніями богомольцевъ, безъ всякихъ со стороны казны издержекъ.» — Въ силу этого указа, преосвященный Иннокентій открылъ обитель 15 августа того же года, причемъ вмѣсто явленнаго образа Богоматери (увезеннаго, какъ сказано выше, греками въ Маріуполь,) въ храмѣ на успенской скалѣ поставленъ такой же образъ, присланный изъ Кіево-Печерской лавры. Настоятелемъ новооткрытой обители былъ избранъ отецъ архимандритъ Поликарпъ, позже епископъ Орловскій и Сѣвскій, бывшій послѣдніе, передъ этимъ, семь лѣтъ при миссіи въ Аѳинахъ. — Въ настоящее время настоятелемъ скита архимандритъ Михаилъ. Открывъ скитъ, епархіальному начальству надо было озаботиться о пещерномъ храмѣ, который, какъ кладбищенскій, приписанный къ Бахчисарайскому собору, не имѣлъ ни своей церковной суммы, ни утвари, ни ризницы, и нуждался во всемъ, начиная отъ омофора и облаченія, и кончая ѳиміамомъ и свѣчами. Войдя съ представленіемъ въ синодъ и разославъ воззваніе по эпархіи, архіепископъ Иннокентій успѣлъ въ самое короткое время снабдить новую обитель всѣмъ необходимымъ; въ виду же такого рвенія со стороны всѣми любимаго архипастыря, явилась и частная благотворительность. Одинъ пожертвовалъ два колокола, въ 58 и въ 12 пудовъ, другіе соорудили новый иконостасъ, третьи озаботились обнести обитель каменною стѣною, устроить въ скалѣ лѣстницы и проложить дороги по утесамъ.— Преосвященный Иннокентій, принимавшій горячее участіе въ возобновленномъ имъ скитѣ, поручилъ (зимою 1851—52 годовъ) губернскому архитектору осмотрѣть мѣстность и составить планъ для будущихъ построекъ и сооруженій. Лично руководя проэктированіемъ, владыко представилъ за тѣмъ выработанный имъ планъ на утвержденіе святѣйшаго синода, который одобрилъ его вполнѣ. — По плану этому предположено: 1) Пещерную церковь оправить сколь возможно помѣстительнѣе и удобнѣе для богослуженія, нисколько не измѣняя при томъ ея древняго вида и характера, а снаружи, мѣсто явленія чудотворной иконы, прикрытое теперь кровлей балкона, обнаружить совершенно и облаголѣпить, устроивъ передъ находящим-

ся на немъ изображеніемъ Богоматери, неугасаемую лампаду. 2) На самомъ верху св. скалы воздвигнуть храмъ въ честь Воскресенія Христова, и, соединивъ его посредствомъ подземнаго прохода съ внутреннимъ пещернымъ храмомъ, устроить при немъ кладбище и нѣсколько келій для братіи, окруживъ все это садомъ. 3) Три пещерныя кельи въ скалѣ, служившія помѣщеніемъ для братіи, обратить къ священному назначенію, устроивъ въ нихъ небольшую церковь во имя всѣхъ святыхъ Аѳонскихъ и помѣстивъ тамъ иконы и трехсоставный крестъ, присланные со святой горы Аѳонской. 4) Внизу подъ скалою, во впадинахъ ея, вывести по ряду келій, для помѣщенія низшей братіи, а далѣе по скату отъ скалы къ оврагу, въ видѣ полукружія устроить кельи для настоятеля, библіотеки, больницы и іеромонаховъ, а въ самомъ низу, подъ ручьемъ небольшую трапезу и поварную, съ фонтаномъ передъ ними. 5) При въѣздѣ на землю монастырскую со стороны Бахчисарая, подъ нагорнымъ утесомъ, учредить гостинницу для богомольцевъ и посѣтителей. 6) Надъ источникомъ, откуда проведенъ подъ скалу фонтанъ, поставить часовню, для освященія воды въ дни установленные для того церковію. 7) Въ отдѣльныхъ большихъ, въ разныхъ мѣстахъ по оврагу лежащихъ пещерахъ, образовать помѣщеніе для особенныхъ любителей пустынножительства, окруживъ каждую скалу фруктовыми и дикими деревьями и 8) въ срединѣ оврага, изъ протекающаго тутъ ручья, сдѣлать бассейны и развести вокругъ нихъ виноградные и масличные сады.—Таковъ проэктъ преосвященнаго Иннокентія, утвержденный святѣйшимъ синодомъ. На приложенномъ рисункѣ видно, что проэктъ этотъ далеко не осуществленъ. Да онъ и не могъ быть исполненъ въ теченіи какихъ нибудь 15—20 лѣтъ, такъ какъ для его осуществленія требуются и время и деньги. Кромѣ того, исполняя волю жертвователей, пришлось сдѣлать отступленіе отъ проэкта. Такъ напримѣръ, съ лѣвой стороны пещернаго Успенскаго храма, подъ навѣсомъ скалы, на пожертвованіе Елисаветы Берковой, устроена небольшая церковь во имя св. Равноапостольныхъ царя Константина и Елены, а подъ самой пещерой, на средства г. Айвазова, высѣченъ маленькій храмъ во имя св. апостола и евангелиста Марка. Сдѣланы были кромѣ того и другія небольшія измѣненія первоначальнаго проэкта. Но и при нынѣшнемъ положеніи, Успенскій скитъ является живымъ оазисомъ среди пустынныхъ угрюмыхъ скалъ. По разнымъ мѣстамъ скита подѣланы фонтаны съ бассейнами; по взгорьямъ проведены дороги, обсаженыя каштанами и другими дикорастущими деревьями. Весь оврагъ скита, особенно правая сторона покрытъ роскошною зеленью южныхъ деревъ и только по вершинамъ скалъ не удалось до настоящаго времени развести ничего, кромѣ мозжевельника и въ рѣдкихъ мѣстахъ бѣлодревника и гроба.

Успенскій скитъ въ Бахчисараѣ.

Рисовалъ Александръ де-Баръ, гравировалъ Паннемакеръ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Изъ пустого въ порожнее.

Что такое филистерство и кто такіе филистеры на Руси.—Появленіе пророка въ редакціи «Дѣло», возвѣщающаго скорое пришествіе антихриста.

Сударыня! больше всего на свѣтѣ я ненавижу филистерство. Я ненавижу его во всѣхъ и во всемъ, — даже въ природѣ; но долженъ признаться, когда я хотѣлъ составить себѣ понятіе о томъ, что такое филистерство, кого именно я ненавижу, то я, къ сожалѣнію, пришелъ въ затруднительное положеніе. Я постоянно слышалъ слова „филистръ, филистерство;" зналъ я, что есть цѣлый рядъ писакъ, у которыхъ всѣ познанія ограничиваются частымъ употребленіемъ слова: „филистерство", весь талантъ въ томъ, что они могутъ строчить безсодержательныя статейки для дешевенькой, спекулятивной журналистики, вся эссенція этихъ статеекъ что въ нихъ перезваниваются слова: „филистеръ и филистерство";—но все же я увѣренъ, что если бы спросить этихъ господъ: вотъ вы-молъ все толкуете о филистерствѣ, такъ не объясните-ли вы, что такое филистерство,—они выпучили бы на васъ глаза съ такимъ удивленіемъ, какъ будто бы вы сказали богъ-вѣсть какую диковинку. „Что вы, Богъ съ вами! говорили-бы эти взгляды,—развѣ мы только о томъ и говоримъ, что мы знаемъ и понимаемъ, что мы передумали и перечувствовали? развѣ мы способны что-нибудь понимать? развѣ мы не говоримъ и не пишемъ только потому, что хотимъ получить столько-то съ листа и чтобы прослыть чувствительнымъ либераломъ въ глазахъ нѣкоторыхъ дѣвъ нашего времени, мечтающихъ о докторскихъ дипломахъ, какъ ихъ прабабушки мечтали о лунѣ? Развѣ вы такъ наивны, что не понимаете этого?"

Что-же такое филистерство?

Я знаю, что заграницей есть филистеры и либералы; знаю, что тамъ либералы противоположны филистерамъ. Да, вѣдь, мало-ли что есть заграницей! Заграницей есть либералы и мнѣ кажется что они вовсе не похожи на нашихъ либераловъ, которые подобно обезьянамъ стараются имъ только подражать. Заграницей — соціалисты, но пусть г. Благосвѣтловъ попробуетъ утверждать, что онъ похожъ на Лассаля, или даже на буржуазнаго филистера Шульца - Делича!... Слѣдовательно, зная характеръ заграничнаго филистерства, нельзя еще составить себѣ понятія о харатерѣ нашего филистерства.

Что-же такое филистерство на Руси и что-такое я ненавижу?

Вѣдь ненавидѣть я его долженъ по принципу (я человѣкъ принципальный и все я дѣлаю по принципу) и наконецъ всѣ толкуютъ объ этомъ невиданномъ звѣрѣ, филистерствѣ, такъ есть-же, вѣроятно, какая-нибудь доля правды въ этихъ толкахъ.

Что-же такое филистерство?

Я сталъ присматриваться къ булочникамъ, портнымъ, сапожникамъ, дворникамъ и къ разнымъ другимъ спеціалистамъ; дай, думалъ я, не открою-ли у нихъ, что такое филистерство, но ничего подобнаго у нихъ не оказалось: булочники какъ булочники, пекутъ себѣ хлѣбъ—хотя и съ мухами въ лѣтнее время, а все таки пекутъ; дворники, хоть и часто отлучаются отъ постовъ, но иногда и бываютъ на оныхъ...

Что-же такое филистерство?

Я сталъ присматриваться къ журналистамъ, публицистамъ; авось, думаю я, какъ разъ наскочу на филистерство. Конечно, я сперва набросился на такъ-называемую старую школу нашей литературы. Я началъ разглядывать каждую черту этихъ писателей и публицистовъ—съ надеждою сдѣлать свое открытіе; но къ сожалѣнію, послѣ всѣхъ моихъ тщательныхъ розысковъ, я въ нихъ увидѣлъ большею частію талантливыхъ, иногда нѣсколько отсталыхъ, иногда и не талантливыхъ писателей,—а филистерства я не нашелъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что я не нашелъ. Гдѣ-же филистерство? думалъ я въ отчаяніи. Дай, обращусь къ писателямъ и публицистамъ новой школы, авось можетъ-быть здѣсь открою, чѣмъ чортъ не шутитъ, хотя я хорошо не сознавалъ, что я ищу. Я началъ присматриваться ко всѣмъ новымъ произведеніямъ, гдѣ чаще всего съ негодованіемъ произносится слово филистерство—и, къ моему ужасу, я въ нихъ открылъ ненавистное филистерство; оно стало мнѣ все болѣе и болѣе выясняться, его черты стали все рельефнѣе очерчиваться, такъ что я себѣ теперь составилъ приблизительное о немъ понятіе.

Сударыня, не угодно-ли вамъ меня выслушать?

Слово филистерство есть слово качественное, означающее самодовольствіе, невозмутимость духа. Человѣкъ, обладающій этимъ качествомъ, доволенъ собой, невозмутимъ; онъ доволенъ своей физіономіей, какъ-бы она скверна ни была, онъ доволенъ своимъ носомъ, какъ-бы онъ ни былъ некрасивъ, онъ доволенъ своимъ брюшкомъ, всѣмъ своимъ естествомъ, всей своей обстановкой, словомъ, онъ доволенъ собой. Онъ только не доволенъ другими и всѣмъ не-своимъ. Но это недовольство другимъ—не есть слѣдствіе размышленія и анализа; нѣтъ, это просто инстинктивная себялюбивая завистливость. Онъ не доволенъ другимъ, потому что это не его, — потому что у него нѣтъ настолько чувства, чтобы любить другаго кромѣ себя. Онъ себѣ никогда не давалъ труда разсудить, отчего онъ недоволенъ другими; а его довольство своей особой не есть слѣдствіе его размышленія и анализа сравненіемъ ея съ другими. Тамъ, гдѣ есть анализъ и размышленіе, не можетъ быть полнаго довольства собой и отрицанія всего чужаго. Въ то время, когда человѣкъ анализируетъ свои поступки, приравнивая ихъ къ другимъ, непремѣнно открывается брешь въ его собственномъ самодовольствіи; тамъ является жгучее сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своей силѣ, въ своихъ поступкахъ. Самодовольство не имѣетъ ничего общаго съ самоувѣренностью: самоувѣренность есть слѣдствіе анализа, а самодовольство есть слѣдствіе апатіи и бездѣятельности; его недовольство другимъ есть барское чванство, брезгающее всѣмъ другимъ. Поэтому самые вѣрные признаки самодовольства — это застой, даже среди движенія, отсутствіе всякой индивидуальной оригинальности, а гдѣ нѣтъ оригинальности, тамъ нѣтъ развитія, а гдѣ нѣтъ развитія, тамъ нѣтъ жизни. Самодовольство—это движущійся студень. Я ничего такъ не навижу какъ самодовольство. Мнѣ противна самодовольная улыбка, мнѣ противны эти пухленькія ручки съ розовыми ногтями, мнѣ противно это круглое брюшко, непремѣнный спутникъ самодовольства.

Прослѣдите всѣ произведенія такъ-называемыхъ *новыхъ людей* нашей литературы и присмотритесь къ тому самодовольству, которымъ дышетъ каждая строчка. Вы присматриваетесь къ чертамъ этого самодовольства, отыскивая въ нихъ слѣды размышленія, тревожныхъ сомнѣній, начинаете присматриваться къ симптомамъ недовольства другими и начинаете отыскивать, глубоко тамъ запавшую, ненависть, непремѣнную характеристику глу-

бокаго чувства и убѣжденія и, къ сожалѣнію, вы ничего подобнаго не найдете. Это не болѣе какъ барское крѣпостническое довольство собою и недовольство другимъ, только въ другихъ образахъ и въ другой формѣ. То горькое сомнѣніе, та ѣдкая саркастическая усмѣшка, та задушевная скорбь, которыми проникнуты произведенія писателей старой школы нашего переходнаго времени, никогда не является (кромѣ единичныхъ исключеній) въ произведеніяхъ новыхъ. Они всегда самодовольно улыбаются, какъ-то чванно относятся ко всѣмъ другимъ. Чѣмъ вы, господа, такъ довольны? что вы такое сдѣлали? какую Америку вы открыли? Вы хвастаете вашей силой, вашимъ разумомъ. Да покажите-же хоть малую толику; покажите на дѣлѣ, гдѣ ваша сила и гдѣ вашъ разумъ; покажите, насколько вы успѣли воплотить въ жизнь вашъ разумъ и вашу силу, насколько вы ее успѣли освѣжить вашими новыми началами, насколько вы примѣнили къ жизненнымъ формамъ ваши принципы (я говорю ваши, по вашимъ словамъ). Вы сошлетесь на среду, на обстоятельства. Но вѣдь если кто нибудь скажетъ что онъ въ состояніи поднять 25 пудовъ тяжести, ему не повѣрятъ на слово. Его попросятъ показать это на дѣлѣ. Если же онъ, измучившись, скажетъ что это слишкомъ тяжело въ жару или у него руки зябнутъ на морозѣ, вѣдь это будетъ на потѣху честному народу. Къ чему же было хвастать! Вы, господа, говорите, что вы сила; очень можетъ быть; но покажите это намъ на дѣлѣ. Пока же— мы имѣемъ причины не вѣрить вашимъ словамъ. Жизнь всегда идетъ впередъ; она естественнымъ образомъ, при своемъ развитіи, вноситъ новые зачатки, которые болѣе всего проникаютъ въ жизнь при такихъ реформахъ, какія мы пережили въ послѣднее время. Но того, что ваши зачатки приняли опредѣленную форму, что они сложились въ законченный и опредѣленный образъ,— вы доказать не можете и чѣмъ больше вы будете усиливаться, тѣмъ больше вы докажете ваше непониманіе жизни. Къ чему же такое самодовольство, къ чему такое самодовольное похлопываніе пальцами по брюшку? Вѣдь вамъ каждый можетъ сказать: господа, побѣдите прежде, а потомъ уже хвастайте побѣдой. Вы вѣроятно забыли, что на свѣтѣ найдется хоть десятокъ людей думающихъ не по вашему. Вы нападаете на писателей старой школы, за то что они скептически относятся къ вашему самодовольству; вы говорите, что они васъ не понимаютъ, что вашъ внутренній міръ облеченъ черепашьей бронью, куда ничей чужой взоръ не можетъ проникнуть; но, господа, не слишкомъ-ли это будетъ? Вы, конечно, отвергать не станете, что писатели старой школы хорошо знаютъ ту почву, на которой вы выросли, — и эти писатели, обладая недюжинными талантами, вѣрнымъ художественнымъ чутьемъ и жизненнымъ опытомъ (хотя они иногда увлекаются и ошибаются) могутъ гораздо скорѣе схватить характеристическія черты того зерна, которое создала эта почва. Разница между вами и ими та, что они писатели, имя которыхъ перейдетъ въ исторію, которые не льстятъ своимъ знакомымъ—и своимъ безпощаднымъ скальпелемъ рѣжутъ всѣ слои общественнаго организма. Эти писатели не восхищаются бездѣлками и дѣтскими игрушками, потому что бездѣлки не играютъ роли въ жизни; они знаютъ, что дѣти, натѣшившись этими бездѣлками, бросаютъ ихъ. Они знаютъ жизнь и не восхищаются ея пестрыми блестками. Они на своемъ вѣку видѣли много такихъ пестрыхъ блестокъ и были свидѣтелями, какъ онѣ исчезали безслѣдно. Прочтите послѣдній романъ Достоевскаго,—если только вы умѣете читать сами, безъ помощи рецензента „Дѣла“,—и тогда вы увидите, имѣете-ли вы право обвинять господина Достоевскаго въ филистерствѣ, или нѣтъ,—имѣете-ли вы право его обвинять, вы, которые не понимаете этой безпощадной сатиры на наше общество, въ которомъ г. Достоевскій не пропускаетъ ни одного класса и своей художественной кистью рисуетъ намъ глубокую пропасть нашей общественной жизни. Взгляните въ эту глубокую пропасть и у васъ волосы дыбомъ встанутъ; но всмотритесь хорошенько въ лица тѣхъ титановъ, которые прикованы въ глубинѣ этой пропасти къ скалѣ, и у васъ сердце радостно забьется: вы увидите знакомыя черты живыхъ людей, вы узнаете тѣ элементы, изъ которыхъ сложились эти черты,—а не движущіяся мароньетки, созданныя самодовольнымъ филистерствомъ. Самодовольные филистеры! Вы не хотите походить на этихъ титановъ, Шигаловыхъ и Ставрогиныхъ, которыхъ рисуетъ намъ г. Достовскій: вы стараетесь походить на тѣ деревянные болванчики, которые создала ваша безкрылая фантазія, о, самодовольные филистеры! Вы не знаете, какую ядовитую сатиру вы пишите сами себя, въ какой злостной каррикатурѣ вы себя рисуете. Если вы не имѣете способности подмѣтить, уловить тѣ элементы, изъ которыхъ слагаются такіе типы; если вы не въ состояніи сообразить, что признавъ ихъ за живыхъ людей вы этимъ не нанесете удара тѣмъ здоровымъ и свѣжимъ задаткамъ, которые вносятся новымъ временемъ въ нашу жизнь,—тѣмъ хуже для васъ, это не рекомендуетъ ваши способности. Вы похожи на тѣхъ цѣнителей которые бракуютъ тончайшій севрскій фарфоръ и покупаютъ размалеваную глину. Подумайте, какъ хохочутъ надъ вами эксплоататоры, продающіе вамъ эту посуду, которые дѣйствительно знаютъ цѣну фарфору и глинѣ. Сударыня! вы не вѣрите, что лавочники надъ ними хохочутъ? Повѣрьте, что это такъ: лавочникъ, продавая дѣтскія игрушки, не придаетъ самымъ игрушкамъ той цѣны, какую имъ придаютъ дѣти,—онъ продаетъ, потому что есть дѣти, которыя ихъ покупаютъ.....

Но не много ли я наговорилъ уже?... Что-же дѣлать, сударыня, это случается, такъ какъ на свѣтѣ иногда случаются весьма необыкновенныя вещи. Кажется, трудно повѣрить, чтобы въ настоящее время являлись пророки, тѣмъ болѣе въ либеральной редакціи „Дѣла“,—а между тѣмъ это фактъ, что пророкъ явился и именно въ этой редакціи. Что я говорю правду, вы можете удостовѣриться, прочитавши въ 5-й книжкѣ „Дѣла“ внутреннее обозрѣніе. Пророкъ „Дѣла“ предсказываетъ ужасныя вещи: онъ говоритъ, что вскорѣ настанетъ ужасное время, чуть не пришествіе антихриста. Прежде чѣмъ прійдетъ самъ антихристъ начнутся разные ужасы—предвѣстники: литераторы порядочно одѣнутся, публицисты почистятъ сапоги, поэты сдѣлаются на столько приличны, что ихъ можно будетъ принимать въ порядочномъ домѣ, безъ особеннаго скандала, а потомъ уже потемнѣетъ небо, солнце и звѣзды потухнутъ и явится самъ антихристъ, т. е. настанетъ *жидовствующая продажная пресса*. Господи, помилуй насъ! Сударыня! покаемтесь и Господь насъ сохранитъ отъ этой бѣды. Впрочемъ, жиды еще хоть то продаютъ что у нихъ есть, а чистокровные либералы подъ-часъ торгуютъ и тѣмъ чего у нихъ нѣтъ.... Во всякомъ случаѣ, меня крайне удивила эта грозная филиппика Дѣла противъ жидовствующей прессы, потому что „Дѣло“ слыветъ самымъ либеральнымъ журналомъ въ свѣтѣ; либеральному же либералу должно всегда быть защитникомъ угнетенныхъ, и жиды въ качествѣ угнетеннаго народа должны быть подъ защитой либеральной редакціи, а то вдругъ какое гоненіе на жидовствующую прессу. Если бы я встрѣтилъ такое гоненіе въ какомъ-нибудь консервативномъ журналѣ, я ожидалъ-бы отъ редакціи „Дѣла“ нѣчто въ родѣ такой филиппики: „О вы, заскорузлые филистеры, знаете-ли вы, что такое пресса?

Пресса—это геній человѣчества, это его душа. Возвышать эту душу долженъ каждый кто имѣетъ образъ человѣка. Пресса не собственность, не привиллегія, это собственность всего человѣчества. Тотъ, кто препятствуетъ ея развитію, тотъ грѣшитъ не противъ личности, а противъ человѣчества и его генія. Вы, говорите, что жиды внесутъ продажность. Развѣ у васъ и безъ жидовъ не достаточно безталантливыхъ писателей и проч....».

А тутъ вдругъ.... Странно!

L'homme qui rit.

Библіографія.

Тюрьмы и системы наказанія въ гигіеническомъ отношеніи, статья доктора медицины М. Шмелева. (Журналъ „Знаніе", кн. 3-я и 4-я).

Вопросъ о правильномъ устройствѣ тюремъ и объ улучшеніи положенія арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ, давно уже занимаетъ правительство и общество; но на практикѣ вопросъ этотъ еще далеко не разрѣшился. Особеннаго вниманія заслуживаетъ гигіеническая сторона вопроса. Въ этомъ отношеніи статья д-ра Шмелева не лишена интереса. Указавши сначала на важность этого предмета и на необходимость поддерживать здоровье заключенныхъ, авторъ статьи обращаетъ вниманіе на смертность въ тюрьмахъ. Обращая вниманіе на причины смертности, д-ръ находитъ, что въ тюрьмахъ умираютъ больше всего отъ чахотки и отъ водянки, и что въ особенности замѣчательно,—что большая смертность бываетъ на второмъ году заключенія и зависитъ отъ вредныхъ вліяній тюрьмы. Переходя далѣе къ гигіеническимъ удобствамъ тюрьмы, авторъ находитъ, что мѣсто для постройки ея должно быть сухое, съ удобопроницаемой почвой, открытое, доступное воздуху и свѣту. Постройка тюремъ должна устранять всякаго рода сырость; самая форма зданія не должна быть четырехъугольная, потому что она не удовлетворяетъ гигіеническимъ условіямъ, но лучше подковообразная, или въ видѣ буквъ Т или Н. Окна и двери должны способствовать свободному и обильному прохожденію свѣта и воздуха; полъ лучше деревянный, выкрашенный масляною краскою. Такъ какъ испорченный воздухъ оказываетъ самое вредное вліяніе на здоровье, то по мнѣнію д-ра, должна быть устроиваема хорошая вентиляція черезъ отверстія у пола, у потолка, и другіе искуственные снаряды. Температура воздуха въ тюрьмахъ должна быть около 16° по Реом. (?). Желѣзныя и чугунныя печи вредны, потому что нагрѣваютъ воздухъ неравномѣрно и отдѣляютъ вредный для здоровья газъ; лучшія для топки печи изразцовыя. Освѣщеніе д-ръ предпочитаетъ газовое, съ отводными для испорченнаго воздуха трубками. Далѣе д-ръ, сказавши, что теорія устрашенія уже отжила свой вѣкъ, разбираетъ различныя системы заключенія—систему *абсолютнаго молчанія* и систему *классификаціи заключенныхъ* и др. Первая система состоитъ въ томъ, что заключенные на ночь запираются въ отдѣльныя кельи, днемъ же работаютъ вмѣстѣ подъ строжайшимъ соблюденіемъ постояннаго молчанія. Система классификаціи заключенныхъ, по которой заключенные дѣлятся на нѣсколько разрядовъ (тяжкіе преступники, рецидивисты *, исправляющіеся), оказалась несостоятельною, она можетъ быть употребляема какъ вспомогательное средство при другихъ системахъ, и то только проведенная въ самыхъ общихъ чертахъ,—для отдѣленія мужчинъ отъ женщинъ, взрослыхъ отъ несовершеннолѣтнихъ и пр. Система *одиночнаго* заключенія, основанная сначала на религіозномъ воззрѣніи, обратила на себя всеобщее вниманіе и признается одною изъ самыхъ лучшихъ въ томъ отношеніи, что представляетъ во всѣхъ странахъ наименьшій процентъ смертности,—хотя одиночное заключеніе, слишкомъ долго продолжающееся, приноситъ не пользу, а вредъ. *Ирландская* система имѣетъ цѣлію индивидуализировать наказаніе, т. е. при наказаніи его принимать во вниманіе личность заключеннаго, развивать силу характера и постепенно пріучать его къ свободѣ. По пригодности этой системы и по тѣмъ хорошимъ результатамъ, какіе дала эта система, слѣдуетъ обратить на нее побольше вниманія. По этой системѣ, преступникъ, присужденный къ тюрьмѣ не менѣе, чѣмъ на 3 года, подвергается сначала строгому одиночному заключенію, которое продолжается отъ 1 до 9 мѣсяцевъ. Затѣмъ наступаетъ періодъ обязательной общей работы, большею частію на открытомъ воздухѣ. Заключенные раздѣляются на 4 класса, по величинѣ заработной платы. Переходъ изъ одного класса въ другой обусловливается полученіемъ извѣстнаго количества марокъ, по системѣ Макончи. По истеченіи извѣстнаго времени, заключенный увольняется въ условный отпускъ, лишь только найдется лицо, желающее принять его къ себѣ. Рядъ цифръ, приведенныхъ авторомъ, показываетъ блестящіе результаты этой системы какъ относительно исправленія преступниковъ, такъ и въ отношеніи санитарномъ. Въ заключеніе всего, докторъ Шмелевъ сожалѣетъ о томъ, что ирландская система, какъ лучшая, донынѣ не получила такого широкаго примѣненія, какого она заслуживаетъ.

Что касается системы *одиночнаго* заключенія, то читатели «Нивы» вѣроятно не забыли весьма обстоятельнаго очерка подобныхъ исправительныхъ мѣръ, помѣщеннаго нами въ № 7 и 8 1871 года, вмѣстѣ съ планомъ тюремнаго зданія и изображеніемъ одиночной кельи. Въ этой статьѣ подробно разсмотрѣны всѣ выгоды, вытекающія отсюда, какъ для личности самого арестанта, такъ и для общества, которому заключенный необходимо возвращается по прошествія извѣстнаго срока, болѣе или менѣе долгаго, смотря по преуспѣванію арестанта на пути исправленія. Изъ статистики подобныхъ учрежденій въ Германіи—видно, что усилія ихъ для возвышенія нравственнаго уровня арестантовъ большею частію увѣнчиваются успѣхомъ.

*) Рецидивисты—лица, попавшіяся во второмъ или третьемъ преступленіи.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы" заблаговременно возобновлять подписку на вторые полгода, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27.

Дозволено цензурою 23 Іюня 1872 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большой Морской д. № 9. Типогр. Э. Д. Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.